

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

1874.

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

С ПЕТЕРБУРГЪ

П. П. МАРКСОМЪ

К. ВЕЙЕРМАНЪ

П. МАРКОВЪ

Большая Морская,
д. Росмана № 9.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 27 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 1-го іюля 1874 года.

Цѣна этого номера 40 коп. съ пересылкою 50 коп.

ПРИ ЭТОМЪ № «НИВЫ» ПРИЛОЖЕНЫ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ ЗА ІУЛЬ МѢСЯЦЪ СЪ 18 РИСУНКАМИ.

ТРЕТЬЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ
ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ” на 1874 годъ.

При этомъ номерѣ, для всѣхъ подписчиковъ «НИВЫ» на 1874 годъ, въ видѣ бесплатной преміи прилагается большая географическая

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ СЪ ПОКАЗАНИЕМЪ ВСѢХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ,

какъ существующихъ такъ и проектированныхъ, великолѣпно отпечатанная съ камня тремя красками, на толстой бумагѣ формата имперіаль.

Цѣна этой карты въ отдѣльной продажѣ будетъ 50 коп., съ пересылкой 60 коп.

Гг. подписчики «Нивы», желающіе приобрести еще одинъ или нѣсколько экземпляровъ этой карты, благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору редакціи, прилагая за каждый лишній (сверхъ преміи) экземпляръ 60 коп. почтовыми марками.

Условія подписки на журналъ «НИВА» 1874 г. помѣщены на послѣдней страницѣ этого номера.

Эмсъ

Это славящееся въ гигиеническомъ отношеніи мѣстечко герцогства Нассаускаго лежитъ на Ланѣ, въ узкой, замкнутой высокими скалами долинѣ, въ трехъ часахъ пути отъ Кобленца, на высотѣ 188 футовъ надъ уровнемъ моря, и состоитъ изъ селенія Эмсъ и водъ Эмсъ; послѣднія изобилуютъ теплыми минеральными источниками и принадлежатъ къ значительнѣйшимъ европейскимъ водамъ. Въ селеніи и на водахъ до 4000 жителей. Въ Эмсѣ находятся щелочно-земельныя термы, которые по мѣстоположенію своему, раздѣляются

Мѣстечко и минеральныя воды Эмсъ.

на: термы кургауза (Кессельбрунненъ 274—0° Р. температуры, Кренхенъ 26° тепла Р., оба источника преимущественно потребляются для питья; термы подъ кухней 37° Р., Вильгельмсбрунненъ 21° Р., Ваппенбрунненъ 24° Р., термы княжескихъ водъ 28—30° Р.; источникъ мальчишки (Vubensquelle) 38° тепла Р.; термы Кренхенскихъ водъ 24—30° Р.; источникъ у Ропделля 44° Р.; источникъ предъ серединой постройкой въ 38° Р.; источникъ въ каналѣ Лана въ 35°; источникъ у стѣны Лана 42° Р., источникъ въ погребѣ 23° Р.), на термы каменнаго дома, изъ которыхъ многія отъ 26—30° Р. употреб-

ляются для ванн и для питья, и на термы Арменбада отъ 27—30° употребляемая для питья и для душей. Вода свѣтла и прозрачна, нѣсколько отдастъ голубоватымъ цвѣтомъ; на вкусъ — болѣе теплыя источники прѣсны, щелочны, слабо солоноваты; менѣе теплыя не такъ безвкусны, пощипываютъ языкъ кислотой, слабо-щелочнаго запаха.

При долгомъ стояннн на дно бутылки отдѣляется коричневыи осадокъ, состоящн изъ извести и закиси желѣза. Химически изслѣдованы источники Кастиромъ, Тромсдорфомъ, Струве и другими, въ повѣйшее время Фрезеніусомъ. Наилучше дѣйствуютъ они въ болѣзняхъ слизистыхъ оболочекъ, останавливая усиленное отдѣленіе мокроты. Дѣйствіе ихъ распространяется также на почки, желѣзы, лимфатическую систему и кожу, при чемъ они разбиваютъ желѣзные опухоли и другія отверденія органовъ, нейтрализуютъ излишнюю кислоту и возбуждаютъ дѣятельность нервовъ. Поэтому они весьма полезны во всѣхъ болѣзняхъ репродукціи и ассимиляціи, именно въ ватаррахъ слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ органовъ, желудка и кишокъ, при преобладанн въ желудкѣ кислоты, геморрой, желудочныхъ судорогахъ, коликѣ, ожиренн печени, селезенки, въ хроническихъ болѣзняхъ, каковы: лишаи, нарывы, золотуха, истеріи, хроническія нервныя болѣзни,

застарѣлсе воспаленіе глазъ и слезоточивость. Вnbenquelle и открытый въ 1812 году по близости Mädchen (Zwilling's) quelle (источникъ дѣвочки, близнецы) сосншествуетъ плодовитости, но слѣдуетъ остерегаться злоупотребленія ими, такъ какъ они слишкомъ раздражаютъ нервную систему.

Полагаютъ, что Эмскія воды были извѣстны еще римлянамъ, такъ какъ здѣсь находятся монеты, остатки банъ (термовъ) и даже стѣна укрѣпленнаго замка. Въ среднихъ вѣкахъ Эмсъ назывался *Gandbesse*, *Эймсъ*, *Эмбсъ*, *Эйметцъ* и *Эмписъ*. Въ X вѣкѣ составлялъ особое владѣніе, потомъ отошелъ къ Кобленцкому монастырю, а въ 1172 году графы Нассаускіе были уже въ немъ фогтами. Въ 1355 году архіепископъ кельнскій Вильгельмъ отдалъ Эмсъ и его воды въ ленное владѣніе графу Нассаускому; въ 1382 году выстроена была впервые водолечебница. Впослѣдствіи Эмсъ дѣлила между собою Катценалленбогенъ и Нассау, а въ 1570 году ландграфъ Гессенскій и графъ Нассау-Дитцъ. Въ 1786 году происходилъ здѣсь Эмскій конгрессъ. Въ 1803 году Эмсъ окончательно достался герцогству Нассау, а въ 1822 раздѣлныя до тѣхъ поръ селеніе Эмсъ и Эмскія воды образовали одну общину.

НА ТРАВѢ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Вечерѣтъ. Эскадронный командиръ, задумчиво пуская струйки табачнаго дыма, сидитъ на ступенькахъ ветхаго крылечка, силошь обвитаго зарослью хмѣля, лавоя и дикаго винограда. Вотъ эскадронный Шарикъ прибѣжалъ, отчихиваясь отъ пыли и весело виляя своимъ кренделемъ. Это значитъ, что старшій вахмистръ идетъ. И дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ минуту появляется солидная фигура стараго Склярова.

— Кончили? освѣдомляется майоръ.

— Слава Богу, съ нонѣшнимъ урокомъ подобрался совѣтъ. Какъ прикажете назавтра?

И майоръ, все также задумчиво пуская колечки дыма, обстоятельно и неторопливо отдастъ приказаніе, чтобы назавтра, по расчету, половину людей съ шести часовъ утра послать въ луга, и начинать косить не съ того мѣста, которое ближе, а тамъ гдѣ трава больше выросла.

— Кириловъ въ сторожахъ былъ *), докладываетъ на это вахмистръ:—такъ онъ сказывалъ, быдто за Василѣвымъ перелазомъ трава очинно густая и вся въ соку стоитъ.

— Ну, съ Василѣва перелазы и начинать.

— Слушаю-съ.

Затѣмъ слѣдуетъ обычное приказаніе, что какъ только накосятъ первый возъ травы, тотчасъ же и везти ее на конюшню и задать лошадямъ, да только не валить въ ясли свѣжую траву на вчерашнюю, буде вчерашняя не выѣдена, а то переириѣтъ подъ свѣжею —и неровѣнъ часъ—лошади еще переболѣютъ, какъ обѣдятся прѣлы этой.

— Ты гляди, чтобы люди, каждый разъ какъ задаютъ свѣжую, непременно выбирали напередъ изъ ясель весь недоѣдокъ и разсыпали бы его на лужайкѣ для просушки впрокъ, въ сѣно.

— Слушаю-съ, ваше-ск-родіе! Ужь будьте безъ сумлѣнія.

— Да вотъ что... Завтра я на траву поѣду, такъ ты распорядись-ко тово... взять въ луга боченокъ водки и мясную порцію косарямъ.

— Безпремѣнно, ваше-ск-родіе!

— Люди не вернулись еще?

— Идутъ уже.

И точно: изъ глубины лѣса смутно доносятся тонкіе подголоски. Но вотъ они все ближе и ближе, такъ что можно уже различать и басы, и другіе голоса, гулко отдаваемые, какъ будто съ разныхъ концовъ, лѣснымъ эхомъ. Только словъ еще нельзя разобрать, но по мѣтнву знаешь, что это пѣсня про «очи мои, очи», которые «не дають спокою середь темной ночи».

То наши косари идутъ.

Вотъ они, наконецъ, уже въ виду Ильяновскаго фольварка, приближаются медленнымъ шагомъ; на плечахъ—вольно закинутыя косы, а на косахъ у нѣкоторыхъ торчатъ привязанные пучки пестрыхъ полевыхъ цвѣтвовъ. Впередн этой вольно-идущей гурьбы, манерно выступаютъ двое плясуновъ въ высокихъ зеленыхъ колпакахъ, сплетенныхъ въ минуту отдыха изъ разныхъ злачныхъ травъ, и въ рукахъ у нихъ пучки цвѣтвовъ, которыми они размахиваютъ и поводятъ, вмѣсто извѣстныхъ хоровыхъ «ложекъ». За плясунами, въ такомъ же точно колпакѣ, идетъ запѣвало и энергически машетъ въ тактъ кудрявою вѣтвью граба, вмѣсто «махалки». Подобныя же колпаки видны и на нѣкоторыхъ пѣвцахъ, а другіе украсили себя поверхъ фуражекъ вѣнками.

Сталь я засыпати—горе забывать—

Пришла ко мнѣ радость—моя дорогая,

Взошла на крылечко да брякъ во колечко!..

дружно и отчетливо выводитъ хоръ, подбодряемый энергическими жестами запѣвалы, задававшагося мыслью «потѣшить господъ».

Майоръ всталъ со ступенекъ и пошелъ навстрѣчу косарямъ.

— Спасибо, люди, за работу!

— Р-р-ради стараться, ваше-ско-родіе! вдругъ обрвавъ свою пѣсню, какъ одинъ человекъ, рывкнула толпа полуэскадрона.

Артельщикъ вынесъ косарямъ водки—ихъ дневную порцію. Я всегда замѣчалъ, что когда солдатъ подходитъ къ водкѣ, веселое лицо его принимаетъ вдругъ сосредоточенное, солидное выраженіе; онъ, терпѣливо дождавшнсь своей очереди, беретъ изъ рукъ предшествовавшего товарища «крышку», выпиваетъ ее съ необыкновенно серьезнымъ и отчасти даже суровымъ видомъ, и съ молчаливымъ поклономъ передаетъ слѣдующему. Это почти общая манера у нашихъ солдатъ, изъ

*) Т. е. былъ посланъ заранѣе сторожить траву.

которыхъ многие, коли не большая часть, прежде чѣмъ выпить, непременно наскоро и торопливо перекрестятся.

Пока косари пьютъ свою порцію, пѣсельники добровольно составляютъ «кругъ». Между ними появились уже и «ложки», и «тарелки», и бубень съ пестрою махалкой! Они тихо, вполголоса, сговариваются и совѣтуются промежъ себя, какую-бы пѣсней напередъ всего «потѣшить господь».

Но вотъ, послѣдній рекрутникъ, конфузясь, неловко какъ-то вынулъ свою «крышку». Всѣ люди примолкли, переглянулись между собою и вдругъ...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше-ско-родіе! веселыми и довольными голосами несется дружный крикъ изъ ихъ толпы, а затѣмъ сейчасъ же—

Солдатушки-ребятушки,
А гдѣ-жъ ваша тетка?—
Наша тетка—командѣрска водка,—
Вотъ гдѣ наша тетка!

Около получасу продолжается ибнѣе разныхъ, наиболѣе излюбленныхъ пѣсень. Офицеры всѣ сидятъ ца крылечкѣ, а тутъ-же рядомъ, на чистомъ воздухѣ, кипитъ самоваръ, и деньщики, звѣня ложечками, наливаютъ душистый чай въ стаканы.

Солнце садится, и въ тихомъ, вечернемъ воздухѣ вьются цѣлыя столбы лѣсной мошки, предвѣщая на завтра ясную и жаркую погоду. Лѣсъ начинаетъ кутаться въ тонкую, сизоватую дымку, а по верхушкамъ сосенъ еще скользятъ и искрятся лучи заката, обливая горячимъ краснымъ свѣтомъ, всегда и безъ того красноватые, сосновые стволы и сучья. Птицы замолкли, и только одинъ чернѣйшій дроздъ выводитъ еще время отъ времени свой мелодическій высвистъ гдѣ-то въ густыхъ вѣтвяхъ ближняго дерева,— да голенастые апеты, слетѣвшіе въ свои гнѣзда, на сонъ грядущій, топчущая въ нихъ, помахая крыльями и, высоко задравъ кверху красноносые головы, производятъ своими клювами какой-то странный, но нелишенный мелодичности звукъ, сначала медленный, раздѣльный, потомъ все ускоряющійся и, наконецъ, переходящій въ частую дробь, которая очень похожа на звукъ деревянной трещотки.

Но—чу!.. Рѣзко и громко раздается по лѣсу звукъ трубы, играющей людямъ «сборъ» на вечернюю кашницу.—И вотъ, идутъ они вольными группами—кто съ котелкомъ, кто съ миской, съ кувшиномъ или съ балейкой, и у каждого въ рукахъ своя деревянная ложка и своя порція хлѣба,—идутъ, мелькая межъ кустовъ бѣлыми кителями, которые, то тамъ, то здѣсь, вдругъ принимаютъ на мгновеніе розоватый тонъ, когда случайно ударитъ на нихъ косвенный лучъ, прокравшійся между стволами. Веселый и разнообразный говоръ сопровождаетъ эти группы. Кто-то рассказываетъ, жестикулируя руками, должно быть что-то очень смѣшное, потому что взрывы смѣха то и дѣло раздаются въ одной изъ удаляющихся кучекъ. Въ другой кучкѣ кто-то съ кѣмъ-то считается за какія-то провинности. Въ третьей—одинокій голосъ чувствительно выводитъ высокимъ фальцетомъ какую-то заунывную пѣсню, про то, какъ «собачка вѣрная, звѣрокъ, завоить у воротъ». Люди спускаются съ горы къ берегу озера, гдѣ выкопана въ почвѣ эскадронная кухня, прикрытая съ трехъ сторонъ навѣсомъ, устроеннымъ въ видѣ шалаша изъ еловыхъ вѣтвей, камыша и хвороста. Тѣдкій бѣлый дымокъ выбивается и струится изъ подъ этого навѣса, а вмѣстѣ съ его запахомъ въ тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ распространяется также и вкусный паръ отъ крупяной похлебки съ лучкомъ, съ картофелемъ и съ поджаренными «шкварками» изъ свиного сала.

Отдѣльными группами привольно раскидываются люди на зеленой лужайкѣ и начинаютъ свой ужинъ.

Рѣчи почти совсѣмъ утихаютъ—и слышится лишь одно смактованье. Не ѣдятъ только трое: кашеваръ, дежурный унтеръ-офицеръ да трубачъ;—они потомъ поужинаютъ себѣ на просторѣ, а теперь у каждого своя забота: кашеваръ, въ бѣломъ фартукѣ, то и дѣло мѣшаетъ горячую похлебку большимъ деревяннымъ уюловникомъ да подливаетъ охочимъ ѣдокамъ, которые подходятъ къ нему со своими посудинами, прося прибавки; унтеръ-офицеръ наблюдаетъ за тишиной и порядкомъ, а трубачъ, время отъ времени, наигрываетъ разные кавалерійскіе сигналы.

— Это какой сигналъ? наставительно, экзаменаторскимъ тономъ, спрашиваетъ старослуживый дядька у двухъ племяшей-рекрутниковъ.

— Это, дядинька, должно статься, «направо!» неувѣренно отвѣтствуетъ одинъ изъ нихъ.

— Гдѣ-жъ тебѣ «направо»? «Направо» будетъ вотъ эдакъ: «лѣвый шенкель приложи и направо поверни», вразумительно поддѣваетъ дядька:— вотъ тебѣ «направо!» А это—самъ слышишь—это во какъ: тамъ, тамъ, та-ти-тамъ! тамъ, тамъ, та-ти-тамъ!

— Это, дядинька, «елаяда», оскаливаясь широко улыбкой, замѣчаетъ другой рекрутникъ.

— Эва, куда хватилъ! епюяда—та совсѣмъ иначе!.. Амилѣв! возвышая голосъ, поворачивается онъ къ трубачу:—трескани-ко племяшу епюяду!—пуцай поучится!

Трубачъ играетъ епюяду.

— Вишь, она какъ! понимаешь? А это: тамъ, тамъ, та-ти-тамъ! это—наступление по полуэскадронно, послѣ чего атака въ разсыпку бываетъ на артилерію, аль на стрѣлковъ.

Трубачъ играетъ сигналъ «по-взводно налѣво кругомъ».

— А это что? знаешь?

— Знаемъ, дядинька, знаемъ! подхватываютъ въ разъ оба рекрута:—это, значить, «Антонъ козу веде, бисова коза нейде—иды-жъ!»

— Вѣрно! соглашается наставникъ:—эта Антонова коза, братцы, самый что ни есть лядащій сигналъ, потому онъ къ неприятели спиной поворачивать повѣлѣваетъ! И ты его не могъ любить!

— А коли начальство такъ укажетъ?

— Укажь это особъ статья! укажутъ, такъ сполняй, а самъ по себѣ ты все-жъ-таки любить его не могъ!

— А почему? наивно спрашиваетъ одинъ изъ племяшей.

— А потому что вашего брата нонѣ не бьютъ, такъ вы-и не знаете, что означаетъ спину подставлять. У тебя, къ примѣру сказать, гдѣ хрестъ-ать? на груди, аль на спинѣ болтается?

— Извѣстно, на груди, дядинька.

— Вотъ то-то-же и оно! И для того, что у тебя хрестъ на груди, ты и есть православный воинъ, философствуетъ дядька:—потому въ писаніи сказано есть: «симъ побѣдиши»—это означаетъ, что хрестомъ ты неприятели одолѣешь, а какъ хрестъ у тебя на груди, такъ значить и ломи на неприятеля грудью, а покажешь ему спину—онъ тебѣ ее пулями горячими и вспишетъ! Понимаешь?.. Потому-то вотъ, епюяду и вобще всякое наступленіе уважай, а Антонову козу не могъ любить!

Кавалерійскіе сигналы, къ которымъ слова были цѣлкомъ сочинены знаменитымъ кавалеристомъ, графомъ Дмитріемъ Ерофѣвичемъ Остенъ-Сакенымъ, солдаты у насъ заучиваютъ вообще довольно скоро,—чему способствуютъ съ одной стороны именно слова, обращающія сигналъ въ подобіе пословицы или пѣсни, а съ другой стороны—самая система обученія, коль скоро она ведется такимъ образомъ, что въ свободныя минуты, (какъ напримѣръ, во время обѣда или ужина) трубачъ постоянно наигрываетъ сигналы на трубѣ, а

Дріада (лісна нимфа) (См. стр. 428). Картина А. Но (Сот). Гравюра эта придбана нами по соглашенію съ единственными собственниками ея, Гушлемъ и Ко въ Парижѣ.

опытные солдаты, заставляя молодежь вслушиваться въ звуки, учатъ ее съ голоса словамъ и объясняютъ при этомъ значеніе каждаго сигнала. Такимъ образомъ, обученіе не имѣя, такъ-сказать, казеннаго, принудительнаго характера, идетъ какъ-бы само собою, исподволь, незамѣтно и — глядишь — рекрутъ, постукившій въ полкъ въ мартѣ мѣсяцѣ, къ весеннему кампаненту знаетъ уже аллюрные и поворотные сигналы, а къ осеннему сбору изученіе его простирается и до знанія всѣхъ вообще сигналовъ, которые необходимы собственно солдату. Но замѣчательно при этомъ, что большую часть сигнальных словъ солдаты переняли совсѣмъ по своему, какъ наиримѣръ, эту же самую «Антонову козу» и многіе другіе, гдѣ данъ у нихъ полный просторъ своеобразному и не всегда скромному юмору. Эти послѣдніе сигналы заучиваются еще скорѣе и охотнѣе.

— Смирно!.. раздается вдругъ команда дежурнаго унтеръ-офицера, который, закрѣпивъ въ кустахъ подходящаго къ кухнѣ эскадроннаго командира, слѣшнѣ къ нему съ форменнымъ рапортомъ, что къ ужину, моль, имѣется такая-то похлебка на столько-то порцій, при чемъ употреблено крупы столько-то фунтовъ, масла столько-то и проч. Дежурный обязанъ знать это съ самою полною точностію, такъ какъ выдача и приемъ изъ кладовой всѣхъ вообще припасовъ и кладка ихъ въ котель производятся не иначе какъ въ его присутствіи, дабы не могло быть никакой потаенной сдѣлки между кашеваромъ и артельщиками.

При этомъ громогласномъ «смирно!» солдаты мгновенно оставили ложки и повскакивали съ мѣстъ, тотчасъ-же вытянувшись въ струнку.

— Сидите, ребята, сидите!.. Не вскакивать!.. Ышите себѣ съ Богомъ! хлѣбъ да соль вамъ! еще издали предупреждаетъ ихъ, махая рукою, эскадронный командиръ, при чемъ, вслѣдствіе его словъ, солдатскія группы опять принимаютъ прежнее свободное положеніе, и работа челюстей начинается снова. Майоръ подходитъ къ кухнѣ, чтобы заглянуть въ котель, приказываетъ кашевару зачерпнуть себѣ уполовникомъ солдатской похлебки и, остужая губами, осторожно пробуетъ съ деревянной ложки вкусное и сильно горячее варево.

Но вотъ ужинъ конченъ. Эскадронъ собирается здѣсь-же, на лужайкѣ, въ одну тѣсную толпу, обращается лицомъ къ востоку и — по знаку залѣвалы — молитвенные звуки «Отче нашъ», исторгаемые болѣе чѣмъ изъ сотни сильныхъ, здоровыхъ грудей, стройно несутся вдоль по широкой глади засыпающаго озера.

Четверть часа спустя, эскадронъ уже утомился, и въ глубокой тишинѣ, когда подойдешь случайно къ сараю, слышно, какъ жуютъ и хрустятъ зубами кони и какъ въ одномъ уголѣ какой нибудь красной вполголоса рассказываетъ сказку засыпающимъ товарищамъ. На «господской» кухнѣ деньщикъ выбиваетъ дробь поварскими ножами, готова битки на ужинъ. Въ освѣщенныхъ комнатахъ, сквозь растворенныя настѣжи окна, слышны звуки цитры и разговоръ офицеровъ, а въ прибрежныхъ кустахъ соловьи перекликаются своими яркими пѣснями...

Тишь — глубокая, невозмутимая тишь на землѣ и на небѣ; теплый и мягкій воздухъ полонъ вѣшною влагою и пахнетъ жасминомъ, тополью и сосною, а въ то же время отдаетъ слегка и сыростью воды, когда чуть замѣтное дуновеніе мягкаго вѣтерка потянетъ съ озера къ лѣсу. Темная, но ясная ночь воцаряется надъ лѣсною пустыней.

ГЛАВА III.

Велля Гершуна.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, къ крыльцу подводятъ засѣдланыхъ лошадей. Закуривъ сигары, мы цѣлою компаніей отправляемся въ луга, на траву, куда

косцы очереднаго полуэскадрона ушли еще въ шесть часовъ, чтобы воспользоваться для работы временемъ, пока солнце не такъ сильно припекаетъ. Офицерскія собаки являются добровольными и неизмѣнными спутниками этихъ прогулокъ. Онѣ уже по этимъ конямъ, подведеннымъ къ крыльцу, какъ-бы догадываются, чуютъ и понимаютъ, что предстоитъ прогулка, и потому прыгаютъ вокругъ нихъ съ веселымъ визгомъ и лаемъ, пытливо и ласково засматривая въ глаза и людямъ, и конямъ.

Поѣхали. Выбрались изъ лѣсу; ѣдемъ по узкой межѣ, мимо зеленѣющаго овса, который является теперь великимъ соблазномъ для лошадей: такъ ихъ и тянетъ все нагнуть шею да зацѣпить зубами вкусный зеленый пучекъ этого лошадинаго лакомства! И какъ имъ, должно быть, завидно теперь глядѣть на этихъ собакъ, которыя рыщутъ себѣ по полю гдѣ сами хотѣть, то и дѣло швыряясь въ стороны, швыряютъ въ овецъ, исчезая на минуту въ его зелени и снова мелькая на солнцѣ своею бѣлою волнистою шерстью съ коричневыми пятнами. — Это не то, что чинно и смирно идти на мундштукъ, чувствуя на своей спинѣ всадника и покоряясь его волѣ, тогда какъ зеленныя метелки овса такъ и манятъ къ себѣ, словно-бы сами направляются на зубы; а глупыя собаки и не догадываются, что здѣсь можно бы досталъ налакомиться!.. Вотъ и луга. Стаи мелкихъ мотыльковъ и мушекъ, кобылки и коромысла вьются и рѣютъ надъ высокою травой, которая роскошно изумрудною зарослью покрыла болотистую низину. Верстахъ въ двухъ впереди видна дубовая роща, гдѣ торчатъ, между прочимъ, нѣсколько старыхъ деревьевъ, въ разное время опаленныхъ молніей. Не знаю ужъ почему, только громовые удары, по примѣтамъ мѣстныхъ старожилковъ, разражаются преимущественно надъ этою рощей. Вонъ, тамъ, неподалеку отъ нея видны ряды нашихъ косцовъ. Освѣщенные солнцемъ, они пестрѣютъ издали на зеленомъ фонѣ луга своими яркими рубахами, гдѣ перемѣшались цвѣта: розовый и голубой, красный, бѣлый и желтый. Подъѣзжаемъ совсѣмъ уже близко, такъ что явственно слышенъ мѣрный шуршащій звукъ лезвій нѣсколькихъ десятковъ косъ, подъ размахомъ которыхъ трава ложится волнообразными рядами. Косари правильно цѣпью подвигаются плавно впередъ — размахъ руки усерденъ и вѣренъ — работа кипитъ у нихъ, и обезпкоенныя лягушки, то и дѣло, въ смаченьи прыгаютъ изъ-подъ ногъ. Волосы на вискахъ у людей товсѣмъ уже смокли отъ обильнаго пота, а желѣзо косъ межъ-гѣмъ искрами сверкаетъ на солнцѣ, и лица у всѣхъ косарей бодрья и веселія — потому каждому извѣстно, что майоръ еще съ вечера приказалъ вахмистру захватить въ луга по порціи холоднаго мяса на человѣка да боченокъ водки.

Скляровъ, завидя «господъ», еще издали идетъ къ намъ навстрѣчу съ многодольною, тихою улыбкой, задумчиво и машинально погрызвая и троща въ зубахъ длинный стебелекъ какого-то полеваго злака. Но Шарикъ, никогда и ни гдѣ не отстающій отъ своихъ, уже далеко опередилъ его, успѣвъ повстрѣчаться и по обыкновенію снюхаться съ нашими сетерами. Ласково играя, грызаясь и борясь съ ними лапами, онъ какъ-бы чувствуетъ, что здѣсь онъ въ нѣкоторомъ родѣ хозяинъ, къ которому пожаловали гости-пріятели и бодро въ припрыжку бѣжитъ къ намъ навстрѣчу со всей своей песьей компаніей, на много превосходящей его и ростомъ, и силою, что не мѣшаетъ имъ, однако жить между собою въ отличнѣйшей дружбѣ.

Подъ самой рощей стоитъ возъ и пасется пара стреноженныхъ артельныхъ лошадей, которыя вскорѣ повезутъ копну травы въ эскадронныя конюшни. Тутъ же, рядомъ, подъ тѣнью развѣсистаго дуба, солдаты успѣли уже смастерить изъ валежника шалашикъ и

покрыли его соломой да вѣтвями. Какъ хорошо теперь полежать на свѣжей душистой травѣ подъ его сѣнью! Въ шалашѣ поставлено ведро съ холодною водою изъ криницы, чтобы незачѣмъ было косцамъ далеко ходить, когда захочется промочить пересохшее горло, — и тутъ же въ уголкѣ выглядываетъ изъ-подъ накиданной травы боченокъ, спиртуозный запахъ котораго ясно даетъ знать о томъ, чтó въ немъ заключается. Передъ шалашикомъ дымится маленькій костерокъ и на немъ въ котелкѣ что-то варится.

— А я, какъ значить въ ожиданіи, что ваше высокоблагородіе съ господами изволите приѣхать, докладываетъ майору Скларовъ: — такъ собственно по той причинѣ самоварчикъ наставилъ, потому, думаю, можетъ, чаю угодно будетъ выпить; и вотъ тоже ребята купаться въ рѣчку бѣгали, такъ раковъ наловили для господъ, — варятся вонъ въ котелкѣ, скоро готовы будутъ, — можетъ, закусить пожелаете? — У меня про запасъ, значить, все захвачено съ собою!

Спасибо старому Скларову! его предупредительная заботливость устроила для насъ нѣчто въ родѣ табораго пикника, совершенно скромнаго, но — благодаря своеобразной обстановкѣ — очень пріятнаго. Это, между прочимъ, одно изъ проявленій тѣхъ простыхъ, довѣрчивыхъ, душевныхъ и такъ-сказать, родственно-добрыхъ отношеній, которыя, безъ малѣйшаго ущерба дисциплинѣ и субординаціи, благодаря Богу, существуютъ еще въ русской арміи между солдатомъ и «своимъ» офицеромъ.

Майоръ осмотрѣлъ траву, освѣдомился много-ли выкошено, сдѣлалъ нѣсколько соответственныхъ распоряженій и приказалъ людямъ на полтора часа зашабапить. Это время, т. е. около полудня, дается имъ на закуску и отдыхъ. Послѣдовала обычная процедура съ командирскою водкой, и затѣмъ солдаты разлеглись себѣ въ тѣни подъ деревьями.

— Только, гляди, не ложись на брюхи, ребята, а то холера скрючитъ! внушительно предостерегъ ихъ при этомъ вахмистръ.

Мы между тѣмъ отлично позавтракали вкусными раками, въ-волю напился чаю и въ-волю отдохнули въ шалашикѣ. Два часа прошли незамѣтно. Люди, поднятые съ отдыха вахмистромъ, уже давно принялись за свою работу, когда мы нехотя разетались, наконецъ,

съ гостепріимною сѣнью шалаша, гдѣ такъ пріятно лежалось и дремалось на душистой травѣ, замѣнявшей намъ тюфяки и диваны, и гдѣ можно было при томъ лежать въ тѣни, тогда какъ палашее солнце обливало землю потоками горячаго свѣта. Но, во всемъ послѣдовательный и всегда систематическій, хотя и коренной русской человѣкъ, нашъ майоръ объявилъ намъ, что время ѣхать, потому дома обѣдъ ждетъ, — а майоръ, въ силу своего стародавняго обычая, не любилъ манкировать положеннымъ часомъ своего обѣда. Въ силу того же стараго (но нынѣ уже исчезающаго) обычая, который еще лѣтъ пятнадцать назадъ былъ общимъ обычаемъ въ русской кавалеріи, — офицеры и юнкера «своего» эскадрона, во время травы и на зимнихъ квартирахъ, всегда пользовались у майора открытымъ столомъ. Въ этомъ отношеніи нашъ добрый и простой майоръ былъ совсѣмъ командиръ стараго закала. И Боже сохрани, если бы въ то время, когда самъ онъ жилъ при эскадронѣ, какой-либо изъ его офицеровъ вздумалъ готовить для себя отдѣльный столъ на свои собственные средства! Майоръ, конечно, не сказалъ бы ему ни слова, но почелъ бы себя глубоко и безпричинно обиженнымъ таковымъ поступкомъ. Однажды, его офицеры, зная очень хорошо, что онъ человѣкъ далеко не богатый, вздумали было со всевозможною деликатностью предложить ему каждый за себя условленную мѣсячную плату за столъ. Майоръ жестоко оскорбился этимъ предложеніемъ.

— Чортъ возьми! весь вспыхнувъ, вскричалъ онъ голосомъ исполненнымъ обиды и негодованія: — я, кажется, ничѣмъ не подалъ вамъ, господа, повода оскорблять меня подобнымъ образомъ! Я для васъ эскадронный командиръ, а не трактирщикъ! Я самъ былъ субалтерномъ и самъ всегда ѣлъ у своего командира... Это обычай! — святой обычай!... И вы, когда будете эскадронными, вы его не преступите, если вы порядочные люди!.. Минута этой вспышки долго была памятна всѣмъ офицерамъ. Понятно послѣ этого, что уважая и цѣня въ своемъ майорѣ его честный, патриархальный нравъ и обычай, мы, конечно, подчинялись ему безпрекословно, а потому и теперь послѣшили сѣсть на коней, когда онъ напомнилъ намъ, что дома обѣдъ ожидаетъ.

(Продолженіе будетъ).

Прелестный букетъ.

Рассказъ В. Щиглева.

Ровно въ девять часовъ утра проснулся Андрей Степановичъ Недопыкинъ. Проснувшись, онъ улыбнулся, дрыгнувъ обѣими ногами и вообще ощутилъ необыкновенную легкость во всемъ тѣлѣ. Однимъ энергическимъ жестомъ правой руки сбросилъ онъ пушистое байковое одѣяло, вскочилъ и попалъ сразу въ туфли.

— «Эхъ, была не была!» воскликнулъ господинъ Недопыкинъ.

Очевидно было, что Андрей Степановичъ рѣшился на какой-то подвигъ: впрочемъ, это вѣдь не секретъ: онъ возмѣлялъ твердое намѣреніе отправиться сегодня вечеромъ въ домъ господина...

Но, позвольте! Вы вѣдь совершенно еще не знакомы съ господиномъ Недопыкинымъ, даже не знаете, каковъ онъ изъ себя.

Андрей Степановичъ весьма приличный мужчина; лѣтъ ему тридцать два — тридцать три. Если вы видѣли когда нибудь помощника столоначальника, отправляющагося на службу, выбритаго до бархатости подбородка, въ новенькомъ вицмундирѣ, съ бѣлоснѣжными воротничками, то это вы и видѣли именно Андрея Степановича Недопыкина. Образование получилъ онъ далеко не блестящее, ибо окончилъ курсъ наукъ

въ пятомъ классѣ гимназіи и, по протекціи дяди, поступилъ писцомъ въ его канцелярію. Тогда ему было около восемнадцати лѣтъ. Двѣ трети изъ скуднаго запаса знанія, почерпнутаго имъ въ гимназіи, онъ уже растерялъ, карабкаясь по чиновной лѣстницѣ. Когда господинъ Недопыкинъ докарабкался до стула помощника столоначальника, то въ головѣ его только и осталось одно смутное воспоминаніе о Всеобщей Исторіи, географіи и алгебрѣ. Изъ исторіи онъ помнилъ, что Римъ палъ отъ развращенности нравовъ, что Клеопатра была бабенка «мое почтеніе», а греки въ старину любили разныя игры и зрѣлища. Изъ географіи онъ почему-то никакъ не могъ позабыть, что гдѣ-то въ Америкѣ есть гора «Попокатепетль». Идя на службу, онъ даже иногда напѣввалъ это слово. Желая какъ-то разъ блеснуть познаніями передъ своей квартирною хозяйкой, тумбообразной шѣщанкой — вдовой, онъ и ей сообщилъ, что въ Америкѣ есть громадная гора, называемая «Попокатепетль». Хозяйка вздохнула, пробовала повторить это слово, но не могла и плюнула, проговоривъ: «Экіе, право, лѣшіе!» Андрей Степановичъ курилъ папироски, которыя самъ и дѣлалъ, т. е. покупалъ гильзы и набивалъ ихъ табакомъ. Коробка, въ которой постоянно лежали готовые папиросы, носила названіе «Попокатепетль». Какъ и всѣ

люди, герой нашъ былъ не безъ слабостей: во-первыхъ, особенно любилъ онъ сапоги хорошо сшитые и блестящія, на большихъ каблукахъ (господинъ Недопыкинъ былъ небольшого роста). Онъ даже разговаривалъ съ ними. «Ну, что ты—а?» говорилъ онъ, напримѣръ, разсматривая правый сапогъ:—«служить, канашка, кажется, хочешь отказаться?... И гдѣ ты это себя парашуль, бестія? Ну, что хорошаго, самъ посуди, если придется кругленькую эдакую заплатку положить? Эхъ, братъ! Лѣвый лучше ведетъ себя!»... Вторая слабость заключалась въ томъ, что Андрей Степановичъ, какъ человѣкъ холостой, иногда вечеркомъ, наединѣ съ самимъ собою, раскрывалъ объятія Музѣ, т. е., по просту сказать, писалъ разными разнѣрами, съ рифмами гдѣ слѣдуетъ, прозу, полагая, что пишетъ стихи, преисполненные поэзіей. Такъ какъ господинъ Недопыкинъ былъ человѣкъ чрезвычайно аккуратный, то всѣ свои стишки записывалъ въ особую толстенную книжечку въ прелестно-голубомъ переплетѣ. На главномъ листкѣ кудряватыми буквами было изложено: «Цвѣты досуга», затѣмъ нѣсколько пониже «А. С. Недопыкина» и еще ниже — «Санктъ-Петербургъ», годъ, мѣсяцъ и число.

Такъ и быть, приведемъ для образчика одинъ изъ такихъ «Цвѣтковъ досуга»:

«Опять любовь! Опять приливъ
Забитыхъ мыслей, грезъ летучихъ,
Страстей губительныхъ, кипучихъ...
Эгоистическій порывъ!
И ядъ сомнѣнья, ядъ ужасный!
О, милый другъ, о, другъ прекрасный,
Зачѣмъ будить во мнѣ любовь
Съ ея тоской и болью вновь?»...

Андрей Степановичъ уже четыре раза любилъ на своемъ вѣку и, разумѣется, безнадежно, а потому и считалъ себя вправѣ, влюбившись въ пятый разъ, воскликнуть: «Зачѣмъ будить во мнѣ любовь съ ея тоской и болью вновь?».

Да, онъ опять любилъ! Но на этотъ разъ удачнѣе былъ для него «эгоистическій порывъ», и мы видѣли, въ какомъ даже игриво-веселомъ настроеніи духа проснулся сегодня Андрей Степановичъ. Дѣло въ томъ, что онъ порѣшилъ вечеромъ отправиться въ домъ господина Балыкова, Петра Петровича, увидѣть непрежѣнно прелестную Ольгу Петровну, дочь Петра Петровича, и—рѣшить свою судьбу.

Онъ, около полугода, наблюдалъ Ольгу Петровну, подмѣчалъ ея взгляды, улыбку, тонъ голоса и — о, радость! за послѣдніе два мѣсяца убѣдился, что она къ нему... неравнодушна!... И что всего удивительнѣе, прелестная дѣвушка при отцѣ своемъ какъ-то особенно любезничала съ нимъ, но, оставаясь иногда tête a tête съ Андреемъ Степановичемъ, просто даже грубила ему и вообще казалась раздражительною, злою. Господинъ Недопыкинъ объяснилъ себѣ это явленіе такъ: «Она играетъ со мной, кокетничаетъ... шалитъ; ну, а при отцѣ-то это ей неловко, вотъ она поневолѣ и любезничаетъ тогда со мной!.. О, хитрой Еввы дочь!»...

— Петръ Петровичъ, какъ видно, не прочь назвать меня своимъ зятемъ. Онъ со мной всегда ласковъ, самъ всегда наливаетъ мнѣ за ужинкомъ рабиновки «своей работы» и, вообще, благоволитъ ко мнѣ.... Да!.... Что-жь, вѣдь онъ видитъ: я не что нибудь, а все-таки помощникъ столоначальника, ну, и кавалеръ ордена Станислава!...

Такъ размышлялъ Андрей Степановичъ и посматривалъ, не безъ удовольствія, на себя и на свои удивительно-вычищенные сапоги.

Умывшись, напившись чаю и одѣвшись, онъ отправился на службу. Дорогой опять разговаривалъ самъ съ собой.

— Гм! Съ кѣмъ же прежде объясниться: съ папенькой или съ дочкой? Оно, конечно, съ отцомъ слѣдуетъ прежде, но это... это ужъ очень по казенному, да кому-же она дѣвица, чортъ возьми, современная! Собственными глазами видѣлъ въ рукахъ у нея книжку «За и противъ женщинъ»... Гм! Пожалуй еще обидится, ежели я да помяну ея.... И такъ, объяснюсь съ ней! Шабашъ!...

Слово «шабашъ» господинъ Недопыкинъ такъ громко произнесъ, что извозчикъ подбѣжалъ къ нему и спросилъ: «Куда

прикажете?» Андрей Степановичъ рассердился и сказалъ: «Къ чорту!» Извозчикъ тоже рассердился, но послалъ его уже не къ чорту... куда именно—герой нашъ не слыхалъ, потому что отошелъ уже довольно далеко отъ извозчика. И хорошо сдѣлалъ.

— И такъ, объяснюсь съ ней, продолжалъ Андрей Степановичъ,—но.... какъ? По какому именно способу?...

Припомнилъ отъ тутъ два-три романа, но любовныя объясненія въ этихъ романахъ какъ-то не нравились ему, не совсѣмъ подходили къ данному случаю: одно, напримѣръ, происходило при лунѣ, около пруда, другое — на балѣ, за мазуркой...

— Нѣтъ, это все не то, да и неловко какъ-то такъ.... ни съ того, ни съ сего изъясняться въ любви...

Крѣпко задумался господинъ Недопыкинъ и очнулся только тогда, когда одинъ изъ младшихъ чиновниковъ обратился къ нему съ вопросомъ относительно потери отношенія за № 12573.

— Господи! чуть не въ слухъ проговорилъ Андрей Степановичъ и даже оглянулся.—Ужъ я на службѣ! за своимъ столомъ даже сижу!... Вотъ не замѣтилъ-то, какъ вошелъ въ швейцарскую, какъ снялъ пальто, поднялся по лѣстницѣ и сѣлъ на свое мѣсто... Удивительно! ноги-то свое дѣло сдѣлали и безъ меня!... Что вамъ? обратился онъ полу-сердито къ чиновнику, который смотрѣлъ на помощника столоначальника съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Чиновникъ повторилъ свой вопросъ.

— Ищите! У меня этого отношенія нѣтъ, да и некогда мнѣ тутъ съ вами!.. У всякаго свое дѣло.

Господинъ Недопыкинъ «махнулъ рукой нетерпѣливо» и молодой канцеляристъ «склонившись» отошелъ отъ стола.

Андрей Степановичъ обмакнулъ перо, черкнулъ имъ два на бумагѣ «Недопыкинъ», потомъ вывелъ очень красиво «Ольга» и оцѣпенѣлъ, уставивъ глаза на уголь шкафа съ дѣлами. Канцеляристъ изподтишка не переставалъ наблюдать за нимъ, но, наконецъ, бросилъ это занятіе.

За три минуты до появленія столоначальника, Андрей Степановичъ произнесъ довольно громко: «Нашелъ!»

Канцеляристъ, грустя о потери отношенія за № 12573, встрепенулся, вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ г. Недопыкину.

— Такъ позвольте-съ! Я такъ и думалъ, что оно у васъ, Андрей Степановичъ...

— Что-о?..

— Отношеніе за... вы изволили найти... которое...

Г. Недопыкинъ вытаращилъ глаза.

— Вамъ по-русски говорятъ, а? Вѣдь ужъ я вамъ сказалъ? Ступайте!

Дѣйствительно, никакого отношенія за № 12573 Андрей Степановичъ не находилъ, и, если крикнулъ «нашелъ!», то это относилось къ счастливейшей мысли, которую онъ только что уловилъ.

— Да, именно такъ! куплю букетъ — ну, рубля три-четыре куда ни шло! и въ букетъ-то этоть.... хе, хе, хе!... записочку! Вотъ вѣдь и передъ началомъ фейерверка всегда прежде пускаютъ ракету.... Она увидитъ, прочтетъ и.... и затѣмъ послѣдуетъ объясненіе.

Господинъ Недопыкинъ обгегчилъ себя глубокимъ вздохомъ и вслѣдъ за этимъ положилъ передъ собой казенный бланкъ.

— Сейчасъ-же и составлю. Надо, чтобъ и коротко вышло и сильно, проговорилъ онъ про себя и обмакнулъ перо. Около получаса сочинялъ онъ, жаралъ, передѣлывалъ и, наконецъ, составивъ окончательно на-черно «записочку», прочелъ про себя слѣдующее:

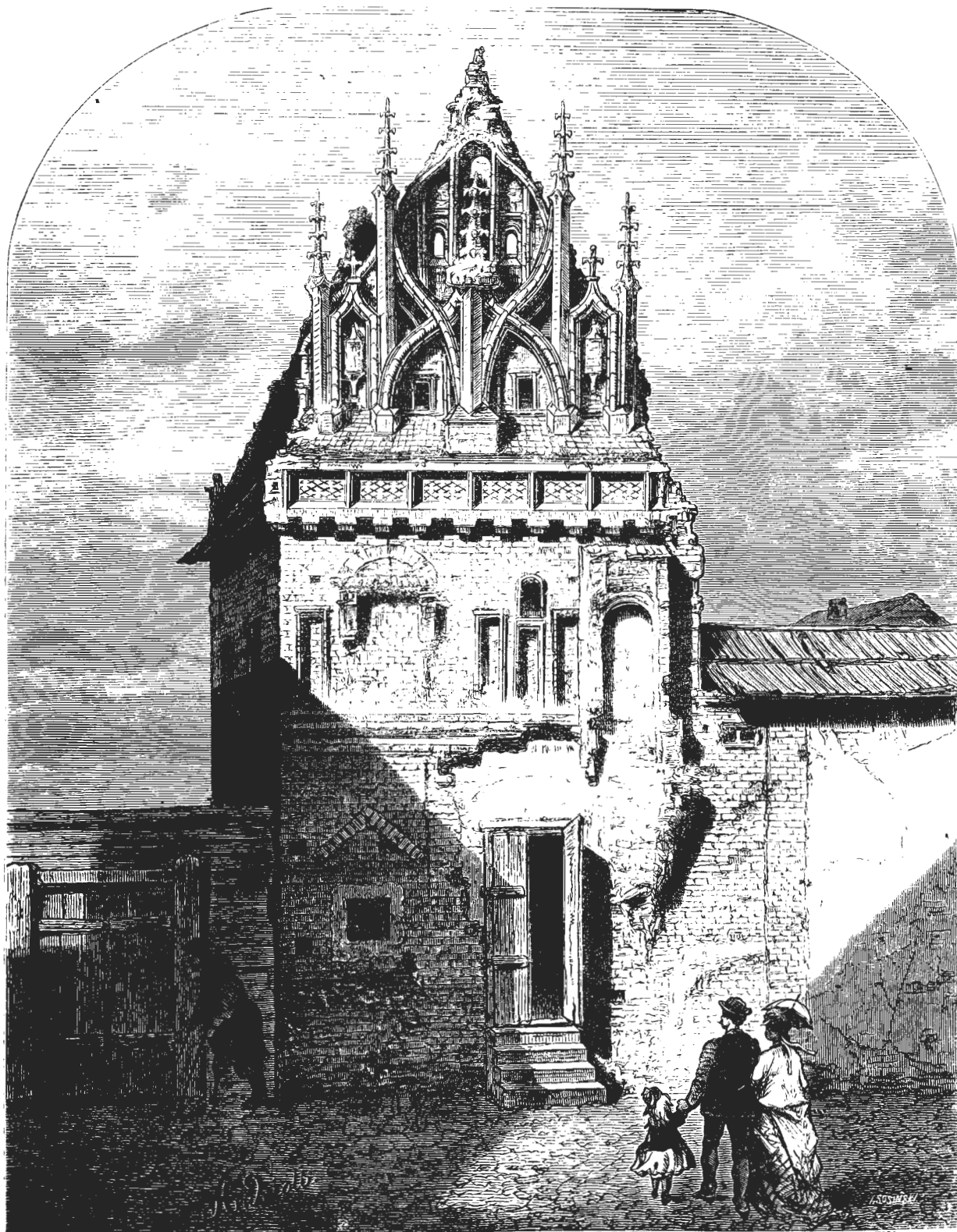
«Я васъ люблю! Принявши сей букетъ,
Отвѣйте просто: да иль нѣтъ?»...

Изготовивъ такое «сильное» двустипіе, Андрей Степановичъ положилъ его въ ящикъ стола и занялся уже «настоящими» дѣлами. Въ концѣ «присутствія» онъ досталъ великолѣпный почтовый листокъ, отдѣлилъ отъ него половинку, потомъ отъ этой половинки взялъ опять-таки половинку и уже на ней красными чернилами красиво написалъ

двѣ вышеупомянутыя строчки. Почему онъ написалъ ихъ именно красными чернилами — неизвѣстно; но надо думать, что Андрей Степановичъ подъ красными чернилами подразумевалъ свою кровь, какъ будто-бы стальное перо онъ об-

Тоже — гадко: будто лакей какойнибудь... По-французски развѣ? Да какъ по-французски Андрей?... Андрэ?... Должно быть такъ. Обратное с на концѣ.

(ложивъ записочку, господинъ Недопыкинъ положилъ ее

Зданіе называемое храмомъ Перкуна въ Ковно. Рис. Андриоли, грав. Сосинскій.

макнулъ не въ чернильницу, а въ собственное свое влюбленное, горячее сердце.

Полюбовавшись двустипіемъ, онъ призадумался.

— Подписать или не подписаться?... Если черкнуть «Недопыкинъ»... гм! чортъ знаетъ, какъ скверно звучить! А безъ подписи какъ-то нельзя.... Одно имя — Андрей?...

въ правый карманъ жилетки (въ лѣвомъ поконились часы) и отправился домой успокоивать желудокъ.

* *

— Ну, будетъ лежать! воскликнулъ Андрей Степановичъ, взглянувъ на стѣнные часы: — половина шестаго—пора снарядиться. Послѣобѣденная тяжесть исчезла!...

Господинъ Недопыкинъ вскочилъ съ кушетки и, слегка подпрыгивая, направился къ дверямъ, которыя вели въ коридоръ. Отворивъ дверь, онъ крикнулъ:

— Марья Васильевна!

— Я за нее, отвѣтилъ откуда-то голосъ хозяйки.

— Скажите, пожалуйста, Степанидѣ, чтобъ она принесла теплой воды въ рукомойникъ. Есть теплая вода?

— Какъ не быть! Сейчасъ. Степанида!

— Хе! произнесъ Андрей Степановичъ:—пріятно, чортъ возьми, изъ простаго вторника сдѣлать рѣшительный вторникъ, вотъ какъ я сегодня сдѣлалъ!

Тутъ онъ опять слегка подпрыгнулъ, причеъ лѣвая туфля вперхнула съ лѣвой ноги и отлетѣла аршина на два отъ него. Андрей Степановичъ на одной правой ногѣ поскакалъ за туфлей.

— Вишь ты какъ—ловко! раздалось въ дверяхъ.

Господинъ Недопыкинъ, остановившись надъ туфлей, обернулся съ недовольнымъ видомъ и произнесъ сердито, обратившись къ Степанидѣ:

— Принесла? Ну, наливай въ рукомойникъ!

Степанида нашла и затѣмъ подошла къ тому мѣсту, гдѣ стояли сапоги покрытые старой простыней.

— Какіе чистить-то брать? спросила она.

— Новые, отвѣтилъ Андрей Степановичъ и подошелъ къ умывальнику.

— Это тоненькіе-то?

— Ну-да, тоненькіе. Хорошенько вычищи—смотри!

— Завсегда хорошо чищу.

— Завсегда! Нѣтъ, ты вотъ любишь воды много лить, оттого мѣстами блеститъ, а мѣстами—тускляя пятна.

— Это ужъ кожа такая-съ, а я густо завсегда...

— Ну, не разговаривай, а иди и—чище!

— Зачѣмъ воды много лить? Это вы напрасно...

— Кожа такая! много ты понимаешь въ кожѣ!..

— Я воды самую чуточку...

— Ну, ступай, ступай!

Степанида вышла, захвативъ съ собой тоненькіе сапоги.

Умывшись, Андрей Степановичъ занялся вставленіемъ заповокъ въ чистую рубашку. Покончивъ съ этимъ, онъ о чемъ-то задумался и вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ-да! все-ли я купилъ, что записалъ сегодня утромъ? Да—нѣтъ! Совершенно забылъ объ этомъ!...

Снявъ со стула черную суконную жилетку, онъ вынулъ изъ праваго карманка двѣ сложенные бумажки, развернулъ ихъ, посмотрѣлъ и снова сложилъ. Одну бумажку положилъ на столъ, другую—въ жилеточный карманъ.

— Чортъ возьми! Да я и въ лавку не заходилъ... Совсѣмъ изъ памяти вонъ... Это седце мое торопилось! О, ты сердце!... Впрочемъ, одеколону-то еще есть немножко, ну а остальное не къ спѣху—куплю завтра.

Черезъ полчаса Андрей Степановичъ былъ почти уже готовъ. Прелестныя сѣрыя брюки какъ-то особенно пріятно сидѣли на ногахъ его; бархатная синяя жилетка накрыла уже туго-накрахмаленную грудь рубашки... Господинъ Недопыкинъ возился теперь съ золотой часовой цѣпочкой, стоя передъ зеркаломъ... Все какъ-то не то выходило... не красиво! То цѣпочка слишкомъ ужъ низко висѣла, то опять высоко... золотой крючекъ цѣпочки совершилъ путешествие по всему борту жилетки и, наконецъ, отправясь снова путешествовать по той же дорогѣ, остановился на половинѣ пути и... вдругъ...

— Нѣтъ, это не годится! Сѣрыя брюки, синяя жилетка, коричневая визитка... Пестро! наконецъ, вѣдь я ѣду не просто на вечеръ... Дѣло серьезное... объясненія... Надо посолиднѣе! Весь въ черномъ... Да! впрочемъ, брюки—ничего, они темно-сѣрыя. Можно и въ нихъ...

Все это Андрей Степановичъ проговорилъ торопливо, снимая жилетку и облекаясь въ черную.

— Ай, ай, ужъ скоро семь! Да пробѣдешь туда, пожалуй, около часа... Поживѣй, Андриша! Еще за букетомъ заѣхать надо...

Черезъ пять минутъ на улицѣ раздался голосъ господина Недопыкина:

— Извощикъ! Въ Надеждинскую!

* * *

Въ уютной голубенькой комнаткѣ, въ которой стояла кроватка съ кисейными занавѣсками, а въ воздухѣ пахло слегка тонкими духами, у столика сидѣла стройная свѣженькая брюнетка, лѣтъ девятнадцати. Она была въ сѣромъ шерстяномъ платьѣ съ отдѣлкой изъ пунцовыхъ атласныхъ лентъ. Волосы у нея были острижены, но не коротко, такъ что изъ-за вьющихся, густыхъ темныхъ прядей—шеи сзади совсѣмъ не было видно. Чтобы волосы на падали на лобъ и щеки—красная бархатная лента поддерживала ихъ; немного повыше надъ лѣвымъ ухомъ изъ этой же ленты былъ сдѣланъ бантъ, концы котораго, довольно длинныя, падали на лѣвое плечо. Она держала передъ собой исписанный почтовой листикъ, который былъ ярко освѣщенъ небольшой лампой съ голубымъ абажуромъ.

Молодая дѣвушка слегка морщила свои черныя брови и что-то говорила, беззвучно шевеля губами. Немного погодя, она положила листокъ, вздохнула, оперлась локтемъ на столъ и склонила голову на руку.

Въ эту минуту кто-то слегка стукнулъ въ дверь.

Дѣвушка вздрогнула, машинально схватила листокъ и спрятала его въ карманъ, но сейчасъ же улыбнулась, вспоминая, что сама же она заперла дверь на задвижку.

— Это ты, Маша?

— Я-съ, отвѣтилъ женскій голосъ за дверь, — да вы что-же заперлись-то?

— Такъ... А тебѣ что нужно?

— А вотъ, самоваръ сейчасъ подаю, такъ извольте пожаловать чай дѣлать. Папенка и то ужъ спрашивалъ про васъ.

— Приду. Есть ктонибудь?

— Изъ дамъ еще никого. Феофилъ Самсоновичъ пришли и еще какой-то полковникъ... Ольга Петровна!

— Ну? чего ты тамъ смѣешься?

— И «этотъ» ужъ пришелъ...

— Кто этотъ?

— Ну-да этотъ-то... чиновникъ—Недопыкинъ! вдругъ, фыркнувъ, прибавила Маша.

— Очень нужно...

— Ахъ, не говорите такъ!... Да пустите меня въ комнату-то!... Онъ къ вамъ съ подаркомъ... да-съ!

Ольга Петровна вспыхнула, встала, подошла къ двери и впустила горничную Машу.

— Съ какимъ подаркомъ? что ты врешь!

— Сами увидите. Прелестный букетъ-съ!

— Букетъ?

— Ну-да, изъ живыхъ цвѣтовъ. Только пресмѣшной онъ, право... ха, ха, ха!

— Кто—букетъ?

— Нѣтъ, не букетъ, а господинъ Недопыкинъ. Ну, какъ же: впустила я его, снимаю съ него шинель, смотрю—а подъ шинелью-то у него—букетъ въ бумагѣ. Сейчасъ онъ эту бумагу бросилъ, букетъ въ шляпу засунулъ и спрашиваетъ: «Никого въ залѣ нѣтъ?» Никого, говорю. Бросился онъ въ залу. Я выглянула изъ-за двери. Смотрю: бѣжитъ онъ на цыпочкахъ къ окошку, а какъ добѣжалъ—сейчасъ букетъ-то прислонилъ къ цвѣточному горшку, потомъ цвѣтокъ, что-ли, въ букетѣ поправилъ—не разглядѣла,—да и поставилъ на окошко, передъ букетомъ, шляпу свою, это чтобы букета-то не видно было... Сюрпризъ вамъ хотеть сдѣлать!...

— Ну, хорошо... что-жъ, я цвѣты люблю, проговорила Ольга Петровна, слегка сдвинувъ брови, и нетерпѣливо прибавила:—иди, иди! я сейчасъ приду.

Маша убѣжала. Молодая дѣвушка послѣдно снова заперла дверь на задвижку, подошла къ столу, вынула изъ кармана исписанный листокъ, пробѣжала глазами послѣднія строчки и, доставъ почтовый розовый листокъ, сѣла и написала слѣдующее:

«На твое письмо, Nicolas, отвѣчаю второпяхъ. Сегодня, кажется, вопросъ разрѣшится. Онъ уже у насъ и вдобавокъ—съ букетомъ. Нѣтъ-ли въ букетѣ «объясненія»? Типулярные совѣтники на это способны. Папаша къ нему, видимо, благоволяетъ... Если папаша, наконецъ, выскажется положительно... Ну, тогда я тебя извѣщу и ты можешь тогда меня «похитить»; впрочемъ, это я и сама могу устроить, сѣвши въ извозчицы санки.—Твоя О.»

Розовая бумажка была вложена въ розовый конвертикъ, а на конвертикѣ появилась—пятикопѣечная марка.

* * *

Довольно большое общество сидѣло за чайнымъ столомъ. Ольга Петровна, какъ молодая хозяйка, разливала чай. Андрей Степановичъ, хотя и былъ въ тревожномъ состояннн духа, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя хорошо... Букетъ, еще до чаю, онъ успѣлъ вручить Ольгѣ Петровнѣ; отъ него не ускользнуло, что прелестная дѣвушка замѣтила кончикъ бумажки между вѣткой левкоя и красной камеліей... Букетъ былъ принятъ... принять даже съ обворожительной улыбкой!...

Прихлебывая чай, господинъ Недопыкинъ поглядывалъ на предметъ своей страсти, и сердце его сладостно трепетало, потому что Оленька была чрезвычайно весела, болтлива... Она и на него какъ-то особенно смѣшливо поглядывала... Но букета около нея не было...

«Гм! прочла-ли она записочку? думалъ онъ: «кажется, прочла... Что-то такое творится у нея теперь въ сердечкѣ—ужъ я вижу! Поди, вотъ, разгадай женщину!.. Чему она радуется? объясненію?... Ждала она его?... Спрошу, чортъ возьми!... И куда это она букетъ дѣвала?..»

Въ это время на другомъ концѣ стола, около Петра Петровича, шелъ шумный разговоръ на тему объ искорененіи пьянства въ народѣ. Андрей Степановичъ, воспользовавшись всеобщимъ шумомъ, всталъ и съ пустымъ стаканомъ въ рукѣ отправился къ молодой хозяйкѣ.

— Вамъ еще налить? спросила Ольга Петровна.

— Да-съ, но позвольте вѣсколку послабѣе...

— Сейчасъ налью! Идите, я вамъ передамъ туда...

Но онъ не пошелъ туда, а наклонившись къ ней прошепталъ:

— Не томите... не мучьте! Прочли?...

— Прочла, почти громко отвѣтила Ольга Петровна, запуская шпички въ сахарницу.

— Жду вѣрдикта, жду слова...

— Это не отъ меня зависитъ... Папаша вамъ скажетъ... Ну, вотъ вамъ чай—идите на мѣсто!

— Благодарю-съ!

Андрей Степановичъ принялъ стаканъ изъ прелестныхъ ручекъ, но опять наклонился и шепнулъ:

— Гдѣ-же букетъ?

— Подъ моимъ стуломъ... Смотрите, чай прольете на меня!

Но онъ чаю не пролилъ, а уронилъ только ложечку, которая какъ-то особенно рѣзко звякнула на паркетѣ.

И вдругъ все смолкло. Всѣ обернулись и посмотрѣли на господина уронившаго ложечку, какъ будто случилось необыкновенное событіе.

— Хе, хе... Это вы, Андрей Степановичъ? засмѣялся Петръ Петровичъ.

— Я-съ, отозвался господинъ Недопыкинъ, уже подвняшій ложечку и усаживающійся на свое мѣсто:—выскользнула она у меня какъ-то...

— Бываетъ, бываетъ.

— Оля, ты что вѣртишься тамъ? спросилъ господинъ Балыковъ веселымъ тономъ:—ты что-то тоже уронила?...

— Букетъ уронила! Сейчасъ подниму...

И она наклонилась, опустивъ руку подъ стулъ.

— Э! да вѣдь въ самомъ дѣлѣ—букетъ! воскликнулъ Петръ Петровичъ.—Откуда? Съ потолка упалъ?

Ольга Петровна побѣжала къ отцу. Все общество устремило глаза на букетъ.

— Это, папаша, подарокъ господина Недопыкина, сказала она,—не правда-ли, хорошенькій букетъ?

— Прелестный, моя милочка, прелестный!

Букетъ очутился въ рукахъ Петра Петровича.

— А это что-жъ такое?...

Онъ вытянулъ изъ средины букета сложенную бумажку.

— А это... папаша... должна быть... записка... Только я не смѣла безъ васъ ее прочесть...

Господинъ Балыковъ слегка нахмурилъ брови.

— Записка?... А вотъ, прочтемъ.

Андрей Степановичъ вспыхнулъ и наклонился надъ стаканомъ.

— И зачѣмъ это она при всѣхъ... Э, да все равно. Вотъ, сейчасъ Петръ Петровичъ встанетъ и провозгласитъ: «господа! рекомендую: женихъ и невѣста...» Престранная дѣвушка!...

Мысли эти молніей мелькнули въ его головѣ... Но не всталъ Петръ Петровичъ, а еще пуще нахмурилъ брови, ничего не провозгласилъ, а просто громко сказалъ:

— Господинъ Недопыкинъ! Это что-же такое? а?...

Андрей Степановичъ поднялся со стула. Краска исчезла съ его лица.

— Позвольте, Петръ Петровичъ, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, —я, конечно, виноватъ... потому что... такъ-сказать помню васъ, но...

— Продолжайте, продолжайте!

— Но, я полагаю, что это... это... собственно говоря, чтобъ узнать только...

— Ну-съ? дальше!

— А потомъ я былъ намбрень лично передъ вами... Вы подавали мнѣ всегда надежду... и я видѣлъ, что вотъ и онъ...

— Да вакса-то тутъ зачѣмъ? крикливо перебилъ его господинъ Балыковъ, тыкая воздухъ бумажкой.

— Вак...са... какъ-съ?...

Андрей Степановичъ остолбенѣлъ и покраснѣлъ такъ, что казалось вотъ-вотъ выскочитъ у него волосы...

— Вакса—да-съ! Одеколонъ... подтяжки... мыло... Что-же это—насмѣшка, что-ли?...

Господинъ Недопыкинъ стоялъ съ открытымъ ртомъ... Глаза его блуждали, какъ у помѣшаннаго...

— Какъ же вы это осмѣлились—а? Подобныя насмѣшки не могутъ быть теримы видѣ!.. взволнованнымъ голосомъ продолжалъ хозяинъ.—И, наконецъ, она вамъ не кузина, она для васъ дѣвица посторонняя... Прошу покорно, какія шутки! Шалить такъ простиительно гимназисту!... Это—неуваженіе, невѣжество!...

— Петръ Пе...

— Молчите! Какую я вамъ подавалъ надежду? когда? Я недоволенъ своимъ домовымъ управляющимъ и думалъ васъ пригласить на его мѣсто... Какъ же вы смѣли писать такія гадости—и кому-же? дѣвицѣ!...

Букетъ и бумажка полетѣли на полъ.

— Милостивый государь!

Андрей Степановичъ собрался съ духомъ и шагнулъ къ господину Балыкову.

— Милостивый государь! перебилъ его Петръ Петровичъ.—Тотъ, кто оскорбляетъ мою дочь—оскорбляетъ меня. Понимаете-ли вы это?...

— Позвольте мнѣ...

Въ эту минуту въ прихожей раздался звонокъ, но его почти никто не слышалъ: такъ всѣ были заинтересованы этой сценой.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ вамъ сказать! Молите Бога, что я еще добрый чеоовѣкъ. Другой на моемъ мѣстѣ обратился-бы къ защитѣ закона, ибо тутъ нанесено оскорбленіе почти дѣйствіемъ... Понимаете?... Но я, принимая во вниманіе...

— Ахъ, Варвара Николаевна! Любочка! Зина! крикнула Ольга Петровна и бросилась къ новымъ гостямъ.

— А, ваше превосходительство! воскликнулъ Петръ Петровичъ, подходя къ генеральшѣ Варварѣ Николаевнѣ.—Милости просимъ! А его превосходительство?...

— Онъ еще будетъ, будетъ, прогѣла генеральша.

Господинъ Недопыкинъ незамѣтно исчезъ изъ столовой.

ЗДАНИЕ НАЗЫВАЕМОЕ ХРАМОМЪ ПЕРКУНА, ВЪ КОВНѢ

Древнее зданіе это, нынѣ уже не имѣющее первоначальнаго назначенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешло въ частную собственность и было перестроено, съ сохраненіемъ только верхней его части, какъ наикрасивѣйшей; а нѣсколько прежде, по видимому, служило помѣщеніемъ католическому костелу. Внослѣдствіи же здѣсь давали представленія актеры, пріѣзжіе изъ Вильны и другихъ провинціальныхъ городовъ.

Откуда произошло преданіе о храмѣ Перкуна (литовскій Перунъ) — трудно себѣ представить; но однообразная архитектура зданія и одинаковая форма кирпичей отъ самаго фундамента — указываютъ уже на значительное искусство строителя, по всей вѣроятности чужеземца, или по крайней мѣрѣ заставляющаго относить все это зданіе цѣлкомъ къ одной эпохѣ.

Извѣстно, что крыжаци (крестоносцы), преимущественно въ XIII и XIV вѣкѣхъ, предпринимали свои походы влѣбъ Литвы, но по обоямъ берегамъ Нѣмана, воздвигая въ завоеванныхъ земляхъ

замки и храмы, — они-то по всей вѣроятности построили и этотъ домъ Божій, о которомъ не упоминается ни въ хроникахъ, ни въ актахъ городскихъ, ни въ «Старожитной Польшѣ» Балинскаго и Лицинскаго.

Главный фасадъ святилища, сложенный изъ разноцвѣтныхъ кирпичей, можетъ быть отнесенъ къ чисто-готическому стилю.

Городъ Ковно, расположенный при впаденіи Виляи въ Нѣманъ, имѣетъ 10 церквей, въ томъ числѣ одна греко-россійская и одна лютеранская, 7 католическихъ монастырей, прекрасную ратушу, гимназію. Здѣсь же поставлена чугунная пирамида въ память освобожденія Россіи отъ нашествія враговъ въ 1812 году. Ковно славится липецкимъ медомъ, своими пивоварнями и льняно-ткацкими фабриками. Судоходство довольно развито. Торговля производится преимущественно хлѣбомъ и медомъ. Въ городѣ 20,000 жителей, изъ которыхъ почти половина евреи.

ДРІАДА.

(Поэма лѣтняго дня).

Утро дышетъ ароматомъ,
Свѣтитъ солнце сквозь березы.
Ночь оставила на листьѣхъ
Бриллиантовья слезы,
Словно кто-то плакалъ страстно
До зари васъ лѣсомъ чистымъ...
А за лѣсомъ плесъ широкій
Вспыхнулъ заревомъ огнистымъ,
Въ немъ мѣняются и блещутъ
Пурпуръ, золото и розы;
По краямъ глядятся въ воду
Ненасмотрятся березы.
Вѣтерокъ подернетъ зыбью —
Памя плеса потухаетъ,
Листва тихо колышнется
Слезы свѣтлая понаеетъ...
Вѣтерокъ подернетъ зыбью
И колышется вершины...
И цвѣтчаной нилью слышютъ
Вѣлыхъ назовъ пуховины —
И дыша благоуханьемъ
Запѣваютъ птицы ярче...
Съ каждымъ мигомъ лѣсъ пыннѣ...
Солнце выше... утро жарче...

* * *
Знойный полдень... вѣтеръ тихій —
Чуть проснется, замирая.
Лѣсъ недвиженъ въ блескѣ солнца;
Яркой зеленью сверкая,
Въ тихой дремѣ вынуть листья
И струится духъ смолистый.
Надъ душою роятся пчелы,
Шмель жужитъ въ глуши тѣнистой —
А подальше въ чащѣ темной
Пахнетъ сочными грибами,
По деревьямъ бѣлки скачутъ,
Зайки рыщутъ подъ кустами,
Цѣль-подъ груди бурелома
Чуть мелькаетъ хвостъ лисицы,
Надъ черемухой старой
Вьются цѣлой тучей птицы;
Перекутались вершины —
И на просвѣтахъ узорныхъ,
Словно чьи-то шапки много
Гнѣздъ виситъ, какъ комья, черныхъ.
Ключъ подъ кочками таятся,
Только слышно какъ рокочетъ
Будто порослякъ прибрежнымъ
Разсказать онъ что-то хочетъ...
Не про то-ль, что, какъ ребенокъ,
Молодъ онъ и рвется въ поле
Погулять на Божьемъ солнцѣ
По дугамъ на волевой волѣ?..

* * *
Дальше бѣлыя ложбины,
Словно узкія дорожки;
На пескѣ ихъ такъ замѣтенъ
Слѣдъ изящной, голой ножки...
Узкой, легкой, граціозной,
Словно здѣсь по чащѣ темной
Шла красавица дріада
Къ этой низинѣ поемной,
Гдѣ деревья великаны

Обступили топь лѣною,
Рѣчку въ заросляхъ зеленыхъ
Неподвижную, вѣную.
Вся она въ душистый аиръ
Словно прячется отъ свѣта.
Струйка въ ней не шелохнется,
Чуть течетъ подъ зноемъ лѣта.
Гдѣ нибудь сверкнетъ на солнцѣ
И опять въ кустахъ таятся...
Цѣлый рой стрекозъ зеленыхъ
Въ этой низинѣ рѣзвится...
То схоронится въ осоку,
То надъ аиромъ душистымъ.
Распустивъ сквозныя крылья
Вьются съ звономъ серебристымъ.
А въ отвѣтъ имъ, въ гибкихъ лозахъ, —
Куличокъ порою свиснетъ,
Да щелкнетъ шаловливо
Яркой пѣсней такъ и прыснетъ,
Словно онъ надъ кѣмъ смѣется;
И чуть-чуть сквозь эти звуки
Тихо слышенъ, замирая,
Голосъ полный страстной муки...
Къ сердцу ластится такъ нѣжно
Словно дѣвушка порою,
Скажешь — голубь бѣлоснѣжный
Такъ воркуетъ надъ тобою...
Слышишь голосъ и нѣмѣешь:
Ужъ не сильфы-ль вьются гдѣ-то?..
Не русалка-ль косу чешетъ?
Или яркій праздникъ лѣта,
Пробуждая въ сердцѣ грезы,
Въ немъ рождаетъ эти звуки!..
Нѣтъ въ природѣ этой пѣсни,
Нѣтъ такой блаженной муки.
Нѣтъ!.. но чу!.. какой-то шорохъ...
Чье мелькнуло покрывало?
Чей роскошный русый локонь —
Свѣтомъ въ листьѣхъ осіяло?..
Тихій смѣхъ... и сквозъ березы
Снова звуки вьются... вьются...
Каплютъ на душу какъ слезы,
Будто стрѣлы въ сердцѣ бьются.
Радъ-бы плавать вамъ навстрѣчу:
Засмѣяться вмѣстѣ съ вами...
И стою и очарованъ
За зелеными кустами.
Словно вѣтеръ въ чащѣ лѣса,
Пѣсня тихая смолаетъ...
И въ отвѣтъ ей голосъ юный
Пѣсню страсти начинается.
Рѣветъ въ блескѣ пѣсня эта,
То орлицею зовется,
То погаснетъ, оборвется,
Вспыхнетъ вдругъ — и въ мѣрѣ свѣта
Быстрой ласточкою вьется ..

* * *

О н ѣ.

Пусть все прочтется, зима вѣнчикъ розы
Сорветъ зима; пусть меркнетъ небо, бумзуютъ грозы,
Пусть меркнетъ небо, бумзуютъ грозы,
Густѣетъ тьма;

Пока мы живы, пока мы юны —
Клокочетъ кровь,
Звучатъ лобзанья и славятъ струны
Любовь, любовь...
Отдайся смѣло вѣлнью страсти —
И все забудь.
Ея великой, блаженной власти —
Покорна будь.
Не для того-ли разцвѣтъ прекрасный,
Чтобъ плодъ созрѣлъ?
Люби для счастья, для жизни ясной —
Таковъ удѣль...
Осенній вѣтеръ цвѣты срываетъ
Ихъ бьетъ морозъ;
Гдѣ милый вѣнчикъ, никто не знаетъ,
Отъ пышныхъ розъ...
Но тотъ кто разъ благоуханьемъ
Тѣхъ розъ дышалъ —
О нихъ зимою вспоминанья
Благословлялъ.
Пусть бьется вьюга, трещатъ морозы...
Пусть ночь темна, —
Все тѣ-же въ сердцѣ сѣютъ розы
И та-жъ весна...
Пока мы живы, пока мы юны —
Клокочетъ кровь,
Звучатъ лобзанья и славятъ струны
Любовь, любовь!..

* * *
Вся обвита бѣлымъ флеромъ,
Словно лѣтній день прекрасна,
Лѣса темнаго дріада
Никнетъ къ милому такъ страстно,
Сердце къ сердцу, очи въ очи,
Не проронитъ въ пѣснѣ слова...
Съ робкой дрожью, ждетъ лобзанья
И отдаться вся готова...
Только-бъ — смѣлое движеніе,
Вызывающее слово...
Свѣтитъ солнце сквозь березы,
Очарованный гляжу я:
Сквозъ мольбы, признанья, слезы,
Онъ срываетъ вѣнчикъ розы...
Слышны звуки поцѣлуя...
И въ отвѣтъ имъ — пташекъ пѣнье,
Листвы шелестъ и волненье,
Словно бѣдная тоскуя
Не насмотрится березы —
Каждый листъ — на счастье слышитъ —
Да вдали звонятъ стрекозы;
Ниже, ниже вынутъ лозы —
Вѣтерокъ ихъ чуть колышетъ —
Точно сгруппы въ чащѣ стонутъ,
Мигъ за мигомъ замираютъ
Словно въ тихой дремѣ тонуть,
Съ дремой въ сердцѣ проникаетъ...
Въ нихъ блаженство, счастье, ласка —
Съ этимъ счастьемъ, съ этой лаской
Правдой дѣлаются сказки,
Правда дѣлается сказкой!..

В. Немировичъ-Данченко.

Грифы какъ могильщичи природы. Рис. и грав. Шпехтъ.

ГРИФЫ КАКЪ МОГИЛЬЩИКИ ПРИРОДЫ.

Одно изъ главныхъ отдѣленій семейства хищныхъ птицъ—составляютъ такъ называемые грифы, которые если не по благородству какъ ихъ родственники орлы и не по милосердию какъ ласточки, такъ по крайней мѣрѣ по своей величинѣ могутъ занять первое мѣсто въ этомъ богатомъ видами семействѣ.

Грифы (Vulturidae) самыя большія изъ всѣхъ хищныхъ птицъ: наименьшіе изъ нихъ все еще равняются среднему орлу. Они построены очень плотно, имѣютъ сильный клювъ и большія мускулистыя крылья. Тѣло ихъ сильное, почти неуклюжее, покрыто большими довольно рѣдкими перьями, исключая головы, которая у большей части видовъ голая.

Грифовъ, сравнительно съ ихъ родичами орлами, вполне можно назвать неблагородными хищниками. Держать они себя неряшливо, сидятъ въ грязи и совершенно не заботятся о чистотѣ своего оперенія, за которой такъ строго наблюдаютъ всѣ птицы.

Но не смотря на свое видимое неблагородство они во всѣхъ отношеніяхъ богато одарены природою. Ходятъ они хотя и не скоро, однако довольно легко, и не прыгаютъ какъ большая часть ихъ родичей а твердо переступаютъ съ ноги на ногу. Летаютъ они медленно, но съ чрезвычайною выносливостью и такъ же чувствуютъ себя вполне хозяевами въ безграничномъ воздушномъ пространствѣ,—хотя-имъ и не достаетъ той ловкости и быстроты полета, которыми отличаются орлы и соколы. Ихъ органы чувствъ соперничаютъ по тонкости съ чувствами другихъ пернатыхъ хищниковъ. Зрѣніе у нихъ превосходно и ни чуть не уступаетъ царю птицъ, орлу; они видятъ на громадныхъ разстояніяхъ, о которыхъ не можетъ себѣ составить понятія невооруженный глазъ человѣка. Слѣдующее болѣе развитое чувство у нихъ есть слухъ. Обоняніе тонко. Вкусъ, не смотря на видимую неразборчивость и не нечистую пищу употребляемую ими, далеко неразвита. — Умственные способности грифовъ относительно весьма незначительны—и въ этомъ отношеніи они далеко уступаютъ всѣмъ своимъ родственникамъ. Всѣ высшія способности, которыя мы замѣчаемъ у орловъ и въ особенности у благородныхъ соколовъ, видимому только едва замѣтны у нихъ. Грифы гораздо глуше, робки, неосторожны, непредпримчивы и въ то же время злы, драчливы, а въ довершеніе къ этому страшные трусы.

Способности ихъ не возвышаются даже до простой хитрости; они лишь мало по малу научаются отличать опасныхъ людей или животныхъ отъ неопасныхъ и весьма рѣдко привязываются къ какому нибудь другому существу.

Поведеніе ихъ всегда неуклюже и грубо, причемъ замѣчается чрезвычайное упрямство въ томъ, что они однажды начали.

Названіе грифовъ хищными птицами почти что невѣрно,—такъ какъ почти всѣ грифы не нападаютъ на живыхъ животныхъ съ цѣлью убить ихъ, а если и дѣлаютъ это то только въ крайней необходимости и то какъ-то своеобразнымъ способомъ. Обыкновенно же они подбираютъ то, что предоставляетъ имъ счастливымъ случай. Они обдираютъ трупъ, который находятъ,—или уносятъ разныя нечистоты, замѣченныя на землѣ. Для этой работы имъ никогда не приходится изощрять свои умственные способности, глаза служатъ имъ при этомъ гораздо болѣе чѣмъ умъ. Птицы, питающіяся подобнымъ образомъ, могутъ жить только въ болѣе теплыхъ странахъ, потому что холодный климатъ требуетъ отъ своихъ обитателей прилежнаго и усидчиваго труда.

Богатый югъ оказывается далеко щедрѣе. Онъ доставляетъ и грифамъ достаточно добычи, такъ что они могутъ безъ особенныхъ хлопотъ протянуть свое существованіе.

За исключеніемъ новой Голландіи, всѣ страны свѣта служатъ отечествомъ какимъ нибудь представителямъ этого семейства.

Въ предѣлахъ области своего распространенія грифы водятся повсюду, какъ въ жаркихъ раскаленныхъ равнинахъ, такъ и на высокихъ горахъ. Они ведутъ жизнь вполне кочевую и про нихъ можно совершенно вѣрно выразиться, что они водятся и вездѣ и нигдѣ. Они являются вдругъ цѣлыми массами въ мѣстностяхъ, гдѣ долгое время ихъ не было совершенно видно, потомъ снова пропадаютъ чтобы искать себѣ удобныхъ кормовъ. Только нѣкоторые грифы избѣгаютъ близости человѣка на другіе-же именно здѣсь и добываютъ себѣ съ большею легкостью свое ежедневное пропитаніе.

Грифы въ царствѣ животныхъ скорѣе могутъ называться могильщиками чѣмъ хищниками, потому что послѣднее гораздо болѣе походитъ къ ихъ характеру, какъ уже было говорено выше.

Какъ только гдѣ либо по большимъ путямъ въ средней Азій или въ песчаныхъ степяхъ Африки падетъ верблюдъ или вьючная лошадь, грифамъ уже извѣстно эта радостное для нихъ пришествіе.

Неусыпаетъ еще воронъ пронюхать о неожиданномъ пирѣ, не успѣютъ еще голодный волкъ и шакалъ узнать о вкусномъ обѣдѣ, какъ надъ трупомъ высоко въ небѣ покажутся едва видныя точки, послышится сильное взмахиваніе крыльевъ—и грифы по одному по два станутъ слетаться на радостный пиръ—за первымъ рѣшаются слетѣть другіе и надъ трупомъ начинаются драки, крики, ожесточенный бой, пока болѣе сильные не овладѣютъ дорогою добычею.

Два или три удара крѣпкими клювами разрываютъ шкуру, и всѣ съ необразимою жадностью бросаются на отерывшіяся внутренности, которыя въ мигъ разгаскиваются и уничтожаются. Жадность не уменьшается и въ слѣдующія минуты—и лишь только наѣвшись буквально до отвала, грифы отходятъ отъ трупа, смотря съ сожалѣніемъ на остатки, какъ бы досадуя, что и ихъ нельзя уничтожить.

Небольшія животныя, даже лошади уничтожаются грифами въ самое короткое время до самаго черепа—и развѣ только отъ верблюда и большого быка останется что-нибудь на долю болѣе слабыхъ искателей даровыхъ обѣдовъ, которые, замѣтивъ подобный пиръ грифовъ только издали съ завистью посматриваютъ на лакомыя блюда.

Но кромѣ должности могильщиковъ природы на долю грифовъ иногда достается бывать и могильщиками людей. Такъ, по рассказамъ ученыхъ путешественниковъ, имъ случалось иногда видѣть, какъ грифы дочиата уничтожали трупы людей, въ особенности индусовъ, которые часто ихъ бѣдными несостоятельными родственниками, по случаю дороговизны обряда сожженія, просто бросаются въ воды Ганга.

Такъ, путешественникамъ приходилось нѣсколько разъ видѣть, какъ грифы, поддерживая равновѣсіе своими крыльями, преспокойно наслаждались вкуснымъ обѣдомъ, и тихо покачиваясь плыли по свѣтымъ водамъ Ганга на людскихъ трупахъ.

СМѢСЬ.

Анекдотъ изъ жизни Наполеона I. Этотъ анекдотъ изъ жизни Наполеона I, который мы намѣрены здѣсь рассказать, не такъ извѣстенъ какъ многіе другіе рассказываемые объ немъ анекдоты. Кромѣ того, онъ доказываетъ что, императора несправедливо упрекали въ недостаточномъ интересѣ къ наукамъ; напротивъ, онъ обнаруживалъ живѣйшее участіе къ нимъ.

Въ Парижской Академіи Наукъ, 23-го октября 1805 г., происходило одно изъ ея постоянныхъ засѣданій. Президентомъ былъ Жофруа Сентъ-Илеръ, вице-президентомъ Гумфрей Дэви, знаменитый англійскій химикъ, а секретарями общества Кьюве и Деламбръ. Въ этотъ разъ одинъ изъ новыхъ членовъ, знаменитый естествоиспытатель Амнеръ, читалъ свое сочиненіе, предметъ котораго, ученіе объ электрическихъ токахъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе собранія. Вдругъ среди чтенія ученаго, въ залу входитъ какой-то господинъ въ простомъ черномъ сюртукѣ, украшенномъ орденомъ Почетнаго Легіона. При его входѣ между присутствующими подымается шепотъ, но онъ слегка дѣлается знакъ рукой, какъ человѣкъ, привыкшій чтобы слушались малѣйшаго его жестка. Шепотъ тотчасъ же затихаетъ, и господинъ приближается къ первому пустому креслу и садится на него. Амперъ, какъ и многіе великіе ученые, отличался большою разсѣянностью. Углубясь въ свой предметъ, онъ и не замѣтилъ какъ вошелъ незнакомый посѣтитель, который впрочемъ занялъ свое мѣсто, какъ можно тише.

Однако, когда чтеніе окончилось,—и заслуженный ученый, при-

пявъ похвалы всѣхъ присутствовавшихъ за свой превосходный и поучительный трудъ, хотѣлъ снова сѣсть на свое кресло,—онъ къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ что оно занято какимъ-то постороннимъ человѣкомъ. Ампера обстоятельство это привело въ нѣкоторое замѣшательство, такъ какъ въ наружности незнакома, при полной непринужденности, было вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то особенное достоинство. Поэтому, онъ самымъ вѣжливымъ образомъ и притомъ болѣе соответствующими знаками чѣмъ словами, старался дать ему замѣтить, что это мѣсто принадлежитъ собственно ему, и что онъ снова желаетъ его занять. Но незнакомецъ тѣмъ не менѣе не уступалъ кресла, какъ будто вовсе не понимая ясныхъ, хотя и вѣжливыхъ намековъ Ампера.

Само собою разумѣется, это очень удивило почтеннаго ученаго, и знаки его неудовольствія мало по малу становились выразительнѣе. Онъ обратился къ нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ около себя замѣчаемъ, что такой захватъ чужаго кресла не кажется ему особенно вѣжливымъ. Однако послѣдніе видимому не оказывали большаго сочувствія къ жалобамъ Ампера, и отвѣчали ему только выразительными улыбками. Это еще болѣе раздосадовало ученаго; онъ обратился наконецъ прямо къ президенту. «Господинъ президентъ», сказалъ онъ, «я позволю себѣ замѣтить вамъ, что между нами находится постороннее лицо, которому заблагодарасудилось занять мѣсто одного изъ дѣйствительныхъ членовъ».

Это открытое заявленіе снова подняло въ собраніи шепотъ

Президентъ же спокойно отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, г. Амперъ, такъ какъ лицо, которое вы подразумеваете, точно также членъ Академіи».

«Съ которыхъ поръ?» съ удивленіемъ спросилъ Амперъ.

«Съ 5-го января IV года!»

«По какому же отдѣленію, господинъ президентъ?» иронически спросилъ Амперъ. Наши читатели вспомнить, что Парижская Академія наукъ дѣлится на различныя ученые отдѣлы.

«По отдѣленію механики, уважаемый коллега!» отвѣчалъ самъ незнакомецъ.

«Однако это ужъ черезъ чуръ!» возразилъ Амперъ, но досада его смѣнилась величайшимъ изумленіемъ когда, взявъ годичную книгу общества чтобы убѣдиться въ подлинности члена, онъ увидѣлъ занесеннымъ: Наполеонъ Бонапартъ, членъ Академіи по отдѣлу механики, 5-го января IV года».

Итакъ, незнакомецъ былъ никто иной какъ самъ императоръ.

Амперъ, не знавшій ли лично императора, или не узнавшій его, сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ. Императоръ удовольствовался милостивымъ возраженіемъ: «Видите-ли, уважаемый другъ мой, въ какое можешь быть поставленъ затрудненіе, если не знаешь своихъ товарищей. Впрочемъ, это и не удивительно, васъ никогда не видать въ Тюльери, вотъ я и долженъ былъ придти сюда къ вамъ. Однако», прибавилъ онъ, шутя погрозивъ ему пальцемъ: «Я съ умѣю заставить васъ посѣтить меня тамъ».

Президентъ послѣ этого обратился къ императору съ вопросомъ: разрѣшаетъ ли онъ продолжать засѣданіе.

«Разумѣется», отвѣчалъ Наполеонъ, «теперь собраніе въ полномъ составѣ, и ничто вамъ больше не помѣшаетъ».

Затѣмъ было прочитано еще нѣсколько записокъ Ланласа, Брунеля, строителя туннеля подъ Темзой, и нѣсколькихъ другихъ превосходныхъ механиковъ. Императоръ слѣдилъ за чтеніемъ съ величайшимъ вниманіемъ. Послѣдней была прочитана записка Брунеля объ оконченныхъ имъ тогда въ Лондонѣ работахъ; надо было назначить комиссію, которая должна была дать свое заключеніе объ этомъ сочиненіи. Каково же было удивленіе собранія, когда президентъ произнесъ: «Я назначаю членами комиссіи для разсмотрѣнія труда г. Брунеля: его величество императора и гг. Монжа и Буассона».

Императоръ принялъ возложенное на него порученіе, и долго еще разговаривалъ съ находившимися въ собраніи учеными, при чемъ выказалъ столько же скромности, сколько познаній.

Вѣрная любовь. Въ одномъ изъ предмѣстій Берлина вѣчалась недавно молодая парочка, достигшая своей цѣли только благодаря трехлѣтней вѣрности. Три года тому назадъ въ промышленныхъ берлинскихъ кружкахъ не мало было толковъ объ томъ, что одинъ изъ значительныхъ торговцевъ удалилъ изъ дома единственнаго своего сына и отослалъ его въ торговую контору къ своему другу въ Стокгольмъ. Всѣ ломали себѣ голову о настоящей причинѣ такого поступка, въ дѣствительности же дѣло касалось серьезной приязанности, которая, ставъ извѣстной отцу, привела его въ сильнѣйшее негодованіе. Молодой человѣкъ влюбился въ молодую, правда, хорошенькую и доброправную, но совершенно простую дѣвушку, работавшую на фабрикѣ его отца.

Молодая дѣвушка отвѣчала на эту любовь, безъ того чтобы состояніе молодого человѣка имѣло малѣйшее вліяніе на это. Ей было отказано отъ фабрики, за молодымъ человѣкомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, но все это не приводило къ благопріятнымъ результатамъ, и наконецъ отецъ рѣшилъ, что самое лучшее отослать сына куда нибудь подальше. Однако разлука и пребываніе на сѣверѣ не охладил сердца молодого человѣка; тщательная переписка сблизила влюбленныхъ если можно еще тѣснѣе. Молодой человѣкъ каждый мѣсяцъ посылалъ своей избранницѣ изъ своего жалованья опредѣленную сумму денегъ, которая она тратила на свое образованіе, и неутомимымъ прилежаніемъ скоро приобрѣла познанія необходимыя для того, чтобы войти въ образованный кругъ общества. Между тѣмъ въ теченіи этого времени, биржевой кризисъ отозвался на дѣлахъ отца, къ этому присоединилась еще его болѣзнь; это заставило его желать возвращенія сына который этимъ временемъ уже перемѣнилъ Стокгольмъ на Лондонъ. Сынъ объявилъ, что возвратится не иначе, какъ получивъ согласіе отца на бракъ съ своей возлюбленной. Старикъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: онъ призвалъ къ себѣ молодую дѣвушку, чтобы уговорить ее отказаться отъ его сына. Но каково было его удивленіе, когда вмѣсто простой работницы какую онъ зналъ, увидѣлъ передъ собой образованную дѣвушку, которая въ самыхъ привлекательныхъ выраженіяхъ объявила ему, что она связана съ его сыномъ неразрывными узами. Папашѣ не оставалось ни чего больше, какъ дать свое согласіе, и такимъ образомъ совершилась вышеупомянутая свадьба.

Скорость желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. Настоящей скоростью желѣзныхъ дорогъ американцы недовольны, и надѣются, безъ всякой опасности значительно увеличить ее, проложивъ рядомъ по нѣсколькимъ путей. Тогда прямые поѣзды будутъ совершенно отдѣлены отъ мѣстныхъ и промежуточныхъ поѣздовъ. Такъ Филадельфійское желѣзно-дорожное общество строитъ четыре пути съ особо принадлежащими каждому мостами, туннелями и развѣздами. Кромѣ того, говорятъ объ локомотивѣ съ колесами съ 12-ми футовымъ діаметромъ. При такихъ вспомогательныхъ средствахъ, падѣются проходить 100 англ. миль въ часъ,—завтракать въ Филадельфію а ужинать въ Чикаго, и въ часъ поспѣть изъ Нью-Йорка въ Филадельфію.

Майскіе холода. Величайшій европейскій авторитетъ по части метеорологіи, профессоръ Дове въ Берлинѣ, высказалъ мнѣніе, что необыкновенные холода нынѣшняго мая мѣсяца, происходили вслѣдствіе того, что восходящая сила воздушныхъ массъ, нагрѣваемая и вслѣдствіе этого разрѣжаемая солнцемъ, стоящимъ почти вертикально надъ обширными равнинами сѣверной Африки, Аравіи, и Остъ Индіи, преодолеваетъ постоянно дующій тамъ сѣверо-восточный муссонъ; отъ этого происходитъ то, что болѣе холодный воздухъ съ сѣвера Атлантическаго океана, который приноситъ намъ зимой влажность и тепло, теперь приходитъ съ сѣверо-запада въ восточную и среднюю Европу охлажденнымъ. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто теллурическимъ явленіемъ, не повторяющимся во всѣхъ мѣстахъ непремѣнно въ одинъ какой либо опредѣленный день.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Чрезвычайное Московское Уѣздное Земское Собраніе, въ засѣданіи 25-го минувшаго апрѣля, по выслушаніи заявленія душеприкащиковъ и наслѣдниковъ покойнаго князя П. И. Трубецкаго—Н. и П. П. Трубецкихъ—о желаніи ихъ и другихъ наслѣдниковъ пожертвовать московскому земству 7.346 р. 60 к. на содержаніе народнаго училища и на образованіе неприкосновеннаго училищнаго фонда, постановило выразить князьямъ Трубецкимъ письменную благодарность Собранія и какъ имѣющую быть устроенною на пожертвованную сумму народную школу, такъ и на учебный фондъ наименовать именемъ князей Трубецкихъ.

— Херсонское Губернское Земское Собраніе, для оказанія пособія населенію Херсонской губерніи, пострадавшему отъ неурожая 1873 года, ассигновало въ минувшую сессію, собственно на продовольствіе нуждающихся, 10.000 руб., разрѣшивъ считать ихъ *безвозвратнымъ* расходомъ.

— Земство Херсонской губерніи, разсчитывая дѣятельность свою въ теченіи минувшаго года по подачѣ пособій мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, и продовольственный вопросъ—пришло, пишутъ въ «Одес. Вѣстникѣ», къ слѣдующему выводу: при выдачѣ ссудъ на удовлетвореніе нуждъ

собственно по продовольствію слѣдуетъ держаться безусловной выдачи хлѣбомъ, но не деньгами.

— Чрезвычайное *Великолуцкое* Уѣздное, Псковской губерніи, Земское Собраніе, открытое 22-го минувшаго апрѣля, между прочимъ, постановило: открыть Общество Взаимнаго Кредита Великолуцкаго Уѣзднаго Земства, согласно Уставу, утвержденному Министромъ Финансовъ, и для составленія основнаго капитала отпустить Обществу собранному на этотъ предметъ сумму 8.562 р. 84 коп.

— Изъ Бессарабской губерніи пишутъ въ «Одес. Вѣстн.», что мѣстные крестьяне-царане, вслѣдствіе отсутствія мелкаго крестьянскаго кредита, испытываютъ всѣ неудобства эксплуатаціи ихъ тамошнимъ еврейскимъ населеніемъ. Терпя зимою нужду, крестьянинъ запродастъ еврею за безцѣнокъ свой будущій трудъ и лишаетъ себя возможности снять во-время собственный хлѣбъ и заработать деньги за сѣмью хлѣба при хорошихъ лѣтнихъ цѣнахъ. Евреи богатѣютъ съ году на годъ, а крестьяне терпятъ недостатокъ даже въ урожайные годы.

— Чрезвычайное Екатеринославское Губернское Земское Собраніе, въ засѣданіи 7-го минувшаго мая, по выслушаніи доклада Губернской Управы объ учрежденіи оспирива-

тельного института, поручило Губернской Управѣ нынѣ же приступить къ учрежденію названнаго института, употребивъ на этотъ предметъ ассигнованные IX очереднымъ Губернскимъ Собраніемъ 1.600 рублей, а при недостаточности этой суммы, сколько понадобится изъ денегъ, ассигнованныхъ на непредвидимыя надобности.

— *Котельничское* Уѣздное, Вятской губерніи, Земское Собраніе VII очередной сессіи, обсуждая мѣры по устройству врачебной части въ уѣздѣ, въ видахъ большаго обезпеченія населенія въ медицинскій помощи, постановило раздѣлить Котельничскій уѣздъ на четыре врачебные участка. Въ первомъ участкѣ, къ которому приписаны городъ Котельничъ и пять ближайшихъ къ нему волостей, положено имѣть больницу на 30 кроватей, павильонной системы, а въ остальныхъ трехъ участкахъ, въ селахъ: Даровскомъ, Юмскомъ и Арбатскомъ—по одному приемному покою.

— То же *Екатеринославское* Губернское Собраніе, въ засѣданіи 20-го апрѣля, вслѣдствіе доклада Губернской Управы о томъ, что въ виду той пользы, какую могутъ оказать дѣйствія Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ во время весенней и осенней переправы черезъ рѣку Днѣпръ, а равно при сплавѣ грузовъ чрезъ пороги, постано-

видо отпускать ежегодно отъ Екатеринославскаго губернскаго земства въ пособие Обще-ству по 100 рублей.

— Воронежское Губернское Земское Собрание послѣдней очередной сессіи, по выслушаніи проекта гласнаго П. И. Сафонова о принятіи мѣръ къ облѣсенію степныхъ уѣздовъ Воронежской губерніи, постановило: для всесторонней разработки этого проекта учредить особую Коммисію.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Газета «Кавказъ» сообщаетъ, что Н. Н. Мамоновъ, богатый землевладѣлецъ, владѣющій землями на берегахъ р. Сочи (въ Черноморскомъ округѣ, Дахонскомъ участкѣ), купилъ въ Москвѣ, Гентѣ и Эрфуртѣ большое число сѣмянъ Eucalyptus, и посѣялъ эти сѣмена на болотистыхъ мѣстахъ своего участка. Въ 1873 году деревца Eucalyptus выросли уже выше 1 сажени, а нѣкоторыя боковыя вѣтви достигли 2 аршинъ длины. Несмотря на то, что зимою стояли порядочные морозы, посаженные деревца перенесли зиму очень хорошо, такъ что есть надежда на акклиматизацію Eucalyptus въ Черноморскомъ округѣ и Мингрелии.

— Въ Псковѣ 18-го мая, по распоряженію предсѣдателя Губернскаго Статистическаго Комитета, устроена была выставка образцовъ прядильныхъ растений Псковской губерніи, отправляемыхъ Статистическимъ Комитетомъ обще съ земствомъ на С.-Петербургскую выставку прядильныхъ растений и механизмовъ для обработки ихъ.

— Въ Туркестанскомъ Краѣ сдѣланы были,

какъ сообщается въ «Турк. Вѣд.», опыты разведенія и акклиматизаціи быстро уничтожающаго влагу болотной почвы австралийскаго дерева (Eucalyptus globulus). Растенія вышли изъ сѣмянъ и развились весьма хорошо; но, къ сожалѣнію, зима въ Туркестанѣ слишкомъ сурова для эвкалиптуса, который поэтому не можетъ быть разводимъ здѣсь въ грунтѣ. Другое дѣло—хивинскій оазисъ, гдѣ климатъ мягче, чѣмъ климатъ Ташкента, на что указываетъ обиліе фиговыхъ кустовъ, приносящихъ плоды уже въ іюль; опыты разведенія эвкалиптуса въ Хивѣ съ гигиеническою цѣлью могутъ быть, по всей вѣроятности, удачны. То же можно сказать о Ходжентѣ, Коканскомъ ханствѣ и Заравшанскомъ округѣ.

— Выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній въ Варшавѣ будетъ открыта въ сентябрѣ сего года на Уяздовской площади, при аллеѣ, ведущей въ Бельведерскій дворецъ.

— Изъ свѣдѣній объ открывшейся въ Пензѣ 13-го сего мая сельско-хозяйственной выставкѣ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ сообщаютъ, что въ первые два дня съ открытія выставки посѣтителей на ней было, несмотря на неблагоприятную дождливую погоду, до 600. Большая часть мелкихъ земледѣльческихъ инструментовъ была уже раскуплена въ эти первые дни. 14-го мая, часовъ въ 8 вечера, въ виду собравшейся особенно многочисленной публики, было произведено испытаніе рядовой сѣялки, пригото-вленной въ мѣнѣи Ал. Ал. Татищева.

— Опыты, произведенные *Королевымъ* надъ

удобреніемъ картофельныхъ полей калиевою солью вполнѣ подтвердили явленіе, неоднократно замѣченное на практикѣ, именно что такое удобрение усиливаетъ урожай клубней приблизительно на 500 килограм. на $\frac{1}{4}$ гектара, но зато уменьшаетъ на 24 килограм. на $\frac{1}{4}$ гектара содержание въ картофелѣ крахмала.

ТОРГОВЛЯ.

— Изъ свѣдѣній о движеніи торговли въ казенномъ караванъ-сарайѣ въ Ташкентѣ видно, что въ теченіи минувшаго 1873 года въ караванъ-сарайъ пришло съ товарами 46.294 верблюда, 2.663 лошади и 2.436 арбѣ. Товара на нихъ привезено на 10.938.159 р. 83 к. Въ теченіи того же времени вышло изъ караванъ-сарая 36.208 верблюдовъ, 1.632 лошади и 1.212 арбѣ. Товара на нихъ вывезено на 6.299.182 р. 70 к.

— На Бугульминскую Евдокіевскую ярмарку, бывшую съ 8-го по 14-е марта, привезено было товаровъ на 218.450 р.; продано на 116.840 р. Главнѣйшими товарами по цифрѣ привоза были: бумажные на 150.000 р., лошади на 15 000 руб., чай и сахаръ на 12.000 руб., москагельные на 10.000 руб., шорные и другіе выдѣланные коженныя на 6.100 руб.

СОДЕРЖАНІЕ. Эмъз (съ рисункомъ).—На травѣ (очерки вавалерійской жизни) Всеволода Крестовскаго (продолженіе).—Прелестный букетъ (разсказъ) В. Щиглева.—Здѣше называемое храмомъ Пергуа въ Ковнѣ (съ рисункомъ).—Дрѣда (позна дѣтнаго дня) (съ рисункомъ) В. Немировича-Данченко.—Грифы (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Павинскія моды за іюль мѣсяць съ 18 рисунками.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ
Н. В. БОГДАНОВИЧА.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ
во всѣ

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Вознесенскій просп., домъ № 15,
квартира № 5.

ОТКРЫТА СЪ 10 ДО 6 ЧАС.

Нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка. Составилъ Н. Кюссе. Цѣна 40 к., съ пересылкою 45 к. Продается въ книжномъ магазинѣ для иностранцевъ, Чернышова, Исакова и др. Н. Кюссе.

ВНОВЬ ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Корейская азбука, составленная въ пользу Корейскихъ школъ Южно-Уссурійскаго края корейскимъ миссіонеромъ, священникомъ Василіемъ Григ. Пяниковымъ.
Продается у автора, въ С.-Петербургѣ, на Троицкомъ подворьѣ, по Фонтанкѣ. Цѣна 15 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный 60 к.
- 2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій 50 »
- 3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» » съ доставкой на домъ 5 » — »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лапгъ . . . 4 » 50 »
» » съ пересылкой . . . 5 » 50*»
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой 5 » 50*»

НА ПОЛУГОДА:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» » съ доставкой на домъ 2 » 50 »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лапгъ . . . 2 » 50 »
» » съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугодіе по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ приостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ Н. Боева—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. Каразина—Двуногій волкъ, г. Шкляревскаго—разсказъ судебного слѣдователя и пр. и пр.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ
КАРТА
Европейской Россіи

С. ПЕТЕРБУРГЪ 1874

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА.

Масштабъ.
Въ Английскихъ дюймовъ 10 верстъ.
1:400,000

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

- ⊙ ГУБЕРНСКІЙ
- Уездный
- Заставный
- Крепостной
- Станція
- Граница Государственной
- Граница
- Железная дорога существующая
- Железная дорога строящаяся
- Шоссейная
- Телеграфная линия
- Станція
- Путь Парусодельный
- Путь в Парусодельный обществѣ
- Каналь

М. Цифры означаютъ часъ вѣремъ между главными станціями желѣзными дорогами.

ТРЕТІЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ“ НА 1874 ГОДА.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 28

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 8-го июля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — в. сь доставкой на домъ 5 » — »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 » 50*

НА ПОЛГОДА:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — в. сь доставкой на домъ 2 » 50 »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 2 » 50 »
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

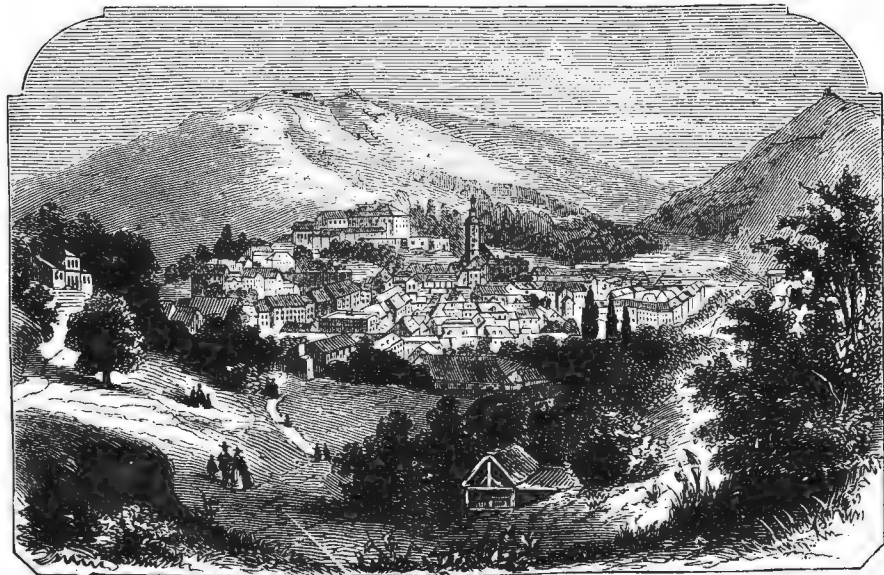
ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

* Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Городъ Бадень-Бадень находится въ средне-рейнскомъ (Баденскомъ) округѣ, у сѣвернаго склона Шварцвальда, въ двухъ часахъ отъ Рейна, и лежитъ среди хлѣбно-гористой мѣстности въ долинѣ Оосъ. Тутъ же проходитъ одна изъ вѣтвей Баденской желѣзной дороги. Бадень-Бадень безспорно принадлежитъ къ самымъ блестящимъ, такъ сказать, «водамъ» Германіи, которыя состоятъ массою публичн. Построены амфитеатромъ; высота его надъ уровнемъ моря 520 фут. Это—главный городъ, центръ окружнаго управленія. Въ немъ насчитывается около 8000

Бадень-Бадень.

жителей; есть 3 церкви, гимназія, высшая бюргерская школа, ремесленная, 2 школы для малолѣтнихъ и нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній. Та часть Бадень-Бадена, гдѣ зданія являются остатками давно-минувшей старины, гдѣ вмѣсто улицъ перекрѣпки да закоулки, вообще не красива; но за то «новый» Бадень-Бадень, востроенный въ новѣйшемъ вкусѣ, изобилуетъ великолѣпными отелями и домами частныхъ лицъ. Приходская городская церковь, стоящая на мѣстѣ прежняго римскаго храма, вмѣщаетъ въ себя гробницы 14-ти членовъ дома баденскихъ маркграфовъ.

Въ этой церкви находится шесть замѣчательныхъ надпрестольныхъ образовъ работы Дилла, написанныхъ à la Гвидо Рени. Въ «залѣ древностей», выстроенной на манеръ древне-греческаго храма, хранятся римскіе антики, найденные въ Баденъ-Баденѣ и его окрестностяхъ. Противъ этого храма—галерея—колонада (Дорическаго ордена) длиной 100 фут. Тутъ обыкновенно пьютъ минеральную воду. Существуетъ еще галерея, не менѣ великолѣпная, которая идетъ отъ театра къ баденскому дворцу. Великогерцогскій замокъ (по дорогѣ къ Конверзационгаузу) окруженъ прехорошенькими садомъ. Стоитъ обратить также вниманіе на прелестную виллу покойной герцогини Стефаніи. Существуютъ въ Баденъ-Баденѣ и фабрики: коженныя, свѣчныя, посудныя (фаянсъ и глина), мебельныя (плетеные стулья); есть мыловаренныя заводы. Главное, конечно, чтò привлекаетъ въ Баденъ-Баденъ ежегодно тысячи чужестранцевъ—это—теплые цѣлебные его источники; число ихъ—16. Ключи эти не столько отличаются другъ отъ друга химическимъ своимъ составомъ, сколько различіемъ температуры (отъ 54°—37° по R.). Главный ключъ носитъ названіе «Начальнаго» (Ursprung): сильной, могучей струей бьетъ онъ изъ разсѣлины скалы и даетъ въ сутки 7,345,440 кубичес. дюймовъ воды. Температура его 55° по R. Вода этого ключа прозрачна, имѣетъ вкусъ малосолянаго говяжьяго отвара и по запаху напоминаетъ говяжьей бульонъ. Наполнивъ стаканъ такой водой, вы замѣтите, что пузырьковъ весьма мало выскакиваетъ на ея поверхность. «Начальный» источникъ осаждаетъ углекислую известь и даетъ желѣзную окись въ видѣ известковаго налета коричневаго или коричневаго цвѣта. Натекъ такой не слѣдуетъ считать ванною грязью, ибо грязь представляетъ весьма мягкой, кашицеобразный, черный и весьма жирный осадокъ. Изъ другихъ ключей назовемъ только болѣе значительные: «Еврейскій» (54° по R.), «Адскій» (52° по R.), «Монастырскій» (51° по R.); но есть ключи и съ болѣе прохладной водой (отъ 38°—44° R.). Мѣстность, гдѣ находятся ключи, а именно у подошвы террасы Шнекенгартена, называется «Аломъ»; гнейсъ—горная порода этой мѣстности. Магнитная стрѣлка (по Гмелльну) вблизи источниковъ нѣсколько отклоняется; что-же касается самой почвы, то тутъ она никогда не бываетъ покрыта снѣгомъ. — Минеральныя воды Баденъ-Бадена по составу своему принадлежатъ къ горячимъ

источникамъ, насыщеннымъ поваренною солью. На одинъ футъ такой минеральной воды приходится 23 грана соли, изъ этого числа 15 грановъ—поваренной. Воду эту употребляютъ чаще всего для ваннъ, питья, душъ, вспръскиваній, а также и для теплыхъ паровыхъ ваннъ. Она помогаетъ противъ золотухи, ревматизма, подагры, катарровъ, болѣзни почекъ, мочеваго пузыря, болѣзни маточныхъ, кожныхъ, нервныхъ и даже хорошо дѣйствуетъ при вывихахъ и переломахъ. Такъ-называемыя «грязи», благодаря своему мягчительному свойству, благотворно вліяютъ на кожу съ болѣзненными нарывами и полезны также при глухотѣ, одревенѣлости суставовъ и т. п. недугахъ. Въ Баденъ-Баденѣ есть и желѣзистые ключи. Для желѣзистыхъ ваннъ устроены двѣ купальни. Купаться очень полезно въ такой водѣ тѣмъ, которые уже окончили курсъ леченія теплыми минеральными водами. Нечего и говорить, что, въ виду нанява заграничныхъ гостей чуть-ли не со всего свѣта, Баденъ-Баденъ отвелъ мѣста и для увеселеній: есть тѣмъ насладиться и больнымъ и здоровымъ, особенно—последнимъ: игорные столы привлекаютъ всѣхъ страждущихъ «золотоманіей», но.. излѣчивали-ли кого эти «столярные, деревянные источники»!...

Баденъ-Баденскій театръ не великъ, даже—малъ. Сезонъ начинается въ маѣ, но самый разгаръ—въ іюлѣ и августѣ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ относительно исторіи Баденъ-Бадена. Не извѣстно въ точности, когда именно основанъ былъ этотъ городъ но полагаютъ, что это было когда-то очень давно.... Есть, впрочемъ, указанія на то, что еще во времена римскаго царя Тарквинія Приска на этомъ мѣстѣ была колонія Кельтовъ. При императорѣ Александрѣ Северѣ городъ былъ названъ «Respublica Aegelia aequensis», а при императорѣ Каракаллѣ онъ достигъ цвѣтущаго состоянія. Затѣмъ пошли войны... Лилась кровь, городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, разрушался, вновь обстроивался и т. д. Въ XIV вѣкѣ, въ первый разъ онъ сталъ извѣстенъ своими цѣлебными источниками. Замѣчательно, что когда въ 1561 г. въ окрестностяхъ Баденъ-Бадена свирѣствовала чума, въ самомъ городѣ все обстояло благополучно, зачумленныхъ совсѣмъ не было, ибо кому-то пришло въ голову открыть горячіе ключи: вода разлилась по улицамъ и не допустила чуму пробраться въ городъ.

НА ТРАВѢ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Бѣхали мы подъ палящимъ, невыносимымъ солнцемъ. Конн, угнетенные жаромъ, понурились и подвигались черезъ силу вялымъ, лѣнивымъ, размаланнымъ шагомъ.

— Фу!... поскорѣй бы до лѣса добраться! истомно проговорилъ Апроня.

— Съ пол-версты осталось, не болѣе, замѣтилъ на это нашъ юнкеръ:—вонъ, ужъ Гершкина корчма видна подъ лѣсомъ.

— Просто смерть какъ пить хочется!

— Это отъ раковъ! совершенно правильно пояснилъ майоръ.—А что, господа, прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ:—нѣтъ ли у кого спички? закурить хочется.

Но, увь!—огня ни у кого не оказалось.

— Какъ на грѣхъ, всѣ вышли! вздохнулъ юнкеръ, показывая пустую спичешницу.

— Ну, да вотъ, впрочемъ, у Гершкиной корчмы и напьемся, и закуримъ, пообѣщавъ майоръ, въ утѣшеніе.—А у васъ, кстати, подпруга ослабла, замѣтилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—какъ остановимся, подтяните.

Всѣ эти маленькія обстоятельства слагались такимъ образомъ, что по общему убѣжденію остановка у Гершкиной корчмы являлась, въ нѣкоторомъ родѣ, необходимою.

Эта корчма, какъ и всѣ вообще литовскія придорожныя корчмы, отличалась отсутствіемъ, такъ сказать, домовитости и хозяйственности. Вы видите просто убогій домишко, кое-какъ построенный изъ битой глины, кое-какъ выбѣленный и покрытый соломою,—домишко, который торчитъ себѣ одинъ-одинехонекъ

гдѣ нибудь чодъ лѣсомъ или въ чистомъ полѣ, на перекресткѣ двухъ проселочныхъ дорожекъ—и не видать вокругъ него ни забора, ни огорода или садика, ни амбара, ни сарайчика, ни иной какой-либо хозяйственной постройки,—словомъ, ничего такого, чтò могло бы служить признакомъ сельскаго труда и домовитой осѣдлости. При Гершкиной корчмѣ не имѣлось даже навѣса, подъ который пробѣжкому крестьянину можно бы было поставить свою вляченку. И дѣйствительно, въ этихъ придорожныхъ «халушкахъ» обитаетъ людъ, для котораго окончательно не существуетъ ни какого производительнаго труда. Въ нихъ селится обыкновенно еврей, обремененный болѣе или менѣе многочисленнымъ потомствомъ,—селится кое-какъ, на скорую руку, въ тѣснотѣ, въ бѣднотѣ и въ грязи, съ единственною цѣлью—«айнъ гутесъ гешефтъ махенъ». Для этого «гешефта» онъ обыкновенно снимаетъ въ аренду у мѣстнаго сельскаго общества придорожную хатку на курьихъ ножкахъ, беретъ въ акцизномъ управленіи билетъ на право продажи, запасается на всякій случай «алембикомъ» для «дыстиляціи» и «ливеромъ» для насасыванія водки изъ боченка, за тѣмъ покупаетъ на водочномъ заводѣ бочку «катофлянки» да боченочъ «спиритуса»—и, перебравшись въ «халушку» со чады и домоладцы, со всѣми «манатками» и «бебехами», открываетъ «гайделъ». Ему незначѣмъ имѣть корову, чтобы достать молока, ему не нужна и домашняя птица, да незначѣмъ и трудиться ни надъ посѣвомъ картофеля, ни надъ грядкой огородной овоща: все это, въ случаѣ надобности, нанесутъ къ нему въ достаточномъ коли-

чествѣ окрестные или проѣзжіе «хлопы» за какую нибудь «полкварту» картофельной водки. Скучно, неприглядно и даже не безопасно, порою, жить одному, безъ сосѣдей, на такомъ безлюдномъ пустырѣ, подѣ громаднымъ старовѣчнымъ лѣсомъ; но еврей мирится со всѣми неудобствами и даже со всѣми страхами своего эфемернаго существованія, имѣя въ виду «гандель» и «гешфты» и принимая при этомъ въ соображеніе одно только существенное обстоятельство, а именно: насколько выгоднѣе арендовать корчму въ той или въ этой мѣстности.

Мы подѣхали къ Гершкину обиталищу; но ни вокругъ корчмы, ни внутри ея ни души не было примѣтно: палящая жара, очевидно, загнала все живое въ какія-то невѣдомыя закуты; даже еврейская неугомонная дѣтворца, которая вѣчно торчитъ на дворѣ, теперь тихо забилась, запряталась, въ какіе-то темные уголки, ища себѣ прохлады отъ этого душнаго зноя.

— Гей! кто тамъ у васъ?!.. Есть-ли живѣ чловѣкъ?—Отзовися! зычнымъ голосомъ закричалъ Апроня.

Спустя минутку, внутри какъ будто что-то зашевелилось. Послышался скрипъ внутренней двери, а за тѣмъ пріотворилась и наружная, изъ-за которой таинственно глянулъ на насъ обликъ молодой женщины. Чтѣ на ней было надѣто—мы, по краткости времени, не могли замѣтить, но видѣли только, какъ изъ мрака сѣней сверкнуло бѣлизной полуобнаженное плечо, какъ она поспѣшно и стыдливо постаралась прикрыть рукою свою разстегнутую грудь и въ то-же мгновеніе сконфуженно поторопилась скрыться опять въ глубину сѣней, захлопнувъ за собою двери. Осталось у насъ только мимолетное, смутное впечатлѣніе какъ бы чего-то сверкнувшаго, чего-то очень красиваго.

— Что сей сонъ значитъ? съ улыбкой спросилъ Апроня, обводя всѣхъ насъ недоумѣвающимъ взоромъ.— Вотъ, ужъ именно «какъ мимолетное видѣніе, какъ гениі чистой красоты!» Откуда это и кто она, — не знаете, господа?

Но на послѣдній вопросъ никто изъ насъ не могъ дать никакого отвѣта; мы, точно такъ-же какъ и Апроня, ничего не знали и, какъ и онъ же, каждый готовъ былъ въ свою очередь спросить: «что сей сонъ значитъ?»

— Гей! да выйди же, наконецъ, кто нибудь!... Гершко! Дьяволъ!...

— Заразъ, заразъ, панѣчку! заразъ! послышался сплывъ заспанный голосъ, сопровождаемый катаральнымъ хрипомъ и кашлемъ.

Черезъ минуту на порогѣ показался сгорбленный, пожилой еврей съ свивыми пейсами и такою же бородкой, въ порывѣ засаленной ерможкѣ, сбитой въ сторону и на затылокъ, въ «пантофляхъ» на босу ногу и въ рвномъ «ляпсардыжѣ», изъ-подъ котораго мотался талисманическій «цыцесъ». Лицо его было багрово и одутловато, а голова, почти безъ шен, плотно сидѣла на коренастомъ, приземистомъ туловищѣ. Это былъ самъ корчмаръ ребъ Гершко Гершуна. Не надо было быть особеннымъ специалистомъ, чтобы, взглянувъ на его лицо и фигуру, сразу и безошибочно опредѣлить, что естественная смерть ребъ Гершуны воспослѣдуетъ не иначе какъ отъ апоплексическаго удара. Почтенный Гершко, «по слабости здоровья», сильно придерживался чарки, и каждый вечеръ былъ уже положительно, что называется, «готовъ». А надо замѣтить, что подобная слабость является рѣдкимъ исключеніемъ въ средѣ евреевъ. Они, вообще, хотя и пьютъ, но очень умеренно и почти никогда не напиваются до пьяна. Почтенный же ребъ Гершуна, благодаря своей «слабости здоровья», сдѣлался притчей во языцѣхъ и постояннымъ предметомъ персудовъ между всѣми окрестными соплеменниками; на него указывали какъ на пагубный примѣръ, какъ на позоръ во Изра-

илѣ, прибавляя при этомъ съ укоризной: «а еще старозаконный!»—Ребъ Гершко при этомъ, какъ бы сознавая свое непотребство, обыкновенно вздыхалъ сокрушенно, пощмокивалъ языкомъ, покачивалъ головою, почесывалъ въ затылкѣ—и все сваливалъ на судьбу да на слабость здоровья, оправдываясь тѣмъ, что какъ же, молъ, ему не пить, если онъ овдовѣлъ, а жена и не подумала о томъ, что, умирая, она оставилетъ на его вдовьи руки столько ребятъ малъ-мала меньше! Всею причиною, значитъ, неумѣстная смерть жены, которую онъ такъ оплакиваетъ, такъ горько и чувствительно оплакиваетъ, что только въ винѣ и можетъ топить свое горе. Добрые люди совѣтовали было ребъ Гершунѣ жениться вторично, и онъ самъ былъ не прочь отъ этого, но слава о слабости его здоровья шла столь далеке, что ни въ ближнихъ, ни въ дальнихъ мѣстечкахъ рѣшительно не находилось ни одной охотницы связать себя супружескими узамъ со старымъ и пьянымъ Гершкой. Понятное дѣло, что при такой «слабости здоровья» гандловыя дѣла и гешфты ребъ Гершуны шли очень плохо: онъ имѣлъ возможность только кое-какъ перебиваться изо-дня въ день со своею дѣтворцѣю, но при всемъ этомъ не ропталъ ни на людей, ни на Бога, и былъ чловѣкъ положительно добрый, смиренный и общительный, который любилъ и угостить, и выпить въ компаніи «съ хорошимъ чловѣкомъ»; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что къ солнечному закату ребъ Гершко оказывался невяжущимъ лыка. Теперь онъ вышелъ къ намъ вопльяна и, очевидно, только что съ прохонья.

— Стаканъ воды, пожалуйста! И огня давай! обратились къ нему разомъ и майоръ, и Апроня.

— Ой, ваше бляхгородю, у насъ такой погланый вода зъ рѣчку, што й пить не къ лицу такимъ бляхгородни гашпидамъ! замахалъ рукою Гершко, скрививъ свою физиогномію такъ, чтобы она самымъ нагляднымъ образомъ выражала отвращеніе.— А взже якъ ви такъ гхочете, то у мене есть мідъ на лѣдвня, гхаросни мідъ липецъ! то взже лепшъ викусайте липцу!

— Давай, чего хочешь, только поскорѣе! согласились наши жаждущіе.

— Велля! повернувшись къ двери закричалъ ребъ Гершко.

Въ темномъ пространствѣ сѣней какъ-то скромно и стыдливо показалась стройная фигура высокой дѣвушки, которая тщательно кутала въ большой бѣлый платокъ свои плечи. Ребъ, отдавая ей приказаніе, торопливо затараторилъ что-то по еврейски, въ чемъ мы могли разобрать одно только: «айнъ липцесъ-бутельке.»

Пока я, соскочивши съ сѣдла, подтягивалъ подпруги, а ребъ Гершко, жалуясь на жару и духоту, подносила майору зажженную спичку, на дворѣ высыпала вся ватага его замурзанной, ободранной дѣтворы, которая осматривала насъ съ равнодушнымъ любопытствомъ.

— Все твои? кивнулъ майоръ на ватагу.

— Уше мой! съ отеческой гордостью отвѣтствовалъ ребъ:—уше Гершки и усше Гершунятки! Богхъ блягхословилъ мене!

— А та мадамъ—жена твоя, чтоли?

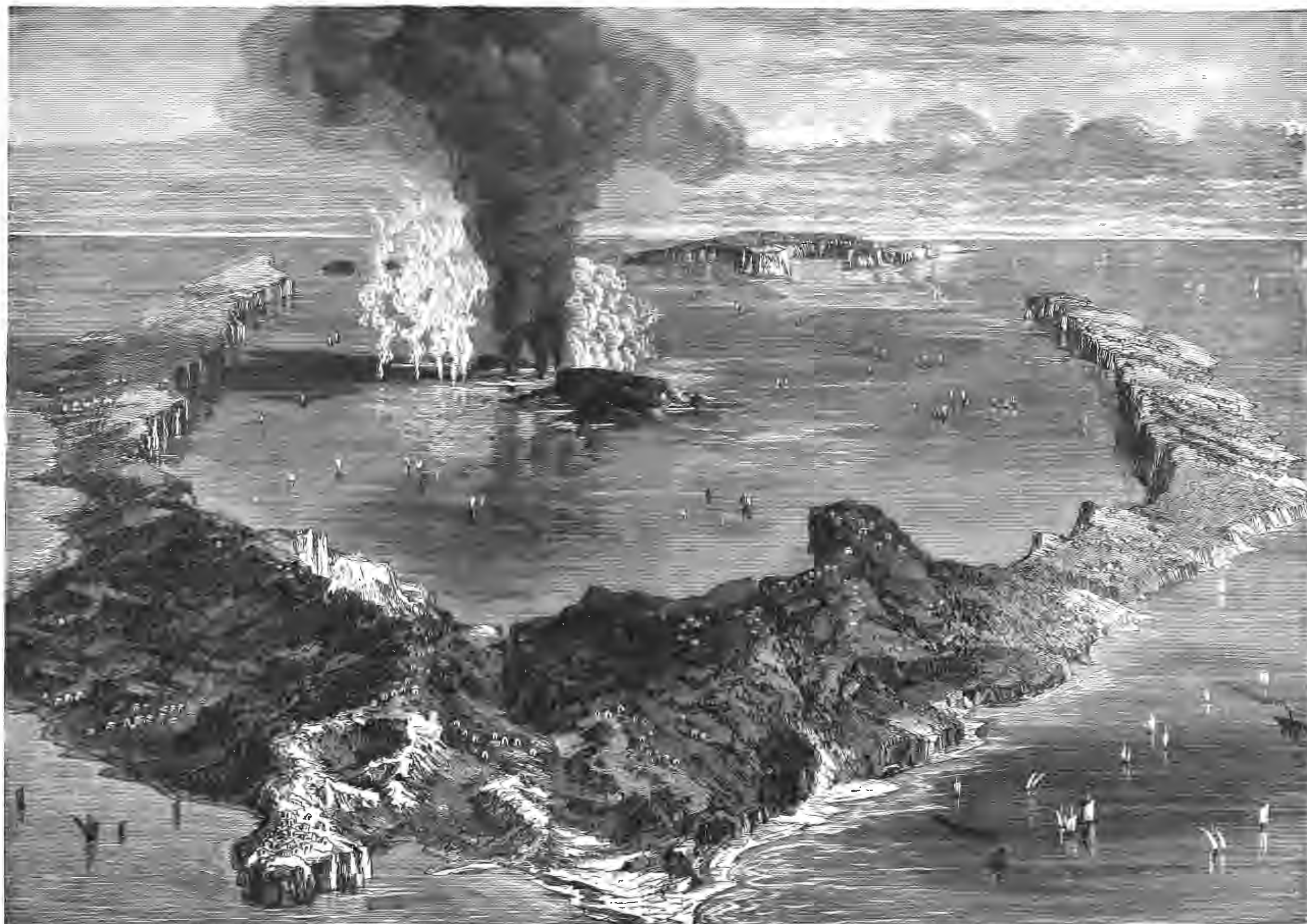
— Зквинните, она еще не мадамъ, а мамзелъ, съ вѣжливой улыбкой проговорилъ Гершко:— и она зкѣ не жѣона менѣ, бо мово жѣонка Богхъ узилъ до сшѣбѣ, а она менѣ дцурка.

— Твоя дочь? съ удивленіемъ спросилъ Апроня.

— Такъ есть, моя старешая, судмнадцатый рокъ пайшелъ взже! И такой гхаросни еврейски дѣвицу! такой мондры, такой набозжни! съ родительской гордостью похвалялся Гершко.

— Что жъ ты ее въ дѣввахъ-то держишь? Замужъ бы пора уже? замѣтилъ майоръ.

Ребъ, скрививъ рожу, почесалъ въ затылкѣ.

Греческий островъ Санторинъ въ Эгейскомъ морѣ. Рис. де ла Шарлери, грав. Вендтъ.

— Ой вай! цмокнулъ онъ, со вздохомъ:—кабъ якой гхаросшій партый, а то партый такой нѣтъ!... Та ѿ она ёще така млода и така глупа. «Нѣтъ, гховорить, татуле, я не гхочу замужъ, мене и такъ гхарасшьо!»

— Гдѣ жъ она была у тебя прежде? Я что-то не помню ее... замѣтилъ майоръ, ныхти изъ своей коротенькой походной трубки.

Оказалось, что Велля до прошлой зимы жила и воспитывалась въ Крынкахъ *): у своей тетки, но тетка умерла, не оставивъ ей ничего, кромѣ кое-какихъ пустыхъ нарядовъ,—и бѣдной Веллѣ, не пожелавшей мыкаться по чужимъ людямъ въ качествѣ, «наймытки-батрачки», пришлось перебраться въ Гродненскую пуцу, на отцовское «господарство». Можно представить себѣ, какова должна была показаться молодой дѣвушкѣ жизнь въ этой лѣсной трупцѣ, на пустырь, да еще зимою, съ оравой голодныхъ и босыхъ братишекъ и сестреночкъ и съ вѣчно пьянымъ, безпечнымъ и безалабернымъ отцомъ!

Между тѣмъ, пока ребъ Гершко распространялся о Веллѣ и ея теткѣ, сама Велля успѣла уже пѣскоро навинуть на себя какое-то бѣлое съ мушками ситцевое платье, въ покрѣе котораго сказывалась претензія на современныя городскія моды,—и вышла къ намъ, уже безъ слѣдовъ смущенія на лицѣ, держа въ рукахъ подносикъ со штопоромъ, бутылкой и двумя стаканами.

Теперь мы могли вполне разглядѣть ее.

Это была красота поразительная! Хотя Веллѣ только пошелъ семнадцатый годъ,—но на видъ, какъ и большая часть женщинъ азиатскаго типа, она казалась гораздо старше своего возраста. Вы бы сказали, что ей навѣрное уже стукнуло двадцать-одинъ или двадцать-два года. Представьте себѣ весеннюю розу въ то майское утро, когда она, только-что окончивъ ходъ своего естественнаго развитія, вполне дозрѣла, распустилась роскошнымъ махровымъ цвѣткомъ и вся еще скромно дышетъ силою нетронутой свѣжести,—такова была Велля. Стройная, крѣпкая, съ тою плавною округлостью формъ и движеній, которыя ясно говорятъ вамъ о сдержанной внутренней силѣ, о внутреннемъ огнѣ, затаенномъ до поры до времени, и служить признакомъ несокрушимаго здоровья и громаднаго запаса жизненныхъ силъ,—эта дѣвушка поражала еще и очаровательною прелестью своего лица, которое носило въ себѣ характерный отпечатокъ чистаго еврейскаго типа—но типа такого, какой встрѣчается вамъ въ лучшихъ образцахъ искусства, переносящихъ его на полотно во всей его библейской красотѣ и поэзіи. Жаркій и нѣсколько смугловатый колоритъ лица, синеватый отливъ черныхъ курчавыхъ волосъ, которые, казалось, отягощали своимъ изобиліемъ ея голову, характерный подгибъ бровей, яркія и нѣсколько крупныя губы,—все это дышало силой и страстью; но огонь баядерки, горѣвшей въ ея глазахъ, умѣрялся тѣнью длинныхъ и скромно-опущенныхъ рѣсницъ. Художникъ не нашелъ бы для себя лучшаго типа, если бы вздумалъ писать библейскую Юдию съ отсѣченной головой Олоферна.

Велля, какъ бы не замѣчая, что столько глазъ любуются на нее съ нескрываемымъ изумленіемъ и восторгомъ,—скромно потупивъ взоры, показывала видъ, что она исключительно занята своимъ дѣломъ и тщательно сбивала штопоромъ сургучъ съ засмоленной бутылки. Ясный взоръ ея мимолетно поднялся и сверкнулъ на насъ на одно лишь мгновение въ ту минуту, когда налившимъ холоднымъ медомъ стаканы, она поднесла ихъ желавшимъ наниться. Но что это было за взглядъ и что за очарованіе въ немъ свѣтилось!

Бутылка была распита менѣе чѣмъ въ минуту. Но тутъ случилось маленькое и непредвидѣнное затрудненіе.

*) Мѣстечко въ Гродненскомъ уѣздѣ.

Оказалось, что никто изъ насъ не догадался захватить съ собою денегъ; да оно и понятно: на что брать съ собою деньги, въ деревнѣ, выѣзжая изъ дому просто-себѣ прогуляться на какіе нибудь полтора-два часа времени?

— Сколько тебѣ слѣдуетъ, Гершко?

— Два злоты за бутелька, съ почтительнымъ поклонномъ отвѣтилъ еврей.

Мы объяснили ему наша затрудненіе.

— Ну, то ниць не шкодзе! ¹⁾ предупредительно замахалъ онъ рукою:—ниць не шкодзе, васше блягородю! Мы зже васъ ззнаемъ! А якъ вамъ мой міддекъ прійшелся до густу, ²⁾ то у мене завше ³⁾ можно пакипать сколько бутелькевъ. Когхда ви тольке стхочете, то моя Велля будзиць носить до васъ на фольварокъ! И позѣмку зъ лясу, и гржибы зъ лясу ⁴⁾ такъ само-зжъ можна носіць!

— Ну, это и прекрасно! подхватили чуть не всѣ мы хоромъ:—пускай и меду, и поземки, и грибовъ, и всего пускай носитъ! Да побольше, да почаще! да присылай ея поскорѣе!

— Присылай сегодня же: деньги получить! крикнулъ въ заключеніе Апроня,—и мы, сопровождаемые многочисленными поклонами ребъ Гершки, весело тронулись далѣе.

Тѣнь зеленаго, густаго лѣса, навѣвая тихую прохладу, видимо освѣжила и оживила нашу компанію.

— Боже мой! И это—родная дочка пьянаго, заса-леннаго Гершки! воскликнулъ Апроня.

— Просто оскорбительно! сплюнулъ въ сторону юнкеръ Ножинъ.

— Н-да! рѣдкостная красота! раздумчиво согласился майоръ, посасывая трубочку:—и чортъ ихъ знаетъ, подумаешь, какъ это у нихъ родятся такія въ подобныхъ условіяхъ жизни, а главное, какъ онѣ могутъ развиваться въ такую прелесть!.. Вѣдь, подика, кромѣ «щилѣтке» да «цыбульке» и не ѣсть ничего, а вся такъ и пышетъ здоровьемъ!

— Ухъ, такую-то женщину въ Петербургъ бы!... не безъ азарту воскликнулъ юнкеръ, даже зажмуривъ глаза отъ увлеченія:—показать бы ее только въ театрѣ да на гуляньѣ, такъ вѣдь и брилліанты, и бельэтажи, и рысаки, и тысячи—все въ ея ногамъ полетѣло бы! Концессіи раздавать бы стала!

— Н-да! все такъ-же раздумчиво замѣтилъ майоръ:—а здѣсь вотъ и замужъ ее никто не беретъ, потому—бѣдная! «грѣши не мае!» Такъ и завянетъ!

— Ну, по моему, ужъ пусть лучше вянетъ, отвѣтилъ Апроня,—чѣмъ выйдти за какого нибудь грязнаго Шмулька въ лапсардыкѣ да наподить съ нимъ дюжину всякихъ Шмулятокъ. Завянуть въ глуши—это все же какъ-то поэтичнѣе!

— Просто оскорбительно! энергически и досадливо повторялъ нашъ юнкеръ.

* * *

Велля стала иногда показываться у насъ на фольваркѣ, принося каждый разъ то грибовъ, то ягодъ, при чемъ товаръ ея оплачивался щедрою рукою. Эта щедрая плата вѣроятно и служила причиною ея довольно частыхъ посѣщеній. За какой нибудь кувшинъ земляники, вся цѣна которому десять грѣшей, ни одинъ изъ насъ, бывало, не скупился бросить лишній рубль, чтобы получить въ благодарность застѣнчиво-радостную, прекрасную улыбку,—тѣмъ болѣе, что всѣ мы очень хорошо знали, до какой степени дорогъ каждый грошъ этой бѣдной дѣвушкѣ и ея босоногому семейству. Она являлась всегда по утрамъ, около того времени какъ мы кончали нашъ завтракъ, и скромно, терпѣливо

¹⁾ Не бѣда!

²⁾ По вкусу.

³⁾ Всегда.

⁴⁾ Землянику и грибы изъ лѣсу.

оставалась дожидаться насъ на дворѣ, около крылечка. Скольکو, разъ, бывало, просили ее войти въ комнаты, отдохнуть, закусить, — Велля всегда очень деликатно отпѣкивалась. Не отказывалась она только отъ стакана чаю, когда ей предлагали его, но и то выпивала этотъ стаканъ на крылечкѣ, не переступая нашего порога. Въ этой дѣвушкѣ въ особенноти было замѣчательно, что она являлась къ намъ всегда въ чистенькомъ колѣнкоровомъ или ситцевомъ платьѣцѣ, а это—надо замѣтить—большая рѣдкость между евреями, не только бѣдными, но даже и весьма зажиточными: можете быть увѣрены, что заурядная еврейка отъ шабаша до новаго шабаша ни за что не надѣнетъ на себя чистаго платья. Нелзя сказать, чтобы и наша Велля отличалась чистотою въ своемъ домашнемъ обиходѣ: тамъ на ней, конечно, были точно такія же грязныя лохмотья, какъ и на каждой еврейской работницѣ, — но къ намъ на фольваркѣ она приходила всегда такая чистенькая свѣжая и скромная, что казалось, будто, сознавая свою красоту, она не хочетъ портить изящнаго впечатлѣнія въ людяхъ, залюбовавшихся ею съ перваго разу. Каждый разъ она просила позволенія сорвать съ куста одну или двѣ розы и очень кокетливо украшала ими свою курчавую головку. Понятно, что съ нашей стороны никогда не встрѣчалось ей въ этомъ отказу, а юнкеръ Ножинъ даже весьма обязательно набиралъ для нея цѣлыя букеты. Когда, бывало, начинали съ нею шутить, она отвѣчала скромною улыбкой и не дичилась въ разговорѣ; но чуть лишь эта шутка переходила предѣлъ невинной скромности, обращаясь въ легкое заигрываніе, Велля вдругъ вспыхивала, въ характерныхъ бровяхъ ея показывалось тревожное движеніе страха и обиды — и, озираясь во всѣ стороны смущенно-безпокойнымъ взглядомъ, она торопилась уйти съ фольварка. Это странное озиранье по сторонамъ было та-

кого свойства, что невольно казалось, будто Велля опасается какого-либо тайнаго и ревниваго соглядатая, который, вслѣдствіе допущенной ею вольности, имѣлъ бы право заподозрить ея чистоту и скромность. Поэтому, послѣ одного или двухъ опытовъ въ подобномъ родѣ, никто изъ насъ уже не дозволялъ себѣ пускаться съ Веллей въ излишнія любезности. Но эта пугливая и застѣнчивая скромность только увеличивала обаяніе ея прелести. Намъ, людямъ заброшеннымъ со своимъ эскадромъ въ глушь пустыннаго лѣса, гдѣ почти и не встрѣтишь женскаго лица, — намъ, безъ всякихъ цѣлей и намѣреній, было просто пріятно встрѣчать иногда у себя на мызѣ это свѣтлое, молодое существо, во всей его нѣсколько дикой и своеобразной прелести. Исключительная обстановка нашего существованія, «на травѣ», и эта пуща зеленая, и эти озера лѣсныя, и это горячее лѣто—все какъ будто совокуплялось такъ, что утреннее появленіе дикарки Велли вносило въ нашу лѣсную жизнь вѣяніе чего-то поэтическаго. Юнкеръ Ножинъ безъ ума влюбился въ стройную дочь ребе Герцуны; онъ просто бредилъ ею, называя ее, въ своемъ влюбленномъ восторгѣ, то Юднью, то Иродіадою, рвалъ для нея пышные букеты, немилосердно истребляя красу нашихъ роскошныхъ розовыхъ кустовъ и жестоко царая себѣ руки колючими шипами, — а въ свободные часы исчезалъ на одинокія прогулки въ глубину пущенскихъ дебрей, въ тщетной надеждѣ встрѣтиться тамъ со своею очаровательницей. Но, увы!—надо думать, что мечты и надежды юнаго Ножина не увѣнчивались ни малѣйшимъ успѣхомъ, потому что онъ возвращался каждый разъ домой усталый, нѣсколько смущенный и видимо обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, избѣгая улыбокъ и распросовъ добродушнаго маіора.

(Продолженіе будетъ).

Изъ жизни духовныхъ.

Іюньское утро уже уступило мѣсто ясному и невыносимо жаркому дню. Еще 10 часовъ, а ужъ жара стоитъ такая, хоть бы въ полдень. Никто изъ крестьянъ не ѣздитъ въ такую жару; кому нужно было куда поѣхать—отправлялся еще досвѣту, чтобъ не спарить на жарѣ скотину.

Но не всѣ такъ разсуждаютъ какъ крестьяне; даже и священникъ села Алѣева не проникся этою народною мудростію. Вотъ выѣзжаетъ онъ съ своего двора и, не смотря на жару, погоняетъ свою маленькую, лохматую, пузатую и вовсе незрачную лошаденку. И бѣжить лошаденка, живо и легко перебирая своими коротенькими ногами,—благо и упряжь на ней не тяжолая: комутъ мочальный, дуга легкая, маленькая, едва возвышающаяся надъ головою лошади; тѣлега, простая деревенская тѣлега тоже подъ силу нашей лошадкѣ; и груза ни какого нѣтъ въ тѣлегѣ, —только вилы, длинныя вилы, большая половина которыхъ торчитъ внѣ тѣлеги, да священникъ самъ въ старомъ нанковомъ полукафтаницѣ въ шляпѣ, надѣтой поверхъ блага какъ свѣтъ колпака—больше ничего и ничего нѣтъ въ тѣлегѣ. Виновать, впрочемъ: въ колѣнахъ у священника стоитъ кошель, который тотъ поддерживаетъ и постоянно опущиваетъ: цѣло ли тамъ все. И погоняетъ священникъ свою лошадку, а лошадка бѣжитъ своєю обычной мелкой, живой рысцою. Трясется тѣлега, трясется кошель въ колѣнахъ у священника; подпрыгиваетъ священникъ, сидя на тѣлегѣ, подпрыгиваетъ лошадка, подпрыгиваетъ дуга, бряцающая колечкомъ,—а тому кто сидитъ въ тѣлегѣ, кажется, что и все окружающее тоже подпрыгиваетъ.

Пропрыгавъ версты четыре, лошадка подвезла священника къ рѣкѣ и остановилась у вѣзда на паромѣ. Паромъ какъ разъ къ этому времени подходилъ къ тому берегу, на которомъ остановилась лошадь священника. Паромъ причалилъ. Всѣ бывшіе на паромѣ, увидѣвъ священника, сняли шапки и стали подходить къ благословенію. Благословивши всѣхъ, священникъ сталъ вводить свою лошадь на паромъ, а паромщикъ между тѣмъ побѣжалъ на возвышенное мѣсто берега посмотреть: не ѣдетъ-ли еще кто. Оказалось, что никого не было.

Воротившись, паромщикъ отчалилъ и велѣлъ двумъ парнямъ (вѣроятно работникамъ) тянуть. Парни ухватились за веревку, проведенную черезъ паромъ отъ одного берега къ другому, — и паромъ медленно, едва-едва замѣтно, началъ подвигаться къ противоположному берегу.

— Что поздно, батюшка, на покось-отъ ѣдемъ? Чай ужъ полдни скоро? обратился къ облокотившемуся на тѣлегу священнику паромщикъ, тоже облокотившійся на тѣлегу съ другой стороны.

— Да такі позамѣшался; тамъ съ молитвой съѣздитъ, съ причастиемъ къ двоимъ. Тутъ вѣдь какъ нарочно, когда слѣдшишъ куда, такъ тутъ тебѣ сейчасъ и треба.

— Значитъ, тамъ у тѣ другой покось былъ, сказалъ паромщикъ, улыбаясь,—ну, а на этомъ-то покосѣ ужъ ты теперь мало наработаешь, своимъ мало поможешь!

— Не помогу такъ посмотрю — все живѣй работа пойдетъ; за хозяйскимъ глазомъ-то какъ-то спорнѣй работа идетъ.

— Это точно, хозяйскій глазъ много значить, у меня вотъ у самого работники—такъ это ужъ я знаю. Сейчасъ вотъ только уйда, ну и жалоба на паромщиковъ: не добудешься, баютъ. Однако, тебѣ-то много нечего заботиться-то, убытку немного много будетъ, если и пожежать маленько.

— Какъ не много убытку? они тоже, чай, хлѣбъ ѣдятъ, ихъ убаготворить надо, а то въ другой разъ и не пойдутъ.

— А хлѣбъ-то ай у тѣ покупной? Вотъ ты баншь, съ молитвой ѣздитъ, значить, кстины скоро будутъ—вотъ тѣ и хлѣбъ.

— Ну, не хлѣбъ поѣдятъ, такъ время потратятъ, а время пока хорошо; какъ проморгаешь его, ну и простишь тогда съ сѣномъ, пойдутъ дожди, тогда его ужъ не соберешь.

— Дожди точно... Еще хоть бы денечка два постояло этакъ-то—тогда бы и я убрался. Мои тоже подкашивають.

И паромщикъ началъ осматриваться кругомъ.

— То-то и есть — то, — вездѣ поспѣвать надо, Тарасъ Ильичъ.

— Это я, батюшка, вѣдь шута сказалъ; знамо дѣло, за хозяйствомъ надо смотреть. А дожда было не откуда ждать, сказалъ паромщикъ, осмотрѣвъ небо,—ишь небо-то какое чистое!

— Какъ знать?!

— Знамо дѣло, что Богъ дастъ,—а у Бога, говорятъ, всего много.

— А дождикъ непременно будетъ — ишь какъ парить!.. сказалъ священникъ, протягивая руку въ воздухъ. Священникъ снялъ шляпу и остался въ одномъ колпакѣ, изъ-подъ котораго выбивались коротенькія косички рѣдкихъ волосъ.

— Точно—душно, отвѣчалъ паромщикъ.—А что, своимъ ничего не везешь? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, заглядывая въ тѣлегу,—аъ у нихъ есть?

— Ну, Акси́ня, послѣдній обѣдъ-то теперь—корми слаще; сала въ кашу больше клади, сказалъ Никита, работникъ священника.

— Что есть, все положила; не бойсь, Никитушка, и такъ-бы поѣлъ, какъ бы не батюшка: матушка вовсе не хотѣла давать сала-то.

— Ну что, Акси́ня, готово что-ль? спросилъ подошедшій въ это время священникъ.

— Садитесь, садитесь!.. отвѣчала Акси́ня, обращаясь ко всѣмъ,—Софронъ, Никитушка, Поля, садитесь!

— Ну-ка, Софронъ Михайловичъ, передъ обѣдомъ то!..

— Самъ-то, батюшка, сперва пей.

Священникъ вышелъ и подноситъ опять Софрону.

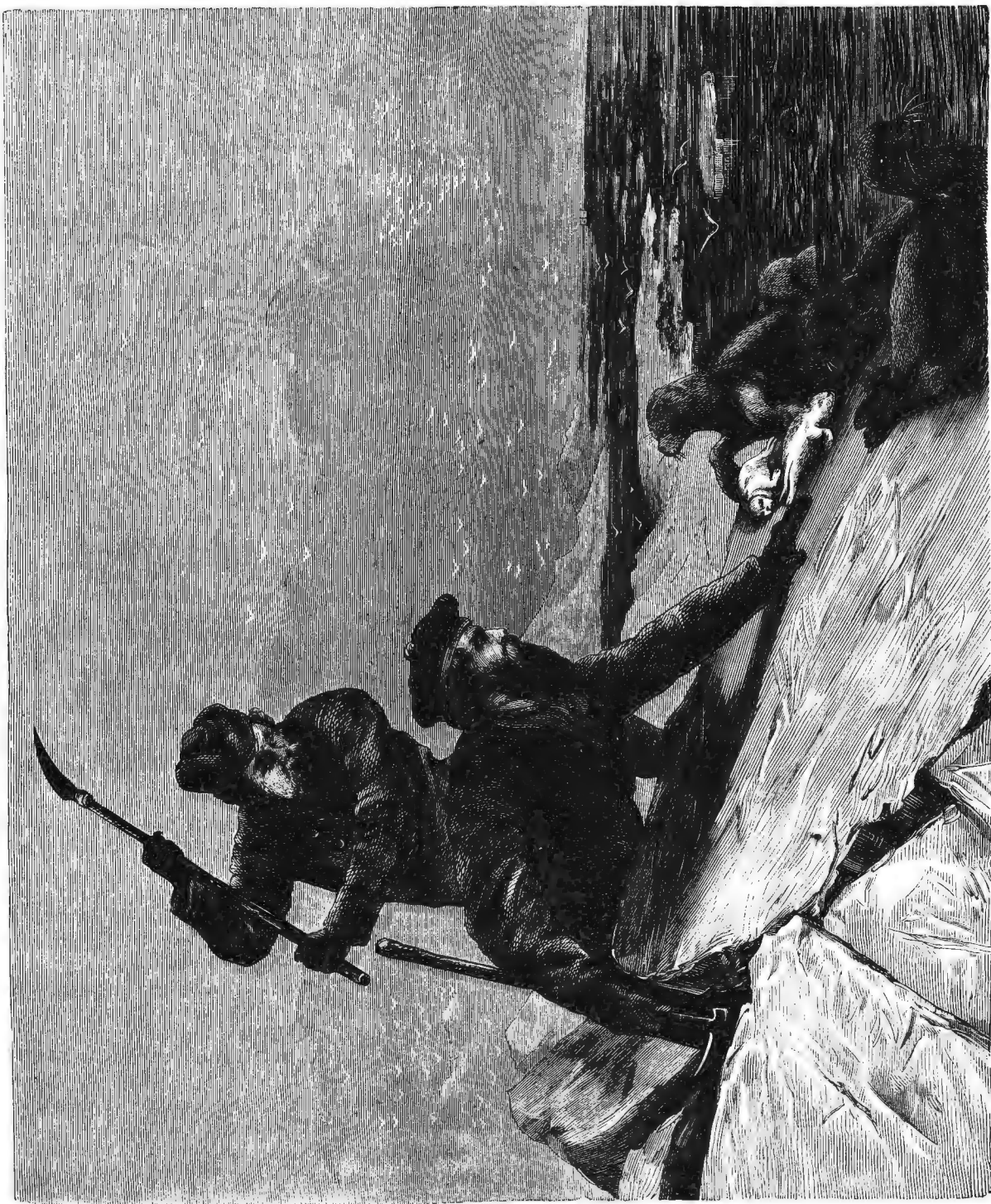
— Ну, здравствуйте, батюшка!

— Кушай на здоровье.

Священникъ подноситъ всѣмъ.

— Ну ка, Пелагея, сказалъ священникъ, подноси стаканъ дѣвущкѣ лѣтъ пятнадцати.

— Нѣтъ, батюшка, я не пью, отвѣчала дѣвушка, покраснѣвъ до ушей.

Охотники за тюленями. Рис. В. Краббе, грав. К. Петровъ.

Всѣ, кромѣ священника и Акси́ня, сѣли вокругъ постеленной на землю рогожи.

— Чего вамъ, мое милые, впередъ-то — квасъ съ огурцами, али молоко кислое? спрашивала Акси́ня.

— Молоко послѣ, отвѣчали нѣкоторые,—квасъ давай.

— Да сухариковъ въ него подсыпь, маленько зубы свои поточу, прибавилъ старикъ Софронъ, пришедшій, какъ и всѣ почти рабочіе, къ священнику на день покоситься.

Священникъ между тѣмъ пошелъ къ привезенному имъ кошелю, досталъ оттуда штофъ съ водкой, вынулъ изъ кармана стаканчикъ и налилъ его подходя къ Софрону.

— Ну, не пьешь?!—выпей! жениховъ-то тутъ нѣтъ, не увидать; а мы-то никому не скажемъ, за то работать будешь лучше.

— Выпей, дура! заговорила въ свою очередь и Акси́ня, — а то вѣдь измаялась—отдохнешь лучше.

— Чего отговариваетесь-то!.. примолвилъ и Софронъ, — батюшка онъ не обезсудитъ, а мы-то ничего, потому въ нашемъ быту безъ этого нельзя.

Водей-неволей дѣвушка взяла стаканъ и выпила половину.

— Ишь ты, словно дѣвка красная! ну, вѣнчать тебя еще рано; а вѣдь никакъ засватываютъ? непременно скажу, чтобъ тебя не сватали, шутилъ священникъ, принимая стаканъ, — ну, съ

Богомъ, ѣшьте на здоровье, а я вотъ маленько отдохну, ѣсть что-то не хочется.

И священникъ отошелъ къ телѣгамъ и сѣлъ на лежащей около телѣги хомутъ.

— А вошь и Андрей Петровичъ за чѣмъ-то къ намъ жалуется, сказалъ священникъ, увидѣвъ идущаго по направленію къ нимъ дьячка.

— За хлѣбомъ не бойсь!—онъ все за хлѣбомъ ходитъ.

Подходить дьячокъ, высокій широкоплечій мужчина, съ длинной широкой бородой, босикомъ, въ длинной до колѣнъ рубахѣ, черной какъ у чумака въ дорогѣ; рубаха распоясана; на головѣ у него надѣта старая засаленная и заваленная фуражка, которую онъ взялъ напрокатъ у своего сына, пріѣхавшаго изъ училища, и отъ козырка которой остался только небольшой треугольникъ, прикрывающій лѣвый глазъ дьячка.

— Богъ на помощь!.. сказалъ дьячокъ, проходя мимо объѣдающихъ.

— Спасибо, Пахомычъ!.. отвѣчала Аксинья.

— Гдѣ это ты себѣ, Андрей Петровичъ, шлыкъ-то такой досталъ? насмѣшливо спросилъ дьячка Софронъ.

Вопросъ и замѣчаніе Софрона сопровождалось смѣхомъ прочихъ рабочихъ.

— Онъ ужъ весь покосъ въ немъ щеголяетъ. Онъ всегда на покосѣ такъ-то: рубаха то, вишь, какъ нарочно въ трубѣ вывалена, продолжала Аксинья насмѣшливыя замѣчанія Софрона.

— Да что, по вашему чтоль рядиться стану на покосъ-то! вѣдь это не въ церковь: въ церковь—другое дѣло, отвѣчалъ дьячокъ, подходя къ священнику.

— Знамо дѣло, косить—не аликую чѣтъ, здѣсь какъ разъ зацѣпились! замѣтилъ кто-то вслѣдъ дьячку.

— А когда онъ не замазанный-то бываетъ? развѣ только изъ бани выйдетъ, прибавила Аксинья.

— Благословите, батюшка.

— Ну что, Андрей Петровичъ, новенькаго скажешь? спросилъ священникъ, благословляя дьячка.

— Какія новости, кромѣ нашей болѣсти! какъ-то сердито отвѣчалъ дьячокъ.

— Что такъ? ай по лѣтошнему опять сиина заболѣла? смѣясь спросилъ священникъ.

— Вамъ все, батюшка, смѣхъ, а тутъ—горе! Ишь ихъ какой содомъ!.. сказалъ дьячокъ, указывая на свою луговину, на которой около женщины столпились человекъ шесть—семь ребягцшекъ,—все хлѣба просятъ.

— О—хо-хо, сколько у него работниковъ-то! что же ты тушишь-то? продолжалъ смѣяться священникъ.

— Какіе они работники! только хлѣбъ ѣдятъ.

— Они у него, батюшка, настоящіе татараты—такіе же бритые и распоясанные, вернула Аксинья.

— Все веселѣй работать - то, Андрей Петровичъ! вступился въ разговоръ и Софронъ,—на міру, бають смерть красна.

— Не больно-то весело, Софронъ Михайловичъ, со вздохомъ отвѣчалъ дьячокъ,—съ ними и ѣсть-то не весело.

— Ёсть-то, Андрей Петровичъ, и одному не скучно.

— Батюшка, двугривенчикъ этакъ нѣтъ?

— Что мало? я четвертакъ на твою долю привезъ.

Всѣ засмѣялись, думая, что священникъ шутитъ.

— Нѣтъ, не шутя, батюшка, двугривенчикъ-то пожалуйте.

— Изволь!.. и священникъ досталъ мѣдъ, отсчиталъ двугривенный и отдалъ дьячку, а остальные хотѣлъ положить обратно въ карманъ.

— Кои и взаправду, батюшка, четвертакъ на мою долю привезли, такъ ужъ дайте пятачекъ-то; все равно вѣдь...
— Да вѣдь ужъ это лишнее будетъ.

— Ничего - ста, я табаку себѣ куплю, а то глаза что-то туманить стало,—давно не заряжалъ.

— А у отца дьякона-то развѣ нѣтъ тоже?

— Онъ тоже на меня понадѣялся, да инъ ошибся.

— Кто ихъ батюшка, знаетъ, кто на кого у нихъ надѣется-то! Они всегда такъ-то другъ на дружку говорятъ, проговорила Аксинья, почему-то не любившая дьячка и дьякона.

— Ну, ужъ и всегда; вотъ нынѣ только обидѣли. У тебя, Аксинья, не останется хлѣба? вѣдь вы ужъ нынѣ кончите со-вѣсьмъ.

— Ну вотъ, всегда у тѣ не достаетъ; прошлый годъ тоже самое было: пришоль, взялъ полхлѣба, а послѣ и не отдалъ. Да-ста, на покосѣ, говорить, бралъ, на покосѣ и отдамъ. Ну вотъ онъ и покосѣ!... Отдавай. А хлѣба теуерь у насъ нѣтъ, вонъ сухари есть, бери, сколько хошь.

— Ну давай хоть сухарей! - дьячокъ насыпалъ полу фуражку сухарей.—Такъ, батюшка, пятачекъ-то добавьте, обратился онъ къ священнику.

Священникъ отдалъ пятакъ, и дьячокъ ушоль.

— Ну, теуерь, батюшка, паномаря дождай, усмѣхался сказалъ Софронъ,—покорно благодаримъ за хлѣбъ за соль, прибавилъ онъ, помолвившись послѣ обѣда.

— На здоровье! Вамъ спасибо, что помогли.

— Не за что, батюшка.

Къ вечеру, не далеко отъ того мѣста, гдѣ стояла тѣлега, уже красовался высокій стогъ сѣна; на самой его верхушкѣ сидѣлъ Софронъ. На луговинѣ не осталось ни одного клочка травы. Стогъ отесывали граблями, и остатки клали въ тѣлегу.

— Ну, батюшка, ладно ли? кричитъ Софронъ съ верхушки стога,—теуерь давайте веревку. Софрону подали веревку, одинъ конецъ которой былъ удержанъ бросавшими, а другой конецъ Софронъ спустилъ на противоположную сторону.

— Теуерь держите крѣпче! Держите!

— Держимъ!

И Софронъ сталъ спускаться по свободному концу веревки.

— Теуерь слава Богу, сказалъ онъ, ставъ на землю.

— Слава Богу! спасибо! сказалъ священникъ,—теуерь лошадей запрягайте и по домамъ.

Лошади были готовы. Кувшины, котелки, кошели, все было уложено и готово къ отъѣзду.

— Ты, Аксинья, я тотъ кошель уложила, что я-то привезъ? Экая ты кака! ну-ка, достань его.

Аксинья достала кошель, и священникъ вынулъ оттуда другой штофъ съ водкой.

— Ну-ка, Софронъ Михайлычъ, окончимши-то...

— Съ себя, повторилъ Софронъ уже затверженую форму.

— Нѣтъ, я ужъ послѣ.

— Ну, окончимши!.. поздравилъ Софронъ, принимая стаканъ.

Священникъ сталъ подносить вѣсьмъ, а Аксинья изрѣзала оставшуюся краюху хлѣба и раздавала на закуску.

— Спасибо вамъ, братцы, сказалъ священникъ, наливая себѣ остатки отъ штофа,—не оставляйте въ другой разъ.

— Затѣмъ забывать, ты у насъ одинъ, чай; мы тѣ завсѣгды... а осталось хоть немного? спросилъ вдругъ Софронъ, указывая на штофъ.—Плесни, прибавилъ онъ, указывая на стогъ.

— Для чего это? спросилъ священникъ.

— Старики бають, не смоетъ лучше.

— Ну, нѣтъ, это не поможетъ; какъ дождь пойдетъ—это не спасетъ.

Тѣмъ не менѣе священникъ плеснулъ.

— Ну, живѣй, живѣй! сказалъ онъ и сѣлъ на свою тѣлегу съ работникомъ.

На другую тѣлегу сѣли Софронъ, другой работникъ и Аксинья, и помчались по старой дорожкѣ къ дому. Остальные рабочіе пошли нѣшкомъ.

Отдукавенскій.

МУЖЪ СВОЕЙ ЖЕНЫ.

РАЗСКАЗЪ (СЪ НѢМЕЦКАГО).

...Старикъ-управляющій пожималъ только плечами, стоя передъ своей госпожей.

— Да-съ, всѣ розовые кусты — прочь, вырвать велѣно было, повторилъ онъ.—Приказаніе такое отъ барина вышло, потому что кусты эти закрывали видъ на рѣку... Садовникъ сталъ было докладывать, что посадилъ ихъ тамъ собственно по желанію самой госпожи, такъ ему досталось за это. Какъ закричить на него господинъ: «Не слушаться? а? Я одинъ здѣсь приказываю—и никто больше! Выучу я васъ, какъ меня слушаться!» Вотъ самыя эти слова господина были... Не прикажете-ли позвать сюда Руперта?

— Не нужно... нѣтъ, проговорила молодая женщина, съ трудомъ удерживая слезы:—я и такъ тебѣ вѣрю.... Ступай, Діонисій, ступай! Я хочу теуерь одна остаться.

Но управляющій не трогался съ мѣста и только почесывалъ себѣ затылокъ.

— Бесѣдку, которая на Шнекенбергѣ, тоже приказано снести, наконецъ выговорилъ онъ.

— Какъ! Любимый мой уголокъ... тоже?! воскликнула въ волненіи молодая женщина.—Часъ отъ часу не легче!.. Да что жъ это такое? Развѣ я не имѣю никакого голоса здѣсь, въ собственномъ моемъ домѣ?... Въ моемъ домѣ?!

Молодая госпожа затопала ногой, а потому старикъ-управляющій счелъ за лучшее удалиться теуерь. За дверями будуара онъ столкнулся съ горничной и сказалъ ей многозначительнымъ тономъ:

— Ну, быть сегодня бурѣ...

— Ахъ, дай-то Господи! вздохнувъ отвѣтила дѣвушка.

Управляющий отправился в людскую — и тамъ, потирая руки, сообщил и остальной прислугѣ, что ожидаетъ онъ нынче «бури». Извѣстіе это было принято всѣми съ большимъ удовольствіемъ.

Оставшись одна в своей комнатѣ, молодая женщина, какъ только старикъ ушелъ, вскочила съ кресла въ порывѣ гнѣва и сейчасъ-же поднесла носовой платокъ къ глазамъ, уже мокрымъ отъ слезъ.

— Нѣтъ, это невыносимо!.. крикнуло заговорила она. — И гдѣ это онъ?.. Онъ какъ будто предвидѣлъ, что будетъ сцена!.. Что ни день — то новыя мученія... Мнѣ привыкшей къ свободѣ — и быть такъ поработанной мужемъ!.. о, это ужасно!...

Она въ тревожномъ раздумьи подошла къ окну. Воображеніе стало представлять ей картины прошлаго... Вотъ, видитъ она себя молодой дѣвушкой, окруженной счастьемъ, богатствомъ... Рано умерли ея родители и, вотъ, по ихъ просьбѣ, воспитателемъ ея и опекуномъ сталъ старый другъ ихъ — адвокатъ, докторъ Геракліусъ Цанъ. Промелькнули тутъ передъ ней годы дѣтства въ домѣ опекуна... Вспомнида она жену доктора — свою вторую мать, которая заботилась о ней какъ о собственномъ ребенкѣ, потому что собственныхъ ребятъ небо не даровало докторшѣ. И какъ серьезно все было въ этомъ домѣ, въ какомъ уединеніи они жили! Она такъ ясно видѣла «дядю» Цана (какъ называла она его) за письменнымъ столомъ, въ узорчатомъ халатѣ, и около него кинны бумагъ — дѣлъ, которыя онъ притащилъ изъ канцеляріи... Вотъ, сидитъ «дядя» и все пишетъ, а она строитъ въ это время изъ деревяшекъ домики для своихъ куколъ. Никто не являлся къ нимъ, да никто какъ видно и не выходилъ изъ дому, на улицу. Если-бы повременамъ въ сѣняхъ не раздавался звонокъ, то дѣвочка пожалуй забыла бы, что есть на свѣтѣ и другіе люди, кромѣ дяди и тетки.

— Это звонятъ дядины кліенты, отдѣчала тетка на вопросъ удивленнаго ребенка. Да и кто-же, кромѣ нихъ, смѣлъ нарушать священную тишину дома!..

Но, вотъ, однажды дядя сказалъ ей, что ждетъ пріѣзда племянника своего.

— Парень необузданный — племянникъ-то мой, прибавилъ онъ, улыбаясь, — но сердце у него доброе... ничего, точь въ точь какъ у моего брата!

А затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, прикатилъ и племянникъ.

Ей въ то время шелъ пятнадцатый годъ, а пріѣхавшій молодой человекъ былъ можетъ-быть шестью годами старше ея. Удивилась она, увидя вдругъ передъ собою высокую, статную фигуру его... Ясное, открытое лицо племянника понравилось ей сразу. Тетюшка, еще за день до его пріѣзда, прослезилась отъ избытка чувствительности и перестала проливать слезы только на другой день по прибытіи племянника; да и самъ дядя тоже что-то не могъ усидѣть за своими бумагами... То онъ вскакивалъ, для того чтобы отвѣсти въ комнату гостя мягкую подушку, то вставалъ и тащилъ туда-же предлинный чубукъ, находя что такая вещь непременно должна быть въ обители холостяка.

Ну и нажали-же себѣ хлопотъ эти добрые люди, впустивъ къ себѣ племянника! То, что писалъ братъ «дяди», скорѣе совершенно оправдалось, и дядя порѣшилъ, что все это такъ и есть. Норбертъ оказался просто — изъ рукъ вонъ: онъ весь домъ вверхъ дномъ повернулъ! Тетюшка разъ десять на дню всплескивала руками, а дядя частенько гонялся за нимъ по всѣмъ комнатамъ съ подпатымъ чубукомъ. Набѣгавшись такимъ образомъ, почтенный докторъ, отдуваясь, возвращался въ свой кабинетъ, причемъ лицо его вовсе не было злымъ — напротивъ, оно сіяло добродушіемъ. «Ну, этого парня не заставишь быть благоразумнымъ», жаловался онъ, — «у него только о томъ и мысли, какъ — бы поумасбродничать... И вѣдь откуда берутся у него всѣ эти проказы!... Двадцать лѣтъ — а совсѣмъ не разсудителенъ!»... И тутъ дядя прибавлялъ: «Но малый онъ — честный; честенъ онъ съ ногъ до головы. Когда я бываю на него сердитъ, я кладу ему на столъ незамѣтно пачку сигаръ... И ты думаешь —

возьметъ онъ? Ни одной не тронетъ! Да, вотъ, воровать у дяди своего здоровье — сердить дядю — это онъ можетъ, а сигарку взять — Боже упаси! Когда въ карманѣ у него пусто, такъ вѣдь молодецъ этотъ способенъ хоть цѣлую недѣлю не курить, а ужъ сигаръ, которыя я ему тихонько подсушу, не возьметъ... Для того чтобы онъ взялъ и сталъ курить, ничего болѣе не остается, какъ заключить съ нимъ мировую!»...

И вдругъ исчезъ Норбертъ изъ дому... Печальное было это время... Никто и словомъ не упомянулъ о немъ, но она не забыла необузданнаго товарища своего.

— Гдѣ-же Норбертъ? спросила какъ-то дѣвушка. На этотъ вопросъ тетюшка ничего не отвѣтила: она поднесла только къ глазамъ свой передникъ; а дядя, какъ-то безпокойно вертясь на своемъ стулѣ, проговорилъ: «Но я все-таки не думаю, чтобы онъ былъ такой тряпкой и такимъ негодяемъ, какъ ты изволяешь гогорить... Нѣтъ, Норбертъ еще будетъ человекомъ!... Сообрази-ка о настоящемъ шампанскомъ»... Тутъ тетка протянула руку своему мужу. И когда дядя ушелъ, дѣвушка спросила тетку, почему упомянуто было о настоящемъ шампанскомъ и что-же такое бываетъ съ этимъ виномъ?

— Когда вино это молодо, ему слѣдуетъ еще перебродить, чтобы сдѣлаться настоящимъ, хорошимъ, отвѣтила тетюшка, улыбаясь.

— Значить, Норбертъ теперь еще *бродитъ*? опять спросила она.

Тетюшка, вздохнувъ, кивнула головой.

Но — увы, не пришлось ей болѣе видѣть своего племянника... Однажды, въ домѣ стало вдругъ еще тише: тетюшку свезли на кладбище. Дядя Цанъ сначала выходилъ изъ себя, потомъ отъ печали, грусти, онъ какъ-то еще больше съезжился, какъ-бы замеръ...

Теперь она принялась хозяйничать... И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, пріѣхалъ Норбертъ Аллендорфъ. Испугавшись отъ такой неожиданности, она выпустила даже изъ рукъ китайскую чашку... Встрѣча ихъ произошла въ столовой, когда въ ней никого не было.

— Я вижу фрейлейнъ Гермину? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта она кивнула головой и почти печально поглядѣла ему въ лицо... Да, это были тѣ-же ясныя, тонкія черты; но время сумасбродствъ, различныхъ треволненій и испытаній — оставило слѣды свои на этомъ лицѣ, что-то горькое было теперь въ его улыбкѣ... Она взглянула въ его прекрасные каріе глаза, да кстати посмотрѣла и на усики, которые уже весьма замѣтно отросли у него...

А онъ-то... ахъ, какъ онъ глядѣлъ на нее! Что-жъ, вѣдь онъ оставилъ ее почти ребенкомъ, а теперь передъ нимъ стоялъ явннй, распутившійся цвѣтокъ... Онъ увидѣлъ дѣвушку съ большими потупленными голубыми глазами, съ густыми бѣлокурыми волосами, просто но мило причесанными... Грудь ея, охваченная тѣснымъ корсажемъ, сильно волновалась... Тутъ вошелъ въ столовую дядя Цанъ.

— Норбертъ! милый Норбертъ! воскликнулъ онъ, бросаясь на шею племянника. — Да ты-ли это?.. Ахъ вотъ славно-то! Вижу — честнымъ малымъ ты остался... Радуетъ это меня!..

— И разсудительнымъ сталъ, дядюшка, прибавилъ, улыбаясь Норбертъ.

— А это еще больше меня радуетъ, прибавилъ въ свою очередь дядя.

Норбертъ остался въ домѣ. Курсъ наукъ онъ окончилъ и теперь намѣревался начать практическую дѣятельность, но дядя подъ различными предлогами всегда какъ-то умѣлъ уговорить племянника не торопиться првступать къ осуществленію этихъ намѣреній. Молодые люди частенько оставались съ глазу на глазъ. Отъ нечего дѣлать, отъ скуки, Норбертъ помогалъ ей вести хозяйство, что и дѣлалъ всегда съ любовью, но съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ чувства превосходства, а это внушило ей какое-то особенное уваженіе къ нему. Въ манерахъ Норберта было что-то порывистое, повелительное... Это нравилось молодой дѣвушкѣ и нравилось все

болѣе и болѣе, и, наконецъ, *донравилось* до того, что однажды дядя Цанъ засталъ ее въ объятіяхъ своего племянника.

— Вотъ это — чудесно! воскликнулъ, смѣясь, Геракліусъ.—То-то думаю я, что это такъ долго обѣдать не даютъ, а они, вонъ, вмѣсто того чтобы на столъ накрывать—цалуются!..

Теперь дядя Геракліусъ былъ убѣжденъ, что любимѣйшій планъ его — осуществится. Онъ до тѣхъ поръ не успокоился вполне, пока Норбертъ не женился на Герминѣ — бѣднякъ — племянникъ его на богатой наслѣдницѣ!..

Вотъ и медовый мѣсяць прошелъ... Экое счастливое, блаженное было времячко!..

Тутъ молодая женщина благоговѣнно сложила руки и даже закрыла глаза, но мгновеніе—и она вспомнила о властолюбивомъ мужѣ... «Молодые» перебрались изъ дядюшкина дома въ помѣстье, неподалеку отъ города. Помѣстье это находилось подъ управленіемъ Діонисія, стараго слуги покойныхъ родителей Гермины. Норбертъ сразу забралъ въ руки рѣшительно всѣ бразды правленія, сдѣлался полнымъ хозяиномъ и перевернулъ по-своему весь порядокъ въ домѣ. Не смотря на то что его планы и осуществленія ихъ обнаруживали практической смыслъ и не смотря на то что сама Гермина признавала за мужемъ превосходство, знаніе, ловкость, — все-таки раздражала эта манера Норберта... манера повелѣвать, дѣлать все ужъ слишкомъ произвольно, вводить что нибудъ новое, не спросясь, а такъ... прямо... «Мнѣ даже и слова сказать было нельзя», говорила она сама себѣ; онъ принялъ на себя роль владыки, самовластнаго господина ея имуществва... И сколько уже разъ онъ дѣлалъ такіа распоряженія, которыя были совсѣмъ противны ея волѣ! Впрочемъ, правда, она ни разу и не выразила рѣшительнымъ словомъ своей воли, — а все больше обнаруживала ее въ формѣ мягкихъ, кроткихъ возраженій да увѣщаній, причемъ Норбертъ всегда умѣлъ доказать ей, что его распоряженія, строго говоря, весьма цѣлесообразны... А вотъ это-то всего больше и злило ее...

— Ну, положимъ, розовые кусты пропали... ну и пусть ихъ! заговорила Гермина.—А бесѣдка?... нѣтъ, бесѣдку не смѣетъ онъ, варваръ, разрушить! Самыя любимыя, свѣтлыя воспоминанія мои связаны съ ней... Никогда! Ни за что! Этому не бывать!.. Послѣднія слова молодая женщина даже выкрикнула.

— Чему этому не бывать? спросилъ докторъ Геракліусъ Цанъ, незамѣтно вошедшій въ комнату.

— Онъ хочетъ лишить меня моей бесѣдки! Моего любимого мѣстечка, дядя!..

— Твоего любимого мѣстечка?! воскликнулъ дядя съ энергіей.—Не бывать этому! Мы не допустимъ этого! Но, позволь, кто-же именно хочетъ лишить тебя бесѣдки? закончилъ онъ вопросомъ.

— Норбертъ, отвѣтила молодая женщина недовольнымъ тономъ.

— Норбертъ... а-мм... мм... промчалъ Геракліусъ, слегка приунывъ и почесывая голову, — мм!.. такъ онъ завтра хочетъ посягнуть на твою бесѣдку?..

— Она, видите-ли, закрываетъ ему видъ... Мѣнаетъ куда-то смотрѣть, что-ли... Ужъ я не знаю!

Дядя призадумался.

— Норбертъ, собственно говоря, тутъ правъ, началъ было онъ...

— Правъ! Ну, вѣчно такъ! вспылила Гермина.— Да я-то не хочу этого! Я тоже желаю быть права хоть разъ!

Геракліусъ въ смущеніи сталъ помахивать шляпой.

— Въ этомъ, конечно, ты тоже права, проговорилъ онъ, — уступать не всегда слѣдуетъ... Вотъ этому-то Норбертъ и не научился. *Ad impossibilis nemo obligatur.*

— Такъ я, значить, должна уступить? плаксиво возразила молодая женщина.— Въ собственномъ своемъ домѣ—и не имѣть своей воли?!.. Но это ужасно!..

— *Absque cognitione causae* трудно рѣшить, объявилъ Геракліусъ, пожимая плечами, — но, насколько я понимаю,

это было-бы самое благоразумное. Ты только спокойно заяви ему свою печаль — и онъ уступитъ, сознается въ неправотѣ своей.

— Какже, сознается! Этого вовсе и не случится: онъ опять станетъ мнѣ доказывать, что *онъ* правъ—и я должна буду повѣрить этому!..

— Да, но это потому, что ты легко, охотно этому вѣришь, замѣтилъ нѣжнымъ тономъ дядя Цанъ.

Въ это время на дворѣ раздалось щелканье бича и чей-то сильный мужской голосъ крикнулъ вблизи:

«Неронъ, сюда!»!

— Да вотъ и самъ онъ, сказалъ Геракліусъ успокоительнымъ голосомъ.

— Да еще со своей ньюфаундлэндской собакой, сказала Гермина, прислушиваясь: — хоть-бы ужъ оставилъ онъ ее тамъ, на дворѣ!

Но Норбертъ не оставилъ собаки на дворѣ, онъ вошелъ съ нею, — и Неронъ, какъ только увидѣлъ госпожу свою, такъ прямо и прыгнулъ на нее.

— Боюсь, боюсь собаки! воскликнула она въ испугѣ.— Ну, вотъ, видишь, дядя: такъ онъ всегда со жной поступаетъ!..

— Прочь, Неронъ! скомандовалъ Норбертъ, отворяя дверь.

Неронъ повиновался. Молодой человекъ быстро подошелъ къ своей женѣ.

— Ну, душечка, милочка Гермина, заговорилъ онъ, ласкаясь къ ней, — ну, поцалуй-же! Дядюшка Геракліусъ, съ прекраснѣйшимъ утромъ чествою имъю!

Гермина надула губки и отвернулась.

— Ты, кажется, чѣмъ-то недовольна? спросилъ Норбертъ озабоченнымъ тономъ.— Не случилось-ли чего?

— Да, отвѣтила она съ отгѣнкомъ упрямства: — случилось то, что я лишилась розовыхъ моихъ кустовъ и моей бесѣдки!

— Да развѣ бесѣдки ужъ нѣтъ? вырвалось у него:— ахъ, какъ это меня порадовало-бы!..

— О, да... порадовало — бы тебя, проговорила Гермина бросивъ многозначительный взглядъ на дядю: — ну, конечно, я не сомнѣваюсь... вѣдь тамъ былъ мой любимый уголокъ!..

— Но, милочка моя, однако съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь живемъ, ты ни разу не заглянула въ этотъ уголокъ. Она мрачно посмотрѣла на него.

— Ну—да, это правда, но... все-таки эта бесѣдка была любимѣйшимъ моимъ мѣстомъ.

Тутъ тихонько вошелъ старикъ Діонисій.

— Работники, сударь, дожидаются, доложилъ онъ какъ-то особенно громко.

— Какіе работники? спросилъ Норбертъ, живо повернувшись къ нему.

— Насчетъ-съ бесѣдки!..

— А я развѣ на этотъ счетъ не приказывалъ? крикнулъ молодой хозяинъ.— Какъ же это ты еще спрашиваешь?!.

— Да госпожа изволили сказать, что-бы...

Старикъ запнулся.

— Чтобы ее не трогали, договорила рѣшительнымъ тономъ Гермина.— Я этого не хочу! Я не потеряю этого, потому что я тутъ госпожа! (Слова эти она сказала отвернувшись отъ мужа, чтобы не видѣть его лица). Да, я не потеряю, чтобы въ моемъ владѣніи отдавались приказанія не-приятныя для меня. Эготъ домъ, эготъ садъ — мнѣ принадлежатъ и никому другому. Діонисій, скажите рабочимъ, что они могутъ уйтъ!

Докторъ Геракліусъ — какъ только слышалъ эти выстрѣлы — удалился въ самый дальній уголокъ.

Но бывший управляющій не двигался съ мѣста. Посматривая, не безъ злобы, на своего господина, онъ промолвилъ:

— Такъ-съ, но господинъ касательно!..

— Извольте повиноваться вашей госпожѣ, быстро перебилъ его Норбертъ.— Развѣ вы не слышите, что никто, кромѣ нея, не имѣетъ права приказывать здѣсь? Стушайте.

(Окончаніе будетъ).

Юдифь. Картина М. Лэйга. Гравюра эта приобретена нами по соглашению съ единственными собственниками этого художественнаго произведения, Гули лемъ и Ко въ Парижѣ.

ОХОТА НА ТЮЛЕНЕЙ ВЪ ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНАХЪ.

Ворвань стала теперь необходимымъ жировымъ веществомъ при многихъ ремеслахъ, и съ тѣхъ поръ какъ китовая ловля въ моряхъ сѣвернаго полушарія сдѣлалась такъ мало прибыльною, что ею почти не стоитъ и заниматься, — тюлень, послѣ кита, занялъ самое видное мѣсто въ морской охотѣ. И вотъ, по этой причинѣ, въ наше время изъ европейскихъ гаваней отправляется гораздо больше кораблей на охоту за тюленями, чѣмъ прежде — во времена самой прибыльной китовой ловли — отправлялось судовъ на китовый промыселъ. Бой тюленей считается нынѣ наивыгоднѣйшимъ морскимъ дѣломъ и блестящей, можно сказать, торговой спекуляціей.

Въ ряду морскихъ млекопитающихъ (за исключеніемъ китовъ) выдающееся мѣсто занимаютъ *ластоногія* животныя, а именно — обширное семейство китовидныхъ или тюленей и мѣлѣе обширнее — громадныхъ моржей. Семейство тюленей, вообще богатое видами и численностью своихъ особей, распространено почти во всѣхъ большихъ водныхъ пространствахъ нашей планеты, и чѣмъ ближе мы будемъ подвигаться къ полюсамъ, тѣмъ чаще будутъ попадаться эти животныя. Полярные океаны и моря умѣреннаго пояса являются, по преимуществу, областью распространенія этихъ китородныхъ; впрочемъ, и нѣкоторыя изъ большихъ озеръ Азіи могутъ быть отнесены къ этой области. Немногіе только виды тюленей — «госмологія тюленя» — странствуютъ по своей охотѣ, или по пущѣ, и тамъ, и сямъ, побываютъ и у полярныхъ льдовъ, посѣтятъ и воды экватора; но большая часть этого семейства имѣетъ ограниченную область распространенія, которая опредѣляется климатическими условіями. Всѣ вообще тюлени обитаютъ въ моряхъ и только на короткое время входятъ въ рѣки или же проплываютъ небольшія расстоянія по сушѣ, направляясь къ болѣе обширнымъ воднымъ пространствамъ. Большинство тюленей любятъ быть поближе къ берегу, но нѣкоторые изъ видовъ предпочитаютъ открытое море. Зоологи, однако, придерживаются того мнѣнія, что вся почти масса этихъ животныхъ ищетъ берега, твердой земли или ледяныхъ полей только въ періодъ размноженія и на то время, когда дѣтеныши ихъ слишкомъ еще слабы, а затѣмъ — вода — это ихъ родная стихія, настоящее ихъ мѣстопробываніе. Тюлень на землѣ неоворотливъ (не даромъ неоворотливого человѣка называютъ *толенемъ*), движенія его крайне неловки, неуклюжи; но за то въ водѣ животное это является чрезвычайно подвижнымъ, ловкостью его чудесна и игривость, добродушіе, ласково — кроткій взглядъ его прекрасныхъ глазъ — все это вмѣстѣ дѣлаетъ тюленя прелестнѣйшимъ и самымъ интереснымъ морскимъ животнымъ высшаго разряда.

Всѣ тюленья породы живутъ обществами. Общества эти бываютъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ рѣже посѣщаетъ человѣкъ ихъ мѣстонахожденія, — потому что, хотя у тюленей и есть враги (бѣлый медвѣдь и другія крупныя четвероногія полярнаго міра), то все таки наипаснѣйшимъ врагомъ, кровожаднымъ и непасытнымъ является человѣкъ, — будетъ ли онъ дикаремъ, полудикаремъ или цивилизованнымъ гражданиномъ. Въдѣ известно, что Эскимосы, а равно и другія племена полярнаго побережья, существуютъ почти исключительно тюленемъ. Кожа этого животнаго даетъ эскимосу матеріалъ для его одежды, ею же онъ обшиваетъ свою деревянную «кайяку» (одноименный челнокъ) или «байдару» — многоименную лодку для женщинъ, да и вообще тюленья кожа играетъ большую роль въ его хозяйствѣ. Жиръ тюленя доставляетъ эскимосу ворвань, которую онъ и наливаетъ въ свою лампу, состоящую изъ одного резервуара — тюленьяго черена. Такая лампа необходима ему: она не только освѣщаетъ, но и согрѣваетъ подземное его жилище во время долгой — долгой зимней ночи... Это же жиръ является для эскимоса согрѣвающимъ напиткомъ и вообще служитъ главною приправой ко всѣмъ прочимъ его кушаньямъ. Тюленья мясо — это одинъ изъ первыхъ предметовъ продовольствія прибрежныхъ обитателей полярнаго океана; зубы и кости тюленя — цѣнные вещи въ хозяйствѣ дикихъ и полудикихъ племенъ сѣвера. Понятно теперь, почему всѣ эти племена такъ постоянно, неутомимо охотятся за разными видами тюленей, населяющими Ледовитое море. Они бьютъ животныхъ, выходящихъ днемъ на берегъ или лежащихъ на ледяныхъ глыбахъ ради отдыха и грѣющихся на солнцѣ; но, по преимуществу, образъ жизни тюленей — ночной, можетъ быть потому, что ночью они болѣе разсчитываютъ на хорошую добычу, состоящую изъ рыбы, раковинныхъ и другихъ морскихъ животныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало или вовсе еще не охотились на тюленей — тюленя, не смотря на свое необыкновенно — тонкое зрѣніе и прекрасный слухъ, подпускаютъ къ себѣ человѣка совершенно близко, — все равно: лежатъ ли они тогда, лѣниво растянувшись на берегу, или держатся въ водѣ, съ удивленіемъ поглядывая на моряка въ его маленькой кайякѣ или въ большой лодкѣ. Они беззаботно останавливаются, начинаютъ глазѣть, пока ихъ не поразитъ на смерть пика, стрѣла или просто ударъ палкой. Однако, трескъ ружейнаго выстрѣла скоро пріучаетъ тюленей держать ухо востро и они стараются быть подальше отъ человѣка; тюленья стадо, по которому уже разъ стрѣляли, стремится инстинктивно во время опасности отъ опасности и удаляется въ открытое море. И вотъ, поэтому, между охотниками на тюленей существуетъ даже суевѣрный обычай употреблять какъ можно рѣже въ дѣло

огнестрѣльное оружіе, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ охота идетъ въ первый разъ.

Въ послѣднее время тюлений промыселъ приобрѣлъ важность, благодаря не только ворвани, добываемой изъ жира этого животнаго, но и шкурѣ, доставляющей хорошую кожу и мѣхъ. Такъ, напр., *Морской котъ* (*Arctocephalus falclandicus*), *Хохлякъ*, *Бородатый тюлень* и другія породы тюленей съ густымъ, курчавымъ или длиннымъ волосомъ даютъ прочный мѣхъ, который даже полюбился въ Европѣ. Шкура животныхъ съ короткимъ и гладкимъ волосомъ представляетъ великолѣпную, почти непромокаемую мягкую кожу, особенно пригодную для зимней обуви и шорныхъ издѣлій. Кожа эта чрезвычайно прочна, а потому спросъ на нее съ каждымъ днемъ увеличивается.

Такъ какъ средняя длина большей части взрослыхъ тюленей нашихъ сѣверныхъ и полярныхъ морей простирается до 5 футовъ, а вѣсъ доходитъ отъ 1—2 центнера (центнеръ около 3 пудовъ), то тюлений промыселъ принадлежитъ къ разряду весьма прибыльныхъ. Большая часть кораблей, отправляющихся на этотъ промыселъ въ наши арктическія страны, выходитъ изъ европейскихъ или сѣверо-американскихъ гаваней весной и доплываетъ къ мѣсту назначенія почти одновременно съ первымъ толчкомъ, движущимъ полярный ледъ. Берега Гренландіи, Шпицбергена, новой Земли и пр., а еще болѣе сѣверное побережье Тихаго океана — представляютъ главную цѣль для охотниковъ за тюленями; сначала ловля идетъ на ледяныхъ поляхъ, потомъ переходитъ на крѣпкій прибрежный ледъ — и уже затѣмъ тюлени добываются на обнажившихся берегахъ или береговыхъ скалахъ. Добыча богата!.. Охотники выискиваютъ мѣста, откуда удобнѣе можно видѣть тюленей, покоящихся на льдинахъ, или по крайней мѣрѣ, гдѣ можно предполагать, что животныя находятся; затѣмъ ихъ, ловцы подкрадываются къ нимъ съ подвѣтренной стороны и, затѣмъ, тутъ начинается безшумная бойня и малыхъ, и большихъ... Хорошій ударъ крѣпкой дубиной по носу тюленя убиваетъ его или же оглушаетъ настолько, что потомъ легко уже добить животное ликою или пожемъ. Матросы находятъ жестокое удовольствіе безъ пощады побивать взрослыхъ и не-взрослыхъ тюленей, словомъ — колотить ихъ безъ разбору; напротивъ того, европейскіе охотники убиваютъ безпомощныхъ дѣтенышей только тогда, когда уже мать ихъ убита. Американскіе тюленеловы бьютъ этихъ животныхъ орудіемъ въ родѣ сѣкеры или острокопечнымъ молоткомъ и являются тутъ настолько свирѣбыми, что уничтожаютъ только взрослыхъ, оставляя слабыхъ дѣтенышей на произволъ судьбы. На нашей картинкѣ два американца — матросы бьютъ большихъ тюленей изъ породы «Хохлячекъ» (*Stemmatorus cristatus*), не трогая маленькихъ, потому что маленькіе мало даютъ жиру и шкура ихъ не высоко цѣнятся, — впрочемъ, въ послѣднее время и она стала употребляться для мѣховыхъ дамскихъ кофточекъ. — На болѣе крупныя породы тюленей, обитающія въ южныхъ полярныхъ моряхъ, также охотятся, но нѣсколько инымъ образомъ. Охотники, бьющіе тюленей на льдинахъ и на крайнемъ сѣверномъ побережьѣ, стараются такъ распорядиться, чтобы покончить все дѣло къ осени, дабы корабли могли вернуться домой къ этому времени, однако, про всякій случай, тюленеловы запасаются провѣнтами на 2—3 года. Что же касается сѣверо-американскихъ охотниковъ изъ Ново-английскихъ штатовъ, то эти прежде всего отправляются на ледяныя поля, прибиваемыя волнами къ Нью-фаундленду и Лабрадору, охотятся тамъ и потомъ, уже въ мартѣ мѣсяцѣ, выходятъ въ море, а возвращаются восвояси только въ концѣ мая или въ срединѣ іюня. Шкуру съ тюленей они сдираютъ вмѣстѣ съ жиромъ и упаковываютъ ее въ бочки. Возвратившись домой, промышленники отдѣляютъ жиръ отъ шкуры, кладутъ его въ большіе чаны, которые и выставляются на солнце; по прошествіи 3 или 5 недѣль, жиръ подъ вліяніемъ солнечной теплоты превращается въ ворвань. Труповъ тюленей охотники не берутъ съ собой, бросая ихъ на лѣду въ добычу хищнымъ животнымъ и птицамъ.

Европейскіе охотники дѣйствуютъ, такъ сказать, добросовѣстнѣе: они не довольствуются одною шкурой и лежащимъ подъ нею слоемъ жира, а потрошатъ убитыхъ тюленей и добываютъ такимъ образомъ еще брюшной жиръ и печень животнаго. Изъ этого жира и печени, посредствомъ аккуратнаго вытѣвливанія, получается хорошаго качества ворвань, которая, по общему жировому веществу, вкусу и цѣлебному свойству (она содержитъ іодъ и бромъ) можетъ поспорить съ печеночнымъ жиромъ, добываемымъ изъ наваги и трески.

Въ новѣйшее время пытались (и довольно удачно) сохранить мясо тюленей, просаливая его и принося въ такомъ видѣ домой. Опытъ показалъ, что просоленное мясо тюленя представляетъ здоровую, питательную пищу — и, какъ кажется, впоследствии, этой новой солонинѣ предстоитъ сдѣлаться предметомъ продовольствія въ средѣ бѣднѣйшихъ классовъ у насъ. Чѣмъ болѣе будетъ расширяться тюлений промыселъ, тѣмъ болѣе стануть стараться о томъ, чтобы онъ принесилъ какъ можно больше пользы: надлежащее вниманіе будетъ обращено на мясо и внутренности тюленя, ибо изъ негодныхъ остатковъ можно выработать осѣтительный газъ и получить изрядное количество животнаго угля. Но какихъ разнѣровъ достигъ уже и теперь этотъ промыселъ —

можно судить по тому, что ежегодное количество убиваемых тюленей на берегах Нью-фаундленда и Лабрадора доходит (средним числом) до 500,000 штук, а общая цифра для Европы,

Северной Азии и Америки (насколько промыслом этим занимаются цивилизованные нации) есть — 3,000,000, цифра довольно почтенная.

СМЪСЬ.

Островъ Санторинъ.

Островъ Санторинъ на Эгейскомъ морѣ — одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ острововъ принадлежащихъ Греціи, Цикладъ. Онъ самый южный изъ нихъ, и еще въ древности былъ извѣстенъ вулканическими сотрясеніями, такъ часто дававшими всей группѣ острововъ и окрестностей различныя формы. Островъ этотъ имѣетъ 1,9 кв. миль пространства съ 21,830 жителями, разбитыми въ 5 мѣстахъ на 50 слишкомъ деревнямъ, которыя какъ ласточки гнѣзда лѣнятся около скалъ. Островъ расположенъ въ видѣ серпа, и образуетъ вмѣстѣ съ лежащими наспротивъ его островами *Теразіей* и *Аспронизіей* большую частію покрытый моремъ кратеръ, дно коего постоянно поднимается — и въ 1834 г. было отдалено всего на 12 футовъ отъ поверхности воды. Въ 237 г. до Р. Х. образовался островъ *Теразія*, вслѣдствіе вулканическаго разрыва *Теры*; въ 184 г. до Р. Х. поднялся островъ *Гіера*, называемый теперь *Палло Каймени*; въ 1427 г. послѣдній островъ значительно увеличился. Въ 1573 г. образовался островъ *Микро Каймени* и въ 1700 — 9, островъ *Мегаля* или *Нео-Каймени*; послѣдній постоянно еще и теперь выбрасываетъ сѣрные пары. Въ серединѣ февраля 1866 г. рядомъ съ Нео-Каймени, вслѣдствіе сильнаго вулканическаго изверженія, вынырнулъ изъ-подъ воды еще новый островъ, названный *Георгиевскимъ*; въ это же самое время большая часть Нео-Каймени скрылась подъ водой. Весь островъ Санторинъ состоитъ изъ пемзы. Самая высокая гора на немъ — Ильинская гора (1800 футовъ); на ней находятъ много развалившихся стѣнъ, такъ-называемой циклопической постройки. Берега острова утесисты и по большей части почти неприступны. Во внутренности его, тамъ гдѣ вулканическія массы съ теченіемъ вѣковъ вывѣтрились, почва весьма плодородна и производитъ ячмень, хлопчатникъ, южные фрукты и виноградъ. Выдѣляемая здѣсь вина (*vinо santo*) превосходна; ихъ вывозятъ преимущественно въ Одессу, откуда въ замѣтъ этого привозятъ зерновой хлѣбъ. Жигели, отчасти греческаго, отчасти католическаго вѣроисповѣданія, дѣятельны, умѣренны и

пользуются большою свободой. Главное мѣсто на островѣ *Оира* или *Тира* на западномъ берегу; въ немъ есть нѣсколько пристаней и много винныхъ складовъ. Кроме того слѣдуетъ упомянуть: *Апаломергію*, *Пиріосъ*, одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ острова на южномъ берегу, *Скарросъ*, *Маркфлекенъ*, мѣстопребываніе католическаго епископа съ 1000 жителями, *Эмпортіонъ*, городъ съ гаванью. Проточной воды нѣтъ на всемъ островѣ, вездѣ берутъ воду изъ цистернъ. Повсюду разсыяны остатки древности; самыя значительныя развалины находятъ въ Оза, съ остатками городской стѣны, колоннами, надписями и проч. Серпообразный въ настоящее время островъ, по древнимъ преданіямъ, былъ нѣкогда круглымъ, но, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ землетрясеній, западная сторона будто бы оторвалась отъ него и скрылась въ морѣ. Первоначально островъ назывался *Каллисте*; названіе *Теры* получилъ онъ отъ *Тераса*, который привелъ сюда изгнанныхъ Пелазгами изъ Лемноса Лакедемонянь. Островъ былъ матерью могущественной нѣкогда Кириней и принадлежалъ въ то время къ числу сарганскихъ колоній. Въ 1208 г. Марко Санудо, герцогъ Наксосскій, отнялъ его у греческаго императора; послѣ того онъ принадлежалъ Венеціи, а въ 1537 г. былъ отнятъ и отъ нея Гейрдиномъ Барбороссой.

Юдифь.

Картина французскаго художника Лейга (Leugue), бывшая на художественной парижской выставкѣ 1874 г., если не отличается новизной сюжета, то вознаграждаетъ за это новизной приема художника; тутъ нѣтъ ни Олоферна, ни пиршества, ни окровавленной головы въ рукахъ молодой красавицы. Здѣсь видно только торжество женщины во всеоружіи красоты и роскошнаго наряда: богатство вышивки, великолѣпіе матерій, блескъ драгоценныхъ камней, все способствуетъ возвышенію красоты прекрасной жидовки. По ея спокойному, почти улыбающемуся виду, никто и не подумаетъ, что она идетъ на страшное дѣло, отъ котораго зависитъ спасеніе Іудей.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— 14 мая Высочайше утверждены временныя правила относительно предупрежденія уклоненій отъ воинской повинности при дѣйствующихъ нынѣ по паспортной части узаконеніяхъ, впредь до изданія новаго общаго законоположенія о паспортахъ.

— 23 мая Высочайше утверждена вѣдомость о суммахъ, слѣдующихъ въ 1875 году по каждой губерніи и области въ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

— 14 мая Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, разъясняющее порядокъ, въ коемъ бывшіе колонисты могутъ быть уволены изъ русскаго подданства и выселены изъ Россіи до отбытія ими воинской повинности, а именно: 1) что водворенныя на казенныхъ земляхъ поселанъ-собственниковъ (бывшіе колонисты), подлежащіе по возрасту отбыванію воинской повинности, должны быть вносимы на общемъ основаніи въ призывные списки; 2) что тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ Высочайше утвержденнымъ, 4-го іюля 1871 г., Положеніемъ объ устройствѣ ихъ быта правомъ выѣхать изъ Россіи, должны заявить о такомъ намѣреніи до 1-го сентября того года, въ которомъ подлежатъ призыву, и 3) что тѣ изъ бывшихъ колонистовъ призывнаго возраста, которые, заявивъ въ означенный срокъ о намѣреніи выселиться изъ Россіи, не исполнятъ сего до дня выниманія жеребья ихъ сверстниками и не объявятъ о томъ подлежащему Присутствію о воинской повинности, привлекаются къ исполненію сей повинности, какъ уклонившіеся отъ оной, безъ жеребья; заявившимъ же своевременно о невыѣздѣ изъ Россіи предоставляется

ся участвовать въ вынутіи жеребья на общемъ основаніи.

— Высочайше повелѣно: границу между Ставропольскою губерніею и Терскою областью опредѣлять по слѣдующему направленію: по рѣкѣ Кумъ, отъ устья рѣки Кирки до устья рѣки Джумухи, затѣмъ къ северу по межѣ надѣла станицы Лысогорской до надѣла станицы Саблинской, отсюда по межамъ станичныхъ земель Лысогорской, Александрійской и Подгородной станицъ и далѣе по существующему нынѣ направленію.

— Вслѣдствіе состоявшегося между русскими и итальянскими Почтовыми Управленіями соглашенія, во исполненіе ст. 16 русско-итальянской почтовой конвенціи 1872 г., съ 19-го іюня (1-го іюля) сего года устанавливается пересылка открытыхъ писемъ (*cartes postales*) между Россіею и Италіею съ обязательнымъ франкированіемъ по таксъ, установленной за обыкновенныя русско-итальянскія письма, т. е. по 13 к. за каждое открытое письмо, отправляемое изъ Россіи въ Италію.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ Августѣйшимъ Сыномъ Своимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, по прибытіи 16 іюня изъ Тифлиса, 20 іюня прибылъ въ Красное Село и произвелъ смотръ артиллеріи, на которомъ находилось 37 батарей съ 162 орудіями. Смотръ этотъ, начавшійся въ 9 часовъ утра, окончился только къ полудню. Его Высочество изволилъ остаться весьма доволенъ какъ наружнымъ видомъ всей артиллеріи, такъ и молодыми солдатами и благодарилъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ.

— Изъ Красносельскаго лагеря въ «Русскій Инвалидъ» сообщаютъ: замѣтно, что одиноч-

ное образованіе молодыхъ солдатъ велось вполне рационально, такъ что рекруты почти не отличаются отъ старыхъ солдатъ. Молодые солдаты поступили въ войска большею частію въ февралѣ, слѣдовательно на одиночное образованіе ихъ было дано четыре мѣсяца, тогда какъ уставный срокъ для одиночнаго обученія солдатъ въ пѣхотѣ — шесть мѣсяцевъ, и лишь въ военное время онъ сокращается до трехъ мѣсяцевъ. Кавалерія, гдѣ сокращенный срокъ обученія полагается шесть мѣсяцевъ, имѣла для одиночнаго образованія тѣ же четыре мѣсяца, а потому и нелзя не порадоваться тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которыхъ достигли молодые солдаты въ такой короткій срокъ.

— 15-го іюня на канонирской лодкѣ «Отливъ», въ присутствіи инспектора кораблестроительныхъ работъ, Коммисіею техниковъ-специалистовъ пароходнаго завода окончательно испытывался аппаратъ для выбрасыванія угольнаго мусора чрезъ дно судна, изобрѣтенный вольнымъ механикомъ г. Кобозевымъ. Аппаратъ этотъ дѣйствовалъ удовлетворительно.

ТОРГОВЛЯ.

— Георгіевская ярмарка въ Елисаветградѣ окончилась къ 1-му мая. Сельскохозяйственный отдѣлъ ея былъ довольно оживленъ: скота и лошадей было въ продажѣ довольно много, но все-таки спросъ далеко превышалъ предложеніе, такъ что на одну пару воловъ являлось до пяти покупателей-конкурентовъ; поэтому скотъ сбывался по высокимъ цѣнамъ, и за пару воловъ, уже старыхъ, платили по 120—130 руб. Рабочія лошади также были въ цѣнѣ, такъ что за пару, не особенно хорошую, платили до 100 рублей.

№ 29

1874

Выходитъ еженедельными №№ въ два листа съ 2—4 рисунками и ежемѣсячн. даровымъ приложеніемъ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 15-го іюля 1874 года.

Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

**Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается
и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1874 году №№ «НИВЫ».**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.	I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »	» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »	II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 » 50*)	III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

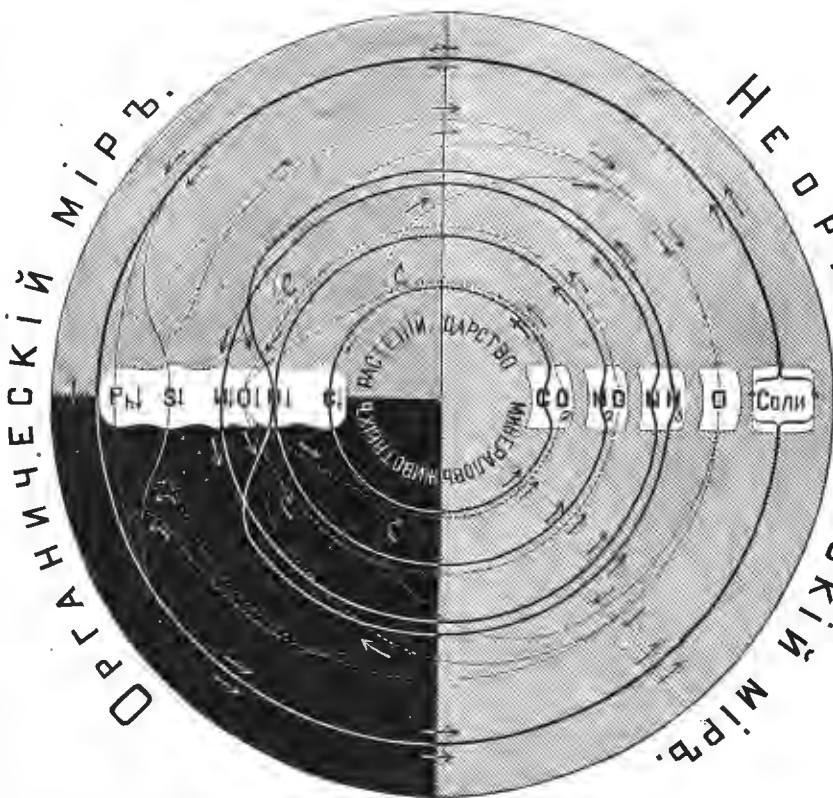
*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо встраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Круговоротъ вещества по тремъ царствамъ природы.

(Профессора Чермака *).

Въ настоящей бесѣдѣ я намѣренъ познакомить васъ съ однимъ въ высшей степени интереснымъ воззрѣніемъ, выработаннымъ новѣйшимъ естествознаніемъ, на явленія передвиженія вещества въ природѣ. Воззрѣніе это, основанное на положительно доказанныхъ фактахъ и не заключающее въ себѣ ничего гипотетическаго, тѣмъ не менѣе по своей грандіозности превосходитъ все, что въ состояніи создать творческая фантазія чело­вѣка. Я говорю о «круговоротѣ вещества по всѣмъ тремъ царствамъ природы.»

Заранѣе прошу васъ помириться съ тѣмъ, что мнѣ придется вдаваться въ нѣкоторыя, могущія вамъ показаться нѣсколь­ко сухими, научныя подробности, такъ какъ

Схематическое изображеніе круговорота вещества по тремъ царствамъ природы. Грав. К. Вейерманъ.

это необходимо для полнаго убѣжденія васъ въ непреложности развиваемаго мною воззрѣнія.

Растительные и животные организмы, — включая, разумѣется, и человѣческую, — которые, какъ существа живыя, противопоставляются безжизненнымъ образованиямъ и массамъ, построены изъ матеріала, рѣзко отличающагося (какъ по наружному виду, такъ и по своему болѣе тонкому строенію) отъ того матеріала, изъ котораго построенъ міръ неорганической, или — какъ его иначе называютъ — царство минеральное. Сравните, напр., кусокъ мяса или хлѣба, цвѣточный лепестокъ, пшеничное зерно — съ камнемъ, кристалломъ или мраморной статуей, — и вы найдете между этими вещественными тѣлами гораздо болѣе рѣзкихъ отличій, чѣмъ сходства.

Соответственно этимъ внѣшнимъ отличіямъ, химическимъ анализомъ животныхъ и расти-

*) Нивѣ покойнаго.

тельных организмов уже давно удалось доказать, что последние, хотя в главной своей массе и состоят из веществ неорганических (а именно, по преимуществу из воды и известного количества минеральных солей), всегда еще содержат в себе часть своеобразных, за исключением их нигде в природе не встречающихся веществ, так-называемых — *органических*. Полагали, что эти вещества, без которых немислимо реальное проявление жизни, в своем элементарном составе существенно отличаются от элементов мира неорганического.

Следует, поэтому, признать эпоху для науки о жизни (биологии) открытие химиками нового метода исследования, помощью которого им удалось различить эти так-называемые органические вещества на их простейшие химические элементы. Под именем простого химического элемента, как известно, разумют такое вещество, которое никакими (существующими в настоящее время в науке) средствами не может быть разложено на другие, более простые но различны между собою составные части, из химического соединения которых составилось и получилось-бы исследуемое нами вещество. *Вода*, напр., которую так долго считали за простое вещество, за химической элемент, — разлагается на «кислород» (O — начальная буква его латинского названия — *Oxygenium*) и «водород» (H — *Hydrogenium*) — два газообразных тела, которые обнаруживают совершенно различные свойства: последний представляет собою легчайшее из всех тел и горит слабосветящимся пламенем; первый же гораздо тяжелее водорода, сам не горит, но поддерживает горение. Ни водород, ни кислород не могут быть разложены на более простые составные части: водород и кислород, следовательно, суть простые химические элементы, из соединения которых составлена вода. Отношение между количествами того и другого элемента — величина постоянная, никогда не изменяющаяся; другими словами: какую бы воду в свете ни взяли бы и разложили, всегда окажется, что она состоит из *двух* частей (по объему) водорода и *одной* части кислорода. Если мы, следовательно, захотим кратко выразить химический состав воды в качественном и количественном отношении, то мы можем обозначить элементы начальными буквами их названий (принято латинских) и рядом с буквами поставить цифры, означающие количества элементов. Такое выражение и называется «химической формулой». Химический состав воды, таким образом, выразится формулой: H_2O .

Равным образом и *углекислота* — всем известный газ, выходящий из пивных напитков, каковы пиво, шампанское, зельтерская вода и проч., и придающий им приятный, прохладящий вкус, есть также тело сложное, которое составлено из простых химических элементов — «углерода» (C от лат. *Carbo*) и кислорода — таким образом, что одна часть первого соединяется с двумя частями последнего, образуя при этом одно химическое тело. Формула углекислоты, следовательно, будет: CO_2 .

Я позволю себе, наконец, привести еще один пример. *Аммиак* — газ противного запаха, который скопляется в отхожих местах и своею ёдкостью производит сильное раздражение в глазах и носу, — есть также тело сложное и состоит из двух различных химических элементов: из упомянутого уже выше водорода (H) и так-называемого азота (N — от лат. *Nitrogenium*); химическая формула его: NH_3 , т. е. одна часть азота соединяется с тремя частями водорода и образует одну частицу аммиака.

Новый метод химического анализа, открытие которого, как уже было сказано, оставляет великую эпоху в биологии, называется химическим элементарным анализом органических соединений. Изобретение и усовершенствование этого метода составляют одну из бессмертных заслуг величайшего химика нашего века, *Юстуса Либиха*. Этот метод привел к тому удивительно простому и поразительному результату, что *все* тела различны соединения, которые носят название органических, состоят из весьма небольшого числа простых химических элементов, встречающихся также в мире неорганическом. Из шестидесяти двух хорошо-изученных элементов, признаваемых современной химией за главные части нашей планеты и окружающей ее атмосферы, — только *четыре* главным образом входят в состав, органических соединений, а именно: углерод (C), водород (H), кислород (O) и азот (N).

Замечательно, что только эти четыре элемента, группируя в различном числе и соединяя в самых разнообразных отношениях и при разных условиях, — служат основными началами того безконечного разнообразия органических соединений, которые, как это увидим впоследствии (в свою очередь соединяясь, или даже только смешиваясь с некоторыми неорганическими веществами), образуют весь мир растительных и животных организмов. Органические соединения составляются или только из двух элементов, или в их состав входят три, четыре и даже более основных веществ, которые, соединяясь между собою, образуют одно нераздельное тело.

Все органические соединения содержат в себе углерод (C); последний, следовательно, не отсутствует ни в одном образовании органического мира. В обширном ряду органических соединений, в образовании которых участвует более нежели два элемента, — различают две группы, из которых первая со-

ставляется из соединений, состоящих из углерода, водорода и кислорода; в состав же другой входят такие соединения, которые — кроме исчисленных выше трех элементов — содержат еще (как постоянный элемент) и азот. Соединения первой группы называются *безазотистыми*, второй — *азотистыми* органическими соединениями. Из безазотистых я обращаю внимание на те, которым дано было название *углеводов* — на том основании, что кроме углерода, составляющего непремьную составную часть всякого органического соединения, в их состав входят водород и кислород в такой же точно пропорции, в какой они входят в состав воды, т. е. на каждую часть кислорода две части водорода. Далее следует здесь упомянуть о жирах и маслах, которые точно также состоят только из углерода, водорода и кислорода, но в которых первые два элемента значительно преобладают над последним.

Что касается второй группы органических соединений — азотистых, то они состоят из углерода, водорода и азота; многие из них, и притом наиболее важные, содержат еще в незначительном количестве серу (S), некоторые содержат также фосфор (Ph) и железо (Fe), так что самые сложные из них представляют собою соединения пяти, шести или семи элементов.

Сюда принадлежат те замечательные сложные органические соединения, которые известны под именем *протеиновых* или *белковых* тел. Все они содержат: углерод (от 52 до 54%), водород (около 7%), кислород (21 — 26%), азот (13 — 16%) и серу (1% — 1,6%) и служат материалом для построения тех органов и их частей, в отравлениях которых жизнь проявляется самым разнообразным образом.

Таким образом, разница между органическими и неорганическими соединениями вовсе не заключается в разпорядности химических элементов, из соединения которых образовались те и другие; элемент между собою совершенно тождественны, все равно входят ли они в состав земли, воды и атмосферы, или они образуют собою сложные ткани растительных, животных и человеческого организмов. Существенная разница между ними заключается главным образом в числе и расположении названных немногих элементов для образования сложного химического тела.

И так, органические соединения вообще отличаются от неорганических прежде всего большею сложностью своего состава или строения. Другое характеристическое отличие органических соединений состоит в том, что все они без исключения стараемы, между тем как большинство неорганических соединений не способны к сгоранию, т. е. к дальнейшему соединению с кислородом.

Под *горением* или *окислением* разумют соединение элементов с кислородом.

Горение или окисление допускает различия степени, и оно называется *полным*, если дальнейшее восприятие телом кислорода является невозможным; тела, неспособные к дальнейшему окислению, называются *насыщенными* кислородом. Большая часть неорганических тел суть соединения «насыщенные» кислородом.

Органические соединения, напротив того, или вовсе не содержат кислорода, или же содержат его в относительно ничтожном количестве, так что всегда возможно присоединение новых количеств кислорода; выражалось другими словами: органические соединения могут быть подвергнуты полному сгоранию, причем произойдет распределение их на конечные продукты, обладающие природой истинных неорганических соединений. Если поэтому растительный или животный организм сгорает вполне, то главная масса его улетучивается в воздух и остается только неорганический остаток в виде так-называемой золы, который в большей части случаев относительно очень невелик, а подчас даже равен нулю.

Факт этот совершенно просто объясняется тем, что вода, составляющая главную составную часть всех органических образований, легко испаряется от теплоты, которая развивается при горении, — а безазотистая и азотистая соединения, которые главным образом состоят из упомянутых выше четырех элементов: углерода, водорода, кислорода и азота, образуют при горении продукты преимущественно газообразные. Углерод сгорает в углекислоту (CO_2), из которой только незначительная часть удерживается углекислыми солями золы; водород, отчасти сгорая в воду (H_2O), отчасти образуя с азотом аммиак (NH_3), точно также улетучивается; остаются только те содержащиеся в белковых телах незначительные количества серы и фосфора, которые, сгорая или окисляясь, переходят в серную и фосфорную кислоты.

Главную массу золы, исключая воды, которая улетучивается при горении, составляют неорганические или минеральные соединения, служащие для построения всякого растительного и животного организма.

Кроме угольной кислоты, серной и фосфорной, которые, как мы видели, суть отчасти растительного происхождения, в золах находят еще хлор (1) (Cl), фтор (2) (F) и кремний (3) (Si)

1) Хлор — газ желтого цвета, весьма удивительный; составная часть поваренной соли. 2) Тоже газ, весьма ядовитый; составная часть плавленого шпата. 3) Главная

образующие съ основными (4) веществами такъ-называемыя соли (5). Основныя вещества золы суть щелочи: калий (6) (K) и натрій (7) (Na), и щелочныя земли: известь (Ca), магnezия (Mg), и единственный тяжелый металл—желѣзо (Fe). (*)

Конечные продукты горѣнія растительныхъ и животныхъ организмовъ составляютъ такимъ образомъ: нѣкоторыя минеральныя соли, вода, углекислота и аммиакъ—все тѣла неорганическія.

Совершенно такіе же конечные продукты, какіе получаютъ при горѣніи, даетъ еще и другой процессъ, свойственный исключительно однимъ только органическимъ тѣламъ: именно, процессъ разложенія или разрушенія органической матеріи, извѣстный подъ названіемъ гніенія или тлѣнія. При гніеніи подобно тому, какъ при горѣніи, растительный или животный организмъ распадается на углекислоту, воду, аммиакъ и минеральныя соли.

Этимъ мы сдѣлали обзоръ не только всѣхъ конечныхъ продуктовъ органической матеріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обзоръ самыхъ важныхъ элементарныхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ растительныя и животныя образованія. Число такихъ элементовъ не превышаетъ четырнадцати, а именно: углеродъ (C), водородъ (H), кислородъ (O), азотъ (N), сѣра (S), фосфоръ (Ph), хлоръ (Cl), фторъ (F), кремній (Si), калий (K), натрій (Na), кальцій (Ca), магній (Mg) и желѣзо (Fe).

Такимъ образомъ, углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ по преимуществу, затѣмъ сѣра, фосфоръ и, пожалуй, желѣзо, суть тѣ элементы, которые, группируясь самымъ разнообразнымъ образомъ и при различныхъ условіяхъ, образуютъ безконечное множество такъ-называемыхъ органическихъ тѣлъ. Последнія, смѣшиваясь, или химически соединяясь, съ нѣкоторыми тѣлами неорганической природы—съ водою и нѣкоторыми минеральными солями, образуютъ тѣ своеобразныя вещества, которыя, облекаясь въ органическія формы растений и животныхъ, обнаруживаютъ явленія жизни.

Посмотримъ теперь, гдѣ и какъ сохраняются названные нами четырнадцать элементовъ, составляющихъ основныя начала всѣхъ безъ исключенія организмовъ, въ общей сокровищницѣ неорганической матеріи—въ минеральномъ царствѣ.

1) Кислородъ и азотъ, оба въ свободномъ состояніи и въ отношеніи 21 объема перваго и 79 объемовъ втораго, образуютъ атмосферный воздухъ, который окружаетъ весь земной шаръ со всѣхъ сторонъ.

2) Углеродъ, соединенный съ кислородомъ въ углекислоту, примѣшивается къ воздуху и водѣ, или образуетъ углекислыя соли, которыя отчасти растворены въ водѣ, отчасти образуютъ твердыя составныя части почвы.

3) Изъ соединенія водорода съ кислородомъ образуется вода, которая повсюду распространена въ природѣ въ твердомъ, жидкомъ и газообразномъ состояніяхъ.

4) Водородъ, соединяясь съ азотомъ, образуетъ аммиакъ, который встрѣчается въ черноземѣ или пахатной землѣ и примѣшивается къ воздуху въ непостоянномъ количествѣ.

5) Наконецъ, сѣра и фосфоръ встрѣчаются въ сѣрнокислыхъ и фосфорнокислыхъ соляхъ, которыя, подобно другимъ минераламъ, содержащимъ остальные изъ названныхъ четырнадцати элементовъ, какъ напр. калий, натрій, кальцій, магній и проч., находятся либо въ растворенномъ видѣ въ водѣ, либо входятъ въ составъ земной коры.

Сопоставьте эти пять пунктовъ съ тѣмъ, что я вамъ сообщилъ о конечныхъ продуктахъ сгорания или истлѣнія растительныхъ и животныхъ организмовъ,—и вамъ окончательно выяснится тотъ въ высшей степени важный фактъ, что *неорганическій міръ нашей планеты содержитъ въ формѣ воды, углекислоты, аммиака и нѣкоторыхъ солей тѣ элементарныя вещества, изъ которыхъ образуются всѣ живыя организованныя существа*; послѣднія—подъ влияніемъ свободнаго кислорода атмосфернаго воздуха при процессѣ горѣнія и гніенія—опять распадутся на первоначальныя, простыя, минеральныя формы (вода, углекислота, аммиакъ и соли) и въ этомъ видѣ возвращаются неорганическому міру.

Посредствомъ корней и листьевъ растенія безпрестанно извлекаютъ вещество изъ почвы, воды и атмосферы. Эти запасныя магазины неорганической матеріи снабжаютъ міръ растеній тѣми элементами, которые необходимы для ихъ образованія, поддержанія и развитія, въ формѣ углекислоты, воды, аммиака и минеральныхъ солей.

Въ зеленыхъ частяхъ растеній поглощенная кислота, при содѣйствіи солнечныхъ лучей, восстанавливается, т. е., кислородъ отдѣляется отъ углерода и въ формѣ свободнаго газа возвращается атмосферному воздуху,—а углеродъ, вступая въ новыя соединенія органическаго характера съ элементами воды и аммиака, остается въ растеніи.

Путемъ такой внутренней химической работы растеніе изготавляетъ всѣ части своихъ тканей и соковъ; изъ этого строительнаго матеріала, чисто неорганическаго характера, путемъ

раскисленія или выдѣленія кислорода, растеніе создаетъ всѣ тѣ такъ-называемыя органическія соединенія, которыя отличаются отъ неорганическихъ только своею сгораемостью и болѣе сложнымъ своимъ составомъ.

Такимъ образомъ, элементы воды и углекислоты, лишаясь части кислорода, образуютъ такъ-наз. «углеводы», органическія соединенія, состоящія только изъ углерода, водорода и кислорода. Къ углеводамъ принадлежатъ: клѣтчатка, крахмалъ, сахаръ и проч., также жиры и масла.

При доступѣ аммиака (NH₃), къ тремъ названнымъ элементамъ присоединяется четвертый—азотъ, и, такимъ образомъ, получаютъ четверныя, азотистыя, органическія соединенія. Наконецъ сѣра и фосфоръ, воспринятыя растеніемъ въ формѣ сѣрнокислыхъ и фосфорнокислыхъ солей и освобожденные отъ кислорода, присоединяются къ упомянутымъ элементамъ и обуславливаютъ собою новыя комбинаціи; дѣло наконецъ доходитъ до образованія самыхъ сложныхъ органическихъ соединеній, а именно, бѣлковинныхъ веществъ.

Эти своеобразныя и далеко еще не вполне изслѣдованныя процессы называютъ *органическимъ синтезомъ* *) или прогрессивнымъ метаморфозомъ вещества.

Начиная отъ невзрачныхъ лишаевъ, покрывающихъ влажные утесы, до элегантныхъ растеній, украшающихъ наши оранжереи, и до могучихъ исполиновъ дѣйственныхъ лѣсовъ,—словомъ: все растительное царство можно разсматривать какъ естественную химическую лабораторію, которая, будучи приведена въ дѣйствіе лучами солнца, освобождаетъ кислородъ и производитъ бѣдный кислородомъ но въ высшей степени сложныя органическія соединенія,—въ этомъ и выражается содѣйствіе растительнаго царства органическому синтезу или прогрессивному метаморфозу вещества.

Этимъ, впрочемъ, мы не желаемъ сказать, что въ растеніяхъ не происходятъ, или не могутъ происходить другіе, подчасъ даже противоположные указаннымъ, химическіе процессы; мы, именно, указываемъ на эти явленія, какъ на наиболѣе важныя и наиболѣе характерныя для опредѣленія значенія растительнаго царства въ общей экономіи природы. Роль и значеніе растеній въ экономіи природы состоятъ слѣдовательно въ томъ, что *растенія освобождаютъ кислородъ и изъ простаго неорганическаго матеріала создаютъ самую сложную органическую матерію*.

Животныя поставлены въ совершенно другія условія по отношенію къ внѣшнему міру.

Для построения и поддержанія тканей своего организма животному необходимъ готовый органическій матеріалъ, такъ какъ оно совершенно лишено способности изъ простаго неорганическаго матеріала создавать какія либо органическія вещества.

Этотъ способностью, изъ всѣхъ органическихъ образованій, обладаютъ одни только—освѣщенные лучами солнца—зеленыя части растеній.

II.

Органическія вещества, вырабатываемыя растеніями и въ нихъ отлагающіяся, составляютъ слѣдовательно единственный источникъ, откуда животныя добываютъ необходимый для поддержанія жизни органической питательный матеріалъ. Если въ тканяхъ и сокахъ животныхъ и попадаютъ такія органическія вещества, которыя не встрѣчаются въ растеніяхъ, то они однакожь не образовались въ самихъ животныхъ изъ простыхъ неорганическихъ элементовъ, но представляютъ видоизмѣненія тѣхъ веществъ растеній, которыя животное получаетъ *непосредственно* вмѣстѣ съ растительной пищей; если оно плотоядное и никогда не питается растеніями, то оно получаетъ ихъ *посредственно*, пожирая другихъ животныхъ, которыя или питаются травоядными животными, или сами употребляютъ растительную пищу.

Резюмируя все, что было нами сказано, мы приходимъ къ тому заключенію, что *животное получаетъ необходимый органической, питательный матеріалъ непосредственно или посредственно—только отъ растеній, въ формѣ углеродистыхъ водородовъ, жировъ и бѣлковъ*.

Неорганическія вещества, какъ напр. вода и минеральныя соли, которыя также необходимы животному для поддержанія его жизни, оно частью также находитъ въ растеніяхъ, частью же получаетъ *непосредственно* отъ неорганическаго міра. Между этими послѣдними веществами первое мѣсто занимаетъ *свободный кислородъ*, который животное извлекаетъ при посредствѣ своихъ дыхательныхъ органовъ или прямо изъ атмосферы, или—если оно водное животное—изъ раствореннаго въ водѣ воздуха.

Свободный кислородъ проникаетъ черезъ дыхательныя пути въ массу крови или соковъ животнаго и распределяется равномерно по всему тѣлу. Этимъ путемъ кислородъ приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ живыми животными тканями и видоизмѣненными актомъ пищеваренія питательными веществами, которыя, воспринимаясь массою циркулирующей крови или соковъ, разносятся по всему организму животнаго.

Необходимымъ послѣдствіемъ является то, что въ животномъ всѣ органическія вещества, которыя главнымъ образомъ суть растительнаго происхожденія, подвергаются медленному сгоранію или постепенному окисленію—и, разлагаясь на все болѣе простыя

составная часть песку. 4) и 5) Въ химіи различаются два рода тѣлъ: основанія (напр. металлы) и кислоты (напр. сѣра); соединеніе основнаго вещества съ кислотой наз. *химическою солью* (глауберова соль, напр., состоитъ изъ металла натрія и сѣрной кислоты). 6) Главная составная часть поташа, селитры. 7) Составная часть соды, поваренной соли и пр.

*) Желѣзо входитъ въ составъ крайне-сложнаго органическаго соединенія, которому кровь животныхъ обязана своимъ красивымъ цвѣтомъ. Красящее вещество это называется *гемоглибиномъ*.

*) Подъ «синтезомъ» разумѣютъ процессъ *соединенія* между собою элементовъ въ одно сложное цѣлое. Синтезу противопоставляется «анализъ» или процессъ *разложенія* сложнаго тѣла на его составныя элементы.

Американскій прозѣтъ уличнаго желѣзнаго пути.

и болѣе богаты кислородомъ химическія соединенія, распадаются наконецъ на уже извѣстныя намъ неорганическія продукты разрушенія органическихъ тканей, которые и возвращаются въ высшему міру.

Актъ жизни, слѣдовательно, въ конечномъ своемъ результатѣ доставляетъ такіе же, часто неорганическаго характера, конечные продукты разложенія или разрушенія, какъ и сходные съ ними процессы быстрого искусственнаго сгорания и медленно-протекающаго гніенія. Этѣ конечные продукты суть: вода, углекислота, аммиакъ и минеральныя соли.

Животное въ продолженіи всей своей жизни безпрестанно выделяетъ вмѣстѣ съ минеральными солями углекислоту, воду и нѣкоторые другіе продукты разрушенія, содержащія азотъ, которые скоро распадаются на углекислоту и аммиакъ. Вы видите изъ этого, что животное представляетъ собою такой химическій аппаратъ, который, *въ противоположность растенію, поглощаетъ кислородъ и путемъ окисленія и разложенія переводитъ органическія вещества въ тѣ же неорганическія соединенія, изъ которыхъ они первоначально были построены и созданы растеніями.*

Между тѣмъ какъ роль и значеніе растительнаго царства въ общей экономіи природы состоятъ въ томъ, что растенія, освобождая кислородъ, создаютъ изъ неорганическаго матеріала сложныя органическія соединенія,—роль животныхъ составляетъ совершенную противоположность: *животный міръ служитъ регрессивному метаморфозу вещества, т. е., связывая кислородъ, животными разрушаются и уничтожаются органическія вещества и восстанавливаютъ тотъ самый неорганическій матеріалъ, который служилъ растеніямъ для органическаго синтеза или прогрессивнаго метаморфоза.*

Слѣдуетъ замѣтить, что въ животномъ не происходятъ исключительно процессы регрессивнаго метаморфоза. Рядомъ съ этими послѣдними, которые могутъ считаться наиболѣе важными и преобладающими, въ животномъ происходятъ также и нѣкоторые синтезы; тѣмъ не менѣе, однакожъ, роль и значеніе животнаго царства въ экономіи природы опредѣляются исключительно явленіями регрессивнаго метаморфоза.

По отношенію къ атмосферѣ нашей планеты, растенія и животныя необходимо, поэтому, должны находиться въ постоянной борьбѣ между собою.

Растеніе безпрерывно отнимаетъ отъ воздуха углекислоту и разлагаетъ ее, причѣмъ удерживаетъ углеродъ и освобождаетъ кислородъ. При посредствѣ освѣщенной солнцемъ растительности, атмосфера стремится освободиться отъ содержащейся въ ней углекислоты и сдѣлаться богаче свободнымъ кислородомъ.

Животное, напротивъ того, поглощаетъ кислородъ, сжигаетъ имъ органическія составныя части своихъ тканей и пищи и выдыхаетъ взамѣнъ его такое же почти количество углекислоты. Жизненные процессы животныхъ постоянно дѣлаютъ атмосферу бѣднѣе кислородомъ и богаче углекислотой. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, многочисленныя и тщательныя анализы воздуха несомнѣнно доказали, что состав атмосферы въ различныхъ мѣстахъ земли вездѣ почти одинаковъ—и если даже относительное содержаніе трехъ главныхъ составныхъ частей атмосфернаго воздуха (азота, кислорода и углекислоты) не абсолютно то колебанія однакожъ весьма незначительны и находятся въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Развитие и распредѣленіе организмовъ въ настоящее время сводятся къ тому, чтобы окисляющая дѣятельность животныхъ и раскисляющая растеній находились между собою въ равновѣсіи, такъ какъ временное состояніе атмосферы главнымъ образомъ зависитъ отъ одновременнаго дѣйствія этихъ двухъ—противоположныхъ другъ другу—дѣятельностей.

Нѣтъ сомнѣнія, что составъ атмосферы не всегда былъ таковъ, какимъ мы его находимъ въ настоящее время. Въ болѣе раннія эпохи развитія нашей планеты—содержаніе углекислоты въ воздухѣ было несравненно больше чѣмъ теперь. Только колоссальное развитіе допотопной растительности, преобладавшей вначалѣ надъ всѣмъ остальнымъ органическимъ міромъ, значительно уменьшило содержаніе углекислоты въ атмосферѣ. Углеродъ, который прежде носился въ воздухѣ въ формѣ углекислаго газа, освободился при этомъ отъ кислорода—и въ твердомъ видѣ отложился въ нѣдрахъ земли, гдѣ мы его въ настоящее время находимъ въ формѣ огромныхъ пластовъ и залежей каменнаго и бурого угля; въ качествѣ топлива онъ дѣлается нашимъ могуществѣннѣйшимъ союзникомъ въ дѣлѣ развитія промышленности и торговли.

Мировое событіе, о которомъ мы только что говорили, совершилось слѣдующимъ образомъ.

Допотопныя лѣса сдѣлались жертвою великихъ переворотовъ, которыми сопровождался всѣ эпохи развитія молодой земли: они были засыпаны, затоплены и погребены въ почвѣ, гдѣ подъ влияніемъ влажности и теплоты они претерпѣли измѣненія, придавши богатой углеродомъ растительной субстанціи ихъ всѣ свойства каменнаго и бурого угля. Такъ, путемъ внутренней химической работы, совершившейся въ этомъ подземномъ растительномъ царствѣ, скопился въ огромномъ запасѣ углеродъ, которому въ настоящее время выпала на долю такая великая роль въ исторіи прогресса человѣчества.

Сравнительное изслѣдованіе того, какъ животныя и растенія относятся къ веществамъ высшаго міра, показываетъ, слѣдовательно, что химическія явленія, происходящія въ обоихъ царствахъ органическаго или живаго міра, существенно между собою различныя.

Безсмертная заслуга знаменитаго *Лавуазье*, который справедливо считается отцемъ современной химіи, состоятъ въ томъ, что онъ первый подмѣтилъ это существенное различіе—и этимъ поднѣлъ завѣсу, такъ долго скрывавшую тѣсную связь между растительнымъ, животнымъ и минеральнымъ царствами.

Связь эта представляется въ формѣ *безпрерывнаго круговорота вещества по тремъ царствамъ природы.*

Въ то время какъ растеніе, главною пищею котораго служатъ простыя, богатыя кислородомъ, неорганическія вещества, перерабатываетъ эти послѣднія путемъ ихъ раскисленія, въ сложныя органическія соединенія, — животное, получающее свою пищу прямо или косвенно изъ растительнаго царства, превращаетъ созданныя растеніемъ сложныя и бѣдныя кислородомъ органическія вещества, путемъ окисленія и разложенія, обратно въ простыя неорганическія соединенія.—Растенія получаютъ изъ минеральнаго царства неорганическія элементы, которые они превращаетъ въ составныя части своего организма. Животныя, поѣдая растенія, усваиваютъ себѣ органическія вещества растеній, и, разлагая ихъ на простыя неорганическія соединенія, возвращаютъ ихъ въ такомъ видѣ минеральному царству. Мы видимъ, слѣдовательно, что въ природѣ матерія находится въ постоянномъ движеніи, которое представляется въ формѣ безпрерывнаго круговорота вещества изъ минеральнаго царства въ растительное, изъ растительнаго въ животное, затѣмъ изъ животнаго царства опять въ минеральное и т. д.

Взгляните на приложенный рисунокъ, представляющій собою схематическое изображеніе круговорота вещества по тремъ царствамъ природы, и вамъ окончателно выяснится все то, что было нами до сихъ поръ сказано.

На нашемъ рисункѣ правая половина круга, изображающаго всю вселенную, представляетъ неорганическій міръ, лѣвая—органическій міръ: послѣдняя распадается еще на два квадранта, изъ которыхъ одинъ представляетъ растительное, другой—животное царство.

Въ минеральномъ царствѣ или мірѣ неорганическомъ встрѣчаются всѣ четырнадцать элементовъ, которые, въ концѣ концовъ, служатъ для построенія всего органическаго міра, — въ формѣ нѣкоторыхъ минеральныхъ солей, аммиака (NH_3), воды (H_2O) и углекислоты (CO_2). Химическія формулы упомянутыхъ веществъ обозначены на бѣлыхъ табличкахъ правой половины круга. Слѣдите за направленіемъ, указаннымъ маленькими стрѣлками, и увидите какъ эти неорганическія вещества проникаютъ изъ минеральнаго царства въ квадрантъ, изображающій растительное царство. Въ то время какъ пунктированныя линіи, изображающія пути кислорода, расходятся другъ отъ друга и возвращаются обратно въ пространство минеральнаго царства, гдѣ они сходятся въ табличкѣ, обозначенной буквою O (т. е. свободный кислородъ атмосферы),—непрерывныя линіи, изображающія пути углекислоты, водорода, азота и проч., продолжаютъ дальше и достигаютъ общей квадрантамъ растительнаго и животнаго царства бѣлой полосы, которая обозначена буквами C , H , O , N , S , Ph . Эта бѣлая полоса съ вписанными въ ней буквами представляетъ собою тѣ сложныя органическія соединенія, которыя создаютъ растеніями изъ несложныхъ по составу, но богатыхъ по содержанію кислорода неорганическихъ веществъ, путемъ выдѣленія изъ послѣднихъ части кислорода.

Бѣлая полоса съ вписанными въ ней буквами на полови. заходить въ квадрантъ, изображающій животное царство. Это обстоятельство имѣетъ цѣлю напоминать и сдѣлать нагляднымъ высказанное нами положеніе, по которому животныя главнымъ образомъ получаютъ необходимый питательный матеріалъ и составныя части своего организма изъ растительнаго царства.

Линіи, изображающія пути элементарныхъ веществъ, проходятъ черезъ эту бѣлую полосу и проникаютъ въ квадрантъ животнаго царства. Въ послѣднемъ однако порядкѣ и направленіе этихъ линій измѣняются. Въ то время какъ пунктированныя линіи, представляющія пути свободнаго кислорода атмосферы, проникая сюда изъ минеральнаго царства, присоединяются къ непрерывнымъ линіямъ, всѣ элементарныя вещества (14) возвращаются обратно въ минеральное царство въ формѣ углекислоты (CO_2), воды (H_2O), аммиака (NH_3) и солей. Такимъ образомъ каждый элементъ, какъ это можно ясно видѣть на фигурѣ, совершаетъ вполне замкнутый кругъ, проходя чрезъ всѣ три царства въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ съ другими элементами.

Теперь вамъ станетъ яснымъ значеніе элементарнаго вещества въ жизни нашей планеты. Могучимъ потокомъ вещество это устремляется изъ минеральнаго царства въ растительное и затѣмъ въ животное, чтобы, въ концѣ концовъ, снова возвратиться въ царство минеральное.

НА ТРАВЪ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

IV.

Ночь на Ивана-Купала.

Какъ теперь, помню—это было 23-го іюня, въ самый канунъ Ивана-Купала. Въ той мѣстности, гдѣ мы обитали, еще и доселѣ сохранилось чествованіе купальскаго праздника во всей его древней, аллегорической обрядности, а потому мы съ Апроней собирались въ эту ночь отправиться верхами въ луцу, на берега озера Кагана, гдѣ должно было совершаться это интересное празднество — уцѣлѣвшій остатокъ языческихъ временъ первобытнаго Славянства.

Солнце начинало садиться.

Люди, въ урочный часъ, подъ присмотромъ взводныхъ вахмистровъ, провели на недоуздкахъ коней къ водою въ ближайшее озеро. Для этого они, обыкновенно, прибывъ къ берегу, вскакиваютъ каждый на спину своей лошади и, съ помощью шенкелей, заставляютъ ее войти въ воду сажень на пять, на шесть отъ берега, такъ какъ у самаго берега дно слишкомъ илисто и мелко да и вода, взбаламученная копытами, тотчасъ же становится мутною. Вотъ уже вернулись съ водою послѣдовательно три первые взвода, а четвертый только еще направился къ озеру. Эта взводная очередь принята у насъ для большаго порядка, чтобы избѣжать на берегу лишней толкотни и суеты между людьми и конями—отъ одновременнаго скопленія ихъ цѣлою массой а также и для того, что бы дать время замутившейся водѣ протечь и отстояться.

Мы, въ ожиданіи чая, сидѣли по обыкновенію на крылечкѣ, подъ навѣсомъ хмѣля и дикаго винограда,— а въ вечерѣющемъ воздухѣ стояла такая невозмутимая, глубокая тишина, что до насъ ясно доносились съ озера и плескъ воды, производимый движеніемъ входящихъ въ нее коней, и понуканья, и тотъ своеобразный мелодическій поевитъ, столь хорошо знакомый кавалеристамъ, посредствомъ котораго люди обыкновенно стараются возбудить въ конѣ аппетитъ и охоту къ водою.

Вдругъ этотъ плескъ превратился въ шумъ необычайныхъ размѣровъ. Послышались перепуганные, тревожные крики, восклицанія, брань, голоса «держи, лови!»—За тѣмъ раздался, все болѣе и болѣе приближавшійся, гулкій и сильный топотъ многочисленныхъ копытъ—и вдругъ, черезъ нѣсколько мгновений, мимо насъ шагахъ въ тридцати вихремъ пронеслось съ гуломъ и ржаньемъ около десятка вырвавшихся на волю горячихъ коней. Это была чудная и своеобразная красивая картина! Распустивъ хвосты трубою и закинувъ гордые головы, съ развѣвающимися гривами, съ огненнымъ взоромъ и раздутыми ноздрями, эти скакуны безъ всадниковъ, промчавшись нѣсколько десятковъ сажень въ одной тѣсной кучѣ, вдругъ ударились межъ деревьями въ разсыпную, оглашая лѣсъ на далекое пространство своимъ гуломъ—и звонкимъ серебристымъ ржаньемъ, которое подхватывалось перекатнымъ эхомъ. Слѣдомъ за этою ватагой неслись почти всѣ остальные кони четвертаго взвода; на большей части изъ нихъ еще сидѣли кое-какъ всадники, тщетно стараясь однимъ недоуздкой сдерживать бѣшеный пылъ своихъ лошадей, которыя, ошалѣвъ отъ какой-то неизвѣстной пока намъ причины то и дѣло, взвивались на дыбы, давали «коз-

ловъ *)» и изо всей мочи порывались вслѣдъ за умчавшимися скакунами. Изъ опрокинутыхъ людей, кое какъ успѣвшихъ подняться на ноги, нной торопливо старался поймать конецъ недоуздка, другой бѣжалъ что есть мочи за своимъ конемъ; третій, подданный кверху ловкимъ «козломъ» и сброшенный наземъ черезъ голову, — къ счастью успѣвъ не выпустить изъ рукъ недоуздокъ, силится вѣснмъ корпусомъ, откинутымъ въ упоръ, удержать вырывающуюся лошадь,— и все это сопровождается криками и смятеніемъ солдатъ бѣгающихъ въ догонку,—словомъ сказать, переполохъ поднялся ужаснѣйшій!

Я былъ командиромъ 4-го взвода и потому понятно, что происшедшая неожиданность касалась меня самымъ ближайшимъ образомъ.

Вругъ—смотрю—бѣжитъ ко мнѣ Слуцкій, мой взводный вахмистръ—застегивая на бѣгу свой китель. Слуцкій—это ражій дѣтина, чуть не косая сажень въ плечахъ, съ великолѣпными, окладистыми черными бакками и съ голосомъ, который гудитъ у него какъ изъ бочки, вслѣдствіе чего въ хорѣ пѣсельниковъ Слуцкій всегда «спушаетъ октаву.»

— Ваше благородіе! бѣда! еще издали вопить онъ въ поныхахъ и въ испугѣ.—Ивите божескую милость!... Надо доложить майору!...

— Какъ это у васъ тамъ случилось? спрашиваю его.

— Да Ванникъ **) подъ рекруткомъ, подъ Пашинымъ, спужамчись чего-то, шархнулъ въ сторону, сбиль въ воду и Пашина-то, а самъ ударился въ кучу коней, переполоху надѣлалъ такого, что просто ужаси! А за нимъ и всѣ другіе кони словно ошалѣли, тоже шархнулись, — эфтимъ манеромъ и вышла вся каша!... Ивите Божескую милость, ваше благородіе! потому хоша случай такой, а все же много виноваты!

Я побѣжалъ къ майору, который, вернувшись послѣ обѣда изъ луговъ, прилегъ соснуть пока до вечерняго чая. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ сейчасъ же засѣдлать нѣсколькихъ лошадей и послать на нихъ наиболѣе смысленныхъ и знакомыхъ съ мѣстностью солдатъ разловить убѣжавшихъ екакуновъ, а другую часть людей отправить съ тою же цѣлью пѣшкомъ. Такъ какъ происшествіе случилось въ моемъ взводѣ, то я съелъ обязанностію вмѣстѣ со своими людьми тоже отправиться на поиски.

— Кстати, захватите трубача съ собою, посовѣтовалъ мнѣ майоръ: — и велите ему время отъ времени играть сборъ: на звукъ трубы кони легко и сами соберутся.

Человѣкъ восемь всадниковъ отправились по разнымъ направленіямъ лѣса; я со Слуцкимъ и съ трубачемъ—выбравъ себѣ между ними направленіе, приблизительно, центральное,—поѣхали прямо по лѣсной цѣлинѣ, въ глубину луцы. Гдѣ рысцою, гдѣ шагомъ, пробираясь между кустами и старыми деревьями, мы отѣхали отъ фольварка версты на три, когда я приказалъ трубачу впервые подать сигналъ. Амплѣвъ приставилъ губы къ трубѣ—и «сборъ» зарокоталъ по

*) «Дать козла»—спеціальное выраженіе. Лошадь «даетъ козла» посредствомъ лягательнаго прыжка задними ногами, вслѣдствіе чего, при отсутствіи сѣдла, и стремянъ, всадникъ легко можетъ полетѣть черезъ голову лошади.

**) Имя коня.

пустынь лѣса. Какъ только замеръ въ отдаленномъ эхо послѣдній звукъ трубы, мы стали прислушиваться, и вдругъ изъ двухъ или трехъ концовъ лѣса, какъ бы въ отвѣтъ на призывъ сигнала, послышалось вдали тонкое конское ржанье.

— Ага, почували, значить! замѣтилъ Амплѣвъ.

Мы продолжали прислушиваться, стоя на мѣстѣ еще въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, но ржаніе не повторялось и, среди лѣсной тишины, ничто пока не служило признакомъ приближенія лошадей. Отъѣхавъ впередъ еще на версту, мы повторили «сборъ», но результатъ остался столь же безуспѣшенъ.

— Ваше благородіе! обратился ко мнѣ Слуцкій: — не подать ли бы лучше «апелъ» вмѣсто «сбора?»

— А что? отозвался я.

— Да такъ; потому «апелъ», значить, конь завсегда не въ примѣръ лучше чувствуетъ.

— Дай «опель», Амплѣвъ!

И лѣсная пустыня рѣзко огласилась дребезжащею высокою трелью сигнала. Слуцкій соскочилъ съ лошади и, не выпуская изъ руки трензельнаго повода, прилегъ ухомъ къ землѣ и сталъ прислушиваться.

— Гудѣть, ваше благородіе! съ какою-то таинственностью, въ полголоса, сообщилъ онъ черезъ минуту.

— Что гудѣть?

— Земля гудеть.... Значить, топотъ слышенъ.

— Далеко?

— Сдается такъ, будто все ближе.... все гулче становится.... Подать бы, ваше благородіе, еще разокъ?

— Труби! приказалъ я Амплѣву.

И вотъ, минуты двѣ спустя послѣ повтореннаго сигнала, снова раздалось, уже гдѣ-то невдалекѣ, серебряное ржаніе, а за тѣмъ, черезъ нѣсколько времени, ясно послышался топотъ и трескъ сухаго валежника, ломаемаго подъ тяжестью конскаго копыта.

Мы внимательно напрягли и слухъ, и зрѣніе.

Черезъ минуту, на небольшую открытую лощинку лежавшую передъ нами—выбѣжалъ конь «Асланъ» и остановился отъ насъ шагахъ въ полтораста, чутко насторожилъ строгія уши, понюхалъ воздухъ и вдругъ, испуганно шархнувшись въ сторону, въ одно мгновенье исчезъ куда-то вправо за густыми кустами.

Слуцкій живо очутился на сѣдлѣ и, пригнувшись къ луцѣ, чтобы защитить лицо отъ хлесткихъ прутьевъ да отъ колючихъ сосновыхъ вѣтвей, пустился—по мысленному предположенію—на перерѣзъ Аслану.

Мы остались дожидаться на мѣстѣ.

Опять послышался трескъ сучьевъ и топотъ, и опять выбѣжала на лощинку лошадь, почти въ томъ же самомъ направленіи, какъ и Асланъ, и—точно такъ-же какъ и онъ—приостановилась, озираясь по сторонамъ; видимо усталая, она обмахивалась хвостомъ и отфыркивалась.

— Э, да это никакъ Бабилина! шепотомъ замѣтилъ Амплѣвъ. И дѣйствительно, взглянувъ на нее, я узналъ въ этой сухощавой длинношей кобылѣ нашу кроткую «Бобелину».

Лошадь межъ тѣмъ, завидѣвъ насъ, высоко подняла голову, радостно заржала и вдругъ направилась прямохонько-таки къ намъ покорною, смиренною и легенькою рысцою. Амплѣву не стоило никакого труда шагомъ податься ей навстрѣчу и, осторожно приблизясь, схватить ее за болявшійся недоуздокъ.

Спустя около четверти часа вернулся и Слуцкій, ведя за собою Аслана.

— Гдѣ тебѣ удалось поймать его?

— А, лядащій конь! проворчалъ онъ съ неудовольствіемъ: — все лицо изъ за него прутьемъ перещарапало! Нагналъ ужъ я его вона-гдѣ! въ болотѣ! никакъ къ себѣ не подлуцаетъ хоть что хошь! Чуть я подойду эдакъ осторожно съ боку, — онъ сейчасъ это въ сторону и шабашъ! Ничего не подѣлаешь! Умучилъ

просто! И до тѣхъ поръ не давался, пока его по брюхо въ болото не втемяшило; ужъ тутъ только я могъ взять его, да чуть было и самъ не утопъ совсѣмъ! Вона-какъ разубрался—страсть!

И дѣйствительно, Слуцкій и оба коня были мокры и покрыты зелеными прядями болотной тины.

— Амплѣвъ! возьми Аслана съ Бобелиной къ себѣ въ заводъ и поѣдемъ далѣе! распорядился я.

— Ваше благородіе, вамъ угодно.... впередъ? какимъ-то страннымъ, подозрительнымъ тономъ спросилъ меня Слуцкій.

— Да, впередъ; а что такое?

— Да оно ничего-съ.... а только.... конечно.... Кто его знаетъ!... Какъ бы не спужаться вамъ, неровень часть....

— Что ты за чужь несешь! съ удивленіемъ оглядѣлъ я моего «взводнаго»: — чего это я тамъ буду «пужаться»?!

— Виноватъ, ваше благородіе! Есть воля ваша, а только.... не ладно тамъ.

— Да говори ты, любезный, толкомъ! Что такое не ладно-то?

— Конечно, ваше благородіе, въ добрый часъ сказать, а въ дурной помолчать.... А я къ тому собственно позволю докладывать, что темно уже становится, но.... а ночь-то нынче кунальская-съ.

— Такъ что-же?

— Какъ угодно вашему благородію, но только я, значить,—какъ вотъ стою передъ вами, — такъ точно своими глазами видѣлъ.... Тамъ ваше благородіе, оно ходитъ....

— Пьянъ ты братецъ, что-ли?!.. Какое тамъ еще «оно»?

И не дожидаясь объясненія, я сказалъ людямъ: «шагомъ маршъ!» и тронулся далѣе.

— Кто его знаетъ, ваше благородіе, что оно такое, а только ходитъ.... Самъ значить видѣлъ, на ходу уже продолжалъ докладывать мнѣ Слуцкій. — Я, этта, крадусь къ Аслану, а оно мнѣ навстрѣчу.... И больше не будетъ, къ примѣру, какъ вонъ до того дерева—шагахъ въ тридцати, значить остановилось и смотритъ на меня, и покажись мнѣ, что жалостно такъ, во все глаза, то-исъ, смотреть! а потомъ вдругъ шастъ въ сторону и пропало — ну, вотъ словно сквозь землю провалилось!

— Померещилось, можегъ? замѣтилъ Амплѣвъ: — въ лѣсу это бываетъ объ ну-пору....

— Чего тѣ «померещилось»?! Пьянъ я, чтоли, и въ сам-дѣлѣ!? огрызнулся на него Слуцкій. — Говорятъ тѣ: своими глазами, а онъ—«померещилось»!

— Какое же оно съ виду-то? на что похоже? спросилъ я съ невольною улыбкой.

— Бѣлое, ваше благородіе,—какъ есть, все бѣлое; и на головѣ, словно какъ у покойниковъ саванъ, а-либоплатокъ какой, не знаю ужъ, а только что бѣлое,—это вѣрно-съ!... И какъ будто женска пола, ваше благородіе.

— Ну, баба какая нибудъ пошла свянто-янскія травы собирать, и только; а ты — солдатъ — испугался!... Эхъ, братъ!

— Есть воля ваша! а только не похоже оно на бабу деревенскую, хоша и точно что скорѣе сдаетъ на женскій полъ, иначе-жъ не баба, потому ежели бабу—ту сейчасъ видно!

— А этта, ваше благородіе, помолчавъ минуту снова заговорилъ Слуцкій таинственно пониженнымъ тономъ: —я такъ думаю, что это никто больше какъ.... французинка.... та самая, что штаб-ротмистръ анадесь изволили вамъ сказывать.... Это она самая и есть!

«Ильиновская легенда!» подумалъ я про-себя.

— А развѣ вы еще не забыли про нее? спросилъ я Слуцкаго.

— Зачѣмъ забыть, ваше благородіе! — Намъ какъ тогда про нея деньчики сказывали, такъ очинно даже занятно!... И мы часто потомъ промежъ себя толковали, да и ночные наши тоже видѣли, какъ и я-же вотъ теперь. Да и чтожъ мудренаго! нѣсколько философски продолжалъ мой взводный:—мѣста здѣсь самыя подходящія: и лѣсъ, этта, и болота, и озера—вся эта нечисть любить вѣдь по такимъ трущобамъ водиться, а нонче къ тому же—Графена-Купальница, — вотъ и

Солнце давно уже сѣло, и въ лѣсу съ каждою минутой становилось все болѣе сумрачно и сыровато. Проѣхали мы впередъ еще около версты отъ мѣста нашей послѣдней остановки.

— А ну-ко, Амплѣвъ, подай еще «апель», распорядился я, когда мы выѣхали на одну изъ лѣсныхъ тропинокъ, которую можно было разглядѣть еще въ сумракѣ по двумъ глубокимъ колеямъ, проложеннымъ крестьянскими возами.

Малороссіяне. Рис. Фукъ, грав. Гусманъ.

выползла, значитъ, на свѣтъ Божій. Сегодня ей шѣ-башъ!

— А что, Иванъ Антоничъ, не совсѣмъ-то увѣренно обратился къ Слуцкому Амплѣвъ: — кони-то сегодня ни съ того, ни съ сего разбѣжались — вѣдь это все, поди-ко, ѣйныя же штуки! Пожалуй-что она все шко-литъ?

— А ты какъ понимаешь!? какъ бы нехотя, но увѣ-ренно и авторитетно въ полоборота отвѣтилъ ему Слуц-кій и замолкъ.

Разговоръ прекратился.

Сигналъ былъ поданъ.

— О-го-го-го-о-о! долетѣлъ къ намъ издали человѣ-ческой голосъ.

— Лѣшій!.. проговорилъ Амплѣвъ съ какою-то стран-ной улыбкой, которая послышалась въ его слегка-дро-гнувшемъ голосѣ, такъ что выходило — не то онъ въ шутку сказалъ это, не то и въ самомъ дѣлѣ рассказы Слуцкаго оставили въ немъ свою долю сுவѣрнаго впе-чатлѣнія.

— Дура! буркнулъ на него взводный сквозь зубы:— это, ваше благородіе, должно, кто нибудь изъ нашихъ

голосъ подаетъ, обратился онъ непосредственно ко мнѣ:—можетъ, подождать прикажете?—авось, подѣдетъ!...

И мы придержали коней.

— А что жь, Иванъ Антонычъ, съ тою же улыбкой въ голосѣ продолжалъ Амплѣвъ:—разн не бываетъ такъ, что *онъ* нарочно заводитъ? Для того и голосъ по человѣчьи подаетъ!

— Ну, и пушай его! нехотя и съ оттѣнкомъ неудовольствія проворчалъ Слуцкій.—«Заводитъ»!... выдумалъ тоже: «заводитъ!»—Мы здѣсь теперича, братецъ мой, на торной тропѣ стоимъ, а она все же куда ни на есть да выведетъ! Это не то, что какъ давеча по цѣлинѣ да по болоту! А здѣсь къ тому же видко; даже гораздъ видчѣе, чѣмъ тамъ было.

Въ это время навстрѣчу къ намъ по тропинкѣ выѣхалъ всадникъ.

— Это ты, Андрей Васильичъ?

— Такъ точно, ваше благородіе! отвѣтилъ голосъ Скларова.

— Ну, что? какъ тамъ у васъ? Разловили?

— Есть таки. А у васъ двѣ?

— Двѣ: Асланъ да Бобелина.

— Ну, и слава Богу! восемь коней, значить, поймано. Одна «Астроблябля» только отбилась въ сторону: къ Гершкниной корчмѣ побѣжала. объяснялъ вахмистръ:—ну, да туда за ней Вороненко съ гремя солдатиками погналъ; надо быть, переймутъ и ее!

— А всѣхъ-то девять обѣжало?

— Такъ точно. Шестерыхъ ужъ домой повели.

— Стало быть и намъ больше дѣлать нечего. Поворачивай, ребята!

И мы, взявъ себѣ въ жоаки Скларова, которому уже хорошо была извѣстна эта тропа, направились по ней къ Ильянову.

Черезъ нѣсколько времени, влѣво отъ насъ, въ той сторонѣ, гдѣ старорослый хвойный лѣсъ былъ нѣсколько рѣже, я замѣтилъ въ-дали мелькающей между деревьями отблескъ какого-то зарева, а еще спустя нѣсколько минутъ до нашего слуха сталъ доноситься съ той-же стороны гулъ людскаго говора и звуки пѣсень. Женскіе голоса были слышнѣе.

— Ишь, у мужиковъ-то гульба! замѣтилъ Скларовъ:—Купалу, значить, справляютъ.

— А что, Андрей Васильичъ, освѣдомился я:—не знаешь ты, штабсъ-ротмистръ поѣхалъ туда или нѣтъ?

— Надо быть, поѣхали, ваше благородіе, потому они приказывали тѣлежку свою заложить, и имъ уже закладывали даже, какъ случилась-то у насъ катавасія эта.

«Стало быть, я вѣроятно найду его тамъ», подумалось мнѣ, и потому, не желая болѣе утомлять мою, и безъ того уже утомленную, лошадь, я сдалъ ее на руки Слуцкому, приказавъ людямъ слѣдовать своею дорогой, а самъ пѣшкомъ отправился по тому направлению, откуда слышались голоса и трепетнымъ свѣтомъ мелькало зарево.

(Продолженіе будетъ).

АМЕРИКАНСКІЙ ПРОЕКТЪ УЛИЧНАГО ЖЕЛЕЗНАГО ПУТИ.

Отъ времени до времени въ американской прессѣ всплываютъ предложенія и планы до того смѣлые и отличающиеся такой новизной, что съ перваго взгляда невольно спрашиваешь себя въ удивленіи, что это такое: выполнимая ли идея гениальнаго механика или химера мечтателя и фантаста. Къ такимъ проектамъ принадлежитъ и представленный на нашемъ рисункѣ, а именно: планъ *подвижнаго* или *вращающагося* *уличнаго* *пути*, который намѣреваются соорудить въ Нью-Йоркѣ. Встрѣтивъ эту новую затѣю, впервые въ американскихъ газетахъ, мы склонились къ мысли, что имѣемъ дѣло съ обыкновенною журнальною уткою, или мистификаціей, или такъ-называемымъ *humbug*'омъ; но проектъ послѣдовательно являлся во многихъ газетахъ, обсуждался всесторонне и представлялъ такимъ образомъ серьезное предпріятіе. Онъ заключается въ слѣдующемъ: для того чтобы доставить большіе ремесленнымъ и торговымъ городамъ въ родѣ Нью-Йорка—быстрый, пріятный и сберегающій время путь сообщенія, съ возможно меньшими издержками на постройку, и болѣе безопасный чѣмъ всѣ эти туннели и подземныя желѣзныя дороги,—американскій инженеръ Альфредъ Спиръ въ Нью-Йоркѣ предлагаетъ устройство совершенно особеннаго рода *полной дороги*, которая должна вращаться на высотѣ 14-ти рейнскихъ футовъ надъ поверхностью мостовой.

Новизна этого проекта состоитъ въ томъ, что не вагоны двигаются по рельсамъ дороги, но самый путь этотъ, состоящій изъ подвижной платформы прокатнаго желѣза и составленный изъ соединенныхъ въ безконечную ленту желѣзныхъ плитъ, на которыхъ со внутренняго края ленты разставлены скамьи, вагоны, небольшіе павильоны и тому подобное; а со внѣшняго края—на двухъ рельсахъ (изъ которыхъ одинъ положенъ на безконечномъ подвижномъ полотнѣ платформы, а другой на неподвижно-прикрѣпленной къ столбамъ галлерей) двигаются еще небольшіе восьми-мѣстные вагоны, приспособленные для того, чтобы пассажиры могли на полномъ ходу вращающагося пути садиться въ нихъ и выходить и поэтому названные изобрѣтателемъ *передаточными*, *transfer cars*.

Вообразите себѣ въ длинной и широкой улицѣ или главномъ проспектѣ города, каковъ напр. Бовери въ Нью-Йоркѣ, два ряда красивыхъ колоннъ изъ литаго желѣза, въ 14 футовъ вышины, надеждающей толщины и плотности, которые на верхнемъ и нижнемъ концахъ улицы разставлены такъ что образуютъ отлого-закругленную линію, какъ это видно на первомъ планѣ нашего рисунка. Эти колонны поддерживаютъ легкій прорѣзной оставъ изъ кованаго желѣза и крѣпко соединены между собой балками и слемами для противудѣйствія тряскѣ и всякому боковому давленію. На этомъ открытомъ оставѣ положены два рельса, на равной высотѣ, на одной трети и на двухъ третяхъ разстоянія отъ внутренняго края платформы, — и третій, фута на три выше по-

ложенный рельсъ на внѣшнемъ краю платформы. Легкая, сквозная, рѣшетчатая платформа сверхъ того, съ обоихъ краевъ—внутренняго и внѣшняго—снабжена прочной желѣзною рѣшеткой во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Между и подъ обоими нижними рельсами расположены такъ-называемыя колеса тренія, по которымъ катится платформа,—и зубчатые колеса, приводящія въ движеніе безконечную платформу катящуюся по рельсамъ. Двигателями служатъ неподвижныя паровыя машины, изъ которыхъ каждая помощью передаточныхъ приспособленій сообщаетъ движеніе зубчатымъ колесамъ, между извѣстнымъ числомъ колоннъ. Всѣ эти паровыя машины сообщаются между собою телеграфнымъ проводомъ, такъ что дѣйствіе ихъ ежеминутно можетъ быть задержано или усилено съ вращающейся платформы. Безконечная лента платформы или подвижнаго пути, которую можно сравнить лучше всего съ такъ-называемымъ *безконечнымъ* (передаточнымъ) *ремнемъ* въ машинахъ, имѣетъ около 21 фута ширины и раздѣлена на части опредѣленной длины (какъ это изображено на нашемъ рисункѣ ясно-очерченными кривыми линіями). Эти части или плиты платформы соединены между собою зацѣпками наподобіе цѣпи и на нихъ-то неподвижно укрѣплены различныя вагоны въ 8 футовъ ширины и отъ 24—40 футовъ длины, на внутреннемъ краю платформы; одни изъ нихъ открыты на случай хорошей погоды, другіе съ крышами отъ дождя и снѣга; тутъ же чередуются скамьи, буфеты и проч. Посрединѣ платформы—свободный проходъ футовъ 7 ширины, по которому прогуливаются пассажиры, глядя на уличное движеніе подъ ногами ихъ, на толпу экипажей, всадниковъ и пѣшеходовъ, которымъ нисколько не мѣшаетъ вращающаяся надъ головой желѣзная дорога, какъ это случается при нынѣшнихъ желѣзнодорожкахъ или паровыхъ уличныхъ локомотивахъ. Безконечная платформа вращается съ скоростью 1—1½ нѣмецкихъ миль въ часъ. Если бы кто пожелалъ присоединить къ этому собственную скорость, въ качествѣ пѣшехода идя по направлению движенія, тотъ достигнетъ цѣли своего путешествія еще на 2/3 скорѣе.

Со внѣшняго края платформы, на извѣстныхъ разстояніяхъ устроены удобные сходы по лѣстницамъ, служащимъ для восхожденія и спуска пассажировъ. Это дѣлается бесъ малѣйшей опасности и отнюдь не задерживая хода платформы, посредствомъ вышеупомянутыхъ передаточныхъ вагоновъ (*transfer cars*) слѣдующимъ образомъ (какъ это видно на двухъ лѣстницахъ перваго плана на нашемъ рисункѣ): восьми-мѣстные, въ 4½ фута ширины, передаточные вагоны двигаются по двумъ рельсамъ, изъ которыхъ одинъ внѣшній лежитъ на открытомъ оставѣ галлерей между столбами, а другой внутренній на безконечной платформѣ на ровной высотѣ съ первымъ,—и оба составляютъ остроумнѣйшую часть этого изобрѣтенія. Когда кто нибудь желаетъ сойти на улицу, то кондукторъ маленькаго передаточнаго вагона дѣйствуетъ

Добро пожаловать!... Картина К. Беккера, грав. Тиле и Ко.

слава довольно значительно и гораздо больше прошлогодняго. Славъ плотовъ и судовъ по Днѣпру начался еще въ апрѣлѣ. Лѣсная пристань оживилась разгрузкою барокъ. Говорятъ, что въ нынѣшнюю навигацію должно пройти по Днѣпру до 3.000 плотовъ.

— На Калмыцкомъ базарѣ въ Астрахани продано въ мартѣ рогатаго скота 141 гол. и барановъ 1.645 за 10.910 руб. 10 коп.

— Караванная ярмарка въ гор. Лаишевѣ (Казанской губ.) началась, съ появленіемъ первыхъ каравановъ, 20-го мая. Караваны въ теченіе цѣлаго мѣсяца двигались очень медленно по случаю сильныхъ вѣтровъ и бурь; нѣкоторые изъ нихъ даже совершенно не дошли до Лаишева и были разбиты и потонули на пути. Торговля желѣзомъ шла довольно вяло, хотя привозъ его на Лаишевскую пристань въ нынѣшнюю ярмарку превышалъ прошлогоднее количество, и число барокъ было несравненно больше — именно 383, кромѣ косныхъ лодокъ, приходившихъ изъ разныхъ приволжскихъ губерній за грузомъ желѣза, которыхъ было до 100. Всего на ярмаркѣ въ привозѣ было желѣза до 4.700.000. Большая часть его сплавлена на низовье Волги.

— На бывшую въ концѣ минувшаго мая ярмарку въ городѣ Ленчѣ, Любартовскаго уѣзда, Лислинской губерніи, товаровъ доставлено было на 318.216 р. и продано на 101.060 р. Преобладающими изъ нихъ были: лошади, скотъ, овечья шерсть, кожи, шерстяныя и бумажныя издѣлія, сукна, холсты, мужскія и женскія платья и обувь. Лошадей пригнано было на 40.000 руб., продано на 18.000 руб.

АРХЕОЛОГІЯ.

— Въ окрестностяхъ Ломжи и Тыкоцина, близъ деревень: Замбжица, Залѣсье, Старо-Кобылино и Крушево, открыты недавно древнія жилища людей каменнаго періода. Найденные здѣсь сосуды замѣчательны, сооб-

щаютъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ», по работѣ, а также особенно красивы наконецъ стрѣлы. Археологъ Глогеръ, сдѣлавшій эти открытія, пришелъ къ заключенію, что во времена, которыя совпадали съ существованіемъ Римской имперіи, здѣшній край почти всюду былъ заселенъ, что на мѣстѣ 5 селъ нынѣшнихъ существовалъ въ то время одинъ посадъ, устроенный на песчаныхъ холмахъ.

— Въ концѣ минувшаго года въ Семирѣченской области сдѣлана была весьма интересная нумизматическая находка. Близъ выселка Любовнаго найдены были 90 штукъ серебряныхъ монетъ, которыя и оказались изъ числа наиболѣе рѣдкихъ предметовъ мусульманской нумизматики, именно изъ разряда монетъ, чеканенныхъ ханами Джагатаева улуса. Въ коллекціи оказались монеты разныхъ годовъ и типовъ трехъ хановъ: Кебека, Термаширна и Денгши. Совершенно неизвѣстны были до сихъ поръ монеты перваго изъ упомянутыхъ хановъ, которые правила въ первой половинѣ XIV столѣтія и чеканили монеты въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Термизѣ, Острарѣ и другихъ городахъ. Вся эта коллекція монетъ передана Археологическою Коммисіею въ миѣнкабинетъ Императорскаго Эрмитажа, гдѣ до сихъ поръ не было ни одного экземпляра монетъ вышеупомянутыхъ трехъ хановъ.

ГИГИЕНА.

— Изъ перваго мѣсячнаго отчета о дѣятельности ночныхъ дежурствъ врачей можно извлечь слѣдующія свѣдѣнія, указывающія на степень той пользы, которую это новое въ С.-Петербургѣ учрежденіе успѣло уже принести обществу: въ теченіе мая всѣхъ посѣщенныхъ больныхъ, сдѣланныхъ врачами, было 46, изъ нихъ большая часть по случаю довольно серьезныхъ и требующихъ немедленной врачебной помощи болѣзненныхъ разстройствъ. Всѣхъ врачей, принимавшихъ уча-

стіе въ дежурствахъ, было 32; самое большее число требованій врача въ теченіи ночи простиралось до 4 разъ.

ПАМЯТНИКИ.

— 30-го мая произошло открытіе и освященіе памятника Императору Петру Великому, сооруженнаго на островѣ Гросгольмъ, возлѣ Нарвы, по почину и на средства нѣсколькихъ частныхъ лицъ, нарвскихъ жителей.

Островъ Гросгольмъ на рѣкѣ Наровѣ, въ пяти верстахъ отъ Нарвы, принадлежитъ къ Эстляндской губерніи. По сохранившемуся преданію, на Гросгольмѣ стояла палатка Петра I-го во время осады Нарвы русскими войсками въ 1699 г. Въ настоящее время островъ состоитъ въ частномъ владѣніи барона Арнсгофена.

Памятникъ поставленъ у берега рѣки, на возвышенной площадкѣ, осѣняемой вѣковыми дубами. Онъ состоитъ изъ чугунаго, подѣланный мраморъ окрашеннаго обелиска, стоящаго на каменномъ о трехъ ступеняхъ пьедесталѣ. Вершина обелиска украшена позолоченнымъ орломъ. Высота памятника, съ пьедесталомъ и орломъ, полторы сажени. На сторонѣ обелиска, обращенной къ Эстляндской губерніи, надпись: «Двухсотлѣтіе Петра I. 30-е мая 1672—30-е мая 1872». На противоположной сторонѣ, обращенной къ Петербургской губерніи: «Сооруженъ въ память юбилея двухсотлѣтія Петра I, Великаго преобразователя Россіи». Затѣмъ слѣдуютъ имена четырнадцати лицъ, соорудившихъ памятникъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Круговоротъ вещества по тремъ царствамъ природы. Проф. Чермака (съ рисункомъ). — На травѣ (очерки кавалерійской жизни) Всеволода Крестовскаго (продолженіе). — Американскій проектъ уличнаго дорожнаго пути (съ рисункомъ). — Малороссіане (съ рисункомъ) Немировичъ-Данченко. — Добро пожаловать (съ рисункомъ). — Сѣльск. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Въ С.-Петербургѣ и Одессѣ у А. Черкесова и К^о, въ Москвѣ у Садаева

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:
ЭДУАРДЪ ЛАБУЛЕ.

ПАРИЖЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

Приключеніе д-ра Рене Лефевра (парижанина).

Полный переводъ (35 главъ) съ 27-го французскаго изданія. Изданіе н. трапезникова, спб. 1874.

Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ВАШИНГТОНА ИРВИНГА.

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. А. АНТОНОВИЧА,

ИЗДАНІЕ Н. ТРАПЕЗНИКОВА

Цѣна 1 р. 50 к.

Нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка. Составилъ Н. Кюссе. Цѣна 40 к., съ пересылкою 45 к. Продается въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, Черкесова, Исанова и др. Н. Кюссе.

ЭКСПЕДИЦІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ Н. В. БОГДАНОВИЧА. ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВО ВСѢ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ. Вознесенскій просп., домъ № 15, квартира № 5. ОТКРЫТА СЪ 10 ДО 6 ЧАС.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . 60 к.
- 2) „ „ „ „ Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . 50 „
- 3) „ „ „ „ Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугодіе по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ приостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **Н. Боева**—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

№ 30

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 22-го іюля 1874 года.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается
и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1874 году №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

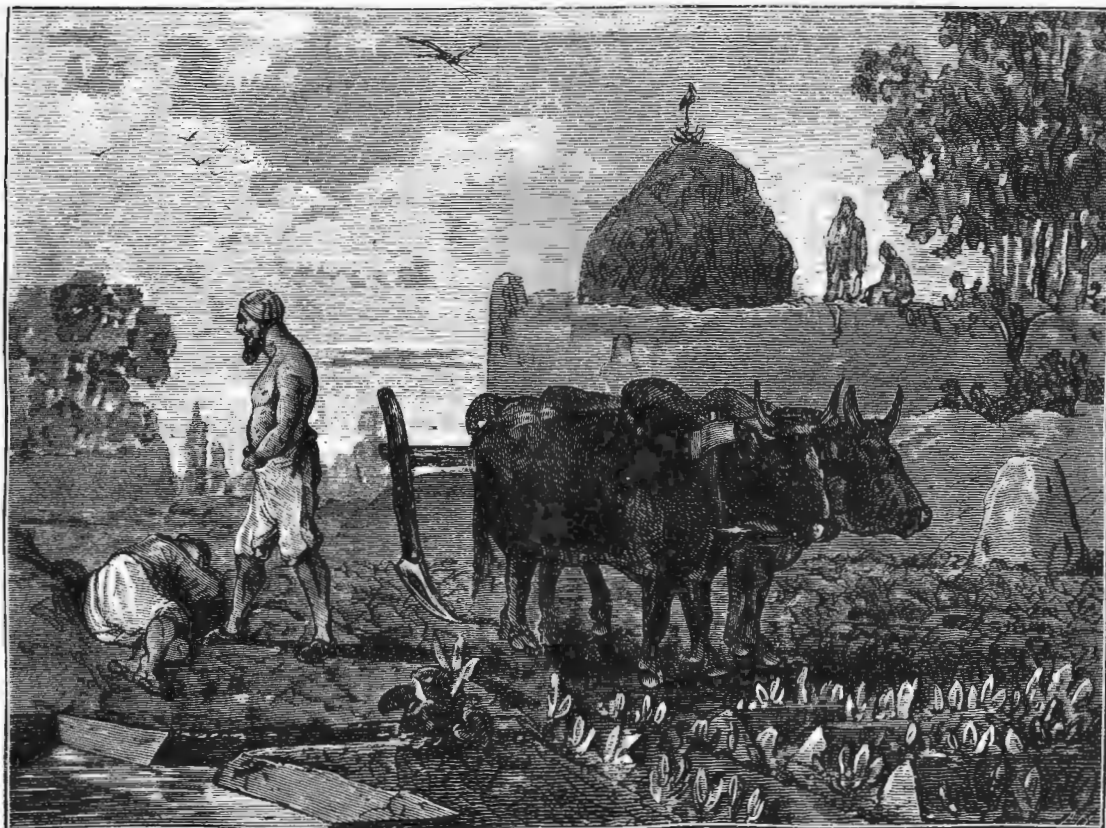
НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.	I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
„ съ доставкой на домъ 5 „ — „	„ съ доставкой на домъ 2 „ 50 „
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 „ 50 „	II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 2 „ 50 „
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 „ 50*)	III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 „ — „

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Плугъ въ Заравшанской долинѣ. Табачная плантація. Рис. Н. Карзинъ, грав. Напѣръ.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ЗАРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ.

(Рчеркъ Н. Каразина).

Вода! Это центръ, около котораго скучивается все осыдое население центральной Азии. Только тамъ гдѣ есть вода, тамъ куда можно ее провести, — тамъ только и возможна жизнь, возможно воздѣлываніе земли и добываніе этимъ путемъ средствъ къ жизни.

Девяти-мѣсячное жаркое лѣто безъ дождей — обезпечиваетъ земледѣльцу теплоту солнечныхъ лучей, — и эта теплота, гибельная въ безводныхъ мѣстахъ, вызываетъ колоссальную растительность тамъ, гдѣ есть вода, а съ нею необходимая для растительной жизни животворная влажность.

Воду, какъ источникъ жизни, берегутъ и дорожатъ ею; ее дѣлятъ между собой, раздробляя на самыя мельчайшія единицы. Вода есть даже мѣрило собственности. Никому не интересно знать — сколько у такого-то земли; это ничего не выражаетъ. Только зная количество воды, находящееся въ его распоряженіи, можно точно опредѣлить величину его поземельнаго богатства. «Это богатый человѣкъ; у него шесть водъ», говорятъ обыкновенно... Это значитъ, что участокъ его земли орошается шестью ирригаціонными капалами (арыками).

Если бы вы могли подняться на значительную высоту, напримеръ, на высоту полета степного орла, и оттуда посмотреть внизъ, на разстилающуюся подъ вами панораму, — вы увидите слѣдующіе поразительные контрасты. Обозначенная, буровато-пепельная, мертвая степь разомъ прерращается въ яркозеленые, цвѣтущіе оазисы. Границы эти опредѣлены рѣзко. Смерть и жизнь сталкиваются лицомъ къ лицу, вплотную. Раздѣляющая ихъ линия и есть та самая граница, до которой только могъ довести человѣкъ драгоценную воду.

Безконечная сеть арыковъ всевозможной глубины и ширины, безчисленные шлюзы, запруды, подъемныя плотины — все это вмѣстѣ составляетъ самую сложную ирригаціонную систему, охватывающую весь плодородный оазисъ.

Здѣсь кипитъ жизнь. Массы разнообразной зелени несутся глиняныя сакли кишлаковъ, зубчатые башни и стѣны городовъ, купола мечетей. Тамъ и сямъ мелькаютъ цвѣтныя одежды идущихъ — и досыта голыя, потныя тѣла усталыхъ работниковъ, сверкаютъ на взмахѣ желѣзные клинки и серпы... Слышатся самыя разнообразныя звуки: ревъ скота, ржаніе лошадей, призывные рожки мельниковъ и шумъ мельничныхъ колесъ, стукотня лопатъ, гулъ многолюдныхъ базаровъ... Какой контрастъ съ мертвою, молчаливою степью, охватывающею со всѣхъ сторонъ этотъ — последний жизни — зеленый оазисъ. И все вода — она всему причина. Гдѣ она — тамъ жизнь; гдѣ ея нѣтъ — смерть.

Небольшое сравнительно пространство, орошаемое водами Заравшана и его притоковъ (правильнѣе: развѣтвленій), притянуло къ себѣ массу осыдаго населенія — и явилась необходимостью раздробить всю годную для обработки землю на самыя мелкія участки. Этимъ раздробленіемъ вызвано ненормальное отношеніе количества земледѣльческаго труда къ обрабатываемому пространству. Слишкомъ много рабочихъ рукъ и слишкомъ мало земли. Трудъ земледѣльца дешевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дороги его результаты. Съ небольшого участка земли надо взять столько чтобы хватило на себя, и на семью, и на продажу, однимъ словомъ — покрыло собою все годовое содержаніе; каждымъ свободнымъ аршиномъ надо значить воспользоваться.. такъ и дѣлаютъ — оставляя только небольшую часть, необходимую подъ постройки и дороги.

Обработка эта производится самыми примитивными орудіями... Донотонный плугъ, омачъ, изображенный на приложенномъ рисункѣ, — китмень, родъ лопатообразной кирки, — желѣзная грабли, простая борона — вотъ и все; объ усовершенствованіи этихъ орудій не можетъ быть и рѣчи. Зачѣмъ — когда самыя совершеннѣйшія орудія, человѣческія руки, здѣсь ни почемъ — и глядя на эти аккуратныя, геометрически расположенныя грядки, глядя на эту почву рыхлую какъ пухъ, невольно думается, что здѣсь каждый комочекъ земли растертъ между ладонями, каждая грядка взбита и сложена человѣческими пальцами.

Размѣры моего очерка не позволяютъ подробно распространяться о всѣхъ родахъ растительнаго богатства Заравшанской долины — и я ограничусь бѣглымъ обзоромъ Заравшанской флоры, останавливаясь только на тѣхъ продуктахъ, которые играютъ наиболѣе важную роль въ домашнемъ быту земледѣльца.

Первое мѣсто послѣ пшеницы безспорно принадлежитъ рису — этому насущному хлѣбу всякаго азіатца.

Въ заравшанскомъ хозяйствѣ господствуетъ плодонерѣнная система; только нѣсколько родовъ кормовыхъ травъ сѣются на особо предназначенномъ полѣ, какъ напримеръ люцерна, — о которой я буду говорить дальше.

Рисъ сѣютъ обыкновенно послѣ сбора пшеницы на томъ же полѣ; для него распахиваютъ землю весьма тщательно отъ восьми до десяти разъ крестообразно, т. е. вспахавъ по одному направленію, начинаютъ пахать по другому поперегъ прежде проведенныхъ бороздъ. Такимъ образомъ земля разрыхляется до послѣдней возможности.

Затѣмъ, на готовую почву напускаютъ воду и держатъ ее подъ нею трое сутокъ, послѣ чего воду спускаютъ на сосѣдня поля и давъ землѣ немного просохнуть, разбиваютъ ее валиками на не-

большіе квадраты чтобы лучше удерживать воду при послѣдующихъ орошеніяхъ. Напустивъ снова воду, пробороновываютъ землю перевернутой бороной, конечно каждый квадратикъ отдѣльно, — и приступаютъ къ посѣву.

Сѣмена, предварительно вымоченныя и пророщенныя, сѣютъ прямо въ воду, не спуская ее съ поля. Борона, проходя передъ сѣятелемъ, взмучиваетъ илъ, который осѣдая прикрываетъ собою сѣмена риса.

Первые восемь дней послѣ посѣва воду держатъ на полѣ около полуаршинной глубины, въ это время начинается подводный входъ сѣмянъ. Потомъ воду спускаютъ для на три, даютъ почвѣ и молодымъ всходамъ нѣсколько погрѣться на живительномъ солнцѣ и затѣмъ снова затопливаютъ поле, но уже на глубину значительно меньшую. Черезъ двадцать сутокъ опять спускаютъ воду, даютъ полю согрѣться для на три и затопливаютъ уже послѣдній разъ, опять на полуаршинную глубину и оставляютъ такъ до вызрѣванія.

Рисовое поле, созрѣвающее и готовое къ жатвѣ, представляетъ оригинальное зрѣлище: вы видите предъ собою озеро, на мутной поверхности котораго колыхаются густыя метелки растений... Рисовое поле немного напоминаетъ болото, — еслибы только не эта правильная, рѣзко очерченная форма четырехугольниковъ.

Передъ живомъ воду спускаютъ окончательно, осушиваютъ землю, чтобы можно было ступить по ней ногами и принимаются жать серпомъ (уракъ), отличающимся отъ нашего только тѣмъ, что лезвие его не зазубрено а выточено ровно. Сжатый рисъ оставляютъ лежать на мѣстѣ для окончательной просушки, потомъ вяжутъ въ снопы.

Урожай риса выражается — въ среднемъ пропорціонномъ выодѣ — «самъ-тридцать», рѣдко бываетъ менѣе самъ-двадцати, за то достигаетъ до «самъ-сорока» и даже больше. Какъ видите, легенды о египетскомъ плодородіи имѣютъ основаніе.

Послѣ риса по своему хозяйственному значенію безспорно стоитъ джугарра — сорго — великолѣпное растеніе, достигающее «до четырехъ» аршинъ роста; по виду своему оно напоминаетъ извѣстную кукурузу, но не имѣетъ какъ та сѣмянныхъ початковъ, а оканчивается на верху роскошною метелкою, граціозно свѣсивающеюся внизъ отъ тяжести крупныхъ зеренъ.

Землю для этого растенія всахиваютъ такъ же тщательно какъ и подъ рисъ, только не заливаютъ его водою какъ этотъ послѣдній и ограничиваются только періодическими орошеніями.

Срокъ полного созрѣванія джугарры считается десять мѣсяцевъ; жнутъ ея, или скорѣе срубуютъ — тѣмъ же уракомъ — послѣ первыхъ осеннихъ морозовъ; сѣмянныя головки обрываютъ и сушатъ, а стебли вяжутъ въ снопы. Назначеніе стеблей — топливо, в роде въ зеленомъ видѣ; мелко изрѣзанные, они составляютъ превосходный кормъ для скота, и часто жнутъ до вызрѣванія, именпо для этой цѣли. Зерна вымачиваютъ, кормятъ ими лошадей или мелютъ въ муку, изъ которой пекутъ лепешки, очень похожія по виду и вкусу на манновыя.

Дешевле всего, я говорю относительно труда по обработкѣ, достается заравшанскому земледѣльцу люцерна, по узбекски дженушка, по таджикски беда. Разъ удобривъ землю навозомъ или плодородной глиною (шурнакъ) и вспахавъ поле разъ шесть, также крестообразно, его разбиваютъ на квадраты валиками какъ для риса, для того чтобы поле лучше удерживало напущенную воду; — затѣмъ засѣваютъ его сѣмянками этой превосходной кормовой травы, — и затѣмъ вся забота хозяина всѣхъ дѣлъхъ 8—10 лѣтъ ограничивается только своевременномъ напускомъ воды, осушкою и живомъ. На такаль земли (1/6 нашей десятины) высеваютъ около 2 пудовъ сѣмянъ. Сѣютъ въ апрѣлѣ, во второй его половинѣ; первый укосъ бываетъ въ іюнѣ послѣ покоса, на сѣбѣе комды опять напускаютъ воду, въ августѣ опять косятъ — и такъ впродолженіе 10 лѣтъ ежегодно, по два а иногда и по три укоса. Урожай въ первый годъ бываетъ сравнительно незначителенъ, оба укоса даютъ до 300 сноповъ, каждый около 10 фунтовъ. На второй годъ поле даетъ 3 укоса по 200 сноповъ каждый; такимъ образомъ, урожай втораго года превышаетъ первый въ два раза. На третій годъ рано весною, до восхода, землю еще удобряютъ, послѣ чего поле даетъ самый обильный урожай: четыре укоса по 1000 сноповъ каждый. Какалъ десятина у насъ на Руси можетъ дать до 1200 пудовъ сѣна, — а такаль, какъ я уже сказала, значительно меньшей величины!

Если черезъ каждыя два года удобрять раннею весною поле дженушки, то пользование однимъ и тѣмъ же посѣвомъ можетъ простирается до 15 лѣтъ. Почтенная цифра! Одинъ такаль засѣянный люцерною совершенно обезпечиваетъ хозяину годовое содержаніе двухъ лошадей, четырехъ коровъ и другой мелкой скотины, не считая верблюдовъ и ословъ, которымъ не даютъ такого хорошаго корма, предоставляя имъ на потребу бурьянъ и колючку, растущую въ открытой степи и годную — за этимъ исключеніемъ — развѣ только на топливо.

На нашемъ рисункѣ, на первомъ планѣ изображены довольно оригинальнаго вида грядки, расположенныя послѣдовательно рядами по двумъ прогивуположеннымъ направленіямъ. Это табачныя грядки.

Это растение,—без которого ни один мусульманин не может обойтись,—не входя въ общій сѣвооборотъ, сѣется самостоятельно, на огородѣ, специально для него назначенномъ. Засѣвы производятъ въ особыхъ питомникахъ, въ родѣ нашихъ капустныхъ рассадничковъ, и оттуда, по достиженіи достаточной силы въ молодыхъ стебелѣхъ, ихъ рассаживаютъ въ грядки по бокамъ, ниже гребня... Табакъ требуетъ самаго большаго, тщательнаго ухода, его нужно часто орошать, пуская воду въ промежутки между грядокъ, выкалывать сорныя травы... Табакъ при уборкѣ раздѣляется на два сорта: зеленый (кокъ), который растирается въ порошокъ и употребляется для нюханья (а также и до жвачки азіатцы большіе охотники), и затѣмъ на курительный, который, прежде чѣмъ пойти въ кальянъ, выдерживается въ ямахъ, плотно уложенныхъ, пока не начнется въ немъ небольшое броженіе, обуславливающее его крѣпость и ароматъ. Дней 10 табакъ лежитъ въ этихъ ямахъ и затѣмъ уже вынимается, просушивается на солнцѣ и набивается въ мѣшки (кашы) для продажи.

Какъ мануфактурное растение—первое мѣсто занимаетъ хлопчатникъ—*суза*.

Обработка земли подъ хлопчатникъ очень хлопотлива и требуетъ много труда и вниманія. Одно, что облегчаетъ земледѣльца это то, что хлопчатникъ не требуетъ, даже не выносить, большой поливки. Поле разбивается грядками, на гребняхъ-которыхъ рассаживаютъ самое растение. Описывать наружный видъ этого общеизвестнаго растения я не стану: тысячи рисунковъ и описаній вѣроятно случалось выдать и читать каждому.

За хлопчатникомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ масляныхъ растений и между ними замѣчательнѣйшее—*кунджутъ*, изъ сѣмянъ котораго выжимаютъ масло, идущее на самое разнообразное употребленіе а также и въ пищу. Маисъ дающій очень питательное зерно, примѣшиваемое чисто къ рису, чечевица (ясмукъ), ленъ (загыръ), сафлоръ (махсаръ), горохъ (бурчокъ), просо (торыкъ) марена (руякъ) дающая красивное вещество, кукуруза (макка джугара), употребленіе которой известно и у насъ въ южныхъ полосахъ Россіи. Наконецъ, огородныя овощи, между которыми отсутствуютъ только картофель и капуста. Послѣднія два растения занесены сюда только въ самомъ недавнемъ времени, послѣ заравшанскаго военнаго похода въ 1868 году, и на солдатскихъ, русскихъ огородахъ принялись великолѣпно—а во всѣмъ признакамъ съ этихъ огородовъ распространяется и на туземные поля и гряды.

Кромѣ полей съ хлѣбными растеніями—пріятно разнообразить пейзажъ длинныя полосы засаженныя дынями и арбузами, такъ называемыя бахчи. Подъ эти послѣднія отдѣляется часть яроваго поля, хорошо разработаннаго и сильно удобреннаго. Всходы окучиваютъ, разбивая между ними борозды, что придаетъ видъ грядокъ. Урожай дынь и арбузовъ съ одного такаго доходитъ до пяти тысячъ штукъ; отсюда понятна эта дешевизна дынь и арбузовъ на базарѣ. Лучшій по выбору арбузъ вы можете пріобрести за полторы копейки, много за три. На этомъ же полѣ сѣются также лукъ (цѣсъ) и морковь (сабзы), первый въ довольно большомъ количествѣ, вторая въ самомъ ограниченномъ какъ пріхоть—и употребленіе ея въ домашнемъ хозяйствѣ самое незначительное.

Въ плодовыхъ садахъ Заравшанской долины первое мѣсто принадлежитъ винограду, какъ по качеству плода такъ и по его изо-

билию. Несмотря на сравнительно слабый уходъ за виноградниками, природа до такой степени благопріятствуетъ произрастенію этой лозы, что въ одной Заравшанской долинѣ насчитывается до сорока пяти сортовъ винограда, превосходныхъ по своему разнообразію и вкусу.

Винодѣлія у туземцевъ до нашего прихода не существовало, а потому виноградъ употреблялся только непосредственно въ пищу или же провяливался и высушивался на солнцѣ для вывоза на продажу. Чтобы дать понятіе объ изобиліи и качествахъ этого плода—я перечту главнѣйшіе сорта, съ обозначеніемъ различій ихъ между собою. Я буду приводить туземныя названія этихъ сортовъ—и описание каждаго сорта отдѣльно, напримѣръ:

- 1) *Хусейне*, крупный, длинный бѣловатаго цвѣта, очень сладкій.
- 2) *Шакаракиль*, средней величины, круглый, бѣлый, сладкій.
- 3) *Баба-Ака*, зеленоватый, сладкій.
- 4) *Моизъ*, очень похожій на шакаракиль, по гораздо крупнѣе.
- 5) *Ходжа сераль*, круглый съ сильнымъ приятнымъ запахомъ.
- 6) *Ак-Киммишъ*, мелкій какъ горохъ, сладкій и безъ зеренъ.
- 7) *Чиланги*
- 8) *Учкелъ*
- 9) *Дараи* } красные сорта, по опытамъ винодѣліи давшіе луч-
ше результаты.
- 10) *Шибумоне*, очень крупный какъ слива, чернаго цвѣта.
- 11) *Кара-Моизъ*, то же что просто моизъ только чернаго цвѣта.
- 12) *Сохи-би*, черный круглый.
- 13) *Амба-чирасъ*, приторно сладкій и чрезвычайно пѣкный.
- 14) *Сахиба-кимишиъ*, розовый сахаристый.
- 15) *Ширази-кимишиъ*, розовый, овальной формы, и кромѣ этого еще сортовъ двадцать, имѣющихъ каждый свое особенное названіе.

Дешевизна, до которой доходитъ виноградъ въ этомъ краѣ, можетъ поразить любого жителя даже благословенной южной Франціи и Италіи: 25—30 копѣекъ за пудъ, выбирала самые лучшіе сорта.

Винодѣлію въ этомъ краѣ предстоитъ самая блестящая будущность; если найдутся годныя для этого руки, знающія свое дѣло не поверхностно а какъ слѣдуетъ. Покрайней мѣрѣ, первые опыты позволяютъ на это надѣяться.

Изъ фруктовыхъ деревьевъ здѣсь мы находимъ яблоню, грушу нѣсколько сортовъ сливныхъ деревьевъ, вишню, черешню, фиговое дерево, абрикосъ (урюкъ) и персикъ (шанталъ); послѣдніе два замѣчательны необыкновенно пѣкными и пріятнымъ вкусомъ своихъ плодовъ и растутъ почти безъ всякаго ухода. Кромѣ всего этого растительнаго богатства, красу здѣшнихъ садовъ составляютъ громадная тутовая деревья отягощенныя въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ мириадами бѣловатыхъ ягодъ, неимѣющихъ впрочемъ особаго примѣненія къ хозяйству; изъ неплодовыхъ деревьевъ—особенно бросается въ глаза стройный пирамидальный тополь и развѣсистый темнозеленый карагачъ,—все вмѣстѣ дѣлаетъ изъ этого оазиса одинъ изъ самыхъ роскошныхъ уголковъ для жизни, а заравшанская долина въ этомъ отношеніи славится по всей центральной Азій, соперничая развѣ только съ роскошнымъ хивинскимъ оазисомъ и долиною Ангрена—этою житницею всего, пріобрѣтенаго оружіемъ, края.

НА ЛОВЛѢ.

(ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ОЧЕРКОВЪ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО).

Челнокъ сброшенъ въ воду... Темная, сырая ночь. Тучи расползаются и ширятся; падъ самой водою стоитъ какая-то тяжелая, влажная мгла. Сквозь туманъ едва мигаютъ городскіе огни надъ высокою смутно обрисовывающеюся чертою берега. Словно исполнины чертятъ вдалекѣ свои обвалывагося моста. Гдѣ-то медленно стучитъ въ твердую почву копыто лошади, уныло, тихо лязгаетъ колокольчикъ, да издали доносится отрывистое, хриплое тиканье собаки.

Не видать было даже и вѣселя, поднимавшихся и опускавшихся на переднемъ концѣ нашего челна. Надъ нами и подъ нами была та же темная, одинаковая ночь. Мы едва подвигались впередъ, точно плывя не въ тягучей, медленно струившейся внизу влагѣ, а въ безконечномъ просторѣ стихійнаго мрака. Только глухіе удары весель, разбѣкавшихъ воду, да журчаніе ея за кормомъ вмѣстѣ съ брызгами, падавшими изрѣдка на насъ, разрушали эту иллюзію.

— Поди въ Черномъ ярѣ теперь глазъ выколешь? замѣтилъ одинъ рыбакъ другому.

— Да... Теперь, кому бѣхать—беда!

— Одна Матрена вывезетъ.

— Она вывезетъ... Что ей—наплевать! Закрѣми глаза про-
фдетъ!...

— Какъ это? спросилъ я.

— Матрена-то?... А ямщикъ есть у насъ одинъ. Баба... ямщикаетъ тоже. Мужъ вишь заболѣлъ, ямщикомъ былъ, такъ она за него, значить. И такая же, скажу я тебѣ, дошлая баба!.. Тутъ Черный яръ есть. Мѣсто самое подлое. Направо болото, а налево еще и того хуже. Такъ—склизъ бездонная. Посередку гать бѣжить, узкая-узкая. Ступитъ негдѣ. Тамъ и днемъ-то идешь—

каждую минутку имя Господне призываючи, а ночью хучь и вовсе не бѣди—пропадетъ. Такъ эта самая Матрена поди-лучше всѣхъ ямщиковъ это мѣсто знаетъ. Только на лошадокъ покривается... Она, бають, закрывши глаза править... То-нсь съ ней—безъ сумнѣнія.

— Такъ у васъ бабы за ямщиковъ бѣдятъ?

— Вона! У насъ, милый, допрель бывало баба рястанта на веревкѣ отъ сяла къ сяду ведетъ. У насъ бабы важныя. Есть такія что трехъ мужиковъ ограбить могутъ—и легкимъ сердцемъ ашшо! Бабы наши и на охоту на ляхахъ ходятъ, съ ружьемъ. Онѣ пріобыли къ этому. Потому хозяйинъ въ столицу на заработки уйдетъ, ну она и промыляетъ. Однава—Матрена медвѣдя убила. Только ли смѣху бжло—какъ на лошади приволокла въ село экую махину. Въ другихъ мѣстахъ, видалъ я, бабу въ струнѣ держуть,—поди-ко справься съ нашей бабой! Она тебѣ покажетъ себя... уймайтъ!.. И пьютъ онѣ здорово, наши бабы тоись. Водку такъ и хлещуть. Совсѣмъ за мужиковъ стали, только что въ некруты ихъ не берутъ. Другой разъ бы и на-
класть ей подъ загривокъ, но какъ иначе она можетъ тоже этимъ орудовать—и смолчишь. Потому своя шкура дорога. Она чѣмъ ни понада бьетъ. Не думаетъ! Кочергой либо ухватомъ въ башку такъ стукнетъ, что очумѣешь совсѣмъ... Бывало это дѣло...

Наконецъ мы выплыли на середину рѣки. Влажный мракъ сдѣлался еще гуще. Огоньки города едва-едва мерцали вдалекѣ. Подъ килемъ челнока что-то переливалось и журчало. Жутко становилось посреди этого мглистаго простора. Кто-то изъ гребцовъ затянулъ было пѣсню—но и она оборвалась на первахъ поткахъ...

Нищенствующіе крестьянскіе дѣти.

Съ картины профессора Чистякова, рис. на деревѣ Петръ Чистяковъ, грав. Сосинскій.
(См. очеркъ «На Ловлѣ»).

весело, хотя дѣвочка и жалась къ нему закутываясь очевидно въ шубку, снятую съ взрослой женщины.

— Это голуби, бѣдные! Отозвалась изъ-за угла старуха, отряхивая имъ громадный ломоть хлѣба.—Поди, матка-то пьяная?

— Пьяная.

— Ахъ вы болѣзнь мои! Изъ этакого ли богатства да въ скудость произойди! Мальчикъ равнодушно выслушивалъ сѣтованія хозяйки, приклонясь къ двери и склонивъ голову на бокъ. Глазеньки его сестры такъ и бѣгали по горнищѣ. Она было подошла къ старухѣ за хлѣбомъ, да зачуталась въ длинныхъ полахъ своей шубенки.

— Ишь ты воструха! Смотрю на тебя—такъ Марью и вспоминаю. На моихъ глазахъ выросла-то... объявила мнѣ она:—это сыниска да дочка той самой Марьи, про которую тебѣ вѣчоръ на долѣ баили.

— Чтожь отецъ развѣ ихъ у себя не держить?

— А Митрій-то самъ нонѣ въ батракахъ на почтовой станціи. Мать отъ дѣтей бѣгаетъ. Самой бываетъ жрать нечего!..

— Ихъ бы хоть въ школу посылать, все бы научились чемунибудь.

— Хочешь въ школу? обратился я къ мальчику.

Сестренка прижалась къ нему еще ближе, забирая въ ротъ длинный рукавъ кафтана. Мальчишка смотрѣлъ на меня такъ же равнодушно, какъ и прежде большими красивыми глазами, не отвѣчая ни слова.

Спусти минуту они вышли, и долго еще я видѣлъ, какъ въ сѣрой илгистой массѣ мелкаго дождя они бродили по улицѣ села отъ избы къ избѣ. Цѣ все время дѣвочка крѣпко держалась за рукавъ своего брата, пригнувъ къ нему близко-близко, словно боясь, чтобъ не оставила ее и эта ненадежная опора.

А погода становилась все хуже, небо темнѣло, скоро въ туманѣ уже нельзя было различить и ближайшей избы.

НА ТРАВѢ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Пройдя сотни три сажень, я очутился на возвышенномъ берегу озера. Густой, высокій лѣсъ со всѣхъ сторонъ окружалъ его какъ стѣною, и, опрокинутый, отражался въ водѣ смутными, черными тѣнями. На противуположномъ, болѣе отлогомъ, берегу раскинулась передо мною оригинальная картина. Тамъ пылалъ громадный костеръ.

Вереницы искръ, словно-бы живыя существа, какіе-то фантастическіе рѣзвые духи, а не то—какъ будто огненные листья въ осеннюю бурю, цѣлыми снопами взвивались къ верху, кружились въ воздухѣ, длинною полосой уносились далече, или же огненнымъ дождемъ сыпались въ воду, отражаясь огненными змѣйками въ ея невозмутимо-покойной глади.

Вокругъ этого костра топилося множество народу: сюда, изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень Езерской волости, сошлись крестьяне праздновать свою Купалу. Мѣсто около костра было украшено молодыми березками, воткнутыми въ землю; въ сторонѣ видѣлось нѣсколько шалашей, покрытыхъ зелеными вѣтвями, и передъ ними курились маленькіе костерки, на которыхъ «маладзехны» *) приготавливали ячичицу—это излюбленное и необходимое — такъ-сказать традиціонное кушанье Купальскаго праздника. Старики со старухами сидѣли въ отдѣльныхъ кружкахъ и угощались водкою и сиромъ. Вообще, на Купалу не употребляютъ мяса, выбирая для иррешественныхъ угощень болѣе растительную или молочную пищу. Вокругъ костра, взявшись за руки и образовавъ хороводное кольцо, ходили справа налево и потомъ слѣва направо молодые «дзѣцюки» и «дзѣвчинны». И тѣ, и другія были украшены вѣнками и подпоясаны стеблями горькой полыни. Они пѣли купальную пѣсню про «рачка», про то, какъ

Задумаю рачекъ жаницися,
Да пайшоу до жабки журициса:
«А у цебѣ, жабо, черѣво рябо!»
А у цебѣ, раче, очи въ тылѣ,—

и все это сопровождалось неизмѣннымъ припѣвомъ: «ой, Купала! Купала на Ивана! тѣ, тѣ!»

Потомъ выборный коноводъ праздника, или такъ-называемый «урядникъ» отдѣлилъ парней отъ дѣвушекъ и поставилъ однихъ по сю, а другихъ по ту сторону купальскаго «кострища», — и вотъ, по знаку его, черезъ пламя понеслась съ разбѣгу прыгающая вер-

еница. Сначала прыгали дѣвушки, а парни хоромъ подпѣвали при этомъ:

Цеперь Купала, заутро Янъ
Кудау дзѣвокъ празѣ барканъ!

А потомъ, когда стали прыгать парни, хоръ дѣвушекъ заводилъ имъ тотъ-же припѣвъ, измѣняя только вмѣсто «дзѣвокъ» — «кудау хлонцоу празѣ барканъ».

Тутъ жѣ, рядомъ съ «кострищемъ», стояла «кукля», т. е. чучело, смастеренное изъ разнаго тряпья и ветоши, изъ рогожъ, соломы, вѣтвей и конопляныхъ волоконъ. Эта «кукля», изображающая собою Купалу, будетъ подъ утро обожжена на кострѣ и потомъ потоплена въ озерѣ.

Купальская ночь, по мѣстнымъ преданіямъ, есть почъ чародѣйская: рѣки и вода въ теченіи ея свѣтятся особеннымъ свѣтомъ; деревья и особенно старыя дубы таинственно ходятъ по лѣсу и разговариваютъ между собою; ведутъ свои разговоры также и звѣри, и вообще всѣ животныя—и если кому удастся подслушать ихъ говоръ, тотъ считается «вѣликимъ вѣдунцемъ на свѣцѣ».

Колдуньи или «вѣдьмы» тоже обнаруживаютъ свою дѣятельность: онѣ отнимаютъ молоко у коровъ, собирая тайкомъ росу на огородахъ у своихъ сосѣдей, съ которыми онѣ въ ссорѣ, и давая эту росу пить своимъ собственнымъ коровамъ, послѣ чего сосѣдская корова должна уже меньше давать молока. Въ эту ночь разцвѣтаетъ папоротникъ, а бабы вообще собираютъ въ лѣсахъ и въ лугахъ разныя травы и зелья: Руту, Василь, Дзяголь, Богатки, Палораць, Иванъ-да-Марью, Перелеть, Курослѣпъ и Лопань съ Ластовнемъ. На утро онѣ несутъ съ собою эти травы въ церковь и тамъ священникъ окропляетъ ихъ святою водою, — послѣ чего зелья эти, получая названіе Свянто-янскихъ, хранятся въ теченіи цѣлаго года, до слѣдующаго Купала, и служатъ цѣлебнымъ средствомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, или талисманомъ противъ колдовства, или же, наконецъ, примѣтами будущаго благополучія. Такъ называемая «Купальня» или «Купальница» (*Ranunculus acris*) и «Свянто-янская трава» (*Hypocistis perforatum*) почитаются могущественнымъ, неотрашимымъ средствомъ для возбужденія чувствъ любви и нѣжной преданности,—да и вообще, вся Купальская ночь, въ силу древнихъ преданій, есть ночь невозбранной, беззавѣтной любви и страсти для всей молодежи, которая вообще, во все остальное время года, отличается болѣе цѣломудріемъ чѣмъ распущенностью

*) Молодицы.

своих нравовъ. На разсвѣтъ Иванова дня даже и солнце показывае чудеса необычайныя. — По мѣстнымъ повѣрьямъ, оно, всходя на горизонтъ, «зайчигами играетъ по небу», раздѣляется на нѣсколько малыхъ солнцъ, которыя сверкающими колесами кружатся и вертятся одно вокругъ другаго, разбѣгаются въ стороны и опять соединяются въ одно обыкновенное солнце. Но ранѣе этого явленія, вся молодежь должна непременно выкупаться въ озерѣ, послѣ чего Купальская ночь со всѣми ея волхвованіями, чарами и вакханаліями считается уже законченною, — и люди, какъ бы омывъ, очистивъ себя отъ всей бѣсовщины и грѣха, спѣшатъ домой, чтобы нарядиться въ чистыя сорочки, въ цвѣтные уборы, и идти въ церковь съ пучками цвѣтовъ и разнаго зелья.

* * *

Вдоволь налюбовавшись чудною картиной, которая оживленно развертывалась передо мною по ту сторону озера, вся озаренная свѣтомъ громаднаго костра, — я направился вдоль берега, съ намѣреніемъ дойти до рыбацкой станочки, чтобы переплыть въ челнѣ на ту сторону, гдѣ предполагалъ встрѣтиться съ моимъ сожителемъ Апроней и вмѣстѣ съ нимъ вернуться домой въ его тѣлѣжкѣ.

Темная, звѣздная ночь охватила глубокое небо и, посредствомъ своего тусклаго свѣта, превращала въ странныя, фантастическія чертанія каждый встрѣченный пенъ, каждый кустъ и громадные, вывороченные наружу, какъ-бы лапчатые корни деревьевъ, поваленныхъ нѣкогда бурей. Я шелъ въ потьмахъ, часто спотыкаясь о валежникъ и путаясь въ кустахъ широкаго папоротника; но мало по малу глазъ мой свыкъся съ темнотою: въ немъ изгладилось давечнее впечатлѣніе огненной яркости костра, раздражавшее сѣтчатую оболочку, и окружающіе предметы стали принимать для меня болѣе опредѣленные чертанія.

Вдругъ мнѣ послышался шорохъ чьихъ-то шаговъ — и какая-то фигура быстро пошла мнѣ навстрѣчу. Я успѣлъ только замѣтить, что это было что-то бѣлое, и остановился, подавшись странно, но воплѣтн невольному чувству какой-то жуткости, охватившему на мгновенье мое сердце.

Бѣлое подошло совсѣмъ близко ко мнѣ, словно-бы я былъ для него знакомымъ и ожидаемымъ существомъ; но вдругъ, взглянувъ на меня и какъ-бы сознавая свою ошибку, оно быстро метнулось отъ меня и побѣжало въ сторону.

Но я узналъ его.

— Велля! закричалъ я, направляясь вслѣдъ за бѣлою тѣнью: — Велля! остановись! не пугайся!.. Это я!.. Или не узнала?

Но бѣлая тѣнь продолжала бѣжать, не обращая вниманія на мой голосъ. «Зачѣмъ ей быть въ лѣсу въ эту пору, и что она можетъ здѣсь дѣлать?» мелькнуло мнѣ въ головѣ — и я пустился вслѣдъ за нею, — совсѣмъ не думая о томъ, что мое присутствіе, быть можетъ, во все ей нежелательно. Вдругъ она запнулась объ какой-то корень и упала. Въ эту самую минуту я успѣлъ побѣжать къ ней и помочь встать на ноги.

— Велля, успокойся, это я... Чего ты побѣжала отъ меня? чего испугалась? ласковымъ голосомъ говорилъ я, удерживая ея руки.

— Я ошиблась... извините... я не узнала, смущенно пролепетала она своимъ гортаннымъ еврейскимъ голосомъ, стараясь пересилить испугъ и волненіе: — я думала, что это онъ...

И Велля не договорила. Произнеся это слово «онъ», дѣвушка какъ бы сплывала и замолкла.

— Кто «онъ»?.. О комъ говоришь ты? спросилъ я.

— А развѣ-жъ я сказала «онъ»?.. Нѣтъ, нѣтъ, господниъ поручикъ, вы ошиблись, я не говорила этого...

Можетъ, вамъ только такъ послышалось, а я не говорила! торопливо принялась она увѣрять меня.

— Ну, Господь съ тобою! я не разспрашиваю...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. напирала она на словѣ, стараясь придать ему силу убѣжденія: — но когда жъ я клянусь вамъ! въ самомъ дѣлѣ, я не говорила этого...

— Ну, да, милая Велля, — это все мнѣ только такъ послышалось, — я ошибся, я вѣрю тебѣ; но скажи, Бога ради, чтѣ ты здѣсь дѣлаешь, одна-одинехенька, въ такую пору? Какъ тебя занесло сюда?

— Я гуляла... Нѣтъ! перебила она вдругъ самое себя, порывисто схвативъ меня за руку: — я вамъ признаюсь... Вы добрый, вы не захотѣте для меня злого и вы не будете насмѣхаться надо мною... я вамъ признаюсь... Я нарочно ушла изъ дому... я убѣжала...

— Ты?!.. убѣжала?! невольно изумился я: — зачѣмъ?.. Вѣдь отецъ у тебя добрый, онъ любитъ, онъ не обижаетъ тебя, — зачѣмъ же ты убѣжала?

— Ахъ, я не знаю сама, чтѣ со мною! въ мучительной тоскѣ залепетала Велля, схватясь рукою за голову. — Да, онъ добрый и онъ не обижаетъ меня, но онъ меня замужъ выдаетъ!.. Понаѣхали сваты изъ Каміонки — ребѣ Мордухъ Пиковеръ и Шлѣма Зильбергъ — и теперь сидятъ и пьютъ съ татуле и пропиваютъ меня за Орель Бублика, а я не хочу идти замужъ!.. не хочу и не хочу я!

— Да отчего же? развѣ Орель Бубликъ — дурной человекъ такой?

— Нѣтъ, онъ не дурной, но я...

И Велля замолкла, опять не договаривая и словно бы оскѣпши на недосказанной мысли.

— Да чтѣ же ты... любишь кого другаго, что-ли?

— Ахъ, не спрашивайте меня!.. Несчастная я — и прощая моя голова!.. Когда-бъ вы знали только!.. Они всѣ думаютъ, что я набожная еврейская дѣвушка... О, кабы они знали!.. Они проклянутъ, они херимъ на меня наложатъ!.. Они ни за что не простятъ меня!..

— Велля, нельзя ли намъ помочь тебѣ?.. мы все сдѣлаемъ, чтѣ только возможно, мы приложимъ всѣ старанія...

— Оставьте!.. Никто мнѣ на этомъ не поможетъ!

И присѣвъ на поваленное дерево, дѣвушка закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ну, чтѣ вы хотите отъ меня?! вдругъ поднявшись и снова схвативъ меня за руку, заговорила она въ какой-то ожесточенной экзальтаціи: — ну, да! я люблю!.. да люблю-то я, на мое горе, христіанина!.. Они не простятъ мнѣ этого!..

— Въ такомъ случаѣ разорви съ ними, принимай сама христіанство и выходи за него замужъ.

Въ отвѣтъ на это дѣвушка засмѣялась горькимъ и — какъ показалось мнѣ — нѣсколько истерическимъ смѣхомъ.

— Да онъ-то когда жъ настолько любитъ меня!.. На чтѣ я ему!.. Вотъ, я одна, я жду его и мучаюсь, а онъ и не подумаетъ! ему и дѣла нѣтъ!..

И она снова зарыдала, отвернувшись отъ меня и прислоняясь головой къ стволу старой ели.

Бѣдная Велля!

Я видѣлъ всю глубину ея горя; мнѣ такъ хотѣлось бы утѣшить ее, хотѣлъ-бы хоть чѣмъ-нибудь помочь ей, хотѣлъ-бы насколько-нибудь облегчить ея кручину; но чтѣ я могъ сдѣлать для нея въ данную минуту!.. Чувство понятной деликатности не позволило мнѣ спросить объ имени ея любимаго человека, а сама она не называла его.

Минутъ двѣ спустя, нарыдавшаяся Велля, словно бы очнувшись, вдругъ восклонила свою поникшую голову.

— Оставьте меня! порывисто залепетала она, съ умоляющимъ видомъ сложивъ свои руки. — Бога ради, уйдите отсюда!.. Уходите поскорѣй! Не надо, чтобы

вы были со мною! Не надо, чтобы насъ видѣли!.. Пожалѣйте меня!

— Велля, ты ждешь *ею?* рѣшился я сдѣлать ей послѣдній вопросъ.

— Да! призналась она черезъ слезу: — да, я жду

его, онъ долженъ придти сюда... Поэтому... уйдите отсюда... умоляю васъ!

Дружески и просто пожавъ ей руку, я поспѣшилъ удалиться, смущенный этою неожиданной встрѣчей и отуманенный грустью за горе будущей еврейки.

(Окончаніе будетъ).

БРАКОСОЧЕТАНІЕ Великой Княгини ВѢРЫ Константиновны съ Герцогомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ.

Въ послѣдніе дни при виртембергскомъ дворѣ происходило семейное торжество, въ присутствіи Его Величества Государя Императора Александра Николаевича.

Молодая Великая Княжна Вѣра Константиновна родилась 4-го февраля 1854 года.

Молодой принцъ Герцогъ Вильгельмъ-Евгеній-Георгъ Виртембергскій (род. 20 августа 1846 г. въ Карлсруэ въ Силезіи) вступилъ въ 1866 году въ военную службу виртембергскому королевству, гдѣ нынѣ состоитъ майоромъ 1-го улан-

скаго полка короля Карла. Въ качествѣ кавалерійскаго офицера, онъ участвовалъ въ послѣдней войнѣ съ Франціею. При дворѣ своего царственного родственника познакомился онъ съ любимицей всей королевской фамилии, и получивъ согласіе Его Величества Государя Императора и августѣйшихъ родителей Великой Княжны, обручился съ нею въ февралѣ 1874 года, а 8 мая совершилось бракосочетаніе ихъ высочествомъ.

Блистательная эпоха въ исторіи Персіи прошлаго столѣтія ¹⁾.

Посѣщеніе персидскимъ Шахомъ Насръ-Эддиномъ двухъ столицъ русскихъ, небывалое въ лѣтоисчисленіи исторіи, останется для насъ залогомъ той постоянной дружбы и союза, которыми пользуются два близкія по сосѣдству государства, въ продолженіе почти полстолѣтія, и на будущее время. У персидскаго народа, существующаго болѣе двухъ тысячелѣтій, есть своя исторія жизни и громкой всемірной славы и бѣдственнаго въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ рабства подъ владычествомъ воинственныхъ арабовъ. Съ небольшимъ сто лѣтъ прошло, какъ Персія снова прославилась громкими побѣдами въ сосѣдней съ нею Индіи. Этотъ блескъ драгоценныхъ камней, которыми украшенъ костюмъ персидскаго монарха, эти богатства, которыя такъ сильно занимали любопытное вниманіе,—можно навѣрное полагать: сохранились отъ безчисленныхъ совровищъ, приобретенныхъ въ 1739 году славнымъ повелителемъ Иранскаго царства Надиръ Шахомъ, который съ побѣдою надъ Мухаммедъ Шахомъ индѣйскимъ приобрѣлъ, взявъ въ вознагражденіе ему короны и царскаго престола, нѣсколько областей и городовъ по другую сторону р. Атока. Изъ донесеній русскаго посланника того времени при персидскомъ дворѣ нашему правительству видно, что торжественное шествіе Надиръ Шаха въ столицу непріятеля Мухаммедъ Шаха—*Шахъ Джиданъ Абидъ*—случилось какъ разъ въ 1 день новаго года *неверузъ*, 10 марта 1739 года, или 1151 магометанскаго счисленія. Шествіе это ознаменовалъ онъ повелѣніемъ чеканить на имя его монету, объявленіемъ себя Моголомъ и позволеніемъ, въ теченіи трехъ дней, убивать жителей. Имѣніе у всѣхъ богатыхъ людей было взято на имя Надиръ Шаха, который, для пріема отъ индѣйцевъ драгоценностей, назначилъ двухъ своихъ министровъ: и они въ продолженіе двухмѣсячнаго пребыванія побѣдителей въ столицѣ индѣйской, ежедневно собирали въ городѣ самыя дорогія сокровища; и было взято такое множество драгоценныхъ камней, жемчуга, золота и серебра, какого ни одинъ изъ государей Персіи не только не имѣлъ у себя, но и не слыхивалъ;—между ними достался побѣдителямъ Надиръ Шаху довольно значительный по величинѣ тронъ индѣйскаго Могола, весь украшенный яхонтами, алмазами и изумрудами; всѣ несметныя богатства казнохранителей областей индѣйскихъ, принесены ему въ жертву; ханы, эмиры и правители земель, вмѣстѣ съ покорностію и изъявленіемъ услугъ и подданства, поднесли ему все свое имущество, состоящее изъ сокровищъ и драгоценныхъ вещей своей страны. Надиръ-Шахъ совершилъ этотъ походъ съ большими трудностями; войска непріятельскія превосходили числомъ его войска въ десять кратъ и болѣе; кромѣ преградъ поставляемыхъ природою, онъ испытывалъ не мало бѣдствій отъ возмущенія солдатъ, терпѣвшихъ отъ недостатка провіанта;—но, не смотря на всѣ эти препятствія, онъ достигъ своего намѣренія. Замѣчательно, что въ перенесеніи всѣхъ этихъ трудностей онъ въ душѣ сознавалъ, какъ видно изъ его фирмана о побѣдахъ, дарованныхъ ему небомъ, необходимость упованія и надежды на всевышній промыслъ,—сказавъ: *мыль помощи, какъ только у Бога* ²⁾. Лишенія его въ поно-

дѣ доходили до того, что въ кухнѣ шахской употреблялось только 7 фунтовъ пшена для варенія ива, и отказано было отъ стола цѣлѣмъ, кто по сану своему долженъ бы былъ находиться при особѣ его; даже продавались котлы маркитантамъ и раздавались вмѣстѣ жалованья казенныя палатки, въ которыхъ должны были стоять часовые. Но всѣ эти крайности не могли поколебать его духъ; подходя къ столицѣ *Шахъ-Джиданъ-Абидъ*, онъ говорилъ: «если угодно будетъ Богу, то мы государя ея, который ведетъ родъ свой отъ Гурганской фамилии, въ знакъ уваженія къ туркоманскому роду, утвердимъ на престолѣ и вручимъ ему корону и печать государства индѣйскаго. Хвала Богу, за исполненныя имъ на насъ щедроты, благодареніе Всевышнему за дарованныя намъ милости. Чѣмъ могущественнѣе наше предпріятіе, тѣмъ болѣе мы должны смирять и уничтожать себя предъ неизмѣримымъ величіемъ нашего Творца. Побѣды наши не отъ насъ; они дарованы единственно только милосердіемъ Всевышняго».

Этому счастливому успѣху въ войнѣ съ индѣйцами не мало благоприятствовала слабость Могола Мухаммедъ-Шаха: великій визирь его Семсанъ Девлетъ-Ханъ, захвативши въ свои руки всю власть въ государствѣ, распорядился почти всѣмъ самовластно, не обращая вниманія на своего государя. Мухаммедъ-шахъ, какъ бы предчувствуя несчастье свое отъ приближенія къ столицѣ его Надиръ-Шаха, сдѣлался до такой степени нерѣшителенъ, что когда Надиръ Шахъ на пути своемъ къ столицѣ индѣйской шелъ на городъ Шлеваръ, и Мухаммедъ-шахъ отравилъ навстрѣчу къ нему войско подъ командой младшаго своего сына, но послѣ совѣщанія съ министрами снявъ съ него главное начальство, передалъ его командовавшему до того времени войсками въ Нипанурѣ персійцу Саадетъ-Хану,—то великій визирь представлялъ своему государю о неблагонадежности новаго полководца, который по родовой склонности къ Персіи можетъ перейти на сторону Надиръ Шаха; Мухаммедъ-шахъ до того разстроенъ былъ духомъ, не зная что дѣлать: согласившись съ представителемъ своего визиря, онъ возвратилъ главнокомандующаго въ Джиданъ Абидъ, но рѣшился болѣе не посылать своего войска для отраженія и разбитавшись на великаго визиря, сказалъ ему: «если Надиръ Шахъ овладѣетъ и всею Индіею, то вѣроятно изъ милости дасть мнѣ что нибудь на пропитаніе; но что касается до подданныхъ, то они неминуемо потерпятъ отъ него съ своими женами и дѣтьми очень многое».

Надиръ Шахъ потребовалъ свиданія съ Мухаммедъ Шахомъ. Велѣдствіе переговоровъ, Надиръ Шахъ съ 500 человекъ свиты прибылъ самъ въ лагерь къ великому Моголу; а затѣмъ пріѣхалъ и Моголъ въ сопровожденіи 53 сановниковъ своихъ и двухъ сыновей и былъ принятъ съ надлежащею честию. По замѣтивъ во время переговоровъ, что за Моголомъ пришло вмѣстѣ въ персидскій лагерь до 3000 войска, Надиръ повелѣлъ на нихъ напасть, а государя, со всѣми бывшими при его особѣ министрами и знатнѣйшими лицами, объявилъ плѣнникомъ, извинившись въ этомъ поступкѣ—необходимую потребностію военной хитрости;—однако слова, произнесенныя Мухаммедъ Шахомъ къ великому своему визирю, сбылись: корона ему возвращена, но народъ пострадалъ; по входѣ въ столицу побѣдитель не только сдѣлался, какъ упоминалось выше, обладателемъ всѣхъ сокровищъ но и набилъ до 20,000 жителей.

Торжество побѣды Надиръ Шаха ознаменовалось большими

¹⁾ Извлечено изъ официальныхъ документовъ того времени. Изъ этой статьи видно, что Афганстанъ, сдѣлавшійся недавно по поводу похода русскихъ въ Хиву предметомъ дипломатической переписки между Руссіею и Англіею, имѣлъ въ то время политическую зависимость отъ Персіи и со временимъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ вновь отъ нея во многомъ завистѣ.

²⁾ Замѣчательно, что Надиръ-Шахъ—магометанинъ—хранилъ въ сердцѣ чувства достойнаго истиннаго христіанина, тѣмъ болѣе что они его не обманывали, и онъ подъ влияніемъ ихъ совершалъ столь важныя дѣла.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Вѣра Константиновна и супругъ ея Его Королевское Высочество Герцогъ Евгений Виртембергскій.

Грав. въ ксилографическомъ заведеніи Эд. Гольбергера.

милостями, которых даровалъ онъ персидскому народу: изъ шахскаго фирмана, обнародованнаго по случаю победы въ Персїи и присланнаго посланникомъ при персидскомъ дворѣ Камушкинымъ къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, при донесеніи отъ 22-го іюня 1739 года, видно, что Надиръ Шахъ, въ порывахъ необычайной радости, преисполненный съ благоговѣніемъ благодарностью за неизрѣченныя щедроты Царя Царей, постоянно ниспосылаемая изъ сокровищницы безиредѣльныхъ милостей на непоколебимую его державу, признавъ за нужное, чтобы всѣ подданные персидскаго государства, которые съ самаго начала царствования до настоящаго времени посильно служили престолу его, жертвуя своимъ достоинствомъ и спокойствіемъ,—были освобождены отъ всѣхъ налоговъ съ новаго 1739 года или со дня шествія имъ въ столицу Индіи, впредь на три года. Прекращеніе сбора податей распространено на всѣ сословія и націи Персїи, за немногими исключениями. Остался неотмѣненъ сборъ монетныхъ дворовъ и пошлины съ товаровъ, принадлежащихъ персидскимъ и другимъ купцамъ. Въ заключеніе своего фирмана Надиръ-Шахъ присовокупилъ: «если будетъ угодно Всевышнему, то, по возвращеніи моемъ въ Персїю, всѣ служившіе мнѣ вѣрно получаютъ награды, а умышлявшіе злое получаютъ достойное наказаніе по дѣламъ своимъ». Русскій посланникъ доносилъ при этомъ, что всѣ командиры города Испагани, въ которомъ онъ находился представителемъ нашей державы, въ продолженіи трехъ дней по полученіи милостиваго манифеста совершали по закону магометанскому и по обычаямъ своей страны разныя церемоніи—ѣздили по мечетямъ и за городъ въ поле, гдѣ въ присутствіи всего народа читались радостныя для всѣхъ извѣстія.

Въ заключеніе этого краткаго историческаго очерка изъ жизни Ирана, къ воспоминанію котораго послужилъ поводомъ прїѣздъ Насръ-Эддинъ-Шаха и всеобщіе отзывы о его богатствахъ, мы считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ письмомъ, писаннымъ по повелѣнію повелителя Ирана Надиръ-Шаха, министромъ его Мегли-Ханомъ изъ Индіи, съ окрестностей Атока, къ посланнику нашему въ Испагани Камушкину. Письмо это, по своему дипломатическому значенію и выраженію самой величавой преданности и уваженію къ Русскому престолу, тѣмъ болѣе заслуживаетъ всеобщей извѣстности, что въ немъ отражаются и чувства радости о новыхъ удачныхъ побѣдахъ персидскаго героя и изъявленіе приносимыхъ въ даръ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ подарками желанія непрерывнаго дружескаго союза между двумя соседними государствами.

Изъ реестра подарковъ, отправленныхъ къ императрицѣ, можно видѣть, какую высокую честь оказывалъ Надиръ-Шахъ русскому двору и какой неистощимый и драгоценный запасъ сокровищъ собранъ былъ имъ въ Индіи для посѣдующихъ временъ.

Письмо Мегли-Хана, министра Надиръ-Шаха, писанное къ русскому посланнику Камушкину и полученное тѣмъ въ Испагани 5 октября 1739 г., гласитъ:

«Во имя Бога, Царя Царей,

Высокостепенный, высокочестный, знаменитый, любезнѣйшій другъ! Да исполнятся всѣ желанія Вашего сердца!

Изъявляю искреннюю мою готовность лично видѣть Васъ и увѣдомляю, что помощію прехвальнаго Бога и по молитвамъ людей, преданныхъ полюбамъ государства, столица Шахъ-Джиганъ-Абадъ и всѣ провинціи Индостана покорены; казнохранилища, кладовыя и сокровищницы государей тимуридскихъ, почти съ двумя тысячами слоновъ, достались въ наши руки. Всѣ крѣпости и области, лежащія по ту сторону рѣки Атока и моря Синдскаго, какъ-то: Пешеваръ, Кабуль, Газнейвъ, Бемгемъ, область Синдская и гористыя мѣста, обитаемыя 900,000 семействъ Авганскихъ съ границъ Тибета и Кашемира до мѣсяцъ, гдѣ означенная рѣка Атокъ впадаетъ въ море, съ областями Тетегскими, крѣпостями и гаванями Дежюльскими и другими, по особо заключенному трактату присоединены къ иранскому государству. Но его величество, которому жертва—духъ мой, по уваженію родового происхожденія Мухаммедъ-Шаха изъ рода туркомановъ, по Гурганской линіи, благоволилъ возвратитъ ему корону индійскаго государства, которую и возложилъ на главу его августѣйшему своему рукою. Всѣмъ главнѣйшимъ правителямъ, отъ предѣловъ Декана, Бенгала и другихъ до самыхъ отдаленныхъ провинцій Индостана, доставившимъ при изъявленіи совершенной покорности дари, повелѣю повиноваться Мухаммедъ-Шаху и не преступать его повелѣній. Его величество, возвращаясь изъ Шахъ-Джиганъ-Абада въ Персїю, прибылъ уже въ окрестности Атока; такимъ образомъ, мы опять скоро увидимся. Я питаю къ Вамъ чувства самой искренней дружбы, и по случаю отправления въ Персїю курьера, почель долгомъ засвидѣтельствовать Вамъ о всегдашней моей памяти объ Васъ—и увѣдомить Васъ, что его величество Надиръ-Шахъ, въ бесѣдѣ съ восьмию довѣренными близкими къ нему особами, говорилъ между прочимъ о намѣреніи его отправить на сѣхъ дѣлахъ кого-либо изъ знаменитыхъ вельможъ, служащихъ при дворѣ его величества, ко двору Ея Величества Государыни Императрицы Россійской ¹⁾ съ дарами и частію для Ея августѣйшей сестры и

племянницы.—Реестръ даровъ я имѣлъ случай видѣть у хранителей государственныхъ сокровищъ и почель нелишнемъ сообщить егъ вамъ; подарки эти оцѣниваются въ 6 или 7 тысячъ томановъ. ²⁾ Кроме того высокочастивный Шахъ-Заде (сынъ шаха) намѣстникъ и правитель государства намѣренъ послать главному русскому министру и оберъ-камергеру по одному слону, что почтенно въ Индіи самымъ значительнымъ подаркомъ. Дружба настъ связывающая и справедливость требуютъ, чтобы вы извѣщали меня обо всемъ, какъ о своихъ обстоятельствахъ, такъ и о всѣхъ случаяхъ, которые касаются до дѣлъ по вашему званію.

Да умножатся дни Ваши!»

Реестръ даровъ, отправленныхъ Надиръ-Шахомъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и ея августѣйшей сестрѣ и племянницѣ.

Государынѣ Императрицѣ:

- 1) 10 перстней, украшенныхъ алмазами и другими драгоценными камнями.
- 2) Перо—съ одной стороны алмазное, а съ другой финифтяное, съ изумрудною подвѣской.
- 3) Маленькій 4-хъ-угольный стулъ, украшенный алмазами, яхонтами, изумрудами и жемчугомъ.
- 4) Поясъ алмазный, унизанный по краямъ жемчугомъ, и цвѣтокъ изъ рыбьей чешуи, украшеный алмазами.
- 5) Графинъ, украшеный алмазами, изумрудами и яхонтами и для него
- 6) 8-ми-мѣстный изъ бѣлой финифти подносъ съ ножками, украшенный яхонтами.
- 7) Сосудъ для розовой воды, украшенный алмазами, яхонтами и изумрудами и подъ него
- 8) Золотой подносъ, украшенный алмазами, яхонтами и изумрудами.
- 9) Золотой съ разноцвѣтной финифтью сосудъ съ ножками и къ нему 8-ми-мѣстный подносъ.
- 10) Чарка съ маленькою крышкою изъ зеленой финифти, украшенная алмазами.
- 11) 27 штукъ золотой и бумажной индійской парчи.
- 12) 27 штукъ другаго сорта золотой индійской парчи.
- 13) Девять слоновъ.

Августѣйшей сестрѣ императрицы:

- 14) Пять перстней, украшенныхъ алмазами и другими драгоценными камнями.
- 15) Графинъ—весь украшенный изумрудами и яхонтами.
- 16) Поддонокъ для него изъ зеленой и другихъ цвѣтовъ финифти.
- 17) Сосудъ для розовой воды весь украшенный изумрудами.
- 18) Поддонокъ для него изъ золота и финифти.
- 19) Чарка съ крышкою изъ красной финифти. И та и другая осыпаны алмазами.
- 20) Три куска золотой парчи и три бумажной.
- 21) Пять перстней, украшенныхъ драгоценными камнями.
- 22) Графинъ, убранный яхонтами и изумрудами, имѣющій сверху большую жемчужину.
- 23) Поддонокъ изъ золота съ финифтью.
- 24) Граненый сосудъ, грани сдѣланы изъ жемчуга; убранный яхонтами и изумрудами.
- 25) Для него поддонокъ изъ золота и финифти.
- 26) Чарка съ крышкою; сдѣлана изъ золота и финифти и убрана алмазами.
- 27) Три куска золотой и бумажной парчи.

Изъ множества перечисленныхъ здѣсь даровъ должно считать главнѣйшею и первѣйшею, по значенію своему, драгоценностью—*алмазное перо*. Подобными перьями украшаютъ себя на востокѣ царственныя особы. Они носятъ его, вмѣсто короны на головѣ, съ правой стороны. Такимъ же перомъ Надиръ-Шахъ пожаловалъ сына своего Ризу-Кули-Мирзу, когда онъ прїѣзжалъ изъ города Балха, во время пребыванія въ походѣ, къ отцу, въ лагерь для принятія отъ него достоинства намѣстника Персидскаго Государства, съ назначеніемъ отправиться въ Персїю, съ тѣмъ чтобы находиться въ значительныхъ городахъ по мѣсяцу—и набравъ достаточное число войска, заботиться объ огражденіи государства отъ нападенія внѣшнихъ непріятелей. Въ то же почти время удостоился получить такое же перо и младшій его сынъ Насруллагъ-Мирза, при возведеніи его въ званіе Диванъ-Беги—главнаго начальствующаго лица.

Приводя воспоминаніе о счастливомъ для Персїи событіи за 130 лѣтъ предъ симъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣмъ временемъ настоящее ея положеніе. Во многомъ оно измѣнилось. Хотя Персїя и подвинулась въ образованіи своемъ въ этотъ періодъ времени, но какъ въ составѣ своемъ, такъ и въ матеріальныхъ силахъ и средствахъ къ возвышенію своему, значительно ослабѣла. Посѣщеніе Насръ-Эддина-Шаха для Россіи останется надолго памятнымъ—и что важнѣе—послужитъ залогомъ для продолженія и

¹⁾ Въ подлинномъ письмѣ персидскаго министра, для соответственнаго значенію титула императорской особы Анны Ивановны выраженія, на персидскомъ языкѣ употреблено слово *Хуршидъ Куллакъ*, т. е. на главѣ и само солнце служатъ головнымъ уборомъ (хуршидъ—солнце; куллакъ—шапка).

Это же выраженіе въ дипломатической перепискѣ съ русскими дворянъ употреблялось и въ титулѣ государыни Екатерины II.

²⁾ Томашъ на наши деньги равняется десяти рублямъ. Персидскій министръ вѣроятно отъ безчисленнаго прилива сокровищъ въ казну Шахскую сдѣлалъ столь низкую оцѣнку подаркамъ, не сообразившись съ дѣйствительною ихъ стоимостью. Если что въ Индіи стояло 60 или 70 тысячъ рублей ассигнац. то навѣрно въ Россіи, столько спустя послѣ того, приведенныя въ реестрѣ драгоценности могутъ стоить въ нѣсколько разъ дороже, даже по нынѣшнему курсу, считая рубль не на ассигнацію, а на серебро.

укрѣпленія дружбы и союза, существующихъ между двумя сосѣдственными державами въ теченіи болѣе нежели 40 лѣтъ, еще на многія лѣта къ обоюдной ихъ пользѣ. Не только Россія можетъ содѣйствовать успѣхамъ въ дѣлахъ Персіи во многихъ отношеніяхъ, но и Персія съ своей стороны неизбѣжно, по пограничному своему положенію, представляетъ большія удобства для усиленнаго сближенія Россіи съ Среднею Азіею. Дипломатическое представительство отъ обѣихъ державъ въ разныхъ мѣстахъ въ средней Азій и Ост-Индіи, нѣтъ сомнѣнія, послужило бы одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ скорѣйшему развитію и усовершенствованію народовъ этихъ странъ и къ успѣхамъ движенія торговыхъ оборотовъ. Россія и Персія, какъ сосѣдственныя государства, самой природою поставлены въ ближайшее соотно-

шенія съ ними, въ дѣлахъ человѣческой дѣятельности имѣютъ на это преимущественное и неоспоримое право. Время и обстоятельства покажутъ, что персидское государство, имѣющее значительный предъ другими азіатскими владѣніями перевѣсъ въ нравственномъ и гражданскомъ значеніи, очень много можетъ способствовать своимъ посредничествомъ въ дѣлахъ въ Россіи съ среднею Азіею.

1739 г. — покоренія Надиръ-Шахомъ Индіи — замѣчательнѣе тѣмъ особенно, что ровно чрезъ 100 лѣтъ въ 1839 году англичане покорили Афганістанъ и владѣли ими только два года, и въ этомъ же году былъ неудачный походъ русскихъ въ Хиву, гдѣ англичане съ желаніемъ воспріяли бы прибытію русскихъ, остановивъ успѣхи похода выкупомъ нашихъ плѣнныхъ.

ВОДЯНАЯ И БОЛОТНАЯ ПТИЦА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕЛЕТА.

Картинка съ природы на Волгѣ ниже Астрахани.

Прошли ужъ теплые деньки
И осень сѣрая настала...

Конецъ сентября...

Вечерѣтъ... Солнце уже до половины скрылось за горизонтомъ и послѣдними лучами золотитъ верхушки деревьевъ, покрытыхъ бурю листвою. Въ свѣжемъ рѣдкомъ воздухѣ уже чувствуется дыханіе осени... Не поспѣваетъ уже трава разнообразными цвѣтами, зелень видна только кое гдѣ, все остальное покрыто желто-бурнымъ цвѣтомъ — цвѣтомъ осени...

И грустно на душѣ, грустно кругомъ, и грустные мысли, навѣяныя осенью, не даютъ снакою. — Душа жаждетъ чего-то, душа рвется и порывается куда-то — и хочется ей летѣть вмѣстѣ съ улетающими стадами ласточекъ, съ покидающими насъ утками, гусями, чайками и лебедями далеко за моря, въ теплыя страны, гдѣ вся природа цвѣтетъ — живетъ привольно, — гдѣ не чувствуешь этого дышащаго смертностью осенняго затишья, гдѣ умирающая природа не навѣваетъ грустныхъ мыслей.

Скучно осенью охотнику, «добычлива пора, да все не мила», какъ говоритъ нашъ мужичекъ. Много онъ побьетъ въ это время дичи: и утокъ и гусей и лебедей и цапель, да все какъ-то не весело — и битъ-то будто совѣстно. Все насъ оставляетъ отъ мала до велика, всѣ перелетныя птицы которыя гостили у насъ лѣто, все это летитъ отъ насъ не оборачиваясь, въ перегонку, торопится, будто за ними гонится сама смерть съ косяю. — Лежачаго битъ не приходится, тѣмъ болѣе бѣгущаго.

И чего бы кажется скучать? — вездѣ по водамъ, омутамъ, устьямъ изобилуютъ птицы, вездѣ копошится жизнь, вездѣ видна, суета и тысячи тысячъ птичьихъ голосовъ и криковъ оглашаютъ вечернюю тишину. — Никогда кажется въ цѣломъ году не было такой суматохи, не было такого оживленія какъ въ это поздне осеннее время... А все не веселитъ тебя это лихорадочное житье: не видно въ немъ живительной силы, не освѣщаетъ эту картину полное теплоты и любви весеннее солнце, не радостные дорогіе гости сибѣшатъ въ наши озера, поля и болота; напротивъ, все оставляетъ насъ — и напомнитъ эта картина послѣднія минуты умирающаго трудно-растающагося съ жизнью, или полчища пернатата царства бѣгущія послѣ проигранаго сраженія съ передовыми отрядами сильной старушки зими.

И чего, чего не увидишь въ это время на размоинахъ, заливахъ, устьяхъ нашей матушки Волги...

Заберешься другой разъ куда нибудь въ болотистые камыши, усядешься въ лодку — легкой челнокъ, обставившись березками или

ракинникомъ чтобъ не нарушить покоя послѣдняго пребыванія въ нашихъ странахъ милыхъ гостей — и пойдешь полюбоваться на нихъ въ послѣдній разъ.

Тихо подвигается челнокъ въ камышахъ; тихо, едва слышно скользитъ онъ по гладкой поверхности золотимыхъ заходящимъ солнцемъ каръ и замоннѣ — и видишь спрятавшійся за живую изгородь охотникъ грустно оживленную картину.

Передъ нимъ по одну сторону необозримая луговая заволочь, мѣстами покрытая травой съ безчисленнымъ количествомъ заличиковъ и омулковъ, съ другой — гористый берегъ, покрытый лѣсомъ.

Солнце уже зашло — и сѣрое непривѣтливое небо только на самомъ западѣ окрашено еще въ розовый цвѣтъ, напоминающій о быломъ счастливымъ времени, когда то же солнце ярко свѣтило, и его привѣтливые лучи гостепріимно освѣщали дорогу дорогимъ гостямъ, покидающимъ теперь наши края.

Вотъ въ небольшомъ заливѣ хлопотливо плаваютъ утки: краковья, шилохвости, связи, чирки и нырки; — по травкѣ бѣгаютъ дупеля, гаршнепы, бекасы и травники; — на болѣе открытомъ мѣстѣ полощутся лебеди и дикіе гуси; — далѣе на отлогихъ берегахъ отдыхаютъ поголы, гагары, черныши и чусухи — и цѣлыя стаи ихъ сестеръ уже несутся по сѣрому непривѣтливому небу.

На песчаномъ берегу устья въ рядомъ сѣрыя цапли, журавли и аисты и съ усердіемъ откапываютъ себѣ изъ мха улитокъ, лягушекъ и мелкую рыбку. Вотъ на большой отмели помѣстилась цѣлая стая пеликановъ и громкимъ крикомъ призываетъ отсталыхъ и усталыхъ товарищей; — а на небольшомъ островкѣ, чадолюбивая баба-птица, окруженная своимъ семействомъ, безмолвно опергаетъ мелкую рыбу, чтобы сразу насытиться для дальняго перелета. Между большими представителями, ожидаа отъ нихъ поживы, шныряютъ маленькіе зуйки, несочники, болотныя курочки и чибисы — и все это въ какомъ-то смятеніи мечется, порхаетъ, взлетаетъ и видимо торопится оставить наши мѣста для путешествія болѣе далекаго. Вотъ поднялись съ одного залива утки, забрались высоко и потянули къ югу; — вотъ прокричалъ длинногій журавль-вожакъ свой громкій призывъ, и пока все копошится, кормится, ищетъ и отдыхаетъ на родной равнинѣ, его подчиненные частыми взмахами длинныхъ крыльевъ поднялись на воздухъ, вытянули шею и длинные ноги — и своимъ трехъ-угольникомъ полетѣли изъ матушки Россіи.

Прощайте, дорогіе гости, прощайте — счастливый вамъ путь!

СМѢСЬ.

Необыкновенное музыкальное событіе въ Италіи.

Какъ извѣстно, всю эту зиму въ Миланѣ или большія приготовленія для постановки на тамошней сценѣ «Жизни за Царя», безсмертной оперы нашего гениальнаго композитора Глинки. При извѣстной нетерпимости итальянцевъ ко всякой музыкѣ кромѣ своей собственной, такая небывалая, смѣлая попытка, какъ постановка русской оперы на итальянской сценѣ, естественно должна была возбудить всеобщій интересъ, даже и не въ одномъ музыкальномъ мѣрѣ. Приводимъ отчетъ объ ея результатѣ изъ письма знаменитаго Ганса Бюлова въ «Аугсбургскую газету».

«Вчера въ новомъ Teatro del Verme дано было первое представленіе національно-русской оперы Михаила Глинки: «Жизнь за Царя», на итальянскомъ языкѣ. Это многозначительное, въ своемъ родѣ классическое произведеніе, въ первый еще разъ представлялось вѣдѣ предѣловъ Россіи, гдѣ, во всѣхъ городахъ имѣющихъ оперу, оно уже въ теченіи 35 лѣтъ съ полнымъ правомъ пользуется такою популярностью, которую можно сравнить только съ популярностью Веберовскаго «Волшебнаго стрѣлка» въ Германіи.

Справедливость требуетъ сказать, что вчера Teatro del Verme представляла весьма неприятное зрѣлище. Собственно говоря, это нельзя назвать абсолютнымъ фіаско; это былъ просто скандалъ,

но скандалъ особаго рода. Миланъ, какъ извѣстно, считается провинціальнымъ маленькимъ Парижемъ, его итальянское населеніе смѣшано со многими иноземными элементами. Вслѣдствіи этого и вчера вечеромъ не было недостатка въ значительномъ меньшинствѣ — всѣ русскіе собрались въ театръ — которое, помимо всякихъ патристическихъ мотивовъ, во имя приличія и интеллигенціи, изво всѣхъ силъ борясь противъ животной грубости и музыкальной тупости итальянскихъ гаменовъ всѣхъ классовъ общества, и по временамъ, подчиняя противную партію волшебнымъ звукамъ чудесной музыки, одерживало — таки маленькія побѣды. Такъ на примѣръ, блестящая увертюра и потрясающая прелюдія къ послѣднему акту — были покрыты рукоплесканіями безъ всякой оппозиціи; эта послѣдняя точно также отнеслась одобрително къ великолѣпной хоровой фугѣ вступленія, равно какъ въ необыкновенно милому, сильно отбѣженному народнымъ характеромъ, дуэту баритона и альты въ третьемъ актѣ; наконецъ, превосходный исполнитель роли главнаго героя Сусанина, французскій пѣвецъ Мерли (послѣ большой потрясающей арии изъ четвертаго акта, гдѣ названіе оперы становится истиной) и русская примадона г-жа Меньшикова — пѣсколько разъ вызвала громкія рукоплесканія. Тѣмъ усердіемъ отыскивался со стороны толпы, этой «douce plebe», малѣйшій поводъ, могущій служить сигналомъ къ общему скандалу: подхватывали всякую неловкость на сценѣ, всякое неудачное слово

итальянского текста. Всему этому как нельзя более благоприятствовал процветающий в Италии скверный обычай громко разговаривать во время представления, мешать соседям слушать музыку, более или менее фальшиво подпевать себе под нос. Смелая дама, которая из патристической любви къ искусству и увлеченія пропагандой Глинковских оперъ, сдѣлалась импрессарио, соединяя значительныя денежныя жертвы съ неутомимой дѣятельностью, разумеется не могла заранее предвидѣть и побороть безчисленныхъ затрудненій и препятствій, накопившихся мало по малу чтобы помѣшать успѣху ея отважнаго предпріятія; иногда эти враждебныя намѣренія скрывались втайнѣ, иногда же обнаруживались и явно, но тогда когда уже было поздно поправить дѣло. Не излишне будетъ привести имя этой дамы, весьма известное въ Миланѣ: это г-жа Александра Горчакова, дочь генерала Мевзенкампа, бывшая долгое время драматической пѣвицей въ Италіи и Россіи подъ именемъ г-жи Сангагано. Пропагандистка Глинки конечно не могла ожидать, что такъ богатый музыкальными красотами второй актъ совершенно пропадетъ изъ-за топанья, свистковъ, шиканья, однимъ словомъ: изъ за самой отчаянной «кошачьей музыки» публики. Можно было ожидать отъ нѣкоторой стѣны цивилизованной публики большаго снисхожденія къ фальстафовской фигурѣ тенора, съ избыткомъ вознаграждавшаго прекраснымъ голосомъ и безукоризненнымъ исполненіемъ за свою невыгодную паружность. Но въ итальянской публикѣ заранее было рѣшено: опера русскаго композитора не должна имѣть мѣста на итальянской землѣ, и рѣшительное фіаско должно быть устроено въ видѣ устрашающаго примѣра для другихъ подобныхъ попытокъ привозной музыки. Всѣ пригодныя для этого средства заранее осыпаны были благородствомъ дѣла.

Казалось, ничто бы не должно было препятствовать успѣху оперы Глинки; за это ручаюсь богатство доступныхъ дѣйствительно пѣвучихъ мелодій, ясность и плавность всего ея музыкальнаго построения, какъ въ вокальномъ, такъ и въ инструментальномъ отношеніи, сохраненіе старыхъ формъ безъ шаблоннаго отпечатка, благородная страстность и теплота, и прочія безчисленныя достоинства оперы. Но главное композиторъ умеръ еще въ 1857 г., слѣдовательно невѣроятно сильныя у итальянцевъ чувства зависти и соперничества, въ этомъ случаѣ, не могла быть задѣты. Г-жа Горчакова не уступила еще не одному изъ присутствующихъ музыкальныхъ издателей правъ собственности на эту оперу въ Италіи, значить, ни въ которомъ изъ нихъ не создала еще врага композитору. Напротивъ, употреблялись особенныя старанія рекомендовать «варвара» симпатіямъ итальянской публики. Коноводы музыкальной интеллигенціи, и во главѣ ихъ Д.и. Филиппи, не преминули съ большимъ тактомъ познакомить публику съ композиторомъ посредствомъ біографическихъ очерковъ и цитированія похвальныхъ отзывовъ объ его произведеніяхъ французскихъ музыкантовъ и критиковъ (Берлиоза, Морилы, — нѣмецкіе отзывы произвели бы противоположное дѣйствіе), и т. д. Глинка въ молодости провелъ три года въ Италіи, и именно въ Миланѣ сошелся съ нѣкоторыми, еще теперь живущими артистами, ревностно изучалъ итальянское вокальное искусство — и каждая страница его партитуры блистательно доказываетъ, какъ онъ умѣлъ воспользо-ваться этимъ изученіемъ; въ то же время онъ пріобрѣлъ известность пѣсокляками, легкими произведеніями, изданными Рикорди; однимъ словомъ достаточно заслуживаетъ быть признаннымъ «не варваромъ».

Какъ показалъ грубый фактъ, расчетъ оказался невѣренъ. Любезность, съ какой итальянцы въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ принимали всѣ политическія благодѣянія чужихъ народовъ, превращается въ непримиримую вражду, какъ скоро дѣло касается до благодѣяній въ области интеллектуальной, артистической или эстетической. «Non vogliamo esser infiorati» (не хотимъ обильно иностраняться), говорятъ они обыкновенно — можетъ быть въ унизительномъ сознаніи собственного невѣжества и безсилія, приходившаго въ гнѣвъ и содроганіе при видѣ всякаго вѣщающаго превосходства. Исключеніе составляетъ только Франція, которой итальянцы и обязаны несорочностью своего вкуса. Грубая толпа какъ бы инстинктивно слѣдуетъ примѣру антинациональной аристократіи, не стыдящейся мнѣять своего чудеснаго музыкальнаго языка на исковерканный французскій языкъ гувернаптовъ, дивиться на легкомысленнѣйшія французскія комедіи, даваемые плохими французскими труппами третьяго разряда, постоянно заводящими всю Италію, — и напротивъ, знать не хочетъ ни своей родной литературы, въ которой все-таки встрѣчаются весьма почетныя вещи, ни своихъ гораздо болѣе естественныхъ и старательныхъ актеровъ. Дѣло въ томъ, что такъ-называемый «образованный классъ» въ Италіи, къ сожалѣнію, прежде всего не «образованъ», можетъ быть по недостатку средствъ пріобрѣсти образованіе; онъ уже потому не можетъ составить публику для театра, что доводитъ до крайней степени филістерства свои требованія естественности. И такъ, въ театрѣ — единственномъ шумномъ поприщѣ общественной жизни — толь задаютъ одни только биррѣччино всѣхъ сословій и возрастовъ (старые гамены, специальность Италіи), которые придерживаются не правила «tout est permis hors le genre ennuyeux» (дозволяется всякій родъ кромѣ скучнаго), но доводятъ его до крайности, считая что «rien n'est permis hors le genre divertissant» (ничто не дозволяется кромѣ увеселительнаго рода или точнѣе говоря забавнаго). Тамъ гдѣ національное тщеславіе не затрогнуто особенно сильно — они смотрятъ на театрѣ

(такъ какъ по мѣткому выраженію Вагнера итальянскіе оперные композиторы смотрятъ на оркестръ, какъ на чудовищную гитару), какъ на громадный *Café chantant*, т. е. исключительная арена публичной музыкальной жизни служитъ для нихъ только мѣстомъ, гдѣ можетъ разыгрываться ихъ гаменская шаловливость».

Мы привели здѣсь отрывки изъ письма Бюлова о первомъ представленіи «Жизни за Царя» въ Миланѣ. Второе представленіе этого гениальнаго произведенія было гораздо удачнѣе. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Бюловъ въ своемъ другомъ письмѣ въ Аугсбургскую газету:

«Второе представленіе оперы Глинки въ Миланѣ представляло довольно рѣзкій, т. е. поразительный контрастъ съ первымъ. Театръ былъ полонъ лишь на половину — «гамены» перваго представленія, въ буквальномъ смыслѣ слова, блистали своимъ отсутствіемъ, что давало возможность немногимъ итальянскимъ и многочисленнымъ иностраннымъ «не варварамъ», съ серьезнымъ вниманіемъ слушать оперу и безъ помѣхи наслаждаться ея музыкой. Г-жа Горчакова, изъ благоразумной предосторожности, безпопечно вычеркнула второй актъ, который, по своему содержанію, состоящему почти исключительно изъ польскихъ національныхъ танцевъ, составлялъ главный камень преткновенія при первомъ представленіи. Однако, въ слѣдующихъ представленіяхъ, онъ будетъ вполне восстановленъ, такъ какъ искусный балетмейстеръ основательно передѣлалъ сцену танцевъ. Въ интересахъ музыки Глинки — это вполнѣ необходимо и заслуживаетъ большой признательности, такъ какъ въ симфоническомъ отношеніи музыка втораго акта превосходитъ лучшіе танцы изъ оперъ Обера, Мейербера и Россини, потому что именно контрастъ въ характеристикѣ борющихся между собой польскаго и русскаго элементовъ, — составляетъ главную прелесть оперы. Во всемъ остальномъ, также были приняты мѣры, чтобы избѣгать всего, что могло бы дать публикѣ какой нибудь поводъ къ мальчишескимъ выходкамъ, такъ что оппозиція должна была уже молчать въ этотъ вечеръ. Публика съ восторгомъ требовала повторенія тѣхъ мѣстъ, которыя понравились при первомъ представленіи; но кромѣ того, мѣста прошедшаго тогда незамѣченными, или возбуждившія спорныя одобренія, были встрѣчены единогласнымъ восторгомъ; взысканія артистовъ продолжались безъ конца, и на этотъ разъ завѣсть уналь не при свисткахъ и шиканьяхъ, а при восторженномъ требованіи заявить громкою благодарностью представителю превосходнаго исполненія, капельмейстеру Фаччио. Если бы театръ не былъ на половину пустъ, можно бы было считать это однимъ изъ тѣхъ успѣховъ, которые составляютъ «мою» въ искусствѣ. Нечего уже больше беспокоиться о дальнѣйшей судьбѣ «Жизни за Царя» въ Миланѣ, равно какъ и въ другихъ итальянскихъ городахъ, если она будетъ тамъ поставлена. Слава Глинки пойдетъ благодарную и болѣе артистически-подготовленную почву и въ другихъ странахъ. Директоръ Ковейтъ-Гарденскаго театра въ Лондонѣ, г. Гай, уже пріобрѣлъ эту оперу на итальянскомъ языкѣ для ближайшаго сезона, и можно надѣяться, что на берегахъ Темзы опера получитъ щедрое вознагражденіе за свое «пораженіе въ Миланѣ».

Мы не останавливаемся здѣсь на музыкальной характеристикѣ Бюлова гениа Глинки, такъ какъ онъ проникнуть слишкомъ исключительно нѣмецкимъ духомъ, но приведемъ въ заключеніе послѣдній строки его письма, которая характеризуетъ взглядъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ на русское искусство вообще. «Глинка» говоритъ Бюловъ, «болѣе чѣмъ кто либо имѣлъ право на признаніе со стороны иностранцевъ, но не заботился объ этомъ, можетъ быть руководясь мыслию, что, «кто много сдѣлалъ для своей страны, живетъ для всѣхъ странъ» — а можетъ быть по аристократизму какъ своего таланта, такъ и происхожденія. Михаилъ Глинка, какъ и большая часть выдающихся талантовъ его отечества въ искусствѣ и литературѣ, былъ въ полномъ смыслѣ слова аристократъ, *grand seigneur*; по рѣдко гдѣ аристократія умѣла такъ широко и свободно примѣнять въ практикѣ благородное правило: *noblesse oblige* и *génie oblige* (благородство и гений обязываютъ). Проникая въ глубину народнаго духа, аристократическіе поэты Россіи создали не аристократическую, но народную литературу. Пушкинъ и Лермонтовъ давно уже сдѣлались общимъ достояніемъ образованной нѣмецкой публики; нѣмецкій музыкальный міръ много пріобрѣтетъ — безъ замедленія познакомится съ Глинкой, потому что его школа, его послѣдователи, могутъ имѣть вліяніе на нашу мысль, на наше творчество. Въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нельзя будетъ больше игнорировать русское умственное движеніе ни въ какой области знанія. Намъ думается, какъ будто и несомнѣнныя климатическія измѣненія на земномъ шарѣ, мягкія зимы въ Россіи и холодное лѣто въ Италіи, служатъ предвозвѣстниками высшаго предопредѣленія; они пророчатъ намъ, что настаетъ пора обратить взоръ отъ быстро умирающей романской цивилизаціи — къ солнцу, столь же быстро восходящему на востокъ».

Древняя Троя и Генрихъ Шлиманъ.

Быстроногий Ахиллесъ и голубокожая богиня Афина — наши старые и отчасти дорогіе знакомые. Даже въ душѣ тѣхъ, кто въ дальнѣйшемъ теченіи жизни не занимался классическими науками, воспоминанія эти вызываютъ различныя впечатлѣнія, смотря по результатамъ школьной дѣятельности каждаго. Однимъ эти созданія греческой фантазіи представляются въ видѣ грозныхъ призраковъ,

Пролетная птица на устьяхъ Волги. Рис. и грав. О. Шпехтъ.

№ 31

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1874 году №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

- I. Въ С.-Петербурѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к. съ доставкой на домъ 5 » — »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 » 50*»

НА ПОЛГОДА:

- I. Въ С.-Петербурѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к. съ доставкой на домъ 2 » 50 »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 2 » 50 »
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербурѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

Мертвое море.

МЕРТВОЕ МОРЕ.

Мертвое море, Mare mortuum, въ Библии Соляное озеро, по арабски Биркетъ-Лутъ (Лотово море), у римлян также называвшееся асфальтовымъ озеромъ (lacus asphaltites), по турчки Угуденгизъ, — внутреннее озеро въ азиатско-турецкомъ эйялетѣ Дамаскъ, на юговосточной границѣ Палестины, имѣеть въ длину отъ сѣвера къ югу 10 миль и отъ 2-хъ до 3-хъ миль ширины. На восточномъ берегу его выдается полуостровъ Мезра, какъ-бы разделяющій его на два озера. Съ востока и запада оно окружено значительной плоской возвышенностью, представляющей сходство съ такъ-называемыми *столовыми горами* южной Африки, и поднимающейся надъ уровнемъ озера футовъ на 2000 — 3000. Съ этой возвышенности къ озеру сбѣгаетъ множество долинъ (Вади), въ которыхъ только и видна нѣкоторая растительность; всѣ же остальные окрестности его безплодны. Обѣ части озера совершенно различной глубины: между тѣмъ какъ въ сѣверной части глубина эта простирается до 1009 — 1227 футовъ, въ южной части она едва достигаетъ 6 футовъ. Вода довольно свѣтла и прозрачна, но до такой степени насыщена солью, что если кидать въ нее соль — новыя количества ея уже не растворяются и въ видѣ кристалловъ всплываютъ содна озера на поверхность. На кожѣ она производитъ жгучій зудъ, а при болѣе частомъ употребленіи даже нарвы. Ни рыбы, ни черенокожныя не могутъ существовать въ ней. Соляныя части воды состоятъ изъ хлористаго магнезія, хлори-

стаго кальція и поваренной соли (хлористаго натрія), которые сообщаютъ водѣ удѣльный вѣсъ въ 1,73, такъ что она выдерживаетъ большія тяжести нежели морская вода, человеческое тѣло не погружается въ нее, волны не такъ высоко вздымаются во время бури и прибой гораздо незначительнѣе морскаго. Вышеупомянутыя соли добываются изъ воды въ большемъ количествѣ посредствомъ выпариванія ея въ ямахъ. Дно озера состоитъ изъ песку, подъ которымъ залегаютъ толстый слой асфальта (жидовской смолы), часто большими кусками всплывающаго на поверхность. Мертвое море лежитъ на 1235 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря и такимъ образомъ является наибольшимъ углубленіемъ на всемъ земномъ шарѣ. Кромѣ Иордана въ него впадаютъ еще многія рѣчки, изъ которыхъ значительнѣйшія берутъ начало на восточныхъ склонахъ плоской возвышенности; изъ озера не истекаетъ ни одной — и если не смотря на то вода въ немъ остается на одномъ и томъ же уровнѣ, то это зависитъ единственно отъ сильнаго испаренія водъ его. На берегахъ отлагается множество сѣры, также попадаютъ сѣрные источники, а изъ болотъ на сѣверномъ и южномъ концахъ озера освобождаются удушливыя сѣрнистые газы. По Библии, бассейнъ мертваго моря, нѣкогда составлялъ плодородную страну Сиддимъ съ городами Содомомъ и Гоморю.

НА ТРАВѢ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Окончаніе).

V.

Подъ грозюю.

Шесть недѣль «травы» прошли быстро, почти незамѣтно. Съ 15-го іюля начинался общій сборъ, или — такъ-называемый у насъ — осенній кампантъ; поэтому 14-го числа нашему эскадрону надлежало покинуть Ильяновскія вѣси и дебри.

Всѣ послѣдніе дни, начиная съ 9-го или 10-го іюля, жара стояла убійственная, такъ что даже и густая, почти непроницаемая тѣнь подъ лѣсными великанами не давала живой тѣни прохлады. Въ раскаленномъ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, и если — бывало — взглянешь въ даль, за озеро, то ясно можешь наблюдать какое-то серебристое рѣяніе и дрожащую струистость этого воздуха, что особенно становится замѣтнымъ на сѣроватомъ фонѣ отдаленныхъ сельскихъ построекъ. По стволамъ сосенъ сочилась расплавленная солнцемъ растительная смола, а въ самомъ лѣсу стоялъ такой сильный, такой густой, распаренный запахъ сосны и ели, что пробывъ въ этой атмосферѣ около получаса, начинаешь уже чувствовать въ груди и въ головѣ какую-то наркотическую тяжесть.

Въ такую жару даже и не тянетъ на воздухъ. Выглянешь черезъ силу на крылечко: — все какъ-то пригнетенно замерло, затаялось и дремлетъ... Изрѣдка развѣ, по какой либо нуждѣ, пройдетъ по двору разстегнутый солдатикъ такую розманную, тяжелою походкой, или поцуро и лѣниво пробредетъ кудастая собака, высунувъ языкъ; а куры забралась въ тѣнь подъ стѣною сарая и, для пущей прохлады, повывали себѣ въ землѣ ямки и сидятъ въ нихъ неподвижно, не подавая голоса.... Жарко, скучно, — одолеваетъ и лѣнь, и сонливость.... Ни за что не можешь взяться, ничего не хочется дѣлать — ни читать, ни думать: и мысль, и тѣло подавлены тупою тяжестью. А солнце межъ тѣмъ все льетъ и льетъ съ безоблачнаго, но какого-то бѣлесватаго неба потоки знойныхъ лучей, которые до того накаляютъ почву, что если выдти на солнцѣкъ и постоять на пескѣ всего лишь нѣсколько секундъ, то ступнѣ замѣтно становится жарко, даже сквозь толстую кожаную подошву. Только въ комнатѣ и можно еще

кое-какъ дышать, да и то не иначе какъ съ плотно-закрытыми ставнями.

Даже вечера и ночи не приносили съ собою прохлады: въ недвижимомъ воздухѣ все-таки стояла страшная духота. Но такъ-какъ все же это было единственное время, когда являлась нѣкоторая возможность отдохнуть отъ несносныхъ знойныхъ лучей то мы и старались пользоваться имъ какъ можно больше, чуть лишь послѣдніе отблески багроваго свѣта померкнутъ на верхушкахъ пущенскихъ сосенъ. Въ томъ краѣ сумерки бывають непродолжительны, и какъ только солнце скроется за горизонтомъ, причудливо озаривъ на прощанье отдаленныя, низкія облака перламутровыми переливами золотого, розоваго и фіолетоваго цвѣта, ночная тьма быстро начинаетъ окутывать землю. Въ этотъ часъ, изнемогшіе отъ дневнаго жара, мы, всею нашею компаніей, выходили посидѣть часа два-три на крылечкѣ, побесѣдовать за стаканомъ чая и подышать хотя и душнымъ, но все же не столь убійственно-знойнымъ воздухомъ. Наступала ночь; въ травѣ подымался неумолимый, непрерывный трескъ кузнечиковъ; ящерики и жабы выползали на дорожку; летучія мыши начинали черкать воздушные зигзаги неуклюжимъ полетомъ своихъ острыхъ крыльевъ; мѣдно-красный, почти кроваво-багровый мѣсяцъ показывался въ туманно-тусклой знойной мглѣ надъ чертой темно-сизаго горизонта и, недолгое время низко проплывъ надъземлею, снова скрадывался за тою же чертою. Въ эти пору вдалось можно было любоваться красивыми зарницами, которая, то тамъ, то здѣсь, то и дѣло вспыхивали трепетнымъ огнемъ на отдаленныхъ окраинахъ неба и бороздили его въ разныхъ направленіяхъ излучистыми огненными змѣйками. Невольно такъ и вспомнились эти чудные стихи Тютчева:

Неостывшая отъ зною,
Ночь июльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозю,
Отъ зарницъ все трепегало....
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Но эти «грозныя зѣнцы», чаруя взоръ великолѣпнѣею своею гнѣвною игрою, невольно наводили на рошущую мысль, что есть же гдѣ-то такія благодатныя палестины, гдѣ въ эту самую минуту рокочетъ громъ и шумитъ обильный ливень, неся съ собою жаждущей землѣ освѣжающую прохладу, тогда какъ у насъ....

— Господи! хоть-бы гроза! хоть-бы на мгновенье грянулъ громъ и приснулъ дождикъ! неоднократно повторялъ каждый изъ насъ, маясь въ эти душныя ночи, а благодушный майоръ все увѣрялъ и даже предлагалъ пари держать, что завтра—«ну, вотъ ужъ завтра, посмотрите, навѣрное будетъ вамъ гроза, и громъ, и ливень такой, что не землѣ, а небу жарко станетъ!»

Но увь! пророчеству майора суждено было сбыться не завтра и не послѣ завтра, а какъ разъ въ то время, когда намъ нужно было выступать изъ Ильянова.

Не желая напрасно мучить людей и лошадей томительнымъ и довольно длиннымъ переходомъ подъ полуденнымъ зноемъ, нашъ эскадронный командиръ порѣшилъ выступить изъ Ильянова около полуночи, чтобы подъ утро успѣть прибыть въ подгородную деревню Каплицы, гдѣ на время осеняго кампанента намъ были назначены квартиры.

Вещи наши мы уложили и отправили на подводѣ, еще съ послѣ-обѣда, а сами, такъ — сказать налегкѣ, остались дожидаться ночи.

Часу въ одиннадцатомъ, поужинавъ остатками холодной говядины и роспивъ послѣднюю бутылку вина изъ своего «травянаго» запаса, мы одѣлись по походному и вышли на дворъ, гдѣ рейткнехты ожидали уже съ конями. Немногіе изъ замѣшканныхъ солдатъ вывели послѣднихъ лошадей изъ конюшенъ и пристраивались ко своимъ взводамъ, фронтомъ къ дорогѣ. Вахмистръ наскоро отдавалъ какія-то послѣднія распоряженія.

— Садись!

Люди зашевелились, залязгали сабли, затропотали копыта, но менѣе чѣмъ въ минуту эскадронъ стоялъ уже фронтомъ, какъ вкопанный.

— Пѣсельники вперед!

— Такъ-то все же веселѣе будетъ идти ночью! съ улыбкой обратясь къ намъ, пояснилъ майоръ свое послѣднее распоряженіе.

— Направо маршъ!... Прямо—шагомъ!...

И масса вороного эскадрона, словно бы рядъ темныхъ тѣней, тихо и плавно тронулась съ мѣста. Черезъ минуту запаленныя трубки-носогрѣйки, будто свѣтляки, то тамъ, то здѣсь мигали по рядамъ красно-огненными точками.

Воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ. Густыя массы свинцово-сѣрыхъ и бурныхъ облаковъ еще въ началѣ десятаго часа медленно и грозно начали надвигаться съ юго-запада, захватывая все шире и дальше пространство синяго неба, а теперь онѣ нахлобучились надъ нимъ сплошную и замѣтно клубились одна надъ другою въ своихъ причудливыхъ, гигантскихъ очертаніяхъ.

Мы шли узкою лѣсною дорогой. Офицеры отдѣлились впередъ отъ эскадрона и тихо разговаривали между собою.

Вдругъ ослѣпительно вспыхнула молнія зеленовато-бѣлымъ огнемъ и вслѣдъ за нею, почти безъ промежутка во времени, грянулъ трескучій ударъ грома. Лѣсное эхо въ безконечныхъ, рокочущихъ раскатахъ понесло его по пространствамъ лущи и надъ озерами. Громъ въ пространномъ лѣсу—это нѣчто совсѣмъ особенное, что трудно передать человѣку, который не былъ самъ свидѣтелемъ такого поэтическаго и грандіознаго явленія.

— Ого, гроза, кажись, какъ разъ надъ головою! задравъ кверху лицо и ни къ кому собственно не обращаясь, замѣтилъ юнверъ Ножинъ.

— Ну, вотъ вамъ и дождались, наконецъ! весело сказалъ на это майоръ.—Опустить пик! крикнулъ онъ, оборотясь къ эскадрону: — острѣе ниже къ землѣ держи!... Не распускать коней, ребята! держи въ поводу хорошенько! Оглаживай почаще, чтобы не пугались!

Вахмистръ осадилъ коня и, свернувъ нѣсколько въ сторону, сталъ пропускать мимо себя ряды, наблюдая толково-ли исполняютъ люди только-что отданныя приказанія. Но эскадронъ насчетъ толковости и дисциплины—не хвалясь сказать—былъ у насъ образцовый!

Снова черкнула по небу молнія и снова зарокотали по лѣсу громовые раскаты, но дожда еще не было. Мы жадно ждали его первыхъ, живительныхъ капель. Лѣсъ, какъ мертвый, стоялъ недвижно и таинственно. Послѣ вторичной молніи черезъ нѣсколько мгновений сверкнула третья, четвертая, а тамъ еще и еще — и вотъ, вскорѣ все небо затрепетало почти непрерывными огнями, которые вспыхивали то тамъ, то здѣсь, то одновременно въ разныхъ концахъ небосклона, такъ что не успѣвала потухать одна молнія, какъ уже новый раздражающій свѣтъ озарялъ всю окрестность. Затѣмъ — снова мракъ, который отъ этихъ рѣзкихъ и быстрыхъ переходовъ къ ослѣпительному свѣту, казался еще гуще, еще темнѣе и непрогляднѣе. Были мгновенья, когда въ теченіи двухъ и даже трехъ секундъ все небо пылало непрерывнымъ свѣтомъ, и что за дивныя оттѣнки представляли тогда эти прихотливо клубящіяся массы облаковъ! Въ эти мгновенья вполне ясно и отчетливо можно было различать и общую картину неба, и всѣ окружающіе предметы, и нашъ путь, озаряемый на далекое разстояніе. Но ни единая капля дождя все еще не падала на землю. Это была сухая гроза—одна изъ самыхъ страшныхъ, когда либо виданныхъ мною въ жизни. Гроза, соединенная съ ливнемъ, который съ разу вноситъ съ собою въ природу освѣжающее начало,—дѣйствуетъ на нервы въ несравненно меньшей степени, да притомъ и не на всякіе нервы; но при грозѣ сухой, когда сумма электричества, разлитого въ отягченномъ воздухѣ, достигаетъ своего maximum'a, оно вліяетъ и на душу, и на физическій организмъ угнетающимъ образомъ: вы чувствуете какую-то безотчетную тоску и томленіе, вы испытываете даже бессильную, жалкую злобу червяка передъ этою слѣпою, стихійною силой, которая каждое мгновеніе можетъ васъ раздавить, уничтожить, тогда какъ при другихъ условіяхъ вы повелѣваете надъ нею вашею разумною волей, подчиняя ее силѣ науки; но здѣсь, въ данномъ положеніи, вы беззащитны, вы ничтожны передъ нею, — здѣсь уже не вы надъ нею, а она, эта стихійная сила, царитъ надъ вами. Люди, неоднократно лицомъ къ лицу видавшіе смерть въ сраженіяхъ, сравниваютъ (и, какъ мнѣ кажется, очень удачно) впечатлѣніе, производимое сухою грозой, раздражающею не вдали, а прямо надъ головою,—съ впечатлѣніями пассивнаго боя, когда вы безмолвно и неподвижно стоите подъ пулями и гранатами, служа мишенью для неприятеля, а сами межъ тѣмъ не стрѣляете, не имѣете возможности развлечь вниманіе чѣмъ нибудь постороннимъ и остаетесь въ неизвѣстности—прикажутъ ли вамъ, наконецъ, броситься въ отчаянную атаку, которая въ эту минуту кажется вамъ блаженнымъ и желаемымъ раемъ сравнительно съ угнетающимъ адомъ пассивнаго боя.

Вдругъ, въ одно изъ тѣхъ мгновений, когда трепетная молнія, словно бы раздирая небо въ разныхъ концахъ, непрерывно поддерживала свѣтъ на двѣ—на три секунды,—мы замѣтили направо въ двухъ шагахъ отъ насъ и около самой дороги обнявшуюся пару—мужчину и женщину, которые сидѣли подъ густолиственнымъ, раскидистымъ деревомъ.

— Велля! почти въ одинъ голосъ воскликнули и я, и Ножинъ.

— Ба! да и панъ органиста съ нею! громко сказалъ

майоръ въ немаломъ изумленіи отъ такой неожиданности.

Настало мгновенное полное мрака, а за тѣмъ опять вспыхнула молнія, но подъ деревомъ никого уже не было. Придержавъ коня и вглядываясь въ ближайшую окрестность, я, при одной изъ слѣдующихъ вспышекъ, не безъ труда могъ смутно различить, какъ въ глубину лѣса убѣгали два человѣческіе призрака. Покрайней мѣрѣ, въ эту минуту, при неровномъ и фантастическомъ освѣщеніи молніи, они казались скорѣе призраками, чѣмъ людьми; но первое мгновеніе, озарившее ихъ слишкомъ ясно и близко отъ насъ, и притомъ съ достаточною продолжительностью, чтобы позволить разглядѣть ихъ положительнымъ образомъ,—не оставило ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это была точно Велля съ органистомъ.

— Ишь ты, панъ добродѣй! добродушно смѣясь и покачивая головой, проговорилъ майоръ:—удачно выбралъ мѣсто и время для любовныхъ свиданій!

— Органистъ и Велля! — да что жъ это, господа, такое?! все еще не совсѣмъ-то приходя въ себя, пожалъ плечами Апроня.

— Ты хочешь знать, чтò это такое? съ невольной усмѣшкой обратился я къ моему сожителю:—это—разгадка Ильиновской легенды.

Вскорѣ послышался глухой, но все болѣе приближающійся шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ порывистый вихрь налетѣлъ на деревья, которыя загудѣли и закачались подъ его неистовымъ напоромъ. Въ лѣсу раздался трескъ ломающихся вѣтвей и тяжелый скрипъ нагнетаемыхъ сосенъ, похожій иногда на старческое кряхтенье, а иногда переходящій въ чисто человѣческіе протяжные стоны. Еще минута, другая—и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, вмѣстѣ съ громомъ и бурей.

— Фу!... Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то освѣжать начинается! обнаживъ голову, проговорилъ Апроня съ облегченнымъ полнымъ вздохомъ, который просто съ наслажденіемъ вырвался на волю изъ его широкой, богатырской груди.

— Ну-тка, ребята, кто кого перешумитъ—вы ли бурю, или она васъ? весело, вызывающимъ тономъ обратился майоръ къ гѣсельникамъ—и въ ту жъ минуту, въ отвѣтъ на речплативный вопросъ голосистаго запѣвалы, который допытывалъ «солдатушекъ-ребятушекъ» гдѣ-жъ, молъ, ваши дѣды? дружный хоръ молодецкихъ голосовъ, вмѣстѣ съ громомъ и бурей, отгрянулъ ему:

Наши дѣды — старая побѣды!

Вотъ гдѣ наши дѣды!

* * *

Когда подъ утро мы пришли въ Каплицы, на насъ, буквально, нитки сухой не было. Вода хлюпала въ высокихъ сапогахъ, и вся одежда, начиная съ кителя и до сорочки, была грузно отягощена впитанною въ нее дождевою влагою.

VI.

Последняя встрѣча.

Недѣли двѣ спустя, я проходилъ въ базарный день по Гродненской торговой площади, направляясь въ клубъ обѣдать. Вдругъ, чувствую изъ-за плеча, что кто-то опережаетъ меня, почти касаясь моего локтя, и слышу чей-то знакомый, хриплый и ласковый голосъ:

— Здрастуйте вамъ!... здрастуйте вамъ, гасшпидинъ сперучникъ! когда-жъ вы не узнали мене?!

Оборачиваюсь, гляжу: — ба! достопочтенный ребѣ Герша Гершуна! Тебя ли это я вижу?!

— Я самъ, я самъ, въ мдемъ властнемъ персдну!... Н-ну, а какъ жже-жъ васъ Богъхъ милуе?

— Ничего.

— Ой, ф-фэ! што вы гавдритю!

— Ну, а тебя какъ?

— Мене? Хгвѣла Богху, мене отчинъ давѣлна гхарашью! И Богхъ менѣ балшово радосшту пасшлалъ....

Когда-жъ вы не жнантию? — Я маво дцурка, маво Вельке замужъ видѣю!

— Ой ли?... За кого-же? За Орель Бублика?

— Ну, то такъ есть! За Орель Бубликъ! за онъ самъ.— А вы скудова жнантие?!..

— Слухомъ земля полнится.

— Такъ, такъ, сплюгомъ по землю.... Ну, и гхароспій партый падайшоль! И я для тѣго на гхѣродъ приѣзжалъ, жжеби пакуиць подарункевъ и розмайтыхъ перипасовъ на весшелье *).

— И что-же, женихъ-то богатый?

— Уй, якій бегхаты!... Уй-уй!... Дай Богъ, какъ я билъ такі ждарови, якъ онъ бегхаты! Съ гхаросшаво дому, бо его папыньке спшаво заѣздну кѣрчму мае на Каміонку, и гхаросши гандель крутитъ! Тамъ не то што у насъ на Ильиново, тамъ другій интэресь!

— Ну, 'отъ души тебя поздравляю!.. Кланяйся Веллѣ и пожелай ей отъ меня всякаго счастья!

— Ой, благодарю вамъ! благодарю вамъ, гасшпидинъ сперучникъ, на васшемъ спшловѣ ласкавемъ! забормоталъ ребѣ Гершко со своими обычными многочисленными поклонами—и мы разстались.

* * *

Прошло четыре года. Отрядъ нашъ былъ выведенъ на маневры по Виленской дорогѣ, верстъ за пятьдесятъ отъ Гродны. На второй или на третій день маневровъ авангардъ нашей стороны, наступая на противника, занялъ мѣстечко Каменку, гдѣ и вѣрно было ему расположиться на дневку. Нашъ эскадронъ входилъ въ составъ авангарда, и потому вполне понятно, что мы, въ лицѣ своего разѣзда, первые вступили въ мѣстечко, сейчасъ же отмежевали себѣ такъ-сказать львиную долю, т. е. заняли лучшее мѣсто на площади подъ бивакомъ эскадрона и лучшую корчму подъ постройкой своихъ офицеровъ. Корчма эта стояла на той-же площади.

Освободясь отъ пыли, пота и грязи, которыми въ изобилии вознаграждены мы были за горячія движенія этого дня, умывшись холодною водою и освѣживъ на себѣ бѣлье, мы съ наслажденіемъ растянулись въ повалку на ворохѣ душистаго сѣна, въ ожиданіи чая и закуски. Одинъ только Апроня все еще не угомонился, возясь и хлопоча о чемъ-то на дворѣ около нашей подводы, гдѣ онъ отдавалъ какія-то распоряженія своему взводному, пушилъ фурмана, приказывалъ что-то деньщикамъ и велъ о чемъ-то переговоры съ хозяиномъ корчмы, съ кузнецомъ и съ мѣстнымъ факторомъ.

Но наконецъ и онъ ввалился въ комнату, съ довольнымъ и розмаинымъ видомъ человѣка, который хотя и чувствуетъ себя очень усталымъ, но въ тоже время удовлетворенъ сознаниемъ, что онъ исполнилъ все, къ чему былъ призванъ, все, чтò отъ него требовалось и чтò было ему положено, — однимъ словомъ, распустился, всѣмъ озаботился и можетъ теперь съ чистою совѣстью опочить на лаврахъ, то-бишь... на сѣнѣ.

— А знаете, господа, вѣдь здѣсь наша старая знакомая есть? объявилъ онъ, скидая съ себя всю аммуницію вмѣстѣ съ запыленнымъ кителемъ.

— Кто такая? лѣниво повернулъ я къ нему мою голову.

— Мадамъ Бубликъ.

— Что за Бубликъ такой? отозвался майоръ,—никакого Бублика не знаю.

— Господи Боже мой, да Велля! Помните Веллю Гершуна—нашу Юдию Ильиновскую?

— Ба!.. Велля?.. Какъ не помнить!.. Да какими жъ она здѣсь судьбами?

— Замужъ за гасшпидинъ Бубликъ, передразнивая жидовскій акцентъ, пояснилъ майору Апроня: — и по-

*) Подарковъ и разныхъ припасовъ на свадьбу.

Молоденькая торговка голубями. Съ картины Бушара. Гравюра эта приобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гушлемъ и К^о въ Парижѣ.

смотрите спизжалуста, сшто за гхарѣшни мадамъ зъ нѣгхо вѣйшла! Ой-вай!

Любопытство превозмогло усталость. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи повидаться съ милою Веллей, въ прошлый романъ которой, благодаря извѣстной уже случайности, я былъ посвященъ болѣе всѣхъ остальныхъ моихъ товарищей. Я хотѣлъ поскорѣе взглянуть на старую свою знакомку, на эту чудную библейскую красавицу, образъ которой если и рисовался изрѣдка моему воображенію, то не иначе, какъ въ той поэтической обстановкѣ, въ какой я помню ее въ лѣсу, въ два ночные момента—на Ивана-Купала и подъ сухой грозю.

Но, Боже мой, что-жь это такое!?

Я рѣшительно не узналъ ее съ перваго взгляда. Гдѣ же Велля? Гдѣ она—эта страстно-очерченная, своеобразно-граціозная, гибкая и сильная фигура азіатской баядерки съ головой и взоромъ Юдпен?...

Передо мной стояла раздобрѣвшая и уже нѣсколько обрюзгая, апатичная жидовка въ парикѣ, изъ-подъ котораго болтались въ ухахъ длинныя серебряныя сережки съ фальшивыми камнями, а надъ парикомъ возвышался скомканный чепецъ съ бантами изъ замасленныхъ лентъ. Поблеклое лицо ее, открытое какими-то желтыми пятнами и веснушками, не сохранило даже и тѣни прежней красоты и не выражало ничего, кромѣ апатии; большіе-же глаза если и загорались порою, то уже не огнемъ поэтической страсти, а только безпокойствомъ за барышъ, только суетно-мелочною жадностью хозяйки-скопидомки. Въ четыре года супружества она умудрилась наплодить пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ послѣдніе были двойни. Богъ Авраама,

Исаака и Иакова, очевидно, благословилъ ее плодородіемъ праматери Лен. Супругъ ея—гасшпидиъ Орель Бубликъ, находившійся подъ деспотическимъ началомъ своего отца, предсталъ передъ нами въ образѣ рыженькаго, щедушнаго еврейчика, который всѣмъ смысломъ фигурки своей являлъ полнѣйшее ничтожество и былъ замѣчательнѣе только тѣмъ, что слылъ между мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ за человѣка очень набожнаго.

Велля—чудная, поэтическая Велля—въ грязномъ, пахучемъ образѣ обыкновенной «мадамъ», обыкновенной жидовки, какихъ вы тысячами встрѣчаете по городамъ и мѣстечкамъ Западнаго края,—кто изъ насъ могъ бы четыре года тому назадъ вообразить себѣ подобную метаморфозу!..

«Просто оскорбительно!» вспомнилось мнѣ при этомъ выраженіе юнкера Ножица.

Молоденькая торговка голубями.

Выставка картинъ парижской академіи художествъ отличилась въ 1874 г. особеннымъ богатствомъ жанровъ; не знаешь которому изъ такого множества прелестныхъ сюжетовъ отдать предпочтеніе; большая часть изъ нихъ написаны съ дѣйствительнымъ талантомъ, и многіе могутъ быть названы истинными маленькими образцовыми произведеніями искусства.

Картина г. Бушара, воспроизведенная нашей копіей, обращаетъ на себя особенное вниманіе своей граціозной простотой и иѣжнымъ, меланхолическимъ выраженіемъ. Объ чемъ задумалась дѣвочка? Мечтаетъ-ли она о любви, или мысли ея остановились на горестяхъ еще такой короткой, но уже полной горечи жизни?—Неизвѣстно; вѣрно только то, что вся ея фигура дышетъ какой-то кроткой грустью и покорностью своей судьбѣ.—Толпы посетителей останавливаются передъ этой картиной изъ ежедневной жизни, которую художникъ умѣлъ украсить вдохновеніемъ своего таланта.

Мужъ своей жены.

РАЗСКАЗЪ (СЪ НѢМЕЦКАГО).

(Окончаніе).

Старый слуга повернулся—и медленно, тихо вышелъ изъ комнаты... А хотѣлось-бы ему и весьма хотѣлось послушать, что будетъ дальше...

Докторъ Гераклиусъ пытливымъ окомъ посмотрѣлъ на своего племянника, но, увидѣвъ, что тотъ мрачно глядѣлъ въ землю, вздохнулъ и сказалъ:

— Гермина, пойдемъ!

Но Гермина, въ волненіи, подошла близко къ окну, какъ-бы для того чтобы поглядѣть въ садъ; на саможь-же дѣлъ о садѣ она и не думала: стоя у окна, она ждала, что скажетъ теперь мужъ. Что-то въ родѣ упрека за свою запальчивость шевельнулось въ ея груди... Но Норбертъ ничего не сказалъ... онъ только громко посвистывалъ... Это снова взорвало молодую женщину.

— Да, ты распоряжаешься, хозяйничаешь въ моихъ владѣніяхъ такъ, что дѣйствія твои глубоко меня оскорбляютъ, заговорила она тономъ болѣе кроткимъ:—ты приказываешь и то, и другое, и даже не спрашиваешь: согласна-ли я на это...

— Успокойся, милочка, не горячись, сказалъ Норбертъ спокойно:—то, чего ты хотѣла достигнуть—достигнуто теперь.

— Я ничего не хотѣла достигать, отвѣтила Гермина, оборотѣвъ вдругъ и быстро повернувшись лицомъ къ мужу.

— Вѣдь я думалъ, что я тутъ господинъ, продолжалъ онъ,—но мнѣ въ-время дали понять... напомнили, что я, собственно говоря, состою на чужихъ хлѣбахъ...

— Но вѣдь ты же здѣсь господинъ, возразила плаксиво молодая женщина.

— Пріятно мнѣ, что тутъ были свидѣтели, слышавшіе, какъ ты объявила свою волю.

— Тутъ былъ одинъ только дядя!

— Былъ и управляющій.

— При немъ я рѣшительно ничего такого не говорила, чуть не всхлипывала Гермина, — а потомъ... но его послѣ уже не было въ комнатѣ!..

— Ошибаешься, милочка! Не пройдетъ и получаса, какъ всему дому будетъ извѣстно, что я получилъ отставку, которую ты такъ торжественно объявила мнѣ. И это заставить, наконецъ, городскихъ остряковъ оставить свои скверныя острооты... Я вѣдь хорошо знаю, что меня называютъ только «мужемъ своей жены», потому что въ глазахъ людей—главное лицо въ домѣ здѣсь—ты. Имъ также отлично извѣстно какъ и тебѣ, что земля на которой я живу—твоя собственность; ну, да однимъ словомъ, они знаютъ, что я ѣмъ твой хлѣбъ...

— Норбертъ! воскликнула Гермина почти въ отчаяніи.

— Это давно уже щемло мое сердце, продолжалъ онъ,—но теперь, когда ты мнѣ напомнила объ этомъ—чувство это стало для меня невыносимымъ...

И, проговоривъ эти слова, Норбертъ вышелъ.

— Выходить, что я теперь опять не права! воскликнула молодая женщина, бросаясь съ плачемъ на диванъ.

— Н—да, теперь ты тоже не права, началъ Гераклиусъ, бѣгая въ волненіи по комнатѣ:—и мало того, теперь придется тебѣ еще повозиться съ нимъ! Знаешь-ли, что его единственно озабочивало и вселяло сомнѣнія передъ свадьбой? Это то, что ты—богата, а онъ—бѣденъ... Я долженъ былъ тогда пустить въ ходъ всѣ мои юридическія тонкости, увертки, чтобы успокоить его на этотъ счетъ, а ты... ты его какъ разъ и упрекнула этимъ!..

Но дядя Цанъ не могъ вообще долго сердиться: съ озабоченнымъ лицомъ подошелъ онъ къ Герминѣ и приложилъ руку къ ея лбу.

— Нѣтъ, совсѣмъ не такъ слѣдуетъ обращаться съ Норбертомъ, сказалъ онъ.—Добромъ ты все можешь изъ него сдѣ-

лать, а строгостью да запальчивыми рѣчами — ничего. Да вотъ, помню я, какую онъ штуку однажды удраля со мной: какъ-то разъ разозлилъ онъ меня крѣпко, ну, я и заставилъ его, въ наказаніе, переписать одну просьбицу. Былъ онъ тогда еще мальчишкой... Дѣйствительно, просьбица была имъ переписана — но какъ? Переписалъ онъ ее стихами, такъ-таки все — стихами! Жалоба-то явилась въ стихотворной формѣ, а я, bona fide, взялъ да и подмахнулъ свое имя и отослалъ ее въ судъ.... Ну и наклеили-же мнѣ но-о-сь! А чтѣ было толку въ томъ, что я для abolitio criminis схватился за чубукъ?... Вѣда-то вѣдъ ужъ случилась!..

Гермина улыбнулась сквозь слезы...

— Да... да... такой ужъ онъ и есть...

— Вотъ поэтому и нужно быть благоразумнымъ, дѣлать уступки, — а особенно, если знаешь, что самъ-же вѣдъ останешься въ накладѣ.

— Дядя, не подойдешь-ли ты къ нему?..

— О, помилуй, Господи! воскликнулъ докторъ. — Нѣтъ, такимъ существамъ, какъ онъ, слѣдуетъ дать время уходить-ся, перебродить... Теперь намъ нужно выждать нѣсколько дней и потомъ уже подумать о мирѣ. Ты вѣдъ поразила его какъ разъ въ самое больное мѣсто!..

И дядя Цанъ выскользнулъ изъ комнаты.

— Выждать нѣсколько дней! повторила слезливо молодая женщина. — О, какъ я несчастна!... Но... но я все-таки не уступлю.

Немного погодя въ комнату вошелъ Діонисій. Подъ мышками у него были толстыя книги и связки бумагъ.

— Вотъ-сь, доложилъ онъ, — господинъ передали мнѣ счета по хозяйству.

— Положите ихъ на столъ, распорядилась Гермина повидимому спокойно.

— Они изволили тоже сказать, чтобы къ обѣду ихъ не ждали. По важнымъ дѣламъ они должны были отправиться въ городъ.

— Хорошо.

И управляющій былъ отпущенъ.

Гермина обѣдала одна. Съ нетерпѣніемъ ждала она вечера... Ей хотѣлось, чтобы день этотъ скорѣе прошелъ, а потому ей казалось, что время бесконечно тянется. Но вотъ и зачерѣло. Слуга подалъ чай съ сервировкой для двоихъ. Гермина вздохнула...

— А все-таки не уступлю, проговорила она про себя.

Прошелъ и этотъ часъ — пришлось ей одной чай пить. Отъ волновавшихъ ее чувствъ Гермина почти ничего не ѣла, но тѣмъ не менѣе старалась увѣрить себя, что у нея аппетитъ хорошій... А! вотъ, наконецъ, раздались его шаги на дворѣ... Когда Норбертъ вошелъ — молодая женщина дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Добрый вечеръ, проговорилъ онъ обыкновеннымъ своимъ беззаботнымъ тономъ.

— Добрый вечеръ, отвѣтила сдавленнымъ голосомъ Гермина. — Не хочешь-ли чаю?

— Благодарю. Право, нѣтъ охоты: я вѣдъ только-что поужиналъ.

И онъ уселся противъ нея въ низенькое кресло. Она даже не поморщилась.

— Какъ провелъ ты сегодняшний день?

— Да все искалъ мѣста, отвѣтилъ Норбертъ, распологаясь въ креслѣ поудобнѣе: — ну и нашель.

— Мѣсто?.. какъ же я должна это понимать?

— Послушай, не могу же я продолжать жить на твой счетъ... Сегодня ты такъ ясно опредѣлила наши имущественныя отношенія, что я принужденъ былъ искать какой нибудь службы, чтобы быть въ состояніи самому содержать себя.

— Служба! фыркнула Гермина принужденно. — Зачѣмъ эти комедіи?.. Вѣдъ ты — мой мужъ и живешь у меня?

— Весьма благодаренъ.

Онъ слегка поклонился.

— Мое имѣніе — вмѣстѣ также и твое...

— Такъ сначала и я думалъ, но ты вывела меня изъ

этого заблужденія. Что-же, ты совершенно права, такъ же права, какъ и тѣ, которые говорятъ, что не я здѣсь господинъ, а — ты.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, въ покоѣ глупый свѣтъ! воскликнула Гермина гнѣвно. — Какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ толковъ?.. Я слушаю только тебя.

— Это вполнѣ и мои правила: я не обращалъ вниманія на толки глупаго свѣта, я былъ глухъ къ его замѣчаніямъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ пожимали плечами и злостно улыбались, но... твои только слова я и принялъ къ свѣдѣнію.

— А все-таки не уступлю, подумала она.

— Ты меня знаешь, милая Гермина, и знаешь, что я въ рѣшеніяхъ своихъ непреклоненъ, промолвилъ онъ, докуривая сигару.

— О, твое упрямство мнѣ извѣстно!

— Такъ какъ положеніе мое въ этомъ домѣ перемѣнилось, то обстоятельство это принуждаетъ меня принять теперь нѣкоторыя мѣры, относительно которыхъ я и долженъ предупредить тебя.

— Откуда это вдругъ такая внимательность? произнесла Гермина — Прежде вѣдъ ты былъ такимъ самовластнымъ, все и не слушалъ меня!

— Да, но ужъ теперь я больше не повелитель. Я вотъ чтѣ хочу сказать: я долженъ предупредить, что личныя наши отношенія останутся тѣ-же, они ни въ чемъ не измѣнятся; покрайней мѣрѣ, у меня этого и въ мысляхъ нѣтъ.... Дай-же, Гермина, мнѣ руку! Мы останемся старыми друзьями. Къ отставкѣ моей, собственно говоря, отношусь я довольно равнодушно, и она даже нисколько не огорчила-бы меня, если-бы все это случилось съ глазу на глазъ безъ свидѣтелей.

Этотъ большой монологъ былъ произнесенъ имъ такъ непринужденно, что молодая женщина схватила руку мужа и воскликнула:

— Норбертъ, будь благоразуменъ!

— Буду, но только не по твоему, возразилъ онъ съ улыбкой. — Женился я на тебѣ не изъ-за денегъ, а потому мнѣ рѣшительно все равно, кто будетъ завѣдывать твоимъ имуществомъ: я-ли, другой-ли... Но, такъ какъ ты не терпишь, чтобы права твои нарушались, то и я, съ своей стороны, выполняю все то, чтѣ считаю своимъ правомъ. Начну съ того, что я долженъ самъ себя содержать. Строго говоря, на моей обязанности лежало бы заботиться и о тебѣ, чтѣ я-бы, конечно и дѣлалъ, если-бы ты не имѣла средствъ, была бѣдна; но ты богата — и желать содержать тебя — было-бы чисто комедіею, а я не охотникъ до комедій. И такъ, мѣсто я нашель себѣ. Стану работать теперь съ утра до вечера, а потому, къ сожалѣнію, долженъ обѣдать ужъ одинъ, потому что ты обѣдаешь въ такое время, когда мнѣ слѣдуетъ еще сидѣть въ канцеляріи. По этой причинѣ, вмѣстѣ мы уже не будемъ обѣдать, но я за то буду съ тобой завтракать и чай пить, однако — съ однимъ условіемъ...

Гермина, въ волненіи, барабанила по столу пальцами.

— Говори, продолжай... Я слушаю тебя, видишь, вполнѣ спокойно, совершенно спокойно, проговорила она, но при этомъ слезы навернулись на ея глазахъ.

— За то, что я буду пить и ѣсть тутъ — я буду платить. Даромъ я ничего не хочу. Вотъ, насчетъ комнатъ будетъ нѣсколько труднѣе... Доходы мои не такъ велики, чтобы я былъ въ состояніи платить за тѣ великолѣпныя покои, которыя до сего времени занималъ. Ну, вотъ я и отыскалъ себѣ возлѣ жилища управляющаго небольшую, просто меблированную комнату: это сдѣлалъ я во избѣжаніе излишнихъ толковъ, потому что выѣзжать отсюда не хочу.

— Устраивайся такъ, какъ тебѣ удобнѣе, сказала Гермина, проводя платочкомъ по глазамъ своимъ.

— Деньги за наемъ комнаты и за все остальное я буду отдавать лично тебѣ, или — лучше — дядѣ Цану. Онъ сдѣлаетъ безпристрастную опѣнку всему, однимъ словомъ — онъ постарается все такъ рассчитать, чтобы ни ты, ни я не терпѣли убытка.

— Не найдешь-ли ты еще чегонибудь сказать мнѣ? спросила она.

— Нѣтъ, милочка, больше ничего, отвѣтил Норбертъ, вставая:—Я сейчас вернусь къ тебѣ, а теперь удаляюсь только потому, что хочу устроиться въ новой своей комнатѣ.

Когда онъ уже исчезъ за дверью — Гермина заплакала и закрыла лицо платкомъ.

* * *

Однако, она все еще стояла на своемъ.

Рано утромъ, на другой день, Норбертъ сейчасъ-же послѣ завтрака отправился на службу, въ канцелярію.

— Ну, а я все-таки должна посмотрѣть новую его комнату, подумала Гермина, сходя съ лѣстницы.

— Возлѣ жилища управляющаго, говорилъ онъ, такъ значить это тутъ...

Она отворила дверь и воскликнула:

— Ахъ, какая простенькая комнатка!..

Ньюфаундленская собака, лежавшая до сихъ поръ подъ кроватью, вылѣзла оттуда и, подойдя къ Герминѣ, стала ласкаться. Молодая женщина уже не боялась теперь Нерона: она даже ласкала его, гладила по головѣ.

— Вотъ, тебя онъ взялъ съ собой, проговорила она, — а меня оставилъ тамъ наверху одну... И такъ мнѣ тамъ страшно! Вѣдь я совершенно одна осталась...

Гермина подошла къ кровати и осмотрѣла ее.

— Мѣшокъ, набитый соломой, да волосяной тюфякъ — это ужъ совсѣмъ по-спартански! И дивана-то нѣтъ! Простая, неполированная мебель... жесткіе стулья... Бѣдный!.. Впрочемъ, развѣ не самъ онъ захотѣлъ этого?..

Погладивъ еще Нерона, она отправилась въ садъ.

— Вотъ, тутъ были розовые кусты, которые онъ велѣлъ уничтожить... Варваръ!..

Молодая женщина остановилась и осмотрѣлась.

— А вѣдь, собственно говоря, здѣсь теперь стало просторнѣе, какъ-то свободнѣй... Прежде тутъ нельзя было и повернуться!..

Она пошла дальше по направленію къ Шнекенбергу, на которомъ стояла бесѣдка. Подойдя къ ней, Гермина сердито толкнула дверь ногой.

— Какъ это все не у мѣста! И тѣснота какая... Какъ глупо окошки расположены... Да, справедливо! Бесѣдка портить видъ... Юганъ! крикнула она садовнику, занимавшему своимъ дѣломъ какъ разъ около Шнекенберга.

Садовникъ приблизился къ своей госпожѣ съ шапкой въ правой рукѣ.

— А почему бесѣдка еще не снесена отсюда?

Юганъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на госпожу.

— Да вѣдь вы, сударыня, приказывали оставить ее какъ есть...

— Это кто тебѣ сказалъ?

— Самъ управляющій.

— Ну, зтогъ (она удержалась, недоговорила)... Онъ меня не такъ понялъ... Бесѣдка должна быть сломана!

И съ этими словами Гермина торопливо сошла съ Шнекенберга Садовникъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и покачалъ головой. Молодая хозяйка направилась теперь къ конюшнямъ, окошечки которыхъ были обращены въ садъ.

— Яковъ! кликнула она конюха, подойдя къ рѣшетчатому окошечку.

Конюхъ занятъ былъ въ это время мытьемъ верховой лошади Норберта. Увидя барыню, онъ вытянулся передъ ней въ струнку, по-военному.

— Мужъ мой ѣздилъ сегодня верхомъ?

— Съ позавчерашняго дня — съ не ѣздили, отвѣтил Яковъ.

— Однако, чѣмъ-же это все кончится? спросила себя Гермина, возвращаясь въ домъ. — Неужели онъ думаетъ наказать меня тѣмъ, что будетъ лишать себя различныхъ удовольствій?..

И вотъ, когда ей пришлось вторично обѣдать одной—она

почувствовала, что это слишкомъ тяжело для нея... не въ ногу...

— Нѣтъ, я не вынесу этого! всхлипывала она. — Это ужъ слишкомъ! Да и хозяйство все какъ-то распаталось... Безпорядки вездѣ! Никто ни о чемъ не хочетъ позаботиться... А ему до меня и дѣла нѣтъ. Цѣлый день его и не видно... Что-же, неужели такъ все и будетъ?..

Куханья взяты были со стола почти нетронутыми... Но тутъ впору явился дядя Геракліусъ.

— Ты плачешь? воскликнулъ онъ и, озабоченно-торопливо кладя шляпу и палку, поспѣшилъ къ Герминѣ. — Это что значить?..

— Что значить! повторила она гнѣвно: — а то значить, что онъ ничего болѣе не хочетъ принимать отъ меня! Это значить, что онъ перебрался въ собственную комнату; вмѣстѣ со мной теперь уже не обѣдаетъ и... и за все хочетъ платить мнѣ деньги!..

— Слѣдовательно—separatio bonorum, замѣтилъ дядя задумчиво. — Гм! Этого и нужно было ожидать... Нѣтъ, не твоей головкѣ справиться съ такимъ упрямцемъ, дитя мое!..

— Дядя, мнѣ это не по силамъ... я не выдержу! произнесла молодая женщина. — Вѣдь я привыкла кушать не одна... въ обществѣ! Ну, не могу одна сидѣть и обѣдать!.. Я ужъ страдаю отсутствіемъ аппетита...

— Ну, этому горю можнл помочь, проговорилъ Геракліусъ не безъ злорадства: — съ завтрашняго-же дня я буду обѣдать съ тобой.

— Нѣтъ! крикнула она гнѣвно и топнула ногой, какъ топаютъ маленькія дѣти, разсердившись. — Нѣтъ онъ долженъ со мной обѣдать! Вѣдь послѣ этого зачѣмъ ему и мужемъ моимъ считаться?..

— И такъ, мы значить должны склонить его на мировую...

— Онъ мнѣ долженъ уступить! вернула Гермина съ задоромъ.

— Но такъ какъ ты его оскорбила—ты первая и предлагай ему условія мира... А славно, нечего сказать, можетъ все это кончиться!.. Онъ цѣлый день вѣдъ дома, онъ можетъ совсѣмъ отдалиться отъ тебя, чужимъ сдѣлаться, а тамъ еще, пожалуй, какаянибудь женщина перебѣжитъ ему дорожку (случается это нынче!)... Ну, и тогда—аминъ! Несчастье настоящее!..

— Ахъ, объ этомъ-то я и не подумала!.. Охъ, можетъ быть, ему ужъ и перебѣжали дорожку, застонала молодая женщина. — Идемъ, дядя, идемъ! Я сію минуту одѣнусь, я найду его... отыщу... и онъ долженъ сейчасъ-же вернуться сюда!.. Ну, какъже, вѣдь молодому человѣку совсѣмъ неприлично одному цѣлый день шляться по городу?.. Не правда-ли, дядя, развѣ это прилично?..

— Ну, вотъ еще придумала что! улыбнулся дядя Цанъ. — Главная обязанность мужчинъ и состоитъ въ томъ, что онъ долженъ заботиться объ agnaestus conjugalis, а вслѣдствіе этого мы, мужчины, и имѣемъ привилегію шляться вѣдъ дома.

— Дядя, но... но я не вижу исхода, я не знаю какимъ образомъ примириться съ нимъ! всхлипывала она. Ну, я брошусь къ его ногамъ... Ну, что-жъ? Онъ подыметъ меня, поцалуетъ и скажетъ, что совсѣмъ и не сердится... Ну, и все-таки будетъ поступать по своему!.. О, вѣдь я его знаю!..

— Предоставь ужъ мнѣ, замѣтилъ дядя съ улыбкой, — а все по старому улажу.

— Ахъ, дядя! Миленькій дядя! Если - бы ты могъ это устроить?..

— Попробуемъ, сказалъ Геракліусъ.

* * *

Вечеромъ Норбертъ явился домой, напѣвая какую-то пѣсенку. Новая его дѣятельность, повидимому, чрезвычайно нравилась ему. Легко взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ въ гостиную, въ надеждѣ навѣрно встрѣтить тамъ жену свою за чаемъ.

— Э, дядя Геракліусъ! воскликнулъ онъ въ удивленіи, увидя за чайнымъ столомъ вмѣсто жены — дядю. — Что ты тутъ дѣлаешь?..

Докторъ Цанъ, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, сказалъ улыбаясь:

— Acti laboris jucundi! Вишь онъ какой веселый!

Норбертъ устылся въ кресло напротивъ него.

— Почему-же и не быть веселымъ, дядюшка? Собой я доволенъ... Чего-жъ мнѣ еще?..

— Ну, конечно, произнесъ дядя Цанъ, кивая головой: — доволенъ человекъ собой, сознаетъ онъ горделиво, что живетъ самостоятельно, ну, и независимъ... И что-жъ за бѣда,

хлѣбъ, продолжалъ Норбертъ, — то, наконецъ, вѣдь естественно съ моей стороны желать не давать больше повода къ подобнымъ упрекамъ. Я не хочу быть *мужемъ своей жены*, не хочу представлять изъ себя господина въ чужомъ мѣстѣ и подвергаться вторичному, такъ сказать, отрѣшенію отъ должности.

— Она уступила тебѣ, сказалъ дядя Геракліусъ: — она велѣла снести бесѣдку... Этовое доброе сердце! Не стоишь ты такого сердца! Ну, что ты такъ смотришь на меня? Не

Джонъ Тиндалль. Рис. Тегаццо, грав. Регульскій.

если при этомъ молодая жена изнываетъ отъ тоски и утрачиваетъ по этому свою красоту? Вѣдь, вотъ, забралъ-же человекъ себя въ голову вести подобную жизнь *ad dies vitae!*..

— А развѣ она тоскуетъ? быстро спросилъ Норбертъ, но сейчасъ прибавилъ равнодушно: — не моя это вина. Не виновать я въ томъ, что обстоятельства сложились такъ. Чего я требовалъ? Я требовалъ, чтобы жена уступала мнѣ. Въ библии сказано: «Жена да повинуется мужу своему»...

— Оставь ты эти цитаты, замѣтилъ дядя Геракліусъ: — терпѣть я этого не могу.

— А если меня упрекаютъ въ томъ, что я ѣмъ чужой

вѣришь? Пойдемъ-же, Ома невѣрный! И тебѣ докажу это на мѣстѣ.

Норбертъ склонилъ голову на грудь.

— Зачѣмъ-же она раньше упрямилась, не уступала? сказалъ онъ тихо. — Что мнѣ теперь дѣлать?..

— А вотъ что: заботиться о своемъ хозяйствѣ, да стараться не обижать молодую свою жену.

— Да вѣдь не мое-же это хозяйство? возразилъ Норбертъ.

— Нѣтъ — твое! воскликнулъ дядя Цанъ, вынимая изъ бокового кармана сюртука бумагу. — Вотъ, въ силу этого

документа все имущество Гермины принадлежит теперь и тебе, и ей — съобща. Она отказалась от половины своего имущества в твою пользу.

— Я этого не принимаю! воскликнул Норбертъ рѣшительно.

И вдругъ, въ эту самую минуту, двѣ лѣжныя, мягкія женскія ручки обняли его сзади.

— Нѣтъ, ты не будешь уже больше проживать на чужой землѣ! шептала ему Гермина въ ухо.—О, ты неспособный упрямец!..

Нѣжные поцѣлунья ея не дали Норберту и слова сказать.

— Такъ! теперь, значить, все пойдетъ своимъ порядкомъ, произнесъ докторъ Гераклиусъ: — наступаетъ, такъ сказать, *politimum restitutio in integrum!*..

— Но, дядя, замѣтилъ Норбертъ, слабо сопротивляясь бурнымъ ласкамъ жены, — это не совсѣмъ честный поступокъ...

— Но вѣдь самъ-же ты иначе не хотѣлъ! возразилъ дядя Цанъ.—Ты не желалъ жить на чужой землѣ,—что-же оставалось дѣлать, какъ не прибѣгнуть къ общности имущества?..

Норбертъ привлекъ Гермину къ своей груди.

— Ну, попалъ я, по милости вашей, изъ огня да въ полымя! произнесъ онъ со вздохомъ.—Не ожидалъ я такого конца!..

— Радуйтесь тому, что дѣло не дошло до *actio divortii*, сказалъ докторъ Цанъ, ускользая за дверь: — ну, а когда дядя вашъ опять понадобится—посылайте за нимъ!..

— Нѣтъ, онъ намъ больше не понадобится! Вѣдь такъ, не правда-ли, Норбертъ? спросила Гермина съ сияющей улыбкой.—Не понадобится, потому что я буду всегда... уступать!..

А дядя выглянулъ изъ-за дверей и хихикнулъ, увидя ихъ обоихъ въ взаимныхъ нѣжныхъ объятіяхъ.

Джонъ Тиндалль.

Имя Тиндалля не болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ впервые занесено въ лѣтописи науки. Въ то время жили еще Фарадей и Брюстеръ, знаменитѣйшіе физики англійскіе. Тиндалль родился въ 1820 году въ Лондонѣ. Возвратившись около 1850 года на родину изъ Франціи и Германіи, гдѣ онъ съ успѣхомъ занимался науками подъ руководствомъ Роберта Бунзена,—онъ сталъ посѣщать лекціи Фарадея, сблизился съ знаменитымъ электрологомъ, и это имѣло сильное вліяніе на дальнѣйшіе его труды. Открытія Тиндалля, въ сущности, являлись какъ бы развитіемъ и продолженіемъ открытій Фарадея — и хотя не равняются съ послѣднимъ по своей важности, но тѣмъ не менѣе облачаютъ въ Тиндалль глубокую наблюдательность и способность къ изслѣдованію—качества довольно рѣдкія у современныхъ физиковъ. Не колеблясь можно сказать, что Тиндалль занимаетъ мѣсто наряду съ Гельмгольцемъ и Бунзеномъ, какъ относительно теоріи, такъ и практики «физическихъ изслѣдованій». Англичане признали высокія его заслуги: онъ состоитъ нынѣ профессоромъ лондонскаго Royal Institution, а подлѣ именемъ своимъ подписывается буквы F. R. S., означающіе, что онъ членъ королевскаго общества (Fellow of Royal Society). Нѣмцы также гордятся Тиндаллемъ какъ своимъ ученикомъ и прислали уже ему членскіе дипломы почти всѣхъ ихъ ученыхъ обществъ. Таково общее мнѣніе о человѣкѣ, съ научною дѣятельностью котораго мы хотимъ познакомиться читателей.

Дѣятельность эта не ограничивается тѣснымъ кругомъ кабинетныхъ занятій по его спеціальности, какъ бы этого можно было ждать отъ студента нѣмецкихъ университетовъ, но ищетъ себѣ широкаго простора въ горахъ и въ долинахъ, пробуетъ силы въ путешествіяхъ и обширныхъ наблюденіяхъ. Тиндалль умѣетъ вслушиваться и улавливать неизмѣримую гармонию природы и при этомъ владѣетъ гумбольдовскимъ даромъ описывать эти величественныя явленія съ необыкновенною простотой при замѣчательной глубинѣ мысли. Живой и бодрый англичанинъ для того только и покидаетъ свой ученый кабинетъ, чтобы перейти на болѣе обширное поле для наблюденій природы. Горныя вершины, обломки утесовъ, ледники — вотъ міръ въ которомъ онъ охотнѣе всего пребываетъ. Въ этотъ міръ со всѣхъ сторонъ стекается нынѣшняя молодежь Англій. Тамъ черпаетъ она ту холодную и непоколебимую силу, которою отличаются молодые англичане; тамъ каждый отрѣшается отъ великосвѣтской суеты, которая физически и морально заражаетъ людей безвыѣздно-пребывающихъ въ этой сферѣ. Пусть кто хочетъ разглагольствуетъ о праздности и причудахъ англійской аристократіи; тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что такое учрежденіе, каковъ *Альпійскій клубъ (Alpine club)*, приноситъ ей честь и должно бы найтти подражателей во всѣхъ странахъ. Тиндалль, влюбленный въ величіе природы, является однимъ изъ почетнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ этого клуба. Ежегодно отправляется онъ въ Швейцарію: то на вершину Моублана, то на

Юнгфрау, то на Мовъ-Сервинъ. Послѣдней горы никто не наблюдалъ лучше Тиндалля. Первое твореніе, которымъ Тиндалль заявилъ себя европейской публикѣ, носитъ названіе: *Ледники и Аалы* (1860). Въ этомъ трудѣ наука и поэзія идутъ рука объ руку. Поэзія Тиндалля впрочемъ не похожа на поэзію Клопштока или Мильтона: предметъ ея составляетъ лишь одно чудо—природа; тѣмъ не менѣе трудъ его проникнутъ чувствомъ и высокою вдохновеніемъ, недоступною для ограниченныхъ писателей. Ученый нашъ является въ своихъ сочиненіяхъ позитивистомъ, не простираетъ своихъ помысловъ за предѣлы дѣйствительности—и вмѣстѣ съ Гуклеемъ принадлежитъ къ главнѣйшимъ двигателямъ науки въ Англій.

Молодой альпійскій туристъ производилъ обширныя наблюденія надъ льдомъ въ своемъ кабинетѣ и изслѣдовалъ явленія, сопровождающія его таяніе. И въ этомъ случаѣ онъ также шелъ по слѣдамъ Фарадея, который уже въ 1850 году обратилъ вниманіе на такъ-называемую *регеляцію* льда, т. е. на тотъ фактъ, что два куска льду, приложенные другъ къ другу тающими поверхностями срастаются или вѣрнѣе *смерзаются* между собою. Фарадей объяснилъ это явленіе вліяніемъ соприкосновенія (каталитическая сила), которое дѣйствовало при этомъ точно такъ же, какъ напр. гнѣющее тѣло сообщаетъ свое разлагающее свойство инымъ близъ-лежащимъ тѣламъ. Тиндалль иначе объясняетъ это явленіе соприкосновенія: по его мнѣнію, прикладывая другъ къ другѣ двѣ поверхности льду, мы замыкаемъ *между ними* воду, ихъ покрывающую, и тѣмъ препятствуемъ свободному движенію ея частицъ. Гельмгольдъ на это объясненіе возражаетъ, что при замерзаніи освобождается значительное количество скрытаго теплорода, не вѣдомо гдѣ таягагося,—и объясняетъ сущность смерзанія посредствомъ волосности (капиллярности). Въ изученіи ледниковъ смерзаніе играетъ важную роль. Въ отдѣлѣ теоріи теплоты извѣстны еще наблюденія Тиндалля надъ сфероидальнымъ состояніемъ жидкостей или надъ шариками Лейденфроста, надъ количествомъ лучистаго теплорода (котораго испусканіе — эмиссія, по мнѣнію Тиндалля, не зависитъ отъ степени плотности тѣла испускающаго), надъ поглощеніемъ теплоты газами, парами и жидкостями, надъ нагрѣваніемъ различныхъ тѣлъ и распространеніемъ теплоты въ древесныхъ стволахъ. Труды его въ этомъ направленіи весьма схожи съ работами Кноблауха и Магнуса.

По отдѣлу электричества, въ такомъ совершенствѣ изученнаго Фарадеемъ, Тиндалль, кромѣ устройства термо-электрической лампы, много занимался діаманетизмомъ. Извѣстно, что индукція и діаманетизмъ преимущественно и прославили Фарадея. Тиндалль также, вмѣстѣ съ Кноблаухомъ, выбралъ предметомъ своихъ изслѣдованій однимъ изъ главныхъ фактовъ діаманетизма, а именно извѣстныя явленія кристаллизаціи по отношенію къ полюсамъ магнита.

Впечатлѣнія русскаго путешественника.

I. Отъ Кіева до Женевы.

Путешествіе по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. — Порядокъ на Кіево-Брестской дорогѣ. — Нѣчто о таможахъ въ Бродкахъ и о таможенныхъ чиновникахъ. — Нѣчто о русскомъ земледѣльцѣ и взглядѣ его на нѣмецкое хозяйство. — Два характеристичныя взгляда на дѣвность. — Вѣна; соборъ св. Стефана и впечатлѣніе, имъ производимое. — Политическая проповѣдь; чья возьметъ? — Нѣсколько заключительныхъ словъ о реформѣ въ католической церкви.

Мѣрно рассказывалась изъ стороны въ сторону, мчитъ курьерскій поѣздъ Кіево-Брестской желѣзной дороги по направленію къ

пограничной станціи Радзивилово. Въ вагонахъ душно и пахнетъ гарью, которая отъ времени до времени врывается въ раскрытыя окна. Утомленные однообразнымъ шумомъ колесъ, изнемогающіе отъ жару, пассажиры сидятъ точно разваренные; нѣкоторые изъ нихъ, желая хоть сколько нибудь освѣжиться, высовываются въ окна; но стремительность движенія поѣзда, въ особенности же дымъ отъ локомотива, растилающійся широкой, бѣлой лентой, за-

ставляют их прятаться в вагонъ. А паръ между тѣмъ дѣлает свое дѣло: въ глазахъ едва только успѣваютъ мелькать поля съ зеленѣющимъ яровымъ и уже пожелтѣвшюю рожью, какая-то не то рѣвѣнка, не то болото, все заросшее осокою и лопушикомъ, съ бродячею по немъ цаплей, телеграфные столбы, отъ которыхъ даже рябитъ въ глазахъ, желѣзно-дорожная будка и около нея стоящая сторожиха. Но вотъ поѣздъ полетѣлъ по высокой пасыпи, затѣмъ по выемкѣ; по обѣимъ ея сторонамъ показались вдругъ густой сосновый боръ, въ серединѣ его просвѣчиваютъ площадки вырубленнаго лѣса, своими многочисленными крѣпковатыми и мохнатыми пнями невольно напоминающія кладбища... А вотъ и деревня!

Путешествіе по Кіевъ-Брестской желѣзной дорогѣ не въ состояніи угодить даже самому невзыскательному вкусу: пачать съ того, что желѣзно-дорожная прислуга не считаетъ себя почему-то обязанною ни предупреждать пассажировъ о перемѣнѣ вагоновъ, гдѣ таковая назначена, ни даже о томъ на какую станцію приходить поѣздъ и сколько времени назначено на остановку. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если иногда пассажиры, вмѣсто своего поѣзда, попадаютъ на другой, или вовсе остаются на станціи. А поѣздъ съ ихъ вещами уходитъ дальше. Станціи по этой дорогѣ тѣсны и грязны до невозможнаго; къ тому-же, на нѣкоторыхъ изъ нихъ идутъ поправки и передѣлки, такъ-что публики съ двухъ-трехъ поѣздовъ, сошедшихъ на одной и той-же станціи, не можетъ даже пробиться въ залу, не только-что удовлетворить свой голодъ. На станціи Казятинѣ напримѣръ, гдѣ сходятся вѣтви отъ трехъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе поправки, для публики отведена комната, могущая вмѣстѣ едва-едва 30—40 человекъ, тогда какъ съ однимъ только нашимъ поѣздомъ прибыло ихъ болѣе 60. Можно себѣ представить, какой адъ возникаетъ въ такіа минуты на вышеозначенной станціи! Дальше: если вамъ необходимо взять билетъ, а у васъ нѣтъ мелкихъ денегъ, то ужъ лучше отложите попеченіе, или же постарайтесь скорѣе размѣнять деньги; въ противномъ случаѣ вамъ билета не выдадутъ. На моихъ глазахъ былъ случай, какъ одинъ еврей бѣгалъ по всѣмъ вагонамъ, умоляя размѣнять ему 5 рублей, такъ-какъ въ кассѣ будто бы не нашлось сдачи, но никто не могъ помочь ему, и несчастный принужденъ былъ остаться. И добро-бы это было на какой нибудь глухой станціи, вдали отъ всякаго жилья, гдѣ пассажировъ бываетъ немного, а потому, естественно, въ кассѣ можетъ и не случиться мелкихъ денегъ; а тутъ вдругъ—чуть-ли не въ Бердичевѣ! Но хуже всего бываетъ при рассадкѣ пассажировъ по вагонамъ, а въ особенности по поѣздамъ: подобнаго хаоса не только-что описать, но и вообразить невозможно.

Въ Бродяхъ, любезность, съ которою чиновники рылись въ нашѣмъ багажѣ, доискиваясь двухъ желанныхъ предметовъ—чаю и табаку—была болѣе чѣмъ удивительна. У одного только курскаго помѣщика, ѣхавшаго въ Карсбадъ, заарестовали-было они 6 коробокъ папиросъ и заставили заплатить за нихъ пошлину; но онъ съ видимымъ удовольствіемъ исполнилъ это, объявивъ тутъ-же, что готовъ заплатить даже вдвое больше, лишь-бы только его не заставляли курить австрійскій «трафикъ». Помѣщикъ этотъ ѣхалъ за-границу не одинъ а съ своимъ двоюроднымъ братомъ, тоже помѣщикомъ и той-же Курской губерніи. Съ ними, въ качествѣ переводчицы, ѣхала дочь одного изъ нихъ, хорошенькая блондинка лѣтъ 17, очевидно, только-что выпущенная изъ института. Случилось такъ, что въ нашемъ купѣ помѣстились одни только русскіе.—и вотъ помѣщикъ, предпочитающій московскія папиросы австрійскому трафику, далъ полный просторъ своимъ чувствамъ къ пѣмдамъ и ко всему нѣмецкому.

— Ты вотъ говоришь, что у нѣмцевъ обработка земли хороша, пачаль онъ, обращаясь къ своему брату и указывая на мелькавшія мимо насъ поля. Кто говорить: обработка у нихъ действительно лучше нашей; такъ вѣдь это и понятно. Эка невдаль—вспахать и убрать какія нибудь поль-десятины. Какъ тутъ въ самомъ дѣлѣ не разстараться? Да еще къ тому-же и за хлѣбъ-то, гляди, рубля по полтора за пудъ на мѣстѣ заплатить. Нѣтъ, ты пойдѣ-ка совладай съ сотней-другой десятинъ, какъ у насъ, да свежи-ка хлѣбъ по нашимъ дорогамъ, да получи за него-же и нашу цѣну, — тогда я скажу, что ты знаешь хозяйство... Лѣтъ пять тому назадъ, Л. Р.,—онъ былъ тогда attaché при австрійскомъ посольствѣ,—вздумалъ-было, прельстившись нѣмецкими порядками, выписать въ свое имѣніе нѣмцевъ; далъ имъ впередъ денсгъ, отвел самую лучшую землю, отпустилъ даромъ лѣсу на постройку избъ,—ну и похозяйничали же они у него! Пишетъ ему управляющій разъ, пишетъ другой; «пріѣзжайте, говорить, ваше сіятельство, и посмотрите сами, если не вѣрите». Ну, пріѣхалъ и убѣдился собственными глазами, какихъ рабочихъ онъ повыписалъ себѣ: огородники-то у нихъ хороши действительно; но полей—половина стоитъ необранныхъ!.. Это въ сентябрь-то... Зато на тѣхъ, которые уже убраны, не найдешь и колоска. Вотъ тебѣ и нѣмецкое хозяйство! А почему? Потому-что русскаго рабочаго стошнить отъ нѣмецкой работы, — до того она мелочна и аккуратна. Потому-что нѣмецъ привыкъ копаться себѣ на влочѣхъ какомъ нибудь; и удобряетъ-то онъ его, и пашетъ-то глубоко, и канавки-то проводитъ для стока воды. А попробуй дать ему въ руки наше хозяйство,—онъ тебѣ и сядетъ какъ ракъ на мели. Все, братъ, хорошо на своемъ мѣстѣ и при своихъ условіяхъ. Ну вотъ, напримѣръ, опять многопольное хозяйство, такъ называемое. Прекрасно. Конеч-

но, почему не сѣять сплошь, всѣ годы? здравый смыслъ говорить, что оставлять въ прогулѣ землю невыгодно. Да вѣдь дѣло-то въ томъ, что у насъ: во 1-хъ, скоту жрать нечего; слѣдовательно, не оставляя земли подъ парь, тебѣ некуда будетъ и скотину выгнать; во 2-хъ, при многопольномъ хозяйствѣ необходимо сильное удобреніе. А у насъ гдѣ его возьмешь? Наконецъ, въ 3-хъ, у насъ нѣтъ, какъ за-границей, фермеровъ. Нѣтъ, славы бубны за горами!.. Говорятъ, нѣмецъ обезьяну выдумалъ... Обезьяну-то онъ дѣйствительно выдумалъ, а вотъ на большемъ-то хозяйствѣ—насъ! Говорятъ: почему не дѣлаешь опытовъ, не вводишь у себя того, что дѣйствительно могло бы быть примѣнимо къ нашему хозяйству? Опыты! Какому нибудь князю Л. Р. почему не дѣлать опытовъ? бросить тысячь пятьдесятъ ему ничего не стоитъ; ну, а нашему-то брату будетъ накладно.

Въ такомъ духѣ продолжалъ свою рѣчь землевладелецъ Курской губерніи, высказывая подчасъ довольно вѣрныя замѣчанія о способахъ и условіяхъ веденія сельскаго хозяйства у нѣмцевъ, съ уваженіемъ чужой собственности, на которую никто не дерзаетъ такъ посягать,—о томъ, что если намъ и необходимо заимствовать что-нибудь съ Запада, такъ это именно уваженіе къ чужому труду и имуществу. «Вѣдь вы думаете какъ,—говорилъ онъ,—нѣмецъ не только не сорветъ яблочка у своего сосѣда или просто гдѣ-нибудь въ полѣ, у дороги, да не позволитъ себѣ и подпять-то уже упавшаго! А у насъ, что ни день, то новая потрава. Ну, загонишь его скотину; держишь ее день-другой; ходитъ, кланчтъ. Поди тягайся потомъ съ нимъ... И выпустишь... А ужъ про ночныя потравы и говорить нечего: просто цѣлыми табунами выѣзжаютъ и пасутъ себѣ въ овсахъ и во ржи.»

Въ одномъ купѣ съ нами сидѣлъ также русскій купецъ изъ Петербурга, заявившій, что онъ проѣдетъ по всей Европѣ, не зная ни одного иностраннаго слова. Это напомнило мнѣ извѣстный анекдотъ о русскихъ солдатахъ, которые въ Венгерскую кампанію принуждены были объясняться съ иностранцами языкомъ жестовъ и слишкомъ выразительной мимикой. У этого купца завязался съ сосѣдями интересный разговоръ о томъ, какого рода бумажнымъ цѣностямъ можно отдавать предпочтеніе. Помѣщикъ заявлялъ, что та бумага имѣетъ въ его глазахъ цѣну, которая даетъ хотя и небольшой, но за то вѣрный процентъ, и которая при томъ въ достаточной степени гарантирована; купецъ-же былъ того мнѣнія, что въ спекуляціяхъ на бумагахъ необходимо пользоваться минутой и главнымъ образомъ рассчитывать на спросъ той цѣнности, которая имѣется въ рукахъ, чтобы сбыть ее какъ можно выгоднѣе. Привожу оба эти мнѣнія, какъ типичныя, которыя выражаютъ собою если уже не цѣлое міросозерцаніе двухъ этихъ дѣятелей, то по крайней мѣрѣ взгляды, господствующіе у насъ между людьми извѣстныхъ слоевъ общества, не лишеныя при томъ значенія и для современности.

Въ Вѣну пріѣхалъ я въ шестомъ часу вечера. Городъ производитъ пріятное впечатлѣніе, особенно на вновь прибывшаго. Я прежде всего заинтересовался видѣть первую вѣнскую достопримѣчательность—соборъ св. Стефана (Stephan's Kirche). Много разъ приходилось мнѣ и читать объ этомъ знаменитомъ наслѣдіи среднихъ вѣковъ, и видѣть прекрасно сдѣланные снимки съ него въ гравюрахъ (см. «Нива» 1873 г.); по то, что я увидалъ во-очію,—производитъ несравненно болѣе поразительное впечатлѣніе. Осматривая соборъ снаружи, въ прежде всего поражаетесь необыкновенною его величиною и громадностью его колокольной, едва-ли не третьей по высотѣ въ мірѣ послѣ извѣстной египетской пирамиды. Второе, что останавливаетъ на себѣ ваше вниманіе,—это необычайная простота матерьяловъ, изъ которыхъ построено это удивительное зданіе: простой дикій камень и окаменѣвшая отъ времени известка—вотъ все, что вы здѣсь найдете. Какое гениальное мастерство нужно было, чтобы при помощи этихъ простыхъ средствъ воздвигнуть нѣчто столь колоссальное, красивое и въ высшей степени характеристичное! Цѣлый лѣсъ колоннъ, башенокъ, стрѣльчатыхъ оконъ составляетъ вмѣстѣ одну цѣльную башню, возносящуюся къ небу острыми, унизанными точно гвоздями, шпидемъ. Оторвите свое вниманіе отъ общаго и посмотрите на частности—и вы не найдете въ нихъ ни желаемаго изящества, ни даже симметріи. Но въ чемъ же заключается тайна общаго соединенія всѣхъ этихъ частей въ одно въ высшей степени грандіозное и изящное цѣлое? Вотъ въ этомъ-то и вопросъ. Окружающіе соборъ громадныя шести и семизатяжные дома въ значительной долѣ отнимаютъ отъ него величія и внушительности; вы замѣчаете его только тогда, когда поворачиваете на Грабенъ за уголъ, идя къ Rothenthurmstrasse, т. е. въ 30—40 шагахъ отъ него,—не то, что нашъ Исаакіевскій соборъ, который видѣтъ чуть не со всѣхъ концовъ Петербурга.

Внутренность храма отвѣчаетъ его наружному виду: какъ здѣсь такъ и тамъ та же строгость готическаго стиля, та же простота матерьяловъ, та же величіе и громадность (внутри его могутъ помѣститься 13,000 человекъ). Почерпнувшая отъ времени стѣны, отвалившіеся во многихъ мѣстахъ куски камня; отсутствіе всякой пестроты,—одни только сѣрый, черный и коричневый цвѣта. Иконъ почти нѣтъ, какъ во всѣхъ католическихъ церквахъ; только въ алтарѣ видѣются цвѣтные образы на оконныхъ стеклахъ; за то не мало статуй и всякихъ скульптурныхъ фигуръ и при томъ очень хорошей работы. Когда я вошелъ, въ храмѣ

было совершенно тихо и мрачно; только въ отдаленной сторонѣ, чуть-чуть слышались голоса трехъ-четырехъ старушекъ, громко читавшихъ «Vater unser». Посрединѣ церкви стоитъ на столѣикъ кружка съ слѣдующей лаконической надписью: «Sammlung von Beiträgen aus Liebe für unsern heiligen Vater Pins IX.» Я сѣлъ на одну изъ скамеекъ и погрузился въ созерцаніе храма. Простота, полумракъ, тишина, отсутствіе всего блестящаго и бьющаго въ глаза какъ-то успокоительно дѣйствуютъ на душу, примиряя ее со многимъ и согрѣвая ее. Освѣщеніе въ соборѣ, проникающее, между прочимъ, изъ алтаря, черезъ разноцвѣтныя стекла, сильно напоминаетъ разсвѣтъ. Дѣйствительно, для католической церкви наступаетъ теперь разсвѣтъ новой жизни, заря новыхъ просвѣтительныхъ реформъ, когда для церкви отводится надлежащее ей мѣсто, когда свобода въ выборѣ религіознаго культа перестаетъ считаться преступленіемъ, а фанатическія преслѣдованія за вѣру—добродѣтелью и подвигами благочестія; когда, наконецъ, цивилизація поддерживается и укрѣпляется при помощи истинной религіи, а не враждуетъ съ нею.

Во второй разъ, когда я посѣтилъ соборъ св. Стефана, было воскресенье, и мнѣ привелось услышать весьма замѣчательную проповѣдь, обращенную къ нѣсколькимъ тысячамъ католиковъ. Толстый католическій пастырь, весь въ бѣломъ, съ черной папочкой на головѣ, сильно жестикулируя, началъ свою рѣчь съ характеристики враговъ католической церкви. По его мнѣнію, ихъ можно раздѣлить на 3 категоріи: на *равнодушныхъ* къ церкви, къ которымъ могутъ быть причислены и люди слишкомъ заняты своими мірскими дѣлами, чтобы думать о спасеніи души, а также эпикурейцы, которымъ живется очень хорошо; на *ложныхъ пророковъ* (Falsche Propheten), предсказывающихъ вырожденіе католической церкви; и на *социалистовъ и коммунистовъ*, не вѣрующихъ ни въ панство, ни даже въ религію католическую. «Ложные пророки, социалисты и коммунисты—это злѣйшіе враги церкви; это—отравы (Gift), заражающая все тѣло католицизма. Изъ роли пассивной, которую они до сихъ поръ играли, въ послѣдніе годы они перешли въ активную дѣятельность. Они стали нападать на церковь, обличать и всячески унижать ея представителей, посягать на ея имущество. Въ чемъ же заключаются главные обвинительные пункты противъ насъ? Говорятъ, что церковь должна заниматься только дѣлами вѣры и не выѣшиваться въ дѣла политическія. Прекрасно. Но вѣдь назначеніе Церкви состоитъ главнымъ образомъ въ спасеніи душъ человеческихъ; какъ же ей не направлять ихъ въ ту сторону, гдѣ ихъ ожидаетъ царствіе небесное? Она есть бюстительница добра на землѣ, а потому необходимо должна бороться со зломъ, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось. Говорятъ даже, что Церковь не должна имѣть собственности. Ну, а государство, отнимающее отъ нея имущества, развѣ имѣетъ на нихъ какое-нибудь право? Вѣдь собственность Церкви не есть собственность духовенства: она принадлежитъ Богу, ибо пожертвована на служеніе Ему. Чего-же, спрашивается, добивается Церковь католическая? Она, во 1-хъ, хочетъ имѣть то вліяніе на школы, котораго лишилась съ введеніемъ новыхъ школьныхъ законовъ; во 2-хъ, она

желаетъ сохраненія своего авторитета и въ 3-хъ, за ней должны быть оставлены ея права на имущество, незаконно отнимаемыя отъ нея. Вотъ всѣ наши желанія. Они, какъ видите, совершенно легальны и не только не противорѣчатъ догматамъ нашей религіи, но прямо вызываются ею. Мы увѣрены, поэтому, что всѣ истинные католики стануть на нашу сторону и, не страшась слишкомъ многочисленныхъ враговъ Церкви, стануть сражаться (Kampfen) съ ними тѣмъ-же орудіемъ, какое они противъ насъ употребляютъ. Врагъ страшенъ—это правда; но вѣдь Давидъ не испугался-же Голиафа и побѣдилъ его» и т. д. Вотъ краткое résumé слышанной мною проповѣди; въ ней, какъ видите, выражается дѣлая программа клерикальной католической партіи, добивающейся сохраненія за собой того вліянія на умственное, политическое и нравственное развитіе народа, которое оно до сихъ поръ имѣло и на которое посягаетъ теперь государство издаваемъ новыхъ церковныхъ законовъ. Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и фанатическая часть католическаго духовенства, не желая уступить духу времени, старается возстановить общественное мнѣніе противъ вышеозначенной реформы.

До чего можетъ довести религіозный фанатизмъ даже въ наше, повидимому спокойное и равнодушное, время,—доказательствомъ служитъ извѣстное покушеніе на жизнь князя Бисмарка, происшедшее въ Киссингенѣ, въ Баваріи. Газеты всѣхъ направленій и оттѣнковъ, нѣмецкія и англійскія, наполняютъ дѣлныя страницы подробностями объ этомъ событіи. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ извѣстій можно заключить, что дѣло происходило такъ: князь Бисмаркъ въ экипажѣ отправился гулять въ сады и только что отъѣхалъ отъ дома, въ которомъ жилъ онъ и его семейство, какъ навстрѣчу ему попался какой-то пасторъ, который, снявъ шляпу и низко поклонившись князю, сталъ переходить дорогу, такъ что кучеръ долженъ былъ на время удержать лошадей. Князь Бисмаркъ, желая отвѣтить на поклонъ, взялся было правой рукой за шляпу, — какъ вдругъ послѣдовалъ выстрѣлъ, сдѣланный молодымъ человѣкомъ, по имени Кульманнъ, который, приблизившись, въ моментъ остановки экипажа, къ князю, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями. Одна изъ нихъ попала Бисмарку въ правую руку. Произошла страшная суматоха. Сбѣжавшійся народъ съ остервененіемъ бросился на Кульманна и хотѣлъ тутъ-же порѣшить съ нимъ; но наплисъ и защитники преступника, старавшіеся вырвать его изъ рукъ разъяреннаго народа. Говорятъ, что князь Бисмаркъ самолично допрашивалъ Кульманна и получилъ въ отвѣтъ, что онъ стрѣлялъ для того, чтобы убить Бисмарка за *изданіе новыхъ церковныхъ законовъ*, и дѣйствовалъ онъ не отъ себя только и не одинъ, но что за него были многіе. Газеты, не исключая и завѣдомо-клерикальныхъ, — какковы «Germania» и «Vaterland», — всѣ въ одинъ голосъ и съ большимъ негодованіемъ отзываются объ этомъ поступкѣ, а «Journal des Débats», кромѣ того, прибавляетъ, что преступникъ, мѣтивъ въ сердце князя Бисмарка, вѣроятно, не понималъ, что онъ мѣтитъ въ тоже самое время въ сердце всей Германіи.

П. С.

Бой зайцевъ.

(съ картины Ф. Флиндера).

Недоброй славой пользуется заяцъ; и охотники и народныя поговорки единодушно преслѣдуютъ его своимъ презрѣніемъ. Нашъ народъ даже брезгаетъ заячьимъ мясомъ, что впрочемъ совершенно несправедливо, такъ какъ, хорошо приготовленное, оно даже очень вкусно. Что же касается нравственныхъ качествъ зайца, то кромѣ его непомѣрной трусости, ему приписываютъ еще много другихъ не совсемъ похвальныхъ свойствъ. Много рассказываютъ о необычайной жестокости самки, легкомысленно бросающей своихъ дѣтенышей на произволъ судьбы, черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ рожденія; самцы, въ припадкѣ злости, до смерти замучиваютъ крошечныхъ новорожденныхъ. Однако, бываютъ случаи, когда и заяцъ способенъ выказывать самыя нѣжныя чувства и даже псевдоотечественную его характерную храбрость. Мы знаемъ два случая, вполне подтверждающихъ это, и расскажемъ ихъ здѣсь, чтобы хотя немного возстановить репутацію бѣднаго зайца.

Первый разъ, самка, совершенно наперекоръ дурной молвѣ, храбро защищала своихъ маленькихъ отъ нападений кошки. «Я давно слышалъ шумъ», рассказываетъ очевидецъ, «но къ сожалѣнію пришелъ на мѣсто дѣйствія немножко поздно, такъ что видѣлъ только послѣднее отступленіе кошки, которая шипя и фыркая, опротивѣвъ бросилась съ поля. Но героиня-мать, все еще взволнованная, сидѣла выпрямивъ между своими дѣтенышами и трасла передними лапками, точно хотѣла этимъ дать острастку врагу, еслибы онъ вздумалъ вернуться къ ней еще разъ. Маленькимъ было не больше недѣли, и они повидимому насколько не сознавали грозившей имъ опасности, потому что преспокойно продолжали ѣсть приготовленные для нихъ матерью лакомства.

Другой разъ, въ свѣжее утро, на восходѣ солнца, я былъ сви-

дѣтелемъ довольно жаркаго боя между зайцами. Причиной того, что я очутился въ полѣ въ такой неурочной часъ, была одна неприятная случайность. Я опоздалъ на желѣзную дорогу, и въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда пошелъ бродить по окрестностямъ. Великолепная картина солнечнаго восхода приковала меня къ себѣ. Звонкій шепетъ ласточекъ еще увеличивалъ возвышенное чувство при зрѣніи пробуждающейся природы; я замечался о приближеніи весны со всѣмъ ея молодымъ очарованіемъ. Я сталъ искать вокругъ первыхъ ея вѣстниковъ, пушистыхъ, бархатныхъ цвѣточковъ вербы; поиски мои увѣнчались успѣхомъ: у дорожной изгороди они блестяли и серебрились на солнцѣ, точно маяя руку сорвать ихъ съ вѣтокъ. Внизу изъ-подъ старой зимней зелени бойко выглядывала пара голубенькихъ цвѣточковъ; я нагнулся чтобы сорвать ихъ, какъ вдругъ глазамъ моимъ представилась еще новая картина. По полю весело и беззаботно бѣжалъ заяцъ. Я не измѣнялъ своего положенія, желая подстеречь его. Огромными прыжками измѣривъ всю ширину поля, онъ, удивительнѣйшими курбетами, опять очутился по близости отъ меня. Тутъ началась потѣха. Нѣсколько секундъ онъ танцовалъ на заднихъ лапкахъ, потомъ сталъ кувиркаться, и прыгать кругами точно угорѣлый; среди всѣхъ этихъ штукъ, онъ вдругъ пріостанавливался, припадалъ къ землѣ, и затѣмъ снова возобновлялъ тѣ же прыжки и маневры. Веселый заяцъ казался мнѣ просто какимъ-то сказочнымъ лѣснымъ духомъ, по своему праздничнымъ приходъ весны. Вдругъ картина еще болѣе оживилась. Слѣва приближалась еще пара зайцевъ, которымъ видно также хотѣлось принять участіе въ танцахъ. И вотъ началась преуморительная балетъ; танцоры увлеклись до такой степени, что когда я неча-

янно чихнуть, никто из них и не слышал этого. Точно также не замѣтили они и приближенія четвертаго товарища, пока онъ не очутился между ними. Какъ впоследствии оказалось, эта была самка. Съ появленіемъ послѣдней, вся сцена внезапно измѣнилась. Какъ по командѣ, три кавалера поднялись на заднія лапки, и въ волю стали подбивать другъ друга полновѣными пощечинами. Дама спокойно смотрѣла на драку, и подливала масла въ огонь. Такъ какъ всѣ три дуэлиста сражались очень

горячо, то картина была самая оживленная. Наконецъ одинъ изъ нихъ выбился изъ силъ. Онъ раза два перевернулся на землѣ, и повидимому совсѣмъ отступился отъ драки. Остальные два продолжали сражаться еще съ большей храбростью. Дѣйствительно ли утомленіе заставило перваго зайца выйти изъ рядовъ сражавшихся, или это была отчаянная хитрость?—Воины не могли допросить его насчетъ этого, такъ какъ онъ, подъ шумокъ, далъ тягу съ прекрасной дамой.

СМѢСЬ.

Изъ письменнаго стола Императора Вильгельма. Въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола, стоявшаго въ спальнѣ Императора Вильгельма въ Версали, гдѣ онъ жилъ все время

иллюстраціями. Вообще говоря, они въ высшей степени пезначительны какъ по мыслямъ, такъ и по стилю, многія грѣшатъ даже противъ грамматики. Въ книги Делькро взято на выдержку нѣ-

Зайцы на поединкѣ. Рис. Федоръ Флинцеръ, грав. Ротъ.

послѣдней осады Парижа въ зданіи префектуры, послѣ заключенія мира, сдѣлана была интересная находка: именно, письма съ примѣчаніями на поляхъ императора, выдающими его интимнѣйшія мысли. Онѣ напечатаны въ вышедшей въ Парижѣ книгѣ Делькро: «*Versailles pendant l'occupation*». Письма эти, какъ и многое другое въ этомъ родѣ, считали за выдумку, и упомянули объ изданіи въ присутствіи императора, ожидая, что онъ опровергнетъ подлинность сдѣланныхъ на поляхъ писемъ замѣчаній. Но Императоръ сказалъ: «Такъ ихъ нашли? Я нарочно положилъ ихъ такъ, чтобы ихъ можно было найти!» Это выраженіе Императора дѣлаетъ упомянутую книгу интереснымъ историческимъ документомъ, заслуживающимъ вниманія. Счастливая находка заключала въ себѣ около 60 писемъ, которыя были лично адресованы сначала королю Пруссіи, а потомъ Императору Германіи, и добросовѣстно доставлены ему въ собственныя руки. За исключеніемъ одного нѣмецкаго письма, всѣ остальные написаны по французски и содержатъ въ себѣ такія жесточайшія проклятія противъ прусской арміи и короля, что трудно составить себѣ объ нихъ понятіе. Они присылались изъ всевозможныхъ странъ, изъ Парижа, изъ Метца, Нанси, Валансиена, Страсбурга, Алжира, Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Англии и проч. Большая ихъ часть безъ подписи, нѣкоторыя даже украшены сатирическими и угрожающими

сколько этихъ писемъ съ прибавленіемъ примѣчаній Императора на поляхъ. Нѣкій протестантъ изъ Фрашъ-Конте, въ письмѣ отъ 25-го декабря 1870 г., дѣлаетъ королю упреки за то, что онъ продолжалъ войну послѣ Седана, «такъ какъ вслѣдствіе этого снѣгъ автора письма долженъ былъ пасть на полѣ битвы. Еще есть время заключить миръ, но говорятъ, король терпѣть не можетъ республики и хочетъ уничтожить ее. Прочтите мое письмо, или пѣть, Ваше Величество, но я исполнилъ свой долгъ.» На краяхъ написано рукою короля: «*Est-ce que le gouvernement de la défense du 4 septembre a demandé de faire la paix? Au contraire, il a débuté par déclarer la défense à outrance. Ce n'était donc point à la Prusse de demander la paix! à qui donc la faute, que la guerre continue?*» (Развѣ правительство обороны 4-го сентября просило о заключеніи мира? Напротивъ, первымъ его дѣломъ было объявить защиту до послѣдней крайности. Не Пруссіи же было просить мира! Чья же вина, что война продолжалась?). — Другое письмо заключаетъ короля какъ можно скорѣе заключить миръ. На это желаніе, отвѣчаетъ слѣдующая замѣтка съ краю: «*Comme en mariage il faut deux, de même pour conclure une paix il faut deux. Moi, je suis l'un, où est l'autre?*» (Какъ въ бракѣ должно быть двое, такъ и заключить миръ могутъ только двое! Я—одинъ, гдѣ же другой?)—Нѣкто, повидимому рьяный республиканецъ, бросаетъ

королю укоръ въ ненависти къ республиканскому правительству. На это отвѣчаетъ замѣтка: «*Il n'est tout à fait égal, quel gouvernément la France voudra se donner.*» (Мнѣ рѣшительно все равно, какое правительство захочетъ дать себѣ Франція). — Одинъ Эльзасецъ пишетъ: «Ваше Величество, въ эти послѣдніе часы, передъ вами только два пути: одинъ вестъ къ вѣчной славы, другой къ общему проклятію. Если вы выберете первый, то останетесь вѣрны вашему собственному королевскому слову, потому что вы сказали: «Я веду войну не противъ французской націи, а противъ Наполеона и его династии.» Вы достигли вашей цѣли. Вы держите въ своей власти этого человека. Вы поднялись на крайнюю вершину славы. Государь, не идите дальше, оставьте Франціи Эльзасъ, эту преданнѣйшую ея провинцію» и т. д. Подлѣ словъ «Наполеона и его династии», король написалъ: «*Cela n'a jamais été dit.*» (Этого никогда не было сказано). Делькро прибавляетъ къ этому: «Упрекъ королю въ нарушеніи слова часто повторяется въ этихъ письмахъ, и кажется это особенно затрогиваетъ короля, такъ какъ во всякомъ письмѣ, гдѣ говорится объ этомъ, онъ замѣчаетъ на поляхъ, чтобы обратиться къ буквальному смыслу его манифеста. И дѣйствительно, если перевести его буквально, а не въ общемъ смыслѣ, то надо сознаться, что словамъ короля было придано другое значеніе.» — Относящаяся до этого слова королевской прокламаціи, гласящая слѣдующее: «Я веду войну съ французскими солдатами, а не съ гражданами Франціи.» Но въ прокламаціи отъ 18-го августа изъ Напса главнокомандующаго третей арміей, есть мѣсто: «*L'Allemagne fait la guerre à l'Empereur des Français et non aux Français.*» (Германія вестъ войну противъ Императора французовъ, а не противъ французовъ); можетъ быть это и послужило поводомъ къ недоразумѣнію. — Далѣе одинъ анонимный авторъ взываетъ къ королю: «*On ne bombarde pas les capitales*» (столицы не бомбардируютъ). На это король отмѣчаетъ карандашомъ: «*quand elles ne sont pas fortifiées*» (когда онѣ не укрѣплены). Одинъ авторъ, послѣ всевозможныхъ проклятій и ругательствъ, подписывается: «*Un français qui ne l'aime pas!*» (Французъ, который тебя не любитъ). На этотъ разъ, король дѣлаетъ свою замѣтку не на поляхъ, а подъ самой подписью не любящаго его французскія лаконически подписывается: «*Il me semble!*» (Кажется). Одно англійское письмо величаетъ короля: «*Old rascal!*» (Старый чутъ!), другое изъ Страсбурга: «*Sire bombardeur! bougeau!*» (Король-бомбардиръ! палачъ!) и т. д. — Делькро удивляется, какъ могъ король, очевидно, самъ читать всѣ эти письма; онъ удивляется его терпѣнію, чувству долга и спокойствію, съ какимъ онъ переноситъ даже самыя непріятныя вещи, однако, прибавляетъ въ заключеніе: «Для насъ, французовъ, есть нѣкоторая отрада въ томъ, что главнокомандующій всѣхъ нѣмецкихъ армій, въ своей главной квартирѣ въ Версали, получалъ подобныя письма, да еще въ такомъ количествѣ, и читалъ все, что въ нихъ написано.» Надо прочитать эти письма въ оригиналѣ, чтобы судить объ дурномъ тонѣ и негодности ихъ содержанія.

Безпримѣрное пари. Не такъ давно два суконные фабриканта Коксетеръ и Трокмортонъ, въ Нейбургѣ, держали другъ съ другомъ небывалое пари. Въ 5 часовъ утра послѣдній привелъ къ первому двухъ овецъ, изъ которыхъ тотъ долженъ былъ приготовить ему, къ 9-ти часамъ вечера того же дня, совсѣмъ готовый сюртукъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ отдать сукно портному, надо было остричь овецъ, спрядь шерсть, размотать и выткать пряжу, свалать сукно, вырасить его и спрессовать! И однакоже все это было исполнено къ 4 часамъ пополудни — и 20 минутами раньше 9 часовъ, г. Коксетеръ доставилъ г. Трокмортону готовый сюртукъ, въ которомъ онъ появился передъ собраніемъ болѣе чѣмъ изъ 5,000 зрителей. Обѣихъ овецъ изжарили: одна изъ нихъ, съ прибавкой 20 ведеръ пива, пошла на угощеніе фабричныхъ рабочихъ; другая, вмѣстѣ съ различными напитками, была предложена публикѣ. Такимъ образомъ, въ поразительно-короткій срокъ, въ 13 часовъ и 20 минутъ, было выиграно столь необыкновенное пари, а съ нимъ вмѣстѣ 1,000 гиней.

Нашла коса на камень. Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ «старый парижскій Ротшильдъ» часто бывалъ настолько же невольнительно грубъ, насколько, когда хотѣлъ, умѣлъ быть оборотисто любезнымъ. Его кабинетъ бывалъ свидѣтелемъ самыхъ оригинальныхъ сценъ. Нерѣдко вспыльчивый баронъ рвалъ подаваемыя ему его чиновниками черновыя бумаги дѣловаго содержанія, и бросалъ имъ чуть не въ лицо разорванныя клочки, сопровождая это не совсѣмъ лестными изрѣченіями. Но разъ и онъ наскочилъ на человека, давашаго ему хорошую сдачу. Одинъ изъ его агентовъ, по имени Мануэль, пришелъ разъ въ баронскую контору, и какъ цивилизованный господинъ, началъ разговоръ съ вѣжливой фразы: «Доброго утра, господинъ баронъ; какъ ваше здоровье?» — «Вамъ какое дѣло?» оборвалъ его старикъ, далеко непривѣтливымъ тономъ. Мануэль тотчасъ же надрѣзъ шляпу на голову и отвѣтилъ: «Вы совершенно правы. По моему, хоть окошайте вы на моихъ глазахъ, мнѣ столько же до васъ будетъ дѣло, какъ до какойнибудь собаки!» Сказалъ и вышелъ за дверь.

Японскіе дома. Въ Японіи господствуетъ для жилищъ помѣщій система коттеджей; каждое семейство живетъ въ своемъ собственномъ домѣ, не пуская въ него жильцовъ. Дома преимущественно не выше двухъ этажей; очень многие строятся даже въ одинъ этажъ. Внутреннее ихъ расположеніе состоитъ по боль-

шей части изъ пяти комнатъ; двѣ изъ нихъ назначаются для приемныхъ: одна, гдѣ гости дожидаются выхода хозяевъ, другая собственно гостиная; это обыкновенно самая большая комната въ домѣ. Къ ней примыкаютъ спальня и столовая. Самая маленькая комната назначается для уборной, гдѣ дамы и мужчины, размѣстятся въ разное время, дѣлаютъ свой туалетъ. Въ этой только комнатѣ и есть зеркало, во всѣхъ остальныхъ не принято имѣть этого украшенія кромѣ этихъ комнатъ; при каждомъ японскомъ домѣ есть ванная, такъ какъ японцы каждый день берутъ ванну. Въ предупрежденіе этой потребности для людей недостаточныхъ, которые не въ состояніи имѣть своей собственной ванны, такія устроены въ большомъ числѣ въ разныхъ частяхъ города, съ очень дешевой платой за входъ. Какъ извѣстно, японцы не употребляютъ мебели для сидѣнья, а сидятъ на полу. Поэтому полы устланы маттами въ два метра длины, одинъ метръ ширины и сантиметровъ пяти толщины. Для хозяина и хозяйки дома, и само собою разумѣется, также для гостей, постлаются еще толстые, подстеганные ватой ковры. За городомъ, каждый домикъ окруженъ садомъ, даже и въ городахъ рѣдкій домъ не имѣетъ сада. Только въ Токио (какъ пять лѣтъ называется главный городъ Іеддо) одна улица состоитъ изъ домовъ, построенныхъ въ нашемъ стилѣ въ три и четыре этажа. Изъ вышеописаннаго устройства домовъ понятно громадное протяженіе Токио, въ которомъ считается до милліона жителей.

Предостереженіе. Въ новѣйшее время никакихъ фруктовъ не продается такъ много какъ *апельсиновъ*. Но такъ какъ никто безнаказанно не гуляетъ подъ пальмами, то и лакомство этимъ, на видъ такими невинными фруктами, можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Профессоръ *Вирховъ*, открывшій трихину, нашелъ также, что отъ неумѣреннаго употребленія апельсиновъ могутъ развиться глисты. Поэтому, совѣтуемъ осторожнѣе употреблять эти фрукты.

«Или я закричу!» Въ Варренсбургѣ, по Миссури-Тихоокеанской желѣзной дорогѣ, случилось слѣдующее происшествіе: Одна дама — слѣдователью ангель, неземное созданіе, олицетворенная красота и пр.—осчастливила своимъ присутствіемъ одинъ отель. Она велѣла позвать хозяина отеля въ свою комнату, и тутъ произошелъ слѣдующій разговоръ, послѣ того какъ дама осторожно заперла дверь и спрятала ключъ въ карманъ. «Господинъ М —, вѣдь вы женатый человекъ, не правда-ли? У васъ взрослые дѣти? Конечно, да... Отлично, если вы сколько нибудь дорожите честию своего семейства, то сейчасъ же дадите мнѣ 50 долларовъ, или я — закричу.» Подумавъ немного, владѣтель отеля отсчиталъ 50 долларовъ, дама поспѣшно провѣрила деньги и поѣхала дальше.

Полезное изобрѣтеніе. Въ Америкѣ недавно изобрѣтена маленькая паровая машина, посредствомъ которой могутъ приводиться въ дѣйствіе швейныя машины. Съ изобрѣтеніемъ этой маленькой паровой машины, устройство которой весьма просто, швейная машина получаетъ всю свою цѣну. Въ Америкѣ эта машина уже въ ходу. Изобрѣтатели ея въ Нью-Йоркѣ, истратили 200,000 долларовъ, прежде чѣмъ довели ее до настоящаго совершенства. Эта маленькая паровая машина легко можетъ быть приспособлена ко всякой старой швейной машинѣ. Изобрѣтатели приобрили уже патентъ для сѣверной Германіи.

Интересная статья. Изъ Нью-Йорка, 28 апрѣля, была разослана во многія части Соединенныхъ Штатовъ слѣдующая телеграмма: «Обедя Баундъ, 60 лѣтъ отъ роду, жительствующій въ Ричмондѣ, явился вчера въ одну изъ здѣшнихъ газетныхъ редакцій, съ просьбой, чтобы лучшій репортеръ газеты пошелъ съ нимъ въ его домъ и приготовилъ интересную статью для сегодняшняго номера. Репортеръ пошелъ съ нимъ, и послѣ того какъ Баундъ провелъ съ нимъ два часа рассказывая исторію своей жизни, вдругъ онъ хладнокровно проговорилъ: «Господинъ репортеръ, черезъ нѣсколько минутъ я буду трупомъ!» Затѣмъ онъ проглотилъ очень большую дозу опиума, и къ ужасу репортера вскорѣ умеръ. — Баундъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ получилъ наслѣдство въ 350,000 долларовъ и промоталъ всѣ эти деньги.

Страхованіе красоты. Въ Парижѣ возникло совершенно необыкновенное страховое общество — общество страхованія женской красоты. Въ уставѣ его находятся слѣдующіе параграфы: 1) Всякая женщина можетъ оцѣнивать свою красоту по собственному своему усмотрѣнію. Эта сумма обезпечивается ей соотвѣтствующей преміей, сообразно съ продолжительностью срока страхованія. 2) Общество беретъ на свой страхъ красоту женщинъ отъ 15 до 30 лѣтняго возраста. Оно обязывается выплачивать рассчитанную въ различныхъ степеняхъ сумму, въ случаѣ потери красоты вслѣдствіе болѣзни или иной причины, въ срокъ определенный страховой полиціей. 3) Въ случаѣ, если застрахованная женщина, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ общества условленную по договору сумму, а общество признаетъ это требованіе несправедливымъ, то обѣ стороны подвергаются суду экспертовъ, которые должны быть не моложе 20 и не старше 50 лѣтъ.

Наполеонъ I и госпожа Сталь. Госпожа Сталь, дочь Неккера, сдѣлала разъ Наполеону вопросъ, какую женщину считаетъ онъ самой великой, самой знаменитой. «Ту, которая всего больше имѣла дѣтей,» коротко отвѣчалъ императоръ. — Г-жа Сталь слышала, что императоръ благосклонно отозвался о «Коринкѣ», и думала въ слѣдующій сезонъ услышать отъ него что нибудь

лестное о своем произведении. Желанное время наступило, император дѣлал свою *tournee*. Къ несчастію, для знаменитой писательницы, за нѣсколько дней передъ тѣмъ Наполеонъ узналъ объ ея вознѣхъ противъ него.—Императоръ подходилъ къ ней ближе и ближе, и совсѣмъ подлѣ нея долго разговаривалъ съ одной дамой.. Наконецъ, онъ подошелъ къ ней, смѣрляя ее съ головы до ногъ взглядомъ и обратился къ ней съ вопросомъ: «*Madame!* сколько дѣтей выкормили вы?» — И прежде чѣмъ озадаченная писательница успѣла открыть ротъ, императоръ повернулся и оставилъ ее на мѣстѣ. — Какая обманутая надежда! — На другой день г-жа Сталь получила отъ императора приказаніе въ двадцать четыре часа навсегда оставить Парижъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Францію. Не смотря на всѣ просьбы и слезы, императоръ не измѣнилъ своего рѣшенія. — Она отправилась въ Копетъ, великолѣпный замокъ своего отца на Женевскомъ озерѣ, но не могла забыть своего парижскаго отела.—Богата и вѣстѣ съ тѣмъ бѣдная женщина! — Во время ея довольно продолжительнаго пребыванія въ Веймарѣ, Гёте выразился объ ней: «Сталь, умственно и физически колоссальная женщина, которая стѣбитъ дюжины мужички». Передъ ней всегда надо стоять на заднихъ лапкахъ и удерживать свой языкъ, потому что то, что я скажу ей сегодня, завтра будетъ стоять въ ея книгѣ: «О Германіи». — «Пиллеръ жалѣлъ, что не совсѣмъ свободно владѣетъ французскимъ языкомъ» тогда удобнѣе бы было бродить съ ней по ея фантастическимъ лѣсамъ.

Осада Лилля. Когда Лудовикъ XIV стоялъ осадой подъ Лиллемъ, тамошній губернаторъ каждый день прислалъ ему льду для прохлажденія. Разъ король замѣтилъ посланному, что губернаторъ сталъ скуниться и присылаетъ очень мало льду. «Мы должны соблюдать экономію,» отвѣчалъ посланный, «осада Вашего Величества можетъ продолжаться еще очень долго, и тогда пожалуй его не достанетъ.»

Исторія Франціи соединяетъ въ себѣ величайшія противорѣчія. *Les extrêmes se touchent*. На одной и той же ея страницѣ встрѣчаются жизнь и смерть, смѣхъ и слезы, благородство и грубость правовъ! Когда въ 1789 др. Гильотень изобрѣлъ новую машину для отрубанія головъ, названную въ честь изобрѣтателя гильотиной и получившую отъ національнаго собранія премію за свою легкость и скорость, парижане праздновали это событіе съ необыкновеннымъ весельемъ; остроты по поводу этой убійственной машины сыпались повсюду, въ открытыхъ салонахъ, въ семейныхъ кружкахъ, на сценѣ. Въ каждомъ балетѣ появлялась гильотина, на народныхъ театрахъ она играла первую роль. Многие, навѣе тогда подлѣ гильотиной, печатали свои письма печатками *à la guillotine*. Серьги, брошки, браслеты, все было *à la guillotine*. За десертомъ подавались маленькія гильотины изъ краснаго дерева съ марципаннми куклами, головы которыхъ представляли извѣстные портреты. Подъ хлопанье шампанскихъ пробокъ, изящныя дамы какъ изъ *haute volée*, такъ и изъ *demi-monde* опускали роковой топоръ. Голова несчастной жертвы отдѣлялась отъ туловища. Головой, представленной обыкновенно въ каррикатурномъ видѣ, переносились, а туловище ѣли, среди пошлыхъ остротъ и шутокъ, мокая платки и перчатки въ красную, душистую жидкость, игравшую роль крови.

Апантійскія сокровища. Извѣстные лондонскіе ювелиры Гаррардъ заключили съ агентами британской арміи на Золотомъ берегу договоръ, въ силу котораго они дѣлаются собственниками приобрѣтенныхъ у Апантійцевъ золотыхъ вещей. Послѣднія

состоятъ изъ предметовъ, имѣющихъ въ цѣломъ 1000 унцій золота: онѣ были присланы королемъ Коффе въ счетъ условленнаго вознагражденія. Бѣглый обзоръ этихъ вещей уже показываетъ съ какой поспѣшностью, какъ на удачу, хвалялись онѣ у короля. Между самыми большими изъ нихъ находится человѣческой черепъ изъ массивнаго золота, вѣсомъ отъ 50 до 60 унцій, представляющей повидимому голову приговореннаго къ смерти плѣннаго; потомъ двѣ золотыя ручки отъ королевскаго кресла, и два громадныхъ, съ четырьмя золотыми шарами на рукояткахъ, сабельныхъ клинка, которые ставились предъ королемъ въ торжественныхъ церемоніяхъ. Въ числѣ этихъ предметовъ находится также нѣсколько золотыхъ пряжекъ, какія королевскіе посланники носили на груди. Работа ихъ чрезвычайно хороша, такъ что ее едва ли могутъ превзойти лучшіе европейскіе ювелиры. Кромѣ этихъ большихъ вещей, есть тутъ еще разныя божки, украшенные золотомъ и черные, золотыя палки для зонтиковъ и чиновническіе жезлы, грубыя изображенія львовъ для оконечности скиптра, золотыя челести и черепа, и еще множество предметовъ, которые трудно описать, но которые вѣроятно играли большую роль въ религіи Апантійцевъ. Еще находятся тутъ различныя бездѣлки, сдѣланныя съ большимъ искусствомъ. Можно тутъ увидѣть браслеты, тяжело обременявшіе руки, и другіе, такіе легкіе, что ихъ не слышно на рукѣ; цѣпочки, брошки прекрасныхъ фантастическихъ формъ. Что особенно выдается въ этой коллекціи, это поистинѣ необыкновенный подражательный талантъ апантійскихъ ювелировъ. Все, что поражало ихъ въ обращеніи съ европейцами, они копировали въ золотѣ, повидимому составляющемъ для нихъ самый обыкновенный металл. Такъ наприимѣръ, у нихъ можно найти ручки для заставокъ, колокольчики и даже часовые ключики, тогда какъ въ странѣ нѣтъ понятія о часахъ. Вслѣдствіе этого подражательнаго таланта, на ихъ работахъ видны слѣды всѣхъ націй; тутъ вы найдете орнаменты въ древнемъ индійскомъ стилѣ, другіе въ египетскомъ, и опять третью въ скандинавскомъ и англо-саксонскомъ. Что касается до времени ихъ происхожденія, то онѣ принадлежатъ кажется всѣмъ столѣтіямъ. Между кольцами есть одно особенно замѣчательное; его печать повидимому скопирована съ древней коптской монеты; тутъ же есть англійскія обручальныя кольца, бывшія въ модѣ лѣтъ за 200 или 300 тому назадъ. Наконецъ въ числѣ сокровищъ находятся въ мѣшечкахъ куски золота, доказывающіе, что Апантійцы настоящее золото дно. Что могло бы изъ него быть при рациональномъ пользованіи его минеральными богатствами!

Какъ склеивать янтарь. Всего лучше склеиваются два кусочка янтара, если смочить ихъ ѣдкимъ кали, и потомъ, согрѣвъ, прижать другъ къ другу. Кусочки склеиваются такъ хорошо, что не замѣтно даже слѣда склейки.

Сжиганіе труповъ. Вопросъ о сжиганіи труповъ, начинаетъ казаться приобретать въ Америкѣ серьезное значеніе. Въ Нью-Йоркѣ уже образовалось общество сжиганія труповъ, въ средѣ многочисленныхъ членовъ котораго насчитывается много почтенныхъ личностей. Общество это обязуется сжигать трупы всѣхъ своихъ членовъ, съ условіемъ, разумѣется, если родственники умершаго не будутъ противиться этому. Расходы по сожженію трупа опредѣляются отъ 5 до 8 долларовъ. Какъ скоро общество будетъ утверждено въ своихъ корпораціонныхъ правахъ, оно намѣрено купить участокъ земли въ предмѣстьяхъ Нью-Йорка, и построить тамъ зданія и печи для сжиганія труповъ законнымъ порядкомъ и не возбуждая общественнаго любопытства. Смысла на постройку этихъ зданія опредѣлена въ 10,000 долларовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 13-го іюля, въ 10 часовъ утра, Ея Величество Государыня Императрица изволила прибыть изъ-за границы въ Царское-Село.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать пятнадцать тысячъ рублей для оказанія денежнаго пособія бѣднѣйшимъ жителямъ Царства Польскаго, обратившимся въ послѣднее пребываніе Его Императорскаго Величества въ Варшавѣ со всеподданнѣйшими прошеніями по сему предмету.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: срокъ, ранѣе котораго никто не можетъ быть представленъ къ наградамъ со времени полученія послѣдней награды, установить для всѣхъ чиновъ и должностей, вмѣсто нынѣшняго 2-лѣтняго, 3-лѣтній (измѣн. §§ 17 и 19).

— Высочайше повелѣно: впредъ до общаго паресмотра Строительнаго Устава (Св. Зак. т. XII ч. 1), ст. 411-ю сего Устава съ доподненіемъ къ ней по прод. 1869 г. замѣ-

нитхъ слѣдующимъ правиломъ: «Во всѣхъ каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ зданіяхъ, за исключеніемъ заводовъ винокуренныхъ, лѣстницы должны быть изъ негараемаго матеріала: камня, кирпича, чугуна или желѣза, причѣмъ въ каждомъ зданіи, имѣющемъ болѣе одного этажа и болѣе двѣнадцати сажень дилны по фасаду, надлежитъ устраивать не менѣе двухъ такихъ лѣстницъ.

— Генераль-адъютантъ, вице-адмиралъ Посыетъ Указомъ Прав. Сенату 10-го іюля 1874 г. назначенъ министромъ Путей Сообщенія.

ДѢЛА ЦЕРЕВИ.

— Во время послѣдняго пребыванія Государя Императора въ Варшавѣ прибыли представители нѣсколькихъ уніатскихъ приходоу Сѣдлецкой губерніи съ намѣреніемъ подать прошеніе объ отъѣнѣ сдѣланныхъ епархіальнымъ начальствомъ распоряженій относительно обрядностей греко-уніатскаго богослуженія. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величеству благо-

удно было повелѣть варшавскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту графу Коцебу объявить вновь греко-уніатскому населенію вѣрнннаго ему края, что просьбы его въ этомъ отношеніи исполнены быть не могутъ, и что Его Величество изволилъ быть увѣрненнымъ, что греко-уніатское населеніе, искони русское и всегда вѣрное Престолу, освобождаясь отъ несчастныхъ заблужденій и неблагонамѣренныхъ внушеній, сбивающихъ его съ должнаго пути, не замедлитъ утвердиться въ своихъ древнихъ правильныхъ богослужбныхъ обрядахъ и явить себя по прежнему покорнымъ и спокойнымъ, какимъ Государь Императоръ правыкъ его видѣтъ до настоящаго времени.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— При Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 16-го іюня открытъ русскій этнографическій музей О. И. Іезберы. Музей этотъ помѣщается въ двухъ залахъ, примыкающихъ къ студенческой читальнѣ, и имѣетъ до 20,000 предметовъ.

№ 32

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выдаѣтъ 29-го іюля 1874 года.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ПРИ ЭТОМЪ ПОМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ СЪ 24 РИСУНКАМИ.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается
и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1874 году №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

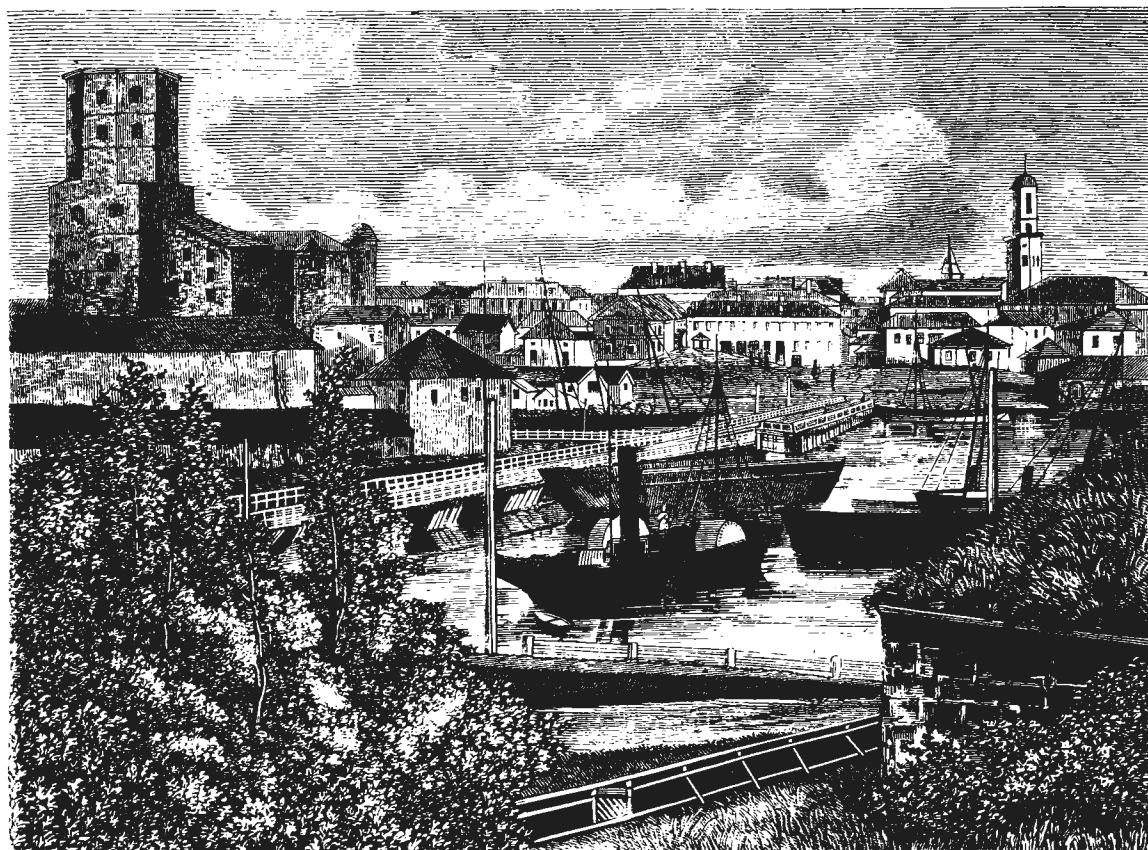
НА ГОДЪ:

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.	I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »	» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »	II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 » 50*)»	III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСНА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

Городъ Выборгъ. Рис. Космаковъ, грав. Вейерманъ.

ВЫБОРГЪ.

Выборгъ, находящійся въ 120 верстахъ отъ Петербурга, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ извѣстенъ только своими крепостями, но теперь онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ—какъ туристовъ, въ качествѣ станціи по дорогѣ на Иматру, такъ и вообще петербуржцевъ, желающихъ переселиться на лѣто куда нибудь подалеже отъ петербургской джухи и шума. Морское купанье дѣлаетъ особенно пріятной перспективу дачной жизни въ окрестностяхъ этого маленькаго финляндскаго городка.—Пять часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ пролетаютъ незамѣтно, хотя, миновавъ ближайшія окрестности Петербурга, первая часть пути довольно скучна и однообразна. Напрасно будете вы искать здѣсь дикихъ скалъ и мрачныхъ лѣсовъ, на которые настроено воображеніе, когда ѣдешь въ Финляндію. Тьлько на второй половинѣ пути кое-гдѣ разбросаны отдѣльные гранитныя глыбы, чередовые вѣстники тѣхъ исполиновъ, которые ожидаютъ васъ дальше.

Выборгъ былъ прежде главнымъ городомъ всей старой Финляндіи, но съ присоединеніемъ всего края къ Россіи снизошелъ на степенъ губернскаго города. Онъ красиво расположенъ на краю глубокаго залива. У длиннаго моста, соединяющаго городъ съ выборгскимъ форштадтомъ, стоитъ замокъ съ массивной каменной башней. Судя по нашимъ лѣтописямъ, Выборгская крѣпость Св. Анны считалась очень сильною. Теперь укрѣпленія ея состоятъ изъ высокаго землянаго вала съ прорѣзанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ воротами, выложенными камнемъ, и не представляютъ ничего грознаго. Крѣпость эта выдерживала встарину многочисленныя осады, такъ какъ юго-восточная часть Финляндіи, оплотомъ которой служилъ Выборгъ, съ давнихъ поръ была яблокомъ раздора между Россіей и Швеціей. Небольшую крѣпость Св. Анны нѣсколько разъ осаждали новгородцы и царскія войска. Въ лѣтописяхъ съ особенными подробностями описывается такъ называемый *Выборгскій трескъ*. Въ концѣ XV вѣка новгородцы безуспѣшно осаждали крѣпость въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; наконецъ имъ удалось овладѣть одной башней, и шведы никакъ не могли выбить ихъ оттуда. Командантъ крѣпости, Кнутъ Носсе, послѣ тщетныхъ усилій отгнѣсилъ неприятеля, подвелъ мину и взорвалъ ее. Башня взлетѣла на воздухъ съ страшнымъ трескомъ и громомъ,—и новгородцы, потерявъ большую потерю, принуждены были снятъ осаду. Въ настоящее время замокъ служитъ тюрьмой для арестантовъ. Подлѣ замка проходитъ южное устье Сайменскаго канала. На немъ въ 1849 году выстроены прекрасный чугунный мостъ, замѣчательный своимъ необыкновеннымъ устройствомъ. Во время прохода судовъ, онъ (какъ обыкновенно) не поднимается и не отводится въ стороны, но посредствомъ машины уводится въ тунель, сдѣланный подлѣ набережной и скры-

вается подлѣ землей. Въ одну минуту, точно по волшебству, мостъ исчезаетъ, и какъ скоро пройдетъ судно, онъ скоро выкатывается изъ подземнаго туннеля и ложится черезъ каналъ.

Выборгъ, не смотря на небольшое число жителей (около шести тысячъ), представляетъ всѣ удобства благоустроеннаго города. Улицы, хотя узкія и кривыя, мощены и освѣщаются газомъ; въ лучшіяхъ частяхъ города есть каменные дома, книжныя лавки, и магазины. Городъ имѣетъ гимназію съ порядочной бібліотекой и нѣсколько пансіоновъ и низшихъ училищъ. Населеніе представляетъ неструю смѣсь русскихъ, шведовъ, лѣмцевъ и финновъ. Каждое исповѣданіе имѣетъ свою церковь, и представители всѣхъ этихъ національностей говорятъ каждый на своемъ языкѣ; впрочемъ слышать русскій языкъ—большая рѣдкость, но русскія деньги принимаются въ лавкахъ безъ затрудненій.

Выборгъ ведетъ оживленную торговлю, особенно лѣсомъ. Пріѣзжіе найдутъ здѣсь хорошіе отели, гдѣ все устроено на европейскую ногу, какъ напримѣръ въ *Societetshus*.—За петербургскимъ форштадомъ раскинутъ городской садъ, довольно обширный и тѣнистый. На противоположной сторонѣ города, на гранитномъ возвышеніи, разведенъ еще не въ оцель давнее время другой садъ, извѣстный подлѣ названіемъ *Promenade*. Здѣсь изъ бесѣдки, поставленной на гребнѣ скалы, открывается обширный видъ на городъ и заливъ къ Транзунду. На этомъ мѣстѣ туристамъ показываютъ большой камень, съ котораго Петръ Великій во время осады осматривалъ городскія укрѣпленія.

Но лучшее украшеніе Выборга—это знаменитый садъ барона Николаи, *Mon repos*. Дорога къ нему ведетъ черезъ Выборгскій форштадтъ, застроенный красивыми, утопающими въ зелени дачами, и черезъ полчаса ѣзды, вы уже подѣзжаете къ саду. Едва ли есть другой садъ оригинальнѣе и живописнѣе *Mon repos*. Къ нему почти не идетъ даже названіе сада или парка, въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ. Это въ миниатюрѣ вся Финляндія, со всей ея дикою природой и самобытною народною поэзіей. Нельзя было придумать лучшаго мѣста для статуи Вейнемейнена бога поэзіи, перваго языческаго бога Финляндіи, какъ поставивъ ее въ этомъ необыкновенномъ саду, среди мрачныхъ скалъ и угрюмыхъ сосенъ съ неподвижнымъ зеркаломъ воды извилистаго залива внизу.

Никакое описаніе не передаетъ прелести *Mon repos*, гдѣ природа и искусство соединились вмѣстѣ чтобы на каждомъ шагѣ поражать васъ новыми неожиданными красотою. Надо видѣть его собственными глазами, и Выборгъ много обязанъ этому очаровательному мѣсту приливомъ почитателей въ лѣтнее время, пріѣзжающихъ сюда нарочно чтобы посмотреть *Mon repos*.

Испорченный шкафъ.

РАЗСКАЗЪ.

Около двухъ мѣсяцевъ нужно мнѣ было пробыть въ городѣ Засосовѣ,—а гостиница, въ которой я остановился, рѣшительно меня выгоняла. На жалобы мои, что жить въ номерѣ невозможно, потому что милліоны постояльцевъ, пущенныхъ прежде меня въ номеръ, не даютъ мнѣ по ночамъ спать,—хозяйинъ единственной засосовской отеля, подлѣ названіемъ «Синопъ», вздыхалъ и въ видахъ утѣшенія говорилъ только, что «на свѣжаго человѣка они дѣйствительно съ тово-съ... накидываются; ну, а ежели пообтерпѣться маленько, такъ ничего—съ: будете спать и не услышите».

— Ну, а сколько-же времени нужно, чтобы пообтерпѣться?...

— Да, какъ вамъ сказать?... Недѣлку покусаютъ, ну авось тогда...

— Въ такомъ случаѣ я буду искать квартиру.

— Позвольте-съ, живо заговорилъ метръ д'отель:—можеть для васъ и меньше недѣлки потребуется... Это какъ у кого какава комплекція. Вонъ, у меня, въ прошломъ мѣсяцѣ, генералъ одинъ партикулярный останавливался—такъ въ двѣ ночи привыкъ, да-съ!

— Сожалѣю, что не принадлежу къ разряду партикулярныхъ генераловъ. Нельзя-ли по крайней мѣрѣ достать здѣсь буры или персядскаго порошку?

— Все это пустяки-съ, одна трата денегъ. Мы вонъ къ Рождеству да къ Пасхѣ киняткомъ обдаемъ, а и то лишь временно помогаетъ. Нѣтъ-съ, ежели пообтерпѣться... Оченно хорошо даже спать будете!...

Я молчалъ и думалъ: а если и на квартирѣ также придется пообтерпѣться? Эдакъ, пожалуй, промѣняешь кукушку на ястреба. А, впрочемъ, почему-же и не поискать?...

И я, дѣйствительно, на другой-же день нашелъ довольно чистенькую квартирку, которую и наваялъ на два мѣсяца.

Домикъ, въ которомъ я поселился, состоялъ всего изъ четырехъ комнатъ, передней и кухни. Хозяйка, почтенная старушка, уступила мнѣ двѣ комнаты съ передней; остальные двѣ съ кухней она сама занимала. Отъ моей квартиры онѣ отдѣлялись небольшимъ корридоромъ, заставленнымъ всякою всячиною: кадками, корзинками, банками, поломаиными стульями и т. п. предметами; тутъ даже стоялъ вверхъ ногами большой поясной портретъ какого-то господина въ синемъ сюртукѣ; полотно мѣстами было прорвано и дыры были затянуты старой паутиной. Въ темномъ углу корридора стоялъ большой ясеневый шкафъ; лицевая сторона его была повернута къ стѣнѣ.

Мебели въ двухъ моихъ комнатахъ было не особенно много, да и та представлялась неудобною во многихъ отношеніяхъ, но дѣлать было нечего. Въ первой комнатѣ стояли фортепіано. Я открылъ крышку и взялъ аккордъ... Желтенькіе, словно похуздѣвшія и пораженныя ревматизмомъ, клавиши свободно опустились подлѣ пальцами—и что-то странное рѣзнуло слухъ—не то стонъ, не то вопль прозвучалъ въ воздухѣ, какъ будто я дотронулся до какого-то большаго, забытаго всѣмъ міромъ существа... Долго еще въ

ушах раздавался этот звук — и казалось мнѣ, что чей-то разбитый голосъ просилъ: «Не троньте меня»!...

Во второй комнатѣ, которую я обратилъ въ спальню, стояли только: кровать, коммодъ, небольшой столъ и два стула. Вѣдь и нѣкоторыя мелкія вещи изъ моего туалета я уложилъ въ коммодъ, но платья некуда было дѣвать; оставлять же его въ чемоданѣ въ горизонтальномъ положеніи мнѣ не хотѣлось.

Я стоялъ посреди комнаты и раздумывалъ о томъ, не устроить-ли вѣшалки? Но въ такомъ случаѣ развѣшенное платье надо будетъ чѣмъ нибудь прикрывать, ибо оно легко запачкаться...

— О чемъ, батюшка, задумались?

Я обернулся. Передо мной стояла хозяйка. Я сообщилъ ей о своихъ размышленіяхъ и упомянулъ о вѣшалкѣ.

— Да гдѣ-жь вѣшалку-то мы достанемъ? заказать развѣ? У насъ въ городѣ нѣтъ такихъ лавокъ, чтобы вѣшалки продавали, задумчиво проговорила старушка, поглядывая на меня вопросительно.

— Мебельныхъ лавокъ совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣту, батюшка, нѣту! Какія лавки!

— Да какъ же такъ, Лизавета Ивановна?

— Да зачѣмъ намъ мебель? У всякаго она есть. Ну, а кто хочетъ побольше — выискиваетъ; а не то, вотъ, умереть если кто въ городѣ — ну, тогда, бываетъ, что мебель продаютъ, ежели лишняя.

Лизавета Ивановна вздохнула и подошла къ комоду.

— Да вотъ, коммодъ большой... Положить туда можно много.

— Ахъ, позвольте, Лизавета Ивановна! Извините, что, не дождавшись вашего предложенія, самъ заговариваю... У васъ, тамъ, въ корридорѣ, я видѣлъ большой шкафъ, ясеный кажется...

— Вы думаете, что я-бы сама вамъ не предложила его?

— Очень вамъ благодаренъ, Лизавета Ивановна! Шкафу этому въ моей спальнѣ мѣсто найдется. Вы его отдаете мнѣ?..

— Отдала-бы, если-бы шкафъ-то былъ хорошій...

— Что-жь онъ — испорченъ?

— Н-да, испорченъ... Не мѣсто ему въ комнатахъ быть, да и изъ коридора-то давно-бы его прочь... Да вотъ, не покупаютъ, а на дрова — жаль... Ну, вотъ, онъ у меня и стоитъ тамъ.

— Если онъ даже очень испорченъ, то я на свой счетъ почию его. Вы позволите?

— И чинить-то нечего, все равно — не поправишь.

Лизавета Ивановна наморщила брови и вздохнула.

— Да, помилюйте, онъ на видъ такой хорошій! Если замокъ...

— Да говорю вамъ, что чинить-то нечего: шкафъ хорошій, цѣлый, да не годится онъ... испорченъ, батюшка, испорченъ!

Я взглянулъ на Лизавету Ивановну и подумалъ: «не испорчены-ли вы сами, матушка? Не повредились-ли?» Но ничего такого подозрительнаго въ глазахъ старушки не замѣтилъ: она смотрѣла ясно, спокойно, глаза ея не блѣгли, не блуждали.

— Извините, я не совсѣмъ понимаю...

Хозяйка вдругъ улынулась и спросила:

— Вы не изъ трусливыхъ? Вы не мнительны?

— Я храбрый человекъ, Лизавета Ивановна! Но зачѣмъ вы...

— Лизавета Ивановна! раздался въ дверяхъ женскій голосъ.

Старушка обернулась.

— Чего тебѣ, Аграфена? обратилась она къ своей стряпухѣ, стоявшей въ дверяхъ.

— Пожалуйте-съ въ кухню-съ, сказала Аграфена.

— А, сейчасъ! Ну, если вы изъ храбрыхъ, обратилась она ко мнѣ, — то берите сѣбѣ шкафъ-то. Онъ — хорошій, цѣлый, крѣпкій... Вотъ, съ Аграфеной и перетащите: пустой-то онъ — легкій! А не то — прохожаго поймайте — за гривенникъ снесите его къ вамъ въ спальню.

— Ну, вотъ, благодарю васъ, Лизавета Ивановна! А вы все таки меня поподробнѣе поугайте шкапомъ-то! Чѣмъ онъ именно страшень?..

— Смѣйтесь, смѣйтесь!.. Ну-да извините, некогда теперь. Для васъ-же хлопоту, чтобы обѣдомъ остались довольны.

— Сегодня вечеромъ за чаемъ расскажете?

— Коли любопытствуете, да не бойтесь — почему не поболтать вечеркомъ. До свиданія-съ!

Лизавета Ивановна удалилась вслѣдъ за Аграфеной.

Я растворилъ окно и сталъ караулить прохожихъ. Черезъ полчаса сразу двухъ поймалъ, которые и изъявили сейчасъ-же согласіе свое за двугривенный перетащить шкафъ изъ корридора въ комнату. Аграфена улучила минутку и вытерла его *старушки и внутри* мокрой тряпкой.

Самоваръ потухалъ и тинулъ тоненькимъ голоскомъ свою монотонную пѣсенку. Лизавета Ивановна наливала себѣ пятую чашку чая, но уже не въ накладку, а въ прикуску и пилъ четвертый стаканъ. Поставивъ снова чайникъ на самоваръ, старушка вытерла лобъ платкомъ и, не намѣреваясь еще начинать пятую чашку, кашлянула и сказала:

— Перетащили его-то?

— И перетащили, и поставили, да ужъ и платье мое въ немъ виситъ, и вотъ я ожидаю обѣданныя, Лизавета Ивановна...

— Хорошо, хорошо. Только напрасно вы его въ спальню-то къ себѣ поставили, а тутъ еще вотъ на ночь рассказывайте намъ! Для него и въ передней нашлось-бы мѣсто...

Она замотала головой и прибавила:

— А впрочемъ и то сказать: мужской полъ храбрѣ нашего, женскаго. Мы вотъ боимся, а вы — смѣетесь!..

— Да что-жь это въ самомъ дѣлѣ за интересный шкафъ у васъ?

— Да никакого въ немъ интереса нѣтъ, а что испорченъ — это такъ... Ну, да вѣдь можетъ быть ничего худаго и не будетъ, а такъ говоришь, извѣстно, не равно что... Чего не случается!..

— Лизавета Ивановна, не мучьте!

— Извините, батюшка, что заболталась! Да исторія — то, по правдѣ вамъ сказать, простая, не мудреная. Долго — то ее и рассказывать не приходится. Годъ тому назадъ, а не то пожалуй и полтора будетъ, какъ я этотъ домикъ купила у вдовы Марьи Яковлевны Лукичей ѣ, за триста рублей она мнѣ его продала. Послѣ смерти дочери своей не захотѣла она тутъ жить и, продавши домъ, уѣхала — никакъ въ Москву, а не то — въ Таганрогъ — ужъ не помню. Что ни говори, а грѣхъ на ея душѣ лежитъ... Да! И отъ грѣха не только что въ Москву, либо въ Таганрогъ — никуда не уѣдешь. Вонъ и Каинъ-то, убивъ Авеля, какъ метался!.. Дочку-то Марьи Яковлевны Александрой звали. Вдвоемъ онѣ только и жили. Я была вхожа къ нимъ въ домъ. Сашенька, ужъ не знаю почему, любила меня и даже откровенна была со мной, хотя я ей по лѣтамъ и не была парой. Славная была дѣвушка... Довольно таки поплакала я по ней, да и теперь случается подъ часъ... Повѣрите-ли: слезы такъ вотъ сами и набѣгутъ!..

— Какихъ же лѣтъ она умерла?

— Да что, пожалуй, девятнадцать ей было... Молоденькая, батюшка, молоденькая!

— И хорошенькая?

— Ну, красавица не красавица, а личико было пріятное. Какъ кому, а мнѣ она нравилась. Небольшаго была она росту, а такая аккуратенькая, соразмѣрная, стройненькая. Смуглая была и волосъ у ней былъ темный. Глаза только сурьзные имѣла... И вотъ, подите-же: не любила ее мать. За что? Говорили, насильно была выдана за — мужа, ну, извѣстно, мужа не любила, а ребенка — возненавидѣла... Какъ будто младенецъ былъ виноватъ!.. Сашенька никогда не жаловалась, даже мнѣ хоть — бы словечко какое насчетъ матери — никогда! А глаза-то у нея красны частенько бывали... Дѣвушка она была кроткая, тихая, а какія штуки дѣлала иногда — поразительныя! И видно, что жизнью негледировала. Ну, вотъ... Да!.. У нашего городскаго священника...

— Позвольте, как же это она жизнью неглижировала?

— Да вот у нас тут за рѣкой пожаръ случился. Днѣмъ-то и загорѣлось. Праздникъ былъ, обѣдня еще не отошла. Въ загорѣвшемся домикѣ только стряпуха оставалась, да грудной младенецъ. Ну, ударили въ набатъ. Сбѣжался народъ. Стряпуха-то выскочила, а ребеночекъ-то остался. Мать его выбѣжала изъ церкви, сунулась было въ сѣни — и назадъ: такъ ее дымомъ и обдало. Кричить: «Батюшки! Спасите ребенка! Спасите!» Вертится да въ ноги кланяется... И хоть-бы одинъ мужчина тронулся!... Гляжу—и обомлѣла! Сашенька (она тоже была въ церкви) выхватила изъ рукъ какой-то бабы ведро съ водой, воду вылила на себя, да съ ведромъ-то къ окну. Подняла она ведро обѣими руками высоко и два раза ударила по окошку... Сломала раму, ведро бросила, отворила окошко, прыгъ въ него — и исчезла... И какъ тутъ все разомъ притихло, какъ будто и народу не было!.. Сколько времени прошло, ужъ, право, не знаю, только Сашенька тѣмъ-же манеромъ, глядимъ, лѣзетъ изъ окна, а лѣвой рукой держитъ что-то у груди... Ну, тутъ къ ней кинулись мужчины и помогли ей... Что-жъ вы думаете? Вѣдь спасла ребенка-то! И дешево отдѣлалась: руку обожгла, бровь правую спалила, да платье испортила. Ребенка закутала она въ одѣяло съ головой, а то-бы онъ отъ дыму задохнулся. Мать-то ребеночка—ноги-руки ей цалуется, а Сашенька и слова сказать не можетъ; кашляетъ только. Дыму наглоталась; два дня, говорятъ, потомъ голова болѣла... Какъ это ей спасти удалось младенца и гдѣ онъ лежалъ — ничего не рассказывала, говорила только, что «не помню»... А мать ее потомъ упрекнула такъ, что она хорошее платье испортила. Сашенька—ни слова, а черезъ два мѣсяца и отдала матери деньги, чтѣ платье стоило. Она по ночамъ тихонько шила рубашки для фабричныхъ, ну и скопила деньги. А то еще вотъ чтѣ она разъ сдѣлала: сумасшедшаго усмирила, а то-бы онъ надѣлалъ бѣдъ. Чиновникъ былъ тутъ у насъ, семейный человекъ, и шибко запивалъ. Съ бѣлой-ли горячки, или ужъ просто рехнувшись, выбѣжалъ онъ изъ трактира съ ножомъ, да прямо къ своему дому. Должно быть жена-то его увидѣла изъ окна, въ какомъ видѣ супругъ ея, ну и успѣла запереть двери. Онъ—давай стучать, ломиться... Кричить: «Перерѣжу!..» Сунулись было къ нему, да назадъ: ножъ подымается, грозится... Полиція у насъ все изъ инвалидовъ, тоже боится подступиться... Ужъ чтѣмъ бы это кончилось — неизвѣстно, если-бы не Сашенька. Узнавъ въ чемъ дѣло, пошла прямо къ нему... Всѣ даже глаза зажмурили!.. Смотримъ: идетъ она отъ него и въ рукѣ у нея — ножъ. «Теперь, говоритъ, берите его поскорѣе». Ну, его взяли, связали и свезли въ больницу.

«Какъ это вы? какъ это онъ отдалъ?» стали у нея спрашивать. Сашенька и говорить: «Я подошла къ нему и сказала ласково: дайте мнѣ ножикъ. Онъ сейчасъ и отдалъ». Должно быть смѣлость-то ея его поразила,—ну, а вѣдь могло-бы и не то случиться...

— Да, счастливо отдѣлалась. Дѣйствительно, какъ вы говорите, она неглижировала жизнью. Но... какая же причина?

— А Богъ ее знаетъ... Такъ ужъ... натура такая.

— Но вѣдь мать-же ее не тиранила, а такъ только не любила?

— Нѣтъ, тиранствъ никакихъ не дѣлала, это чтѣ говорить. А вотъ послѣднй годъ Саша перестала неглижировать собою; прежде бывало совсѣмъ себя не берегла: осенью или зимою прелегко одѣвалась, безъ калошъ бѣгала—и ничего, а тутъ вдругъ стала кутаться, беречь себя... Однажды, какъ-то вечеромъ, матери ея дома не было, она и открылась мнѣ: «Полюбила я, говоритъ,—Васю, только не знаю, что изъ этого выйдетъ. И онъ меня, говоритъ, полюбилъ, Лизавета Ивановна... Васей звали старшаго сына нашего священника. Семинаристомъ онъ былъ и курсъ оканчивалъ. «Что-жъ, говорю я и смѣюсь: — матушкой-попадѣй будете. Маменька-то вѣрно согласится»... «Нѣтъ, говоритъ,—онъ хочетъ быть докторомъ, хочетъ ѣхать въ Петербургъ медицинѣ учиться.» — «Ну, а батюшка-то?» спрашиваю. «Отецъ сер-

дится, а, впрочемъ, говорить: не держу, только денегъ отъ меня не жди»... Я головой покачала. — «Ничего, говоритъ, — Лизавета Ивановна, ему-бы вотъ одинъ годъ только какъ нибудь прожить тамъ, а послѣ, такое правило есть: кто хорошо учится, тому деньги выдаютъ... Онъ завтра идетъ пѣшкомъ.» — Неужели, говорю,—пѣшкомъ идетъ, въ Петербургъ-то?... «Не онъ, говоритъ,—первый, не онъ послѣднй. Другіе-же идутъ и доходятъ. Я работать буду, стану посылать ему деньги — не говорите только объ этомъ маменькѣ. Не то что-бы я боялась, а такъ... не нужно»... «Да какъ же, спрашиваю, — первый-то годъ онъ тамъ проживаетъ?»... «Ну, уроки будетъ давать... Голова на плечахъ есть, руки —также»... А гляжу—задумалась и бровки наморщила, да вдругъ эдакъ весело и говорить: «А какъ курсъ кончить, будетъ докторомъ—мы и поженемся тогда... Эхъ, Лизавета Ивановна, заснуть бы на все это время! Лежать, ничего не видѣть и ничего не слышать!..»

А Вася-то и въ самомъ дѣлѣ ушелъ, и какъ теперь помню, передъ самымъ усненскимъ постомъ. Прошла осень. Дѣвѣ послѣ Покрова пролетѣли; зашла я какъ-то къ Марьѣ Яковлевнѣ. Въ сѣняхъ встрѣтила Сашу. Смотрю, что-то лицо-то у нея такое не то сердитое, не то грустное... «Что, говорю,—Сашенька, не здоровится тебѣ, родная моя?»

— «Нѣтъ, говоритъ, ничего... здорова», а сама смотреть мнѣ въ плечо и глазами не мигаетъ.

— Ну, какія вѣсточка отъ Василія Акимыча?

— «Плохо... скверно...»

— Не хорошо, значить, тамъ ему живется?»

— «Очень не хорошо... Трудно ему тамъ, а я... я не могу помочь...»

И вдругъ говорить:

— «Можно послать по почтѣ золотыя сережки?»

Смотрю я на нее и самой мнѣ грустно сдѣлалось.

— «Прошелъ бы ужъ поскорѣй этотъ годъ! Была-бы я ужъ покойна тогда... Что вы, говоритъ,—такъ на меня смотрите? Вы думаете, что сватовство этого чиновника меня огорчило? Ничуть».

— Какого, спрашиваю, чиновника?

— «Да развѣ не слышали, что ко мнѣ сватается господинъ Пеклеваниковъ? Ну, какже! Вѣдь изволили влюбиться...»

Усмѣхнулась она тутъ немножко и потомъ зѣвнула.

— Нѣтъ, говорю,—ничего я объ этомъ сватовствѣ не слышала.

— «Какже—самъ былъ... Изъяснялся».

— Ну, а маменька что?

— «Извѣстно... гонитъ за-мужъ... Довольно, говоритъ, хлѣба моего поѣла... Ну, да это мнѣ все равно: не могу же я имѣть двухъ жениховъ!..»

А Пеклеваниковъ этотъ, доложу вамъ, мѣсто хотя и небольшое занималъ на службѣ, а человекъ былъ съ деньгами. Вдовый онъ былъ и, говорятъ, характерный... Ну, поговорили мы еще съ Сашенькой—и разошлись.

Лизавета Ивановна вздохнула и вдругъ ахнула:

— Вотъ заговорила какъ! Чай-то простылъ мой.

И она покончила съ пятой чашкой.

— Ну, долго не стану рассказывать. Въ концѣ ноября это случилось, ужъ Екатерининъ прошелъ. Иду это я въ лавку и встрѣчаю Сашеньку. Идетъ такія медленными шагами, будто гуляетъ, а смотрю—прелегко одѣта.

— Куда это, спрашиваю,—гуляете?

— «Да, такъ... немножко».

Остановились. Странное такое у нея лицо...

— Что, видно письмо отъ Василія Акимыча получили?

— «Отъ его товарища получила...»

И вдругъ схватила мою руку. Смотрю: слезы бѣгутъ по лицу.

— Что ты, родная моя?...

— «Онъ умеръ, Лизавета Ивановна».

— Кто, голубушка?

— «Вася... умеръ. Прощайте!»

Пожала мнѣ руку и пошла. Слышу это я, на другой день,

Борьба за Неву. III. Отступление русскихъ отъ Выборга. Рис. Коверзневъ, грав. Ольшескій.

что Марья Яковлевна ищет Сашеньку... Пропала, говорят, сбѣжала! Удивило меня это. «Куда ей, думаю, убѣжать? Быть этого не можетъ.» Сейчас собралась къ Марьѣ Яковлевнѣ. Прихожу. Марья Яковлевна не столько печальна, сколько сердита. «Придетъ, говоритъ,—не беспокойтесь. Это она нарочно такія штуки дѣлаетъ, чтобы Неклеванникова отводить, чтобъ онъ отказался отъ своей мысли. Да ужъ—пѣтъ! Я настою на своемъ... Вы меня извините, говоритъ,—схожу вотъ еще къ Черноперовымъ, не у нихъ-ли она гостить вздумала... А чего ходить? Ни куда и ходить-то не надо было... Марья Яковлевна, собираясь къ Черноперовымъ, пошла изъ шкапу платье себѣ другое достать. Ну, отворила, только я смотрю (шкапъ-то ко мнѣ бокомъ стоялъ) — что это она стоитъ и платья не достаетъ?...

— «Полюбуйтесь-ка, Лизавета Ивановна! Ха, ха, ха!...»

Я вскочила, подбѣжала къ шкапу... Марья Яковлевна смѣется:

— «Вотъ какъ новѣшнія-то дѣвѣцы отъ жениховъ скрываются!... Ха, ха, ха! Выходи, безстыдница!»

Смотрю—точно: стоитъ Сашенька въ шкапу на колышкахъ, бокомъ, ни головы, ни лица не видать за платьями.

— Что это вы, говорю, Сашенька? Выходите, голубушка.

А сама думаю (мурашки по спинѣ у меня забѣгали): не такая она дѣвушка, чтобы въ шкапъ прятаться... Совсѣмъ это не въ ейномъ характерѣ... Марья Яковлевна пуце разсердилась.

— «Что-жъ, вытащить тебя, что-ли?...»

Сашенька хоть-бы шевельнулась... Взглянула я на Марью Яковлевну, Марья Яковлевна на меня. Подошла тутъ она совсѣмъ къ шкапу (руки-то, вижу, дрожатъ), раздвинула платья—и ротъ разинула.

— «Лизавета Ивановна! Да она... мертвая!»...

Гляжу—да, мертвая... Ручки опущены, личико посинѣло, глаза внизъ глядятъ и кончикъ языка видѣвъ. Тронула за руку—холодна... Вѣдь больше сутокъ провисѣла она на толстомъ гарусномъ шнуркѣ! Ну, тутъ слезы стали меня душиить—и я выбѣжала на улицу.

Лизавета Ивановна отвернулась и стала смотрѣть на стѣнные часы, но я видѣлъ, какъ рука ея торопливо изподтишка вытаскивала изъ ридикюля носовой платокъ.

— Такъ этотъ самый шкапъ у меня и стоитъ теперь? спросилъ я, желая прервать тяжелое молчаніе и сознавая, что дѣлаю совершенно пустой вопросъ.

— Онъ самый.

Старушка повернулась ко мнѣ и прибавила:

— Выпейте еще стаканчикъ?

— Нѣтъ, благодарю, больше не хочется. Но, позвольте, Лизавета Ивановна, почему же вы считаете его «испорченнымъ»?

— Какъ почему? Въ немъ вѣдь покойница была, а вы... Что вы, батюшка! Почему! Христосъ съ вами! Положимъ, молодая она дѣвушка, да все же мертвецъ... И землѣ-то она предана не какъ слѣдуетъ, не по закону. Извѣстно, самоубійца хоронятъ какъ... Что ужъ говорить!... Можетъ быть, душенька-то ея до сихъ поръ покою не нашла, а вѣдь съ тѣломъ-то гдѣ она разсталась, душа-то—а?... А вы—почему! Да я, вонъ, какъ шкапъ-то у меня въ коридорѣ стоялъ, вечеромъ безъ Аграфены и не выходила никуда изъ своей комнаты, да и Аграфена-то безъ меня не пошла-бы. Сохрани Господи!... То-то вотъ, пикто не покупаетъ-то его у меня, а на дрова—жалъ!... Вотъ, какъ уѣдете, въ сарай его велю перетащить.

— Однако, Лизавета Ивановна, шкапъ до сихъ поръ хорошо себя велъ?

— Смѣйтесь! Не хочу, батюшка, лгать: ничего такого худого я за нимъ не замѣтила, только Аграфена, говоритъ, слышала разъ, что будто-бы въ коридорѣ захрипѣлъ кто-то... Ну-да вѣдь можетъ такъ послышалось.

— Позвольте мнѣ еще разъ, Лизавета Ивановна, поблагодарить васъ за то, что вы позволили пожѣстить такой подозрительный шкапъ въ комнатѣ.

— Ну, погодите еще благодарить. Онъ у меня вѣдь въ

комнатѣ-то не стоялъ, такъ почему я знаю? А что испорченъ—всегда скажу. Ахъ, да будетъ объ этомъ говорить! Поразскажите-ка лучше мнѣ о новомъ судѣ. Въ городѣ у насъ поговариваютъ, что новый судъ скоро пріѣдетъ. Какой это новый судъ, батюшка?

Теперь наступила и моя очередь разсказывать.

Было безъ четверти двѣнадцать, когда я простился съ Лизаветой Ивановной, пожелавъ ей покойной ночи, и отправился на свою половину.

— И вамъ покойной ночи! сказала старушка, сдѣлавъ слегка удареніе на словѣ «покойной».

Но правдѣ сказать, разсказъ Лизаветы Ивановны оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. Смуглая, «стройненькая, аккуратненькая» дѣвушка съ серьезными глазами не выходила у меня изъ головы. Воображеніе съ возмутительною отчетливостью рисовало мнѣ тотъ моментъ, съ котораго ясеневый шкапъ сталъ, по выраженію Лизаветы Ивановны, *испорченнымъ*... Въ ушахъ моихъ неизвѣстно почему раздавалась одна фраза: «Можно послать по почтѣ золотыя сережки?...» И голосъ, который спрашивалъ это, былъ молодой, звучный, пріятный голосъ.

Почти машинально, не зная для чего, подошелъ я къ шкафу, осмотрѣлъ его снаружи, потомъ открылъ, поглядѣлъ внутрь и взглянулъ на вѣшалки крѣпкой старинной работы. Вотъ, должно быть, на одномъ изъ этихъ точеныхъ крѣпкихъ колышковъ лежалъ перекинутый гарусный шнурокъ... Который же именно колышекъ помогъ Сашенькѣ перейти въ иной, лучшій міръ «идѣ же нѣсть ни болѣзней, ни воздыханій?..»

Однако, какъ вѣшалка ни крѣпка, она должна была сломаться подъ тяжестью опустившагося тѣла и, если не сломалась, то это потому, что дѣвушка не повѣсилась, а осторожно опускалась и натягивая шнурокъ—задушила себя, накинувъ предвзвѣрительно петлю. Достаточно было стоять на колышкахъ и не особенно сильно натягивать шнурокъ, чтобы петля какъ слѣдуетъ стянула шею. Затѣмъ, вѣроятно, Сашенька стала терять сознаніе, можетъ быть даже была въ обморокѣ, и тѣло ея еще ниже опустилось, а шнурокъ еще туже охватилъ смуглую шею и... все было кончено.

Я притворилъ дверцу шкафа, вздохнулъ и минутъ черезъ пять лежалъ уже въ постелѣ, докуривая папироску.

Гдѣ-то далеко часы пробили полночь, я потушилъ свѣчку, но глаза еще не думалъ закрывать, хотя сонъ и клонилъ меня. Луна ярко свѣтила; на полу рѣзко очерчивались свѣтлые голубоватые квадраты отъ единственнаго окна въ моей спальнѣ съ легкой кисейной занавѣской.

Все было тихо. Лунное сіяніе, полночь, безмолвіе, возлѣ меня ни души и даже (я поглядѣлъ въ передній уголъ) образа не было—все, такъ сказать, способствовало появленію духовъ, привидѣній и вообще существъ не отъ міра сего. Я улыбулся и посмотрѣлъ на «испорченный» шкапъ... Мнѣ хотѣлось увидѣть Сашеньку и мнѣ даже было жаль, что она, въ видѣ привидѣнія, не можетъ выйти изъ шкафа... Увы, прошло время таинственныхъ ночныхъ носѣщеній!...

Сколько времени прошло—не знаю, но уже свѣтлыхъ квадратовъ на полу я не видѣлъ, а когда взглянулъ на шкапъ, то нѣсколько удивился: черная полоса почти въ два вершка шириною зѣла между его дверцами, но я помнилъ очень хорошо, что правую дверцу шкафа притворилъ плотно... Не сама-ли она отворилась?...

Вдругъ что-то скрипнуло, а затѣмъ въ шкафу что-то зашевелилось. Дверца дрогнула и тихо двинулась, какъ будто ее толкнули изъ шкафа.

Я привсталъ на постелѣ. Нельзя сказать, чтобы я струсилъ, но сердце застучало...

Въ комнатѣ раздался легкій вздохъ и вслѣдъ затѣмъ небольшая смуглая ручка высунулась изъ шкафа и ухватилась за запертую лѣвую его дверцу. Еще мгновеніе скрипнула половица—и я увидѣлъ женскую фигуру, стоящую посреди комнаты...

Да, это была она—Сашенька!...

Она стояла ко мнѣ бокомъ и разсматривала что-то лежа-

щее у нея на ладони лѣвой руки. На ней было темное платье; кожаный широкій поясъ охватывалъ ея талью; powyше бѣлаго воротничка на шеѣ лежалъ пестрый гарусный толстый снурокъ, одинъ конецъ котораго былъ перекинутъ черезъ плечо и висѣлъ низко за спиной. Брови у нея были слегка сдвинуты; я глядѣлъ на хорошенькій нѣсколько курносый носикъ, на кругленькій подбородокъ и на высокую молодую грудь, которая то тихо подымалась, то опускалась, — и уже подумывалъ о томъ, какъ бы мнѣ тихонько встать, одѣться и явиться передъ такою интересною гостью въ приличномъ видѣ. Рука моя стала тянуть осторожно панталоны со стула, но тутъ вдругъ гостя прямо повернулась ко мнѣ, подошла къ постели и, подкидывая на ладони пару золотыхъ сережекъ, сказала:

— Можно послать это въ Петербургъ по почтѣ?

— О, конечно, можно! Если угодно, я вамъ это устрою, только извините, что засталъ меня въ постелѣ... Мнѣ такъ совѣстно!

Эхъ, подумалъ я, совсѣмъ не надо было раздѣваться!...

— Это ничего, не перевайтесь, заговорила дѣвушка: — а за услугу очень вамъ благодарна, только вы поскорѣй

отошлите сережки! И еще къ вамъ просьба! могу я жить здѣсь, вотъ въ немъ?... (и она указала на шкафъ) Я не буду васъ беспокоить... Неправда-ли, вѣдь это пустяки, что шкафъ испорченъ? Жизнь испорчена—это такъ, но вовсе не шкафъ! Ха, ха, ха!... Вы, пожалуйста, не вѣрьте Лизаветѣ Ивановѣ и Аграфенѣ!... Онѣ боятся—сами не зная чего... Сашенька стала весело подбрасывать сережки и ловить ихъ.

— Я всѣмъ имъ языкъ показала! Ха, ха, ха!...

Я привсталъ, чтобы лучше разглядѣть ея лицо, но тутъ сильный свѣтъ рѣзнулъ мнѣ глаза...

Утреннее солнце ярко свѣтило въ мое окно. Въ палисадникѣ чирикали птички. Я взглянулъ на часы — было уже десять.

— Ну, что, какъ вы почивали сегодня? спросила Лизавета Ивановна за кофе.

— Очень хорошо почивалъ, Лизавета Ивановна.

— Ну, и ничего... такова... гм!... спокойно было?

— Все было спокойно. Шкафъ хотя и испорченъ, но вель себя хорошо.

БОРЬБА ЗА НЕВУ.

III. XIV вѣкъ. Отступленіе отъ Выборга въ сентябрѣ 1322 г. при В. К. М. Юри Даниловичѣ.

Прошло десять лѣтъ затишья послѣ разрушенія нами невской твердыни. Повгородцы знали безпорядки въ Швеции, вслѣдствіе междоусобія короля съ братьями, казвившими самого правителя маршала Торкеля. Духовенство, поддерживавшее дѣло принцевъ дѣлало что хотѣло, особенно послѣ плѣна короля Биргера съ семействомъ. По договору въ Никенингѣ, за выпускъ изъ плѣна, король уступилъ братьямъ всю Финляндію и восточную Ботнію съ Або, Тавастгусомъ и Выборгомъ, а самъ долженъ былъ удовольствоваться тою только частью, которую они оставили ему. Датскій и Норвежскій короли подали помощь Биргеру, но были разбиты, а затѣмъ, въ возмездіе, братья Биргера въ началѣ 1310 года затѣяли войну съ Норвегіею—и хотя одержали перевѣсъ, но вооружили противъ себя духовенство, не щадя, при передвиженіяхъ войска, ни монастырей, ни имѣній церкви. Жалобы на праяленіе герцоговъ дошли до папы и, опасаясь все потерять, они выдѣлили Биргеру большую часть государства и присягнули ему какъ королю своему, заключивъ этимъ обоюдное соглашеніе въ Гельсингборгѣ. Выборгскій замокъ при этомъ дѣлежѣ отошелъ къ королю, обязавшемуся заплатить за новое укрѣпленіе его. Между тѣмъ, это укрѣпленіе Выборга, возбудивъ въ Новгородцахъ справедливыя опасенія, вызвало съ ихъ стороны походъ въ Финляндію, лѣтомъ 1310 года, покуда происходило соглашеніе между братьями. Новгородцы, выйдя «въ лодяхъ и лойвахъ» въ Ладожское озеро, вошли въ рѣку Узьерву и на порогѣ возвели укрѣпленіе, вмѣстѣ ветхаго, неспособнаго уже удерживать отсюда выхода въ Ладогу. Дальнѣйшихъ, впрочемъ, операций на этотъ годъ не предпринимали они, заручась только мѣрою оборонительною, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ дальняго похода своего обезнечить свои ладожскія волости отъ вторженія водою съ сѣвера.

Походъ большой, къ которому такъ осторожно приступили на этотъ разъ граждане торговой республики, состоялся на слѣдующій, 1311 годъ.

Раніею весною вышло новгородское ополченіе на мореходныхъ судахъ изъ Невы въ Финскій заливъ; предводителемъ былъ князь Дмитрій Романовичъ. Обойдя прибрежье острова и Выборгскій заливъ, Новгородцы вошли въ рѣку Каупе—въ лѣтониси *Купеикую* (по фински, Кауппа-купеческій), «села пожгоша и головы поймаша а скоть изсѣвона» говорить лѣтиснисъ, разорявъ все по берегамъ ея. Здѣсь былъ убитъ извѣстный храбростью Константинъ, сынъ Ильи Станимировича. Разсѣявшись по всему южно-финскому прибрежью (въ теперешней Нюландской губерніи), доходили затѣмъ побѣдители до какого-то города Вааяа—по всей вѣроятности укрѣпленія въ Абовской губерніи (земли Ванновъ). Здѣсь уже побѣдителямъ пришлось имѣть дѣло со шведами, которыхъ слѣдуетъ намъ разумѣть подъ именемъ *иммцевъ* въ лѣтониси. Шведы сидѣли въ укрѣпленіи (дѣтинцѣ), построенномъ на неприступномъ мѣстѣ. Видя съ своей стороны возможность взять и опасаясь отъ разъяреннаго неприятеля безпощаднаго истребленія, они предложили миръ, но новгородцы требовали безусловной сдачи. Такъ прошло три дня—и побѣдители, не находя возможнымъ дольше стоять у неприступной твердыни, пошли прочь, все истребляя на пути своемъ; особенно уничтожая скотъ. Подобной же участи какъ берега Черной рѣки—подверглись и прибрежья рѣкъ *Каулаи* и *Шерни*, вѣроятно наиболѣе населенныя, такъ что истребленіе коснулось почти вездѣ, гдѣ оказывались жилища людскія въ землѣ финновъ, въ прѣжніе наѣзды свои тоже нещадившихъ волостей новгород-

скихъ. Отплата теперь за прошлое была полная: всѣ «села великая пожгоша, обилая вся потравила, а скотя не оставиша ни рога». Выйдя затѣмъ съ полономъ въ море, новгородцы безъ потерь воротились въ отечество, гдѣ въ теченіе лѣта этого,—особенно отличавшагося сильными вѣтрами—два страшные пожара испепелили лучшія улицы Торговой стороны, вмѣстѣ съ торгомъ и католическою церковью на немъ. Зная погромъ Финляндіи и опасаясь сдѣлаться жертвою мстительности финновъ при вѣтрѣздѣ Финскимъ заливомъ, ладожскіе граждане Любека сдѣлали въ 1312 году пышный приемъ сильнѣйшему изъ шведскихъ герцоговъ Эрику, когда онъ проѣзжалъ черезъ ихъ городъ къ напѣ въ Авинонь, и успѣли получить отъ него грамоту въ Ворсгемск. монастырѣ (15 авг. 1312 г.) о безпрепятственномъ проходѣ судовъ своихъ въ Неву. Это обязательство шведскаго правительства служило затѣмъ любимымъ поводомъ постоянныхъ требованій охраны купеческихъ флотовъ по этому тракту въ продолженіи 250 лѣтъ. *) И это, съ одной стороны, доказываетъ важность для Ганзы именно этого пути въ Русь, а съ другой стороны—выражаетъ, нисколько не призрачно, стремленіе шведовъ быть господами невскаго пути, причѣмъ не могли они не видѣть соперниковъ въ новгородцахъ, упорно отстаивавшихъ свои земельныя владѣнія во все время самостоятельности народнои державы своей.

Безъ отместки шведы и тогда новгородцевъ не оставили. Въ 1313 году съ значительными силами вошли они въ Ладожское озеро—и посадникъ ладожскій думалъ предупредить враговъ, но выйдя изъ города, сдѣлался невольнымъ виновникомъ сожженія своего города, въ его отсутствіе взятаго шведами. Дальнѣйшаго вреда опи впрочемъ не успѣли нанести новгородскимъ волостямъ, послѣшно удалившись, вѣроятно опасаясь невыгодной встрѣчи съ мстителями за Ладогу. Гораздо большій вредъ представляло возстаніе карель подученныхъ шведами. Карелы эти, занимавшіе сѣверо-западное побережье Ладожскаго озера, измѣнически перерѣзали гарнизонъ новгородскій въ городкѣ, среди становищъ ихъ (что шведы называли Бексгольмомъ). Совершивъ эту измѣну, возставшіе динородцы врывали на защиту свою шведовъ; но въ Новгородѣ придавали настоящему случаю дѣйствительно грозящее значеніе, и не хотѣли дать усилиться возставшимъ. Поэтому, собравъ паскорю достаточныя силы, посадникъ Федоръ пошелъ въ—Карелию и разбивъ скопища возставшихъ туземцевъ, наказалъ и друзей ихъ, помощниковъ. Шведы не мстили потому, кажется, что новый разгаръ распри братьевъ—властителей лишалъ государство всякой возможности предпринимать вѣншній отпоръ. Только въ 1317 г. каперы шведскіе изъ Финляндіи прорвались опять въ Ладожское озеро—и встрѣчая обонежскихъ купцовъ, грабили и били ихъ. Эта же враждебная ихъ продѣлка вызвала новый походъ новгородцевъ въ большихъ силахъ, на слѣдующее же лѣто. А это даетъ право заключать, что разбой финнами дѣлался около осени, когда караваны съ товарами возвращались къ Волхову изъ дальнихъ волостей Свирскимъ путемъ. За ущербъ, нанесенный хищниками еще разе, дорого расплатилась несчастная Финляндія, въ то же время сдѣлавшаяся и театромъ внутрешней войны партіи короля Биргера, съ мстителями за смерть коварноумерщвленныхъ имъ братьевъ. Новгородцы на этотъ разъ, пройдя весь Финскій заливъ, входили

*) Такую ссылку находимъ мы въ книгѣ изданной любскимъ сенатомъ въ 1564 году, гдѣ исторически излагалъ городъ Любекъ обязательства къ нему, принятыя Швеціею издавна.

въ рѣку Ауру (*аура* по фински *широкая*), по лѣтописи—въ *полную рѣку*, взяли *«Лодерева (?)»* городъ Сумскаго князя ипскуль (т. е. Або) и, наказавъ уцербомъ за ущербъ, воротились непреслѣдуемые. Дешевый успѣхъ возбудилъ большія надежды. Новгородцы, какъ известно, въ годъ второго похода въ Финляндію приняли дружески (разбитаго В. Кн. Михаиломъ Ярославичемъ) князя московскаго Юрія Даниловича. Получивъ со смертью врага своего Михаила распоряженіе судьбами Руси при помощи татаръ, Юрій не забылъ своихъ добрыхъ отношеній къ Новгороду—и, на призывъ отчины святой Софіи, весною 1322 года привелъ низовые полки на помощь новгородцамъ противъ шведовъ, враждебность свою выразившихъ уже явно. Шведы вооруженною рукою приступили къ корельскому городку (Кексгольму), но не взяли его. Предводивъ сильнымъ войскомъ, своимъ и новгородскимъ, — великій князь Юрій рѣшился взять Выборгъ, изъ котораго обыкновенно и предпринимались наѣзды на наши прицевскія и приладожскія волости. Для взятія враждебной твердыни снабженъ былъ осадный корпусъ и тяжелою артиллеріею тогдашнею—6-ю *Стѣннобитными машинами* (пороками). Уже съ начала осады (12 августа) онѣ начали дѣйствовать. Гибель Выборга казалась рѣшеною—и въ частыхъ сваткахъ гарнизонъ постоянно терпѣлъ неудачи, примѣтно уменьшаясь; но, кажется, ненужная жестокость Юрія, вѣшавшаго всѣхъ плѣнниковъ,—представляя осажденнымъ равно гибель и при сдачѣ,—была основою необыкновенной стойкости шведовъ, рѣшившихся погребстись подъ развалинами. Время текло, а крѣпкій Выборгъ не сдавался. Прошелъ почти мѣсяцъ (по 9 сентября); наступили непогоды. Назначенъ штурмъ. Его отбили. И, потерявъ нѣсколькихъ храбрыхъ, великій князь безъ славы долженъ былъ отступить съ пустыми руками. Виною неуспѣха конечно, частію, слѣдуетъ считать и малую омытность Юрія, вездѣ въ бояхъ съ противниками терпѣвшаго пораженія. Оно встрѣтило его и осенью послѣ выборгскаго похода. На возвращавшіеся низовскіе полки великаго князя — какъ только оставили ихъ провожатые новгородцы — на Урдомѣ началъ князь Александръ Михайловичъ Тверской и отбилъ весь обозъ, заставивъ бѣжать Юрія безъ всего въ Псковскую область и оттуда въ Новгородъ. На весну князь великій вздумалъ загладитъ прошлогоднюю неудачу—и съ новгородцами еще разъ пошелъ на Неву. Здѣсь срубили въ истоки Невы извъ Ладожскаго озера, на островкѣ, острогъ, закрывшій входъ въ озеро. По имени островка новый острогъ (1322 г.) называли *Орѣховымъ* или *Орѣхоцеюмъ*. Сюда явилось шведское посольство отъ короля Эрика Магнусова сына — и просило мира, который въ Орѣховцѣ тогда же и заключенъ. Шведы оставили всѣ, заявляемые ими, претензіи на Неву.

Неудачный походъ Юрія къ Выборгу имѣлъ гораздо большій и выгодный результатъ, чѣмъ могли ожидать новгородцы. Миръ заключенъ, съ сохраненіемъ старыхъ обоюдныхъ предѣловъ, прибрежья Ладоги, около кр. Карель—и враги обязались, поддерживая добрыя отношенія къ сосѣдямъ, держать данное слово. Мѣстныя неурядица въ Швеции дѣйствительно должны были побуждать ея правительство къ уступчивости, тѣмъ болѣе что Новгородцы не заявляли съ своей стороны никакихъ новыхъ требованій, не отступаясь разумѣется отъ своего исконнаго владѣнія частью Карелии. Пятнадцать лѣтъ затѣмъ, нѣтъ слуховъ о недружбѣ шведской.

Только уже въ десятый годъ великаго княжества Ивана Даниловича Калиты — послѣдовало возстаніе Карель, нашедшее сочувствіе у шведовъ. Новгородцы, на весну, явились вооруженные на Невѣ и имѣли съ шведскимъ правителемъ Выборга и съ его уполномоченными нѣсколько безплодныхъ свиданій. Лѣтопись говорить (П. С. Р. Л. Т. Ш. подъ годомъ 6846) довольно леопредѣленно—*«той же весны ходиша новгородцы съ посадникомъ Фѣдоромъ, въ Неву, и стояше подъ Орѣховымъ, съсылающеся послы съ воеводоу нѣметскимъ съ Стенемъ и не бысть миру»*. Это мѣсто лѣтописи, безъ связи съ событіемъ предшествующей осени и послѣдующими дѣйствіями шведовъ, явно враждебными, ничего собственно необъясняетъ, но дѣло было гораздо важнѣе—и вина, ясно, лежала на шведскомъ вмѣшательствѣ въ наши дѣла,—если еще не было съ ихъ стороны подстреательства карель къ возстанію. Историкъ Финляндіи Ирью Коскиненъ причину возстанія карель видитъ въ притѣсненіяхъ этихъ инородцевъ новымъ вотчинникомъ, княземъ Литовскимъ, Гдѣбомъ-Наримантомъ Гедиминовичемъ, которому, по пріѣздѣ въ Новгородъ и принятіи крещенія, отчина святой Софіи (Новгородское народное правительство) поступилася, въ 1333 году, доходами съ половинъ Конопья, съ Ладоги, Орѣховаго и Карельскаго острововъ, да съ карельскихъ волостей; а онъ, въ видахъ увеличиванія доходовъ, сталъ выматывать излишніе поборы съ Карель. Принимая въ соображеніе, что Наримантъ, въ 1338 году ухаживъ въ Литву, не явился на позывъ въ Новгородъ, можно объяснить его удаленіе взаимнымъ неудовольствіемъ и остудою; но можно заподозрить и сознаваніе вины въ князѣ, не хотѣвшемъ ѣхать для разбора выясненнаго уже дѣла, когда послѣдовавшее возстаніе плательщиковъ обратило вниманіе мѣстной администраціи на ихъ положеніе въ качествѣ угнетенной стороны. Во всякомъ случаѣ, за неполнымъ выясненіемъ дѣла, обвинять Нариманта въ другомъ чѣмъ кромѣ разлада съ новгородцами,—мы не рѣшаемся и отвѣтственность за гипотезу оставляемъ на историкъ Финляндіи. Но замѣтимъ между прочимъ и здѣсь, что подобные же мотивы нашихъ притѣсненій Карель—шведскіе писатели употребляли неоднократно, умалчивая о своихъ отношеніяхъ къ этому народу.

Противъ этого, между тѣмъ, говорятъ послѣдствія рѣшенія изъ Стокгольма; такъ что, не отыскивая дальнѣйшихъ побужденій, внѣ круга соборній, мы получимъ полное оправданіе фактовъ въ совершившихся явленіяхъ. Происходило дѣло, по нашимъ лѣтописямъ, такимъ образомъ.

Карели не просто—«побиша Русь», возставъ якобы для личной защиты, но—какъ прибавляетъ лѣтописецъ — *«подведиши нѣмцы»* т. е. шведовъ, на наши волости. И съ помощію—то вооруженныхъ нѣведовъ, возмущившіеся наши исконные данники избили «Новгородцевъ много, и Ладожанъ гостей, и кто жилъ христіанъ въ Корѣлѣ» (т. е. въ острогѣ, названномъ шведами Кексгольмомъ, а финнами-карелами *Кэки-Сальми*). Ясно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ о другомъ, а не о личной защитѣ, или объ отместкѣ корыстолюбивому вотчиннику. Здѣсь совершено систематическое вторженіе въ Новгородскія волости шведскихъ вооруженныхъ людей, хотя бы и съ Карелами,—которыхъ они однако воюющею стороною не признавали, а на помощь къ нимъ явились. За вторженіемъ слѣдовало избиеніе торговыхъ людей, разумѣется съ цѣлью большой добычи, и, наконецъ, убійство христіанъ же Карель, разумѣется православныхъ, которые для католическихъ духовныхъ не разнелись отъ язычниковъ,—какъ находимъ мы въ папскихъ буллахъ о снаряженіи мнимо-крестовыхъ поличій изъ Швеціи направляемыхъ къ Ладожскому и Онежскому прибрежью. Стало быть, участію шведовъ въ дѣлѣ возстанія и вторженія Карель въ Новгородскія волости напрасно не усматриваетъ историкъ Финляндіи, которому не требовалось въ этомъ случаѣ и большой прозорливости, чтобы открыть шведскую инициативу въ развитіи востанія. Изъ Выборга пришли помощники—и тогда только послѣдовалъ взрывъ; разграбивъ острогъ и имущество гостей новгородскихъ, Карели нашли оный пріютъ въ Выборгѣ—же—«сами побѣжали во Нѣметскій городокъ; и потомъ много поѣхаша христіанъ изъ Нѣмецкаго города». Понятно, поэтому, что шведскій правитель, при сѣздѣ на Невѣ,—когда требовали отъ него объясненій по вопросу о помощи шведовъ Кареламъ,—ничего не сдѣлалъ и отъ того довелъ, умышленно, дѣло до разлада съ русскими. Разладъ этотъ ему нуженъ былъ для выполненія уже рѣшенныхъ наѣздовъ на наши волости. Не добившись объясненій и не заключивъ мира, новгородцы съ посадникомъ воротились къ себѣ; а правитель Выборга съ Карелами явился въ Обонежской пятницѣ, пропеса по волостямъ большое истребленіе. Возвращаясь же оттуда, счастливый грабитель думалъ за одинъ походъ овладѣть и Ладогою, но дальнѣе сожженія посада (т. е. города по нашему, *городъ-же* по лѣтописи—это, крѣпость, острогъ) ничего не подѣлалъ.

За все за это новгородцы теперь, въ свою очередь, собрались дать должное возмездіе Выборгу съ его союзниками. Силъ, можно полагать, собралось много, хотя имена воеводъ и не приведены (но, ясно, что было много воеводъ, а стало быть и дружинъ отдѣльных). Походъ этотъ предпринятъ для наказанія шведовъ. Для этого, войдя въ шведскую Финляндію (т. е. въ округи Саво по Воксъ, Тэски и Эйрипэ), *молодцы новгородскіе* «воеваша городецкую корѣлу нѣмецкую и много попустошима земли ихъ, и жита пожоша, и скотъ изъѣхаша; и придоша вси здрави, съ полономъ», — говорить лѣтописецъ.

Наказаніемъ Финляндіи за шведовъ и Карель за возстаніе, подвигомъ вполнѣ характеризующимъ четырнадцатый вѣкъ и не у насъ только, дѣйствія новгородцевъ, въ 1338 году, не кончились.

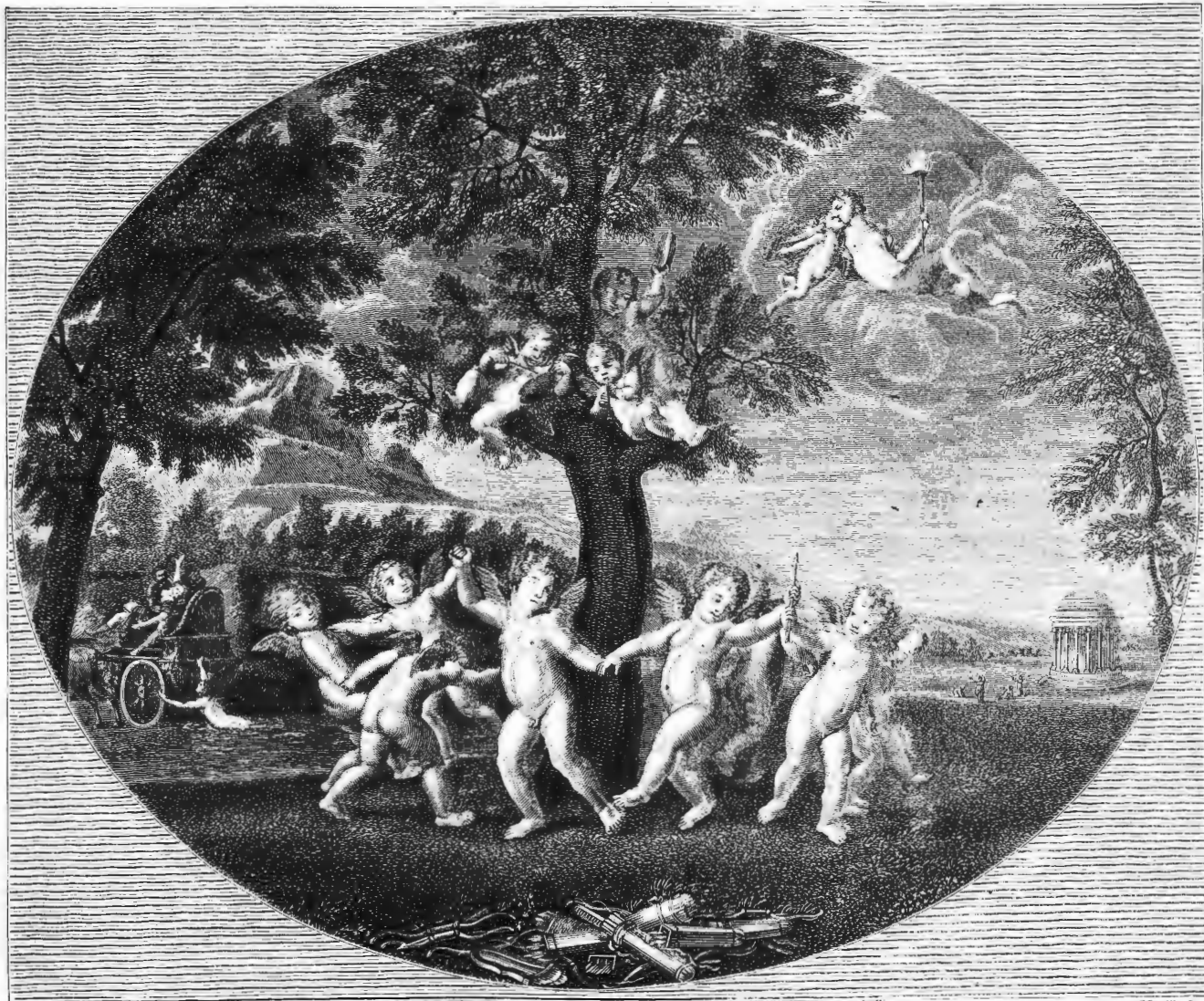
Вѣроятно моремъ, изъ Выборга, сдѣлали шведы на отместку новгородцамъ наѣздъ на Толдожскую волость, прилежащую къ конопорскому (южному) берегу Финскаго залива, между Ямами и Конопоремъ. Здѣсь, впрочемъ, наѣздъ незваныхъ гостей не оказался неожиданнымъ: все приготовлено было для встрѣчи и, видя готовность къ отпору пріѣхавшіе враги пошли къ Невѣ въ погосты ижорцевъ—Води. И тамъ успѣха было не больше шведамъ, вслѣдъ за которыми уже шель съ Конопья воевода Фѣдоръ Васильевичъ, настигнувъ враговъ разбившій ихъ наголову, въ жаркомъ дѣлѣ. Мѣсто этого боя не указано въ лѣтописи, ограничившейся заявленіемъ, что тутъ убитъ Конопорскій герой Михаилъ, какой-то, да покуда воеводоу Фѣдоромъ—конь.

Не того, разумѣется результата ожидалъ копорскій коммендантъ, нашими лѣтописями величаемый воеводоу Стенемъ. За неудачею же его послѣдовало неодобреніе шведскаго правительства, въ оправданіяхъ своихъ передъ послами новгородскими сложившаго всю вину на разбитаго военачальника. За недостиженіемъ результатовъ болѣе почтенныхъ, пришлось Швеціи у Новгорода просить мира, тою же зимою, черезъ пословъ, наряженныхъ (изъ враждебнаго незадолго, но теперь смиреннаго, Выборга) новымъ начальникомъ его (воеводоу Петрикомъ, по лѣтописи). Извиняясь въ возникшихъ враждебностяхъ, послы шведскіе, нарочно или искренно (какъ знать, когда молчать ихъ исторіи объ этомъ совсѣмъ), заявляли что король не зналъ о беспорядкахъ, а узнавъ дослалъ ихъ утвердить миръ на старыхъ основаніяхъ, съ забвеніемъ взаимныхъ предлоговъ распри. Новгородскія наряды отъ себя къ королю двухъ пословъ — Козьму Тердиславича и Александра Борисовича—и поручили имъ о разборѣ дѣла съ карелами находившимися въ шведскомъ владѣніи, изъ селенія Коупола (про Кобылицкую, Корѣлу говорить лѣтописи)—въфратно насчетъ участія въ наѣздѣ на Толдогу—особенно настаивать у короля. Послы наши короля въ Норвегіи при подтвержденіи мира, и отвѣтъ получили благоприятный по отдѣльному ходатайству. Король Магнусъ выразился, что если Карели шведскіе явятся къ ново-

городцамъ, то тѣ могутъ ихъ вѣшать безнаказанно. «Или ваши къ намъ, также сѣворимъ, дажъ не польстятъ про межю нами». Каушалскихъ же корель отклонилъ выдачу за прїятіемъ ими католицизма, прибавивъ—для большаго вѣроитно убѣжденїя пословъ въ уступкѣ съ нашей стороны—«и безъ того мало ихъ осталось: всѣ перемерли «гнѣвомъ Божїимъ».

Вѣроитно такой аргументъ имѣлъ полную состоятельность, потому что послы больше не требовали суда и дѣло кончили къ обоюдному удовольствїю. О мирѣ этомъ шведскїе историки говорятъ,—хотя лаконически, не высказывая поводовъ;—по этому въ точности нашихъ сказанїй нѣтъ повода усомниться.

нуса,—стоявшаго съ флотомъ въ Біоркѣ-Зундѣ (между Выборгомъ и Котлиномъ, въ Финскомъ заливѣ, у Финляндскаго берега),— аудїенціи, а являсь къ нему, напрасно заявляли что предлога къ неприязни нѣтъ. Король подверждалъ самъ это, но упорно стоялъ на своемъ и отослалъ Кузьму ни съ чѣмъ. Резоновъ же, что если жаеаетъ его величество спорить о вѣрѣ, пусть посылаетъ къ царградскому патриарху, такъ какъ вѣру мы прїняли отъ грековъ,—король не хотѣлъ прїнимать и перешелъ къ дѣйствїямъ. Причинны этого его упорства, при недостаткѣ поводовъ войны, мы теперь хорошо знаемъ, но повгородцамъ онѣ были не извѣстны. Конечно, въ воинственной затѣт легкомысленнаго короля, надежда на ус-

ALBANI. P.

A. CARLONI. D.

1875. N. 507. P. 5

Пляска амуровъ. Картина Альбани. Рис. Карлони, грав. Саржанъ.

Взаимное дружелюбіе существовало въ полной силѣ девять лѣтъ (1339—1348 г.). Поэтому, не безъ удивленїя прочли въ Новгородѣ посланїе короля Магнуса, полученное весною 1348 года. Въ посланїи этомъ, король заявлялъ неотлѣпное желанїе быть зрителемъ словопренїя о вѣрѣ между учеными, шведскимъ и русскимъ, и просилъ выслать къ себѣ спорщика пригоднаго, на этотъ случай. Ему, какъ онъ заявлялъ, вснало на мысль рѣшить: чья вѣра лучше; а достиженїемъ этого должна считаться побѣда одной изъ сторонъ въ спорѣ. При этомъ Магнусъ прибавлялъ, разумеется, что если побѣда останется за повгородскимъ богословомъ, то онъ со всѣмъ народомъ своимъ прїнимаетъ православїе; хотя думалъ онъ о противномъ, выражаясь «сила накы аще наша вѣра лучши, и поидете въ нашу вѣру и будемъ вси за одинъ чловѣкъ». О такомъ же объединенїи меньше всего думали и его меньше всего желали въ Новгородѣ, потому, на угрозу: если не выплютъ словеснаго бойца, то онъ Магнусъ хочетъ итти на ослушниковъ, со всею своею силою,—владыка Василїй и посадникъ Федоръ Даниловичъ попытались прежде боя вступить въ переговоры и нарядили посольство.

Одинъ изъ пословъ бывшихъ у шведскаго короля при подтвержденїи имъ мира (1339 г.), Кузьма Твердиславичъ, вмѣстѣ съ Авраамомъ Тысячкимъ, прїѣхавъ въ Орѣховъ потребовали у Маг-

нѣхъ была главнымъ аргументомъ въ пользу войны; но нельзя считать и однимъ предлогомъ для открытїя военныхъ дѣйствїй—требованїе прїирательства о вѣрѣ. Вѣру и интересы католицизма король Магнусъ все же имѣлъ, на самомъ дѣлѣ, въ виду. Подстрекаемый требованїемъ папы Калимента VI о предпрїятїи крестоваго похода, Магнусъ счелъ за благо не ѣхать такъ далеко;—а выполнить требованїе папское по соседству, посредствомъ обращенїя русскихъ въ католицизмъ. Обстоятельства благоприятствовали сбору силъ достаточныхъ. Напалъ бойцовъ Магнусъ, особенно искусныхъ, въ Германїи. Скандїя, Норвегія и Шведскїя области поставили также не малое ополченїе, вѣренное начальству Генриха Желѣзнаго, герцога Голштинскаго, храбрость и распорядительность котораго въ это время славилось въ разныхъ странахъ Европы, гдѣ онъ бился. Такъ что на этотъ разъ все обѣщало успѣхъ намѣренїю короля, задумавшаго разомъ сдѣлать два дѣла: славою увѣнчаться и церкви сдѣлать удобное. А значенїе духовной власти въ Швеціи въ это время особенно было важно. Въ виду всѣхъ этихъ ожидаемыхъ результатовъ понятно упорство Магнуса и его наивный предлогъ къ разрыву. Понятны и успѣхи шведовъ въ странѣ, гдѣ до писема Магнуса о неприязни никто не думалъ и мѣрѣ къ отнору не прїнималось. Послы повгородскїе едва успѣли дѣхнать до Орѣховаго острога и въ въ немъ запереть-

сл, какъ Магнусъ уже осадилъ эту крѣпость, отправивъ въ разныя стороны партіи: бить несогладившихся креститься Вожанъ, а соизволяющихъ—обращать въ католичество.

Видя такое коляйничанье въ своей землѣ и осаду укрѣпленнаго мѣста, новгородцы, хотя и съ неохотою, послали войско противъ шведовъ. Силы новгородскія оказывались впрочемъ очень недостаточными. Искусство воеводъ Онцифора Лукиничя, Якова Хотова и Михаила Теофилактова по возможности уравнивало непропорциональность защитниковъ права отъ явнаго враждебнаго наслія легкомысленнаго Магнуса. Онцифору удалось въ бою разбить одинъ корпусъ шведскій, положивъ на мѣстѣ 500 неприятелей съ ничтожною потерю своихъ. Захваченные карелы-переметчики казнены храбрымъ воеводою. Но этотъ успѣхъ не могъ поправить дѣлъ вездѣ. Побѣдитель съ высланнымъ налегкѣ ополченіемъ долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, за продолженіемъ; осада же Магнусомъ Орѣхова острога между тѣмъ продолжалась. Второе ополченіе, наскоро сформированное въ Новгородѣ, выступило за тѣмъ подъ начальствомъ посадника Федора Даниловича, — за десять лѣтъ назадъ наказавшаго Выборгскій округъ. Въ составѣ его были сводныя дружины изъ всѣхъ мѣстностей Новгородской области, да вспомогательныя силы высланныя Псковичами и великимъ княземъ, подъ предводительствомъ воеводъ его. Это ополченіе направлено въ Ладогу. Сюда пріѣхалъ и братъ великаго князя Семена Ивановича, Иванъ Ивановичъ (будущій его премирникъ, отецъ героя Донскаго). Достаточныя силы новгородцевъ, за пересылками съ великимъ княземъ, въ несчастію, дальше не двигались, а тѣмъ временемъ, Магнусъ овладѣлъ Орѣховымъ 1 августа. Довольный настолько ничтожнымъ приобрѣтеніемъ, — разумѣется, не вознаграждавшимъ за издержки на собраніе войска, — Магнусъ за тѣмъ отступилъ въ свои предѣлы, взявъ съ собою бывшихъ у него послани и посадивъ свой значительный гарнизонъ въ Орѣховѣ.

Извѣстіе же о взятіи его дало предлогъ брату великокняжескому совѣмъ уѣхать изъ Новгородскихъ областей и, видя что больше нечего его ждать, посадникъ привелъ свои полки къ Орѣхову, что бы держать его въ блокадѣ. Такъ прошла вся осень и зима. Первый приступъ къ Орѣхову отбитъ гарнизономъ, но февраля 24-го 1349 г. (во вторникъ на Федоровой недѣлѣ), на разсвѣтѣ, второй штурмъ новгородцевъ имѣлъ полный успѣхъ. Большая часть гарнизона избита разъяренными побѣдителями, а остальные взяты и уведены въ Новгородъ. Воеводами въ Орѣховѣ, добытомъ обратно, оставлены: герой для Яковъ Хотовъ да бывшій посолъ и плѣнникъ Магнуса, Александръ Борисовичъ.

Подвигъ отнятія Орѣхова вѣроятно былъ результатомъ немалыхъ усилій. Этимъ и объясняется бездѣйствіе во всю слѣдующую навигацію. Шведы находились тоже не въ лучшемъ положеніи. Новгородцы, впрочемъ, исправились раньше враговъ. Спустя годъ по взятіи, раннею весной снаряжена въ Новгородѣ экспедиція къ Выборгу. Участіе въ этомъ походѣ приняли нѣсколько воеводъ. Намѣстникъ великаго князя за себя послалъ сына Александра Борисовича; главное начальство принялъ тысяцскій Иванъ Федоровичъ; подъ нимъ было три воеводы: въ томъ числѣ и воевода Орѣховскій Яковъ Хотовичъ. Марта 21-го силы новгородскія

подошли къ Выборгу и сожгли дома городскихъ жителей. Шведы сдѣлали на слѣдующій день вылазку въ большое числѣ, но были разбиты, такъ что въ крѣпость снесся малый остатокъ. Укрѣпленный замокъ воеводы брать не хотѣли, но ограничились разореніемъ окрестностей и захватомъ плѣнныхъ. Довольные острасткою, новгородцы удалились, рассчитывая вѣрно на выгодные результаты, которые и этимъ могли быть достигнуты. Дѣйствительно, въ это же лѣто ири посредствомъ Дерптскаго епископа, шведское правительство вошло въ соглашеніе съ Новгородомъ и возвратило плѣнныхъ воеводъ, взятыхъ въ Орѣховѣ: Кузьму, Авраама, Александра и Андрея. О враждебностяхъ болѣе не упоминалось; прошло 42 года (1350—1392 г.) мирно. Только подъ годомъ 690 отъ сотв. міра, находимъ мы въ лѣтописи указаніе, что въ Неву приходили съ моря разбойники шведскіе и захватили селенія по обѣимъ сторонамъ Невы, не добывая только пяти верстъ до Орѣшка. Военными силами въ Новгородѣ начальствовалъ князь Литовскій Семень Ольгердовичъ. При вѣсти о появленіи хищниковъ князь Семень, находившійся въ то время въ Орѣшкѣ, съ собранными наскоро силами напалъ на грабителей, разбилъ ихъ и плѣнниковъ отвелъ въ Новгородъ. Не видно однако, чтобы новгородцы просили удовлетворенія отъ шведскаго правительства за этотъ наѣздъ; и такъ, вѣроятно предположеніе, что у насъ съ шведами были уже пелюды. Это подтверждается и появленіемъ въ 1395 году шведской военной партіи у крѣпости Ямы. Въ слѣдующемъ (1296) году опять упоминается о наѣздѣ на наши корельскіе за-ладожскіе погосты Кюрье и Кюло; въ послѣднемъ изъ нихъ хищники сожгли церковь. Князь Константинъ Вяземскій, принятый новгородцами дружески, въ 1393 году, на этотъ разъ сослужилъ службу Новгороду, прогнавъ хищниковъ и захвативъ у нихъ языковъ, отъ которыхъ вѣроятно допытались: что это была за партія? Это, какъ должно полагать, были опять Виталиево братья, которые отваживались даже въ это время нападать на самый Стокгольмъ. Въ Финляндіи, оставшейся во власти короля Альберта, Виталиево братство поддерживавшее сверженнаго шведами владѣтеля, дѣлало что хотѣло и это продолжалось до 1399 года, когда Эрикъ Померанскій признанъ законнымъ властителемъ великаго княжества. Время свирѣпства Виталиевыхъ братьевъ не привело однако разлада Новгорода съ Швеціею и не вызвало ни разу отместки за совершаемые грабежи. Въ 1411 году, однако, почему-то взаимное охлажденіе сосѣдей дошло до того что шведы напали на Тивирскій городокъ Новгородской. Тогда новгородцы уже предприняли сами походъ въ шведскую сторону. Дошли до Выборга и овладѣли наружными укрѣпленіями замка, предавъ все огню. Этотъ разгромъ послѣдовалъ на другой день послѣ Благовѣщенья и затѣмъ съ большимъ поиломъ воеводы воротились въ Новгородъ безъ потерь, кромѣ одного храбреца Павла, съ Нутной улицы. Добыча добытая при этомъ наѣздѣ новгородцами была такъ велика, что участники похода, на часть приобрѣтеній своихъ, соорудили великолѣпный храмъ каменный— соборъ Архангела Гавріила, на Хревковой улицѣ (1413 г.)

Это было послѣднее нападеніе совершенное новгородцами при самобытномъ существованіи.

Прививаніе чумы рогатаго скота.

Вопросъ о мѣрахъ къ искорененію чумы рогатаго скота сдѣлался въ настоящее время вопросомъ международнымъ. Важное значеніе его для гигиены и для народнаго хозяйства — признается теперь всѣми. Именно условія нашего сельскаго хозяйства настоятельно требуютъ разрѣшенія этого вопроса, къ чему неоднократно обращалась особая сельско-хозяйственная коммисія при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Россіи принадлежитъ заслуга первыхъ опытовъ прививанія чумы. Опыты эти были въ первый разъ сдѣланы профессоромъ Иессеномъ въ Дерптѣ. Они основываются на гипотезѣ, по аналогіи оснопрививанія, прививать чуму здоровымъ животнымъ—и этимъ предохранять ихъ отъ дѣйствительной заразы.

Недавно профессоръ Иессенъ написалъ подробный отчетъ о своихъ опытахъ, приводимъ отсюда слѣдующія интересныя данныя:

Изъ отчета о первыхъ опытахъ прививанія чумы рогатаго скота, предпринятыхъ по высочайшему повелѣнію въ Новороссійскомъ краѣ, видно, что въ числѣ посѣтителей учрежденнаго въ 1753 г. въ Гидиримѣ заведенія для прививанія чумы—находился, давно умершій, Краусъ, тогдашній оберъ-шуйльцъ нѣмецкой колоніи Фрейденшталя. Этотъ послѣдній уже въ то время признавалъ огромную важность прививанія чумы скоту, въ доказательство чего, въ 1855 г., онъ нагналъ съ своего хутора, находившагося близъ Кучоргала, 20 штукъ здороваго рогатаго скота различныхъ возрастовъ, за 35 верстъ, въ Барабай, чтобы имъ тамъ было сдѣлано прививаніе. При этомъ онъ заявилъ, что не будетъ имѣть никакихъ претензій на вознагражденіе за убытки, еслибы потерпѣлъ потери въ стадѣ вслѣдствіе прививанія.

Исторію этого прививанія, сдѣланнаго 6 августа 1855 г. помѣщенъ въ общихъ свѣдѣніяхъ объ опытахъ прививанія чумы въ Россіи, предпринятыхъ съ 1853 г. Намъ не къ чему подробно повторять ее здѣсь; достаточно сказать—что только у немногихъ

изъ привитыхъ животныхъ показались нѣкоторыя незначительныя болѣзненныя явленія, и только одно изъ нихъ пало вслѣдствіи отъ изнурительной лихорадки. Когда же въ декабрѣ 1855 г. привитый скотъ былъ пригнанъ обратно на хуторъ, гдѣ находилось еще 40 штукъ непривитаго скота, между послѣднимъ открылась чума; заболѣло 25 штукъ, околѣло изъ нихъ 7. Привитые же 19 всѣ остались совершенно здоровы. Разумѣется, это еще больше укрѣпило вѣру Крауса въ предохранительную силу чумо-прививанія.

Во время торжественной коронаціи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ 1856 г., оберъ-шуйльцъ Краусъ былъ посланъ въ Москву делегатомъ отъ одесскихъ колоній. Уже въ то время возникъ споръ объ томъ, должно ли чумо-прививаніе стеному скоту оставаться на степени опытовъ, или же должно уже въ большихъ размѣрахъ быть предпринято на практикѣ. «Съ моей стороны», говоритъ профессоръ Иессенъ, «какъ я уже высказывался въ моихъ отзывахъ, періодъ временныхъ коммисій прошелъ; для блага государства чумопрививаніе въ степяхъ должно быть введено на прочныхъ основаніяхъ и въ обширныхъ размѣрахъ. Мы имѣемъ такія же, если еще не большія свѣдѣнія о чумѣ рогатаго скота какія имѣли доктора о коровьей оспѣ, въ то время когда возникла мысль о прививаніи ея». Всѣ мѣры предпринимавшія въ этомъ отношеніи казались профессору Иессену слишкомъ медленными. Въ надеждѣ возбудить участіе къ этому дѣлу въ правительственныхъ сферахъ, онъ писалъ тогда г. лейб-медику Кареллю, также находившемуся во время коронаціи въ Москвѣ и живо интересовавшемуся вопросомъ, предлагая ему призвать оберъ-шуйльца Крауса, чтобы тотъ передалъ ему то, что онъ знаетъ о прививаніи чумы рогатому скоту и объ результатахъ онаго. Докторъ Карелль исполнилъ это. Краусъ такъ понравился ему, что онъ представилъ его Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ;

Ея Императорское Высочество съ большимъ интересомъ изволила выслушать его сообщенія о чумѣ и о прививаніи ея въ колоніяхъ.

«Послѣ я узналъ», рассказываетъ профессоръ Иессенъ, «что Краусъ говорилъ: «когда я имѣлъ счастье разговаривать съ Великой Княгиней, сначала я очень оробѣлъ и былъ сдержанъ. Но ея простота и пріятливость скоро развязали мнѣ языкъ, и я такъ все прямо и началъ рассказывать, какъ думалъ».

«Не менѣе радостно былъ я удивленъ» продолжаетъ свой рассказъ г. Иессенъ, «когда, нѣсколько времени спустя, г. ландратъ фонъ Грюневальдъ - Коику и баронъ ф. Энгельгардтъ, тогдашній управляющій Карловки, посѣтили меня въ Дерптѣ и сообщили мнѣ, что Великая Княгиня Елена Павловна рѣшила основать въ Карловкѣ особое заведеніе для чумопрививанія, и просить меня рекомендовать опытнаго, воспитывавшагося въ нашемъ заведеніи ветеринара, для порученія ему устройства и веденія этого института, и написать для него инструкцію. Между тѣмъ порученіе это поставило меня въ немалое затрудненіе. Тѣ изъ нашихъ бывшихъ воспитанниковъ, которые присутствовали при чумопрививаніи въ степи (въ чемъ принимали участіе и учителя Дерптской ветеринарной школы), состояли уже на государственной службѣ; рекомендовать можно было только ассистента въ нашей клиникѣ, Макса Раупахъ, искуснаго, хорошо образованнаго и надежнаго ветеринара; но онъ никогда не бывалъ въ степи, впрочемъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ прививаніяхъ производимыхъ въ Дерптѣ и вообще живо интересовался дѣломъ. Вслѣдствіе этого объ немъ было сдѣлано представленіе, которое и получило утверженіе Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны.

Такъ какъ я самъ никогда не видалъ большаго имѣнія Карловки, то мнѣ было чрезвычайно трудно составить соответствующій мѣстнымъ условіямъ планъ для учрежденія въ немъ чумопрививательнаго института, тѣмъ болѣе что еще не извѣстно было, какія результаты даетъ чумопрививаніе въ Полтавской губерніи; можно было только предполагать, что они будутъ такъ же удачны какъ тѣ, что получились въ сосѣдней Харьковской губерніи, гдѣ уже дѣлались эти опыты.

Когда въ 1857 г. началось чумопрививаніе въ Карловкѣ, тамъ было два стада: одно большое экономическое стадо, превосходнаго рабочаго скота изъ чистой тамошней степной породы, и другое поменьше, молочнаго скота изъ старой англійской, но давно введенной и акклиматизированной тамъ, девонширской породы. Съ 1857 г. рабочіе вола, которые на пути часто соприкасались съ животными зараженными чумой и заражались сами, не рѣдко заносили съ собой заразу, что стоило чувствительныхъ жертвъ, особенно если заражался англійскій скотъ. Теперь въ экономическомъ стадѣ изъ степнаго скота начали прививать чуму; всѣ новорожденные телята, по достиженіи отъ 1 до 1½ года прививались, такъ что наконецъ въ этомъ стадѣ не осталось ни одной штуки взрослога скота непродержаннаго отъ чумы посредствомъ прививанія. Мало по малу въ институтѣ стали принимать для прививанія чумы молодой скотъ чистой степной породы отъ сосѣднихъ крестьянъ и помѣщиковъ. Въ 1868 г. число привитаго тамъ скота простиралось до 1764 головъ; отсюда выздоровѣло 1650, пало 114—6,46 процентовъ всего стада, преимущественно годовалыхъ и полуторогодовалыхъ, и вслѣдствіе этого не слишкомъ цѣнныхъ животныхъ. Изъ всѣхъ остальныхъ 1650 штукъ ни одна никогда въ послѣдствіи не заболѣвала чумой, хотя онѣ часто намѣренно, а иногда и ненамѣренно были подвергаемы заразѣ.

Стадо состоящее изъ англійскаго скота не было привито, такъ какъ, на основаніи опыта, въ немъ опасались большихъ потерь отъ этой операціи. Но вслѣдствіе того что рабочіе вола не заносили къ нему больше чумы, то этимъ самымъ, косвеннымъ образомъ было защищено и оно, и съ 1858 въ немъ не было болѣзни.

Этимъ важнымъ опытомъ край обязанъ покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Что касается до Макса Раупахъ, то за нимъ остается заслуга, что онъ въ высшей степени осторожнымъ выполненіемъ своей задачи возбудилъ довѣріе, безъ котораго никогда бы не было достигнуто такихъ блистательныхъ результатовъ.

Съ 1867 г., по различнымъ причинамъ, объ которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться, въ Карловкѣ не дѣлалось болѣе прививанія. Главная причина, впрочемъ, заключалась въ недостатокъ хорошей, дѣйствительно чумной матеріи, вслѣдствіе того, что въ томъ году въ окрестности не было болѣзни. Но когда въ 1871 г. стала приближаться сюда чума, уничтожавшая рогатый скотъ въ страшныхъ размѣрахъ, надо было опять поду-

мать о прививаніи накопившагося въ большомъ количествѣ непривитаго молодаго и стараго скота въ экономическомъ стадѣ. Макс Раупахъ самъ началъ заниматься приготовленіями къ этому дѣлу, но по болѣзни принужденъ былъ уѣхать за границу. Великая Княгиня между тѣмъ назначила къ нему ассистентомъ его младшаго брата Казимира, который и сталъ продолжать это дѣло. Теперь старшій Раупахъ выздоровѣлъ, и оба брата работаютъ вмѣстѣ.

Послѣдній ихъ отчетъ далеко превосходитъ своимъ интересомъ всѣ присланные до сихъ поръ отчеты, во 1) тѣмъ, что въ 1872 и 1873 г. въ чумопрививательномъ заведеніи, и въ другихъ стадахъ черезъ посредство его, число привитаго скота (1748), почти равнялось всему числу привитаго тамъ до тѣхъ поръ скота; во 2) тѣмъ, что теперь прививался, не такъ какъ прежде, только скотъ чистой степной породы, но и скотъ скрещенной породы,— не только годовалыя и полуторогодовалыя животныя, но и моложе этого возраста, равно какъ и старыя быки и коровы; наконецъ въ 3) тѣмъ, что у половины показаннаго числа были сдѣланы прививанія вынужденныя необходимостью, и они фактически убѣдили самаго прививателя въ высокомъ значеніи и въ примѣнимости этой мѣры, которая по всей вѣроятности послужитъ въ будущемъ къ уничтоженію чумы рогатаго скота.

Что касается предупредительныхъ прививокъ, то, по показаніямъ братьевъ Раупахъ, онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Привито.	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Пало.	Общій проц. потери
865.	865.	822.	43	4,97.

Вынужденныя прививки:

Привито.	Выздоровѣло.	Пало.	Общій проц. потери
863.	728.	135.	15,63.

Большій процентъ потери при вынужденномъ прививаніи естественно происходитъ отъ того, что когда приступаютъ къ прививанію въ то время какъ чума уже открылась въ стадѣ — въ немъ конечно всегда есть большее или меньшее количество зараженныхъ уже животныхъ, которыя болѣею частью падаютъ. Число заболѣвшихъ не показано, такъ какъ его нельзя было опредѣлить съ полной точностью, потому что прививатель не могъ лично быть на мѣстѣ въ теченіи всего прививочнаго періода. Такъ какъ прививаніе это дѣлалось по большей части старому скоту, то весьма вѣроятно, что многіе и вовсе не заболѣвали, потому что они уже разъ перенесли натуральную чуму, и слѣдовательно были предохранены отъ вторичнаго заболѣванія.

Въ числѣ животныхъ подвергнутыхъ вынужденному прививанію было много рабочихъ воловъ. Сюда слѣдуетъ еще причислить 108 штукъ, которымъ было сдѣлано предохранительное прививаніе; изъ нихъ 100 выздоровѣло и 8 пало.

Въ 1869 г. во время первой выставки рогатаго скота въ Петербургѣ, въ преніяхъ о чумѣ, одинъ южно-русскій помѣщикъ высказалъ мнѣніе, что «чумопрививаніе можетъ быть дѣлаемо съ успѣхомъ только на степныхъ телятахъ», и старался выставить причины: почему ни одинъ хозяинъ не подвергнетъ ему рабочаго скота, хотя бы изва угрожала уже очень близко.*)

Но вотъ теперь мы имѣемъ доказательство, что разумные сельскіе хозяева Полтавской губерніи (которымъ, не смотря на всѣ мѣры предосторожности не удалось уберечь свои стада отъ чумы), безъ всякихъ видовъ на вознагражденіе за свои убытки, подвергли до 900 штукъ рабочихъ воловъ вынужденному и предохранительному прививанію; 728 перенесли первое, 100 второе, и всѣ они черезъ 4 недѣли послѣ прививанія, могли быть употреблены на работы.

Какъ благоразумно поступили эти скотовладельцы, прибѣгнувъ противъ злокачественной извы къ прививанію,—разительное доказательство тому приводятъ братья Раупахъ.

Въ 3-хъ лежащихъ неподалеку другъ отъ друга общинахъ Константиноградскаго округа, въ декабрѣ 1871 г. открылась чума, и свирѣпствовала тамъ до августа 1872 г. Во время появленія заразы, число скота простиралось до 2559 головъ. Заболѣло: 1979, выздоровѣло: 516, оставалось больныхъ: 218, пало: 1245.

Слѣдовательно отъ извы погибло 48½ пр. всего стада, или 60, 33 пр. заболѣвшихъ; зараза продолжалась еще послѣ семимѣсячнаго свирѣпствованія, и каждый день давала случаи къ дальнѣйшему распространенію.

Еслибы несчастные крестьяне, сейчасъ же какъ появилась чума, привили весь свой скотъ, то они потеряли бы около 400 штукъ; слѣдовательно у нихъ осталось бы 800 штукъ больше, все остальное стадо было бы предохранено отъ извы, и черезъ 5 недѣль они совсѣмъ бы отдѣлались отъ чумы.

ПЛЯСКА АМУРОВЪ.

(КАРТИНА Ф. АЛЬБАНИ).

Франческо Альбани, живописецъ Болонской школы, современникъ братьевъ Карраччи, родился въ Болонѣ въ 1578 году. Наставниками его въ искусствѣ были сначала голландецъ Кальвертъ, потомъ оба Карраччи, Аннибале и Людовико, а другомъ и товарищемъ по ученію—Гвидо Рени, впоследствии ставшій его сопер-

никомъ. Альбани умеръ въ 1660 году въ родномъ своемъ городѣ. Плодовитый художникъ этотъ написалъ до 50 запрестольныхъ

*) См. Отчетъ о первой всероссійской выставкѣ рогатаго скота въ С.-Петербургѣ, стр. 260.

образовъ, задуманныхъ въ духъ школы Карраччи, хотя далеко превосходящихъ произведенія обоихъ братьевъ по исполненію. Но любимыми темами его творчества были картины идиллическаго содержания, иривныя воспроизведенія античныхъ мифовъ, или художественныя иллюстраціи современныхъ ему пастушескихъ поэмъ Тассо и Гварини. Рисунокъ его всегда правиленъ, колоритъ приятенъ, иѣженъ и живъ; что же касается такъ называемаго *изобрѣтенія*, то поэтической элементъ замѣтно преобладаетъ надъ собственно живописнымъ.

Отъ второй жены своей, отличавшейся замѣчательною красотою, Альбани имѣлъ 12 дѣтей, до такой степени унаслѣдовавшихъ вышнія преимущества своей матери, что всѣ могли служить художнику лучшими моделями его Венеръ, Галатей, купидоновъ и ангеловъ. Въ особенности славятся его *четыре времени года* или *стихій*, такъ называемыя *круговыя*. Теплотой и жизнью вѣетъ отъ его пейзажей, которые нерѣдко составляютъ большую часть всей картины. Нѣкоторыя условныя правила того времени придаютъ имъ

правда характеръ однообразія, ровно какъ и въ самыхъ лицахъ порою недостають глубины выраженія.

Въ Дрезденской галлерей находится болѣе десятка его произведеній, въ Парижской «Венера и Адонисъ», въ Лейптенбергской «Похищеніе Европы», въ Миланской «Похищеніе Прозерпины» и въ палаццо Брера прилагаемая «Пляска амуровъ». Вокругъ раскидистаго, густаго дерева, среди пейзажа, какъ-бы охваченнаго разиѣживающимъ зноемъ, подъ звуки оркестра, притаившагося въ зеленой листвѣ, пляшетъ и кружится веселый рой маленькихъ крылатыхъ стрѣлковъ, торжествуя послѣднюю побѣду. Направо вдаль храмъ и надъ нимъ паритъ Венера, пожираемая вѣчнымъ огнемъ страсти, эмблемою котораго служитъ ея пламенныйкъ. Налѣво—нимфа старается удержать колесницу похитителя, увлекающаго ея подругу.

Это произведеніе Альбани копируется охотнѣе всѣхъ прочихъ и не разъ уже вдохновляло лучшихъ гравировъ

Кромвель и министр Филиппа IV.

Хитрость Кромвеля вошла въ поговорку,—и разные отдѣльные случаи изъ его жизни, которые сдѣлались внослѣдствіи извѣстными, подтверждаютъ это сужденіе потомства. Но все-таки исторіи еще далеко не извѣстны всѣ тайныя нити, какія нерѣдко приводились въ движеніе расточительной политики протектора. Къ числу нерешенныхъ по преданію анекдотовъ, не опирающихся на какія либо опредѣленные документы, принадлежитъ и слѣдующій, судить о которомъ мы предоставляемъ нашимъ читателямъ.

Кромвель чрезвычайно любилъ военные парады. Разъ, въ сопровожденіи Ирстона и Ферфакса, онъ дѣлалъ смотръ войскамъ; вдругъ, среди оживленнаго разговора, онъ прерываетъ себя на полъ-словъ и стремится къ скверно и грязно одѣтому человѣку, котораго онъ завидѣлъ вдаль.

Отведя этого человѣка всторону и поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Кромвель опять вернулся къ своимъ спутникамъ, однако не сказалъ имъ ни одного слова въ объясненіе своего поступка. Мѣсяць спустя, обѣдая съ ними, онъ вдругъ спросилъ: помнятъ-ли они это обстоятельство,—и когда они отвѣчали утвердительно, онъ съ гордостію произнесъ: «Человѣкъ, съ которымъ я разговаривалъ,—испанскій жидъ; онъ сообщилъ мнѣ, что изъ Кадикса ждутъ нѣсколько галльоновъ. По этому я принялъ свои мѣры — и сейчасъ получилъ извѣстіе, что Блеттъ привелъ два пріза въ Плимутскую гавань».

Но эта богатая добыча не была единственною цѣлью Кромвеля; его фантазія умѣла присоединить къ этому еще другой проектъ.

Послѣ обѣда онъ велѣлъ позвать къ себѣ своего секретаря Турнона, единственнаго человѣка, который пользовался его довѣріемъ, и приказалъ ему привести къ себѣ самаго искуснаго взламывателя замковъ, какой только можетъ найдтись въ Англій. Въ то время въ Ньюгэтской тюрьмѣ сидѣлъ знаменитый воръ, приговоренный за разныя проделки къ смерти. Когда онъ былъ приведенъ къ Кромвелю, послѣдній объявилъ ему, что если онъ въ точности исполнитъ возложенное на него порученіе, то кромѣ помилованія получитъ еще значительную сумму денегъ,—но что, если онъ на одну іоту уклонится отъ данныхъ инструкцій, или хотя однимъ намѣкомъ проговорится объ этомъ дѣлѣ, то неминуемо заплатитъ за это жизнь. Приговоренный къ смерти преступникъ, обрадованный неожиданной надеждой на спасеніе, обѣщавъ исполнить все что ему прикажутъ. Впрочемъ, ему нечего было сожалѣть о заключенномъ договорѣ, потому что все дѣло заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ ѣхать въ Мадридъ и тамъ въ извѣстные часы гулять по Прадо, не обмѣниваясь ни съ кѣмъ ни словомъ, пока не увидитъ человѣка въ плащѣ необыкновеннаго цвѣта, который три раза подастъ ему особенный сигналъ. За этимъ человѣкомъ онъ долженъ слѣдовать и безусловно повиноваться ему.

Воръ получилъ весьма изрядную сумму на путевыя издержки и сѣлъ на корабль, чтобы плыть къ испанской столицѣ. Онъ ужъ много дней гулялъ взадъ и впередъ по Прадо, не открывая нигдѣ означеннаго ему необыкновеннаго костюма; наконецъ человѣкъ, на которомъ былъ надѣтъ такой плащъ какого онъ искалъ, три раза подалъ ему условный знакъ. Нашъ преступникъ послѣдовалъ за своимъ проводникомъ; тотъ сначала отвелъ его въ уединенное мѣсто и спросилъ, при немъ ли всѣ фальшивыя ключи и другія принадлежности его искусства. Когда воръ отвѣтилъ утвердительно, незнакомецъ повелъ его черезъ множество кривыхъ, пустынныхъ улицъ, и, наконецъ, остановился у воротъ обширнаго парка.

«Здѣсь мы разстанемся другъ съ другомъ», сказалъ человѣкъ въ плащѣ. «Въ точности исполни мои приказанія,—и твоя fortuna сдѣлана. Отогнувъ эту дверь, ты долженъ идти по аллеѣ, которую ты увидишь влѣво; выйдя изъ кустарника, ты замѣтишь маленькій навильонъ; ты долженъ попасть въ него, не повреждая замка. Когда ты войдешь туда, берегись дотрогиваться до чего либо и произвести малѣйшій беспорядокъ, иначе тебя ожидаетъ висѣлица. Ты долженъ только положить вотъ это письмо на софу,

и затѣмъ, какъ можно поспѣшнѣ удалиться и снова запереть за собой дверь на ключъ. По всей вѣроятности, ты никого не встрѣтишь, но если бы ты слышалъ чьи нибудь шаги, постарайся не показываться; если же это окажется невозможнымъ, то отвѣчай, что ты состоишь на службѣ у Дона Луиса де-Гаро. — Помялъ ты меня?»

«Совершенно».

Воръ въ точности исполнилъ порученіе и вернулся на улицу, не бывъ ни кѣмъ замѣченъ. Часъ спустя можно бы было видѣть какъ король Филиппъ IV, по своей привычкѣ, медленно шелъ къ навильону, для секретныхъ переговоровъ съ своимъ министромъ Дономъ Луисомъ де-Гаро. За исключеніемъ послѣдняго никто ни когда не входилъ въ этотъ отдаленный навильонъ,—да и министръ тогда только имѣлъ туда доступъ, когда король присылалъ ему сказать, что онъ ждетъ его тамъ.

Войдя въ навильонъ, король приказалъ сопровождавшему его слугѣ позвать Дона Луиса. Министръ поспѣшилъ явиться, но, къ своему изумленію, уже не нашелъ тамъ короля. Боясь, не захворалъ ли Его Величество, министръ поскорѣ послалъ за лейбъ-медикомъ, и узналъ отъ него, что король дѣйствительно жаловался на головную боль и изволилъ лечь въ постель.

Донъ Луисъ, какъ первый министръ, не могъ долго не видѣть короля; на слѣдующее утро онъ явился къ Филиппу IV, и нашелъ его въ очень печальномъ расположеніи духа.

— Нездоровье Вашего Величества... заговорилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Происходить не отъ чего инаго, какъ отъ небрежности, съ какой вы припрятываете денеші, которыя не назначаются для того, чтобы валиться по диванамъ.

Донъ Луисъ объяснилъ, что онъ не въ состояніи понять намека.

— Вы спрашиваете объ какомъ письмѣ я говорю? вы вѣрно забыли это?

И онъ показалъ министру то самое посланіе, которое воръ не задолго передъ тѣмъ долженъ былъ подложить въ навильонъ..... Письмо это гласило слѣдующее:

«Любезный Донъ Луисъ!

Я не въ состояніи выразить вамъ удивленія возбуждаемаго во мнѣ вашими талантами, равно какъ и благодарности, къ которой обязываетъ меня ваша дружба. Ваша мнимая вражда ко мнѣ оканчивается мнѣ величайшія услуги: дѣлая видъ, что вы ненавидите меня лично, вы не даете угадывать вашего настоящаго настроенія. Я во-время получилъ ваше извѣстіе, галльоны въ безопасности въ Плимутской гавани, а вашу долю въ этомъ приизѣ (20,000 фунт. стерл.) я положилъ въ Генуэзскій банкъ, гдѣ эта сумма находится къ вашимъ услугамъ.

Я думаю, что наступила минута привести въ исполненіе наши виды на Неаполь. Вы довольно долго управляли Испаніей, чтобы заслужить тронъ, потому что протекторатомъ, я полагаю, вы не удовольствуетесь. Дальнѣйшія соображенія объ этомъ предметѣ оставлю до слѣдующаго письма. Между тѣмъ, я пошлю въ Средиземное море флотъ, который долженъ будетъ оказать помощь нашимъ друзьямъ.

Оливеръ Кромвель.»

Донъ Луисъ былъ слишкомъ ловкимъ дипломатомъ, чтобы основывать свою защиту на полномъ невѣдѣніи касательно происхожденія этого письма. Онъ сказалъ, что очень хорошо знаетъ, что хотѣли употребить эту хитрость, чтобы лишить его довѣрія его монарха; уже не въ первый разъ, говорилъ онъ, дѣлаются подобныя попытки, но онъ надѣется на свою невинность и на проницательность короля, въ увѣренности что строгое изслѣдованіе раскроетъ настоящій характеръ таинственнаго письма.

Филиппъ благосклонно выслушалъ это оправданіе, потому что не хотѣлъ вѣрить такому гнусному заговору между своимъ министромъ и такимъ человѣкомъ, какъ протекторъ, котораго министръ его вдвойнѣ долженъ былъ ненавидѣть, какъ врага государства и католической церкви. Тѣмъ не менѣе, въ Геную былъ

Лѣто. Картина Вейшлага. Грав. Пейце.

послать тайный агентъ; вслѣдствіе донесенія послѣдняго, не оставалось никакого сомнѣнія, что въ тамошній банкъ была положена сумма въ 20,000 фунт. стерл. въ распоряженіе Донъ Луиса де-Гаро. Филиппъ пришелъ въ ужасъ, и такъ какъ онъ вѣрилъ въ революцію въ Неаполѣ, то отдалъ приказаніе, чтобы часть атлантическаго флота была отослана въ подрѣшеніе морскихъ силъ

на Средиземномъ морѣ. Именно эту цѣль и имѣлъ въ виду Кромвель; такимъ образомъ, онъ отдалъ значительныя военныя силы Испаніи отъ того пункта, на который хотѣлъ напасть. Недовѣріе короля отняло отъ управленія его министра ту энергію, какою оно всегда отличалось, и въ 1658 г. Ямайка досталась въ руки англичанамъ.

ИСКУССТВЕННЫЕ ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Уже нѣсколько столѣтій какъ во Франціи и Германіи люди стали заниматься приготовленіемъ искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней и достигли въ этой отрасли производства такихъ успѣховъ, что относительно многихъ качествъ и преимущественно тѣхъ, которыя болѣе всего кидаются въ глаза и цѣнятся незнакомою, искусственныя издѣлія нисколько не уступали натуральнымъ камнямъ. Но не смотря на то, что фабричныя продукты дѣйствительно не были ниже настоящихъ драгоцѣнныхъ камней по блеску, прозрачности и роскошной окраскѣ, имъ все таки нельзя было придавать этого названія, такъ какъ главнаго свойства послѣднихъ, твердости, имъ не доставало.

Эти искусственныя камни было однако не болѣе какъ обыкновенное стекло, только съ примѣсью окиси свинца, которая сообщала ему довольно сильную лучепреломляемость, способность хорошо шлифоваться, полироваться и также окрашиваться. Изъ такого-то матеріала фабриковались всевозможныя сорта драгоцѣнныхъ камней вплоть до самого алмаза, и такъ какъ наружный блескъ всегда дороже людямъ чѣмъ истина, то неудивительно, что эта отрасль промышленности получила значительное развитіе и что поддѣльные продукты давали тѣ же выгоды что настоящіе: даже опытному глазу часто бываетъ трудно отличить безъ посторонней помощи одни отъ другихъ.

Значительныя успѣхи, сдѣланныя химическою наукою за послѣдніе сто лѣтъ, дали этой отрасли фабричнаго производства совершенно другое направленіе.

Въ природѣ драгоцѣнные камни попадаются очень рѣдко—такъ называемыя алмазныя поля въ Канѣ даютъ только очень низкій сортъ желтыхъ камней—между тѣмъ какъ составныя части ихъ принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ и обыденнымъ тѣламъ на землѣ. Уже давно было извѣстно, что алмазъ, лучший представитель группы благородныхъ камней, есть ни что иное какъ простой уголь, такой же какъ сажа или древесный уголь,—и какъ ни старались парижскіе ювелиры отвратить отъ алмаза подобный позоръ, научный фактъ имъ не удалось поколебать. Они въ очію увидѣли, какъ неразрушимый, по ихъ мнѣнію, алмазъ, подвергнутый химиками дѣйствию огня, совершенно исчезъ, и когда они (послѣ томительнаго ожиданія во время этой операціи) бросились обшаривать пепелъ, то должны были выслушать отъ химиковъ иронической совѣтъ: поискать лучше въ дымовой трубѣ, гдѣ скорѣе всего отыщутъ бѣглеца.

Изъ такого же простаго матеріала состоитъ корундъ (алмазный шпатель), рубинъ и сафиръ; они представляютъ обыкновенный глиноземъ, который можно легко добывать изъ фарфоровой и обыкновенной глины. Это весьма простое землянистое вещество, составляющее едва ли не шестую часть всей земной коры, встрѣчается также какъ главная составная часть и въ другихъ драгоцѣнныхъ камняхъ, какъ въ бирюзѣ—вмѣстѣ съ фосфорною кислотою, въ шпинели—съ магнезіею, въ хризобериллѣ съ глициномъ и кремневою кислотою (обыкновеннымъ пескомъ), въ топазѣ—съ кремневою кислотою и фтористымъ кремніемъ, въ гранатѣ—съ кремневою кислотою и закисью желѣза. Цирконъ и Гидрацитъ состоятъ изъ цирконной земли и кремневой кислоты.

Прочіе матеріалы, служащіе въ природѣ къ образованію драгоцѣнныхъ камней, не менѣе доступны для химика и встрѣчаются въ любомъ количествѣ; самое воспроизведеніе красокъ не представляетъ никакихъ затрудненій—и въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ приготовляемые изъ цвѣтнаго стекла камни, которые въ этомъ отношеніи не оставляютъ желать лучшаго. Во всякомъ случаѣ химикъ приходится при этомъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ красильщикъ. Онъ долженъ именно силывать свои красящіе матеріалы со стекломъ; его краски должны, слѣдовательно, выдерживать высокія температуры, и поэтому онѣ бываютъ часто или вовсе безцвѣтны, или же окрашены совсѣмъ въ другой цвѣтъ чѣмъ желаемый, который получается только послѣ сплавленія.

Такъ, напримѣръ, при фабрикаціи рубиновъ прибавляютъ къ расплавленному стеклу окиси марганца; еще лучше результаты получаются отъ прибавленія закиси золота, и смотря по количеству этой послѣдней, продукты обладаютъ различною интенсивностью блеска и цвѣта—отъ самого темнаго кроваваго краснаго до нѣжнѣйшаго розоваго. Для сафира употребляютъ окись кобальта, которая сообщаетъ стеклу удивительно красивый темносиній цвѣтъ. Смарагды окрашиваютъ окисью вѣди и хрома, бериллы—окисью сурьмы и кобальта, гранаты—сурьмянымъ цвѣтомъ (окисью сурьмы), золотымъ пурпуромъ и окисью марганца, топазъ—окисью сурьмы вмѣстѣ съ окисью желѣза и золота. Конечно, въ природѣ эти окраски достигаются большею частью посредствомъ другихъ и при томъ болѣе простыхъ средствъ.

Такимъ образомъ, искусственное воспроизведеніе разнаго рода драгоцѣнныхъ камней не встрѣчало повидимому никакихъ препятствій. Единственное затрудненіе состояло въ томъ, что химики не знали еще способа придавать этимъ тѣламъ правильныя геометрическія (кристаллическія) формы, въ которыхъ они встрѣчаются въ природѣ и которыя собственно и составляютъ ихъ главное достоинство. И это единственное обстоятельство разбивало всѣ попытки къ воспроизведенію драгоцѣнныхъ камней. Долго и тщетно мучились надъ этою загадкою природы, еще прежде чѣмъ найдены химическій составъ послѣднихъ, и только изслѣдованіемъ новѣйшей химіи удалось наконецъ съ помощію анализа рѣшить эту задачу. Въ настоящее время приготовленіе настоящихъ драгоцѣнныхъ камней перестало быть бреднею алхимика; возможность стала дѣйствительнымъ фактомъ.

Собственно говоря, химикъ не трудно вообще воспроизводитъ натуральныя кристаллы. Какъ извѣстно, кристаллы получаютъ двумя путями: сплавленіемъ и раствореніемъ. Но никакія искусственныя печи (даже самыя сильныя изъ употребляемыхъ въ индустриальномъ производствѣ, какъ стеклянныя, фарфоровыя и пламенные) не въ состояніи довести до плавленія составныя части драгоцѣнныхъ камней: уголь, глиноземъ, магнезію, кремневою кислоту, и т. д. Съ другой стороны, хотя матеріалы эти растворимы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется химическій составъ ихъ, такъ какъ они вступаютъ въ химическія реакціи съ растворяющимъ веществомъ (кислотою) и превращаются такимъ образомъ въ совершенно другія тѣла. Единственное исключеніе составляетъ уголь, который растворимъ въ расплавленномъ желѣзѣ, но зато при охлажденіи выкристаллизовывается изъ него не въ видѣ алмаза, а графита, который, какъ извѣстно, ни цвѣтомъ, ни формою не представляетъ даже отдаленнаго сходства съ первымъ.

Такимъ образомъ, этотъ послѣдній способъ, посредствомъ растворенія, почти совершенно оставленъ химиками; первый, напротивъ того, подаеть теперь лучшія надежды, и именно съ тѣхъ поръ, какъ въ небольшомъ пузырь гремячаго газа—въ которомъ водородъ и кислородъ, составныя части воды, стораютъ и опять даютъ воду—открыто необыкновенно сильное расплавленное средство, далеко оставляющее за собою всѣ остальные употребляемые для этой цѣли въ индустрии аппараты. Съ помощію этого пламени удалось прежде всего расплавить глиноземъ. Искусственный корундъ, полученный этимъ путемъ, обладаетъ совершенно такою же твердостью какъ натуральный и такъ же хорошо рѣзалъ стекло. Окраска не представляла болѣе никакихъ трудностей, такъ что воспроизведеніе рубина вплоть удалось.

Однако этимъ способомъ можно подвергнуть плавленію лишь незначительныя количества; съ другой стороны, отъ доступа воздуха или другихъ газовъ, матеріалы легко могутъ претерпѣть химическія измѣненія,—и эти то обстоятельства помеди французскому химикъ Эбелмену поводъ попытаться соединить оба метода въ одинъ. Для этой цѣли, къ составнымъ частямъ даннаго драгоцѣннаго камня, взятымъ въ той же пропорціи, въ которой они существуютъ въ природѣ и которая найдена аналитическимъ путемъ, онъ прибавлялъ вещество химически индифферентное къ взятымъ тѣламъ, но гораздо легче расплаваемое, летучее и легко растворимое въ водѣ—именно: борную кислоту и борнокислый натръ (буру). Съ помощію этихъ средствъ сдѣлалось возможнымъ отлично расплавить составныя части драгоцѣнныхъ камней въ обыкновенныхъ фарфоровыхъ печахъ въ Севрѣ (Sevres). Этимъ же путемъ Эбелмень получилъ какъ безцвѣтную, такъ и окрашенную въ различныя цвѣта шпинель, безцвѣтныи и зеленый хризобериллъ и такого же окрашивания бериллъ, и при томъ въ такихъ кристаллахъ, какіе встрѣчаются лишь въ природѣ.

Еще болѣе смѣлая попытка, увѣнчавшаяся немалѣе блестящимъ успѣхомъ, сдѣланы химиками Довре (Dauvree), Сен-Клеръ-Девиллемъ (St.-Claire-Deville), Карономъ (Caron) и не только воспроизвели настоящіе драгоцѣнные камни, но даже перешеголяли самую природу, приготовивъ разныя каменныя украшенія, обладающія всѣми свойствами натуральныхъ драгоцѣнныхъ камней, чего уже въ природѣ вовсе не встрѣчается.

Одинъ только алмазъ остается недостижимымъ для человѣческаго искусства и не поддается никакимъ попыткамъ къ его воспроизведенію. До сихъ поръ остались тщетными всѣ старанія получить кристаллизованный уголь, и мы не знаемъ даже, какимъ образомъ совершалась эта кристаллизація въ природѣ. Впрочемъ, есть объ этомъ предметѣ множество гипотезъ; достовѣрнаго же ничего нѣтъ. Правда, можно получить кристаллы, обладающіе существенными свойствами алмаза, но это будетъ уже не углеродъ, а боръ.

Подобно углероду, боръ образуетъ элементарную составную

часть земной коры, при томъ однако встрѣчается не иначе какъ въ соединеніи съ кислородомъ или въ видѣ свободной борной кислоты, или же еще въ соединеніи съ натріемъ, какъ борнокислый натръ (бура); далѣе, съ магнезіею (борацитъ), съ известью и кремневою кислотою въ различныхъ минералахъ. Посредствомъ металла калия изъ борной кислоты можно возстановить чистый боръ, который получается всегда въ видѣ зеленовато-бураго порошка, не имѣющаго ни цвѣта, ни запаха. Боръ представляетъ поразительное сходство съ углеродомъ. Прежде знали только аморфное состояніе бора, соответствующее такому же видоизмѣненію углерода въ сажѣ и обыкновенномъ углѣ; теперь же найдены у него и двѣ остальные правильныя формы, соответственныя графиту и алмазу. Борный графитъ, также какъ и обыкновенный, кристаллизуется въ шестигранныхъ непрозрачныхъ листахъ, отличается однако отъ него своимъ красноватымъ цвѣтомъ.

Что касается до борнаго алмаза, то его кристаллическая форма существенно отличается отъ натурального алмаза. Въ то время, когда этотъ послѣдній болѣею частью является въ формѣ октаэдровъ, ограниченныхъ восемью правильными треугольниками и такимъ образомъ представляющихъ двѣ соединенныя основанія пирамиды,—борный алмазъ имѣетъ форму столбика съ многократно пригнанными ребрами. Въ остальныхъ свойствахъ однако борный алмазъ нисколько не уступаетъ настоящему, онъ даже значительно тверже. Въ то время когда посредствомъ обыкновеннаго алмазнаго порошка борные кристаллы шлифуются не достаточно хорошо, борный алмазъ, напротивъ, дѣйствуетъ на обыкновенный гораздо сильнѣе. Болѣе крупныя кристаллы, добытые упомянутыми химиками, были прозрачны; многіе совершенно

бесцвѣтны; другіе, напротивъ, окрашены то въ гіацинтовый, то въ гранатный красный цвѣтъ, то совсѣмъ въ медовый желтый цвѣтъ.

Во многихъ отношеніяхъ однако борные кристаллы могутъ быть поставлены на ряду съ алмазомъ; они обладаютъ блескомъ и лучепреломляемостью, какія встрѣчаются только въ алмазѣ. По твердости же и нейтральному отношенію къ химическимъ реактивамъ даже превосходятъ натуральный алмазъ. Что же касается того, что кристаллы эти все еще получаютъ окрашенными, то это обстоятельство не имѣетъ существенной важности; вѣроятно, окраски эти, встрѣчающіяся также въ алмазѣ и другихъ драгоцѣнныхъ камняхъ и часто служащія даже къ увеличенію ихъ цѣнности, происходятъ отъ множества постороннихъ незначительныхъ примѣсей, какъ напримеръ, кремнія, углерода или даже аморфнаго бора. Впрочемъ, есть надежда, что удастся наконецъ получить борные кристаллы совершенно бесцвѣтными, которые, сравнившись такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ съ алмазомъ, отобьютъ вѣроятно первенствующее значеніе послѣдняго.

И такъ, мечта, которую такъ неутомимо преслѣдовалъ чело-вѣкъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, близка къ тому чтобы сдѣлаться наконецъ дѣйствительностью. Фабричное производство драгоцѣнныхъ камней представляется теперь только вопросомъ времени,—и то, чѣмъ восхищаются теперь только немногіе избранные, сдѣлается со временемъ доступнымъ всѣмъ и каждому. Конечно, не малое количество миллионеровъ, которыми оплачивались эти бездѣлки, пропадетъ при этомъ безвозвратно, но это не должно однако задерживать стремящуюся впередъ науку.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Въ поле, въ поле!.. Вотъ мелькаетъ
Что-то въ нивѣ золотистой;
Скажешь: лучъ въ травѣ росистой
Бѣлымъ полнѣмъ сіяетъ...
Ближе... Ближе... Сердце бьется...
Мигъ еще—сквозь эти вѣтки
Какъ вчера мнѣ улыбнется
Скоро личико сосѣди...
* * *

Вонъ изъ глазъ бѣгутъ страницы,
Ручку съ книгой опустила...
И слѣдить, какъ быстро, мило
Ей на встрѣчу вьются птицы.
Все слѣдить, не замѣчая,
Что за вѣтками сирени
Я давно стою вздыхая, —
Полный нѣги, счастья, лѣни...
* * *

А вѣдь знаетъ же плутовка,
Что сосѣдъ ужъ близко гдѣ-то!
Вѣдь не даромъ такъ одѣта,
Вѣдь не даромъ же головка,
Перевита лентой яркой,
Кудри сыплются волною,

И замѣтенъ груди жаркой —
Нѣжный блескъ подъ кисею...
* * *
Каждый колосъ дышетъ счастьемъ;
Забывается невольно,
Все что трудно, все что больно,
Все что нало подъ небастьемъ.
Словно пчелы вьются грезы,
И въ отвѣтъ имъ издалека
Чуть струится запахъ розы,
Чуть лепечетъ шумъ потока...
* * *

Въ поле, въ поле!.. Золотятся
Дозрѣвающія нивы...
Надъ рѣкою ныкнуть нвы,
Въ воды чистыя глядятся.
Яблонь вся подъ бѣлымъ цвѣтомъ
Ароматомъ такъ и пышетъ.
Въ это утро, теплымъ лѣтомъ,
Каждый колосъ счастьемъ дышетъ...

В. И. Немировичъ-Данченко.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— 1874 года іюля 15-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующей Сенатъ въ особомъ присутствіи, выслушавъ дѣло по обвиненію дворянъ: Долгушина, Дмоховскаго, Папина и другихъ въ составленіи, печатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія и пренія сторонъ, находить виновными: 1) подсудимыхъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова, Васильева и Гамова въ распространеніи составленныхъ и напечатанныхъ для этой цѣли первыми 4-мя въ заведенной ими типографіи воззваній: «Русскому народу», «Какъ должно жить по законамъ природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ», каковыя воззванія направлены къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной Власти и бунту; 2) подсудимую Сахарову въ томъ, что она, узнавъ о напечатаніи и выпускѣ въ обращеніе Долгушиннымъ и его сообщниками означенныхъ противузаконныхъ воззваній, не донесла объ этомъ; 3) подсудимаго Циммермана въ томъ, что, узнавъ отъ упомянутаго выше Васильева объ учиненіи сямъ послѣднимъ распространеніи сихъ воззваній, не

донесъ объ этомъ, и 4) подсудимыхъ Чикова, Сидорацкаго, Авессаломова и Ободовскую въ томъ, что они, получивъ, первый—воззваніе «Какъ должно жить по закону природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ»; второй—сіе послѣднее воззваніе; третій—воззваніе «Русскому народу» и четвертая—часть этого послѣдняго воззванія,—держали оныя у себя, не имѣя на то разрѣшенія подлежащаго начальства. Вслѣдствіе сего и признавая подсудимыхъ Долгушина и Дмоховскаго—зачинщиками содѣяннаго преступленія и при-мѣняя къ настоящему дѣлу 251 и 126 статьи Улож. о Наказ., а относительно подсудимаго Васильева и ст. 775 Уст. Уг. Суд., Правительствующей Сенатъ опредѣляетъ: 1) дворянъ: Александра Долгушина 25 лѣтъ и Льва Дмоховскаго 23 лѣтъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ съ послѣдствіями въ 25 ст. Улож. о Нак., опредѣленнымъ; 2) дворянъ: Ивана Папина 25 лѣтъ, Николая Плотникова 23 лѣтъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ съ тѣми же послѣдствіями; 3) дворянина Дми-

трія Гамова, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ; 4) крестьянина Ананія Васильева 19 лѣтъ признать подлежащимъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ, но въ виду представляющихся по дѣлу особыхъ уваженій къ облегченію участи сего подсудимаго, всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ Министра Юстиціи, о замѣнѣ этого наказанія для него, Васильева, 2-хъ лѣтнимъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ безъ лишенія правъ; 5) мѣщанку Татьяну Сахарову 26 лѣтъ и гражданина Эмилія Циммермана 24 лѣтъ подвергнуть аресту: 1-ую на 1 мѣсяць, а послѣдняго на 2 недѣли; 6) дворянина Александра Чикова 24 лѣтъ, дворянина Василія Сидорацкаго 20 лѣтъ, купеческую дочь Александру Ободовскую 26 лѣтъ и священническаго сына Ивана Авессаломова 29 лѣтъ подвергнуть аресту: Чикова на 2 мѣсяца, Сидорацкаго на 3 дня, Ободовскую на 7 дней, и изъ нихъ Чикова отдать потомъ подъ надзоръ полиціи на 2 года; 7) судебныя по настоящему дѣлу

издержки взыскать съ осужденныхъ лицъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ, принять на счетъ казны и 8) приговоръ относительно дворянъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова и Гамова, представить чрезъ Министра Юстиціи на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Тверская город. дума, принявъ съ особую признательностію предложенное городу почетнымъ гражданиномъ В. П. Аваевымъ пожертвованіе въ 100,000 р. на устройство больницы и пріюта для круглыхъ сиротъ, образовала подъ предсѣдательствомъ самого жертвователя комиссію для составленія подробныхъ проектовъ на устройство.

— Почетный гражданинъ Д. С. Щеголевъ въ Красноярскѣ пожертвовалъ, въ память покойнаго своего брата, 4,500 р. на содержаніе въ имѣющей открыться богадѣльнѣ трехъ престарѣлыхъ гражданъ, съ присоединеніемъ сихъ денегъ къ капиталу 75,000 р., пожертвованному на богадѣльню со стороны его матери, и 4,000 р. на учрежденіе при ремесленномъ училищѣ трехъ стипендій.

— Чистопольскій купецъ Е. П. Чукашовъ, желая ознаменовать 19-е февраля, день восшествіе на престолъ Государя Императора, добрымъ дѣломъ на пользу общественнаго призрѣнія, пожертвовалъ 5,000 р. на приобретеніе помѣщенія для дѣтскаго сиротскаго пріюта. Благотворительности этого же лица городъ обязанъ открытіемъ богадѣльни, общественнаго банка и женскаго училища 2-го разряда.

— Коммерціи-совѣтникъ Абрамъ Варшавскій, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ первое посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ремесленнаго училища Цесаревича Николая, выразилъ готовность принять на свой счетъ устройство желѣзныхъ кроватей для 300 воспитанниковъ, со всеми принадлежностями, или же передать на этотъ предметъ въ распоряженіе совѣта пять тысячъ рублей.

— Въ г. Повоторжскѣ (Тверской губерніи) купеческій сынъ Барановъ устроилъ на свой счетъ помѣщеніе для приходскаго училища и принялъ на себя издержки по ремонту этого помѣщенія, а равно по отопленію и освѣщенію его.

— Въ гор. Ригѣ, 19-го іюня, въ присутствіи чиновъ мѣстной администраціи и представителей общества, произведена закладка здания богадѣльни Садовника, съ церковью и школою.

— Московская городская дума, согласно предложенію городского головы, ассигновала 28,033 руб. на устройство деревяннаго оспеннаго павильона на 50 человекъ, согласно сдѣланному на это устройство смѣтному исчисленію.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— 3-го іюня открылись засѣданія Харьковскаго уѣзднаго земскаго собранія. Въ этомъ засѣданіи уѣздное земство рѣшило пожертвовать 40,000 р. въ пользу Харьковскаго реальнаго училища, съ разсрочкою взноса на два года. Пожертвованіе это сдѣлано въ добавокъ къ 40,000, ассигнованнымъ на тотъ же предметъ изъ губернскаго сбора.

— Владѣлецъ Сташевскихъ имѣній графъ Артуръ Потоцкій, узнавъ о печальномъ положеніи погорѣльцевъ въ Пацановѣ и Сташовѣ (Кѣлецкой губерніи), внесъ причитавшіяся съ погорѣльцевъ казенныя подати въ количествѣ 4,000 р. и ассигновалъ 1,000 руб. на перныя потребности пострадавшихъ. Кроме этого графъ Потоцкій велѣлъ смолоть 100 корцевъ ржи и раздать ее, также какъ кирпичъ, камень, известъ и лѣсъ для постройки новыхъ домовъ бѣднымъ безвозмездно, а прочимъ по своей цѣнѣ, съ разсрочкой на 20 лѣтъ.

— Сенгилеевское уѣздное, Симбирской губерніи, земское собраніе послѣдней очередной сессіи, по выслушаніи доклада уѣздной управы о расходахъ по истребленію волковъ

постановило ходатайствовать предъ уѣднымъ вѣдомствомъ о дозволеніи бесплатной охоты за волками въ лѣсахъ, принадлежащихъ уѣдламъ, всѣмъ желающимъ.

СПОРТЪ.

— Вечеромъ 16-го іюля происходили, пишутъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ Красноярскѣ-Сель. въ присутствіи Его Величества Государя Императора, скачки. Сперва была трехверстная скачка съ препятствіями, на призы Государственнаго Коннозаводства; послѣ этой скачки была двухверстная Фрунтова, также на призы Государственнаго Коннозаводства; послѣ скачки нижнихъ чиновъ была двухверстная частная скачка, первый призъ 200 руб., второй—150 руб. По окончаніи этой скачки, въ публикѣ сдѣлалось замѣтно особенное движеніе: всѣ съ волненіемъ ожидали начала послѣдней, четырехверстной скачки съ препятствіями, на призы Ихъ Императорскихъ Величествъ и Членовъ Императорской Фамиліи.

Въ нынѣшнемъ году скакало 24 офицера. Отъ 9-го препятствія значительно впередъ всѣхъ пошелъ л.-гв. кирасирскаго полка Его Величества полка поручикъ Кланеръ 1-й, на гнѣдомъ жеребцѣ «Миноти», завода графа Воловича. Легко и красиво перейдя два послѣднія препятствія, «Миноти», при крикахъ одобренія публики, первымъ пришелъ къ флагу. Вообще скачка въ этомъ году была очень удачна въ томъ отношеніи, что никто не ушибся.

Первый призъ, полученный поручикомъ Кланеромъ, состоитъ изъ 3,000 руб. деньгами и еще въ 500 руб.: на этотъ разъ была серебряная миска и три серебряные же ковшы. По окончаніи каждой скачки офицеры, выигравшіе призы, приглашались въ Императорскую бесѣдку, гдѣ изъ рукъ Государя Императора получали призы.

— 14-го іюля состоялась большая гребная гонка С.-Петербургскаго рѣчнаго Яхт-Клуба. Гонка началась въ 1 часъ 10 минутъ пополудни и раздѣлена была на шесть разрядовъ. Второй разрядъ изъ гигонъ-четверокъ съ гребцами изъ членовъ Яхт-Клуба и любителей на призы отъ Государя Наслѣдника Цесаревича—больше часы съ барометромъ—былъ самый интересный. На это состязаніе вступили три красивыя шлюпки: «Невка», «Уейвъ» (Wave) и «Нена», на которыхъ гребцы были одѣты въ тонкія въ обтяжку матросскія рубахи и съ бѣлыми колпачками или мягкими жокейскими шапочками. Шлюпка «Уейвъ» имѣла рулевыхъ и гребцовъ преимущественно англичанъ; имъ и достался призъ. Всю гоночную дистанцію они пролетѣли въ 11 минутъ и 20 секундъ.

ТОРГОВЛЯ.

— Начальникъ Астраханской губерніи объявилъ обратившимся къ нему торгонцамъ, что путь въ Хиву изъ форта Александровскаго безопаснѣе нежели изъ Красноводска,

послѣдній значительно короче, привлекаетъ большее число каравановъ, изъ числа которыхъ два, недавно отправившіяся изъ Красноводска, благополучно дошли до Хивы и скоро ожидаютъ обратнаго, и что въ августѣ сего года предполагается двинуть изъ Красноводска большой караванъ вѣстѣ съ ученою экспедиціею.

— 12-го мая вышелъ изъ Новаго Ургенча, прямымъ путемъ на Красноводска, караванъ полковника Глухонскаго, изъ 75 верблюдовъ, съ хлѣпокомъ. По просьбѣ довѣреннаго г. Глуховскаго, начальникъ Аму-дарьинскаго округа далъ

отправленному съ караваномъ прикащику бумагу на имя начальника Закаспійскаго военнаго отдѣла, въ которой просилъ генерала Ломакина оказать каравану содѣйствіе въ безопасномъ слѣдованіи. О томъ же написано было и Хану Хивинскому. Несмотря на то, что между туркменами по временамъ возникаютъ беспорядки, а іомуды враждуютъ съ туркменами теке, караванъ—башъ надѣется благополучно дойти съ караваномъ до Красноводска.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что отъ переполненія кассы Ташкентскаго Областнаго Казначейства серебряною коканскою монетою пріемъ и мѣна кокановъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, на кредитные билеты прекращены на время, до сбыта коканскаго серебра по какому-либо назначенію. Кропотливая возня съ коканскою монетою при обмѣнѣ ея нашими купцами на кредитные билеты вынудило Ташкентское Областное Казначейство принимать его не счесть, а вѣсомъ. Послѣ тщательныхъ опытовъ надъ перевѣскою и счесть кокановъ оказалось возможнымъ принимать 35 фунтовъ серебра за 1,000 руб., что теперь практикуется Казначействомъ и при пріемѣ суммъ, поступающихъ изъ казенныхъ учреждений.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что вывозъ хлѣба по югозападной границѣ не прекращается. Чрезъ Броды въ недѣлю по 16-е іюня отпущено разнаго хлѣба 480,000 пудовъ. Чрезъ Подволочискъ отпуща также былъ значителенъ въ теченіе всей означенной недѣли, и въ нѣкоторыя дни доходилъ до 48,000 пуд. Къ Подволочиску хлѣбъ повозился болѣе на колесахъ чѣмъ по желѣзной дорогѣ. Чрезъ Гусятинъ отпущено въ Тарнополь 128,000 пуд. хлѣба, и ожидали еще большихъ грузовъ. Войска скота отпущено за-границу въ этомъ пунктѣ 916 головъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Новыя книги:

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Изд. 5-е Москва. Унив. Тип. 8 д. 360 стр. 1.200 экз. П. 2 р. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XVI. Исторія Россіи въ эпоху преобразованія Т. IV. Изд. 2-е. Москва. Унив. тип. 8 д. 376 стр. 1.200 экз. П. 2 р.

Опечатки. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 31 «ини», въ содержаніи, вмѣсто заглавія «Мертвое море (съ рисункомъ), ошибкою типографіи поставлено «Императорскіе вагоны» (съ тремя рисунками), а съ № 32, на 1-й стран., въ заголовкѣ, также по ошибкѣ, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ отпечатано: при этомъ № приложены «Парижскія моды» съ 24 рисунками, слѣдуетъ читать: за августъ мѣсяцъ съ 14 рисунками.

СОДЕРЖАНІЕ: Выборгъ (съ рисункомъ).—Испорченный икафъ (разсказъ).—Борьба за Неву. III. Походы въ Выборгу. XIV възъ (съ рисункомъ). Прививаніе чумы рогатаго скота.—Плaska амуровъ (съ рисункомъ). Кромвель и министръ короля Фялпина IV. — Искусственные драгоценныя камни.—Изъ лѣтнихъ стихотвореній В. И. Немяровича-Данченки (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Парижскія моды за августъ от 14 рисунками.

Редакторъ В. Блюшниковъ.

„УДОБСТВО И ЭКОНОМІЯ“

ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ И РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ

КЕРОСИНОВЫЯ ПЕЧИ

разныхъ величинъ и фасоновъ, со всеми необходимыми принадлежностями, въ 1, 2, 3 и 4 конфорки отъ 1 до 8 рожковъ горѣнія, очень удобныя для

ДАЧЬ И ЛАГЕРЕЙ.

ТАКЖЕ

ПАРОВЫЕ КОФЕЙНИКИ

разныхъ величинъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Господамъ торговцамъ значительная уступка.

ВЪ МАГАЗИНѢ

А. БРУМВЮГЕЛЬ.

№ 26. Невскій просп., противъ Аничкова дворца. № 26.

всего лишь одинъ годъ, то онъ запрягалъ своихъ ирландскихъ плѣнниковъ въ плугъ, за что послѣдніе и убили его. Убийца бѣжалъ на такъ-названные по нимъ Вестманнэйяръ (острова западныхъ людей), но были постигнуты здѣсь Ингольфомъ и казнены смертью. Ингольфъ до самой кончины жилъ въ своихъ владѣніяхъ, составлявшихъ нынѣшніа Ариесъ, Гулборнгу и Кюзарсису. Сложенный изъ камней могильный холмъ его, Ингольфе-гаугуръ, до сихъ поръ еще показываютъ на горѣ Ингольфе-фьяль; холмъ этотъ значительно возвышается надъ окрестной равниной Рангарвалла-сисла — и былъ выбранъ Ингольфомъ для того, чтобы по воскресеніи мертвыхъ лучше обозрѣть страну, первымъ обитателемъ которой былъ онъ.

Десять лѣтъ спустя по переселеніи Ингольфа, переселился со чады и домочадцы второй колонистъ, могучій вождь Рольфъ съ острова Мостра, прозванный вслѣдствіе ревностнаго почитанія бога Тора—Торольфомъ, котораго норвежскій король Гаральдъ (за поддержку всѣмъ уважаемаго Біорна, сына измѣнничаго королю восначальника Бетилла Флатнефра) принудилъ къ переселенію. За нимъ уже послѣдовали выходцы одинъ за другимъ.

Путемъ такого постепеннаго и совершенно безпорядочнаго заселенія земель, вслѣдствіи, по образцу норвежскаго государственнаго устройства и при всевозможныхъ насилахъ междоусобицъ, образовалось нѣсколько правительственныхъ округовъ, *годордовъ*, совершенно независимыхъ въ отношеніяхъ между собою и къ другимъ государствамъ. Между тѣмъ усобицы и постоянные споры о границахъ, причѣмъ не обходилось безъ обоюднаго кровопролитія, заставили вскорѣ почувствовать необходимость общаго законодательства для основанія единаго республиканскаго союза. На основаніи составленной Ульфрѣотомъ (60-лѣтнимъ выходцемъ изъ Лона въ Норвегіи) организаціи, въ 927 или 930 году послѣдовало открытіе Альтинга (главнаго или верховнаго суда), который, ежегодно 8 іюля застѣвая въ Тингваллѣ, вслѣдствіи сталъ законодательнымъ собраніемъ и высшимъ судилищемъ въ мірскихъ и духовныхъ дѣлахъ. Мы еще вернемся къ этому учрежденію.

Въ дальнѣйшей исторіи Исландіи, кромѣ постепеннаго развитія государственной жизни, главными событіями являются: страшный голодъ 975 года, участіе нѣсколькихъ знаменитыхъ скальдовъ въ походахъ викинговъ ярла Гакона и Стирбиорна, открытіе Америки въ 974 или 977 году Гуннбиорномъ, сыномъ Ульфа Краки, вторичное ея открытіе Эрикомъ Рауде въ 983—985 годахъ, введеніе христіанства саксонскимъ епископомъ Фридрихомъ и его переводчикомъ исландцемъ Торвалдомъ Кодрансономъ въ 981 году, и по приказу норвежскаго короля Олафа Тригвессона исландцемъ Стефромъ въ 996 году, а позднѣе королевскимъ капелланомъ, иѣмецкимъ священникомъ Тангбрандомъ, до окончательнаго принятія новой вѣры вслѣдствіе дѣятельности священника Тормода въ 1000 году послѣ долгой борьбы междоусобицъ, которыя отвратили любовь народа отъ его правителей и естественно обратили надежды его къ королю Норвегіи, что и положило конецъ существованію свободнаго государства. Въ 1263 году Исландія присоединилась къ Норвегіи въ качествѣ платящей дань, подчиненной провинціи, управляемой намѣстникомъ (Гирдъсторри) и Сислумадурама на мѣсто прежнихъ годордовъ.

Съ этого времени въ извѣстной степени кончается самостоятельная исторія Исландіи. Можно упомянуть лишь о немногихъ событіяхъ нѣкоторой важности: стремленія исландцевъ къ независимости при королѣ Гакошъ Гохейнѣ въ 1299—1308 годахъ, бѣдствіе острова во время землетрясенія, необычайная блокада его плавающими льдами и вулканическія изверженія, о которыхъ мы побѣдимъ ниже, черная моча и моровая язва въ XIV и началѣ XV вѣка, вырвавшая тысячи жертвъ и обезлюдившія множество долинъ, которыя частью и до сихъ поръ еще не заселились,—присоединеніе Исландіи въ силу Кальмарской уніи въ 1397 году къ Даніи, въ подданствѣ которой она и доннынъ находится. Затѣмъ слѣдовали релігіозныя смуты во время и послѣ реформаций, споры за право торговли на островѣ и рыбной ловли у береговъ его—между Даніей и Англійей отъ начала XV до конца XVIII столѣтія, осенняя эпидемія 1707 года, второй голодъ въ 1750 году, вторичная осенняя эпидемія 1783 г., наконецъ временное упраздненіе Альтинга въ 1800 году. XIX столѣтіе открывается на островѣ трагикомической революціей исландцевъ въ 1809 году — подъ предводительствомъ узурпатора Горгенсена, датскаго матроса, который послѣ двухмѣсячной неограниченной власти былъ изгнанъ со стыдомъ и позоромъ, тѣмъ и кончилась пресловутая революція. Изъ нея вышло лишь объявленіе Исландіи вмѣстѣ съ Гренландіей и Фарерскими островами дружественно Англійи страной 17 февраля 1810 г. Смуты французской революціи и позднѣйшія перемѣны въ политическомъ мірѣ не коснулись Исландіи. Въ то время какъ Норвегія по Кильскому миру въ 1814 году была уступлена за Лауэнбургъ Швеціи, еще въ 1523 году отнявшей отъ Кальмарской уніи и ставшей независимымъ государствомъ, — Исландія осталась въ соединеніи съ Даніей. Остается упомянуть объ окончательной регламентаціи торговыхъ сношеній съ Исландіей въ 1815 году и о возстановленіи упраздненнаго въ 1800 году Альтинга, которой одновременно съ тѣмъ былъ перенесенъ въ Рейкьявикъ.

Не смотря на всѣ краткіе-приведенные нами удары судьбы и различныя утраты, отъ которыхъ лишь мало по малу оправлялась

Исландія, нельзя не признать общаго преусуспѣванія въ ней съ начала нынѣшняго столѣтія.

Ни одна страна, съ такимъ незначительнымъ протяженіемъ какъ Исландія, не заключаетъ въ себѣ столькихъ противоположностей. Принадлежа заразъ обоимъ полушаріямъ, восточному и западному, Старому и Новому Свѣту, эта страна огня и льда величественнѣе всѣхъ прочихъ земель проявляетъ въ себѣ внутренніе перевороты нашей планеты. Тѣмъ не менѣе, едвали во всемъ мірѣ найдется край болѣе бѣдный разнообразіемъ видовъ, болѣе пустынный тѣмъ Исландія.

При удивительной прозрачности воздуха, прославленной всѣми путешественниками, климатъ Исландіи, обусловливаемый тропическими и полярными морскими и воздушными течениями, въ равнинахъ далеко не такъ суровъ какъ мы привыкли воображать и зима здѣсь теплѣе нежели напр. въ сѣвернѣйшихъ штатахъ Америки. Холодное время года начинается не ранѣе ноября или декабря—и въ февралѣ достигаетъ наивысшей точки. Нерѣдко же равнины Исландіи всю зиму едва-едва запорошены снѣгомъ, а рѣки и озера не покрываются льдомъ. Лѣто, продолжающееся съ іюня до сентября, необыкновенно тихое и пріятное, никогда не бываетъ знойнымъ; климатъ въ это время года пріятнѣе тѣмъ въ Англійи и Соединенныхъ штатахъ, такъ какъ въ Исландіи нѣтъ ни ни простудной сырости Альбіона, ни убійственныхъ жаровъ Америки. Грозы и бури случаются въ Исландіи только зимою, отнюдь не лѣтомъ. Кромѣ сѣвернаго сіянія, однимъ изъ прелестнѣйшихъ явленій природы является въ Исландіи вечерняя и утренняя заря; не только та часть небосклона, гдѣ заходитъ или восходитъ солнце, сіяетъ самыми яркими красками; все небо сплошь рѣбѣтъ багрянцемъ и золотомъ,—а странныя формы и группы облаковъ, разнообразно окрашенныя, вызываютъ восторженное удивленіе всѣхъ путешественниковъ.

Геогностическое строеніе Исландіи чрезвычайно просто. Почти вся масса острова состоитъ изъ древнихъ вулканическихъ горныхъ породъ и громаднхъ наслоевъ вулканическаго туфа, въ которыхъ изрѣдка разсыяны залежи бурого угля,—а на этой основѣ острова засыпаны обширныя пространства лавой и цѣломъ новѣйшихъ вулкановъ.

Соотвѣтственно этому геологическому строенію, внѣшній видъ острова чрезвычайно своеобразенъ. Крутые, утесистые берега его на востокѣ, сѣверѣ и западѣ всюду разорваны и какъ бы раздроблены, на западѣ кромѣ того вдаются въ землю глубокими вырѣзками. Внутри островъ загроможденъ покрытыми снѣгомъ и льдомъ горами, которыя въ Орса-Локуллѣ (величайшій ледникъ Исландіи) достигаютъ 6240 футовъ. На болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ лежитъ плотная снѣговая пелена и встрѣчаются цѣлыя снѣжныя пустыни, а между ними (особенно внутри и въ юго-восточной части острова) залегаютъ многочисленные и обширные ледники, нерѣдко простирающіеся до самаго моря. Если такимъ образомъ Исландія является страной льдовъ, то не менѣешую роль играетъ въ ней и огонь. Кромѣ высяющейся на 5210 футовъ, лежащей въ юго-западной части острова, огнедышащей горы Геклы, которая, къ ужасу всѣхъ жителей, въ теченіи 842 лѣтъ (1004—1846) заявила свою дѣятельность 26-ю изверженіями,—въ Исландіи находится множество вулкановъ, между которыми замѣчательнѣйшіе: Крафла и Лейрикуръ на Миватнѣ (озеро). Всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ считается нынѣ въ Исландіи 19; кромѣ того, большую часть острова покрываютъ дымящіяся срой горы и поля лавы, прорѣзанныя дико-живописными долинами и страшными разсѣлинами и провалами; изъ послѣднихъ долженъ быть упомянуть Альманнагія, такъ какъ путешественники причисляютъ его къ такимъ явленіямъ, которыя надо видѣть самому, чтобы повѣрить ихъ возможности,—а лордъ Дофферинъ говоритъ, что стоитъ совершить кругосвѣтное плаваніе для того только, чтобы видѣть это чудо природы. Другую достопримѣчательность составляетъ множество теплыхъ и горячихъ ключей, которыя съ шумомъ вырываются изъ горныхъ породъ и употребляются мѣстными жителями для варенія пищи, причѣмъ горшки ставятся прямо въ источникъ вмѣсто печи. Въ долинѣ къ сѣверу отъ Геклы, у Скальгольта, по склонамъ близъ лежащихъ горъ насчитывается до ста частей теплыхъ, частью горячихъ источниковъ, между которыми замѣчательнѣйшіе такъ-называемые Гейзеры и Строккуръ, бьющіе фонтаномъ. *Большой Гейзеръ*, въ промежутки 1—2 часовъ, вырывается изъ 30-ти-футоваго въ вышину и 200-футоваго въ поперечникъ конуса, бьетъ прямой струей въ облакахъ пара, съ страшнымъ шумомъ, вверхъ на 50, 60 и даже 100 футовъ,—явленіе далеко превосходящее всѣ наши искусственные фонтаны и по справедливости считаемое величайшимъ чудомъ Исландіи.

Въ противоположность этимъ величественнымъ явленіямъ неорганической природы, Исландія чрезвычайно бѣдна лучшимъ украшеніемъ пейзажа—растительностью. Склоны горъ, въ особенности въ окрестностяхъ Факсафіордра (Рейкьявикскаго залива), покрыты мхомъ и лишаями, употребляемыми у исландцевъ даже вмѣсто овечьей, обильно поросла вѣрескомъ и другими жесткими травами; а въ равнинахъ раскидываются луга, которые здѣсь (какъ и всюду на крайнемъ сѣверѣ) лѣтомъ роскошно зеленеютъ, причѣмъ сѣнокосъ въ Исландіи составляетъ такое же торжество какъ уборка винограда въ южныхъ странахъ Европы. Исторически доказанъ фактъ, что Исландія въ средніе вѣка имѣла плодородную почву и что роскошныя хлѣбныя поля ея были обращены въ теперешнія пустыни непомѣрными наплывами полярныхъ льдовъ

и вышеупомянутыми потоками лавы. Отъ тѣхъ же причинъ вѣроятно зависить и то обстоятельство, что въ прежнія времена лѣса въ Исландіи встрѣчались чаще и были обширнѣе, а деревья отличались большимъ ростомъ и толщиною. Въ древнихъ сагахъ часто упоминается объ этомъ,—и ежедневно выкапываютъ изъ болотъ и тундръ громадныя древесныя стволы въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсу нѣтъ и въ поминѣ. Нынѣ же о произрастаніи деревьевъ въ Исландіи не можетъ быть и рѣчи. Попадающіяся въ западныхъ, сѣверо-восточныхъ и восточныхъ частяхъ острова лѣсистыя пространства образуются изъ скопленія кустовъ,—въ которыхъ преобладаетъ, изрѣдка встрѣчающаяся тамъ и сямъ, обыкновенная береза, растущая кустообразно и не выше 15-ти футовъ; иногда же ее замѣняетъ ива. Въ южной части острова, напротивъ, растетъ лишь мелкій березовый кустарникъ, да береза-карликъ и низкорослая ива. Сверхъ того, въ Исландіи попадаются еще рябина, достигающая наибольшей высоты сравнительно съ прочими деревьями (17 футовъ), и единственный представитель хвойныхъ, можжевелникъ, весьма мало поднимающійся надъ землею, но за то стелющійся по ея поверхности футовъ на 20 въ длину.

Жилище исландцевъ составляютъ хижины изъ торфа, кусковъ лавы или осмоленнаго дерева, пропаклеванныя мхомъ и крытыя дерномъ. Городовъ и селъ въ нашемъ смыслѣ у исландцевъ нѣтъ; строятся врознь, большею частью уединенно, смотря по надобности и по свойствамъ почвы. Единственное мѣстечко, похожее на городъ—есть Рейкьявикъ.

Въ дико-живописной равнинѣ Тингвалла, называемой Тингвалласвейтъ, которая, начинаясь у западнаго склона трахитовой цѣпи горъ, сбѣгаетъ въ юго-восточномъ направленіи въ низменность Скальголта (нѣкогда главнаго города страны), орощаемая рѣками Эксаръ и Согою (обѣ замѣчательны частимъ исчезновеніемъ своимъ и появленіемъ вновь)—на сѣверной оконечности озера Тингвала находится Тингваллир, по близости котораго въ теченіи 9 столѣтій (927—1800) ежегодно 8 июля собирався Альтингъ, верховный судъ. Небольшой, окруженный страшными безднами, холмъ указываетъ мѣсто, на которомъ Лейрэтта судилъ мірскія дѣла; а напротивъ его, отдѣленное рѣкою Эксаръ, въ громадномъ провалѣ Альманпагіа, засѣдалъ Престастефна—духовный судъ. Тамъ и до сихъ поръ видны еще выступы скалы, съ которой обвиненные въ колдовствѣ и приговоренные къ смерти мужчины и женщины свержались въ пламя костра. Впрочемъ, ничто болѣе не напоминаетъ о великомъ прошломъ этого мѣста. Нынѣ здѣсь находится домикъ сельскаго священника и Тингваллирская церковь.

На сутки пути къ юго-западу отъ древней столицы острова лежитъ нынѣшній его главный городъ—Рейкьявикъ.

Въ равнинѣ вокругъ Факсафиордра, на томъ самомъ мѣстѣ, куда прибили волнами священное дерево патриаршаго кресла перваго колониста Ингольфа и гдѣ этотъ послѣдній въ 877 году основалъ свою осѣдлость, находится нынѣ Рейкьявикъ, городъ съ 1600 жителей, а съ 1800 года столица Исландіи—гдѣ, упрямденный въ 1800 и вновь возстановленный съ 1848 года, ежегодно 8 июля собирается Альтингъ—тѣмъ прежнимъ могущественнаго судилища. На южномъ концѣ города тянется прѣсноводное озеро, окруженное болотами; съ сѣвера городъ ограниченъ моремъ. Съ востока и запада возвышаются два небольшие холма (30—40 футовъ), отчасти застроенные хижинами рыбаковъ и двумя вѣтрянными мельницами, единственными во всей Исландіи. На заднемъ планѣ видны Эсыя и высіяющій на 1150 футовъ Акрафелль съ его отрогами. Лѣтомъ рыбацкія лодки оживляютъ лежащую на сѣверъ отъ города гавань, и между сотнями этихъ челноковъ нѣрѣдко возлѣ датскихъ шкувъ величественно покачиваются на якоряхъ иностранныя бриги, которые надзираютъ за безопасностью пребывающихъ въ исландскихъ водахъ рыбацкихъ лодокъ своихъ соотечественниковъ. Гораздо внушительнѣе видъ Рейкьявика съ южной стороны, чѣмъ съ моря. Если смотрѣть на него съ высоты птичьего полета, городъ образуетъ приблизительно квадратъ, состоящій изъ одной главной улицы и нѣсколькихъ переулковъ. Кромѣ единственныхъ массивныхъ построекъ изъ лаваго кирпича, церкви и жилища губернатора или наместника Исландіи,—всѣ дома въ Рейкьявикѣ, не исключая и видящейся надъ прочими высшей школы, построены изъ прибываемаго въ изобиліи къ берегамъ Исландіи пловучаго лѣса. Вмѣсто извести они опуткаурены дегтемъ. Замѣчательный контрастъ съ этими вначалѣ бурными, а впоследствии совершенно черными стѣнами составляютъ выбѣленные оконныя рамы и бѣлыя оконныя занавѣски, которыя видныются почти въ каждомъ окнѣ, придавая всему городу веселенькій видъ. Въ югозападномъ углу города залегаетъ обширная, заросшая травой площадь, на которой весной и осенью происходятъ ярмарки. Предметами торговли являются лошади, овцы, рогатый скотъ, всевозможныя перьяныя издѣлія, преимущественно чулки и перчатки. Театра въ Рейкьявикѣ нѣтъ (какъ и во всей Исландіи), а также и газоваго освѣщенія. За то онъ имѣетъ аптеку и 4 лавки, *факторіи*, въ которыхъ исландецъ за весьма небольшую деньги можетъ купить все, что ему нужно для жизни. Хотя такія лавки, получающія почти весь товаръ изъ Даніи, находятся во всякомъ приморскомъ мѣстечкѣ Исландіи, но рейкьявикскія всегда полны охотниковъ до купли, такъ какъ крестьяне самыхъ отдаленныхъ селеній ивѣютъ обыкновеніе совершать сообца поѣздки въ столицу для закупокъ, на промѣнъ своихъ товаровъ: овечьей шерсти, шерстяныхъ чулокъ и перчатокъ, звѣриныхъ шкуръ, тюленьихъ кожъ, песца и

лисицы, пуху, лабардана и трески, копченой лососины, тресково-го и тюленьяго жиру, китовой ворвани, говядины, сала, сѣры и т. п.

Промышленность исландцевъ ограничивается домашними ремеслами, скотоводствомъ, охотой за птицами, боемъ тюленей и рыбною ловлею, такъ какъ въ странѣ вовсе нѣтъ земледѣлія, за исключеніемъ огороднаго разведенія картофеля, свеклы и капусты, потому что воздѣлываніе хлѣбныхъ растений не вознаграждаетъ труда. Что касается домашнихъ животныхъ, то здѣсь замѣчательна малорослая, но весьма крѣпкая и до 36-ти-лѣтняго возраста выносливая порода лошадей, нормандскаго происхожденія; далѣе, крупный скотъ, большею частью безрогий, крупныя овцы, на сѣверѣ козы, а въ домахъ датскихъ купцовъ свиньи и домашняя птица; нельзя не упомянуть также о собѣ исландской собакѣ. Главной добычей птичьей ловли являются: бѣлая куропатка, чибисъ, морской топорикъ, лебедь и соколы, при чемъ весьма выгодную отрасль этого занятія составляетъ собираніе гагачьяго пуха. Морскіе рыбныя промыслы, распределенныя по извѣстнымъ мѣстамъ побережья, въ которыхъ различные роды рыбъ подходятъ въ громаднѣхъ стадахъ, раздѣляются на тресковыя, пингорыя, акуловыя, скатовыя и камбаловыя ловли. Сверхъ того, съ половины XVIII столѣтія, нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія промышленники бьютъ гарпунами китовъ по фюрдамъ, но въ небольшомъ количествѣ, отчего и промыселъ этотъ мало добычливъ; за то весьма выгодно охота за тюленями. Морскіе промыслы дѣлятся обыкновенно съ 1 февраля до конца мая, доставляя исландцамъ большую часть ихъ сѣстныхъ припасовъ и вывозныхъ товаровъ, а потому чрезвычайно важны для острова, хотя и сопряжены съ огромными трудами и опасностями. Къ этому присоединяется неудобство ихъ лодокъ, которые влѣдствіе утесистыхъ береговъ и подводныхъ скалъ могутъ быть лишь малаго размѣра и поэтому вмѣщаютъ въ себѣ 8—10, рѣдко 12—16 человекъ.

Производимыя лѣтомъ рыбныя промыслы въ прѣсной водѣ главнымъ образомъ ограничиваются ловлею форели, сѣтими и удочкой, да лосося, попадающагося во множествѣ и составляющаго весьма добычливую статью. Ловля лосося производится или врознь, или цѣлыми обществами. Если рѣка имѣетъ быстрое теченіе, каменистое русло и даже пороги или водопады, то для ловли употребляютъ острогу, или длинную жердь, снабженную крюками, или болѣе деревянныя ящики. Острогой лосося бьютъ. Жердь съ крюками употребляется въ томъ случаѣ, когда рыба стоитъ передъ водопадомъ, причемъ ее подхватываютъ на крюкъ и вытаскиваютъ изъ воды. Третій способъ ловли состоитъ въ длинныхъ деревянныхъ ящикахъ, которые, занимая всю ширину русла, ставятся поперекъ рѣки и прикрѣпляются къ обоимъ берегамъ. Одна изъ продольныхъ вертикальныхъ сторонъ ящика забрана хворостяной рѣшеткой; на противоположной ей подѣланы широкія отверстія, забранныя воронкообразно хворостомъ, на подобіе нашихъ вершей. Рыба, идя по рѣкѣ, останавливается передъ ящикомъ, сѣится пройдти далѣе и попадаетъ въ одну изъ вершей. Когда лососей наберется довольно, ихъ вылавливаютъ изъ ящика ручной сѣткой.

Въ торговомъ отношеніи островъ раздѣляется на 4 округа: рейкьявикскій на югозападѣ, эскифиордрскій на востокѣ, эйсафиордрскій на сѣверѣ и изафиордрскій на сѣверо-западѣ. Торговля Исландіи большею частью мѣнова, такъ какъ исландцы рѣдко требуютъ за товаръ денегъ, которая имъ почти не нужна на островѣ. Всѣ товары ввозятся въ Исландію беспошлинно; газеты и журналы, которыхъ въ Исландіи издается три, развозятся бесплатно казеннымъ почтовымъ пароходомъ и разносятся казенными разсылными.

Почтовая разсылка въ Исландіи производится, какъ и всевозможныя путешествія, лишь на лошадяхъ. Въ Исландіи нѣтъ ни почтама, ни телеграфнаго бюро, ни таможи, ни экипажей, ни даже саней, ни дорогъ. Путешествуютъ только верхомъ, при чемъ необходимо имѣть *покрайней мѣрѣ* шесть лошадей: двѣ подъ верхъ—себѣ и проводнику, двѣ въчужныя и двѣ перемѣнныхъ. Каждый исландецъ и каждая исландка—природные наездники. Большая часть женщинъ ѣздитъ по мужски; но есть и дамскія сѣдла, похожія на стулъ, съ полукругло-вогнутой спинкой и подвѣшенной на двухъ веревкахъ доской вмѣсто стремянъ.

Войска въ Исландіи нѣтъ. Потребности населенія въ санитарномъ отношеніи удовлетворяются 6-ю врачами, 4-мя аптекарями и 32 повивальными бабками. Полиція существуетъ только въ Рейкьявикѣ, гдѣ двоихъ полицейскихъ и одного ночнаго сторожа совершенно достаточно для столицы.

Вѣроисповѣданіе исландцевъ лютеранское. Страна раздѣлена на прѣбства и приходы, которые подчинены единственному, живущему близъ Рейкьявика, епископу.

По происхожденію исландцы, какъ мы уже видѣли, потомки скандинавовъ и преимущественно норманновъ, — на что указываютъ голубые глаза и блѣдныя волосы жителей обоаго пола. Отличался небольшимъ ростомъ, приземистостью и открытымъ выраженіемъ лица, исландцы большею частью хорошо сложены. Сословныя различія въ Исландіи не существуютъ; каждый снискиваетъ себѣ уваженіе личными качествами и характеромъ. Печальная природа страны, сравнительно суровый климатъ и исчезнувшая слава предковъ—сильно отзываются въ народномъ характерѣ. Не лишенный остроумія, исландецъ рѣдко веселъ и большею частью глубо-

серьезенъ. Насколько намъ извѣстно, это чуть-ли не единственный народъ, у котораго вовсе нѣтъ національнаго танца. Равно и въ пѣсняхъ его, состоящихъ изъ немноготонныхъ грустныхъ мелодій, чувствуется то же вліяніе крайняго сѣвера. Впрочемъ, исландцы, питая пламенную любовь къ политической свободѣ, основательны, вѣрны, до вѣрчивы, необыкновенно добродушны, до невѣроятности невзыскательны, хотя и не любятъ напрягать свои силы безъ крайней необходимости, но разъ предпринявъ что либо, неуклонно идутъ къ цѣли, отличаясь рѣдкимъ терпѣніемъ, энергіей, выносливостью и проникательной наблюдательностью.

Объ образованности исландцевъ свидѣлствуютъ громадныя обороты рейкьявикской библіотеки. Всѣ дѣти лѣтъ восьми уже умѣютъ читать и писать, а между крестьянами нерѣдко попадаются такіе, что знаютъ и по латыни; географическія и историческія свѣдѣнія также весьма распространены въ народѣ.

Какъ сильно развито въ Исландіи гостепримство—доказывается тѣмъ, что единственная на всемъ островѣ гостинница для прѣзжающихъ, hotel de Reykjavik, постоянно пуста и только зимою превращается въ родъ казино, гдѣ по вечерамъ играютъ въ карты и шахматы, устраиваютъ танцы и пикники.

Нарядъ исландцевъ совершенно національный, хотя и подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени. Одежду

мужчинъ составляетъ суконная или фланелевая рубашка, круглая шляпа съ широкими полями при выходѣ изъ дому, а дома шапочка, похожая на женскую, изображенную на нашемъ рисункѣ; короткая куртка изъ самодѣльнаго голубаго, чернаго или сѣраго сукна, широкіе шаровары изъ той же матеріи, шерстяныя чулки и башмаки изъ тюленьей, бычьей или телячьей кожи. Женщины сохранили древне-скандинавскій нарядъ, столь изящный, а по праздникамъ даже и богатый. Онъ состоитъ изъ шерстяной рубашки, шерстяныхъ же синихъ или красныхъ чулокъ, бѣлой полотняной юбки, поверхъ которой надѣвается синее или черное суконное платье, по праздникамъ обшито на подолѣ широкими бархатными оборками, и коротенькая элегантная съ узенькими рукавами кофточка, по праздникамъ расшитая серебряными галунами, петлями и пуговицами. На шею носятъ онѣ шелковый платокъ, а по праздникамъ вышитый серебромъ воротничекъ или фрезку. На головѣ синія или черная шапочка съ красной или зеленой кисточкой, а по праздникамъ тюрбанъ, фальдуръ, изъ бѣлаго полотна, перевитаго шелковымъ платкомъ. Длинные бѣлокурые волосы распущены по плечамъ. Платье стянуто бархатнымъ или по праздникамъ серебрянымъ полсомъ, который нерѣдко украшается изящными бездѣлушками или начальными буквами владѣльницы, а не то жениха ся.

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

Получивъ назначеніе стать въ первой линіи, нашъ отрядъ занялъ мѣстечко Порицкъ, въ четырехъ верстахъ отъ границы Галиціи. Въ тактическомъ отношеніи трудно было избрать для передоваго отряда болѣе выгодную позицію. Это мѣстечко, имѣніе одного изъ первыхъ богачей Волынской губерніи, графа Чацкого, раскинулось на чрезвычайно оригинальной мѣстности. Представьте себѣ, на нѣсколькихъ квадратныхъ верстахъ, почти сплошное болото; середина его, приподнятая нѣсколько выше и осушенная искусственнымъ образомъ, раздѣлялась на двѣ части. На одной, орошенной широкимъ каналомъ и обсаженной столѣтними тополями, красовались два палаца *) самого владѣльца; между зданіями расположился просторный круглый дворъ, къ которому, съ одной стороны, примыкалъ довольно большой тѣнистый садъ, а съ другой — тянулась широкая тополевая аллея, ведущая къ каменному мосту, перекинутому одною аркой черезъ каналъ, единственному сообщенію съ остальной частью мѣстечка. Другая часть, кругомъ обстроенная большими еврейскими столами **), съ базарною площадью посрединѣ, составляла самый центръ торговой жизни мѣстечка. Надъ сѣрыми соломенными крышами частныхъ построекъ возвышались, своими готическими верхушками, великолѣпный костель; за нимъ, тамъ и сямъ, бѣлѣли сквозь зелень домики, болѣе смѣтной наружности чѣмъ столы, и въ нихъ обитала многочисленная челядь графа. Трудно вообразить, какъ могла еще сохраниться свое существованіе въ этомъ видѣ пестрая орда конюховъ, подконоховъ, служонцевъ, садовниковъ и поваровъ съ десяткомъ поваренковъ, изъ которыхъ младшему было не менѣе двадцати лѣтъ. Все это жило на счетъ

Исландцы. Съ фотографіи грава Эттинга.

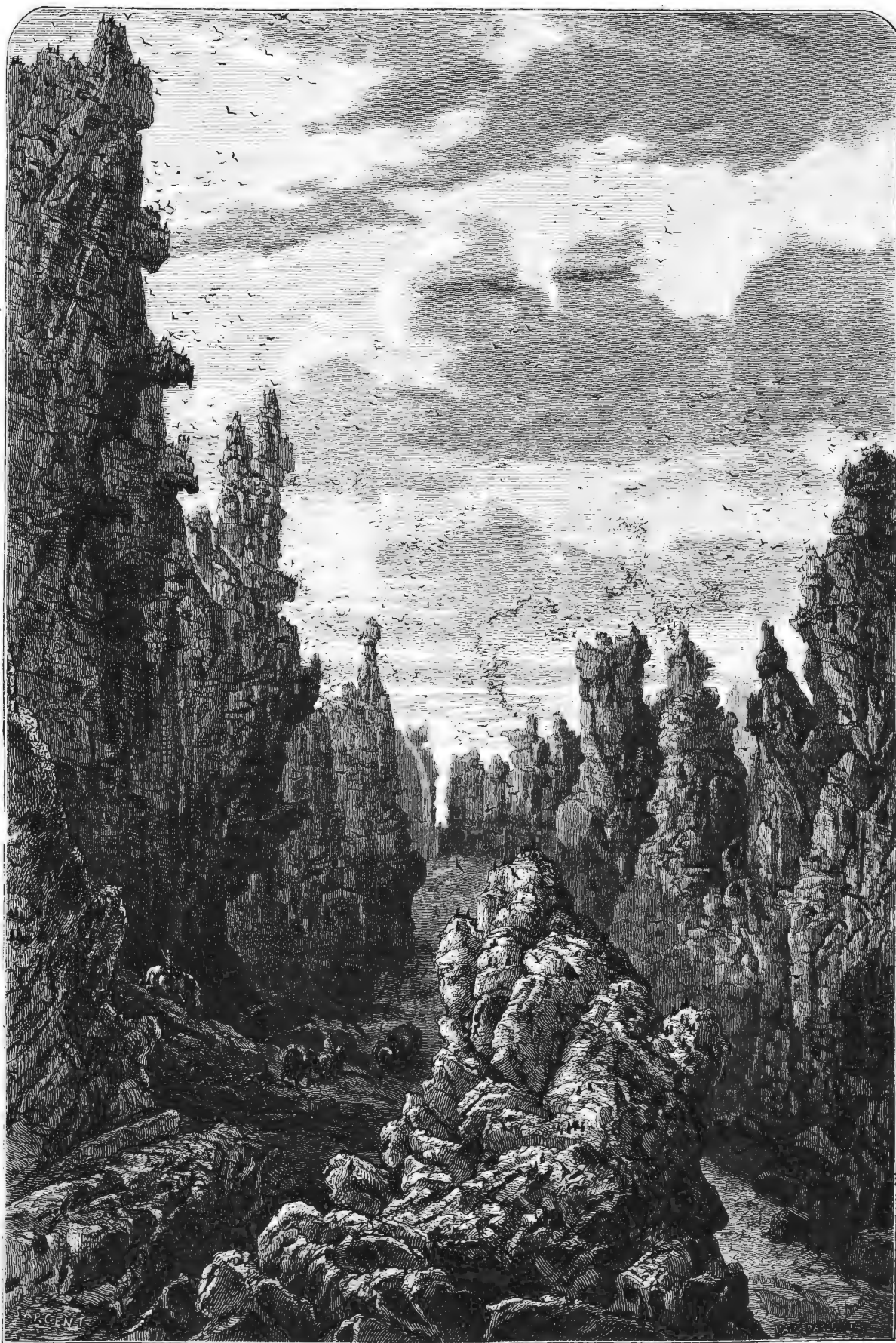
владѣльца, — и ровно ничего не дѣлало; рабски ползало передъ каждымъ русскимъ солдатомъ, и задорно подымало носъ передъ каждымъ русскимъ крестьяниномъ. Последнее, впрочемъ, только тамъ, гдѣ не было солдатъ; при нихъ же весь этотъ сбродъ ступшеывался, потому что военное положеніе сильно давало себя ему чувствовать. Развѣ только слѣпой могъ не видѣть, что весь кагалъ этотъ только и ждалъ, чтобы дѣла пресловутаго жонда съ ненавистными москалями пошли хотя немного усилѣнѣе. О, тогда все это взялось-бы за косы и потянулось бы за своими панами — пожинать болѣе безопасныя мародерскіе плоды кровавыхъ схватокъ!

Къ базарной площади тянулись, длиною версты въ полторы, гати-улицы, по сторонамъ которыхъ тѣснились жалкія полуразрушенныя хаты крестьянъ, съ чахлыми огородиками, и почти безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ и принадлежностей. — Этихъ гатей было четыре: одна вела по направленію къ Владиміръ-Волынску, остальные три обращены были къ границѣ на Милятинъ, Грушево и Самоволье. У первой заставы пріютилась, передѣланная изъ старой католической часовни, убогая русская православная церковь, на которую, гордо черезъ всѣ крыши, смотрѣли блестящія верхушки костела. Грустныя мысли толпились въ головѣ, при видѣ этого унижительнаго контраста, одного изъ безчисленныхъ горькихъ уроковъ въ неумѣстности великодушія и довѣрія въ борьбѣ съ тѣми, кто давно вычеркнулъ изъ своего словаря эти два слова, и, всею своей политической жизнью, выработалъ себѣ девизъ «цѣль оправдываетъ средства».

Другаго доступа не было въ Порицкъ какъ по какой либо изъ этихъ гатей; такъ что, занявъ всѣ крайніе выѣзды пѣшими караулами, мы могли быть совершенно безопасны отъ нечаяннаго нападенія, не смотря на отдаленность и малочисленность нашего отряда (онъ состоялъ изъ одного эскадрона Казанскихъ драгунъ и двухъ ротъ Полтавскаго пѣхотнаго полка); а между тѣмъ, высылая постоянно конные

*) Всѣ польскіе помѣщики называютъ свои, хотя бы очень скромные дома «Палацами».

**) Постройка, гдѣ подъ общею кровлей расположены и жилища, и хозяйственныя помѣщенія (конюшни, сараи и т. п.).

Спускъ въ долину Альманнагіа въ Исландіи. Рис. Саржанъ, грав. Ван'даржанъ.

разъѣзды по границѣ, мы могли наблюдать весь вѣреннѣйшій намъ сорокаверстный участокъ, именно: отъ селенія Джаръ до соединенія съ Дружкопольскимъ отрядомъ. Положеніе нашего отряда было, такъ я уже сказалъ, чрезвычайно выгодное; а такъ какъ не было надобности въ частой смѣнѣ отрядовъ, то мы, занимая Поричъ уже мѣсяца четыре, совершенно ознакомились съ окрестной мѣстностью, и со всѣми, довольно занутанными, лѣсными и болотными дорогами.

Не смѣтывая на то что нашъ офицерскій кружокъ былъ очень не великъ, время нашей стоянки проводилось довольно разнообразно, а значить и весело. То обильная результатами охота въ сосѣднихъ лѣсахъ, то вечеринка у когонибудь изъ товарищей не давали намъ времени на скуку; а чуть не ежедневно доходящія до насъ слухи о формированіи значительныхъ польскихъ бандъ, по сосѣдству, въ пограничныхъ мѣстечкахъ Галиціи, и предположенія о ихъ переходахъ черезъ границу то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, значить и постоянная готовность къ встрѣчѣ съ этими бандами, давали всему какой-то тревожный, необыкновенно увлекательный характеръ.

Противъ насъ, съ австрійской стороны, содержалъ разъѣзды эскадронъ венгерскихъ гусаръ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка, а въ ближнихъ деревняхъ квартировала рота австрійской линейной пѣхоты.

Ежедневно встрѣчались наши разъѣзды съ австрійскими. Офицеры разбивались обиденными привѣтствіями; солдаты косо поглядывали другъ на друга, и разъѣзжались каждый въ свою сторону. Сначала, узнавъ, что близко отъ насъ стоятъ венгерскіе гусары, мы съ нетерпѣніемъ ждали увидѣть этихъ лихихъ товарищей по оружію. Но какъ жестоко разочаровались мы, увидавъ тощія и до приторности аккуратныя, чисто-нѣмецкія фигуры! Оказалось что тутъ и не было ни одного венгерца, все чистѣйшіе Шенки и Кауфманы, а венгерскаго только одно имя полка. За разочарованіемъ слѣдовала и врожденная въ наше солдатѣ антипатія къ австріаку; и намъ зорко приходилось смотрѣть, чтобы не вышло какогонибудь крупнаго скандала.

Впрочемъ, эта неприязнь не простиралась на пѣхотныхъ австрійскихъ солдатъ, и это весьма естественно: въ линейной ротѣ, занимавшей противъ насъ посты, всѣ рядовые были чистѣйшіе Русскіе, съ тѣми же, только по нѣмецки обчищенными, лицами, и съ совершенно русскою рѣчью.—Наши драгуны любили перекинуть съ ними словечко—другое, хотя австрійскіе офицеры и старались всѣми силами не допускать этого, и строго наказывали солдатъ за эту естественную общительность. Какъ часто, бывало, встрѣтившись съ нами на нейтральной полоскѣ*), они съ сочувственнымъ любопытствомъ смотрѣли на нашихъ сѣренскихъ драгунъ; видно было, что они ясно сознавали, что эти приземистые всадники, на своихъ сильныхъ воронихъ лошадкахъ, не могутъ быть имъ врагами,—и ласково приподнимали шапочки и кивали намъ вслѣдъ головой, искоса поглядывая на какогонибудь въ рюжочку затынутаго лейтенанта съ вонючею сигарой въ зубахъ.

И наши драгуны не пропускали случая поболтать съ ними или, изъ подъ полы шинели, передать имъ пачку другую нашего русскаго табаку, а въ замѣнъ получить нѣсколько сигаръ тамошняго приготовленія. Мы, офицеры, смотрѣли сквозь пальцы на эту дружбу, даже отчасти способствовали ей по мѣрѣ силъ и возможности,—за что, конечно, навлекали на себя свирѣпыя взгляды со стороны своихъ австрійскихъ собратій, о которыхъ, мимоходомъ сказать, мы не очень-то много заботились. Глядя на все это, намъ невольно казалось, что вспыхни война между нами и нашими сосѣдями, плохую поддержку нашли-бы нѣмцы въ своихъ русскихъ батальонахъ.

Свѣдѣнія о мѣстонахожденіи польскихъ сборищъ, или о предположеніи ихъ перейти нашу границу, мы получали изъ

двухъ источниковъ: или отъ начальниковъ пограничной стражи, или отъ евреевъ, которые сообщали намъ очень часто, что тамъ-то «поляковъ большія тысячи» и перейдутъ они тамъ-то и непременно «сегодня ночью». Все это подтверждалось десятками клятвъ и распинаній; но мы все таки мало довѣряли подобнымъ источникамъ. А такъ какъ пограничные офицеры собирали свои свѣдѣнія тѣмъ же путемъ, то и ихъ донесенія мало цѣнились начальникомъ нашего отряда. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы эти свѣдѣнія оставались нами совершенно безъ вниманія; мы очень хорошо помнили пословицу: «чѣмъ чортъ не шутить». Въ указанное мѣсто посылались секреты, усиливались посты и разъѣзды; короче, соблюдалось все, чего только требовало наше положеніе. Единственныя вѣрныя извѣстія мы могли получать отъ нашихъ разъѣздовъ, т. е. только тогда, когда они въ очію увидятъ польскихъ уланъ или косиньеровъ,—значить, очень и очень рѣдко.

Частыя фальшивыя тревоги и обманутыя ожиданія начинали надѣдять нашимъ солдатамъ. Особенно недовольны были казаки изъ присланной къ намъ полу-сотни; они явно высказывали свое неудовольствіе на «польское начальство», что оно такъ долго не предпринимаетъ ничего такого, что бы могло принести выгоду ихъ карману. Бывало, возвращаясь изъ «уражанныхъ складовъ и навьючивъ сѣномъ своихъ поджарныхъ горбоносыхъ лошадокъ», такъ что издали кажется, будто-бы по дорогѣ тащится копна, изъ которой сверху выглядываетъ казачья, а спереди конская головы,—жалуются они другъ другу на свою судьбу мало-прибыльную.

— Итъ, ты мнѣ скажи, теперича, что же это такое? донгытывается одинъ, выглядывая изъ копны на своего товарища.

— Чяво?

— Да полякъ-то... ну не страмъ-ли, прости Господи! Вотъ на прошлой недѣли, слышь, за Бугомъ опять накрыли хорошиловцы;*) больше сотни, говорить было. Однихъ коней до сорока на сотню пришлось. Э—хъ!

— Ну, то хорошиловцы!

— А мы-то нешто обойденые?

Нѣсколько минутъ молчанія; шлепаютъ только конята по жидкой и неглубокой дорожной грязи.

— Илья, а Илья! начинается опять.

— Чяво?

— Слышь ты, жидъ изъ зеленой корчмы давеча сказываль...

— Да тѣчу ты, лѣшій! вѣрь ему, пархъ этому. Давеча мнѣ тоже пришлось... Ну да и объегорилъ-же я его, страсть! инда всю плеть измочалилъ:

— Что такъ прогнѣвался?

— Да прибѣгъ, энто, онъ ко мнѣ: «азе, панъ сотникъ, цто зе я вамъ сказу!»! Послушаемъ. Это, думаю, на счетъ поляка. «Сегодня ночью, говорить жидъ,—какъ это ѣхать отъ Самоволья, тутъ, говорить, какъ разъ на четвертой верстѣ». А сколько, моль, спрашиваю? ты не узналъ? А самъ знаешь, нагайку отпугываю. «Ма-будь больше тысячи будетъ». А ты не врешь? «А Бозе мой, якже можно цто-бы я враль!»! А кто, моль, тебѣ это сказываль? «Самый вѣрный целовѣкъ, панъ тысяцкій». Вишь-ты, въ тысяцкіе махнулъ! а самъ-то побѣлѣлъ какъ стѣна, трясется... Э, э моль, думаю;—кто же это вѣрный целовѣкъ-то твой? спрашиваю. А самъ, знаешь, разъ!—нагайкой-то; не то чтобы очень шибко, а все таки порядочно.

— Значить, средственно?

— Средственно! Завонилъ мой Волько... «Вай, вай, за разъ сказу! все сказу!»! кричитъ да по полу валяется... индо смѣшно самому стало. Ну, моль, рассказывай, говорю, а самъ, это, опять подымаю плеть; поугатъ только... оно очень пользительно, въ разговорахъ-то этихъ. Онъ мнѣ и рассказалъ, какъ заболоцкій панъ наказываль ему передать комунибудь изъ войсковыхъ. Вишь какова механика: панъ

*) Пограничная просѣка, шириною въ сорокъ сажень, означенная съ одной стороны русскими, а съ другой австрійскими столбами. По ней могутъ проходить и тѣ и другія войска.

*) Казаки сотни Хорошилова, прибрѣтшаго себѣ большую популярность между Донцами—своими налетами.

сказывал! Вот ты и вѣрь ему таперича. Помочалилъ я его еще немножко, да и пустил. Не ври, молъ, другой разъ!

— Это точно.

Дѣйствительно, большая часть этихъ извѣстій была подобнаго происхожденія, что, конечно, не мало досаждало насъ—тѣмъ болѣе что безусловно пренебрегать этими доносами тоже не приходилось; врутъ-врутъ, да когданибудь и правда окажется. И, дѣйствительно, правда оказалась.

Въ послѣднее время (трудно опредѣлить, съ какого именно числа; примѣрно, съ первыхъ чиселъ октября) между подобными отрывочными и неполными свѣдѣніями мы стали замѣчать какое-то странное однообразіе. Это заставило насъ внимательно выслушивать всѣ доносы, какъ-бы они ни казались съ перваго взгляда несообразными,—и тщательно, по возможности слово въ слово, записывать ихъ въ свой походный журналъ. Часто, собираясь вмѣстѣ, мы свѣряли все записанное, пополняли кой-какими собранными нами порознь вѣстями, и старались въ общемъ совѣтѣ добраться до настоящей нити. Впоследствии мы узнали, что многія изъ нашихъ предположений совершенно сходились съ истиною. Эта связь между донесеніями изъ разныхъ мѣстъ—становилась все яснѣй и поразительнѣе. То мы узнаемъ, что въ одной изъ деревень закушлено до двухъсотъ барановъ и отправлено въ имѣніе графа Скамаровскаго (въ Галиціи), а оттуда мы узнаемъ, что въ этомъ имѣніи на панскихъ дворахъ замѣчено какое-то необыкновенное стеченіе народа, и т. д. Разъ, темною ночью, трое казаковъ перебрались, вѣроятно «нечаянно», за-границу, и вернувшись рано утромъ—говорили, что видѣли на свѣжей пашнѣ, недалеко отъ деревни «Овечьи броды», множество конскихъ слѣдовъ, какъ будто-бы прошелъ конный отрядъ, и опять таки, по направленію къ Скамаровскому. А такъ какъ между казаками есть своего рода патъайндеры, то они божились, что это не были слѣды венгерцевъ, что они «ихнюю ковку распреотлично знаютъ»; значить, слѣды были чьи-нибудь другіе, т. е. польскіе. Короче, по всему было замѣтно, что собирается что-то особенное, что непремѣнно и даже очень скоро должно обрушиться или на нашъ отрядъ, или гдѣ-нибудь близко по сосѣдству. Хотя мы и безъ того во всякую минуту были готовы ко всему, но все таки старались по возможности усиливать наши наблюдательныя средства. Особенно было обращено вниманіе на разстановку ночныхъ секретовъ, и на мелкіе пограничные разъѣзды и поиски. И все это не осталось безъ результатовъ.

Двадцатаго октября, отобѣдавъ у нашего эскадроннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отряднаго командира, маіора Ильченко, мы расположились по разнымъ угламъ совершать свой послѣ-обѣденный кейфъ. Посрединѣ большой съ поцѣлными стѣнами комнаты, гдѣ мы собрались, стоялъ раскладной походный столикъ. Около него, у шумящаго на разные лады самовара, перетиралъ стаканы поручикъ Карелинъ, молодой, только что выпущенный изъ корпуса, офицеръ. Онъ у насъ всегда исполнялъ должность хозяйки, въ нашемъ незамысловатомъ подвижномъ хозяйствѣ. У другаго конца стола, усатая, небольшого роста фигурка, разбирала, для чистки, замки мортимеровской двустволки. Это былъ Мацневъ; съ видомъ знатока, онъ пересматривалъ каждый винтикъ, смазывалъ его какимъ-то желтымъ масломъ, и въ порядкѣ раскладывалъ смазанное, на листъ бѣлой бумаги. На диванѣ, положивъ ноги на подоконникъ, лежалъ братъ его, докуривая сто двадцать третью папиросу въ день. Изъ угла въ уголъ большими шагами кочевалъ маіоръ, и отрывочнымъ басомъ диктовалъ, присѣвшему у окна эскадронному писарю, какое-то донесеніе въ штабъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, два драгуна усердно выколачивали большой кусокъ зеленого сукна, а дежурный трубачъ строгалъ длинненькіе кусочки мѣлу, и обертывалъ ихъ лоскутками приказа по полку. Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ. Синеватый дымъ отъ папиросъ Мацнева, смѣшиваясь съ паромъ отъ самовара, понемногу наполнялъ комнату. Разговоръ шелъ какъ-то особенно вяло; все предвѣщало одну

изъ знакомыхъ уже намъ, длинныхъ, монотонныхъ осеннихъ вечеровъ. Вдругъ всѣ замолчали и начали прислушиваться. Мацневъ бросился къ окнамъ; Карелинъ выбѣжалъ на крыльцо. Съ площади ясно доносился до насъ галопъ нѣсколькихъ устало-скачущихъ лошадей—ближе и ближе—вотъ уже мимо нашихъ окопъ промелькнули три конныя фигуры; круто повернули они направо, вскочили во дворъ, и торопливо начали слѣзать съ своихъ мокрыхъ и дрожащихъ всѣмъ тѣломъ лошадей. Черезъ нѣсколько секундъ, въ комнату вошелъ Карелинъ; за нимъ, задѣвая за двери винтовками, съ грохотомъ ввалились два измученныхъ, покрытыхъ съ головы до ногъ грязью, казака.

— Господа! поляки въ Джарахъ, началъ Карелинъ.—Вотъ они сами. . указалъ онъ на Донцевъ.

— А вотъ узнаемъ, прервалъ маіоръ.—Въ чемъ дѣло? обратился онъ къ прибывшимъ.

Одинъ изъ казаковъ молча шагнулъ впередъ; вынулъ изъ висящаго на поясѣ дробовика мокрый, измятый клочекъ бумажки и сунулъ его къ маіору.

— Вотъ записка отъ урядника, пробасилъ онъ.—Самъ онъ таперича съ пятью ребятами съ глазу сторожитъ;*) а насъ къ вашему ско-благородію прислалъ.

Въ запискѣ было, едва разборчиво, карандашемъ написано: «Поляки перешли Вугъ, все больше уланы. Есть и пѣшіе. Таперича они въ Джарахъ, и много. Урядникъ Шароп»... подписи разобрать было не возможно.

— Трубачъ!

— Я!..

— Тревогу!. Вахмистра ко мнѣ!..

Поднялась суматоха. Мы бросились по своимъ квартирамъ одѣваться.

Гдѣ-то вдали грохнулъ барабанъ. Ему отозвался другой, у костела. Еще и еще—и бѣглая, подзадоривающая дробь понеслась изъ улицы въ улицу. Изъ всѣхъ хатъ начали выбѣгать озадаченныя сѣрыя фигуры. Застегивая на ходу шинели, подхвативъ кой-какъ амуницію, они бѣжали, спотыкаясь по неровнымъ гатамъ, къ площади. Тутъ уже собралось нѣсколько офицеровъ. Всѣ вопросительно смотрѣли другъ на друга, потому что причина тревоги еще не успѣла распространиться по отряду. Съ секунды на секунду площадь все болѣе и болѣе наполнялась народомъ. Евреи пугливо выглядывали изъ оконъ. Переносныя лавочки и ятки поспѣшно запирались. Унтеръ-офицеры суетливо сновали между рядами; одновременно раздавались «команды»: становись на мѣсто! подравняйся! повѣрить расчетъ! На правомъ флангѣ требовали къ ротному какого-то Кокубенку. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ, стоя, верхомъ другъ передъ другомъ, надувъ сколько возможно щеки, два трубача наигрывали знакомый напѣвъ тревоги. Изъ воротъ стодоловъ какъ бомбы вылетали драгуны, закинувъ штуцера за плечи, и согнувшись на своихъ кореностыхъ вороныхъ лошадяхъ.

— Покойнѣй!. не горячи лошадей!.. гремѣлъ голосъ маіора Ильченко.

— Фурманки гдѣ? фурманки сюда!

Кто-то сообщилъ, что фурманки дожидаются за заставой.

— А!.. Ну ладно; пѣхота, съ Богомъ! пѣсенники впередъ!.

Шлепая по грязи, зашагали пѣхотинцы по направленію къ Самовольской заставѣ. Вызванные пѣсенники хватали въ разладъ:

Въ огородѣ бузина,
А въ Кіевѣ дядька...

Тронулись и драгуны. Мы ѣхали впереди эскадрона, сдерживая горячившихся лошадей. Вдругъ голова колонны остановилась; задніе начали наткаться на переднихъ: лошади дѣлали лансады.

— Что тамъ еще! чего стали? послышались недовольные голоса. Карелинъ проскакалъ къ авангарду.

— Говорятъ, обозы не прошли, отвѣчалъ кто-то сзади.

*) Наблюдать за чѣмъ-нибудь, не выпуская изъ виду наблюдаемаго (казачій терминъ).

И дѣйствительно, черезъ улицу рысью перекатывались отрядныя повозки, отступая во вторую линію, по дорогѣ къ Владиміръ-Волинску.

Снова тронулись. Пройдя шаговъ триста, опять остановились. Тутъ дождались, вытянувшись въ рядъ, заготовленные заранѣе фурманки, запряженные въ дышло, парами малорослыхъ туземныхъ лошадокъ. Пѣхота усаживалась на нихъ по десяти человѣкъ. Дѣло не обошлось безъ суматохи.

Съ длинными, болтающимися за спинами пиками, казаки рысью обгоняли отрядъ, чтобы занять свое обычное мѣсто въ авангардѣ.

Быстро пошелъ отрядъ, удаляясь отъ Порицка. Свѣжія крестьянскія лошади бодро тащили пѣхотинцевъ. Драгуны, справа по три, шли крупною рысью. Когда выбрались изъ мѣстечка, порядокъ въ движеніи скоро установился.

Справа и слѣва лежали ровныя, болотистыя поля; за ними синѣлъ лѣсъ; спереди тоже. Моросилъ мелкій осенній дождь. Темнѣло.

Довольно скоро прошли мы еще версты двѣ. Уже голова колонны подходила къ зеленому лѣсу; за намъ должны были открыться Иваничи, половина нашего перехода къ Джарахъ. Но увы! ни что не прочно подъ луною; нашъ стройный порядокъ замѣтно начиналъ рушиться. Мелкій дождь, усиливаясь съ часу на часъ, дѣлалъ свое дѣло; дорога съ каждымъ шагомъ становилась все хуже и хуже; фурманки съ пѣхотой шли тише; двѣ или три завязли въ колдобинахъ отвратительной лѣсной дороги. Солдаты вскакивали, и на рукахъ вытаскивали ихъ на болѣе надежное мѣсто. У одной сломалось ось; тамъ упала лошадь, и, не смотря, на всѣ увѣщанія, вовсе не хотѣла подниматься. Фурманки насъ видимо задерживали, а бросать ихъ было жаль, имѣя въ виду за лѣсомъ нѣсколько верстъ хорошей дороги, а значить, съ помощью этихъ же фурманокъ, и скорый переходъ.

Драгунамъ скомандовали: «Стой! Слѣзай! Оправь лошадей!»

Освободившись отъ тяжести всадниковъ, кони весело фыркали и отряхивались; солдаты подтягивали подруги и оправлялись. Гдѣ-то въ третьемъ взводѣ щелкало кресало, — и черезъ нѣсколько секундъ, въ сырость лѣснымъ воздухѣ, потянуло знакомымъ запахомъ маорки.

Опять: «Садись!» и опять тронулись въ путь...

— А вонъ и зеленая корчма, процѣдилъ кто-то сквозь зубы.

— Гдѣ это?

— Да вонъ влѣво! не видишь, чтоли?

Дѣйствительно, влѣво отъ дороги мерцалъ огонекъ. Подойдя ближе, можно было ясно рассмотреть, между толстыми дубовыми стволами, свѣтлый четырехугольникъ окна и на немъ силуэтъ конской морды. Изъ корчмы доносились брань и громкій говоръ; то наши казаки сдѣлали честь корчмарю Волькѣ своимъ посѣщеніемъ. Ихъ сейчасъ-же выгнали отсюда, они были очень довольны этимъ, потому что *не устали* еще расплатиться съ хозяиномъ.

Наши драгуны, проходя мимо корчмы, привѣтливо поглядывали на огонь; они тоже не прочь бы навѣдаться, да нельзя! служба не пускаетъ. «Казакъ одно, а драгунъ—совсѣмъ другое; потому, драгунъ—дѣло казенное, а казакъ—что? Казакъ вольный человѣкъ, ибо онъ съ Дону есть и войскомъ ирегулярнымъ называется».

Спереди лѣсъ началъ рѣдѣть. На горизонтѣ замелькали огоньки; по вѣтру доносился лай собакъ; это были Иваничи.

Наша надежда на фурманки не сбылась. Выйдя изъ лѣса, они поприставали окончательно; пришлось ихъ бросить. Съ каждой минутой становилось все темнѣе и темнѣе; небо заволакивали тяжелыя тучи. Горизонтъ исчезъ, и красноватые огоньки деревни казались разбросанными въ воздухѣ.

— Эка темнота-то, подумаешь, страсть! раздастся голосъ одного изъ нашихъ остряковъ.—Ночь черная, лошадь черная, ѣдешь да похлопываешь рукой: подъ собой-ли лошадь-то?

Взойдя въ Иваничи, мы остановились. Офицеры съѣхались вѣстѣ. Рѣшено было дать людямъ оправиться, а покуда составилось нѣчто въ родѣ маленькаго военнаго совѣта.

Положеніе нашего отряда было слѣдующее: мы остановились, какъ я уже сказалъ, въ Иваничахъ. Порицкъ остался за нами въ девяти верстахъ; до Джаръ еще оставалось тринадцать верстъ лѣсной тяжелой дороги. Не доходя двухъ верстъ до Джаръ, вправо отъ дороги, находилось имѣніе графа Гуровскаго, Заболотцы; влѣво, параллельно нашему пути, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, тянулась австрійская граница. Если поляки перешли Бугъ въ Джарахъ, то они навѣрное предполагаютъ ворваться въ Царство Польское; значить, пойдутъ на Заболотцы, потому что граница именно тутъ поворачиваетъ круто налѣво, и отдѣляется отъ Галиціи уже не Волинь, а Люблинскую губернію. Намъ непремѣнно надо было занять Заболотцы—и постараться сдѣлать это какъ можно тише, чтобы не быть замѣченными поляками: тогда бы они должны были непремѣнно наткнуться на нашъ отрядъ, хотя и очень небольшой, но за то стоящій на превосходной позиціи. Все это было соображено на нашемъ совѣтѣ—и рѣшено идти къ Заболотцамъ. Если-бы полякамъ захотѣлось идти къ Царству Польскому, то они должны были бы занять Заболотскій лѣсъ, или же оставаться въ Джарахъ. Въ первомъ случаѣ, намъ пришлось-бы столкнуться съ ними на этомъ переходѣ; а во второмъ, самое выгодное для насъ, мы имѣли бы возможность покойно занять Заболотцы и заблаговременно высмотрѣть силы и расположеніе противниковъ—что, конечно, было бы самое лучшее. Встрѣчи въ лѣсу мы не боялись, зная, что темнота и для нихъ и для насъ одинакова, значить одинаковы и всѣ сопряженные съ нею неудобства; между тѣмъ какъ мы имѣли на своей сторонѣ чрезвычайно важный шансъ успѣха—именно, нечаянность нападенія. И такъ, мы тронулись въ путь.

Впереди, въ видѣ патруля, ѣхали человѣкъ десять казаковъ, за ними полускадронъ драгунъ, потомъ пѣхота и, въ арьеръ—гардѣ, другой полускадронъ.

Выйдя изъ Иваничей, мы шли, не пресувеличивая выраженія, ощупью. Мы слышали топотъ копытъ, шлепанье по грязи пѣхотинцевъ, брязгъ сталкивающихся между собой штыковъ, сдержанный шопотъ солдатъ,—и ровню ничего не видѣли. Съ перваго фланга шопотомъ передавалось команда «отомкнуть штыки!» На минуту остановились; по рядамъ пронесся однообразный металлическій звукъ. Тронулись снова.

Сперва мы слышали пѣхотинцевъ передъ собой, потомъ намъ показалось, будто-бы они тянутся справа и слѣва; а между тѣмъ сзади между конными поднялась какака-то тревожная суматоха. Лошади пугливо фыркали; нѣсколько пѣшихъ попало какъ-то между драгунами; тутъ какъ будто-бы мелькнула передъ глазами казачья пика... Однимъ словомъ, окончательно перепутались. Отъ темноты, у конныхъ начали кружиться головы; драгуны спѣшивались и вели лошадей въ поводу. И такую беспорядочной толпой мы медленно ползли часа два, безпрестанно сбиваясь съ дороги.

Наконецъ лѣсъ кончился, и мы начали выбираться на опушку. Внѣ-лѣса было немного свѣтлѣй; можно было различать несныя группы людей и лошадей. Мокрая дорога въ Заболотцы блестѣла широкою полосой въ темнотѣ; на ней слышанъ былъ частый топотъ скачущихъ лошадей. Топотъ приближался, и вдругъ остановился шагахъ въ полтора-стахъ отъ насъ. «Уже не они-ли?» мелькнуло вѣроятно у каждого изъ насъ. Намъ даже показалось, будто-бы щелкнулъ курокъ. Карелянъ и Мацневы тронули своихъ лошадей на встрѣчу, и въ ту же минуту раздался тревожный крикъ: «кто ѣдетъ?»

— Свои, свои!

— Тѣфу ты, а я было принялъ васъ за повстанцевъ!

— То-то, небось, тухнули?

— А чортъ же васъ знаетъ! въ потьмахъ не разберешь.

По голосу мы узнали Геникса, одного изъ знакомыхъ намъ пограничныхъ офицеровъ. Онъ намъ сообщилъ, что поляки еще въ Джарахъ, а что самъ онъ ѣхалъ къ намъ, рассчитывая встрѣтить насъ въ Иваничахъ, и ни какъ не предполагая, чтобы мы рѣшились пройти Заболотскимъ лѣсомъ «въ такую темень».

Надо было спѣшить въ Заболотцы, а отрядъ еще далеко

Успеніє Божіей Матери. Картина Мурильо. Грав. Журдэнъ.

не весь выбрался изъ лѣсу, многіе потеряли доорогу и отбились въ сторону.

Тѣ, кому не случилось быть, темною ночью, въ десяти и болѣе верстномъ лѣсу,—не могутъ понять, какъ легко потерять дорогу и заблудиться, даже хорошо знакомому съ лѣлѣсомъ. Кругомъ вы не видите ничего опредѣленнаго; со всѣхъ сторонъ мелькаютъ передъ вами неясныя и совершенно однообразныя контуры деревьевъ; если вы верхомъ, у васъ отъ темноты кружится голова, вы слѣзаете съ лошади, задумались о чемъ-нибудь постороннемъ, проходить нѣсколько секундъ—и вы теряете направленіе. Не рассчитывайте много на едва-замѣтную дорогу; безчисленные объѣзды и завороты скоро завлекутъ васъ въ трудно-поправимую ошибку; и хорошо еще, если вы выберетесь изъ лѣсу въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ того пункта, гдѣ бы вамъ слѣдовало выйти...

Надо было собрать отрядъ. Раздались свистки; имъ отвѣчали такіе же изъ лѣсу; на опушку тамъ и самъ выскакивали, по одиночкѣ, темныя фигуры, спѣша бѣгомъ къ сборному пункту отряда.

Черезъ четверть часа, отрядъ былъ приведенъ въ порядокъ. Нашъ эскадронъ, собравшись нѣсколько раньше, рысью тронулся къ Заболотцамъ, чтобы успѣть поскорѣе занять всѣ выѣзды и выставить передовую цѣпь. Это было необходимо, потому что у Гуровскаго тоже было много челяди, и присутствіе нашего отряда было-бы тотчасъ же узвано въ Джарахъ. Пѣхотинцы пошли усиленнымъ шагомъ, и всѣ съ тревожнымъ любопытствомъ поглядывали влѣво, по направленію къ Джарамъ, гдѣ на горизонтѣ, то ослабѣвая, то выходящая снова, поднималось красноватое зарево повстанскихъ костровъ.

Въ Заболотцахъ мы узнали, что графъ Гуровскій еще наканунѣ выѣхалъ въ Владиміръ-Волыискъ, со всѣмъ семействомъ. Значитъ, онъ заблаговременно зналъ о предположеніи полякозъ перейти Бугъ именно во Джарахъ. Вся его дворня встрѣтила насъ съ низкими поклонами и предложеніями занять панскій палацъ, чѣмъ мы воспользовались-бы и безъ этого предложенія, такъ-какъ дождь началъ усиливаться и солдаты промокли до костей. Держать ихъ на открытомъ мѣстѣ, безъ крайней надобности, не приходилось, а крестьянъ беспокоить постоемъ намъ не хотѣлось. И такъ, мы расположились на панскомъ дворѣ.

Посреди двора сталъ въ коновязяхъ нашъ первый полускадронъ; второй былъ весь израсходованъ на передовую цѣпь. Кругомъ, подъ навѣсами, помѣстились пѣхотинцы; офицеры заняли одну изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ скоро закипѣлъ, раздобытый вѣстовыми Богъ вѣсть откуда, самоваръ. Вокругъ него стѣснился нашъ небольшой кружокъ, и тотчасъ же пошла веселая оживленная бесѣда о предстоящихъ намъ походахъ.

Командиръ отряда рѣшилъ дожидаться такимъ образомъ разсвѣта, а между тѣмъ постараться узнать, сколько возможно вѣрнѣе, что дѣлается въ Джарахъ. Последнее поручено было Карелину, какъ командиру втораго полу-эскадрона.

Не желая быть замѣченнымъ польскою бандою, мы не должны были выдвигать наши ведеты слишкомъ далеко впередъ, ограничиваясь только однимъ предупрежденіемъ внезапнаго появленія передъ нами непріятеля. Между тѣмъ, намъ было далеко не лишнее узнать, изъ какихъ силъ состоитъ польская банда и на что мы должны рассчитывать при встрѣчѣ. Надо было, во что-бы то ни стало, пробраться въ Джары; это было единственное средство достигнуть цѣли, и за исполненіе этого предпріятія взялся Карелинъ.

Садясь на своего Алмаза, чтобы ѣхать въ цѣпь, Карелинъ посмотрѣлъ на часы; было половина втораго, значить до разсвѣта оставалось, по крайней мѣрѣ, еще четыре часа. Дождь пересталъ, и отъ земли поднимался густой бѣловатый туманъ; это обстоятельство значительно облегчало Карелину его предпріятіе.

— Гдѣ казаки? спросилъ онъ вѣстоваго, подавашаго ему лошадь.

Тотъ молча указалъ направо, подъ навѣсъ. Тамъ было

совершенно темно; что-то копошилось и разговаривало въ полъ-голоса; лошади жевали овесъ.

— Эй, ребята, выходи-ко сюда! крикнулъ Карелинъ.

Изъ-подъ навѣса показалось нѣсколько казаковъ.

— Кто хочетъ со мной въ Джары? обратился онъ къ нимъ.

— Да хошь всѣ! Кому велятъ—тѣ и пойдутъ, отозвался одинъ изъ нихъ, взглянувъ, изъ-подъ фуражки, на Карелина.

— Да мнѣ всѣхъ не нужно; больше четырехъ человекъ и не потребуется.

— Это въ Джары-то? Гм!.. нѣтъ, четырехъ будетъ много; попадетесь съ ними, ваше благородіе.

— Будетъ и двухъ; оно понадежнѣй; а то что съ большимъ народомъ-то дѣлать! подтвердилъ другой.

Карелинъ зналъ хорошо казачьи нравы, и потому его не удивляли эти странныя, съ перваго взгляда, совѣты и возраженія подчиненнаго своему начальнику.

— Ну, такъ кто же ѣдетъ со мной? спросилъ онъ снова.

Казаки переглядывались.

— Василій, а Василій! ты, что-ли, поѣдешь?

— Пожалуй и я, отвѣчалъ тотъ, кого называли Василіемъ.

— А другого, ваше благородіе, обратился онъ къ Карелину,—возьмемъ Косаря. Онъ таперича въ цѣпи съ вашими драгунами; тамъ мы его и захватимъ. Ладно, что-ли?

— Ну, хорошо. Съ Богомъ!

Карелинъ поѣхалъ рысью; за нимъ поплелся на своей лошаденкѣ казакъ.

— Василій! пику-то оставь; на коего она тѣ чорта? только мѣшать будетъ!.. крикнулъ ему кто-то вслѣдъ.

Казакъ молча спустилъ съ локтя ременную петлю, освободилъ пику изъ стремени и бросилъ ее на дорогу.

Выѣзжая изъ деревни, Карелинъ встрѣтилъ странное шествіе: одинъ драгунъ ѣхалъ впередъ, ведя съ боку на сѣнномъ арканѣ кого-то въ легенькомъ парусинномъ пальто и безъ шапки; за ними другой велъ свою лошадь въ поводу, а черезъ сѣдло была перекинута какая-то безобразная масса.

— Стой! это что такое? спросилъ Карелинъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, двоихъ изъ панской дворни въ цѣпи изловили, отработовалъ впередъ ѣхавшій драгунъ.— Въ Джары пробирались; одного живьемъ захватили, а другой убѣчь хотѣлъ, такъ его конемъ придавили, ваше благородіе.

— Стыдно! а живаго развѣ нельзя было взять?

— Ни какъ не возможно. Какъ онъ, это, бѣжалъ огородами, такъ запнулся о что-то и упалъ ничкомъ промежъ грядъ; а Плеснюкъ за нимъ гнался, да не успѣлъ коня сдержать—копытомъ спину и продавило ему, ваше благородіе.

— Ну, ведите ихъ къ маіору; тамъ разберутъ.

Карелинъ съ казаконъ поѣхали дальше. Въ цѣпи ихъ окликнули, и къ нимъ присоединился еще одинъ казакъ. Всѣ трое поскакали по Джарской дорогѣ.

— Ваше благородіе, тише! тутъ сейчасъ лѣсокъ будетъ, такъ нарѣзаться можно, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

Они удержали лошадей и свернули съ дороги на пашню.

По мягкому грунту пашни не слышно было конскихъ шаговъ—и всѣ трое тихо, не звякнувъ ни одною пряжкой, какъ тѣни, подавались впередъ, къ небольшому джарскому перелѣску.

Уже минутъ десять ѣхали они такимъ образомъ. Сквозь туманъ показалась какая-то черная стѣна; это былъ перелѣсокъ. До Джаръ оставалось не болѣе версты, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ быстро схватилъ лошадь Карелина подъ узцы,—и всѣ трое остановились.

Впередъ, шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, слышавъ былъ людской говоръ; казалось, что говорящіе не подвигаются впередъ, а стоятъ на мѣстѣ. Вотъ донеслась, почти цѣпкомъ, кака-то французская фраза; за нею короткій, отрывистый смѣхъ; брякнуло что-то металлическое, какъ будто-бы конецъ сабельныхъ ноженъ задѣлъ за стремя. Карелинъ догадался, что передъ ними былъ польскій конный ведеть; входъ въ перелѣсокъ былъ занятъ.

Тогда всё трое тихо сошли с лошадей, и потянулись влѣво, параллельно опушкѣ лѣса. Они шли шагъ за шагомъ, боясь выдать себя какимъ нибудь неожиданнымъ звукомъ. Привычныя лошади, наостривъ уши и вытянувъ по вѣтру свои головы, казалось понимали, чего отъ нихъ требуютъ. Пройдя такимъ образомъ съ полъ-версты, они замѣтили, что лѣсъ кончился. Поляки стояли въ цѣпи очень неосторожно; поминутно Карелинъ слышалъ то говоръ, то брязгъ

оружія, и это помогло ему опредѣлить направленіе цѣпи. Эта безпечность значительно ободрила всѣхъ трехъ. Надо было, пользуясь туманомъ, пройти цѣпь между ея звеньями; съ осторожностью, это не трудно было сдѣлать, и они смѣло повернули къ Джарамъ. Сперва голоса слышались справа и слѣва, потомъ они очутились сзади: цѣпь была пройдена.

(Продолженіе будетъ).

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Было уже два часа по полуночи, но обитатели небольшого уединеннаго домика, стоявшаго близъ большой дороги въ десяти миляхъ отъ Фаррингдона, были на ногахъ и съ безпокойствомъ безпрестанно подходили къ окнамъ и смотрѣли на небольшую дорогу. При свѣтѣ свѣчи, стоявшей на кругломъ дубовомъ столѣ посреди комнаты, можно было примѣтить стоящую у окна женщину съ очень пріятнымъ и добрымъ лицомъ и гладко причесанными сѣдыми волосами.

Облокотясь на ея плечо стояла молодая дѣвушка, по чертамъ лица и улыбкѣ которой можно бы не ошибаясь сказать, что это была ея дочь.

У другаго окна стояла служанка. Неряшливая одежда ея составляла сильную противоположность съ одеждою хозяйки, которую я не буду описывать; достаточно сказать, что обѣ онѣ были въ прекрасныхъ бѣлыхъ платьяхъ, сшитыхъ по модѣ тогдашняго времени. Но напрасно обѣ женщины и служанки старались увидать что нибудь, ночь была темна, луна не показывалась и тяжелыя облака бросали мрачную тѣнь на далекое разстояніе.

Только изрѣдка вдали мелькали яркія полосы свѣта и слышался невнятный гулъ, потомъ опять все стихало. Никто изъ присутствующихъ въ домикѣ не произносилъ ни одного слова, но всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ и безпокойствомъ смотрѣли въ ту сторону, откуда видѣлся свѣтъ. Наконецъ, когда черезъ нѣсколько времени гулъ совершенно утихъ, старушка отшла отъ окна и тихо произнесла:

— «Все кончено, воля Божія совершилась.»

Дѣвушка ничего не отвѣчала, но сложивъ руки и устремивъ глаза на небо, тихо молилась.

Спустя нѣсколько времени на дорогѣ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ и нѣсколько всадниковъ съ неизвѣрною быстротою проскакали мимо.

— «Бѣгутъ!» вскричала молодая дѣвушка, «о, матушка, развѣ вы не слышите что они бѣгутъ!»

— «Но, Маргарета», возразила мать, «можетъ быть ты ошибаешься, можетъ быть это бѣгутъ бунтовщики; во всякомъ случаѣ, твои глаза видятъ лучше моихъ, размотри хорошенько, можетъ быть по одеждѣ ты узнаешь что это за люди.»

Дѣвушка плотно прислонилась головою къ стеклу и устремила внимательный взоръ свой на дорогу.

Не прошло и пяти минутъ какъ она услышала опять тотъ же стукъ—и разсмотрѣвъ проѣзжавшихъ всадниковъ, она съ какимъ-то волненіемъ проговорила:

— «Это бунтовщики, которые вѣроятно бѣгутъ отъ преслѣдующей ихъ погони; я ясно разсмотрѣла ихъ мундиры и каски безъ перьевъ.»

— «Но если они преслѣдуютъ тѣхъ, которые проѣхали прежде», возразила старушка, «если это не побѣгъ, а погоня.»

— «Нѣтъ, я знаю, что они бѣгутъ; по беспорядку ихъ одежды и навѣрное могу сказать, что это бѣглецы. Но дай Господи чтобъ эта побѣда обошлась намъ не такъ дорого, я боюсь за бѣднаго моего брата и за Генри.»

— «Стыдись говорить это, Маргарета, если побѣда одержана, то мы должны отъ всей души благодарить Бога, хотя бы брать твой и женихъ погибли въ этомъ сраженіи; мы не должны слыхкомъ сокрушаться объ этомъ, потому что они пали честно за своего законнаго короля.»

Маргарета не отвѣчала, и закрывъ лицо руками, тихо плакала. Вскорѣ на дорогѣ послышался опять конскій топотъ, но на этотъ разъ ѣхалъ только одинъ всадникъ,—и въ то самое время какъ онъ поровнялся съ ихъ домикомъ, лошадь его, споткнувшись обо что-то, упала и при этомъ паденіи сбросила съ себя всадника какъ разъ подъ одно изъ ихъ оковъ. Послышался продолжительный стонъ; вскочившая лошадь подбѣжала къ своему господину, положила свою морду на его плечо и тихимъ ржаніемъ какъ бы умоляла о помощи.

— «Кто бы это ни былъ», вскричала старушка, «хоть бы даже Эссексъ или Манчестеръ, Фейрфаксъ или Кромвель, мы должны подать ему помощь; въ несчастіи ни другъ, ни врагъ не долженъ оставаться безъ помощи у порога моего дома. Позови мальчика, Бригита», прибавила она обращаясь къ служанкѣ, «и вели принести сюда упавшаго господина.»

Приказаніе ея было исполнено, всадникъ былъ поднятъ, посаженъ въ широкое покойное кресло и принесенъ въ комнату. Это

былъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ высокимъ лбомъ, суровымъ выраженіемъ лица и темными съ просѣдью волосами. Глаза его были закрыты—и очевидно было, что хотя онъ не былъ убитъ, но сильно оглушенъ паденіемъ. Одежда его состояла изъ темнаго поношеннаго плаща, изъ подъ котораго видѣлись блестящія латы и сбоку длинный мечъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ очнулся—и осмотрѣвшись вокругъ себя, хотѣлъ встать, но силы ему измѣнили и онъ въ изнеможеніи опять опустился въ кресло, воскликнувъ:

— «Господь жестоко наказалъ меня! но какъ бы то ни было, я долженъ бѣжать сейчасъ же чтобъ избѣгнуть плѣна.»

— «Не бойтесь ничего», отвѣчала госпожа Герриксъ, «вы здѣсь въ безопасности и можете остаться до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ поправитесь; женщина не должна видѣть враговъ въ больныхъ и безпомощныхъ.»

— «Нѣтъ достойная женщина», возразилъ незнакомецъ, «враги мои ищутъ меня, и если найдутъ, то мнѣ не будетъ пощады.»

— «Но пока вы въ моемъ домѣ—ничья рука не осмѣлится коснуться васъ. Вотъ это хорошо» прибавила она, увидя что дочь ея налила стаканъ вина и подавала незнакомцу, «выпейте, это васъ навѣрное освѣжитъ и придастъ вамъ силы. А гдѣ же лошадь, посмотрѣлъ ли кто за нею?» спросила она у слуги, стоявшаго въ дверяхъ.

— «Я ее привязалъ у крыльца» отвѣчалъ слуга, «а вотъ и мой баринъ, и господинъ Генри Лайль» прибавилъ онъ обернувшись, «говорятъ, они славно поколотили бунтовщиковъ, убили полковника Кромвеля и взяли въ плѣнъ его войско.»

Едва онъ успѣлъ договорить, какъ въ комнату вбѣжали двое молодыхъ людей въ военныхъ мундирахъ и широкихъ шляпахъ съ перьями.

— «Сынъ мой! милый сынъ мой!» вскричала старушка, прижимая къ груди одного изъ нихъ.

— «Милая, дорогая Маргарета!» вскричалъ другой, подбѣгая къ дѣвушкѣ.

Но восклицанія ихъ были прерваны движеніемъ незнакомца, который поспѣшно всталъ съ своего кресла.

— «Это что значитъ?» вскричалъ Джорджъ Герриксъ, устремивъ на незнакомца изумленный взглядъ и обращаясь къ матери.

— «Матушка, какъ попалъ сюда этотъ разбойникъ?» Напрасно мать старалась истолковать ему причину и успокоить его; видъ одного изъ враговъ, съ которыми онъ сражался такъ недавно, возбуждалъ въ немъ страшное негодованіе—и не смотря на всѣ просьбы матери и сестры онъ не могъ успокоиться.

— «Неси веревку», кричалъ онъ слугѣ, «я до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, пока собственными руками не повѣшу этого разбойника на дверяхъ моей комнаты» и говоря это, онъ обнажилъ свой мечъ и подбѣжалъ къ дверямъ какъ бы желая загородить дорогу, если бы незнакомцу вздумалось спастись бѣгствомъ. Но эта предосторожность была лишнею, потому что незнакомецъ, обнаживъ свой мечъ, спокойно стоялъ въ углу комнаты, съ твердымъ намѣреніемъ защищаться до послѣднихъ силъ. Наконецъ Маргарита, видя что никакія просьбы и увѣщанія не дѣйствуютъ на ея брата, обратилась къ своему жениху, умоляя его, если возможно, уговорить своего товарища, чтобы онъ отказался отъ своего намѣренія убить незнакомца.

— «Полно, Джорджъ, перестань» просилъ тотъ, подходя къ нему, «ты не долженъ этого дѣлать.»

— «Не долженъ? а почему? кто можетъ мнѣ запретить это?»

— «Твой собственный разумокъ и честь. Вслушай меня» продолжалъ онъ, «твоя мать обѣщала этому человеку безопасность—и она должна сдерживать свое слово. И неужели ты можешь быть такъ жестокъ, чтобъ убить человека въ собственномъ твоёмъ домѣ, не смотря даже на просьбы матери и сестры? Стыдись! Отпусти его! Сегодня руки наши и безъ того довольно обгременены кровью враговъ нашихъ, зачѣмъ прибавлять новое убійство?»

Джорджъ мрачно осмотрѣлся, и вложивъ мечъ свой въ ножны, сказалъ:—«Ну хорошо, обѣщаніе данное ему матерью будетъ исполнено, только пусть его убирается отсюда сейчасъ же, потому что я не могу его болѣе видѣть.»

— «Кто бы ты ни былъ, ступай съ Богомъ» сказалъ Лайль, обращаясь къ незнакомцу, «пойдемъ, я провожу тебя» и съ этими словами онъ взялъ его за руку и повелъ къ дверемъ, между тѣмъ какъ тотъ также вкладывалъ въ ножны свой мечъ.

Выйдя на крыльцо, у которого стояла его лошадь, онъ при-
ставно посмотрѣлъ въ лицо Лайля и тихо произнесъ: «Благодарю.»
— «Не благодари меня», возразилъ Генри, «не нужно мнѣ бла-
годарности,—и не будь мы связаны общаніемъ, даннымъ тебѣ
этой достойною женщиною, я бы самъ съ удовольствіемъ повѣсилъ
тебя; но кто знаетъ? можетъ быть мы когда нибудь еще и встрѣ-
тимся съ тобою!»

— «Можетъ быть, если на то будетъ воля Божья» отвѣчалъ не-
знакомецъ, «и я каждый день молю Его даровать мнѣ власть»...

— «Которой ты никогда не будешь имѣть» возразилъ Генри,
«я знаю тебя, но повѣрь, что тутъ» прибавилъ онъ, указывая на
домъ, «никто не подозрѣваетъ, кто былъ въ ихъ домѣ; иначе
врядъ ли бы ты вышелъ отсюда живымъ!»

— «Ты знаешь меня?» спросилъ не безъ нѣкотораго удивленія
незнакомецъ, «ну что-жъ? тѣмъ лучше, потому что, кто знаетъ,
можетъ быть придетъ время, когда ты не смотря на твою нена-
висть ко мнѣ будешь нуждаться въ моемъ прощеніи и помилова-
ніи. Прощай!» Сказавъ это, онъ вскочилъ на лошадь и быстро
помчался по дорогѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ описанной нами сцены. Въ Ан-
глии совершался большой переворотъ, королевскія войска были
всюду разбиты—и Кромвель вступалъ уже въ свои права. Нѣсколь-
ко разъ въ продолженіи этаго времени назначался день свадьбы
Маргареты Геррикъ съ Генри Лайлемъ—и нѣсколько разъ въ
слѣдствіи разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ его от-
кладывали. Наконецъ, послѣ сраженія при Ворчестерѣ, въ кото-
ромъ Джорджъ Геррикъ былъ убитъ, госпожа Геррикъ рѣшилась
соединить дочь свою съ любимымъ человѣкомъ. Свадьба, какъ мож-
но себя представить, была самая печальная—и день не успѣлъ еще
склониться къ вечеру, какъ Генри Лайль былъ арестованъ и от-
веденъ въ Лондонскую башню. Никакія убѣжденія не въ состоя-
ніи были заставить его признать надъ собою власть, которую онъ
не считалъ законною,—и черезъ три дня онъ долженъ былъ по-
гибнуть на эшафотѣ. Во все время его заключенія женѣ и матери
позволено было навѣщать его—и обѣ онѣ проводили въ горькихъ
слезахъ дни и ночи, моля Господа послать имъ твердость и силу
перенести тяжкій ударъ. Наканунъ дня назначеннаго для казни,
когда обѣ по обыкновенію сидѣли въ комнатѣ заключеннаго, гос-
пожа Геррикъ вдругъ какъ бы озаренная свыше какою-мыслью
встала—и не сказавъ ни кому ни слова, вышла изъ тюрьмы.

Шестнадцатаго Декабря 164—года около зданія Вестминстер-
скаго Аббатства было необыкновенное стеченіе народа. Въ одной
изъ залъ было сдѣлано возвышеніе на подобіе трона, передъ
которымъ стоялъ большой столъ. Множество народа и знатнѣйшихъ
лицъ Англии толпились въ залѣ и съ нетерпѣніемъ посматривали
на дверь, какъ бы ожидая кого-то. Наконецъ дверь открылась—и
въ залу вошелъ пожилой мужчина, съ гордымъ и суровымъ выра-
женіемъ лица, въ черномъ бархатномъ плащѣ и широкой шляпѣ

съ перьями. Подойдя къ возвышенію, онъ сѣлъ на него, снялъ
шляпу, и поговоривъ нѣсколько времени съ нѣкоторыми изъ вель-
можъ, подавъ одному изъ нихъ лежащую на столѣ бумагу, кото-
рую тотъ долженъ былъ прочесть вслухъ. Тутъ между многими
постановленіями объявлялось, что лордъ генераль Оливеръ Кром-
вель назначался протекторомъ благосостоянія Англии. Когда бу-
мага была прочитана и подписана, печать приложена, а Кромвель
надѣлъ свою шляпу и готовился выйти изъ залы,—изъ толпы вы-
шла женщина, бросилась къ ногамъ его и воскликнула:

— «Будь милостивъ, Лордъ Протекторъ! будь милостивъ и
пусть этотъ великій для тебя день будетъ днемъ благословенія!»

— «Что тебѣ нужно?» спросилъ Кромвель отрывисто, но по-
томъ подумавъ прибавилъ: «лицо твое мнѣ знакомо, я какъ будто
гдѣ-то видѣлъ тебя прежде; но говори, что тебѣ нужно,—и если
просьба твоя не противозаконна, то для такого дня какъ сегодня
она будетъ исполнена.»

— «Когда войско полковника Кромвеля», продолжала госпожа
Геррикъ (это была она), «было разбито въ сраженіи при Варпгамѣ
и самъ онъ долженъ былъ бѣжать чтобы спастись отъ смерти, то
на дорогѣ былъ сброшенъ своею лошадейю противъ дома бѣдной
вдовы, которая приняла его и дала ему убѣжище. Онъ былъ
врагъ ея и бѣжалъ съ поля сраженія въ которомъ участвовалъ
сынъ ея, но не смотря на то она приняла его и умоляла своего
сына оставить ему жизнь. Въ это время въ домѣ ея былъ моло-
дой человѣкъ, Генри Лайль, просьбами и стараніями котораго
была спасена жизнь врага ея. Иначе, Лордъ Протекторъ, не
видать бы тебѣ этаго великаго для тебя дня!»

«Теперь этотъ человѣкъ осужденъ на смерть—и я умоляю тебя
даровать ему жизни и спасти его, какъ онъ нѣкогда спасъ тебя!
Помилуй! О, помилуй, если ты человѣкъ и христианинъ!»

Въ продолженіи этой рѣчи Кромвель казался очень серьезнымъ
и недовольнымъ и потомъ обратился къ нѣкоторымъ стоявшимъ
тутъ сказалъ:

— «Уведите ее, она помѣшана, но осторожиѣе... осторожиѣе...
Теперь пойдемте, у насъ еще впереди много дѣла.»

Выведенная изъ залы, госпожа Геррикъ, видя что послѣдняя
надежда для нея потеряна, остановилась въ какомъ-то оцѣпенѣ-
ніи, какъ бы не сознавая что съ нею дѣлается, но потомъ оном-
нившись, направилась тихими шагами къ тюрьмѣ.

Но каково было ея удивленіе, когда, войдя во внутренность зда-
нія, она увидѣла что дверь комнаты, въ которой заключенъ былъ
Генри, отворена; подлѣ стола, на которомъ лежала какая-то бу-
мага, стоялъ Генри держа въ объятіяхъ свою жену. Слезы, кото-
рыя она прежде никогда не видала на глазахъ его, обильно
текли по его лицу и смѣшивались со слезами его жены, но не
смотря на то на лицѣ его сіяла какал-то радостная улыбка.

— Радуйтесь, матушка, радуйтесь!» могла только произнести
Маргарета. «Генри прощенъ!»

О ПИТАНІИ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ ПРИ РАЗСТРОЙСТВѢ ПИЩЕВАРЕНІЯ.

Во многихъ случаяхъ разстройствъ пищеваренія у дѣтей про-
исходитъ отъ качества самаго молока, переносимаго ребен-
комъ. Въ такихъ случаяхъ желательно, чтобы молоко замѣнялось
чѣмъ либо другимъ. Специально для этой цѣли, въ Швейцаріи
приготовляется два, дѣйствительно достойные вниманія препарата
Первый изъ нихъ—сгущенное молоко, приготовляемое въ Самбѣ;
второй—дѣтская мука Нестля (*farine lactée*, химика Нестля въ
Бевси). Сгущенное молоко состоитъ изъ коровьяго молока, которое,
посредствомъ кипяченія и прибавленія нѣкотораго количества
чистаго сахара, такъ сгущается, что представляетъ массу, похо-
жую на густое тѣсто; оно долго сохраняется, даже въ открытой
посудѣ, и достаточно растворить его въ водѣ, чтобы тотчасъ-же
получить настоящее молоко. Дѣти пьютъ его очень охотно; даже
малютки, нѣсколькихъ дней отъ роду, превосходно переносятъ его,
и оно вполне отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно имѣть
относительно подобнаго препарата. Дѣти по цѣлымъ мѣсяцамъ
страдавшіе поносомъ, не смотря на разныя перемѣны въ
пищѣ, избавлялись отъ него послѣ употребленія самскаго молока.

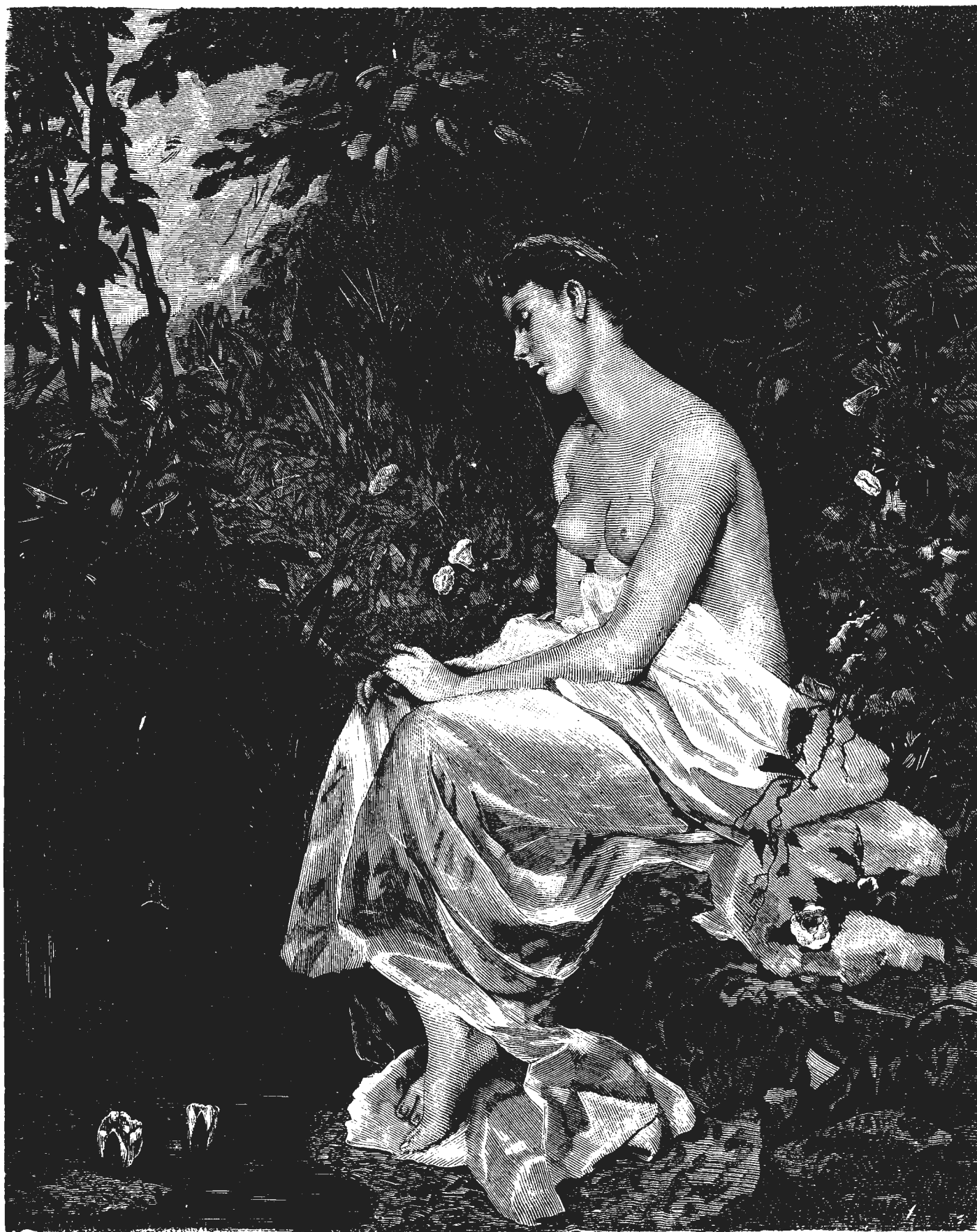
Дѣтская мука Нестля имѣетъ видъ бѣлой, нѣсколько выдаю-
щей въ коричневый оттѣнокъ муки; вкусомъ она похожа на тер-
тые сухари. Она дѣлается изъ тончайшей пшеничной муки, ко-
торая нагрѣвается при температурѣ во 150 градусоѣвъ и при силь-
номъ давленіи, чтобы содержавшійся въ мукѣ крахмалъ превра-
тить въ декстриачъ. Впрочемъ, кажется, превращеніе это превос-
ходитъ только отчасти. Затѣмъ она смѣшивается съ извѣстнымъ
количествомъ коровьяго молока и при болѣе низкой импературѣ
(въ 40 град.) сушится. И эту *farine lactée* слѣдуетъ только распу-
скать въ водѣ (одну часть муки на три части воды), чтобы не-
медленно получить пищу для дѣтей. Слѣдуетъ прибавить, что въ
этомъ препаратѣ количество водоуглеродистыхъ частей (т. е.
крахмала и сахаристыхъ веществъ) несоразмѣрно превышаетъ ко-
личество бѣловыхъ веществъ, чего не встрѣчается напримѣръ
въ коровьемъ молокѣ.

Это обстоятельство, вмѣстѣ съ наблюденіемъ, что несмотря на

поджариванье, въ продажномъ дѣтскомъ порошокѣ содержится
весьма ничтожная часть декстрина, возбудило (съ физиологической
точки зрѣнія) сомнѣнія въ цѣлесообразности этого вещества,
какъ питательнаго средства; и дѣйствительно, если сообразить,
что въ женскомъ молокѣ на одну часть азота приходится 9 частей
углерода, между тѣмъ какъ въ Нестлевой дѣтской мукѣ, по
ислѣдованіямъ профессора Мишера въ Базелѣ, на такое же ко-
личество азота приходится 21 доля углерода,—то приходится за-
дать себѣ вопросъ, можно ли поставитъ этотъ препаратъ наравнѣ
съ молокомъ и рекомендовать его какъ единственную пищу для
дѣтей.

Опытъ однакоже показалъ, что можно безъ вредныхъ послѣд-
ствій, пологда и больше, кормить дѣтей исключительно выше-
описаннымъ питательнымъ веществомъ; питающіе имъ, дѣти пол-
нѣли и были свѣжи. Однако нельзя умолчать, что у этихъ дѣтей
мы почти всегда замѣчали признаки англійской болѣзни; слѣдова-
тельно, ему дѣйствительно недостаетъ чего-то чтобы совѣтовать
употреблять исключительно его въ пищу дѣтямъ. Тѣмъ не менѣе,
мы не обинуясь, считаемъ этотъ препаратъ одной изъ лучшихъ
замѣнъ материнскаго молока, въ чемъ сходимся съ самыми опыт-
ными врачами. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ его просто
незамѣнимымъ, именно когда дѣтямъ въ холеріи и т. п. не
давали никакой молочной пищи, а потомъ снова хотѣли вернуться
къ ней, но она въ обыкновенной формѣ еще не переносится
дѣтскимъ желудкомъ. При продолжительномъ употребленіи этого
препарата, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, хорошо
кромѣ того давать дѣтямъ достаточное количество молока.

Всего больше упрощается вопросъ о дѣтскомъ питаніи тамъ,
гдѣ главной дѣтской пищей можетъ служить коровье молоко. Мы
укажемъ здѣсь еще на многочисленныя мучныя вещества употре-
бляемыя для этой цѣли, напримѣръ: рисовую муку *Arrowroot*, из-
вѣстнаго сорта особеннымъ образомъ приготовленной ржаной муки,
гороховую муку (*Revalenta*), и проч., также какъ различныя
употребляемыя для этой цѣли печенія и особенные сорта хлѣба.

Психея. Картина Вейшлага Грав. Нейманъ

При употреблении всѣхъ этихъ препаратовъ, главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы не примѣшивать къ нимъ много веществъ содержащихъ крахмалъ; иначе они становятся неудобоваримы, причиняютъ пученье и вздуваютъ животъ. Далѣе, при употреблении печеній (сухарей, разныхъ сортовъ булокъ) надо обращать вниманіе, чтобы они не были кислы, для того чтобы вся смѣсь не получала слишкомъ кислой реакціи; впрочемъ, этому весьма легко помочь прибавивъ углекислой извести или известковой воды, или углекислаго кали. Во многихъ случаяхъ хорошо

также прибавлять къ молоку яичный желтокъ, или немного какао.

Способъ питанія дѣтей, принятый англичанами, основывается больше на мясѣ; у насъ онъ принимается развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. По этому способу, дѣтей кормятъ крѣпкимъ мяснымъ отваромъ (Beef thee), сырнымъ скобленнымъ или рубленнымъ мясомъ, которое даютъ ребенку по одной или по нѣсколькѣ чайныхъ ложекъ въ день, просто такъ или прибавляютъ немного сахару и краснаго вина.

Два Якшича (Яковлича).

Сербская народная пѣсня.

Свѣтъ Денницу укоряетъ Мѣсяцъ:
— Гдѣ была ты, свѣтлая Денница?
Гдѣ была ты, гдѣ ты пропадала?
Бѣлыхъ три дня гдѣ ты пропадала?—
Отвѣчаетъ свѣтлая Денница:
«Гдѣ была я? гдѣ я пропадала?—
По-надъ бѣлымъ городомъ Бѣлградомъ;
Тамъ глядѣла на большое чудо—
Какъ два брата вотчину дѣлили:
Якшичъ Дмитрій съ Якшичемъ Богданомъ.
Все согласно порѣшили братья,
Вотчину какъ надо подѣлили:
Взялъ Дмитрій землю Кара-Влашку,
Кара-Влашку съ краемъ Молдавскимъ
И Банатъ весь до воды Дуная;
Взялъ Богданъ ровнины края Срѣма—
Землю Срѣма и долину Савы,
Сербію до города Ужицы;
Взялъ Дмитрій дальній край Ужицы
И Ружицу—церковь городскую *)
И Небойшу крѣпость на Дунаѣ;
А Богданъ ваялъ горній край Ужицы.
О пустомъ у братьевъ споръ и ссора;—
И о чемъ? ни за что и ни про что:
) конѣ да соколѣ раздоры!
Дмитрій хочетъ, чтобы ему достались
Вороной бѣгуны и ясный соколъ,
А Богданъ ему не уступаетъ.
Какъ поутру засвѣтилось утро—
Дмитрій Якшичъ съѣлъ на вороного,
Взялъ и ясна сокола съ собою,
Да поѣхалъ въ поле на охоту;
На прощаньи жъ молилъ Анджелію:
«Анджелія, вѣрная мнѣ любя! **)
Отрави ты мнѣ Богдана брата!
Если-жъ брата отравить не хочешь—
И не жди меня домой: не буду!»
То услышавъ, любя Анджелія
Сѣла въ горѣ, тягостномъ раздумьи,
Думаетъ и говорить съ собою:
«Что наплачешь, бѣдная кукушка?
Если дамъ я дѣверу отраву—
Будетъ грѣхъ великій передъ Богомъ,
А позоръ и срамъ—передъ народомъ;
Обо мнѣ отъ мала до велика
Всякій скажетъ: «жалкая какаля!
Дѣвера отравой опоила!»—
А когда ему не дамъ отравы,
Потеряю милого мнѣ мужа!»
Все придумавъ, на одномъ рѣшила:
Сходить внизъ, въ глубокое подполье,
Тамъ беретъ молитвенную чашу,
Кованую, чисто золотую,
Данную отцомъ ей при вѣнчаньи.
Чашу ту, виномъ наполнивъ краснымъ,
Дѣверу подноситъ Анджелія,
И ему, поцѣловавши руку,
Говоритъ она съ земнымъ поклономъ:
— «Въ честь тебѣ прийми, мой милый дѣверъ,
Въ честь тебѣ вино и эту чашу,—
А коня и сокола отдай мнѣ!»
Взялъ Богданъ такую рѣчью тронуть—
И коня и сокола даритъ ей.
Цѣлый день Дмитрій на охотѣ,
Но не встрѣтилъ онъ себѣ добычи;
Ужъ подъ вечеръ, къ озеру подѣхавъ,
Подъ горой зеленою увидѣлъ

Утку... блещутъ крылья золотыя!
И на ту золотокрылу утку
Дмитрій ясна сокола пускаетъ.
Соколу та утка не далася:
Клюнула его—и клювомъ сразу
Правое крыло ему сломала.
Видя это, Яковленичъ Дмитрій
Снялъ проворно княжью одежду
И лыветъ по глади водъ озерныхъ,
Сокола беретъ себѣ на руку,
Такъ ему проговорилъ, жалѣя:
«Каково тебѣ, мой соколъ ясный?
Безъ крыла теперь что будешь дѣлать?»
Ясный соколъ пискомъ отвѣчаетъ:
«Безъ крыла теперь мнѣ точно также,
Какъ и брату одному безъ брата!»
Взялъ Дмитрій пораженъ печалью:
Что, какъ братъ его уже отравленъ?!
Онъ проворно скокъ на воронаго,
Быстро мчится къ городу Бѣлграду,
Чтобъ застать еще живаго брата!
По мосту черезъ Чекмекъ несется,
Поспѣшаетъ, гонитъ воронаго...
На скаку подъ нимъ вдругъ мостовина
Подломилась, конь упалъ и ноги
Изломалъ, остался безъ переднихъ,
Точно братъ оставшійся безъ брата!
Видя это, Дмитрій въ нетерпѣньи
Самъ бѣжитъ, коль не летитъ къ Бѣлграду;
Добѣжалъ и любу громко кличетъ:
«Анджелія, вѣрная супруга!
Что? мнѣ брата ты не отравила?»
Анджелія отвѣчаетъ мужу:
— «Нѣтъ, я брату не дала отравы,
А тебя я съ братомъ помирила».
Свѣтлая Денница замолчала
И на землю весело сіяла.
Поблѣднѣвъ, промолвилъ мѣсяцъ ясный:
— Помирились братья!... но ужасны
Тѣ, у моря, лютые османы,
Что на нихъ острить ужъ атаганы,
Сербской кровью упитаютъ поле,
Угнетутъ ихъ тяжкою неволей?»
Отъ Денницы мѣсяцу отвѣтомъ
Просіяло животворнымъ свѣтомъ,
А землѣ отрадно прозвучало:
«Потерните, погодите мало!
Какъ непрочны на поляхъ туманы,
Такъ недолго будутъ бусурманы
Угнетать народъ и край словянскій.
Не погибнуть вѣрѣ христіанской!
Но когда желанный мигъ дозрѣетъ,
Всѣ туманы вѣтерокъ развѣтетъ.

В.....

Жъ памятнику Екаторины JJ

Великая, твой памятникъ давно
Сооруженъ—не зодчаго рукою,
А титломъ Матушки, которое дано
Тебѣ народною молвою.
Вотъ мавзолей—превыше всѣхъ другихъ;
Вѣнецъ безсмертія и славы.
Красой была ты подданныхъ своихъ,
А ихъ любовь—красой твоей державы.
Счастливъ кто мысль народа угадалъ,
Осуществивъ его давнишнее желанье,
И на отколѣ Финскихъ скалъ
Залечатилъ себѣ воспоминанье.

А. Бѣшенцовъ.

*) Эта церковь и теперь стоитъ въ дальнемъ городѣ; Турки держали въ ней пороховъ.

**) По сербски любя значитъ жена, Анджелія или Анджумша—Ангелка

СМЪСЬ.

Успеніе Богородицы.

(КАРТИНА МУРИЛЬО).

Бартоломео Эстебанъ Мурильо, знаменитый испанскій живописецъ Севильской школы, родился 1 января 1618 года въ Севильѣ. Первые уроки живописи получилъ онъ отъ родственника своего, Хуана де-Кастильо, съ которымъ отправился въ Кадиксъ и тамъ еще мальчикомъ продавалъ на рынкѣ образки своей работы. Когда живописецъ Педро-де Мойя, усвоивъ себѣ колоритъ Ванъ-Дейка, возвратился изъ Лондона въ Севилью, Мурильо возгорѣлъ желаніемъ видѣть произведенія великихъ мастеровъ; но денежныхъ средствъ его не хватало на поѣздку въ Италію. Онъ съ несказаннымъ терпѣніемъ продолжалъ писать свои образа и другія картины, бывая ихъ въ Америку, и такимъ образомъ скопивъ себѣ нѣкоторую сумму, въ 1643 отправился въ Мадридъ. Здѣсь его землякъ, Діего Веласкецъ, доставилъ ему возможность копировать въ королевской галлерей Эскуриала лучшіе образцы испанской живописи. Мурильо работалъ втеченіи 2-хъ лѣтъ, преимущественно изучая Рибера и Веласкеца, затѣмъ возвратился въ Севилью, гдѣ скоро приобрѣлъ себѣ извѣстность образами написанными для монастыря С. Франциско. Главнѣйшими его произведеніями въ то время были: св. Леандеръ и Исидоръ, св. Антоній Надунскій и четыре образа въ церкви Санта Марія ла Бланка: Блестящій періодъ его дѣятельности обнимаетъ собой промежутокъ 1670—1680 годовъ. Въ 1674 году окончилъ онъ восемь большихъ картинъ, представляющихъ дѣла милосердія, для госпитальной церкви Санъ-Юрге де-ла Каридадъ, отличающихся поразительнымъ колоритомъ и рисункомъ, живою выразительностью лицъ, превосходной композиціей и доведенной до обманчивости перспективой. Въ церковь де лосъ Венераблесъ написалъ онъ Зачатіе и св. Петра. Въ то же время исполнилъ онъ 28 картинъ съ фигурами въ натуральную величину, нѣкогда украшавшихъ алтарь и нижніе хоры кануцинскаго монастыря въ Севильѣ, а впоследствии перешедшихъ въ Америку. Работая надъ большой картиной, обреченіе св. Екатерины, для главнаго алтара кануцинской церкви въ Кадиксъ, онъ упалъ съ подмостковъ и вслѣдствіешибовъ умеръ 3 апрѣля 1682 г. въ Севильѣ. Послѣдній, прерванный трудъ dokonченъ ученикомъ его, Озорисомъ.

Открывъ Академію живописи въ Севильѣ (1660), гдѣ впервые открыто изучалось обнаженное тѣло, Мурильо—сталъ основателемъ Севильской школы. Лучшіе ученики его, Тобаръ, Менезесъ и Виллавиченцо до такой степени точно копировали своего учителя, что обманывали даже знатоковъ.

Произведенія его находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, въ Мадридскомъ музеѣ, въ королевскомъ Берлинскомъ музеѣ, въ Дрезденской галлерей, въ Мюнхенской Пинакотекѣ и Лейхтенбергскомъ собраніи, въ Вѣнѣ въ императорской галлерей и у князей Эстергази, въ Англіи въ Стаффордшейрской, Грос-

свенорской, Ашбуртонской, Лейткуртской, Варвикъ-каслъской, Алтонъ-Товерской и проч. галлерейхъ, въ Италіи въ Флорентинской, Моденской, Королевской Неапольской и прочихъ дворцовъ, въ Мадридѣ ихъ множество—одинъ Музео дель Прадо насчитываетъ въ себѣ до 46 картинъ Мурильо.

Психея.

(КАРТИНА БЕЙШЛАГА).

Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:
Но образъ-ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою-ль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета...

И. Богдановичъ.

Такъ, ровно сто лѣтъ тому назадъ, передавалъ русскій поэтъ содержаніе граціознѣйшаго изъ греческихъ мифовъ — похождения Психеи (душа) и Эроса (любовь.) Въ то время поэма его, знаменитая «Душенька», читалась всею Россіею и составляла такую же настольную книгу всякаго любителя юблителя роднаго слова, какъ впоследствии стихотворенія Пушкина или въ наше время повѣсти Тургенева. Но если игривая, по тому времени чрезвычайно издочно и легко написанная, шуточно-стихотворная переделка античной повѣсти Апудея («Золотой Оселъ») на русскій ладъ и стяжала себѣ такой успѣхъ въ кругу современниковъ, тѣмъ не менѣе она не даетъ почти никакого понятія о прелести оригинала—и это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Богдановичъ черпалъ свое вдохновеніе не прямо у источника, а также изъ переделки Лафонтена (повѣсть въ стихахъ «Любовь Психеи и Купидона). Гораздо болѣе посчастливилось «Психеи» въ живописи. Безсмертный Рафаэль увѣковѣчилъ ее похищеніемъ цѣлымъ рядомъ фресокъ на стѣнахъ Ватикана—и съ легкой руки его безконечная вереница живописцевъ, одинъ за другимъ, вдохновлялись этимъ благодарнымъ сюжетомъ. Нѣмецкій художникъ, съ картинами котораго мы прилагаемъ теперь снимокъ, изобразилъ Душеньку задумавшеюся надъ ея эмблемой — мылькомъ, присѣвшимъ къ ней на руку... Кто не знаетъ, что бабочка въ видѣ гусеницы зарывающаяся въ землю и тамъ, по превращеніи въ куколку какъ бы обитую погребальной пеленой, разрывающая свои покровы для того чтобы выпорхнуть снова на радужныхъ крыльяхъ на свѣтъ божій, — издревле служила живымъ символомъ безсмертія души?.. Сама Психея въ произведеніяхъ античной скульптуры изображалась съ крыльями мотылька—и сохраненіемъ этого атрибута ея въ своемъ произведеніи Бейшлагъ съ большимъ художественнымъ тактомъ удержалъ древній смыслъ содержанія мифа при всей современной естественности формы, въ которой вылилось его вдохновеніе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: разъяснить, что къ тѣмъ изъ подлежащихъ воинской повинности или дѣтямъ ихъ, которые не приписаны еще ни какому обществу, должна быть приимѣяема относительно приписки къ призваннымъ участкамъ ст. 95 Уст. о Воин. Повин. въ соотвѣтствіи чему они должны быть вносимы въ призванные списки по тѣмъ участкамъ, въ предѣлахъ коихъ находятся на жительствѣ, если сами не записались въ другомъ участкѣ по нахожденію тамъ принадлежащей имъ или родителямъ ихъ недвижимости.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ настоящемъ году предполагалось произвести, пишутъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», обширные опыты надъ воздушными шарами въ Усть-Ижорскомъ лагерѣ, для чего было построено нѣсколько отдѣльныхъ барачковъ, куда перевезены были изъ Петербурга всѣ принадлежности по устройству воздушныхъ шаровъ. Послѣдніе опыты происходили 25-го и 26-го іюля. При нихъ имѣлись въ виду три цѣли: 1) опредѣлить, въ какой степени годны для военнаго времени шары, построенные не изъ шелковой матеріи, а изъ простаго колденкора, пропитаннаго варенымъ льнянымъ масломъ; 2) опредѣлить наименьшее время наполненія воздушныхъ шаровъ и наименьшее количество матеріаловъ для этой цѣли, и 3) опредѣлить, возможно ли

въ военное время употреблять для наблюденій вмѣсто обыкновенныхъ водородныхъ шаровъ монгольѣеры. Опыты показали, что колденкоревые шары гораздо хуже сохраняютъ газъ, чѣмъ шелковые, менѣе прочны, и потому не могутъ имѣть большого объема. Главная выгода ихъ—дешевизна и легкость заготовленія, и потому преимущественно могли бы употреблять ихъ при полевыхъ дѣйствіяхъ, тогда какъ шелковые шары могутъ съ большою выгодой употребляться въ крѣпостной войнѣ. Опыты съ монгольѣерами начались наполненіемъ грѣтымъ воздухомъ пробнаго малаго монгольѣера, діаметромъ въ три сажени. Этотъ опытъ показалъ чрезвычайную трудность наполненія монгольѣеровъ безъ риска испортить матерію шара, который былъ построенъ изъ полотна, пропитаннаго хлористымъ кальціемъ, съ цѣлью придать матеріи несгораемыя свойства. Кроме того даже незначительный вѣтеръ совершенно препятствуетъ наполненію монгольѣера. Хотя по этому опыту нельзя еще сдѣлать никакихъ окончательныхъ выводовъ, но позволительно сомнѣваться въ возможности употреблять въ военное время монгольѣеры.

— 20-го іюля отправился изъ Кронштадта въ море двухбашенный броненосный фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ» для производствя окончательныхъ испытаній самонакатывающихся станковъ съ гидравлическимъ при-

способленіемъ системы генералъ-маіора Пестича. Фрегатъ выдержалъ въ морѣ жестокой SW при огромномъ волненіи и, не смотря на то, благополучно прибылъ въ Ревель 12-го числа, въ 11 часовъ вечера. Изъ телеграммы, полученной «Кронштадск. Вѣстн.» изъ Ревеля, видно, что при жестокомъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи фрегатъ стрѣлялъ изъ своихъ огромныхъ 11-ти-дюймовыхъ наръзныхъ пушекъ полными боевыми зарядами, причѣмъ самонакатывающіеся гидравлическіе станки не имѣли никакихъ поврежденій и дѣйствовали очень хорошо.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— Изъ Екатеринослава пишутъ въ «Одесскій Вѣстникъ», что, несмотря на частые дожди, Днѣпръ мелѣетъ все болѣе и болѣе, и пароходство вверхъ отъ Екатеринослава сильно затруднено. Во время весеннихъ разлитій образуются новыя мели и прежній фарватеръ дѣлается крайне опаснымъ. Съ весны до настоящаго времени пострадали уже подъ Екатеринославомъ два кіевскіе парохода отъ мелей и камней. Въ послѣдніе годы Днѣпръ вообще имѣннлъ теченіе у Екатеринослава, отклонившись русломъ своимъ болѣе къ лѣвому берегу (Екатеринославъ стоитъ на правомъ). Теперь Днѣпръ у города раздѣленъ довольно длиннымъ песчанымъ островомъ (Поповою-Косою) на двѣ части; изъ нихъ лѣвая изъ недавняго узкаго протока обратилась въ широкую, глубокую

и быструю рѣку; правая (что къ городу) все суживается и мельчет. Если это будетъ продолжаться, то можетъ повлечь за собою прекращене пароходства по крайней мѣрѣ до Кременчуга».

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что на происходившихъ въ Кіевѣ и Одессѣ сѣздахъ представителей русскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, между прочимъ, рѣшено: 1) распространить прямое сообщеніе между северо-германскими, австрійскими и русскими желѣзными дорогами, чрезъ Галицію, какъ на все пассажирское, такъ и на товарное движеніе (до сихъ поръ прямое сообщеніе было установлено только для хлѣбнаго товара и для одного Кіева); 2) включить въ это прямое сообщеніе всѣ большія станции Кіево-Брестской желѣзной дороги; 3) принять Московско-Брестскую желѣзную дорогу въ прямое сообщеніе съ австрійскими дорогами по движенію хлѣбныхъ грузовъ; 4) установить тарифъ по означенному прямому сообщенію для перевозки грузовъ изъ всѣхъ торговыхъ портовъ Чернаго моря, какъ туда, такъ и обратно, для перевозки грузовъ съ Шоти-Гифлисской дороги на эту дорогу, равно какъ и для тѣхъ пунктовъ, на которые распространяются средиземные, остъ-индскіе и китайскіе рейсы Русскаго Общества пароходства и торговли; 5) рѣшено прямое пассажирское движеніе изъ Одессы чрезъ Львовъ въ Іанну распространить съ одной стороны на Парижъ и Лондонъ, а съ другой стороны включить въ него Константинополь; 6) постановлено созвать въ сентябрѣ новыя сѣзды изъ представителей тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ, для установленія новаго тарифа для перевозки товаровъ, согласно съ измѣненіями въ классификаціи товаровъ, принятыми на нынѣшнемъ сѣздѣ. Вообще изъяснено было желаніе участить эти сѣзды для взаимной пользы какъ русскихъ, такъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Въ Самару прибыли уже инженеры-строители желѣзныхъ дорогъ Оренбургской и Уральской (желѣзно-конной) и заняты теперь, какъ сообщается въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ», предварительными работами. Самый интересный и жизненный вопросъ для гор. Самары—это опредѣленіе пункта, гдѣ будетъ сооружена мостъ черезъ Волгу. Кто знаетъ эту рѣку, тотъ согласится, что мостъ черезъ нее будетъ однимъ изъ громаднѣйшихъ сооружений въ мірѣ; кіевскіе и кременчугскіе мосты въ сравненіи съ нимъ окажутся игрушками. Въ ожиданіи желѣзныхъ дорогъ, сообщеніе здѣшняго края съ внутренними губерніями производится посредствомъ пароходовъ. Пароходство на Волгѣ сдѣлало больше успѣхи въ послѣднее время: такіе пароходы американскаго типа, какъ «Переворотъ», «Миссисипи», «Александръ II», построенные дома, на Соржовской верфи, ослѣпительно доказываютъ, что это дѣло принимаетъ размѣры солидные.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— На островъ Челекенъ, отстоящемъ отъ Красновода въ нѣсколькихъ часахъ морскаго пути, въ настоящее время положено основаніе современной и рациональной разработки нефть, добываемой туркменами посредствомъ ручныхъ колодезевъ. Одна турецкая компанія, 1-го іюня, въ уроч. Картгушъ открыла для добычи нефти буровыя работы заложившемъ буровой скважины, диаметромъ въ 6 1/2 дюймовъ. Но это только начало и первый опытъ дѣятельности компаніи, которая намѣрена употребить капиталъ въ 300,000 руб. сер. для добычи нефти и другихъ минеральныхъ веществъ. Для этого пріобрѣтены земли на Челекенѣ отъ туркменъ, по условіямъ, на разные сроки, по меньшей мѣрѣ на 12 лѣтъ. Кромѣ того имѣется въ виду пріобрѣсти отъ казны, по отводу на условіяхъ, земли изъ числа незанятыхъ на Челекенѣ и возлѣ горъ Большаго и Малаго-Балхана. Для ближайшаго ве-

денія дѣла въ Красноводскѣ открыто агентство. Обиліе нефти на Челекенѣ, судя по отзывамъ специалистовъ, принесеть, надо полагать, большія выгоды предприимчивымъ капиталистамъ и подастъ надежды, что Челекенъ и Красноводскъ сдѣлаются со временемъ центрами значительной промышленности.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что начальникъ Подольской губерніи обратилъ особое вниманіе на усиліе эксплуатаціи залежей торфа, находящихся въ Проскуровскомъ уѣздѣ. Залежи эти занимаютъ обширную плоскость и отсутствіе воды облегчаетъ добычаніе торфа. Торфъ, независимо отъ сохраненія льсоновъ, могъ бы замѣнить соломенное топливо, употребляющееся во многихъ бездѣльныхъ мѣстностяхъ губерніи.

— Устраиваемая въ гор. Новочеркасскѣ Суценокскимъ и Дьяконовымъ привилегированная кирпичообжигательная печь Гофмана будетъ имѣть 16 отдѣленій или камеръ, вмѣщающихъ въ себя для обжиганія каждая до 20,000 кирпича. Обжиганіе можетъ быть непрерывное, круглый годъ, каменнымъ углемъ и дровами. Поэтому, при достаточномъ заготовленіи сырья, такого размѣра печь можетъ дать въ годъ до 6 милліоновъ обожженнаго кирпича. На постройку этой печи потребовалось до шестисотъ тысячъ кирпича, въ томъ числѣ до 50,000 на трубу, высота которой об аршинъ. Чтобы придать такому заводу соответственное значеніе какъ по качеству такъ и по количеству производства кирпича, предприниматели ставятъ паровую машину до 20 силъ, для дѣланія же кирпича выписываютъ двѣ прессывальныя машины: одну изъ Англии, а другую изъ Германіи. По словамъ строителей, въ первый же годъ кирпичъ будетъ продаваться ниже существующихъ теперь цѣнъ.

— Въ Сельцѣ, близъ Варшавы, начали разводить шелководныхъ червей Вольшух Регнуи, которые множатся два раза въ годъ. Опыты съ этого рода червями дѣлаются въ тамошнемъ заведеніи въ первый разъ.

— Изъ Баку пишутъ въ газету «Кавказъ», что бурная скважина Халафъ (Вермишена и Къ, на Балаханской площади) снова начала извергать периодически нефть, струею въ три сажени вышины.

АРХЕОЛОГІЯ.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что по случаю третьяго археологическаго сѣзда въ Кіевѣ (въ августѣ мѣсяцѣ) получаютъ теперь изъ-за границы заявленія отъ ученыхъ Обществъ, присылающихъ разныя древности изъ своихъ собораній на выставку, которая будетъ открыта въ зданіи Кіевского университета. Недавно ученое Общество въ Брюкнѣ прислало много памятниковъ, относящихся къ языческой эпохѣ Морави, и болѣе 100 серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ Морави, на которыхъ замѣтны надписи кириллицей. Отправлена на сѣздъ рукопись твореній св. Іоанна Златоустаго—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловскаго письма, и много другихъ. Знаменитое аббатство Райградъ (Rajgrad), основанное въ 1048 году, высылаетъ замѣчательные предметы, вырытые въ всѣ прошлаго году близъ монастыря, а также и древности, украшающія собраніе самаго монастыря.

— Тополюскому Губернскому Статистическому Комитету были представлены найденныя недавно въ Тобольской губерніи: на р. Иртышѣ, близъ юртъ Аремянскихъ, серебряная золоченая чашка въсомъ 1 ф. 3 зол., съ винчивающимися внутри ея кружкомъ, а на р. Кондѣ, близъ юртъ Болчаровскихъ, клинокъ желѣзнаго оружія и часть большаго глинянаго сосуда съ разными украшениями; причѣмъ Комитету было сообщено, что на р. Кондѣ сохранились до сихъ поръ земляныя насыпи, при раскопкѣ которыхъ можно разсчитывать на археологическія находки въ родѣ домашней утвари древнихъ, обитавшихъ здѣсь народовъ и проч.; и что въ Тобольской

губерніи, какъ извѣстно, много сохранилось чудскихъ могилъ съ насыпанными на нихъ земляными курганами. Статистическій Комитетъ, рассмотрѣвъ означенныя находки, постановилъ: командировать секретаря Комитета Юшкова нынѣшнимъ же лѣтомъ въ Балчаровскія и Аремянскія юрты и другія мѣстности Тобольскаго округа для археологическихъ изысканій.

ГИГИЕНА.

— Въ Пятигорскѣ въ настоящее время только и толкуетъ, что объ исчезновеніи Александровскаго источника. Вотъ нѣкоторыя подробности. Александровскій источникъ—одинъ изъ самыхъ обильныхъ и лучшихъ изъ числа источниковъ Пятигорска—въ 10 часовъ вечера, 25-го іюня, внезапно исчезъ; не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Ермоловскій источникъ составляетъ вѣтъ того же Александровскаго. Пертурбація съ источникомъ, впрочемъ, не новость; нынѣшній случай по счету одиннадцатый. Въ предпоследній разъ дѣло было въ 1872 г. послѣ землетрясенія, разрушившаго Шемаху и отравившагося, хотя и слабо, въ Пятигорскѣ; тогда количество воды, даваемой Александровскимъ источникомъ, уменьшилось въ 6 разъ. Въ настоящее же время Александровскій источникъ совершенно исчезъ; къ счастью, однако, въ остальныхъ источникахъ воды, одновременно съ этимъ, значительно прибавилось; затѣмъ, какъ бы тоже въ вознагражденіе за потерянный источникъ, показались два новые довольно обильные источника въ обширныхъ променахъ, образовавшихся по дорогѣ къ тепло-сѣрнымъ ваннамъ: новые источники весьма схожи съ существующими тепло-сѣрными какъ по температурѣ, такъ и по составу.

ЛИТЕРАТУРА.

— На основаніи Высочайше утвержденаго, 16-го іюня 1873 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ постановилъ: приставить въ выпускъ въ свѣтъ газеты «Московскія Вѣдомости» на три дня.

Новыя книги:

Записки фельдмаршала графа Миниха. Перев. съ фр. подъ ред. и съ примѣч. С. Шубанскаго. Изд. Л. Исакъ. Т. II. Спб. тип. Воевообразова. 8 д. ХХІХ+306 стр. и 1 портр. 1.500 экз.

Русскій энциклопедическій словарь. Изд. И. Н. Березинимъ. Отд. I и II. А—Б—Д. Вып. III. Титр. II. Спб. тип. тов. «Общ. Польза» 4 д. VII+3+VIII и 81—224 и VIII и 65—296 и VIII и 49—144 стр. 5.000 экз.

Вѣднскій, В. Сочиненія. Ч. VIII. Изд. 3-е. Москва. тип. Грачева. 8 д. 705 стр. 2.400 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Щебальскій, П. Чтеніе изъ русской исторіи (съ исхода XIV в.). Вып. IV. Изд. 3-е. Москва. Унив. тип. 8 д. 267 стр. 3.600 экз. Ц. 50 к.

Ностомаровъ, М. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Второй отдѣлъ: господство Дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Еккатеріны II. Вып. V.—XVIII столѣтіе. Спб. тип. Стасюлевича. 8 д. 221—568 стр. 5.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцовъ, Д. Русскія женщины послѣднихъ временъ. Биографическіе очерки изъ русской исторіи. Женщины девятнадцатаго вѣка. Изд. А. Черкесова. Спб. Тип. Бакета. 8 д. 21+323 стр. 3.000 экз. Ц. 2 р. 60 к.

Франко-и-илицкая война 1870—1871. Сост. военно-историч. отдѣленіемъ прусскаго Генеральнаго Штаба. Перев. въ вѣм. А. Риттера и И. Маслова. Ч. I, вып. 4-й. Спб. Тип. Балашева. 8 д. 259—344 и 67—71 стр. и 9 плановъ. 2.000 экз. Ц. 1 р.

Безобразовъ, В. И. Земскія учрежденія и самоуправленіе. Москва. Унив. тип. 8 д. 62 стр. 300 экз.

Сабитъевъ, Л. М. Рыбы Россіи. Жизнь и ловля вышнихъ прусководныхъ рыбъ. Вып. I. Съ полднимъ. Изд. ред. со. «Природа». Москва. Тип. Готье. 8 д. IV+208 стр. и 2 карт. 1.200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Малиевъ, Н. Матеріалы для сравнительной антропологии. Казань. Тип. Гилла, 4 д. 43+18+XLIII.

СОДЕРЖАНІЕ: Исландія (тысячелѣтній юбилей колонизаціи) (съ 3 рисунками). — Нордикъ и Волчій постъ (Эпизодъ изъ польскаго матаеа 1803—64 годовъ) Н. Каразина. — Дѣв сценъ изъ гражданской войны. — О пугачевскихъ дѣлахъ при разсмотрѣніи ищевренія. — Два Якича. Сергаская народная пѣсня. Б. — Къ памятнику Еккатеріны II (эксромптъ) В. Шейцова. — Успеніе Богородицы (съ рисункомъ). — Циска (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

При семь номерѣ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ Ольги Корещенко, въ Москвѣ.

объявленіе отъ чайнаго магазина

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 34

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ПРУССКІЙ ВОЕННЫЙ ОРКЕСТРЪ ГВАРДЕЙСКАГО ФУЗЕЛЕРНАГО ПОЛКА

Въ послѣднее время, петербургская и московская публика принимала новыхъ, еще небывавшихъ въ Россіи, артистовъ музыкантовъ. Мы слышали почти всѣхъ знаменитыхъ солистовъ Европы, цѣлыя оркестры Страуса, Гунгля, Бильзе и проч., различные хоры тирольскихъ и иныхъ пѣвцовъ, — но каково было наше удивленіе, когда мы узнали изъ газетъ и афишъ, что къ намъ пожаловалъ прусскій военный оркестръ, т. е. просто полковой хоръ трубачей — und weiter nichts, какъ говорятъ соотечественники нашихъ недавнихъ гостей. Многие съ улыбкой обиднаго недоумія отправлялись на Крестовскій островъ, въ Русскій семейный садъ, гдѣ назначенъ былъ дебютъ заѣзжихъ артистовъ... По это недоуміе длилось только до перваго взмаха капельмейстерской палочки. Далѣе сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ замѣчательнымъ оркестромъ, — было уже невозможно по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто сколько нибудь понимаетъ музыку вообще и средства духовыхъ инструментовъ въ частности. Въ массѣ же публики ходили самые разнорѣчивые толки, до такихъ наприм. куріозовъ, что подъ эстрадой-де спрятавъ другой оркестръ со скрипками. Дѣйствительно, звуки полковаго оркестра подъ управленіемъ г-на Фрезе до того вѣжны, что кажется такъ и слышишь скрипичное пѣніе съ аккомпаниментомъ виолончели и контрабаса. Притомъ, разнообразіе и богатый выборъ пѣсней — начиная отъ танцовъ и кончая до самыхъ серьезныхъ произведеній Бетховена, Мендельсона,

Шуберта и проч. — были по истинѣ поразительны. Каждый вечеръ оркестръ исполнялъ новую серію музыкальных пѣсней — и безъ малѣйшей ретенціи, такъ какъ по утрамъ фузелеры играли въ Зоологическомъ саду, а остальное время дня частная жизнь ихъ проходила на глазахъ петербуржцевъ.

Поневолю приходилось даться диву — и Крестовскій садъ ежедневно наполнялся тысячами посѣтителей, а когда заѣзжіе гости давали концертъ въ городѣ, какъ напр. въ Михайловскомъ и Александровскомъ садахъ, то давка бывала буквально невообразимая. Въ Москвѣ успѣхъ г-на Фрезе былъ еще блестяще — тамъ капеллѣ поднесены даже подарки, — какъ мы слышали, слишкомъ на 1000 рублей, въ томъ числѣ два серебряные кубка, одинъ оркестру и другой г-ну Фрезе лично.

Отчего же зависитъ это необыкновенное совершенство простаго полковаго оркестра? Отрѣшавшись отъ взглядовъ толпы, мы прежде всего поищемъ причины — въ самой сути дѣла, т. е. въ музыкальномъ образованіи исполнителей. Въ Пруссіи каждый полковой музыкантъ, кромѣ умѣнья бѣгло играть à vive ouvert, долженъ еще и теоретически знать музыку; слѣдовательно, образованіе его равняется приблизительно тому, какое дается у насъ въ консерваторіи. Только съ такимъ знаніемъ дѣла принимаются желающіе вступить въ оркестры прусскихъ полковъ. Понятно, что эти люди требуютъ и соответственнаго вознагражденія — и это достигается тѣмъ, что каждый музыкантъ, по окончаніи срока военной службы,

Карль Фрезе, капельмейстеръ прусскаго военного оркестра гвардейскаго фузелернаго полка. Рис. Тегаццо грав. Пудъ.

имѣть право на получение должностей въ статской преимущественно предъ всѣми прочими кандидатами, — не говоря уже о томъ, что всѣмъ завѣдомая точность и исполнительность прусскихъ военныхъ открываетъ имъ широкій доступъ къ частной дѣятельности во всевозможныхъ конторахъ, на фабрикахъ и т. п. Съ другой стороны, постоянному пополненію музыкальнаго контингента въ прусскихъ полкахъ содѣйствуетъ всеобщая воинская повинность, которая нынѣ вводится и у насъ. Само собою разумѣется, что бюргеръ музыкантъ — любитель или по профессіи, вступая въ полкъ, предпочтетъ мѣсто въ оркестрѣ строевой службѣ, такъ какъ притомъ и время обязательныхъ занятій весьма ограничено, а въ свободные часы онъ можетъ работать надъ развитіемъ своего таланта или пожелаетъ давать уроки музыки. Каждый изъ нихъ — самъ по себѣ солистъ своего инструмента.

Отсюда-то и проистекаетъ то необыкновенное согласіе и стройность оркестра, который по одному взмаху палочки капельмейстера обрываетъ напр. полный хоръ свой какъ одинъ человекъ, или постепенно затихаетъ до едва уловимыхъ нотъ. Въ этомъ секретъ удовольствія, доставляемаго публикѣ даже фокусами его, какъ напр. соло на барабанѣ, изображающее походъ, наступленіе и горячую атаку. Многие изъ музыкантовъ оркестра г-на Фрезе — сами компонируютъ; капельмейстеръ же извѣстенъ уже нашей

публикѣ пьесами собственнаго сочиненія, которыя были имъ исполнены во время концертовъ.

Прилагая портретъ представителя этого оркестра, считаемъ нелишнимъ сообщить почитателямъ г-на Фрезе нѣкоторыя свѣденія объ его служебной и частной дѣятельности. Карлъ Фрезе родился 14 декабря 1831 года въ Берлинѣ и по окончаніи школьнаго ученія отданъ былъ для усовершенствованія въ музыкѣ къ директору городской капеллы Линдау, который въ настоящее время живетъ въ Россіи. Въ 1852 году молодой Фрезе уже совершилъ нѣсколько поѣздокъ съ оркестромъ въ Швецію и Норвегію, а 1 августа 1853 вступилъ гобоистомъ въ новосформированный оркестръ гвардейскаго резерва, нынѣ гвардейскіе фузелеры — любимый полкъ императора Вильгельма, который прозвалъ ихъ своими *майскими жуками*. Съ этимъ полкомъ Фрезе дѣлалъ походы 1866 года (Буркерсдорфъ и Кёниггрецъ) и 1870 (Сен-Прива, Седанъ и осада Парижа) подъ начальствомъ полковниковъ Вердера, Эригера († при Сен-Прива) и Папштейна.

Послѣ похода 1866 года, полковникъ Вердеръ (нынѣ генералъ и военный уполномоченный въ Петербургѣ) назначилъ Фрезе капельмейстеромъ. Кромѣ медалей 1866 и 1870 года, Фрезе имѣетъ орденъ желѣзнаго креста за Седанъ и русскій орденъ св. Анны 3-й степени, полученный имъ въ послѣднее время.

Сказано что Азія *)

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣніемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеніемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА I.

Б у р я.

Въ 830-хъ годахъ, въ южномъ Дагестанѣ, у подошвы Кавказскихъ горъ расположенъ былъ отрядъ русскихъ войскъ. Поручикъ Искринъ, находившійся въ должности адъютанта при областномъ начальникѣ, былъ посланъ съ порученіемъ по дѣламъ службы. Отношеніе туземцевъ къ русскимъ тогда были далеко не дружелюбны — и безъ конвоя путешествіе было невозможно. Конвой Искрина состоялъ изъ шести человекъ лезгинъ, вооруженныхъ, какъ говорится, до зубовъ, на красивыхъ лошадяхъ — особая порода, помѣсь съ карабахскими. Такой конвой не покажется страннымъ для тѣхъ, кто служилъ на Кавказѣ и ознакомился съ обычаями горцевъ. Дружба есть чувство священное для горца — и такъ-называемый *кунакъ* если взялся сопровождать васъ, то лелѣетъ какъ добрая нянька. Онъ не только что станетъ защищать друга до послѣдней крайности, но будетъ мстить тому, кто причинилъ бы вамъ вредъ. Честь его именно связана съ безопасностью, съ охраненіемъ друга. Такой конвой надежныѣ всякаго другаго и потому уже, что ему извѣстныѣ мѣстность и обычаи своихъ земляковъ; онъ привыкъ съ малыхъ лѣтъ ко всегдашней осторожности; а при этомъ добрый конь и мѣткость выстрѣла предупреждаютъ опасность. Молодой человекъ лѣтъ 24-хъ, средняго роста, красивой наружности, крѣпкаго тѣлосложенія, въ черкесскихъ шароварахъ изъ верблюжьяго сукна, въ кабардинской бараньей шапкѣ, Искринъ ѣхалъ на своемъ карабахскомъ жеребцѣ, который былъ извѣстенъ въ отрядѣ подъ названіемъ «Жучокъ», потому что былъ вороной безъ отиѣтнѣй; на тонкомъ ремешкомъ поясѣ, стягивавшемъ стройный станъ Искрина, висѣлъ кинжалъ, а сади заткнутъ былъ турецкій пистолетъ, черезъ плечо шапка. Съ лѣвой стороны у него ѣхалъ кунакъ его, Мамать-Али, человекъ лѣтъ сорока, росту вершковъ двѣнадцать съ черной окладистой бородой, отиѣнявшей смуглое продолговатое лицо его, оживленное умными глазами. На немъ была надѣта черкеска изъ синяго тонкаго сукна, обложенная серебряной широкой тесьмой, и шаровары верблюжьяго сукна. Онъ былъ увѣшанъ блестящимъ оружіемъ. Кожаные наговицы и чивеки, съ загнутыми къверху носками, кинжалъ, пистолетъ, шапка и ружье. Онъ былъ старшиною се-

ленія Джары Мдивонъ — бекомъ, въ областномъ правленіи получалъ огромное жалованье и большіе подарки отъ русскаго правительства, — а по частымъ сношеніямъ съ Искринимъ, онъ съ нимъ сдружился и назвался кунакомъ его, что всегда не нравилось старому слугѣ Искрина — Семену, который см отрѣлъ на лезгина искося и называлъ его змѣей. Мамать-Али былъ однимъ изъ тѣхъ лезгинъ, которые имѣютъ вліяніе на своихъ соотечественниковъ, основанное на уваженіи ихъ къ удалству. Чѣмъ болѣе отчаяннымъ прослылъ кто разбойникомъ, чѣмъ значительнѣе добыча грабежа его, тѣмъ болѣе имѣетъ тотъ права на уваженіе своихъ сосѣдей; они его боятся — и ближайшій къ нему сосѣдъ съ удвоенною осторожностью запираетъ на ночь двери своей сакли и ложится спать не иначе какъ съ заряженнымъ пистолетомъ и кинжаломъ подъ изголовьемъ.

Съ правой стороны Искрина ѣхалъ вѣрный слуга его, Семень, человекъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, широкоплечій; свѣтлорусые съ просѣдью усы и бакенбарды въ безпорядкѣ сплѣтались съ морщинами загорѣлаго лица его. Онъ сопровождалъ своего господина во всѣхъ экспедиціяхъ и былъ всей душой ему преданъ; онъ гѣствовалъ его ребенкомъ и, не смотря на старость своихъ лѣтъ, не хотѣлъ разстаться съ нимъ, когда тотъ былъ посланъ въ Грузію. Типъ тѣхъ старинныхъ дядекъ, которыхъ къ сожалѣнію въ наше время уже не встрѣчаемъ. Ни просьбой, ни приказомъ, ни хитростию не могъ Искринъ добиться, чтобы этотъ упрямый старикъ оставался на мѣстѣ и не слѣдовалъ всюду за нимъ, какъ тѣнь, какъ вѣрная собака. Онъ ѣхалъ на черноморскомъ сѣромъ конѣ, съ вьючными сумами въ торокахъ гусарскаго сѣдла, съ заряженными пистолетами въ кабурахъ; на поясѣ у него висѣлъ кинжалъ, который онъ чаще употреблялъ для приготовленія битковъ въ походѣ; огромная фляжка съ ромомъ болталась у него на ремнѣ черезъ плечо, къ которой, надо сознаться, дядька любилъ прикладываться, чаще чѣмъ его питомецъ; черезъ другое плечо тоже на ремнѣ висѣла длинная кожаная кияса съ табакомъ и короткій черешневый чубукъ — къ этому снадобью Семень не имѣлъ никакого влече нія и называлъ мерзостью.

Впереди ихъ ѣхало двое лезгинъ и трое сади. Сверхъ того, Саркизь армянинъ духанщикъ ¹⁾, отправлявшійся по своимъ торговымъ дѣламъ, просилъ Искрина позволить присоединиться къ его каравану. Искринъ, зная какъ ловки и полезны эти люди на Кавказѣ, былъ очень радъ такому приобрѣтенію, тѣмъ

*) Солдатская поговорка.

¹⁾ Содержатель духана или балагана, въ которомъ торгуютъ виномъ и съѣстными припасами.

болѣе что онъ могъ служить ему переводчикомъ ¹⁾. Дорога шла, извиваясь у подошвы горъ, между кустовъ дикаго жасмина, покрытыхъ бѣлыми цвѣтами, издававшихъ сильнѣйшій ароматъ. Только-что подѣхали къ лѣсу, вдругъ лезгины, имѣвшие свои ружья за спиной на ремняхъ, перекинули ихъ очень ловко на правыя плеча въ висячее горизонтальное положение, придерживая правою рукою. «Али что заприѣтили?» увидавъ это, сказалъ Семень. «Нѣтъ», отвѣчалъ Мамать-Али, который уже научился нѣсколько говорить и понимать по русски, и черезъ Саркиза объяснилъ, что это они дѣлаютъ изъ предосторожности, имѣя такимъ образомъ ружье на готовѣ, —такъ что врагъ, мелькнувшій впереди, успеетъ только развѣ вздохнуть, прежде чѣмъ пронизетъ его пуля. «Эка злоба-то, подумаешь!», бормоталъ Семень: «а мы съ этими антихристами дружимся. Кунакъ, другъ-де, говорить! Чортъ! Господи прости. Вотъ другъ, такъ ужъ другъ!» продолжалъ онъ, присвиснувъ и кликнувъ: «Мерлушка!» Онъ такъ называлъ бѣлаго пуделя, по свойству его курчавой шерсти, —и собака съ визгомъ бросилась на морду его сѣраго коня. «Ужъ онъ, братъ Саркизь, къ Сѣрку ни кого не подпуститъ, а походомъ у артельныхъ лошадей сѣно таскаетъ, да ему носить».

— Ну это, Власычъ, замѣтилъ Саркизь, — онъ вѣрно у тебя перенялъ.

Всѣ засмѣялись.

— Прямая ты армяшка, сказалъ раздосадованный старикъ. — По русской пословицѣ: «голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ». Вотъ и ты наровишь, какъ-бы тебѣ что счепаулить ²⁾, такъ и объ другихъ думаешь. Я, вотъ видишь ты, ломтя хлѣба не съѣмъ, не оставивъ по кусочку Сѣрку да Мерлушкѣ, —ни за что не расстанусь съ ними, если баринъ захочетъ продать ихъ. Свои кровныя денежки внесу, а ты, чихирная душа, чай жену отдашь, какъ увидишь деньги... Между тѣмъ вдругъ стало пасмурно, солнце мгновенно скрылось за горы, не давъ даже полюбоваться на великолѣпную картину своего заката, какъ бываетъ въ долинахъ, гдѣ оно оставляетъ какъ бы воспоминаніе о себѣ—слѣдъ—розовый сумракъ. Вѣтеръ вдругъ, какъ бѣшенный звѣрь, вырвался изъ ущелья и нанесъ громаду черныхъ тучъ на темно-голубое небо....

Поднялась страшная буря, дождь полилъ какъ изъ ведра, въ горахъ сдѣлалась ужасная темнота. Потоки съ ревомъ бросились съ горъ и такъ наводнили узенькую дорожку, что путешественники ѣхали, какъ будто вдоль рѣчки. Положеніе Искрина становилось весьма неприятнымъ. Застигнутый въ горахъ ночью и бурей, въ странѣ еще мало извѣстной и наполненной неприятелемъ, онъ не зналъ чтѣ дѣлать; ни гдѣ не видно было надежнаго пристанища.

Почтенный нашъ Семень, промоченный до костей, не смотря на то, что не разъ прикладывался къ благотѣльной еляжкѣ, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и пробуждалъ въ себѣ энергію, думая вслухъ. «Умереть не диковинка, не страшно и не стыдно, говорилъ онъ, —за православную церковь, за батюшку русскаго царя, за мать родную землю, такъ и подобаетъ воину въ битвѣ съ врагами не щадить живота своего; но умереть подъ кинжаломъ этихъ, оборванныхъ разбойниковъ—срамъ, а еще хуже попасть къ нимъ въ полонъ. . Говорятъ—окаянные разрѣжутъ кожу на подошвѣ ногъ, да насыуютъ туда конскаго волоса, такъ что и ступить нельзя, водятъ нагишомъ да издѣваются надъ тобой. Господи, помилуй насъ отъ эдакой напасти! Лучше сверзиться въ пропасть, пусть съѣдятъ лютые звѣри. Батюшка, Александръ Андреевичъ! вскричалъ онъ, обращаясь къ Искрину, —пристрѣли ты меня ради Христа, если въ полонъ попадежся. Пусть не достается басурманамъ на поруганіе моя христіанская душа на старости лѣтъ!»

— Полно врать, старый! отвѣчалъ ему Искринъ съ досадою. —Развѣ я отдамся въ плѣнъ живой? а покудова я живъ и ты будешь цѣлъ. Богъ милостивъ!—Буря становилась все сильнѣе и сильнѣе. Удары грома съ ужаснымъ гу-

ломъ раздавались въ ущельѣ—и раскаты долго и протяжно грохотали по хребтамъ горъ. Вѣковыя деревья вырывало съ корнемъ и съ трескомъ свергало въ пропасти. Все это повторялось страшнымъ эхомъ. Молніи безпрерывно освѣщала глубину темныхъ ущелій. Въ эти моменты видны были кучки хищныхъ шакаловъ, испуганныхъ бурей, прижавшихся другъ къ другу и присоединявшихъ свои завыванія къ воплямъ стихій.

— А что, Мамать-Али, спросилъ Искринъ, —случалось-ли тебѣ видѣть такую бурю въ твоихъ путешествіяхъ?.. ты, говорятъ, постраивалъ таки довольно по Кавказу...

— Бывало! отвѣчалъ тотъ.

— Я думаю, ужъ тебѣ надоѣло шататься, продолжалъ Искринъ, — не взманитъ снова охота покинуть семейство и домъ. Ты богатъ, въ почетѣ, чего-же еще надо.

— Не знаю, отвѣчалъ кунакъ:—бываетъ такое время: одолеваетъ скука. Такъ что бросишь все, да и уѣдешь куда глаза глядятъ. Вотъ, видишь ты, у насъ такой обычай: каждый лезгинъ обязанъ сдѣлать путешествіе, хоть разъ въ жизни. Какъ начинается пробиваться усь у молодца, онъ сдѣлаетъ коня, снимаетъ со стѣны завѣтное оружіе предковъ и отправляется искать славы и добычи и вырастить себѣ бороду. До той поры онъ не найдетъ себѣ жены въ околodкѣ. У насъ дѣвушка не выйдетъ замужъ за челоуѣка, какой-бы красавецъ онъ ни былъ, покудова онъ не отличится въ ратныхъ подвигахъ; а какъ молодецъ возвратится съ добычей, такъ есть изъ чего и калымъ ¹⁾ внести за невѣсту. Тогда ужъ выбираетъ себѣ въ жены любую дѣвушку—и даже не одну; тогда только онъ и въ джаматѣ ²⁾ имѣетъ голосъ. А кому посчастливится и понравится ходить за добычей, того ужъ дома не удержишь, покудова старость лѣтъ не усадитъ у домашняго огонька, гдѣ будешь рассказывать молодежи объ своей удали, или покудова не уложитъ охотника навсегда въ неоправленную постель—вражеская пуля. У насъ во всемъ избиліе, денегъ только нѣтъ; большіихъ трудовъ да заботъ прилагать не къ чему, дѣлать нечего, скучно, —и поѣдешь по неволѣ помолодцовать, да поискать добычи.

Вдругъ, утѣшительный, какъ голосъ друга, раздался лай собакъ въ отдаленіи.

— Эй, Саркизко! вскричалъ Семень, —никакъ чекалки проклятыя взвыли? плохо, братъ, не одобровать намъ!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Саркизь, —это собаки лаютъ, видно не подалеку селеніе.

И дѣйствительно въ сторонѣ замелькали огни.

— Посмотри-ка, Мамать-Али, сказалъ Искринъ:—это должны быть Мацехи. Судя по времени, намъ бы давно ужъ надо быть тамъ; но не мудрено, что мы сбившись съ дороги, объѣхали кругомъ. Мамать-Али, осмотрѣвшись вокругъ, отвѣчалъ положительно: «Нѣтъ! мы дѣйствительно сбились съ дороги, но какое тутъ селеніе, я рѣшительно не помню.

— Досадно! продолжалъ Искринъ, —а я надѣялся славно поуживать у Цоторъ-Оглы. У него ханымъ ³⁾ мастерски дѣлаетъ пловъ и шашлыкъ, да я думаю, что для кунака и русской бузы ⁴⁾ бутылочка найдется. Надо сказать правду, онъ молодецъ. Какъ ты думаешь, Мамать-Али?

— Правда, конечно, правда, отвѣчалъ Мамать-Али.—Поискать такого у насъ въ Джамарахъ ⁵⁾, да пожалуй не найдешь. Когда въ джаматѣ что скажетъ, такъ вѣрно; домай пожалуй себѣ голову на досугѣ, а лучше не придумаешь. Да ему можно пить русскую бузу—у него отецъ-то былъ русскій.

— Какимъ это манеромъ? спросилъ Искринъ: —расскажи пожалуста—это любопытно.

— Вотъ видишь, отца его звали Цоторъ ⁶⁾, продолжалъ Мамать-Али.—Онъ былъ солдатомъ взятъ въ плѣнъ, давно, въ большой Чечнѣ, а проданъ къ намъ въ горы. Его купилъ Гамзатъ-Бекъ за нѣсколько барановъ; днемъ онъ ра-

¹⁾ Калымъ—выкупъ.

²⁾ Сходка мірская.

³⁾ Жена.

⁴⁾ Буза—нанитокъ.

⁵⁾ Джамары—Вѣлованская область.

⁶⁾ Сидоръ.

¹⁾ На Кавказѣ армяне всѣ знаютъ татарскій языкъ.

²⁾ Украсть.

боталь въ цѣпяхъ, а ночью опускали его въ ровъ, изъ котораго, скованный, онъ выдти не могъ. Онъ сдѣлался боленъ. Дочь Гамзатъ-Бека сжалилась надъ нимъ и стала его лечить. Каждый вечеръ носила ему лекарство и пищу въ ровъ—и онъ выздоравливалъ. Зюльма въ него влюбилась и продолжала навѣщать его. Гамзатъ-Бекъ, узнавъ объ этомъ, разсердился и велѣлъ казнить дочь свою и его. Присуждено было закидать ихъ камнями. Когда Цотора привели на площадь—и онъ увидѣлъ Зюльму зарытую стоя по грудь въ землю, онъ поблѣднѣлъ—и какъ онъ былъ силы необычно-

ни племени; я сирота, моя родина далеко отъ сюда—въ Сибири. Тамъ солнце такъ не грѣетъ и луга не покрыты такими цвѣтами, деревья не ломаются отъ такихъ плодовъ. Теперь я твой плѣнникъ,—буду твоимъ сыномъ, заработаю тебѣ десятеро. Для меня краше всѣхъ цвѣтовъ—красота Зюльмы, а цвѣтъ глазъ ея ярче солнца краснаго. Прости насъ!». Эти слова такъ растрогали весь джамать, что всѣ присутствовавшіе единогласно стали упрашивать Гамзатъ-Бека—и онъ простилъ виновныхъ. Мулла ихъ благословилъ—и вотъ сынъ ихъ, котораго ты знаешь, этотъ самый Цоторъ-Оглы.

Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.
Рис. Тегаццо, грав. Пуць.

войной, то вырвался изъ рукъ стражи, взмахнулъ скованными руками, ударилъ объ камень цѣпью и она разбилась, все это было дѣломъ момента. Стражи хотѣли снова схватить его, но онъ одного убилъ кулакомъ, на которомъ еще остался обрывокъ цѣпи, другаго сбилъ съ ногъ, бросился на колѣни предъ Гамзатъ-Бекѣмъ и сказалъ: «Ты можешь насъ убить обоихъ—меня и Зюльму,—но за что? Что мы сдѣлали? полюбили другъ друга? Да вѣдь солнце свѣтитъ, рѣка течетъ, человѣкъ любитъ... Я не гяуръ, я правовѣрный¹⁾; великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его! Пожалѣй дочь свою—она будетъ, можетъ быть, скоро матерью, матерью моего ребенка. Я не уйду отъ нихъ никуда, у меня нѣтъ ни роду,

¹⁾ Онъ былъ татаринъ.

— Гдѣ-же отецъ его? спросилъ Искринъ.

— А ужъ этого не могу сказать, не знаю навѣрно, отвѣчалъ Мамать-Али. — Когда русскіе пришли въ Дажры, сдѣлалось всеобщее возстаніе; онъ, говорятъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Его судили, какъ бѣглеца, прогнали сквозь строй, но онъ не вынесъ наказанія.

А буря все свирѣпѣла. Хотя эти мѣста во время кампаніи и сдѣлались Искрину довольно знакомыми, но въ такую бурю самая твердая память съ толку собьется. Онъ ни какъ не могъ припомнить, какое селеніе тутъ находилось. «Да поѣдемъ, сказалъ Мамать-Али:—пристаніще путнику, по нашимъ обычаямъ, каждый дать долженъ; вѣдь—путешественникъ, переступившій порогъ дома, есть для хозяина лицо священное». Вдругъ всторонѣ вспыхнуло сильное пламя, за-

рево освѣтило долину, покрытую лѣсомъ. Огонь сквозилъ въ чащѣ деревьевъ.

— Эй! Семень! сказалъ Искринъ:—смотри-ка, ужъ это не нашъ-ли отрядъ какой-нибудь?.. огонь что-то очень великъ.

— А что, отвѣчалъ слуга,—и впрямь пожалуй такъ.

— А можетъ загорѣлось селеніе, замѣтилъ Саркизь.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Мамать-Али—это не могутъ быть глуходары, имъ время еще не пришло. Они больше осенью пускаются на добычу.

— Поѣдемъ, отвѣчалъ Искринъ.

браннаго хлѣба, а по окончаніи полевыхъ работъ остаются въ лѣсахъ и занимаются разбоємъ, покуда не наступитъ зима и не обнажить лѣса ¹⁾). Винтовка за спиной, кинжалъ на поясѣ, жѣшокъ кукурузной муки за плечами, десятка два патроновъ за назухой—и онъ готовъ въ походъ ²⁾).

ГЛАВА II.

П о ж а р ъ.

Усталые, измученные путешественники, все спускаясь въ долину, пробирались шагъ за шагомъ сквозь чащу лѣса, по

Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Марія Мекленбургская.

Рис. Тегатцо, грав. Пуць.

— Если даже и они, то не ждутъ гостей въ такую бурю; мы съ ними подѣлимся добычей, замѣтилъ Мамать-Али.

— Чортъ поberi! вскричалъ Семень,—только и слышишь, что глуходары да глуходары—да что они на деревьяхъ что-ли живутъ, Саркизько спроси-ка у кунака-то.

— Мамать-Али разсмѣялся и отвѣчалъ: — «глуходары» называютъ племя живущее въ горахъ, у нихъ земля бесплодная, они хлѣба почти не сѣютъ и чрезвычайно бѣдны. Все ихъ достояніе заключается въ небольшомъ количествѣ скота и овецъ. Во время лѣтняго жара мы отгоняемъ свой скотъ къ нимъ и платимъ за сбереженіе. Весь промыселъ ихъ состоитъ въ буркахъ, они добываютъ каменную соль, которую и промѣниваютъ на хлѣбъ жителямъ долинъ. На лѣто остаются у насъ обрабатывать землю, получаютъ часть со-

узенькой тропинкѣ, направляя свой путь на огонь,—наконецъ услышали шумъ рѣчки и подѣхали къ берегу. Хотя рѣчки на Кавказѣ вообще мелки и дно имѣютъ каменистое, но во время дождя вдругъ наполняются водой, такъ что переправа черезъ нихъ дѣлается чрезвычайно трудной и опасной. Быстро, съ шумомъ неслась рѣка, увлекая по теченію обломки деревъ, разбивая ихъ въ щепы о прибрежныя скалы. Освѣщенная заревомъ, она текла какъ густая лава темно-фіолетоваго цвѣта. Всадники смѣло бросились въ кипучія волны рѣки. Тамашнія лошади привычны къ этимъ пе-

¹⁾ Подошва Кавказскихъ горъ въ южномъ Дагестанѣ покрыта большею частью фруктовымъ лѣсомъ.

²⁾ Изъ этого-то народа по большей части составились полчища Шихъ-Шабана, Гамзатъ-Бека, Казимуллы и Шамиля.

реправамы и сильно борятся съ быстротой потока, то увлекаемы имъ внизъ по теченію, то выбираясь снова изъ пучины. Вода обмывала ихъ шею. «Что, братъ, Сѣрко» вздыхая говорилъ Семень: «не думали мы съ тобой нынче плавать, да вотъ привелъ Богъ покупаться, нечего дѣлать: отдувайся, голубчикъ мой, усталъ сердечный. Прикажите сударь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Искрину, — этимъ нехристямъ хоть сумы-то наши взять на плеча; здоровы, небось, не окочкѣютъ! а то подмочимъ пожалуй, да и Сѣрку-то вѣдь больно тяжко, вишь какъ запыхался! Я бы на себя набросилъ — на мнѣ и такъ много кое чего навѣшано; эта прорва-табачище тутъ, какъ бы не подмочить его!». Послѣ довольно долгаго плаванія выбрались наконецъ на берегъ и очутились на хуторахъ. Передъ ними открылось страшное зрѣлище и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпная картина. Отъ грозы загорѣлось нѣсколько шалашей, устроенныхъ изъ плетня и окутанныхъ камышемъ. Это былъ не пожаръ, а фейерверкъ: каждый шалашъ загорался вдругъ кругомъ и, какъ огненная пирамида, исчезалъ въ нѣсколько минутъ... Но ужасенъ былъ плачъ дѣтей, испуганныхъ пожаромъ, крикъ матерей, спасающихъ ихъ отъ огня; страшны были блѣдныя, испуганныя лица, озабоченныя чувствами самосохраненія, мелькавшія какъ тѣни среди этого пламени. Вся картина рѣзко отбѣивалась глубокимъ мракомъ земли и неба. Шалашы были построены не въ порядкѣ и довольно отдаленно одинъ отъ другаго, а промежутки между ними покрыты густымъ лѣсомъ. Деревья, обмокшія отъ дождя, остановили дѣйствіе огня — и пожаръ прекращался. Стволы деревьевъ были оплетены вьющимися растеніями, на вершинѣ ихъ миллионы птичекъ, укрытыхъ отъ бури въ чащѣ листьевъ, стаями кружились въ воздухѣ...

Первымъ движеніемъ Искрина было скакать на помощь погибавшимъ, но конь его вдругъ захрапѣлъ и бросился восторону. Искринъ услышалъ слабые стоны, слѣзъ съ коня, наклонился — и увидѣлъ женщину, лежавшую въ густой травѣ; верхняя одежда на ней оборвалась и еще тлѣлась мѣстами. Волосы въ беспорядкѣ были разметаны по плечамъ ея, на поясѣ висѣлъ маленькій кияжаль. Она была безъ чувствъ, ребенокъ плакалъ около нея. Мамать-Али поскакалъ съ товарищами въ селеніе. Саркизъ тоже направилъ свой путь стороной къ мѣсту пожара — въ духѣ промышленности: провѣдать, не будетъ ли какого выгоднаго приобрѣтенія. Искринъ остался съ своимъ вѣрнымъ Семеномъ возлѣ погибавшей. Онъ почерпнулъ шалкой воды, началъ плескать ей на лицо, потомъ взялъ у старика фляжку съ ромомъ и сталъ растирать ей виски...

— Ну, батюшка, вотъ ужъ это не дѣло такъ не дѣло, ворчалъ Семень, — тратить по пустому! Ожить — такъ и безъ того оживеть.

Черезъ нѣсколько минутъ женщина вздохнула.

— Спасена! вскричалъ Искринъ съ радостію.

— Что и говорить, слава Богу, ожила душа некрещеная... Умирала-бы! туда ей и дорога, ворчалъ Семень сквозь зубы, держа лошадей въ поводу. Женщина открыла глаза, которые какъ будто чего-то искали. Искринъ догадался и подалъ ей ребенка. Она съ чувствомъ благодарности взглянула на него — и схвативъ поспѣшно ребенка, прижала его къ груди. Малютка сейчасъ обнявъ рученками ея шею и крѣпко прижался къ ней.

— Ну-ка, Семень, сказалъ Искринъ: — теперь привяжи лошадей къ дереву, наруби дровъ и разведи огня.

— Сейчасъ! отвѣчалъ слуга; онъ былъ мастеръ этого дѣла, но мокрая дрова горѣть не хотѣли, долго возился онъ съ ними, пока наконецъ костеръ дровъ запылалъ. Искринъ разостлалъ бурку и усадилъ на нее бѣдную женщину, которая дрожала какъ въ лихорадкѣ, далъ ей выпить глотокъ рому, и она согрѣлась. Дождь пересталъ, дрова разгорѣлись и огонь освѣтилъ всю картину. Когда Искринъ разглядѣлъ лицо этой женщины, оно поразило его красотой, не смотря на блѣдность, страшную худобу и явные слѣды изнеможенія отъ продолжительныхъ болѣзней; но въ черныхъ глазахъ опущенныхъ длинными рѣсницами, еще не обсохшими отъ слезъ, виднѣсь былъ пламень жизни, исполненный притягательной силы.

Искрину стало жарко, не смотря на то, что на немъ тяготѣло обмокшее платье. Ему казалось, что это лицо ему было знакомо. Ему было совѣстно смотрѣть на нее пристально, а не хотѣлось отвести глазъ въ сторону; такъ она была прелекательна.

— Лучше-бы вы, батюшка, объ себѣ позаботились! сказала Семень, подавая барину сюртукъ, который вынулъ изъ переметной сумы и обогрѣлъ у огня. — На васъ череска-то хоть выжми, такъ и льеть изъ нея!.. Искринъ не отвѣчалъ ему и стоялъ какъ вкопанный, не спуская глазъ съ прекрасной женщины; онъ старался припомнить, гдѣ видѣлъ ее. Она какъ будто осердилась или испугалась: отворотившись отъ молодого человѣка, она съѣла спиною къ огню и стала распущенными волосами прикрывать грудь свою, ей было стыдно, румянецъ какъ молнія вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ ея. Это движеніе заставило Искрина отойдти. Но взглянувъ на нее издали, онъ увидѣлъ, что изъ глазъ ея, обращенныхъ на ребенка, катились слезы, а улыбка какъ утренняя заря сквозила на розовыхъ губахъ.

— Полно вамъ, сударь, зариться-то на нее, бормоталъ Семень, — вѣдь это грѣхъ! Можетъ въ ней сатана сидѣть, Господи прости! Ишь какъ у нее глаза-то свѣтятся, словно у кошки!..

Освѣщенная сзади, эта картина была превосходна. Лицо женщины было въ тѣни, но абрисъ его и обнаженныхъ плечъ, какъ бы обведенный огненной чертой, отбѣивался отъ темной массы и лѣса и ночи. Искринъ подошелъ къ ней ближе, она опустила длинныя рѣсницы. Какъ хотѣлось ему заглянуть подъ нихъ, прочесть въ глазахъ повѣсть сердца! Долго онъ на нее глядѣлъ — и чѣмъ больше, тѣмъ сильнѣй было желаніе поговорить съ ней. Но какъ? Онъ не зналъ мѣстнаго нарѣчія. По привычкѣ русскихъ къ скорѣйшему способу знакомства, онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько червонцевъ и хотѣлъ дать ихъ красавицѣ, едва прикрытой лохмотьями.

Но можно представить себѣ удивленіе Искрина, когда бѣдная женщина оттолкнула слегка его руку, сказавъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, которому грузинки умѣютъ придать особенную прелесть: «не обижай меня!», и крупныя слезы градомъ брызнули изъ черныхъ глазъ ея и падали одна за другой на обнаженную грудь. Искринъ быстро опустилъ деньги въ карманъ. Ему было совѣстно, неловко. Семень, услышавъ это, началъ креститься, приговаривая: «Съ нами крестная сила! ну такъ и естъ, вѣдь я не ошибся».

— Да кто-же ты? спросилъ женщину изумленный и сконфуженный Искринъ.

— Я грузинка! сквозь слезъ едва могла выговорить бѣдная женщина.

— Прости меня! сказала Искринъ, — я не хотѣлъ оскорбить тебя, но, не зная языка, не умѣлъ иначе выразить моего участія къ тебѣ. Еще разъ прошу тебя, прости меня...

— Господи! что это съ нимъ сдѣлалось? Бѣдный баринъ! Она его околдовала, говорилъ Семень. И съ этими словами Семень горько заплакалъ и повалился къ ногамъ Искрина. «Родимый ты мой! не погуби себя и меня! вѣдь уже сказано, что басурмане... Брось ты ее, да уѣдемъ скорѣй куда глаза глядятъ».

— Полно, Семень, что ты съ ума сходишь! отвѣчалъ Искринъ. — Вѣдь она такая же христианка, какъ и мы съ тобой. Ее вѣрно лезгины въ плѣнъ захватили, надо спасти бѣдняжку.

— Какъ! что ты сударь говоришь? вскричалъ Семень, — не ужъ-то? Ахъ, голубка ты моя, Господи прости меня грѣшного, а я ругалъ ее, окаянный! Вѣрно ей сердечной варвары напихали въ подошву волосу, что она ходить-то не можетъ.

Грузинка подняла на Искрина свои черные бархатные глаза и протянула ему свою маленькую, нѣжную руку.

Словно пелена спала съ глазъ Искрина. — Майко!.. вскричалъ онъ съ восторгомъ — схватилъ ея руку и хотѣлъ прижать ее къ губамъ, но она быстро отдернула ее и, закрывъ глаза, зарыдала. Малютка испугался и тоже заплакалъ.

(Продолженіе будетъ).

Его Императорское Высочество Великий Князь Владимиръ Александровичъ и Принцесса Марія Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

Будущая Великая Княгиня, нынѣ обрученная невѣста Е. И. В. В. К. Владимира Александровича, происходитъ изъ древняго славянскаго (вендскаго) владѣтельнаго дома Мекленбургъ-Шверинъ. Августѣйшій отецъ ея, съ 7-го марта 1842 года правительствующій Великій Герцогъ Фридрихъ-Францъ II, состоитъ генераль-инспекторомъ второй армейской инспекціи германскихъ императорскихъ войскъ, принадлежа къ числу князей наиболее преданныхъ единству Германіи и отличающихся лично храбростью, какъ это доказано имъ въ минувшую франко-нѣмецкую войну, доставившую имени его неувядаемую славу. Рано умершая первая супруга его была урожденною принцессою Рейсъ-Кестрицскою.

Не впервые роднятся между собою Царствующія Фамиліи Русская и Мекленбургъ-Шверинская. 19 апрѣля 1716 года герцогъ Карлъ Леопольдъ получилъ въ супружество племянницу Петра Великаго, Екатерину Ивановну; а дѣдъ герцогини Маріи, Великій Герцогъ Павелъ Фридрихъ Мекленбургъ-Шверинскій, произошелъ отъ брака между наслѣднымъ принцемъ Лудовикомъ Фридрихомъ и Еленой Павловной, дочерью Императора Павла I. Равно и Августѣйшія бабки нынѣ нарѣченные жениха и невѣсты, Блаженной памяти Императрица Александра Ѳеодоровна (Фридерика Луиза Шарлотта) и Великая Герцогиня-мать Александрина Мекленбургъ-Шверинская были родными сестрами, дочерьями прусскаго короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы, въ свою очередь происходившей изъ Мекленбургъ-Стрелицкаго дома. Точно также и герцогъ Георгъ Карлъ Лудвигъ (род. 11 января 1824 г.) 16 февраля 1851 года сочетался бракомъ съ Великою Княжною Екатериной Михайловной, дочерью покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича. Такимъ образомъ, нынѣшній Великій Герцогъ Фридрихъ Францъ II состоялъ уже въ родствѣ съ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, такъ какъ Августѣйшія матери ихъ были родными сестрами. Вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Александрина, сестра Императора Вильгельма и въ Бозѣ почивающей Императрицы Александры Ѳеодоровны, младшая дочь короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, жива еще. Слѣдовательно, предстоящее бракосочетаніе еще болѣе скрѣпитъ узы родства между Русскою и Нѣмецкою Императорскими Фамиліями. Въ-стѣ съ тѣмъ оно впервые породнитъ Германскій Императорскій Домъ съ Орлеанами, такъ какъ графъ Парижскій—сынъ одной изъ принцессъ Мекленбургъ-Шверинскаго дома, известной своимъ несчастіемъ и высокими добродѣтелями Елены Орлеанской. Она была дочерью никогда не вступавшаго на престолъ Великаго Герцога и двоюродной сестрой нынѣшняго правителя.

Великій Князь Владимиръ Александровичъ родился 10 апрѣля 1847 года. Одаренный блестящими способностями, Его Высочество съ успѣхомъ окончилъ научное свое образованіе, къ довершенію котораго не мало способствовалъ покойный профессоръ А. И. Чивилевъ. Молодой Великій Князь дѣятельно занялся военною службою и принималъ горячее участіе во всемъ, что касалось военнаго дѣла, — пытая въ то же время не меньшее сочувствіе къ наукѣ и искусствамъ. Будучи бригадирнымъ командиромъ и генераль-адъютантомъ Его Величества Императора Всероссийскаго, въ Пруссіи онъ состоитъ шефомъ Тюрингскаго (12) гусарскаго полка. По личной склонности къ изящнымъ искусствамъ, онъ принялъ на себя должность Товарища Президента Императорской Академіи

Художествъ въ Петербургѣ, а дальнія путешествія расширили и обогатили его познанія въ наукахъ. Равно знакомый съ архитектурой, пластикой и живописью, онъ выстроилъ себѣ на берегу Невы дворецъ, служащій образцомъ изящнаго художественнаго вкуса. Зданіе это въ флорентійскомъ стилѣ напоминаетъ собою palazzo Strozzi и др. во Флоренціи. Кому изъ русскихъ не знакома чарующая внѣшность Великаго Князя, его высокой ростъ и крѣпкое тѣлесное развитіе, темнорусые, слегка волнистые волосы, обрамляющіе благородное чело, и открытое лицо съ кроткими и благосклонно сіяющими голубыми глазами!..

Августѣйшая невѣста его, Марія Александрина Елизавета Элеонора, старшая дочь Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха Франца II и Великой Герцогини Августы Матильды Вильгемины Рейсъ-Шлейцъ-Кестрицкой, родилась 14 мая 1854 года въ Лудвигслустѣ, второй резиденціи Великаго Герцогства. Она имѣетъ Большой Крестъ Вендской короны съ алмазами, королевско-прусскую медаль и баварскій орденъ Терези, а при обрученіи съ Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ получила русскій орденъ Св. Екатерины съ алмазами.

Ясное дѣтство юной герцогини было омрачено тяжелымъ событіемъ: 3 марта 1862 года умерла ея возлюбленная мать. Когда же Великій Герцогъ, желая замѣнить ее осиротѣвшимъ дѣтямъ, 12 мая 1863 года вступилъ въ бракъ съ Анной Вильгеминой Елисаветой Матильдой, дочерью принца Карла Гессенскаго и Рейнскаго, а по ранней кончинѣ ея въ 1865 году женился на Маріи Каролинѣ Августѣ, дочери принца Адольфа Шварцбургъ-Рудольштадтскаго, — боль жестокой утраты, постигшей сердце юной герцогини мало по малу исцѣлилась подъ вліяніемъ нѣжной заботливости ея матери. Обычнымъ ея мѣстопробываніемъ былъ Шверинъ—одна изъ самыхъ оживленныхъ резиденцій Германіи; читателямъ «Нивы» знакомъ уже Великогерцогскій замокъ въ Шверинѣ, рисунокъ котораго былъ нами приложенъ въ 1873 году. Здѣсь-то проходила юность герцогини Маріи. Она получила образцовое воспитаніе и достигла замѣчательнаго развитія своего музыкальнаго таланта. Объ серьезныхъ ея занятіяхъ науками свидѣтельствуютъ успѣхи, оказанные ею подъ руководствомъ д-ра Гартвига въ естествознаніи и главнаго ея наставника д-ра А. Мейера, преподававшаго ей исторію и словесность. Отличительную черту характера молодой герцогини составляютъ глубочайшая религиозность, чѣмъ и объясняется ея преданность вѣрѣ своихъ предковъ. По словамъ «Голоса», будущая Великая Княгиня останется вѣрною протестантской религіи, между тѣмъ какъ дѣти ея будутъ православными. Въ Россійской Императорской Фамиліи это еще первый случай подобнаго рода со временъ Петра Великаго, котораго невѣстка, принцесса Шарлотта-Софія Брауншвейгская, также оставалась протестанткою.

Въ Берлинѣ 3-го мая, въ присутствіи Его Величества Государя Императора Александра Николаевича и ихъ Величества Императора и Императрицы Германскихъ, послѣдовало объявленіе о помолвкѣ. 6 Мая великогерцогское семейство съ августѣйшими женихомъ возвратились въ Шверинъ. Городъ былъ великолѣпно изукрашенъ русскими, мекленбургскими и нѣмецкими флагами, а вечеромъ освѣтился иллюминаціей, въ продолженіе которой всѣ улицы и площади были заняты многочисленными толпами, привѣтствовавшими высоконарѣченныхъ жениха и невѣсту.

ИНДОВОЛЖСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Цель железных дорог в Среднюю Азию: 1) оживление этого края, закрепление его за Россією и 2) торговля съ Индією и Китаемъ, притомъ не только собственно русская, но и транзитная торговля всей Европы съ большою частью Азии—черезъ Россію.

Всѣ проекты этихъ дорогъ дѣлятся на три группы, которыя могутъ быть названы—екатеринбургскою, оренбургскою и саратовскою. Изъ нихъ екатеринбургская представляется важнѣйшею для сношеній съ Сибирью и черезъ нея съ поморьемъ Великаго океана—сѣверовосточнымъ Китаемъ и Японіей. Оренбургская важнѣе для сношеній изъ Европейской Россіи съ Среднею Азією и для будущихъ связей съ сѣверозападнымъ Китаемъ. А для сношеній большей части Россіи и всей западной Европы, черезъ Россію, съ Ост-Индіей—саратовская линія настолько важнѣе обѣихъ выше названныхъ, что еслибъ онѣ обѣ уже существовали, то все-таки необходимо нужно было бы построить еще и саратовскую линію: на столько она короче и, для этой торговли, выгоднѣе всѣхъ другихъ. Для самой Средней Азии и для государственныхъ нуждъ Россіи—эта важная линія незамѣнима настолько, гораздо болѣе кружными: на пути изъ Европы въ Индію саратовская линія короче оренбургской на девятьсотъ, екатеринбургской—на тысячу четыреста верстѣ. Заявлено еще нѣсколько направлений къ юго-западу отъ Саратовскаго, но обѣ нихъ я теперь не намѣренъ распространяться. Всѣмъ имъ болѣе или менѣе свойственны слѣдующія качества: 1) отсутствіе непрерывности, пересѣченіе морями, 2) переходъ съ запада на востокъ въ тѣхъ широтахъ гдѣ градусы долготы значительно длиннѣе *) и вслѣдствіе того увеличеніе разстоянія, 3) большія трудности для перехода черезъ горы на значительныхъ пространствахъ, 4) малонаселенность и бѣдность большей части этихъ странъ, принадлежащихъ народамъ невѣжественнымъ, государствамъ неблагоустроеннымъ; 5) нѣкоторыя изъ этихъ линій были проектированы съ цѣлю удалить отъ Россіи соединеніе Европы съ Индією; но всѣ эти проекты тѣмъ несостоятельны, чѣмъ болѣе удаляются отъ Россіи.

Перейдя Волгу у Саратова, моя саратовская линія направляется черезъ городъ Новый-Узень, до Калмыковской, на Уралѣ,—460 верстѣ; далѣе по степямъ Уральской области, съ переходомъ черезъ рѣку Эмбу въ урочище Тугай-Камысь и къ подъему на Усть-Уртъ между родниками Тшеайрикъ (дже—а) и Аше-айрикъ—около 470 верстѣ; потомъ 440 в. по Усть-Урту, мимо озера Асмантая, до спуска черезъ Чингъ, въ урочищѣ Айбуگیرъ. Все разстояніе отъ Саратова до Айбугира 1.370 в. по русской землѣ. Оттуда 250 в. по Хивинскому ханству—черезъ оба Ургенча, къ будущему мосту черезъ Аму-дарью, недалеко отъ города Питяка въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка суживается между крутыми берегами. Далѣе 170 в. по русскому берегу этой рѣки, долина которой въ этой части и на этомъ берегу свободна отъ песковъ. Потомъ 200 верстѣ по бухарской землѣ, сначала вдоль Аму до города Кукертля, далѣе по твердому степному грунту поросшему травой и кустарникомъ, черезъ Сорбулакъ и городъ Чаршамбраумитанъ, къ городу Бухарѣ. Все разстояніе отъ Саратова до Бухары 1.990 в., или около двухъ тысячъ верстѣ.

Отъ Бухары дорога въ Индію продолжается сначала 500 верстѣ по бухарской землѣ, черезъ Карши, до Калач-аба, при впаденіи Кокши въ Аму-дарью; потомъ уже англійскій участокъ дороги: 240 в. по ханству Кундузъ, черезъ городъ Джермъ, до горнаго прохода Нуксанъ; 160 в. по Кафирстану, черезъ города Читраль и Міан-кала; 60 в. по англійскимъ владѣніямъ до города Пишавера; всего 460 верстѣ. Все разстояніе отъ Бухары до Пишавера 960 в. Только на англійскомъ участкѣ, у границы Кундуза съ Кафирстаномъ, находятся такія горы, что тамъ нужны будутъ прокопы, а все остальное пространство состоитъ почти исключительно изъ равнинъ. На этомъ же англійскомъ участкѣ предстоить также необходимость, а можетъ быть и трудность поладить съ воинственными жителями Кафирстана, производящими свой родъ отъ грековъ Александра Македонскаго; но вѣроятно, окажется возможнымъ провести желѣзную дорогу черезъ ихъ землю, убѣдивъ ихъ къ тому не огненнымъ языкомъ войны, а мирными, добрыми вліяніями,—на это можно рассчитывать тѣмъ скорѣе, чѣмъ дружнѣе будутъ, въ этомъ случаѣ, дѣйствовать Россія и Великобританія вмѣстѣ. У Пишавера находится сѣверозападный конецъ обширной стѣи англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Индію; уже готовая желѣзная дорога направляется отсюда черезъ Аттокъ въ Лягоръ (Lahore) и далѣе. Все разстояніе отъ Саратова до Пишавера 2.950 в., или отъ Волги у Саратова до Инды у Аттока три тысячи верстѣ съ небольшимъ.

Отъ города Бухары прямо къ востоку собственно русская желѣзная дорога: 200 верстѣ до Самарканда и 280 черезъ Чиназъ или 350 в. черезъ Ходжентъ—до Ташкента. Мѣстность отъ Джизака черезъ Ходжентъ и Пскентъ настолько важнѣе мѣстности по направленію черезъ Чиназъ, что ради того можно строить и бѣдить лишнихъ семдесятъ верстѣ. Но не предрѣшая этого вопроса, а принимая ближайшее разстояніе между Самаркандомъ и Таш-

кентомъ, получимъ: отъ Ташкента черезъ Саратовъ до Москвы 3.278 в., а до города Орла (на пути въ западную Европу) 3.224 в. Если разстояніе между Оренбургомъ и Ташкентомъ принимать въ 1.900 верстѣ, то окажется, что отъ Ташкента черезъ Саратовъ ближе, нежели черезъ Оренбургъ: до Москвы на 46, до Орла на 176 в. А линія черезъ Екатеринбургъ гораздо длиннѣе линіи черезъ Оренбургъ.

Разница въ пользу Саратова противъ другихъ сравниваемыхъ линій быстро увеличивается при замѣнѣ Ташкента другими пунктами, такъ: при замѣнѣ его Самаркандомъ прибавляется въ пользу Саратова двойное разстояніе между этими городами; а путь въ Индію черезъ Саратовъ ближе нежели:

	черезъ <i>Оренбургъ</i> .	<i>Екатеринбургъ</i> .
Отъ Москвы на	806 в.	982 в.
» Орла »	926 »	1.394 »

даже не направляя дороги изъ Самарканда на Бухару, а прямо на Карши.

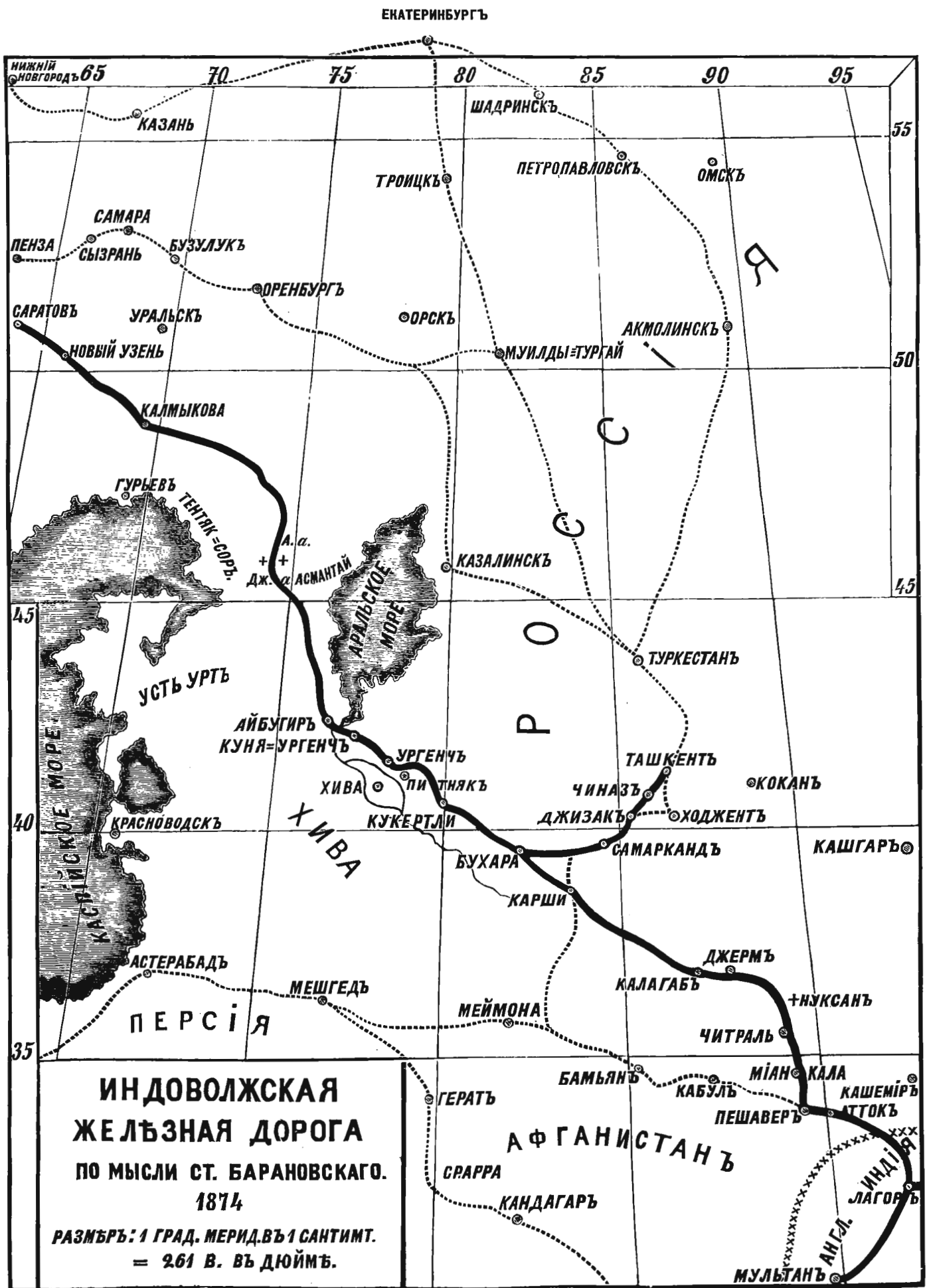
Разстояніе отъ до	Орла.			Отъ Москвѣ.		
	черезъ—	Саратовъ.	Оренбургъ.	Саратовъ.	Оренбургъ.	Екатеринб.
Ташкента.	3,224	3,390	3,858	3,278	3,324	3,500
Самарканда.	2,944	3,670	4,138	2,998	3,604	3,780
Бухары.	2,744	3,870	4,333	2,798	3,804	3,980
Пишавера.	3,704	4,630	5,098	3,758	4,564	4,740

m: 3,324 — 3,278 = 46; M: 4,338 — 2,744 = 1,594.

Кромѣ своей относительной краткости, саратовская линія имѣетъ передъ обѣими Зааральскими еще то важное преимущество, что проходить и черезъ Хивинскій оазисъ и черезъ городъ Бухару и сообщать оба эти ханства на ближайшемъ пути съ центромъ Россіи.

На протяженіи почти въ три съ половиною тысячи верстѣ желѣзныхъ дорогъ, проектируемыхъ мною отъ Саратова черезъ Бухару до Пишавера и до Ташкента, значительныя горы находятся только на англійскомъ участкѣ—между городами Джермомъ и Пишаверомъ,—вообще только на той части, гдѣ не обойтись безъ прокоповъ, по какой бы линіи ни направлять желѣзнодорожное сообщеніе Европы съ Индіей—черезъ Нуксанъ, Бамьянъ или Боланъ. Самый большой мостъ—на Волгѣ, у Саратова, а мостъ черезъ Волгу необходимъ на каждомъ изъ трехъ направлений черезъ Россію; вообще, мостовъ немного. Волотъ рѣшительно дѣтъ никакихъ. Песковъ сыпучихъ почти вѣтъ, или для уклоненія отъ нихъ понадобятся весьма незначительныя изгибы этой линіи—вообще замѣчательной своею прямизною, незначительностію искривленій прямой черты между Саратовомъ и Пишаверомъ. Но на этой линіи встрѣчаются обширныя пространства такихъ земель, гдѣ вѣроятно нужно будетъ устраивать искусственное водоснабженіе и для того прокладывать трубы водопровода и ставить водоподъемныя машины. Мѣстность представляетъ благоприятныя условія для удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи такъ, чтобы возможно было снабжать всѣ станціи и всѣ сторожки хорошею прѣсною водою въ количествѣ достаточномъ не только для развитія паровыхъ силъ, не только для жителей станцій и ихъ домашнихъ животныхъ, но и для постоянного орошенія огородовъ, садовъ, пашенъ и сѣнокосовъ при всѣхъ станціяхъ, какія будутъ находиться на этихъ маловодныхъ пространствахъ, гдѣ кочевые туземцы и проходящіе караваны довольствуются водою изъ колодезь. Единновременный расходъ на устройство искусственнаго водоснабженія, разложенный равномерно на всю линію въ двѣ тысячи верстѣ—отъ Саратова до Бухары—можетъ увеличить поперстную стоимость дороги процентовъ на восемь. Постоянный расходъ на водоснабженіе будетъ, разумѣется, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше жителей будетъ находиться при каждой станціи и чѣмъ большее число поѣздовъ будетъ въ постоянномъ движеніи; но естественно, что чѣмъ больше будетъ требоваться воды, тѣмъ дешевле она будетъ становиться, потому что, при неизчерпаемости воднаго источника дарованнаго природою страны, очевидно: для того, чтобы напр. удвоить ежедневный расходъ воды изъ водопровода, не понадобится удваивать издержки на поднятіе воды, а только увеличивать въ соразмѣрности. Главный водопроводъ проляжетъ по Усть-Урту, воду же въ него придется подымать изъ Аму-дарьи, пустивъ ее опять въ тотъ самый протокъ Лауданъ, по которому она—за двѣнадцать лѣтъ донынѣ—проходила въ бывшее озеро Айбуگیرъ; легко можно устроиться такъ, чтобы на будущее время Лауданъ былъ постояннымъ проводникомъ воды изъ Аму-дарьи къ тому мѣсту въ урочищѣ Айбуگیرъ, гдѣ будутъ находиться паровыя водоподъемныя машины для нашего водопровода. Покрытіе этой постоянной издержки должно получаться изъ сборовъ за провозъ пассажировъ и кладей; очевидно, что чѣмъ больше будетъ и тѣхъ и другихъ, тѣмъ на большее число единицъ будетъ разлагаться добавочная издержка по водоснабженію и тѣмъ нечувствительнѣе становится для каждой. Къ тому-же, естественно, тарифъ будетъ однообразнымъ для дѣйой линіи; слѣдовательно—лишняя издержка на водоснабженіе, если-бы требовалась даже для дѣйой четверти разстоянія, то, разлагаясь на всю линію и тѣмъ раздѣляясь на четыре, она будетъ тѣмъ меньшею на каждую версту. Кромѣ того—добавочный расходъ на водоснабженіе мо-

*) Признъ. Каждый градусъ долготы подъ 50° с. ш. имѣетъ 67 верстѣ, а подъ 25° 95 верстѣ.

Карта Индо-волжской желѣзной дороги. Проектъ Ст. Барановскаго.

жетъ быть вознаграждаемъ уменьшеніемъ по другимъ статьямъ расходовъ, какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ, въслѣдствіе мѣстныхъ особенностей края. Въ числѣ такихъ особенностей достаточно указать на то, что, вмѣсто покупки земель подлѣ полотна дороги, тутъ должна быть—на большей части протяженія—продажа земель по обѣ стороны линіи, въ пользу дороги. А изъ постоянныхъ расходовъ, благодаря климату, значительна будетъ экономія на починку дороги и ея принадлежностей. Итакъ, возможно, что несмотря на увеличенный расходъ по водоснабженію, тарифъ этой желѣзной дороги будетъ ничуть не дороже, какъ и на другихъ дорогахъ нашихъ.

Если разсматривать три линіи—екатеринбургскую, оренбургскую и саратовскую—какъ мѣстныя дороги, то конечно, каждую изъ нихъ можно построить и эксплуатировать такъ хозяйственно, чтобы доходами покрывались расходы и производилось погашеніе затраченнаго капитала. Трудно напередъ поручиться—которая изъ этихъ трехъ линій, въ такомъ случаѣ, была бы болѣе выгодною, или хотъ менѣе убыточною; но вопросъ тотчасъ является въ иномъ свѣтѣ, какъ только наступитъ та желанная и неизбежная пора, когда сѣть желѣзныхъ дорогъ остъиндскихъ соединится съ такою-же, только гораздо болѣею, сѣтью европейскою: тогда непременно почувствуется неотразимая потребность въ саратово-бухарской линіи, незамѣнимой никакою другою,—и на эту дорогу не только не понадобится никакихъ доплатъ отъ казны по гарантіи доходовъ, но и по линіямъ уже существующимъ подобныя доплаты прекратятся въ той мѣрѣ, какъ онѣ войдутъ въ болѣе или менѣе живую связь съ индоевропейскою торговлею. Основаніемъ для такихъ надеждъ можетъ послужить слѣдующій расчетъ. На основаніи официальныхъ данныхъ, обнародованныхъ нашимъ Министерствомъ Финансовъ, годичный оборотъ индоевропейской морской торговли, въ 1872-мъ году, простирался цѣною на сумму въ 660.000.000 рублей, а на основаніи англійскихъ данныхъ— доходилъ, по вѣсу, до 358,750.000 пудовъ или 5.763.000 тоннъ. Если предположить, что на рельсовый путь поступитъ лишь одна пятая часть этого количества, то ужъ это дастъ 71,750,000 пудовъ. Принимая среднюю цѣну за провозъ товаровъ по $\frac{1}{30}$ коп. съ пудоверсты (это средняя цѣна по существующимъ тарифамъ), получимъ поверстный валовой сборъ 23,583 $\frac{1}{3}$ рубля въ годъ, т. е. уже по одной этой уплатѣ за транзитъ наша дорога будетъ уступать полному сбору только на одной изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—на Николаевской, превосходя и Московско-Рязанскую и всѣ остальные желѣзныя дороги въ Россіи. Но кромѣ транзита будетъ же и русскій и мѣстный товаръ, да еще и пассажиры; если сборъ со всего этого считать только въ одну треть вышеприведенной цифры за транзитъ, то валовой сборъ индоволжской желѣзной дороги составитъ уже 31,444 р. въ годъ на каждую версту; а теперь и на Николаевской дорогѣ валовой приходъ на версту составилъ въ 1872 году только 27,767 рублей. Предметомъ вывоза изъ Индіи будетъ, разумѣется, не то, что теперь въ Средней Азіи называется «бомбейскимъ товаромъ», (т. е. по большей части мануфактурныя произведенія, привозимыя моремъ изъ Европы въ Бомбей), а собственно произведенія Индостана, отправляемыя въ Европу,—если-же европейскія, то привозимыя въ Индію, транзитомъ черезъ Россію.

Индоволжская желѣзная дорога окажетъ громадное вліяніе на всю Россію, возвысивъ ее и возвысивъ ея торговое значеніе. Теперь мы, для своихъ торговыхъ сношеній съ Остъ-Индіею, пользуемся еще посредничествомъ Англій и Голландій; тогда-же наоборотъ—Великобританія и Нидерланды будутъ со своими владѣніями, омываемыми Индійскимъ океаномъ, сносить черезъ Россію—прямѣйшимъ, ближайшимъ, скорѣйшимъ, удобнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ по желѣзной дорогѣ черезъ Саратовъ на Волгѣ и Атгокъ на Индѣ. До какой степени для этой дороги не будетъ опасно соперничество морскихъ путей черезъ Суезъ и вокругъ мыса Доброй-Надежды, легко въ томъ убѣдиться изъ соображенія слѣдующихъ обстоятельствъ.

Возьмемъ примѣръ намъ очень близкій: Финскій заливъ служитъ издавна широкимъ путемъ для морской торговли; тѣмъ не менѣе—вдоль береговъ этого залива построены и неудобно существовать двѣ желѣзныя дороги отъ С.-Петербурга—сѣверная до Гангеудда, южная до Балтійскаго порта. Обѣ эти линіи не короче, а каждая длиннѣе морскихъ путей по Финскому заливу; тѣмъ не менѣе соперничество между рельсами и моремъ оказывается рѣшительно въ пользу первыхъ, какъ видно изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ, а именно: Расстояніе отъ С.-Петербурга до Гельсингфорса—моремъ 283 версты, по желѣзной дороге 413 верстъ, значить—130 верстъ въ пользу моря, и однако: до открытія желѣзной дороги цѣна за мѣста на пароходахъ была отъ 4-хъ до 13 рублей за мѣсто; а по открытіи желѣзной дороги, теперь отъ 2-хъ до 7-ми р., при цѣнѣ въ вагонахъ отъ 4 р. 15 к. до 12 р. 39 к. за мѣсто. При всемъ томъ пароходство поддерживается тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что пароходы отходятъ и приходятъ въ началѣ дня; а поѣзды желѣзныхъ дорогъ отходятъ утромъ, но приходятъ только вечеромъ и въ Гельсингфорсѣ и въ С.-Петербурѣ; а вечерній приѣздъ для многихъ неудобенъ. До какой степени это обстоятельство важно—показываетъ примѣръ на той-же линіи: между С.-Петербургомъ и Выборгомъ на желѣзной дорогѣ бываетъ въ каждый конецъ по два поѣзда въ день, и въ слѣдствіе того—пассажирское пароходство

между этими городами прекратилось, находя для себя невозможнымъ соперничать съ желѣзною дорогою.

Помня эти положительныя данныя, сравнимъ между собою сухопутныя и морскія пути изъ Европы въ Индію. Изъ русскихъ портовъ теперь для этой торговли всѣхъ важнѣе Одесса; въ Индіи соответственное мѣсто—городъ Бомбей. Все разстояніе между Одессою и Бомбеемъ 7,600 в. моремъ черезъ Суезъ. На той линіи желѣзной дороги, по которой Европа будетъ черезъ Саратовъ сообщаться съ Индіею, находятся: на одномъ меридіанѣ съ Одессою, только на 8 и на 9 градусовъ сѣвернѣе: города Орша и Витебскъ; въ Индіи же—на одномъ меридіанѣ съ Бомбеемъ, только на 12 градусовъ сѣвернѣе—Лягоръ (Lahore). Расстояніе между Оршею (или Витебскомъ) и Лягоромъ—по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Саратовъ 4.600 верстъ, т. е. тутъ рельсовый путь на три тысячи верстъ короче морскаго. Сравнимъ плату за перевозку: Русское Общество пароходства и торговли беретъ за мѣсто на пароходѣ между Одессою и Бомбеемъ отъ 66 до 395 рублей; а по желѣзнымъ дорогамъ—за проѣздъ между Лягоромъ и Оршею, или Витебскомъ, придется платить отъ 46 до 138 рублей за мѣсто. Правда, въ счетъ платы за какую первую класса входятъ и три рубля въ сутки за столъ; что составляетъ на весь переѣздъ 155 р., а за перевозку собственно 240 р.; но и 240 болѣе 138, да кромѣ того, очевидно, что путешественникъ черезъ Саратовъ не принужденъ издерживать на сѣстное 155 рублей, а можетъ удовольствоваться гораздо меньшею суммою, тѣмъ болѣе что и въ пути-то онъ пробудетъ, какъ разъ, впятеро менѣе времени, нежели на переѣздѣ моремъ изъ Бомбея черезъ Суезъ. Между Оршею и Лягоромъ уже находится 1.650 в. готовой желѣзной дороги, остается только построить еще 2950 в. между Саратовомъ и Пишаверомъ—и тогда?.. не трудно уже и теперь предвидѣть: которому изъ двухъ путей—морскому или желѣзному—труднѣе будетъ соперничать. Другой примѣръ: отъ Калькутты до Калѣ моремъ черезъ Суезъ и Гибралтаръ 14.200 в.; по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Саратовъ и Берлинь—8,900 в. Взаимныя отношенія точно такія же, какъ и при сравненіи Одессы и Бомбея съ Оршей-Лягоромъ, т. е.: желѣзныя пути, по дальнѣ, относятся къ морскому какъ 38 къ 62; легко заключить: опасно-ли и въ этомъ случаѣ для нашей индоволжской линіи соперничество морскихъ путей? Кромѣ краткости разстоянія, въ пользу нашей желѣзной дороги, сравнительно съ морскимъ путемъ, представляются еще слѣдующія соображенія: 1) ѣзда по рельсамъ значительно скорѣе, нежели по водѣ, а время дорого. 2) Наша желѣзная дорога только близъ Алахабада переходитъ въ тропическую страну, а почти всею своею длиною пролегаетъ въ климатѣ умѣренномъ; морской же путь, на цѣлую половину своей длины, находится въ предѣлахъ жаркаго пояса, съ его ужасными ураганами и другими поводами къ возвышенію страховыхъ премій, какъ пожизненныхъ, такъ и по перевозкѣ товаровъ. И еще: 3) корабли и пароходы принуждены ограничиваться товарами и пассажирами только дальняго переѣзда; а поѣзды желѣзныхъ дорогъ обыкновенно почти на каждой станціи отсускаютъ и принимаютъ какъ пассажировъ, такъ и грузы: важное преимущество!

Въ политическомъ отношеніи саратово-бухарская линія желѣзной дороги будетъ важна тѣмъ, что она рѣшительно всякой другой способна доставить Средней Азіи полное замиреніе, а нашему вліянію тамъ надежащую прочность. Вмѣстѣ съ тѣмъ она болѣе всякой другой способна подчинить Среднюю Азію господству нашихъ таможенныхъ постановленій, тѣмъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію русской промышленности и черезъ то увеличенію народнаго благосостоянія въ нашемъ государствѣ.

Вообще желѣзнодорожное сообщеніе Европы съ Индіею черезъ Россію должно особенно благотворно дѣйствовать на упроченіе дружескихъ отношеній между Англіею и Россіею, между этими двумя державами, которымъ выпала на долю одинаковая судьба: быть проводниками христіанской образованности въ другія части свѣта. Находясь на двухъ противоположныхъ сторонахъ Европы, эти обѣ державы стремились каждая своимъ путемъ къ исполненію исторической задачи—одна черезъ моря, другая черезъ стени; и вотъ теперь имъ предстоитъ сойтись близъ Гимаалаевъ, на верхнемъ теченіи Аму-дарьи, сойтись для того, чтобы вперѣдъ, не ревнуя, а соревнуя, дружно, вмѣстѣ стремиться къ достиженію общей для нихъ, возвышенной цѣли: быть провозвѣстниками вѣчной истины и мира, распространителями и утвердителями христіанской гражданственности въ Азіи.

Противъ желѣзныхъ дорогъ черезъ Среднюю Азію говорятъ: «нужнѣе намъ дороги внутри Россіи, да и тѣ трудно строить, потому что уже существующія ж. д. приносятъ слишкомъ малый доходъ, требуютъ доплатъ отъ казны по гарантіи акцій и облигацій». Но почему же это такъ? отчасти потому, что у нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ только одинъ конецъ—на западѣ и нѣтъ другаго на востокѣ, гдѣ естественные концы ея должны быть на берегахъ океановъ Индійскаго и Великаго; у перваго изъ нихъ уже и готова сѣть желѣзныхъ дорогъ, развитіемъ неуступающая нашей русской. Соедините Волгу съ Индомъ—и прекратится малопродуктивность какъ восточныхъ концовъ европейской сѣти (въ Россіи), такъ и сѣверо-западныхъ концовъ ость-индской сѣти желѣзныхъ дорогъ; тогда явится возможность и сильнѣе нивѣшиятю почувствуется надобность въ сооруженіи еще многихъ желѣзныхъ дорогъ внутри Россіи; а что въ этомъ отношеніи намъ остается еще многое впередъ—ясно изъ слѣдующей таблички.

Въ 1872 году было:

Въ государствахъ.	Жителей.	Геогр. кв. миль про- странства	Верстъ желѣз. дорогъ.	По одной верстѣ ж. д. приходилось на чел. жит. десят. зем.	
Европейской Россіи	74,234,745	94,151	13,680	5,287	35,000
Англіи съ Валлисомъ	22,704,108	2,748	16,767	1,354	835
Соед. Шт. Сѣв. Ам.	35,558,371	169,884	104,284	340	8,301

Чтобы видѣть какъ далеко мы отстали отъ тѣхъ и другихъ нашихъ друзей, стоитъ: для сравненія съ Англіею раздѣлить 35,000 на 835, а для сравненія съ Сѣвероамериканскими Соед. Штатами 5,287 на 340; оказывается: намъ, чтобы сравняться съ англичанами нужно увеличить свою сѣтъ почти въ 42 раза, а чтобы сравняться съ сѣвероамериканцами—въ 15 разъ. Слѣдовательно, нечего намъ бояться какъ бы не настроить слишкомъ много желѣзныхъ дорогъ! Вся наша забота должна быть лишь о томъ, чтобы строить дороги хозяйливо и хорошо, да еще о томъ, чтобы строить ихъ въ естественномъ порядкѣ, т. е.: не отлагать въ даль такія дороги, которыя нужно построить какъ можно скорѣе; а къ числу такихъ принадлежатъ, на первомъ планѣ, моя индovolжская желѣзная дорога—соединеніе Саратова черезъ Бухару съ Пишаверомъ.

Это соединеніе, въ три тысячи верстъ желѣзной дороги, свяжетъ между собою двѣ четверти рода человѣческаго: триста миліоновъ европейцевъ съ тремя стами миліонами азіатцевъ; изъ этихъ послѣднихъ 240 миліоновъ живутъ въ англійской Остѣ-Индіи, остальные же въ Средней Азій, частію въ русскихъ и вообще въ перечисленныхъ владѣніяхъ, частію въ сосѣднихъ съ ними: Коканѣ, Кашгарѣ, Кашемірѣ, Кабулистанѣ и вообще на полосѣ земель—включительно отъ Афганистана до Бирмановъ, ближайшихъ сосѣдей Ассамы, теперь уже вошедшаго въ составъ Остѣ-Индскихъ владѣній Великобританіи. Почти цѣлая половина рода человѣческаго, занимающая страны, различныя по своимъ естественнымъ богатствамъ, будетъ сообщаться—одна четверть съ другою—по нашей индovolжской желѣзной дорогѣ; возможно ли тутъ недостатокъ пассажировъ и кладей? Возможно ли, хоть сколько нибудь уважая своихъ читателей или слушателей, увѣрить, что индovolжской желѣзной дороги не слѣдуетъ строить, потому что по ней некому будетъ ѣздить и нечего возить? Тѣмъ не менѣе, такая мысль была торжественно высказана и въ подтвержденіе ея приводилась невѣроятная и невѣрная вѣсть о томъ, будто англичане, уже построивъ 386 верстъ желѣзной дороги отъ Лигора до Пишавера, рѣшились не пользоваться ею—въ виду того, что за Пишаверомъ, близко отъ этого города начи-

нается—впрочемъ давно и хорошо извѣстная англичанамъ—страна бѣдная, но занятая такими разбойниками, которые недавно убили даже одного англійскаго майора за то, что онъ въѣхалъ въ ихъ землю! Это послѣднее событіе—т. е. убійство—дѣйствительная бѣда; но ссылка на него сдѣлана была только для того, чтобы показать будто англичане должны бояться афгановъ и слѣдовательно—не начинать ѣзды по своей уже готовой желѣзной дорогѣ изъ Лигора въ Пишаверъ! Это указаніе на убитаго майора было также эффектно, какъ и проведеніе, на словахъ; мой индovolжской линіи—на десятки и даже на сотни верстъ въ сторону отъ яснаго изображенія ея на выѣщенной картѣ; а это уклоненіе въ сторону дѣлалось для того, чтобы въ непроходимыхъ болотахъ утопить индovolжскую желѣзную дорогу. Но на эти споры не стоитъ тратить дорогое время! Только по случаю указанія на несчастіе, постигшее неосторожнаго англійскаго майора, припомнимъ извѣстный историческій законъ: для того, чтобы образованныхъ народовъ принуждать къ покоренію свирѣпыхъ оборвышей, у этихъ послѣднихъ всегда бываетъ столько невѣжественнаго задора, чтобы принуждать своихъ сосѣдей къ завоеваніямъ. Этотъ законъ человѣческихъ судебъ долженъ быть особенно хорошо извѣстенъ какъ русскимъ, такъ и англичанамъ, болѣе невольнымъ, нежели охотнымъ завоевателямъ многихъ странъ—въ томъ числѣ и въ Средней Азій, гдѣ имъ предстоитъ, сошедши надъ Аму рѣкою, тамъ сказать другъ другу христіанское «миръ вамъ!»

Въ заключеніе еще одно обстоятельство достойно вниманія! Про Екатеринбургъ неизвѣстно еще, скоро ли онъ сомкнется съ общею сѣтью нашихъ желѣзныхъ дорогъ; про Оренбургъ, хоть это и можно уже считать приблизительно извѣстнымъ, но очевидно, что къ началу сооруженія желѣзной дороги между Оренбургомъ и Ташкентомъ едва ли можно приступить, пока не будетъ близка къ своему окончанію постройка дороги между Оренбургомъ и Сызранью; а у Саратова иное дѣло: тутъ готовый рельсовый путь уже въ городѣ, у Волги; къ постройкѣ линіи отъ Саратова до Нового-Узена можно приступить хоть сейчасъ-же, безотлагательно, и между тѣмъ произвести въ томъ же году надлежащія техническія изысканія для желѣзной дороги до Бухары. Англичане тогда съ своей стороны не замедлятъ заняться своимъ участкомъ отъ Пишавера къ Аму рѣкѣ. Такимъ образомъ рѣшительно можно утверждать, что съ той поры, какъ начнутся работы для желѣзной дороги отъ Саратова къ Новому-Узеню, лѣтъ черезъ пять, рельсовое сообщеніе Европы съ Индіею черезъ Россію будетъ окончательно готово.

Ст. Барановскій.

Лорицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

(Продолженіе).

— Эко войско-то!.. ворчалъ одинъ изъ казаковъ,—ну нѣшто такъ стоять въ цѣпи? А еще дворяне: панамы, тоже, называются!

Согнувшись и ведя лошадей въ поводу, русскіе подошли къ самымъ жарскимъ заборамъ; тутъ Карелинъ оставилъ въ канавѣ казаковъ, а самъ, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ по шоссеиной дорогѣ, ведущей на панскій дворъ. Оттуда доносились крики и пѣніе; по всѣмъ жарскимъ улицамъ были огни, и въ туманѣ мелькали конныя и пѣшія фигуры.

Карелинъ сообразилъ, что ни одному изъ поляковъ не можетъ прійти въ голову мысль, чтобы русскій драгунъ могъ очутиться одинъ такъ близко отъ нихъ,—а еслибы они и замѣтили его, то темнота и туманъ не позволили бы имъ разсмотрѣть костюма, и онъ навѣрное былъ бы принятъ за однoго изъ жандармовъ народоваго жонда. Всѣ эти соображенія заставили его смѣло ѣхать впередъ и, если будетъ возможно, то пробраться садами къ самому палацу.

Пристально всматриваясь впередъ, онъ не замѣтилъ, какъ у околицы, совершенно неожиданно, подѣхалъ къ нему какой-то конный, и громко окликнулъ его по польски:

— Кто ѣдешь?

Карелинъ вздрогнулъ, но тотчасъ же отвѣчалъ по польски, что «то свой».

— Лозунгъ, пане добродзее?..

Что было отвѣчать на подобный вопросъ? Угадать не было возможности; оставалось одно средство отдѣлаться—смерть.

Выхвативъ шашку, Карелинъ быстро бросился на поляка.

Тотъ выстрѣлилъ изъ пистолета почти въ упоръ и понесся къ деревнѣ.

Выстрѣлъ и почти надъ самымъ ухомъ провизжавшая пуля—до того разгорячили Карелина, что онъ, забывшись, поскакалъ за повстанцемъ и черезъ нѣсколько шаговъ очутился у него на хвосту. Полякъ повернулся на сдѣлѣ, и выхвативъ изъ за плечъ винтовку, швырнулъ ее подъ ноги Алмазу. Ударъ пришелся на колѣнный коя; онъ упалъ, тотчасъ же вскочилъ на ноги и снова рванулся впередъ. Еще секунда—и полякъ, съ разрубленнымъ на двое лицомъ, тяжело повалился на дорогу.

На выстрѣлъ прискакали казаки. Одинъ изъ нихъ подхватилъ за поводья лошадь убитаго, и всѣ трое поскакали назадъ. За ними, какъ гончія собаки, неслись польскіе кавалеристы; но горбоносые донцы и русскій драгунскій конь скакали лучше. Минуть черезъ десять отчаянной скачки, преслѣдованіе прекратилось. Скакать прямо въ Заболотцы было невозможно, потому что встревоженная шумомъ цѣпь не пропустила-бы ихъ вторично такъ-же благополучно.

Надо было сдѣлать почти десятиверстный кругъ;—и только съ разсвѣтомъ, на совершенно измученныхъ, едва волочащихъ ноги лошадяхъ, явились они въ Заболотцы къ отряду. Рекогносцировка не удалась...

Рѣшено было немедленно идти къ Джарамъ и атаковать поляковъ. Планъ атаки былъ слѣдующій: Драгуны должны были ворваться въ селеніе мимо панскаго сада; въ этомъ пунктѣ было очень мало строеній, и кавалеристы могли удобно проскакать къ рѣкѣ. Здѣсь они должны были сѣ-

питься и занять спускъ къ броду. Такъ какъ Бугъ въ Джарахъ удобопереходимъ только въ одномъ мѣстѣ, то, занявъ бродъ, драгуны не допустили-бы повстанцевъ спастись, въ случаѣ пораженія, въ Галицію. Пѣхота же должна была, одновременно съ обходнымъ движеніемъ драгунъ, атаковать селеніе. Правда, мы могли наткнуться на силы значительно превышающія составъ нашего отряда, но за то неожиданность нападенія и превосходство оружія служили значительнымъ обезпеченіемъ успѣха атаки.

Покуда собралась цѣпь, прошло около четверти часа. Отрядъ успѣлъ уже выстроиться, и мы быстро пошли къ Джарахъ.

Такъ какъ драгунамъ предстоялъ небольшой обходъ, то они, тотчасъ же по выходѣ изъ Заболотцевъ, отдѣлились отъ пѣхоты и пошли на рысяхъ, огибая Джарскій перелѣсокъ.

Отдохнувшіе пѣхотинцы шли почти бѣгомъ, и минутъ черезъ двадцать, сквозь сѣрый утренній туманъ, показались неясныя контуры жарскихъ крышъ.

Польской передовой цѣпи уже не было на томъ мѣстѣ, гдѣ ее ночью встрѣтилъ Карелинъ. Въ самыхъ Джарахъ рѣшительно не было замѣтно ни какого движенія. Съ панскаго двора неся крикъ пѣтуховъ; гдѣ-то скрипѣли ворота; у колодца мычала корова; однимъ словомъ, мы слышали все самые мирные звуки, изобличающіе полное отсутствіе всякой воинственности.

Ясно было, что поляки вышли изъ Джаръ. Весь вопросъ заключался въ томъ: отступили-ли они обратно въ Галицію, или пошли, по границѣ, къ Самоволью; больше имъ некуда было дѣться мимо нашего отряда.

Мигомъ разлетѣлись козаки по деревнѣ—собирать необходимые свѣдѣнія. Оба Мацневы поскакали съ ними. Мы стояли въ странномъ недоумѣніи, а между тѣмъ, стало совершенно свѣтло, и мы видѣли вокругъ себя свѣжіе слѣды пребыванія поляковъ. Тамъ лежали сложенные сабельныя ножи, въ другомъ мѣстѣ чернѣли остатки костра; по грязной улицѣ была разбросана солома и цѣлые овсяные снопы; кое-гдѣ разобраны плетни и заборы,—и мы съ любопытствомъ отыскивали и разсматривали эти признаки ночной стоянки войскъ народоваго жонда.

А между тѣмъ, разосланные казаки стали понемногу собираться къ отряду. Отыскали человѣкъ шесть крестьянъ, разбѣжавшихся отъ страха изъ селенія; они намъ сообщили, что ушли изъ Джаръ еще вчера, вечеромъ, какъ только увидѣли повстанцовъ на противоположномъ берегу Буга, и всю ночь наблюдали за ними изъ выселокъ «Малые Джарки». Между прочимъ, они намъ рассказывали, что поляковъ, сколько они могли замѣтить, «было не мало» и конныхъ и пѣшихъ, что съ ними было много крестьянскихъ повозокъ—и что именно это-то послѣднее обстоятельство и заставило крестьянъ бѣжать изъ Джаръ и увести съ собой рабочихъ лошадей, чтобы поляки не забрали ихъ для своихъ потребностей, что случалось довольно часто, и они уже научены были собственнымъ опытомъ. Они говорили, что передъ самымъ разсвѣтомъ слышали въ Джарахъ шумъ и выстрѣлъ, а потомъ замѣтили большую суматоху по улицамъ, послѣ чего поляки начали собираться и выходить изъ деревни, по самовольской дорогѣ, на Волчій постъ.

Эти свѣдѣнія были довольно обстоятельны. Мы ясно видѣли, что вся банда, очень не задолго передъ нашимъ приходомъ, выступила по границѣ. Надо было, не теряя ни минуты, идти за нею слѣдомъ.

Еще выступая изъ Порицка, маіоръ Ильченко разослалъ съ казаками записки къ дружинопольскому начальнику отряда и въ штабъ сѣверо-западнаго отряда, въ Устилугъ. Расстоянія отъ того и другого пунктовъ были не менѣе сорока верстъ; значить, подкрѣпленіе могло прійти не ранѣе десяти часовъ утра. Было уже семь. Мы ожидали скорого прибытія свѣжихъ силъ, а потому рѣшено было отнюдь не выпускать изъ вида польской партіи и идти, какъ говорится, по пятомъ, не допуская ее перейти обратно за-границу.

Въ авангардъ назначенъ былъ, опять таки, второй полу-

эскадронъ, и къ нему человѣкъ пятнадцать козаковъ. Весело раздалась команда: «справа, по три, рысью»,—и драгуны, осматривая на ходу штудера, потянулись по свѣжимъ слѣдамъ банды. Пройдя съ четверть версты, они повернули къ лѣсу, и скоро скрылись изъ виду, за первыми лѣсными группами.

Минуть черезъ пять тронулись и остальные, какъ вдругъ мы замѣтили, что отъ малыхъ Джаръ быстро приближается къ намъ небольшой конный отрядъ. Это былъ второй эскадронъ нашего полка, который квартировалъ въ Устилугѣ, и получивъ извѣстіе отъ насъ изъ Порицка, однимъ молодецкимъ переходомъ прошелъ сорока-верстное разстояніе до Джаръ, и явился къ намъ тремя часами ранѣе нежели мы могли ожидать его. Лошади этого эскадрона сильно устали; надо было, непременно, хотя немного освѣжить ихъ и оправить сѣдловку. Скомандовали: «слѣзай!» А для того чтобы Карелинъ съ авангардомъ, вслѣдствіе этой неожиданной остановки, не могъ далеко уйти отъ отряда,—Ильченко послалъ къ нему казака, съ приказаніемъ остановиться...

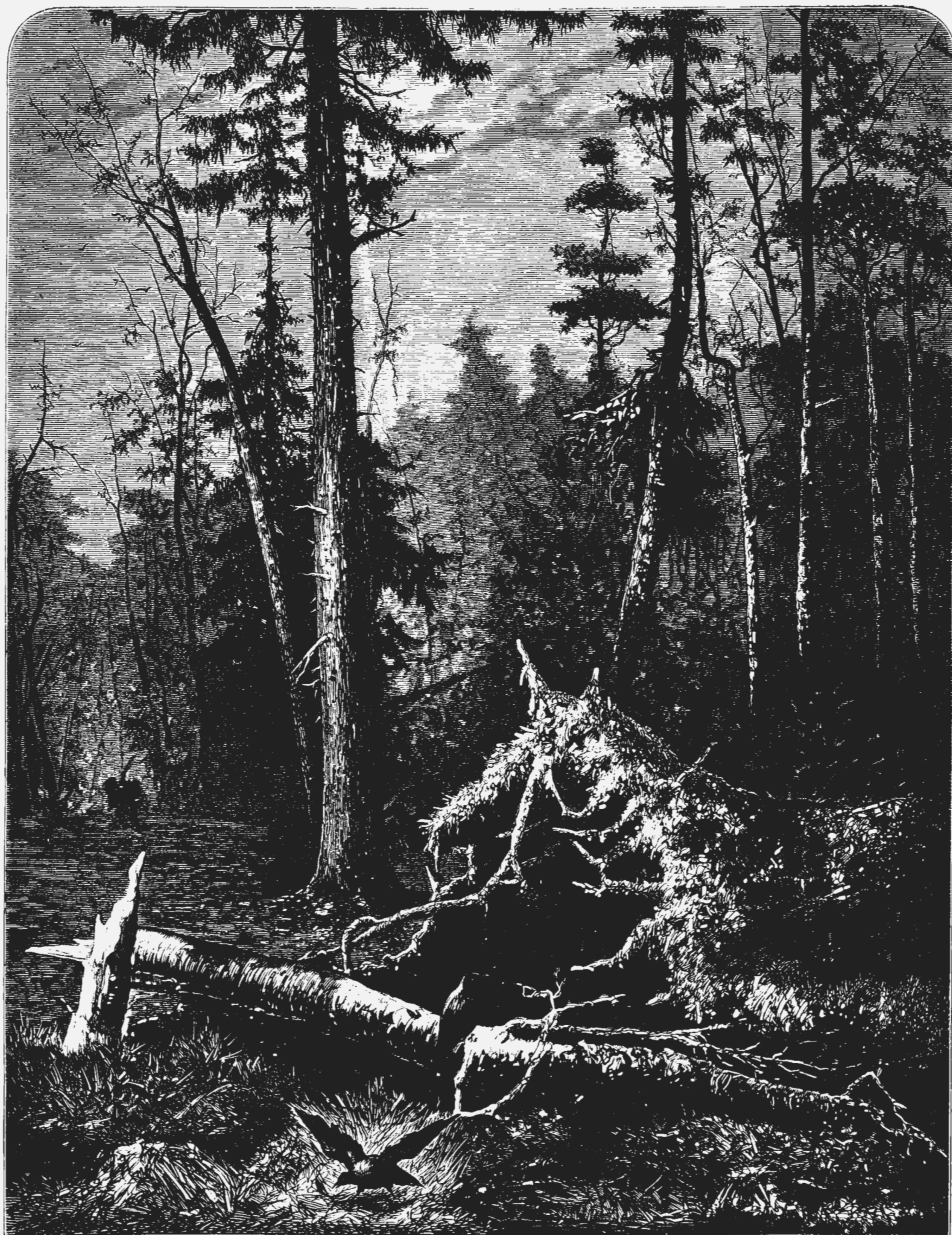
Обратился же къ авангарду. Лишь только онъ отдѣлился отъ отряда, какъ на каждомъ шагу начали попадаться признаки только что-прошедшей банды. Безчисленные слѣды конскихъ копытъ были перемѣшаны съ слѣдами пѣшихъ; вся середина дороги была глубоко изрѣзана колесами тяжело-нагруженныхъ повозокъ; кой-гдѣ валялись потерянные подковы, брошенная за негодностью, стоптанная обувь, и наконецъ, только-что выпряженная, вѣроятно приставшая, лошадь, стоя у куста березника, жадно глотала мокрые отъ дождя и пожелтѣвшіе листья. Всѣ эти признаки близости поляковъ видимо разгорячали нашихъ драгунъ. Уже нѣсколько разъ приходилось Карелину обращаться къ полужэскадрону съ командами: «поводъ! покойнѣе! не скакать!» какъ вдругъ до него донесся короткій сухой звукъ выстрѣла. Ему страннымъ показалось обстоятельство, что выстрѣлъ этотъ былъ слышанъ сзади,—оттуда, гдѣ долженъ былъ находиться нашъ отрядъ. Впрочемъ, развѣ не могъ кто нибудь изъ пѣхотинцевъ выстрѣлить по неосторожности, тѣмъ болѣе что это случается довольно часто, особенно съ молодыми солдатами, при осмотрѣ ружей на ходу. Остановившись именно на этой причинѣ, Карелинъ не обратилъ особеннаго вниманія на выстрѣлъ, и продолжалъ идти съ авангардомъ впередъ, считывая скоро увидѣть всю польскую партію.

Отдѣлившись шаговъ на сто отъ драгунъ, ѣхали впереди два казака; лошади надъ ними начали пугливо поводить ушами, и вдругъ обѣ шарахнулись восторону; казаки едва усидѣли на сѣдлахъ. Вблизи самой дороги, у куста, положивъ около себя свою двустволку, сидѣлъ выскаій худощавый повстанецъ; онъ переобувался—и страшно озадачился, увидѣвъ передъ собой двѣ ненавистныя ему казачьи фигуры. Быстро вскочилъ онъ на ноги, схватилъ свое ружье и прицѣлился въ одного изъ донцовъ; но въ ту же секунду обѣ пикнн впились ему въ туловище. Полякъ дрогнулъ, судорожно схватился руками за древки пикнъ, и мертвый повалился на землю.

Все это было дѣломъ менѣе нежели секунды. Проходя мимо тѣла, драгуны отворачивались отъ него; имъ было неприятно смотрѣть на этотъ худой, длинный трупъ, обезображенный агоніей внезапной смерти.

Это, по видимому, пустое и обыкновенное въ военное время обстоятельство, странно подѣйствовало на расположеніе духа солдатъ. Веселая оживленность тотчасъ же уступила мѣсто тяжелому, тоскливому чувству; у каждого изъ нихъ промелькнуло въ головѣ, что черезъ нѣсколько минутъ прійдется можетъ-быть и самому валяться коченъ въ грязь, съ разрубленнымъ черепомъ или пробитою пулей грудью.

Все время нашъ авангардъ шель по просѣкѣ шириною сажень въ сорокъ; эта ширина была какъ разъ достаточна для того, чтобы развернуть полужэскадронъ для атаки, имѣя на флангахъ козаковъ. Справа и слѣва тянулся полу-обнаженный отъ листьевъ вѣковой лѣсъ; между громадными стволами дубовъ и буковъ, росъ мелкій кустарникъ орѣшника и березника, что жѣшало-бы кавалеристамъ проходить лѣсомъ

Лѣсъ. Пейзажъ Ю. Клевера. Рис. на деревѣ Коверзневъ, грав. Сосинскій.

поими дороги; а между тѣмъ пѣхотинцы могли дѣйствовать въ немъ совершенно удобно. Такъ какъ нашъ авангардъ состоялъ изъ драгунъ, то его и не затрудняла эта неудобопроходимость лѣса; въ случаѣ надобности, Карелинъ всегда могъ спѣшить людей—и съ выгодою воспользоваться этими самыми кустарниками. Всѣ эти обстоятельства значительно ободряли Карелина; онъ зналъ, что если прійдется встрѣтиться съ большимъ числомъ повстанцевъ, то онъ всетаки будетъ въ состояніи удержаться до прибытія отряда.

Близость банды съ каждымъ шагомъ становилось все яснѣй и яснѣй; уже по лѣсу доносился до насъ глухой гулъ движенія большой массы; разстояніе, отдѣлявшее нашихъ отъ повстанцевъ, было, вѣроятно, не болѣе версты. И дѣйствительно, минуты черезъ двѣ, на одномъ изъ поворотовъ просѣки, разомъ открылась передъ глазами Карелина вся партія.

Съ затаеннымъ дыханіемъ, привставши на стременахъ, смотрѣли драгуны на эту пеструю движущуюся массу. Ближе всего къ намъ, въ арбергартѣ банды, шли уланы; яркіе флюгера пикъ колебались надъ фронтомъ. За ними виднѣлись обозы, а дальше, безконечною, извивавшеюся по дорогѣ линіей блестяли штыки и косы пѣхотинцевъ.

Казалось, въ первую минуту уланы не замѣтили нашего появленія,—они продолжали шагомъ удаляться отъ насъ; потомъ изъ-за фронта выскочили два всадника, послышалась какая-то неясная команда, и поляки, остановившись, медленно повернули къ намъ лицомъ и стали.

Не желая давать неприятелю времени опомниться, Карелинъ быстро развернулъ свой полуэскадронъ, рѣшаясь атаковать уланы.

Ширина просѣки не позволяла полякамъ развернуть фронтъ болѣе нашего, значить шансы этой атаки была равные.

Если уланы будутъ опрокинуты, то они бросятся на свои же обозы и пѣхоту, произойдетъ общій безпорядокъ, а тутъ подойдетъ пѣхота нашего отряда—и общее дѣло завяжется при самыхъ выгодныхъ для насъ условіяхъ. Такъ разсчитывалъ Карелинъ; онъ былъ увѣренъ, что отрядъ нашъ находится не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ авангарда.

— Сабли вонъ! полуэскадронъ рысью—маршъ! командывалъ онъ громко и отчетливо, повернувшись на сѣдлѣ къ фронту.

Зашелестѣли вынутые изъ ноженъ клинки, и драгуны бойкою рысью тронулись впередъ, не отрывая глазъ отъ разноцвѣтнаго фронта польскихъ уланы. Рысь становилась живѣе; половина лошадей галопировала; Карелинъ приподнял саблю и сквозь зубы процѣдилъ: «маршъ-маршъ». Но въ ту же секунду, стоявшіе до сихъ поръ неподвижно, уланы повернули направо и налево, и какъ вѣтеръ разлетѣлись въ стороны.

Прямо передъ несущимися драгунами стоялъ темный фронтъ пѣхоты: всѣ люди были въ черныхъ плащахъ и красныхъ фескахъ; это были пресловутые зуавы Рошбрюна. Вотъ вдоль фронта вспыхнула бѣлая полоса дыма... и страшный, оглушительный залпъ, повторенный по лѣсу тысячами отголосковъ, загрохоталъ въ воздухъ. Пораженные этою неожиданностью, драгуны стали какъ вкопанные.

Карелинъ обернулся къ фронту; онъ стоялъ неподвижно;

нѣсколько лошадей судорожно барахтались на землѣ; кто-то тяжело стоналъ. А между тѣмъ уланы, въ свою очередь, собирались кинуться на нашихъ драгунъ, и съ фронта на-двигалась, съ учащенной пальбой, пѣхотная масса. Положеніе критическое: отступать было не возможно, имѣя въ тылу польскихъ уланы, оставалось спѣшиться. Драгуны живо соскочили съ лошадей, коноводы повернули на-лѣво-кругомъ и понеслись изъ-подъ выстрѣловъ. Поляки ринулись за ними; Карелинъ замѣтилъ это движеніе.

— Бей уланы, бей конныхъ! закричалъ онъ спѣшившимся людямъ, и въ ту же секунду изъ-за кустовъ загремѣли одиночные выстрѣлы драгунскихъ штуцеровъ. То тамъ, то сямъ валился съ коня кавалеристъ; освобожденныя отъ всадниковъ лошади, какъ бѣшенныя, носились по просѣкѣ. Вдругъ до ушей Карелина донесся громкій мотивъ мазурки; польская пѣхота тѣсно шла, наклонивъ штыки. По обѣимъ сторонамъ, блистая широкими косами, проридралась сквозь кусты безпорядочная орда косиньеровъ.

Что могли сдѣлать сорокъ спѣшенныхъ драгунъ съ этою массой? предстояло столкновеніе, жаркая рукопашная схватка, и за всѣмъ этимъ неизбѣжный результатъ—гибель.

Всѣхъ казаковъ разослалъ Карелинъ къ отряду, съ просьбою спѣшить выручить авангардъ. Уже давно должно было бы прійти подкрѣпленіе, а между тѣмъ его не было и, насколько могъ видѣть глазъ, на просѣкѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака отряда.

Перебѣгая отъ куста къ кусту, отъ одного букового ствола къ другому, драгуны шагъ за шагомъ отступали отстрѣливаясь. Съ страшною тоскою смотрѣлъ Карелинъ на эти смѣлыя сѣрыя фигуры, какъ онѣ, согнувшись, гдѣ ползкомъ, гдѣ бѣгомъ, переходили съ мѣста на мѣсто. По временамъ они останавливались, покойно подымали штуцера и одиночными мѣткими выстрѣлами отвѣчали на безпорядочный огонь поляковъ. И черезъ нѣсколько минутъ все это должно погибнуть—изъ за его горячности и непредусмотрительности, его одного, Карелина.

Стиснувъ отъ злости зубы, онъ бродилъ между стрѣлками, пристально всматриваясь въ мелькающія между кустовъ группы польской пѣхоты.

Уже косиньеры, махая своимъ оружіемъ, набѣгали на драгунъ. Дѣло доходило до штыковъ, когда въ тылу нашего авангарда послышался топотъ копытъ,—и по просѣкѣ, безпорядочной толпой, показались всадники на рыжихъ лошадяхъ; это былъ второй эскадронъ. Впереди неслось нѣсколько офицеровъ, за ними въ разбродъ, обгоняя другъ друга, съ крикомъ ура! скакали драгуны.

Поляки остановились; огонь прекратился, и пѣхота начала свертываться въ каре. Уланы, наклонивъ пики, хотѣли было противопоставить атакѣ атаку, но не выдержали; повернули лошадей и занеслись за свою пѣхоту.

Въ ту же секунду Карелинъ велѣлъ трубачу трубить сигналъ коноводамъ. Зазвенѣла труба, и черезъ нѣсколько минутъ спѣшенные драгуны уже снова сидѣли на своихъ лошадяхъ, глядя вслѣдъ быстро-отступающей къ Самоволью банды.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

СМѢСЬ.

Юлій Клеверъ, ученикъ Академіи Художествъ. Молодой художникъ, съ картиною котораго мы прилагаемъ нынѣ рисунокъ, родился въ Дерптѣ, и на 17-омъ году поступилъ ученикомъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ. Проработавъ цѣлый годъ въ Архитектурномъ классѣ, онъ занялся ландшафтною живописью—и на слѣдующій же годъ получилъ—вскорѣ одна за другою—малую и большую серебряныя медали за этюды и академическіе рисунки.

Въ 1872 году впервые выступилъ онъ передъ публикой съ большимъ произведеніемъ и обратилъ на себя общее вниманіе «зимнимъ видомъ заката, надъ кладбищемъ» (нынѣ принадлежитъ графу Строгонову старшему). Въ слѣдующемъ году онъ написалъ двѣ

картины на академическую выставку. Первая изъ нихъ «Лифляндское селеніе вечеромъ» послѣ строгой экспертизы была послана Академію на вѣнскую всемірную выставку, что являлось уже какъ-бы признаніемъ молодого таланта, такъ какъ онъ былъ единственнымъ ученикомъ, удостоившимся этой чести. Вторую картину «Ржаное поле поздней осенью» купило Общество поощренія художниковъ. Болѣе мелкія работы его составляютъ собственность графа Строганова, гг. Новосильцова и Солдатенкова, а въ 1874 году одну изъ картинъ его приобрѣла Ея И. Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна. Въ этомъ же году выставлена была и прилагаемая нами картина «Лѣсъ», тотчасъ купленная г. Третьяковскимъ, властвующимъ богатымъ собраніемъ русской школы. Къ

будущей академической выставкѣ Клеверъ готовить уже болѣе значительное произведеніе «Послѣдній лучъ солнца на морѣ весною», эффектъ котораго чрезвычайно новъ и оригиналенъ. На морѣ видны большія, полурастаявшія льдины, по которымъ развѣшаны рыболовные сѣти. Вдали рыбацкія хижины. На берегу большіе лодки. Рыбакъ снаряжается на ловлю. Клеверъ до сихъ поръ, еще ученикъ Академіи и по всей вѣроятности, получивъ большую золотую медаль, будетъ посланъ за границу. Въ качествѣ же русскаго пейзажиста ими его уже составлено.

Когда и кѣмъ введено первое огнестрѣльное оружіе. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія—до сихъ поръ остается предметомъ темныхъ нерѣшенныхъ догадокъ. Слѣдшимъ оповѣстимъ нѣкоторыя интересныя свѣденія, которыя удалось собрать по этому предмету.

Такъ напримѣръ, извѣстно что еще въ XIV столѣтіи, въ прежнемъ Курфюршество Майнцкомъ ружья были уже извѣстны. Въ 1344 году Курфюрстъ Генрихъ III, изъ графскаго дома Биренбургъ, пригласилъ въ Ашафенбургъ прибывшаго въ Майнцское Курфюршество огнестрѣлка (ignis sagittarius). Въ Майнцкомъ архивѣ есть рукопись, въ которой говорится о томъ, какъ пріятно было Генриху III-му появленіе стрѣлка въ Курфюршество и какъ занимало его извѣстіе о новооткрытомъ оружіи. Но употребленіе огнестрѣльнаго оружія распространялось весьма медленно; это видно изъ того, что Венеціане, спустя 36 лѣтъ послѣ перваго появленія его въ Майнцъ, провозгласили изобрѣтателемъ пороха нѣкоего Вертольда Шварца. Эта ошибка дошла и до нашего времени.

Гораздо правдоподобнѣе приписать изобрѣтеніе пороха Сарацинамъ, которые были знакомы съ Греческимъ огнемъ. Ложныя свѣденія о появленіи и употребленіи пороха происходятъ такъ-же отъ того, что изобрѣтеніе его смѣшиваютъ съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, хотя оное было извѣстно прежде, какъ гремучее, воспламеняющееся вещество. Еще въ первой половинѣ XIII-го вѣка, Баконъ, въ сочиненіи своемъ «Ничтожество колдовства» говоритъ: «Можно производить молнію и громъ сколько угодно: стоитъ только взять сѣры, селитры и угля, смѣшать и зажечь. Составъ этотъ производить взрывъ, сопровождаемый шумомъ, подобнымъ грому.» Неизвѣстно, откуда почерпнулъ Баконъ эти свѣденія: самъ-ли оное былъ изобрѣтателемъ гремучаго пороха, или заимствовалъ описаніе сходнаго съ нимъ воспламеняющагося вещества изъ древней анонимной книги, извѣстной подъ заглавіемъ «Книга огней» (liber ignium). По свидѣтельству многихъ хроникъ, замокъ Хорутъ былъ осажденъ и обстрѣливаемъ порохомъ, въ 1200 году. Что пороховъ употреблялся для взрывовъ стѣнъ и каменныхъ строеній, то объ этомъ положительно говорить Арнольдъ Любекскій *). Нѣкоторые приписываютъ изобрѣтеніе пороха не Вертольду Шварцу, но одному Фрейбургскому монаху Константину Ансельду. Вся эта путаница происходитъ отъ того, что изобрѣтеніе пороха принимали за одно съ его усовершенствованіемъ, распространеніемъ и примѣненіемъ.

Древнѣйшія извѣстія объ огнестрѣльномъ оружіи относятся къ XIV-му столѣтію. Дюбаню сообщаетъ, что въ спискахъ французской Счетной Камеры въ первый разъ упоминается о порохѣ и пушкахъ подъ 1338 годомъ. Петръ, епископъ Леонскій, и другіе Испанскіе историки рассказываютъ, что при осадѣ Толедо королемъ Альфонсомъ IX Кастильскимъ, въ 1343 году, Мавры и Сарацины имѣли желѣзныя узкія бочки, которыя производили сильный громъ и пламя.—Англичане, по свидѣтельству Іоанна Фило-

неуса, въ первый разъ употребили пушки въ сраженіи при Крессъ въ 1346 году.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Сарацины первые ввели порохъ въ Европу, и что до этого времени оное было извѣстно въ Азіи, ибо изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія не могло слѣдовать непосредственно за изобрѣтеніемъ пороха, и долженъ былъ быть значительный промежутокъ времени между открытіемъ пороха и примѣненіемъ его къ стрѣлбѣ; которая въ свою очередь предполагаетъ изобрѣтеніе сложнаго оружія.

Жуанвилъ рассказываетъ, что при осадѣ Даміетты въ 1249 году Людовикомъ IX королемъ французскимъ, Турки выставили противъ французскаго войска толстыя и большія бочки, метавшія страшныя греческій огонь, отъ котораго многіе падали замертво. Жуанвилъ называетъ здѣсь порохъ греческимъ огнемъ по сходству его съ этимъ послѣднимъ; изъ самаго же описанія Жуанвила видно ясно, что употребляемое Турками воспламеняющееся вещество было порохъ а не Греческій огонь.

И такъ, должно предположить, что Греческій огонь навелъ на изобрѣтеніе пороха, что Сарацины познакомили съ нимъ Европу, и что французы первые изъ Европейцевъ получили отъ Мавровъ и Сарациновъ понятіе о порохѣ и огнестрѣльномъ оружіи.

Спички, спасшія крестьянина отъ волковъ. Многими несомнѣнными опытами доказано, что волки, медвѣди и вообще большая часть дикихъ звѣрей боятся огня.—Слѣдующій рассказъ еще болѣе можетъ подтвердить это наблюденіе.

Въ одной изъ деревушекъ окраинъ Петербургской губерніи, крестьянинъ пахалъ свой участокъ земли, лежавшій въ лѣсу. Вечерѣло. Утомленный дневнымъ трудомъ, крестьянинъ, оставивъ лошадь въ сохѣ, сѣлъ на камень, досталъ изъ кармана трубку и спички—и лишь только зажечь одну изъ нихъ, какъ услыхалъ внезапный шорохъ листьевъ, трескъ сучьевъ и движеніе въ лѣсу, заставившіе его обернуться—и что же? то были волки, хитро наблюдавшіе, что было причиною вспышки, и снова приближавшіе послѣ того уже какъ спичка погасла. Крестьянинъ смекнулъ дѣло, и боясь потерять лошадь и къ тому-же находясь самъ въ опасности, зажечь другую спичку и снова замѣтилъ, что волки опять испугались вспышки и снова углубились въ лѣсъ.

Тогда крестьянинъ рѣшительно убѣдился въ боязни ихъ къ спичкамъ—и предположеніе это не обмануло его, а рѣшительность, смѣлость и находчивость увѣнчали успѣхомъ его искусное отступленіе. Повторяя безпрестанно свой опытъ, зажигая черезъ нѣкоторое время спички одну за другою, крестьянинъ выходилъ понемногу изъ лѣсу, непрерывно отгоняя отъ себя волковъ на почтительное разстояніе при каждый вспышкѣ спички.

Подобный-же фактъ, былъ съ однимъ охотникомъ, которому удалось спастись посредствомъ огня отъ медвѣдя.

Одного изъ охотниковъ дикой олончаны *) съ его товарищами темная осенняя ночь застала въ лѣсу, далеко отъ дома и жилаго мѣста. Расположившись переночевать на берегу небольшою рѣчки, охотники разложили костеръ и вскипятивъ воду хотѣли уже приступить къ чаепитію, какъ вдругъ замѣтили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя огромнаго медвѣдя. Охотники немедленно усилили огонь, медвѣдь сталъ ходить вокругъ него, не смѣя идти далѣе. Вдругъ оное оборотился, бросился въ рѣчку, возвратился мокрый къ огню и сталъ на него отряхиваться; потомъ опять обмочился въ рѣкѣ и снова подошелъ къ огню. Эти продѣлки продолжались довольно долго и все тѣмъ же порядкомъ, пока охотники не успѣли переридить свои ружья пулями во время его прогулокъ—и убили звѣря.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— 1-го августа, въ часъ пополудни, изволили прибыть изъ-за границы въ Царское-Село: Его Королевское Высочество Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій и высоко-нарѣченная Невѣста Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Владиміра Александровича Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Марія-Александровна-Елисавета-Леонора Мекленбургъ-Шверинская.

Военное и морское дѣло.

— Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ «Русск. Инвалидѣ» объ устраиваемой въ Москвѣ станціи почтовыхъ голубей, между прочимъ, видно: по окончательномъ утвержденіи про-

екта г. Трескина о голубиной почтѣ и по полученіи имъ пособія на осуществленіе проекта деньгами и вещами изъ Военнаго Министрства, выстроено г. Трескинымъ нужное для почтовой станціи зданіе, и къ началу большихъ маневровъ, т. е. къ 24-му августа, оное надѣется пустить въ дѣло до 40 штукъ выдрессированныхъ голубей, которые и будутъ присоединены къ различнымъ маневрирующимъ отрядамъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ пользовались ими для передачи извѣстій въ Окружный штабъ. Кроме того, по окончаніи маневровъ, эти же голуби будутъ сопровождать офицеромъ Генеральнаго штаба во время ихъ осеннихъ поѣздокъ въ окрестностяхъ Москвы.

— Въ скоромъ времени должны начаться работы по очисткѣ Еникальскаго фарватера.

Коммисія, назначенная завѣдывать этими работами, прибыла, какъ сообщается въ «Никол. Вѣстн.», въ Керчь еще въ началѣ лѣта. Пароходъ «Генералъ Кауфманъ», купленный у частныхъ лицъ, почти приведенъ въ порядокъ; остановка лишь за землечерпательною машиною и баржами. Каналъ рѣшено прорыть по направленію створной линіи Камышь-Бурунскихъ огней. Работы промѣрной партіи идутъ очень успѣшно, въ Таманскомъ заливѣ.

— Строившаяся въ Новомъ Адмиралтвѣ двухъинтовая канонерская лодка «Ершъ» спущена 5-го августа со стапеля, въ присутствіи исправляющаго должность главнаго командира С.-Петербургскаго порта.

*) Олонечкой губерніи.

*) Arnoldus Lubcensis. in chron Navorum, Tom. II p. 707.

ЖИВНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 35 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 24-го августа 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается
и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1874 году №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к. съ доставкой на домъ 5 » — »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 » 50*)

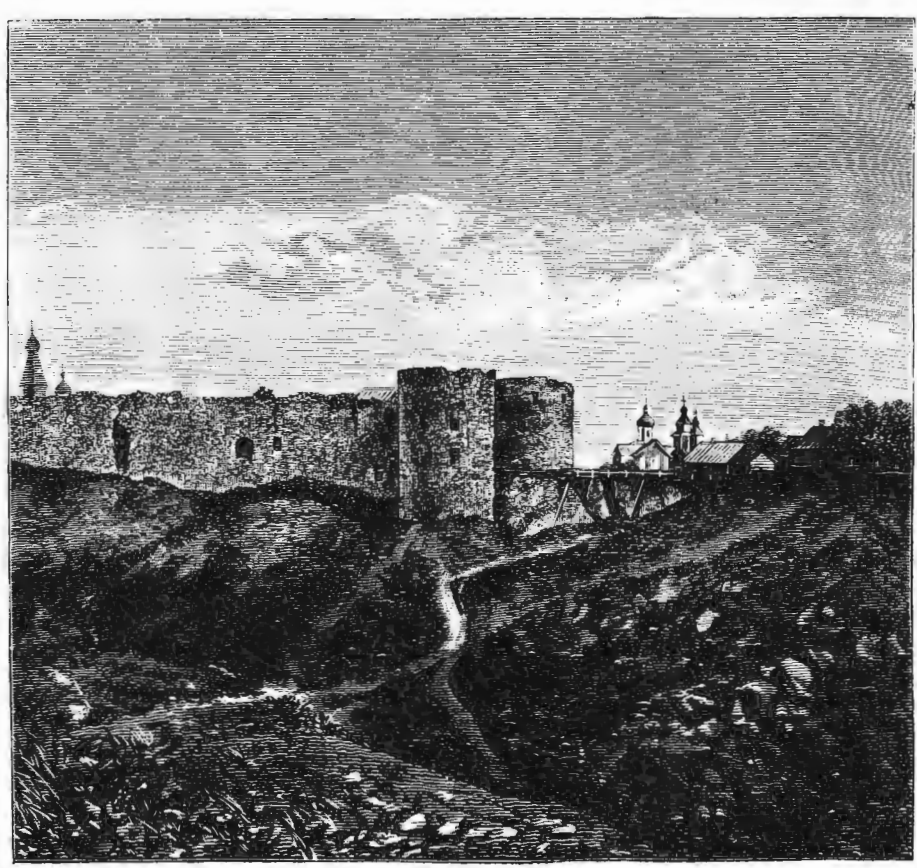
НА ПОЛГОДА:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к. съ доставкой на домъ 2 » 50 »
- II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
- III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Крѣпость Копорье.
Въ Петергофскомъ уѣздѣ, въ 87 верстахъ отъ С.-Петербурга и 12 верстахъ по прямой линіи отъ Финскаго залива, близъ мызы Греховой, въ имѣніи Д. В. Зиновьева, находятся развалины древней русской крѣпости Копорья. Имя Копорья встрѣчается въ первый разъ въ лѣтописи подъ 1240 г. Послѣ пораженія Биргера Александромъ Невскимъ на берегахъ Невы (15 іюля 1240 г.), Новгородцамъ пришлось бороться съ Тевтонскими рыцарями, которые, утвердившись во Псковѣ, послали ополченіе изъ Латышей и Эстовъ на Водскую страну (Водская страна или Водская пятина занимала пространство С.-Петербургской губерніи и была населена финскими племенами Водью и Ижорой) и, занявъ ее, построили укрѣпленіе въ Новгородскомъ погостѣ Копорье. Рыцари считали уже своимъ достояніемъ Водь

Крѣпость Копорье. Съ фотографіи рис. Космаковъ. Грав. Дьяманъ.

и Ижору и отдали эти земли папѣ и католичеству, подчинивъ ихъ власти Эзельскаго епископа. Но въ слѣдующемъ году собралось ополченіе изъ Новгородцевъ и Ладжанъ; Александръ Невскій повелъ ихъ на Копорье, отнявъ его у нѣмцовъ, а городъ, построенный нѣмцами, срылъ до основанія. Вся слѣдующая исторія Копорья и вообще всей Водской пятинѣ наполнена борьбой Великаго Новгорода, а потомъ князей Московскихъ, съ одной стороны, со шведами и ливонскими рыцарями—съ другой. Водская пятина была важна своимъ географическимъ положеніемъ: по ней пролегалъ торговый, водный путь изъ Новгорода въ Европу; отсюда понятно стремленіе нѣмцевъ и шведовъ утвердиться въ Водской пятинѣ. Въ 1279 г. великій князь Дмитрій Александровичъ, сынъ Александра Невскаго, построилъ, съ согласія Новгородскаго вѣча,

въ Водской пятинѣ городъ Копорье для защиты южныхъ береговъ Финскаго залива отъ высадокъ нѣмцовъ и шведовъ; въ 1280 г. Копорье было окружено каменной стѣной. Крѣпость эта поселила раздоръ между княземъ и Новгородцами: Димитрій, считая Копорье своею личною собственностью, хотѣлъ занять его своею дружиною; Новгородцы не могли допустить, чтобы великій князь владѣлъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ ихъ землѣ, и ссылались на слова договора, заключеннаго съ княземъ: «волоостей новгородскихъ своими людьми не держать.» Димитрій привелъ войско, и Новгородцы принуждены были уступить, но скоро имъ представился случай возвратити свою собственность. Междоусобія, возникшія въ великомъ княжествѣ въ 1281 г., принудили Димитрія бѣжать въ Новгородскую землю съ цѣлью занереться въ Копорье: на пути его семейство и бояре были перехвачены Новгородцами, которые объявили, что до тѣхъ поръ не освободятъ ихъ, пока дружина княжеская не выступитъ изъ Копорья. Довмонтъ Псковскій, бывшій въ то время въ Копорьѣ, отказался исполнить это требованіе; тогда Новгородцы осадили Копорье, принудили Довмонта выйти съ людьми княжескими, срыли крѣпость до основанія и раскопали гору (въ 1282 г.).

Въ концѣ XIII столѣтія, когда открылась война со Шведами, Новгородцы сами убѣдились въ необходимости имѣть укрѣпленное мѣсто въ Водской пятинѣ и въ 1297 г. построили каменный городъ Копорье (поставивъ городокъ «Копорь—камень», говоритъ летоисецъ).

Хотя въ 1323 г. былъ заключенъ миръ, названный вѣчнымъ, но Новгородцы, предвидя возобновленіе войны и желая отстояти свои границы, отдали въ 1333 г. князю Норимунту—Глѣбу, Гедминову сыну, въ кормленіе въ отчину и дѣдину, берега Финскаго залива и Ладожскаго озера съ пригородами: Копорьемъ, Ладогой и другими. Дѣйствительно въ 1337 г. война возобновилась; Новгородцы послали въ Литву звать Норимунта, какъ своего кормленника, но, недовольный новгородскими порядками, Норимунтъ отказался вернуться и даже отозвалъ изъ Орѣшкѣ своего сына. Между тѣмъ Шведы подступили къ Копорью, но были отражены новгородскимъ посадникомъ Фодоромъ. Война кончилась миромъ въ Лундѣ; границы остались тѣ же.

Въ 1383 г. Новгородцы отдали въ кормленіе Патрикію, сыну Норимунта, бывшій удѣлъ его отца: Орѣховъ, Корельскъ и половину Копорья; но—скоро мѣстные жители, притѣсняемые Патрикіемъ, послали выборныхъ на вѣче новгородское требовать смѣны его. Славянской конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за него на вѣчѣ двора Ярославова, прочіе же концы на Софійскомъ вѣчѣ приняли сторону угнетенныхъ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили вмѣсто прежняго удѣла дать Патрикію Ладогу и Руссу.

Подъ 1399 г. упоминаются, бывшіе въ Новгородѣ во время нашествія Димитрія Донскаго, Василій и Иванъ Фодоровичи, князья, называемые Копорскими, потому что имъ Копорье было дано въ кормленіе. Въ 1404 г. Копорье вмѣстѣ съ другими 12 городами поступило въ кормленіе послѣднему Смоленскому князю Юрію, но оны, тяготясь зависимою отъ Новгорода, черезъ два года вернулся въ Москву. Въ 1407 г. Ладога, Орѣшекъ и половина Копорья даны въ кормленіе Литовскому князю Лувенію—Симеону Ольгердовичу, съ тѣмъ чтобы онъ защищалъ Водскую пятину отъ Шведовъ. Въ союствѣ двухъ могущественныхъ государствъ, Москвы и Литвы, Великій Новгородъ не могъ долго сохранить своей самостоятельности: 15 января 1478 г. пало древнее Новгородское вѣче, Новгородцы присягнули Іоанну, какъ самовластному государю, и всѣ обширныя Новгородскія земли, въ томъ числѣ и Водская пятина, вошли въ составъ Московскаго государства. Съ этого времени начинается русская колонизація Водской пятинъ: нѣсколько разъ цѣлыя семьи были переселяемы туда изъ внутри Россіи. Туземное финское населеніе, хотя считалось православнымъ, но сохраняло много языческихъ вѣрованій: такъ, оно поклонялось солнцу, луиѣ, звѣздамъ, лѣсамъ, камнямъ, рѣкамъ, озерамъ, приносило имъ въ жертву скотъ, имѣло жрецовъ называемыхъ арбуями. Къ этимъ остаткамъ старины равнодушно относились Великій Новгородъ, занятый преслѣдованіемъ торговыхъ цѣлей; но съ переходомъ Водской земли во владѣніе Москвы начинается преслѣдованіе языческихъ обрядовъ. Такъ, въ 1534 г. Новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ былъ посланъ въ Копорскій уѣздъ инокъ Ілія «искоренять языческую прелесть»: разрушать мольбища, рубить и жечь лѣса и крестить некрещенныхъ.

Въ 1558 г. началась Ливонская война; счастливая для Россіи вначалѣ, она имѣла очень неудачный исходъ: съ избраніемъ Стефана Баторія въ польскіе короля (1575 г.) Русскіе, стали терять неудачи и терять завоеванныя и даже свои земли. Въ то время какъ Стефанъ Баторій осаждалъ Псковъ, шведскій генералъ Понтусъ Делагарди взялъ Нарву, Иванъгородъ, Яму и Копорье; Русскіе принуждены были заключить трехлѣтнее перемиріе со Шведами, за которыми и осталась вѣзьяе города. Въ царствованіе Фодора Ивановича въ 1591 г. война со Шведами возобновилась; на этотъ разъ она была удачна для Русскихъ: по Тавзин-

скому договору (1595 г.) Россія получила Копорье вмѣстѣ съ Ямой, Иванъгородомъ и Корелой.

Въ 1608 г. Копорье передано на сторону Тушинскаго вора.

Въ 1611 г., пользуясь смутнымъ временемъ, шведскій генералъ Яковъ Делагарди овладѣлъ Новгородомъ, а Эвертъ Горь—Копорьемъ, Ладогой и друг. По избраніи въ 1613 г. Михаила Федоровича на царство, война со Шведами продолжалась еще четыре года; наконецъ 27 февраля 1617 г. былъ заключенъ Столбовскій миръ, по которому Шведы удержали за собою Копорье, Иванъгородъ, Яму и Орѣшекъ.

Копорскій уѣздъ, разоренный войной и грабежемъ, былъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи: половина удобной земли лежала въ пустошахъ, большая часть населенія была въ бѣгахъ. Копорье вошло въ составъ Ингерманландіи и оставалось подъ властью Швеціи слишкомъ 80 лѣтъ. По возвращеніи изъ-за границы, Петръ объявилъ 19 августа 1700 г. войну Швеціи и двинулъ войска на Ингерманландію; Ямы и Копорье переданы русскимъ войскамъ, но послѣ пораженія Русскихъ подъ Нарвою (19 ноября) Шведы снова овладѣли Копорьемъ.

Послѣ вѣзьяе 1 мая 1703 г. Неншанца, крѣпостцы на берегу Невы, арміи Шереметева была направлена на Копорье; въ концѣ мая Шереметевъ началъ обстрѣливать Копорье, и крѣпость сдалась. «Музыка твоя, писалъ царю Шереметевъ,—хорошо играетъ; Шведы горазды танцовать и фортеціи отдавать, а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать». Комендантомъ Копорья сдѣланъ Римскій-Корсаковъ, ему же подчинена Ингерманландія.

Въ 1707 г. по возобновленіи войны, шведское войско Либекера разбило подъ Копорьемъ русскій гарнизонъ Фризера, но должно было отступить передъ войскомъ генералъ-адмирала Апраксина. Указами 18 декабря 1708 г. и 21 сентября 1711 г. Ямбургъ и Копорье, вмѣстѣ съ 131, 900 десятинами земли въ ихъ уѣздахъ, отданы во владѣніе князю Меншикову, Ингерманландскому губернатору.

Такимъ образомъ, Копорье, древній городъ Великаго Новгорода, утратилъ навсегда свое самостоятельное существованіе, но уѣздъ его до 1780 г. сохранялъ названіе Копорскаго.

30 Августа 1721 г. былъ заключенъ Ништадтскій миръ. Государство все было раздѣлено на 12 губерній; С.-Петербургская составлена изъ 4 уѣздовъ: С.-Петербургскаго, Копорскаго, Ямбургскаго и Шлиссельбургскаго.

Въ 1727 г., крѣпость Копорье отобрана изъ частнаго владѣнія князей Меншиковыхъ, передана въ казенное вѣдомство и приписана къ губерніи. Указомъ 1 января 1780 г., при новомъ раздѣленіи С.-Петербургской губерніи на 7 уѣздовъ, Копорье приписано къ Ораниенбаумскому уѣзду, а впоследствии къ Петергофскому.

Крѣпость построена на краю крутаго обрыва, который тянется непрерывно вдоль южнаго берега Ладожскаго озера и Финскаго залива, отъ Сяси до Нарвы и Ревеля; полагаютъ, что это былъ старинный берегъ Финскаго залива. Крѣпость имѣетъ форму триугольника, югозападная сторона котораго омывается небольшою рѣчкою Копоркою. Копорка начинается въ болотѣ и, не доходя версты до крѣпости, углубляется въ гору и образуетъ оврагъ, отъѣсныя стѣны котораго состоятъ изъ обнаженныхъ слоевъ плитняка. Изъ этого плитняка и построена крѣпость; она имѣетъ четыре башни или бойницы, довольно хорошо сохранившіяся, но стѣны во многихъ мѣстахъ обсыпались, особенно съ югозападной стороны, гдѣ есть довольно значительная брешь. Внутри крѣпости ведутъ ворота, находящіяся на восточной сторонѣ; сводъ воротъ выложенъ изъ кирпича и сдѣланъ въ недавнее время, такъ какъ плитнякъ разрушался и грозилъ паденіемъ. Внутри лѣвой стороны у воротъ находится кладбище, за нимъ Преображенская каменная церковь, построенная на мѣстѣ деревянной, сгорѣвшей въ 50-хъ годахъ; съ правой стороны у воротъ совершенно разрушенныя своды комендантскаго дома, имѣвшаго длину 15 и въ ширину 6 сажней; за комендантскимъ домомъ огорода церковнаго причта; строенія для гарнизона совершенно истреблены временемъ.

Отъ древняго города, лежащаго внѣ крѣпости на правой сторонѣ оврага, не осталось и слѣдовъ; на его мѣстѣ теперь деревня Пригородная слобода. Въ деревнѣ есть школа, ссудосберегательное товарищество, помѣщается волостное правленіе, кромѣ крѣпостной есть еще двѣ церкви. За деревней, въ верстѣ отъ крѣпости расположена мыза Грехова, купленная въ началѣ нынѣшняго столѣтія В. Н. Зиновьевымъ, отцемъ Д. В. Зиновьева, отъ графовъ Разумовскихъ.

Мы помѣщаемъ видъ крѣпости Копорья, снятый С.-Петербургскимъ фотографомъ г. Каррикомъ. На верху обрыва видна часть крѣпостной стѣны съ двумя башнями, слѣва за стѣною высится глава преображенской церкви. Съ правой стороны на второмъ планѣ за крѣпостью раскинулась пригородная слобода съ одной изъ церквей.

По имени крѣпости Копорья называется одинъ изъ полковъ 1-й пѣхотной дивизіи, а именно 4-й Копорскій наслѣдника принца Саксонскаго, расположенный въ городѣ Гжатскѣ, Смоленской губерніи.

СКАЗАНО ЧТО АЗИЯ *)

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА III.

Р О Б Ъ Д Ъ.

Въ поясненіе предъидущихъ главъ, надо вернуться къ прошлому, къ жизни и событіямъ, которыя могутъ показаться невѣроятными нынѣшнему поколѣнію, но тѣмъ не менѣе мы поведемъ о нихъ рассказъ такъ же просто и безыскусственно, какъ они совершались въ дѣйствительности.

Года за два до описываемыхъ происшествій, въ счастливой Кахетіи жилъ грузинскій князь Омарджидзе; онъ былъ богатымъ землевладѣльцемъ и храбрымъ офицеромъ, служилъ въ русской службѣ въ чинѣ полковника, потомъ много лѣтъ командовалъ грузинской милиціей и былъ не одинъ разъ посылаемъ укрощать бунтовавшихъ джарцовъ **).

Окончивъ поприще военной службы, разбитый параличомъ, князь мирно доживалъ остатокъ дней своихъ, въ прекрасномъ помѣстьѣ Синоцхалѣ, живописно расположенномъ на склонѣ горы, покрытой виноградными садами. Домъ князя, каменный, съ плоской крышей, былъ окруженъ крытыми террасами, защищавшими его отъ солнечнаго жара. Снаружи по стѣнамъ дома и колоннамъ террасъ, до самой крыши, вился цвѣтушій плющъ и виноградныя лозы. Съ вершины горъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ, вытекалъ источникъ чистой студеной воды, разбивался объ скалу и падалъ съ шумомъ, каскадой, потомъ у подошвы, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, тихо орошалъ виноградники; но запруженный въ долину, образовалъ огромное озеро, на противоположной сторонѣ котораго широко раскидывалось селеніе князевыхъ крестьянъ. У запруда была построена водяная мельница.

Семейство князя состояло изъ жены его, княгини Тамары, дочери княжны-Майко и сына князя-Ираклія, служившаго въ *** полку и находившагося въ отпуску для излеченія ранъ, полученныхъ имъ въ турецкую войну.

Стоялъ неподобный сентябрьскій денекъ, жаръ солнца смягчался осеннимъ вѣтеркомъ, густая зелень садовъ мѣстами уже нестрѣла отъ желтѣвшихъ листьевъ и красноватыхъ плодовъ, еще уцѣлѣвшихъ на деревьяхъ. Въ тѣни винограднаго свода, подъ которымъ висѣли огромныя янтарныя гроздья, на разосланныхъ коврахъ приготовленъ былъ обѣдъ. Вокругъ положены были шелковыя подушки.

Въ концѣ сада находилось длинное, каменное строеніе безъ оконъ, покрытое весьма искусно камышемъ; стѣны его были не высоки и обсыпаны снаружи пескомъ до самой крыши; оно имѣло только одно отверстіе: входъ—и то довольно низкій, и называлось *маранъ* или винохранилище. Внутренность его представляла обширный сарай, въ которомъ возвышалось нѣсколько десятковъ небольшихъ кургановъ изъ песку съ известью, надъ ними стояли врытыя дощечки съ надписями разныхъ годовъ и назначенія. Въ это святилище передъ самымъ обѣдомъ сошолъ хозяинъ съ гостившимъ у него другомъ, княземъ Бурдюкадзе, и толпою слугъ. Князь Омарджидзе приказалъ людямъ разрыть одинъ изъ кургановъ двадцатыхъ годовъ—открылся колодезь вина. Это былъ глиняный кувшинъ, выдѣланный и обожженный въ землѣ, величиною въ нѣсколько сороковыхъ бочекъ. Князь почерпнулъ изъ него вина серебрянымъ азарпешемъ или ковшемъ, украшеннымъ бирюзой и сердоликами, и подаль его своему старинному пріятелю, сказавъ: *алла верды*. Этотъ кувшинъ заповѣдали открыть въ день посѣщенія дорогаго гостя; де-

сятъ лѣтъ это вино не знало свѣта и воздуха—должно быть не дурно. Князь Бурдюкадзе, принявъ азарпешъ съ виномъ, обнялъ своего друга, сказавъ: *якишомъ* *), и выпилъ вино, прищелкивая языкомъ и приговаривая: юфъ, юфъ, юфъ!! Это значило, что вино было дѣйствительно отличное. Друзья, обнявшись, пошли подъ тѣнь виноградниковъ, гдѣ семейство князя ожидало ихъ обѣдать.

Такъ какъ общество, собравшееся за обѣденнымъ столомъ, отнюдь не похоже на тѣ, какія мы привыкли соединять съ мыслью о званомъ обѣдѣ, то мы позволимъ себѣ подробнѣе обрисовать каждаго изъ присутствующихъ. Княгиня Тамара была лѣтъ сорока пяти, высокаго роста и полная; рѣзкія черты восточной красоты ея оживлялись необыкновенно-доброю и чистосердечной улыбкой. Она была въ шелковомъ платьѣ темнаго цвѣта, съ широкимъ пунцовымъ поясомъ; черная богатая повязка, шитая золотомъ и унизанная жемчугомъ плотно обхватывала ея голову, а поверхъ ея лачакъ, или кружевная, закинутаая назадъ, вуаль, прикрывала часть ея лица и шеи.

Княжнѣ Майко едва минуло пятнадцать лѣтъ; высокаго роста, стройная, какъ молодая пальма, которая гнется отъ вѣтра, она была замѣчательной красавицей; лицо и полуоткрытая грудь—близки снѣга нагорнаго, до котораго, свободно пробѣгая, касался только вѣтеръ и на который любопытный взглядъ вблизи и пристально еще не заглядывался. Узенькая бархатная повязка съ гирляндой цвѣтовъ, вышитыхъ бисеромъ, освѣтляла это дѣвственное чело; черно-синеватые, мягкіе и глянцовитые, какъ шолкъ, — локоны волосъ ея, ласкались около лица, падали на шею античной формы; глаза, какъ у серны съ какимъ-то тайнымъ любопытствомъ скрытно и быстро перебѣгали съ одного предмета на другой; ротъ словно гранатовый цвѣтокъ, съ привѣтной улыбкой, образовалъ на розовыхъ щекахъ ея восхитительныя ямочки; когда она улыбалась, открывались бѣлые зубы, какъ нанизанный на ниткѣ жемчугъ. На ней было шелковое платье малиноваго цвѣта, спереди застегнутое туго крючками, оставляя верхнюю часть груди нѣсколько открытою и возвышенною; полная юбка, во множествѣ складокъ, падала почти до пола, такъ что она должна была, приподнявъ, поддерживать ея, чтобы дать свободу движенію крошечныхъ ногъ, скромно выглядывавшихъ изъ подъ шелковыхъ *непхави* *) голубаго цвѣта, отороченныхъ узенькимъ золотымъ галуномъ; онѣ были обуты въ узорчатые персидскіе чулки и въ сафьянныя красивыя башмаки—родъ туфель, которыя она сбросила вступая на коверъ.

Мать и дочь почтительно поклонились гостю и сѣли, поджавши подъ себя ноги. У молодыхъ грузинокъ это движеніе совершается чрезвычайно быстро и граціозно;—широкая юбка ихъ платьевъ вдругъ надувается какъ шаръ, и съ шумомъ опадая, драпируетъ члены тѣла.

Князь Бурдюкадзе былъ лѣтъ шестидесяти, средняго роста, полный; одутловатое его лицо было покрыто лакомъ испарины; красный широкій носъ доказывалъ, что онъ не былъ врагомъ кахетинскаго вина; затылокъ въ два яруса лежалъ на засаленномъ позументѣ черкески. Онъ снялъ папахъ и поклонился, голова его была совершенно обнажена отъ волосъ, густыя сѣрыя брови соединялись въ стѣтъ; заплывшіе жиромъ глаза лѣниво изъ-подъ нихъ выглядывали; длинные сѣдые усы прикрывали огромный ротъ и соединялись съ небольшою подстриженной бородой. На князѣ былъ архалукъ, прежде краснаго цвѣта, сверху *чоха* синяго цвѣта, широкіе шаровары верблюжьяго сукна; на ременномъ поясѣ, усажен-

*) Солдатская поговорка.

**) Жители Джаро, Вьлоканской области.

*) Добрый путь.

*) Шаровары.

номъ серебряными пуговицами подъ чернью, висѣлъ кинжалъ, котораго рукоятка была обдѣлана въ золотѣ съ бирюзой. Князь очень глупо улыбался, облизывая языкомъ свои усы, на которыхъ всегда были остатки завтрака или обѣда.

Князь Омарджидзе, лѣтъ пятидесяти почти, высокаго роста, худощавый, широкоплечій; смуглое лицо его отгнѣялось черными длинными усами, которые падали на грудь; волосы съ простѣю были коротко обстрижены, на шеѣ у него висѣлъ Владимірскій крестъ; лѣвая рука подвязана чернымъ платкомъ, лѣвую ногу онъ съ трудомъ ворочалъ—вся сторона была разбита параличомъ, — правую рукою онъ опирался на костыль. Шолоховый архалукъ и суконная чоха темнаго цвѣта, обложенная въ нѣсколько рядовъ золотыми галунами, ловко сидѣли на мужественномъ тѣлѣ старика; на головѣ его былъ высокій персидскій папахъ, на поясѣ висѣлъ кинжалъ, съ рукояткою бѣлой слоновой кости.

Подъ лѣвое его плечо поддерживалъ сынъ князь Ираклій. Молодой князь былъ большаго роста и удивительно хорошо сложенъ; прекрасные черты его лица покрывала болѣзненная блѣдность, но высокая грудь, украшенная Георгіевскимъ крестомъ, широкія плечи и мускулистыя руки доказывали крѣпость сложенія и ручались за избытокъ физическихъ силъ; черные тонкіе усы завивались въ кольца; изъ за ушей висѣли локоны черныхъ волосъ и падали на шею. Маленькій папахъ на головѣ его очень ловко склонялся на правое ухо; пунцоваго цвѣта архалукъ крѣпко стягивалъ стройный его станъ; чоха коричневаго цвѣта была накинута сверху—и длинные рукава ея живописно заброшены за спину; шаровары на немъ были изъ шелковой матеріи, аладжа, зеленаго цвѣта, и грузинскіе сапоги съ кожаными наговицами (острыми носками, загнутыми кверху) заключали нарядъ его.

За ними стоялъ вѣрный пукеръ князя Омарджидзе, старый Зурабъ, статный и здоровый мужчина, на лицѣ имѣвшій шрамъ сабельнаго удара, на груди солдатскій Георгіевскій крестъ. Поддесятка чепархановъ или челядинцевъ, босые въ запачканныхъ архалукахъ, неловко суетились вокругъ господъ; одни приносили подносики, мѣдныя луженныя блюда съ явствами, другіе—мѣдныя кувшины съ виномъ.

Обѣдъ состоялъ изъ множества блюдъ. *Бозбаснъ*, или супъ изъ курицы или баранины, съ разными травами и кореньями, имѣющій вкусъ кисловатый; *чихитма*, соусъ, фаршъ изъ курицы завернутой въ виноградныя листья, обжаренные въ маслѣ и *алеа*, облитые кислымъ соусомъ; *пловъ* съ фазанами; *шашлыкъ*, куски баранины, жаренной на вертелѣ, обсыпанные порошкомъ называемымъ *тутуба*, имѣющимъ остроту, во вкусѣ нѣсколько кисловатомъ; множество тарелокъ съ разными свѣжими травами, сыромъ, балыкомъ, икрой и копченой шмаей; нѣсколько пирожныхъ; десертъ состоялъ изъ грушъ, называемыхъ *гуляби*, огромныхъ и чрезвычайно сочныхъ, *инжиро* или свѣжихъ фигъ, *кишмиша*, мелкаго винограда розоваго цвѣта, прозрачнаго, тонкокожаго и необыкновенно сладкаго, и множества другихъ фруктовъ.

Противъ каждой особы положенъ былъ *левашиз*, тонко раскатанный изъ тѣста, испеченный блинъ, объ который обыкновенно за обѣдомъ вытирали руки, въ видѣ салфетки *). Зурабъ подносилъ безпрестанно вино въ деревянномъ сосудѣ, называемомъ *кула*—родъ бутылки, у которой дно круглое, такъ что поставить ее нельзя: надо непремѣнно опорожнить. Она дѣлается изъ корня весьма крѣпкаго дерева, называемаго *чандаръ*; когда же изъ нея пить, то вино, проходя чрезъ длинное и узкое ея горло, производитъ журчанье, навводящее дремоту. Обѣдъ былъ, въ восточномъ вкусѣ, гастрономическій, вино отличное, гость и хозяйка были очень веселы. Князь Бурдюкадзе не разъ принимался выхвалять красоту Майко и предлагалъ пить за ея здоровье. Поодаль играла грузинская музыка: «*зурна*», уродливыя трубы и про-

чіе инструменты, невыносимые для образованнаго уха. Слѣпной пѣвецъ, сопровождая себя балалайкой, пѣлъ разныя пѣсни и баллады, и наконецъ импровизировалъ стихи въ честь Майко и ея жениха.

Старика князя, лѣтъ за десять еще назадъ, дали другъ другу слово соединить дѣтей своихъ узами брака, когда они придутъ въ совершенный возрастъ.

У князя Бурдюкадзе былъ сынъ въ Петербургѣ; онъ служилъ въ гвардіи, въ Польшѣ на штурмѣ Варшавы былъ раненъ, но его ожидали домой; то былъ нареченный женихъ Майко.

— А вѣдъ я никогда не видалъ, какъ пляшетъ моя будущая невѣстка, сказалъ князь Бурдюкадзе.—Княгиня, позвольте ей протанцовать—лезгинку.

Княгиня изъявила свое согласіе, но Майко не хотѣла—и только послѣ настоятельнаго требованія отца она встала, взяла тамбуринъ и пошла плясать лезгинку. Сначала ноги ея едва скользили по ковру; казалось, ни одинъ членъ ея тѣла не былъ въ движеніи: она тихо и плавно, какъ лебедь, плыла, или какъ тѣнь неслась мимо зрителей; но вдругъ какъ будто ее укусило какое-то насѣкомое, какъ будто демонъ овладѣлъ ею, — она закружилась и понеслась какъ вихрь, глаза горѣли, лицо пылало, грудь подымалась бурно, и тамбуринъ дрожалъ въ рукахъ. Раздались громкія рукоплесканія; имя Майко, съ выраженіями восторга, потрясло воздухъ; сосуды наполнились виномъ; всѣ обнимались, всѣ чокались, всѣ пили за ея здоровье... Братъ подаль ей руку, сказавъ: довольно; она опустила тамбуринъ и сдѣлала низкій поклонъ, но она была до того хороша, что няня ея, Марта, не выдержала, прижала ее къ груди своей и осыпала поцѣлуями,—и какъ старики уже порядочно понагрузились и разговоръ становился свободнымъ, княгиня съ Майко отправились въ домъ.

Подали турьи рога, въ которые входила въ каждый бутылка вина—и старики продолжали осушать ихъ. Вечеръ засталъ пирующихъ на томъ-же мѣстѣ. Стемнѣло, но погода была прекрасная; подали свѣчи и зажгли поодаль лагуны. Въ Грузіи бываютъ такіе вечера, что воздухъ дѣлается какъ-бы неподвиженъ, тишина совершенная, листья на деревьяхъ не шевелятся, трава не колыхается, вода на озерѣ—какъ-будто застыла, какъ чистое и прозрачное стекло; ни одна струя не пробѣгала по немъ—и какъ въ зеркалѣ отражалась живописная мѣстность и озаренная огнями усадьба.

Зажженные свѣчи горѣли тихо, какъ въ комнатѣ, огонь на нихъ не колыхался.

— Ну, братъ дружище, говорилъ князь Бурдюкадзе, обнимая стараго князя Омарджидзе и опрокидывая на голову осушенный имъ турій рогъ, — спасибо, угостилъ ты меня, такое винцо, какого давно не пивалъ. Зурна! играй лезгинку, хочу самъ показать... Онъ тяжело поднялся на четвереньки, но грузъ тѣла пересилилъ волю—и онъ упалъ ничкомъ на коверъ. Чепарханы подняли его и усадили опять на мѣсто.

— Полно, братъ, сказалъ князь Омарджидзе усмѣхаясь, —ужъ попляшемъ, Богъ дастъ, на свадьбѣ Майко съ Дмитриемъ; у меня есть кувшинъ—ей ровесникъ, такъ и назначенъ быть открытымъ въ день ея свадьбы. Чрезъ мѣсяцъ ей будетъ ровно шестнадцать лѣтъ; настоящіе годы, хотя правда моея Тamarъ было четырнадцать, когда я на ней женился, да нынче какъ-то народъ обмѣлѣлъ, не то что было въ наше время.

— Учене ихъ сокрупааетъ, прервалъ князь Бурдюкадзе, — какъ засядетъ за указку, такъ и ростъ остановится, такіе станутъ худые, да блѣдные; а какъ прежде-то, по нашему: пилось бы, да вѣлось, а дѣльце-бы на умъ не шло,—такъ дѣвка-то и добрѣла. Да что объ этомъ говорить! Дмитрій мой пишетъ, что здоровье его поправляется и что скоро пріѣдетъ въ отпускъ... А славная ихъ будетъ пара, вѣдъ онъ у меня молодецъ, весь въ меня, не великъ да широкъ.

Вдругъ старый Зурабъ подошелъ къ своему господину, сталъ на колѣна и торопливо заговорилъ ему что-то на ухо.

Князь выслушалъ съ видимымъ волненіемъ, лицо его

*) Очень забавно одинъ путешественникъ французъ написалъ въ своихъ запискахъ: «Грузины, говорятъ онъ,—послѣ обѣда съѣли салфетки, объ которыя вытирали руки».

Борьба за Неву. IV. Лапландский походъ на лыжахъ въ 1490 году. Рис. Н. Карзинъ, грав. Ольшевскій.

омрачилось, онъ грозно расправилъ усы свои и закричалъ: «дружины, живѣй! кто можетъ на коня и собираться за озеромъ у плотины.» Какъ юноша рванулся онъ съ мѣста, но зашатался, и ухватясь за стволъ чинары, онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на разбитые параличомъ свои члены—и тихо простонавъ, снова опустился на коверъ; слезы навернулись на глазахъ его—и онъ съ грустью сказалъ:

— Иди, ты, Ираклій, милый сынъ, спасай родину; Лезгини подошли къ Алазанѣ *).

Блѣдное лицо молодого князя мгновенно покрылось яркимъ румянцемъ. Онъ проворно пошелъ съ дому, гдѣ понемногу поднималась общая суматоха.

Вскорѣ по двору забѣгали вооруженные люди, ведя подъ уздцы осѣдланыхъ лошадей. Князь Ираклій наскоро переодѣлся въ свѣтло-зеленаго цвѣта суконную чоху, обложенную серебрянымъ позументомъ, на поясѣ у него висѣлъ широкий дагестанскій кинжалъ и турецкій пистолеть съ серебряной отдѣлкой—на красномъ шнуркѣ за поясомъ, чрезъ плечо на ремнѣ шашка и ружье чрезъ другое. Между тѣмъ собралась дружина вооруженныхъ грузинъ, частію пѣшихъ, частію конныхъ; всѣ они были преданы князю Ираклію, всѣ охотно шли на защиту своихъ семействъ и жилищъ, всѣ молча и тихо встали на колѣна съ открытыми головами. Старый князь Омарджидзе, какъ патриархъ посреди ихъ, поднялъ глаза къ небу, сотворилъ молитву и благословилъ ихъ на брань, сказавъ: «помните, что отъ васъ зависитъ участь семействъ вашихъ». Обнявъ князя Ираклія, крѣпко прижалъ его къ своей груди, долго сжималъ его въ своихъ объятіяхъ—и слезы тихо катились изъ глазъ старика на длинные усы. Князь Ираклій, прощаясь съ отцомъ, былъ тоже грустенъ. Никогда прежде, отправляя сына въ походъ, князь Георгій не плакалъ. На этотъ разъ онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Богъ да поможетъ тебѣ прогнать эту сволочь, говорилъ старый князь, благословляя сына. Съ усиленіемъ и съ тоскливымъ чувствомъ вырвался князь Ираклій изъ объятій отца. Ему подвели походную лошадь; то былъ гнѣдой меренъ, кабардинской породы, который отличался необыкновенно-покойнымъ шагомъ, что называется ходой, и большой силой. Князь проворно вскочилъ на сѣдло.

— Съ Богомъ, впередъ!.. громко крикнулъ онъ—и дружина молча, перекрестясь, покрытая мракомъ ночи, отправилась въ путь.

Князь Ираклій, поручикъ *** гренадерскаго полка, въ турецкую компанію 28 года сдѣлалъ себѣ репутацію храбраго офицера. Онъ былъ всегда въ охотникахъ на штурмахъ. Въ обыденной жизни онъ былъ чрезвычайно сдержанъ, такъ что можно было подозрѣвать въ немъ характеръ холодный, апатичный,—но какъ только раздавался выстрѣлъ, или тревога, онъ оживлялся мгновенно и бросался на встрѣчу опасности. Подъ наружной оболочкой хладнокровія, онъ таилъ характеръ пылкій, даже до запальчивости. Товарищи даже и въ шуткахъ съ нимъ были чрезвычайно осторожны. Въ бивачныхъ оргіяхъ его никто никогда не видалъ пьянымъ. Образование его было весьма посредственное, тактическихъ свѣденій въ военномъ дѣлѣ онъ не имѣлъ, но какъ дилетантъ любилъ военное ремесло. Отдѣльныхъ командировокъ ему въ полку не давали, но когда надо было идти впередъ, посылали его—и онъ уже не оглядывался назадъ.—Еще въ дѣтствѣ онъ любилъ играть опасностью, что заставляло всегда страшиться за него мать—княгиню Тамару, которая любила его безъ памяти. Отецъ-же его князь Георгій, напротивъ, любовался смѣлостью сына. Когда онъ джигитовалъ на конѣ, то маленькаго Ираклія сажалъ себѣ на шею и мчался съ нимъ въ карьеръ; будучи отличнымъ стрѣлкомъ, онъ спихивалъ стрѣлой, или пробивалъ пулей изъ пистолета папахъ на головѣ сына. Мать уходила въ свою комнату отъ этого зрѣлища, молилась Богу и плакала. Десяти лѣтъ князь Ираклій былъ уже такъ развитъ физически, что

ему можно было дать пятнадцать. Онъ смѣло бѣдилъ верхомъ на лошади и стрѣлялъ съ присоска изъ ружья. Однажды, играя съ деревенскими мальчиками, онъ пустилъ въ одного изъ нихъ камушкомъ изъ лука—и такъ несчастливо, что выбилъ ребенку глазъ. Но и тутъ Ираклій не сконфузился, не заплакалъ, не испугался, а только сталъ очень серіозенъ и печаленъ, выпросилъ у отца позволеніе похѣстить раненаго въ своей комнатѣ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, а когда мальчикъ выздоровѣлъ, онъ съ нимъ не разлучался—и кривой Якубъ, это было имя его, сдѣлался въ послѣдствіи вѣрнымъ нукеромъ князя Ираклія. На этотъ разъ князь шелъ навстрѣчу непріятеля какъ-то не охотно. Ему самому казалось это страннымъ; онъ ѣхалъ медленно, опустивъ поводья лошади и понуривъ голову на грудь.—Въ первый разъ ему стало жаль отца и мать, и сестру, и старую няню, и Зураба, и старый домъ, и садъ. Онъ невольно переносился воспоминаньемъ въ дѣтство...

Князь Бурдюкадзе часа черезъ два лишь по выступленіи отряда проснулся отъ тяжелаго сна, протирая глаза руками и не вѣривъ ушамъ своимъ, слушая рассказъ о набѣгѣ. Но на этотъ разъ всталъ на ноги; и покачиваясь ворчалъ сквозь зубы: «Опять видно забушевали! и какъ на бѣду—ни одного Русскаго отряда по близости: всѣ на турецкой границѣ;—дай-ка братъ князь мнѣ провожатыхъ; со мной моихъ только двое, теперь съ малымъ конвоемъ неловко. Я поѣду домой, надо приготовиться принять незваныхъ гостей.

— Не безпокойся, отвѣчалъ князь Омарджидзе, — я тебѣ ручаюсь, что мой Ираклій ихъ далеко не пропуститъ, если только будетъ живъ, а впрочемъ воля Божія. Но во всякомъ случаѣ они далеко забираться не стануть; я чувствую, что это на меня идутъ съ кровомщеніемъ... Лѣтъ восемь тому назадъ, помнишь, какъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ послалъ меня наказать бунтовавшихъ бѣлоканцевъ—и я съ помощію Божіею ихъ укротилъ, а главное-то убилъ Кара-Оглы ихъ предводителя...

— Да, какъ-же помню, помню! отвѣчалъ князь Бурдюкадзе;—у меня тогда жена была на сносяхъ—и я не могъ участвовать въ походѣ.

— Ну вотъ, родственники Кара-Оглы, продолжалъ князь Омарджидзе,—слышно было, и поклялись отомстить мнѣ. Да, пойдемъ-ка въ комнату, я чувствую, что мнѣ не заснуть въ ожиданіи извѣстія объ Иракліѣ; я расскажу тебѣ объ моемъ походѣ въ Бѣлоканы, оно сократитъ время, а между тѣмъ надо посмотреть что дѣлаетъ княгиня. Хотя я и приказалъ Зурабу, чтобы ей ничего не говорили, однако какъ-бы тамъ не проболтались, это можетъ ее растревожить. Друзья отправившись въ домъ, князь Бурдюкадзе поддерживалъ князя Омарджидзе, они вошли чрезъ крытую террасу въ большую залу. Въ огромномъ каминѣ пылалъ возъ хворосту и огонь своимъ освѣщалъ мрачную комнату, вокругъ которой вдоль стѣны стояли широкіе низенькіе диваны, покрытые турецкими коврами; на нихъ лежали круглыя подушки. Князь Омарджидзе, опираясь на костыли, побрѣлъ въ женскую половину, и нашелъ княгиню уже спящую; Майко въ своей комнатѣ молилась съ Мартой, которая не утерпѣла, чтобы не рассказать ей о появленіи Лезгинъ и о походѣ молодого князя; нѣсколько женщинъ, сидя въ кружкѣ на полу, въ дѣвичьей комнатѣ, поджавши ноги подъ себя, робко перешептывались. Когда князь возвратился въ залу, онъ нашелъ своего друга развалившимся на коврѣ у камина и бросавшаго въ него каштаны, которые жарились и лопали, а онъ ихъ доставалъ изъ огня желѣзными щипцами и ѣлъ. Князь Омарджидзе устлалъ возлѣ него, сказавъ: «какая темная ночь, какая тишина въ воздухѣ, ни звука въ окрестности! Грустно мнѣ что-то, какъ будто предчувствіе чего-то не добраго. Что-то мой Ираклій? Господи, сохрани его!.. и слезы навернулись на глазахъ старика.—Давай запомнимъ горе и каштаны кахетинскимъ!

Зурабъ подалъ имъ, уже знакомыя намъ, кулы съ виномъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Рѣка.

БОРЬБА ЗА МЕВУ.

IV. XV вѣкъ. Лапландскій походъ на лыжахъ въ 1496 году.

(Продолженіе.)

Иоаннъ III, лишивъ народное правительство самосуа и независимаго управленія, сталъ такимъ образомъ въ роль непосредственнаго мстителя за отчину Святой Софіи, относительно всѣхъ ея бывшихъ враговъ. Шведы, какъ ближайшіе сосѣди наши по Финляндіи, сперва получили, со стороны московскаго владѣтеля, сдѣлавшагося de facto обладателемъ всей Россіи, подтвержденіе договора въ 1482 году. Но спустя семь лѣтъ послѣдовало заключеніе шведскимъ правительствомъ союза съ Орденомъ противъ Россіи: Иоаннъ же III принялъ дѣятельное участіе въ охраненіи интересовъ датскаго дома, дѣла котораго въ Швеціи были въ положеніи полной безнадежности.

Поводомъ къ открытой брани со стороны Россіи было предъявленіе требованія Иоанномъ на рыбныя ловли на озерѣ Улу, по Ореховецкому трактату предоставленныя пополамъ съ финнами, тогда какъ съ теченіемъ времени условіе это забылось, а шведскіе подданные, привыкнувъ къ мысли объ одиночномъ владѣніи озерными ловлями, не пускали болѣе русскихъ въ свои воды. Жалобы недопускаемыхъ, неуважаема мѣстною администраціею, вызвали со стороны Россіи извѣстную экспедицію въ Остерь-Ботнию.

Такъ по крайней мѣрѣ должны мы считать, неупомянутый нашими лѣтописями, а извѣстный только изъ финской исторіи, наездъ русскихъ на кирхшпили Кэми, Йію и Лиминга въ 1490 году. Результаты для Лапландцевъ отъ этого постоженія русскихъ были должно быть не такъ чувствительны, чтобы они прекратили отъ того свои коварныя избиенія одиночныхъ промышленниковъ на звѣря, заходящихъ туда изъ двинскаго края. Продолженіе же этихъ побіеній вызвало, пять лѣтъ спустя, грозное истребленіе всей шведской Лапландіи, о чемъ мы поговоримъ далѣе. Не одинъ договоръ дружества съ королемъ Иоанномъ принудилъ Иоанна нашего къ нешуточной войнѣ съ шведами, — какъ силились представить шведскіе историки. А потомъ явились враждебности со стороны правителя Швеціи, Стена Стуре, — разрушившаго, построенный Иоанномъ III противъ Нарвы на скалѣ, надъ Нарвою, замокъ Иванъ-городъ, — и вызвали походы русскихъ въ Финляндію, долго тамъ памятные, по грознымъ разгромамъ.

Въ Воскресенской лѣтописи, очень подробно трактующей событія времени Иоанна III, разсказаны подъ 7004-мъ лѣтомъ отъ созданія міра — двѣ экспедиціи наши въ Финляндію: одна подъ Выборгъ, другая на сѣверъ.

Если-бы изъ финляндской исторіи не узнали мы положительно, что Выборгскій походъ былъ еще осенью 1495 года, то и тогда не могло не быть въ этомъ увѣренности. Лѣтописецъ, описавъ этотъ походъ, уже разсказываетъ прибытіе самаго Иоанна въ Новгородъ, осенью же (окт. — ноябрь мѣс.). А далѣе, при повѣствованіи объ отправленіи экспедиціи на сѣверъ, эта посылка въ томъ же году (начавшемся съ сентября 1495 г.) названа второю; послѣдовала же она въ январѣ 1496 года. Всякія сомнѣнія впрочемъ разрѣшаетъ разсказъ историка Финляндіи Ирью Коскинена.

Онъ говоритъ, что весною еще 1495 года въ Финляндіи сдѣлались извѣстными завоевательные планы Иоанна. Епископъ Абовскій Магнусъ послѣдшилъ со своими людьми явиться на границѣ, думая, что силы противника будутъ такъ же недостаточны, какъ бывало прежде, и что ему можно будетъ бороться съ ними. На этотъ разъ прелать жестоко ошибся. Въ праздникъ Воздвиженія Креста,

князь Даниилъ Васильевичъ Щеня приблизился къ Выборгу съ десятками тысячъ русскихъ. Еще черезъ недѣлю громадныя массы нашихъ воиновъ разбились станъ на западъ отъ Выборгскаго замка, гдѣ начальствовалъ храбрый Кнутъ Поссе, съ достойными земскими предводителями (магманами) Генрихомъ Вицъ, Клаусомъ Горнъ, Тенне Тоттомъ и Магнусомъ Фрилле. Послѣли помощи; укрѣпили берега Кюмени — чтобы не пустить русскихъ далѣе на западъ. Епископъ Магнусъ возвратился въ Або и вооружилъ поголовно всѣхъ жителей. Ополченіе финляндское сформировалось такъ скоро, что въ концѣ октября уже двинулось отъ Або на выручку Выборга, передъ которымъ русскіе шанцы уже начали дѣйствіе по замку, съ востока. Изъ громадныхъ пищалей (въ 24 фута длиною) русскіе били крѣпкія стѣны Торкелева сооруженія, истребивъ огнемъ, все что могло горѣть. Штурмъ съ востока однако выдержали защитники Выборга мужественно. Башни при дальнѣйшемъ дѣйствіи стѣнобитныхъ орудій дали трещины и грозили разрушеніемъ, но Поссе не думалъ о сдачѣ. Ноября 30 съ наступленіемъ страшныхъ холодовъ, русскіе воеводы повели вторично на штурмъ свои дружины и ратники уже входили на стѣны, когда стчаянный Поссе подорвалъ подкопъ — и часть стѣны взлетѣла на воздухъ съ штурмующими, произведя панику. Русскіе отступили, а 15 декабря и совѣмъ сняли осаду Выборга. Подъ нимъ палъ нашъ воевода Суббота Андреевичъ Плещеевъ. Во время осады, Стуре успѣлъ переправить на Аландскіе острова, и черезъ нихъ, въ Финляндію, 500 человекъ — жившихся для занятія зимнихъ квартиръ около Або, къ Рождеству. Съ начала 1496 года военныя дѣйствія наши между тѣмъ возобновились. Полки наши, обойдя Выборгъ, нестрашный уже въ такомъ положеніи, направились назадъ. При Оловсборгѣ попались нашимъ 70 человекъ конниковъ Стуре, неостановившихъ грозныхъ истребителей. Теперешняя Тавастгустская губернія (Гемская земля) представляла уже къ половинѣ февраля груды развалинъ и русскіе были въ двухъ дняхъ пути отъ Або. Путь нашихъ полчищъ оставалъ за собою линію разрушенія на восемьдесятъ миль. Марта 6-го воротились, наконецъ, въ Новгородъ исполнители гнѣва Иоанна.

Но въ то время когда огонь и мечъ истреблялъ все на южномъ финскомъ приморьѣ, съ востока на сѣверъ шли новыя партіи разрушителей. Князья Петръ и Иванъ Федоровичи Ушатые съ дружинами Устюжанъ, Двинянъ, Онежанъ и Вожанъ, направлены волею Иоанна на становища враждебныхъ Лапландцевъ, между рѣками Кеми и Торнео. Дойдя до конца Ботническаго залива, воеводы попалили только погостъ Лиминга (близъ нынѣшняго Улеборга) принявшій на подданство Россіи присягу. Прочія племена и погосты всѣ были разрушены и бродячіе инородцы со своими стадами оленей перегнаны за Двину въ Большеземельскую тундру. Такъ что за лѣтнемъ шведскихъ колонистовъ, поселенныхъ въ этихъ мѣстахъ, и уводомъ Лоарей въ наши предѣлы, сѣверъ Финляндіи надолго обезлюдилъ. Да и вся Финляндія не скоро поправилась послѣ похода воеводъ Иоанна III. Между тѣмъ положеніе правителя ухудшилось отъ этихъ обстоятельствъ. Швеція покорилась датскому королю — и за разрушеніемъ Иванъ-города, шведамъ пришлось у Россіи просить мира на шесть лѣтъ, подписаннаго въ Мартѣ 1497 г., въ Новѣ-городѣ, съ подтвержденіемъ нашихъ старыхъ граней.

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

(Продолженіе.)

Тогда только разъяснилось въ чемъ дѣло, открылась причина, почему могъ такъ опоздать отрядъ.

Лишь только пришелъ въ Джары второй эскадронъ, начальникъ нашего отряда послалъ Карелину приказаніе остановиться. Такъ какъ посланный казакъ еще не возвращался, то Ильченко думалъ, что его приказаніе уже исполнено, а казакъ остался въ авангардѣ. Простоявъ въ Джарахъ съ полчаса, отрядъ тронулся шагомъ въ путь, ни какъ не предполагая, чтобы авангардъ могъ такъ далеко уйдти отъ главныхъ силъ. Верстахъ въ трехъ найденъ былъ на дорогѣ распростертыи казакъ, тотъ самый который былъ посланъ въ авангардъ; онъ былъ убитъ тѣмъ выстрѣломъ, который слы-

шалъ Карелинъ у себя въ тылу, — вѣроятно какой нибудь отставшій повстанецъ свалилъ изъ-за куста проѣзжавшаго мимо Донца. Вотъ почему авангардъ, не зная ничего объ остановкѣ отряда, зашелъ такъ далеко впередъ — и навѣрное погибъ-бы, ежелибы его не выручилъ прискакавшій сломя голову второй эскадронъ.

О положеніи Карелина отрядъ узналъ отъ прискакавшихъ авангардныхъ казаковъ; тотчасъ-же второй эскадронъ понесся на выручку товарищей, между тѣмъ какъ пѣхота, сбросивъ ранцы, пошла бѣгомъ къ мѣсту авангардной схватки.

Возобновлять нападеніе мы не рѣшились до прибытія отставшихъ верстъ на пять пѣхотинцевъ — и ограничиваясь на-

блюденіемъ за отступавшими поляками, мы, въ ожиданіи отряда, шагомъ проваживали нашихъ запотѣвшихъ отъ скачки лошадей.

По просѣкѣ кой-гдѣ валялись синіе трупы польскихъ уланъ. Мѣстами виднѣлись и наши сѣрые шинели. Раненныя лошади сидились вскочить на ноги—и съ храпомъ снова падали въ грязь. Казаки подняли нѣсколько раненныхъ уланъ и принесли ихъ къ намъ; такъ какъ они могли еще говорить, то мы, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, узнали, что въ бандѣ было до трехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до восьми сотъ кавалеристовъ, и что всею бандою командовалъ графъ Скомаровскій, а частями — Дядушицкій, Крукъ, Рошбрюнъ и Обертинскій съ сыновьями. Значить, передъ нами была вся галицкая организація.

Минуть черезъ десять подошелъ отрядъ; распросы прекратились,—и мы, передавъ раненныхъ на попеченіе ротныхъ фельдшеровъ, продолжали преслѣдованіе до Арсеньевского поста, на полу-пути къ Самоволью.

Здѣсь дорога раздѣлялась на двое: одна вѣтъ шла прямо по границѣ, а другая поворачивала нѣсколько влѣво и шла самовольскимъ лѣсомъ на Порицкъ. Слѣдъ банды въ этомъ пунктѣ тоже раздѣлялся на двое; а такъ какъ, по малочисленности нашего отряда, мы не могли преслѣдовать ее по обѣимъ дорогамъ, то и рѣшили продолжать идти къ Самоволью, зная, что чѣмъ дальше поляки будутъ отходить отъ границы, тѣмъ удобнѣе будетъ не допустить ихъ къ обратному переходу въ Галицію.

Оставивъ пѣхотныя роты, оба эскадрона снова пошли на рысяхъ. Мы рассчитывали нагнать поляковъ на самовольскомъ полѣ, гдѣ намъ было-бы очень удобно помѣряться силами съ пестрыми сотнями уланъ.

Скоро показалось и Самоволье. У околицы деревни толпились крестьяне; они издали махали намъ своими круглыми соломенными шляпами, показывая ими по направленію на Порицкъ. Вотъ изъ толпы отдѣлилось нѣсколько всадниковъ и поскакали къ намъ; это была подвижная стража*). Каждый стражникъ былъ вооруженъ пикой, на простомъ некрашеномъ древкѣ, а вмѣсто сѣдла служили имъ мѣшки, набитые сѣномъ; они же замѣняли своимъ хозяевамъ и походные фуражные магазины.

У одного изъ стражниковъ висѣло за плечами старое солдатское ружье; это былъ десятникъ. Трушкомъ подскакали они къ намъ на своихъ маленькихъ туземныхъ лошадакахъ, и всѣ разомъ отпортовали маіору Ильченко, что поляки не заходили къ нимъ въ деревню а поворачивали налѣво къ Порицку. Затѣмъ десятникъ объявилъ, что всѣ стражники уже собрались и «всѣмъ войскомъ» ждутъ маіорскаго приказанія: присоединиться-ли имъ къ казакамъ, или идти вмѣстѣ съ драгунами.

Мы невольно улыбались, глядя на эти маленькія, почти безоружныя фигуры; какъ хороши и оригинальны казались они намъ съ своею готовностью биться за дѣло, правоту котораго они ясно сознавали! Не разъ еще послѣ этого при-

*) Едва только вспыхнуло возстаніе и ясно выразилось полное къ нему нерасположеніе народа, какъ тотчасъ-же во всѣхъ западныхъ губерніяхъ была сформирована изъ крестьянъ подвижная стража. Ея обязанность заключалась въ наблюденіи за проѣзжими дорогами и сельскими заставами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было расположено войско. Впрочемъ, очень часто стражники присоединялись, конечно по своей собственной волѣ, къ казачьимъ и драгунскимъ разъѣздамъ; а такъ какъ они были очень хорошо знакомы съ окрестною мѣстностью, то своимъ присутствіемъ приносили этимъ разъѣздамъ очевидную пользу. Они также собирали и доставляли начальникамъ отрядовъ различныя свѣдѣнія, оказывавшіяся, большею частью, вѣрными; перевозили пакеты изъ одного отряда въ другой, короче: были для насъ одними изъ самыхъ вѣрныхъ и полезныхъ товарищей въ нашей боевой жизни. Въ случаѣ надобности, они собирались въ большія массы, человѣкъ по триста и болѣе, и, не смотря на свое крайне плохое вооруженіе, были страшны повстанцамъ своею природною ненавистью ко всему польскому. Бывали случаи, что они обходились и безъ помощи войскъ; такъ напримѣръ, подъ селеніемъ Тараца въ Киевской губерніи, польская партія, вышедшая изъ Кіева, была почти уничтожена одними стражниками.

ходилось намъ искренно удивляться смѣлости и самоотверженію этихъ темныхъ героевъ народнаго дѣла...

Всѣхъ стражниковъ собралось около нашего отряда до пятидесяти человѣкъ, которыхъ Ильченко и поручилъ одному изъ Мацневыхъ.

Надо было спѣшить къ Порицку—и мы, обогнувъ Самоволье, пошли по направленію виднѣвшихся на горизонтѣ верхушекъ уже знакомаго намъ костела. Дорога шла извиваясь между болотами; мѣстами она была такъ узка, что приходилось проходить справа рядами—и это значительно затрудняло движеніе нашихъ эскадроновъ. Наконецъ, выбравшись къ Порицкимъ полямъ, мы поднялись на небольшой пригорокъ, и съ него увидѣли, верстахъ въ двухъ впереди, хвостъ неприятельской колонны, вступающей въ порицкія заставы. Мы опоздали.

Вдругъ между драгунами поднялась суматоха, раздались голоса: «глядите, уходятъ! вонъ они! ишь какъ удираютъ!» Мы посмотрѣли налѣво и увидѣли, далеко подъ самымъ лѣсомъ, небольшую грушу всадниковъ. Они быстро мчались къ Порицку; флюгера на пикахъ мелькали издали красными точками. Вѣроятно это былъ конный пикетъ, который сторожилъ у выхода изъ лѣсу нашъ отрядъ, рассчитывая, что мы пойдемъ за бандой прямо съ Арсеньевского поста на Порицкъ.

Разстояніе, отдѣлявшее скачущихъ поляковъ отъ Порицка, было не менѣе того, какое отдѣляло насъ отъ этого мѣстечка. Повстанцевъ можно было отрѣзать и захватить живьемъ, ежели они сдадутся. Тотчасъ же трубачамъ велѣно было сыграть сигналъ «фланкеры»; послышались звонкіе перекаты трубъ, и изъ-за фронта эскадроновъ, съ гикомъ вылетѣли наѣзники и понеслись на-перерѣзъ уланскому пикету. Эскадроны, развернувшись, пошли на рысяхъ за ними.

Тамъ гдѣ арсеньевская дорога выходитъ на иваничевскую, по которой мы вчера шли къ Заболотцамъ, стоялъ высокой католическій крестъ; рѣзкимъ контуромъ рисовался онъ издали на сѣромъ дождливомъ небѣ;—казалось, что онъ-то именно и служилъ цѣлью скачки поляковъ и драгунъ. Къ нему неслись, по арсеньевской дорогѣ, польскіе уланы, зная, что доскакавъ до него, имъ уже легко будетъ вскочить въ заставу мѣстечка, мимо Порицкаго кладбища. Къ нему же, по лѣву, какъ спущенные со своръ борзья, прыгая черезъ межи и рытвины, мчались наши наѣзники. Разстояніе между тѣми и другими, съ каждымъ скачкомъ коней, становилось все менѣе и менѣе; уже они могли различать лица другъ у друга. Вотъ около одного изъ уланъ мелькнулъ дымокъ, раздался легкій звукъ револьвернаго выстрѣла—еще и еще... Но молча скакали драгуны, пригнувшись къ шеямъ лошадей, и опустивъ внизъ свои шапки...

Въ эту минуту мы замѣтили выѣзжавшія изъ-за кладбищенской изгороди стройныя массы польскихъ кавалеристовъ; казалось, что они хотѣли спасти своихъ собратьевъ отъ неизбежной гибели. Рысью развернулись они поперекъ дороги, тронулись немного впередъ, и стали, не дойдя шаговъ двухъ сотъ до креста. Ясно было, что они боялись нашихъ эскадроновъ; и дѣйствительно, если бы они только бросились на наѣзниковъ, имъ тотчасъ же пришлось-бы испытать всю тяжесть фланговой кавалерійской атаки. Передъ польскимъ фронтомъ сновали отдѣльные всадники; вѣроятно, кто нибудь изъ начальниковъ банды. Они видимо сдерживали желаніе массы броситься впередъ, и безпрестанно указывали концами своихъ палашей въ нашу сторону.

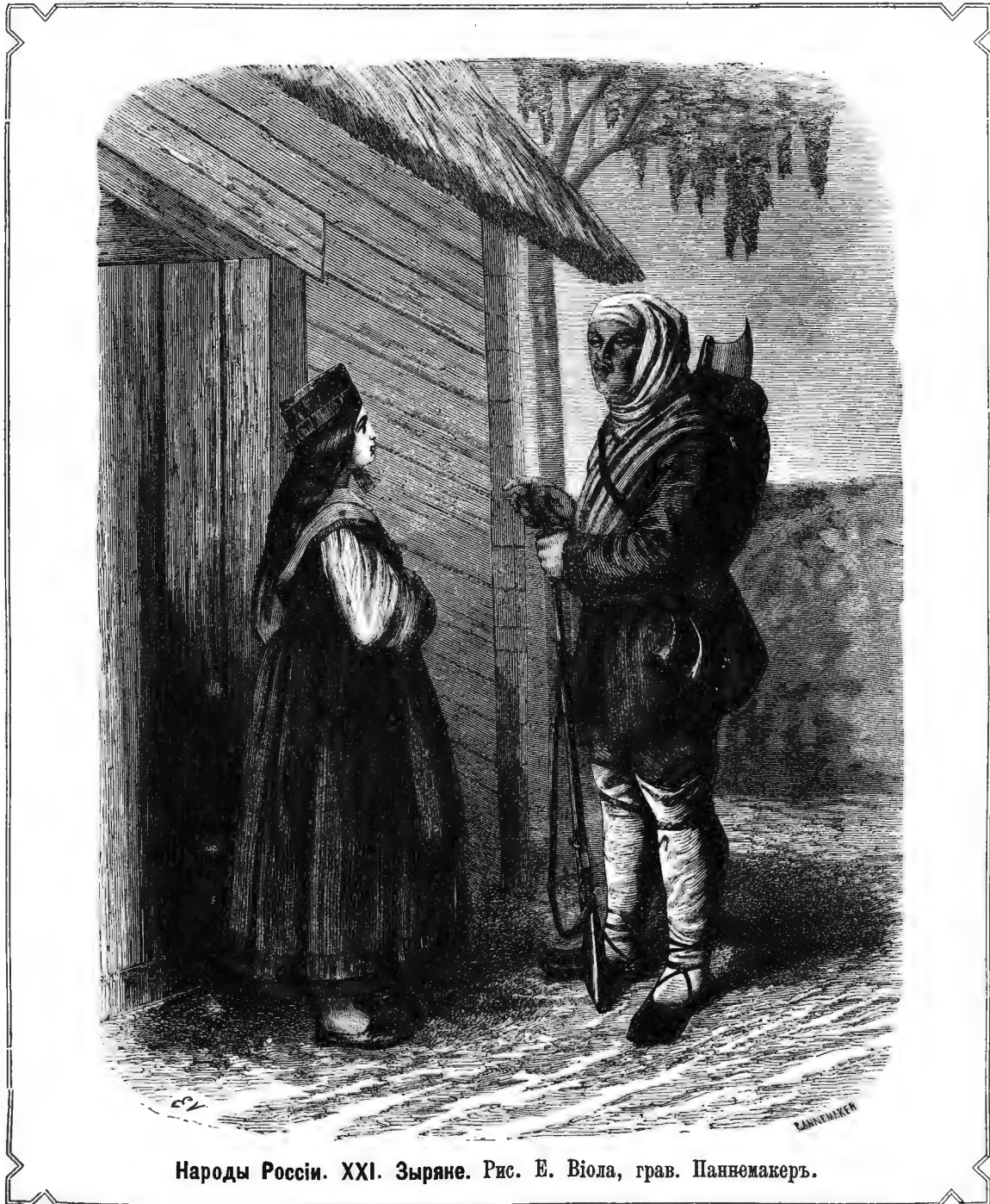
А между тѣмъ наѣзники одинъ за другимъ перескакивали дорожную канаву. Въ воздухѣ заблестали шашечные клинки, и черезъ нѣсколько секундъ, польскіе уланы валялись по дорогѣ, съ окровавленными, разрубленными на двое лицами.

Здѣсь только мы могли замѣтить, до какой страшной степени доходить озлобленіе солдатъ при звукѣ пролетающихъ мимо ушей пуль и при видѣ живой людской крови. Широко раскрывъ глаза, почти задыхаясь отъ волненія, они, съ какою-то нечеловѣческимъ крикомъ, кидались на противниковъ, вовсе не сознавая опасности. Плѣвъ въ эту минуту немислимъ; результатомъ спибки можетъ быть только смерть кого нибудь изъ двухъ; развѣ какое нибудь чудо

спасеть неустояшаго въ одиночной рубкѣ. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдились, глядя на молодецкое дѣло нашихъ наѣзтниковъ. И теперь еще не возможно забыть очевидцу двухъ эпизодовъ, выдѣлившись какъ-то изъ общей схватки. Почти впереди всѣхъ скакалъ молодой бѣлокурый уланъ; онъ не выдержалъ вида двухъ налетѣвшихъ на него драгунъ, и быстро пригнулся къ шеѣ коня, скрестивъ на головѣ свои руки; въ ту же секунду мы услышали страшный, раздирающій душу вопль: «pardon, pardon!» Оба Мацневы бросились

быль Обертынской, одинъ изъ организаторовъ галиційскаго возстанія.

Покончивъ свое дѣло, наѣзники рысью отходили, по одиночкѣ, къ нашему фронту. Сзади всѣхъ, далеко отставши отъ товарищей, тащился пѣшкомъ высокій, широкоплечій драгунъ; онъ велъ за поводъ своего сильно хромавшаго коня. Вотъ отъ польскаго фронта отдѣлились два улана и наклонивъ пики, маршъ-маршъ поскакали къ отставшему. Драгунъ медленно обернулся къ нимъ, снявъ изъ-за плечъ

Народы Россіи. XXI. Зыряне. Рис. Е. Віола, грав. Паннемакеръ.

туда, желая спасти повстанца, — но уже было поздно. Немного подалеже сзади, на превосходномъ сѣромъ конѣ галиційской породы, скакалъ толстый полякъ; конфедератъ его свалился на затылокъ; на горбатомъ носѣ блестяли золотые очки. Онъ услышалъ крикъ «pardon» и, широко махая палашомъ, повернулъ къ наѣзникамъ. Вдругъ его конь оступился и забороздилъ мордю грязь — и тотчасъ же на широкой затылокъ поляка опустился клинокъ драгунской шашки. Послѣ мы узнали, что это

штуцеръ и приложился. Поляки видимо начали сдерживать лошадей — и вдругъ, недоскакавъ шаговъ двадцати до своего пѣшаго противника, круто повернули на-лѣво кругомъ. Драгунъ, безъ выстрѣла, снова забросилъ за плечи свой штуцеръ и зашагалъ къ эскадронамъ. Этотъ послѣдній эпизодъ чрезвычайно выгодно подѣйствовалъ на состояніе нашего духа, смѣнивъ тяжелое впечатлѣніе недавней рѣзни.

А между тѣмъ, вдали по дорогѣ, зачернѣли наши пѣхотинцы. Замѣтивъ ихъ, польская кавалерія начала быстро

собирались съ фланговъ и потянулась назадъ въ Порицкъ. Скоро она скрылась за заборами и крышами хатъ; кой-гдѣ только въ промежуткахъ, издали, кивали бѣлыя хорунгеви*) идущихъ по гатамъ уланъ. А мы все стояли, не желая отступать и не имѣя возможности броситься въ Порицкъ, тактическія выгоды котораго обратились теперь всё противъ насъ. Передъ нами темнѣли полосами болотныя канавы; изъ-за нихъ выглядывало селеніе, а по всему полю носились наши донцы, гоняясь за лишенными своихъ всадниковъ галиційскими лошадьми.

Такъ мы стояли, пока не подошла наша пѣхота. Но едва только она стала перестраиваться, на ходу, въ ротныя колонны, какъ по всёмъ порицкимъ канавамъ забѣгали какія-то черныя точки. Вслѣдъ за тѣмъ забѣлѣлись отъ дыма гребни канавъ и затрещала дробь бѣглою ружейной перестрѣлки. Канавы все болѣе и болѣе наполнялись стрѣлками. Вонъ еще, изъ-за угла кладбищенскаго забора, выбѣжала толпа пестрыхъ человекѣвъ. Вѣромъ разсыпалась она по ближайшей канавѣ, и выстрѣлы въ ней загремѣли чаще и чаще, а бѣлые клубы дыма слились въ одну сплошную ленту, скрывъ за собою стрѣляющихъ повстанцевъ.

Сперва мы любовались этою красивою, оживленною пальбой, пока совершенно безвредною для насъ. Выстрѣлы бракованныхъ австрійскихъ штуцеровъ, которыми снабжены были повстанцы благосклонностью нашихъ сосѣдей, не достигали нашего фронта; изрѣдка только, какъ нибудь нечаянно долетѣвшая пуля взроетъ землю шагахъ въ десяти передъ фронтомъ — и испуганная ею офицерская лошадь фыркнувъ шархнется въ сторону. Но вотъ повстанцы, пользуясь закрытіями, все ближе и ближе подбирались къ намъ, перебѣгая, согнувшись, изъ одной канавы въ другую. Громко пронеслась команда: «эскадроны, налѣво-кругомъ, шагомъ», и мы, медленно отойдя шаговъ двѣсти назадъ, снова остановились, повернувшись лицомъ къ Порицку.

Въ отвѣтъ на назойливость польскихъ стрѣлковъ, наши роты разсыпали своихъ. За цѣпью тронулись резервы; и скоро, выбитые ружейнымъ огнемъ, поляки стали отступать изъ ближайшихъ къ намъ канавъ. Дальше всѣхъ краснѣлись фески уже знакомыхъ Карелину зуавовъ; но вотъ и они начали собираться вмѣстѣ, и бѣгомъ пошли вдоль по канавѣ, отступая къ кладбищенскимъ заборамъ. Тогда мы, въ свою очередь, отозвали своихъ стрѣлковъ и, отойдя еще немного назадъ, расположились наблюдать за бандой. Пѣхотинцы составили ружья въ козлы, а драгуны сошли съ лошадей, чтобы хотя немного дать отдохнуть до-нельзя-измученнымъ конямъ.

Положеніе наше было чрезвычайно ненадежное, чтобы не сказать болѣе: передъ нами былъ непріятель, превышающій насъ числомъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ. Онъ занималъ превосходную, укрѣпленную позицію; мы же стояли въ открытомъ полѣ. Атаковать Порицкъ нельзя было и думать; все что только можно было сдѣлать—это удерживать непріятеля на мѣстѣ до прибытія отрядовъ изъ Устлуга и Дружкополя; особенно мы рассчитывали на послѣдній: онъ долженъ былъ подойти къ Порицку отъ Милатина, и тогда только оба выхода изъ мѣстечка на границу были заняты; между тѣмъ какъ теперь полякамъ стоило только броситься на милатинскую заставу, и они могли-бы, почти безъ всякихъ потерь, прорваться въ Галицію. Значитъ, мы имѣли возможность удерживать непріятеля только тогда, когда онъ пойдетъ по самовольской дорогѣ, — и еслибы полякамъ посчастливилось отбросить съ дороги нашъ отрядъ, то по крайней мѣрѣ это обошлось-бы имъ не очень-то дешево. Съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы дружкопольцевъ, тѣмъ болѣе что мы знали, какіе тузы польскаго возстанія сидятъ въ Порицкѣ; захвативъ ихъ, мы могли бы, хотя на время, обезпечить спокойствіе края. А пока не занята

милатинская дорога, этимъ тузамъ почти ничего не стоило вырваться изъ нашихъ рукъ.

Съ каждымъ часомъ становилось холоднѣе; шедшій до сихъ поръ мелкій дождь обратился въ ледяную крупу; замокшія шинели смерзлились и давно уже потеряли свои согревательныя свойства; холодный вѣтеръ пронизывалъ озябшихъ и голодныхъ солдатъ. Надо было позаботиться найти возможность хотя сколько нибудь дать согрѣться людямъ; поэтому рѣшено было сойти съ самовольской дороги и занять небольшую деревню Ляхово, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ Порицка. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что отошавшіе драгунскіе кони нуждались въ водопой, а въ ляховскомъ дворѣ были прекрасные и совершенно годные для этого колодцы. Еслибы поляки вышли изъ Порицка, то мы всегда имѣли возможность во-время вернуться на самовольскую дорогу.

Едва только было замѣчено наше движеніе, какъ массы польской конницы снова выдвинулись изъ-за кладбища; два раза они пытались атаковать растянутыя въ своемъ движеніи роты, и оба раза останавливались, видя готовность нашихъ эскадроновъ къ фланговой атакѣ. Между тѣмъ пѣхотинцы уже подходили къ Ляхову; тамъ ихъ встрѣтилъ бѣлый огонь засѣвшихъ за плетнями косиньеровъ и пѣсколькихъ сотенъ польской линейной пѣхоты. Безъ выстрѣла и безъ крика ура, молча кинулись обѣ роты къ деревнѣ, — и тотчасъ же выбитые штыками поляки бѣжали въ безпорядкѣ по Ляховской улицѣ, отступая къ Порицку.

Деревня была занята. Мы выставили аванпосты и конную цѣпь, и солдаты весело пошли отогрѣваться въ радушно отпертыя крестьянами хаты. Но, увы! ляховскіе крестьяне только тепломъ и могли угостить нашихъ солдатъ; во всей деревнѣ нельзя было найти ни куска хлѣба; все съѣдено было забрано только-что выгнанными отсюда поляками.

Не прошло и полу часа послѣ занятія Ляхова, какъ изъ Порицка то и дѣло начали выѣзжать конныя партіи, по двѣсти и триста человекъ; онѣ видимо вызывали драгунъ въ поле, — и коль скоро какой нибудь изъ нашихъ эскадроновъ выдвигался изъ деревни, поляки тотчасъ поворачивали налѣво кругомъ, и скакали назадъ, заманивая драгунъ подъ выстрѣлы своей пѣхоты. Это стало намъ сильно надобдаться, тѣмъ болѣе что подобныя атаки, не достигая окончательной цѣли, изнуряли нашихъ лошадей — и безъ того измученныхъ полутора-суточнымъ походомъ.

Странный и невеселый видъ имѣла наша ляховская стоянка. Молоча ворочались солдаты между составленныхъ въ козлы ружей; на лицѣ cadaго изъ нихъ рѣзко выражалось сознание досаднаго безсилія: передъ ними былъ непріятель, врагъ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, — и они почти ничего не могли ему дѣлать. Казалось даже страннымъ, какъ это поляки не рѣшались перейти въ наступательное движеніе; это для нихъ было такъ легко: вѣдь они видѣли наши силы, въ то время когда мы, передъ самымъ ихъ носомъ, прошли къ Ляхову. Они даже могли по одиночкѣ пересчитать всѣхъ своихъ противниковъ; чего же они боялись? И странно, всёмъ намъ какъ будто-бы хотѣлось этого, совершенно невыгоднаго для насъ, нападенія! Это тяжелое, безпокойное состояніе раздѣлялось также нашимъ маіоромъ; онъ поминутно грызъ свои бѣлые длинные усы — и то и дѣло посылалъ къ Иваничамъ узнать, не идетъ-ли хоть какое нибудь подкрѣпленіе изъ штаба. Но ни по Устлужской, ни по Дружкопольской дорогамъ не было ни слышно ни видно рѣшительно никакого признака движенія. А между тѣмъ времени прошло уже столько, что можно было сдѣлать, по крайней мѣрѣ, три такихъ перехода. Мы всё ломали себѣ головы придумывая причины такого страннаго замедленія.

Степнѣло. Впереди, надъ мѣстечкомъ, показалось красноватое зарево; стало какъ-будто немного теплѣе; снова нашель дождь, и отъ болотъ, окружающихъ Порицкъ, поднялся густой бѣловатый туманъ.

Н. Карзинъ.

(Окончаніе будетъ.)

*) Небольшое знамя, формой похожее на наши кавалерійскіе штандарты.

Народы России.

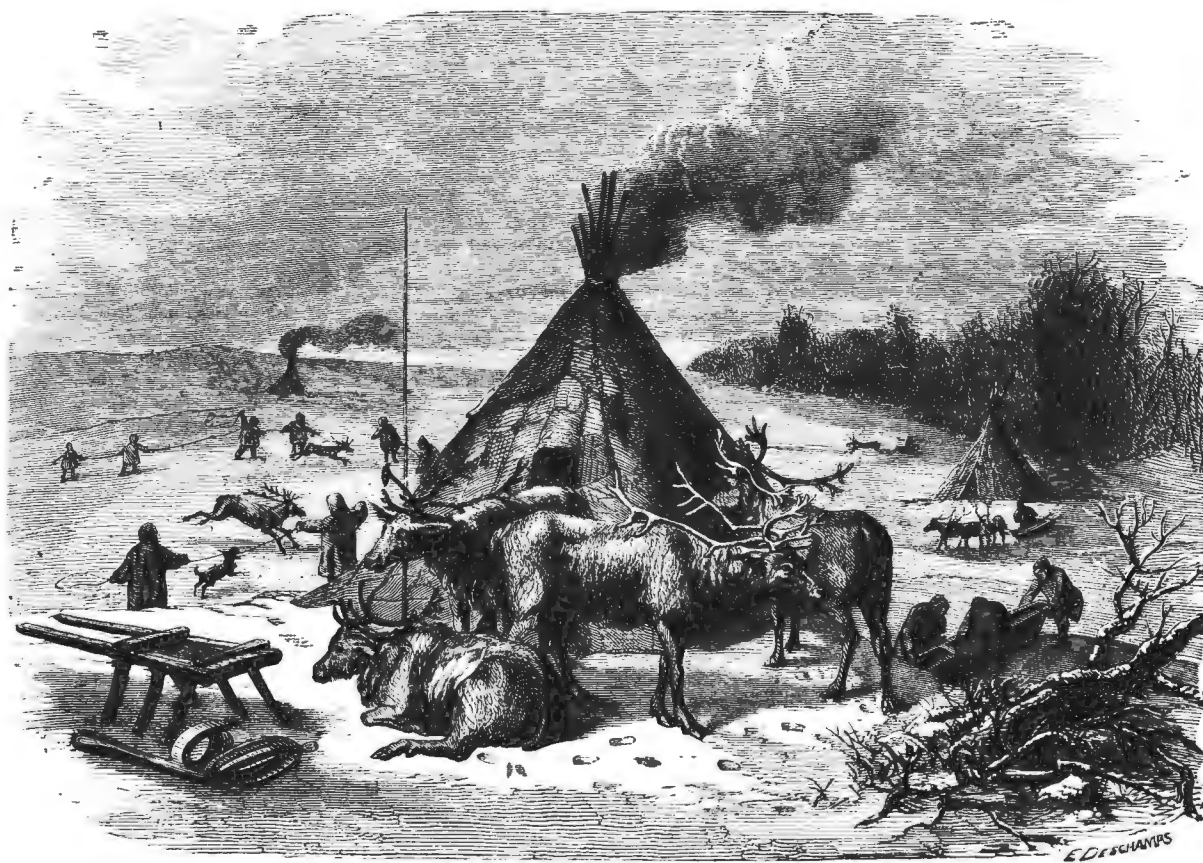
XXI. Зыряне.

Громадные пустыни европейско-русского сѣверо-востока, съ ихъ малоизвѣданною глушью, невольно тянутъ въ свои заходы нашего охотника и натуралиста, разсчитывающихъ здѣсь на богатую добычу. Это край гдѣ ближайшія разстоянія мѣряются сотнями верстъ, гдѣ между населенными пунктами лежатъ дремучіе лѣса, безмолвныя тундры, громадные отроги уральскихъ горъ, высятся десятки рѣкъ и еще болѣе ручьевъ и притоковъ. Картины этого края необычайно разнообразны. Онѣ захватываютъ въ свои предѣлы все бывшее царство Югорское, т. е. всю южную половину Запечорья и сѣверо-востока Вологодской губерніи. На этомъ пространствѣ путешественникъ встрѣтитъ все. Въ Койнасской и другихъ волостяхъ Архангельской губерніи передъ нимъ раскинутся громадные зеленые луга, на которыхъ пасутся превосходныя зырянскія лошади—мезелки; дальше, на сотни верстъ къ востоку и неизвѣстно куда на сѣверъ и вгъ тянутся лѣса, гдѣ стройная лиственница и сибирскій кедръ считаются совершенно обыкновенными деревьями. Въ глуши этого тѣнистаго царства, какъ на морѣ, невозможно обойтись безъ компаса. Иначе никакой знатокъ не выберется изъ этой дремучей трущобы. За темными лѣсами лежатъ громадные рѣки Печора, Ижма и др., судоходныя по пустыни; дальше еще вѣдмаются колоссальныя горы, шиферные склоны которыхъ сѣро-матовыми глыбами стоятъ надъ поросшими мхами тундрами. Центръ, столица зырянскаго населенія—несомнѣнно село Ижма, раскинутое на правомъ берегу рѣки того же имени, въ 60 верстахъ отъ слиянія ея съ Печорою и въ 700 верстахъ отъ своего вѣднаго города. Ижма славится на всемъ сѣверѣ богатствомъ своихъ жителей, красотою своихъ церквей, бойкостью торговцевъ—исключительно зырянъ, которые здѣсь исполнѣ обнаружили, что въ дѣлѣ промысла и торговыхъ оборотовъ нѣтъ имъ равныхъ. Ижма раздѣляется на двѣ половины: Катидъ и Кийтидъ (верховье и низовье). Въ центрѣ той и другой слободокъ высятся многочисленныя церкви съ вызолоченными куполами и шпичами. Направо и налево отъ нихъ тянется широкая улица, съ которою смыкаются перекрестившіеся во всѣхъ направленіяхъ переулки. Ижма находится въ средоточіи громаднаго пространства содержимыхъ зырянами нивъ. Эти инородцы, не ограничиваясь торговлею и лѣсными промыслами, занимаются кромѣ того, хлѣбопашествомъ и оленеводствомъ. За нивами, уже едва замѣтныя въ сѣрой дымкѣ ровныхъ, гладкихъ далей, чуть синѣютъ запечорскія дебри, до сихъ поръ еще уцѣлѣвшія отъ топора лѣснаго промышленника и отъ пожара, истребившаго въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ лѣса, тянувшіеся прежде на сотни верстъ. Впрочемъ и здѣсь въ сухихъ «обрѣдинахъ» попадаются небольшія выжженные поляны, на самой серединѣ которыхъ торчатъ черныя обгорѣлыя слуготы лѣсныхъ великановъ. Съ этими пунктами связаны даже нѣкоторыя преданія зырянъ. Истиннѣ, посѣщавшій Ижму и долго жившій здѣсь, говоритъ, что на противоположномъ берегу р. Ижмы разстилаются теряющіеся вдаль луга, за ними сибѣютъ уступы холмовъ, между которыми красиво разбросаны уютныя крестьянскія домики другого зырянскаго села Мохченги съ каменною приходскою церковью. Съ вершинъ этого ската можно видѣть въ ясную погоду одну изъ красивѣйшихъ вершинъ Уральского хребта, Саблю (Мечъ-Камень). Замѣчательно, что въ селеніяхъ Красноборскомъ, Сизябскомъ, Гамскомъ, Могченскомъ, Ижемскомъ, Койнаасскомъ, Пылемскомъ, отличающихся многочисленностью, крестьяне, живущіе здѣсь, отличаются домовитостію, довольствомъ и ничего не жалуютъ на улучшение наружной обстановки ихъ быта. У нихъ есть прекрасно содержимыя школы, а въ Ижмѣ къ тому же и ремесленное, открытое зырянами, техническое училище. И все это развилось и устроилось сравнительно еще очень недавно. Зыряне здѣсь—и сами пришельцы. Въ окрестностяхъ ихъ селеній еще и до сихъ поръ находятъ слѣды аборигеновъ этого края: желѣзные заступы, топоры, копачи, конья и другія орудія чрезвычайно странной формы, давно уже неизвѣстной въ Запечорьѣ. А по притокамъ р. Печоры и Ижмы, уже не говоря о болѣе сѣверныхъ рѣкахъ, есть въ берегахъ искусственно вырытыя пещеры, гдѣ нѣкогда жили троглодиты Югры, уже впрочемъ знакомые съ употребленіемъ и производствомъ металловъ, такъ какъ у нихъ находятъ различныя орудія изъ желѣза и бронзы. Судя по преданію, въ моментъ переселенія сюда пермскихъ и вологодскихъ зырянъ, слывшихся воеводою, на этихъ мѣстахъ жила Чудь, которая гостеприимно приняла пришельцевъ. Всѣ эти элементы соединились между собою, образовавъ нѣчто иное населеніе зырянскихъ волостей, и стали торговать съ мѣнѣ культурнымъ племенемъ *самодѣю, самодѣями*, разумѣется безпощадно эксплуатируя этихъ оленеводовъ, имѣвшихъ несчастье въ сношеніяхъ съ зырянами сохранять свою патріархальную честность и наивность. Остатки чудскихъ словъ еще встрѣчаются въ языкѣ зырянъ. Сюда же къ зырянамъ стали переселяться и нѣкоторые самоѣдскіе роды, преимущественно же изъ карачайскихъ или какъ говорятъ ижемцы: аркучей. Разнообразіе элементовъ, смѣшавшихся здѣсь, еще увеличилось, когда во время покоренія Новгорода Иоанномъ III-мъ, сюда бѣжали новгородскіе опальные бояре съ свои-

ми «людшками». Христіанство было внесено сюда иноками Троицкой Угьсысольской пустыни, при преемникѣ св. Стефана пермскаго, епископѣ Исаакѣ, около 1397 г. Ижемскіе зыряне называютъ себя Изьва-гасъ (люди при каменной рѣкѣ). Дома свои они строятъ также какъ русскіе, лишь побогаче послѣднихъ; черныя избѣ съ дымоволоками—въ зырянскихъ селеніяхъ не встрѣтить. Одѣваются они, какъ и русскіе въ Запечорьѣ: въ малицы, совики и нимы. Малица родъ мѣшка изъ хорошо выдѣланныхъ шкуръ молодого оленя, шерстью внутрь съ отверстіемъ для головы и рукавами. Поверхъ ея надѣваютъ ситцевую рубаху, сшитую также и такой же длины какъ малица. Воротникъ малицы, рукава и подолъ оторочены оленьимъ пажичьимъ, а иногда и лисьимъ мѣхомъ. Зимомъ сверхъ малицы надѣваютъ совикъ (парка)—тоже что и малица, но шерстью въ наружу, съ капшономъ изъ оленьяго мѣха же. Нимы—сапоги изъ оленьихъ лапъ, которые затѣйливо украшаются кусочками красного сукна и различными мѣхами. Женщины одѣваются точно также, за исключеніемъ рубашекъ, которыя шьются роскошнѣе, иногда даже изъ шелковыхъ матерій. Въ послѣднее время ижемцы и другіе зыряне лѣтомъ усвоили себѣ совершенно русскій крестьянскій костюмъ, а кто побогаче, такъ уже носить и «нѣмецкое платье». Но верхомъ франтовства считается носить, не смотря на сухой и знойный день—дождевой зонтикъ, калоши и яркій гарусный шарфъ на шеѣ. Нѣкоторые зырянки уже носятъ городскія платья, но безъ неизбѣжныхъ «карголивовъ», которые здѣсь называютъ чортовой клѣткой... Кромѣ того существуетъ еще особенный лѣтній костюмъ охотника, изображенный на нашемъ рисункѣ, который мы опишемъ позже, когда будемъ говорить о промыслахъ и торговыхъ сношеніяхъ зырянъ. Умственные способности этого племени особенно замѣчательны. Въ школахъ зырянскіе мальчики дѣлаютъ необыкновенно быстрые успѣхи, а одинъ изъ нихъ, бывшій въ школѣ Соловецкаго монастыря, въ самое непродолжительное время усвоилъ себѣ нѣсколько языковъ. Кромѣ того, отличительнымъ нравственнымъ свойствомъ зырянина надо признать необычайную энергію. Они достигаютъ неизменно того, чего добиваются. Разъ задавшись дѣломъ, они непременно дойдутъ до нея, какія бы препятствія не стояли у нихъ на дорогѣ. Въ сношеніяхъ съ посторонними, вѣтъ предѣловъ своего села, зыряне недоверчивы, не прочь поднадути милаго чело-вѣка, оборотать самоѣда или отгнать неправедно олене стадо у номада; за то у себя дома зыряне—гостеприимны и доступны. Сотни нищихъ каждую зиму прокармливаются въ зырянскихъ селахъ именемъ христовымъ, причѣмъ положеніе ихъ похоже не на то, которое ждетъ каждаго попрошайку, а на то, котораго въ правѣ желать почетный гость... Но всего болѣе пользуются уваженіемъ въ зырянскомъ населеніи священники. Недаромъ приходи въ этой средѣ считаются болѣе выгодными чѣмъ городскіе. Каждый зырянинъ не ждетъ того, чтобы священникъ пришелъ къ нему на домъ, а самъ несетъ—что можетъ, а не то что ему не жалко. Украшенія зырянскихъ храмовъ отличаются такимъ богатствомъ, что рядомъ съ нимъ никакъ нельзя поставить церкви сѣверо-русскихъ городовъ, даже и такихъ, каковыя напримѣръ Архангельскія и Вологда. Величайшее удовольствіе для зырянина заключается въ поѣздкѣ на саняхъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, по улицамъ ихъ сель то и дѣло мчатся сани, запряженныя лошадьми или оленями. Ыздоки перекликаются одни съ другими, поютъ русскія пѣсни, пересмѣиваются. По зимнимъ праздникамъ идутъ въ дѣло—ледяныя горы, съ которыхъ зыряне скатываются внизъ, причѣмъ въ этомъ удовольствіи принимаютъ, участіе даже пожилые люди и старики. По словамъ очевидцевъ, здѣсь бывають и вечернія посидѣлки, но они вовсе не похожи на вечеринки русскихъ крестьянъ. Нѣсколько дѣвицъ собираются въ какой либо домъ съ шитьемъ, вязаньемъ, пряхей и проводятъ вечеръ за работой. Ни одинъ мужчина—холость ли онъ или женатъ—не въ правѣ войти къ нимъ. Зыряне собираются особо и занимаются разсказами, сказками, рѣдко пѣснями, чаще толками о своихъ нуждахъ, о своемъ бытѣ. Зыряне почти никогда не пляшутъ, покарпачій мѣрѣ ижемскіе, хотя въ старину это было для нихъ величайшимъ удовольствіемъ. Въ праздникъ св. Иліи имѣли они обыкновеніе ѣздить на противудекашій островъ, служившій пастбищемъ для скота, и проводили тамъ день въ разныхъ играхъ. Однажды молодежь съѣхалась туда, какъ и всегда, на праздникъ. Погода была прекрасная, солнце въ полдень блескъ горѣло въ недоступной высотѣ небесъ, отражаясь въ прозрачныхъ водахъ Ижмы. Началась игра... Однако около полудня показалась съ запада громадная туча. Всѣ собрались, не зная что дѣлать. Ыхать черезъ рѣку было опасно. Пѣжа, дотолъ тихая и спокойная, закипѣла волнами, а гроза поднималась съ ужасающей быстротой. Вихрь порывисто крутился въ воздухѣ, но наконецъ загремѣла буря, во время которой ударомъ грома убило весь скотъ, пасшійся на островѣ. Изъ людей не погибъ никто. Напуганные этимъ случаемъ, зыряне порѣшили навсегда отказаться отъ плясокъ... Честность зырянъ, нѣкогда служившая всѣмъ примѣромъ, теперь

далеко уже не внушаетъ къ нимъ особеннаго довѣрія. Прежде зырянскія керки (избы) и кладовыя никогда не замыкались; «если, говоритъ г. Ф. Арсеньевъ, хозяева выходили изъ дома, такъ клали на скобку дверей палку—признакомъ, что ихъ нѣтъ дома. Сосѣди и посторонніе люди этотъ условный знакъ считали крѣпче всякаго замка и уже не входили въ керку ни подъ какими предлогами. Бывало, звѣрь подстрѣленный промышленниками одной партіи, добытый и пойманный другою, до слова возвращался первымъ, безъ всякихъ сожалѣній или споровъ. На промыслахъ вся добыча поступала въ складчину, все дѣлилось поровну или же гуртомъ продавалось въ одни руки и деньги также поровну дѣлились между охотниками. При дѣлѣжѣ не было и помину о томъ, что одинъ настрѣлялъ болѣе, другой менѣе. Отиравляясь на промыселъ, зырянинъ оставлялъ свой запасъ на лѣсныхъ тропинкахъ, клади довольно замѣтные значки, и на возвратномъ пути нерѣдко нахаживалъ въ своихъ сладахъ бѣлокъ и рябчиковъ; это значило, что какой нибудь землякъ, истощивъ свои запасы, бралъ часть у него, за которую платилъ по совѣсти настрѣленной дичью. Ни одинъ охотникъ не пользовался дорогимъ звѣремъ, понавшимъ въ охотничьи снаряды товарища. Воровства у нихъ не было извѣстно, какъ не было даже въ языкѣ слова «воръ». Къ выполнению своихъ обязанностей въ то патриархальное время зыряне относились какъ къ святому дѣлу. Какой нибудь волости,

рыбу и въ неподвижныхъ, тинистыхъ, широколиственными лопухами затянутахъ озерахъ. Главный ловъ—ловъ семги производится преимущественно по Печорѣ и ся притокамъ. Здѣсь ловится лучшій сортъ этой рыбы, за исключеніемъ «порога» (онежскія семги). Желаящіе ловить вмѣстѣ на одной тонѣ составляютъ артель. Одни артели осенью ловятъ неводами, другія поплавными. Въ послѣдніе преимущественно идетъ семга, а въ невода, достигающіе иногда отъ 100 до 400 сажень длины, попадаются бѣлая рыба. Ижемскіе зыряне семгу солить очень плохо, потому что соль здѣсь чрезвычайно дорога. Семга мѣстнаго улова скушается у зыряне чердынскими торговцами и отвозится въ Казань, въ Пермь, въ Ирбитъ и Тобольскъ. Весною, только-что вскрыются рѣки, зыряне ловятъ рыбу наметами въ оврагахъ, по которымъ между крутыми откосами ихъ береговъ шумно бѣгутъ незамѣтные лѣтніе потоки. Такимъ образомъ добываются «сиги, харіусы, головни, сороки-косоглазки, ерши, окуни, подъязки и хищная щука, добывчиво охотящаяся тутъ же за мелкою рыбой». Ловля производится ночью. Картина этихъ ловель особенно эффектна въ ясныя лунныя ночи, но она не лишена своеобразной прелести и ночью, когда на темной полосѣ рѣки въ различныхъ пунктахъ свѣтятся и привѣтливо мигаютъ десятки огоньковъ, горящихъ у самаго носа промысловыхъ челноковъ. Чигатели «Нивы» впрочемъ уже знакомились съ этою картиною, изъ моего очерка «На ловлѣ»

Самоѣды ловятъ оленей. (Къ ст. Зыряне.) Рис. Фламанъ. Грав. Дешанъ.

напримѣръ, нужно было внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими полоками отиравается бывало ходокъ съ деньгами пѣшкомъ въ городъ; «казна нуа, казна нуа!» (казну несутъ) говоритъ онъ встрѣчному—и ему почти-точно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, кладетъ суму въ передній уголъ, носохъ на лавку. Хозяинъ ужъ догадался, высылаетъ лишній людъ изъ дома, не знаетъ какъ угостить его. Ходокъ преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, нисколько не беспокоясь о сумѣ, увѣренный что ее никто не унесетъ. Между тѣмъ вѣсть что «казна мунэ» (казна идетъ) гогомъ проносится по деревнѣ—и всѣ прячутся по домамъ, никого не видно на улицахъ». Въ настоящее время далеко не то, замки потребовались—да еще какіе, а въ мѣстныхъ судахъ дѣла о воровствѣ стали обыкновеннымъ явленіемъ.

Въ настоящее время особенно заслуживаютъ вниманія промыслы зырянскаго населенія Архангельской и Вологодской губерній. Что касается до первой изъ нихъ, то занятія этихъ широдцевъ въ ея предѣлахъ достаточно мнѣ знакомы. Положеніе же зыряне въ Вологодской губерніи прекрасно разработано Ф. Арсеньевымъ, изслѣдованія котораго по этому предмету представляютъ богатый матеріалъ для этнографа. Прежде всего нужно будетъ сказать о рыбныхъ ловляхъ зыряне, одинаково развитыхъ и на Печорѣ, и по Жмѣ, и по Кольѣ, и по Шугурѣ. Точно также зыряне ловятъ

(№ 30 Нивы 1874 г.). Въ водополье промыселъ становится еще интереснѣе. Вотъ что говоритъ объ этой порѣ Ф. Арсеньевъ: «Въ зырянскомъ краѣ весенніе разливы бываютъ замѣчательно велики. Вычегда и Сысола въ виду Усть-Сысольска представляютъ въ весеннюю пору огромное сплошное водное пространство, синѣющее во всѣ стороны, куда ни помотришь. Мелкіе кустарники по луговымъ мѣстностямъ, большіе еловые лѣса, растущіе по подоламъ и низамъ—все затопляется разливомъ. Быстриня въ рѣкахъ, скрывающихся подъ водою свои берега, бываетъ въ это время чрезвычайно сильна; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ береговая окраина возвышается надъ поверхностью воды, происходятъ безпрестанные обвалы. Быстрымъ теченіемъ подмоетъ берегъ, страшная масса въ нѣсколько тысячъ лудовъ рушится съ ужаснымъ шумомъ въ глубину, вода заклинитъ—и огромный валъ мчитъ отъ берега до самой середины рѣки. Глухіе удары, точно подводные пушечные выстрѣлы, то и дѣло раздаются здѣсь въ весенніе разливы по всѣмъ направленіямъ—это береговые обвалы. Рыба расходится по всему пространству въ разлившіяся воды, гдѣ ее и ловятъ въ заплеты (нѣчто въ родѣ заколовъ или заборовъ). Въ теплую погоду сигъ, кумжи, окуни, нельма, щуки, язи, чирь и леши забираются въ «курны»—тихіе заливы. Тутъ ихъ ловятъ мережками, и когда вода идетъ на убыль, то рыба направляется въ большія заливы для икромета. Здѣсь зыряне ловятъ ее, запирая выходъ

изъ залива различными способами, но такъ, что ни одной крупной рыбѣ не удастся выбраться вонъ отсюда. Рыба сама облегчаетъ ловъ. Почувствовавъ, что выходитъ изъ куры ей прегражденъ, она массами наваливается на препятствіе, откуда се и вылавливаютъ уже неводами, кужами, и влиять въ громадномъ количествѣ. Часто зыряне и рѣки перегораживаютъ заборами. Работаютъ зыряне во всѣхъ этихъ случаяхъ безъотходно. Устали для нихъ какъ бы не существуетъ вовсе. «Женщины также стойко переносятъ эти труды, перебраниваясь съ молодыми парнями, окачивая другъ друга водою, перекидываясь различными шуточками. Молодые бабы и дѣвки смѣло идутъ съ неводомъ въ забродъ. Когда зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются, то закусываютъ сырою рыбою, выдавивъ изъ нея кишки и соскоблѣвъ ногтемъ чешую. Неприятно видѣть, какъ живая рыбка бьется и корчится въ зубахъ зырянина, унесывающаго се съ величайшимъ наслажденіемъ». До августа мѣсяца ловля рыбы производится подольниками, рыболовной снастью изъ длинной тонкой бичевки, на которую навязаны длинные лески съ крючками. Этотъ родъ лова вошелъ здѣсь въ повсемѣстное обыкновеніе послѣ 1845 г., когда во всѣ сѣверныя рѣки, вслѣдствіе открытія шлюзовъ упраздненнаго Екатерининскаго канала, проникла стерлядь изъ Камы, черезъ Вытегу. Мы не остановимся на другихъ способахъ рыбной ловли, употребляемыхъ зырянами, потому что

мысль слѣдующіе запасы: 4 пуда сухарей, 1 пудъ сушеныхъ пироговъ съ крупною, 1 пудъ ячной муки, 1 пудъ ржаной муки, 10 фунтовъ крупы, ячной муки 1 пудъ (для собакъ), 12 ф. масла, 3 ф. пороку, 4 ф. свинцу; такимъ образомъ на каждого промышленника приходится по 10 и 6 ф. На лѣсованье уходитъ верстъ за 200 отъ своего села, а изъ печорскихъ селъ за 400 и даже за 500 верстъ. Пока рѣки не покрылись льдомъ, провизію, запасы и добычу возить на лодкахъ; когда же ихъ застигнетъ зима—содержимое лодокъ выгружается въ нарвы, которыя промышленники уже везутъ на себѣ. Прибывъ на операціонный пунктъ охоты, зырянская партія стронитъ при рѣкѣ пивзьянъ—лѣсную избушку съ каменной. Одинокій странникъ по лѣсамъ сѣвера, путешественникъ, охотничья партія, бродячій самоѣдъ—находитъ такіе пивзьяны въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ этихъ дремучихъ дебрей, но преимущественно же въ мѣстахъ живописныхъ. Зырянинъ далеко не равнодушенъ къ красотѣ природы. Г. Ф. Арсеньевъ рассказываетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ отдыхающій зырянинъ предавался глубокой мечтательности, слѣдя за убѣгающими облаками, закатомъ солнца, журчаніемъ воды, бѣгущей по камешкамъ. Каждый вечеръ партія сходитъ въ пивзьянъ, куда сносятъ добычу промысла. Здѣсь сначала варятъ пищу, потомъ сдираютъ шкуры съ убитыхъ животныхъ, и мясомъ ихъ кормятъ собакъ. Когда кругомъ пивзьяна добыча раздробилась,

Зырянинъ отправляющійся за Уралъ. Рис. Фриманъ. Грав. Этерингтонъ.

изобрѣтательность этого умнаго племени вполне отразилась въ безконечномъ разнообразіи ихъ. Скажемъ только, что рыбная ловля не только доставляетъ громадные средства для народнаго продовольствія Запечорскаго края, но и доставляетъ зырянамъ довольно значительныя суммы денегъ, выручаемыхъ отъ продажи продуктовъ этого промысла чердынцамъ на р. Печорѣ и русскимъ купцамъ на Пинежской ярмаркѣ, въ Архангельской губерніи.

Другой, еще болѣе значительный промыселъ зырянъ—охота, для которой эти инородцы употребляютъ винтовки, съ буграми на стволахъ, съ замкомъ устроеннымъ смѣшно и безобразно. Калибръ дула таковъ, что въ него можно вогнать пулю съ горошину; такія пули нужны, чтобы не портить шкурки звѣря. Ложе зырянскаго ружья—просто похѣно, кос-какъ обтесанное и неловкое на прикладѣ. Пули дѣлаютъ зырянинъ, откусывая куски отъ свицоваго прута и зубами уже придаетъ куску круглую форму. Такая винтовка хищаетъ шаговъ на пятьдесятъ, моржовка—на сто двадцать. Зыряне никогда не стрѣляютъ съ руки, а всегда съ сошекъ (съ иривладу). Въ охотѣ зырянина неизбѣжно сопровождаетъ его собака. Начинается лѣсованье (охота) въ послѣднихъ числахъ сентября и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля. Охотники дробятся на партіи, въ 2—5 человекъ. Даткинъ говоритъ, что каждый изъ охотниковъ беретъ на свою долю на про-

охотники идутъ дальше, въ одну изъ прежнихъ или строятъ новую избу. Въ ноябрѣ они уже возвращаются назадъ, а въ декабрѣ добычу своего промысла отдаютъ скушникамъ. Главная часть этой добычи: бѣлка, горностаи и рябчики. Ихъ бьютъ не только изъ ружей, но и добываютъ въ силки, ловушки, которыя иногда ставятся верстъ за двадцать отъ пивзьяна. Часто одинъ охотникъ разставляетъ около 500 штукъ ловушекъ. Иногда при дѣлежѣ на одного охотника достается отъ 400 до 500 бѣлокъ. Еще болѣе чѣмъ бѣлокъ, зыряне добываютъ рябчиковъ, которыхъ бьютъ изъ ружей и тоже ловятъ въ силки (слопы и петли), изъ которыхъ дичь часто вмѣсто охотника достается медвѣдью. За этимъ царемъ сѣверныхъ лѣсовъ промышленники охотиться не любятъ одинъ на одинъ, а бьютъ его партіями. Лисицы попадаются зырянину въ капканы или на приманки, къ которымъ примѣшиваются сулема. Нѣкоторые промышленники здѣсь еще выкармливаютъ лисятъ, вынимая ихъ изъ лисьихъ норокъ...

Смышленность зырянъ и практической тактѣ ихъ нигдѣ такъ хорошо не выразились, какъ въ ихъ отношеніяхъ къ самоѣдамъ. Было время, и очень недавно, когда самоѣды были владѣтелями громадныхъ стадъ, пасшихся въ Больше-Земельской, Мало-Земельской, Тиманской и Канинской тундрахъ. Между ними считался бѣдякомъ—человѣкъ у котораго было тысяча двѣ или три оленей. Нѣкоторые номады владѣли сотнями тысячъ этихъ живот-

ныхъ; но стоило только самоѣдамъ завести правильныя сношенія съ зырянами, какъ послѣдніе все прибрали къ своимъ рукамъ и стада и богатства самоѣдовъ, такъ что теперь бывшіе ротшильды этого племени—служать пастухами у зырянъ, ставшихъ владѣльцами ихъ табуновъ. При помощи водки, торговли мукою, обманывая на каждомъ шагу самоѣда, зырянинъ сдѣлался хозяиномъ тундры, въ которой его воля стала рѣшительницей судьбы бѣднаго племени, нѣкогда царившаго въ этихъ тундрахъ. Повторю здѣсь сказанное мною въ другомъ мѣстѣ: зыряне Могченской, Красноборской, Усть-Кожвинской и другихъ волостей Мезенскаго уѣзда дышать благосостояніемъ самоѣдовъ въ глуши, гдѣ надзоръ за ихъ торговой дѣятельностію невозможенъ, гдѣ робкое пассивное племя исконныхъ обладателей Мезенской тундры представляетъ каждому мало-мальски ловкому, юркому и плутоватому торговцу безграничный просторъ для приложенія къ дѣлу своихъ хищническихъ наклонностей. Нечего и говорить, что отношенія между первыми и вторыми являются исключительно въ видѣ грабежа, насилья, спаиванія. Едва ли найдется въ настоящее время средство остановить дальнѣйшее развитіе кабалы, со всѣхъ сторонъ охватившей несчастное полудикое племя, вырождающееся съ поразительною быстротою. Мезенскіе зыряне—нынѣ помѣщики самоѣдовъ. Эта часть зырянскаго племени вышла изъ Ирэнскаго уѣзда Вологодской губерніи по приглашенію новгородскаго ушуйника Ласки, получившаго отъ Іоанна Четвертаго грамоту на заселеніе рѣки Печоры и ея притоковъ. Зыряне осѣли по обѣимъ берегамъ рѣки Ижмы, первоначально въ томъ районѣ, который теперь включенъ въ предѣлы Могченскаго волости. Сюда же переселены нѣсколько повгородцевъ и семеро самоѣдовъ съ семействами, бросившіе кочевую жизнь. Первая грамота на отдѣльное владѣніе землею была дана новой колоніи царемъ Михаиломъ Федоровичемъ—и въ началѣ зыряне ограничивались только расчисткою лѣсовъ подъ пашни, сѣнокосами и рыбными ловлями по Печорѣ и по Ижмѣ. Только впоследствии—вступивъ въ ближайшія сношенія съ самоѣдами—зыряне поняли всѣ выгоды оленеводства, стали обзаводиться оленями, поручая ихъ самоѣдамъ, такъ какъ отраживаться на поѣдки въ нескондную глушь мезенскихъ (или какъ называли тогда Югорскихъ) тундръ они еще не рѣшались. Одновременно съ этимъ въ тундры стала черезъ зырянъ проникать и водка. Не много погодя, мы уже видимъ зырянъ положительными распорядителями этихъ пустынь и владѣльцами стадъ, принадлежавшихъ прежде самоѣдамъ. Тогда же они принялись и за иной способъ дѣйствій. Самоѣды къ лѣту обыкновенно удаляются на морскіе берега, какъ для спасенія своихъ оленей отъ комаровъ, такъ и для промысловъ. Зыряне, слѣдуя за ними по пятамъ, вытѣпывали гдѣ моховыя пажити, которыя обезпечивали зимнія продовольствія для оленей. Количество послѣднихъ стало уменьшаться, да и хозяева ихъ, самоѣды, начали послѣ того переходить къ зырянамъ батраками, работниками; оцанваемые, преслѣдуемые, оборванные и ограбленные зырянами, самоѣды дошли до такого печальнаго положенія, что возрожденіе этого племени стало притчею во языцѣхъ. Они владѣютъ только $\frac{1}{15}$ стадъ, принадлежавшихъ имъ прежде, $\frac{14}{15}$ находится зырянъ и у русскихъ. Какъ гѣ такъ и другіе, не имѣя никакихъ правъ на владѣніе тундрой—на дѣлѣ ея безконтрольные хозяева. Иначе зыряне отѣсниютъ и чердынскихъ купцовъ, торгующихъ по р. Печорѣ. Они развили у себя замшевое производство, захватили всю торговлю края въ свои руки, понастроили по теченію р. Ижмы богатые и людныя села, а въ послѣднее время предпринимчивѣйшіе изъ нихъ стали уже показываться въ Чердыни, въ Москвѣ и даже на Макарьевской ярмаркѣ. Зырянинъ на первый взглядъ покажется вамъ и глуповатымъ и дубоватымъ, но вы не вѣрите этой располагающей къ доверію внѣшности. Въ концѣ концовъ онъ оказывается такимъ пройдохой, который навѣрное разъ двадцать обернетъ васъ кругомъ пальца, пока уснѣете вы замѣтить это.

На прилагаемыхъ двухъ рисункахъ изображено: на первомъ—суматоха въ самоѣдскомъ кочевьѣ, послѣдовавшая за прѣѣдомъ къ этимъ простодушнымъ номадамъ съвера—зырянина, промышляющаго торговлею въ тундрѣ. Олени привезшіе его отдыхаютъ у чума, вдали разгружаются нарты съ товаромъ, доставленнымъ имъ, а въ сторонѣ хозяева ловятъ оленя, предназначеннаго на угощеніе плутоватому зырянину, отдыхающему внутри чума. На второмъ рисункѣ изображенъ зырянинъ, торговецъ перевалившій съ Уральскія горы въ Березовскій округъ Тобольской губерніи, къ остякамъ, которые нынѣ уже мало по малу подпадаютъ во власть, разумѣются экономическую, къ зырянамъ. Третій рисунокъ изображаетъ зырянина охотника и зырянокъ.

В. Немировичъ Данченко.

СМѢСЬ.

Пожарные въ Константинополѣ. Пожарные въ Константинополѣ образуютъ совершенно независимый классъ (цехъ), который не подчиняется ни военной, ни гражданской администраціи. Классъ этотъ, состоящій преимущественно изъ грековъ, армянъ и албанцевъ, имѣетъ свои обычаи, свои уставы, свои церемоніи и наконецъ свои празднества.

Извѣстно, что городъ Константинополь, такъ часто испытывающій пожары, имѣетъ двѣ каланчи: Серасквера и Галата, отсюда сторожа—беды—даютъ знать жителямъ о пожарѣ.

Лишь только онъ возвѣщенъ, какъ пожарные уже стремятся съ быстротою молніи на мѣсто пожара, партиями въ 20, 30 или 40 человекъ. Двое или трое несутъ на своихъ плечахъ пожарныя трубы, которыя хотя малы, но отлично дѣйствуютъ.

Пожарные проходятъ улицы подобно смерчу—и бѣда лѣшеходамъ, находящимся на пути!

Но вотъ они передъ огнемъ—и здѣсь-то открывается одинъ изъ коренныхъ недостатковъ этой первобытной еще организаціи.

Пожарные готовы работать, но не иначе, какъ спросивъ предварительно плату за свой трудъ. Однажды договоръ заключить—вы можете смѣло рассчитывать на силу, мужество и неустрашимость этихъ людей. Ихъ отважность и смѣлость не имѣетъ границъ.... Однако эта энергія не достаточна; а такъ какъ пишутъ о столькихъ реформахъ въ Турціи, то конечно слѣдовало бы также обратить вниманіе на этотъ классъ и улучшить его, такъ какъ это одинъ изъ значительныхъ недостатковъ Константинополя.

Генрихъ Ковальскій. Генрихъ Ковальскій—піанистъ-композиторъ, не смотря на свое славянское происхожденіе, знаменитость французской школы. Мы воспользуемся случаемъ, чтобы въ немногихъ словахъ рассказать, подъ чьимъ покровительствомъ Генрихъ Ковальскій, этотъ нынѣ столь уважаемый публикою, піанистъ, выступилъ на артистическое поприще. Родившись въ 1842 году, въ Парижѣ, онъ уже 10-ти лѣтъ вступилъ въ консерваторію. Мармонтель и Анатоль Петіи были его учителями на фортепіано, Карафа и Робертъ учили его композиціи; профессора были хорошо выбраны, а ученикъ достоинъ ихъ уроковъ. Только въ 1863 году Ковальскій былъ въ первый разъ услышанъ публикою во время своего путешествія по западу Франціи, гдѣ онъ давалъ первые свои концерты. Филармоническія музыкальныя общества Сентъ-Мало, Ренна, Ванна, Нанга, Анжера, Бордо и Байоны, приглашали его на ихъ празднества, и ему, въ этихъ различныхъ поѣздкахъ ничего боге не оставалось, какъ только поздра-

влять себя за тотъ пріемъ, который ему вездѣ дѣлали. Въ 1864 году приглашенный въ Виши, онъ имѣлъ честь представиться французскому императору Наполеону III и Бельгійскому королю.

Наполеонъ III, въ знакъ своего расположенія, велѣлъ вручить ему часы, украшенные его портретомъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, онъ предпринялъ путешествіе по Англій и Германіи, гдѣ блистательно фигурировалъ въ многихъ концертахъ. По возвращеніи въ Парижъ въ 1866 году, онъ скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ публикою артистовъ, и его имя часто упоминалось въ программахъ великолѣпныхъ праздниковъ, даваемыхъ въ резиденціи, у министровъ морскаго, торговаго и земледѣлія, и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Наконецъ въ 1869 году онъ отправился въ Америку, по которой предпринялъ артистическое путешествіе, побывавъ при этомъ съверъ и югъ этой страны: Калифорнію и Канаду. Изъ этого послѣдняго путешествія Ковальскій привезъ, кромѣ долларовъ, множество воспоминаній и оригинальныхъ музыкальныхъ сочиненій, которыя онъ впоследствии собралъ въ одинъ томъ и издалъ, озаглавивъ его: *A travers l'Amerique*. Между этими композиціями особеннаго вниманія заслуживаетъ оригинальная индѣйская пѣсня, слышанная имъ во время его посѣщенія племени туска-рора, живущихъ у Ниагарскаго водопада.

Кромѣ его американскихъ сочиненій, Ковальскій—авторъ многочисленныхъ композицій, какъ для фортепіано, такъ и для пѣнія, между которыми замѣтательны: *Menuet de Marie Leczinska*, *l'Invitation à la Polonoise*, *les Cuirassiers de Reischoffen*, и наконецъ *les Roses de Bohême*, которую называютъ черломъ его ларчика, уже достаточно наполненнаго въ настоящее время для такого молодого еще артиста.

Патагонцы, славящіеся своимъ громаднымъ ростомъ, начинаютъ, подобно другимъ первобытнымъ племенамъ, медленно вымирать. Между патагонцами различаютъ три племени: тегуэльховъ или собственно патагонцевъ, пампасовъ и манзанеровъ; послѣдніе составляютъ отпрыскъ хилійскихъ арокандевъ. Тегуэльхи и Пампасы достигаютъ средняго роста около шести футовъ, при соотвѣтственномъ развитіи мускульной системы; Манзанеры меньше ростомъ, но за то болѣе красиваго сложенія. На пространствахъ отъ Рио-Негро до Магелланова пролива живутъ въ настоящее время до полутора гдсячи душъ тегуэльховъ, 600 пампасовъ и около тысячи манзанеровъ всего до 3.000 человекъ.

Обычай, при различных торжественных случаях дѣлать 101 выстрѣлъ изъ пушки, какъ разсказываютъ нѣкоторые, произошелъ слѣдующимъ образомъ: когда императоръ Максимилианъ торжественно въѣзжалъ въ Аугсбургъ, то въ честь его должны были сдѣлать 100 выстрѣловъ. Тотъ, кому поручено было считать выстрѣлы, при окончаніи пѣльбы сбился со счету и не зналъ навѣрное: было-ли сдѣлано 100 выстрѣловъ, а потому приказалъ выстрѣлить еще разъ. Послѣ этого императоръ совершилъ въѣздъ въ Нюрнбергъ; городъ этотъ хотѣлъ привѣтствовать императора такимъ же образомъ, какъ и Аугсбургъ, но для того, чтобы не отстать отъ послѣдняго, рѣшено было произвести также 101 выстрѣлъ и такимъ образомъ обычай этотъ сохранился и по сіе время. Нѣкоторые же историки приписываютъ происхождение этого обычая—древне-германскому обычаю при каждомъ счетѣ прибавлять единицу.

Уваженіе къ памяти основателя республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки безграницно—и недавно выразилось въ одномъ любопытномъ фактѣ: мѣстныя власти въ Сен-Луи—торговомъ центрѣ штата Миссури, узнавши, что въ городѣ этомъ живетъ дряхлая старуха, которая помнитъ еще Вашингтона, назначили ей ежемѣсячно вспоможеніе въ три доллара.

Число бизоновъ въ большихъ степяхъ сѣверной Америки дѣйствительно сильно уменьшилось; но все-таки еще стада ихъ въ сотни тысячъ головъ постоянно кочуютъ отъ сѣвера къ югу и обратно. Корреспондентъ одной изъ бостонскихъ газетъ встрѣчалъ въ преріяхъ необозримыя стада. Бизоны особенно полюбили телеграфныя столбы; они трутъ о нихъ бока и спину и постоянно опрокидываютъ ихъ на землю. Замѣчательно, что стадо бизоновъ никогда не переходитъ черезъ желѣзно-дорожный путь; они бѣгутъ вдоль рельсовъ до тѣхъ поръ, пока найдутъ переходъ гдѣ нибудь подъ высокимъ мостомъ.

Въ Кавудсѣ Гопѣ, одной изъ алмазныхъ копей Южной Африки, добыли изъ земли алмазъ, который своею величиною, формой и качествомъ превосходитъ все, что добывали до сихъ поръ. Ему дано названіе «Звѣзды Клана, Вильяма и Викторіи», и великолѣпнѣе своимъ онъ затмѣваетъ знаменитую «Южно-Африканскую звѣзду». Вѣситъ онъ 92 карата, не имѣетъ никакого ягта и цѣнится 60,000 фунтовъ стерлинговъ. Новая копь, необыкновенно богатая, открыта была на берегу Ваала, въ округѣ Востофа. Въ теченіи трехъ дней добыли алмазы въ 28½, въ 14½, въ 12, въ 37½ и во 107 каратовъ. Послѣдній—самый огромный изъ всѣхъ, добытыхъ алмазовъ въ Африкѣ, и его назвали «Даймондіа». Онъ не такъ чистъ, какъ вышеупомянутый, и цѣнится въ 25,000 фунтовъ стерлинговъ. Изъ Гоптауна извѣщаютъ, что въ тамошнихъ алмазныхъ копяхъ найдено два алмаза, одинъ въ 52, другой 115 каратовъ.

Лондонъ до 1857 года безпокоили ночныя воровы, которыхъ нападенія и наслія надъ жителями день ото дня увеличивались. Ни тюрьма, ни временная или пожизненная ссылка, ни даже казнь, примѣняемая къ болѣе виновнымъ,—ничто не останавливало дерзости злодѣевъ. Грознѣе всѣхъ другихъ разбойниковъ было страшное общество душителей (garotters), которое выказывало болѣе всѣхъ ихъ упорное сопротивленіе противъ всякихъ средствъ, предпринятыхъ правительствомъ. Напрасно правосудіе англійское употребляло самыя строгія мѣры для ихъ истребленія. Ничто не помогало. Душители постоянно тревожили пѣшеходовъ своимъ нападеніемъ. Всякій, кому только приходилось поздно вечеромъ идти по отдаленнымъ и малонаселеннымъ кварталамъ города, подвергался, при поворотѣ въ какую нибудь улицу, внезапному нападенію душителя, который, схвативъ его за горло, сдавливалъ его своими желѣзными руками все сильнѣе и сильнѣе до тѣхъ поръ, пока несчастный, вынужденный страданіями, не позволялъ себя ограбить.

Для того, чтобы избавить Лондонъ отъ этого бича, нужно было, волей неволей, прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Королевское правительство, тронутое жалобами, которыя оно со всѣхъ сторонъ слышало, рѣшилось заступиться, и, шесть лѣтъ тому назадъ, представило въ парламентъ, требуя примѣненія къ душителямъ наказанія кнутомъ.

Проектъ этотъ былъ принятъ и тотчасъ же приведенъ въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ ночныя нападенія начали мало по малу уменьшаться, а въ настоящее время они столь же рѣдки, какъ прежде были часты.

Душителя, приговореннаго къ наказанію кнутомъ, приводятъ на тюремный дворъ; здѣсь, въ присутствіи шерифа и доктора, обязаннаго соразмѣрять удары съ физическою силою осужденнаго, его привязываютъ къ деревянному столбу, и, обнаживъ его спину, палачъ начинаетъ наносить ему удары кнутомъ съ девятью длинными, узкими ремнями.

Этотъ кнутъ, этотъ страшный cat-o'-nine-tails (девятыхвостая кошка), котораго каждый кожаный ремень состоитъ изъ тройнаго узла на концѣ, падая на спину осужденнаго, образуетъ на ней глубокія раны, изъ которыхъ струится кровь. Рѣдко число ударовъ превышаетъ двадцать; часто, послѣ десяти, докторъ приближается къ виновному, щупаетъ пульсъ и приказываетъ прекратить наказаніе.

Конечно, нельзя не содрогнуться при мысли о такомъ ужасномъ родѣ наказанія. Не смотря на то, не слѣдуетъ торопиться обвинять въ излишней жестокости и безчеловѣчности средство, которое не было употреблено иначе, какъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, противъ неисправимыхъ злодѣевъ, которымъ даже висѣлица не страшна.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 15 Августа послѣдовалъ торжественный въѣздъ Высоконареченной Невѣсты Е. И. В. В. К. Владиміра Александровича, Ея Высочества Герцогини Мекленбургъ-Шверинской Маріи въ С.-Петербургъ. Для встрѣчи Ея Высочества, всѣ расположенныя въ Петербургѣ и окрестностяхъ войска, кромя 24-й пѣходной дивизіи и 24-й артиллерійской бригады, находящихся въ лагерѣ подъ Краснымъ-Селомъ, были поставлены по всему пути параднаго кортежа. Всѣ войска стояли развернутымъ фронтомъ и были одѣты въ полной парадной формѣ. У воксала Царско-сельской желѣзной дороги уже стояли парадныя золоченныя кареты и фэгоны, и стояла выстроившись въ двѣ шеренги, тыломъ къ Семеновскому госпиталю, свита Его Величества. Почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа стоялъ около Императорскаго подъѣзда воксала желѣзной дороги. Почти въ часъ пополудни начался пальба изъ орудій пѣшей артиллеріи, стоявшей на Семеновскомъ плацу. Это было сигналомъ, что Императорскій поѣздъ изъ Царскаго-Села приблизился къ Егерской церкви. Воксаль снаружи былъ убранъ флагами, а внутри тропическими растеніями. При выходѣ Ихъ Величества и Членовъ Императорской Фамиліи изъ вагоновъ раздались звуки музыки, скрытой за растеніями. Принявъ отъ Вели-

каго Князя Николая Николаевича рапортъ, Государь Императоръ изволилъ лично командовать «на караулъ», и парадный кортежъ поѣхалъ впередъ, сопутствуемый звуками народнаго гимна и криками «ура» войска и находившихся за войсками массы народа. Государь Императоръ изволилъ ѣхать по правую сторону, а Великій Князь Владиміръ Александровичъ по лѣвую сторону парадной кареты, въ которой сидѣли Ея Величество Государыня Императрица и Высоконареченная Невѣста Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская Марія. Во второй каретѣ находились Ея Высочество Государыня Цесаревна и Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, и въ третьей—Великія Княгини Александра Петровна и Ольга Феодоровна. Изъ находящихся на пути церковей духовенство выходило на паперти съ крестами и хоругвями. У Казанскаго собора кортежъ остановился; Государь Императоръ изволилъ сойти съ лошади, а Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста и Великія Княгини вышли изъ экипажей и вошли въ соборъ. Когда молитва въ соборѣ была окончена, парадный поѣздъ тронулся далѣе къ Зимнему дворцу, а затѣмъ въѣхалъ во дворъ, въ большія ворота. Высочайшія Особы, по выходѣ изъ экипажей, изволили слѣдовать въ Большую церковь дворца, откуда по окончаніи молитвы отправились въ внутренніе покои.

— Высочайшій манифестъ:

Божією милостію Мы АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій Царь польскій, Великій Князь финляндскій и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

По соизволенію Божію и Родительскому Нашему и Любезнѣйшей Супруги Нашей, Государыни Императрицы Маріи Александровны, благословенію, Любезнѣйшій Сынъ Нашъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью владѣтельнаго великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Герцогинею Маріею, и въ 16-й день сего августа торжественно совершено въ Намѣхъ присутствіи бракосочетаніе Ихъ въ соборной церкви Зимнаго дворца, по уставамъ нашей православной церкви.

Возвѣщая о семъ радостномъ для родительскаго сердца Нашего событіи, и повѣщая Любезнѣйшую Нашу Невѣстку, Супругу Великаго Князя Владиміра Александровича, именовать Великою Княгинею Маріею Павловною, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполне убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединятъ теплыя мольбы ихъ съ Нашими къ Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постоянного, неизблегаемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 16-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ четвертое, Царствования же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
«АЛЕКСАНДРЪ».

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: Учредить съ 1-го іюля 1874 г. 15 новыхъ прогимназій, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г. устава и штата гимназій и прогимназій, въ городахъ: С.-Петербургѣ — двѣ и по одной: въ Москвѣ, Одессѣ, Серпуховѣ, Вольскѣ, Бѣломѣ, Суражѣ, Прилукахъ, Коломнѣ, Егорьевскѣ, Рославлѣ, Касимовѣ, Ржевѣ и Ахтыркѣ. Прогимназій: казанскую, одесскую первую и кіевно-подольскую преобразовать, съ того же 1-го іюля 1874 г., въ гимназій на основаніи устава и штатовъ, Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г.

— Высочайше повелѣно: Бердянское учебное лѣсничество преобразовать въ образцовое степное лѣсничество, съ цѣлью служить центромъ и образцомъ лѣсоразведенія въ мѣстностяхъ Таурической и смежныхъ губерній, а также содѣйствовать распространенію въ краѣ древоводства и садоводства.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ Ташкентѣ получено недавно предписаніе министерства финансовъ о закрытіи съ 1875 года дѣйствій зыкетнаго управленія въ гор. Ташкентѣ и вообще о прекращеніи сборовъ торговыхъ пошлинъ по зыкетной системѣ, и о введеніи въ краѣ дѣйствующаго въ Россіи общаго положенія о пошлинахъ, съ нѣкоторыми болѣе или менѣе важными льготными измѣненіями.

— Въ Новочеркасскѣ 9-го іюля открыта коммисія для пересмотра существующаго закона о рыболовствѣ въ войскѣ донскомъ. Коммисія эта займется и составленіемъ новаго проекта Положенія объ этомъ промыслѣ, причѣмъ ею будутъ принимаемы въ соображеніе заявленія по вопросу о рыболовствѣ частныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ этимъ промысломъ.

— 5-го іюля вышелъ въ свѣтъ изданный II Отдѣленіемъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Высочайше одобренный XLV томъ Полнаго Собранія Законовъ, содержащій въ себѣ узаконенія за 1870 годъ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Со времени учрежденія миссіонерской церкви для китайскихъ эмигрантовъ, въ Саркандскомъ выселкѣ, протекло почти пять лѣтъ. Въ это время всѣ эмигранты, окрестившіеся въ Копальскомъ округѣ и принявшіе русское подданство, вошли уже въ составъ русскаго казачьяго населенія области, прочно водворившись въ Сарканѣ и частію въ выселкахъ Карабулакскомъ и Коксуйскомъ. Точно также истекаетъ пятилѣтіе и миссіонерской дѣятельности въ Сарканѣ среди новокрещенныхъ, начавшейся съ октября 1868 года. Результаты этой дѣятельности состоятъ въ слѣдующемъ: за минувшее пятилѣтіе мужская школа въ Сарканѣ воспитала 39 человекъ, изъ которыхъ многіе вышли не только умѣющими хорошо говорить по русски и достаточно грамотными, но и сознательно вѣрующими и всецѣло преданными православной

вѣрѣ христіанской; одинъ изъ этихъ учениковъ нынѣ исправляетъ при церкви должность псаломщика, и пять человекъ обязанности пѣвцовъ при богослуженіи. Сердечное расположеніе эмигрантскаго населенія въ Сарканѣ къ православной вѣрѣ очевидно. Кромѣ 669 чел. обоаго пола, водворившихся въ Сарканѣ, остальные новокрещенные, причислившіеся нынѣ къ выселкамъ Карабулакскому и Коксуйскому, вошли въ составъ Коксуйскаго прихода и состоятъ подъ наблюденіемъ коксуйскаго священника о. Знаменскаго. Такимъ образомъ, дѣло воспитанія въ истинныхъ христіанствѣ эмигрантовъ въ Копальскомъ округѣ поставлено уже на прочныя начала.

— Въ Вильнѣ 6-го августа праздновалась десятилетняя годовщина существованія Виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства. После богослуженія происходило общее годовичное собраніе братчиковъ, на которомъ, по выслушаніи отчета за 1873—1874 гг., открыта была подписка для членскихъ взносовъ, и затѣмъ произведенъ выборъ членовъ совѣта. Капитальнѣе братства съ поступившими нынѣ взносами достигаетъ цифры свыше 16,000 р.

— Въ Житомирѣ всѣ работы по постройкѣ новаго православнаго собора окончены. 16-го августа предполагено принять зданіе отъ строителя, а 30-го последуетъ освященіе. Новый храмъ можетъ вмѣстить до трехъ тысячъ человекъ и по грандіозности постройки и по украшениямъ составляетъ великолѣпное зданіе.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Въ Рыбинскѣ, въ видахъ охраненія судовъ и пристаней отъ пожаровъ, учреждена въ нынѣшнемъ году рѣчная полиція, состоящая изъ 35 человекъ команды. Въ распоряженіи этой полиціи находится пароходъ, на которомъ установлены четыре пожарныя паровыя донки, 8 лодокъ и всѣ необходимые пожарныя инструменты. 28-го іюля, начальникъ губерніи на пароходѣ рѣчной полиціи отправился по всѣмъ рыбинскимъ пристанямъ по рр. Волгѣ и Шекснѣ для обозрѣнія порядка разстановки судовъ, сдѣланной уже на основаніи вновь утвержденныхъ правилъ. Во время этого обозрѣнія произведены были нѣсколько разъ примѣрныя пожарныя тренюги для испытанія качества и силы паровыхъ пожарныхъ донокъ и умѣнья команды съ ними обращаться. Какъ разстановку судовъ по пристанямъ, такъ и дѣйствія парохода съ донками и командами оказались вполне удовлетворительными.

— 15-го іюля открыта въ Вологдѣ богадѣльня съ лечебницею, названная «Пестеревскою», по имени покойнаго потомств. поч. гражд. В. И. Пестерева, пожертвовавшаго для учрежденія богадѣльни до 9,000 руб. и домъ подъ ея помѣщеніе.

— Клинская городская дума, признавъ необходимымъ, въ видахъ городского благоустройства и улучшенія гигиеническихъ условій города, замостить городскую площадь, занимающую пространство въ 950 кв. саж., опредѣлила ассигновать необходимую на сей предметъ сумму изъ общихъ средствъ городской кассы.

— Богородская городская дума (Московской губ.) назначила на замощеніе улицъ въ городѣ 7,693 руб., съ употребленіемъ камня, добываемаго на городскихъ земляхъ.

— Съ 9-го іюля въ гор. Твери открыта контора ассенизаціи для очистки усовершенствованнымъ способомъ нечистотъ съ дворовъ, улицъ и площадей.

— Одесская городская управа, имѣя въ виду сдѣлать доступными для всѣхъ гражданъ и въ особенности для домовладѣльцевъ исполненіе ихъ обязанности содѣйствовать городскому общественному управленію въ устраненіи вреднаго вліянія нечистоты на здоровье жителей, открываетъ въ разныхъ мѣстахъ города склады для дезинфекціонной массы по доступной для всѣхъ цѣнѣ—30 коп. за пудъ.

— Въ Ставрополѣ, 3-го сего іюля, открыта городская управа, образованная на основаніи Высочайше утвержденного 16-го іюня 1870 года Городоваго Положенія.

СПОРТЪ.

— «Кроншт. Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія подробности о бурѣ, выдержанной въ морѣ судами флотилии яхточекъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхт-клуба, отправившейся 21-го іюля, подъ брѣйдъ-вымпеломъ вице-командора А. И. Лера, для сопровожденія ботииковъ-крейсеровъ Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Когда яхты снялись съ якоря, вѣтеръ былъ свѣжій W; поврежденіямъ моросилъ дождь. За Лондонскимъ маякомъ W началъ крѣпчать, море покрылось бѣлыми зайчиками; за Стиреуденскимъ же маякомъ засвирипѣла настоящая буря, и море начало покрываться сплошною массою, но уже не прыгавшихъ зайчиковъ, а высоко, грозно поднимавшихся бѣлыхъ валовъ. Боты-крейсера и яхты, снявшіеся первыми, успѣли проскочить въ Біоркэ-зундъ прежде нежели буря вполне разыгралась. Полное ея дѣйствіе пришлось испытать флагманской яхтѣ «Заря» и яхтѣ «Рѣзвушка»: W дулъ съ страшною силою; волны поднимались выше половины мачты; безпрестанно налетавшіе съ разныхъ румбовъ шквалы безжалостно кляли «Зарю» на бокъ, и не разъ заставляли ее черпать цѣлымъ бортомъ; но на рудѣ сидѣлъ опытный морякъ-любитель Д. И. Маршаловъ, и яхта послѣ семисаженной борьбы отдала якорь въ 1 1/2 верствъ отъ берега острова Біоркэ, на 15 саженьхъ глубины. Въ Койвисто «Заря» нашла стоящими на якорѣ оба бота-крейсера, яхты «Дагмаръ» и «Темзу» и лежащую на боку яхту «Волна», которую 21-го числа сорвало съ двухъ якорей и выбросило на мель; несчастій не произошло.

— Изъ отчета о дѣйствіяхъ Скаковаго общества въ Царствѣ Польскомъ за 1873 г. видно, что въ прошломъ году участвовали въ скачкахъ 29 лошадей, принадлежащія 17-различнымъ коннозаводчикамъ и помѣщикамъ преимущественно изъ Имперіи и Царства Польскаго. На скачкахъ было взято 23 приза, на сумму до 10,381 руб. 13 лошадыми, принадлежащими 7 владѣльцамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Крѣпость Копорье (съ рисункомъ). — Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. А. Вѣиенцова (продолженіе). — Борьба за Неву. IV. XV вѣкѣ. Лапландскій походъ на лыжахъ въ 1496 году (съ рисункомъ). — Лорингъ и Волчій постъ. (Эпизодъ изъ польскаго мѣтежа 1863—64 годовъ) (продолженіе). Н. Карзина. — Народы Россіи. XXI. Зыряне (съ тремя рисунками). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Встрѣчая въ числѣ нашихъ иногородныхъ полугодовыхъ подписчиковъ (съ 1 Іюля или съ № 27) много новыхъ именъ и имѣя въ виду, что начало нѣкоторыхъ повѣстей и статей было помѣщено въ первомъ полугодіи, редакция „Нивы“ имѣетъ честь увѣдомить гг. подписчиковъ на второе полугодіе, что въ конторѣ ея можно пріобрѣтать и первое полугодіе „Нивы“ (№№ 1—26) высылая 3 руб.

въ сраженіяхъ при Ухумѣ, Хаятѣ, Яны-курганѣ, Чапакъ-атѣ, Самаркандѣ, Ургутѣ, Кара-тюбе, Катта-журганѣ, Зарабулакѣ, Карши, Джамѣ и во многихъ другихъ. Главнѣйшими изъ наградъ, полученныхъ имъ за это время, были: золотая сабля за *храбрость* и орденъ Владиміра съ мечами.

Начало литературно-художественной дѣятельности Каразина относится къ 1871 году, когда онъ внезапно выступилъ во всеоружіи двухъ дарованій: какъ живописецъ съ цѣлымъ рядомъ средне-азиатскихъ эскизовъ и какъ писатель—съ перваго произведеніи своего завладѣвшій вниманіемъ публики. Съ тѣхъ поръ онъ является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Нивы», «Illustrated London News», «Всемирной Иллюстраціи», «Бесѣды» и «Дѣла». Въ теченіи съ небольшимъ трехъ лѣтъ, при необыкновенной плодовитости и богатствѣ запасенныхъ матеріаловъ, онъ успѣлъ написать два большихъ романа: «На далекихъ окраинахъ Россіи» и «Въ погоню за наживой», повѣсть «Въ камышахъ» («Нива» 1873 г.), средне-азиатскіе этюды: «Изъ Центральной Азіи», «Рахмедъ-Инапъ-Бекъ Заадинскій», «Зарабулакскія высоты», «Мирза-Кудлайбай купецъ богатый», «Акъ-томакъ» и множество мелкихъ статей и очерковъ, а въ настоящее время онъ готовится къ печати въ «Нивѣ» большой бытовой романъ «Двуногій волкъ». Въ то же короткое время исполнены имъ до 200 рисунковъ на деревѣ, помѣщенныхъ въ различныхъ иллюстрированныхъ

изданіяхъ, по которымъ и знаетъ его какъ живописца большинство публики — отчасти лишь, такъ какъ специальность Каразина составляетъ акварель, а не карандашъ. Надо видѣть его акварельные рисунки, чтобы имѣть полное понятіе объ его талантѣ, которому удивлялись въ Германіи перво-степенные хромо-литографы при исполненіи его произведеній на камнѣ для большого альбома «Хивинскій походъ».

Съ неменьшимъ успѣхомъ писалъ Каразинъ и клевыми красками—большія историческія картины изъ жизни Петра I, выставленныя на Царицыномъ лугу во время торжества двухсотлѣтняго юбилея Великаго Преобразователя Россіи (взяты Дербента, Петръ I выковывающей полосу желѣза и др.).

Соединяя въ себѣ наблюдательность этнографа съ талантами писателя и живописца и будучи ориенталистомъ благодаря службѣ въ Средней Азіи, Каразинъ не могъ не обратить на себя вниманія при составленіи ученой экспедиціи въ мѣста его прошлыхъ военныхъ подвиговъ. Онъ принялъ новое назначеніе съ восторгомъ и горячностью, которою отмѣчены всѣ его труды, — и въ началѣ мая былъ уже на пути къ Аму-Дарьѣ. Въ портфель редакціи «Нивы» уже находятся нѣсколько рисунковъ и очерковъ, присланныхъ имъ изъ Казалинска, изъ которыхъ первая серія помѣщается въ нынѣшнемъ номерѣ.

СКАЗАНО ЧТО АЗІЯ *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Рѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА IV.

Рыло.

Дѣло, объ которомъ упоминалъ и собирался разсказать старый князь, было въ концѣ декабря мѣсяца. Погода стояла прекрасная; походъ былъ преселый; офицеры собрались какъ на подборъ—ребята славные; пѣсельники въ III полку были отличные;—но всего болѣе забавлялъ ручной медвѣдь, который въ походѣ всегда отправлялся съ ложечникомъ впереди.

Переправясь благополучно чрезъ рѣку Алазань, отрядъ шелъ всю ночь, не смотря на дурную дорогу, ведущую дремучимъ, допотопнымъ лѣсомъ, мѣстами пересѣкаемомъ лощинами, заросшими высокими камышомъ, въ которомъ могъ скрѣпиться человекъ на лошади верхомъ. Особенно трудно было перевозить артилерію. Дикіе звѣри стадами разбѣгались, при видѣ войска, при стукѣ лафетныхъ колесъ... На разсвѣтѣ отрядъ вышелъ изъ лѣса и увидалъ передъ собою огромную равнину, огражденную съ обѣихъ сторонъ горами, образовавшими глубокое ущелье, занятое селеніемъ; окруженное садами, оно укрѣплялось каменными завалами. Это были Бѣлоканы.

Утро было ясное, мертвая тишина царствовала въ воздухѣ и окрестностяхъ, какъ будто въ странѣ необитаемой; лазутчики донесли однакоже князю, что въ селеніи, кромя жителей, находилось тысячъ до десяти горцевъ, спустившихся изъ Джемгута.

Расположивъ отрядъ въ боевой порядокъ, князь велѣлъ солдатамъ варить кашу и отдыхать, — между тѣмъ послалъ, находившихся съ нимъ старшинъ изъ другихъ селеній Джарской области, уговаривать бѣлоканцевъ, во избѣжаніе кровопролитія, принять отрядъ съ хлѣбомъ и солью, очистить селеніе отъ горцевъ и покориться.

Посланные возвратились съ отвѣтомъ, что предводитель мятежниковъ Кара-Оглы и слышать не хотѣлъ о покорности,

сказавъ: «великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его, я слуга ихъ—и скорѣй умру чѣмъ покорюсь *яурамъ*.» Дѣлать было нечего, приходилось драться; но какъ селеніе было обширно и раздѣлено рѣчкой на двѣ половины, то, не имѣя понятія о позиціи непріятеля, князь не зналъ, съ которой стороны удобнѣе повести атаку, и рѣшился пожертвовать частію кавалеріи, чтобы открыть непріятеля,—вызвалъ охотниковъ, явилось пятьдесятъ человекъ молодцовъ на лихихъ коняхъ. При Омарджидзе находился на ординарцахъ молодой князь Джаритовъ, красавецъ собой, славный наѣздникъ, единственный сынъ у матери. Старый князь очень любилъ его и былъ друженъ съ его отцомъ. Молодой князекъ убѣдительно просилъ Омарджидзе поручить ему команду охотниковъ; тотъ долго не рѣшался, но подумавъ, что «тамъ нѣтъ смерти, гдѣ не назначено ее встрѣтить»,—благословилъ его. На сѣромъ карабахскомъ жеребцѣ помчался Джаритовъ по равнинѣ впереди удалцовъ-милиціонеровъ — и въ одно мгновеніе скрылись они изъ глазъ отряда въ густой зелени садовъ.

Между тѣмъ солдаты отдохнули и отрядъ сталъ подвигаться къ селенію. Не прошло получаса времени, какъ Омарджидзе услышалъ сильную ружейную пальбу и повелъ войска въ атаку. Стрѣлки, взявъ ружья на перевѣсъ, бросились на завалы, мигомъ выбили изъ нихъ непріятеля и заняли сады; нѣсколько милиціонеровъ изъ отряда охотниковъ князя Джаритова возвратились раненные и разсказали Омарджидзе, что главныя силы непріятеля находятся за рѣчкой въ мечети и въ устроенныхъ около нея завалахъ;—что будучи ранены сами и лошади подъ ними тоже, они не могли слѣдовать за княземъ.

Не получа такимъ образомъ никакихъ свѣденій о князѣ Джаритовѣ и его отрядѣ, Омарджидзе былъ сильно огорченъ. Это заставило его поторопиться взять селеніе штурмомъ. Князь тотчасъ послалъ часть отряда въ обходъ селенія, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятелю, а самъ повелъ остальное войско впередъ. Несмотря на перекрестный ружейный огонь, въ улицахъ до того тѣсныхъ, что артилерію ввести въ дѣло было невозможно, — двѣ роты III полка, ворвались въ селеніе, выбѣжали на площадку и разсыпали стрѣлковъ вдоль рѣчки, опушенной мелкимъ кустарникомъ. На противоположномъ берегу находилась мечеть, огромное ка-

*) Солдатская поговорка.

менное стропіе, занятое мюридами, тѣлохранителями Кара-Оглы и лучшими избранными людьми изъ его шайки. Изъ бойницъ, продѣланныхъ въ каменныхъ стѣнахъ, осыпало отрядъ страшнымъ огнемъ и людей перебило довольно. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ Омарджидзе услышалъ пушечную пальбу. Не зная, что это значило, онъ поскакалъ туда—и увидѣлъ артиллерійскаго поручика Красавина съ двумя орудіями; эта отчаянная голова уговорилъ солдатъ, находившихся въ прикрытіи, разобрать лафеты и на себѣ втащить орудія въ селеніе; въ первую минуту князь хотѣлъ арестовать его, но какъ брешь въ стѣнѣ мечети была уже значительная, то старикъ внезапно повеселѣлъ, обнялъ и расцѣловалъ храбреца, построилъ войска въ колонну и повелъ на приступъ; перешли въ бродъ чрезъ рѣчку, съ громкимъ ура бросились въ брешь и пошла рукопашная: все что оставалось не-пріятеля въ мечети—было переколото штыками,—но Кара-Оглы успѣлъ уйти и съ лучшими наѣздниками переправился черезъ рѣчку, заскакавъ въ тылъ нашихъ орудій и ударилъ на нихъ въ шайки. Въ прикрытіи людей оставалось немного, Омарджидзе собралъ конныхъ милиціонеровъ, какъ вихрь налетѣли они на лезгинъ—и рѣзня пошла страшная. Но когда Омарджидзе увидѣлъ въ торокахъ сѣдла Кара-Оглы отрубленную голову князя Джаритова, старый князь освирипѣлъ, бросился прямо на него, тотъ встрѣтилъ князя выстрѣломъ изъ пистолета, пуля пробилла ему мягкую часть ноги, Омарджидзева пошла тому въ глазъ; онъ зашатался, князь воткнулъ ему кинжалъ въ горло, Кара-Оглы повалился на князя... Лезгинны, увидавъ это, дали тылъ, но встрѣченные картечью изъ орудій, прибывшихъ съ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ селенія въ началѣ дѣла и успѣвшимъ подойти во-время, бѣжавшіе устилали своими трупами берега рѣки и много ихъ унесло быстротою потока. Омарджидзе велѣлъ ударить отбой, но солдаты были до того ожесточены, что не слыхали его и продолжали колоть людей и жечь сакли. Селеніе пылало. Наконецъ ночь мирительнымъ крыломъ своимъ прекратила ужасный бой, не прерывавшійся почти ни на минуту, въ продолженіи цѣлаго дня,—лезгинны съ отчаяніемъ защищали колыбель своей свободы, свое разбойничье гнѣздо. Когда войска вышли изъ селенія и расположились биваками на равнинѣ,—было уже совершенно темно;—разложили огромные костры дровъ; запылали виноградныя лозы садовъ Бѣлоканскихъ и сакли, крытыя камышомъ. Эта ночь была прощальной ночью для убитыхъ—съ міромъ, для удѣлѣвшихъ—съ отшедшими братьями, для лезгинъ—съ буйнымъ разгуломъ ихъ дикой жизни. На другой день Бѣлоканцы прислали избранныхъ ими старшинъ: просить пощады и принести покорность. Это былъ день Рождества Христова, — но какъ въ отрядѣ не было ни походной церкви, ни священника, то отрядъ, построясь въ каре, молился про себя. Князь поздравилъ солдатъ съ торжественнымъ праздникомъ и побѣдой. Громкое ура огласило селеніе, въ которое вошли съ музыкой и пѣснями.

Но такова безпечность въ характерѣ русскаго солдата: чрезъ часъ все было забыто—и бой, и кровь, и смерть. Закипѣли артельные котлы съ кашпией, цѣлые бараны жарились на горячихъ угольяхъ, открылся рядъ духановъ.—Армяне на это люди неощѣненные, они какъ вѣроны всегда слѣдуютъ за войскомъ, въ одну минуту у нихъ разбитъ походный шатеръ, огромный бурдюкъ взгроможденъ на приспѣнкахъ и, какъ кровь изнутри его, струей льется чихиръ благодатный. Солдаты обнявшись, шинели на распашку, фуражки на бекрень, съ трубочками въ зубахъ, толпились около духановъ,—потягивали чихиръ, да попѣвали свои родныя пѣсенки,—промѣнивая Армянамъ разныя вещи, отбитыя у не-пріятеля въ дѣлѣ. Кто лошадь велъ въ поводу, кто былъ обвѣшанъ оружіемъ, кто тащилъ платье, ковры, словомъ: это былъ совершенный базаръ.—Двѣ недѣли простоялъ Омарджидзе съ отрядомъ въ Бѣлоканахъ, сдѣлалъ нѣсколько поисковъ въ горы, гдѣ нашель много лезгинъ убитыми и ранеными, которыхъ бѣжавшіе Джемутавцы унести не успѣли. Наконецъ, приведя все въ порядокъ, оставилъ надъ Бѣлоканцами пристава и ушоль.

Когда князь Омарджидзе окончилъ разсказъ свой, было уже близко къ разсвѣту. Отъ Ираклія не было ни вѣсточки. Князь Бурдюкадзе совсѣмъ протрезвился, предчувствуя опасность, и не дождавшись результата похода, поѣхалъ домой, разсказывая дорогой каждому встрѣчному, что весь Дагестанъ поднялся на Кахетію.

Не такъ проводили ночь въ отдаленной части дома, гдѣ находилась комната княжны Майко. Два окна, въ готическомъ вкусѣ, выдавались въ садъ. Они были отворены, но ихъ снаружи закрывала густая тѣнь широколиственныхъ каштановъ и фигъ, вѣтви цвѣтущихъ каприфолій густой гирляндой окаймляли ихъ и пробивались внутрь оконъ.—Свѣжій воздухъ южной ночи наполнялъ комнату ароматомъ, не колебля бѣлчхъ, кисейныхъ занавѣсовъ, которые были опущены. Свѣтъ лампы, теплившейся у распятія, едва мерцалъ, слабо освѣщая стѣны комнаты, чисто и гладко оштукатуренныя особенной массой въ родѣ цемента, имѣющей натуральный цвѣтъ — gris de perle, которую Грузины отлично готовятъ; кирпичный полъ былъ устланъ искусно плетеными рогожками, турецкими коврами. На широкомъ низенькомъ диванѣ, покрытомъ папацами и коврами, лежала Майко. Ея бѣлыя, обнаженныя руки обнимали кругую, шелковую подушку и голова покоилась на рукѣ; длинныя косы волось, какъ черныя змѣи, изгибаясь, ползли по плечамъ и бѣлой сорочкѣ, къ ногамъ ея. Лицо ея было блѣдно, глаза по временамъ робко обращались къ распятію. Ее томило какое-то неясное предчувствіе. На полу, опираясь локтями на диванъ, сидѣла, поджавши ноги, старуха Марта. Стараясь разсѣять или по крайней мѣрѣ заглушить страхъ неизвѣстности, Марта говорила безъ умолку о предстоящей свадьбѣ, рисуя своей питомицѣ блестящую перспективу въ замужествѣ за молодымъ княземъ Бурдюкадзе, который хоть и не красивъ, толстенекъ, въ отца весь—да за то богатъ какъ падишахъ и станетъ исполнять малѣйшую прихоть красавицы, что она, старая Марта, вынынчала, выхолила на своей груди, всему свѣту на заглядѣнье... Княжна разсѣянно слушала ее, изрѣдка вставляя свое слово—далеко не въ пользу жениха, хотя и примирилась повидимому окончательно съ мыслью о свадьбѣ... Но и сквозь эту покорность судьбѣ, и сквозь страхъ за исходъ боя, и сквозь самый разговоръ ея съ мамкой, неотступно пробивался одинъ образъ—одна и та же мечта преслѣдовала молодую дѣвушку. Видѣлся ей статный юноша, пріятель ея брата, съ добрымъ, ласковымъ взглядомъ, съ чуждыми ей, необыкновенно мягкими и пріятными приемами... Грезилось ей, какъ вспыхивало красивое лицо его жаркимъ румянцемъ при встрѣчахъ съ ней и въ разговорѣ, когда княжна подаритъ его бывало ясной своей улыбкой... Припоминался ей и голосъ его, въ душу проникающій, его живые разсказы о большихъ городахъ тамъ на далекомъ сѣверѣ, гдѣ все не по нашему, гдѣ такъ много чудесъ и гдѣ ей такъ хотѣлось-бы побывать—не иначе конечно, какъ съ нимъ вмѣстѣ... А онъ погостилъ у нихъ недѣлку-другую—да и поѣхалъ дальше съ своимъ старымъ чудакомъ-дядькой, въ самую глушь горъ, на вражьи племена, подъ пули... Сердце молодой княжны стѣнялось невѣдомой дослѣ болью—и горько, и грустно дѣлалось ей, и жалко становилось ей этого русскаго офицера... и слеза сверкала въ глазахъ, обращенныхъ къ распятію.

Офицеръ этотъ былъ Искринъ.

ГЛАВА V.

Кровомшненіе.

Князь Ираклій тѣмъ временемъ все шель да шель съ дружиной на встрѣчу лезгинамъ. Ночь была темная, когда отрядъ выбрался изъ садовъ, окружавшихъ селеніе. Въ долину Алазанской волновался, какъ море, густой туманъ, представляя неизмѣримое пространство. Вездѣ царствовала тишина, только отдаленное завываніе шакаловъ оглашало окрестность и наводило какое-то уныніе на отрядъ, медленно подвигавшійся впередъ. Князь не хотѣлъ утомлять людей, разсчитывая сбересть ихъ силы для встрѣчи съ не-пріятелемъ. Всѣ эти мѣста имъ были совершенно знакомы;

они знали, гдѣ находился бродъ чрезъ рѣку Алазань, благополучно перебрались чрезъ нее, выславъ авангардъ и боковые патрули; они шли безмолвно лѣсомъ, съ большой осторожностью. Самое неприятное чувство испытывается, когда позиція непріятеля неизвѣстна, когда дѣлаются поиски. Является опасеніе наткнуться на засаду, встрѣтить силы противника далеко превосходящія ваши; — точно также, когда войско отступаетъ и его преслѣдуетъ непріятель, когда надо быть безпрестанно, какъ говорятъ французы: «sur le qui vive.» Тягостно чувство и передъ сраженіемъ. Великое достоинство — быстрота соображенія въ полководцѣ, который не держитъ долго въ напряженномъ состояніи мысли отряда. Когда непріятель открытъ, завязалось сраженіе, чувство самосохраненія, какъ невозможное, — исчезаетъ. Мысль, что надо драться, возбуждаетъ только усиліе разбить непріятеля.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть, послышалось ржаніе лошадей, князь остановился, началъ стягивать отрядъ свой; вдругъ передовой патруль далъ знать, что близко лезгинь. И дѣйствительно, межъ деревьевъ замелькали огоньки. Ираклій, взявъ нѣсколько человекъ, самъ пошелъ впередъ, чтобы осмотрѣть позицію непріятеля; лезгинь, не ожидая, вѣроятно, нападенія, устале, спали крѣпкимъ сномъ. Грузинь бросились на нихъ въ шапки, панической страхъ овладѣлъ внезапно пробужденными, они не успѣли даже взяться за оружіе, вскакивали съ просонкомъ, пускались бѣжать и падали подъ ударами; не много изъ нихъ уцѣлѣло. Князь пустился ихъ преслѣдовать, но, увлеченный пылкостью права, заскакалъ далеко впередъ и уже въ предгоріяхъ былъ встрѣченъ новой шайкой; разбитая имъ была не что иное, какъ передовой отрядъ. Тутъ увидѣлъ онъ свою ошибку, уже поздно. Со всѣхъ сторонъ изъ темноты выдавались движущіяся кучки конныхъ и пѣшихъ сверкая оруженіемъ... Князя окружилъ непріятель и спасенія не было никакого, онъ рѣшился дорого отдать жизнь свою. Отовсюду захопала выстрѣлы, мелькая красноватымъ огнемъ... Грузинь дрались какъ бѣшеные звѣри, но непріятель наваливался все свѣжими силами, точно изъ земли выростая... Перестрѣлка умолкла, слышенъ былъ только лязгъ холоднаго оружія. Князь Ираклій, прижавшись спиною къ огромному камню, рубился какъ изступленный; почти вся дружина лежала у ногъ его; человекъ пять или шесть еще защищали своего предводителя, какъ вдругъ передъ нимъ очутился всадникъ весь въ желѣзѣ, и пистолетный выстрѣлъ въ упоръ опрокинулъ молодаго князя на тотъ самый камень, что служить ему опорой; — это налетѣлъ конный отрядъ абрековъ — и въ мигъ остальные грузинь были перебиты... Предводитель лезгинъ Чанко-Оглы самъ отрубилъ голову Ираклія и опускаетъ ее въ торока, проговорилъ: «сведу отцу его въ подарокъ.»

За тѣмъ хищники пустились въ селеніе Циноскале, гдѣ мы оставили стараго князя Омарджидзе, въ ожиданіи извѣстія объ Иракліѣ.

Появленіе непріятеля всѣхъ смутило; въ селеніи оставались жены, дѣти и старики; кто имѣлъ силы бѣжать — скрылись въ окрестныхъ лѣсахъ. Чанко-Оглы ворвался въ домъ князя; нѣсколько человекъ служителей тщетно старались защищать входъ, десятокъ выстрѣловъ изъ оконъ не могъ остановить нападающихъ. Слуги тотчасъ были перебиты, и по трупамъ ихъ вошли варвары. Чанко бросилъ окровавленную голову князя Ираклія къ ногамъ отца его, сказавъ со смѣхомъ: «Не хочу дѣлиться добычей со смертію, не хочу похищать тебя изъ рукъ ея; но покуда она не закроетъ глаза твои, на, полюбуйся, поиграй этимъ»... Князь Омарджидзе, блѣдный какъ смерть, протянулъ руку и выстрѣлилъ изъ пистолета въ Чанко-Оглы, но рука его сильно дрожала — пуля ударила въ косякъ двери. Князь перекрестился, сказавъ лишь: «да будетъ воля Твоя» и опустился на диванъ, будучи не въ состояніи болѣе держаться на ногахъ. Чанко-Оглы бросился на него и кинжаломъ отрубилъ ему правую руку. Книгиня Тамара лежала въ крови безъ чувствъ; другою лезгинъ, сдирая съ нее платье и ожерелье, нанесъ ей нѣсколько ранъ кинжаломъ. Майко упала къ ногамъ злодѣя, умоляя его убить ее, но пощадить старуху, — тщетно. «Тебя

убить? смѣялся Чанко-Оглы, — нѣтъ, красotka, сорвать такую головку рука не поднимется.» Съ этими словами схватилъ ее, взбросилъ на плечо и вынесъ изъ дому, который уже начало обхватывать пламенемъ. Ее безъ чувствъ положили на арбу, напряженную парю воловь, и повезли за конвоемъ. Такъ, въ одинъ день, въ одинъ почти мигъ, несчастная Майко потеряла все... Чудовищная пропасть внезапно разверзлась между ея прошлымъ и ея будущимъ...

Когда она пришла въ себя, то дрожала всѣми членами, какъ испуганный ребенокъ, какъ птичка упавшая изъ роднаго гнѣзда. Слышитъ говоръ голосовъ около себя и боится открыть глаза... Не понимая вполнѣ лезгинскаго языка, она могла съ трудомъ однакоже разбирать слѣдующее: «Спасибо! Вы мнѣ сослужили знатную службу, — за то я не беру ничего изъ добычи: она вся ваша. Моя же добыча — эта красавица, голова ея брата и рука ея отца. Я исполнилъ долгъ свой, сдержалъ клятву, данную надъ могилой отца моего, отмстилъ за кровь его. Аллахъ наградитъ васъ за этотъ подвигъ, за то что вы истребили невѣрныхъ! Теперь вы мнѣ не нужны покуда, съ этой голубкой я одинъ отправлюсь... Сядемъ-же вокругъ огня да попируемъ на прощанье, а вы поздравьте меня съ молодой женой»...

Ужась овладѣлъ бѣдной дѣвушкой, сердце у нея замерло; она хотѣла бы съ радостію умереть въ это время. Чанко-Оглы подошелъ къ ней и потрясъ сильно за руку. Она старалась не дышать, не показывая признака жизни; но варваръ взялъ головню съ огнемъ и поднесъ къ ея лицу — обгорѣвшія уголья съ брызгомъ осыпали ее, она вскрикнула. Чанко захохоталъ... «Ага, красавица, сказалъ онъ, — ты вздумала обмануть глаза беркута¹⁾, вырваться изъ когтей его; напрасно!...» Онъ потащилъ ее къ огню, предлагая съ ними ужинать; но не только ѣсть, ей страшно было и сморгнуть на эти варварскія лица. Она съ тоскою озирала мрачные своды, въ которыхъ мѣстами уже сдѣлались разсѣлины, поросшія мохомъ и павиликой, висѣвшей надъ ихъ головами; посрединѣ горѣлъ огромный костеръ дровъ, и пламя освѣщало загорѣлыя отъ солнца, закопченныя порохомъ, черныя лица разбойниковъ; — на разосланныхъ буркахъ вокругъ огня одни изъ нихъ сидѣли, другіе лежали въ изорванной одеждѣ, съ пистолетами и кинжалами на поясахъ, у каждаго дымилась коротенькая деревянная трубочка въ зубахъ; звѣрскіе ихъ взгляды были устремлены, какъ у голодныхъ звѣрей, на барана, который жарился надъ грудой жара²⁾; другіе, болѣе нетерпѣливые, начинали пить бузу³⁾ до ужина. Густой дымъ наполнялъ пещеру. Не смотря на то, Майко узнала ее. Преданіе говоритъ, что она принадлежала каменной стѣнѣ, которая въ древности была построена грузинской царицей Тамарой, для защиты Кахетіи отъ нападений лезгинъ; мѣстами еще сохранились ея живописныя развалины, по которымъ можно заключить, что она была построена на протяженіи почти ста пятидесяти верстъ вдоль Алазанской долины. Въ этой-то святынѣ расположился Чанко-Оглы съ своими тѣлохранителями; они принялись ужинать и пить, забавляясь ѣдкими насмѣшками надъ Майко, называя ее новобрачной. Разлука съ отцомъ и матерью, рабство самое унижительное, страхъ и недоумѣніе въ ожиданіи ужасной будущности, безъ надежды на спасеніе, привели Майко въ какое-то изнеможеніе; она вся дрожала, а голова и грудь у нея горѣли; тоска палила ея сердце — и слезы у ней какъ будто высохли, но глаза ея сверкали по временамъ какимъ-то дикимъ огнемъ... Какъ бы тяжело человекъ ни было, а надежда согрѣваетъ его сердце: южная кровь грузинки заговорила въ ней; Майко думала, когда они умрутъ, воспользоваться ихъ опьяненіемъ, перерѣзать ихъ и бѣжать.

¹⁾ Хищная птица.

²⁾ Пропускаютъ сквозь барана длинный деревянный пестъ, концы котораго укрѣпляютъ на присошки; его поворачиваютъ, какъ вертелъ, надъ жаромъ.

³⁾ Буза — любимый и весьма хмѣльный напитокъ у лезгинъ. Онъ дѣлается изъ фруктовъ, имѣетъ видъ кислыхъ щей или кваса, также бродитъ и пѣнится, очень вкусенъ; вѣроятно отъ этого произошло у насъ въ простонародьи слово «набузыхаться».

Волненіе выдало ее... Чанко какъ будто подслупалъ мысль ся—и тотчасъ отрядилъ двоихъ къ отверстию пещеры, сказавъ, что они отвѣчаютъ своею жизнію за несохраненіе его добычи. Послѣдняя единственная надежда къ спасенію исчезла для Майко, какъ потухшій свѣтъ маяка для корабля въ бурю на морѣ. Она рѣшилась предаться на волю провидѣнія и ожидать съ терпѣніемъ своей участи.

Должно было выпить всю горечь чаши, ей предстоявшей. Ужинъ окончился пляской и пѣніемъ, и наконецъ залпомъ

чали ея воплямъ. Еслибы она встрѣтила дикаго звѣря, онъ бы только растерзалъ ее,— а это былъ человѣкъ-звѣрь. Онъ какъ беззащитную жертву задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ — и она лишилась разсудка...

На другой, день южное солнце взошло съ обычнымъ своимъ величіемъ изъ-за фіолетовыхъ горъ, и освѣтило страшную картину разрушенія.

Вчера еще роскошные сады осыпали скромныя хижины мирныхъ жителей селенія Циносхале; сегодня листва ихъ

Поѣздъ Аму-Дарьинской экспедиціи въ сыпучихъ пескахъ, между станціями Кулькудукъ и Акъ-Джулпасъ, ночью во время небольшого песчаного урагана. Рис. П. Карзинъ, грав. Стаковский.

Одна изъ почтовыхъ станцій Орско-Кавалинскаго тракта въ первобытномъ своемъ видѣ (только годъ тому назадъ). Рис. П. Карзинъ, грав. Вольскій.

Та-же почтовая станція въ нынѣшнемъ ея видѣ. Рис. П. Карзинъ, грав. Скрымоскій.

Городъ Кавалинскъ. Видъ съ противоположнаго берега Сыръ-Дарьи. Каменные верфи и пристань. Рис. П. Карзинъ, грав. Езерскій.

изъ ружей, — церемоніей, сопровождающей обыкновенно у азіатцевъ брачныя пиршества... Лезгинъ всѣ до послѣдняго нукера удалились. При нихъ ей было какъ-то легче, но увидавъ себя наединѣ съ злодѣемъ, она обмерла. На немъ небыло уже ни кольчуги, ни шлема съ наличникомъ, придававшихъ ему видъ зловѣщаго призрака, — но тѣмъ страшнѣе стали звѣрскія черты убійцы ея отца и брата... Онъ медленно приближался къ ней. Какъ описать ужасъ, овладѣвшій ею? — Она стала кричать, плакать, взывать о помощи, но тщетно все; лишь свистъ вѣтра, шумъ рѣки и завываніе шакаловъ отвѣ-

пожухла отъ пожара, вездѣ были видны слѣды разрушенія, дымились догоравшія строенія, какъ оставы стояли между ними обгорѣлыя каменные стѣны и царствовала мертвая тишина; — не видно было лица человѣческаго; кое-гдѣ валялись окровавленные трупы людей; собаки стаями собирались и жалобно выли, оплакивая смерть своихъ хозяевъ и подлизывая пролитую ихъ кровь.

Дождь князя Омарджидзе, обгорѣлый, стоялъ на возвышеніи, какъ старецъ надъ ужасною могилой.

Солнце скрылось, день уже склонялся къ вечеру, туманъ

подымался отъ озера и сливался въ густую массу со смраднымъ дымомъ, наполнявшимъ воздухъ.

А старый Зурабъ, израненный, съ запекшеюся кровью на перевязкахъ ранъ, опираясь на заступъ, стоялъ наклонясь надъ свѣжею, вырытою землею. Слезы изъ глазъ его, потъ съ лица и кровь съ незаживленныхъ ранъ каплями падали въ могилу, которую онъ рылъ для князя и княгини Омарджидзе.

— Боже! говорилъ онъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ стонами и рыданіями, едва переводя духъ отъ изнеможенія, — Боже! пошли мнѣ сколько нибудь жизни, поддержи мои силы...

Онъ, накануне, защищая ихъ, получилъ нѣсколько княжальныхъ ранъ; истекши кровью, онъ упалъ безъ чувствъ у дверей дома. Лезгини, полагая, что онъ умеръ, бросили его въ числѣ прочихъ труповъ и торопились увезти свою добычу; они оставили одинъ только живой памятникъ свидѣтелемъ своего злодѣянія — это няню похищенной Майко, старуху Марту, которую, ограбивъ, привязали къ дереву. Зурабъ, почувствовавшись уже на другой день, освободилъ ее. Они нашли князя и княгиню умершими въ объятіяхъ другъ друга. Не смотря на тяжелыя, еще не закрывшіяся раны и лихорадочное состояніе, честный старикъ упорно съ твердой волей продолжалъ благочестивый трудъ свой — и съ помощію стараго священника, окончивъ грустную работу, похоронилъ тѣла князя и княгини Омарджидзе, не пережившихъ ужаснаго удара, постигшаго ихъ на старости лѣтъ, и тяжелыхъ ранъ.

Между тѣмъ начали мало по малу возвращаться изъ лѣсовъ разбѣжавшіеся жители на пепелища жилищъ своихъ и устраивать шалаши, чтобы укрыться отъ непогоды наступавшей осени. — Марта была хорошая лекарка и усердно ходила за больнымъ Зурабомъ. Онъ началъ поправляться и наконецъ совершенно выздоровѣлъ, но не могъ оставаться на родинѣ: тяжелы были для него воспоминанія потерь. У него въ саду, подъ вѣковымъ каштановымъ деревомъ, куда уходилъ онъ обыкновенно отдыхать послѣ обѣда, зарытъ былъ небольшой глиняный кувшинъ съ червонцами, добытыми имъ

въ походахъ со старымъ княземъ, — которые онъ завѣщалъ на приданое обожаемой Майко, когда она пойдетъ замужъ.

Теперь онъ вырылъ эти деньги, купилъ лошадь, оружіе и отправился къ начальнику милиціи, князю Челпкадзе, который былъ родственникъ покойному князю Омарджидзе, зналъ давно Зураба и любилъ его какъ человѣка честнаго, храбраго и преданнаго господамъ своимъ; онъ съ радостію согласился принять его въ ряды своего войска и далъ ему въ команду сотню милиціонеровъ. — Зурабъ поклялся умереть съ оружіемъ въ рукахъ и ждалъ только случая отмстить за погибшее семейство своихъ господъ; участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ, во всѣхъ схваткахъ съ лезгинами, бывалъ впереди переднихъ и, казалось, искалъ смерти, — но она бѣжала отъ него. Милиціонеры чрезвычайно полюбили его, между ними вошло какъ-бы въ повѣрье, что гдѣ Зурабъ — тамъ и побѣда. Имя Майко сдѣлалось у него призывомъ къ бою, и когда онъ произносилъ въ изступленіи это магическое слово — гибель враговъ становилась неизбѣжною...

Только въ 30-мъ году, при взятіи штурмомъ селенія *Закаталы*, встрѣтилъ онъ Чанко-Оглы; они узнали другъ друга — лезгинъ былъ испуганъ и пораженъ видомъ Зураба, какъ привидѣніемъ. «Шайтанъ! *) шайтанъ!..» закричалъ Чанко и отшатнулся было назадъ, но когда Зурабъ напалъ на него, они схватились какъ звѣри, — это былъ поединокъ безъ выстрѣла; они рѣзались кинжалами — и оба, раненные, упали на землю. Офицеръ *** полка бросился на помощь грузину, но не могъ оторвать умирающаго Зураба отъ его добычи, — тотъ впился въ горло злодѣя зубами, стиснувъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ.

Въ это время Чанко-Оглы, весь израненный, собралъ послѣднія свои силы, чтобы достать лежавшій подлѣ него пистолетъ и выстрѣлялъ; пуля пробила ухо Зураба и контузила въ голову офицера, нагнувшагося къ нему. Чанко-Оглы отнесли на перевязочный пунктъ, а тѣло Зураба на другой день похоронили съ военной почестію.

(Продолженіе будетъ.)

АМУ-ДАРЬИНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

I. Орско-казалинскій почтовый трактъ.

(Путевыя замѣтки члена экспедиціи, Н. Каразина.)

Не болѣе какъ три года тому назадъ, каждый путешественникъ, предполагавшій ѣхать — черезъ степь — въ наши Средне-Азіатскія владѣнія, невольно задумывался подѣзжая къ Орску, откуда ему надо было сворачивать правѣе и оставлять за собою всѣ удобства устроенныхъ почтовыхъ путей, все то, что хотя сколько нибудь можетъ быть названо комфортомъ.

И дѣйствительно, ему нельзя было не задуматься. Передъ нимъ тянулась дорога въ слишкомъ тысячу верстъ длины, дорога приобретающая себѣ — грозную, неутѣшительную извѣстность.

Чтобы дать понятіе объ этомъ трактѣ — того времени — приведу отрывокъ изъ путевой книжки одного туриста. Этотъ отрывокъ яркими красками рисуетъ всю прелесть Орско-казалинскаго тракта — не носившаго другаго названія какъ «проклятая дорога».

«Первый разъ я проѣзжалъ эту дорогою осенью 1867 года. Это былъ годъ реформъ вновь-завоеваннаго края. Понадобились офицеры, чиновники, всякій рабочий людъ — и понадобились въ громадномъ количествѣ. И вотъ, все это скопилось въ Оренбургѣ, приготовляясь къ степному путешествію. Всѣ гостиницы были переполнены; по почтовымъ дорогамъ тянулись почти непрерывные ряды экипажей. Большинство проѣзжающихъ были люди семейные, а потому можно себѣ представить съ какими запасами путешествовали они, переселяясь въ край отдаленный, въ которомъ, по крайней мѣрѣ на первое время, трудно, даже не возможно было достать что-либо удовлетворяющее европейскому требованію комфорта. Шутники говорили, что въ осень 1867 года было

«великое переселеніе народовъ изъ вилнскихъ канцелярій въ таишкентскія». Вотъ въ это-то бойкое время пришлось и мнѣ въ первый разъ проѣхать знаменитымъ Орско-казалинскимъ почтовымъ трактомъ.

Едва только я выѣхалъ изъ Орска, какъ сразу почувствовалъ, что надолго распростился со всякимъ удобствомъ. Три чахоточныя клячи, приведенныя мнѣ послѣ двухсуточного ожиданія, дотащили меня до станціи только глубокою ночью. Станція эта состояла изъ полуземлянки, наполненной развалинами печки; вороха перегнившей соломы, кишѣвшей паразитами, покрывали полъ. Въ оконныя отверстія врывался сырой осенній вѣтеръ; завалившаяся земляная крыша грозила рухнуть на голову. Оставаться на ночь въ этомъ пріютѣ не было никакой возможности, и я провелъ остатокъ ночи на дворѣ, въ своемъ тарантасѣ.

Дальнѣйшее мое путешествіе было цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и лишеній. Недостатокъ лошадей, а часто неимѣніе ихъ вовсе — задерживали меня на станціяхъ по суткамъ и даже болѣе; напримѣръ: на станціи «Джалавла» я просидѣлъ четверо сутокъ — и только случайно нанялъ двухъ верблюдовъ у проходящаго невдалекѣ каравана. Все путешествіе мое до Казалинска тянулось пять недѣль, а я еще находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ чѣмъ остальные путешественники. Я ѣхалъ одинъ и налегкѣ, — каково же было несчастнымъ семейнымъ съ ихъ женами и дѣтьми — часто даже грудными!.....

*) Чортъ.

Всѣ станціи были по образцу первой мною описанной. Чаше встрѣчались войлочные кибитки — старыя, покрившіяся, съ безчисленными отверстіями въ прогорѣлыхъ войлокахъ, не защищавшія вовсе ни отъ дождя ни отъ холода. Наступали холода, вышалъ первый снѣгъ, начались страшные степные бураны.

Положеніе многихъ запоздавшихъ путешественниковъ было отчаянное. На одной изъ станцій, именно какъ теперь помню: «Бугадты-сай», я нашель семейство въ самомъ безвыходномъ положеніи. Мужъ — какой-то интендантскій чиновникъ, мертвецки пьяный, должно быть съ горя, находился въ безчувственномъ состояніи и хранѣлъ лежа подъ тарантасомъ. «Вотъ уже вторые сутки такъ-то»!.. жаловалась мнѣ его жена, кормившая грудью — трехмѣсячнаго ребенка. Около нея еще двое дѣтей жались и хныкали отъ холода, забившись подъ какую-то попоу. Дѣти просили ѣсть.

Вся провизія вышла; не было даже чаю и сахару; еще вчера вечеромъ доѣли послѣднюю дорожную булку, а впереди оставалось еще болѣе половины дороги. Другое семейство я нашель еще въ худшемъ положеніи: на этой станціи не было вовсе никакого жилья — кибитку унесло вѣтромъ, и только кучи навоза, слѣды костровъ, да обломки тѣлежнаго колеса — намекали на мѣсто почтовой станціи. Ближайшій аулъ былъ верстъ за двадцать. Ближе-же не было ни одного живаго существа, кромѣ волковъ, завывавшихъ по почамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастныхъ путешественниковъ... Здѣсь тоже истреблены были всѣ дорожные запасы — и дѣти кричали и плакали отъ голода.

Дотавившись кое-какъ до этой плачевной станціи, я задержалъ ямщика-киргиза съ его лошадьми, далъ имъ отдохнуть и верхомъ отправился отыскивать ближайшіе аулы. Ночь захватила меня на дорогѣ — и вернулся я уже на другой день утромъ. Надо было видѣть восторгъ несчастныхъ при видѣ приведенныхъ мною упряжныхъ верблюдовъ и двухъ барашковъ, предназначенныхъ для насыщенія ихъ приглодавшихся желудковъ.

Если у кого нибудь ломался экипажъ, его бросали какъ вещь никуда не годную (о починкѣ нечего было и думать) и продолжали путь верхомъ на верблюдахъ, а иногда и пѣшкомъ, побросавъ на произволъ судьбы свои пожитки.

Во всемъ этомъ, что я пишу, нѣтъ никакого преувеличенія. Не найдется никого кто-бы могъ упрекнуть меня въ этомъ, но за то найдутся такіе, что найдутъ мое описаніе блѣднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что испытали они сами своими собственными боками.

Генераль-губернаторъ, узнавши отъ прѣзжающихъ о томъ, что творится на Орско-казалинскомъ трактѣ — немедленно распорядился выслать офицеровъ и чиновниковъ, снабженныхъ деньгами, одеждой, провизіей и лекарствами навстрѣчу идущимъ. — Въ числѣ этихъ посланныхъ былъ г. Терентьевъ, который положительно завѣрять о томъ, что ему приходилось патыкаться на раздирающія душу катастрофы.

Черезъ три года послѣ этого, именно въ 1870 году, снова пришлось прѣзжать мнѣ этою дорогою... Время года было несравненно лучшее, дѣло было лѣтомъ, и никакого напыльва прѣзжающихъ не было вовсе. Но не смотря на эти, болѣе выгодныя условія, я нашель трактъ нисколько не въ лучшемъ состояніи. Тѣ-же станціи — кибитки и землянки, тоже отсутствіе людей и лошадей, тѣ-же суточные ожиданія. А если приведутъ вамъ наконецъ коней — то или полумертвыхъ, или-же совершенно дикихъ, никогда въ своей жизни не видавшихъ ничего похожего на экипажъ, и вы рисковали на каждомъ шагу быть искалеченными, не говоря уже о безконечныхъ поломкахъ и окончательной порчѣ экипажа.»

И вотъ, мнѣ пришлось третій разъ промѣрить знакомое разстояніе — и я не узналъ своего стараго Орско-казалинскаго тракта.

А дѣло было какъ нельзя проще; стоило только отдать этотъ трактъ съ торговъ предприимчивому человѣку, не поскучиться деньгами, а не сдавать его на попеченіе киргизамъ — попеченіе совершенно безконтрольное, тѣмъ болѣе,

что съ кочевниками не церемонились и по годамъ не платили имъ ничтожной договорной платы. «*Не за что платитъ — дурно содержите*» говорили тѣ, кому надлежало расплачиваться. — «*Деньгъ не дасишь — за что-же тебя содержать хорошо*» оправдывались тѣ, кому слѣдовало получать плату. И такимъ образомъ дѣло шло слишкомъ двадцать лѣтъ, пока настоятельная потребность въ сообщеніи не заставила открыть серіозные торги, по которымъ Оренбургскій купецъ Микеньковъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, опытный и предприимчивый хозяинъ, взявъ большую часть степнаго тракта отъ Орска до станціи Джюлпасъ и привелъ его въ прекрасный порядокъ, такъ рѣзко поражающій всякаго, знающаго эту дорогу въ ея первоначальномъ видѣ.

Два рисунка — изображающіе одну и ту же станцію — Истемесъ — въ ея прежнемъ и настоящемъ видѣ уже даютъ довольно ясное понятіе о метаморфозѣ Орско-казалинскаго тракта.

Каждая станція новаго тракта состоитъ изъ большого, обнесеннаго стѣною двора и трехъ деревянныхъ строеній — среднее изъ нихъ, въ видѣ двухъ-половинной избы — назначается для прѣзжихъ и смотрителя; — въ боковыхъ помѣщаются ящики и амбары для фуража и сбруи.

Просторная, чистая и свѣтлая комната съ досчатымъ поломъ; удобная мебель — часы на стѣнѣ — теплая печь, вычищенный на диво самоваръ, блестящая посуда, при всемъ этомъ услужливость смотрителя, возможность достать и свѣжаго молока, и яицъ, и хорошаго хлѣба — все это такъ пріятно дѣйствуетъ на нервы прѣзжающаго, утомленнаго длинною дорогою и монотонностью степнаго ландшафта; а русскій говоръ на дворѣ, торопливая суетня ямщиковъ, побрякиванье сбруи, бубенчиковъ и звонъ русскаго колокольчика, все это заставляетъ забывать васъ, что вы не въ Россіи — а въ самой Азіи, въ центрѣ киргизскихъ степей... за нѣсколько тысячъ верстъ отъ того пункта, съ котораго начали свое многотрудное путешествіе.

Со второй половины дороги, т. е. съ переѣзда черезъ укрѣпленіе «*уральское*» — нынѣшній городъ *Иризъ* — колоритъ мѣняется. Азія вступаетъ въ свои права. Ярко-зеленая степь смѣняется сыпучими песками — становится жарче и удушливѣе. Вы подвѣзжаете къ знаменитымъ «*кара-кумамъ*»... Здѣсь уже нѣтъ такихъ прекрасныхъ, уютныхъ станцій — пахучее сосновое дерево замѣняютъ сѣрыя стѣны глинобитныхъ домовъ — самаго непривлекательнаго типа, наводящаго тоску и уныніе... Къ довершенію всего удовольствія — вы рѣдко находите хорошую воду... Чай вашъ — единственное дорожное утѣшеніе — мутенъ и съ сильнымъ солонатымъ вкусомъ, а иногда и съ сѣрнисто-водороднымъ запахомъ... Что дѣлать, терпи... и повинуйся условіямъ природы еще не подчиненной вліянію человѣка (хотя и давно пора бы!). И съ какимъ удовольствіемъ путешественникъ видитъ наконецъ вдаль на горизонтѣ голубоватые силуэты вѣтряныхъ мельницъ, окаймляющихъ городъ Казалинскъ со стороны Орско-казалинскаго тракта!

Рисунокъ, приложенный къ нашему журналу — изображаетъ одинъ изъ скверныхъ моментовъ — переѣзда по этому пути — это удушливый несчастный ураганъ, налетавшій на экипажи путешественниковъ.

Второй подобный рисунокъ представляетъ — единственное бойкое мѣсто города Казалинска — это его пароконную пристань на рѣкѣ Сырѣ — нѣсколько жалкихъ суденышекъ стоятъ у берега на причалахъ; за ними прямая, скучная линія крѣпостнаго вала; за нимъ — крыши казармъ съ безчисленными трубами; за ними группы деревьевъ, которыхъ въ Казалинскѣ на перечетъ — и груды топлива, сваленныя по берегу въ беспорядочныхъ кучкахъ.

Исторія и жизнь Казалинска впрочемъ довольно интересны и стоятъ того, чтобы о нихъ поговорить подробнѣе, что и будетъ сдѣлано впоследствии, при изданіи — путевыхъ записокъ на берега Аральскаго моря, въ дельты Аму и Сыра — этихъ великихъ артерій Средне-азиатскаго міра.

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

(Окончаніе).

Почти всѣ офицеры собрались въ одной изъ крайнихъ хатъ; кто сидѣлъ на скамьѣ, кто шагаль изъ угла въ уголь по тѣсной комнатѣ; большинство тѣснилось у аркопылавшей печи, рисуясь на бѣлыхъ стѣнахъ гигантскими фантастическими тѣнями. Иногда широкій лучъ краснаго свѣта, прорвавшись между загораживавшими его фигурами, падалъ на четверугольникъ отворенной настежь низенькой двери, — и тамъ, на темномъ фонѣ ночи освѣщалась имъ бѣлая голова усталаго коня, блестѣлъ конецъ драгунскаго штуцера, или на минуту показывалось усатое суровое лицо, недовольнаго бездѣйствіемъ, солдата. Здѣсь уже не было той оживленности, какъ наканунѣ, въ заболотскомъ палацѣ; рѣдко вырвется слово, другое, и то прозвучитъ какъ-то странно, какъ-будто оно совершенно лишнее и уже вовсе не кстати нарушило общее тоскливое молчаніе.

Гремя оружіемъ, входили офицеры, только-что вернушіеся или съ ночнаго обхода передовой цѣпи, или отъ драгунскихъ коновязей, и молча занимали свои мѣста противъ огня, выжимая изъ намокшихъ башлыковъ ручьями бѣжавшую воду. Также точно на смѣну ихъ выходили изъ хаты другіе, застегиваясь плотнѣй на ходу, и почти не взглянувъ на своихъ оставшихся товарищей.

Тяжелая дремота одолѣвала насъ; всѣ начали подыскивать себѣ болѣе удобныя положенія; кто-то уже храпѣлъ, положивъ на руки голову... Какъ вдругъ на дворѣ послышался шумъ; какой-то голосъ громко спрашивалъ: здѣсь-ли маіоръ Ильченко? и нѣсколько выркаящихся лошадей, остановившись у самаго крыльца, съ шумомъ расплескивали накопившіяся лужи.

Въ хату вошелъ, пригнувшись въ дверяхъ, офицеръ высокаго роста; по голосу мы узнали капитана генеральнаго штаба Краснова.

— Господа! началъ онъ, снимая и отряхивая мокрый башлыкъ, — гдѣ маіоръ? А покуда, ради Бога, водки!... Ну да и холодно же, чортъ его деръ! я думалъ замерзну, покуда добѣду къ вамъ. Ну, что же у васъ тутъ дѣлается? рассказывайте-ка, рассказывайте!

— Нѣтъ, вы намъ расскажите-ка, процѣдилъ сквозь зубы Ильченко, — что вы до сихъ поръ дѣлаете тамъ, въ Устилугѣ?

— Какъ что? васъ выручать идемъ, вотъ что!

— Вѣрно черепашимъ шагомъ?

— Да ужъ тамъ какимъ-бы ни было! наше дѣло подначальное. Идемъ, какъ велеть; гдѣ тихо, гдѣ скоро, а гдѣ вовсе остановимся.

Вопросы: гдѣ? что? какъ великъ отрядъ? кто его ведетъ? посыпались со всѣхъ сторонъ на Краснова, и вслѣдъ за этимъ, трудно себѣ вообразить то общее удивленіе и ни чѣмъ не сдерживаемую досаду, когда мы узнали, что отрядъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, артилерійскаго казачьяго взвода и еще одного эскадрона драгунъ остановился ночевать въ Иваничахъ, не дойдя только десяти верстъ до Порицка. Устилужскимъ отрядомъ командовалъ начальникъ нашего штаба, полковникъ Циклядзе; по словамъ Краснова, онъ не рѣшался пройти съ орудіями до разсвѣта незнакомымъ ему вовсе зеленымъ лѣсомъ; какъ будто онъ не зналъ, что лѣсъ этотъ находится въ тылу нашего отряда, — значить, онъ былъ совершенно безомасенъ для прохода.

Ильченко быстро подошелъ къ Краснову:

— Что же вы съ нами дѣлаете? обратился онъ къ нему. — Господа! кто нибудь! берите казаковъ, скачите въ Иваничи, не жалѣйте коня, загоните его если понадобится, и доложите полковнику, что каждая минута дорога, что медля, мы можемъ потерять все дѣло; только скорѣй, ради Бога скорѣй!

Одинъ изъ офицеровъ второго эскадрона всталъ и вышелъ изъ хаты.

Мы всѣ какъ будто ожили. Начали разсчитывать, скоро-ли можетъ прійти Циклядзе; оказалось, что раньше трехъ часовъ нельзя и ожидать, считая часъ на проѣздъ посланнаго и два остальные на движеніе отряда. Мы сильно надѣялись, что поляки еще до утра продержатся въ Порицкѣ.

Прошло часа полтора времени — и пора было выступать на нашу прежнюю позицію. Покуда роты строились, мы вывели изъ деревни драгунъ, и послали собирать ведеты. Скоро все было готово; ждали только прибытія отряда изъ Иваничей. Наконецъ посланный офицеръ вернулся, онъ привезъ приказаніе отъ начальника штаба, идти къ Владиміръ-волинской заставѣ Порицка, атаковать поляковъ съ той стороны, гдѣ они менѣе всего могли ожидать, и отбросить всю банду на Самовольскую дорогу, гдѣ ее долженъ встрѣтить Циклядзе съ своимъ Устилужскимъ отрядомъ. Сигналомъ къ нападенію должны были служить выстрѣлы казачьихъ орудіи. Все это было-бы какъ нельзя лучше, если-бы не добавочное приказаніе: не начинать наступательныхъ дѣйствій прежде разсвѣта.

А если полякамъ вздумается начать выступленіе раньше? Тогда намъ приходилось быть безучастными зрителями ихъ движенія. Такъ именно и случилось.

Едва только мы выслушали присланное приказаніе, какъ изъ Порицка донесся до насъ смѣшанный гулъ; тутъ слышанъ былъ и скрипъ возовъ, и говоръ людей, и глухой шумъ движенія, короче: всѣ слишкомъ знакомые намъ звуки, сопровождающіе пригтовленіе къ походу. Ясно было, что графъ Скомаровскій не желаетъ дожидаться разсвѣта.

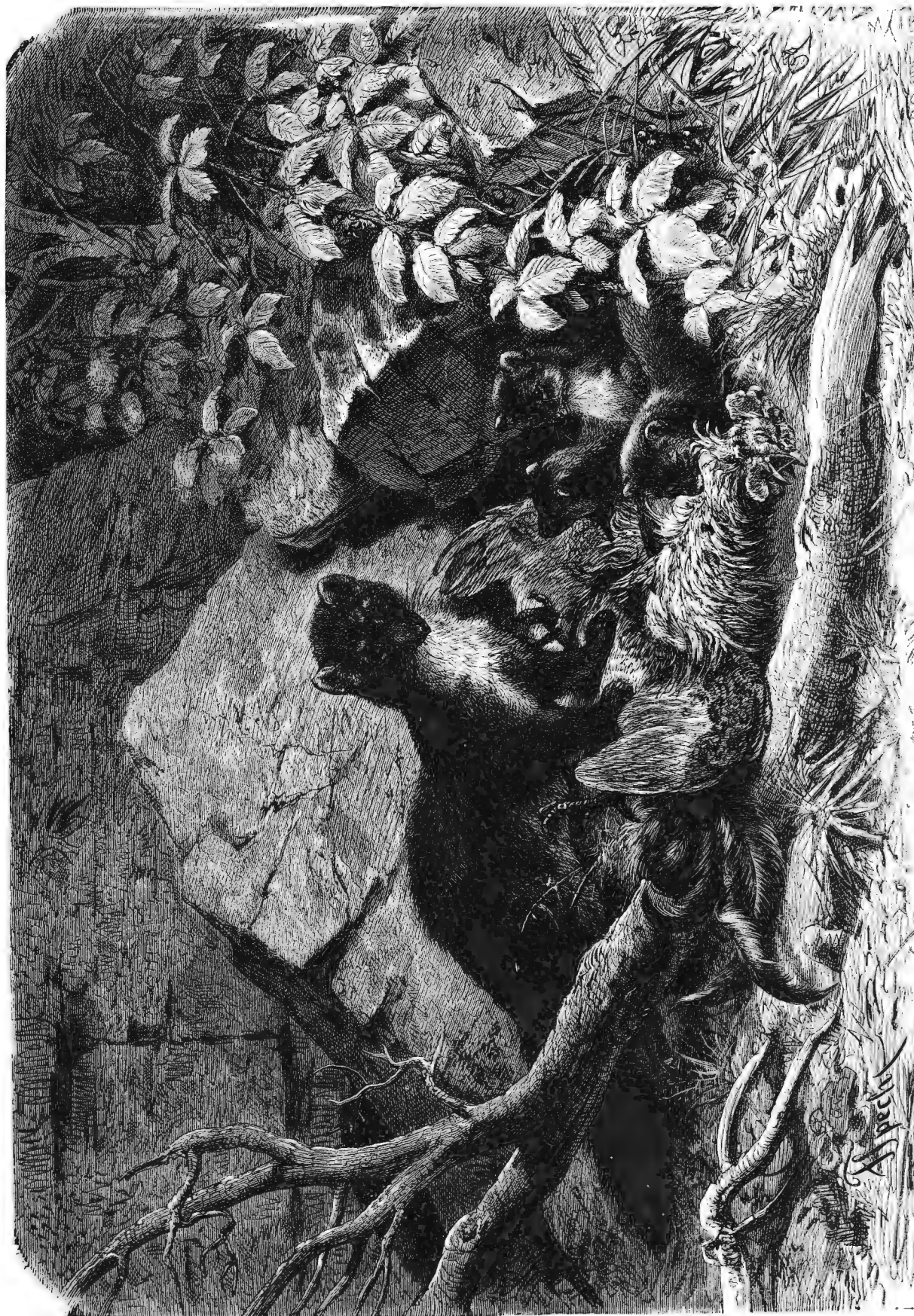
Вторично было послано въ Иваничи извѣстіе объ этомъ обстоятельстве, и, черезъ два часа, опять полученъ такой же отвѣтъ, и подтвержденіе приказанія, отнюдь не начинать атаки до прихода Циклядзе. А между тѣмъ офицеръ, собиравшій ведеты, прискакалъ съ извѣстіемъ, что изъ Самовольской заставы замѣтно большое движеніе. Поляки выступили изъ Порицка, а значить и изъ нашихъ рукъ.

Мы быстро вышли изъ Ляхова; подыались на Порицкое поле и, сквозь бѣловатый сумракъ разсвѣта, увидѣли полосу на Самоволье длинную, черную, глухо-шумящую полосу. Атаковать непріятели мы не имѣли никакого права, потерявъ свободу дѣйствій самостоятельнаго отряда, и вполнѣ завися отъ распоряженій начальника штаба, только-что въ эту минуту выступившаго изъ Иваничей.

Тяжело было на душѣ у каждого изъ насъ, когда послѣдніе ряды банды скрылись за угломъ Самовольскаго лѣса. Муки Тантала имѣли, должно быть, много общаго съ тѣмъ что мы чувствовали; и странно: когда мы слышали за собой въ рядахъ глухое, недовольное ворчаніе, намъ какъ будто-бы совѣстно было обернуться къ нимъ лицомъ, чтобы унять это невольное нарушеніе дисциплины, казавшееся намъ, въ эту минуту, почти законнымъ. Мы боялись, что вотъ наши солдаты не выдержатъ и не дожидаясь команды, ринутся впередъ; тѣмъ болѣе, что это тревожное, лихорадочное состояніе духа могло легко привести къ этому, — и довольно было одного, самого незначущаго въ другое время, обстоятельства, чтобы разомъ подорвать едва-сдерживаемый нами порядокъ.

Рѣзкій вѣтеръ скоро разогналъ мочившія насъ цѣлую ночь тучи; на востокѣ, изъ конца въ конецъ, блеснула желтая полоса свѣта, и острия верхушки Порицкаго костела вспыхнули на синемъ утреннемъ небѣ.

— А вошь и Устилужцы!.. сказалъ кто-то — и все оборотилось назадъ. Отъ томной стѣны зеленаго лѣса отдѣлялись, одна за одной, группы приближавшагося отряда; онъ шелъ медленно; впереди и немного всторонѣ бѣло нѣсколько всадниковъ: это былъ Циклядзе. Потомъ, стройно двигался, справа по шести, нашъ лейбъ-эскадронъ, на своихъ красивыхъ гнѣдыхъ лошадяхъ; за нимъ зеленѣлись казачьи орудіа, ярко

Маленькіе ночные разбойники. Рис. и грав. Шпехтъ.

выдбляясь из темной массы окружающей их прислуги; и сзади всѣхъ тянулись пѣхотныя роты, блистая рядами штыковъ, освѣщенныхъ только-что взошедшимъ солнцемъ. Скоро отрядъ подошелъ къ намъ; Ильченко скомаандовалъ: «смирно!» и поскакалъ къ начальнику штаба. Тотъ рысью поѣхалъ къ нему навстрѣчу и, поговоривъ немного съ маіоромъ, повернулъ коня къ фронту нашихъ эскадроновъ; прищурившись, посмотрѣлъ онъ на изнуренныя лица драгунъ, и кивнувъ головой, лѣнливо поздоровался съ ними. Не дружно и какъ-то хрипло отвѣтили эскадроны на привѣтствие; на лѣвомъ флангѣ промолчали вовсе. Это не понравилось начальнику штаба; онъ отвернулся и поѣхалъ къ пѣхотинцамъ.

Между тѣмъ, прибывшія роты ставили ружья въ козлы; казаки ворочались около своихъ орудій; а мы, съѣхавшись съ новыми товарищами, въ полголоса толковали о только-что проведенной ночи. Послѣ мы узнали, что начальнику штаба сильно не понравился мрачный и неопрятный видъ нашего отряда. И дѣйствительно, полутора-суточный походъ, почлегъ въ грязи, подъ дождемъ, и почти сорока-часовой постъ оказали-таки свое дѣйствіе; измученные кони, опустивъ головы, лѣнливо стояли, отставляя поминутно переднія ноги; солдаты распустили поводья и угрюмо смотрѣли изъ-подъ козырковъ своихъ кепи; покрытые съ ногъ до головы грязью, пѣхотинцы молча оправляли другъ у друга сбившуюся на сторону амуницію. И какая поразительная разница была между нами и свѣжими, румяными, опрятно-одѣтыми рядами Устилужцевъ! имъ не-отъ-чего было потерять свой щегольской видъ; съ комфортомъ прошли они сорока-верстный переходъ изъ Устидуга въ двадцать шесть часовъ, считая почлегъ въ Иваничахъ. Правда, этотъ наружный блескъ вовсе не согласовался съ внутреннимъ состояніемъ духа солдатъ; имъ было не легче нашего, когда они узнали о потерѣ дѣла, которое могло быть однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ за все время возстанія польскаго панства...

Покуда мы разговаривали съ прибывшими, изъ Порицка показалось необыкновенно оригинальная, весело шумящая толпа; по дорогѣ шли, попарно, странныя, пестро одѣтыя фигуры; тутъ красѣли и зуавскія шапочки, мелькали бѣлыя конфедератки, кой-гдѣ развѣвались по вѣтру синіе плащи уланъ, но больше всего видно было темныхъ костюмовъ кошицеровъ. По неловкой, колеблющейся походкѣ мы замѣтили, что они были связаны по рукамъ, по два и по три человѣка вмѣстѣ. По бокамъ дороги, спереди и сзади, весело гарцовали подвижные стражники; смѣясь во все горло, они выдблявали уморительныя эволюціи своими жалкими оружіемъ. Оказалось, что они безъ спроса отдѣлились отъ нашего отряда въ то время, когда онъ выходилъ изъ Ляхова, и ворвавшись, черезъ владиміро-волинскую заставу, въ Порицкъ, разсыпались по всѣмъ, хорошо знакомымъ имъ, закоулкамъ мѣстечка — и позабирали всѣхъ, кто только отсталъ отъ выступившей изъ Порицка банды. Почти всѣ плѣнные были найдены спящими, кто подъ заборами, кто на дворахъ и въ хатахъ. Не одинъ только хмѣль свалилъ съ ногъ повалившихся повстанцевъ; большинство спало тяжелымъ сномъ крайняго утомленія. Одинъ изъ десятниковъ снялъ свою соломенную шляпу и, улыбаясь во весь ротъ, подѣхалъ къ Ильченко.

— Ваше ско-родые, началъ онъ, — въ Порицку нема ни кого изъ ляховъ, бо мы усихъ забрали.

— Да-полно всѣхъ-ли? замѣтилъ улыбаясь маіоръ.

— Тylko панъ Мартыновскій*) съ графскими холопьями и остались; тихъ мы ни забирали. А коли прикажете, то и ихъ заберемъ.

— Ну, покуда не надо, сказалъ Ильченко, — а этихъ берите хорошенько, чтобы не ушли.

Стражникъ засмѣялся, сказавъ, что ляхи отъ нихъ не уткуютъ, и отѣхалъ къ своимъ товарищамъ.

Между плѣнными особенно обращали на себя вниманіе два

высокіе, широко-плечіе блондина; они бодро стояли впереди всѣхъ, красиво драпируясь зуавскими плащами. Кто-то изъ офицеровъ обратился къ нимъ съ французскою фразой. Зуавы переглянулись между собою — и одинъ изъ нихъ, робко заикаясь, отвѣтилъ по польски, что они не понимаютъ. Тогда ихъ спросили по русски: откуда они родомъ? И оказалось, что одинъ изъ окрестностей Львова, а другой — виленскій сѣдельный подмастерье и урожепецъ этого же города. Эти зуавы были не алжирскаго происхожденія, какъ и вся остальная ихъ братья, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, въ чемъ мы убѣдились окончательно впоследствии. За этими псевдо-зуавами стояла смѣшанная группа, человѣкъ изъ десяти. Между ними мы увидѣли мальчика лѣтъ двѣнадцати; онъ сидѣлъ на землѣ и глухо рыдалъ, опустивъ на колѣни голову. Рядомъ съ нимъ стоялъ худощавый, небольшого роста полякъ. Замѣтивъ, что мы смотримъ на ребенка, онъ сильно толкнулъ его сапогомъ въ бокъ, проворчавъ какую-то брань; его тотчасъ же велѣли связать покрѣпче и держать отдѣльно отъ остальныхъ плѣнныхъ, что и было быстро исполнено стражниками съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Всѣхъ остальныхъ развязали и усадили на приведенныя изъ Порицка фурманки. Къ стражникамъ присоединилось нѣсколько казаковъ, и всѣ они окруживъ повозки, тронулись шагомъ къ Владиміръ-Волинску, сдавать плѣнныхъ тамошней слѣдственной комисіи.

Въ эту минуту мы всѣ вздрогнули какъ будто отъ электрическаго удара: со стороны Волчьяго поста до насъ донеслись звуки выстрѣловъ, потомъ еще — и наконецъ все слилось въ глухіе перекаты отдаленной канонады. Отъ Самоволья неслись къ намъ, во всю прыть лошадей, солдаты пограничной стражи. Тотъ же самый Геникъ скакалъ впереди всѣхъ; онъ намъ привезъ извѣстіе, что австрійцы загородили дорогу Скомаровскому, и не допускаютъ поляковъ къ обратному переходу въ Галицію. Наше дѣло видимо поправлялось. Надо было спѣшить къ Волчьему посту, гдѣ мы могли настигнуть всю выскользнувшую изъ нашихъ рукъ банду.

Едва только эта вѣсть разнеслась по рядамъ, какъ солдаты быстро вскочили на ноги; усталость была забыта мгновенно; всѣ какъ будто ожили, и не дожидаясь команды, стали строиться, вытягиваясь по дорогѣ. Отдавъ приказаніе трогаться, Циклядзе поѣхалъ впередъ. Драгуны, пропустивъ мимо себя звеняція орудія, двинулись за ними, укрѣпивъ на сѣдлахъ и разбирая на ходу поводья.

Скоро мы дошли до Самоволья, и повернули направо по границѣ. Выстрѣлы доносились до насъ яснѣе: то наша пограничная стража перестрѣливалась съ арберггардомъ Скомаровскаго. Капитанъ Красновъ, забравъ съ собою казаковъ, поскакалъ впередъ, узнать въ чемъ дѣло. Эскадроны, обогнавъ пѣхоту, пошли рысью, а за ними, гремя и прыгая по кочкамъ, покатались оба орудія. Пѣхотинцы ускорили шагъ.

Когда мы прошли такимъ образомъ версты три, то увидѣли Краснова, который несся къ намъ навстрѣчу, на своемъ рыжемъ конѣ; онъ былъ безъ фуражки. «Драгунъ! скорѣе драгунъ!» крикнулъ онъ намъ, и поскакалъ дальше къ Циклядзе, который отсталъ отъ насъ съ пѣхотой версты на полторы. Мы прибавили рыси, не понимая, что могло случиться съ казаками. Скоро мы замѣтили въ сторонѣ двухъ казачьихъ лошадей; онѣ были безъ всадниковъ, и путаясь въ поводьяхъ, продирались сквозь густо-растущій кустарникъ. Вотъ впереди показалось человѣкъ шесть донцовъ; они въ беспорядкѣ скакали къ намъ, крича: «драгуны, выручайте нашихъ!» Двое изъ нихъ были забрызганы кровью; самый задній конвульсивно корчился на сѣдлѣ, схватившись обѣими руками за правый бокъ и бросивъ поводья на шею своего коня.

Скоро разъяснилось, въ чемъ дѣло: Красновъ, доскакавъ до отстрѣливающейся пограничной стражи, съ гикомъ ударилъ на ближайшихъ уланъ; тѣ повернули лошадей, и казаки стогорача занеслись, въ своемъ преслѣдованіи, подъ выстрѣлы пѣхоты. Тогда они бросились назадъ, уланы за

*) Управляющій имѣніями графа Чацкова, постоянно жившій въ Порицкѣ.

ними—и усталые донскіе кони не могли унести своихъ хозяевъ отъ насѣвшихъ на нихъ поляковъ. Нѣсколько донцовъ было изрублено; остальные въ безпорядкѣ кинулись въ разныя стороны, спасаясь отъ преслѣдованія.

Драгуны шли насколько хватало рыси лошадей, и минутъ черезъ десять, мы увидѣли передъ собой всю трехъ-тысячную партію Скомаровскаго.

Пограничная линія шла, какъ я уже сказалъ, лѣсомъ. Верстахъ въ восьми отъ Самоволья ее пересѣкало длинное топкое болото, версты на полторы выдающееся въ сторону Галиціи; проѣзжая дорога огибала это болото, и въ одномъ изъ ея изгибовъ стояла полуразрушенная сторожка, которая и называлась Волчьимъ постомъ. Это болото на половину принадлежало австрійцамъ, на половину намъ, о чемъ свидѣтельствовали изрѣдка торчавшіе между кочекъ столбы съ национальными цвѣтами и гербами обѣихъ имперій. Въ этомъ именно мѣстѣ мы настигли поляковъ. Первое что мы увидѣли, былъ рядъ выкрашенныхъ зеленой краской парныхъ повозокъ; вокругъ нихъ толпились косиньеры, а нѣсколько конныхъ, повидимому, распоряжались движеніемъ. Увидя насъ, обозы круто свернули всторону, и маршь-маршемъ бросились къ болоту, думая уйти въ Галицію помимо дороги. Скоро колеса нагруженныхъ повозокъ зарѣзались въ топкое болотное грунтѣ; упряжные лошади, горячо вырываясь изъ-подъ хлеставшихъ ихъ безъ пощады бичей, проборождали еще шаговъ двадцать и стали, провалившись по брюхо; весь обозъ завязъ, не достигнувъ до спасительныхъ черно-желтыхъ столбовъ. Тогда мы замѣтили большія массы польской пѣхоты, которая, желая спасти обозъ, шла къ намъ навстрѣчу. Второй и четвертый эскадроны вынеслись на болотную опушку, спѣшили людей, и наступающіе поляки были тотчасъ же встрѣчены мѣткимъ огнемъ драгунскихъ штуцеровъ. Непріятель шель, тѣсно сомкнувшись, не останавливаясь и не задерживая шага. Впереди, надъ толпой, на длинномъ погнувшемся древкѣ, полоскалось синее знамя, съ бѣлымъ одноглавымъ орломъ. Правѣе, какъ будто отдѣлившись отъ массы, краснѣли зуавскія фески; они значительно опередили другихъ, и первые кинулись въ штыки на спѣшенныхъ драгунъ второго эскадрона. Завязалась рукопашная схватка. Въ эту минуту одно изъ орудій выскочило на окраину болота, быстро снялось съ передковъ, и тотчасъ же мелкій трескъ ружейной пальбы былъ совершенно покрытъ громомъ пушечнаго выстрѣла; вслѣдъ за нимъ раздался второй ударъ... поляки дрогнули и въ безпорядкѣ кинулись вправо, къ своимъ завязшимъ обозамъ. По лѣсу понесся шумъ бѣгущихъ массъ, — и когда разсѣялся немного дымъ нашихъ орудій, мы замѣтили безпорядочную кучу труповъ, изъ которой, какъ-то наискось торчало знакомое намъ синее знамя. Страшную картину увидѣли мы передъ собой: вся середина болота была занята завязшею двухъ-тысячною массой народа; все это, продираясь между повозками, давило другъ друга, и безпорядочно отстрѣливаясь, спасалось въ Галицію. Только на правомъ флангѣ еще держались зуавы, засѣвъ въ кустахъ, близъ самой опушки. Нѣсколько разъ драгуны бросались на нихъ, и каждый разъ имъ не удавалось выбить крѣпко-засѣваго врага. На самомъ краю болота лежалъ громадный стволъ столѣтняго, вывороченнаго съ корнемъ дуба; его корявые вѣтви, перепутавшись съ измятымъ, поломаннымъ кустарникомъ, служили крѣпкой засѣкой зуавамъ. Уже два раза отбивали они нашихъ драгунъ; какъ вдругъ сзади ихъ показались нѣсколько сѣрыхъ шинелей; это былъ нашъ общій фаворитъ, шестнадцати-лѣтній юнкеръ Жихаревъ; онъ, съ четырьмя драгунами прорвался стороной, между кустами, и бросился въ тылъ зуавамъ. Закипѣла штыковая рѣзня, и скоро вся опушка была совершенно очищена отъ непріятели. Тогда только мы замѣтили, далеко, на той сторонѣ болота, длинная бѣлая линія австрійцевъ. Почти вся польская кавалерія была тамъ; Скомаровскій съ своимъ штабомъ велъ переговоры съ начальникомъ австрійскаго отряда.

Наконецъ наша пѣхота подошла къ мѣсту боя. Тотчасъ же двѣ роты смѣнили драгунъ, и эскадроны снова сѣли на

лошадей. Во время смѣны, на правомъ флангѣ очистился промежутокъ, саженой въ полтора шириной; желая прорваться сквозь нашъ отрядъ, польская кавалерія, вся разомъ, толпой кинулась къ этому мѣсту. Замѣтивъ это, лейбъ-эскадронъ успѣлъ заскакать во флангъ полякамъ и опрокинуть ихъ обратно къ болоту; тогда вся эта безпорядочная конная масса пронеслась подъ выстрѣлами нашихъ ротъ и наткнулась на оба казачьи орудія, которыя тотчасъ же встрѣтили ее картечными выстрѣлами; а второй эскадронъ, вынесшись изъ-за пушекъ, погналъ разстроенныхъ и совершенно потерявшихся уланъ прямо ко всей, еще не выбравшейся изъ болота бандѣ. Всъ перепуталось вмѣстѣ, и надъ всею этою живою, вращавшеюся массой людей и лошадей волея въ воздухѣ тяжелый стонъ раненыхъ, едва заглушаемый трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ...

Далеко всторонѣ, на небольшомъ, покрытомъ кустарникомъ пригоркѣ, стоялъ полковникъ Цикладзе. Около него толпились нѣсколько всадниковъ въ бѣлыхъ мундирахъ; это австрійскій штабъ-офицеръ прискакалъ для переговоровъ съ нашимъ начальникомъ штаба. Оттуда донеслись до насъ звуки отбоя; наши трубачи подхватили, и черезъ нѣсколько минутъ нальба затихла по всей линіи. Поляки положили орудіе.

Тогда поднялась оживленная, шумная суматоха. Одна изъ нашихъ ротъ, закинувъ ружья за плечи, съ пѣснями пошла по болоту вытаскивать завязшіе обозы. Со всѣхъ сторонъ сводили плѣнныхъ. Казаки ловили лошадей и сгоняли ихъ въ общій табунъ; самое разнокалиберное оружіе собиралось и складывалось въ кучи. Только къ вечеру прекратилась эта возня, и все приведено было въ надлежащій порядокъ...

Правда, результаты дѣла были громадны: весь обозъ, оружіе и лошади достались намъ въ руки; почти трехъ-тысячная партія была разсѣяна и окончательно лишена средствъ собраться снова... Но все-таки самыя главныя птицы улетѣли: Скомаровскій, Дядушицкій, Крукъ и всѣ остальные вожди оставили банду, за нѣсколько минутъ до неизбежнаго пораженія, и сдались австрійцамъ. Въ тотъ же день они получили свободу — и все удовольствіе побѣды было отравлено для насъ этимъ послѣднимъ пробѣломъ въ ея результатахъ.

На другой день мы снова заняли Порицкъ. Цикладзе ушелъ обратно въ Устилугъ, и все пошло по прежнему, прерываясь только самыми ничтожными пограничными схватками. Нѣсколько десятковъ повстанцевъ, спасшись отъ плѣна у Волчьяго поста, ратовали въ лѣсахъ, уже не въ видахъ какой либо политической цѣли, а только добывая средства для своего ежедневнаго пропитанія...

Кстати, я позволю себѣ рассказать одинъ анекдотъ, тѣмъ болѣе что онъ находится въ прямой связи съ Порицкимъ дѣломъ.

Между хозяйственными строеніями графа Чацкаго, особенно обращаютъ на себя вниманіе, длинными массивными фронтонами, конюшни для упряжныхъ и верховыхъ лошадей. До прихода поляковъ въ Порицкъ, въ нихъ содержалось около восьмидесяти животныхъ, которыя, по своей породѣ, не годились въ полевую работу; за то всѣ безъ исключенія могли поступить въ ряды какой угодно кавалеріи. Эти лошади назывались упряжными, для выѣздовъ самого владѣльца, что не мѣшало имъ быть хорошо выѣзженными подъ-верхъ. Для за два до Порицкаго дѣла, Чацкій выѣхалъ *по хозяйству*, въ свое Подольское имѣніе, и поляки распоряжались въ Порицкѣ *самостоятельно*. Когда банда выступила изъ мѣстечка, то стояла въ графскихъ конюшняхъ оказались пустыми; кони достигли своего назначенія, — и большинство изъ нихъ, послѣ кроваваго эпизода на Волчьемъ посту, попали *по наслѣдству* подъ казачьи сѣдла. Дней черезъ десять вернулся графъ, и первое что ему бросилось въ глаза, были казаки ведущіе на водопой его *упряжныхъ* лошадей.

Какъ-то вечеромъ, Чацкій, сидя за стаканомъ чаю, въ нашемъ офицерскомъ кружкѣ, завелъ рѣчь о своихъ пустыхъ конюшняхъ и замѣтилъ, что ему кажется немного странно (при этомъ онъ чрезвычайно пріятно улыбнулся) такое безцеремонное пользованіе его собственностью.

— Я вполне былъ увѣренъ, что мнѣ возвратятъ этихъ лошадей, добавилъ онъ, обращаясь къ маіору.

— Конечно, графъ, отвѣчалъ ему майоръ,—это, вѣроятно такъ-бы и случилось; но у насъ есть старинный обычай, почти вошедшій въ силу закона, отдавать добытыхъ отъ непріятеля лошадей тѣмъ изъ казаковъ, которые лишились своихъ во время боя.

— А если эти лошади не принадлежали непріятелю? за- жѣтливъ графъ.

— Это какъ-же?

— Да вотъ, напримѣръ, какъ эти? Вѣдь, если я не ошибаюсь, въ Россіи существуетъ законъ, говорящій, что

взявшій или даже купившій украденную вещь обязанъ воз- вратить ее владѣльцу, безъ всякаго вознагражденія.

— Вы совершенно правы, графъ, сказалъ Ильченко,—и ежели только вы официально заявите, что эти лошади были *украденны* у васъ Скомаровскимъ, то, ручаюсь вамъ честнымъ словомъ, вы будете вполне вознаграждены за вашу потерю.

Чацкій покраснѣлъ и замолчалъ; а черезъ нѣсколько се- кундъ, сдѣлавъ намъ всѣмъ общій поклонъ, вышелъ изъ комнаты. Заявленія о покражѣ и до сихъ поръ еще отъ него, кажется, не послѣдовало...

Н. Карзинъ.

Маленькіе ночные разбойники.

Жаръ спалъ; вечерѣетъ. Природа какъ бы стихаетъ послѣ уси- ленной дневной дѣятельности... смолкли безчисленные полчища пѣвчихъ пернатыхъ. Не слышно ни мыловиднаго зяблика, ни малень- кой малиновки, не стучитъ своимъ крѣпкимъ носомъ по сухимъ де- ревямъ нестрый дятель, не перерывиваетъ по высокимъ слямягъ граціозная пегугомонная бѣлка,—все какъ бы разомъ остановилось, заснуло и успокоилось.

Не долго продолжается эта тишина— всего часъ, не больше! Только-что пройдутъ сумерки—и ночь, хотя и свѣтлая, вступить въ свои права, какъ снова природа оживится, снова послышатся тысячи пейсаныхъ звуковъ. Въ воздухѣ у оушекъ лѣса по полямъ заносится съ жужжаніемъ жуки; въ лѣсахъ, въ деревьяхъ, запоевъ свои тихія, нѣсны ночныя птички, въ черемухѣ залетятъ соловей, въ кустахъ запоетъ красногрудая варакушка; а внизу, на землѣ, въ густой сочной травѣ закипитъ мная, полная тревогъ и трудовъ, жизнь,—жизнь большихъ и малыхъ ночныхъ и полуночныхъ жи- вотныхъ.

Вотъ, сильно работая своими твердыми лапами, пробирается трудолюбивый кротъ, приподымая своимъ небольшимъ тѣломъ сравнительно большое количество земли и сооружаетъ свой зем- ляной холмъ; вотъ изъ своей норки тихо выходитъ сосредото- ченный бѣкъ на охоту за любимыми лягушками, майскими жуками, слизняками и стрекозами; а вотъ и сѣрый заяцъ, оставивъ свое ло- гово, гдѣ онъ нѣдѣли такъ долго, пробирается въ какой-нибудь огорождъ, чтобы пощипать болѣе вкусную калусту и петрушку.

Проидетъ еще полчаса, и когда темнота немного сгустится, покажутся и настоящія ночныя животныя, настоящіе хищники—и большіе и малые. Выбѣгутъ изъ своихъ темныхъ норъ и малень- кія ласки и горностанъ, забѣгаютъ по задворкамъ и курятникамъ хорьки, и въ лѣсахъ пойдутъ на добычу лѣсныя куницы и соболи, а въ каменныхъ ущельяхъ ихъ сестры каменные куницы,—и всѣ пойдутъ на разбой—бить, душить,— всѣ пойдутъ на охоту и всѣ возвратятся къ своимъ семействамъ съ добычей, умервивъ много полезныхъ домашнихъ и лѣсныхъ птицъ и животныхъ.

Такъ какъ представительницей всѣхъ этихъ маленькихъ поч- ныхъ разбойниковъ можетъ смѣло называться куница (какъ по ве- личинѣ, по степеню вреда, такъ и по совершенству и по развитію всѣхъ разбойничьихъ качествъ) то мы и займемся описаніемъ ея дѣя характеристиками цѣлаго семейства.

Настоящія куницы (*Martes*) представляютъ, какъ уже было ска- зано, самый совершенный типъ всего семейства, и соединяютъ въ себѣ всѣ отличительныя черты наружной формы, образа жиз- ни, равно какъ и всѣ приемы, свойственные остальнымъ соче- ламъ. Въ этихъ животныхъ мы находимъ всѣ качества, необхо- димыя для истинно-разбойничьей жизни.

Тѣло у нихъ длинное, ноги короткія и крѣпкія, пальцы свобо- димые и вооруженные маленькими острыми когтями; голова ма-ленькая и плоская, уши и глаза большіе, зубы крѣпкіе и острые.

Всѣ эти свойства даютъ имъ возможность дѣлать самыя бл- стрыя движенія: всюду подкрадываться и пролѣзать. Движенія ихъ проворны и вѣрны, онѣ хорошо бѣгаютъ и лазаютъ, отлично пла- ваютъ, умѣютъ дѣлать большіе прыжки, весьма выносливы и не- вѣроятно расторопны. Чувства у нихъ также очень развиты, обо- наніе тонко, слухъ хорошъ, глаза весьма остры—и, вдобавокъ ко всему, въ воюющихъ желѣзахъ онѣ имѣютъ средство защиты противъ хищныхъ животныхъ, болѣе сильныхъ тѣмъ онѣ сами. Выбѣтъ съ тѣмъ куницы ушны, хитры, лукавы, храбры и муже- ственны,—слѣдовательно и въ умственной отношеніи надѣлены всѣми качествами, могущими сдѣлать прокормленіе себя весьма легкимъ ремесломъ.

Лучшимъ представителемъ группы считается лѣсная куница (*Martes sibiricus*), которую называютъ тоже благородной куницей. Животное это очень красиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежить къ самымъ вреднымъ изъ всѣхъ мелкихъ хищныхъ породъ Европы. Длина тѣла лѣсной куницы около 20 дюймовъ, длина хвоста—отъ одиннадцати до двѣнадцати, а вышина у загривка и шеи десять дюймовъ. Мѣхъ на всей верхней части тѣла и на хвостѣ темно-бурый, у морды голый, на лбу и щекахъ свѣтлобу- рый, на бокахъ тѣла и на брюхѣ желтоватый, на ногахъ черно-

бурый. Узкая, темнобурая полоса тянется подъ ушами. Между ногами лежитъ рыжеватое пятно съ темнобурыми краями, кото- рое иногда подымается полоской по горлу. Горло и нижняя часть шеи окрашены въ яркій желтый цвѣтъ—и они-то и служатъ отли- чительными признаками нашей куницы.

Мѣхъ у нея пушистый, мягкій и блестящій. Зимой общій от- тѣнокъ мѣха темнѣе чѣмъ лѣтомъ. Самка отличается отъ самца болѣе блѣдымъ цвѣтомъ шерсти на спинѣ и менѣе явственными пятнами. У молодыхъ животныхъ горло и нижняя часть шеи свѣтлѣе.

Родина лѣсной куницы—всѣ лѣсистыя мѣстности сѣверной половины земнаго шара. Живетъ она въ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсахъ и встрѣчается тѣмъ чаще, чѣмъ пустыннѣе лѣсъ. Куница истинно древесное животное и лазитъ въ совершенствѣ: никакое другое хищное животное не превосходитъ ее въ этомъ искусствѣ. Душистыя деревья, оставленныя гнѣзда дикихъ голубей, хищныхъ птицъ и вѣкъ служатъ ей жилищемъ; рѣдко ищетъ она себѣ убѣжища въ землѣ или въ трещинахъ скалъ.

Въ своемъ гнѣздѣ куница просыпаетъ обыкновенно весь день, но съ темнотой, часто даже тотчасъ послѣ солнечнаго заката, отирается на разбой и преслѣдуетъ всякое животное, которое въ силахъ одолѣть. Начиная отъ зайца или молодой косули до мыши, ни одно млекопитающее не можетъ считать себя безопас- нымъ отъ ея нападеній. Она подкрадывается незамѣтно, бросается на добычу и внезапно душитъ ее. Куница не боится даже напа- дать на молодого оленя, прыгая на него съ деревьевъ и перегры- зая ему шейныя артеріи. Не менѣе опасна куница и для птичьего населенія. Всѣ куриныя породы, живущія у насъ, имѣютъ въ ней страшнаго врага. Тихо, безъ малѣйшаго шороха подкрадывается она къ мѣсту ихъ ночлега (все равно: находится ли онъ на деревѣ или на землѣ), и прежде чѣмъ бдительная курица успеетъ почуять кроваваднаго врага, онъ уже держитъ ее въ своихъ когтяхъ, вни- вается зубами въ затылокъ и нѣсколькими ударами раздробляетъ шею или перегрызаетъ артеріи и жадно пьетъ вытекающую кровь. Куница гонится открыто только за лазающими животными и умѣетъ сладить даже съ проворной, ловкой и выносливой вѣшкой. Убѣдившись, что спасти ее отъ дерзкаго разбойника, вьючагоса какъ змѣя по ея слѣдамъ, не могутъ ни отчаянные прыжки съ вы- сокаго дерева на землю, ни самое смѣлое бѣгство по тоненькимъ вѣткамъ, изнеможенная вѣшка принуждена бывать наконецъ сдаться. За водяными крысами и водяными птицами куница бро- дитъ по берегамъ прудовъ, озеръ и рѣкъ, а если нужно, то охо- тится за ними и въ ихъ стихіи—водѣ. На зайцевъ нападаетъ въ норахъ, или когда они выходятъ искать корма. Кроме того, раз- зоряетъ птичьи гнѣзда, отыскиваетъ ульи и крадетъ медъ; та- скаетъ такъ-же плоды и бѣтъ очень охотно какъ всѣ ягоды, рас- стущія на землѣ, такъ груши, вишни и сливы съ деревьевъ. Когда въ лѣсу начинается ощущаться недостатокъ въ пищѣ, она стано- вится смѣлѣе и подходитъ къ человѣческому жилью. Во дворахъ она носѣщаетъ курятники и голубятни—и пронзываетъ тамъ такіа опустошенія, на которыя способны только члены ея семьи. За- душивъ несравненно болѣе, чѣмъ ей нужно—иногда цѣлый курят- никъ—она съ собой уноситъ какую-нибудь одну курицу или одного голубя. Такимъ-то образомъ куница и служитъ бичемъ для всѣхъ маленькихъ животныхъ—и они боятся ее болѣе всякаго другаго хищника.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля самка мечетъ отъ трехъ до четырехъ дѣтенышей въ дуплѣ, выстланномъ мохомъ, рѣже въ гнѣздѣ вѣшки или сороки, или въ какомъ-нибудь углубленіи ска- лы. Мать очень нѣжно заботится о своемъ семействѣ, и изъ опасенія потерять свой домъ, никогда не уходитъ далеко отъ него. Послѣ нѣсколькихъ недѣль малютки сопровождаютъ уже свою родительницу на ея ночныхъ разбойничьихъ прогулкахъ, весело и бойко прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку—и плохо приходится въ это время и дикой и домашней птицѣ. Однако во время этихъ разбойничьихъ прогулокъ старая куница не сводитъ глазъ съ своихъ молодыхъ, и при малѣйшей опасности заставляеть ихъ поспѣшно обращаться въ бѣгство въ гнѣздо или иное укромное мѣсто.

Что такъ жадно глядишь на дорогу? Рис. П. Медвѣдевъ, грав. Боярскій.

Молодых куниц можно легко выкормить, сначала молоком и хлѣбомъ, потомъ мясомъ,—и держать довольно долго. Изъ всѣхъ приручаемыхъ хищныхъ животныхъ онѣ самыя милыя и забавныя, и хотя съ трудомъ теряютъ свою природную дикость, но все-таки приручаются на столько, что узнаютъ своего воспитателя, выказываютъ радость при его появленіи.

За лѣсной куницей охотятся самымъ усерднѣйшимъ образомъ, какъ для того, чтобы положить предѣлъ ея разбоямъ, такъ и для добыванія ея дорогаго мѣха. Всего удачнѣе бываетъ охота по первоснѣжку, потому что въ это время легко отыскать звѣря по слѣду какъ на землѣ, такъ и на сучьяхъ хвойныхъ деревьевъ, покрытыхъ пухлымъ бѣлымъ покрываломъ. Случайно можно куницу найти и въ лѣсу по чернотопу—вытянувшейся во всю длину по вѣткѣ. Тутъ ее легко застрѣлить; даже если первый выстрѣлъ былъ неудаченъ, можно успѣть сшибить ее вторымъ выстрѣломъ, такъ какъ куница не трогается съ мѣста и безстрашно смотритъ въ глаза охотнику. Всякій новый предметъ такъ забавляетъ ее, что ей и въ голову не приходитъ бѣжать.

При охотѣ за лѣсной куницей нужно имѣть съ собой хорошую

собаку, которая-бы смѣло бросалась на звѣря и хватала-бы его зубами, не смотря на отчаянные прыжки. Въ капканъ куница попадаетъ довольно легко, если онъ настороженъ свободно и ловко спрятанъ. Для приманки кладется какаля нибудь дичь или домашняя птица. Кромѣ капкана нашими крестьянами употребляются особаго рода ловушки, называемыя клещами. Ловушка эта состоитъ изъ двухъ плотно приходящихся другъ къ другу палокъ, связанныхъ на одномъ концѣ, причемъ другой раздвинутъ распоркой въ ширину и болѣе головы куницы. Къ этой распоркѣ прикрѣпляется приманка и ловушка, привязанная глухимъ концемъ къ дереву, настороживается такимъ образомъ, чтобы куница могла достать приманку только просунувъ голову между двумя палками. Какъ только дотронется куница до приманки, какъ распорка выскакиваетъ и животное остается въ тискахъ на радость промышленника. Мѣхъ лѣсной куницы—самый дорогой изъ мѣховъ нашихъ туземныхъ пушныхъ звѣрковъ и уступаетъ по цѣнѣ только собольему, къ которому близко подходитъ по добротѣ.

РАЗУМНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

Въ прошлой статьѣ мы опредѣляли, въ чемъ состоитъ задача воспитанія: *въ усовершенствованіи хорошихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, унаследованныхъ ребенкомъ отъ родителей и въ предохраненіи отъ пороковъ, свойственныхъ его темпераменту.*

Теперь посмотримъ, кто изъ родителей или постороннихъ долженъ исполнить эту высокую и трудную задачу.

Первое, что приходитъ въ голову всякому—это то, что воспитаніе дѣтей въ первомъ возрастѣ (до 7 лѣтъ) есть главнѣйшая обязанность *матери*: она ихъ рождаетъ—она и должна ихъ кормить и воспитывать. Но не все то, что должно быть исполнено, дѣйствительно исполнимо.

Чтобы дѣтей *воспитать*, нужны: умъ, познанія и практическая опытность въ воспитательномъ дѣлѣ. А много-ли найдется матерей, которыя обладаютъ всѣми этими атрибутами, необходимыми для воспитательницы? Много-ли найдется между такъ-называемыми «образованными» женщинами такихъ, которыя имѣли бы хоть элементарное понятіе объ устройствѣ и отправленіяхъ человѣческаго тѣла и первоначальныхъ правилахъ гигиены,—безъ чего не мыслимо разумное воспитаніе? Весьма мало!

Отцамъ болѣею частью ихъ общественное положеніе не даетъ возможности имѣть постоянный уходъ за дѣтьми въ первые годы ихъ жизни.

Изъ постороннихъ лицъ типомъ воспитательницы дѣтей (въ зажиточномъ классѣ) является *гувернантка*. Мы имѣемъ въ виду не ту гувернантку, которой имя «француженка» и роль которой подходитъ скорѣе къ роли домашней модистки и няни, нежели воспитательницы. Мы говоримъ о русской гувернанткѣ. Какъ извѣстно, въ должность гувернантки обыкновенно идутъ бѣдныя дѣвушки, окончившія гимназію или институтъ. Обладая познаніями—правду сказать весьма элементарными—по части наукъ и языковъ, онѣ всего менѣе знакомы съ тѣмъ, что имѣетъ для гувернантки наибольшую важность—съ педагогикой. Та «педагогика», которая преподается въ женскихъ заведеніяхъ ученицамъ послѣдняго класса, едва-ли заслуживаетъ названія педагогика (науки о воспитаніи): такъ какъ руководителями служатъ тощія учительскія «записки», весь теоретическій курсъ ограничивается 2-мя—3-мя десятками уроковъ, о *практическомъ* же приложеніи педагогическихъ правилъ къ дѣтямъ не можетъ быть и рѣчи.

И вотъ, не имѣя никакого понятія о дѣтской натурѣ, гувернантка ломаетъ ее по своему благоусмотрѣнію или руководствуясь правилами домашней педагогика. Въ рукахъ неопытной гувернантки уродуется характеръ дѣтей: отъ частаго запрещенія того, что дѣтямъ можетъ быть позволено, послѣднія дѣлаются раздражительными, злыми; отъ неумѣстнаго разрѣшенія того, что дѣтямъ разрѣшено быть не должно, они становятся избалованными, капризными; отъ неумѣянія гувернантки отвѣчать на вопросы дѣтей, послѣднія теряютъ любознательность и т. д. И это отъ того, что дѣло мастера боится! Отъ того, что воспитаніе требуетъ такого-же спеціальнаго теоретическаго и *практическаго* изученія, какъ юриспруденція, медицина и проч. Никто не станетъ довѣрять веденіе важнаго процесса не-юристу; равнымъ образомъ, страдающіе серьезно болѣзнію не обратятся за помощію къ не-врачу.

Почему-же воспитаніе дѣтей довѣряютъ такимъ лицамъ, которыя этимъ дѣломъ совсѣмъ не занимались и не имѣютъ о немъ никакого понятія?

Нѣмцы, которые вообще лучше семьяне и болѣе заботятся о благѣ своихъ дѣтей, нежели мы, русскіе,—сознали всю нелѣпость и весь вредъ подобнаго безшабашнаго отношенія къ воспитанію дѣтей, и вотъ они устроили такія заведенія, гдѣ спеціально готовятъ воспитательницъ. Преподаваніе въ этихъ заведеніяхъ состоитъ изъ теоретическихъ курсовъ и практическихъ. Школою для практическаго изученія дѣтской природы служитъ дѣтскій садъ, безъ котораго не обходится ни одно педагогическое заведе-

ніе. Окончившія эти заведенія послѣ и дѣлаются директрисами дѣтскихъ садовъ или, какъ нѣмцы называютъ ихъ поскромнѣе, садовницами.

Что касается самыхъ дѣтскихъ садовъ, то откладывая до одной изъ будущихъ статей подробное описаніе ихъ устройства и образа воспитанія въ нихъ дѣтей, мы укажемъ только на преимущества, которыя представляетъ воспитаніе дѣтей въ дѣтскомъ саду предъ домашнимъ воспитаніемъ.

1) Дѣти находятся цѣлый день въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ чистаго воздуха и цѣлесообразныхъ движеній.

2) Дѣти находятся въ обществѣ ровесниковъ, что дѣйствуетъ весьма благотворно на ихъ характеръ.

3) Дѣти находятся цѣлый день подъ надзоромъ опытной воспитательницы.

Этихъ преимуществъ—не говоря о множествѣ другихъ, о которыхъ еще будемъ говорить—было достаточно, чтобы дѣтскій садъ сдѣлался въ Германіи общераспространеннымъ, и въ настоящее время не много можно насчитать городовъ, въ которыхъ нѣтъ дѣтскаго сада.—Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ Гамбургѣ), кромѣ общественныхъ дѣтскихъ садовъ, существуютъ еще такъ-называемыя *семейныя* дѣтскіе сады, которые устраиваются общими силами нѣсколькихъ знакомыхъ семействъ.

Спрашивается, отчего бы и у насъ не завести подобнаго дѣтскихъ садовъ, гдѣ бы дѣти такъ-же воспитывались подъ надзоромъ и руководствомъ опытныхъ—и призванныхъ лицъ? Развѣ трудно обществу любого города устроить порядочный дѣтскій садъ, гдѣ воспитаніе каждаго ребенка обойдется несравненно дешевле, чѣмъ оно обходится дома при гувернанткѣ? Что касается воспитательницъ, то не дорого также обойдется городу отправить дѣвушку, окончившую гимназію, на два года въ Германію, для практическаго изученія управленія дѣтскимъ садомъ. Эта первая садовница можетъ потомъ быть наставницей другихъ въ дѣлѣ воспитанія, благо въ живомъ матеріалѣ недостатка не будетъ. Такимъ путемъ возникнетъ классъ садовницъ или воспитательницъ—дѣло не въ названіи—и общество отъ этого только будетъ въ выигрышѣ.

Само собою разумѣется, что дѣтскіе сады должны быть приспособлены къ природѣ нашихъ дѣтей, а не пересажены цѣлкомъ на нѣмецкій ладъ.

Переходимъ къ другому пункту, играющему существенную роль въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и имѣющему рѣшительное вліяніе на всю жизнь послѣднихъ... Мы говоримъ о *любви родителей къ дѣтямъ и послѣдствіяхъ ложнаго направленія этого чувства.*

Авторы «Практическихъ замѣтокъ» вотъ что говорятъ объ этомъ пунктѣ.

«Чувство любви родителей къ своимъ дѣтямъ есть одно изъ самыхъ законныхъ и естественныхъ чувствъ человѣческой природы. Чувство это одинаково присуще народамъ дикимъ, какъ и народамъ цивилизованнымъ. Мы не беремся анализировать здѣсь причину и развитіе этого чувства, это психологическое изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко. Родительская любовь въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ обнаруживается слѣдующимъ образомъ: родители, любящіе своихъ дѣтей, желаютъ, чтобы послѣднимъ было хорошо, чтобы они были счастливы не только въ то время, когда они находятся подъ ихъ руководствомъ, но и послѣ ихъ дѣтскаго возраста, когда они становятся взрослыми и самостоятельными. Изъ этого слѣдуетъ, что степень любви родителей къ дѣтямъ можетъ измѣряться поступками ихъ относительно послѣднихъ. Чѣмъ болѣе поступки родителя лишены эгоистическихъ цѣлей, а имѣютъ цѣлью счастье дѣтей, тѣмъ болѣе родители любятъ своихъ дѣтей. *Чѣмъ больше родители выносятъ лишений и страданій изъ-за дѣтей, тѣмъ сильнѣе, возвышеннѣе*

любовь ихъ. Поэтому любовь родителей, отказывающихъ себя въ кускѣ хлѣба ради своихъ дѣтей, имѣетъ несравненно большее значеніе, нежели любовь блаженствующихъ въ роскоши и излишествахъ родителей, осыпающихъ своихъ дѣтей разными драгоценностями. Все это очень хорошо всѣмъ извѣстно и твердится очень часто въ различныхъ варіаціяхъ—и по этому воспитательныя мѣры, предпринимаемыя родителями изъ любви къ своимъ дѣтямъ, считаются до того непогрѣшимыми, что не подвергаются обыкновенно ни малѣйшему обсужденію. Тѣмъ не менѣе, взгляды-ваясь ближе въ отношеніи родителей къ дѣтямъ, обнаруживается многое, совершенно не соответствующее слишкомъ восхваляемой родительской любви.

Наше обыкновенное рутинное воспитаніе, начиная съ самаго рожденія дитяти, таково, что ведетъ, какъ оказывается при внимательномъ наблюденіи, рѣдко къ благу и къ счастью воспитываемаго ребенка.

Родится ребенокъ. Его тотчасъ окутываютъ въ пеленки до 3, 4 и даже больше мѣсяцевъ. Какъ только ребенку минуло 6 недѣль, иногда еще раньше, онъ уже не любитъ пеленаться и сильно кричитъ при процедурѣ связыванія рукъ и ногъ. Очевидно, онъ недоволенъ, но родители возражаютъ на то, что будущее здоровье и благо дитяти зависитъ именно отъ пеленанія его рукъ и ногъ,—въ противномъ случаѣ, если онъ останутся несвязанными, ноги будутъ кривыя, вслѣдствіе чего ребенокъ долго не будетъ ходить,—руки-же слѣдуетъ связывать потому, что ребенокъ глупъ, понадеетъ или въ лицо, царапаетъ себя и пугается самъ движеніемъ своихъ-же рукъ и спитъ поэтому безпокойно.

Неопытно въ дѣлѣ ухода за дѣтми подобные аргументы легко могутъ сбить съ толку и онъ долженъ будетъ согласиться съ ними. Въ сущности-же оказывается совсѣмъ не то. Ноги ребенка *никогда* не кривятся оттого, что ихъ не пеленаютъ—и дѣти, неспеленанныя съ самаго рожденія, всегда начинаютъ раньше ходить, нежели тѣ дѣти, которыхъ долго пеленали. Доказательствомъ этому служатъ тѣ страны, въ которыхъ исчезъ глупый обычай пеленанія. Для того, чтобъ дѣти не царапали себѣ лицо руками, существуетъ способъ несравненно болѣе простой и безвредный, нежели связываніе рукъ, а именно частое остриганіе ногтей; что-же касается пугливости дѣтей, непроизвольнаго сокращенія всего тѣла во время притрогиванія руки его къ его же лицу, т. е. вѣшняго выраженія страха, переданнаго по наслѣдству и обнаруживающагося обыкновенно подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній, а у дѣтей подъ вліяніемъ прикосновенія къ ихъ лицу,—то во первыхъ, этой пугливости подвержены не всѣ дѣти, а только дѣти—нервного или холерическаго темперамента, и во вторыхъ, чтобы предотвратить такіа движенія, которые рефлекторно вызываютъ сокращеніе всего тѣла, какъ будто при страхѣ,—то для этого стоитъ просто предъ тѣмъ обернуть ребенка пеленкою, но не пеленать. Поклонники пеленанія имѣютъ въ запасѣ еще одинъ на видъ важный доводъ: что нельзя перестать рано пеленать дѣтей, ибо они сами желаютъ быть спеленанными и иначе не засыпаютъ. Это какъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что женщины, пріученныя съ дѣтства стягиваться въ корсеты, увѣряютъ, что онѣ не могутъ оставить свои корсеты, не смотря на ихъ желаніе: онѣ чувствуютъ боль въ спинѣ, неловкость и т. д. Такія женщины—уроды, для нихъ сдѣлалось нормою стѣсненное дыханіе; и дѣти, любящія, чтобъ ихъ связывали, также—уроды: они никогда не знали свободы—и новизна этого чувства нарушаетъ обыкновенный ходъ ихъ жизни. Но, вѣроятно, многимъ приходилось видѣть здороваго, не связаннаго младенца, сияющаго спокойно и безмятежно, не хуже связаннаго самими образцовыми свивальниками ребенка. Стало быть, дѣтей мучатъ совершенно даромъ, связывая имъ руки и ноги, ибо никакого блага имъ отъ этого въ будущности не предстоитъ, а напротивъ вслѣдствіе этой причины, они долго не научаются ходить.

Далѣе: принято вообще маленькимъ дѣтямъ одѣвать очень тепло, чтобы не простудить ихъ. Оказывается, что, не смотря на все укутыванье, дѣти все-таки часто заболѣваютъ отъ простуды. Это понятно: чрезмѣрно теплая одежда пріучаетъ кожу къ теплотѣ, и малѣйшая перемена температуры, сквозной вѣтеръ, задерживаетъ отправление кожи, испарину; предохранять *постоянно* ребенка отъ прикосновенія къ нему холодной атмосферы положительно не возможно—и вотъ ребенокъ заболѣваетъ; но если бы кожа его первоначально не была пріучена къ чрезмѣрной теплотѣ, онъ-бы безнаказанно выдержалъ прикосновеніе холодной температуры. Съ укутываніемъ дѣтей тѣсно связана другая общепринятая, воспитательная мѣра, имѣющая въ виду опять таки благо дитяти и производящая совершенно противоположное дѣйствіе. *Никакая комната не предохраняется столько отъ свѣжаго, открытаго воздуха какъ дѣтская*—и, замѣчательно, чѣмъ меньше питомецъ, тѣмъ больше боятся пропустить къ нему струю свѣжаго воздуха. Весною двойныя рамы оконъ въ дѣтской остаются долѣе всего не-

выставленными; если въ другихъ комнатахъ зимою открываются изрѣдка форточки для провѣтриванія, въ дѣтской этого никогда не случается, дабы не простудить ребенка; нигдѣ не накалываются печи до такой степени какъ въ дѣтской,—и все это изъ *любви* къ ребенку. И что же? ребенокъ, разумеется, въ своей комнатѣ не простуживается, но стоитъ ему лишь сдѣлать одинъ шагъ внѣ ея—и онъ дѣлается жертвою простуды, а иногда и смерти. Мало того, онъ постоянно дышетъ вивѣтриваемымъ, испорченнымъ воздухомъ, что придаетъ ему тотъ блѣдный, хилый, вялый видъ, который такъ распространенъ между столичными дѣтми.

Почему бы, кажется, для той-же цѣли, чтобъ не простудить ребенка, не пріучить его съ самаго рожденія къ умѣренной температурѣ? Исслѣднее средство не только бы лучше содѣйствовало цѣли—дѣйствительно не простуживать дѣтей, но имѣло бы еще ту безцѣнную выгоду, что можно было бы безбоязненно открывать окна въ присутствіи ребенка, выпускать испорченный, негодный для дыханія воздухъ и впускать свѣжій, неиспорченный воздухъ, вдыханіе котораго имѣетъ столь важное значеніе для здоровья и общаго благосостоянія ребенка. Сюда же относится *редная привычка мыть дѣтей теплой водою*, опять таки для того, чтобъ не простудить ихъ,—а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ скорѣе простудить и сдѣлать ихъ кожу бездѣйственною вялою.

Ребенокъ начинаетъ ходить. Онъ начинаетъ карабкаться на разныя возвышенія, на стулья, дѣстницы, и т. д. Его останавливаютъ на каждомъ шагѣ: не ходи туда, упадешь! не влѣзай сюда, упадешь! какъ можно такъ карабкаться, вѣдь упадешь—больно будетъ! Ребенокъ только и слышитъ отъ предостереженія отъ невѣдомой ему опасности и, оставленный на минуту одинъ, дѣйствительно вкарабкается куда нибудь и падаетъ, нанося себѣ на самомъ дѣлѣ значительный вредъ, послѣ чего конечно исчезнетъ всякое желаніе предпринимать столь отважные планы и ребенокъ дѣлается неповоротливымъ, лѣнивымъ, неловкимъ. Почему бы кажется не избрать другаго средства для того, чтобы ребенокъ не ушибся? Пусть научатъ его лазать и карабкаться съ самаго того времени, когда онъ къ тому выказываетъ желаніе. Это весьма легко сдѣлать, стоитъ только быть въ непосредственной близости къ ребенку въ первое время, когда онъ предпринимаетъ свои гимнастическія упражненія,—и въ случаѣ паденія поддерживать его, но не обезкураживать запрещеніями. Ребенокъ упадетъ разъ-другой—и научается лазать, потому что этому искусству весьма легко научается даже малѣйшій ребенокъ. Научившись лазать, ребенокъ можетъ взбираться на доступныя ему возвышенія безъ опасности и во время отсутствія взрослыхъ, а что важнѣе всего: онъ дѣлается смѣлымъ, ловкимъ, сильнымъ, проворнымъ, что конечно скорѣе будетъ содѣйствовать его будущему благосостоянію, нежели робость и неопытность.

Ребенокъ получаетъ желаніе все трогать, осматривать. Всякая вещь въ глазахъ воспитателей опасна для ребенка: самоваръ не трогай—обожжешься, ножницы не трогай—обрѣжешься, вилку не трогай—глазъ выколешь, стаканъ не трогай—разобьешь и обрѣжешься, налку не трогай—ушибешься, песочекъ не трогай—глаза засыпшешь и т. д. У ребенка все отнимаютъ и суютъ ему въ руки разныя, дѣйствительно безвредныя игрушки. Онъ поневолѣ теряетъ свою первоначальную наблюдательность, живость, любознательность.

Въ виду блага и счастья своего питомца, его сторожатъ аргусовыми глазами—и чуть только питомецъ кашляетъ—ему даютъ лекарства отъ кашля, онъ ляжетъ на животъ—его лечутъ отъ животной боли, назначаютъ дѣту, домашній арестъ и т. п. мѣры. Отъ лекарствъ организмъ ребенка расслабляется, дѣлается чувствителенъ до крайности.

Нѣкоторые родители выражаютъ свою любовь къ дѣтямъ еще тѣмъ, что доставляютъ имъ постоянное удовольствіе бѣть разныя дорогія лакомства и, изъ сущей любви, дѣлаютъ ихъ обжорами, единственный идеалъ которыхъ лакомыя кушанья.

Иные родители также начинаютъ учить своихъ дѣтей какъ можно раньше читать, писать, говорить наизусть басни и стихи, съ цѣлью, чтобъ дать имъ прочное образованіе и сдѣлать ихъ способными и даровитыми людьми. Жаль только, что средство не соответствуетъ цѣли, ибо раннее ученіе не только не способствуетъ тому, чтобъ дѣти получили совершенное отвращеніе къ обученію и образованію; а иногда ребенокъ отъ ранняго обученія просто тупѣетъ, понятія его спутываются, онъ дѣлается мрачнымъ и кончаетъ очень плачевно жизнь.

Что-же выходитъ изъ дѣтей, такимъ образомъ воспитанныхъ? выходитъ, что мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ—расслабленныхъ, хилыхъ дѣтей и вслѣдствіе этого хилыхъ и расслабленныхъ людей. Что же иное можетъ произвести воспитаніе, которое не примѣняетъ дѣтей къ окружающей средѣ, а имѣетъ претензію примѣнять среду къ дѣтямъ?

СМѢСЬ.

Литературный альбомъ. «Тройка» Н. Некрасова,

(Рисунок П. Медвѣдева).

Вѣсто всякихъ объясненій къ прилагаемому рисунку, мы напомнимъ читателямъ нѣсколько строфъ извѣстнаго стихотворенія Некрасова, «Тройка», вдохновившихъ нашего художника.

Что такъ жадно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать забило сердечко тревогу,
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ...

.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся провѣзжій корнетъ.

.

На тебя заглядѣться не диво,
Подлюбить тебя всякій не прочь,
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ черныхъ какъ ночь...

.

Съ румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пухокъ,
Изъ подъ бровки твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ...

Стоять красотка и смотритъ затанувъ дыханіе, опираясь на мельничный жорновъ, какъ бы знаменующій ея тяжелую грядущую судьбу, предсказываемую заключительными стихами на то время, когда ее выдадутъ замужъ за немилгаго, будетъ бить ее мужъ припередникъ и свекровь въ три погибели гуть....

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— О бывшемъ 18-го августа въ Большомъ театрѣ парадномъ спектаклѣ помѣщены въ «Правит. Вѣстн.» слѣдующія подробности: Залъ театра были убраны цвѣтами и растеніями; ярко освѣщенная зрительная зала къ восьми часамъ наполнилась публикою, между которою было много иностранцевъ; въ ложахъ бель-этажа помѣщались дипломатическій корпусъ; остальные ложи были заняты преимущественно дамами, въ бальныхъ костюмахъ. Спусти нѣсколько времени, въ центральной Императорской ложѣ показался Государь Императоръ и Высокопозволенные, встрѣченные гимномъ «Боже, Царя храни» и громкими криками « ура ». Спектакль состоялъ изъ перваго дѣйствія оперы «Жизнь за Царя» и изъ двухъ картинъ балета «Камарго». По окончаніи спектакля, Государь Императоръ и Особы Императорской Фамиліи возвратились по ярко иллюминированнымъ улицамъ во дворецъ, принѣтствуемые кликами собравшагося народа.

— 20-го августа, въ 7¼ часовъ вечера Его Величество Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Царскаго Села въ Москву въ сопровожденіи Ихъ Королевскихъ Высочествъ Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и Принца Александра Шверинскаго.

— 21-го августа, въ 7½ часовъ утра, изволили выѣхать изъ Царскаго-Села въ Москву Его Величество Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергій Александровичъ и Павелъ Александровичъ и Ея Королевское Высочество Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Въ Высочайше утвержденныхъ 8-го апрѣля 1873 года главныхъ основаній для новаго устройства войскъ между прочимъ было определено: въ видахъ содержанія войскъ въ мирное время въ большей готовности на случай войны, особенно въ пограничныхъ округахъ, соединять всѣ три рода оружія въ составъ корпусовъ, составляя каждый изъ нихъ изъ 2-хъ или 3-хъ пѣхотныхъ дивизій съ соответственнымъ числомъ кавалеріи и артиллеріи. Въ военное же время составъ каждого корпуса дополнять саперами и другими частями.

Во исполненіе сего было поручено главному штабу и главному военно-кодификаціонному Комитету проектировать Положеніе объ управленіи корпусомъ и штаты какъ сего управленія, такъ и управленія начальника артиллеріи въ корпусѣ.

Составленные вслѣдствіе сего проекты положеній и штатовъ, по рассмотрѣніи въ военномъ совѣтѣ, удостоились въ 10-й день сего августа, Высочайшаго утвержденія.

— Государь Императоръ, 20-го сего ав-

густа, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить носить бороды служащимъ во всѣхъ войскахъ, кромѣ гвардіи и гренадеръ, а также лицъ, состоящихъ въ Свѣтъ Его Величества, и чиновъ главныхъ управленій военного министерства.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить носить бороды служащимъ во всѣхъ командахъ морскаго вѣдомства, кромѣ гвардейскаго экипажа, а также лицъ, состоящихъ въ Свѣтъ Его Величества, и чиновъ, служащихъ въ учрежденіяхъ морскаго министерства.

— Государь Императоръ 17-го сего августа Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Тѣмъ молодымъ людямъ, которые до изданія устава о воинской повинности состояли уже въ военной службѣ на правахъ вольноопредѣляющихся и были уволены отъ службы по собственному желанію, предоставить поступать нынѣ вновь на службу вольноопредѣляющимися же, не иначе какъ по выполненіи ими условій, установленныхъ на сей предметъ новыми правилами, изложенными въ 1-мъ отдѣлѣ XII главы того же устава и въ 1-мъ приложеніи къ приказу по военному вѣдомству 19-го марта 1874 г., № 101 —

2. Упомянутыхъ лицъ, въ случаѣ вторичнаго поступленія ихъ нынѣ на службу вольноопредѣляющимися или охотниками, принимать *рядовыми* и удостоивать затѣмъ къ производству въ унтеръ-офицеры и въ офицеры на общихъ основаніяхъ; но прежнему службѣ ихъ въ военномъ вѣдомствѣ зачитать въ выслугу установленныхъ новыхъ сроковъ, для производства въ унтеръ-офицеры или въ первый классный чинъ (для охотниковъ), а также для зачисленія въ запасъ арміи.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ помѣщенномъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» описаніи происходившихъ въ началѣ этого мѣсяца большихъ маневровъ между прочимъ говорится: Войска, состоящая на ¼ изъ *молодыхъ солдатъ*, поступившихъ на службу лишь 4—5 мѣсяцевъ тому назадъ, показали себя въ *отличномъ видѣ*. Съ замѣчательною бодростью дѣлали они самые форсированные переходы, оставаясь иногда въ теченіе 18—20 часовъ безъ пищи и сохраняя при этомъ полную стройность и образцовый порядокъ; вступая послѣ усиленныхъ переходовъ въ дѣло, маневрировали такъ бойко и ловко, какъ могутъ дѣйствовать только снѣжки войска; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ маневра, расходились по bivакамъ въ такомъ-же порядкѣ, какъ будто послѣ ученья на Военномъ полѣ. Отсталыхъ не было совсѣмъ; процентъ заболѣвающихъ былъ весьма не великъ; въ каждомъ корпусѣ заболѣвало по восьми человекъ въ день, т. е. менѣе чѣмъ по одному на 1.000 человекъ. Однимъ словомъ, большіе маневры

нынѣшняго года могутъ служить блестящимъ доказательствомъ того, какъ быстро можно образовывать отличныхъ солдатъ, имѣя хорошіе кадры, и офицеровъ, знающихъ и любящихъ свое дѣло.

— Въ «Кроншт. Вѣстникѣ» сообщаютъ, что дѣло устройства мореходныхъ школъ замѣтно подвигается впередъ. Поднять вопросъ объ устройствѣ мореходныхъ школъ въ Поті, Ейскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Къ осени нынѣшняго года, кромѣ уже существующихъ двухъ бѣломорскихъ школъ, ожидается открытіе еще шести новыхъ.

— Въ Николаевѣ 1-го августа происходило освѣщеніе вновь построеннаго морскаго госпиталя. Двухъ-этажное зданіе госпиталя рассчитано на 150 кроватей. Особое вниманіе заслуживаютъ печи; онѣ такъ устроены, что не только отапливаютъ зданіе, но и вентилируютъ и даже регулируютъ влажность воздуха; въ каждой изъ нихъ имѣются ванны для воды, испареніями которой можно доставлять воздуху надлежащую влагу.

— «Кронштадтскому Вѣстнику» телеграфируютъ, что винтовой клиперъ «Всадникъ», 10-го августа, прибылъ изъ Нагасаки въ Владивостокъ. На клиперѣ всѣ благополучно.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— 16-го августа открыта въ Ревелѣ женская трехклассная прогимназія съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Изъ 27 экзаменовавшихся дѣвочекъ приняты въ прогимназію 25, въ томъ числѣ 15 въ первый классъ и 10 во второй.

По вѣроисповѣданіямъ, изъ 25 принятыхъ ученицъ 23 принадлежатъ православному и 2 лютеранскому исповѣданію.

12-го августа происходилъ актъ въ Александровской мужской гимназіи, а 6-го въ городскомъ трехклассномъ училищѣ. Съ нынѣшняго года въ гимназіи открывается пятый классъ, и воспитанниковъ къ началу учебнаго года было 105 — большинство православныхъ. Городское трехклассное училище, въ которомъ также все преподаваніе происходитъ на русскомъ языкѣ, переполнено учащимися, преимущественно лютеранами и эстонцами. Успѣхи, сдѣланные ими въ теченіе года въ русскомъ языкѣ, весьма замѣтны. Многие изъ нихъ, годъ назадъ поступивъ въ училище, ни слова не знали по-русски, теперь же говорятъ довольно правильно.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Николаевичъ Карзининъ (съ портретомъ). — Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. А. Бѣшенцова (продолженіе). — Аму-Дарьинская экспедиція. I. Орско-казацкій почтовый трактъ. Путевыя замѣтки члена экспедиціи, Н. Карзинина. — Норичъ и Волчія пещ. (Эпизодъ изъ польскаго мѣста 1863—64 годовъ) (окончаніе). Н. Карзинина. — Маленькіе ночные разбойники. (Съ рисункомъ). — Разумное воспитаніе дѣтей. — Смѣсь. Литературный альбомъ. «Тройка» Н. Некрасова съ рисункомъ. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Блюшниковъ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 7-го сентября 1874-года.

ЛАПЛАНДІЯ.

I

Изъ поѣздки по Варангеръ-фьорду *)

В. И. Немировича-Данченко.

Унылые и мрачные берега Варангеръ-фьорда принадлежали некогда русскимъ. Перечислю здѣсь эти прекрасныя промысловыя уюжья, такъ великодушно отданныя добрымъ сосѣдямъ хѣтъ двадцать пять тому назадъ. Крайнее къ востоку—губа Валитова съ хорошею стоянкою для нѣсколькихъ военныхъ бригадъ. Она закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ и безопасна для зимовки небольшого числа судовъ. Въ двухъ миляхъ къ востоку отъ нея небольшое становище Песчанос, на южной сторонѣ котораго еще стоятъ прежнія русскія промысловыя избы и часовня. Здѣсь могутъ становиться на якорѣ купческія шкуны. Губа Ровдина, въ 22 миляхъ отъ Печенги, красиво окаймленная большими горами, съ поселкомъ финмановъ и прекрасной якорной стоянкою въ бухтѣ Зеленой. Въ двухъ миляхъ къ сѣверу губа Красная; далѣе лежитъ островъ Шалинъ съ превосходными лугами, а за нимъ находятся три губы: Паза (Pasvig fiord), куда впадаетъ славящаяся семужьими ловами рѣка Паза съ притоками, близъ нихъ есть слѣды богатыхъ рудъ. Шалинская губа и Овечья съ прекраснымъ вблизи озеромъ Ното-ярви, часть котораго, находящаяся въ русскіхъ владѣніяхъ, изображена на нашемъ рисункѣ. Берега всѣхъ трехъ чисты и пригубы. Близъ нихъ расположено нѣсколько деревень финманскихъ лопарей; на самыхъ губахъ множество хо-

Изъ путевого альбома В. И. Немировича-Данченка. Островъ на озерѣ Ното-Ярви.
 Рис. П. Карзининъ, грав. Путцъ.

рошихъ якорныхъ мѣсть. Губа Нявдема (Kibfiord), съ двумя смежными рѣками: Нявдемой и Утенгой. Тутъ находилось прежде становище русскихъ рыбаковъ — Шапкино, которое даже защищалось русской батареей; слѣды ея видны были еще въ 1826 году. Губа Косая (Kors-fiord) съ хорошею якорною стоянкою, губа Вересь (Bug-fiord). Мы уже не говоримъ о странѣ лежащей внутри отъ намѣченной нами береговой полосы, хотя она такова, что тамъ селятся охотливо норвежцы изъ болѣе умѣренной полосы, оспаривая землю у финмановъ, ради выгодъ представляемыхъ ею. На всемъ этомъ пространствѣ рыбы ловится

гораздо болѣе, чѣмъ на мурманскомъ берегу. Здѣсь, у губы Вересь, до 1826 г. оканчивалась наша граница. Въ Варангеръ-фьордѣ находятся два города, Варде-гузъ и Вадс-э. Варде-гузъ расположенъ подъ 70° 22' 16" сѣверной широты и 31° 06' 51" восточной долготы, отъ Гринвича (по Рейнеке). Какъ мы уже говорили — крѣпость здѣсь построена была въ ХУІ столѣтіи для защиты норвежской границы отъ русскихъ. Тогда она вся состояла изъ деревянной стѣны съ бойницами. Только въ 1735 году выведенъ осмиугольный шанецъ, около ста сажень въ квадратѣ на фундаментѣ изъ тесаного гранита съ землянымъ брустверомъ, высотой отъ 3 до 4 сажень. Рва и вѣншей обороны нѣтъ. На валу доживаютъ свой вѣкъ тридцать два пушки. Въ 1832 году гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ тридцати-пяти человѣкъ, а самаго города не было вовсе. Жило у крѣпости только человѣкъ двадцать промышленниковъ, да стояла небольшая факторія купца рыболова Бродкорта. Теперь здѣсь постоянного населенія 2200 ч., а лѣтняго 2500, факторій болѣе двадцати, купцовъ болѣе сорока; а Бродкортъ, пере-

*) Авторъ настоящей статьи В. И. Немировичъ-Данченко въ прошломъ году объѣхалъ Мурманскъ, Лапландію, Канінъ носъ и въ нѣсколькихъ направленіяхъ пересѣкъ Сѣверный Ледовитый океанъ. Результаты этого путешествія изложены въ нѣсколькихъ статьяхъ: *Очерки Сѣвера* («Дѣло» № 3 и 4-й 1874 г.) подъ псевдонимомъ В. И. Славянского; *Соловки* («Вѣстникъ Европы»), «За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ» («Отечественныя записки») и другія еще приготовляемыхъ къ печати. Намъ пріобрѣтено нѣсколько такихъ очерковъ и рисунковъ.

бывавшийся тогда изо дня в день, ворушает теперь миллионами, торгуя съ Германіей, Россіей, Франціей, Италіей, Англіей и Америкой. Когда въ 1832 г. крѣпость эту посѣщалъ Рейнеке, единственный промыселъ становивша состоялъ въ ловлѣ трески и тюленей. Отсюда посылалось небольшое судно на Шпицбергенъ за моржами. Теперь Вардо отпускаетъ за границу 1,230,228 кило штокфишу, 24,219 бочекъ соленой рыбы, да 422,230 литровъ рыбьего жиру. Одна торговля его съ Россіей, куда продаются привозимыя сюда изъ Англіи уды, соль и ромъ, занимаетъ 12 большихъ фирмъ. Процвѣтаніе Вардо началось со времени открытія торговли съ русскими (а между тѣмъ эту торговлю считаютъ благодѣяніемъ для Россіи и оправдываютъ ея результатами уступку части Варангеръ-Фьорда Норвегіи) и еще болѣе упрочилось съ 1842 г., когда было разрѣшено иностраннымъ товарамъ продавать прямо съ борта приходящихъ сюда судовъ—кому угодно. Ростъ населенія Вардо явствуетъ изъ нижеслѣдующаго: въ 1825 г. здѣсь считалось съ солдатами 88 ч. жителей, въ 1835—173 чел., въ 1845—193 ч., въ 1855 г.—407 ч., въ 1865 г.—828 ч., въ 1871 г.—1200 ч. Климатъ здѣсь влажный и холодный. Хотя зимой и не бываетъ морозовъ свыше—17°, за то лѣтотамъ температура очень низка: она рѣдко подымается выше +10°. Самый теплый день въ 1873 г. не достигалъ июля +13°; въ то самое время когда у насъ въ Колѣ, Териберкѣ и другихъ пунктахъ Лапландскаго полуострова стояли жары въ +20,25°, здѣсь термометръ показывалъ только +7°. Во время моего посѣщенія этого города въ іюль здѣсь было +8°, +5° и +7°. Главнѣйшія фирмы въ Вардо по торговлѣ съ Россіей: Якобсонъ, Скансе, Гольмбо, Бродкортъ, Дезенъ, Майеръ, Ульсенъ. Изъ 800 кораблей, посѣтившихъ эту гавань, шестьсотъ семьдесятъ принадлежали русскимъ судозозяевамъ. Нѣкоторые суда успеваютъ побывать здѣсь по два раза, и тогда по официальнымъ свѣдѣніямъ норвежскаго правительства они считаются за два судна. Только сто двадцать судовъ здѣсь приходилось на долю иностранцевъ. Наши суда вывезли отсюда лишь нѣсколько бочекъ рыбы изъ произведеній самой Норвегіи; все остальное, т. е. $\frac{7}{8}$ ихъ грузовъ,—товары, при сбытѣ которыхъ Норвегія только посредничаетъ между оптовыми фирмами Англіи, Германіи и Испаніи, съ одной, и русскими судозозяевами—съ другой стороны, взимая, разумѣется, за свое коммисіонерство львиную долю. Найдя русскіе поморы дорогу въ первые рынки—и Сѣверная Норвегія разомъ потеряетъ свое значеніе для насъ, а необходимые намъ продукты: уды (Англія), соль (Англія и Испанія)—мы будемъ имѣть на три четверти настоящей цѣны дешевле. Самая торговля русскаго поморья съ Норвегіей поставлена далеко не въ удовлетворительныя условия. Королевское повелѣніе, отъ 13 сентября 1830 г., о торговлѣ въ Финмаркенѣ узаконило слѣдующій порядокъ: привозимый изъ портовъ Бѣлаго моря товаръ дозволяется продавать прямо съ русскаго судовъ не только мѣстнымъ жителямъ, но и норвежскимъ судамъ, въ городскихъ портахъ—въ теченіи четырехъ недѣль, а въ рыбацкихъ губахъ—въ теченіи четырнадцати дней. О продажѣ товара мѣстнымъ жителямъ не можетъ быть и рѣчи: по мелочи товаръ продавать запрещено, а на болѣе крупныя покупки не у всякаго хватить средствъ. Что касается до продажи товара купцамъ, то въ небольшихъ сѣверо-норвежскихъ городахъ они берутъ наши товары по произвольной, ими самими назначенной цѣнѣ. Русский поморъ, которому дорого время, дорогъ промыселъ, спѣшитъ какъ можно скорѣе распродать свой товаръ на самыхъ обильнѣйшихъ для себя условіяхъ. Норвежцы первое время обыкновенно не сдаютъ ни на какія условія, а поморы ходятъ и кланяются. Сначала толкнутся къ одному, потомъ къ другому, чешутъ затылки да охаютъ и, въ концѣ концовъ, все-таки сдѣлаютъ такъ, какъ сказано норвежскимъ негодянтамъ. Тутъ въ городахъ они или продаютъ товаръ свой за деньги, или мѣняютъ его на ромъ, уды, соль, снасти. Въ первомъ случаѣ за грузы даютъ векселями, уплата по которымъ производится норвежцами въ сентябрѣ, октябрѣ, январѣ и маѣ или черезъ отдѣленіе государственнаго банка въ Архангельскѣ или черезъ Гамбургъ, Петербургъ и Архангельскъ—конторы Фонтейнеса и Кларка. При этомъ нерѣдко случаются банкротства, и въ утѣшеніе поморскому судозозяину, отдавшему за безцѣнокъ свою муку, остается, потерявшій свою цѣнность вексель.

Такова торговля въ городахъ. Кромѣ послѣднихъ, муку и крупку русскіе развозятъ по разнымъ губамъ сѣверо-норвежскаго побережья, мѣняя ее уже на рыбу, приготовленную по русскому способу—*gussfisch*. Эта торговля чрезвычайно выгодна для норвежцевъ. Среди лѣта, отъ 1 іюля по 15 августа, нельзя сушить треску, а надо солить ее, на что у норвежскихъ ловцовъ нѣтъ заведеній,—а главное: посолена и невысушенная рыба не имѣетъ сбыта за границу, кромѣ Россіи. Норвежскіе торговцы и это дѣло хотѣли забрать въ свои руки, и тогда, разумѣется, непосредственныя отношенія поморевъ съ жителями и промышленниками губъ совершенно бы прекратились. Не сумѣвъ провести такое ограниченіе законодательнымъ порядкомъ, купцы обставили его иначе. Въ каждой бухтѣ сѣверныхъ округовъ сосѣдняго королевства есть личность, доставляющая промышленникамъ жизненные припасы впередъ еще передъ начатіемъ промысла. За то они обязаны все необходимое брать у него и расплачиваться съ нимъ рыбой. Помимо своего кредитора—промышленники не дѣлаютъ ничего, такъ что русскіе судозозяева имѣютъ возможность вступать въ прямыя отношенія только съ такими кулаками, да съ

людьми нѣсколько лосостоятельными, которые имѣютъ возможность на собственныя свои средства производить заготовку всего имъ необходимаго. При такой мѣнѣ обыкновенно за пудъ муки норвежцы даютъ два пуда трески (которую еще нужно посолить), а за кулъ муки идетъ шесть бочекъ соли (44 пуда). Послѣдняя, впрочемъ, иногда понижается въ цѣнѣ, и за кулъ тогда съ охотой уплачивается 10 боч. или 70 п. Соль, покупаемая въ Англіи по 5 к. пудъ, въ Норвегіи стоитъ по 20 к. пудъ (съ барышомъ 300% на 100). Итого кулъ муки, за который поморъ платитъ въ Архангельскѣ 8 р. ему приноситъ отъ 9 р. 50 к. до 14 р. Пудъ рыбы поморъ продаетъ въ Архангельскѣ за 90—80 коп. Оптовымъ скупщикамъ (Ширкину и др.), съ вычетомъ денегъ на посоль, пошлины и фрахтъ, каждый пудъ хлѣба, при промѣнѣ его на рыбу, принесетъ около 45 к. барыша. Разумѣется, такая торговля была бы выгоднѣе, если бы на утлыхъ шкунахъ поморевъ можно было возить болѣе грузовъ, чѣмъ въ нихъ помѣщается теперь. Г. Данилевскій въ своемъ «Исслѣдованіи» между прочимъ говоритъ, что за пудъ муки берутъ наши поморы у норвежцевъ отъ 3 до 5 пудовъ раздѣланной трески и отъ 4 до 30 п. сайды,—что бываетъ случай, когда финнаны отдаютъ сайду за что бы то ни было, даже и по 50—100 п. за 1 п. муки. Не знаю, было ли это когда нибудь прежде, но если было—такъ давно уже и былъ бы поросло. Ссылка на 60-й годъ, сдѣланная изслѣдователемъ,—ставитъ меня въ тупикъ. Я расспрашивалъ многихъ поморевъ и въ Кемі, и въ Сумѣ, и въ Сорокѣ, и въ др. пунктахъ бѣломорскаго побережья, но ни одинъ изъ нихъ (даже старики) не помнилъ такихъ баснословно-выгодныхъ мѣнъ. Всѣ русскіе товары, ввозимые въ Норвегію, въ округѣ Вардо, Вадсѣ и Гаммерфестѣ кромѣ муки, крупы и лѣсу обложены высокими пошлинами, а въ Тромсѣ и южнѣе и на эти товары существуетъ пошлинный сборъ.

Всего въ Сѣверную Россію ввезено въ теченіи 1861—1865 гг. Въ 1861 г.—842,472 кило штокфишу, 42,629 бочекъ сол. рыбы, 145,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 400 кило омаровъ, 38,940 литровъ треск. жиру.

Въ 1862 г.—780,800 кило штокфишу, 36,446 бочекъ сол. рыбы, 273,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 100,000 литровъ треск. жиру, 6,500 кило гуано изъ рыбы.

Въ 1863 г.—2,361,060 кило штокфишу, 276 бочекъ сол. рыбы, 270,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 3,340 кило омаровъ, 91,171 литровъ треск. жиру, 100 кило гуано, 2,322 кило клипфишу и 1,200 боч. свѣжей рыбы.

Въ 1864 г.—673,000 кило штокфишу, 61,169 бочекъ сол. рыбы, 193,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 91,000 литровъ треск. жиру.

Въ 1865 г.—1,181,034 кило штокфишу, 44,694 бочекъ сол. рыбы, 220,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 69,000 литровъ треск. жиру.

Съ кѣмъ изъ поморевъ мнѣ ни случалось сталкиваться—все они только и голосятъ о необходимости завести непосредственныя сношенія съ Англіей. Къ сожалѣнію, все оканчивается добрыми намѣреніями. Даже богатые изъ нихъ, каковы Митрофановы, Антоновы, Норкины, Воронины и др. серьезно не думаютъ объ этомъ: нѣтъ хорошихъ судовъ, пугаетъ дальнее плаваніе, нѣтъ экипажей, а собственныя кемсые и сумскіе шкиперскіе курсы куда какъ плохи. Они едва-ли подготовятъ хорошаго матроса, не говоря уже о шкиперахъ. Да къ тому же многіе боится новаго дѣла, хоть на словахъ и города берутъ. Изъ всѣхъ одинъ только Савинъ въ послѣднее время завелъ непосредственныя отношенія съ Гамбургомъ и Англіей; но въдь одинъ въ полѣ не воинъ—и русская торговля, по всей вѣроятности, долго еще будетъ закабалена въ норвежскія руки. А эти руки—нужно признаться—въ ежовыхъ рукавицахъ, и бѣдной русской мухѣ, какъ встарь, такъ и теперь, все приходится пищать въ паутинѣ, разбросанной по сѣверо-норвежскому поморью, пищать, пока не явится паукъ, не высосетъ ее совсѣмъ и не оставитъ болтаться въ назиданіе послѣдующимъ поколѣніямъ.

Не смотря на то, что Вардо городъ небольшой, здѣсь три школы и одна кирка. Дѣвушки при мнѣ выходили изъ мѣстной женской гимназіи. Все это одѣто весьма неприглядно, не на выставку.

Я заговорилъ съ моимъ проводникомъ о положеніи мѣстныхъ училищъ.

— У насъ все получаютъ обязательное образованіе. Дѣвушка не знающая чтенія, письма и молитвъ—лишается причастія. Лопари—и тѣ всѣ грамотны. У насъ, я думаю, тоже эти номады за послѣднее время стали посѣщать школы.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза: не смѣется ли надо мною, и промолчалъ. Какъ было сказать, что между лопарями у насъ ни одного грамотнаго, а въ крестьянствѣ сѣверныхъ губерній грамотные не составляютъ и 6%.

— Да, у насъ въ послѣднее время все двинулось. Сколько въ Архангельскѣ у насъ торговыхъ школъ?

— Ни одной нѣтъ.

— Какъ ни одной? остолбенѣлъ мой собесѣдникъ.— У насъ ежели мало-мальски торговый городъ, сейчасъ-же въ немъ и коммерческое училище открывается...

Норвежецъ только засвисталъ, улыбаясь весьма недвусмысленно.— Теперь я понимаю отчего у насъ, даже въ такомъ центрѣ опускнскихъ операцій, какъ Архангельскъ, все купцы носятъ нѣмецкія фамиліи, и отчего эти поморы, которые приходятъ къ намъ на своихъ судахъ,—извините пожалуйста,—такъ... такъ... мало смышлены.

Заговорили о возрастающем назначеніи Вардо.

— Къ намъ каждое лѣто является до 900 ель съ норвежскими покрученниками. Всѣ они промышляютъ въ окрестностяхъ города. Считайте по 5 чел. на ель—выйдетъ 4,500 ч.

— А у насъ на цѣломъ Мурманѣ не болѣе 3,500.

— Ну а на уступленныхъ Россіей берегахъ много-ли норвежцевъ ловить рыбу?

— Почти пятьсотъ ель—съ двумя тысячами пятью стами промышленниковъ.

— И хороши промыслы?

— Прекрасные. Я проѣзжалъ навашъ Мурманѣ. Тамъ еще ничего не устроено; да вѣроятно и не воспрещено закономъ бросать въ моръ внутренностей трески. Такая вездѣ вонь и запущенность.

За то въ Норвегіи — повсюду чистота необыкновенная. Берега свободны отъ гниющихъ массъ внутренностей рыбы, вездѣ есть указатель фарватеровъ, рымы; гдѣ необходимо—устроены молы. Такъ, напр., въ Вардо улучшается гавань,—что поручено голландцамъ, которые взяли за это 90,000 спеснновъ; въ Вадсѣ устраивается прекрасная набережная, совершенствуется пристань; въ Тромсѣ строится театръ. А у насъ такіе торговпромышленные порты, какъ Онега, Кемь, Сума, Сорока—похожи скорѣе на свалывшуюся кучу жалкихъ гнидушекъ, чѣмъ на центры коммерческой и промышленной дѣятельности окрестныхъ районовъ.

Какъ оказалось изъ разсказовъ норвежца, у нихъ вблизи Вардо, Вадсѣ и Тромсѣ производятся китовые промыслы, очень выгодные, Фойномъ, Петерсеномъ и др. Тутъ же мы слышали, что Фойнъ *продаетъ* свой секретъ китоваго боя московскому купцу Смолину, устроивающему факторію на Мурманѣ. Не знаю, насколько это вѣрно; мнѣ только извѣстно, что Фойнъ не обладаетъ никакимъ секретомъ, а *его* способъ промышлять китовъ давно уже принятъ у англійскихъ китолововъ. Еще было бы безразсуднѣе нанять Фойна въ качествѣ управляющаго этимъ дѣломъ. По общему отзыву, онъ только забралъ бы его въ руки, и, пользуясь имъ, могъ бы еще безнаказаннѣе производить свои промыслы въ нашихъ моряхъ. Норвежцамъ небезизвѣстно, что, благодаря г. Сидорову и другимъ лицамъ, искренно отстаивающимъ интересы заброшеннаго сѣвера Россіи, русская печать уже обратила вниманіе на эксплуатацію нашихъ морей добрыми сосѣдями. Въ виду этого имъ хотѣлось бы заручиться законнымъ поводомъ къ продолженію такого промысла. А чего же лучше—быть управляющимъ у русскаго купца? Вѣдь управляющій факторіей Паллизена торгуетъ же ромомъ, помимо инструкцій своего хозяина; такъ и го-

сподипъ Фойнъ, подъ видомъ благочестія, можетъ производить китобойные промыслы—только еще шире чѣмъ прежде, потому что онъ будетъ уже вести ихъ на законномъ основаніи. Если слухъ, дошедшій до меня, вѣренъ, то гг. Смолинымъ не мѣшало бы подумать объ этомъ прежде, чѣмъ приглашать иностранцевъ «володѣти и правити нами».

Слѣдующій за Вардо, по правому берегу Варангеръ-Фьорда, городъ Вадсѣ подлѣ 70°03'58" с. м. и 29°44'17" в. д. (отъ Гринв.) еще промышленнѣе и населеннѣе Вардо. Посѣщавшій его въ 1820 г. капитанъ-лейтенантъ Рейненъ такъ отзывался о немъ: Вадсѣ—небольшое торговое мѣстечко. Селеніе расположено на выдавшемся отъ материка мыскѣ противу середины островка. Оно состоитъ изъ одного большаго купеческаго дома и нѣсколькихъ финманскихъ хижинъ. Далѣе, въ 1/2 верстѣ живетъ пасторъ. Въ 1826 г. жителей въ немъ было: одинъ купецъ, пасторъ, ландсманъ и 50 финновъ. Въ 1833 году оно было переименовано въ городъ, въ 1835 г. въ немъ уже было 234 ч. жителей, въ 1845 г.—388, въ 1855 г.—886, въ 1865 г.—1344, въ 1871 г.—1800 ч. Теперь здѣсь не одинъ, а около тридцати купцовъ, прекрасная кирка на возвышенной площадкѣ, видны отовсюду въ городѣ, красивые, хотя и не роскошные дома. Вездѣ необыкновенная чистота и опрятность, вездѣ водопроводы. Сюда въ 1873 г. пришло 248 русскихъ и до 60 иностранныхъ судовъ. Тутъ же устроенъ телеграфъ, большаго жироотопенный заводъ Фойна, для выдѣлки китоваго жира и гуано изъ китовыхъ тушъ, множество небольшихъ заводовъ для вытопки тресковаго сала. Городъ съ моря очень красивъ. Берегъ и мысъ—образуютъ большую и удобную гавань, изогнутую вродѣ рога. Еще издали цѣликомъ выдѣляется бѣлая кирка своими полувоздушными очертаніями надъ чистенькимъ городкомъ, граціозно раскинувшимся вокругъ голубаго залива. Тутъ было уже гораздо теплѣе. Вблизи Вадсѣ тянется скалистая группа горъ, между которыми лежатъ прелестнѣйшія озера. Одно изъ нихъ необычайно похожее на озеро Пуодзь-элла, находящееся въ русской Лапландіи и срисованное мною съ вершины Хибинскихъ горъ. Это озеро Пуодзь-элла и представлено на нашемъ рисункѣ.

Въ Вадсѣ на улицахъ въ первый разъ встрѣчаются финманы, т. е. норвежскіе лопари. Теперь мы не станемъ говорить о нихъ, откладывая это до слѣдующихъ этнографическихъ очерковъ Лапландіи. Также какъ и въ Вардо — туристъ повсюду встрѣчаетъ здѣсь стройный порядокъ, гражданственность, удобства жизни, немалыми въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, разумѣется, не считая Архангельска.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТІЕ.

Ничто не можетъ быть прекраснѣе и святѣе домашняго очага, любящей молодой четы и дѣтей. Талантливый дюссельдорфскій живописецъ Паульзенъ въ бойко-нарисованной и вѣрно-схваченной картинѣ, копію которой мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, передаетъ намъ это неописанное счастье семейной жизни, благословенной дѣтми. Здѣсь мы видимъ у стола три поколѣнія вмѣстѣ: бабушку, молодыхъ родителей въ полномъ цвѣтѣ жизни и двухъ прелестныхъ малютокъ, изъ которыхъ одна еще на рукахъ у кормилицы. Фортуна излила на этотъ домъ всѣ свои земныя блага; но къ матеріальному благосостоянію здѣсь еще присоединяется нѣчто, безъ чего внѣшнее счастье не можетъ дать

полнаго удовлетворенія, именно: духъ любви и согласія, тѣсное сліяніе сердецъ молодыхъ супруговъ. Обѣдъ конченъ, на столѣ осталось только вино и фрукты. Старшая малютка только-что сейчасъ допущена въ столовую, и подъ надзоромъ бабушки кушаетъ свою долю лакомствъ; а вотъ появляется на рукахъ кормилицы и самый крошечный членъ семьи, чтобы дополнить собою семейную картину и пошалить нѣсколько минутъ на рукахъ у папани, — вѣдь послѣднему дѣлу не часто позволяютъ заняться съ своими дѣтками; за то какимъ счастьемъ освѣтилось лицо матери при видѣ отцовской нѣжности къ ребенку, и это-то выраженіе придаетъ картинѣ ея несравненную прелесть.

СКАЗАНО ЧТО АЗІЯ *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА VI.

П л ѣ н ѣ.

Несчастная Майко, похищенная изъ отчужденнаго дома, была въ состояніи сумасшествія привезена своимъ похитителемъ въ селеніе Закаталы, которое находилось въ горахъ и почиталось однимъ изъ неприступнѣйшихъ мѣстъ южнаго Дагестана. Въ глубинѣ огромнаго ущелья, межъ двухъ чистыхъ, прохладныхъ, шумно-стремящихся потоковъ, образовалась, на возвышеніи обрывистыхъ скалъ, роскошная, цвѣтущая,

покрытая фруктовымъ лѣсомъ равнина. Этотъ земной рай заняло общество горцевъ и основало въ немъ (со временъ незапамятныхъ) свое селеніе, выстроило дома изъ дикаго камня двухъ-этажные съ бойницами, развело сады фруктовые, хлѣбопашество изобильное и стада огромныя. Все росло да богатыло, природа давала всего безъ мѣры. Жители этой обитованной земли утопали въ лѣни и довольствѣ; у нихъ работали наемщики, а они гарцовали на грабежахъ, или пировали дома. Мужчины — роста и тѣлосложенія атлетическаго, женщины тоже, хотя и не такія красавицы, какъ ихъ описываютъ. Любимымъ промысломъ мужей было: дѣлать набѣги на Кахетію и рѣзать безоружныхъ грузинъ, увозить у нихъ женъ и дѣтей и отгонять стада.

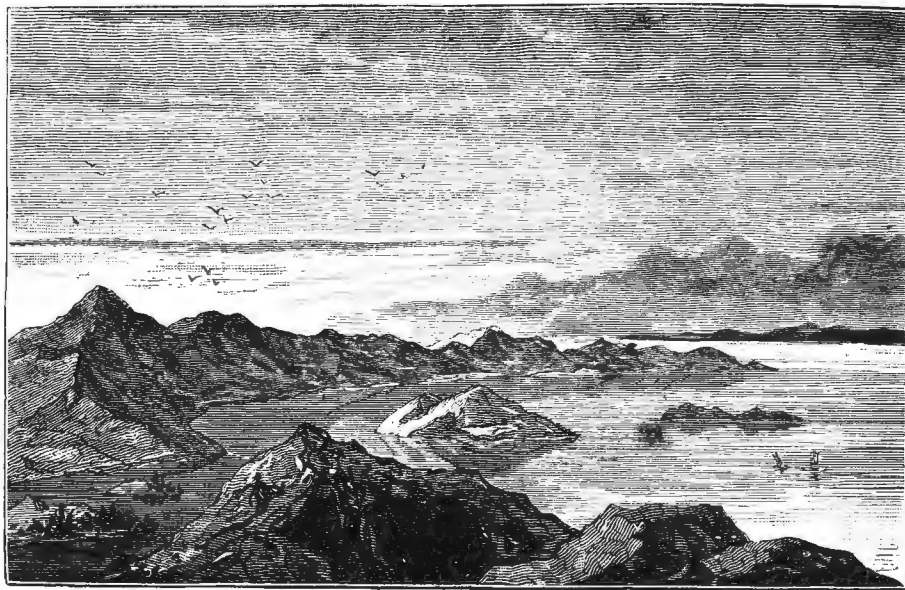
Вотъ что заставило русскихъ въ 1830-мъ году стать въ Закаталахъ твердою ногою.

Долго бѣдная грузинка не могла придти въ себя и лежала

*) Солдатская поговорка.

въ безпамятствѣ; наконецъ, молодость и крѣпкое тѣлосложение взяли свое — и она начала выздоравливать. Возвращеніе памяти было для нея ужасно. Когда она пришла въ сознание, то жалѣла, что не осталась навсегда сумасшедшей. Сначала Майко не могла понять: гдѣ она, что съ ней. Въ сторонѣ совершенно невѣдомой, окружена лицами незнакомыми, бытомъ жизни, который и во снѣ не снился ей. Потомъ узнала, что находится въ плѣну и принадлежит семейству Чанко-Оглы. Страдая душой, она страдала и тѣломъ. Всякая пища была ей противна. Долго смѣшивала она это событіе, въ болѣзненномъ воображеніи, съ видѣннымъ ею зловѣщимъ сномъ, будто какое-то страшное чудовище растерзало ей грудь, высосало изъ нея кровь и умчало въ безпредѣльное пространство тьмы. Теперь одни лишь черты злодѣя Чанко-Оглы сильно вѣзались въ ея памяти. Какъ неотвязное видѣніе, это лицо ее преслѣдовало, съ ней дѣлались нервные припадки. Но ужасенъ былъ ея испугъ, когда она почувствовала у себя подъ сердцемъ новую жизнь, жизнь другого существа. Въ это время она поняла, какъ счастлива должна быть женщина, которая, любя избраннаго ея сердцемъ, становится его женой произвольно и сознательно; въ ней же это положеніе возбудило чувство оскорбленнаго самолюбія, униженнаго достоинства женщи-

трясеніе, она ужасно страдала, но молилась за русскихъ. Долго послѣ не могла встать съ постели, и больная, вмѣстѣ съ семействомъ Чанко-Оглы, бѣжавшимъ въ горы, была перевезена въ тѣ дебри, гдѣ нашелъ ее Искринъ. Она увидѣла, потерянная для родныхъ и знакомыхъ. Но какъ чловѣкъ одаренъ отъ природы благотѣльной способностью свѣтаться съ своимъ положеніемъ, какъ бы тяжело оно ни было, такъ и она привыкла къ своему настоящему быту, къ средѣ ее окружавшей, и мало-по-малу забыла, что есть другой міръ, иная жизнь, къ которымъ ее приготавливали съ дѣтства. Убѣдившись въ невозможности возвратиться къ нимъ, она какъ-бы успокоилась, пришла въ состояніе апатіи, какого-то отупѣнія, живя только привязанностью къ ребенку, котораго она полюбила тѣмъ болѣе, что одно воспоминаніе объ ея жестокомъ, хотя и минутномъ намѣреніи, приводило ее въ ужасъ. Она думала, что это бѣдное дитя, порожденіе злодѣйства, внушеннаго нечеловѣческой злобой, плодъ ужаснаго насилія, — ни въ чемъ неповинно; но ей казалось, что странное начало этого существа не могло имѣть и конца обыкновеннаго. Ее заранѣе ужасала его будущность, и она къ нему болѣе и болѣе привязывалась, по мѣрѣ сожалѣнія и какъ-бы для восполненія своей разбитой жизни, этого отрицательнаго существованія, этого душевнаго разрома.

Изъ путевого альбома В. Н. Немировича-Данченки. Озеро среди горъ, Пудовъ-Элла (съ Хлбачокой вершины). Рис. Н. Каразинъ, грав. Езерскій.

ны и матери, — чувство озлобленія и ненависти, такъ что въ первыя минуты она готова была посягнуть на жизнь ребенка и на свою собственную. Но страхъ суда Божія превозмогъ силу воли человѣческой и спасъ ее отъ ужаснаго преступленія. Она рѣшилась чашу испытанія испить до дна, предавъ себя на волю Провидѣнія. Это положеніе тѣмъ болѣе убивало ее, что самая мысль о возвращеніи на родину казалась ей невозможною. Майко была почти увѣрена, что отца и матери ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Запятанная лобзаніемъ разбойника, магометанина, она не могла уже принадлежать нареченному ей жениху. Круглая сирота, она стала стараться приучать себя къ новому семейству, къ новому быту, которые въ удѣлъ послала ей судьба.

Но судьба не дала торжествовать злодѣю. Чанко-Оглы раненный Зурабомъ, умеръ. Въ то самое время, какъ русскія пушки гремѣли въ Закаталахъ, грузинка родила сына. Громъ выстрѣловъ производилъ въ ней страшное по-

ЧАСТЬ II.

... Жалкій чловѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно.
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ ... зачѣмъ?

ГЛАВА I.

Старые знакомые.

Гроза миновала, ночь была тихая, звѣзды ярко блистали на небѣ, воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ, все располагало душу къ нѣгѣ, къ упоенію. Огонь потухалъ, дрова догарали, оставивъ груды разгорѣвшихся угольевъ; отъ жаркой кучи ихъ вѣяло благотворной теплотой. Грузинка лежала на разостланной буркѣ въ сладкой дремотѣ, выраженіе блѣднаго лица ея было спокойно, тонкія черныя брови и длинныя рѣсницы были какъ будто нарисованы мастерскою кистью художника; лицо было оттѣнено густыми,

Семейное счастье. Съ картины Ф. Цаульсона, грав. Брендамуръ.

черными волосами, грудь подымалась тихо и правильно; на ней спокойно и счастливо спал ребенок. Подъ Майко сидѣлъ Искринъ. Голова его покоилась на рукѣ, локоть которой опирался на сѣдло; ему не спалось, онъ молча глядѣлъ на грузинку. Семень лежалъ поодаль, спиной вверхъ, положивъ голову на своего вѣрнаго пуделя.

Грузинка вдругъ во снѣ закричала и рукой схватила себя за грудь, потомъ проснулась, привстала, бросила вокругъ себя испуганный взоръ, откинула назадъ волосы отъ лица своего и, съ тяжелымъ вздохомъ, сказала: «какой ужасный сонъ!»; но, встрѣтивъ неотступный взглядъ Искрина, она замѣтила безпорядокъ своей одежды, опустила глаза, румянецъ какъ зарево вспыхнулъ на щекахъ ея — и она склонила прекрасную голову на грудь свою, прикрывая ее распушенными волосами.

— Княжна, тихо сказалъ Искринъ.

Грузинка стыдливо изподлобья взглянула на него съ привѣтной улыбкой.

— Скажите, вы помните Зураба?

При этомъ имени, забывъ свой стыдъ, она приподняла голову: глаза ея горѣли, она схватила руку Искрина, вскричавъ: «ради Бога, скажите, гдѣ онъ, гдѣ мой Зурабъ?»

— Вы видите предъ собою человѣка, которому быть можетъ опредѣлило Провидѣніе спасти васъ. Выслушайте: во время штурма Закаталь я былъ съ охотниками; когда мы бросились въ селеніе, часа въ четыре утра, туманъ былъ такъ еще великъ, что мы не могли видѣть непріятеля, — и тогда только узнали, что окружены имъ, когда насъ осыпало градомъ пуль и камней изъ саклей и заваловъ, особенно изъ этой проклятой башни Гамзатъ-бека. Начался рукопашный бой, на меня бросился лезгинъ огромнаго роста, съ крашеной бородой и съ разрубленнымъ глазомъ...

— Ахъ! это былъ онъ — Чанко! перебила Майко, закрывъ собою лицо руками съ нервнымъ содроганіемъ.

— После я узналъ, продолжалъ Искринъ, — что это былъ Чанко-Оглы. Я выстрѣлялъ по нему — пушечка осѣкся, я закинулъ — не нахожу его на поясъ; обезоруженный, я ожидалъ смерти и видѣлъ, какъ лезгинъ уже запелъ надъ головой моей шашку, какъ вдругъ раздался крикъ: «Майко, Майко!»... и грузинъ, старикъ, за которымъ несся толпа милиционеровъ, какъ звѣрь бросился на Чанко-Оглы; въ одно мгновеніе, раненные, оба они упали на землю въ объятіяхъ другъ друга. Я спѣшилъ съ солдатами освободить моего спасителя, съ трудомъ могли оторвать его отъ его добычи, но прекрасныя черты лица его уже покрылись предсмертною блѣдностію — я не узналъ его. Онъ далъ знакъ рукою, чтобы я къ нему приблизился; я наклонился; онъ собралъ послѣднія свои силы, взглянувъ на меня умоляющимъ взоромъ, какъ-бы хотѣлъ сказать: «ты мнѣ обязанъ жизнью, исполни же мое завѣщаніе», — едва вынатымъ голосомъ прошепталъ: «Спаси Майко, если она жива», и я почувствовалъ на лицѣ моемъ предсмертный поцѣлуй; это былъ послѣдній въ его жизни. После я узналъ, что это былъ Зурабъ.

Майко, всплеснувъ руками, опустила голову. «И его не стало, тихо проговорила она. — Вѣдныи Зурабъ! онъ былъ нукеромъ отца моего, онъ меня на рукахъ носилъ, когда я была еще ребенкомъ. О Боже! конечно, отца и матушки уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ съ ними ни за что бы не разстался... И она залилась слезами.

— Я, продолжалъ Искринъ, — не могъ тогда понять несвязной рѣчи, темныхъ для меня словъ старика, и приписывалъ ихъ бреду умирающаго человѣка, но теперь это все для меня разъяснилось. Будучи самъ раненъ, я поручилъ вотъ этому старику, — онъ указалъ на Семена, — отыскать тѣло Зураба и похоронить его.

— Да, батюшка, сказалъ, вслушавшись въ разговоръ и приблизивъ къ нимъ, Семень, — когда я васъ нашелъ, въ тотъ день вечеромъ, между ранеными, вы были очень слабы и все говорили, какъ во снѣ: «Семень, отыщи грузина у башни, который спасъ мнѣ жизнь»; а докторъ нашъ, тотъ одноклазый-то, рябой... какъ-бывъ его звали-то?... рѣжетъ тутъ руки, ноги раненымъ, да въ грудь бросаетъ, — словно у собакъ,

Господи прости! а самъ смѣется, рябой чортъ, да мнѣ и говорить: «что ты его слушаешь! — онъ-де бредитъ въ горлячкѣ»; да я его не послушалъ. На другой день съ ефрейторомъ Мироновымъ, — знаете, что нашъ землякъ-то? — мы отыскали тѣло этого грузина и похоронили его. Я думалъ — онъ князь какой, такая на немъ чуха-то нарядная, вся въ галунахъ; много тутъ было мертвыхъ тѣлъ навалено, особенно басурмановъ-то, да мы его узнали по Егорьевскому кресту. Хорошо, что эти проклятые лезгини разбѣжались, а то они его ободрали-бы до нага — и то оружія-то при немъ никакого не было: видно наши казаки приняли его за лезгина. Поставили мы надъ нимъ деревянный крестъ...

— Добрый старикъ! сказала Майко, неожиданно обнявъ Семена и цѣлуя его въ лысую голову.

— Позвольте, матушка, ваше сіятельство, отвѣчалъ старикъ, отворачиваясь, чтобы она не замѣтила его слезъ. — Вѣдь я васъ теперь призналъ. Какъ вы меня въ Цинсхалахъ-то чайкомъ изволили чествовать... Не годится такъ обнимать меня, вѣдь я слуга... а что я сдѣлалъ? Исполнилъ только приказаніе барина...

Между тѣмъ грузинка рассказала имъ, какъ она очутилась на берегу рѣки. Пробужденная нестерпимыми криками семейства Чанко-Оглы, она увидала, что шалашъ ихъ загорѣлся; испуганная, схватила ребенка — и сквозь пламя, опалившее на ней верхнюю одежду, побѣжала сама не зная куда; инстинктъ направилъ путь ея къ рѣкѣ, но въ изнеможеніи силъ, безъ памяти, она упала; мокрая, густая трава, вмѣстѣ съ дождемъ потушила затлѣвшееся на ней платье.

Искринъ не могъ отвести глазъ отъ прекрасной грузинки. Взглядъ его сильнѣе всякихъ словъ выражалъ его чувства. Наконецъ голосомъ, въ дрожащихъ звукахъ котораго слышался какъ-бы отголосокъ, какъ-бы эхо сердечнаго трепета и горячее участіе, сказалъ: «Послушайте, Майко! я долженъ сознаться, что не узналъ васъ: вы измѣнились; но память сердца такъ сильно притягивала меня къ вамъ, что я не могъ оторвать отъ вашего лица моихъ глазъ, побѣдить какую-то необходимость глядѣть на васъ...

— Даже слишкомъ пристально... замѣтила Майко.

— Извините меня, милая княжна, продолжалъ Искринъ, — но это служить вамъ доказательствомъ, что не одно обязательство, возложенное на меня завѣщаніемъ покойнаго Зураба и дружба покойнаго вашего брата, а чувство собственнаго сердца внушаетъ мнѣ желаніе спасти васъ и вырвать изъ этого адскаго вертепа. Но я не могу сдѣлать этого противъ вашей воли... Скажите, согласны-ли вы доверить мнѣ судьбу свою?

— Благодарю васъ, Искринъ, сказала Майко, взявъ его руку и сжавъ ее крѣпко. — Зачѣмъ? Судьба моя рѣшена, какъ судьба преступника, надъ которымъ исполненъ приговоръ. Будущность моя погибла вмѣстѣ съ прошлымъ. Я васъ узнала съ перваго взгляда, но мнѣ было тяжело и совѣстно назвать себя... Ахъ, если-бы вы знали какъ больно сердцу, когда оно не смѣетъ отозваться другому! Судьба отняла у меня лучшій удѣлъ въ жизни женщины, когда она сознательно можетъ сказать избранному ея сердцемъ: «Я твоя, я никому не принадлежала другому.» Вы не знаете какъ ужасно состояніе подневольной рабы! Зачѣмъ вы возвратили мнѣ жизнь, не спрося: хочу-ли я жить? Или мое несчастіе внушило вамъ это право?

— Княжна, отвѣчалъ Искринъ: — я скажу въ свою очередь: не обижайте меня... То, что я говорю теперь — давно живеть въ моемъ сердцѣ... Это чувство — высокое и святое чувство... Оно имѣетъ силу предавать забвенію все прошедшее, обновлять настоящее для человѣка, создавать для него будущее, — словомъ, имѣетъ силу возрожденія, но... для этого нужна взаимность: безъ нея оно бессильно. Вотъ почему вы никогда бы не узнали моихъ чувствъ...

— О, какъ же мнѣ жаль васъ!... сказала Майко, сложивъ голову на грудь его, и крупныя слезы, какъ жемчужины по бархату, катились по ея лицу, горѣвшему яркимъ румянцемъ.

Понятно чувство человѣка, къ которому склоняется на грудь

женщина, какъ-бы прося его защиты, какъ бы поручая ему судьбу свою.

— Теперь выслушайте меня, Майко, сказалъ Искринъ:— когда я увидалъ васъ въ первый разъ въ Циносхалѣ, у васъ въ дождь, я впервые понялъ чувство любви истинной, въ чистомъ и высокомъ сознаниі. Когда вы плясали, я не умѣлъ выразить восторга, который я чувствовалъ. Я молчалъ, когда другіе выражали свой восторгъ, потому что не могъ говорить; еслибы отъ меня тогда этого потребовали, то подумали-бы, что я онѣмѣлъ.

— А мнѣ было досадно, замѣтила Майко, —я думала, что вамъ не понравился нашъ національный танецъ.

— Я, продолжалъ Искринъ, —по дружбѣ сообщилъ о чувствахъ моихъ вашему брату, но онъ мнѣ сказалъ, что вы уже обручены съ другимъ, и что, по вашимъ обычаямъ, разрывъ между обрученными невозможенъ. Я постарался скрыть отъ него мое горе. Когда онъ заснулъ, я ушелъ изъ дому, бродилъ всю ночь надъ озеромъ, а утромъ уѣхалъ, потому что не имѣлъ силъ оставаться долѣе. Когда пріѣхалъ въ штабъ-квартиру полка, на меня нашла такая тоска, что я не зналъ куда дѣваться. Просился за Кубань, но походъ окончился и войска возвращались. Слухъ о несчастіи, постигшемъ ваше семейство, привелъ меня въ отчаяніе. Чего никогда не дѣлалъ, я началъ пить, проигралъ всѣ деньги, вещи — и не знаю, чѣмъ-бы это окончилось, еслибы не открылся походъ въ Закаталы. Тутъ я былъ раненъ, долго былъ боленъ... Мысль, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, увидать родныхъ — нѣсколько примирила меня съ сердечнымъ горемъ. Теперь вы поймете, что любовь къ вамъ не мгновенное увлеченіе, не вспышка воображенія или порывъ чувственности, а чувство давнишнее, глубокое.

Майко, молча подала ему руку, выражая взглядомъ то, чего языкъ не рѣшался высказать.

— Много мнѣ доставалось за тебя отъ Марты, моей покойной няни, прошептала она, опустивъ глаза. Искринъ съ восторгомъ обнялъ ее и прижалъ къ груди своей.

— Послушайте, Майко, до утра еще много времени, мы успѣемъ быть далеко отъ хуторовъ. Явно я не могу увести васъ: это сдѣлаетъ бунтъ между жителями, да и спутники мои, лезгины, на это не согласятся; я посажу васъ къ себѣ на лошадь — и съ Богомъ. Его благость сохранить насъ.

Майко недовѣрчиво смотрѣла въ глаза Искрину, —она боялась вѣрить перемѣнѣ судьбы своей —такъ освоилась она съ горькой долей; воображеніе никогда и не представляло ей возможности избавленія отъ плѣна, внезапность поразила ее. Она съ грустью взглянула на своего ребенка.

— А этотъ малютка?... спросила она.

— Онъ принадлежитъ семейству Чанко-Оглы, отвѣчалъ Искринъ, —оставьте его у нихъ и приходите сюда. Когда будетъ устроена ваша собственная участь, правительство его вытребуетъ. Васъ я не могу ни на минуту оставить здѣсь. Я измучусь въ неизвѣстности.

Майко горько заплакала, прижала ребенка къ груди своей и осыпала крестомъ; въ ней боролось еще чувство эгоизма съ чувствомъ матери. Ей стало жаль покинуть это бѣдное твореніе, хотя она и не могла имѣть къ нему того нѣжнаго, невыразимо глубокаго чувства матери, которое есть такъ сказать порожденіе собственного счастья, —залогъ взаимности существа любимаго, къ которому мы прикованы всею силою души своей, —того чувства, которое есть сладостное воспоминаніе первой искры любви, павшей на сердце, —когда, лаская на своей груди дитя, молодая красавица узнаетъ въ немъ черты милаго сердцу человѣка... Наконецъ, голосомъ трепещущимъ отъ слезъ, она сказала: «нѣтъ, какъ ни тяжело мое положеніе, я не могу оставить этого бѣдняжку, —она показала на ребенка. Посмотрите какъ онъ хорошъ! Какъ спокойно, какъ безопасно, какъ довѣрчиво спитъ это бѣдное дитя! — Кто знаетъ, что ожидаетъ его въ жизни? Послѣ себя я оставляю ему единственное наслѣдство — мое благословеніе и этотъ кинжалъ, который на мнѣ. Быть можетъ это оружіе спасетъ его отъ гибели, а можетъ быть откроетъ ему путь къ славѣ.»

ГЛАВА II.

Дохищеніе.

Быстро и съ шумомъ неслась рѣка по камнямъ и гуломъ своимъ оглашала мрачное безмолвіе окрестныхъ горъ и лѣса. Лишь хищные звѣри, рысая по лѣсу перекликались вдали какъ часовые. Скучившись въ ущѣльяхъ отъ пожара шалашахъ, переселенцы заснули усталымъ и тяжелымъ сномъ. Все было дико и темно. Искринъ, склонивъ на руку голову, задумчиво смотрѣлъ на бѣгущія волны рѣки. Взоръ его выражалъ озабоченное состояніе. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, на что рѣшиться, какъ увести Майко съ Богданомъ. Разсудокъ говорилъ: «опасно»; а сердце шептало: «увези!»

Майко поняла тревогу души его, и вдругъ, какъ-бы пробудясь отъ тяжелаго сна, устремила на него свои черные глаза, въ которыхъ горѣлъ огонь сильнаго чувства, протянула ему руку и сказала твердымъ голосомъ: «прощай! оставь меня судьбѣ моей. Я не хочу, я не должна подвергать опасности жизнь твою; она нужна твоей родинѣ, твоему семейству. У меня нѣтъ ни того, ни другаго. Я на тебя не имѣю никакого права; между нами не можетъ быть ничего общаго. Я не знаю, что со мной стало съ тѣхъ поръ, какъ я мать. Мнѣ кажется, что я ни кого любить не могу. Иди одинъ. Да сохранить тебя Богъ! Я буду молиться о тебѣ въ моей неволѣ. Ты молодъ, быть можетъ знатенъ и богатъ; а я... чѣмъ могу я быть для тебя?»

— Женой, отвѣчалъ Искринъ, закрывъ лицо руками, изъ подъ которыхъ текли слезы.

— Нѣтъ, никогда! продолжала Майко. — Прости мнѣ минуту увлеченія. Въ первый разъ въ моей жизни — сегодня забилось мое сердце... Мнѣ такъ ново это чувство... такъ незнакомо... Никто еще до сихъ поръ такъ не говорилъ со мною... Въ первый разъ, во время пребыванія моего въ плѣну, блеснула мнѣ лучъ надежды на избавленіе; — и голова моя закружилась, разсудокъ отуманился, я въ какомъ-то забвеніи не понимала сама что дѣлаю... Конечно, всякая перемѣна моего положенія можетъ быть для меня только къ лучшему. Не моя будущность меня пугаетъ; но за что я тебя погублю? Ты молодъ, у тебя есть отецъ и мать: они ожидаютъ тебя видѣть въ чинахъ, готовятъ тебѣ невѣсту; да они меня проклянутъ!.. Ты спасъ меня отъ смерти, дашь новую жизнь душѣ моей; а я, неблагодарная, отравлю твою? Нѣтъ, нѣтъ! низачто! Благодарю Бога, что Онъ помогъ мнѣ опомниться во время. Прощай!

Она встала и хотѣла идти, но Искринъ бросился къ ней и удержалъ ее силой.

— Не уходи, не покидай меня! говорилъ онъ. —Этимъ ты только и можешь погубить меня. Я чувствую, что не могу жить безъ тебя. Я скорѣй рѣшусь бросить все: отца, мать, родину, службу, нежели разстаться съ тобой, — или застрѣлюсь. Во всемъ, что постигло тебя, — ты виновна! Несчастіе не дѣлаетъ позора; напротивъ, оно возбуждаетъ уваженіе. Воля твоя не принимала участія въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Согласіе твое отдать мнѣ свою руку можетъ только спасти меня. Безъ тебя для меня счастье невозможно.

Майко закрыла лицо руками, долго не могла говорить отъ волненія, потомъ тихо опустилась на колѣни, и поднявъ руки къ небу, съвзой слезъ произнесла: «Господи! неужели это испытаніе, или благость Твоя во истину посылаетъ мнѣ счастье? Ты видишь — могу ли я долѣе бороться... Пусть будетъ воля Твоя святая!»

— И обратаясь къ Искрину она сказала: «бѣжимъ»! — Искринъ цѣловалъ ее руки.

— Дорогая моя, сказалъ онъ: — жизнь наша должна принадлежать взаимно другъ другу. Клянись же и ты съ этой минуты принадлежать мнѣ вмѣстѣ съ Богданомъ, во имя дружбы моей съ твоимъ покойнымъ братомъ и предсмертнаго завѣщанія Зураба. Если ты не чувствуешь ко мнѣ сильной привязанности, то я увѣренъ, что ты оцѣнишь всю силу любви моей къ тебѣ.

— Клянусь! отвѣчала Майко, приложивъ ко лбу лезвіе кинжала по восточному обычаю, — быть вѣчно рабой твоей. Только смерть и твоя воля могутъ нарушить эту клятву.

— Нѣтъ! никогда рабой, а другомъ!.. вскричалъ Искринъ, обнявъ ее и въ радости цѣловалъ Богдана, прижавъ его къ себѣ такъ сильно, что тотъ закричалъ и вцѣпился рученками въ его волосы.

Майко, которую не пускали удалаться отъ жилища, имѣла самыя слабыя понятія о мѣстахъ, окружавшихъ эту дикую пустыню, и не могла дать подробныхъ свѣдѣній, какъ изъ нея выбраться; но соображая ея разсказы со свѣдѣніями, которыя имѣлись въ отрядѣ черезъ лазутчиковъ о побѣгѣ нѣкоторыхъ изъ закатальскихъ переселенцевъ, Искринъ догадался, что они находятся въ ущельѣ Каниць-Дари.

Припоминая карту южнаго Дагестана, Искринъ зналъ, что это ущелье соединяется съ Мацехскимъ ущельемъ и должно вывести ихъ на Бѣлоканскую дорогу, — и рѣшился пуститься въ путь.

— Поди, сказалъ онъ Семену, — въ селеніе, посмотри, что дѣлаютъ наши конвойные. Ежели они спятъ, то не буди ихъ. Отыщи Саркизку и приведи его сюда съ лошадыю. Да такъ чтобы онъ не пикнулъ — понимаешь?

— Слушаю! отвѣчалъ Семень; — будьте покойны. Онъ ушелъ.

Между тѣмъ Искринъ предложилъ Майко ужинать, вынимая изъ переметной сумы кусокъ сыру, хлѣба, жаренаго фазана и бутылку кахетинскаго вина. Ужинъ былъ молчаливъ. Оставшись наединѣ, Искринъ и Майко какъ бы боялись дать свободу своимъ мыслямъ и чувствамъ. Когда чувство истинно и сильно, рѣдко бываетъ оно краснорѣчиво и болтливо, — потому ли что полагаютъ слова неспособными выразить всю силу чувства, или стараются сохранить долѣе это сокровище внутри себя. Сосредоточенное молчаніе и взглядъ выражаютъ его сильнѣе. Искринъ и Майко урывками взглядывали другъ на друга, и когда взгляды ихъ встрѣчались, они опускали глаза, какъ бы боясь взрыва любви, которой они были взаимно полны... Быть можетъ перемѣна ихъ положенія, новизна взаимныхъ отношеній занимала ихъ мысли, каждаго отдѣльно; а можетъ и тайное предчувствіе опасности ихъ тревожило, — но они почти не прикасались къ пищѣ.

Черезъ часъ Семень привелъ осѣдланную широкимъ турецкимъ сѣдломъ красивую лошадь Саркиза; а тотъ, поглядывая на него изъ-подлобья, велъ за нимъ въ поводу другую лошадь, навьюченную разнымъ скарбомъ. Вѣрный слуга донесъ, что въ селеніи всѣ спали мертвымъ сномъ.

— Саркизь! сказалъ Искринъ, — я беру твою лошадь; ты ее получишь въ Бѣлоканахъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ удивленный армянинъ: — на что она вамъ?

— Такъ — мнѣ надо, сказалъ Искринъ. — Я за все заплачу, ты меня знаешь.

— На чемъ же я-то поѣду? продолжалъ Саркизь. — Много кое-чего накупилъ, лошаденку добылъ, вьюкъ тяжелый, на силу везеть.

— Ну, чай, половину наворовалъ! замѣтилъ Семень.

— Ни слова больше!.. прервалъ Искринъ, вынимая изъ кармана деньги. — А если будешь разговаривать — заткну тебѣ ротъ и велю привязать къ дереву, — понимаешь?

Армянинъ посмотрѣлъ на червонцы, которые ему бросилъ

Искринъ, и видя, что тотъ не шутитъ, отвѣчалъ: «какъ я смѣю противорѣчить вашей чести! только пожалуйста поберегите моего жеребенка, вѣдь онъ еще молоденькій, а сѣдло то турецкое, хорошее, — купилъ здѣсь, вѣрно отбито въ сраженіи: у лезгинъ такихъ не бываетъ.

— Ну чорта имъ сдѣлается!.. сказалъ Семень. — Вѣдь на немъ чай барыня поѣдетъ. Семену, надо полагать, очень не хотѣлось разставаться съ своимъ Сѣрко.

— Какая барыня? спросилъ Саркизь, не замѣтившій сначала грузинки, которая сидѣла поодаль, но когда увидалъ — посмотрѣлъ на нее съ лукавой улыбкой; и какъ одежда на ней была изорвана и мѣстами прогорѣла — у него сей часъ родилась идея спекуляціи. Такъ странно переиждивалось въ этомъ полуднюкомъ быту потрясающее съ комическимъ...

— Помилуйте, господинъ, сказалъ онъ Искрину, — какъ можно прекрасной ханымъ въ такомъ рубищѣ ѣхать съ русскимъ офицеромъ? У меня есть отличный архалукъ, шаровары, коба... Не угодно ли посмотреть?

Онъ выпнулъ изъ вьюка весьма нарядный азіатскій женскій костюмъ.

— Ежели съ вами недостаточно денегъ, я вамъ повѣрю въ долгъ. Купите, осчастливьте!

Искринъ обрадовался случаю доставить удовольствіе Майко. Она взяла одежду, предложенную Саркизомъ, отошла въ сторону и за деревьями переодѣлась. Когда она показала въ новомъ нарядѣ, который удивительно подошелъ къ ея высокому росту, точно былъ на заказъ сшитъ для нея, всѣ глаза невольно остановились на ней, — такъ она была красива. Самъ Семень не вытерпѣлъ и съ особымъ акцентомъ вскричалъ: «вотъ такъ барыня!» Парчевой архалукъ, туго застегнутый въ талии, обрисовывалъ гибкій ея станъ; высокая грудь, какъ будто хотѣла вырваться наружу. Искринъ подошелъ къ ней, взялъ обѣ ея руки, и, показавъ ихъ съ чувствомъ, сказалъ: «Справедливо говоритъ пословица, что все дѣлается къ лучшему. Если бы не застигла насъ вчерашняя буря, не сблизилъ бы мы съ дороги и никогда бы сюда не попали, и я бы не зналъ о твоёмъ существованіи.

— Да, отвѣчала Майко, — можетъ быть меня бы уже не было на свѣтѣ...

— Стало быть такъ Богу угодно. Провидѣніе справедливо, продолжалъ Искринъ. — Помилуй? такой ли ты участи достойна. Нѣтъ, хоть бы мнѣ жизни стоило, — я тебя здѣсь не оставлю, — ѣдемъ». И обратясь къ Семену скомандовалъ «на-коня!». Посадивъ Майко съ Богданомъ на Саркизину лошадь, самъ торпливо вспрыгнулъ на своего коня. Семень уже преважно возсѣдалъ на своемъ Сѣрко съ переметными сумами, Мерлушка съ вьюгомъ бросался на морду лошади. — А ты, Саркизь, будь нашимъ авангардомъ. Впередь!.. сказалъ Искринъ, боясь оставить за собой трусливаго армянина, чтобы онъ не отсталъ и ради корысти или изъ страха не улизнулъ и не разсказалъ лезгинамъ, куда они направили свой путь. Саркизь, пожимаясь, вскарабкался на свою вьючную лошаденку и караванъ двинулся.

(Продолженіе будетъ.)

СТАРИННЫЙ ЦАРСКИЙ ДОМАШНІЙ БЫТЬ.

І. Р питіе и о кружкахъ.

Мы уже упоминали — сообщая о столѣ царскомъ — о дворцахъ «хлѣбномъ» и «кормовомъ»; литьями завѣдывалъ *сытнѣй дворецъ*, какъ учрежденіе самостоятельное, служба въ которомъ стояла на одной степеніи съ двумя предыдущими.

Григорій Карповъ Котошихинъ, подъячій посольскаго приказа при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бѣжавшій въ Швецію, въ Стокгольмѣ написалъ (1666—7 г.) сочиненіе о современномъ положеніи московскаго государства. Сочиненіе его, найденное въ библиотекѣ упсальскаго университета, издано И. Археографическою комиссіею, какъ драгоценный матеріалъ для подлиннаго узнанія Россіи и царской администраціи въ XVII вѣкѣ. Въ описаніи Котошихина, раздѣленномъ на XIII главъ, глава VI включаетъ подробныя извѣстія о дворцовомъ хозяйствѣ, сосре-

доточенномъ въ казенномъ и конюшенномъ приказахъ, да во дворцахъ кормовомъ, хлѣбномъ, житенномъ и сытнемъ.

Кормовой дворецъ, со своимъ штатомъ 3 ключниковъ, 15 под-ключниковъ и 20 стряпчихъ, занятъ былъ исключительно приготовленіемъ стола государю, супругѣ его и дѣтямъ, съ отпускомъ кушаньевъ кому велѣно по книгамъ и годовымъ росписямъ. Готовили «ѣсты» повара съ учениками, имѣя по положенію судомоевъ, водовозовъ и сторожей, всего около 150 человекъ. «А розойдется про царя», и царицу, и царевичей, и царевнъ, и бояромъ въ подачи, — *на всякій день, ѣсть больше трехъ тысячь, кромѣ иныхъ расходовъ* — заключаетъ Котошихинъ. Съѣстные запасы, какъ мы уже замѣтили — «про царскій обиходъ и въ раздачу, мяса живые и битые всякіе животины, и птицы живые жъ

и битые всякіе, и сыры и яйца, и масло коровье, и льняное, и конопляное, и ореховое, и крупы гречневия и просыпья, и иные запасы, которые годятся, уговариваются ставить уговорилки во дворцѣ же, противъ того-же бывають ставы дня, *винные*, тысячь на 30 и на 40 рублевъ и больше» — говоритъ Котошихинъ.

По оффиціальнымъ свидѣніямъ 1699 года, расходъ *рядныхо* дворцоваго кушанья и нитья былъ изъ дворцовъ: кормоваго, хлѣбнаго и сытениаго. Съ *кормоваго* выдано всякихъ 183,394 фунты по цѣнѣ на 20,944 р., 27 алт. на пол. 6 ден., т. е. 83½ к., да для тезоименствъ ихъ государскихъ вѣхоромъ жъ и святѣйшему патриарху въ послыки и бояромъ и ближнимъ людямъ на подачи, и разныхъ чиновъ людямъ закорки — 1,899 фунтъ, на 179 руб. (17 алт. 1 д.) 51¼ коп. Всего, стало быть, 185,293 блюда, на 21,124 рубли 35 копѣекъ на рядныхъ и сверхрядныхъ дачи.

Хлѣбный дворецъ, изготовлявшій хлѣбы, калачи и печенья, въ 1699 году отпустилъ 193,598 предмет. рядныхъ, и 2,787 сверхрядныхъ — всего изъ 385 отпусковъ, на 12,391 рублей 34¾ копѣекъ.

А съ *сытениа дворца* въ 1699 году отпущено *рядныхъ* и *сверхрядныхъ* нитей 24,800 ведеръ, 10 кружекъ, 7 чарокъ, по цѣнѣ на 4,545 р. (26 алтынъ 2 деньги). Среднимъ числомъ въ день, больше 67-ми ведеръ.

Такъ было до Петра.

Въ 1700 году Петръ I эти всѣ отпуски значительно сократилъ, взявъ въ военную службу и годныхъ къ ней стольниковъ, чашниковъ, стряпчихъ и ключниковъ. Стряпчихъ однихъ по тремъ дворцамъ къ 1700 году состояло 113 и 236 подклочниковъ.

Во время высшаго развитія служебной дѣятельности дворцовъ этихъ, при отцѣ Петра I, Котошихинъ, въ одномъ сытномъ дворцѣ насчитываетъ 40 стряпчихъ, 5 ключниковъ (1 степенный — первое лицо въ штатѣ этого учрежденія), 12 *чарочниковъ* и 50 сытниковъ; сверхъ того до 200 человекъ исполнителей: нивоваровъ, медоставовъ, бочкарей и сторожей.

«Ситенный дворъ именуется потому, говоритъ Котошихинъ, что здѣсь «питіе держать».

«Степенный ключникъ вѣдалъ царскіе погребы съ питьями, и тѣмъ питьямъ приходъ и расходъ. Также и казну судовую, серебряную, мѣдную и оловянную». При степенномъ ключникѣ состояла канцеларія (приказъ) «для записки приходу и расходу питья, и для смыску и расправы дворовыхъ людей». Степенный ключникъ каждый день долженъ былъ осматривать на дворѣ, ему ввѣренномъ, погреба и питья на нихъ. «И какъ царь или царица (и царевици, и царицны), стануть ѣсти», — въ то время, по словамъ Котошихина, входилъ степенный ключникъ къ нимъ, «съ поставкомъ», и отпуская къ столу питье «по чину», какъ въ обѣдъ, такъ и вечеромъ. Степенный ключникъ изъ Москвы нигде не отлучался, а въ походы царскіе ѣздилъ за него *путные ключники*, по переѣмамъ, на станцахъ.

Въ 1673 году, «для пришествія государева, въ одинъ подмосковный села (Семѣновское. Преображенское и Коломенское), на дворцовый расходъ и на стральцовъ отпущено 240 ведеръ вина съ анисомъ, да 1880 ведеръ «раскожева». А на *сытениа* въ 6 селъ (Семеновское, Измаилово, Алексѣево, Соколово, Кудрявцево, Домодѣдово) 537 пудъ меда и патоки. Да съ аптекарскаго двора отпущено въ села вина 1,780 ведеръ; на аптекарскій дворъ принято съ волостей было въ это время меда 2,708 пуд., вѣроятно на дѣланье наливокъ. Съ покупинымъ же 4,684¼ пуда.

Что такое громадное количество питья и наливокъ расходилось въ обиходѣ дворцовомъ въ это время — нисколько не покажется для того удивительнымъ, кому доводилось знакомиться съ составомъ отпусковъ питья ежедневно.

Въ старинномъ царскомъ домашнемъ бытѣ царицъ, напримеръ, Паталяѣ Кирилониѣ, къ ежедневному столу *въ 35 блюдъ*, отпускаясь питья: кубокъ романаеи, кубокъ репскова, кубокъ бастру, да 3 кружки меду: малиноваго, вишневаго и бѣлаго (каждаго сорта по кружкѣ); всего, стало быть, по 3 кубка и по 3 кружки въ день. Да столько же каждому изъ особъ царскаго семейства, не выключая и двухлѣтнихъ младенцевъ (столько же отпускаясь въ 1674 г. и царевичу Петру Алексѣевичу, родившемуся 30 мая 1672 года), развѣ съ небольшимъ уменьшеніемъ количества, по отнюдь не качества блюдъ.

Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей требовалось множество прислуги и громадное количество сосудовъ для питья, болѣею частью изъ цѣнныхъ металловъ съ камнями.

По сказанію капитана Маржерета у царя Бориса бывали угощенія изъ серебряныхъ сосудовъ за разъ 10,000 человекъ. «Вся эта посуда, сообщаетъ удивляющійся такому богатству разказчикъ — русской работы. Но, кромѣ того, въ казнѣ есть множество серебряной посуды нѣмецкой, англійской, польской, или купленной за рѣдкость издѣлія.»

О драгоценной посудѣ и подаркахъ пословъ мы скажемъ особо, а прежде познакомимъ читателей съ расхожемъ, или, лучше сказать, съ наиболее употребляемою утварью для питья — *кубками* и *кружками*.

Кубкомъ называлась чаша съ крышкой на высокомъ поддонѣ. Этотъ родъ сосудовъ наиболее употреблялся для подарковъ или *помонокъ*.

Государь за столомъ, выпивъ самъ чье-либо здоровье изъ присутствующихъ за транезою, или изъ отсутствовавшихъ — припомнивъ заслуги того лица и желая почтить его особеннымъ своимъ благоволеніемъ, посылалъ къ удостоеннымъ этой чести на домъ *чашу государеву*, переливъ вино въ кубокъ съ кровлею. Питье за здоровье совершалось винограднымъ виномъ, чаще всего кипрекскимъ или романесю, а впоследствии *малазією* или рейнскимъ.

Кубки бывали отъ 1 фута до 7 футовъ вышины. Въ 7 футовъ кубокъ Іоанна IV, нами теперь помѣщаемый; вѣсомъ онъ 48 фунтовъ.

Впрочемъ необходимо замѣтить, что это самый большой изъ кубковъ, сохранившихся въ Оружейной палатѣ, гдѣ вообще этого рода сосудовъ уцѣлѣло не такъ уже много, какъ было. Главною причиною уменьшенія ихъ была литовская поруха, когда властители столицы — поляки, заставляли бояръ, своихъ сторонниковъ, — членовъ правительственной думы, — улачивать судами изъ драгоценныхъ металловъ жалованье войску своему. За всѣми растратами, древнихъ и старинныхъ кубковъ сохранилось 366 въ оружейной палатѣ: серебряныхъ и золотыхъ 292, хрустальныхъ 30, изъ перламутровыхъ раковинъ 19, изъ страусовыхъ яицъ 8, костяныхъ и кокосовыхъ по 5-ти, янтарныхъ 3, изъ агата 2, да по одному изъ серпентина и восточнаго алебастра. При изздравленіи цари Алексѣи Михайловны со вступленіемъ на престолъ, принесенъ (29 сентября 1645 г.) государю даровъ патриархъ, думные, бояре и всякихъ чиновъ люди — до 200 кубковъ, болѣею частью замѣчательной работы. Этимъ однимъ приношеніемъ значительно пополнилась царская судовая казна, растроченная въ междоцарствіе. Кромѣ отдариванія царемъ кубками, они еще переливались въ чарки.

Древнѣйшее указаніе въ документахъ о дареніи кубками встрѣчается въ духовной силн Донскаго (1425). Здѣсь завѣщатель говоритъ, перечисляя свою дорогую движимость — «да каменное судно большое што ми отъ великаго князя отъ Витовта (его тещи) привезъ князь Семень (Ямонта), да *кубокъ хрустальный*, што мнѣ король (?) прислалъ. У Іоанна III внука Василя Дмитріевича былъ кубокъ въ видѣ ифтуха (куръ), какъ видно изъ финифтяной своему сыну, а отъ него съ *челномъ* (другимъ фигурнымъ кубкомъ въ видѣ трехмачтоваго судна съ экипажемъ и парусами, держамаго Атлантомъ, опершимся на якорь — итальянской работы XV вѣка) — достался несчастному сыну его, первому коронованному на Руси, великому князю Дмитрію Ивановичу. Корабль съ поднономъ высотой 37½ англійскихъ дюймовъ, вѣсомъ 21¼ фунтъ. Онъ позолоченный.

Кубокъ сдѣланный изъ страусова яйца — поднесенъ Іоанну III погородскимъ владыкою Теофиломъ въ 1476 году.

Помѣщая изображеніе величайшаго изъ древнихъ кубковъ, мы начинаемъ имъ цѣлую серію рисунковъ съ рѣдкостей хранящихся въ оружейной палатѣ, которые такимъ образомъ составятъ довольно полный альбомъ, небезинтересный для всякаго любителя отечественной археологіи. За обзоромъ столоваго обихода послѣдуютъ изображенія прочей домашней утвари, различныя одежда и вооруженія, а также предметовъ роскоши, поднесенныхъ московскимъ государямъ иностранными дворами въ различныя эпохи. Каждый изъ такихъ рисунковъ будетъ сопровождаться описаніемъ, дающимъ полное понятіе объ употребленіи, родѣ и времени, къ которому относится изображенная вещь.

Кубокъ Іоанна Грознаго. Рис. Коверзневъ, грав. Скримосскій.

«ТРОЙКА.»

(Съ картины Академика Корзухина).

Алексѣй Ивановичъ Корзухинъ принадлежитъ къ числу даровѣйшихъ русскихъ бытовыхъ живописцевъ. Кому изъ посѣтителей ежегодныхъ выставокъ Императорской Академіи Художествъ не знакомы такіа произведенія, какъ напр. «Каунъ Рождества» (1869 г.), «Разлука» (1872) и т. д.? Соединяя въ себѣ поразительное мастерство композиціи съ реальной правдой, Корзухинъ въ то же время владѣетъ въ совершенствѣ и техникой своего искусства. Рисунокъ его правленъ въ самыхъ труднѣйшихъ ракурсахъ, колоритъ естественъ и живъ. Передъ картинами его на выставкѣ всегда собирается толпа — и это пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что содержаніе ихъ отнюдь не сложно, какъ сама русская жизнь въ ея будничныхъ проявленіяхъ. Едва-ли въ чьихъ произведеніяхъ болѣе оправдывается извѣстный принципъ, что «въ искусствѣ главное: не *что*, а *какъ*, т. е. не то *что* задумано, а *какъ* исполнено.

Взгляните на прилагаемой рисунокъ — чего повидному проще этой темы? Трое подгулявшихъ крестьянъ идутъ подъ руки по улицѣ на соблазнъ прохожихъ. Воиъ вдали степенный и явно зажиточный старикъ чинно проходитъ съ дочкой, осуждая пропойцъ самымъ движеніемъ руки; другіе съ завистью глядятъ на счастливецъ. А сами-то главные лица?

На первомъ планѣ картины рельефно вырисовывается совершенно цѣльная и законченная группа. Посрединѣ ея, съ балалякой подплясываетъ широколицый въ кудеркахъ паренъ съ заломленной на бокъ фуражкой. Онъ находится уже въ томъ состояніи, когда человѣкъ пристально смотритъ впередъ, но видѣть ничего не видитъ. Блаженная улыбка бродитъ у него по лицу — и только. Частый переборъ балаляйки, да присѣданіе въ тактъ ему — вотъ его счастье въ эту минуту. Не смотря на жару, жилетка застегнута у него по горло, рубаха на выпускъ, а сверху кафтанъ. Направо отъ этой центральной фигуры, приподнявъ надъ головою шпанку и завивъ голову въ кольцо, подплясываетъ другой мужикъ, дѣляющій въ эту минуту какой-то неизобразимый вывертъ каблукомъ. По другую сторону балаляйки тщетно старается попасть имъ въ тактъ третій крестьянинъ въ одной рубахѣ на босую ногу. Кажется еще минута — и онъ шлепнется о землю...

Но тѣмъ не менѣе — «мѣръ исчезъ пихъ». Чтѣ имъ до пересудовъ и зависти ближняго? Каждый счастливъ на свой ладъ и въ мѣру выпитаго имъ вина — и эти-то ощущенія мастерски переданы художникомъ на лицахъ трехъ типическихъ фигуръ.

ГЛАЗА—ЗЕРКАЛО ДУШИ.

По Улѣ.

Изученіе законовъ и явленій природы сдѣлало громадные шаги. Повсюду проникаетъ испытующій духъ человѣка и стремится все объяснить; само прекрасное подверглось его тщательному анализу для лучшаго изслѣдованія лежащихъ въ немъ основъ. Впрочемъ, что касается чувствъ, то очень часто можно слышать такого рода сужденіе, что холодный и разсудливый разсудокъ лишь убиваетъ чувства — и поэтому не долженъ вмѣшиваться въ эту область. Въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе это пожалуй и справедливо и, насколько это касается внутренняго міра чувствъ, вѣрно также и для впечатлѣній прекраснаго. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что самыя чувства можно и должно совершенствовать и развивать, а это послѣднее немислимо безъ внимательнаго изученія ихъ источниковъ и способа дѣйствія. Развивалъ такимъ образомъ наши чувства, мы однако нисколько не измѣняемъ ихъ нормальныхъ отравленій: тонкое и обогороженное чувство художника или изслѣдователя доставляетъ не менѣе чистое и непосредственное удовольствіе, чѣмъ грубое и естественное чувство поселеннаго.

Во всякомъ случаѣ, первое условіе прекраснаго есть простота, внутренняя симметрія и гармонія самыхъ предметовъ. Но еще болѣе, чѣмъ эти внѣшнія обстоятельства, плѣняетъ насъ въ прекрасномъ какое-то неудовимое тождество съ нашимъ духомъ, и только тамъ привлекаетъ и очаровываетъ насъ прекрасное, гдѣ душа предчувствуетъ это внутреннее средство. Вся природа является намъ выраженіемъ силы, далеко высшей чѣмъ единичный духъ человѣка; ея законы, открываемые намъ въ формахъ предметовъ, ихъ явленіи и исчезновеніи, суть вмѣстѣ съ тѣмъ законы нашего мышленія; ея духъ родствененъ нашему. И подобно тому, какъ въ произведеніи искусства идея человѣка, такъ въ природѣ дѣйствуетъ на насъ духъ безконечности и идея цѣлаго. Такимъ образомъ нельзя смотрѣть на любовь къ природѣ, какъ на одиѣ мечтательныя грезы и фантазіи.

Есть еще въ насъ таинственное влеченіе, основанное на томъ же стремленіи нашего духа и значительно вліяющее на взаимное сближеніе людей, проявляясь то въ видѣ покоряющаго сердца чувства благоговѣнія, то поэзіи любви и дружбы, то общительности и товарищества. Это есть именно та могучая притягательная сила душъ, которую мы называемъ симпатією. Мы не въ состояніи ни описывать, ни объяснять, ни доказывать существованіе симпатіи; мы можемъ только ощущать ее. Невольно приковываемъ или отталкиваемъ она случайно встрѣтившихся людей, и вліяніе ея тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе господство надъ глазами холоднаго разсудка. Не благодарность и не безпомощность, а природныя узы связываютъ ребенка съ его матерью. Не расцѣтъ руководствуетъ дѣтми въ ихъ дружбѣ и ссорахъ, — нѣтъ, они

подчиняются при этомъ минутному влеченію души и быстрымъ переѣнамъ, происходящимъ въ пей на пути ея развитія. Но чѣмъ рѣзче обрисовывается для дитяти его будущность, чѣмъ сильнѣе выступаютъ въ насъ самолюбіе, честолюбіе и гордость, тѣмъ съ болѣею осмотрительностью поддаемся мы вліянію чувства и тѣмъ чаще обманывается въ выборѣ людей, съ помощью которыхъ желаемъ достигнуть нашихъ цѣлей. Гдѣ дѣйствуетъ расцѣтъ, тамъ для истинной любви нѣтъ мѣста.

Также какъ въ отношеніи къ людямъ, есть въ насъ симпатія къ самой природѣ, взаимодействие между ею и нашимъ духомъ, потому что подобно намъ и природа дышетъ жизнью. Это взаимодействие обусловливается органами, передающими нашей душѣ впечатлѣнія, то привлекающаго, то отталкивающаго характера. Непосредственнаго воздѣйствія на нашу душу вообще не происходитъ, оно совершается только съ помощью чувствъ. Самая симпатія душъ основывается на чувственныхъ впечатлѣніяхъ, такъ какъ форма, воспринимаемая нашими чувствами, отражаетъ въ себѣ сущность и жизнь души. На этомъ послѣднемъ основываются попытки, извѣстныя уже въ древности, судить о духовной жизни человѣка по его наружнымъ формамъ и основывать на устройствѣ черепа, выраженіи и мимикѣ лица и жестикуляціи оцѣнку внутренняго содержанія. Но чѣмъ — гармоническое цѣлое, каждая часть котораго тогда только дѣятельна, когда находится въ полной органической связи со всеми остальными, — и понятно поэтому, что такого рода цѣлое не можетъ быть цѣлкомъ на основаніи отдѣльно взятой части. А между тѣмъ нѣтъ такого процесса въ психической жизни человѣка, который бы не отражался на всѣхъ его органахъ (копечно, на одномъ сильнѣе, на другомъ слабѣе), который бы не отпечатлѣвался на всѣхъ формахъ его тѣла. Быстрая походка и сверкающіе глаза характеризуютъ сангвиника, поникшая голова и нетвердыя движенія — меланхолика.

Гнѣвъ сопровождается скрежетомъ зубовъ, морщинистымъ лбомъ и тяжелымъ дыханіемъ; тусклые глаза, полураскрытый ротъ и опущенныя руки обнаруживаютъ печаль, а радость узнается по гладкому лбу, блистающимъ глазамъ и быстрой игрѣ лица. Глубокія борозды лба составляютъ отпечатокъ горести и недовольства жизнью, а рѣзкія черты вокругъ рта и носа свидѣтельствуютъ о зависти, насмѣшливости и упрямствѣ.

Но ничто не можетъ служить болѣе вѣрнымъ руководствомъ при сужденіи о характерѣ человѣка, чѣмъ глаза, какъ самый нѣжный и дѣятельный посредникъ между внѣшнимъ міромъ и нашею душою. И въ самомъ дѣлѣ, глаза раскрываютъ передъ нами путь жизни, они обнимаютъ однимъ взглядомъ безконечныя предѣлы пространства, обрисовываютъ формы предметовъ и воз-

буждают ощущенія внутри насъ. Безконечное богатство проникаетъ черезъ нихъ изъ наружнаго міра въ нашу душу и постоянно въ нихъ отражается. Они издаютъ отъ себя свѣтъ, съ помощью котораго мы можемъ проникнуть въ темноту чужой души, когда человѣкъ безмолвствуетъ или вкрываетъ отъ насъ истину. Всѣ движенія души какъ бы обрисовываются въ нихъ и становятся видимыми; глаза то омрачаются тѣнью неблагородныхъ помысловъ, то горятъ огнемъ страсти, то свѣтятся матовымъ отблескомъ надежды, то сверкаютъ молніею мгновенной рѣшимости, то ясно свѣтятъ умомъ и мыслью. Они то повелѣваютъ безмолвно, но строго, то утѣшаютъ и успокаиваютъ, то закливаютъ, то благословляютъ. Они замѣняютъ намъ языкъ, когда чувства не находятъ словъ—и мысль тѣтно рвется наружу.

Собственныя отправленія глаза составляютъ воспріятіе свѣта и движеніе. Хотя источникъ свѣта находится внѣ насъ, но впечатлѣніе свѣта является лишь въ нашемъ глазѣ, точно также какъ ощущеніе боли, причиняемой намъ извѣстныи уколото, рождается только въ насъ самихъ. Движущіяся свѣтоты волни проникаютъ въ нашъ глазъ съ громадною быстротою сорока тысячъ миль въ секунду и производятъ въ нашемъ зрительномъ нервѣ ощущенія свѣта, подобно тому какъ относительно медленныя колебанія воздуха ощущаются нашимъ слуховымъ нервомъ какъ звуки и тоны. Различную же скоростью свѣтовыхъ волнъ обуславливается происхожденіе различныхъ цвѣтовъ, также какъ и различіе тоновъ зависитъ отъ подобной же причины. Краснымъ кажется намъ свѣтъ дѣлающій четыреста пятьдесятъ восемь, а фіолетовымъ—семьсотъ двадцать семь колебаній въ секунду; между этими двумя крайними предѣлами лежатъ всѣ другіе цвѣта. Одна только нервная оболочка глаза, такъ-называемая сѣтчатка (Retina) воспринимаетъ и ощущаетъ эти колебанія, и никакой другой нервъ не можетъ замѣнить ее въ этомъ отправленіи—въ случаѣ разрушенія или паралича ея, какъ это бываетъ при черномъ бѣльмѣ. Только она одна обладаетъ свойствомъ отвѣчать на раздраженіе—ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ. И не только колебанія эоира, но и всякая другая раздражающая причина производитъ въ ней свѣтъ; такимъ образомъ, отъ сотрсенія нерва ударомъ въ глазъ—какъ бы сыплются искры, струя электричества является въ видѣ молніи—и самое усиленное бѣненіе нуля производитъ ряды искръ. Что же касается до самаго глазнаго яблока, въ задней части котораго натянута сѣтчатка, съ ея хрусталикомъ, прозрачною роговою оболочкою и преломляющими свѣтъ жидкостями, то все это вмѣстѣ образуетъ только оптической аппаратъ, служащій для второстепенной цѣли. Посредствомъ этого аппарата достигается именно то, что внѣшніе предметы лишь послѣдовательно обрисовываются на сѣтчаткѣ, безъ чего различныя очертанія сливались бы въ одинъ неясный образъ. Низшія животныя, у которыхъ зрительный нервъ находится прямо подъ прозрачною кожей, могутъ поэтому ощущать только свѣтъ и темноту; другими словами они могутъ различать только дѣятельное и покойное состояніе.

Переходя теперь къ эффекту красоты цвѣтовъ въ ихъ различныхъ соединеніяхъ и группировкѣ, находимъ, что явленія эти нисколько не обуславливаются, какъ это легко можетъ казаться, внѣшними причинами—въ родѣ предписаній моды и господствующаго вкуса. Наоборотъ, источникомъ ихъ служитъ сама жизнь и потребность въ безпрерывной дѣятельности органа, который пригупляясь къ однообразнымъ ощущеніямъ одного цвѣта, вызываетъ все новыя и новыя заключающіяся въ немъ цвѣта. Вся органическая жизнь основывается на безпрерывныхъ перемѣнахъ, и въ силу этого закона, зрительный нервъ, нуждаясь въ постоянномъ приливѣ новыхъ ощущеній, создаетъ ихъ себѣ самъ, если не находится источниковъ изъ внѣшняго міра. Даже глазъ слѣпорожденнаго, въ который не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта и въ которомъ должна была, по видимому, царствовать постоянная ночь, обнимаетъ все разнообразное множество цвѣтовъ, конечно, если только не лишенъ зрительнаго нерва. Правда, слѣпорожденный не наслаждается свѣтомъ солнца и звѣздъ, ему недоступны фантастическія декоративныя ландшафты, онъ не любитъ великолѣпнымъ закатомъ солнца посреди яркого пламени, но тѣмъ не менѣе видитъ онъ въ пестрыхъ картинахъ своей фантази и свѣтъ, и темноту, и яркіе цвѣта.

И вопли пормальный глазъ удовлетворяетъ своему стремленію къ симметріи цвѣтовъ каждый разъ, когда внѣшній міръ не соответствуетъ этому условію. Только тогда глазъ находится въ лучшихъ условіяхъ жизни и дѣятельности, когда имѣетъ возможность, переносясь свободно по окрашенной поверхности отъ одного пункта къ другому, воспринимать во всякую минуту другой цвѣтъ и не останавливаясь на немъ до пресыщенія перейти къ другому,—словомъ, тамъ, гдѣ глазъ встрѣчаетъ быстро смѣняющуюся игру цвѣтовъ, не представляющую впрочемъ слишкомъ рѣзкихъ и противоположныхъ контрастовъ, но постепенно переходящихъ одинъ въ другой и взаимно дополняющихъ. Зритель же переноситъ это субъективное удовольствіе, вытекающее изъ собственной дѣятельности, на внѣшній міръ, находя въ немъ то же согласованіе и симметрію цвѣтовъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ области свѣта и цвѣтовъ прекрасное обуславливается дѣятельностью самого зрительнаго нерва—и законы этой дѣятельности суть также законы перваго.

Посредствомъ ощущеній, глазъ, какъ мы видѣли уже, становится для насъ богатымъ источникомъ прекраснаго; другое, не менѣе

важное значеніе, именно какъ отражателя всѣхъ душевныхъ движеній, чувствъ и мыслей, придаетъ глазу его движеніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важны по своему участию самыя окружающія глазъ мускульныя образованія. Смотря потому, сморщены брови или нѣтъ, приподняты вверхъ или изогнуты дугою, ощущенія или приподняты вѣки, и, наконецъ, расширена или сужена глазная щель, мѣняется характеръ освѣщенія глаза, а это послѣднее существенно вліяетъ на самое выраженіе его. Такъ, сверкающій въ глубинѣ глаза огонь становится особенно страшнымъ при рѣзко выдающемся краѣ глазной впадины—отъ тѣни надвигающейся темной массы. Точно также яркій блескъ, отражаемый влажною поверхностью роговой оболочки, переходитъ, при свободно раскрытой щели, въ болѣе мягкой и кроткій свѣтъ.

Совсѣмъ другое значеніе получаетъ движеніе самого глазнаго яблока въ сферѣ ограниченной костяными стѣнками и сферою свободной глазной орбиты. Движеніе это обуславливается шестью мускулами, направленными и начинающимися позади глазнаго яблока и прикрепленными по его окружности; своими послѣдовательными, общими или частными сокращеніями, они вращаютъ глазную ось по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Этотъ же мускульный аппаратъ позволяетъ намъ соединять впечатлѣнія обоихъ глазъ въ одно, переносить взглядъ по произволу съ одного пункта на другой и, наконецъ, смотря по надобности, то усиливать, то ослаблять свѣтовое раздраженіе посредствомъ расширенія или суженія зрачка. Въ этой полнѣйшей свободѣ движенія глаза, или лучше, въ наслажденіи, доставляемомъ намъ этимъ движеніемъ, и заключается вся прелесть употребленія этого аппарата. Мы же, ощущая удовольствіе отъ полной жизненной дѣятельности нашихъ глазныхъ мускуловъ, переносимъ это ощущеніе на мертвыя формы и называемъ ихъ красивыми, когда вызванныя движенія доставили намъ пріятное впечатлѣніе. Такимъ образомъ происходитъ, что, смотря по впечатлѣніямъ, получаемымъ отъ внѣшняго міра, по внутреннимъ побужденіямъ души и по тѣмъ эффектамъ, которые мы желаемъ возбудить,—глазъ то какъ бы ищетъ чего то, то быстро отворачивается, то охотно останавливается. Это же обстоятельство даетъ намъ возможность основывать на наружныхъ движеніяхъ глазъ сужденіе о внутреннемъ состояніи души.

Движеніе по дугообразной линіи—самое пріятное для глазъ, и поэтому свободный мужской взглядъ направляется по дугѣ, идущей вверхъ, а стыдливый женскій взглядъ описываетъ, при опущенныхъ вѣкахъ, дугу внизъ. Когда же взглядъ торопливо и безпокойно переносится по прямой линіи съ одной точки на другую, то такое одностороннее движеніе служитъ признакомъ умственной односторонности, тупости или смущенія. Живой, быстрый взглядъ обнаруживаетъ такой же быстрый ходъ душевныхъ движеній или страстное возбужденіе, а медленный указываетъ на противоположное состояніе души, на внутреннюю вялость и слабость. Когда же игра глазъ достигаетъ высшаго предѣла, то взглядъ получаетъ характеръ чувственаго, соблазняющаго опыта.

При устремленіи взгляда на какой-нибудь предметъ, глазныя оси взаимно приближаются и зрачекъ суживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе интересъ представляетъ для насъ данный предметъ. Когда же глаза останавливаются на близкомъ предметѣ при почти параллельныхъ осяхъ и расширенныхъ зрачкахъ, то взглядъ дѣлается тупымъ и бессмысленнымъ. Онъ становится жаднымъ и пожирающимъ, когда наоборотъ, наклонъ осей больше, чѣмъ этого требуетъ близость предмета. Наконецъ, когда душа охватывается возвышеннымъ стремленіемъ и мысль паритъ въ заоблачныхъ сферахъ, устремляются и глаза вдаль и глазныя оси становятся параллельными.

Мы очень легко переносимъ и даже съ удовольствіемъ чувствуемъ на себѣ спокойный взглядъ другаго, фиксированный же невинносимъ для насъ. Этотъ послѣдній бываетъ разнаго рода: уничтожающій, когда направленъ прямо противъ насъ и смотритъ намъ прямо въ глаза; карающій, который, оставаясь фиксированнымъ, пронизываетъ съ головы до ногъ, наконецъ, завистливый, направляемый сбоку и только слегка скользящій. Презрительный взглядъ вовсе не бываетъ фиксированнымъ, а напротивъ удаляя другъ отъ друга глазныя оси, мы заставляемъ презираемый предметъ какъ бы исчезнуть изъ виду.

Люди, которые поглощены всегда обыденными интересами и не возвышаются изъ сферы ежедневныхъ заботъ въ область созерцанія и изслѣдованія, отличаются незначительною дальностью зрѣнія. Напротивъ взглядъ изслѣдователя широко раскрываетъ зрачки и направляетъ оси параллельно.

Такой же характеръ получаетъ взглядъ въ состояніи изумленія; подъ вліяніемъ поразительнаго впечатлѣнія глазъ становится невоспримчивымъ ко всему и туно осматриваетъ предметъ удивленія; то же самое бываетъ въ состояніи восторга, когда мысль витаетъ въ области безконечнаго, и на смертномъ одрѣ, когда все окружающее сливается для умирающаго въ неясный туманъ. Старикъ и ребенокъ представляютъ такой же взглядъ; первый постепенно освобождается отъ связывающихъ его съ природою оковъ и въоръ его устремленъ вдаль, послѣдній живетъ больше созерцательною жизнью и часто приходитъ въ изумленіе отъ окружающихъ предметовъ.

Точно также приводятся глаза въ быстрое движеніе подъ вліяніемъ страстей. Съ быстротою молніи устремляется гнѣвный

взоръ; наоборотъ подъ вліяніемъ надежды, любви или тоски глазныя оси все болѣе и болѣе сближаются, какъ бы желая обнять предметъ нашихъ желаній. За то печаль, стыдъ или страхъ заставляютъ глазъ боязливо отступити назадъ; взглядъ какъ бы не смѣетъ ни фиксироваться, ни перенестись дальше, а только удаляется, при сжуженномъ зрачкѣ и опущенномъ вѣкъ, и сосредоточивается въ самомъ себѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что для опытнаго наблюдателя открывается возможность дѣлать на основаніи выраженной глазъ цѣлмй рядъ заключеній о внутреннемъ состояніи души и волнующихъ ее чувствахъ. Художникъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, придавая извѣстное выраженіе глазамъ въ картинѣ или статуѣ.

Политическое обозрѣніе.

31 августа.

Оканчивая нашу послѣднюю корреспонденцію изъ Версаля, помѣщенную въ № 16 «Нивы», мы сказали слѣдующее: «ни одна изъ политическихъ партій не намѣрена терять вакаціоннаго времени даромъ, по каждая будетъ дѣятельно стремиться ниспровергнуть существующій порядокъ въ пользу своихъ претендентовъ. Вотъ среди какихъ обстоятельствъ соберется снова версальскій парламентъ будущаго 12 мая; понятно, что конституціонные законы возбуждаютъ жаркія пренія, — но толку не выйдетъ». Затѣмъ мы выразили наше убѣжденіе въ томъ, что съ открытіемъ лѣтней сессіи г. Брой будетъ низвергнуто, и что произойдутъ важныя перемѣны въ составѣ кабинета. Истекшая сессія парламента вполнѣ доказала справедливость нашихъ словъ: 16 мая г. Брой получилъ неодобреніе своей политики, выразившееся въ 56 голосахъ противъ его проекта конституціи. Затѣмъ преемниками г. Броя въ теченіи трехъ мѣсяцевъ были гг. Фурту, Сиссэ и, наконецъ, генераль Шабо-Латуръ, который занимаетъ должность перваго министра и въ настоящее время. Всѣ эти перемѣны не имѣли никакого вліянія на внутреннюю политику г. Макъ-Магона, которая отличалась едва-ли не болѣею двуслысленностью, чѣмъ во времена г. Броя. Съ удаленіемъ его отъ дѣлъ въ правительственныхъ кружкахъ полагали, что можно будетъ возстановити парламентское большинство подъ менѣе извѣстной фирмой г. Фурту; между тѣмъ открытіе бонапартистскаго заговора въ прошломъ іюнѣ и слишкомъ явныя симпатіи этого перваго министра къ седанской династіи сдѣлали его въ шесть недѣль болѣе непопулярнымъ чѣмъ г. Брой. Правительственное большинство почти распалось, и новый кабинетъ, не смотря на энергическое требованіе маршала-президента организовать его власть, не рѣшился настаивать у собранія на этомъ столь важномъ пунктѣ при учрежденіи *личнаго* сенатата. Національное собраніе отказалось, слѣдовательно, организовать личныя полномочія маршала на семь лѣтъ, не смотря на знаменитое посланіе, въ которомъ президентъ республики напоминалъ собранію, что въ засѣданіи 20 ноября 1873 года оно добровольно обязалось организовать сенататъ и дать этому учрежденію необходимую санкцію. Проектъ конституціи, предложенный г. Казиміромъ Перье, былъ также отвергнутъ реакціоннымъ большинствомъ собранія и почти всѣмъ кабинетомъ. Почему? — потому, что предложеніе г. Перье организовало республику и провозглашало ее окончательной формой правленія во Франціи. Монархическое большинство парламента вотировало противъ этого предложенія по весьма понятной причинѣ: оно не потеряло надежды возстановити монархію, хотя бы путемъ политическаго недоразумѣнія, которое можно было бы распутать впоследствии, заручившись силой, какими нибудь ординасами въ духѣ Карла X. Прошлой осенью, напримѣръ, г. Шенлонъ ѣздилъ къ г. Шамбору, и до того убѣдился въ томъ, что онъ уступитъ бѣлое знамя и сдѣлаетъ необходимыя услуги духу времени, — что заявилъ объ этомъ всѣмъ своимъ политическимъ друзьямъ. Будъ на мѣстѣ графа Шамбора кто либо другой, монархія навѣрно была-бы возстановлена, но послѣдній потомокъ Бурбоновъ поступилъ иначе; онъ напечаталъ письмо въ газетѣ «Union», въ которомъ объяснилъ, что онъ сказалъ г. Шенлону только слѣдующее: «при вѣздѣ моемъ во Францію я *полагаю* съ почтеніемъ трехлѣтнему знамени, по сохрани за собой свободу выбора. Я сдѣлаю всѣ уступки, *какія сочту необходимыми* для блага моей родины. *Это еще не значитъ, чтобы я дѣлалъ тѣ уступки*, которыхъ никто отъ меня не имѣетъ права требовать». Дѣйствительно, это не одно и то же, — и мы съ этимъ вполнѣ согласны.

Теперь спрашивается: неужели г. Шенлонъ въ самомъ дѣлѣ не поиялъ того, что говорилъ ему графъ Шамборъ? Судите сами; не нужно при этомъ упускать изъ вниманія того, что въ это время монархическія фракціи, безъ 22 бонапартистовъ, располагали большинствомъ въ 65 голосовъ! Это политическое недоразумѣніе

конечно объяснилось бы въ Парижѣ, но какъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Теперь скажемъ два слова о томъ, почему маршалъ-президентъ и его кабинетъ высказались *противъ* предложенія г. Казиміра Перье. Причина также не сложна: г. Макъ Магонъ и его политическіе совѣтники тоже не хотятъ организовать республику, но стремятся только упрочити существующій порядокъ вещей; маршалъ-президентъ желаетъ только расширенія своей личной власти (или проще — семилѣтней диктатуры), съ помощью которой онъ могъ бы укротити революціонный духъ, грозящій гибелью Франціи *). Въ самомъ концѣ прошлой сессіи было внесено предложеніе о распушеніи собранія и о назначеніи новыхъ выборовъ, по оно также было отвергнуто большинствомъ 48 голосовъ.

Видя такой наливъ въ политической дѣятельности собранія, невольно является вопросъ: чего же хотятъ версальскіе законодатели? они отказались организовать республику, выразили нежеланіе расширити семилѣтнія полномочія г. Макъ-Магона, и не желаютъ разойтись. Какъ бы то ни было, но въ ближайшемъ будущемъ Національное собраніе увидитъ свое безсиліе, такъ какъ раздробленность его воспрепятствуетъ учредить и монархію и республику.

Фіаско, постигшее проектъ организациі сенатата, побудило президента республики искать симпатій внѣ стѣнъ версальскаго театра, и съ этой цѣлью онъ предпринялъ поѣздку въ Бретань; официальные органы и офиціозная пресса утверждаютъ, что населеніе вездѣ принимало его съ восторгомъ; республиканскія газеты и отчасти бонапартистскія говорятъ другое. Мы не будемъ останавливаться на поѣздкѣ маршала по этой провинціи, такъ какъ она не имѣетъ никакого политическаго значенія: Бретань не составляетъ всю Францію — и каковы бы ни были ея генеральнныя политическія убѣжденія, она во всякомъ случаѣ вполнѣ равнодушна къ сенатату — *личному или безличному* (personnel ou impersonnel).

Гораздо важнѣе и серіознѣе по результатамъ будетъ поѣздка маршала-президента въ Лионъ, Марсель и другіе города южной Франціи, гдѣ большинство населенія республиканское; это путешествіе онъ предприметъ, говорятъ, въ половинѣ сентября. Трудно угадать какой пріемъ встрѣтитъ маршалъ среди республиканскаго населенія этой части Франціи, но достоверно можно сказать, что если онъ вернется въ началѣ будущей сессіи къ проекту конституціи г. Казиміра Перье, то республиканцы *всѣхъ отъинокъ* окажутся лучшими его союзниками. На легитимистовъ надѣяться нечего, особенно послѣ послѣдняго письма г. Шамбора къ маркизу де Франльѣ, въ которомъ онъ заперещаетъ своимъ приверженцамъ вотировать *le septennat incommutable*, — не желая, вѣроятно, ожидать у порога Сенатата, когда Франція пожелаетъ вручить ему свою судьбу, говоря живописнымъ слогомъ г. де Казеновъ де Прадина. Что касается орлеанистовъ, то партія ихъ увеличилась даже переходомъ нѣкоторыхъ легитимистовъ; но на нихъ плохая надежда, ибо во главѣ ихъ стоитъ человекъ, который нашель, что тяжкая отвѣтственность за каппитуляцію Меца и несчастный исходъ войны не можетъ падать *цѣлкомъ* на одного маршала Базена, *такъ какъ не было строго выработаннаго плана войны*. Говорятъ, маршалъ-президентъ былъ крайне недоволенъ, когда прочелъ эту фразу въ просьбѣ о помилованіи. Что сказать о бонапартистахъ? На нихъ, понятно, ни одна партія рассчитывать не можетъ, а они рассчитываютъ не безъ основанія на сочувствіе сельскаго населенія Франціи особенно послѣ удачныхъ выборовъ въ Па-де-Калэ и Кальвадосъ. Они группируются вокругъ г. Руэра и Базена, котораго приняла такъ радушно г-жа Бонапартъ къ замкѣ Арнебергъ.

* Рѣчь Сиссэ 16 іюля.

Н. Чашниковъ.

Стихотворенія.

Пѣвецъ.

Чѣмъ тише жизнь, тѣмъ больше пѣсенъ,
Тѣмъ больше сладостныхъ молитвъ; —
Пѣвцамъ столичный городъ пѣсенъ,
Ихъ глушь пустынная манитъ.

Лишь тамъ, у водъ, въ лѣсу дремучемъ,
Среди безбрежія степей,
Пѣвецъ становится могучимъ,
Вдали отъ свѣта и людей; —
Когда въ тиши, въ уединеніи,
По нимъ тоскуя, онъ не разъ

Тройка. Съ картины академика Корзухина. Рис. П. Цистяковъ, грав. Зайковскій.

Пошлетъ врагамъ благословенье:—
И примиренья сладкій часъ
Настанетъ; съ нимъ и вдохновенье
На душу тихо взойдетъ—
Пѣвецъ свободно запоетъ...
И все, чѣмъ сердце наболѣло
Среди житейской суеты,
Чего алкало, чѣмъ горѣло—
Всѣ затаенныя мечты,
И пылъ огня страстей кипучихъ,
И обаянье чаръ могучихъ
Царившей вѣчно красоты:—
Все въ жаркой пѣснѣ изливая,
Пѣвецъ душой воспрянетъ вновь,
Его излечитъ глушь святая,
И въ сердцѣ обновитъ любовь.

Мой идеаль.

Я не ищу богатой доли,
Ни якоря въ умѣ другомъ.
Я не ищу могучей воли,
Не нуженъ мнѣ чужой законъ.
Я не ищу стратегій безумныхъ,
Онѣ кинуть во мнѣ самой.
Я не люблю восторговъ шумныхъ,
И не прельщаюсь красотой.

Но кто въ себѣ сберечь отъ вѣка
Всецѣло образъ человѣка,
И чье спокойное чело
Зеркально чисто и свѣтло—
Кто зрѣлъ умою, дитя душою,
И скромнѣ ясней простотою;—
Кто можетъ вѣрить и любить,
И ближнему во всемъ простить, —

Предъ тѣмъ я жажду преклониться
Моей свободной головой;—
Мнѣ сладко быть его рабой.

И съ нимъ душой хотѣла бь слиться,
Чтобъ жить для цѣли лишь одной:
Любить, беречь его покой,
И въ немъ самой преобразиться.
Но гдѣ же идеаль такой?..

Къ сердцу.

Что ты бьешься ретивое,
Словно пташка въ западнѣ,
И мучительной тоскою
Бьешь грудь терзаешь мнѣ?

Для чего твердишь всечасно,
Что уходитъ вѣкъ златой —
И цвѣтъ юности прекрасный
Не цвѣтеть уже зимой?

Но зима еще далеко...
Подожди, быть можетъ лучъ,
Разогнавши мракъ глубокой,
Заблеститъ межъ темныхъ тучъ.

Ты весною не согрѣто,
Въ буряхъ вся прошла она,
Но какъ знать?—быть можетъ лѣтомъ
Зацвѣтетъ твоя весна...

Къ * * *

Коль ваша жизнь пройдетъ по розамъ,
Минуя колкіе шипы,
Коль обойдутъ васъ бури, грозы,
Удары мѣткіе судьбы:—
Чего дай Богъ!—и я изъ дѣли
За васъ Творца благословлю;
Но въ случаѣ, когда печали
Заглянутъ къ вамъ—тогда молю,
Чтобъ вы мнѣ слово написали:—
На вашъ призывъ я всей душой
Откликнусь дружбою святой.

П. Гусева.

СМЪСЬ.

Всемирная выставка въ Филадельфіи. На проектъ зданія всемирной выставки назначенъ былъ конкурсъ съ преміей. Въ комиссію по дѣламъ выставки вступило 43 проекта; изъ нихъ выбрали наилучшіе 10, составителямъ которыхъ предложены были разныя измѣненія и улучшения, предоставляя имъ также возможность познакомиться съ трудами своихъ соперниковъ. Поступившіе во второй разъ проекты подверглись затѣмъ вторичному разсмотрѣнію Комиссіи, причемъ окончательно утвержденъ былъ проектъ доставленный Кальвертъ-Воксомъ и Радфордомъ.

При американской всемирной выставкѣ строитель пользуется тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что къ его услугамъ стоитъ теперь богатый запасъ опытовъ, сдѣланныхъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. Въ Парижѣ, наиримѣрь, для различныхъ группъ выставленныхъ предметовъ назначены были концентрическіе поясы; подобная система поясовъ принята и въ Филадельфіи съ тою только разницей, что крайнимъ точкамъ зданія придали не округленную форму; какъ это было въ Парижѣ, а угольную, разсчитывая при этомъ значительно выиграть въ пространствѣ. Отъ вѣнской всемирной выставки заимствовано устройство 12 открытыхъ промежуточныхъ дворовъ; каждый изъ нихъ, однакожъ, не больше, какъ 60 футовъ въ поперечникѣ, что дѣйствительно вполне достаточно для того, чтобы снабжать зданіе надлежащимъ количествомъ свѣта и свѣжаго воздуха и для свободнаго протока воды, которая будетъ стекать съ крышъ. Въ Парижѣ транспортировка предметовъ выставки была чрезвычайно затруднительна, потому что форма зданія не допускала возможности провести желѣзнодорожные рельсы къ различнымъ его частямъ. Въ Филадельфіи же сообщеніе значительно облегчается тѣмъ, что по всей длинѣ зданія три линіи двойныхъ рельсовъ. Парижская выставка страдала также отсутствіемъ общаго внутренняго эффекта; ни на одномъ пунктѣ ея не могло быть сосредоточено особенное вниманіе публики. Посѣтитель никогда не зналъ, гдѣ онъ находится, а круглыя, концентрическія линіи нигдѣ не представляли зрительно болѣе обширнаго вида, чѣмъ на какую нибудь треть и безъ того короткаго діаметра. Въ Вѣнѣ этотъ весьма ощутительный недостатокъ былъ отчасти исправленъ центральнымъ куполомъ ротонды, имѣвшимъ 333 фута въ діаметрѣ, — и дѣйствительно производившимъ на посѣтителей какое-то величественное, приковывающее впечатлѣніе. Въ Филадельфіи этотъ единственный куполъ замѣняется 20 сводообразными навильонами, изъ которыхъ каждый имѣетъ 240 футовъ въ діаметрѣ; всѣ они соединены между собою арками съ кривизною въ 150 футовъ и дворами съ поперечникомъ въ 60 футовъ.

Различныя части этого зданія образуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ одно нераздѣльное цѣлое, обширѣйшую залу, удовлетворяющую всѣмъ потребностямъ выставки, со многими особенно выдающимися пунктами, съ прямыми по всей длинѣ и ширинѣ своей путевыми линіями, сообщающимися между собою вездѣ, гдѣ только нужно, діагональными соединительными путями. Посѣтитель нигдѣ не будетъ чувствовать себя стѣсненнымъ, вращаясь вездѣ въ пространствѣ шириною болѣе чѣмъ въ 200 футовъ, соединенномъ безъ всякихъ промежуточныхъ переходовъ съ подобными пространствами.

Все пространство, занимаемое временнымъ зданіемъ выставки, доходитъ до 22 американскихъ акровъ. Въ составъ его входятъ пять мануфактурныхъ отдѣленій и только часть шестаго отдѣленія. Для произведеній искусства, равно какъ и для паровыхъ машинъ назначены особенныя зданія. Для этой цѣли въ паркѣ построено будетъ одно постоянное зданіе, занимающее пространство въ 3 акра. На планѣ указаны также мѣста, назначенныя для помѣщенія бюро разныхъ націй, имѣющихъ послать на выставку свои произведенія, также помѣщенія для ресторановъ, буфетовъ и т. п. Вершины всѣхъ этихъ зданій будутъ снабжены галереями, гдѣ усталый посѣтитель найдетъ гостепріимный покой, и откуда можно будетъ спокойно наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ волнующейся внизу жизни.

Крытая сѣни окружаютъ со всѣхъ сторонъ зданіе и представляютъ доступъ ко всѣмъ его дверямъ. Устройство путей, по которымъ посѣтители достигнутъ зданія выставки, подлечь еще особому разсмотрѣнію комиссіи. Предлагаютъ провести туда вѣтвь отъ желѣзной дороги по воздушному путепроводу на высоту 20 футовъ надъ шоссею дорогой и панелью, такъ что желѣзнодорожное сообщеніе несколько не будетъ мѣшать пѣшеходной и ѣдущей на извозчикахъ публикѣ. Издержки по этому дѣлу полагаютъ въ 4 милліона долларовъ.

По окончаніи выставки Сѣверная Америка удержитъ за собою гигантскую башню, изображеніе которой и сравнительную высоту ея относительно высочайшихъ зданій всего свѣта, ничего подобнаго не имѣющую себѣ на всемъ земномъ шарѣ, — мы уже предлагали читателямъ въ № 13 «Нивы». То, что составляетъ Калифорнское мамонтовое дерево между всѣми растеніями земли, тѣмъ будетъ Филадельфійская башня между всѣми твореніями рукъ человеческихъ. Можетъ быть, что посвящать ее и полезной цѣли, сдѣлавъ изъ нея астрономическую обсерваторію; благодаръ своей необычайной высотѣ, она могла бы также служить отличнымъ мѣстомъ наблюденія надъ явленіями и движеніями въ воздухѣ.

2-й заемъ 1866 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ

17-й тиражъ 2-го сентября 1874 г.

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденного 13-го ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го сентября 1874 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и пубрики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1864 года.

ВЫГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
153	45	500	4590	38	1000	8704	38	500	12967	17	500	15020	17	500
157	42	500	4621	28	500	8718	1	500	13034	49	200000	15023	16	500
230	19	500	4624	3	500	8759	37	500	13035	20	500	15065	10	500
249	36	500	4629	9	500	8769	48	5000	13114	26	500	15125	50	500
300	27	500	4634	34	500	8774	6	500	13154	23	500	15168	41	500
412	5	500	4690	17	1000	8954	1	10000	13212	26	500	15182	27	500
478	42	500	4716	29	500	8980	11	500	13218	30	500	15315	41	500
534	46	5000	4761	2	500	9179	12	500	13236	48	500	15378	49	500
590	16	500	4765	6	500	9374	5	500	13379	17	500	15391	23	500
603	32	500	4801	30	500	9408	42	500	13411	29	500	15419	35	500
652	34	500	4954	26	1000	9497	16	500	13447	41	500	15477	18	500
669	44	500	5041	24	500	9522	15	500	13460	39	500	15509	30	500
692	41	500	5045	12	500	9557	12	500	13679	31	500	15595	20	500
702	33	500	5137	32	8000	9594	22	500	13715	6	1000	15598	5	500
822	31	500	5233	40	500	9658	16	500	13736	23	500	15793	22	500
905	38	500	5237	23	500	9671	34	500	13751	10	500	15882	19	500
968	4	500	5239	38	500	9771	35	500	13833	1	500	15961	45	500
1016	44	500	5357	34	1000	9799	50	500	13865	14	500	15968	17	500
1025	29	500	5360	7	500	9985	15	1000	13943	49	500	16077	8	500
1049	31	500	5445	16	500	10041	25	500	14013	4	500	16104	30	500
1071	26	500	5547	3	500	10195	23	500	14025	43	500	16250	1	500
1230	49	500	5634	36	1000	10185	21	500	14060	8	500	16260	37	500
1305	2	1000	5666	23	500	10226	11	500	14134	27	8000	16300	18	500
1359	4	1000	5699	22	500	10354	9	500	14150	4	1000	16341	28	500
1454	35	500	5812	11	500	10396	17	500	14193	4	500	16347	36	500
1578	7	1000	5907	31	500	10425	28	500	14228	5	500	16418	13	25000
1605	17	500	5996	42	500	10483	9	1000	14306	14	500	16533	47	500
1622	41	500	6002	14	500	10615	29	500	14430	4	5000	17034	38	500
1627	32	500	6111	15	500	10641	3	500	14468	31	500	17054	49	500
1637	45	500	6160	9	500	10671	27	500	14480	3	500	17307	2	500
1644	41	500	6185	10	500	10724	25	500	14567	29	5000	17340	32	10000
1684	23	500	6199	33	500	10751	39	500	14670	4	500	17367	17	500
1783	23	500	6374	6	1000	10952	4	8000	14875	13	500	17382	5	500
1825	5	5000	6392	17	500	10998	41	500	15008	5	500	17493	28	500
1858	8	500	6496	14	500	11176	1	500						
1899	3	500	6519	44	500	11240	11	500						
1918	47	500	6527	34	500	11398	24	500						
1925	30	500	6781	34	500	11470	25	500						
2005	21	500	6826	35	500	11480	37	500						
2085	16	500	6851	12	500	11570	29	500						
2092	19	500	6854	29	1000	11688	25	500						
2168	37	1000	6866	25	500	11772	15	500						
2185	32	500	6893	31	500	11835	23	500						
2226	48	500	7003	49	5000	11910	34	500						
2243	50	8000	7120	21	500	11923	43	500						
2394	38	500	7141	7	500	11986	29	500						
2435	3	500	7180	36	500	11987	36	500						
2628	34	1000	7259	9	1000	12035	44	500						
2636	50	500	7410	44	500	12051	25	500						
2708	37	500	7416	37	500	12073	26	500						
2712	33	500	7474	6	500	12086	39	000						
2779	13	500	7517	16	500	12150	40	500						
2863	10	500	7682	33	500	12155	7	500						
2918	26	1000	7783	14	500	12193	4	500						
3081	22	500	8026	44	500	12195	15	75000						
3096	7	500	8035	38	500	13269	15	8000						
3200	45	500	8091	49	5000	12289	14	500						
3269	11	500	8198	25	500	12365	16	500						
3629	40	500	8204	36	500	12442	36	500						
3685	45	5000	8245	20	500	12494	7	500						
3803	11	500	8329	8	500	12600	45	500						
3808	50	500	8367	44	500	12626	39	500						
4137	8	500	8394	13	10000	12674	50	500						
4560	46	500	8502	3	500	12756	5	500						
4572	32	500	8561	33	500	12822	3	500						
4588	44	500	8653	30	500	12899	47	500						

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1874 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 2-го сентября 1874 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.
1094	3609	8629	10668	13700	17844
1528	3708	8669	10680	15617	18520
1556	5286	9055	10992	16239	18645
1569	5726	9356	11154	16714	18674
2366	6055	9444	11172	16928	18738
2517	6079	9514	11968	17513	19264
2558	6191	9800	12159	17636	19651
2770	8424	10227	12983	17809	19930

Всего 54 серій, составляющихъ 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го декабря 1874 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ Одессѣ при Михайло-Семеновскомъ сиротскомъ домѣ существуетъ музей учебныхъ пособій, организованный педагогомъ В. А. Золотовымъ. Этотъ музей основанъ, какъ сообщаютъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ недавнее время, но уже и теперь представляетъ богатую коллекцію. Музеемъ будутъ пользоваться прежде всего учителя школы при сиротскомъ домѣ, но онъ будетъ открытъ каждому, кто захочетъ воспользоваться для самообразования посбѣями, которыя по цѣнности своей доступны для пріобрѣтенія только при значительныхъ средствахъ. Другое тоже замѣчательное въ своемъ родѣ учрежденіе, существующее въ Одессѣ, это выставка учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей при одесской земской управѣ.

Ученыя и другія общества.

— По предложенію олонцакаго окружнаго правленія Общества подачи помощи при кораблекрушеніяхъ, лѣсопромышленникъ, потомственный почетный гражданинъ Русановъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти для рабочихъ, занимающихся сплавомъ лѣсовъ на его лѣсныхъ заготовкахъ, десять спасательныхъ поясовъ. По полученіи Русановъ

нѣмъ этихъ поясовъ отъ глачнаго правленія Общества, они были испытаны на рѣкѣ Водлѣ. Объ этомъ испытаніи довѣренный г. Русанова сообщаетъ слѣдующее: «При спускѣ въ воду рабочего съ поясомъ въ стоячемъ и спокойномъ положеніи, онъ погружался въ воду только по плечи, а когда ложился на воду, то голова, плечи и спина свободно держались на поверхности воды, такъ что рабочий, поднимая вверхъ руки и ноги, ниже не погружался. Рабочіе, надъ которыми дѣлались опыты, были въ платьѣ и выбраны изъ здоровыхъ и плотныхъ людей». Поэтому довѣренный г. Русанова считаетъ употребленіе спасательныхъ поясовъ рабочими при сплавѣ лѣсовъ весьма полезнымъ средствомъ отъ нечаяннаго потопленія, тѣмъ болѣе, что поясъ не препятствуетъ свободнымъ движеніямъ въ работѣ.

— Нарвскою спасательною станціою спасенъ, 21-го іюля, въ 9 часовъ вечера, экипажъ германскаго судна «Эбенезе», выброшеннаго сильною бурей (при вѣтрѣ WNW) на береги близъ мажа.

— Въ Кониинѣ (Калишской губ.) устроилась проектированная два года тому назадъ пожарная команда изъ охотниковъ. Она со-

стоитъ изъ 50 человекъ, большей части молодежи, которые носятъ одинаковую форму, состоящую изъ сѣрой блузы и лакированного кожанаго шлема, пріобрѣтенныхъ на добротныя приношенія.

ТОРГОВЛЯ.

— Въ половинѣ іюня прибылъ изъ Астрабады въ Хивинскія владѣнія караванъ въ 50 верблюдовъ, къ которому присоединилось 9 верблюдовъ изъ Красноводска, принадлежащихъ купцамъ, торгующимъ въ Петро-Александровскомъ укрѣпленіи. Караванъ этотъ дошелъ до Хивы благополучно, благодаря тому, что поднялся вверхъ по восточному берегу Каспія къ Киндерли и оттуда уже, по южному склону Усть-Уртскихъ горъ, вошелъ въ Хивинскій оазисъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Лаландія. I. Изъ пѣздки по Варангерфьорду. В. И. Неириновича-Данченко (съ рисунками). — Семейное счастье (съ рисункомъ). — Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I и П. А. Бѣшенцова (продолженіе). — Старинный домашній паревый битье, П. Петрова (съ рисункомъ). — «Тройка» (съ рисункомъ). — Глаза—зеркало души (по Уле). Политическое обозрѣніе. — Стихотворенія. П. Гусевой. — Смѣсь. — 17-й иерархъ выгнр. и погашенія бнл. 2-го внутр. 5% займа 1886 г. — Разныя извѣстія.

Парижскія моды за сентябрь мѣсяца съ 14 рисунками.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный 60 к.
- 2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій 50 »
- 3) » » Иногороднаго при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

НОВООТКРЫТЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

М. ВАСИЛЬЕВА,

по Михайловской улицѣ, близъ Невскаго просп., домъ No. 4, противъ Героинейской Гостиницы.

Большой выборъ новѣйшихъ сочиненій, для пѣнія, фортепьяно и другихъ инструментовъ.

Дешевыя изданія, Петерса, Литольфа, Юргенсона и др. Полное собраніе сочиненій русскихъ композиторовъ.

Сочиненія теоретическія и учебныя.

Всѣ ноты и музыкальныя сочиненія, гдѣ бы и гдѣ бы то ни было изданія и публикованныя, можно получить въ магазинѣ М. Васильева по дешевымъ цѣнамъ.

При покупкѣ или выпискѣ нотъ на большую сумму дѣляется уступка. Всѣ требованія Гг. иногородныхъ исполняются немедленно и съ надлежащею точностью.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

со всеми новыми усовершенствованіями и аппаратами

БОЛЬШОЕ УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ

лучшія, солидныя настоящія американскія съ гарантіей

ФАМИЛЬНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ:

- Эліасъ Хау младш. А. 67 руб. сер.
 - Виллеръ и Вильсонъ 55 » »
 - Вилькоксъ Гибсъ 60 » »
- Каждая машина вполнѣ опробованная на работѣ, повышеніе цѣны зависитъ только отъ болѣе элегантной отдѣлки.

Машины для мастерскихъ также по уменьшенной цѣнѣ

РАЗНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

лучшихъ системъ:

- Въ 1 нитку отъ 18 до 20 руб. сер.
- » 2 нитки » 25 » 35 » »

БОЛЬШОЙ АССОРТИМЕНТЪ

машинныхъ иглонокъ, бумаги, нитокъ, шелку, машиннаго костянаго масла и проч.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

А. КРУМБИОГЕЛЬ.

№ 62. Невскій проспектъ противъ Аничкова дворца.

Вышелъ и розосланъ гг. подписчикамъ 1-го сентября сего года, № 1-й журнала

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“.

Въ составъ его вошло слѣдующее: А. Цѣльныя вырѣзныя выкройки (въ натуральную величину: выкройка 1) визитнаго платья изъ шелковаго фая, съ тюникомъ изъ крепъ-де-шинъ, гарнированныхъ русскими кружевами; къ нему шляпка изъ крепъ-де-шинъ, гарнированная фаемъ и цвѣтами; 2) шерстянаго платья для домашнихъ вечеровъ, гарнированнаго той-же матеріей въ тѣнь; 3) бархатной кофты для гулянья, гарнированной агрантомъ и кружевами; 4) костюма для дѣвочки отъ 12 до 16 лѣтъ, изъ шерстяной матеріи въ два цвѣта, гарнированнаго бантиками; 5) осенней драповой тальмы, гарнированной бахрамой и тесемкой; 6) доломана изъ трико, вышитаго шелковымъ шнуркомъ и гарнированнаго кружевами (для удобства г. подписчиковъ, рисунокъ вышивки исполняемъ въ натуральную величину на самой выкройкѣ). Б. а) Дамская прическа для домашнихъ вечеровъ, изъ натуральныхъ волосъ; б) Домашняя прическа для дѣвушки, изъ натуральныхъ волосъ; в) Дамская шляпка изъ чернаго бархата, гарнированная перьями и цвѣтами; г) фетровая шляпка для дѣвушки, гарнированная бархатомъ и перомъ; д) двѣ женскія фигуры съ чертежами, для указанія, какъ слѣдуетъ снимать мѣрку. В. листъ текста, съ подробнымъ объясненіемъ, какъ должно соединить части патронувъ по вырѣзкамъ, и съ указаніемъ поднятія тюника по размѣру тесемокъ. Г. Листъ литографированныхъ рисунковъ разныхъ моделей съ которыхъ нарѣзаны самыя выкройки, съ обозначеніемъ подѣлками рисункомъ матеріала гарнировки, количества аршинъ матеріи, какое требуется на каждую помѣщенную въ журналѣ модель, а также и цѣны ея въ готовомъ видѣ. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа. Каждый № заключаетъ въ себѣ до шести вырѣзныхъ выкроекъ въ ростъ челоуѣка. Каждого 1-го числа прилагается отдѣльная раскрашенная картинка, рисованная съ парижскихъ моделей, а 15-го числа помѣщается модная хроника (обзоръ движенія столичныхъ модъ).

Цѣна изданія:

ЗА ГОДЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ

(съ пересылкой во вся городъ Россійской имперіи.)

Подписка на „Модныя выкройки“ продолжается. Журнальный годъ ихъ начинается съ 1-го сентября 1874 года и оканчивается 1-го сентября 1875 года.

Гг. подписчики, желающіе получить узоръ вышивки для какой-нибудь вещи, въ такомъ-же родѣ, какъ помѣщенный въ этомъ № рисунокъ вышивки для доломана (въ натуральную величину), платятъ за него 3 р., постороннія-же лица 5 р.

Кромѣ того, всѣ, подписавшіяся на журналъ «Модныя Выкройки» въ первые мѣсяцы журнальнаго года и въ самой редакціи, могутъ получить только-что изданный нами (безъ предварительной цѣнтуры и безъ пропусковъ) **НОВЫЙ РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛА: „ЗАВОЕВАНІЕ ПЛАССАНСА“** въ переводѣ подѣ редакціей Петра Вейнберга, съ уступкою 65%, т. е. вмѣсто 1 р. 75 коп. платятъ 60 коп., съ пересылкою 80 коп. Главная контора редакціи журнала помѣщается на Михайловской площади д. № 13. Редакторъ-издатель **ТАРОЧЕШНИКОВЪ.**

СКАЗАНО ЧТО АЗИЯ *)

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ II.

(Окончаніе.)

..... Жалкій человекъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много вѣтъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ ... зачѣмъ?

ГЛАВА III.

У родниковъ.

Майко показала имъ бродъ въ рѣкѣ, черезъ который они перебрались благополучно — и скрылись въ ущельи, слѣдуя берегомъ рѣки вверхъ по теченію. Шагъ за шагомъ пробирались они по узенькой тропинкѣ, которая, то поднимаясь на крутизны утесовъ, то опускалась въ пропасти, — извивалась по краямъ почти отвѣсныхъ обрывовъ. Мѣстами она вовсе прерывалась, загроможденная огромными камнями, скатившимися съ вершинъ, такъ что путешественники вынуждены были останавливаться передъ этими естественными баррикадами, слѣзая съ лошадей, идти пѣшкомъ. Мѣстоположеніе было чрезвычайно дикое, пустынное. По всему было видно, что это не былъ путь обычный для ноги человѣческой; только орлы, сидѣвшіе на гребняхъ скалъ, съ удивленіемъ смотрѣли на дерзость путешественниковъ. Ущелье узкое и темное, стѣпенное съ обѣихъ сторонъ высокими утесами, какъ бы подпиравшими небо своей вершиной, а подошвой терявшимися въ пропасти, не представляло и признаковъ жизни и растительности. Въ расщелинахъ скалъ изрѣдка и грустно выглядывалъ тощій кустикъ зелени, какъ забытый, одинокій сиротка между страшными громадами дикаго камня, куда не заглядывало солнце, гдѣ и среди дня былъ вѣчный сумракъ. Со всѣхъ сторонъ обхватывало холодомъ и сыростью; лишь съ ревомъ и шумомъ, съ утеса на утесъ, быстро падая каскадами, перескакивая черезъ каменные преграды, съ бѣлой пѣной, какъ бѣшеный звѣрь, — неслась рѣка, заглушая голосъ путниковъ. Ущелье становилось постепенно шире и шире и, наконецъ, крутымъ поворотомъ вывело ихъ въ Мацехское ущелье, гдѣ картина вдругъ разительно измѣнилась. Та же самая рѣка тихо катила свои серебряныя струи по песчаному ложу — и, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, обмывала роскошные сады селенія Мацехи. Искринъ старался миновать его, чтобы не возбудить подозрѣнія въ любопытныхъ и ревнивыхъ лезгинкахъ, при видѣ женщины-азіятки съ русскимъ офицеромъ, — и сталъ пробираться окольными тропинками. Съ возвышенности горъ, командовавшихъ надъ селеніемъ, видъ былъ неподобный.

Сабли, довольно высокія, были построены изъ дикаго камня сине-сѣроваатаго цвѣта, на извести, съ низкой дверью и двойнымъ рядомъ бойницъ, а покрыты чрезвычайно искусно камышомъ. Столѣтнія деревья орѣха и каштана обѣняли ихъ густой тѣнью своей зелени, — между ними живописно возвышались пирамидальныя тополи. Граватныя, миндальныя, абрикосовыя, фиговые деревья были усыяны пунцовыми, розовыми и бѣлыми цвѣтами, пестрѣвшими среди зелени и разливавшими ароматъ въ воздухъ. Утренній свѣжій вѣтерокъ, вырвавшись изъ ущелья, какъ будто ихъ ласкала, какъ будто съ ними заговаривала. Каждое жилище, окруженное садомъ, обнесено было каменной стѣной и представляло какъ бы особую цитадель. Между ними извивались кривыя и узкія улицы. Въ селеніи еще все спало утреннимъ сномъ, когда наши путешественники, любясь прелестной картиной, съ трудомъ пробирались по тропинкамъ, пролегавшимъ по склону горы, наконецъ выбрались на дорогу и стали подниматься на гору по отлогому возвышенію. Отвѣхавъ верстъ семь отъ селенія, они увидали вправо отъ дороги родники, которые во время кампаніи сдѣлались всегдашнимъ мѣстомъ приваловъ русскихъ войскъ, при безпрерывномъ почти движе-

ніи отрядовъ между двумя главными пунктами оборонительной линіи, ограждавшей Кахетію отъ набѣговъ горцевъ: крѣпостью Закаталами и редутомъ Бѣлоканскимъ, построенными въ предгоріяхъ южнаго Дагестана. Эти родники вытекали изъ горы, какъ слеза чистою, какъ ледъ холодною струей, падая въ бассейнъ изъ дикаго камня, оштукатуренный цементомъ, который лезгины дѣлаютъ превосходно, такъ что онъ получаетъ видъ мрамора, только не стполированного, и не уступаетъ ему въ прочности. Въ горахъ рѣчная вода бываетъ часто вредною отъ прихвѣсы разныхъ почвенныхъ свойствъ и минеральныхъ частицъ, — и мѣстами, гдѣ воды вовсе нѣтъ, изрѣдка встрѣчаются при дорогахъ подобныя водохранилища близъ родниковъ, въ которыхъ дознано опытомъ свойство воды безвреднымъ. Они устроены въ видахъ благотворительности, для утоленія жажды путника. Азіяты дѣлаютъ это въ духѣ религиозномъ, въ надеждѣ стяжать отпущеніе грѣховъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто не благословитъ благотѣльную руку, освѣжая свои силы въ минуту изнеможенія отъ жажды и жара, почти нестерпимыхъ и приводящихъ въ состояніе страдальческое и болѣзненное?

Майко, обрадованная избавленіемъ отъ плѣна, пораженная неожиданностью этого случая, озабоченная пережѣной своего положенія полная, надежды на будущее, которое рисовало ей воображеніе широкой кистью минувшаго, отуманеннаго безнадежностью возврата, покрытаго мрачной тѣнью неволи, убитаго потерю свободы, — тревожимая страхомъ преслѣдованія и неизвѣстностью исхода встрѣчи со врагами, — была въ томъ возбужденномъ состояніи духа, которое производитъ въ организмѣ физическомъ состояніе нервное, лихорадочное; — не спавши всю ночь, она изнемогла отъ усталости.

— Сдохнемъ здѣсь, сказалъ ей Искринъ. — Это мѣсто служить всегдашнимъ приваломъ для русскихъ войскъ. Можетъ быть Богъ пошлетъ намъ кого выбудъ на помощь.

— Съ удовольствіемъ!... отвѣчала Майко.

Гора, изъ которой вытекалъ источникъ, покрытая густымъ лѣсомъ, выходила мысомъ на дорогу. Въ задней части этой возвышенности была впадина, родъ грота подъ навѣсомъ утеса. Нельзя было лучше придумать, искусство не могло бы лучше устроить пріюта для отдыха, для наслажденія спокойствіемъ и лѣнью. Онъ былъ защищенъ отъ солнца и отъ любопытнаго взгляда густой зеленью жасминныхъ и розовыхъ кустовъ, усыянныхъ цвѣтами. Цѣлый хоръ итичекъ плѣлъ торжественную пѣсню проснушемуся утру. Внутренность грота и дно покрыты были густымъ зеленымъ мохомъ, по которому, извиваясь, подвигалась вверхъ дикая жимолость и павилка, и сплетаясь подъ сводомъ, висѣли фестонами. Этотъ природой устроенный будуаръ — природой же былъ защищенъ, какъ-бы живой стѣной изъ дикихъ акацій и терновнику съ его колючками. Въ этомъ самомъ гротѣ трое казаковъ отсидѣлись нѣсколько сутокъ отъ нападенія шайки горцевъ, покада не пришла на выручку имъ команда солдатъ. Искринъ зналъ это мѣсто, и расположился тамъ съ Майко и Богданомъ, приказавъ Семену и Саркизу отвести лошадей въ противоположную сторону, черезъ дорогу, чтобы не возбудить подозрѣнія, — и пошелъ осмотрѣть — все ли безопасно вокругъ. Майко разостлала бурку, положила Богдана и сама бросилась на походную постель, — развывая свой гибкій станъ и потягиваясь съ наслажденіемъ. При этомъ движеніи тѣла, изъ широкихъ шароваръ какъ будто вырвались на волю очаровательныя крошечныя ножки, и пріхотливо расправились. Архалукъ растегнулся и обнажилъ грудь и плечи бѣлизны ослѣпительной, формы безукоризненной; густые длинныя волосы рассыпались по нимъ каскадомъ. Она, забросивъ назадъ голову, лѣниво предавалась кейфу и

*) Солдатская поговорка.

не видала какъ возвратившійся Искринъ подошелъ къ отверстію грота... Молодой человекъ стоялъ неподвижно, только взглядъ его говорилъ краснорѣчивѣй самой страсти... Майко въ испугѣ, быстро вскочивъ съ мѣста, сложила руки съ умоляющимъ жестомъ; потупивъ глаза, она молчала, но какъ будто слышалось: «пощади.» Искринъ, приблизясь къ ней, опустился на колѣни, и съ восторгомъ обнимая ея станъ, едва могъ проговорить: «Майко! Майко! не бойся... Сжался. Въдъ не любить тебя — надо быть каменнымъ, а полюбя — съ ума сойдешь!..»

Въ ней вспыхнула азіятская кровь, румянецъ покрылъ все лицо и шею и грудь красавицы; и первый поцѣлуй соединилъ неразрывно уста ихъ.

Если бы ихъ спросили: «кто первый подалъ поводъ къ нему, кто былъ виноватъ?» — они по совѣсти отвѣчали бы въ одинъ голосъ: «я!» Они были счастливы. Это былъ мигъ возрожденія для Майко. Взоръ ея горѣлъ восторгомъ и блаженствомъ. На глазахъ дрожали слезы, а улыбка счастья оживляла прекрасное лицо грузинки. Она поняла, что жизнь сердца еще въ первый разъ являлась для нея — не сномъ, не мечтой, а съ полнотою дѣйствительности, — существенно принимала ее въ свои объятія. Она впервые поняла, что жить значитъ не только двигаться, пытаться, — а носить въ себѣ чувство любви, не только къ ближнему, но къ близкому и дорогому сердцу — существу. Забывать себя для него, не щадить ничего для его счастья, пренебрегать личной опасностью для его спасенія, раздѣлять съ нимъ горе и радости. Она поняла, что жизнь есть любовь, а любовь самоотверженіе, потому что единичнаго счастья быть не можетъ. Страдать ради долга — есть тяжелый подвигъ; страдать ради любви — отрада, уничтожающая подвигъ и муку. Майко была очарована. Казалось, она хотѣла испытать всѣ силы души своей въ эти минуты блаженства. Какъ будто въ первый и въ послѣдній разъ она рвала цвѣты отрады для вѣчна земной жизни — такъ ненасытно, такъ педовольно было для нея этого счастья. Какъ будто она должна была, едва встрѣтивъ его, въ ту-же минуту навѣкъ и разстаться съ нимъ. Неистощимымъ взоромъ, непрерывнымъ вздохомъ, безконечнымъ поцѣлуемъ она, казалось, хотѣла поглотить всю безпредѣльность этого блага. Они оба были въ упоеніи восторга, въ какомъ-то созерцательномъ состояніи, въ которомъ человекъ забываетъ прошедшее, не мыслитъ о будущемъ, не заботится объ настоящемъ: онъ только видитъ передъ собой обожаемое существо, слышитъ его дыханіе и лепетъ, ощущаетъ его ласки, чувствуетъ его близость. Они переживали блаженство, когда все сознаніе бытія сосредоточивается въ сердцѣ, его испытывающемъ, — состояніе, въ которомъ отрадно перейти въ вѣчность.

ГЛАВА IV.

Тревога.

А между тѣмъ на хуторахъ — откуда такъ неожиданно уѣхали бѣглецы, — разсвѣтало... Мракъ начиналъ исчезать, а съ нимъ и туманъ, разгоняемый свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ. Мужчины и женщины суетились, собирая разбросанные свои пожитки, уцѣлѣвшіе отъ пожара, слоняли разбѣжавшійся домашній скотъ и птицу. Лица ихъ были озабочены, каждому было до самого себя. Всѣ жаловались, но ни кто другъ друга не слушалъ. Такова натура человека: себялюбіе такъ сильно въ немъ, что заглушаетъ чувство состраданія къ ближнему. Каждый свое горе почитаетъ наибольшимъ; отсюда идетъ пословица: «чужую бѣду, руками разведу; къ своей ума не приложу.» Несчастный обращаетъ въ какое-то утѣшеніе себѣ — горе ближняго, думая что не онъ одинъ страдаетъ; отсюда идетъ другая пословица: «на людяхъ и смерть красна.»

Старуха Фатъма, мать Чанко-Оглы, горько плакала, оглашая лѣсъ жалобными стонами, не находя Майко, — которую она вылечила отъ болѣзни, такъ какъ была очень свѣдуща въ искусствѣ народной медицины, и привязалась къ ней искренно, какъ къ матери ребенка, котораго любила до обожанія, единственнаго внука и дитяти оставшагося послѣ ея

сына. Съ потерей ихъ, она теряла послѣднюю привязанность и оставалась одна, круглой сиротой на свѣтѣ. Сѣдые, исключенные волосы старухи раздувало вѣтромъ; смуглое, худое морщинистое лицо было ужасно блѣдно; посинѣлыя губы дрожали, зубы стучали отъ злости, какъ въ лихорадкѣ; глаза, налившись кровью, страшно блистали, блуждая вокругъ; худыя мускулистыя руки, обтянутыя кожей бурога цвѣта, разбѣкая воздухъ, какъ бы искали чего-то. Она кричала, какъ сумашедшая: «Проклятые гауры! украли моего Богдана, отняли у меня послѣднюю отраду. Смерть гаурамъ! Аллахъ биллахъ!»

Мамать-Али, не находя Искрина на берегу рѣки, гдѣ оставилъ его съ вечера, — объѣхалъ вокругъ селенія, осмотрѣвъ въ лѣсу, кричалъ, и не получая отвѣта, пришелъ въ сильное смущеніе. Хотя Искринъ накануне самъ отослалъ своихъ провожатыхъ, сказавъ, что онъ придетъ за ними, чтобы они покойно отдыхали, — но все-таки его пугала отвѣтственность передъ русскимъ правительствомъ. Онъ тревожилъ жителей разспросами, — вотъ почему догадались, что русской офицеръ увезъ Майко; но жителей смущала всего болѣе мысль, что ихъ убѣжище было открыто. Мигомъ собралось человекъ пятьдесятъ вооруженныхъ всадниковъ, раздѣлились на двѣ партіи и пустились въ разные стороны преслѣдовать Искрина — не смотря на убѣжденія Мамать-Али не дѣлать этого, который видя, что старанія его бесполезны, поспѣшилъ возвратиться въ Закаталы, дабы предупредить начальника отряда.

Одна изъ партій лезгинъ, пустившихся въ погоню за Искринимъ, повстрѣчала Хаджи-муллу. Лезгинъ рассказали ему обо всемъ случившемся и сообщили свое намѣреніе — убить Искрина. Мулла былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими, служа имъ шпиономъ; зналъ все, что дѣлалось въ русскомъ отрядѣ и неавидѣлъ лично Искрина, который, замѣтивъ, что мулла былъ въ то же время переметчикомъ и у лезгинъ, общалъ однажды угостить его пагайками. Мулла обрадовался случаю отомстить Искрину, тотчасъ сообразивъ, что это долженъ быть онъ, потому что слышалъ въ Закаталахъ объ его командировкѣ. Онъ предупредилъ лезгинъ, чтобы они были осторожны, объяснивъ имъ, что по тракту между крѣпостью Закаталами и укрѣпленіемъ Вѣлоканы, они легко могли повстрѣчать команду русскихъ войскъ, которыя часто двигались между этими пунктами, и совѣтовалъ имъ скрыться въ ближайшей балкѣ, а самъ направился уже къ извѣстнымъ намъ родникамъ, зная, что они служатъ обыкновенно для русскихъ войскъ мѣстомъ отдохновенія. Мулла взялъ съ собой провожатаго, который пробираясь по гребню горъ, для того чтобы въ случаѣ опасности или благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ могъ по данному знаку муллой — извѣстить своихъ товарищей. Не встрѣтивъ никого у родниковъ, мулла торопился ѣхать далѣе. Одно обстоятельство его смутило немного: джейранъ*), испуганный его провожатымъ, перебѣжалъ ему дорогу, — и хотя онъ по немъ стрѣлялъ, но сдѣлалъ осязу — послѣ вчерашняго дождя порохъ отсырѣлъ; а лезгинъ считаютъ дурной примѣтой, когда звѣрь перебѣгаетъ имъ дорогу. Пробѣжавъ до полей Вѣлоканскихъ, и полагая, что Искринъ отправился въ Закаталы, — мулла воротился назадъ.

Долго бы оставались наши путешественники въ гротѣ, предаваясь сладкой лѣни и отдыху, если бы шумъ чего-то упавшаго передъ ними со скалы и крикъ испуганнаго ребенка не вывели ихъ изъ этого кейфа... Майко вскочила, бросилась къ Богдану. Ребенокъ съ улыбкой протянулъ къ ней свои рученки. Искринъ взвелъ курокъ пистолета и кинулся къ выходу изъ пещеры. Осмотрѣвши вокругъ, онъ удостоверился, что испугъ ребенка былъ произведенъ джейраномъ, который съ нависшей надъ гротомъ скалы однимъ прыжкомъ очутился у ихъ ногъ. Красивое животное, навостривъ уши, быстро понеслось подъ гору и мгновенно исчезло изъ вида. Солнце уже давно показалось изъ-за горъ и теплота становилась чувствительной; она на Кавказѣ до того благотворна,

*) Дикая коза.

что процесс растительности совершается так сказать, в глазах, цвѣтокъ мгновенно распускается, трава тянется изъ земли. Ущелье еще находилось въ тѣни; смыкавшія его съ обѣихъ сторонъ скалы стояли какъ великаны, одѣтые въ темныя мантіи, украшенныя, испещренныя цвѣтами; снѣга, покрывающіе ихъ вершины, какъ сѣдины падали на ихъ могучія плеча. Долина Алазанская, умытая дождемъ во время ночи, какъ юная красавица, вышедшая изъ купальни, разстилалась вдали свѣжая и веселая;—сады и рощи Кахетин, какъ разбросанныя въ безпорядкѣ кудри украшали чело ее, а рѣка Алазанъ извивалась по ней серебряннымъ поясомъ, унадаивъ къ ногамъ ея... Небо дѣвственное, незапятнанное облачкомъ, раскинуло великолѣпный голубой шатеръ свой надъ этими дивнымъ ландшафтомъ. Въ этомъ климатѣ воздухъ такъ бываетъ прозраченъ, что на разстояніи 60 верстъ въ долину можно простымъ глазомъ разглядывать силуэты предметовъ. Майко смотрѣла вдали, какъ бы окрашенную прозрачнымъ синевагимъ цвѣтомъ. «Тамъ моя родина» сказала она, и слезы тихо катились по ея лицу.—Да, отвѣчала Искринъ слѣдившій за ея взглядомъ.— Мы скоро увидимъ ее вблизи.

Наслаждаясь въ тѣни утренней прохлады, освѣженной легкимъ вѣтеркомъ, врывающимся сквозь чащи зелени, и мелкими потоками воды, падающими съ горы съ шорохомъ на листья кустарниковъ,—они забыли, что это мѣсто не было для нихъ вѣрнымъ пристанищемъ. Искринъ взглянулъ на часы— было десять часовъ; онъ быстро вскочилъ съ своего мѣста, подумавъ, что они долго тутъ пробыли и что оставаться долѣе опасно.

Между тѣмъ онъ былъ въ раздумьѣ, не зная на что рѣшиться и куда направить свой путь: возвратиться ли въ крѣпость Закаталы или ѣхать въ Вѣлоканы; но вспомнивъ что на немъ лежитъ порученіе, онъ, не колеблясь долѣе, рѣшился продолжать свой путь, пошелъ отыскать Семена, который, по свойственной русскому человѣку безпечности, спалъ пригрѣтый солнышкомъ, подъ деревомъ. Вѣрный Мерлушка лежалъ подлѣ лошадей, привязанныхъ къ дереву длинными чумбурами и щипавшихъ траву. Саркизъ укладывалъ разныя вещи на вьюкъ. Искринъ разбудилъ Семена.

— Ахъ, батюшка Александръ Андреевичъ, это вы... отвѣчала слуга, лѣниво поднимаясь на ноги.— Куда какъ сладко я заснулъ! Умаялся больно ночью-то. Слышу во снѣ, что Мерлушка лаега, а глазъ раскрытъ не хочется, да я по лаю догадался, что это онъ по звѣрю.

— Да, братецъ, пора! сказалъ Искринъ,—вѣдь ужъ одиннадцатый часъ. Сѣдай проворнѣй лошадей.

— Ахъ ты, Господи, экъ я заснался!.. вскричалъ старикъ, крестясь и протирая глаза.— Глядь-ка и впрямь солнышко-то высоко. Сейчасъ, сейчасъ, сударь!—и онъ бросился къ лошадямъ.— А ты чего тутъ зѣваешь, ворчалъ онъ на Саркиза,—идѣть чтобы разбудить: самъ, чай, глазъ не сомкнулъ отъ трусости; все боится, чтобъ не ограбили; туда бы твоему добру и дорога!.. знаешь пословицу: «какъ придетъ, такъ и уйдетъ».

— Экой ты сердитый, Власичъ! отвѣчалъ армянинъ Семену.— Чѣмъ бы спасибо сказать, что я покараулилъ, а онъ еще бранится; а самъ спалъ какъ мертвый, хоть языкъ отрѣжь—не услышитъ. Вѣдь это не то, что на Царскихъ Колодцахъ, гдѣ вы привыкли жить на распаху, — здѣсь не зѣвай!

— Чего, братецъ, отвѣчалъ Семень,—и туда окаленные въ прошломъ году затесались; да мы съ ширванцами; да съ драгунами такъ ихъ отпечивали, что другой разъ не-бойсь не заглянуть; и мертвыхъ-то своихъ побросали, собаки,—бѣжали безъ оглядки. Да какъ драгуны пустились за ними въ догонку, Господи Твоя воля, что ихъ перебили! Два дня, слышь, тѣла ихъ прибирали. Я тогда говорилъ нашему-то командиру: «напрасно, молъ, ваше превосходительство занимать солдата такой нечестью; подобрали бы ихъ и шакалы». Онъ захохоталъ братецъ, да ударилъ меня по плечу сказавъ: «правда твой старикъ. Дай-ка водки, помянуть покойниковъ», нечего сказать браваый молодець;—да и простой-же!»

ГЛАВА V.

П О Г О Н Я.

Между тѣмъ лошади были осѣдланы. Наши путешественники пустились рысью по торной дорогѣ.

— До Вѣлоканъ верстъ пятнадцать— лишь бы туда добраться благополучно, а тамъ-то мы вѣдь опасности... говорилъ Искринъ, успокоивая уставшую и робкую Майко. Едва успѣли отѣхать верстъ семь, какъ встрѣтили лезгина верхомъ на маленькой лошади. Искринъ тотчасъ узналъ въ немъ Хаджи муллу, еще издали, и поскакалъ къ нему на встрѣчу, чтобы разузнать отъ него что нибудь. Этотъ мулла былъ прехитрый человѣкъ, онъ тоже узналъ Искрина, но не торопился къ нему навстрѣчу, а пытливо вокругъ осматривалъ. Онъ былъ маленькаго роста съ рыжей и рѣдкой бородой, съ косыми сѣрыми и прелукавыми глазами, въ бѣлой чалмѣ*), горбатый сзади и спереди и хромоногий. Приложивъ руку сперва къ головѣ, потомъ къ сердцу, онъ очень низко поклонился и привѣтствовалъ по-татарски Искрина, когда они поравнялись.

— Здравствуй, мой другъ мулла, отвѣчалъ послѣдній и подозвавъ Саркиза, велѣлъ переводить.

— Ты, который все знаешь, спросилъ онъ муллу, —скажи: куда ѣхать менѣе опасно—въ Вѣлоканы или въ Закаталы?

— Аллахъ вездѣ! я только служитель пророка и не владѣю даромъ предвѣденія. Но въ окрестностяхъ все спокойно; побѣжай куда хочешь, отвѣчалъ мулла, водвѣвъ глаза къ небу и поднявъ вверхъ руку.— Искринъ зналъ съ кѣмъ имѣть дѣло и слѣдилъ зорко за всѣми движеніями муллы. Выбѣвъ съ рукой Хаджи, онъ поднялъ голову и увидѣлъ вправо на гребнѣ горы всадника, который исчезъ какъ молнія. Въ одно мгновеніе Искринъ схватилъ муллу за шиворотъ, приподнял съ сѣдла и такъ сильно тряхнулъ, что тотъ закричалъ: «Аллахъ билляхъ! будь милосердъ; я все сдѣлаю, что прикажешь.»

— Надуешь!.. сказалъ Искринъ, пакинувъ ему арканъ на шею и взводя курокъ пистолета.— Теперь ты отвѣчаешь мнѣ за все. Если кто кознется хвоста моею лошади, я первого убью тебя,—понимаешь? Ну побѣжай же впередъ, да гляди въ оба... и передавъ арканъ Семену, велѣлъ ему смотрѣть за нимъ.

— Не бойсь, не вырвется косою чортъ!.. отвѣчалъ Семень, привязавъ конецъ аркана къ своему поясу, весьма довольный порученіемъ.—Ишь вертится, словно конка, даромъ что колченогий! продолжалъ онъ.— Вотъ ты теперь попрыгай, какъ борзой жи своркъ;— чуть мигнешь—такъ и сдерну съ лошаденки-то; удавлю, вотъ-те Христось удавлю...

Такимъ образомъ пробѣжали они еще нѣсколько верстъ. Утесы и крутизны уступали мѣсто отлогой покатоности, дорога лежала по зеленѣющимъ холмамъ и склоняясь влѣво вела въ долину. Декорація измѣнилась, передъ глазами открылась даль. Вправо видно было Вѣлоканское ущелье, какъ въ паноражѣ. Оно представляло какъ бы раскинутый на обѣ стороны лиловаго цвѣта шатеръ, вершина котораго была украшена какъ бѣлой чалмой—снѣговой массой, а поля окаймлены, какъ бы зеленой бахрамой густой растительности. Внутри его, по склону горъ, на уступахъ и у подошвы были разбросаны безъ симметріи и порядка, какъ попало, словно сѣно по лугу, крытыя камышомъ сакли огромнаго селенія Вѣлоканы; а въ глубинѣ ущелья на высотѣ, командовавшей мѣстностью, видны были бѣлыя каменные стѣны русскаго редута.

— Вотъ тамъ конецъ нашей опасности, пристань нашего счастья!.. говорилъ Искринъ, показывая на крѣпость, ободряя Майко и торюя коней.

Вдругъ услышалъ онъ какъ бы отдаленный гулъ конскаго топота; оглянувшись назадъ: вдали взвивалась пыль столбомъ; сердце сталося у него предчувствіемъ.

«Погоня!» прошепталъ онъ.— Ну, Хаджи, сказалъ онъ муллѣ,—теперь спасай насъ какъ знаешь, а не то,—онъ навелъ дуло пистолета на грудь его,—выбирай любое.» Хаджи, приложивъ руку къ чалмѣ и къ сердцу, сказалъ: «клянусь

*) Знакъ путешествія въ Мекку.

Еще нѣсколько секундъ!... Картина Андриоли, грав. Холевинскій.

Аллахомъ и кораномъ, что я удержу эту толпу на нѣсколько минутъ: теперь полдень—время совершать намазъ; а ты спѣши ускокаться.

Семень съ презрѣніемъ и гнѣвомъ смотрѣлъ на муллу, нетерпѣливо подергивая арканъ и умоляя Искрина: «позвольте, батюшка, вздернуть эту гадину; что на него зарядъ терять!»

Бѣдный мулла былъ страшно блѣденъ, а мѣстами выступили багровыя пятна на лицѣ; крупныя капли пота текли изъ-подъ чалмы; зубы бились какъ въ лихорадкѣ, а глаза умоляли о пощадѣ съ выраженіемъ отчаянія, такъ что Искрину стало жалъ его. Притомъ онъ зналъ, что мулла поклявшийся кораномъ—не измѣняетъ клятвѣ; да и Хаджи, у котораго домъ и семья находились въ селеніи Талы, почти подъ выстрѣлами крѣпости Закаталы, былъ всегда въ рукахъ русскихъ;—онъ отпустилъ его къ большому сожалѣнію Семена, который, отвязывая арканъ, ворчалъ: «ну счастливъ твой богъ! кабы да попался нашему командиру, ужъ онъ бы велѣлъ провѣтрить твою шкуру».

Майко не могла держаться на лошади, на всемъ карьерѣ. Искринъ посадилъ ее передъ собой на свою лошадь. Она какъ плющъ обвилась одной рукой вокругъ его шеи, а другой прижала къ груди своего Богдана. Искринъ обнялъ ее гибкой станъ одной рукой; другой прибралъ поводья, сжалъ въ шенкеля коня и гикнулъ почти нечеловѣческимъ голосомъ... Жучокъ, будто понявъ слова хозяина, приложилъ къ шеѣ вострыя уши, глаза налились кровью, ноздри раздулись, одной лапсодой опередилъ всѣхъ и пустился въ карьеръ. Въ отрядѣ эта лошадь въ быстротѣ не имѣла соперниковъ. Въ одно мгновенье онъ скрылся изъ глазъ спутниковъ въ густомъ облакѣ пыли.

— Еще версты двѣ—и мы спасены, думалъ Искринъ, возводя глаза къ небу и творя про себя горячую молитву.—Въ первый разъ мы съ Жучкомъ уходимъ отъ непріятеля. Фу, какое скверное чувство! Опасность впереди не такъ страшна, какъ здади.

Семень хотя и отсталъ, но, позабывъ свою нѣжность къ Сѣрко, усердно погонялъ его плетью. Саркизъ тоже—своего жеребенка. Они вихремъ промчались по долинѣ въ объѣздъ селенія Бѣлоканы, такъ какъ вѣхатъ въ него значило бы навѣрное отдаться въ руки лезгинъ. Вотъ, наконецъ, передъ ними рѣчка, съ шумомъ бѣгущая почти подъ стѣнами укрѣпленія Бѣлоканы... Усталые кони съ радостью бросились въ воду, плывутъ,—но вдругъ, какъ громъ, раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ; ихъ осыпало градомъ пуль. Майко застонала и опустила голову на грудь Искрина. Его ранили въ правую руку, но лѣвая рука, съ напряженнымъ усиліемъ, хотя и съ трудомъ поддерживала опустившееся тѣло Майко, которая судорожно прижала ребенка, такъ что онъ плакалъ отъ боли и отъ испуга. Искринъ, стиснувъ зубы, едва переносилъ боль ранъ...

Мулла дѣйствительно исполнилъ свое обѣщанье; онъ задержалъ лезгинъ на нѣсколько минутъ, для совершенія полуденнаго намаза, и разувѣрилъ ихъ, что это не Искринъ, что они ошибкой приняли за него совсѣмъ другую личность.

По совершеніи молитвы, лезгины пустились по прямому направлению черезъ селеніе Бѣлоканы, на перерѣзъ пути Искрину, желая удостовѣриться въ истинѣ словъ муллы; но видя, что догнать его не могутъ и догадываясь, что это былъ дѣй-

ствительно онъ самый,—не отваживаясь приближаться къ крѣпости, остались за рѣкой и съ досады сдѣлали залпъ изъ ружей по плывущимъ черезъ рѣку, поворотили въ сторону и скрылись въ балкѣ, покрытой лѣсомъ.

Въ крѣпости били тревогу. Отрядъ становился въ ружье, фитили дымились надъ пушками. Въ люнетѣ, прикрывавшемъ ворота фортата, передовой пикетъ увидѣлъ раненнаго офицера; нѣсколько человѣкъ солдатъ бросились къ нему.

Майко сняли съ лошади; одежда ея была въ крови.

Искринъ думалъ, что это кровь изъ его раны, и что Майко въ обморокѣ.

— Воды ребята, закричалъ онъ,—живѣй!

— Должно убита, ваше благородіе, сказалъ усатый гренадеръ,—пуля попала въ голову; врядъ оживетъ, сердечная.

Съ трудомъ высвободили изъ рукъ ея ребенка, который не былъ раненъ, но виѣнился въ нее рученками и не хотѣлъ ни къ кому идти. Искринъ какъ-то вдругъ потерялся... Забывъ, что самъ раненъ, онъ глядѣлъ на усатыя лица солдатъ, державшихъ на рукахъ княжну, потомъ бросился къ ней... «Майко, Майко!.. кричалъ онъ какъ безумный.» Майко чуть слышно простонала... Ее положили на носилки и понесли въ крѣпость. Начальникъ гарнизона, полковникъ князь Б., изъ грузинъ, велѣлъ положить ее въ своемъ балаганѣ. Немедленно явился штабъ-лекарь осмотрѣлъ рану—и только плечами пожалъ, отходя...

Искринъ очень ослабѣлъ отъ потери крови, а болѣе его потрясли нравственно слова гренадера; онъ почти безъ памяти былъ отведенъ въ крѣпость и положенъ въ балаганѣ капитана В., его хорошаго пріятеля. Онъ былъ раненъ въ локоть правой руки. Докторъ, перевязывая его, приговаривалъ: «скверно!»

Семень плакалъ какъ ребенокъ, самъ легко раненый въ ногу, опираясь на плечо солдата, шель за любимымъ имъ господиномъ и бормоталъ: «Вотъ поди ты, ужъ добро бы въ сраженіи, а то на вотъ, ни дай ни вынеси, гдѣ не ждали не гадали—Богъ велѣлъ можетъ животь подожить. Не слушалъ меня! говорилъ: брось ее, уѣдемъ одни, такъ нѣтъ. Охъ-охъ-охъ, видно судьба!»

Да, въ такой странѣ, съ такимъ бытомъ, не могло не пустить корней ученіе фатализма. Впрочемъ и рационалисты до сихъ поръ еще не доказали, чтобы человѣкъ могъ создавать обстоятельства и случаи.

Надо же было, чтобы Майко пережила страшныя событія, описанныя нами, для того чтобы умереть быть можетъ накануне счастья. Надо было Искрину повстрѣчать женщину, которую онъ такъ страстно полюбилъ и потерять изъ виду, не зная, что съ ней случилось, жива ли она и гдѣ находится, и вдругъ найти ее неожиданно, въ такомъ ужасномъ положеніи, къ которому и холодное сердце сторонняго человѣка не могло отнестись безъ участія. Добросовѣстно ли было бы покинуть это существо, безъ крова и пріюта, безъ помощи и средствъ, на рукахъ невѣжества? Можно ли было выжидать болѣе удобнаго времени и обстоятельствъ для спасенія несчастной жертвы злополучія? Можно ли было надѣяться, что начальство пошлетъ отрядъ войска на выручку одной плѣнной женщины? Понятна становится поспѣшность, съ которой Искринъ бросился собственными силами спасать разъ уже утраченное имъ и случайно найденное сокровище. И такъ, надо сознаться—видно судьба!

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЕКУНДЪ.

(КАРТИНКА).

Время было далеко за-полдень.

На балконѣ роскошной деревенской дачи, въ прохладной тѣни, среди цвѣтовъ, сидѣла хорошенькая, стройная дѣвушка, лѣтъ 18—19. Жаркій лѣтній день отнял у нея охоту заняться чѣмъ-бы то ни было: книжка лежала на столикѣ, и вѣтерокъ, какъ будто читая, перелистывалъ иногда ея листки. Кругомъ было все тихо... Дѣвушка то открывала, то закрывала глаза и отмахивалась слабо отъ мухъ вѣткою блага лѣпка. Вдругъ она какъ-бы очнулась: вблизи послышались шаги и, спустя се-

кунду, передъ ступеньками лѣстницы на балконъ, ведущей въ садъ, остановился мальчикъ въ полу-черескомъ костюмѣ, довольно-таки замѣнномъ. Никого не видя на балконѣ, онъ осмотрѣлся и, не безъ робости, рѣшился подняться...

— Отъ Алексѣя Романича? окликнула его дѣвушка.

Мальчикъ вздрогнулъ и тутъ только увидѣлъ «барышню».

— Точно такъ-съ, отвѣтилъ онъ, подходя къ ней.— Вотъ-съ, Алексѣй Романичъ приказали два нисья отдать и подождать отвѣта...

Два конверта — одинъ бѣлый, другой розовый — очутились въ ручкахъ барышни... Она всхлынула и даже не рѣшилась взглянуть на пятнадцатилѣтняго черкеса.

— Хорошо. Подождите тутъ...

— Я здѣсь посижу-съ...

Дѣвушка медленными шагами дошла до двери, ведущей въ комнату, — когда была уже увѣрена, что мальчикъ не можетъ ее видѣть, стремительно бросилась вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату — и заперлась.

Послѣдуемъ за ней въ шапкъ-невидимкѣ.

— И къ мамѣ прислалъ письмо и — ко мнѣ!.. воскликнула она. Однако, онъ смѣлъ!... Неужели онъ догадался, что я... Противный!

Тутъ она поцѣловала розовый конвертъ и торопливо вскрыла его.

«Софья Николаевна, я беру смѣлость послать къ вамъ нѣсколько строкъ (читала она)... Ради Бога, не швырните этой бѣдной бумажки, не дочитавъ до конца, а главное — не сердитесь. Жить въ неизвестности, не зная: ошибаешься или нѣтъ — ужасно тяжело. Я хочу разомъ все рѣшить и, если я ошибся, если обманулся — меня завтра-же здѣсь не будетъ. Я далеко уѣду. Переговорить у васъ я не могъ съ вами: ваша мамаша всегда овладѣетъ мной и усадитъ играть съ собой въ пикетъ... Она и сегодня ждетъ меня, но... я не буду... то есть, я-бы хотѣлъ быть лишь на полчаса у васъ сегодня, въ саду, у стараго памятника... ровно въ семь часовъ вечера... Будете тамъ? Если «да», то выйдите къ моему Гришѣ, посланному, *не одинъ, а съ Ральфомъ*, любимымъ вашимъ вѣрнымъ псомъ, и отдайте ему (не Ральфу, а мальчику) ту книжку, которую я прошу у вашей мамашы. *Это и будетъ отвѣтомъ*. Если-же Гриша мой скажетъ, что вы отдали ему книжку *однѣ*, т. е. Ральфа при васъ не было, то... Прощайте, Софья Николаевна!»...

Дѣвушка выпрямилась и смаяла въ рукѣ розовое письмо.

— Какъ-же это могъ онъ замѣтить?... Когда?... Неужели, по глазамъ видно, что я... Я васъ ненавижу, милостивый государь! Такъ въ это и знайте!...

Смятый розовый листикъ исчезъ въ карманѣ, а бѣлый конвертъ очутился въ правой рукѣ Софьи Николаевны. Она выбѣжала изъ своей комнаты.

— Чтѣ-же, мамѣ, онъ вамъ ^{*} ^{*} ^{*} пишетъ?

Полная женщина, лѣтъ пятидесяти, съ добродушной физиономией, опустила руку съ письмомъ и вздохнула. Потому она улыбнулась и произнесла:

— Чтѣ это ты, Соня, такъ раскраснѣлась?

— Ахъ, жарко, мамѣ! отвѣтила слегка смутившись Софья Николаевна и стала обмахиваться платкомъ. — Чтѣ-же пишетъ вамъ, Алексѣй Романычъ? повторила она.

— Да вотъ — пишетъ, что никакъ не можетъ быть сегодня здѣсь не только къ обѣду, но даже — вечеромъ... Какія-то экстренныя дѣла случились...

— Обманщикъ! сказала про себя дѣвушка.

— Жаль, продолжала поглядѣла, — значить, сегодня мнѣ и не играть въ пикетъ!... Третьяго дня я выиграла, а сегодня, быть можетъ, онъ-бы выигралъ... И вотъ, не прїдетъ! Экой какой!... Ахъ, да: я прочла книжку, которую онъ привозилъ двѣ недѣли тому назадъ... Ну, онъ пишетъ, чтобы подателю записки этой отдать книжку, если она не важна... Возьми ее, Соня, и отдай... Фу, въ самомъ дѣлѣ, какъ жарко!... Посмотри, какъ любимецъ-то твой растянулся! Тутъ, у меня въ будуарѣ прохладно, вотъ онъ и пришелъ сюда лежать!...

Софья Николаевна поглядѣла на большую бѣлую собаку изъ породы англійскихъ водолазовъ, которая растянулась на коврѣ во всю свою длину и лежала на правомъ боку, шуря большіе умные свои глаза. При входѣ своей молодой госпожи, водолазъ посмотрѣлъ на нее вопросительно — и раза два, ради комплимента, махнулъ пушистымъ длиннымъ хвостомъ по ковру.

— О чемъ это ты задумалась?

Голосъ мамашы заставилъ вздрогнуть Софью Николаевну.

— Такъ, мамѣ!... Гдѣ книга?

— Да вотъ — на столѣ.

— А я и не вижу! Ха, ха, ха!

— Скажи посланному, что я завтра буду ждать Алексѣя Романыча.

— Хорошо... Скажу...

Дѣвушка взяла книгу и на мгновеніе прїостановилась...

— Allons, Ральфъ! вдругъ крикнула она и выбѣжала изъ будуара мамашы.

Ральфъ такъ быстро вскочилъ, какъ будто его неожиданно окатили водой, и бросился со вѣхъ ногъ за своей госпожей.

Часы въ столовой показывали безъ десяти минутъ семь. Генеральша Марья Петровна, мать Софьи Николаевны, сидѣла на балконѣ и, вмѣсто пикета, забавлялась великолѣпной земляничкой, кушая ее со сливками и сахаромъ. Изъ столовой вышла Соничка. На головѣ у нея была легкая косынка, въ рукѣ — зонтикъ.

— Это ты — куда? спросила Марья Петровна.

— Пойду въ нашъ стары садъ... Давно не была тамъ, отвѣтила Софья Николаевна. — Впрочемъ, я скоро вернусь... Такъ, за-

хотѣлось прогуляться, а этотъ садъ надоѣлъ... Ну, не будете безъ меня плакать?...

— Сейчасъ заплачу! засмѣялась мамаша. — А развѣ ты земляники не хочешь?...

— Фи, не хочу!

И дѣвушка сбѣжала по ступенькамъ въ садъ.

— Ну, вотъ ужъ и «фи»! пустила ей вслѣдъ Марья Петровна. — Прекрасная земляника, а со сливками — прелесть!...

Но Соничкѣ было не до земляники со сливками: подобная прелесть не могла удержать ее на балконѣ.

— Скучаетъ, произнесла Марья Петровна: — конечно, въ деревнѣ не особенно весело, за то — тихо, покойно... Жаль, сосѣдей по близости нѣтъ порядочныхъ! Ближайшій — Алексѣй Романычъ, но и тотъ въ десяти верстахъ... Ну, и человекъ серьезный, солидный, хотя молодой. Ни матери у него, ни сестры — живеть одинокимъ холостякомъ. Мнѣ-то съ нимъ прїятно въ пикетъ поиграть, ну, а ей скучно... Да и ему, кажется, скоро выйдеть срокъ отпуску...

А время лѣгло... Часы въ столовой пробили восемь. Марья Петровна встала. Земляника, сливки и сахаръ давно уже были уничтожены ея превосходительствомъ.

— И куда это Соня пропала? подумала она. — Пора ужъ и чай пить... И какъ это она не устанеть гулять?

Явилась горничная и доложила, что самоваръ поданъ.

— Хорошо. Ты не видала барышни?...

— Нѣтъ-съ. Онѣ, должно быть, въ старомъ саду...

— Ну, такъ сбѣгай-ка туда и позови ее.

Генеральша пошла въ столовую, а горничная побѣжала въ садъ... Минуть черезъ пять явилась Софья Николаевна: она вѣбжала веселая, сияющая...

— Ну, долго-же ты тамъ гуляла!... встрѣтила ее мамаша. — А я вотъ тутъ проскучала безъ тебя!... Изволь-ка ты сегодня, послѣ чаю, почитать мнѣ что-нибудь вслухъ. Вотъ, если-бы Алексѣй Романычъ былъ, то я-бы съ нимъ въ карточки поиграла... И, вотъ, вѣдъ чувствую: прїѣзжай онъ сегодня — былъ-бы онъ въ выигрышѣ!...

— Да онъ, мамѣ, и такъ выигралъ, проговорила Соничка.

— Чтѣ? Какъ... гдѣ выигралъ?

— То есть... мы оба выиграли...

— Не понимаю... Чтѣ ты говоришь?

— Ахъ, вы какіе!... Ну, сегодня была... наша партія!

Софья Николаевна бросилась на шею матери.

— Мамаша, я его люблю, а онъ — меня!...

— Вотъ тебѣ разъ!

— Вы только благословите насъ!

— Какое?... Да гдѣ-жъ онъ, разбойникъ?!

— Алексѣй Романычъ! крикнула Соничка.

На балконѣ что-то зашумѣло — и въ столовую, галопомъ, съ веселымъ лаемъ, вѣбжалъ Ральфъ, а за нимъ вошелъ Алексѣй Романычъ, видный мужчина, лѣтъ тридцати, въ охотничьемъ костюмѣ.

— А!.. пожалуйста-ка, пожалуйста сюда... заговорила Марья Петровна.

— Повинную голову и мечъ не рубить, произнесъ «разбойникъ», подходя къ полной ручкѣ ея превосходительства.

Да, не срубилъ мечъ повинной головы, но не прошло и часу, какъ Алексѣй Романычъ былъ подвергнутъ жесточайшей пыткѣ: Марья Петровна «только немножко» усадила его за пикетъ...

Счастливымъ женихъ уѣхалъ на недѣлю въ Петербургъ... Всегда вѣдъ найдется о чемъ похлопотать передъ свадьбой! Его отпустили только на недѣлю... шутка-ли: семь дней! 168 часовъ... 10080 минутъ!... На четвертый день Софья Николаевна получила письмо отъ Алексѣя Романыча и небольшую посылку: золотое колечко! и то, и другое привезъ ей черкесъ Гриша. Алексѣй Романычъ писалъ, что вернется на шестой день *непретменно*, вечеромъ, часамъ къ восьми, и просилъ (тоже *непретменно*) устроить такъ, чтобы встрѣчѣ ихъ никто не помѣшалъ, чтобы первыя минуты встрѣчи были ихъ минутами... Онъ даже и мѣсто указалъ такое: мѣсто перваго свиданія, въ саду, у стараго памятника...

Вотъ и шестой день... Вотъ и вечеръ! Четверть восьмага... Скорѣй туда, въ глубь темнаго сада!... Какъ съ самаго утра, время безконечно долго тянулось!...

— Ральфъ, allons!

Софья Николаевна съ вѣрнымъ провожатымъ своимъ торопливо сошла съ балкона. Небо хмурилось, подымался вѣтеръ... Но что ей до этого? Боятся-ли ей дожда, когда она всего больше боится одной только мысли: «ну, а если онъ не прїдетъ сегодня?»... Да и чтѣ-жъ такое дождь? На головѣ у ней косынка, въ рукѣ — зонтикъ... а на пальчикѣ — хорошенькое, гладкое колечко — обручальное! Развѣ оно испортится отъ дождя?...

Живо дошла она до стараго памятника и взглянула на свои часы: тридцать одна минута восьмага... Утомившись ожидать съ самаго утра, Софья Николаевна стала гораздо спокойнѣе; жгучее нетерпѣніе ослабѣло, да кому-же она старалась увѣрить себя, что онъ будетъ... сердце говорило ей это... Какъ она спокойно, самоувѣренно облокотилась на пьедесталъ колонны; задумчиво глядитъ она въ ту сторону, откуда быстрыми шагами прїдетъ Алексѣй Романычъ... Но ничего еще не слышно... Вѣтеръ качаетъ деревья, они шумятъ и мѣшаютъ хорошенько прислу-

шаться: не раздастся ли стук копыт?... Ральфъ лежитъ у ея ногъ, не шелохнется... Пешкомъ стоитъ Софья Николаевна; кѣтеръ играетъ ея косышкой, но она опять задумалась — задумалась и не замѣтила, какъ любимецъ ея тихо всталъ и приподнял лѣвое ухо... Ральфъ, благодаря своему собачьему чутью,

услышалъ что-то знакомое... Однако, онъ еще не совсѣмъ увѣренъ... онъ прислушивается, зорко смотритъ куда-то... Хвостъ его горько радостно вильнуть... Да, еще нѣсколько секундъ — и съ громкимъ лаемъ бросится онъ на встрѣчу Алексѣя Романича!

Цыганка.

Передъ вами—дочь юга, удивительно стройное, гибкое созданіе. Это—цыганка-пѣвунья, вольная птичка, не знающая «ни заботы, ни труда». Она только, что кончила свою пѣсню... Еще звуки дрожатъ въ воздухѣ, а звонкій тамбурина повисъ на смуглыхъ пальчикахъ... Сколько граціи! Но дѣвушка не рисуется, не кокетничаетъ: она не можетъ *некрасиво* стоять, у нея не можетъ быть неграціозныхъ позъ.... О чемъ она думаетъ? Да, кажется, ни о чемъ... Играя пальцами въ своихъ темныхъ кудряхъ — глядитъ куда-то, вовсе не обращая вниманія на тѣхъ, кто слушалъ ея пѣсни; она не видитъ, какъ художникъ-туристъ на-скоро срисовываетъ чудную фигуру ея въ свой дорожный альбомъ. Ей хорошо, привольно... Сердце рсвно бьется, а высокая крѣпкая грудь такъ легко, свободно дышетъ, и, кажется, этой молодой груди хочется еще больше простора: она рвется, отбрасывая направо и налѣво легкую кофточку.

Но не можетъ быть одной свѣтлой стороны: свѣжесть, молодость такихъ южныхъ цвѣтковъ, вскормленныхъ воздухомъ Италіи, увя—скоротечна! Въ тридцать лѣтъ красавица превращает-

ся въ старуху и, нерѣдко, въ довольно таки-безобразную, такъ что трудно повѣрить — поужели, напримѣръ, эти строки могли когда-то къ ней относиться:

Ты вся любовь и вѣл мечта!...
Полна ты жизни беззатѣйной,
И дышешь нѣгой тиховѣйной,
Огнемъ и свѣтомъ палита!

Да, эти строки къ ней относились, и въ то время, глядя на нее, страстноующій сынъ сѣвера невольно напѣвалъ:

Она безгрѣшныхъ свидѣній
Тебѣ на ложе не пошлетъ.
И для небесъ, какъ добрый геній,
Твоей души не бережетъ.

Съ ней мѣръ другой, по мѣръ прелестный,
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучший край...
Не называй ее небесной!
И у земли не отнимай!....

Городъ Казань.

Въ концѣ февраля 1550 года русскія войска покрывали волжскій берегъ, лѣсистый и высокій. Ихъ вель юный царь Иванъ Васильевичъ, отступая послѣ неудачнаго приступа къ городу Казани. На конѣ, въ сопровожденіи Шигъ-Алея, татарскихъ князей и ближнихъ бояръ, онъ взвѣхалъ на Круглую гору, при устьѣ р. Свияги. Чудный волжскій видъ, раскрывшійся во все стороны, поразилъ воображеніе юнаго царя; онъ снялъ шлемъ и сказалъ знаменательныя слова: «здѣсь будетъ городъ христіанскій. Богъ дастъ намъ Казань въ руки!» И въ слѣдующемъ году возникъ Свияжскъ, что и было, такъ сказать, началомъ настоящаго присоединенія непокорнаго города.

Покореніе Казани было вопросомъ огромной важности въ это время. Сдѣлавшись столицею царей ордынскихъ, она часто, пользуясь междоусобіями между нашими князьями, то входила съ ними въ связи, то измѣняла имъ и дѣлала опустошительныя набѣги на наши владѣнія, особенно съ 1438 г., именно съ основанія Казанскаго царства, когда, въ отищеніе Василію Темному, вторгся въ наши владѣнія Улу Махметъ и былъ даже подъ Москвою, взявъ въ 1445 г. Нижний Новгородъ, осадилъ Муромъ и Суздаль, и самъ великій князь попалъ въ плѣнъ. Затѣмъ все послѣдующія волненія и безпокойства при Касимѣ и Ягунѣ, братьяхъ царя Мамутека, и при Иванѣ Васильевичѣ (1467 г.) до самаго мира испрошеннаго Ибрагимомъ «на всей волѣ государя Московскаго»,—все эти событія дѣлали это сосѣдство невыносимымъ. Надменный духъ хановъ, фанатическая ненависть къ нашей вѣрѣ, жажда къ добычѣ и неустойство въ средѣ самаго царства, гдѣ безпрестанно возводились на престолъ, смѣнялись, изгонялись и умерщвлялись ханы,—все это вызвало со стороны московскаго правительства серіозныя мѣры. Василій Іоанновичъ для стѣсненія Казани заложилъ городъ Василь-Сурскъ — сборный пунктъ для нашихъ войскъ, а сынъ его Иванъ Васильевичъ, какъ сказано выше, — городъ Свияжскъ.

Юный царь, съ твердостью достойною мудраго правителя, рѣшилъ положить конецъ дѣлу предшествующихъ царствованій. Онъ самъ, во главѣ 60,000 войска, стоялъ подъ Казанью. Горная сторона Волги объявлена была русскою землею, и ханъ названъ намѣстникомъ русскаго царя. Чуваши, мордва, черемисы—присягнули на вѣрность русскому царю; ихъ приписали къ Свияжску и водили на битвы подъ Казань.

Съ другой стороны поволжье возстало противъ насъ и

крымскій ханъ вторгся въ наши владѣнія, но былъ разбитъ подъ Тулою.

3-го іюля войско тронулось въ походъ, а 19-го августа 1552 года было уже противъ Казани. Городъ былъ обложенъ со всехъ сторонъ, отчаянныя вылазки татаръ были отбиты 23, 26 и 29 августа. Въ сентябрѣ былъ взятъ Арскій городокъ, князь Воротынский послѣ жестокой битвы занялъ часть стѣны и башню. Войска вошли въ городъ, но пошатнулись, встрѣтивъ отчаянный отпоръ со стороны татаръ. Тогда юный царь, со знаменемъ въ рукахъ, сталъ въ воротахъ самъ и примѣромъ своимъ удержалъ и одушевилъ воиновъ. Битва возобновилась, царь Едигеръ былъ взятъ въ плѣнъ и войско его разбито. На другой же день юный побѣдитель торжественно въѣхалъ въ городъ и послѣ молебствія учредилъ въ Казани епархію и судебныя мѣста, назначилъ воеводу, а татаръ переселилъ въ предмѣстья.

Въ 1714 году Петръ I учредилъ здѣсь губернію. Въ 1714 Казань была выжжена полчищами Пугачева. Городъ отстроился къ 1815 г., но большой пожаръ опять уничтожилъ его до половины. Въ 1842 году выгорѣла почти вся Казань— и слѣды этого новаго, великаго несчастія и до сихъ поръ еще замѣтны.

Городъ находится на р. Казанкѣ, въ 7 верстахъ отъ берега Волги. Онъ совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ была настоящая старая Казань. Тамъ, гдѣ была столица прежняго царства Болгарскаго, теперь видны только немногія развалины. Мѣсто это (въ 100 верстахъ ниже теперешняго города) въ 6 верстахъ отъ лѣваго берега Волги. Современный пародъ подвозитъ васъ къ древней столицѣ Улу Махмета. Весною Волга и Казанка сливаются свои воды вмѣстѣ, покрывъ все низменности и подходятъ подъ самый городъ, который кажется какъ бы стоящимъ на озерѣ.

Казанка омываетъ С.-З. часть города, на которой стоитъ крѣпость или кремль, *изображеніе котораго мы и прилагаемъ*. Онъ стоитъ на высокому холмѣ, обведенномъ бульваромъ (купеческимъ), и холмъ этотъ служитъ началомъ цѣпи холмовъ, на которыхъ расположены сѣверная и восточная части города. Основаніе кремля приписывается хану Улу Махмету въ XV столѣтіи. Онъ былъ обнесенъ двойною, деревянною стѣною изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Снаружи стѣны вырытъ былъ глубокой ровъ.

Время и пожары уничтожили прежнія постройки совер-

шенно. Думаютъ, что возвышеніе, на которомъ стоитъ крѣпость, искусственное, ибо подъ стѣнами грунтъ земли изъ дикаго камня, выбитаго плитами. При рытіи основанія для одного зданія находили каменные ядра. Въ 1556 году, вмѣсто деревянной стѣны, началась постройка каменнаго кремля; остатки же деревянной стѣны существовали даже во времена Анны Іоанновны и были уничтожены по распоряженію тогдашняго казанскаго губернатора, знаменитаго потомъ министра, Волинскаго. Во время вторженія Пугачева въ Ка-

и Устиніи, церковь Нерукотвореннаго Спаса, присутственнаго мѣста (на мѣстѣ древнихъ царскихъ палатъ) и башня Сумбеки.

Это послѣднее очень красивое сооруженіе относятъ татары ко времени царицы Сумбеки, которая играла важную роль въ послѣдніе годы передъ паденіемъ Казанскаго царства. Но это несправедливо, ибо всѣ памятники города относятся ко временамъ русскаго владычества. По стилю архитектуры полагаютъ эту башню построенною при Аннѣ Іоанновнѣ.

Цыганка.

зань въ 1774 году стѣны кремля были сильно повреждены. Нынешній кремль гораздо меньше древняго, что видно изъ крестнаго хода, который ежегодно совершается по тому пути, гдѣ были старыя стѣны.

Въ Кремлѣ замѣчательны, кромѣ прекраснаго Императорскаго дворца (гдѣ помѣщается начальникъ губерніи), Благовѣщенскій соборъ, основанный Грознымъ, монастырь Спасо-Преображенскій (также основ. въ 1556 г.), церковь Кипріяна

и Устиніи, церковь Нерукотвореннаго Спаса, присутственнаго мѣста (на мѣстѣ древнихъ царскихъ палатъ) и башня Сумбеки. Было между казанскими татарами преданіе, что въ яблокѣ башеннаго шпица будто бы сохраняются какія-то важныя для нихъ бумаги, но въ 1830 году, по приказанію мин. внутр. дѣлъ шаръ былъ снятъ и оказался конечно пустышъ. Высота этой величественной башни до 250 футовъ.

Казань имѣетъ очень красивый, оживленный и благоустроенный видъ. Адмиралтейская слобода соединяется съ городомъ высокой и прекрасной дамбой, которая весной бываетъ, со

всѣхъ сторонъ окружена массой воды. Вблизи нее стоитъ памятникъ на могилѣ воиновъ, убитыхъ подъ Казанью, о которомъ ниже мы сообщимъ подробнѣе.

Въ адмиралтействѣ, основанномъ по повелѣнію Петра въ 1718 году, нынѣ не производится никакихъ работъ. Прежде же тутъ строились суда для каспійской флотилии и были жилища для рабочихъ. Эти жилища и послужили основаніемъ теперешней слободы. Здѣсь подъ навѣсомъ хранится галера *Тверь*, на которой императрица Екатерина совершила свое знаменитое путешествіе по Волгѣ.

Зилантъевъ монастырь (отъ татарскаго *Зилант*—змѣя), построенный на горѣ, въ пещерѣ которой, по преданію, жилъ крылатый змѣй. Вообще мѣсто, гдѣ основана Казань, было изобильно змѣями, чѣмъ, конечно, объясняется и гербъ Казани—черный змѣй на бѣломъ полѣ съ золотою короною.

Далѣе видѣнъ монастырь Кизическихъ чудотворцевъ, среди прекрасной сосновой рощи. На востокъ Арское поле, на которомъ красуются зданія женскаго института, военнаго госпиталя. За ними, тѣнистое и зеленое, общественное кладбище. Влѣво, на крутыхъ и очень живописныхъ холмахъ и обрывахъ, густая березовая роща—любимое мѣсто загородныхъ прогулокъ, лѣтомъ. Эти мѣста носятъ названіе Швейцарій—нѣмецкой и русской. Южнѣ видны два озера Кабана, одно изъ которыхъ соединяется съ Казанкой каналомъ Булакъ.

Параллельно этому каналу идутъ главнѣйшія улицы города—Воскресенская, которая идетъ отъ кремля, оканчиваясь обширными зданіями университета и клиники. Она застроена прекрасными домами, щеголяетъ магазинами и тротуарами. Тутъ возвышаются зданія окружнаго военнаго суда и судебной палаты; здѣсь же самая модная гостиница Комонена. Только неотдѣланная Воскресенская церковь (между прочимъ весьма почитаемая), да старое зданіе полицейскаго управленія дѣлаютъ нѣсколько сумрачное впечатлѣніе.

Ниже идетъ Проломная улица. 2 Октября 1552 г. русскія войска взорвали стѣну пороховъ и вломились въ городъ. Этотъ проломъ сдѣланъ былъ со стороны поля—и улица по пути этому, также какъ и ворота татарскаго города, получили названіе Проломныхъ. И теперь даже, когда ворота не существуютъ, церковь Богоявленія на этомъ мѣстѣ называлась «у проломныхъ воротъ». Около дамбы по берегу Казани построены амбары и лавки, и это мѣсто называется биржей. Обширный гостинный дворъ со сводами идетъ по наклону горъ вдоль Воскресенской улицы, внизъ, по такъ-называемому Толчку.

Вблизи него есть замѣчательная древняя церковь Петра и Павла, которой рисунокъ также прилагается. Между двумя улицами Воскресенскою и Покровскою тянется обширный и глубокой оврагъ, гдѣ было не такъ давно сырое и топкое мѣсто, а теперь прекрасный садикъ и прудъ, называемый Чернымъ озеромъ, гдѣ играетъ музыка и бываютъ гулянья.

Университетъ (осн. въ 1804 г.) придаетъ городу особенное значеніе. Университетскія зданія красиво возвышаются своею колонадою. Памятникъ Державину, бывшій не такъ давно на дворѣ новаго флигеля университета, гораздо болѣе умѣстно перенесенъ на скверъ противъ театра, также очень красиваго зданія. При университетѣ есть обсерваторія, кабинеты физическій, зоологическій, ботанической садъ съ оранжереями, клиника, химическая лабораторія и проч.

Торговля Казани была въ цвѣтущемъ положеніи еще во времена татаръ. Отличное положеніе города при Волгѣ и Камѣ, на перепутьѣ между Европой и Азіей, должно было развить предприимчивость. Еще въ XV вѣкѣ сюда съѣзжались со всѣхъ сторонъ купцы обмѣнивать свои произведенія. Избіеніе русскихъ купцовъ на ярмаркѣ 1503 г. и расхищеніе ихъ товаровъ—вѣроятно дурно подѣйствовало на здѣшнюю торговлю, нанеся ей ударъ, отъ котораго она не оправлялась съ тѣхъ поръ и искала себѣ склада въ Василь-Сурскѣ и у Макарья. Съ Петра I, связавшаго каналами два великихъ моря, торговля эта получаетъ новую, громадную жизнь.

Казань имѣетъ теперь много фабрикъ и заводовъ, именно—130, выдѣлывающихъ произведеній почти на 1½ милліона въ

годъ. Весною усиленіе движенія, барки и суда на пристаняхъ, множество рабочихъ, безпрестанно приходящіе и уходящіе пароходы, грузовые суда и плоты—все это придаетъ городу очень оживленный видъ.

Въ двухъ верстахъ на С.-З. отъ казанскаго кремля, на лѣвомъ берегу рѣки Казанки, есть замѣчательное мѣсто. 2 октября 1552 г. здѣсь стояла ставка Грознаго—и отсюда онъ, съ крестнымъ ходомъ, торжественно вступалъ въ побѣжденную Казань. Убитые, въ этотъ кровавый и трудный день, воины русскіе погребены въ этой горѣ—и царь для ихъ поминовенія основалъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы монастырь, который въ грамотахъ того времени называется *первоначальнымъ и русскимъ кладбищемъ*. Въ 1559 г., по неудобности мѣста (его затопляло весною), монастырь, по царскому повелѣнію, перенесенъ на Зилантову (змѣиную) гору, около версты ниже по рѣкѣ. Надъ могилою же воиновъ была поставлена часовня, въ коей совершались панихиды настоятелемъ монастыря Зилантова.

Въ 1812 г. Зилантова монастыря архимандритъ Макарій пожелалъ увѣковѣчить память воиновъ, построивъ, на собственные свои средства и на средства усердствующихъ, памятникъ въ видѣ столба, котораго планъ и фасадъ представлены были государю. Императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ планъ передѣлать. Это было поручено архитектору Алферову—и дѣло состоялось, съ помощью суммъ прибавленныхъ къ пожертвованію почтеннаго архимандрита членами императорской фамилии и частными людьми—болѣе 100,000 руб.

Памятникъ приведенъ былъ къ окончанію только въ 1823 г., почти черезъ 300 лѣтъ послѣ взятія Казани.

Памятникъ имѣетъ видъ пирамиды, вышиною около 10 сажень; съ четырехъ сторонъ его фронтоны на колоннахъ.

Съ сѣверной стороны прекрасный видъ на Кремль и на весь городъ. Весной, онъ стоитъ какъ бы на островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою.

Внутри памятника устроенъ алтарь во имя Нерукотвореннаго Спаса. Во время осады Казани на этомъ мѣстѣ стояло царское знамя съ изображеніемъ этого образа. Внизу памятника подземный ходъ, съ котораго начинается, отдѣленная стѣною, могила убитыхъ, и въ ней множество костей. Колонны, бока пирамиды выстланы вятскимъ бѣлымъ камнемъ. Вверху, въ центрѣ водруженъ крестъ. По четыремъ угламъ устроены келліи.

Казанское купечество, въ виду поврежденія памятника въ 1830 г., взяло на себя исправленіе его и дальнѣйшее содержаніе. Для присмотра за нимъ избраны городскимъ обществомъ два попечителя и въ 1832 г., 2 октября, въ ясный день, произошло торжественно вторичное освѣщеніе возобновленнаго памятника. Торжество, по описанію архимандрита Гавріила, было великолѣпно, народъ стекался во множествѣ, купечество пожертвовало на войско и на церковную ризницу, и «только темнота ночи прекратила любопытство посѣтителей и крики веселаго народа».

Очень любопытны объясненія ученаго архимандрита Гавріила (извѣстнаго своею истор. философій) императору Николаю Павловичу при посѣщеніи симъ послѣднимъ памятника 19 августа 1836 г.

Въ подземельѣ архимандритъ сказалъ Государю: «это общая могила православныхъ вождей и воиновъ,—чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе открывается костей ихъ во всѣхъ направленіяхъ».

Государь спросилъ: «Почему можно удостовѣриться, что отсюда во всѣ стороны продолжается эта могила?»

«Вмѣсто этого деревяннаго помоста, отвѣчалъ настоятель,—желали устроить каменный. Но когда начали рыть, то оказалось, что по множеству костей во всѣ стороны нельзя сдѣлать каменнаго и оставленъ былъ деревянный».

Затѣмъ Государь спросилъ: «Въ такомъ множествѣ не могли ли попасть сюда тѣла татаръ?»

«Не могли, Ваше Величество, ибо тѣла были предварительно разобраны. Это была царская церковь, отсюда начинался подкопъ къ Казани; здѣсь лучшіе воеводы похоронены, послѣ ранъ постриженные передъ смертію въ схиму бывшіимъ при царѣ игуменомъ Іоакимомъ. Русскіе могли ли за 2, даже за

3 и 4 версты возить нарочно своих враговъ, которые имѣли не только на одеждѣ, но особенно и на тѣлѣ явные знаки, — возить на такое мѣсто, гдѣ молились они и ихъ царь?»

При строеніи памятника въ Зилантовомъ монастырѣ (къ которому сперва какъ бы принадлежалъ памятникъ) брали кирпичъ, бутъ, матеріалы и перевозили монастырскими средствами. Сборъ пожертвованій производимъ былъ также монастыремъ. Караульщики живутъ при памятникѣ. Каждогодно 2 октября къ памятнику бываетъ крестный ходъ изъ Зилан-

това монастыря, и совершается здѣсь торжественное богослуженіе съ военнымъ парадомъ.

Внутри монастыря Зилантова и внѣ его вѣковые вязы, липы и дубы придаютъ мѣсту весьма красивый видъ. Съ самаго монастыря, расположеннаго на высокой горѣ и обвѣиваемаго со всѣхъ сторонъ р. Казанкою, широкій видъ разстилается на луга, пороховой заводъ, городъ и крѣпость.

Н. Воевъ.

Политическое развитие папской власти.

Папство есть одно изъ величайшихъ явленій средневѣковаго міра. Тѣмъ болѣе оно обращаетъ вниманіе на себя, что оно не есть плодъ глубоко-обдуманнаго и хорошо-выполненнаго плана одного или нѣсколькихъ дѣятелей: — оно есть явленіе чисто историческое. Идея папства, какъ-бы она ни была несогласна съ началами, утвержденными преданіемъ и практикою первыхъ вѣковъ христіанства, имѣетъ за себя твердыя историческія данныя, которыя вполне оправдываютъ ее, даже въ самомъ широкомъ ея развитіи, какъ идею, выработанную исторію, хотя по этому самому и временную, переходящую. Она возникла какъ послѣдовательный результатъ продолжительнаго періода исторической жизни Италіи. Исторія вѣковъ предшествовавшихъ произвела ее изъ своей плоти и крови, воспитала на своей почвѣ и дала ей силу жизненную на много послѣдующихъ вѣковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и сами римскіе епископы, особенно нѣкоторые изъ нихъ, своими личными достоинствами много содѣйствовали развитію этой идеи, возвышенію и утвержденію своего авторитета и распространенію своего вліянія на дѣла общественныя — церковныя и гражданскія. Но нельзя сказать, чтобы кому-нибудь лично принадлежала честь созданія этого громаднаго зданія среднихъ вѣковъ — папства; — всѣ они начали стремиться къ одной цѣли тогда только, когда сознали и поняли свое положеніе среди западнаго міра, сложившееся силою обстоятельствъ, отъ нихъ лично не зависѣвшихъ, — словомъ, положеніе, выработанное уже самой исторіей Запада вообще и италіанскій націи въ частности, — и потому, всѣ и каждый порознь, но итѣрѣ силъ и личнаго пониманія, служили въ этомъ созданіи только помощниками, болѣе или менѣе дѣятельными и понимающими цѣль и назначеніе своей дѣятельности. И такъ, неоспорима истина, что власть папскую возростила исторія, — что народы, такъ сказать, поднесли духовенству власть, которою оно пользовалось нѣсколько вѣковъ къ благу самихъ народовъ. — Теперь обратимся къ исторіи и прослѣдимъ главнѣйшіе моменты историческихъ, гражданскихъ событій, имѣвшихъ постепенное, прямое и несомнѣнное вліяніе на политическое развитіе папской власти.

Средствъ, прямо или косвенно, но болѣею частью вѣрно относившихся къ одной цѣли — къ возвышенію власти римскаго первосвященника, было очень много; но всѣ они, по нашему мнѣнію, могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ, означены двумя рубриками: — это нравственное вліяніе духовной власти на умы средневѣковаго общества — и политическое значеніе римскаго епископа, какъ представителя италіанской національности и какъ самостоятельнаго владыка обширной области.

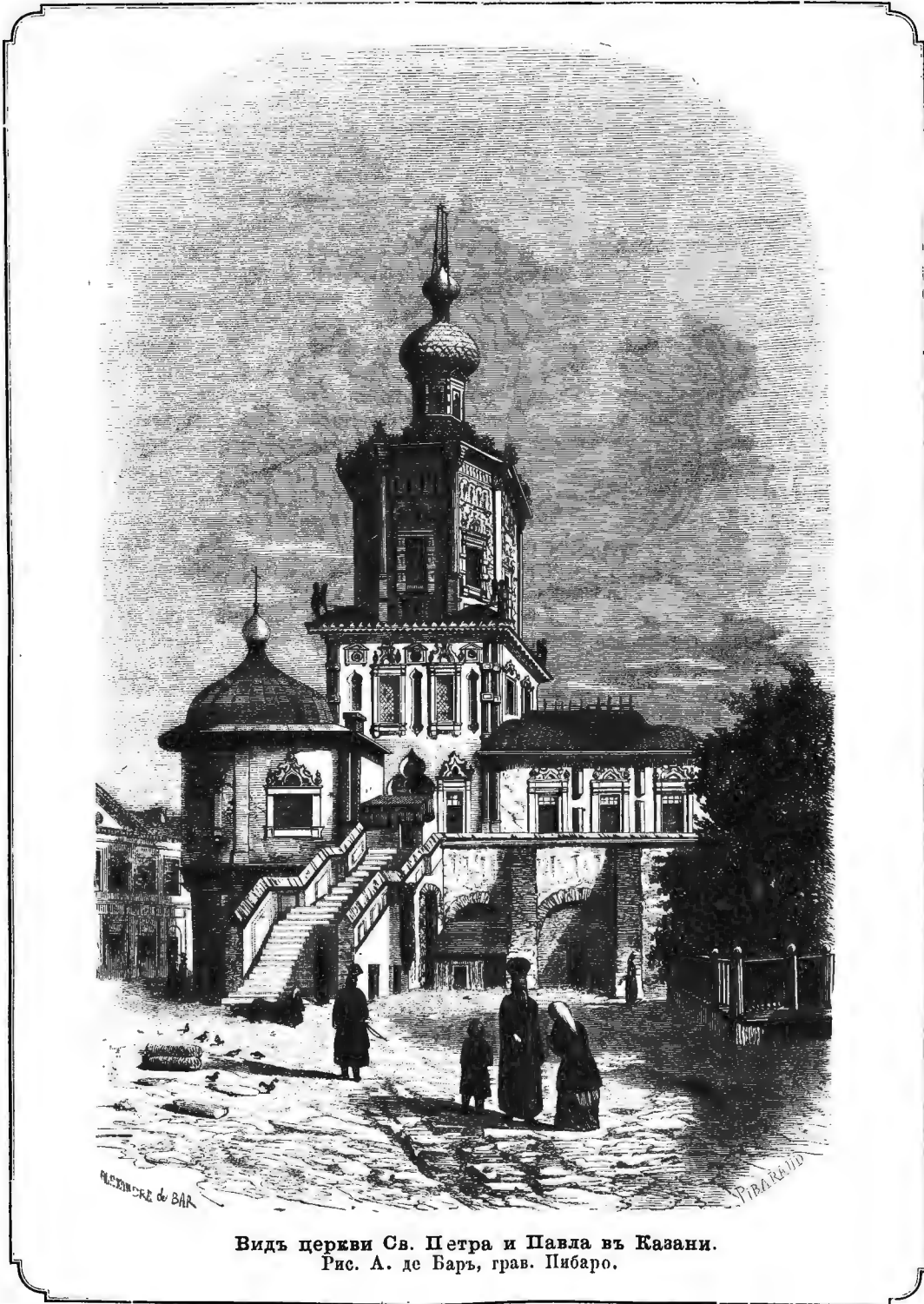
Обращая вниманіе на значеніе римскаго епископа въ ряду другихъ представителей церкви, мы видимъ, что преимущество чести и важности его голоса въ вопросахъ догматики и практики церковной — весьма рано сдѣлалось почти неотъемлемымъ достояніемъ римской кафедры. Ея представители пользуются не только почтеніемъ и любовью народа, но и высокими уваженіемъ прочихъ епископовъ. Причина этого заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что, съ одной стороны, мысль о намѣстничествѣ престола св. апостола Петра и дѣятельное участіе въ дѣлахъ церкви Восточной, также покровительство невинно-преслѣдуемымъ епископамъ (напр.

св. Афанасію В., св. Іоанну Златоусту), съ другой — твердое и неуклонное послѣдованіе православному ученію церкви, ревностное обличеніе ересей въ церкви Восточной, — все это давало римскому епископу весьма важное значеніе во всей церкви, особенно-же въ своемъ западномъ округѣ, во мнѣніи подчиненныхъ ему церковью и въ глазахъ римскаго народа. При томъ-же, римскіе епископы съ самыхъ первыхъ вѣковъ обладали гораздо большими средствами и въ матеріальномъ отношеніи. Такъ еще въ III вѣкѣ они посылали богатую милостыню въ Аравію; а въ V вѣкѣ ихъ богатые владѣнія и патримоніи находились уже не въ одной Италіи, но и въ Галліи, и въ Испаніи и другихъ странахъ, съ которыхъ они получали ежегодные и весьма большіе доходы; а слѣдовательно, имѣя возможность благотворить бѣднымъ и облегчать общественныя бѣдствія въ трудныя времена, они могли болѣе и болѣе сближаться съ народомъ римскимъ и связываться съ нимъ самымъ твердымъ союзомъ, основанномъ не только на одномъ уваженіи, но и на искренней любви къ нимъ. Наконецъ, и личныя заслуги многихъ епископовъ Рима для блага общественнаго — весьма много говорили въ пользу ихъ и высоко ставили ихъ въ народномъ мнѣніи. Безъ сомнѣнія, народъ римскій не могъ забыть великихъ услугъ, напримѣръ Льва I, оказанныхъ имъ въ тяжкую годину бѣдствія Италіи — въ страшное нашествіе Аттилы, когда папа своимъ духовнымъ авторитетомъ и силою слова, укротивъ гнѣвъ страшнаго завоевателя, спасъ Римъ отъ его разгрома; — не могла не возбудить въ народѣ римскомъ глубокаго чувства благодарности и преданности и другая услуга этого епископа, когда онъ удержалъ Гензериха отъ опустошенія Рима. Такимъ образомъ, и предпочтительное уваженіе отъ прочихъ епископовъ, и любовь и благодарная преданность римскаго народа, относившагося къ своему епископу съ полною симпатією, и, наконецъ, матеріальныя средства, дававшія ему возможность благотворить бѣднымъ, — все ставило римскаго епископа еще съ первыхъ вѣковъ христіанства въ положеніе покровительственное, начальственное и высоко представительное.

Но полное развитіе папства начинается только съ паденія Римской имперіи. До того времени римскіе епископы, хотя и пользовались предпочтеніемъ и правомъ старѣйшинства, какъ первостоятели столицы міра, и назывались даже, по примѣру прочихъ первостоятелей старшихъ церквей, патриархами, — не смотря, однакожь, на все это, находились въ полномъ подчиненіи власти императора, и въ присутствіи блеска двора по необходимости оставались въ тѣни. Когда-же не стало въ Римѣ императоровъ и пышность придворной жизни замѣнилась обыкновенной обстановкой областного города, — папы явились въ полномъ блескѣ своего величія, окруженные своимъ дворомъ и не подчиняющіеся чуждой власти. Всѣ обстоятельства сложились самымъ благоприятнымъ для нихъ образомъ. Не стѣсняемый присутствіемъ императора и не заслоняемый пышностію его двора, оставшись однимъ высшимъ представителемъ духовной власти на всемъ Западѣ, папа, естественно, прибрѣталъ въ умахъ народа гораздо болѣе значенія, чѣмъ прочіе патриархи, которыхъ на Востокѣ было четыре, и къ тому-же еще — трое изъ нихъ въ скоромъ времени подпали власти невѣрныхъ, а константинопольскій не имѣлъ самостоятельности при высшемъ авторитетѣ импе-

ратора; слѣдовательно, уже самымъ разрушеніемъ политическаго бытія западной Римской имперіи воздвигалось величіе другаго зданія — самостоятельной власти римскаго первосвященника. Съ другой стороны, за отсутствіемъ императора, папа становился единственнымъ центромъ, къ которому прививались всѣ симпатіи цѣлаго государства, — единственною личностію, на которую общее народное сознаніе переносило все уваженіе и благоговѣніе, прежде дѣлившееся между нимъ и императоромъ, и дѣлившееся, конечно, не равно. Въ это

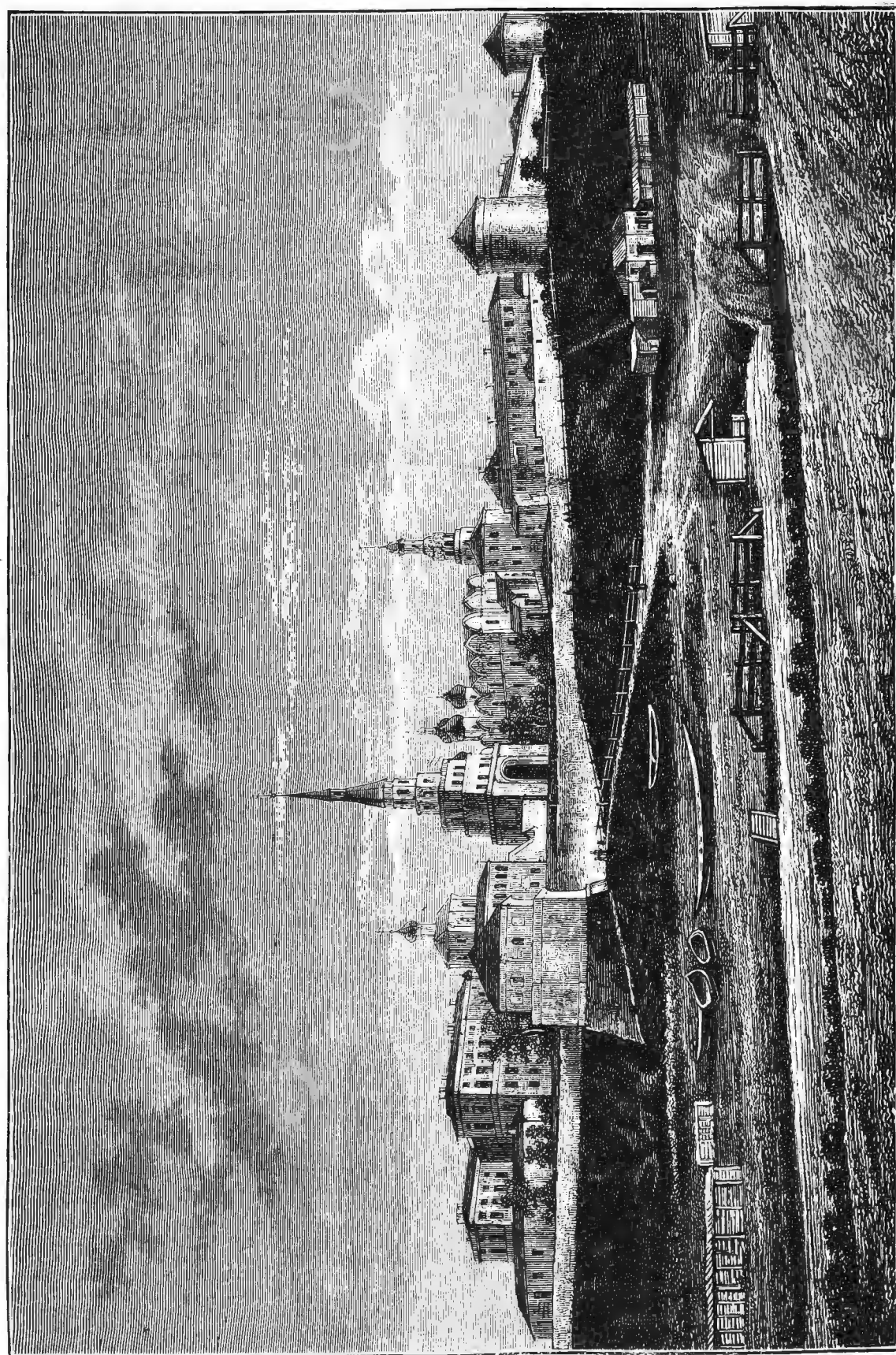
какъ единственному представителю правильно организованной власти, не тронутой варварами во всея западномъ мірѣ, — иногда съ ожиданіемъ умиротворенія, а иногда съ мольбою о защитѣ. И не напрасны были эти ожиданія. Когда феодалная система проникла во весь составъ общества, когда возвысился надъ всѣми классами людей одинъ классъ, обладавшій всѣми преимуществами общественнаго положенія, всѣми выгодами жизни, а въ удѣлъ другимъ оставались труды безъ вознагражденія и терпѣніе безъ надежды на улучшеніе быта, —

Видъ церкви Св. Петра и Павла въ Казани.
Рис. А. де Баръ, грав. Пибаро.

несчастное для Италіи время, — когда она, разгромленная варварами, распалась на мелкія части, когда разстроенное общество не имѣло для себя никакой точки опоры, — среди всеобщаго разрушенія и безпорядка, идея единства и порядка имѣла осуществленіе свое только въ церковномъ управленіи. По этому, весьма естественно явленіе, что взоры государей и народовъ Запада обращались къ римскому епископу,

духовная власть одна въ это время напоминала жестокимъ вассаламъ ихъ человѣческія и христіанскія обязанности, одна давала защиту и убѣжище беззащитнымъ и преданнымъ на произволь судьбы и своихъ суровыхъ владыкъ рабамъ; одна она могла возставать громко и открыто противъ безпорядковъ и злоупотребленій феодалныхъ владѣльцевъ, и своевольные и буйные вассалы, не признававшіе никакого закона,

Общій видъ Еремля въ Казани. Съ фотографіи рис. на деревѣ Космаковъ, грав. Барановскій.

никакой власти, трепетали гнѣва безоружнаго римскаго первосвященника.

Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство, возвысившее и еще болѣе укрьпившее общее народное сочувствіе и глубокое благоговѣніе къ папѣ. Папа Григорій Великій рѣшился обратиться въ христіанскую вѣру англо-саксовъ. Его миссіонеры, съ пламенною ревностію къ святому дѣлу и съ полною преданностію интересамъ святѣйшаго папы, съ блистательнымъ успѣхомъ исполнили свою миссію. Островитяне скоро приняли христіанство, а съ нимъ вмѣстѣ и глубокую преданность видимому главѣ его на землѣ — къ папѣ. Это приобрѣтеніе чадъ церкви и вѣрныхъ слугъ папы много содѣйствовало къ утвержденію вліянія его между германскими народами, которые также постепенно все болѣе и болѣе принимали христіанскую вѣру.

Такъ продолжалось до VIII вѣка. Въ этотъ, несчастный для Востока, вѣкъ возникла въ Константинополѣ ересь иконоборства и охватила весь Востокъ, не коснувшись Запада; эта лютая зараза почти цѣлые сто лѣтъ терзала Восточную имперію, а представителю христіанскаго Запада придали особенный блескъ и особенную важность, доставивъ ему случай явиться ревностнымъ и безпристрастнымъ защитникомъ православія на Западѣ и обративъ на него взоры всѣхъ

западныхъ христіанъ. За тѣмъ, споры и несогласія, начавшіеся въ половинѣ IX и окончившіеся въ половинѣ X вѣка, между церквами римскою и константинопольскою изъ-за догматическихъ и каноническихъ разностей вѣроученія, еще болѣе сблизили и, такъ сказать, сплотили весь христіанскій Западъ около своего главы и представителя. Это обстоятельство ясно показало насколько авторитетъ римскаго епископа былъ уже силенъ въ западномъ мірѣ; вѣра въ него и безграничная преданность римскому первосвященнику до того утвердились и окрѣпли въ умахъ народовъ, что они принимали за непогрѣшимый догматъ всякое ученіе и опредѣленіе его; и когда церковные споры кончились совершеннымъ отдѣленіемъ западной церкви отъ восточной, всѣ западные христіане остались вѣрными своему папѣ безъ всякаго разуужденія и выбора между правою или заблужденіемъ той или другой церкви.

Но зенигомъ папскаго величія были крестовые походы. Въ это время, когда государи, какъ покорные слуги, и тысячи знатнѣйшихъ лицъ цѣлаго Запада, и божественное множество народа, — послушные голосу папы, подъ его верховнымъ руководствомъ, во имя вѣры, шли освобождать отъ ига сарацинъ Святую Землю, — въ это время, продолжавшееся цѣлыхъ два вѣка, власть папская достигла апогея своего могущества.

Архимандритъ Алексій.

(Окончаніе будетъ.)

Изъ Америки.

(Собственныя корреспонденціи «Пиисъ»).

Нью-Йоркъ, 12 августа 1874 года, среда.

Любекъ отличается отъ Гамбурга тѣмъ, что въ Любекѣ горничныя ходятъ въ чепчикахъ, сшитыхъ на куклу средняго роста, въ Гамбургѣ же чепчики гораздо больше, но такъ однообразны, какъ будто сенатъ знаменитой ганзейской республики сочинилъ такой мундиръ и сдѣлалъ его обязательнымъ. Отъ всѣхъ другихъ городовъ въ свѣтѣ Гамбургъ отличается тѣмъ, что въ хорошихъ кафе-ресторанахъ на счетъ ставится за графинъ воды (въ два стакана) — 4 шиллинга, то есть гривенникъ, — и при этомъ вода довольно скверная. Еще нельзя не упомянуть Гамбурга за прелестный зоологическій садъ, лежащій рядомъ съ ботаническимъ. Входъ въ одинъ отдѣлъ отъ входа въ другой шириною улицы, саженъ въ десять; но я этого не зналъ и у воротъ ботаническаго сада спросилъ сторожа, нельзя-ли черезъ его садъ пройти въ зоологическій. Онъ съ милою, дружескою улыбкой отвѣчалъ, что можно и что въ другой сторонѣ есть ворота, даже безъ сторожа. Кажется, старому сторожу очень хотѣлось, чтобы хоть кто нибудь хоть ошибкой посѣтилъ его незамысловатый садъ, и потому онъ погрѣшилъ избыткомъ логики въ отвѣтъ: чтобы вывести меня изъ заблужденія, онъ могъ просто показать на входъ въ зоологическій садъ, прямо черезъ улицу.

Зоологическій садъ занимаетъ пространство десятиль въ двадцать и въ самомъ дѣлѣ достоинъ ганзейскаго республиканскаго чистѣйшихъ удовольствій. Цѣль не любоваться какъ слонъ поднимается передними ногами на заборъ, отдѣляющій его отъ носорога, задними становится на желѣзную поперечину рѣшетки и хоботомъ гладитъ своего товарища по заключенію, проводитъ имъ по спинѣ, обнимаетъ шею, беретъ за ухо. Носорогъ при этомъ тоже поднимаетъ морду и выражаетъ удовольствіе. Сцена довольно незамысловатая, но она скрашивается громадною величиною дѣйствующихъ лицъ и показывается въ то же время, что нѣкоторые зоологи врутъ, увѣряя, будто слонъ и носорогъ — злѣйшіе враги. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ двумъ гигантамъ нечего дѣлать, и потому на волѣ они должны встрѣчаться безъ особенной вражды.

Зоологическій садъ пополяется изъ пожертвованій; имена пожертвователей, болѣею частью капитановъ кораблей дальняго плаванія, выставляются на рѣшеткахъ звѣрей и птицъ, отлитыми на чугуновыхъ дощечкахъ. Когда у насъ въ Питерѣ будетъ порядочный зоологическій садъ, то, вѣроятно, найдутся тоже жертвователи, хотя, по правдѣ сказать, у насъ немного кораблей, предпринимавшихъ дальня плаванія. Водяныя птицы содержатся на огромныхъ прудахъ. Клѣтка хищныхъ птицъ у Гебгардъ въ Питерѣ гораздо богаче гамбургской. Вѣлый мѣдвѣдь помѣщенъ роскошно: у него своя пещера съ солидною рѣшеткой и особый салонъ съ фонтаномъ, гдѣ онъ купается. Отъ этого онъ совер-

шено блѣдъ, а не желтъ, какъ обыкновенно въ звѣрникахъ. У льва огромная полукруглая клѣтка саженъ въ шесть, съ искусственною скалою и пещерой. Оленей и газелей множество. Кенгуру, точно такой, какой намъ извѣстенъ по картинамъ, поражаетъ совершенно необыкновеннымъ аллюромъ. Онъ прыгаетъ обѣими задними ногами одновременно, какъ гигантская блоха, съ тою только разницею, что скачки очень часты и быстры. Блоха, сколько извѣстно, рассчитываетъ больше на одинъ скачокъ и потомъ долго собирается съ силами, чтобы сдѣлать другой; а кенгуру прыгаетъ въ извѣстномъ направленіи и такъ сказать съ большимъ сознаниемъ цѣли. Русскихъ звѣрей почти нѣтъ; сѣверный олень и лось отсутствуютъ; представителемъ нашихъ мѣдвѣдей служитъ только одинъ трехмѣсячный мѣдвѣжонокъ.

Да, чуть не забылъ достопримѣчательность Гамбурга, отличающую его отъ всѣхъ другихъ городовъ на свѣтѣ. Въ немъ монета представляетъ путаницу и неурядицу необычайныя, невообразимыя, такое смѣшаніе языковъ, котораго изучить въ три дня не было возможности. Главная разбѣнная мелкая монета шиллингъ датскій. На немъ ясно изображена цифра 16; это значить пять шиллинговъ гамбургскихъ. На одну марку этихъ шиллинговъ приходится шестнадцать. Но рейкс-марка на одну треть больше гамбургской. Сверхъ того, ходятъ Groschen, — ихъ три равняются четыремъ шиллингамъ; да есть еще gute Groschen, которые подороже. При покупкѣ фунта вишенъ съ талера вамъ дадутъ массу сдачи, въ которой есть и монеты съ цифрою 16, которую надо читать 5. А на желѣзной дорогѣ кассиры, опытные счетчики, не рѣдко приходятъ въ отчаяніе, обчитываясь то въ свою пользу, то въ пользу пассажировъ. Эдѣшніе школьники имѣютъ возможность отлично упражняться въ ариметическихъ выкладкахъ, получая сдачу съ одной марки при покупкѣ лакомства на одинъ хорошій грошъ. Дѣло учителей ариметики значительно упрощено.

Изъ Гамбурга верстъ тридцать внизъ надо было плыть на небольшомъ рѣчномъ пароходѣ, для пересадки на большой, отходившій въ Америку. Пассажировъ было много, болѣею частью нѣмцы-эмигранты. Они оставляли родину навсегда, и многие были до крайности печальны. Но заиграла веселая музыка — и лица начали понемногу проясняться. Правда, что музыка была въ родѣ тѣхъ, которую насъ улаживаютъ въ Питерѣ бродячіе музыканты по дворамъ. Но годилась и эта, да можетъ быть эта была еще цѣлесообразнѣе хорошей, потому что диссонансъ, исправно рѣжущій ухо, способенъ отвлечь вниманіе даже отъ чтенія денежнаго контракта или любовнаго письма. Чтобы угодить публикѣ, музыканты заиграли Lieb Vaterland magst ruhig sein. Пассажиры стали понемногу подивляться, многие расслакались, такъ что капитанъ долженъ былъ прекратить эту шесу, чтобы не получить совершенно унылыхъ пассажировъ. Нѣсколько изселенскихъ пьесъ съ надлежащимъ количествомъ диссонансовъ изгладили тягостное для отъѣзжавшихъ впечатлѣніе прелестнаго мотива Wacht am Rhein.

Переселенцы оставляли родину подъ впечатлѣніемъ дрянной музыки и общаго прощанья. Берегъ Эльбы на много верстъ внизъ отъ Гамбурга устланъ домами и корабельными пристанями. Сначала тянется знаменитая Альтона, которую такъ любилъ гейневскій Цаццигтъ, знаменитый слуга синьора Гумпелино. За Альтоной идетъ длинный-длинный рядъ загородныхъ домовъ

или дачь. По флагу нашего парохода видно было что они и куда они идут, и ни один человек на берегу из рабочих, выгружавших товары в высокие магазины, из людей, гулявших по дорожкам дачь, из дам, отдохнувших в высоких беседках по нагорному берегу, не пропустил нас, не махая приветливо или платком, или шляпой. На нашего брата, просто путешественника, такие приветствия производили приятное впечатление, а для переселенцев эти последние прощания и проводы земляков были неопытны. Не одна пара глаз сдвинулась влажно от этих последних приветов родины. Бросалась в глаза одна только группа людей, ни на кого постороннего не обращающих внимания. Это были старик со старухой, два сына их в полном цветѣ силъ, жена одного изъ нихъ, молодая дѣвушка, можетъ быть дочь стариковъ, и трое ребятишекъ, дѣти старшаго сына. Они по сторонамъ не смотрѣли, разговаривали только между собой, да старуха съ заботливостью насѣдки все поглядывала, чтобы внуки не отходили далеко. Эти, очевидно, везли отечество съ собой: имъ не съ кѣмъ было простаться. Гораздо позже, уже дорогой, всматриваясь въ лица переселенцевъ, не трудно было замѣтить, то подъ суровою, то подъ добродушною наружностью, ту энергію, которая нужна для того, чтобы рѣшиться на переселение. И если Америку населяютъ каждый годъ многие десятки тысячъ энергическихъ людей, то ничего нѣтъ мудренаго, что дѣятельность въ ней кипитъ такъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ земнаго шара. Но какой энергіей ни обладай человекъ, все-таки разлетаться съ родиной навсегда—въ послѣднюю, рѣшительную минуту становится жутко, и лица на Эльбѣ были угрюмы, чѣмъ можно было ожидать.

Когда пересѣли на большой пароходъ, музыка кончилась и каждый занялся важнымъ дѣломъ устройства въ своей каютѣ и въ своей койкѣ: предстояло провести цѣлыя двѣ недѣли въ желѣзномъ пароходѣ, среди незнакомыхъ лицъ и обладающихъ неизвѣстно какими качествами. Поэтому въ первое время пассажиры относились одинъ къ другому недоброжелательно. Но одишъ жидокъ, понявъ что я русскій, тотчасъ началъ поддѣлываться, предлагая въ Нью-Йоркѣ отличнаго портнаго и вообще ринялся факторствовать.

На меня, какъ вѣроятно на большую часть нашихъ соотечественниковъ, океанъ произвелъ очень тягостное впечатлѣніе: воды черезъ-чуръ много: и сегодня вода кругомъ, и завтра, и опять, каждый день, это было невыносимо. По учебникамъ географіи мы знаемъ, что воды на свѣтѣ втрое больше чѣмъ земли, но крайней мѣрѣ на поверхности земнаго шара; но испытать это на дѣлѣ, измѣрить всю ширину Атлантическаго океана собственными глазами оказывается дѣломъ непроходимо-скупнымъ. И приходилось заниматься волнами, потому что въ открытомъ морѣ птицъ не было, а киты попадались тамъ всего раза четыре, да акулы разъ десять. О волнахъ писано немного,—о вѣтрѣ, участвующемъ въ ихъ произведеніи, писано гораздо больше; но это писали большею частью сухопутные люди, или моряки, смотрѣвшіе на вѣтеръ и на волны съ совершенно практической точки зрѣнія. Теорія волнъ еще нетронутое поле для изслѣдованій, и я предлагаю эту задачу—метеорологическимъ обсерваторіямъ, все равно, расположеннымъ близъ моря, или среди материковъ, потому что прежде всего нужно изучить вѣтеръ. Въ открытомъ морѣ не трудно замѣтить, что волны не находятъ въ прямой зависимости отъ вѣтра, то есть, что величина волны никогда не пропорциональна силѣ вѣтра. Моряки приписываютъ слишкомъ большую сравнительно съ силою вѣтра волну бывшей въ данной полосѣ бурѣ, которая не успѣла улечься. Это очень легкое объясненіе, и во многихъ случаяхъ оно правильно. Но если взять сильный, посредствомъ паровой машины дѣйствующій вентиляторъ и направить горизонтальную струю воздуха вдоль данной поверхности, сплошной стоящей воды, то произойдетъ множество мелкихъ волнъ. Увеличеніе числа оборотовъ вентилятора не увеличатъ высоту волнъ, хотя значительно увеличатъ пѣну. Поэтому на практикѣ вѣтеръ слабій, вѣтеръ свѣжій, вѣтеръ сильный,—все это не важно. Несравненно большее значеніе имѣетъ направленіе вѣтра, то есть *уголъ*, подъ которымъ онъ опускается на поверхность воды. При меньшемъ количествѣ оборотовъ вентилятора, направьте на спокойную поверхность воды плоскую струю воздуха, но такъ, чтобы эта струя съ поверхностью воды образовала нѣкоторый уголъ, напр. въ 3°, волны сдѣлаются выше; уголъ въ 5° подниметъ еще болѣе высокое волненіе. Условіе глубины воды, извѣстное въ метеорологіи, остается при этомъ въ полной силѣ. Внимательное наблюденіе волны на океанѣ прямо наводитъ на мысль объ углѣ паденія вѣтра, и когда мы дойдемъ до установленія *уравненія волны*, этотъ уголъ будетъ стоять на первомъ мѣстѣ. Надѣюсь заняться здѣсь изслѣдованіемъ вопроса объ углѣ паденія вѣтра и постройкою необходимыхъ для этого снарядовъ. Обыкновенныя вѣтромѣрныя вертучки будутъ вставлены въ трубки, наклоненныя подъ различными углами. Но объ этомъ я напишу вамъ впоследствии особо. Замѣчу только, что метеорологи наши могли бы съ большою пользою для теоріи вѣтра заняться этимъ важнымъ вопросомъ: хорошо, если онъ будетъ разрабатываться на двухъ разныхъ полушаріяхъ.

Между пассажирами первое мѣсто занимали дѣти, по одному же тому, что они не страдали морской болѣзью и, скоро привыкнувъ къ пароходу, возятся, бѣгаютъ, визжатъ и ведутъ себя такъ же свободно, какъ гдѣ нибудь въ общественномъ саду. Всѣ пассажиры занимались ими. Если матери нездоровится, всегда есть пять-шесть человекъ, готовыхъ пособить ребенку, накормить его, по-

лакомить, уложить, утѣшить. Дѣвочки лѣтъ десяти страдали морскою болѣзью наравнѣ съ большими и, бѣдняжки, лежали на палубѣ пластомъ. Въ хорошую погоду все оживало; для пассажировъ третьяго класса выносились шарманка, игравшая вальсы, и начинался плясъ такой веселый, что любо было смотрѣть. Нѣмцы и нѣмки плясали до упаду, пока становилось совсѣмъ темно, и въ темнотѣ еще нѣкоторое время продолжался плясъ. Тутъ же устроилось двѣ партіи: двѣ переселенки нашли себѣ жениховъ и, по прибытіи на мѣста, совершатся торжественные обряды бракосочетанія. Пассажиры перваго класса снисходили до того, что приходили смотрѣть на веселье третьяго класса, а сами по себѣ благопріятно скучали. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ исправно всю дорогу играли въ карты, совершенно какъ въ Россіи, съ утра до вечера. Понятно, что среди скуки однообразнаго плавания, появленіе кита приветствовалось общими радостными криками, и пассажиры хватились, кто за лорнетъ, кто за бинокль, кто за очки. А морской гигантъ выбрасывалъ носомъ водяные брызги, и показывалъ свою широкую спину, удивляя громадностью и медленными движеніями. Одинъ только разъ немногимъ пассажирамъ удалось увидать, часу въ шестомъ утра, двухъ китовъ, игравшихъ неподалеку отъ парохода съ легкостью маленькихъ рыбокъ. Какъ двѣ плотички играютъ весной близъ мелкаго берега пруда, когда мечутъ икру, такъ разыгрались эти громадные чудовища. Сначала явился одинъ фонтанъ и возлѣ него всплылъ какъ будто островокъ. За нимъ, изъ глубины, съ разбѣгомъ поднялся другой—и больше чѣмъ на половину высунувшись изъ воды, граціозно изогнулся головою внизъ, перепрыгнувъ такимъ образомъ черезъ товарища,—и черезъ минуту, выбрызгивая воду, они помчались почти рядомъ, безъ всякихъ повидимому усилій обгоняя пароходъ, шедшій со скоростью двадцати двухъ верстъ въ часъ. Долго еще эти играющіе великаны забавляли матросовъ и немногихъ пассажировъ, которымъ не спалось, и насилу скрылись изъ виду.

Каждый день, вслѣдъ за полуденнымъ наблюденіемъ солнца, капитанъ выставлялъ въ третьемъ, во второмъ и въ первомъ классахъ карточки съ обозначеніемъ долготы и широты мѣста, на которомъ мы находились, а также количества пройденныхъ миль. Немногихъ пассажировъ это занимало; многие считали, что количество пройденныхъ миль обозначается нѣмецкими милями, и составляли себѣ сильно преувеличенное понятіе о длинѣ перѣзда и о быстротѣ нашего хода. Захватило насъ однажды и сильное волненіе, отъ котораго не было возможности улечься въ койкѣ: легче было устоять на ногахъ, особенно на верху, на палубѣ. Волны хлестали черезъ пароходъ, обмывая палубу и всякій разъ перекидываясь черезъ мостики, на которыхъ стоятъ рулевой и дежурный офицеръ. Это было невыразимо красиво. Громадный почти шестидесяти сажень въ длину пароходъ переваливался съ волны на волну, какъ сосновое полѣно, случайно плывущее по Невѣ въ бурную погоду, когда перевозки прекращены. Но я самъ вижу, что сравненіе вѣрно только пропорціонально величинѣ. Характеръ океанской волны совершенно другой. Въ такую погоду, когда вѣтру вовсе нѣтъ и только собственное движеніе парохода производитъ на плователя впечатлѣніе противнаго вѣтра, волна все-таки есть: это чрезвычайнаго отлогія приливо-отливныя волны. На взглядъ поверхность ихъ наклонена къ горизонту подъ угломъ градусовъ въ шесть, а ширина, то есть разстояніе отъ вершины одной до вершины другой, можетъ быть сажень сто или полтораста, можетъ быть и двѣсти. Эти разиры даютъ уже значительную абсолютную высоту волны. На каждую пароходъ възбѣгаетъ и потомъ сбѣгаетъ, что и даетъ плавное, медленное покачивающее движеніе носомъ и кормомъ, то вверхъ, то внизъ. Если случается, что направленіе парохода не вертикально къ направленію гребля приливо-отливной волны, а пересѣкаетъ его подъ угломъ, то получается движеніе довольно сложное, состоящее изъ первоначальнаго, ныряющаго, переднезаднаго и изъ медленнаго переваливанія съ боку на бокъ. Но вотъ пробѣгаетъ струйка самаго легкаго вѣтерка, и на этихъ большихъ, такъ-сказать, нормальныхъ волнахъ, образуется рябь, крошечныя волны на большихъ волнахъ. Такова простѣйшая океанская волна. Самая сложная поднимается, во-первыхъ, болѣе или менѣе сильнымъ вѣтромъ, дующимъ подъ извѣстными углами, во-вторыхъ, тѣмъ горизонтальнымъ направленіемъ, какое по необходимости принимаетъ струя воздуха, ударившись о поверхность воды подъ угломъ; какъ важный элементъ входитъ въ эту волну направленіе приливо-отливныхъ волнъ, да еще иногда другое—или вертикальное, или подъ угломъ—направленіе волнъ отъ какой нибудь бури, промчавшейся въ данный пунктъ за нѣсколько часовъ, или присылаемыхъ въ данный пунктъ отъ урагана, проходящаго по сосѣдству. Какъ видите, есть надѣ чѣмъ поработать метеорологамъ. Но опять-таки я вдаюсь въ подробности сухой матеріи, занимающей меня въ настоящее время.

Американскій берегъ открылся на тринадцатый день и сначала явился иражемъ. Преломленіе лучей подняло намъ бывшій за горизонтомъ материкъ и показало его нѣсколько выше горизонта. Мало по малу показался материкъ въ самомъ дѣлѣ, и къ концу тринадцатаго дня плаванія, мы пристали къ пристани, перебрались мостики и послѣ нѣкоторыхъ формальностей вышли на берегъ.

И вотъ я попалъ подъ 40-вой градусъ сѣв. шир., гдѣ персики зрѣютъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ арбузы, при страшной здѣшной дороговизнѣ, продаются по 20 копѣекъ. Посмотримъ, какъ здѣсь люди живутъ!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

26-го августа Ея Величество Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами и Константиномъ, Дмитриемъ и Вячеславомъ Константиновичами благополучно изволила прибыть, въ пять съ половиною часовъ пополуни въ Ливадію.

— 28-го августа, Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть, въ полдень, въ Ливадію.

— Ихъ Императорския Высочества Великій Князь Владимиръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна, желая облегчить по возможности участь бѣдныхъ жителей С.-Петербурга, изволила пожаловать, по случаю благополучно совершившагося бракосочетанія Ихъ Высочествъ, двѣ тысячи рублей, которые и доставлены въ управление с.-петербургскаго градоначальника для раздачи наиболѣе нуждающимся лицамъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ удостоилъ въ Югенгеймѣ, 12-го (24-го) іюня сего года, Высочайшій ратификаціи трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный 20-го марта (1-го апрѣля) 1874 г. между Россією и Францією. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на французскую 22-го іюня (4-го іюля) сего года, и договоръ этотъ, на основаніи 21 ст., долженъ за симъ войти немедленно въ дѣйствіе.

— Для завѣдыванія работами по устройству, согласно Высочайше утвержденному проекту, морскаго канала между Кронштадтомъ и С.-Петербургомъ и входа изъ онаго въ р. Неву, со всѣми принадлежностями сихъ канала и входа, учреждается при Министерствѣ Путей Сообщенія особое временное управленіе по устройству С.-Петербургскаго морскаго канала. Управление это подчиняется непосредственно министру путей сообщенія.

— Государь Императоръ, 23-го мякушанаго августа, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: установленныя Высочайшимъ повелѣніемъ 3-го февраля 1872 года правила объ учрежденіи при с.-петербургской полиціи особаго суда на правахъ полковаго распространить и на варшавскую полицію.

— Высочайше повелѣно: учрежденія, состоявшія подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Великой Княгини Елены Павловны, соединить въ одинъ нераздѣльный составъ, подъ наименованіемъ «Учрежденія Великой Княгини Елены Павловны». Къ составу учрежденій Великой Княгини Елены Павловны принадлежатъ: 1) Училище св. Елены; 2) Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія; 3) Елисаветинская клиническая больница для малолѣтнихъ дѣтей — и 4) Максимилиановская лѣчебница.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

Для пощенія о бѣдныхъ армянахъ гор. Астрахани учреждается при одной изъ армянскихъ церк-

ней въ Астрахани церковное попечительство о бѣдныхъ. Попечительство состоитъ изъ семи членовъ, трехъ — избираемыхъ на три года общимъ собраніемъ прихожанъ армянскихъ церквей въ гор. Астрахани, двухъ ктиторовъ церквей соборной и Петра и Павла, и одного священнослужителя, назначаемаго епархіальнымъ архіепископомъ.

— Въ настоящемъ году пермскимъ епархіальнымъ начальствомъ было разрѣшено духовенству пермской епархіи заниматься въ своихъ приходахъ оспопрививаніемъ. Первымъ изъ лицъ духовнаго сословія, воспользовавшимся этимъ разрѣшеніемъ, былъ обучившійся оспопрививанію при пермскомъ земскомъ оспенномъ институтѣ диаконъ красноуфимскаго уѣзда, А. А. Барюковъ. Его примѣру послѣдовалъ затѣмъ диаконъ пермской женской общины О. М. Поповъ.

— 15-го августа Общество врачей ярославской лѣчебницы поднесло наперсный крестъ священнику ярославской Богословской церкви Михаилу Бѣлороссону. Безвозмездные 12-ти лѣтніе труды отца Михаила по лѣчебницѣ постоянно обращали на себя вниманіе членовъ Общества врачей, какъ труды высоко христіанскіе, и потому Общество врачей ходатайствовало предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ о Высочайшемъ соизволеніи на дозволеніе ему выразитъ священнику Бѣлороссову свое уваженіе и признательность поднесеніемъ наперскаго креста съ драгоценными украшениями отъ его имени.

— Оренбургскимъ муфтіемъ предложено было ахунамъ и имамамъ вѣдомства магометанскаго духовнаго собранія пригласить мусульманъ къ пожертвованіямъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа хлѣба жителей Самарской, Оренбургской и частію Уфимской губерній. Всѣхъ пожертвованій поступило 2,651 р. 43 к.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— 5-го мая сего года открыто въ Ладвинскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, двухклассное народное училище.

— Въ Харьковѣ, 15-го августа, освящено зданіе, построенное харьковскимъ купцомъ С. А. Клейменовымъ для училища при Св.-Духовскомъ приходѣ.

— Въ Псковѣ, 20-го августа, открыты два новыя учебныя заведенія: учительская семинарія и землемѣрное училище. При первомъ будетъ состоять образцовое начальное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворенія. П. Гусевой. — Сказано что Аяя. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть II. А. Вѣщеница (окончаніе). — Еще нѣсколько секундъ (съ рисункомъ). — Цыганка (съ рисункомъ). — Городъ Казань (съ двумя рисунками). И. БОЕВА. — Политическое развитіе папской власти. Архимандрита Алексія. — Изъ Америки. (Собственными корреспондентціи «Нивы»). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАТОКИ ЧАЯ

Симъ извѣщаются, что въ склады извѣстнѣйшаго по своей обширной торговлѣ и превосходному выбору чаевъ: московскаго торговаго дома **ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО**, получены изъ Кяхты и поступили въ оптовую и розничную продажу **СОВСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ** большія партіи свѣжихъ душистыхъ чаевъ, равныхъ которымъ, какъ по ихъ отменно высокому достоинству, такъ и по умѣренной цѣнѣ, никогда еще не бывало въ продажѣ.

Но въ особенности

обращаютъ на себя всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ, имѣвшихъ случай апробовать нижеслѣдующіе новыя чаи, отличающіеся своимъ чуднымъ, необыкновенно приятнымъ вкусомъ и ароматомъ, а именно: изъ чаевъ черныхъ: № 2-й, Ненхэо-Пеха, 1 руб. 40 коп.; № 3-й, изъ фужи Лозана ососка Фучефу, 1 руб. 60 коп.; № 4-й, высшій сортъ жемчужный Букетъ фучана, 1 руб. 80 коп.; въ особенности же рекомендуются любителямъ изъ отборныхъ: ханскій № 5-й, Царскій Букетъ, въ 2 руб.; № 6-й чуднаго аромата и вкуса Царская Роза, въ 2 руб. 30 к., и, какъ необычайная рѣдкость, равнаго которому по достоинству не существуетъ въ продажѣ № 7-й, Индѣйская Роза, 2 руб. 60 коп.; изъ цвѣточныхъ чаевъ очень хорошіе: № 12-й, Мыжюконъ, 2 руб. 10 коп.; № 13-й, отборный, 2 руб. 25 коп., а также лянсинны букетные: № 14-й, Мыютанъ-Наджинъ-Пеха, 2 руб. 50 коп.; № 15, Букетный Лянсинъ, въ 2 руб. 70 коп., и въ особенности № 16-й, Букетъ Розы, въ 3 руб., и № 17-й, лянсинъ Китайской Императрицы, въ 3 руб. 25 коп.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай черезъ почту, съ требованіями своими благоволятъ относиться исключительно по слѣдующему адресу: *Въ Москву, на Кузнечкомъ мосту, въ д. Торлецака, въ главную контору торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко*. Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ черезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается конторою на свой счетъ и, сверхъ того, дѣлается уступка 50% съ рубля всѣмъ, выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутой уступки, выписывающимъ чай единовременно на 50 руб., безъ различія губерній, выслаётся бесплатно по выбору — новозобрѣтенный металлическій «чайникъ», или же «чайника» новой конструкции, или же серебряная «мѣрка» для чая, или же 1 ф. чая Букетъ розы въ 3 р.

Болѣе 4,000 торговцевъ

въ разныхъ городахъ Имперіи производятъ съ огромнымъ, день-о-дня возрастающимъ успѣхомъ продажу развѣшанныхъ чаевъ фирмы московскаго торговаго дома **О. А. КОРЕЩЕНКО** на самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ для себя, такъ и для своихъ покупателей условіяхъ.

Въ городахъ, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — выслана чаа можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

Чай по требованію торговцевъ

отпускается развѣшаннымъ на фунты, полуфунты и четверти. Каждый пакетъ, для сохраненія аромата въ чай, завертывается въ олово и въ печатный этикетъ фирмы торговаго дома, на комъ означена цѣна чая и находится пломба фирмы.

ЕГИПЕТСКІЯ ПИРАМИДЫ.

Между памятниками древняго строительнаго искусства, которые своей колоссальной вышиной, массивностью и громадным количеством труда, потраченнаго на их сооруженіе, до сих пор возбуждают удивленіе потомства,—первое мѣсто занимают пирамиды. Цѣль ихъ и происхожденіе покрыты глубокимъ мракомъ, хотя въ общихъ чертахъ извѣстно, что онѣ преимущественно имѣли назначеніе служить царскими могилами,—и что время сооруженія тѣхъ 40 пирамидъ, которыя вполнѣ или только отчасти еще сохранились въ Египтѣ, относится приблизительно къ пространству времени между годами 3,500 и 2,100 до Рож. Хрис. Египетскія пирамиды—древнѣйшія, но онѣ не единственныя; путешественники Кальо и Руссегаръ открыли въ Нубіи еще нѣсколько группъ пирамидъ меньшихъ размѣровъ и болѣе поздняго происхожденія; число этихъ послѣднихъ доходитъ въ общей сложности до 180.

Чтобы понять постройку пирамидъ, этихъ гигантскихъ памятниковъ человѣческаго честолюбія и гордости, надо прежде всего бросить взглядъ на древнюю культуру стариннаго Египта, почти не имѣющую ничего себѣ равнаго во всей всемірной исторіи. Египетъ безспорно принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ культурныхъ странъ, а географическое положеніе и особенныя природныя условія наложили на всю его культуру свою особенную печать. Высокія, далеко растянутыя, скалистыя горныя цѣпи, отдѣляютъ его отъ африканской пустыни и предохраняютъ отъ опасности быть засыпаннымъ ея подвижнымъ песчанымъ моремъ, у котораго обитатели этой страны всегда должны были брать съ бою свое существованіе и свои жилища. Но вслѣдствіе недостатка дождя и сухости египетскаго климата, почва его едѣлалась бы безплодной и необитаемой безъ благословеннаго разлитія Нила, который весной ежегодно затопляетъ низменныя части береговъ, и оставляетъ послѣ убыли воды глубокой слой илу, дающаго плодоснабжающую почву. Это полноводіе и разлитіе повторялись ежегодно съ точностью и правильностью непреложнаго закона, въ то время когда въ высокіхъ горахъ экваторіальной Африки наступали проливные дожди тропической зимы; а такъ какъ это правильное повтореніе разлитія и его благотворное вліяніе на благосостояніе всей страны, не могло остаться незамѣченнымъ у египтянъ, то вниманіе этого умнаго и осмтрительнаго народа устремилось на изслѣдованіе причинъ этого явленія, на точное вычисленіе времени его возвращенія; это научило людей наблюдать звѣзды, раздѣлять по нимъ времена года и вычислять время. Съ другой же стороны, всевластная нужда научила древнихъ обитателей Египта предохранять свои жилища отъ наводненія, и давать послѣднему такое направленіе, чтобы благотворныя послѣдствія его распространялись по возможности равномерно на всю страну, не причиняя ей бѣдствій. И такъ, подъ всемірнымъ давленіемъ нужды, у древнихъ египтянъ необыкновенно рано развилось искусство сооруженія каналовъ, плотинъ и искусственныхъ орошеній, покрывшихъ страну цѣлой сѣтью каналовъ и плотинъ. Безпрерывная борьба съ наносными песками и водяными разлитіями, то благотворнаго, то разрушительнаго Нила, придавала народному характеру древнихъ египтянъ особенно серьезное направленіе. Они никогда не забывали, что обязаны своимъ существованіемъ исключительно собственной своей неутомимой дѣятельности, и это—вмѣстѣ съ наблюденіями надъ правильностью и строгой за-

конностью, съ какой ежегодно въ одно и то же время повторялось разлитіе удивительной рѣки,—пріучило весь народъ къ порядку и опредѣленности, развило въ немъ практичность, и тотъ острый, хотя и односторонній умъ и серьезный взглядъ на жизнь, которые отличаютъ древнихъ египтянъ отъ другихъ народовъ древности.

Изучая исторію Египта, мы видимъ, что у египтянъ понятіе о царяхъ и жрецахъ тѣсно совпадало съ ихъ мировоззрѣніемъ, исхлдившимъ изъ ничтожности и бренности всего земнаго и вслѣдствіе этого возлагавшимъ все свои надежды на существованіе души послѣ смерти. Отсюда происходитъ тотъ культъ смерти, какой мы видимъ въ религиозныхъ воззрѣніяхъ и гражданскихъ обычаяхъ древнихъ египтянъ, въ балзамированіи тѣлъ людей и животныхъ и сохраненіи ихъ въ глубокихъ пещерахъ и каменныхъ гробницахъ, для предохраненія отъ разрушительнаго дѣйствія разложенія. Но не вездѣ встрѣчались такіа громадная скалистая горы, гдѣ бы можно было вырывать необозримые подземные гроты и пещеры для сохраненія тѣлъ людей и животныхъ, какъ напримѣръ въ скалистыхъ пещерахъ Бени-Гассана въ Среднемъ Египтѣ и еще болѣе скалистыхъ окраинахъ вильской долины въ верхнемъ Египтѣ; въ ровныхъ, песчаныхъ мѣстностяхъ нижняго Египта для сохраненія царскихъ труновъ искусственно сооружались гигантскія постройки, называемыя пирамидами.

Благословенная рѣчная область Нила въ различные періоды заселялась съ юга. Когда именно переселились сюда съ юга древніе египтяне, оставившіе послѣ себя пирамиды и другіе памятники удивительно ранней, высокой, хотя и наивной культуры,—этого мы не знаемъ, и даже едва можемъ предполагать съ достовѣрной точностью. Намъ извѣстно только, что около 2,000 до Рож. Христ., тогдашній Египетъ былъ покоренъ пришедшимъ съ юга дикимъ кочевымъ народомъ, *Гиксами*, который уничтожилъ все памятники искусства, и на развалинахъ погибшей культуры, основалъ новое царство, существовавшее около пяти столѣтій сряду, а потомъ послѣ продолжительной войны покоренное новымъ народомъ изъ центральной Африки. Гиксы разорили большіе города Верхняго Египта, но не могли разрушить такихъ памятниковъ вѣтшаго времени древне-египетскаго искусства и культуры, какъ пирамиды, пещерныя гробницы въ Бени-Гассанѣ, Эдфу, Монфалу и пр. Итакъ, большая часть ихъ стоитъ еще и по сіе время, спустя слишкомъ 5,000 лѣтъ послѣ своего сооруженія; это памятники того порядка вещей, когда цѣлыя народныя массы въ теченіи вѣковъ трудились для удовлетворенія честолюбію одного человѣка и сооруженія ему гробницы, достойной его имени и славы.

Въ настоящее время нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что большинство египетскихъ пирамидъ сложены ничѣмъ инымъ, какъ громадными надгробными памятниками—именно пирамиды Мемфиса и Джизеа, который въ теченіи этого столѣтія были нѣсколько разъ основательно изслѣдованы учеными, посвятившими себя изученію древностей. По своей архитектурѣ, пирамиды, какъ извѣстно, представляютъ громадную, четвероугольную въ основаніи, и заостренную вверху каменную массу, четыре угла которой строго соответствуютъ четыремъ сторонамъ пирамидъ сильно наклонены, такъ что контуры многихъ пирамидъ на горизонтѣ обрисовываются совершенно правильными прямоугольными четвероугольни-

ками, какъ напримѣръ величайшая и почти лучше всѣхъ сохранившаяся пирамида Джизеа и Хеопсова пирамида, которую читатели видятъ на нашей картинѣ.

Больше всего встрѣчается пирамидъ въ Среднемъ Египтѣ, именно на пространствѣ въ восемь нѣмецкихъ миль протяженія отъ сѣверо-востока къ юго-западу, между 30° 2' и 29° 16' сѣверной широты, гдѣ онѣ расположены различными группами и массами. Самая сѣверная масса заключаетъ отдѣльную (самую сѣверную) пирамиду Абу-Роаша, напротивъ Гелиополиса. Ни строитель ея, ни время ея сооруженія неизвѣстны; отъ нея остались почти однѣ развалины. Далѣе идетъ группа трехъ знаменитыхъ пирамидъ Джизеа, объ которой мы поговоримъ еще подробнѣе. Средняя группа включаетъ въ себя пять группъ мемфисскихъ пирамидъ, стоящихъ на обширной песчаной горѣ *Mons Psammices*. Середину этой массы занимаютъ девять Сахарскихъ пирамидъ (семь большихъ, двѣ поменьше); южнѣе стоятъ четыре (три большихъ и одна поменьше) Дагшурскія пирамиды, а къ сѣверо-востоку отъ средней группы, большія (одна изъ нихъ нѣсколько меньше) пирамиды при Абузирѣ; на сѣверо-западѣ отъ послѣднихъ находится одиночная пирамида при Сувѣ-бѣ-эль-Арджевъ. Южная главная масса состоитъ изъ шести, или собственно говоря изъ семи пирамидъ, раздѣляющихся на пять группъ, а именно: 1) первая группа изъ двухъ пирамидъ при Лаштѣ; 2) вторая группа изъ двухъ пирамидъ при Мейдунѣ; 3) дальнѣйшая группа изъ двухъ пирамидъ при Біаму; 4) отдѣльная пирамида при Ховарѣ, и 5) одинокая пирамида при Иллахувѣ. Всѣ эти пирамиды должны были быть выстроены въ промежутокъ времени между 3,500 и 2,100 годами до Рож. Христ., какъ мы уже упоминали выше, и въ системѣ постройки, въ расположеніи частей, въ наружной отдѣлкѣ, внутреннемъ распредѣленіи, и т. п. удивительно похожи другъ на друга.

Всѣ эти гигантскія сооруженія воздвигнутыя въ видѣ компактной массы изъ большихъ плитъ дикаго камня, имѣющихъ отъ 12 до 20, иногда даже до 30 футовъ длины и отъ 3 до 4 футовъ въ діаметрѣ. Нѣкоторыя построены даже отчасти изъ кирпича, что представляетъ трудъ постройки еще колоссальнѣе и медленнѣе. Объ величинѣ этихъ громадъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе изъ того, что объемъ маленькой Джизехской пирамиды вычисляется въ 74 милліона кубическихъ футовъ. Художественное чувство, которымъ руководились при сооруженіи этихъ гигантскихъ массъ, было во всякомъ случаѣ весьма наивно и первобытно: тутъ не видно стремленія создать что либо органически живое; это просто нагроможденныя другъ на друга колоссальныя массы, лишенные всякой органической связи между собой, и долженствующія лишь представлять искусственную гору среди равнины. Эти каменные массы, снаружи покрывались, правда, гранитными плитами, но нигдѣ нѣтъ слѣдовъ значительныхъ скульптурныхъ украшеній. Входъ внутрь закладывался такой же гранитной плитой. Въ чемъ же состояла внутренность? Только въ нѣсколькихъ узкихъ галлереяхъ, ведущихъ то внизъ, то вверхъ, и выходящихъ въ маленькій склепъ, скрывающій въ себѣ саркофагъ царственнаго строителя. Слѣдовательно пирамиды эти, хотя бы онѣ между прочимъ служили и другимъ, астрономическимъ или какимъ инымъ общепольнымъ цѣлямъ, все-таки очевидно, были ничѣмъ инымъ, какъ колоссальнѣйшими въ мірѣ надгробными памятниками.

Впечатлѣніе производимое пирамидами наводитъ какую-то грусть, всегда испытываемую при видѣ смерти или тѣхъ мѣстъ, гдѣ она господствуетъ. Это похоже на впечатлѣніе, производимое римскимъ Колизеемъ: —ничто не говоритъ такъ краснорѣчиво о ничтожности всѣхъ земныхъ вещей, какъ эти колоссальныя гробницы, воздвигнутыя для одного человѣка, пустой мраморный гробъ котораго занимаетъ такое крошечное мѣстечко въ этомъ гигантскомъ цѣломъ — и имени котораго никто не знаетъ больше!

О способѣ постройки пирамидъ были сдѣланы интересныя изслѣдованія. Зданіе строилось уступами, и потому, для того чтобы имѣть возможность наложить наружную обивку, начинали ее *сверху внизъ*. Известно даже нѣсколько неоконченныхъ пирамидъ, на которыхъ ясно видна ихъ первоначальная террасообразная форма. Далѣе, точнѣйшія изслѣдованія показали, что самыя большія изъ египетскихъ пирамидъ скрываютъ внутри себя основаніе гораздо меньшей пирамиды; впоследствии эта первая постройка была покрыта, какъ футляромъ, новой пирамидой а въ позднѣйшій періодъ, сверхъ этого футляра былъ воздвигнутъ еще второй футляръ, вслѣдствіе чего пирамиды и дошли до своихъ настоящихъ громаднѣхъ размѣровъ.

Едва ли какой путешественникъ посѣтитъ Каиръ, не посмотрѣвъ трехъ сосѣднихъ пирамидъ Джизеха. Онѣ стоятъ на диагональной линіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, въ 500—600 шагахъ одна отъ другой; ихъ окружаютъ маленькія пирамиды, всѣ онѣ стоятъ на скалистой возвышенности, покрытой глубокимъ слоемъ наноснаго песку; каждая пирамида окружена кладбищемъ, гдѣ покоились, отчасти въ вырытыхъ въ скалахъ пещерахъ, отчасти въ каменныхъ гробницахъ, тѣла родственниковъ, жрецовъ и высшихъ сановниковъ царственного строителя. Хеопсова пирамида имѣетъ

до 450 рейнскихъ футовъ вышины; каждая сторона ея основанія имѣетъ 710 футовъ длины. Большія свѣтло-желтыя плиты (преимущественно изъ твердаго известняка) лежатъ ступенями, образуя родъ гигантской лѣстницы, по которой можно взойти на самую вершину пирамиды. Но такъ какъ каждая ступень почти въ метръ вышины, то туристы обыкновенно нанимаютъ арабскихъ феллаховъ, которые берутъ путешественниковъ подъ руки и привычными скачками взбираются съ ними со ступени на ступень. Снизу вершины пирамидъ кажутся совершенно острыми, но въ дѣйствительности онѣ образуютъ наверху площадку въ 9 футовъ и болѣе въ четвероугольникѣ. Футовъ на 30 надъ основной площадью находится входъ внутрь пирамиды; впрочемъ, почти не стоитъ входить туда. Третья изъ большихъ Джизехскихъ пирамидъ меньше двухъ первыхъ, но красивѣе и дорожее; она была наполовину построена изъ темно-краснаго съ черными точками гранита, какъ это видно изъ массы лежащихъ кругомъ гранитныхъ глыбъ и обломковъ. Эта пирамида была обнесена стѣной, отдѣлявшей ее отъ другихъ пирамидъ и служившей ей защитой отъ песчаныхъ наносовъ, несшихся съ запада. Всѣ три Джизехскія пирамиды очень хорошо сохранились въ нижнихъ частяхъ, но верхнія части болѣе или менѣе пострадали вслѣдствіе вывѣтриванья. Изъ шести меньшихъ Джизехскихъ пирамидъ, средняя южной группы интереснѣе и значительнѣе всѣхъ, хотя она очевидно неокончена; она состоитъ изъ трехъ уступовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ до 18 футовъ вышины. Вся ея высота доходитъ до 82 футовъ, при 152 футахъ длины первоначальнаго основанія. На самой южной изъ египетскихъ пирамидъ, именно на пирамидѣ Эль-Куфы, на югъ отъ Эдфу, очень отчетливо видно, что она была совершенно ступенеобразно сложена изъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ.

Уже упомянутыя нами пирамиды, найденныя въ *Нубіи* путешественниками Руссегаромъ и Кальо, по всѣмъ признакамъ принадлежатъ позднѣйшему времени; ихъ можно приблизительно отнести къ временамъ Птолемея, но это несомнѣнный подражаніе древнимъ пирамидамъ Средняго Египта. Онѣ расположены въ двухъ группахъ: къ востоку отъ Ассура ихъ стоитъ 96 въ одномъ мѣстѣ, и далѣе къ сѣверо-востоку еще 80. Большинство изъ нихъ сильно развалилось и вывѣтрилось; но это происходитъ вслѣдствіе того, что постройка ихъ не такъ массивна, какъ въ древнихъ пирамидахъ, и рассчитана болѣе на высоту, чѣмъ на массивность. Поднимаясь на 60-футтовую высоту при основаніи длиной всего въ 36—40 футовъ, онѣ разумѣется кажутся гораздо тоньше и болѣе подвергнуты вывѣтриванью и разрушенію. Кромѣ того, онѣ отличаются еще тѣмъ, что возведены только изъ тщательно высѣченнаго песчаника, безъ гранитной обивки, и каждая имѣетъ съ восточной стороны высокой порталъ, внутри и снаружи испещренный иероглифами. Тѣмъ не менѣе нубійскія пирамиды, имѣютъ то общее съ египетскими, что стоятъ близко отъ Нила—не далѣе часа ѣзды отъ него — и въ отношеніи своихъ частей также преслѣдуютъ извѣстную мистическую систему: онѣ несомнѣнно также служили царскими гробницами; вѣроятно здѣсь покоятся владетели Птолемея дома, такъ какъ одна изъ трехъ группъ, на которыхъ располагаются эти нубійскія пирамиды, стоитъ на востокъ отъ города Ассура (древняго Некрополиса или города мертвыхъ), а двѣ другія группы у Наги и Мессуры. Но какъ бы ни было назначеніе пирамидъ, громаднѣе объемъ и колоссальная массивность этихъ сооружений даютъ имъ полное право занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ чудесъ, созданныхъ человѣческой изобрѣтательностью и человѣческимъ творчествомъ въ области искусства.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

I.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

Далеко отъ Петербурга, въ глуши Россіи, тамъ, гдѣ еще лѣтъ десять тому назадъ желѣзную дорогу считали наводненіемъ дьявольскимъ, а о пароходахъ не иначе говорили, какъ предварительно перекрестясь, — есть у меня небольшая усадьба, вся потонувшая въ зелени заброшенныхъ садовъ, окруженная сочными лугами и золотистымъ просторомъ пышныхъ нивъ. Прежде, бывало, я отходилъ тамъ душою отъ петербургскаго разлада и суеты, воскресая «на лонѣ природы» отъ нашей пошлости и злобы...

Съ давняго времени, еще чуть-ли не съ моего прадѣда, освободившаго своихъ крестьянъ на волю — вся окрестность не знала крѣпостнаго труда. Жили тутъ люди вольные, жили зажиточно. Народъ все былъ смѣтливый, бойкій, смѣлый. Всѣ промысли уѣзда — попали въ его руки. Мимо ничто не проходило. Скупщики хлѣба, ремесленники, ходоки — все это выходило изъ окрестностей моей усадьбы...

Какъ-то я лѣтъ пять не былъ въ ней.

Помню, послѣ этого промежутка, пріѣхалъ я сюда въ глухую ночь, когда вслѣдъ за отомедшею грозой туманъ клубился по понизьямъ, сѣрая мгла заполняла рощи и сады, цѣпляясь все выше и выше по вѣтвямъ на деревьяхъ, такъ что ихъ верхушки словно плавали въ ея однообразной массѣ...

— Батюшки!.. встрѣтила меня въ дверяхъ старуха-нянька, на попеченіе которой сданы были и дождь и садъ. Начались обычныя, повторяющіяся при каждой встрѣчѣ сцены. Дѣтскія воспоминанія роемъ нахлынули на душу, и воскресало все давно забытое, къ чему, казалось, и слѣда уже не было, что сплошь

поросло чертополохомъ, да бурьяномъ послѣдующихъ впечатлѣній...

— А у насъ-то пережѣтъ, касатикъ мой, у насъ-то! огорчалась нянька. — Ивана Федорова зналъ ты? Хроменькій мужиченко былъ такой?.. Въ купцы вышелъ, брюхо отростилъ, да и величается. Селиванова помнишь? Пастухомъ еще при татенькѣ твоемъ былъ?.. Таперича съ хлѣбомъ такія дѣла дѣлаетъ — страсть!.. Пора намъ въ могилку, старымъ людямъ... пора!... Чужой вѣкъ заѣдаетъ.

— Полно, няня, еще проживешь долго...

— Ой, ты мой голубчикъ, куда ужъ мнѣ!.. ты бы меня къ кievскимъ святынямъ отпустилъ помолиться...

На другой день я всталъ рано и сейчасъ-же вышелъ вонъ. Только-что поднявшееся солнце разогнало сѣрые клубы тумана, нависшаго надъ небольшимъ озеркомъ и рѣчкою Мухоярковкой. Длинные тѣни березъ и липъ привольно ложились на бѣлыя отмели берега, въ свѣтлой листвѣ молодыхъ дубковъ играло солнце, зеленый островокъ стройно подымался въ синихъ неподвижныхъ водахъ. А далѣе: ровная, ровная безъ перерыва гладь, засѣянная рожью, съ бурливымъ, извивавшимся въ обрывистыхъ берегахъ потокомъ; синіе туманные очерки далекаго лѣса на небосклонѣ — и надо всѣмъ прозрачная облака съ розовыми оттѣнками лѣтняго утра...

Изумруднымъ блескомъ играло солнце въ зеленой листвѣ берега. Свѣтлыя капли росы падали съ листа на листь, въ густую, кипѣвшую милліонами жизнью и звуковъ чащу прибережной травы. Коралловыя, рубиновыя козявки то и дѣло

Горячее сердце. Рис. Медвѣдевъ, грав. Напѣръ.

Горячее сердце съ лукомъ. Рис. Медвѣдевъ, грав. Езерскій.

взбѣгали на верхушки зеленыхъ стебельковъ — и швельнувъ усиками, быстро спускались внизъ. Агатовые и коричневые жучки угрюмо копошились у сѣрыхъ корней долуника. Упавшая съ дерева гусеница старалась удержаться на травѣ, гнувшейся подъ ея тяжестью. Изъ чашечки колокольчика выползала зеленовато-золотистая букашка — и тихо распустивъ прозрачныя крылья, взлетала на вѣнчикъ недалеко алѣвшей полевой гвоздики. Тутъ-же, прыгая взадъ и впередъ, надувался и неутомно стрекоталъ кузнечикъ. Изъ-за низкаго кустика вылетѣлъ королекъ и высоко съ жалобнымъ пискомъ кидался за мелкою мушкой, какъ яркая искорка кружившейся на солнцѣ. Мелкая пѣночка вилась надъ своимъ гнѣздомъ, стараясь во что бы то ни стало отогнать назойливую пчелу, усѣвную тутъ-же на благовоный вѣнчикъ бѣлой букицы. Рой комаровъ тонко звенѣлъ въ воздухъ, и въ этомъ неумолчномъ звонѣ солидно отдѣлялись басовыя ноты большой черносиней мухи...

Вдоль по берегу я шелъ дальше вплоть до невысокаго холма, еще подходя къ которому мнѣ слышались разсѣянные, то быстро перебѣгавшіе, то тихо рокотавшіе и гаснувшіе звуки трехструнной балалайки. Наконецъ, изъ-за дерева передъ мною мелькнула группа, заставившая меня приостановиться. На верхушкѣ холма сидѣла красивая дѣвушка, вся на припекѣ. Солнце ярко обливало ея густые русые волосы, свѣтилось на стеклянннхъ бусахъ и придавало какой-то огнистый отблескъ загорѣлому лицу деревенской Миньоны, на которомъ страстно горѣли большіе, красиво прорѣзанные, темносиніе глаза. Дѣвушка улыбалась, когда заговаривалъ близко-близко сидѣвшій парень, повидимому не послѣдній представитель сельскаго генту. Порою онъ перебиралъ струны балалайки, но большею частію откладывалъ ее всторону, обвивая руками охваченный кумачнымъ сарафаномъ станъ дѣвушки. Та и не противилась...

Домой я вернулся уже къ вечеру — и представьте мое изумление, когда въ комнатахъ у себя засталъ видѣнную утромъ красавицу.

— Кто это? спросилъ я у няни.

— Неужели-жь не узналъ? Помнишь Машку?

— Боже какъ выросла! — невольно воскликнулъ я, глядя на красивое лицо дѣвушки, служившей у насъ съ дѣтства и выросшей у насъ въ домѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ я уѣхалъ, а черезъ годъ получилъ изъ деревни письмо, въ которомъ меня между прочимъ увѣдомляли, что Марья, ославленная по всему селу своею связью съ парнемъ, которая, разумѣется, не осталась безъ послѣдствій и сдѣлала ее матерью, ушла неизвестно куда...

II.

Ходячая народная столовая.

Прошло лѣтъ десять послѣ того.

Я совершенно позабылъ о Марьѣ, пока не встрѣтилъ ее въ Петербургѣ, — но при какихъ условіяхъ, представляю узнать читателямъ изъ краткаго наброска, внесеннаго въ мою записную книжку. Тогда было время очерковъ — и пишущіе люди обыкновенно воздерживались отъ передачи своихъ впечатлѣній, ведя рассказъ не отъ своего лица.

Кому не случалось застаиваться подолгу на людныхъ пристаняхъ, гдѣ лѣтомъ ключемъ бьетъ страдная работа напыхъ судовщиковъ, гдѣ грузятся и разгружаются барки, пристають и отходятъ суда, гдѣ до самой поздней ночи стоитъ гулъ и говоръ суетящейся толпы, сквозь которую, съ палубы судна до ютящагося на противоположной сторонѣ набережной склада, медленно переступаютъ съ тяжелыми ношами за плечами запотѣвшіе и затомившіеся рабочіе? Не дальше какъ въ Петербургѣ вы можете видѣть ту же картину даже на скромной Фонтанкѣ. Только вмѣсто судовъ съ рабочими, нагруженныхъ сыпными и льяными товарами, вамъ придется увидѣть разгружающіяся дровяныя барки. Останемся здѣсь. Прислушайтесь и присмотритесь — и вы право не потеряете времени даромъ.

Передъ вами лежитъ широкая панорама, окаймленная вы-

сокими домами, церквами и прямыми линиями однообразныхъ казармъ. Жутко даже дѣлается непривычному человѣку на этомъ однообразномъ просторѣ. Прислонясь къ гранитному парапету, я безотчетно глядѣлъ на мутныя струи, сверкающія подъ лучами солнца яркими далеко разсыпанными блестками. Вотъ мимо проплыла лодка съ двумя гимназистами, ловко справляющимися съ веслами. На минуту чистые дѣтскіе голоса, полные заразительнаго задора и веселости, задрожали въ воздухѣ и смолкли. Немного дальше тянется передъ вами сѣрая масса Измайловскаго моста. Здѣсь сгружаютъ дрова въ лѣсные дворы изъ неуклюжихъ свирскихъ барокъ, которыя опростаясь и сами пойдутъ на дрова. По тонкимъ досчатымъ настилкамъ рабочіе таскаютъ ихъ въ тачкахъ къ широкому пустырю, занятому сплошными рядами уже выгруженныхъ дровъ. Десятникъ, управляющій работами, горячится тутъ же, покрикивая на поденщиковъ. Приглядитесь. Часто вы и здѣсь наткнетесь на драму, незамѣтную съ перваго взгляда. Вотъ какой-то юноша, довольно приличный, хотя и плохо одѣтъ, робко напрашивается на работу.

— Да, вы изъ какихъ будете? изумляется десятникъ.

— Изъ мѣщанъ.

— Сѣ!... Что-жь, должно проворовался, аль безъ мѣста шатаешься?

— Безъ мѣста.

— Бизомъ-ста!... Повторилъ близстоявшій рабочій, безцеремонно щупая добротность его сюртука.

— То-то, по мундеру вашего брата видно... Не больно паратно... Силы-то у тебя фатить-ли?

— Силы довольно.

— Тридцать копѣекъ въ день... Вотъ я солдатикамъ по тридцати плачу. Да пачпортъ чтобъ съ собою былъ! Тутъ вотъ городской стоитъ.

— Хорошо.

— То-то! Изъ-за вашего брата не больно ловко отвѣчать приходится... Да ты грамотный, что-ли?

— Грамотный.

— Шель-бы въ писаря. Эй ты, длиннородый, чего, шельма, остановился?... Видишь изъ-за тебя другіе ждутъ...

— Затомился, Иванъ Авксентьевичъ...

— Пна! Не стеклянный! — не разобьешься...

Наконецъ жара дѣлается невыносимой и около полудня на набережную является ходячая народная столовая, именно такая, какая изображена на прилагаемомъ рисункѣ (стр. 613 «Нивы»). Невысокая, приземистая, краснощекая бабенка въ сѣрой солдатской шинели съ споротыми погонами, съ кошелькомъ для мѣдяковъ у пояса, подвезла къ самой набережной ручную телѣжку со всевозможною снѣдью. Къ ней уже издали тянутся рабочіе, предварительно закупившіе въ ближайшихъ мелочныхъ лавочкахъ фунтами ржанаго хлѣба. Ресторанъ открывается. На небольшой деревянной скамейкѣ раскладывается лукъ. Сердце съ перцемъ, рубцы, варенныя яйца, печенка и другая неприхотливая снѣдь скрывается подъ сѣрымъ сукномъ, покрывающимъ телѣжку. Тутъ же свѣжіе огурцы, черствые какъ камень калачи и крендели. Короче — чего хочешь, того и просишь.

— Тетка, серьезно всматривается въ содержимое тачки рабочій.

— Что-о, голубчикъ?

— Што этто у те нонѣ за сердце... съ лукомъ, или съ перцемъ?

— Съ лукомъ, родимый, съ лукомъ. У меня завсегда сердце съ лукомъ...

— То-то! строго обрываетъ ее потребитель. — Давакося луку на два гроша.

Два пучка отдѣляются ему. Тотъ сейчасъ-же отправляетъ ихъ подъ мышку и заказываетъ сердца на три копѣйки. Заполучивъ все слѣдующее, рабочій садится гдѣ нибудь въ тѣни и обѣдаетъ, безучастно поглядывая на прохожихъ и пока послѣдняя луковица и послѣдній кусокъ хлѣба не будутъ окончены.

— Тѣта, а тѣта! подходитъ другой рабочій.

— Чиво?

— Аль ты меня не признала?
Баба внимательно всматривается въ него.
— Неужели-жь запомитовала?
— Не попомню, милая.... Никакъ не упомяну.
— Ахъ ты тѣта, тѣта!... И не стыдно тебѣ?
— Ужь прости, голубчикъ... Гдѣ-жь ты меня видывалъ?
— А годовъ пять назадъ луку у те на грошь купилъ.
Кругомъ раздается хохотъ. Баба бранится....
Случается съ бабами и такого сорта грѣхъ. Залезится и протухнетъ товаръ.
— Хозяйка, а хозяйка! зѣваетъ на нее извощикъ, при-мостившійся, не смотря на жару, на самый припекъ.
— Чего тебѣ?
— Глико... что это у тебя?
— Какъ что? извѣстно, рубецъ...
— Я знаю, рубецъ... Экъ удивила! А на рубцѣ что?
— Это плѣсень... Опять завелась, подлая.... Жарко, не усмотришь — заводится.
— То-то заводится.... А то—рубецъ!
— Значить хорошъ ежели цвѣтетъ, оправдывается баба.
— Ладно, толкуй тамъ!
— Да ты чего лаиши! Возьми черносливъ, весь онъ по-бѣлѣетъ... Въ кисломъ яблукѣ рази черви водятся?—за-всегда въ сладкомъ.
— Это такъ! безпрекословно соглашается автомедонъ.
— Или тапериче ягода: на лучшей ягодѣ червь живетъ.
— Живетъ... Примѣрно—малина.
— Да и въ тебѣ, надо полагать, не мало ихъ. Чего брез-гаешь?

— Рази я брезгаю? Такъ, къ слову... Потому не поря-докъ это.
— То-то къ слову... людей сомущаешь. Сидѣлъ бы да жралъ... А то тоже—плѣсень... Штожь ты—плѣсени не ви-далъ никогда? зѣваетъ въ свою очередь расхлывшаяся баба.— Экий ты, парень, посмотрю я на тебя, глупый!
— А ты съ чего привязалась? Я потому — нонѣ холера.
— А рази отъ этого холера?—чортъ!...
— Спроси у доктора. Я ихъ не мало возилъ дьяволовъ.
— Звалъ кому повѣрить — доктору, врагу рода человѣ-ческаго... Отъ нечистоты!

Баба-торговка мастерица на всѣ руки. Она все знаетъ, все видѣла—и въ то время, когда рабочій людъ ѣсть у нея— она разсыпается передъ нимъ, высказывая всѣ свои глубо-кія познанія о таинствахъ природы. Она сообщаетъ ему и о наборѣ, и о новой повинности, и о томъ, что скоро баба въ бѣлую армію погонять. Спустя часа два или три, телѣжка ея пуста — и она медленно возвращается назадъ, куда нибудь въ подвальную кухню, въ необъятномъ количествѣ пригото-вляющую нехитрую снѣдь для рабочихъ. До вечера баба съ своею ходячей, народной столовой спитъ, а вечеромъ, когда поденщики возвращаются назадъ, она уже караулитъ ихъ въ центральныхъ пунктахъ, чтобы начать снова торговлю събѣтными припасами.

* *
*

Я думаю, нечего и прибавлять, что въ бабѣ-торговкѣ я узналъ Марью.

В. Немировичъ-Данченко.

ПРОХОЖДЕНИЕ ПЛАНЕТЫ ВЕНЕРЫ.

Образованный міръ всѣхъ частей свѣта снаряжаетъ въ настоящее время грандіоз-ную экспедицію въ отдаленнѣйшія страны, гдѣ 27 ноября нынѣшняго года можно бу-детъ наблюдать рѣдкое и интересное астро-номическое явленіе. Повтореніе этого явле-нія произойдетъ въ 1882 г. и подтвердитъ результаты настоящихъ наблюденій. Но такъ какъ послѣ того, оно повторится еще слиш-комъ черезъ столѣтіе — это случится въ 2004 г. — то понятно, какое значеніе при-дають имѣющему совершиться теперь явле-нію, тѣмъ болѣе, что оно должно разрѣ-шить одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣй-шихъ вопросовъ астрономіи.

Задача заключается въ разрѣшеніи во-проса: какъ велико разстояніе земли отъ солнца? Разстояніе это, принимаемое при-близительно въ 20 миліоновъ миль, измѣ-рить прямо—вещь невозможная, даже при наилучшихъ инструментахъ. Надо пользо-ваться поэтому вспомогательными средства-ми, чтобы получить вѣрные результаты не-прямымъ путемъ. Такое-то вспомогательное средство и есть именно прохожденіе пла-неты Венеры передъ дискомъ солнца, кото-рое произойдетъ въ нынѣшнемъ и въ 1882 годахъ—и будетъ видимо въ нѣкоторыхъ от-даленныхъ частяхъ свѣта.

Планета Венера, яркій блескъ которой мы видимъ теперь на ночномъ небѣ, въ 223³/₄ дня обращается около солнца по эллипсу, лежащему внутри той орбиты, по которой земля совершаетъ около солнца свой годовой путь. Эллипсъ этотъ нѣсколько наклоненъ къ плоскости орбиты земли. Къ одному и тому-же положенію относительно солнца и земли, или, какъ говорятъ астро-номы, къ одной и той же фазѣ, она возвра-щается черезъ каждые 584 дня. При такихъ обстоятельствахъ она должна иногда прохо-дить между солнцемъ и землею, и видна тогда съ земли въ видѣ чернаго, рѣзко очерченнаго кружочка, движущагося по свѣтлому диску солнца. Если бы движеніе обихъ планетъ, т. е. Венеры и земли,

происходило въ одной и той же плоскости, то явленіе прохожденія Венеры предъ солн-цемъ повторялось бы черезъ каждые 584 дня. Но такъ какъ орбиты Венеры и земли наклонены одна къ другой, и такъ какъ кромѣ того, самое положеніе этихъ орбитъ въ пространствѣ периодически измѣняется, то благоприятное совпаденіе обстоятельствъ для этого явленія, случается далеко не такъ часто. Есть только двѣ точки, когда въ очень рѣдкіе моменты, Венера дѣйстви-тельно проходитъ между землей и солнцемъ и представляетъ нашимъ взорамъ явленіе своего прохожденія.

Важность этихъ моментовъ заключается въ томъ, что только точное наблюденіе и измѣреніе ихъ, даетъ возможность астроно-мическимъ путемъ опредѣлить параллаксъ солнца относительно земли,—а такъ какъ это можетъ служить масштабомъ для *всѣхъ* измѣреній въ безконечномъ мировомъ про-странствѣ, то станеть понятнымъ, отчего наука придаетъ такое высокое значеніе это-му явленію и старается употребить всѣ мѣ-ры, чтобы какъ можно правильнѣе воспользо-ваться имъ.

Но предварительно объяснимъ, что соб-ственно понимается въ астрономіи подъ па-раллаксомъ солнца относительно земли. Если смотрѣть на шаръ издали, то онъ пред-ставляется глазу въ видѣ плоскаго круга. Предположимъ, что изъ центра его и дру-гой точки на его окружности переведены прямыя линіи къ глазу наблюдателя; уголъ, подъ которымъ обѣ эти линіи пересѣкаются въ глазу, обуславливаются двумя обстоя-тельствами: дальностью разстоянія и вели-чиною шара. Чѣмъ дальше и меньше шаръ, тѣмъ меньше и этотъ уголъ; чѣмъ больше самый шаръ и чѣмъ больше онъ прибли-жается къ глазу наблюдателя, тѣмъ больше становится и уголъ. Ясно, что разстояніе шара отъ наблюдателя находится въ связи съ радіусомъ шара и съ помянутымъ угломъ. Зависимость эта математически опредѣлен-ная, и по двумъ изъ этихъ величинъ можно

опредѣлить третью, т. е. зная радіусъ ша-ра и уголъ, подъ которымъ пересѣкаются линіи, мысленно проведенныя, какъ сказано нами, можно съ совершенною точностію вы-числить разстояніе шара отъ наблюдателя. Этотъ способъ вычисленій получилъ важное примѣненіе въ астрономіи, такъ какъ при его помощи опредѣляются разстоянія недо-сягаемыхъ небесныхъ тѣлъ отъ нашей зем-ли. Солнце, луна и всѣ міровыя тѣла, хо-ти и имѣютъ шарообразный видъ, предста-вляются намъ плоскими кругами; точно так-же и земля, если бы ея можно было видѣть съ солнца, казалась бы тамъ кругомъ на небесномъ сводѣ. Тотъ уголъ, подъ кото-рымъ полуоперечникъ кружка, т. е. раді-усъ земли, видѣнъ съ солнца, и называется параллаксомъ солнца относительно земли,—и такъ какъ радіусъ земнаго шара извѣстенъ, то стоитъ только съ достаточною точностію опредѣлить параллаксъ солнца относительно земли, чтобы вычислить разстояніе между ними.

Задача эта, однако, далеко не легкая. Уже два столѣтія астрономамъ извѣстенъ фактъ, что количество времени обращенія планетъ зависитъ отъ ихъ отдаленія отъ солнца. Между тѣмъ какъ время обраще-нія поддается весьма точнымъ наблюде-ніямъ, разстоянія не могутъ быть непосред-ственно измѣрены нашими инструментами. Поэтому мы можемъ очень точно опредѣ-лить отношенія разстояній планетъ къ раз-стоянію земли отъ солнца; но пока мы не будемъ точно знать послѣдняго, до тѣхъ поръ мы не можемъ съ точностію опредѣ-лить настоящее разстояніе планетъ отъ насъ. Наоборотъ, если бы мы были въ состояніи вѣрно опредѣлить разстояніе одной какой нибудь планеты, то легкое исчисленіе по-казало бы намъ отдаленіе солнца, а вмѣстѣ съ этимъ и *всѣхъ* другихъ планетъ.

Моментъ прохожденія Венеры передъ солн-цемъ—именно и даетъ счастливый случай съ успѣхомъ предпринять всѣ эти измѣ-ренія.

Постараемся въ короткихъ словахъ дать понятіе о связи этого явленія съ измѣреніемъ отдаленія солнца.

Пусть буква *З* въ обоихъ фигурахъ на первомъ рисункѣ будетъ изображать землю, *a* и *b*—двѣ точки земнаго шара съ весьма различной географической широтой, буква *В*—Венеру, двигающуюся по своему пути вдоль стѣлки. Если соединить точки наблюдателя *a* и *b* съ *В* и продолжить линіи до солнца *С*, то получатся точки *A* и *B*, гдѣ Венера показывается на солнечномъ дискѣ, будучи видима наблюдателямъ въ *a* и *b*. Для наблюдателя *b*, Венера пройдетъ передъ солнечнымъ дискомъ путь 1—2, для наблюдателя же *a*, она покажется передъ солнцемъ на пути 3—4. Какъ показываетъ нижняя фигура, оба эти пути, а особенно разстоянія ихъ отъ поверхности солнца, остаются совершенно одинаковы и тогда, когда земля и Венера будутъ придвинуты ближе къ солнцу, если только отношеніе разстояній обѣихъ планетъ отъ солнца будетъ одинаково, что основывается на извѣстномъ геометрическомъ законѣ.

Извѣстно, что, по закону Кеплера, существуетъ извѣстное отношеніе между большими осями путей двухъ планетъ и между временемъ ихъ обращенія. Примѣняя этотъ законъ, астрономъ всегда можетъ опредѣлять отношеніе разстояній двухъ планетъ отъ солнца, такъ какъ времена ихъ обращенія извѣстны; слѣдовательно можно нарисовать или вычислить разстоянія видимыхъ путей 1, 2 и 3, 4 не зная настоящаго разстоянія земли отъ солнца. Если выбрать его по произволу, то въ силу вышеупомянутого закона, получится всегда тоже самое разстояніе видимыхъ путей Венеры на солнцѣ. Поэтому мы можемъ связать величина *AB* выражается въ разстояніи *ab* двухъ наблюдателей на землѣ. Если же оба наблюдателя опредѣляютъ на солнечномъ дискѣ пути 1, 2 и 3, 4, и потомъ сообщать другъ другу свои наблюденія, то будетъ извѣстенъ и уголъ, подъ которымъ является длина *AB* изъ *a* и изъ *b*; а такъ какъ при этомъ намъ извѣстна настоящая величина *AB*, въ земной мѣрѣ, и также видимая величина, то этимъ опредѣляется и отдаленіе линіи *AB* отъ *a* и *b*, и вообще отдаленіе земли отъ солнца въ какой либо изъ принятыхъ мѣръ, метрахъ, миляхъ и т. п.

И такъ, вся система состоитъ въ точномъ наблюденіи мгновеній, какъ вступленія Венеры на дискъ солнца, такъ и выступленія ея, по крайней мѣрѣ въ двухъ точкахъ земнаго шара. Въ 1874 г. продолжительность вступленія этой планеты на солнечный дискъ будетъ не менѣе 29 минутъ, т. е. столько времени пройдетъ отъ перваго углубленія Венеры въ край солнца до полнаго ея появленія въ немъ, или по выраженію астрономовъ, между мгновеніями внѣшняго и внутренняго прикосновенія. При всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ прохожденіяхъ Венеры, астрономическія средства позволяли наблюдать точно одинъ только моментъ внутреннихъ прикосновеній, да и тѣ, по недостатку опыта, были далеко не совершенны. Другое дѣло теперь. Съ тѣхъ поръ наука ушла на цѣлый вѣкъ впередъ, и на этотъ разъ астрономы приступаютъ къ своимъ наблюденіямъ во всеоружіи прежнихъ опытовъ и научныхъ приобрѣтеній цѣлаго вѣка. Наука имѣетъ теперь чрезвычайно разнообразныя средства, которыя, позволяя увеличить число наблюденій, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность точной провѣрки средняго вывода, полученнаго каждымъ способомъ отдѣльно.

Въ числѣ новыхъ способовъ, находящихся въ распоряженіи современной науки, весь-

ма видное мѣсто занимаетъ фотографія, уже оказавшая столь важныя услуги въ разныхъ отрасляхъ знанія и промышленности. Этотъ способъ былъ разработанъ въ особенности англійскимъ ученымъ Варреномъ Деларю, посвятившимъ болѣе десяти лѣтъ труда фотографическимъ наблюденіемъ солнца. Въ настоящемъ случаѣ Англія намѣрена сдѣлать широкое примѣненіе этого способа. Соединенныя Штаты Сѣверной Америки обратили свое вниманіе исключительно на фотографическій способъ и приготавливаютъ десять фотографическихъ экспедицій. Между прочимъ они обратились къ русскому правительству съ просьбою о дозволеніи занять одну станцію на русскомъ берегу Тихаго океана.

Нѣмецкія экспедиціи будутъ дѣлать свои наблюденія преимущественно гелиометромъ, инструментомъ, изобрѣтеннымъ французскимъ ученымъ Буге. Гелиометръ—это зрительная труба, предметное стекло, которой разрѣзано на двѣ равныя части, въ видѣ двухъ полукруговъ, которые могутъ передвигаться вдоль разрѣза, раздѣляющаго ихъ. Если одна половина будетъ неподвижна, а другая отодвинута, то послѣдняя дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы труба была наклонена, пока объективъ не придетъ въ новое положеніе. Слѣдовательно, въ одной половинѣ получится не то изображеніе, какое получится въ другой половинѣ: каждая половина даетъ свое изображеніе, и эти два изображенія не совпадаютъ, а отодвинуты другъ отъ друга, тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше отодвинуты обѣ половины стекла. Если отсчитать насколько должны быть отодвинуты половины, для того напр., чтобы изображеніе солнца отодвинулось на свою собственную ширину, такъ чтобы были видны два солнечныхъ изображенія одно въ видѣ другаго, или одно надъ другимъ, — то получится мѣра солнечнаго поперечника, діаметра. Если же въ то время, какъ Венера будетъ стоять передъ солнцемъ, половины будутъ отодвигаемы до тѣхъ поръ, пока изображеніе Венеры не упадетъ какъ разъ на край сдвинутого изображенія солнца—то это дастъ намъ точную мѣру разстоянія Венеры отъ солнечнаго края. Но одного разстоянія еще недостаточно для опредѣленія положенія Венеры; должно быть кромѣ того опредѣлено направленіе, въ какомъ она является относительно центра солнца, а направленіе это и есть именно то самое, въ которомъ должны быть перемещаемы обѣ половины предметнаго стекла, чтобы Венера достигла ближайшей точки края сдвинутого изображенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо опредѣлить время, когда дѣлается это измѣреніе.

Гелиометрический способъ имѣетъ то преимущество, что можетъ быть примѣненъ для измѣренія большихъ разстояній; поэтому онъ особенно выгоденъ для измѣреній во время такъ-называемой наибольшей фазы прохожденія, когда Венера находится въ наибольшемъ разстояніи отъ края солнца.

Обратясь теперь къ нашимъ отечественнымъ приготовленіямъ, мы можемъ сказать, что по полнотѣ, всесторонности и числу предполагаемыхъ наблюденій, русскія экспедиціи оставляютъ за собою всѣ иностранныя. Замѣтимъ при этомъ, что, не смотря на всю обширность задачъ русской комиссіи, всѣ наблюденія будутъ произведены русскими учеными, и на этотъ разъ не нужно будетъ прибѣгать къ вызову иностранныхъ астрономовъ, какъ во время прежнихъ прохожденій.

Чтобы судить, какъ обширно пространство, на которомъ будутъ производиться русскія наблюденія, стоитъ посмотреть на

разницу температуръ въ различныхъ мѣстахъ наблюденій, въ день прохожденія Венеры. Въ Перчискѣ, Благовѣщенскѣ и Кяхтѣ, 27 ноября (9 декабря 1874), бываетъ по меньшей мѣрѣ 20 градусовъ морозу, въ Омскѣ по крайней мѣрѣ 10, между тѣмъ какъ наблюдатели въ Эриванѣ и Тифлисѣ будутъ пользоваться пріятной весенней температурой отъ 9 до 10 градусовъ тепла.

Еще осенью 1869 г. у насъ, по предложенію Академіи наукъ, была учреждена ученая комиссія, сдѣлавшаяся центромъ всѣхъ русскихъ приготовленій. Для наблюденія прохожденія комиссія рѣшила примѣнять всѣ существующіе въ настоящее время способы, и на основаніи точныхъ предварительныхъ вычисленій и по тщательномъ изслѣдованіи метеорологическихъ условій различныхъ мѣстностей, окончательно установила свой выборъ на слѣдующихъ мѣстахъ, какъ на удобнѣйшихъ пунктахъ для производства наблюденій. Мѣста эти раздѣляются на пять группъ: одна въ Прусскомъ краѣ и восточной Сибири, другая въ Забайкальской области, третья въ русскихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ и близъ Урала, четвертая на Кавказѣ и около Каспійскаго моря, и пятая въ Крыму. У насъ въ Сибири видно будетъ все явленіе прохожденія Венеры, начиная съ того мгновенія, какъ темное пятно планеты коснется диска солнца до выступленія съ противоположнаго края. Время прохожденія планеты по диску, т. е. продолжительность явленія, для Перчинска будетъ съ 9 часовъ 50 минутъ утра до 2 часовъ 32 минутъ пополудни, для Иркутска — съ 8 часовъ 41 мин. утра до 1 часу 32 мин. пополудни. Изъ другихъ странъ, гдѣ это явленіе будетъ видимо также вполне, мы упомянемъ лишь важнѣйшіе города въ слѣд. таблицѣ:

явленіе длится:	ч. м.	ч. м.
въ Сидней . . .	съ 11 52 утра	до 4 25 попол.
> Мельбурнѣ . . .	> 11 28	> 4 0 >
> Токагамѣ . . .	> 11 1	> 3 50 >
> Шангаѣ . . .	> 9 50	> 2 38 >
> Пекинѣ . . .	> 9 30	> 2 19 >
> Мадрасѣ . . .	> 7 12	> 11 53 утра
> Бомбаѣ . . .	> 6 42	> 11 25 >

на Кергуэенскихъ остр. > 6 32 > 10 59 >
Выхожденіе Венеры изъ солнечнаго диска, т. е. конецъ явленія, будетъ видимо въ Оренбургѣ въ 10 ч. 17 м. утра, въ Астрахани въ 9 ч. 49 м., въ Тифлисѣ въ 9 ч. 36 м.

Каждая изъ этихъ группъ считаетъ въ себѣ по нѣскольку станцій, снабженныхъ всеми нужными инструментами, которые были заказаны при посредствѣ Пулковской обсерваторіи, находящейся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заграничными учеными и художниками насчетъ астрономическихъ инструментовъ.

Кромѣ всѣхъ экспедицій снаряжаемыхъ русскимъ правительствомъ и учеными обществами, есть слухъ, что Московскій профессоръ, Ф. А. Бредихинъ, предпринимаетъ частную экспедицію на собственные средства. Какъ говорить, онъ намѣренъ отправиться для своихъ наблюденій прохожденія Венеры въ Египетъ.

Такое явленіе, какъ прохожденіе Венеры передъ дискомъ солнца, само по себѣ конечно имѣетъ интересъ чисто научный, но по тѣмъ важнымъ элементамъ, которыя оно вноситъ въ умственную жизнь человѣчества, оно становится достояніемъ всего образованнаго міра. Какимъ глубокимъ сочувствіемъ должны мы напугивать людей науки, отравляющихъ ихъ отдаленнѣйшія части свѣта, чтобы обогатить науку и вернуться съ новой побѣдой человѣческаго ума!

По пути.

Разсказъ Бертольда Ауэрбаха.

О, какое блаженство ѣхать по Рейну, смотрѣть на оживленные берега, на покрытые виноградомъ склоны, лѣса и замки!

Но самое лучшее человекъ все-таки находить всегда въ городахъ, гдѣ живетъ столько трудолюбивыхъ и веселыхъ семей. Картина этой жизни дѣйствуетъ такъ освѣжительно, будто ты выпилъ вина изъ винограда, что вьется тутъ по трельяжамъ, — да ужъ тутъ безъ вина и не обойдись, одними-то вѣдь разговорами не залъешь жажды.

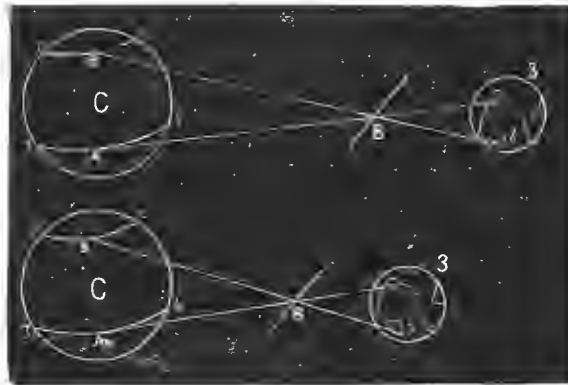
И весело-же побывать тутъ въ домѣ у одной молодой парочки!

На лицевую сторону къ улицѣ, выходитъ лавка съ вызолоченными рамами и разными рѣзными вещицами; надъ мастерской, смотреть на Рейнъ уютная комнатка, хорошенькая какъ бонбоньерочка; но молодые люди не живутъ въ ней сами, она всегда наготовѣ для гостя.

жила дѣтей спать. На столѣ у большого окна стоитъ бутылка вина и въ трехъ стаканахъ сверкаетъ золотая влага. Мы чокаемся; молодой человекъ — высокій, сильнаго тѣлосложенія — объявляетъ, что сегодня вечеромъ онъ будетъ разсказывать.

Жена ходитъ взадъ и впередъ, да и хорошо дѣлается, потому что этакъ мужу еще свободнѣе разсказывать, и вотъ онъ начинаетъ такъ:

«Очень радъ, что вино вамъ по вкусу, — не важное вино, да изъ своего винограда, нѣтъ въ немъ ни единой фальшивой капельки. Намъ досталась виноградная гора отъ дяди; онъ чуть не всю жизнь провелъ на водѣ, только ничему онъ такъ не радовался, какъ тому, что можетъ назвать своимъ хорошенькій кусочекъ твердой земли, которая даетъ веселый напитокъ. Дядя дожилъ еще до того, что мы пробили

С Солнце. З Земля. В Венера.
Схематическое изображение прохождения планеты Венеры.
Грав. Вейерманъ.

Карта мѣстностей, въ которыхъ видно будетъ прохожденіе Венеры по диску солнца. Грав. К. Вейерманъ.

Пусть и читатель будетъ здѣсь гостемъ, а это прекрасное дѣло; тысячи и десятки тысячъ тѣхъ, кто прочтаетъ это, не стѣснятъ другъ друга, всѣмъ найдется мѣсто.

Хозяинъ пошарилъ — хозяйка заперла лавку и уло-

вотъ здѣсь въ стѣнѣ окно; до послѣдняго своего часа сидѣлъ онъ тамъ, и говаривалъ вмѣстѣ съ нами: доброе мы сдѣлали дѣло, что выпустили сюда солнце; оно свѣтитъ намъ въ домъ и въ сердце, и вдвое отраднѣе, когда и другіе радуются съ нами.

Мы живемъ себѣ про себя; много надо намъ работать, но по воскресеньямъ и праздникамъ мы уѣзжаемъ за городъ, переѣзжаемъ черезъ Рейнъ и располагаемся въ лѣсу на горахъ; если при этомъ встрѣтятся съ хорошимъ сосѣдомъ, тѣмъ лучше, а если мимо проѣзжаютъ чужіе и любятъ на нашъ ландшафтъ, такъ мы думаемъ себѣ: отлично, пусть вамъ нравится; мы понимаемъ чтó за счастье, что это наша родина?

Я здѣшній уроженецъ, а жена моя оттуда сверху, изъ Пфальца. Вы вѣрно сразу угадали ея пфальцскій выговоръ.

Какъ я узналъ свою жену?

Вотъ какъ было дѣло:

Я вернулся домой съ чужой стороны, учился тамъ своему ремеслу; какъ мнѣ кажется, на чужой сторонѣ кое-что пошло мнѣ въ прокъ. Я не прочь былъ еще годикъ другой попутешествовать — мнѣ всего только было двадцать пять лѣтъ, — но дядя мой, а онъ заступалъ мнѣ мѣсто отца, — я рано потерялъ родителей, — писалъ мнѣ, что лучше въ молодыхъ годахъ основаться бюргеромъ, тогда и вспомнишь какъ вмѣстѣ былъ молодъ съ своими земляками; по твердому его убѣжденію (всякое убѣжденіе было у него твердо, и весь то онъ былъ твердый человекъ, здоровая, сильная натура), самое позднее время для женитьбы — это двадцать восемь лѣтъ. Онъ увѣрялъ, что много въ нашемъ вѣку несчастій происходитъ отъ того, что люди женятся слишкомъ поздно; хотя-бы даже и жили какъ слѣдуетъ, такъ всежъ-таки слишкомъ пріучаются быть не-дома, тихая семейная жизнь ужъ не такъ-то нравится, — значитъ, надо было поставить мнѣ свой путевой посохъ въ уголь, основаться сначала домкомъ, а потомъ взять хорошую жену. Вѣдь вотъ и аистъ тамъ на крышѣ ратуши попускаетъ точно также: сперва онъ прилетаетъ, советъ какъ слѣдуетъ быть гнѣздо, а затѣмъ прилетаетъ и самочка.

Такъ вотъ такъ-то вернулся я на родину къ веснѣ; я пришелъ сюда изъ Мюнхена пѣшкомъ, потому что ужъ зналъ, что прощай на всю жизнь холостое странствіе. Весела была весна, цвѣли деревья, глѣи птички, и мнѣ самому было весело. Я нехотя вышелъ изъ Мюнхена, тамъ много есть чего посмотреть и чему поучиться, особенно по части моего ремесла: рѣзбы. И опять-таки я радъ былъ снова быть на своей чудной рейнской родинѣ. Когда я стоялъ тамъ у Мангейма, гдѣ Неккаръ вливается въ Рейнъ, такъ мнѣ казалось, что я долженъ поклониться своему крестному батькѣ, Рейну, какъ старому другу. И Неккаръ-то радъ-радешенекъ влиться въ Рейнъ; онъ протекалъ черезъ такое множество тихихъ лѣсныхъ долинъ, теперь и ему достанется взглянуть на большую свѣтъ.

Такъ я и вернулся на родину, и мой дядя радовался со мной вмѣстѣ, какъ будто-бы я былъ его родной сынъ. Добрякъ сталъ не такъ проворенъ, состарѣлся бѣдняга. Онъ два раза ломалъ себѣ ногу на большомъ плоту, что ходитъ въ Голландію (ужъ навѣрное онъ разъ сто спускался на немъ); его хорошо вылечили, такъ что въ молодые годы онъ ничего и не чувствовалъ, а подъ старость-то и стало оно его допекать. Онъ подъ тѣнью виноградныхъ листьевъ поменьше потягивалъ не торопясь свой шкаликъ вина. Говорится-то такъ «свой стаканчикъ», только на дѣлѣ-то рѣчь тутъ не объ одномъ: онъ ихъ попивалъ всегда одинъ за другимъ, а всего лучше то, что это было ему равно ни по чемъ. Ъсть онъ ѣлъ мало, почитай что одинъ только мякушекъ отъ земеля*), онъ называлъ это своей «губочкой», и говорилъ что губочку надо хорошенько смочить.

Такимъ-то манеромъ завелъ я себѣ мастерскую, да какъ разъ на мое счастье надо было по ту сторону отдѣлывать дачу какому-то богачу изъ Америки; работа валла ко мнѣ, заработки были хорошіе, да еще и молодъ я былъ вдобавокъ, — чего еще надо человеку! Я сдѣлался мѣстнымъ бюргеромъ. Мы имѣемъ счастье не платить общинныхъ податей, потому что у общины столько лѣсу, что въ двадцатитрехлѣтній срокъ ободранные дубы покрываютъ всѣ расходы. Я

*) Маленькій круглый хлѣбецъ, въ родѣ нашего розана.

вамъ это рассказываю по той причинѣ, что потомъ вы увидите, какъ они и мнѣ пригодились.

Вѣдь вы знаете, весной съ молодыхъ дубковъ, просто на просто отростковъ — большихъ-то дубовъ у насъ нѣтъ больше — обдираютъ кожу; дерево либо обугливаютъ, либо распиливая на мелкіе полѣнья, продаютъ въ большія гостиницы для открытаго огня, когда жарятъ на рѣшеткѣ.

Разъ, это было средь самого лѣта, я только сдалъ съ рукъ главную работу, отдѣлалъ библиотеку на той дачѣ, вдругъ приходитъ ко мнѣ дядя не въ свои часы, вошелъ въ мастерскую, сѣлъ и смотритъ на меня.

Потомъ говорить:

«А что, вѣдь у тебя нѣтъ теперь спѣшной работы? Послушай-ка, Жанъ Батистъ, ты долженъ уѣхать за меня денъка на два. Тамъ въ Мангеймѣ умеръ у меня старый пріятель, ты пожалуй что видѣлъ его здѣсь, онъ также морякъ, то есть былъ морякомъ; завтра его хоронятъ, и мнѣ бы хотѣлось отдать ему послѣднюю честь. Да съ мѣста-то я не могу двинуться, я заплаванное весло: чуть толчекъ, какъ разъ опять разлечусь пополамъ. Такъ ты и поди за меня, и скажи отъ моего имени дѣтямъ, чтобы они знали, что тамъ внизу, старый другъ ихъ отца, остался еще бродить по бѣлому свѣту.»

Я, конечно, тотчасъ-же собрался; самъ не знаю, какъ это вамъ и сказать: вѣдь дѣло-то было кажись не веселое; но то ли, что я опять пускаюсь эдакъ въ путь по полямъ и селамъ, или что другое — только на сердцѣ у меня было такъ легко и хорошо, будто я шелъ на какойнибудь праздникъ.

Въ предчувствіи я не вѣрю. Въ нихъ тысячу разъ ошибаешься; запоминаешь только тѣ, что исполнились, а о другихъ забываешь. Однакожъ тогдашнее предчувствіе было вѣрно. Такъ вотъ, прихожу я въ Мангеймъ, спрашиваю моряка Гроссмана, мнѣ показываютъ на Неккаръ; тамъ стоитъ маленькій домикъ посреди сада съ фруктовыми деревьями. Подъ деревьями стоятъ столы и скамейки для гостей. Гроссманы-то содержали также винный погребокъ.

Вхожу я въ садъ. Тамъ сидитъ пародъ, только никто не говоритъ громко, какъ всегда это бываетъ, — и дѣвушка въ высокомъ бѣломъ передникѣ, съ головкой словно у козули, съ блестящими голубыми глазками, приноситъ людямъ ѣду и питье.

Я также сажусь за столъ. Освѣжусь-ка я сначала, думаю себѣ, — да заплачу за то, что съѣмъ; не то, если скажу кто я такой и кто меня прислалъ, такъ съ меня не возмутъ денегъ. Подозвалъ я дѣвущку; она подошла къ моему столу, ласковая такая, кроткая и серьезная; я спросилъ шкаликъ вина и чегонибудь закусь.

Проворно принесла она все это, и все было чисто и опрятно; я и говорю: «Слышалъ я, у васъ покойникъ въ домѣ?» — «Да», отвѣчаетъ дѣвушка, «но нашъ покойный отецъ всегда стоялъ на томъ, чтобы, что ни случись, все бы всегда было въ порядкѣ».

Не мудреная вѣдь какія вещи говорила дѣвушка, да такъ это у нея выходило, что казалось мнѣ, будто я слышу сладчайшую музыку, и ни слова-то не скажетъ она ни больше ни меньше чѣмъ слѣдуетъ! По глазамъ-то замѣтно было, что въ нихъ только за минуту высохли слезы, но были они такіе спокойные и ясные и умные, что я тогда-же сказалъ себѣ: Да, хотѣлось-бы мнѣ, чтобы всю мою жизнь твои руки давали мнѣ ѣсть и пить; весело поди-ка зарабатывать хлѣбъ, когда такое созданіе подаетъ тебѣ заработанный кусокъ.

Я заплатилъ счетъ и спросилъ, не ждуть-ли еще на похороны знакомыхъ издалека. «Да», отвѣчала дѣвушка, «у моего отца былъ старинный другъ тамъ ниже въ Рейнгау. Еще въ послѣднюю минуту онъ вспоминалъ: въ Амстердамѣ я разъ общалъ одному Грейеру — такъ звали моего дядю — что дамъ ему знать, если отправлюсь раньше его. «Смотри, приходи за мной! Приходи поскорѣ!» говорили мы бывало другъ другу». Такъ рассказывалъ мнѣ отецъ, и мы послали извѣстить этого человека».

Я объяснилъ что пришелъ по порученію моего дяди вмѣсто него. Молодая дѣвушка такъ и пережвилась въ лицѣ, схва-

тилась за карманъ, по всему видно, она хотѣла отдать мнѣ назадъ деньги и спросила:

«Зачѣмъ-же не сказали вы мнѣ этого сразу?»

Хоть въ отвѣтъ ей я немножко и пригаль, но все-же отчасти-то говорилъ и правду, когда объяснилъ, что пришедши сюда былъ такъ голоденъ и такъ хотѣлось пить, что мнѣ сперва надо было чегонибудь перекусить и выпить; а какъ же бы я это сдѣлалъ, если-бы сразу объявилъ, что прѣхалъ на похороны?

Я слышалъ, какъ она опять опустила деньги въ карманъ. Потомъ она протянула мнѣ руку и просила добро пожаловать; она повела меня съ собой въ домъ, тамъ представила меня старшему брату, который также былъ морякомъ, потомъ младшему брату, чудо какому красивому мальчику, лѣтъ четырнадцати съ свѣтлыми большими глазами, съ лицомъ до того красивымъ, скажу вамъ — правда, ужъ это черезъ чуръ, только это вѣрно — пожалуй еще красивѣе, чѣмъ у его сестры. Такъ-бы вотъ я и обнялъ и поцѣловалъ мальчика, съ такимъ восхищеніемъ онъ на меня смотрѣлъ, только конечно я удержалъ себя, потому что это не идетъ. Меня отвели къ покойнику, я увидѣлъ тѣло, оно лежало на полу, опрятно прибранное и убранное цвѣтами. Я слышалъ какъ старшій братъ спросилъ сестру, зачѣмъ она отдала отцу самый свой лучший холстъ, что назначенъ былъ ей въ приданое. Я видѣлъ какъ вся кровь бросилась ей въ лицо, она покраснѣла до волосъ на головѣ и отвѣчала шепотомъ: «Ради Бога, не говори ничего такого. Вѣдь это послѣднее, что мы можемъ для него сдѣлать.»

Дѣвушка звала меня опять идти въ садъ. Старшему брату надо было еще кое-что сдѣлать, я повелъ младшаго брата за руку, онъ такъ хорошо взялъ мою руку. Тамъ мы успѣли — и дѣвушка говорила такъ хорошо и такъ ясно, что мнѣ казалось, будто я бывалъ здѣсь съ самаго дѣтства. Я сказалъ мальчику, что онъ долженъ умѣть цѣнить счастье имѣть такую сестру, а дѣвушка проговорила:

«Онъ умникъ, это я могу сказать ему прямо въ глаза. Не плачь, тебѣ надо свыкнуться съ тѣмъ, что отецъ умеръ. Если ты иной разъ бывалъ своеволенъ и будешь еще иногда такимъ, такъ это потому что ты еще очень молодъ, и притомъ-же ты потомъ всегда самъ раскаиваешься.»

Ну, я долженъ былъ рассказывать о своемъ дѣтствѣ, о своихъ странствованіяхъ, о своемъ ремеслѣ. Я сказалъ, что учился также золочено.

«Кормить-ли такое ремесло въ этакемъ маленькомъ городкѣ?» спросила она.

Я отвѣчалъ, что въ нынѣшнее время работаешь не на одно свое мѣстечко; желѣзныя дороги и пароходы изъ крошечнаго городка открываютъ путь къ большому рынку, работай хоть на весь свѣтъ.

«Вы правду говорите, это справедливо,» отвѣтила дѣвушка, и пока я живу на свѣтѣ, не было для меня похвалы пріятнѣе этой, а скажу вамъ — не смѣйтесь надо мной — я люблю когда мнѣ напрямки говорятъ въ чемъ я ошибаюсь; но самая для меня большая утѣха, когда говорятъ мнѣ человѣкъ: это вѣрно, ты правъ! Рѣдко кто это скажетъ, а она вотъ сказала.

Обратите на это вниманіе: если скажешь ей чтонибудь такое, что до этого она не совсѣмъ понимала, она отвѣчаетъ тебѣ такимъ голосомъ, словно поетъ благодарственную молитву. «Вы правду говорите, это справедливо. Я этого раньше такъ хорошо не знала». Винавать, я забѣжалъ впередъ, дайте-ка, вернемся назадъ. «Я думаю,» сказала дѣвушка, «что вы и здѣсь можете достать работу, вонъ тамъ живеть фотографъ, ему требуется много рамокъ.»

Не мало удивило меня, какъ эта дѣвушка, въ своемъ собственномъ горѣ, думаетъ и заботится о другихъ.

Она же сейчасъ встала и сказала:

«Теодоръ, проводи ихъ туда, и подожди тамъ съ поль-часа.»

Она поспѣшно ушла, а я пошелъ съ мальчикомъ.

Выходя изъ саду, мы столкнулись съ двумя людьми, несшими гробъ; мальчикъ вѣрнѣе сжалъ мою руку; я догадался, что сестра нарочно отослала брата, чтобы не быть тутъ, когда тѣло будутъ класть въ гробъ.

Я засталъ фотографа въ хлопотахъ, онъ также собирался идти къ покойнику, и я не смѣлъ говорить съ нимъ теперь объ дѣлахъ. Онъ спросилъ мальчика:

«Ну, Теодоръ, рѣшился ты идти ко мнѣ въ ученье?»

«Подождите, что скажетъ Катюша.»

Теперь я узналъ, что дѣвушку зовутъ Катюшей, но меня словно ножомъ рѣзнуло по сердцу, когда фотографъ отвѣтилъ:

«Что я, что Катюша, все равно.»

Не женихъ ли онъ дѣвушки?... Я не могъ долго думать объ этомъ. Мы пошли назадъ, потому что пасторъ и всѣ провожатые уже собрались тамъ.

Катюша надѣла траурное платье, а я стоялъ въ саду въ сторонкѣ и сердился на себя: зачѣмъ лѣзеть мнѣ въ голову столько мыслей, въ то время какъ хоронятъ человѣка.

Мнѣ назначили почетное мѣсто между провожатыми, и шель за дѣтми покойнаго. Потомъ я слышалъ, что на похоронахъ было много народу, потому что старика всѣ любили и уважали — самъ я ничего не видѣлъ въ тотъ день.

На кладбищѣ пасторъ произнесъ прекрасную рѣчь. Онъ хвалилъ дѣтей, а главное Катюшу. Онъ говорилъ, что она счастлива будетъ на землѣ, потому что вѣрно исполняла пятую заповѣдь и надъ ней всегда будетъ благословеніе ея отца, отошедшаго къ отцу небесному. Я слышалъ, какъ подлѣ меня плакала Катя, но не смѣлъ оглянуться на нее.

Могилу засыпали, мы вернулись домой и меня просили переночевать эту ночь.

Вечеромъ пришелъ фотографъ — и я получилъ отъ него большой заказъ. Катя посмотрѣла на меня большими глазами, когда я сказалъ: «Я точка въ точку представляю свою работу, но только на чистыя деньги.»

Съ нами сидѣли и оба брата; фотографъ, который, какъ видно, считалъ себя здѣсь своимъ, очень ловко ввернулъ, что Теодоръ всего лучше забудетъ свое горе, если съ завтрашнаго же утра поступить къ нему въ ученье. Мальчикъ вопросительно взглянулъ на сестру и та сказала:

«Сегодня ничего нельзя рѣшить; сегодня, въ день похоронъ отца, ни слова больше объ этомъ.»

Мнѣ казалось, будто мальчикъ все поглядываетъ то на фотографа, то на меня, и я какъ будто также замѣчалъ, что Катя одобряла глазами мысли брата и слѣдила за его взглядами.

На другое утро, я совсѣмъ снарядясь въ путь, сидѣлъ съ сестрой и братьями. Собравшись съ духомъ, я сказалъ:

«Я бы также съ радостью взялъ мальчика къ себѣ въ ученье, и научилъ бы его всему, что самъ знаю.»

Только успѣлъ я это выговорить, какъ идетъ фотографъ и еще издали кричить:

«Теодоръ, я давно тебя жду. Скоро ли ты придешь?»

«Садитесь,» возразила Катюша, и молодой человѣкъ — красавецъ съ густой бородой, онъ смахивалъ на весельчака-студента — сѣлъ, Катюша кажется не хотѣла дальше говорить. Она тихонько шепнула старшему брату:

«Говори ты,» и тотъ началъ:

«Да вотъ, нашъ гость также хочетъ взять ученика, такъ мы разсудили»....

«Что тутъ много разсуждать!» закричалъ фотографъ: «Теодоръ, ты самъ долженъ знать, чего ты хочешь.»

«Ваше дѣло я знаю, а того еще не знаю, а рисовать и рѣзать я также люблю. Только вотъ, что я скажу....»

«Хорошо, говори,» перебилъ мальчика фотографъ, «пока ты еще ничего не сказалъ.»

У мальчика засвѣтились глаза и онъ воскликнулъ:

«Вотъ что я скажу: я пойду къ тому, къ кому велить мнѣ идти Катя.»

«Это ты на меня-то сваливаешь отвѣтственность?» воскликнула Катя. «По моему долженъ рѣшить твой старшій братъ.»

«Нѣтъ, ужъ рѣшай ты,» возразилъ старшій братъ, «я со всѣмъ согласенъ, что ты скажешь.»

«Такъ по моему, иди къ нашему гостю. Извините меня, господинъ Шонауеръ, вы знаете, мы хорошіе друзья и сосѣди, и вѣдь мнѣ пріятно бы было имѣть Теодора тутъ»

подъ рукой; мнѣ самой очень тяжело отсылать его отсюда, но такъ лучше!

«Я радъ, что ты рѣшила,» воскликнулъ старшій братъ, протянуль мнѣ руку и сказалъ:

«У васъ честное лицо. Мы съ полнымъ довѣріемъ отдаемъ къ вамъ нашего младшаго брата,—и что ему понадобится, и что это будетъ стоить, мы ужъ внесемъ все».

Катюша также протянула мнѣ руку и я обѣщала ей держать ея брата добросовѣстно и хорошо и сдѣлать для него все, что бы я могъ пожелать для самого себя: И какъ она держала такъ мою руку и сидѣли мы вмѣстѣ, такъ кажется я бы и вскочилъ и бросился къ ней на шею, потому что ужъ тогда что-то во мнѣ говорило: «Эта моя!»

Я остался до обѣда. Мнѣ хотѣлось сейчасъ же взять съ собой Теодора, только мнѣ надо было сдѣлать маленькое путешествіе въ Вормсъ, гдѣ имѣлась у меня въ виду работа, но Катя сказала, послѣ того какъ Теодоръ шепнулъ ей что-то на ухо:

«Я пришлю къ вамъ брата. Мы не даемъ никакихъ удовольствій и отъ васъ не требуемъ; между нами довольно одного нашего слова. Теодору очень хочется попутешествовать съ дорожной суммой за спиной; завтра къ полудню онъ будетъ у васъ въ Вормсѣ».

Я пошелъ къ пароходу, сестра и братья провожали меня, я шелъ подлѣ Кати, но и не заикнулся ей о любви, даже того не сказалъ, что я чувствую, какъ она мнѣ довѣряетъ, что отдаетъ мнѣ своего брата.

На другой день Теодоръ явился какъ разъ въ назначенное время. Любо было смотрѣть на мальчика; я прошелъ съ нимъ кончикъ дороги. Что изъ него вышло, вы вѣдъ

знаете: красивый юноша, что тамъ внизу, въ мастерской работаетъ съ неутомимымъ прилежаніемъ, посвистывая и пѣвая—это Теодоръ.

Осенью пошелъ я вверхъ по рѣкѣ — и Катюша встрѣтила меня какъ родного. Кто первый изъ насъ сказалъ: «Хочешь меня?» Мы оба не знаемъ. Мнѣ кажется, ни она не сказала, ни я, потому это само собой было понятно.

Когда мы женились, Катя сказала мнѣ:

«Одно только меня смущаетъ: вести хозяйство—этого мнѣ мало; я привыкла зарабатывать».

«Объ этомъ самомъ и я хотѣлъ съ тобой поговорить. Га, ты станешь зарабатывать, ты моя позолотчица, вотъ тебѣ работа; ты понятливая и ловкая, скоро переймешь это, а потомъ мы заведемъ магазинъ».

Что жъ вамъ рассказывать?

Вѣдъ вы ее видите, вѣдъ вы знаете ее, она украшаетъ мнѣ жизнь, она помогаетъ мнѣ зарабатывать и дядя въ послѣднее время часто говаривалъ, что ему хотѣлось бы быть помоложе, только для того, чтобы подольше полюбоваться на наше счастье—и онъ называлъ ее Катею и позолотчицей.

Да, она украшаетъ жизнь; она нашла, что будетъ лучше, если мы въ задней стѣнѣ пробьемъ окошко на Рейнъ; а рассказывалъ я вамъ, что маленькіе-то стволыки ободранныхъ дубковъ продаются въ гостиницы? Катюшѣ пришло въ голову, что намъ лучше выбирать которые получше стволыки для себя и дѣлать изъ нихъ тонкія рамы. Этотъ планъ былъ ея. Да, это жизнь! — желаю, чтобы всякій честный и порядочный человѣкъ испыталъ то же; но конечно для этого нужна Катюша, позолотчица!»

ЗАПРЕЩЕННАЯ ОХОТА.

Нѣкоторые животныя избѣгаютъ человѣка, хотя бы онъ даже и не преслѣдовалъ ихъ; другія, напротивъ, ищутъ его сосѣдства и пользуются его особеннымъ покровительствомъ и уваженіемъ. Между этими любимцами, изъ птицъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ ласточкѣ, и только въ нѣкоторыхъ странахъ это преимущество снаряжаетъ у нея аистъ. Во всей сѣверной Германіи, Даніи, Голландіи, въ нашихъ западныхъ и новорусскихъ губерніяхъ, аистъ—такое же обыкновенное явленіе, такой же желанный гость, какъ у насъ ласточка. Въ тамошнихъ деревняхъ, аистовъ гнѣздо на кровлѣ дома есть какъ бы необходимая составная часть мостройки; каждый хозяинъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью прирѣзывать къ гребню крыши старое колесо, которое аистъ, сердечно благодарный за сооруженіе главныхъ стѣнъ его дома, тотчасъ же увѣнчиваетъ обширнымъ гнѣздомъ. Такая любовь къ аисту объясняется отчасти народнымъ суевѣріемъ, будто бы въ домѣ, гдѣ поселился аистъ, никогда не будетъ пожара. Кромѣ того онъ служитъ предвѣстникомъ весны; онъ всегда неожиданно появляется въ послѣднихъ числахъ февраля или въ первыхъ марта, а вмѣстѣ съ его появленіемъ наступаютъ и теплые дни—и все начинаетъ оживать въ природѣ. Птица эта съ незапамятныхъ временъ прославлялась въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ; но противъ всѣхъ поэтическихъ прикрасъ, которыми ее такъ щедро надѣляли,—выступили наконецъ и естествоиспытатели съ своими точными изслѣдованіями.

Что аистъ хищникъ—это извѣстно всякому; но такъ какъ человѣкъ прежде всего эгоистъ, то сужденіе его основывается только на томъ: истребляетъ ли длинноногий аистъ то, къ чему человѣкъ равнодушенъ или что приноситъ ему вредъ, или не дѣлаетъ ли ему конкуренцію въ такой области, гдѣ могутъ страдать его собственные интересы. Аистъ всегда находитъ у человѣка самое радужное гостепріимство и живетъ надъ его

кровлей въ качествѣ домашняго друга, до тѣхъ поръ пока промыселъ его полезенъ человѣку; но какъ скоро онъ станетъ позволять себѣ охоту, до которой лакомъ, то и ему достается порядкомъ. Вѣдъ воробьи и скворцы безъ усталы очищаютъ фруктовыя деревья отъ насѣкомыхъ, но когда подъ ихъ надзоромъ фрукты созрѣютъ—и имъ захочется полакомиться и сочными ягодами, то это считается уже преступленіемъ, и хозяинъ фруктоваго сада обращается тогда съ ними какъ съ ворышками.

Точно также и сцена, представленная на нашей картинкѣ, не прошла бы даромъ аисту, попадись онъ на своей запрещенной охотѣ охотнику; тотъ и его самого какъ разъ подстрѣлилъ бы за дерзкое предательство. Какъ же можно простить—птица свободна охотится за такой дичью, права на которую человѣкъ предоставилъ исключительно самому себѣ!

Аисту поневолѣ не приходится дремать; не бездѣлица для него прокормить свою семью, и насытить уже нѣсколько подростковъ дѣтей. Сначала это еще не такъ трудно: дѣтеныши довольствуются червяками и различными насѣкомыми,—но что дальше, то они требуютъ болѣе основательной пищи; тогда-то наступаетъ трудное время для родителей. Не всегда бываетъ имъ легко удовлетворять вѣчно возобновляющейся въ огромныхъ размѣрахъ аппетитъ прожорливыхъ итенцовъ. Мыши, рыбы, лягушки, кроты,ужи и даже ядовитыя змѣи дѣлаются его неизбѣжной добычей. Все это отлично! Но, любезный другъ, зайцевъ и цыплятъ, утокъ и гусей люди любятъ приберегать для себя. Кромѣ этой запретной охоты, аистъ разоряетъ еще иногда гнѣзда нашихъ любимыхъ пѣвцовъ, и похищаетъ оттуда яички и итенцовъ. Впрочемъ и то сказать, негодные мальчишки вездѣ водятся—нельзя же за это обвинять всю молодежь. Понятно, что такіе крохи равно ничего не значатъ для аиста. Это дѣлается развѣ ужъ какимъ нибудь избалованнымъ гастрономомъ — или дѣйстви-

тельно изъ крайней нужды; просто изъ жестокости аистъ едва ли рѣшится на такой поступокъ.

Говорятъ, будто тигру довольно разъ отвѣдать человѣческой крови, чтобы жаждать ее опять. Но еще неизвѣстно, что тутъ играетъ роль: гастрономическія ли наклонности звѣря, или радость, что самый страшный его врагъ оказывается не непобѣдимымъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, наблюденія показываютъ такое ненормальное развитіе аппетита у животныихъ, которое невольно приводитъ насъ въ изумленіе. Что нибудь разъ съѣденное, случайно или отъ нужды, такъ дѣйствуетъ на вкусовые нервы, что животное предается этому лакомству въ чрезмѣрномъ, часто угрожающемъ здоровью количествѣ.

Такъ, одинъ естествоиспытатель рассказываетъ, какъ гуси случайно сдѣлались жадными ѣдоками мяса. Съ одного волка была снята шкура для того чтобы приготовить изъ нея чучелу, а ободранный тушъ волка, по причинѣ вдругъ наступившихъ морозовъ, не могъ быть тотчасъ же убранъ и остался на снѣгу въ саду. Прежде еще чѣмъ вороны и другіе хищники успѣли добраться до замерзшаго какъ камень тупа, къ нему прилепился какъ-то домашній гуси и сначала только тыкали его клювомъ. Но мало по малу они такъ вошли во вкусъ этого новаго кушанья, что отъ волка остались одни кости. Съ тѣхъ поръ эти гуси выказывали необыкновенную жадность къ мясу; каждый день они съ нетерпѣніемъ ждали мясной пищи, и въ концѣ концовъ навѣрное пришли бы къ такому взгляду, что картофель, овощи и всякія зерна составляютъ лишь приправу мясу.

Сѣрая цапля ловить и душить воробьевъ, что можно иногда видѣть въ зоологическихъ садахъ. Впрочемъ, на такую охоту она пускается только въ исключительныхъ случаяхъ. Поэтому, весьма вѣроятно, и изъ аистовъ очень не многіе дѣлаютъ подобныя нападенія. Во всякомъ случаѣ, гово-

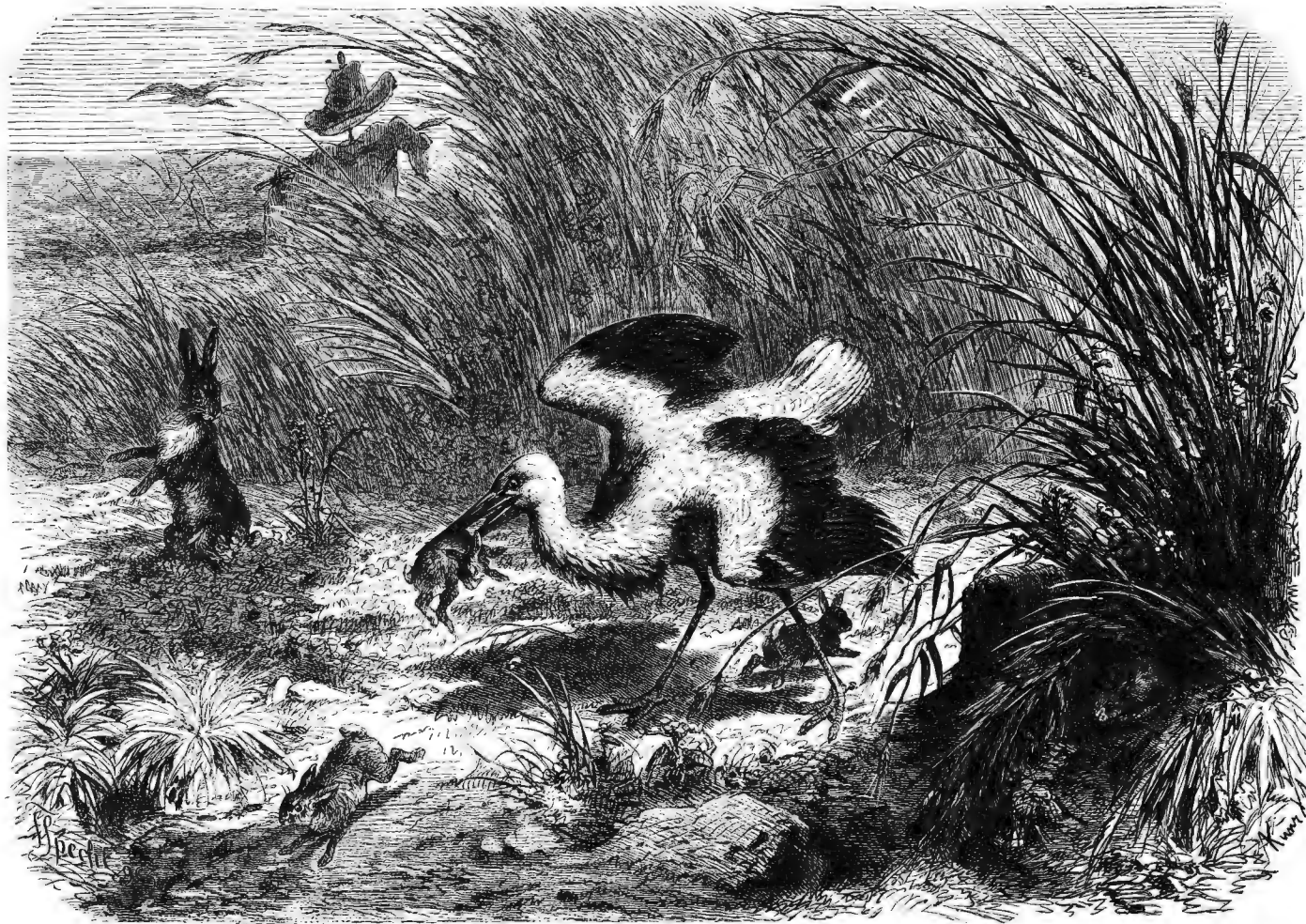
рять будто наблюдали, что такие грѣхи водятся преимущественно за стариками; молодые же аисты, по большей части, ведут себя если не вполне безвредно, то по крайней мѣрѣ такъ, что за это еще нельзя безжалостно отказывать имъ въ гостеприимствѣ. А послѣднее давно должно было бы случиться, если бы всѣ аисты были въ самомъ дѣлѣ такими безсовѣтными грабителями, какъ ихъ чернятъ иногда можетъ быть на основаніи отдѣльных наблюдений. На крестьянскомъ дворѣ, по крайней мѣрѣ, длинноногий гость не смѣетъ позволять себѣ слишкомъ много; да иначе ему и не было бы такого дружескаго приѣма подъ каждой кровлей. Однимъ словомъ—обвиненія не имѣютъ прочныхъ основаній, всѣ обстоятельства еще не разслѣдованы окончательно. Слѣдовательно, нечего торопиться признать надъ аистомъ своего приговора.

Совершенно понятно, почему воробей чувствуетъ себя такъ привольно въ нашемъ сосѣдствѣ, также какъ и то, отчего скворецъ охотно поселяется около человѣка; не менѣе полюбивъ привязанность ласточки къ нашимъ хлѣбамъ;—но что заставляетъ аиста поселяться подъ кровлю человѣка—это объяснить гораздо труднѣе. Привязанность эту мы встрѣчаемъ не только въ обыкновенномъ бѣломъ аистѣ, но даже и въ маленькомъ черномъ аистѣ, уроженцѣ внутренней Африки,—между тѣмъ какъ черный аистъ, водившійся въ восточной Германіи, чрезвычайно робокъ и никогда не вѣсть гнѣзда вблизи людскаго жилья.

Неужели птица въ самомъ дѣлѣ понимаетъ преимущество человеческого покровительства, и цѣнитъ его такъ высоко, что безъ размыслившаго принимаетъ гостеприимное приглашеніе! И удивительное дѣло, аистъ, такой же доверчивый, какъ всѣ прочія до-

мействами аистовъ, то не услышимъ объ этой птицѣ ничего предосудительнаго. Каждую осень, когда аистъ улетаетъ къ своимъ теплымъ африканскимъ квартирамъ, его напутствуютъ самыми лучшими желаніями, а весной нетерпѣливо ждутъ его возвращенія, и встрѣчаютъ какъ давно ожидаемаго дорогого друга. Случается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ аистъ не считается такимъ безвреднымъ; можетъ быть въ этомъ виноваты тѣ старые озорники, о которыхъ мы говорили, а изъ-за нихъ и всѣ остальные ихъ собратья лишаются довѣрія.

Кромѣ своихъ провинностей по части охоты, аистъ, какъ въ своей домашней, такъ и общественной жизни, далеко не безупреченъ. Какъ внутри домовъ, такъ и на крышахъ, жизнь далека отъ того идеала, осуществленіе котораго такъ отрадно было бы видѣть. Но вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не всѣ же люди хоть сколько нибудь да не при-

Запретная охота. Рис. и грав. Шпехтъ.

Что аистъ схватитъ при случаѣ зайчика, какъ видно на нашей картинкѣ, въ этомъ мы ни капельки не сомнѣваемся, особенно если ему попадутся слабенькія животныя, да притомъ еще отбѣжавшія на эту минуту отъ матери. Но можетъ ли онъ безнаказанно напасть на звѣрковъ, находящихся подъ защитой матки? Въ этомъ мы сомнѣваемся, и не потому только, что намъ не приходится видѣть этого собственными глазами, а потому что это вообще невѣроятно. То обстоятельство, что съ наступленіемъ зимы аистъ улетаетъ въ теплыя страны—служитъ доказательствомъ, что въ это время года птица, не находить себѣ корма; слѣдовательно ея пищу служатъ такія животныя, какъ змѣи, лягушки, черви и рыбы, которыя также какъ и аистъ бѣгутъ отъ холода, или дѣлаются недоступными подъ ледяной корою.

машнія птицы на дворѣ его гостеприимнаго хозяина, избѣгаетъ незнакомыхъ людей, особенно въ мало-извѣстныхъ ему мѣстахъ. Что можетъ побудить птицу къ такому тѣсному сближенію съ людьми, которыхъ онъ, и не безъ основаній, долженъ бы бояться какъ злѣйшихъ враговъ животныхъ? Но онъ не ѣжитъ отъ человѣка, а напротивъ старательно отыскиваетъ его сосѣдство, чтобы вѣрить его защитѣ все, что у него есть самаго дорогаго—своихъ дѣтенышей. Охотники лучше всѣхъ знаютъ, какъ трудно въ поляхъ подойти къ аисту на ружейный выстрѣлъ; онъ быстро улетаетъ—не только отъ человѣка въ охотничьемъ костюмѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, но даже мужики и пастухи кажутся ему иногда нѣсколько подбзрительными.

Если мы пораспросимъ объ этой птицѣ въ деревняхъ, населенныхъ различными се-

ближаются къ своему идеалу точно также и наш аистъ. Одинъ отецъ имѣлъ обыкновеніе говорить своему сыну: «ты отличный малый»—и прибавлялъ къ этому—«но могъ бы быть гораздо лучше!» Это можетъ относиться ко всякому человѣку, столько же сколько и къ аисту. Выраженіе это заслуживаетъ большаго вниманія. Какъ одна любовь и всегдашнія похвалы дѣлаютъ насъ слѣплыми ко многимъ недостаткамъ, такъ, въ свою очередь, непріязнь и вѣчная брань заставляютъ забывать то, что есть въ комъ нибудь дѣйствительно похвальнаго.

Еще въ древности аисту приписывали качества, какими, если взглянуть въ него поближе, онъ вовсе не обладаетъ, да и не имѣетъ претензій на это. Римляне и греки смотрѣли на него какъ на образецъ цѣломудрія, супружеской любви, благодарности и благотворительности. Говорилось, будто

молодые аисты заботятся о своих престарелых родителях, и нѣжно ухаживают за ними. Поэтому аинскій законодатель Солонъ не могъ придумать лучшаго названія для закона, предназначеннаго въ огражденіе отцовъ отъ неблагодарности дѣтей, какъ назвавъ его *аистовымъ закономъ* (Pelagonia). Но взглядъ на дѣйствительность разрушаетъ все эти иллюзии. Единственная семейная добродѣтель, выказывавшаяся почти у всѣхъ животныхъ, это материнская любовь, — да и она, у всѣхъ животныхъ не живущихъ обществами, продолжается только до тѣхъ поръ, пока дѣтеныши нуждаются въ материнскихъ заботахъ. Лишь только дѣти вырастаютъ, а довольно часто еще и раньше, они идутъ своей дорогой; нѣрѣдко родители просто принуждаютъ ихъ къ этому, даже прогоняютъ ихъ отъ себя насильно. А любви дѣтей, достигшихъ самостоятельности, къ родителямъ, въ животномъ мѣрѣ, нѣтъ почти и слѣдовъ, по крайней мѣрѣ сколько нибудь положительныхъ. Скорѣе же можно утверждать, что достаточно самой короткой разлуки, чтобы изгладить какъ у родителей, такъ и у дѣтей, всякое воспоминаніе о тѣсныхъ узахъ родства. Это можно наблюдать даже на нашихъ домашнихъ животныхъ, и притомъ на умнѣйшихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, на собакъ.

Правда ли, что у аистовъ материнская любовь развита сильнѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ? Не думаемъ, не смотря на удивительно разукрашенный рассказъ объ одной аистовой матѣ въ Дельфахъ, которая во

время пожара, чтобы не оставить своихъ птенцовъ, не хотѣла покинуть гнѣзда, не смотря на то, что весь домъ былъ объятъ пламенемъ, и вмѣстѣ съ своими маленькими погибла въ огнѣ.

Въ чувствѣ благодарности къ людямъ, дающимъ ему пристанище, аисту нельзя отказать. Но развѣ скворецъ и ласточка не выказываютъ этого чувства? Тотъ привѣтствуетъ человѣка щелканіемъ клюва, а эти — первый своимъ веселымъ пѣніемъ, ласточка доверчивымъ щебетаньемъ. Все остальное, что рассказывается объ аистѣ — относится больше къ области фантазіи.

Аистъ — такая же птица, какъ и другія, такой же хищникъ, какъ и наша ласточка, высоко цѣнимая нами, потому что она пожираетъ животныхъ, истребленіемъ которыхъ оказываетъ услугу эгоисту человѣку.

Хищническій промыселъ притупляетъ чувства, дѣлаетъ жестокимъ, даже кровожаднымъ. Аистъ идетъ по этому пути постепенно: сначала онъ истребляетъ гадовъ — потомъ попадаетъ ему гнѣздышко пеголицы, онъ разоряетъ его, — идетъ дальше, тамъ прыгаетъ лягушка, нѣтъ, это жаба; она ему не годится, но его острый клювъ уже поймалъ ее, она все равно должна погнѣбиться. Онъ способенъ стащить кормъ у зазѣвавшейся куропатки, а попадась ему слабенькій зайчикъ, то онъ живо избавитъ и его отъ робкаго и невѣрнаго существованія, — особенно въ такое время, когда ему надо выкармливать своихъ жадныхъ птенцовъ.

Не менѣе удивительны также рассказы о супружеской вѣрности аиста. Правда, что аистъ вѣренъ своей подружкѣ, но несколько не болѣе и не менѣе, чѣмъ сотни и тысячи другихъ птицъ. Онъ держится на патриархальнаго домашняго порядкѣ; за малѣйшій проступокъ, безъ всякаго снисхожденія наказываетъ свою супругу и дѣтей — даже до крови, и часто — какъ серьезно убѣряютъ нѣкоторые — такіа супружескія ссоры представляются на разрѣшеніе народнаго собранія.

Какъ жаль, что мы не понимаемъ языка аистовъ! Какія бы вещи мы могли тутъ услышать? Впрочемъ, можетъ быть это и безъ того не трудно отгадать. Развѣ мы слышимъ да рядомъ не видимъ, что стоитъ двоимъ побораться, какъ сейчасъ же собирается цѣлая толпа? одни принимаютъ участіе въ ссорѣ, другіе остаются просто зрителями. Тоже самое мы видимъ у воробьевъ. Осенью, когда они собираются въ зимнее путешествіе и въ собраніи цѣлой стаи пробуютъ крылья молодыхъ птицъ, — тутъ бывають жестокія расправы; всѣ до того разгорячаются, что на мѣстѣ собранія рѣдко не остается раненыхъ или мертвыхъ.

Слѣдовательно и въ этомъ прославленномъ аистовомъ судѣ — нѣтъ ничего особеннаго; то же самое наблюдается и у многихъ другихъ птицъ. Можетъ быть у длинноногаго аиста это больше бросается въ глаза, а поэтому и заставляетъ такъ много говорить о себѣ.

СМѢСЬ.

Калифорнія!—все еще имѣетъ заманчивыи звукъ для многихъ, хотя золотое дно страны заключается теперь не въ минеральныхъ сокровищахъ, а въ необыкновенно роскошной производительности почвы. Давно уже потокъ искателей золота и фортуны полился дальше, открывая новыя области для культуры, которая всюду идетъ по пятамъ за ними.

Все еще въ этомъ имени мерещатся золотыя видѣнія, изъ которыхъ богатая фантазія г. Майнъ Рида и компаніи почерпаетъ матеріалъ къ великому множеству многотомныхъ романовъ. Гамбузино, золотоискатель по профессіи, постоянно играетъ въ нихъ первостепенную роль; таинственная золотая долина, гдѣ скрывается несмѣтное количество благороднаго металла — главная нить, около которой они вертятся. Но настоящая тайна извѣстна немногимъ — и эти немногіе знаютъ какъ цѣнить эти несмѣтныя сокровища, между тѣмъ какъ другіе ставятъ все на карту чтобы завладѣть тайной, и часто самыя дерзкіе изъ нихъ погибають въ ту минуту, когда передъ ними начинается разрѣшаться загадка, что приобрѣтается иногда цѣною крови и преступленія.

Такая таинственная золотая долина, залегшая въ мексиканской области Сенори, привлекала къ себѣ многое множество искателей счастья. Слава, лежащая между Калифорніей и Сонорой, Аризоны, которая въ сущности есть не что иное какъ сѣверная вѣтвь нѣкогда болѣе обширной провинціи Сонори, — облетѣла весь мѣръ и завлекла сюда тысячи новыхъ авантюристовъ. Но романтическая тайна все еще не разъяснилась, знаменитая золотая долина до сихъ поръ не открыта.

Мы намѣрены повести читателя въ эту таинственную Сонору, но предупреждаемъ его заранѣе, — въ томъ, что мы покажемъ ему, онъ не найдетъ никакихъ золотыхъ видѣній; голая дѣйствительность раскроетъ передъ нимъ картины совершенно противоположныя тѣмъ фантастическимъ образамъ, какіе рисуетъ ему пылкое воображеніе романтистовъ.

Великій Океанъ, глубоко вдаваясь въ западный берегъ Америки, образуетъ Багряное море или Калифорнійскій заливъ, принимающій въ себя большую рѣку Рио Колорадо. Далеко растянутый, доходящій почти до девятаго градуса широты полуостровъ есть Старая Калифорнія, до сихъ поръ еще принадлежащая Мексиканской республикѣ. Но это не то Эльдорадо, къ которому стремятся алчущія золота души; послѣднее лежитъ на сѣверѣ отъ Старой Калифорніи и составляетъ часть Соединенныхъ штатовъ. Береговой материкъ, образующій западный край этого большаго залива, принадлежитъ двумъ мексиканскимъ провинціямъ Чиналоъ и Сонорѣ, а отъ послѣдней отдѣляется вѣтвь упомянутой выше золотой земли Аризоны, составляющей уже территорію Соединенныхъ Штатовъ.

Центромъ движенія внутри залива служитъ городъ *Гваймасъ*. Отсюда идутъ различныя пути, какъ на сѣверъ черезъ Гермосилью

въ Тубану въ Аризонѣ, такъ и на югъ по береговымъ полосамъ, а равно и чрезъ громадныя хребты въ Чилдагуу, центръ движенія для всей сѣверной Мексики. Изъ всего этого, въ Гваймасѣ слѣдовало бы ожидать большой жизни. Однако этого нѣтъ; напротивъ, трудно найти мѣсто болѣе унылое и скучное, чѣмъ этотъ городъ.

Мягкія волны океана медленно несутъ корабль по Багряному морю до Гваймаскаго залива. Еще задолго до входа въ гавань, рѣзко выступаютъ контрастъ между веселой, освѣщенной солнцемъ поверхностью моря и мрачно громоздящимися въ воздухѣ гигантскими вершинами предгорій Кордильеровъ, вѣчающихъ городъ. Разорванныя ихъ верхушки поднимаются въ воздухѣ темными, черноватыми массами; ихъ прорѣзываютъ мрачныя ущелья и пропасти; кромѣ нѣсколькихъ малорослыхъ изуродованныхъ пальмъ, ни одно деревцо не украшаетъ голыя скалистые склоны.

Передъ самымъ входомъ въ гавань, лежитъ, точно громадный волнорѣзъ, крутой скалистый островъ дель-Пахаро (птичій островъ). До этого мѣста простирается еще ярость океана, когда ему вздумается разгуляться; но дальше за островомъ лежитъ постоянно спокойная вода. Вслѣдствіе этого, Гваймасъ — одна изъ лучшихъ и безопаснѣйшихъ гаваней западныхъ береговъ Америки, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не принимавшая никакого участія въ сношеніяхъ съ міромъ. Самая гавань имѣетъ преносходный икорный грунтъ, вода погружена здѣсь въ вѣчный покой, и такъ глубока и пространна, что въ ней могутъ стоять на якорѣ одновременно до двухъ сотъ кораблей во сколько угодно тоннъ.

Трудно представить себѣ, какая жалкая картина ожидаетъ прибѣгаго, когда онъ вступитъ на берегъ. Отъ мизерной набережной идутъ къ рейду двѣ плотины, онѣ должны изображать собою моль; черезъ нихъ проходятъ только маленькія шлюпки. Черныя вершины надвигаются къ самому берегу, и не даютъ городу развернуться внутрь. Два ряда хижинокъ, выстроенныхъ изъ бамбуковаго тростника, составляютъ рынокъ. Влѣво, съ вершины ближайшей возвышенности, грозитъ маленькій фортъ; но скорѣе кажется, будто онъ хочетъ просить у вражескихъ пушекъ пощады бѣднымъ лачужкамъ. Надъ домами, вовсе не соответствующими требованіямъ цивилизации, — а такіе дома имѣются здѣсь, потому что тутъ живетъ агентъ французскаго консульства, — возвышается украшенный двумя крестами Кальваріенбергъ, о значеніи котораго сами жители вѣроятно не имѣютъ никакого понятія.

Мы идемъ по молу въ городъ. Нѣсколько блѣдножелтыхъ креловъ и грязныхъ индѣйцевъ равнодушно глядятъ на насъ, даже иностранцы не возбуждаютъ здѣсь никакого вниманія. Безличность испанско-американской расы нигдѣ не можетъ выказываться рѣзче, чѣмъ здѣсь. Дома удивительнымъ образомъ, почти безъ исключенія, поворачиваются спиной къ гавани; впрочемъ, и безъ того въ стѣнахъ ихъ очень мало оконныхъ отвер-

стей: да и что за нужда этимъ людямъ смотрѣть на свѣтъ, объ которомъ они ничего не хотятъ знать, и которому до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Замѣтныхъ улицъ только три; онѣ выходятъ лучеобразно отъ набережной. Тамъ и сямъ замѣтно нѣчто похожее на безобразный тротуаръ, но объ мостовой пѣтъ нигдѣ и помину. Въ такой роскоши жители имѣютъ такъ же мало нужды, какъ и въ освѣщеніи города ночью.

Кто же эти жители? Какъ уже сказано, испанскіе креолы, потомки тѣхъ смѣлыхъ завоевателей, которые оставили свое отечество, чтобы открыть Новый Свѣтъ, и подчинить себѣ и своему королю необъятныя владѣнія. Но въ потомкахъ ничего не осталось отъ духа предприимчивости предковъ. Можетъ быть правда, что тропическая природа, расточительно надвѣвающая своихъ дѣтей всѣмъ, что имъ нужно, усыпляетъ дѣятельность, но испанскій креоль будетъ предаваться ничему не дѣлая даже и тамъ, гдѣ природа всего менѣе жедра для человѣка. Это мы видимъ въ Гваймасѣ.

Жители и этого обиженнаго природой мѣста, точно также ставятъ своимъ лозунгомъ: работа не дѣлаетъ счастливымъ! Они предоставляютъ заботу о всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ индѣйцамъ, на которыхъ смотрятъ съ гордымъ презрѣніемъ, какъ на низшихъ существъ. Больше трети всего населенія, не превышающаго въ общей сложности 1500 душъ, составляютъ чистокровные краснокожіе изъ племени Яяи, населяющаго всю окрестную мѣстность. Отставъ отъ своихъ дикихъ степныхъ братьевъ сѣверныхъ прерій, эти краснокожіе сыны природы ведутъ болѣе ослѣдъ образъ жизни и представляютъ собой здѣсь преимущественно ремесленный классъ. Какіе только есть въ Гваймасѣ плотники, каменщики, корабельщики и т. п., почти всѣ они принадлежатъ къ коренному американскому населенію и живутъ въ городѣ временно. Часть года эти гваймаскіе ремесленники проводятъ на родинѣ въ деревняхъ—и если бы между ними и бѣлыми возникли какія нибудь затрудненія, то бѣлое населеніе очутилось бы лишеннымъ самыхъ необходимыхъ предме-

товъ. Но и это не особенно заботитъ креола. Если его сарана или панталоны придутъ въ состояніе лохмотьевъ, на ногахъ будутъ дырявые сапоги или придется ходить и совѣмъ босикомъ, онъ съ не меньшей важностью будетъ покуривать свою сигаретку, какъ чистокровный испанецъ, истый сынъ своихъ предковъ.

Забота о доставленіи свѣжей воды также предоставлена почти исключительно краснокожимъ. А снабжать городъ водой не бездѣлица. Кромѣ рѣки Санъ Хозе, впадающей въ море у самаго Гваймаса, но отдѣленной отъ города почти непроходимымъ горнымъ ущельемъ, далеко кругомъ нѣтъ ни ручьевъ, ни источниковъ. Вода получается изъ колодезевъ посредствомъ движущихся на колесахъ черпаленъ. Эти колодезья лежатъ далеко отъ города по дорогѣ въ Гермосильо и доставляютъ необходимую для питья воду; когда же въ жаркое лѣто они высыхаютъ, что случается совѣмъ не рѣдко, то единственными источниками остаются цистерны съ полу-тухлой водой. По дорогѣ неумоимо расхаживаетъ взадъ и впередъ агвадоръ, играющій такую важную роль во всей испанской Америкѣ, а осель его развозитъ по городу драгоценную влагу въ грубыхъ кожаныхъ мѣхахъ.

Нигдѣ такъ не характеристична фигура агвадора, какъ здѣсь. Широкіе панталоны, доходящіе по большей части только до колѣнъ, рубашка, раскрытая на груди, на ногахъ сандалии, а еще чаще ничего; длинные, вздерошенные волосы повязаны пестрымъ платкомъ; на головѣ необъятная соломенная шляпа, закрывающая своей тѣнью коричневое замазанное лицо. Въ такомъ видѣ агвадоръ облокачивается на своего маленькаго шарпаваго ослѣнка, который стоитъ понуруя голову и какъ будто размышляя о тяжеломъ ремеслѣ своего хозяина.

Таковъ Гваймасъ, главный пунктъ бассейна Калифорнійскаго залива, преддверіе таинственной Сопоры съ ея неисчерпаемыми сокровищами. Тотъ, кѣмъ овладѣетъ золотая горячка подъ впечатлѣніемъ фантастическихъ разсказовъ романистовъ, и увлечетъ его въ эту баснословную страну,—тотъ или безумецъ, или ему нечего терять на бѣломъ свѣтѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ удостоилъ въ Югенгеймѣ, 12-го (24-го) іюня сего года, Высочайшей ратификаціи консульскую конвенцію, заключенную 20-го марта (1-го апрѣля) 1874 года между Россією и Францією. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на французскую 22-го іюня (4-го іюля) сего года, и договоръ этотъ на основаніи 17 ст., долженъ засимъ войти немедленно въ дѣйствіе.

— Государь Императоръ удостоилъ въ Югенгеймѣ, 12-го (24-го) іюля сего года, Высочайшей ратификаціи заключенную, 20-го марта (1-го апрѣля) 1874 года, между Россією и Францією конвенцію о наследствахъ, остающихся въ одномъ изъ двухъ договаривающихся государствъ послѣ подданныхъ другаго. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на французскую 22-го іюня (4-го іюля) сего года, и договоръ этотъ, на основаніи 15 статьи, долженъ засимъ немедленно войти въ дѣйствіе.

— Государю Императору благоугодно было, 16-го апрѣля сего года, Высочайше повелѣть: 1) Разрѣшить съ шведскимъ правительствомъ министерскія деклараціи о взаимной переступкѣ городскихъ земель: русской—въ Стокгольмѣ и шведской—въ Москвѣ, и 2) по утвержденіи разнѣна министерскими деклараціями, сдѣлать надлежащее сношеніе о передачѣ возвращаемаго Швецією участка земли городу Москвѣ. Во исполненіе перваго пункта изображенной Монаршей волн, подписана Управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, 23-го мая (4-го іюня) сего года, надлежащая по изысненному предмету министерская декларація и обмѣнена на такую же декларацію, подписанную шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ 9-го (21-го) мая текущаго года.

— Государь Императоръ, 29-го минувшаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ изъять отъ разрѣшенія носить бороды корпусъ жандармовъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Согласно Высочайше утвержденному, 10-го минувшаго августа, положенію объ

управленіи корпусомъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ нынѣ же образовать управленіе гвардейскаго корпуса съ входящимъ въ оное управленіемъ начальника артиллеріи корпуса, руководствуясь приложенными къ означенному положенію штатами.

— Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, въ Ливадіи, 30-го минувшаго августа: Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Александръ Александровичъ произведенъ въ *генералы-отъ-инфантеріи* и *генералы-отъ кавалеріи*, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и съ назначеніемъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

Его Императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

— Учрежденная по Высочайшему повелѣнію изъ лицъ по усмотрѣнію главнаго начальника оренбургскаго военнаго округа особая коммиссія для разработки главнѣйшихъ основаній для установленія порядка отбыванія воинской повинности башкирами Оренбургскаго края, по окончаніи всѣхъ работъ, представила результатъ всѣхъ занятій въ военное министерство.

— Изъ Майкопскаго лагеря пишутъ въ «Русскій Инвалидъ», что войска этого лагеря пополнены *новобранцами* только въ концѣ апрѣля и маѣ, вслѣдствіе чего на строевое образованіе молодыхъ солдатъ и на обученіе ихъ стрѣльбѣ употреблено было всего два съ половиною мѣсяца. Однако, не смотря на этотъ короткій срокъ, новобранцы настолько окрѣпли въ строевомъ образованіи вообще, что въ массѣ совершенно слились съ старослужащими.

— Число приходящихъ въ Кронштадтъ коммерческихъ судовъ въ нынѣшнемъ году значительно болѣе, пишутъ въ «Кронштадтскій Вѣстникъ», нежели въ прошедшемъ. Такъ, въ 1873 году, отъ начала навигаціи и по 18-е августа, прибыло къ порту судовъ: 552 паровыя и 1,253 парусныхъ; нынѣ же, въ тотъ же періодъ времени, пришло паровыхъ 751 и парусныхъ 1,371.

— Въ «Ник. Вѣстникъ» пишутъ изъ Оеодосіи, что извѣстный художникъ Айвазовскій предназначаетъ недавно оконченную имъ картину, изображающую одинъ изъ моментовъ бомбардированія Севастополя, въ подарокъ морскому музею въ С.-Петербургѣ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ Новочеркасскѣ открыты 1-го августа кратковременные педагогическіе курсы для учителей приходскихъ училищъ окр. Черкаскаго, 1-го Донскаго, Донецкаго и Міусскаго.

— 30-го августа происходилъ торжественный актъ Императорскаго варшавскаго университета. Изъ прочитаннаго на актѣ отчета о дѣятельности университета за истекшій академическій годъ видно, что университетъ, вступая въ шестой годъ своего существованія, находится почти въ полномъ составѣ. Кругъ дѣятельности профессоровъ въ настоящее время значительно расширился. Многие изъ нихъ, кромѣ своихъ постоянныхъ занятій при университетѣ, работаютъ и на другихъ поприщахъ ученой дѣятельности, принимая живое участіе въ разнаго рода научныхъ изслѣдованіяхъ Россіи, и мѣстнаго края. Нѣкоторые другіе принимали участіе и въ заграничныхъ сѣздахъ. Въ настоящее время въ университетской библиотекѣ имѣется до 300,000 томовъ; зоологическій музей и нѣкоторые другіе ни въ чемъ не уступаютъ подобнаго рода университетскимъ учрежденіямъ Россіи. Что касается до успѣховъ учащихся, то изъ отчета видно, что студенты серьезно относятся къ дѣлу образованія. Успѣхи въ знаніи студентами изъ подлаковъ русскаго языка также значительны; многіе изъ нихъ настолько хорошо владѣютъ русскою рѣчью, что по выговору ихъ не возможно отлѣчить отъ студентовъ чисто-русскаго происхожденія. Изъ числа имѣющихся въ распоряженіи университета стипендій, 22 выдаются изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 25 изъ специальныхъ средствъ университета, а всѣ остальные изъ частныхъ пожертвованіе. Общая сумма специальныхъ пособій составляетъ 20,760 р. 90 коп. Кромѣ того на пособіе наиболѣе нуждающимся студентамъ совѣтъ университета ежегодно назначаетъ

изъ специальныхъ средствъ университета по 1,000 руб. въ годъ.

— 2-го августа Высочайше утверждён уставъ музея Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ. Почетный Президентъ музея—Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Музей имѣеть цѣлю служить наглядною исторіею главныхъ эпохъ русскаго государства и содѣйствовать распространению свѣдѣній по отечественной исторіи. Въ музеѣ собираются всѣ памятники знаменательныхъ событийъ отечественной исторіи. Эти памятники въ подлинникахъ, копіяхъ или слѣпкахъ, расположенные въ хронологической последовательности, должны представлять по возможности полную картину каждой эпохи съ ея памятниками: религіи, законодательства, науки и литературы, съ предметами искусства, ремеселъ, промысловъ и вообще со всѣми памятниками бытовой стороны русской жизни, а равно и съ предметами военныхъ и морскихъ силъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

«Земледѣльч. Газета» сообщаетъ о слѣдующемъ входящемъ въ употребленіе способѣ молотбы походными молотильными машинами. Крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ *Рязанской губерніи*, въ особенности Скопинскаго, сами дѣлаютъ молотилки. Они берутъ ихъ съ собою вмѣстѣ съ разбирающимся приводомъ. При молотилкахъ этихъ путешествуетъ обыкновенно цѣлый комплектъ рабочихъ, которые при загодѣ производятъ молотбу. Такія мо-

тилки принадлежатъ болѣею частью не одному, а *цѣлой артели* крестьянъ, которая обыкновенно и путешествуетъ съ ними. Артели такихъ молотильщиковъ уже нѣсколько дѣтъ и прежде обходили всѣ хозяйства болѣею части уѣздовъ губерніи Тамбовской, проходили отсюда въ губернію Воронежскую и область Войска Донскаго; въ нынѣшній годъ число такихъ молотильщиковъ особенно велико; цѣны, по которымъ они молотятъ, не высоки, обыкновенно 10 копѣекъ съ коны. Работы для нихъ находится очень достаточно. Главное удобство для хозяевъ при этомъ то, что при такой молотбѣ устраняются всякіе хлопоты по найму рабочихъ и надзору за ними.

— Н. Е. Цабель, директоръ Императорскаго Никитскаго сада, устроилъ въ Ялтѣ складъ для снабженія винодѣловъ и садоводовъ необходимыми для нихъ инструментами и аппаратами. Кроме того, въ складѣ этомъ принимаются всевозможные заказы на изготовленіе предметовъ относящихся до садоводства и винодѣлія, а въ извѣстные дни будутъ производиться въ немъ демонстративныя разъясненія для ознакомленія желающихъ съ находящимися въ немъ предметами.

СОДЕРЖАНИЕ: Египетскія пирамиды (съ рисункомъ). — Двѣ встрѣчи (съ двумя рисунками). В. Невиновича-Давченко. — Прохожденіе планеты Венеры (съ рисункомъ и картою). По пути. Разсказъ БЕРДОЛЬДА АЗЪРБАХА. — Запрещенная охота (съ рисункомъ). — Сибирь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго склада В. П. Печаткина.

ОТПЕЧАТАНЪ И ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ
безъ предварительной цензуры
ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ
РОМАНА
„ВТОРАЯ ЖЕНА“
Роч. М. Марлитта.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Для гг. подписчиковъ «НИВЪ» я уступаю это изданіе съ пересылкою за 1 руб. 30 коп.

Никогда еще талантъ автора не выказывался съ такой поражающей яркостью, какъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи, которое живыми и блестящими красками рисуетъ придворную жизнь мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ: въ С.-Петербургѣ — у Исакова, Базунова, Вольфа, Кожанчикова, Черкесова, Глазунова, Ф. Вителлажа, Колесова и Михина; въ Москвѣ — у Соловьева (на Страстномъ Бульварѣ) и у издателя «НИВЪ», въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

А. Ф. Марксъ.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ
ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,
СОСТАВЛЕННЫЙ
И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою до 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова употребляемые въ артилеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искусствѣ.

Съ требованіемъ обратиться въ С.-Петербургѣ, Фурштатская улица, домъ № 13, въ редакцію Артиллерійскаго Журнала, или къ книгопродавцу Д. Ф. Федорову (Апраксинъ дворъ № 12), и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ Петербурга и Москвы, которымъ дѣляется уступка 20%.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАТОКИ ЧАЯ

Симъ извѣщаются, что въ склады извѣстнѣйшаго по своей обширной торговлѣ и превосходному выбору чаевъ: московскаго торговаго дома **ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО**, получены изъ Кяхты и поступили въ оптовую и розничную продажу **СВОБЪЕННОЙ ВЫПИСКИ** большія партіи свѣжихъ душистыхъ чаевъ, равныхъ которымъ, какъ по ихъ отменно высокому достоинству, такъ и по умѣренной цѣнѣ, никогда еще не бывало въ продажѣ.

Но въ особенности

обращаютъ на себя всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ, имѣвшихъ случай апробовать нижеслѣдующіе новые чаи, отличающіеся своимъ чуднымъ, необыкновенно пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ, а именно: изъ чаевъ черныхъ: № 2-й, Ненхэо-Пека, 1 руб. 40 коп.; № 3-й, изъ фазы Лозана ососка Фучефу, 1 руб. 60 коп.; № 4-й, высшій сортъ жемчужный Букетъ фучана, 1 руб. 80 коп.; въ особенности же рекомендуются любителямъ изъ отборныхъ: ханскій № 5-й, Царскій Букетъ, въ 2 руб.; № 6-й чуднаго аромата и вкуса Царская Роза, въ 2 руб. 30 к., и, какъ необычайная рѣдкость, равнаго которому по достоинству не существуетъ въ продажѣ № 7-й, Индѣйская Роза, 2 руб. 60 коп.; изъ цвѣточныхъ чаевъ очень хорошіе: № 12-й, Мылюконъ, 2 руб. 10 коп.; № 13-й, отборный, 2 руб. 25 коп., а также лянсинъ букетные: № 14-й, Мыютанъ-Наджинъ-Пека, 2 руб. 50 коп.; № 15, Букетный Лянсинъ, въ 2 руб. 70 коп., и въ особенности № 16-й, Букетъ Розы, въ 3 руб., и № 17-й, лянсинъ Китайской Императрицы, въ 3 руб. 25 коп.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай чрезъ почту, съ требованіями своими благоволить относиться искажительно по слѣдующему адресу: Въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торашкаго, въ главную контору торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко. Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ чрезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается конторою на свой счетъ и, сверхъ того, дѣляется уступка 5% *) съ рубля всѣмъ, выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кроме упомянутой уступки, выписывающимъ чай одновременно на 50 руб., безъ различія губерній, высылается бесплатно по выбору — новозобрѣтенный металлическій «чайникъ», или же «чайница» новой конструкціи, или же серебряная «мѣрка» для чая, или же 1 ф. чая Букетъ розы въ 3 р.

Болѣе 4,000 торговцевъ

въ разныхъ городахъ Имперіи производятъ съ огромнымъ, день-ото-дня возрастающимъ, успѣхомъ продажу развѣшанныхъ чаевъ фирмы московскаго торговаго дома **О. А. КОРЕЩЕНКО** на самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ для себя, такъ и для своихъ покупателей условіяхъ.

Въ городахъ, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

Чай по требованію торговцевъ

отпускается развѣшаннымъ на фунты, полуфунты и четверти. Каждый пакетъ, для сохраненія аромата въ чаѣ, завертывается въ олово и въ печатный этикетъ фирмы торговаго дома, на коемъ означена цѣна чая и находится пломба фирмы.

*) Въ предыдущемъ № «Нивѣ» ошибочно было напечатано 50 %, вмѣсто слѣдующихъ 5%.

металлическія ручки которыхъ сдѣланы; чего означенное отверстие замыкается внизу въ формѣ цѣтвъ; при этомъ находящимся каучуковымъ кружкомъ, открывающимся въ бассейнъ вода стекаетъ внизъ вающимся когда поршень опущенъ. Бассейнъ, чрезъ кольцообразное пространство между трубкой В и отверстиемъ норшій А, для чтобы въ немъ вмѣщалась всѣ находящаяся въ цилиндрѣ и бьющая струей вода, не переходя черезъ край. Прочее устройство этой хорошенкой вещицы, убранство ея цѣтвъ и проч. ясно видно на предлагаемой картинѣ.

Что случилось съ Петромъ Петровичемъ.

Разсказъ Н. Боева.

I.

Желѣзные пути потянулись во всѣ стороны и провинція вся перебивалась въ Петербургѣ. Нынче не встрѣтишь такихъ дикарей, которые бы не выдали Невского, памятника Петра и проч. Нынче на вопросъ: «куда вы ѣдете?» наши отвѣчаютъ— «въ Петербургъ», съ такимъ поигрываніемъ трости и съ такимъ равнодушнымъ видомъ, какъ будто это—улицу перейти. Теперь невозможенъ разсказъ про господина, который всю жизнь томился тоской по Петербургѣ—и когда наконецъ съѣздивъ, то впечатлѣніе такъ глубоко въ сердце врѣзалось ему, что онъ на вопросъ о Петербургѣ, потомъ, уже ничего не отвѣчалъ и только сладко и загадочно улыбался. Мотивъ послѣдней оперетты Буффовъ нынче вы вдругъ услышите и въ уѣздномъ клубѣ, и предъ началомъ земскаго собранія.

Пріѣзжіе въ Петербургъ отъ насъ бываютъ двухъ родовъ. Одни пріѣзжаютъ—подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя поподають большею частію въ такой смрадъ, слякоть и туманъ, что очевидно подъ свѣжимъ воздухомъ разумѣется нѣчто иное. Начинается отыскиваніе старыхъ пріятелей, таинственныя поѣздки съ ними куда-то внѣ района вліянія ихъ негодующихъ супруговъ, походы непременно въ Малоярославецъ, гдѣ есть какія-то вещи, которыхъ будто бы нигдѣ больше достать нельзя. Ужасный смрадъ, запахъ кухни, промзглый дымъ, висающій въ этомъ раю пріѣзжихъ, тоже, кажется, нельзя назвать свѣжимъ воздухомъ. Должно быть—свѣжій воздухъ—это тѣ безсвязные, шумные разговоры, шутки съ желто-блѣднымъ усатымъ лакеемъ, перекрестный огонь заказовъ какихъ-то диковинъ, которыя никому особенно не понравились, но о которыхъ потомъ вспоминаютъ съ восторгомъ.

— Нѣтъ, я тебѣ скажу, подали намъ рыбищу—страсть! Потомъ разстеганіе... Но листовка—я тебѣ говорю!

И все это въ воображеніи разсказчика принимаетъ необычальные размѣры.

Это лица восторженныя. Они останавливаются въ восхищеніи передъ памятниками и колонадами, по часамъ стоятъ передъ магазинами Кумберга, ѣздить «прокатиться» въ желѣзно-конной каретѣ, покупаютъ «по случаю» сочиненія Пушкина и Шелгунова у букиниста выше номинальной цѣны (и гдѣ у нихъ лежатъ потомъ эти книги? Вы ихъ никогда не увидите), и все это продѣлываютъ пріѣзжіе. Петербуржецъ знаетъ все это и не восхищается. Онъ такъ занятъ своими карьерами, тиражами и вакансіями, что ничего не замѣчаетъ. Онъ цѣлые года не смотритъ викарихъ «до-стопримѣчательностей», которыя кажется только и существуютъ для пріѣзжихъ.

Есть другіе пріѣзжіе—по дѣламъ. Этимъ, по пріѣздѣ, столица сказывается тяжело. Они одиноки съ своей заботой среди мечущейся толпы. Они ищутъ нужныхъ имъ людей, вѣчно не застаютъ ихъ дома, стараются безъ всякой нужды подгушить важныхъ лакеевъ и швейцаровъ; пробуютъ захватить нужное лицо чуть не въ постели или въ коротенькомъ пространствѣ между крыльцомъ и подножкой кареты, наконецъ добываются свиданія, представляются въ толпѣ другихъ просителей, уходятъ отъ нужнаго лица съ ощущеніемъ ненужности свиданія и съ двумя милостивыми словами въ ушахъ. И только уже идя по Невскому, остановясь въ раздумьи и увидѣвъ свое разстроенное лицо въ зеркальномъ стеклѣ магазина, онъ вдругъ хватится, что милостивыя слова ничего не означаютъ и что надо опять начинать съизнова. Спертый воздухъ улицъ давить грудь; изо всѣхъ воротъ въ

лицо и въ затылокъ дуетъ сквозной вѣтеръ, морщина глубоко перерѣзываетъ лобъ его. А дома, въ номерахъ, такъ стучать и звонять, такъ гадко, дорого и противно! Обѣдъ такой безвкусный, вино мерзкое, голова тяжела и кружится—и тяжелый сонъ сваливаетъ его на номерную кровать до скучнаго вечера.

Петръ Петровичъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Онъ пріѣхалъ по дѣлу, изъ одной, очень далекой, нашей провинціи. Петръ Петровичъ гордился за нашъ край—и жилъ спокойно, когда вдругъ почему-то мѣсто, на которомъ онъ такъ хорошо у насъ уѣлся, было упразднено. Онъ встревожился, задумался, потомъ сказалъ намъ магическое слово «въ Петербургъ». По этому поводу онъ напился съ большой компаніей. Онъ смутно помнилъ потомъ, что со всѣми прощался и цѣловался, потомъ даже зачѣмъ-то разбилъ рюмку и на утро, съ большой головой, потащился въ повозкѣ по снѣгу до ближайшей станціи желѣзной дороги.

И вотъ, въ Петербургѣ онъ переиспыталъ все, о чемъ мы говорили выше. Нигдѣ не чувствуешь себя такъ одинокимъ, какъ въ громадномъ городѣ, въ которомъ нѣтъ интересовъ и нѣтъ знакомыхъ. Молчаливые люди, которыми до насъ нѣтъ дѣла, какъ тѣни, мелькаютъ мимо. Гремящіе экипажи, санки, звонки омнибусовъ, картинки въ окнахъ магазиновъ, крики кучеровъ—все это сливается въ какую-то безразличную, волнующуюся массу, во что-то не имѣющее для васъ ни малѣйшаго смысла. Все это точно опрокидывается на васъ и тяжело давить.

Петръ Петровичъ остановился передъ эстампнымъ магазиномъ, такъ какъ торопиться домой было не-зачѣмъ, и смотрѣлъ, не видя ничего, въ окно. Онъ задумался. За нимъ по тротуару стучали калоши, звенѣли шпоры и сабли по пантели, какой-то юркій господинъ зашелъ съ одной стороны и пристально посмотрѣлъ на него...

II.

Когда Петръ Петровичъ скромно отвернулся, юркій господинъ опять зашелъ съ другой стороны и наконецъ вскрикнулъ.

— Петя! другъ! Не стыдно не узнать! а? школьнаго-то друга!.. Какъ, братъ, ты постарѣлъ однако! эку бороду отпустилъ? Откуда, дружище?

Нашъ Петръ Петровичъ—человѣкъ очень добрый, но осторожный. А потому онъ сперва пристально посмотрѣлъ на худенькое, съ узкими бакенами подъ шелковымъ цилиндромъ, лицо, призналъ его на что-то дѣйствительно похожимъ, что ему помнилось изъ дѣтства,—и радушно протянулъ руку. Тотъ говорилъ безъ умолку. Собственно говоря, Петръ Петровичъ былъ радъ этой встрѣчѣ, но боялся показать неприличную радость передъ петербургскимъ товарищемъ.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, Калашниковъ! Ну, что подѣлываешь, какъ поживаешь? Ты вѣдь кажется хотѣлъ тогда въ военную службу?

— Ну вотъ—что военная! Я раздумалъ. Я, братъ, адвокатствую вотъ помаленьку. Вотъ это дѣятельность! Недавно дѣло выигралъ—рубльковъ съ 200 получилъ. Не надо ли тебѣ съ кого взискать, или нѣтъ ли какого дѣла въ съѣздѣ?

— Сохрани Богъ...

— Ну вотъ, ну вотъ! ахъ, какъ вы всѣ тамъ въ провинціи отстае! Мировой судъ! а? Какъ можно! Тутъ такіе идеи можно проводить! Да вотъ—я недавно мужика одного защищалъ! Говорилъ, говорилъ—просто, братъ, забылся!

право! Однако зайдемъ-ко, братъ, куда нибудь—ты не объедалъ еще? Вотъ хоть къ Палкину...

Петръ Петровичъ пошелъ охотно, едва поспѣвая за юркихъ товарищемъ. Когда они повернули къ подъѣзду съ Садовой, Калашниковъ вдругъ забѣжалъ навстрѣчу кому-то, раскланялся и опять заговорилъ. Оглянувшись, Петръ Петровичъ увидѣлъ двухъ женщинъ. Одна, полная и немолодая, была въ какомъ-то странномъ короткомъ платьѣ и кофтѣ, въ довольно высокихъ сапогахъ, въ синихъ очкахъ, съ кипой книгъ подмышкой. Другая—совсѣмъ молоденькая, миловидная, блѣдная дѣвочка, въ черномъ, съ коротко остриженными волосами,—совершенно такія фигуры, которыхъ «совсѣмъ уже нѣтъ» по усердному увѣренію нашей печати и которыхъ преимущественно почему-то встрѣтите въ сборѣ въ Публичной библиотекѣ.

— Откуда вы, Заносцева? началъ Калашниковъ къ старшей.

— Ходили «Дѣло» читать въ библиотечку. Ну и каковъ нашъ сатирикъ? А еще либералъ! Пишетъ, что мы собираемся для того, чтобы читать «Труды вольно-экономическаго общества». Нѣтъ, это подло—это значить унижать...

— Это конечно, это политика... понимаете?... Политика!

— Я только знаю, что такъ смѣяться подло... Кому это нужна ваша политика? Мы не прячемся... Будете у насъ?

Она смѣшно-развязно, по мужски, подала ему руку. Тоже сдѣлала и дѣвочка, которая вынула очень большую кожаную папиросницу.

— Нѣтъ ли спички, товарищъ? сказала она, закидывая голову, какимъ-то дѣланнымъ голосомъ. Калашниковъ вынулъ спички—и они закурили.

— Это кто съ вами? вслухъ безцеремонно спросила Заносцева, указывая.

— Мой товарищъ—я васъ познакомлю. Мы виѣстѣ придемъ сегодня.

— Приходите. У насъ вѣдь, батюшка, безъ церемоній. Только бы былъ честно-мыслящій человекъ—и ладно! отвѣчала та, пожимая имъ руки.

Петръ Петровичъ очень заинтересовался. Онъ въ первый разъ видѣлъ такихъ. Когда старые товарищи усѣлись у буфета, окруженные табачнымъ дымомъ, чадомъ, бѣгающими лакеями, шумомъ и стукомъ, и сѣрый петербургскій день освѣтилъ ихъ сквозь какія-то мрачно-потемнѣвшія стекла, они выпили водки и Петръ Петровичъ спросилъ:

— Кто это такіе?

— О, это братъ тебѣ счастье—такое знакомство! Это такая... биологіей теперь занимается. Переводить. Заносцева! Да, впрочемъ, что у васъ тамъ въ берлогѣ знаютъ? Тамъ братъ такое общество встрѣтишь—вотъ ужъ именно! Знаешь Испаніева? Ну вотъ—извѣстный литераторъ! Не знаешь? экой ты! Испаніевъ?! Ну вотъ онъ тамъ бываетъ. Ёдокъ... не остеръ, но ёдокъ такъ—просто бѣда! Признаться, я, какъ этого мужика защищалъ—онъ мнѣ эту рѣчь подправилъ. Такія подлецы шильцы подпустилъ—страсть! «Воровство, кричу, милостивые государи, не можетъ быть разсматриваемо какъ»... Предсѣдатель два раза звонилъ. Право! «Позвольте, говорить, прошу васъ обратиться къ дѣлу!» Такая шельма этотъ Испаніевъ. И женщины тамъ есть. Развитие—первый сортъ!

— Ну, а та кто, молоденькая?

— Та? Эта что!—эта еще пискленокъ. Думаетъ въ Цюрихъ или на акушерскіе курсы, однако еще неизвѣстно. Развитія мало, еще не сложилась. Однако ее выправляютъ. Ужъ эта Заносцева выправить! эта выправить! Мы туда сегодня же поѣдемъ...

Петръ Петровичъ подумалъ о вечерѣ съ дамами въ Петербургѣ, спокойно оглядѣвъ свой туалетъ и сознался, что хоть между нами онъ и сходилъ за вполне приличный, однако на такомъ вечерѣ едва ли годится. На Калашниковѣ все какъ будто сидѣло лучше; а ему, онъ чувствовалъ, нашъ Фирсовъ—у котораго мы всѣ шьемъ—подгадилъ сильно.

— Сегодня я не пойду, нервнительно сказалъ онъ.

— Это еще отчего? Пустяки, пустяки и пустяки!

— Знаешь, я признаться, думалъ бы заказать что-ли сюртукъ, а то въ этомъ или въ мундирѣ...

— Ничего. Пустяки и пустяки! Тамъ не смотрятъ! Ты только погляди, какъ Испаніевъ ходитъ! Впрочемъ, знаешь, реализмъ вынче, чтобы проякнуться во всѣ слои общества, долженъ облечься въ приличный костюмъ—это современная мысль! Я говорилъ Испаніеву—смѣется, такая шельма! Знаешь, купи сюртукъ въ готовомъ платьѣ, если хочешь, а я за тобой вечеромъ зайду... Идетъ?

Петру Петровичу этотъ совѣтъ очень понравился; онъ долго примѣрлялъ послѣ объѣда платье, потомъ пошелъ постричься къ блистательному парикмахеру—и когда оправился передъ зеркаломъ, то почувствовалъ, что, кромѣ уѣзнаго неизбѣжнаго брюшка, остальная фигура стала много приличнѣе.

Здѣсь кстати сказать, что было бы очень жаль, если бы нашего Петра Петровича представили себѣ какимъ нибудь уродомъ. Это красивый мужчина среднихъ лѣтъ, полный и нѣсколько мѣшковатый, что конечно должно отнести къ винѣ нашего портнаго Фирсова и нѣкоторой нашей уѣздной раслуценности.

III.

Когда извозчикъ вечеромъ подвезъ нашихъ пріятелей къ низенькому домику на Петербургской сторонѣ и Петръ Петровичъ въ окнахъ увидѣлъ тусклое освѣщеніе, то кажется совсѣмъ успокоился насчетъ своего приличія, ибо видѣлъ, что это вечеръ не такой, какъ онъ себѣ воображалъ. Безъ звонка вошли они, незапертою дверью, въ длинный корридоръ, гдѣ было темно и навалено кучами разное платье. Маленькая лампочка чадила и пахла керосиномъ. Какая-то сѣрая, неопредѣленная дѣвица (которую Петръ Петровичъ принялъ сначала за очень дурнаго собой мальчишку) выбѣжала имъ навстрѣчу. Петръ Петровичъ сбросилъ ей на руки пальто и очень сконфузился, когда оно упало на полъ, ибо никто не принималъ. Еще больше сконфузился онъ, когда увидѣлъ потомъ, что эта дѣвица была здѣсь, повидимому, изъ самыхъ рѣзкихъ и «развитыхъ». Въ корридорѣ всѣ двери были растворены и вездѣ былъ народъ, было накурено, ходили изъ комнаты въ комнату и разговаривать прямо сидели на кровати. Въ одной комнатѣ побольше—было особенно чадно, дымно, и людно. Говоръ, громкой и неперестающей дробью какой-то, звучалъ въ ухахъ ошеломленнаго Петра Петровича. И ему вдругъ что-то взгрустнулось. «Вотъ, подумалъ онъ: судьба—во всемъ-то этомъ блестящемъ, громадномъ, богатомъ городѣ удалось же попасть именно въ такую трущобу! Что я буду тутъ дѣлать?»

Калашниковъ тотчасъ полетѣлъ по комнатамъ—и голосъ его слышался въ разныхъ углахъ, то здѣсь то тамъ. Петръ Петровичъ прошелъ въ большую комнату и увидѣлъ много бородатыхъ и странно-одѣтыхъ мужчинъ и такихъ же странныхъ женщинъ, такъ что если бы не несомнѣнная ветхость этихъ костюмовъ, то можно бы подумать, что находишься на какомъ-то костюмированномъ вечерѣ. Тутъ были и грязные смазные сапоги, и красныя рубахи на выпускъ, и люди въ однихъ цвѣтныхъ рубахахъ безъ сертука, подпоясанные ремнями. У женщинъ были волосы острижены, а у мужчинъ отпущены были длинныя космы... Посреди комнаты у стола сидѣла Заносцева и разливала чай. Разговоръ при появленіи новаго лица прекратился. Всѣ глаза и очки съ такимъ какимъ-то дикимъ любопытствомъ устремились на гостя, такъ что онъ очень смутился—и поставивъ шляпу на окно, присѣлъ къ столу, пожавъ руку Заносцевой, которая обратила на него свои очки и толстое лицо.

— Это еще что за субъектъ? спросилъ кто-то сзади него такъ громко, что онъ обернулся.

— Надо вамъ чаю? спросила Заносцева,—нынче въ нашей комунѣ моя очередь разливать.

— Если будете такъ добры, то позвольте стаканчикъ, сказалъ нашъ деликатный Петръ Петровичъ.

Послышался несдержанный смѣхъ. Петръ Петровичъ еще больше сконфузился. Ему передали какую-то печальную жидкость въ стаканѣ сомнительной чистоты, за который онъ у насъ, въ клубѣ, сдѣлалъ бы строжайшій выговоръ, какъ

старшина. Здѣсь же онъ, съ нѣкоторымъ страданіемъ, принудилъ себя пить эту смѣсь, въ порывѣ деликатности.

— Что же вы замолчали, Испаніевъ? начала Заносцева. Вотъ видите, продолжала она обращаясь къ Петру Петровичу, — разговоръ у насъ о вліяніи духовенства на народъ.

— Нашла кого спрашивать? фыркнула одна дѣвица.

— У него и видъ какой-то допотопный, почти вслухъ сказалъ кто то.

— Типъ консерватора изъ провинціи!...

Петръ Петровичъ едва успѣвалъ оборачиваться во всѣ стороны какъ звѣрокъ, котораго настигла стая шавокъ.

— Позвольте-съ, началъ онъ, (вспоминая своего пріятеля, нашего отца Никифора), — конечно-съ, духовенство... однако, нашъ народъ...

— Ха, ха, ха! засмѣялись кругомъ, — ну продолжайте же, Испаніевъ! Что же вы замолчали?!

Поднялся гвалтъ и крикъ. Всѣ другъ на друга наступали и говорили въ одно время. Подъ шумокъ Петръ Петровичъ, на котораго перестали, къ его удовольствію, обращать вниманіе, выбрался въ коридоръ и тоскливо слоняясь, толкая проходящихъ и извиняясь, заглядывалъ въ комнаты. Въ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ ту дѣвочку, которую встрѣтилъ съ Завосцевой на улицѣ. Она лежала, подложивъ руку подъ стриженную голову, на диванчикѣ, и курила. Передъ ней, озаренный одинокой свѣчкой, сидѣлъ Калашниковъ и что-то доказывалъ.

— Убирайтесь, говорила она, — мнѣ все равно!...

— Я все таки говорю, продолжалъ тотъ, — что такое ревность? Что это за нелѣпое ощущеніе? Я его не признаю. Пора же намъ покончить наконецъ со всѣми этими старыми фокусами! Наши отцы потому и не были никогда здорово развиты, что уходили во всѣ эти бессмысленныя мелочи! Разсмотримъ: я голоденъ — я ѣмъ въ одной кухмистерской, потомъ въ другой.... Развѣ я опять не могу придти въ первую? Это дико... По прямой ассоціаціи идей...

IV.

— Позвольте къ вамъ присоединиться, вмѣшался Петръ Петровичъ, — о чемъ рѣчь?

— Тутъ мы съ Анной Васильевной разводы разводимъ... Однако засидѣлся... Пойти туда — я еще и Испаніева не видалъ.

При входѣ Петра Петровича Анна Васильевна не поднялась, а просто протянула ему руку.

Нашъ Петръ Петровичъ очень любилъ дамское общество. Не женился онъ, при слабости сердца, до сихъ поръ кажется только потому, что стѣснялся «объясняться» съ дѣвками — это было для него ножъ острый. Здѣсь же, въ этой странной обстановкѣ, онъ почувствовалъ себя какъ-то очень развязно и обратился къ лежавшей собесѣдницѣ непринужденно.

— Какой пріятный вечерокъ! началъ онъ, — всѣ говорятъ такъ любопытно... хотя можетъ быть конечно сразу оно... оригинально....

— Ну ужъ пріятный! Чортъ ихъ всѣхъ возьми! нахмурилъ брови, оборвала она, — надоѣли до смерти! Она привстала, сѣла на стулъ, и энергически проведя рукой по короткимъ волосамъ, закурила папиросу, вглядываясь въ собесѣдника своего.

— Вы что же — другъ Калашникова, что ли?

— Знаете, старые товарищи, я его только сегодня встрѣтилъ.

— Ну, хороши же у васъ старые товарищи!...

— Товарищество-съ, Анна Васильевна, какъ говорится, вещь подневольная... Однако развѣ онъ худой человѣкъ?...

— Скотина!

При такомъ восклицаніи, нѣсколько энергическомъ для дѣвицы, гость взглянулъ съ удивленіемъ ей въ глаза.

— Что вы смотрите? что я такъ говорю — то? Ну да! говорю! Мнѣ надоѣло! Ахъ, какъ надоѣло — все разговоры, все разговоры!

— Понимаю такъ, что вы бы желали избрать какой нибудь опредѣленный родъ дѣятельности или, лучше сказать, жизни? спросилъ Петръ Петровичъ съ какимъ-то страннымъ замيرانіемъ сердца.

— Ну да — и жизни! И вашъ пріятель скотина! Они все, все разговариваютъ, все на слова переводятъ. Я же докажу имъ! Вообразили себѣ! акушерскіе курсы! какъ же! Долго вы въ Петербургѣ пробудете? вдругъ спросила она, — вы вѣдь пробѣздомъ?

— Да, долго, отвѣчалъ гость, восторженувшись, — вы почему спросили?

— Вотъ что... Вы не смотрите, что я такъ, вдругъ, прямо... Мнѣ кажется, вы хорошей... и что вы не объясните это какъ нибудь... Если у васъ есть знакомые — найдите мнѣ тутъ занятіе. Съ дѣтками что ли, въ конторѣ... Мнѣ все равно. Честный трудъ какой нибудь... добавила она и покраснѣла.

Этотъ нѣжный румянецъ молодого лица, эта неожиданная просьба отъ той именно, которая ему такъ нравилась, привели Петра Петровича въ восторженное состояніе. Онъ былъ такъ радъ ея порученію, что, недолго думая, съ тайною мыслью только поддерживать съ нею сношенія, — объявилъ, что знакомые у него есть и что онъ будетъ искать ей занятіе и (главное) заходить и сообщать объ результатахъ своихъ поисковъ и хлопотъ.

— Я потому, оправдывалась она, — что у меня никого нѣтъ... И главное, не говорите объ этомъ Калашникову. Слышите? И потомъ ко мнѣ сюда не ходите. А вотъ что — приходите послѣ завтра утромъ въ читальню. Тамъ вы мнѣ и скажете. Это такъ нужно — слышите? Я благодарна вамъ за готовность... Слышите — Калашникову ни слова! А теперь я туда пойду. Вы не пойдете?

— Нѣтъ-съ, что же мнѣ тамъ!.. Непремѣнно-съ, будьте увѣрены, воскликнулъ онъ, прощаясь съ ней и даже поцѣловалъ ей ручку, которую та рѣзко вырвала у него и покраснѣла.

— Прощайте-съ! Послѣ завтра буду въ читальнѣ и сообщу обо всемъ, добавилъ гость и постарался выбраться незамѣченнымъ, что было вовсе не трудно. Онъ различилъ, среди гула и говора, голоса Заносцевой и Калашникова — и быстро прискававъ свое пальто, выбрался въ дверь и на крыльцо, на свѣжій воздухъ.

Была ясная и лунная осенняя ночь. Морозцемъ сковало уличную грязь. Мѣсяцъ плылъ въ небѣ — такомъ чистомъ и ясномъ, что казалось оно было все подернуто легкою слезою, какъ свѣтлый взоръ человѣческой. Когда на сердцѣ у человѣка хорошо — онъ замѣчаетъ такія вещи, которыя бы прошелъ безъ вниманія въ обыкновенномъ состояніи духа. Если бы мы всѣ могли въ ту минуту, изъ нашего отдаленнаго уѣзднаго клуба, перенестись на деревянные мостки Петербургской стороны, — мы съ удивленіемъ услышали бы, какъ нашъ, никогда не пѣвший, Петръ Петровичъ страннымъ фальцетомъ что-то напѣваетъ и бормочетъ про себя.

— Славная ночь! говорилъ онъ про себя, шагая по узкимъ доскамъ, — все былъ дождь и какъ вдругъ прояснѣло и звѣздъ столько! Какое прекрасное зданіе! Да! столица даже здѣсь обстроивается! А — чортъ возьми — она премиленная дѣвочка! Ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ — и прямо ко мнѣ обратилась — никакого пониманія! Ну вдругъ я бы дурной человѣкъ какой былъ! И искать мѣсто! Ахъ, да что-же это я! Онъ даже остановился въ смущеніи: — какъ-же я мѣсто обѣщаль — увлекся! Гдѣ-же я найду? Навралъ, что знакомые есть! Э, да что! Буду по конторамъ искать! Гдѣ ей самой — ну а я все-же поговорю... Да и какое ей мѣсто? — акушерскіе курсы! Ха, ха, ха! Какъ она глазами рѣзко распорягается! Н-да! Миленъкая! А отчего Калашникову неговорить? Тутъ что-то... А все-же премиленная! И такимъ тоненькимъ голоскомъ: «послѣзавтра утромъ!» А вѣдь это какъ виданіе назначила? Ребенокъ! Ха ха!

«Тобой всѣчасно любоваться»

запѣлъ онъ. Короче сказать нашъ степенный Петръ Петровичъ былъ заинтересованъ сильно — и городской бляха № 107, внимательно посмотрѣвшій, съ своего поста на углу, на его необычно-утропленную походку и размахивающія руки, конечно не подозрѣвалъ, что видитъ передъ собой такъ хорошо настроеннаго человѣка.

Восходъ солнца въ степи. Рис. Н. Карзинъ, грав. Цалфъръ

V.

Петръ Петровичъ очень дурно спалъ эти двѣ ночи. Но это была не болѣзненная бессонница. Онъ думалъ и думалъ рѣшительно, что пора ему наконецъ устроиться по человѣчески и перестать быть старымъ холостякомъ. Эта дѣвочка, которая ему вдругъ такъ понравилась, казалась ему самою подходящею. Совершенный ребенокъ, къ нему она отнеслась повидимому очень сочувственно, и «никого-то вѣтъ» у ней бѣдной, и «право, право, думалъ онъ, — я былъ-бы хорошимъ мужемъ. Я бы ее любилъ, жила-бы она все-же лучше чѣмъ теперь, а можетъ и меня полюбила-бы, и у насъ вѣдь тамъ добрые люди, и, право, хорошо! Была-бы хозяйка у меня въ дому».

Мечты рисовали ему его спокойный, хорошенькій домикъ у насъ въ городкѣ, молоденькую хозяйку... Онъ видѣлъ какъ они дѣтнимъ вечеромъ сидятъ въ зеленомъ, густомъ палисадникѣ; солнце, закатываясь, отражается въ ярко вычищенной мѣди самовара, воздухъ такой чудесный, свѣжій, вечеръ тихій; гости курятъ, разговариваютъ, хозяйка разливаетъ имъ чай и... и.... и дѣтки звонко кричатъ, играя на дворѣ....

«Одѣть ее, думалъ онъ, — лучше всѣхъ тамъ будетъ, и умненькая, книжки какія-то тамъ читаетъ. Я бы еще одно занятіе взялъ — жалованья-бы прибавилось.... И, право, отлично-бы зажали!» Можно конечно себѣ представить, что при такомъ настроеніи онъ не очень-то ревностно въ конторахъ справлялся объ мѣстахъ. Онъ даже пропустилъ одно представленіе, назначенное ему въ министерствѣ, и пролежалъ долго на диванѣ дома, размышляя какъ-бы приступить къ дѣлу. Можно-ли будетъ ей сказать? Пожалуй разсердится. Однако что же? Онъ вѣдь ничего дурнаго ей не продложитъ — за что же сердиться?

Онъ съ неудовольствіемъ услышалъ за дверью голосъ Калашникова, котораго онъ началъ въ чѣмъ-то подозрѣвать относительно предмета своей мечты. Онъ заперъ дверь на ключъ и притаился.

— Дома?

— Не знаю-съ. Все были дома. Должно быть ушли и ключъ взяли съ собой. Постучитесь.

И онъ молча, не двигаясь, слушалъ, какъ Калашниковъ вертѣлъ ручку двери и, поворчавъ что-то, ушелъ наконецъ.

(Окончаніе будетъ.)

ДАНИЕЛЬ ФРАНСУА ОБЕРЬ.

Оберъ, Даниель Франсуа Эспри, одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ оперныхъ композиторовъ повѣйшаго времени, родился 29 января 1784 г. въ Казнѣ, куда его родители прѣехали изъ Парижа. Отецъ его, зажиточный торговецъ эстампами въ Парижѣ, предназначилъ сына своего для коммерческой дѣятельности; съ этой цѣлью онъ былъ отправленъ въ Лондонъ учиться. Но коммерческія занятія скоро юношѣ надоели, и онъ опять вернулся въ Парижъ и началъ испытывать свои силы въ композиціи. Онъ писалъ романсы, тріолы, а преимущественно концерты для виолончелиста Ламора; въ это же время онъ написалъ небольшую оперу «Julie», встрѣтившую всеобщее одобреніе. Понявъ, что для болѣе высокихъ твореній его музыкальное образованіе слишкомъ недостаточно, онъ посвятилъ себя подъ руководствомъ Херубини серьезнымъ занятіямъ, первымъ плодомъ которыхъ было появленіе обѣдни, откуда онъ впоследствии заимствовалъ молитву для своей оперы «Фепелла». Затѣмъ онъ опять обратился къ драматической музыкѣ, и въ 1813 г. выступилъ открыто сперва на театрѣ Feydeau съ своей оперой въ одномъ дѣйствіи «Le sejour militaire». Произведеніе это однако не понравилось, и Оберъ, казалось, намѣренъ былъ уже совсемъ покинуть поприще композитора; а удержало его на немъ только то обстоятельство, что около этого времени его родители, вслѣдствіе нѣсколькихъ банкротствъ, потеряли все свое имущество, — и онъ былъ поставленъ въ необходимость, для обезпеченія своего матеріальнаго существованія, сдѣлать себѣ источникомъ доходовъ то музыкальное искусство, которымъ онъ до сихъ занимался только для своего удовольствія. По этому онъ въ 1819 г. снова выступилъ на сцену съ оперой въ одномъ дѣйствіи «Le testament et les billets doux» въ

Опера comique. Но и эта пьеса не удалась. Только написавши оперу La Bergère chate-laine (1820) и переживъ многое у Россини, онъ началъ больше правиться публикѣ, и тогда онъ написалъ оперы: «Emma», «Leocadie», «Leicester» и др., которыя имѣли успѣхъ, однако внѣ Франціи не приобрѣли большой извѣстности. Первая его опера, которая и въ Германіи имѣли успѣхъ, были: «Придворный концертъ» (1824), а еще болѣе «Снѣгъ» (1824) и «Каменьщикъ и Слесарь» (1825). Написавши потомъ еще нѣсколько оперъ, какъ то: «Fiorella» (1826), «La Fiancée», которыя въ отдѣльныхъ частяхъ могутъ правиться, но въ цѣломъ страдаютъ недостаткомъ силы и характерной страсти, — онъ въ 1828 г. выступилъ съ своимъ главнымъ произведеніемъ «La muette de Portici», которое во Франціи, Германіи и даже въ Италиіи было принято съ одинаковымъ восторгомъ и поставило Обера во главѣ новаго направленія французской оперы, почти на ряду съ Меерберомъ. А позднѣйшее произведеніе Обера «Fra-Diavolo» (1829) сдѣлалось любимой пьесой публики. Въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, число которыхъ съ этихъ поръ возрасло до невѣроятности, Оберъ уже не достигалъ болѣе прежней высоты. Лучшими изъ нихъ можно назвать: «Густавъ или Маскарадъ», «La part du diable», «Фальшивые монетчики», «Коронные алмазы», «Сирена», «Марко Спада», «Озеро Фей», «Гайдея» и др., а изъ лѣтъ юности оперы: «Дженни Бэлль» и «Манонъ Леско».

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить Обера, нужно видѣть въ немъ француза, который писалъ только для французовъ. Этою его національностью объясняются всѣ его преимущества и слабости. Онъ пикантенъ, живъ, остроуменъ, иногда даже кокетливъ и болтливъ, а главнымъ образомъ онъ старается разве-

селить себя и другихъ. Глубина чувства ему чужда, онъ не въ состояніи наполнить душу величественными и прекрасными картинками — и муза его не суровая богиня. Но онъ умѣетъ наслаждаться полною, лиричею жизнью, и охотнѣе вращается въ изящныхъ салонахъ среди разряженныхъ мужчинъ и дамъ, чѣмъ мечтаетъ въ одинокія ночи о романтическихъ идеалахъ. По этому-то комическая опера представляетъ ему поле, на которомъ онъ подвизается съ особеннымъ счастьемъ; здѣсь находится совершенно на своемъ мѣстѣ его игривая мелодія, его рѣзко пунктированный темпъ и пикантное созвучіе. «Каменьщикъ и слесарь» и «Fra Diavolo» занимаютъ въ этомъ отношеніи высшее мѣсто. Между его большими и серьезными операми только въ «Фенеллѣ» муза его принимаетъ нѣсколько вышій полетъ; тутъ серьезныя положенія дѣйствующихъ лицъ сопровождаются и серьезною музыкой. Не будемъ уже говорить о томъ, насколько то возбужденное время (предъ іюльской революціею), въ которое Оберъ писалъ свою «Фенеллу», подѣйствовало на него и насколько счастливые либретто содѣйствовало безпримѣрному успѣху этой оперы; достаточно того, что на всю оперу наброшенъ удивительный колоритъ, что національная характеристика удивительно вѣрно угадана и что въ цѣломъ пьеса проникнута какимъ-то здоровымъ, укрѣпляющимъ чувствомъ; — хотя въ частности строгіе критики находятъ, что краски слишкомъ ярко нанесены и отдѣлка здѣсь и тамъ немного груба. Оберъ въ 1829 г. сдѣлался членомъ Академіи художествъ, потомъ нѣкоторое время пробывъ директоромъ капеллы; въ 1842 г., по смерти Херубини, сдѣланъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Парижѣ, а въ 1853 г. императорскимъ капельмейстеромъ и сена-торомъ.

ЗВѢЗДНОЕ НЕБО.

Человѣкъ неволью, инстинктивно слѣдя тайному влеченію своей природы, подымаетъ глаза къ устланному звѣздами ночному небу. Ему хочется проникнуть въ тайну этихъ мерцающихъ небесныхъ свѣтилъ, без-молжно совершающихъ тамъ вверху свои предвѣчные круги. Есть ли человѣкъ, который глядя на ясныя звѣздочки, не думалъ

бы: «что вы такое? какъ бы хотѣлось разгадать васъ!» Цѣлыя тысячелѣтія такъ думали миліоны людей, обращая взоры на глубокой небесный сводъ устланный звѣздами и страстно желая проникнуть въ тѣ безпредѣльныя выси, изслѣдованіе которыхъ казалось навсегда недоступнымъ человѣческому уму. Но съ теченіемъ времени, благодаря

успѣхамъ науки, казавшееся невозможнымъ сдѣлалось дѣйствительностью. Съ маленькой тѣсной обсерваторіи, земли, человѣческой умъ поднялся до тѣхъ далекихъ странъ, гдѣ плывутъ солнца, образующія поясъ Ориона, и гдѣ въ мерцающей полосѣ млечнаго пути движутся міриады мировъ. И человѣкъ узналъ не только настоящае этой видимой для

наш частицы вселенной, но перед нимъ открыто и ея прошедшее. Онъ проникъ своей мыслью за миллионы лѣтъ—и нашелъ, что было время, когда млечнаго пути, который теперь опоясываетъ небо, не существовало,—и что наступитъ время, когда уничтожатся звѣзды, которые свѣтятъ намъ теперь, какъ онѣ нѣкогда свѣтили сидонскимъ мореплавателямъ, указывая имъ ихъ единственный путь по грознымъ волнамъ океана.

Древние, какъ уже замѣчено выше, ничего не знали о свойствахъ звѣздъ и ихъ положеніи, какъ относительно другъ друга, такъ и относительно земли. Въ сочиненіяхъ величайшихъ философовъ древности, мы встречаемъ самыя недѣльныя понятія о звѣздномъ небѣ. Такъ, Анаксименъ считалъ видимый небесный сводъ стекляннымъ шаромъ, слѣдовательно чѣмъ-то въ родѣ стекляннаго колпака, опрокинутаго надъ землей. По мнѣнію Аристотеля, неподвижныя звѣзды были прикрѣплены къ небесному своду; Птоломей также считалъ ихъ приросшими къ небу, а Демокритъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Метродоромъ учили, что неподвижныя звѣзды укрѣплены на стеклянномъ небѣ какъ гвозди.

Идея твердыхъ шаровъ, къ которымъ неподвижныя звѣзды должны быть прикрѣплены какъ гвозди, родилась у древнихъ вследствие того, что они, поддаваясь непосредственному впечатлѣнію, думали, будто всѣ звѣзды находятся на одинаковомъ разстояніи отъ насъ, совершенно неподвижны относительно другъ друга, и только всѣ вмѣстѣ ежедневно обходятъ вокругъ земли. Но оба эти понятія совершенно ложны. Уже Кеплеръ, доказавъ, что кометы прорѣзаютъ пути планетъ, уничтожилъ шарообразныя стеклянныя сферы древнихъ.

Въ настоящее время мы знаемъ, что неподвижныя звѣзды находятся въ весьма различныхъ разстояніяхъ отъ земли, и что разстояніе ихъ отъ насъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ свѣтъ ихъ кажется намъ слабѣе. Самыя яркія звѣзды, какъ Сиріусъ, блестящія звѣзды созвѣздія Оріона и проч., находятся гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ безчисленныя, крошечныя, едва мерцающія звѣзды, которыя еще можно видѣть простымъ глазомъ. Понятно какой большой интересъ представляло точное опредѣленіе разстоянія болѣе выдающихся неподвижныхъ звѣздъ, выраженное въ какой нибудь изъ существующихъ у насъ мѣръ, напримѣръ въ миляхъ. И дѣйствительно, астрономы много трудились, чтобы придти въ этомъ отношеніи къ точнымъ результатамъ; но долго всѣ ихъ усилія оставались безъ успѣха. Разстоянія эти оказывались до того громадны, что ихъ невозможно было опредѣлить даже тончайшими инструментами. Творецъ истинной мировой системы, *Коперникъ*, первый попробовалъ избирать разстояніе одной изъ неподвижныхъ звѣздъ. Посредствомъ своихъ инструментовъ онъ избиралъ мировое пространство на семь тысячъ милюновъ миль (миля равна 7 верстамъ) вокругъ земли, но не дошелъ до неподвижныхъ звѣздъ—они оказались еще дальше. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, Тихо-де-Браге произволивъ наблюденія съ значительно усовершенствованными инструментами, но, даже на отдаленіи шестидесяти тысячъ милюновъ миль, еще нельзя было достигнуть до неподвижныхъ звѣздъ. Еще черезъ полтора столѣтія, астрономическіе инструменты такъ усовершенствовались, что знаменитый англійскій наблюдатель *Брадлей* могъ съ точностью опредѣлить разстоянія въ четыре тысячи милюновъ миль, но и это еще не хватало до области неподвижныхъ звѣздъ; но онѣ уже были близко. Наконецъ нѣмецкимъ ученымъ удалось разрѣшить трудную задачу.

Фрауенгоферъ, бывшій бѣдный ученикъ стекляннаго шлифовальщика, получивъ нѣсколько червонцевъ, которые далъ ему изъ состраданія баварскій король, когда его поумертоваго вытащили изъ-подъ обвалив-

шагоса домика его хозяина,—такъ умѣлъ употребить эту горсть талеровъ на развитие своего огромнаго таланта, что года черезъ два стоялъ уже во главѣ оптическаго института, откуда выходили астрономическіе инструменты такого совершенства, какого до тѣхъ поръ еще никогда не видѣлъ свѣтъ. Онъ сдѣлалъ инструментъ въ десять разъ сильнѣе противъ того, какимъ пользовался *Брадлей*. Разумѣется, этимъ была достигнута только одна сторона дѣла, такъ какъ инструментъ требовалъ еще астронома, который бы сумѣлъ какъ слѣдуетъ воспользоваться всеми его преимуществами. Явился и астрономъ.

Фридрихъ Вильгельмъ *Бессель*, бывшій ученикъ по торговой части въ домѣ Кюмкамни и сыновья въ Бременѣ, сдѣлался извѣстенъ ученому міру работами изобличавшими въ немъ значительный талантъ, и черезъ посредничество Гумбольдта былъ назначенъ директоромъ новой обсерваторіи въ Кенигсбергѣ. Въ его-то руки попалъ новый инструментъ Фрауенгофера. Въ 1837—1840 годахъ, Бессель примѣнилъ его для измѣренія отдаленія неподвижныхъ звѣздъ. Его наблюденія показали, что звѣзда № 61 въ созвѣздіи Лебеда отдалена отъ насъ на восемь тысячъ милюновъ миль.

Съ тѣхъ поръ дѣлалось еще много другихъ опредѣленій отдаленія неподвижныхъ звѣздъ; между прочимъ найдено, что блестящій Сиріусъ отдаленъ отъ насъ на двадцать одну тысячу, звѣзда Вега въ Лирѣ на восемнадцать тысячъ, звѣзда Арктуръ на тридцать двѣ тысячи милюновъ миль. Разстоянія эти такъ велики, что мы рѣшительно не въ состояніи составить себѣ какую либо идею объ нихъ. Замѣтимъ только, что звукъ, еслибы напримѣръ онъ могъ достигнуть до Сиріуса, долженъ бы былъ бѣжать къ нему отъ земли тринадцать милюновъ лѣтъ. Слѣдовательно на посланный туда вопросъ нужно бы было ждать отвѣта двадцать шесть милюновъ лѣтъ. Тончайшая нитка, какую только возможно выдѣлать, въ силахъ бы пять тысячъ милюновъ центнеровъ (цент. равняется 3 пудамъ), если бы протянуть ее отъ земли къ Сиріусу. Свѣтовой лучъ въ секунду пробѣгаетъ пространство въ сорокъ тысячъ нѣмецкихъ миль, слѣдовательно въ одну секунду онъ болѣе семи разъ обходитъ землю. Несмотря на эту непостижимую скорость, свѣтовому лучу понадобилась бы почти шестнадцать лѣтъ, чтобы отъ Сиріуса дойти до земли. Каждый лучъ свѣта, который достигаетъ нашего глаза съ Сиріуса, вышлея отъ этой звѣзды уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что, если бы на Сиріусѣ вотъ въ эту минуту, по какой либо причинѣ, вдругъ изсякъ весь его свѣтъ, то мы цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ все еще видѣли бы его свѣтящимся, такъ какъ послѣдній изъ его лучей дошелъ бы до насъ только въ истеченіи этого времени. Сказанное о Сиріусѣ относится и къ остальнымъ неподвижнымъ звѣздамъ, разумѣется, смотря по ихъ отдаленію отъ насъ. Самыя слабыя изъ нихъ, которыя можно отличить только въ сильнѣйшія зрительныя трубы, и то лишь въ видѣ мерцающихъ точекъ, стоятъ на такихъ громадныхъ разстояніяхъ отъ насъ, что свѣтовому лучу потребовалось бы отъ трехъ до четырехъ тысячелѣтій, чтобы дойти отъ нихъ къ землѣ. Поэтому совершенно основательно можно сказать, что звѣздное небо представляется нашимъ взорамъ не въ томъ видѣ какъ оно есть въ настоящую минуту, а въ томъ какимъ оно было много лѣтъ, столѣтій и тысячелѣтій тому назадъ.

Рассматривая громадныя разстоянія, въ какихъ находятся отъ насъ неподвижныя звѣзды, и принимая во вниманіе яркій свѣтъ, который, не смотря на то, онѣ посылаютъ къ намъ,—слѣдуетъ заключить, что эти мировой тѣла *освѣщаются* не нашимъ солнцемъ, но что всѣ суть сами по себѣ боль-

шія свѣтящіеся солнца. Такое заключеніе вполне вѣрно, такъ какъ свѣтъ неподвижныхъ звѣздъ болѣе или менѣе отличается отъ состава нашего солнечнаго свѣта. Мы можемъ сдѣлать еще шагъ далѣе и доказать, что свѣтовая сила нашего солнца гораздо слабѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ звѣздъ. Сиріусъ, напримѣръ, какъ уже замѣчено выше, отдаленъ отъ насъ на двадцать одну тысячу милюновъ миль, или болѣе, или въ миллионъ разъ дальше солнца. Но если бы послѣднее было также далеко отъ насъ, какъ Сиріусъ, то оно казалось бы намъ маленькой звѣздочкой, которая бы имѣла всего одну восьмидесятую восьмую часть яркости Сиріуса. Значитъ Сиріусъ обладаетъ въ восьмидесятую восьмую часть большей свѣтовой силой чѣмъ наше солнце, или, другими словами, если бы онъ находился на мѣстѣ нашего солнца, то давалъ бы въ восьмидесятую восьмую часть больше свѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятнѣе и тепла, чѣмъ мы получаемъ отъ солнца. Найдено также, что звѣзда Канелла испускаетъ изъ себя свѣту въ триста шестьдесятъ разъ болѣе, чѣмъ наше солнце. Звѣзда № 61 въ Лебедѣ имѣетъ напротивъ только $\frac{1}{200}$, другая звѣзда (№ 34 Грумбриджа) даже всего только $\frac{1}{5000}$ солнечнаго свѣта. Последнія звѣзды суть по всей вѣроятности угасшія солнца.

Неподвижныя звѣзды отличаются отъ нашего солнца не только различными степенями яркости; довольно значительная часть ихъ кромѣ того испускаетъ отъ себя свѣтъ не бѣлый, а сильно окрашенный. Есть голубыя, красныя, зеленныя, желтыя звѣзды. Особенно яркія эти цвѣта въ такъ-называемыхъ двойныхъ звѣздахъ. Принадлежащая сюда неподвижныя звѣзды образуютъ совершенно особыя системы, въ которыхъ движутся одно вокругъ другого два свѣтящихся солнца. Въ очень многихъ случаяхъ оба солнца, образующія такую двойную звѣздную систему, испускаютъ свѣтъ различнаго цвѣта: извѣстны бѣлыя и голубыя, желтыя и красныя, бѣлыя и красныя двойныя звѣзды. Такія звѣзды необыкновенно красивы, если смотреть на нихъ въ зрительную трубу. Но каково-то видъ на самыхъ этихъ двойныхъ звѣздахъ, какъ-то выйдутъ все на планетахъ, которыя принадлежатъ къ такой звѣздной системѣ! Мы можемъ составить себѣ объ этомъ нѣкоторое общее представленіе. Вообразите, какъ фантастично была бы освѣщена земля, если бы наше солнце вмѣсто бѣлаго свѣта свѣтило яркочернымъ или блестящимъ зеленымъ цвѣтомъ. Вообразите себѣ такое солнце стоящимъ высоко на небѣ; вся природа злата его пурпуровымъ свѣтомъ; вмѣсто голубаго неба, мы видимъ надъ собой черныя небесныя своды; на поляхъ и лугахъ вмѣсто сочной земли, все также черно и темно. Вдругъ надъ горизонтомъ подымается другое солнце, желтое. Вся картина въ мигъ измѣняется. Все мгновенно окрашивается въ другіе цвѣта, цвѣтные лучи тысячекратно преломляются и отбрасываются. Но мы не будемъ слишкомъ много распространяться о вещахъ, о которыхъ можемъ говорить только гадательно; для насъ достаточно знать, что есть системы, въ которыхъ вмѣсто одного солнца, какъ у насъ, находится по два, и даже по три и по четыре солнца,—что солнца эти часто свѣтятъ совершенно различными свѣтами, и что будь наша планета поставлена въ такія условія—мы имѣли бы разныя пестрыя освѣщенія, вмѣсто ровнаго, мягкаго свѣта, который оживляетъ теперь нашу землю.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи многие астрономы усердно занимались ближайшимъ изслѣдованіемъ двойныхъ звѣздъ; какіе интересные результаты получились при этомъ, мы укажемъ здѣсь на одномъ примѣрѣ. Въ созвѣздіи Зміеносца, между прочими, находится одна незначительная звѣздочка, которая при тщательномъ изслѣдованіи въ зрительную трубу оказывается двойной звѣз-

дой, состоящей из одной желтой главной звезды и одного пурпурового спутника. Эта двойная звезда в первый раз наблюдалась Гершелем в 1779 г.; дальнейшие измерения показали, что пурпуровый спутник обходит главную звезду раз в девяносто шесть лет. Далѣе, наблюдения показали, что это двойная звезда отдалена от нас на двадцать пять тысяч пятьсот миллиардов миль.—что главная звезда обладает лишь одной пятой частью свѣтовой силы нашего солнца, обѣ же звезды вмѣстѣ своей тяжестью превосходятъ наше солнце въ два и три-четверти раза. Представьте себѣ теперь, черезъ какую бездну перешагнувъ человѣческой умъ, когда, видя на небѣ однѣ крошечныя двѣ точки, могъ доработаться до такихъ результатов!

Но, какъ мы уже видѣли, разстоянія неподвижныхъ звездъ отъ насъ такъ необычайно громадны, что воображеніе наше безсильно представить себѣ ихъ. Громадности этихъ разстояній соответствуетъ и огромное количество неподвижныхъ звездъ. Читатель навѣрное не разъ съ изумленіемъ подымалъ голову къ небу, гдѣ, на его глазахъ, загорались то тамъ, то сямъ звѣздочки, одна ярче, другая слабѣе. Внимательный глазъ, кажется, видитъ все новыя и новыя звѣздочки! Онѣ толпятся тѣснѣе и тѣснѣе; кто можетъ ихъ сосчитать, кто опредѣлить ихъ мѣсто, кто запишетъ ихъ по порядку! Всѣ почти увѣрены, что подымая глаза къ звѣздному небу, мы видимъ на немъ миллионы звездъ; вѣроятно мы очень удивимъ многихъ, когда скажемъ, что еще никогда ни одинъ человѣкъ не видѣлъ простыми глазами больше двухъ тысячъ звездъ заразъ. На основаніи точнѣйшихъ научныхъ исследованийъ, при чемъ всѣ звезды вычислены по порядку, оказывается, что самый дальнорычій человѣческій глазъ на всемъ небесномъ сводѣ можетъ видѣть только шесть тысячъ звездъ, включая сюда и южное небо, видимое по ту сторону экватора. Если что поражаетъ въ этомъ числѣ, то это именно его незначительность. Подумаютъ, можетъ быть, что при этомъ исчисленіи забыта та или другая звезда. Нѣтъ; мало того, астрономы, въ своей статистикѣ неба, идутъ еще далѣе: они исчислили и привели въ извѣстный порядокъ и систему, не только звезды видимыя простымъ гла-

зомъ,—но и опредѣлили то громадное множество неподвижныхъ звездъ, которыя могутъ быть видимы лишь въ сильныя зрительныя трубы. Въ этой послѣдней области, то есть области звездъ невидимыхъ простому глазу, число ихъ возрастаетъ до безконечности. Но прежде чѣмъ останавливаться на этомъ подробнѣе, считаемъ не лишнимъ нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Звѣзды, какъ извѣстно большинству нашихъ читателей, дѣлятся смотря по видимой ихъ яркости на извѣстное число классовъ или величинъ. Самыя яркія звезды, какъ Сириусъ, Вега, Капелла и пр. принадлежатъ къ первой величинѣ; звезды, обладающія четвертой долей яркости первыхъ звездъ, причисляются ко второй величинѣ; другія еще, имѣющія четвертую часть блеска звездъ второй величины, занимаютъ мѣсто третей величины, и т. д. Простымъ глазомъ можно еще видѣть звезды шестой величины; а въ самыя сильныя зрительныя трубы, какія находятся въ распоряженіи современной науки, видны неподвижныя звезды шестнадцатой величины. Въ настоящее время, всѣ звезды отъ первой до десятой величины, видимыя на сѣверномъ полушаріи, сосчитаны; кромѣ того мѣстоположеніе ихъ опредѣлено такъ точно, что ихъ можно когда угодно безошибочно отыскать на небѣ. Какъ же велико ихъ число? Оно простирается до 314,920, слѣдовательно больше чѣмъ во сто разъ превосходитъ число звездъ видимыхъ простымъ глазомъ на сѣверномъ полушаріи.

Чтобы вывести эти числа, потребовалось почти семь лѣтъ труда, посвященнаго бонской обсерваторіей исключительно этому предмету, и чуть не миллионъ отдѣльныхъ наблюденій. Если мы внимательно взглянемъ въ добытый такимъ образомъ длинный рядъ цифръ, то увидимъ, что каждая слѣдующая величина содержитъ въ себѣ почти ровно въ три съ половиной раза столько звездъ, сколько находится ихъ въ предыдущей величинѣ. Это наблюденіе даетъ возможность вычислить приблизительно число всѣхъ звездъ до шестнадцатой величины, то есть до того предѣла, куда достаютъ наши зрительныя трубы. Такимъ образомъ, мы находимъ сумму звездъ въ 617,000,000. Но число это, какъ оно ни громадно, относится къ одному только сѣверному полушарію; южное же полушаріе считаетъ не менѣе звездъ, какъ

и сѣверное. Слѣдовательно, общую сумму всѣхъ вообще еще видимыхъ въ сильнѣйшія зрительныя трубы неподвижныхъ звездъ можно считать въ тысячу двѣсти миллионовъ.

Число это краснорѣчиво говоритъ о не постижимомъ человѣческому уму пространствѣ звѣзднаго міра. Но, какъ мы уже упоминали, наука съ успѣхомъ достигла до пріемаго измѣренія нѣкоторыхъ звездъ. Это возможно было только съ ближайшими къ намъ свѣтилами, для измѣренія же маленькихъ далекихъ точекъ у науки недостаетъ прямыхъ средствъ. Здѣсь, какъ показалъ уже Гершель, можно только, пользуясь знаніемъ количества звездъ, приблизительно измѣрить ихъ разстояніе отъ насъ. Есть именно большое основаніе предпологать, что среднимъ числомъ всѣ звезды находятся въ довольно одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга; нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, болѣе отдалены одна отъ другой, другія менѣе,—но въ общей сложности разница въ этихъ разстояніяхъ почти уравнивается и получается среднее разстояніе. Разъ установивъ его, становится яснымъ, что пространство заключающее извѣстное количество звездъ—будетъ тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше это количество; если послѣднее извѣстно, то можно вывести заключеніе и о величинѣ пространства и объ отдаленіи крайнихъ звездъ. Такое вычисленіе было сдѣлано на основаніи приведеннаго выше исчисленія звездъ—и найдено, что крайнія неподвижныя звезды такъ отдалены отъ насъ, что свѣтъ ихъ долженъ бы былъ идти къ намъ отъ трехъ до четырехъ тысячелѣтій, обѣ чемъ мы уже упоминали выше.

Составляетъ ли это необъятное пространство всю вселенную, или только небольшую часть ея? Такой вопросъ навѣрное самъ собою навязывается читателю. Отвѣтимъ ему, что этотъ громадный звѣздный міръ отнюдь не составляетъ всей вселенной, но только маленькую часть ея,—ту именно, которая находится въ предѣлахъ доступныхъ нашимъ научнымъ инструментамъ. Дальше мерцаютъ еще туманныя пятна, дающія намъ важныя намеки насчетъ образованія звѣзднаго неба—и тутъ лежитъ предѣлъ нашихъ исследованийъ, но только ни въ какомъ случаѣ не предѣлъ міра!

Монъ Сенисъ.

Италію всегда называютъ чудесной страной. Но этого мало; даже дороги ведущія въ Италію имѣютъ нѣчто чудесное, ихъ окружаетъ какое-то таинственное очарованіе, охватывающее насъ своей могучей силой, прежде чѣмъ мы дадимъ себѣ отчетъ, въ чемъ она заключается.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ исторія, Италія считалась земнымъ раемъ. Природа какъ будто сама хотѣла оградить свой любимый уголокъ; она окружила его съ трехъ сторонъ моремъ, а на сѣверѣ загородила гигантскими стѣнами. Но человѣческія страсти бурно пробилась черезъ эти преграды, и тѣ грозныя альпійскія проходы, которые не перестаютъ изумлять насъ,—это всемирно-историческія тропинки, проложенныя на этихъ неприступныхъ громадахъ ногами многихъ народовъ.

Въ этомъ-то и заключается ихъ величіе, ихъ очарованіе: дороги эти не были построены одной сильной рукой; ихъ прокладывала страсть, зависть, мщеніе дѣлъхъ народовъ. Италія вѣдь была душой міра, всякій стремился овладѣть ею, это былъ очагъ всей древней культуры, и очагъ этотъ всякій хотѣлъ назвать своимъ. Говоря безъ метафоръ, великія историческія движенія и сильныя страсти, постоянно направляли на Италію враждебные походы, слѣды которыхъ сохранились въ геркулесовскомъ сооруженіи этихъ дорогъ.

Между другихъ извѣстныхъ, хотя древнѣйшая изъ нихъ, это Монъ-Сенисская дорога (*mons cinerum*), получившая свое имя отъ преданія, будто, ужъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ, лѣса, покрывавшія эту гору, превратились въ золу.

Когда мы въ настоящее время произносимъ это имя, то намъ, конечно, представляются другія вещи: воображеніе рисуетъ намъ шумный почтовый поѣздъ, проносащійся теперь въ горныхъ глу-

бинахъ; но эта картина настоящаго не первая, которую мы на мѣтены развернуть передъ читателями.

Перенесемъ сначала къ замкнутому кругу, величественному ландшафту. Передъ нами Коттскіе Альпы съ молчаливыми вершинами *Cima del Caro* и *della Savanna Monginevro*, Гравъ Парадизо и съ строгими, знаменитымъ Монъ-Сенисомъ посреди ихъ. Послѣдній образуетъ узелъ, гдѣ встрѣчаются Коттскіе и Грайскіе Альпы; здѣсь лежитъ то пустынное, далеко растянутае плато, черезъ которое издавна пролегалъ военный путь изъ Франціи въ Италію. Высоко надъ пассомъ возвышаются разорванныя скалистыя вершины, почти всегда закутанныя сѣрыми облаками, почти всегда покрытыя глубокимъ снѣгомъ: это вершины Рокчамелоне и Ла Ровшъ, и другихъ тому подобныхъ гигантовъ съ болѣе или менѣе дикими именами. Высота ихъ достигаетъ 11,000 футовъ, а высота плато измѣряется въ семь съ половиной тысячъ футовъ.

Еще кардиналъ Бентиволио, въ 1648 писавшій въ Венеціи свои мемуары, называетъ Монъ-Сенисъ царемъ Альпъ, и дѣйствительно—есть что-то царственное въ его титанскихъ членахъ, въ мрачныхъ чертахъ его фізіономіи, въ полномъ думъ уединеніи, въ которомъ онъ царитъ.

Между скалами пробивается низкій кустарникъ, едва кое-гдѣ видна тоненькая березка; яркія альпійскія розы проглядываютъ сквозь темную зелень и въ трещинахъ цвѣтетъ душистая *Viola cenisia*.

Но она цвѣтетъ лишь для того, чтобы отцвѣсть; ни одна человѣческая рука не сорветъ ее. Здѣсь слышенъ только полетъ бѣлой куропатки, да провзвѣтный свистъ сурка; въ беззвучной тишинѣ слышно только, какъ съ грохотомъ катятся внизъ оторвавшіеся отъ скалъ камни,—видно, какъ орелъ описываетъ въ воз-

духъ широкіе круги, но этимъ и кончается жизнь—все остальное мертво.

Подлѣ самой дороги (почти на высотѣ 7000 футовъ) лежитъ маленькое темное озеро, отсюда вытекаетъ Сензія. Въ теченіи семи мѣсяцевъ въ году она покрыта толстымъ льдомъ; но даже и тогда, когда поздняя весна разрываетъ его оковы, когда веселая

и потомъ возстановленъ Бонапартомъ, такъ любившимъ называть себя наслѣдникомъ Карла Великаго.

Наполеонъ I выстроилъ здѣсь казармы слишкомъ на двѣ тысячи солдатъ. Страшно становится, когда, отдыхая на эгихъ опустыленныхъ скалахъ, представляешь себѣ проходящіе мимо ряды длинныхъ колоннъ усталой, оборванной арміи, измученныхъ лошадей,

Д. Ф. Оберъ, композиторъ.

форель снова выпрыгиваетъ, радуясь солнечнымъ лучамъ,—въ рѣкѣ есть что-то мрачное, какъ мысль о вѣчномъ заточеніи.

А между тѣмъ здѣсь еще другіе плѣвники, кромѣ вѣрныхъ водъ. На восточномъ берегу озера, среди этой голой пустыни, стоитъ малевкій монастырь, который былъ основанъ еще Карловингами,

гремящихъ орудій. Здѣсь послѣдній привалъ; послѣ часового отдыха, опять надо пускаться въ тяжелый путь, чтобы спуститься на поле битвы Италія.

Какой ужасный контрастъ: эта мертвая тишина горъ—и среди нихъ эти грозные военные арсеналы.

По близости монастыря нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ убогихъ хижинъ — здѣсь живутъ одни сторожа, обязанные смотрѣть за исправностью дороги. Для нихъ построено двадцать шесть сторожекъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ дороги; они должны давать у себя пріюгъ заблудившимся въ горахъ или застигнутымъ снѣгомъ — и такъ вся ихъ жизнь проходитъ между своими собственными и чужими опасностями.

Страшныя бури свирѣствуютъ тамъ, когда ломбардскій и савойскій вѣтры встрѣчаются въ горахъ и съ ревомъ сталкиваются другъ съ другомъ, какъ два волка.

Сигналы, обозначающіе занесенную снѣгомъ дорогу, сносятся какъ сухіи хворостники: «*Tormenta*» называютъ итальянцы эту бурю.

Вотъ каковъ ландшафтъ Монъ-Сениса. Мы попытались бѣглыми чертами обрисовать непокорную глыбу, — а между тѣмъ, какое множество геройскихъ дѣлъ видѣли эти камни, въ какой глубокой древности былъ проложенъ первый путь черезъ эти вершины!

Бросивъ взглядъ на ландшафтъ, обратимся теперь къ исторіи; то, что мы намѣрены припомнить здѣсь, нѣкогда приковывало къ себѣ вниманіе милльоновъ.

Первый изъ героевъ, перешедшихъ Альпы, былъ вѣроятно Ганнибалъ, великій предводитель Карфагенянъ. Хотя часто оспаривалось, но какому именно павсу переходилъ онъ Альпы, однако многіе историки называютъ Монъ-Сенисъ — главнымъ образомъ потому, что по ихъ мнѣнію войско его раздѣлилось и пошло разными дорогами. Во всякомъ случаѣ у Галловъ, отъ которыхъ Ганнибалъ собиралъ свѣдѣнія, Монъ-Сенисъ считался лучшимъ переходомъ въ долину По.

Это происходило въ 218 г. до Рожд. Христ. въ сентябрѣ мѣсцѣ, но въ горахъ въ эту пору почти зима. Свѣжій снѣгъ лежалъ уже на оледѣвшихъ скалахъ, а за Ганнибаломъ шло пятидесяти тысячное войско, нумидійскіе всадники и слоны.

Спускъ съ этой страшной дороги былъ еще ужаснѣе подъема. Сотни и тысячи людей падали въ бездонныя пропасти, лошади оставались безъ корму, слоны погибали отъ голода. Понадобилось три дня отчаянныхъ усилій чтобы совершить этотъ спускъ, и когда вблизи Ганнибалъ сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, въ нихъ недоставало двадцати тысячъ. Онѣ были погребены въ далекихъ ущельяхъ; это были первые жертвы, похищенные Монъ-Сенисомъ у великаго Карфагена.

Послѣ этого идетъ Помпей, а потомъ Цезарь, объ которомъ рассказываютъ, что въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ выходилъ изъ носилокъ и шель съ своими солдатами ильникомъ, съ открытой головой въ солнечной зной и бурю. Уже во времена римской имперіи, долина Суза, куда выходитъ монъ-сенисская дорога, пользовалась славой, какъ главная жила движенія: Августъ выстроилъ здѣсь крѣпость, Клавдій и Британникъ проходили по этому пути, и Константинъ шель этой же дорогой противъ Максентія.

Но и погибель грозившая всемирной имперіи, когда пробилъ ей часъ, пришла этимъ же путемъ, какъ ни глубоко скрывался онъ въ скалахъ и ущельяхъ; черезъ Альпы перешли тѣ варвары, которымъ суждено было исполнить судъ исторіи надъ навшей монархіей.

Теперь великая картина измѣняется: уже не римляне владѣютъ въ долинахъ Сузы, но лангобарды, приведенные сюда Альбиномъ. Это были исполины съ бѣлокурыми бородами, съ глазами, изъ которыхъ сверкала «голубой огонь», — но и они погибли подъ ударами франковъ.

Два раза Шлиинъ (въ 755 году) переходилъ Монъ-Сенисъ — и путь, проложенный имъ, дѣлалъ столѣтія служилъ путемъ германской саавы. Теперь на Монъ-Сенисъ, на «царя Альповъ», ступили германцы: мы видѣли на немъ Карла Великаго и Лудовика Благочестиваго; черезъ этотъ павсъ бѣжалъ Карлъ Лысый, пока не нашелъ убѣжище въ деревенькѣ Авріе, гдѣ онъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему его докторомъ.

За этой картиной слѣдуетъ другая: путь германскаго императора Генриха IV въ Каноссу — шель также черезъ Монъ-Сенисъ.

Матерь Вресчяни оставилъ намъ описаніе этого перехода. Когда Генриху IV было объявлено отлученіе, и рѣшено было свергнуть его съ императорскаго престола, если онъ не получитъ прощенія къ веснѣ, — тогда, нѣкогда столь гордый, двадцатишести-лѣтній монархъ вдругъ собрался въ путешествіе, безъ всякой свиты, кромѣ своей благородной жены, своего ребенка и нѣсколькихъ верныхъ друзей.

Они направились черезъ Бургундію въ Женеву, а оттуда черезъ Альпы въ Монриенское графство — это было о Рождествѣ; зима была такъ холодная, что виноградники промерзли до самыхъ корней, и Рейнъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ покрытъ льдомъ. Волосы поднимаются дыбомъ отъ рассказовъ о разныхъ эпизодахъ этого путешествія. Императоръ предлагалъ тысячи за проводника, но не находилось ни одного охотника: всѣ объявляли, что перейти гору въ это время года — вещь невозможная, а между тѣмъ отъ этого зависѣла тронъ и жизнь императора.

Генрихъ IV вступилъ на скалы Монъ-Сениса, какъ бѣднѣйшій человекъ въ имперіи. Вьючныя животныя, данныя ему однимъ изъ родственниковъ его, графомъ Вильгельмомъ, почти всѣ попадали въ пропасти, далеко не дойдя до вершины: надо было продолжать путь на маленькихъ салазкахъ, сдѣланныхъ изъ еловыхъ вѣтвей. Но и этого скоро не стало; тогда Берта и Конрадъ, маленькія дѣти императора были зашты въ большіе мѣхо-

вые мѣшки, которые тащили на двухъ канатахъ. Генрихъ шель подлѣ въ разорванной одеждѣ — съ окровавленными руками и обливающимися кровью сердцемъ!

Вотъ какимъ образомъ путешествовалъ императоръ германскій въ Каноссу въ 1077 году!

По прошествіи же слишкомъ семи столѣтій послѣ этого событія — и одному папѣ пришлось перейти черезъ Монъ-Сенисъ, въ сопровожденіи жандармовъ и въ самомъ униженномъ положеніи. Эпизодъ этотъ такъ мало извѣстенъ, что мы расскажемъ его, такъ, какъ онъ переданъ у д'Оссонвиля въ его знаменитомъ сочиненіи «*L'église romaine et le premier empire*».

Пій VII жилъ во дворцѣ савонскаго епископа плѣнникомъ Наполеона, какъ 9 іюля 1812 г. пришло повелѣніе привезти его въ Фонтенбло. Его разбудили среди ночи, такъ какъ путешествіе должно было начаться немедленно; когда онъ сталъ колебаться снять свой золотой крестъ, то перерѣзали ленту, на которой былъ надѣтъ этотъ папскій крестъ, и приказали ему надѣтъ обыкновенное священническое платье.

Жители Савонны ничего не должны были знать объ этомъ путешествіи; служба въ его дворцѣ продолжалась, какъ ни въ чемъ не бывало, у алтара зажигались свѣчи, во время обѣда носились кушанья къ пустому столу, — а напана, ночью, ильникомъ вышелъ изъ города, чтобы перебраться черезъ Монъ-Сенисъ во Францію. На почтовой станціи въ Сузѣ онъ былъ узнавъ; хозяйка окольными путями бросилась впередъ, чтобы предупредить въ монастырѣ, какому имъ надо ждать гостя. Но въ какомъ плачевномъ состояніи пришлось имъ принять его!

Мучительная бользнь, которой уже нѣсколько лѣтъ страдалъ Пій VII, до того ухудшилась вслѣдствіе тяжелаго путешествія, что каждый дальнѣйшій шагъ былъ бы сопряженъ съ опасностью жизни; въ два часа ночи, со стонами, почти при послѣднемъ издыханіи, подошелъ онъ къ воротамъ маленькаго монастыря.

Но Лагорзъ, начальствующій жестокихъ путешествіемъ, не зналъ состраданія; онъ послалъ въ Сузу за хирургомъ, и приказалъ ему во что бы то ни стало немедленно сдѣлать операцію.

Докторъ (конечно узнавшій папу) только послѣ величайшихъ просьбъ могъ добиться позволенія, прежде чѣмъ рѣшиться на операцію, испробовать другія средства, и черезъ два дня состояніе папы улучшилось.

«Можетъ онъ ѣхать дальше?» было единственнымъ вопросомъ начальника.

«Да,» отвѣчалъ докторъ, «но не иначе какъ въ сопровожденіи врача, чтобы въ крайнемъ случаѣ можно было его оперировать въ дорогѣ.»

«Прекрасно, такъ я приказываю вамъ сопровождать насъ.»

Экипажъ обложился подушками и одеялами, умирающаго старца подняли вмѣстѣ съ постелью и уложили въ экипажъ; по лѣвую его руку сѣлъ докторъ; французскіе жандармы конвоировали путешественниковъ.

Врачъ сопровождавшій Пія VII въ этомъ необыкновенномъ путешествіи черезъ Монъ-Сенисъ — чуть не плѣнникъ самъ — былъ докторъ Кларацъ. Рукопись, въ которой онъ подробно описываетъ эту повѣдку, сохраняется въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, Монъ-Сенисъ принадлежалъ собственно французамъ, но крайній мѣрѣ въ историческомъ отношеніи: при всѣхъ ожесточенныхъ битвахъ, какія они вели съ Савойскимъ домомъ, при всѣхъ войнахъ, направленныхъ на югъ, Монъ-Сенисъ былъ ихъ естественнымъ путемъ. До сихъ поръ старались повидимому держать тропинку по возможности втайнѣ, и она была такъ узка, что на ней съ трудомъ шли вьючныя животныя; теперь же стали стремиться къ противоположному. Еще въ 1693 г. маршалъ Катина расширилъ ее настолько, что по ней могли ѣхать маленькіе экипажи и легкія орудія — но въ настоящую военную дорогу, какъ есть, она была превращена только Наполеономъ. Его инженеромъ былъ гениальный Джованни Фабрале.

Императоръ самъ три раза перешелъ гору, и его рука, могучая въ созиданіи и въ разрушеніи, создала три огромныя зданія, о которыхъ мы упоминали выше и которыя стоятъ еще и понынѣ въ этой каменной пустынѣ. Это казармы для 2200 солдатъ, со стойлами слишкомъ на 300 лошадей. За то на большомъ камнѣ, крупными буквами написано о подвигѣ великаго Императора.

Монастырь состоитъ подъ управленіемъ епископа Маріенскаго и подъ надзоромъ пріора и нѣсколькихъ монаховъ; на ремонтъ строеній о.пускается сумма въ 12.000 франковъ въ годъ.

Въ 1859 г., когда кровопролитная война разгорѣлась на поляхъ Ломбардіи, французы переходили также черезъ Монъ-Сенисъ.

Вотъ о какихъ дѣлахъ и страданіяхъ рассказываютъ намъ здѣсь камни. Отъ дикой пустыни, мы постепенно дошли до многосторонней современной культуры, до того самаго часа, когда побѣдоносный человѣческій умъ сдѣлалъ первый ударъ молотомъ въ глубинѣ горы, и назвалъ своимъ и это непокорное до тѣхъ поръ царство.

Какъ ни могучъ ландшафтъ и какъ ни величественна прошедшая исторія Монъ-Сениса, все-таки величайшимъ его чудомъ остается гигантское сооруженіе, созданное нынѣшнимъ поколѣніемъ и не имѣющее ничего себѣ равнаго даже въ памятникахъ древности. Мы говоримъ о монъ-сенисской желѣзной дорогѣ. Но прежде чѣмъ распространяться объ ней, мы коснемся одной относящейся сюда ошибки. Гора, сквозь которую собственно проведенъ тун-

нел, не есть Монь-Сенись въ тѣсномъ смыслѣ слова, но другой хребетъ той большой группы, надъ которой онъ господствуетъ; это, такъ сказать, одинъ изъ вассаловъ Монь-Сениса. На географическихъ картахъ гора эта обозначается именемъ *Col de Fréjus*, но великое созданіе стало называться именемъ главнаго властелина; весь міръ всегда будетъ говорить о туннелѣ сквозь *Монь-Сенись*, а не сквозь *Монь-Фрежусъ*, какъ гора называется на самомъ дѣлѣ.

Мысль и все исполненіе этого гигантскаго сооруженія удивительны въ высшей степени. Какъ всѣ великія созданія въ мірѣ—и эта великая идея имѣла свою исторію страданій; у нея былъ даже свой мученикъ, посвятившій всю свою жизнь одной цѣли, оставаясь непонятнымъ и не доживъ до исполненія своихъ желаній.

Человѣкъ этотъ былъ инженеръ Жозефъ Медайль изъ Бардоннеша; еще въ 1832 г. онъ представилъ королю Карлу Альберту проектъ, и предполагалъ прорѣзъ Коттскихъ Альповъ почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ исполненъ нынѣ.

Проекту удивлялись какъ чему-то недостижимому, но объ осуществленіи его никому не приходило и въ голову. Но это не пугало отважнаго сына Альповъ. Десять лѣтъ спустя онъ сообщилъ свой проектъ коммерческой палатѣ въ Шамбери; его разсмотрѣли и также нашли въ высшей степени геніальнымъ; но и тутъ его ожидала та же участь—никто не подумалъ о его осуществленіи. Медайль закрылъ глаза гораздо раньше чѣмъ была приведена въ исполненіе мысль всей его жизни—сдѣлать это онъ завѣщалъ потомству.

Только въ 1845 г. пьемонтское правительство обратило серьезное вниманіе на этотъ проектъ, и поручило предвѣстительныя работы бельгійцу Маусу, пріобрѣтшему всемірную извѣстность постройкой генуэзской желѣзной дороги. Его работы раздѣлялъ знаменитый геологъ, Анджело Сисмонди.

Кто посмотритъ на карту Грайскихъ и Коттскихъ Альповъ—увидитъ, что сообщеніе между Франціей и Италіей идетъ четырьмя большими долинами. Это долины: Дора Рипарія, Стура ди Ланцо, Валле дель Орко и Валле дель Дора Балтеа.

Въ одной изъ этихъ долинъ слѣдовало найти путь для новой желѣзной дороги; скоро убѣдились, что первая изъ названныхъ долинъ (именно Дора Рипарія) представляетъ наименѣе препятствій. Какъ на французской, такъ и на итальянской сторонахъ, она лежитъ въ одномъ направленіи (во Франціи подъ именемъ Валь де л'Аркъ), и между обѣими идетъ поперекъ громадная горная цѣпь, достигающая въ Рокчамелоне (подымающейся надъ Монь-Сенискимъ плато) своей высочайшей вершины.

Слѣдовательно, надо было пробить эту цѣпь заграждающую путь; возникъ вопросъ о томъ, чтобы выбрать такой пунктъ, гдѣ бы гора была наименѣе широка и камень мягче; такимъ мѣстомъ оказался Коль де Фрежусъ. Конечнымъ пунктомъ съ итальянской стороны былъ выбранъ Бардоннешъ, съ французской стороны Молапъ.

Выработанный въ мельчайшихъ подробностяхъ проектъ Мауса вскорѣ потерялъ заслуженный имъ интересъ, вслѣдствіе тяжелой войны 1848 и 1849 гг.; возникли новые проекты и также были устраняемы, пока потребность осуществленія этой мысли не сдѣлалась слишкомъ чувствительной. Въ числѣ предстоявшихъ трудностей въ этомъ дѣлѣ, двѣ стояли на первомъ планѣ: какъ пробить камень въ 12.000 метровъ ширины и откуда будутъ получать рабочіе воздухъ, чтобы быть въ состояніи работать въ такой глубинѣ?

Два великія изобрѣтенія разрѣшили эти сомнѣнія: 30 іюля 1855 года даны были патенты Томасу Барлетту на сверильную машину и на машину Колладона для сгущенія воздуха и передачи его на мѣста работы.

Обѣ эти идеи были соединены такъ остроумно, что сжатый воздухъ могъ быть передаваемъ на большія разстоянія, гдѣ онъ одновременно приводилъ въ дѣйствіе машины и доставлялъ рабочимъ необходимый кислородъ. Заслуга этого соединенія принадлежитъ инженерамъ Грандису, Граттени и Соммелье, которые вели техническую часть предпріятія.

Уже 19 іюня 1856 г. (н. с.) малый пьемонтскій парламентъ по настоянію графа Кавура, рѣшилъ отпустить сумму для испытанія сверильной машины и вотировалъ законъ, по которому Пьемонтъ долженъ былъ соединить съ Савойей посредствомъ бреша, пробитой въ Альпахъ; черезъ годъ законъ этотъ былъ утвержденъ и 31 августа начались работы. Викторъ Эммануилъ самъ зажегъ первую мину; Кавуръ съ одушевленіемъ преслѣдовалъ геніальную мысль, и маленкій Пьемонтъ не оставался ни передъ какими жертвами, чтобы достигнуть ея выполненія.

Но какія жертвы понадобились тутъ! — Работы были начаты въ такой глуши, гдѣ не было ни дорогъ, ни жилья; надо было сначала создать все это.

У обонихъ выходныхъ пунктовъ туннеля были основаны настоящіе селенія; къ нимъ была проведена вода изъ большихъ горныхъ ручьевъ въ закрытыхъ чанахъ; были выстроены огромные пороховые магазины, и тысячи людей затолпились въ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда царствовала глубокая тишина.

Десять лѣтъ продолжалась работа пробитія туннеля, пока наконецъ Борелли и Конелло не обезпечили своими вѣрными измѣреніями окончательнаго соединенія обонихъ шахтъ.

Длина всего пробоя, если прибавить сюда два маленькія соеди-

нительныхъ туннеля, простирается до 12,848 метровъ; ширина туннеля имѣетъ восемь метровъ для двойнаго ряда рельсовъ, подлѣ которыхъ проходитъ два троттуара; сводъ туннеля шести метровъ вышины. Туннель беретъ начало съ французской стороны на высотѣ 1158 метровъ надъ уровнемъ моря, и выходитъ съ итальянской стороны на высотѣ 1291 метра, имѣя самой возвышенной точкой 1294 метра надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, въ самомъ туннелѣ слѣдовало побѣдить подъемъ въ 146 метровъ.

Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробное описаніе всѣхъ значительныхъ машинъ и техническихъ работъ, объ которыхъ кромѣ того много было говорено въ свое время; мы хотимъ только набросать общую величественную картину этого предпріятія и сдѣлать обзоръ производившихся при этомъ работъ.

Во первыхъ было рѣшено: совсѣмъ пробное пространство— сразу отдѣлывать окончательно. Рельсы постоянно прокладывались до самаго того мѣста, гдѣ производились работы; по нимъ двигались употребляемыя на работахъ машины, тачки вывозившія взорванные камни и перевозившія людей. Подъ рельсами же проходила глубокой каналъ скрывающей трубы, по которымъ проводились во внутренность туннеля воздухъ, свѣтъ и вода; самыя работы производились при газѣ. Для защиты трубъ отъ осколковъ при взрывахъ, каналъ былъ тщательно закрытъ, люди закрывались такъ-называемыми предохранительными дверями, которыя можно было по желанію запереть и отворять. Посредствомъ этого, та часть туннеля, гдѣ дѣлались взрывы, совершенно отдѣлялась отъ готовой части, между тѣмъ какъ пороховой дымъ выносился сжатымъ воздухомъ. При каждой сверильной машинѣ работало 37 человекъ рабочихъ, общій персоналъ служащихъ на каждой сторонѣ простирался до 2.000 человекъ лѣтомъ и до 1.500 зимой, но большей частью съ семьями, которыя удвоились и утроились здѣсь, пока были окончены работы. Это были уже не мастерскія а цѣлыя населенія.

Чтобы дать приблизительное понятіе объ издержкахъ, какія поглотило устройство этихъ работъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько цифръ изъ отчета Граттона за 1863 годъ, гдѣ значится:

Земля подъ мастерскія	100,000	франковъ
Водопроводы	250,000	»
Помѣщенія для восьми компрес- саторовъ	240,000	»
Машины	480,000	»
Различные матеріалы и запасы	600,000	»

И такъ далѣе, въ такихъ же размѣрахъ; съ каждой стороны было затрачено по три милліона на однѣ przygotowательныя работы, прежде чѣмъ была пробита одна трещина въ туннелѣ. Что касается стоимости послѣдняго, то она доходитъ до почтенной цифры въ 75.000,000 франковъ, изъ которыхъ двадцать шесть пали на дома Франціи, а остальные уплачены Италіей. Сначала для окончанія туннеля былъ 25-ти лѣтній срокъ; но чтобы ускорить работы, Франція въ 1862 г. (послѣ отдѣленія Савойи и Ниццы) гарантировала премію въ 500,000 франковъ за каждый годъ скорѣйшаго окончанія туннеля; въ случаѣ же окончанія его ранѣе пятнадцати лѣтъ каждый сбереженный годъ вознаграждался преміей въ 600,000 франковъ. Такъ какъ туннель былъ оконченъ въ 9 лѣтъ, то Италія выиграла довольно много. Что же касается инженеровъ, то правительство съ своей стороны заключило съ ними условіе, въ силу котораго они получали по 4617 франковъ за метръ, если бы обязались окончить туннель раньше конца 1871 года.

Кстати приведемъ здѣсь нѣкоторыя небезинтересныя числовыя сравненія: весь сводъ выложенъ камнемъ на два фута толщины, такъ что изъ употребленныхъ на это камня и извести можно бы было провести стѣну отъ Сузы до Флоренціи (приблизительно отъ Петербурга до Пскова); изъ количества сожженного пороха можно бы было тринадцать лѣтъ сряду дѣлать каждый день 50,000 ружейныхъ выстрѣловъ; однихъ кирпичей пошло шестнадцать милліоновъ.

Несмотря на колоссальность этихъ работъ, онѣ были приведены къ окончанію скорѣе, чѣмъ предполагали самыя смѣлые изъ инженеровъ: 26 декабря 1870 г. пала послѣдняя тоненькая стѣнка раздѣлявшая обѣ шахты.

Уже можно было переговариваться изъ шахты въ шахту; съ обонихъ сторонъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда взлетитъ послѣдняя мина, и всѣ съ радостными криками бросились черезъ брешь и пожинали другъ другу руки. Это была возвышенная минута, и она обратила бы на себя вниманіе всего міра, если бы ему было время слѣдить за нею. Но тогда подъ Парижемъ стояли прусскіе батальоны, Франція истекала кровью изъ тысячи ранъ, некогда было думать о праздникахъ.

Италія была гораздо счастливѣе въ тѣ дни: она пріобрѣла Римъ и достигла своей цѣли; она окончила предпріятіе, въ возможности котораго сомнѣвались даже великіе умы, и сдѣлала это исключительно благодаря своему генію, своей собственной силѣ. Свидѣтели этого торжества, встрѣтившіеся здѣсь на бреша, могли радостно чѣмъ когда нибудь воскликнуть: *Evviva l'Italia!*

17 сентября 1871 г. была открыта желѣзная дорога черезъ Монь-Сенискій туннель, какъ новый мирный союзъ всѣхъ европейскихъ народовъ.

Въ началѣ октября я предпринялъ путешествіе черезъ Монь-

Сенись; тревожное состояние духа овладело и всеми пассажирами.

Природа уже сама по себе становится суровее, мрачнее, как скоро съ юга Франции переходимъ въ Савойю; горные обрывы становятся все сѣдѣе, и выше и выше поднимаются вершины; вмѣсто мягкихъ золотистыхъ тоновъ, лежащихъ на ландшафтѣ Прованса, выступаютъ сумрачныя, темныя краски; горы высоко покрыты еловымъ лѣсомъ, дикіе горные ручьи стремительно несутъ свои холодныя чистыя волны. По дорогѣ разбросаны тамъ и сямъ одинокія хижинки изъ коричневой дровы; изрѣдка попадается жалкая деревушка, да кое-гдѣ порадуетъ глаза тѣнистый лиственный лѣсъ, гдѣ изстари охотится выносливый на всякія непогоды сардинецъ.

И чѣмъ дальше подвигаемся мы по этой дорогѣ, тѣмъ болѣе дичаетъ и сжуживается картина; въ открывающіяся и замыкающіяся на лету боковыми долинами—ведутъ уже только узенькія пѣшеходныя тропинки: тысячи признаковъ служатъ свидѣтелями борьбы, съ какою человекъ прокладываетъ себѣ путь. Грозно надвигаются на насъ горы, и вдругъ дорога замыкается каменнымъ колоссомъ—двигаться дальше нѣтъ болѣе никакой возможности.

Локомотивъ отчаянно свиститъ, желѣзныя колеса скрипятъ—это Моданъ, послѣдняя станція у самой подошвы Монъ-Сениса. Здѣсь поѣздъ останавливается почти на цѣлый часъ; изъ просторныхъ открытых вагоновъ 1-го класса (другихъ классовъ нѣтъ на этой дорогѣ) высыпаетъ густая толпа итальянцевъ и французовъ, англичанъ, русскихъ—это смѣсь всевозможныхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ нарѣчій. Такъ какъ граница лежитъ посреди туннеля, то здѣсь находится таможня: любезнымъ движеніемъ руки насъ приглашаютъ войти въ залу и открыть чемоданы. Что это за суматоха, что за пестрая смѣсь лицъ! «*Prenez garde!*» кричатъ факchini, въ низкихъ телѣжкахъ отвозящіе багажъ въ залу; «*Sangue di Christol!*» ругается итальянецъ, у котораго вдругъ кулато пропала жена; одна пѣвица, ѣдущая въ театрѣ *Scala* въ Миланѣ, везетъ съ собою девять огромныхъ сундуковъ; ей послѣдней возвращаютъ багажъ.

Впрочемъ, вообще обращаются снисходительно; мой чемоданикъ безъ осмотра получилъ заветный знакъ мѣломъ, безъ котораго никто не смѣетъ оставить залу.

И такъ, я имѣлъ достаточно времени насмотрѣться вокругъ. Моданъ лежитъ въ котловинѣ, не имѣющей и часу въ окружности; вывѣтрившіеся валуны тѣснятся чутъ не къ самымъ рельсамъ, и уже послѣ полудня въ долинѣ ложатся съ горъ темныя тѣни. Здѣсь входъ въ туннель; въ этой глуши, гдѣ ничего нѣтъ кромѣ нѣсколькихъ домиковъ оставшихся отъ прежнихъ мастерскихъ, стоитъ великолѣпная станція. Отъ двѣнадцати до пятнадцати разжирныхъ рельсовъ прекрещиваются здѣсь во все стороны; по нимъ двигаются взадъ и впередъ шипящіе локомотивы и между сотни пассажирскихъ и товарныхъ вагоновъ; около нихъ сплужаютъ заковѣтлыя лица. Однимъ словомъ, это настоящій міръ циклоповъ среди дикой пустыни.

Какъ внезапно измѣняется картина, когда входимъ въ залу воксала, гдѣ до отхода поѣзда въ обѣдаете за блестящимъ столомъ. Залъ освѣщается высокими окнами, стѣны обшиты свѣтлымъ деревомъ, мебель и дверныя драпировки тяжелого зеленого дамаса. Вездѣ зеркала и картины; кельнеры стремительно бѣгаютъ съ тончайшими фарфоровыми сервизами, точно въ какомъ-нибудь парижскомъ отелѣ. Но обольщеніе продолжается недолго. Раздается второй звонокъ, зовущій насъ опять въ дикую глушь. Самые занятые ѣдоки, отдуваясь, встаютъ изъ-за стола и отвязываютъ повязанныя вокругъ шеи салфетки—пора! И вотъ мы сейчасъ помчимся черезъ Монъ-Сенись.

Вмѣсто французскаго поѣзда, на которомъ мы ѣхали до сихъ поръ, на рельсахъ стоитъ итальянскій поѣздъ съ выкрашенными темной краской вагонами и просторными купѣ съ мягкой свѣтлой обивкой, выѣщанными по восьми пассажировъ. Лампы были уже зажжены, вагонные надсмотрщики тутъ и тамъ пробовали еще оси, потомъ пришелъ еще другой локомотивъ, который долженъ былъ облегчить намъ путь—поѣздъ далъ толчекъ—и мы тронулись.

На всѣхъ лицахъ написано было лихорадочное возбужденіе, позрѣвшее еще вслѣдствіе того, что предмета общаго любопытства и тревоги иногда не было видно, такъ какъ входъ въ знаменитый туннель лежитъ отвѣсно, футовъ на 200 надъ станцією. Дорога описываетъ двѣ огромнѣйшія дуги, прежде чѣмъ дойти до отверстія. Изгибы эти дѣйствительно могутъ привести въ ужасъ; локомотивъ не мчится, но подымается медленно, точно съ трудомъ одолевая каждый шагъ, и мы уже видимъ далеко подъ собой шиферный кровль Модана, пока онъ вдругъ не очутится подъ самыми нашими ногами.

Раздается пронзительный свистъ—точно кричитъ человекъ, котораго бы вдругъ тольнули въ потемки; дымъ, бѣшено клубясь, стелется по землѣ, еще одна минута полу-свѣта, потомъ насъ охватываетъ черная мгла, теперь мы вполне въ ея власти.

Мы въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Монъ-Сенискій туннель; большинство испытываетъ какое-то странное ощущеніе. Это нельзя назвать страхомъ; но намъ невольно овладѣваетъ безпокойное чувство, когда вы сознаете себя въ непосредственной власти первобытныхъ силъ природы,—когда знаете, что ни одна человѣческая рука не подастъ вамъ помощи, случись несчастіе на этомъ подземномъ пути. Мы чувствовали, что каждый камень этого свода

держитъ въ своихъ рукахъ нашу жизнь,—а природа мститъ иногда человеку.

Огонь ярко горѣлъ въ купѣ; они освѣщаются большими петролеумовыми лампами съ молочными колпаками; но это дѣйствуетъ только на глаза, а не на состояніе духа. Вѣдь освѣщаетъ-то онѣ ни что другое, какъ именно ту самую тьму, которая заставляла насъ испытывать такое непріятное ощущеніе,—и поэтому кажутся, среди этой колоссальной, длинной ночи, жалкими, тусклыми ночниками.

Мы отворили окно; насъ обдало теплымъ, удушливымъ воздухомъ, затруднявшемъ дыханіе; не было ни малѣйшей возможности увидѣть стѣны туннеля и разглядѣть сосѣдній вагонъ. Только и было видно, что волнующіяся массы дыма, когда онѣ проносились у самаго края освѣщенныхъ оконъ; было, право, что-то страшное въ этихъ безформенныхъ ползучихъ клубкахъ, которые то проскользнули между колесами, то вдругъ взвились вверхъ, безпрестанно исчезая и снова вырастая передъ вами.

Локомотивъ страшно шумѣлъ; по его шипѣнью и стомамъ, чувствовалось, какія геркулесовскія усилія онъ дѣлалъ, потому что вѣдь внутри туннеля идетъ подъемъ слишкомъ на 400 метровъ. Казалось иногда, будто онъ совсѣмъ останавливается, выбившись изъ силъ; затѣмъ слѣдовалъ сильный толчокъ, и работа начиналась снова.

У насъ же потъ выступилъ на лбу—такъ спертъ былъ воздухъ, такъ подавляла насъ темнота.

Я вынулъ часы, прошло всего только десять минутъ, какъ мы томились въ этой тюрьмѣ: была пройдена едва одна треть пути.

Такъ какъ снаружы нечего было смотрѣть, то я обратилъ свой взглядъ внутрь, то есть не въ душу, а въ купѣ. Я сталъ ближе присматриваться, съ какими сосѣдями свела меня судьба. Дамы, сидѣвшія противъ меня, держали у глазъ платки и покашливали; онѣ не хотѣли показывать виду, что плачутъ. Съ самымъ веселымъ оживленіемъ отпосились къ положенію французы; они всѣ превратились въ вѣрніе и слухъ, и расказывали тысячи всевозможныхъ подробностей; разумѣется, они считали постройку туннеля не иначе какъ своимъ дѣломъ—и чувствовали себя обязанными исполнять роль хозяевъ въ купѣ. Джонъ Буль, не отнимая глазъ отъ огромнѣйшаго бинокля, смотрѣлъ въ темноту, онъ подымался даже на цыпочки отъ любознательности, безпрестанно бормоталъ: «*Oh, how beautiful, I'm very much delighted.*» (О, великолѣпно, я въ восхищеніи).

«*Oh yes, very beautiful indeed!*» (О да, дѣйствительно великолѣпно), отвѣчалъ его спутникъ, не подымая глазъ отъ газеты, которую началъ читать, какъ только что сѣлъ въ вагонъ. «А какъ нравится вамъ здѣсь въ Монъ-Сенись?» спросилъ я одного американца, протиравшаго себѣ глаза со сна. «Темно», отвѣчалъ онъ и повернулся на другую сторону.

Вотъ приблизительный образчикъ публики наполняющей вагоны Монъ-Сенисской дороги; это пестрая и страшная смѣсь цвѣтовъ, нарѣчій и лицъ; можетъ быть не всѣмъ понравится это международное общество,—но оно неизбѣжно въ путешествіи, какъ фигуры въ картинѣ.

Прошло еще десять минутъ, воздухъ становился все болѣе спертъ и удушливъ; не читалось и не спалось больше; однако мы чувствовали, что достигли высшей точки туннеля; дорога измѣнилась, стала отложе—она спускалась. Локомотивъ помчался съ бѣшеной скоростью, точно хотѣлъ вознаградить потерянное время; маленькія станціи, находящіяся въ глубинѣ туннеля, мелькали какъ огоньки. У нихъ стоялъ сторожа съ потайными фонарями въ рукахъ, служащими знакомъ, что всѣ при своихъ постахъ, потому что видѣть иначе—вещь невозможная.

Что за ужасная жизнь—вдали отъ людей и даже отъ свѣта, радующаго послѣдняго нищаго—и къ этому еще страшная отвѣтственность такой службы. Сторожа мѣняются каждые двѣнадцать часовъ; по возможности они выходятъ иногда на воздухъ черезъ шлюзныя, служащія для вентиляціи; это тѣмъ легче, что сравнительно поѣздовъ черезъ туннель ходитъ не много.

Чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ бѣшенѣе мчался поѣздъ; стѣнный шумъ заглушалъ все; разговоръ надо было прерывать на каждомъ словѣ.

Каждому невольно приходила мысль: а что если столкнутся поѣзды, или мы сойдемъ съ рельсовъ? Насколько известно, на Монъ-Сенисской дорогѣ до сихъ поръ еще не случилось значительнаго несчастія; говорятъ, будто разъ встрѣтились два поѣзда, однако успѣли во время остановиться, и несчастіе было предупреждено. Не знаю, достовѣренъ ли этотъ разсказъ, и потому оставляю его на отвѣтственности того дорожнаго товарища, который передалъ намъ его—я имѣю только нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что «онъ самъ былъ свидѣтелемъ», какъ онъ очень усердно увѣрлялъ насъ.

Тѣмъ не менѣе разсказъ произвелъ должный эффектъ; французы стали предлагать всѣмъ эфиру—прошлъ уже двадцать одна минута, издали просвѣчивалъ уже полусвѣтъ, предвѣщавшій близкій выходъ. Локомотивъ стремился къ выходу, какъ пойманный дикій звѣрь, вырвавшійся на волю. Какъ на корабляхъ кричатъ: «Земля, земля!», такъ теперь глаза всѣхъ говорили: «Свѣтъ, свѣтъ!»

Наконецъ мы вышли изъ туннеля. Солнце ослѣпительно сіяло на скалистыхъ вершинахъ, по дорогѣ зеленѣли молодыя сосны и стройныя березки, вблизи шумѣлъ ручей; все вокругъ насъ ожило.

Гвидо Рени пишетъ портретъ Беатриче Ченчи. Рис. и. грав. Гукеръ. Библиотека "Руниверс"

На станціи красовался итальянскій гербъ. «*Bardonnecchia!*» кричитъ кондукторъ, «*si ferme cinque minuti!*» (Здѣсь остановки пять минутъ).

И, послѣ длиннаго изгиба, мы еще разъ оглянулись на могучіе каменные ворота, составляющіе входъ въ туннель, на эту твердую, созданную умомъ человѣка; мы видѣли всю пройденную нами горную цѣпь, на вершинѣ которой стоитъ бѣлый крестъ,

обозначающій то мѣсто, гдѣ рабочіе обѣихъ сторонъ встрѣтились ввнутри туннеля.

Въ минуту выхода изъ туннеля, не отъ одной радости вырваться наконецъ на свѣтъ — подымалась наша грудь; она подымалась также отъ гордости и счастья, что живешь въ такое время, которое могло создать подобную вещь.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вотъ уже болѣе трехъ недѣль, какъ въ южныхъ штатахъ Сѣверо-американской республики происходятъ весьма серьезныя стычки между бѣлыми плантаторами съ одной стороны и цвѣтными населеніемъ съ другой. — стычки, перешедшія въ нѣкоторыхъ городахъ въ жестока кровопролитныя столкновения. Почти во всѣхъ южныхъ штатахъ — въ Тенесси, Луизианѣ, Арканзасѣ, Миссисипи и проч. — ненависть между бѣлыми и цвѣтными гражданами республики достигла своей крайней степени и грозитъ перейти въ настоящую междоусобную войну. Особенно страшные разрывы приняла волненія въ городѣ Нью-Орлеанѣ, въ штатѣ Луизиана. Губернаторомъ въ этомъ городѣ выбранъ нѣкто Киллогъ, изъ негровъ, котораго бѣлые сильно не взлюбили и подняли знамя бунта. Устрашенный этимъ, губернаторъ обратился въ бѣгство, а бѣлые, завладѣвъ арсеналомъ, открыли рѣзню, безпримѣрную даже въ лѣтописяхъ южныхъ штатовъ. Тогда Киллогъ телеграфировалъ въ Вашингтонъ, къ президенту республики, Гранту, прося у него заступничества. По совѣщаніи съ министрами, Грантъ рѣшился поддержать губернатора и распорядился послать въ Нью-Орлеанъ войско. Между тѣмъ, бѣлые, пользуясь своею побѣдою и бѣгствомъ Киллога, избрали губернатора изъ своей среды, который и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Съ прибытіемъ войскъ правительства, дѣла перемѣнились, и бѣлый губернаторъ долженъ былъ уступить мѣсто законному губернатору изъ черныхъ, который и былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Въ штатѣ Алабамѣ цвѣтное населеніе составило заговоръ противъ бѣлыхъ и поставило себѣ задачей: истребить своихъ противниковъ, завладѣть въ то же время ихъ имуществомъ. Въ штатѣ Тенесси негры провозгласили поголовное избіеніе всѣхъ бѣлыхъ. Въ штатахъ Кентукки, Алабамѣ и Техасѣ, бѣлые, съ своей стороны, въ массахъ нападаютъ на цѣлыя селенія, обитаемая неграми, вырѣзываютъ жителей, останавливаютъ поѣзды желѣзныхъ дорогъ и даже производятъ нападенія на церкви. Въ Техасѣ, кромѣ того, не будучи въ состояніи бороться противъ подавляющаго большинства черныхъ, они, въ помощь себѣ, нанимаютъ индійцевъ и мексиканскихъ разбойниковъ. Всѣ эти частныя столкновения, разжигаемая племенной ненавистью, грозятъ современемъ перейти въ повую и болѣе жестокую междоусобную войну чѣмъ та, которая была въ Америкѣ 12 лѣтъ тому назадъ.

Что же за причины подобныхъ столкновений и есть ли кака-нибудь возможность освободить отъ нихъ государство? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, необходимо обратиться къ прошедшему. Известно, что по окончаніи знаменитой междоусобной войны сѣвера республики съ плантаторами южныхъ штатовъ за освобожденіе негровъ, считавшихся до сихъ поръ рабами южанъ, черному населенію этихъ штатовъ дарованы были, кромѣ гражданской и личной свободы, еще и многія изъ политическихъ правъ, которыми до войны пользовались одни только ихъ владѣльцы. Такимъ образомъ, за неграми признана была политическая и социальная равноправность съ бѣлымъ населеніемъ юга; они получили всѣ права свободныхъ избирателей, а съ ними вмѣстѣ и вліяніе на политическія дѣла не только въ своемъ штатѣ, но и въ цѣломъ государствѣ; даже выборъ главы исполнительной власти въ республикѣ, т. е. президента, поставленъ былъ въ нѣкоторую зависимость отъ большаго или меньшаго расположенія къ нему цвѣтнаго населенія, какъ довольно значительной части избирателей въ цѣломъ союзѣ. Понятное дѣло, что бѣлые, ввиду такихъ обстоятельствъ, не могли быть довольны уже по одному тому, что, понеся значительныя издержки на веденіе войны съ Сѣверомъ и потерявъ даровой трудъ бывшихъ своихъ рабовъ, они, къ довершенію всего, должны были раздѣлить съ ними и свое политическое вліяніе въ странѣ, свою власть и свои политическія

и гражданскія права. Съ другой стороны, цвѣтное населеніе юга, скинувъ съ себя оковы вѣковаго рабства, не могло не увлечься такъ щедро и благородно данными ему правами и благами свободы, — и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могло не злоупотребить всѣмъ этимъ въ ущербъ тому общему дѣлу, для котораго должны работать всѣ, безъ различія национальностей и вѣроисповѣданій. Правительство президента Гранта очень хорошо понимаетъ положеніе дѣлъ на югѣ, а потому и рѣшилось, не выходя изъ предѣловъ конституціи, подать руку помощи и оказать заступничество губернатору Киллогу.

Итакъ, вотъ главнѣйшія изъ причинъ, породившія кровавыя столкновения въ южныхъ штатахъ великой республики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ дѣло не кончится, и если суждено будетъ придти къ какому-либо умиротворенію въ настоящее время, то никакъ нельзя поручиться, чтобы не возникло новыхъ и еще большихъ волнений въ будущемъ. Однимъ словомъ, пока будутъ существовать причины, породившія настоящія событія, до тѣхъ поръ будутъ существовать и ихъ послѣдствія.

Въ старомъ свѣтѣ положеніе дѣлъ также не можетъ быть названо нормальнымъ. Извѣстія изъ Франціи, Испаніи и даже Италіи представляются въ особенности неутѣшительными. Въ первой изъ нихъ, съ распушеніемъ Національнаго Собранія, событія нисколько не подвинули впередъ вопроса объ упроченіи той или другой формы правленія, въ чемъ такъ сильно нуждается страна. Путешествіе маршала Макъ-Магона по сѣвернымъ и западнымъ департаментамъ какъ-нельзя лучше показало желанія народа, всѣ классы котораго желаютъ упроченія республиканской формы правленія, какъ единственно-возможной въ настоящее время для Франціи. Въ многочисленныхъ рѣчахъ, которыя пришлось выслушать маршалу, повторялось почти одно и то же — желаніе упрочить правительственную форму и надежды на мудрость и благодарныя стремленія президента. Впрочемъ, общій характеръ встрѣчъ, овацій и рѣчей въ честь Макъ-Магона показывалъ, что населеніе сочувствуетъ гораздо болѣе республикѣ, нежели ея президенту. — Событія въ Испаніи за послѣднее время носятъ на себѣ прежній, почти безнадежный отпечатокъ: частая перемѣна кабинетовъ обнаруживаетъ неспособность правительства маршала Серрано составить миѣнистерство, симпатичное большинству народа, а постоянныя отставки главнокомандующихъ сѣверной арміей — недостатокъ въ дѣятельныхъ и честныхъ генералахъ, преданныхъ интересамъ своей злополучной родины; наконецъ неупѣшность дѣйствій правительственныхъ войскъ противъ карлизма обнаруживаетъ съ одной стороны недостатокъ энергіи въ самомъ правительствѣ, а съ другой, — тѣ благопріятныя для карлистовъ условія, которыя поддерживаются для нихъ Франціей, свободно пускающею провозъ продуктовъ и боевыхъ запасовъ. Даже признаніе главнѣйшими изъ державъ Европы правительства маршала Серрано мало помогаетъ дѣлу. А тутъ, какъ нарочно, начинается распространяться слухъ, что Германія потому будто-бы не прочь пособить испанскому правительству въ покореніи карлизма, что въ этомъ она имѣетъ свою личную выгоду — замѣщеніе испанскаго престола однимъ изъ принцевъ Гогенцолернскаго дома... — Что касается затѣмъ до Италіи, то въ послѣднее время и тамъ проявились волненія и безпорядки, вызванія многочисленныя аресты и слѣдствія. Причины этихъ волнений разнообразны и объясняются частью непомѣрною дороговизною предметовъ первой необходимости, утвердившейся въ Италіи и съ году на годъ возрастающей, главнымъ же образомъ — предстоящими выборами въ Парламентъ, для которыхъ каждая изъ итальянскихъ партій старается выставить своихъ кандидатовъ и опредѣлить программу будущихъ своихъ дѣйствій.

СМѢСЬ.

Беатриче Ченчи. Въ лѣтописяхъ кровавой эпохи Борджіевъ въ Римѣ особенной извѣстностью пользуется драма, разыгрывавшаяся въ концѣ XVI-го вѣка въ семействѣ Ченчи. Одинъ изъ богатѣйшихъ патрициевъ святаго города, Фраческо Ченчи, ослѣпленный страстью къ своей младшей дочери отъ перваго брака,

нарушилъ законы божественные и человѣческіе. Обезчещенная, увлекаемая жаждой мести, она составила заговоръ вмѣстѣ съ своей мачихой Лукреціей Петрони и двумя братьями Яковомъ и Бернардомъ на жизнь отца. 9-го сентября 1598г., при помощи двухъ сборовъ, старикъ былъ ими лишенъ жизни.

Слѣдствіе открыло отцеубійство, и по приговору папы Климента VIII, цѣлое семейство Ченчи было брошено въ тюрьму. Братья и мачиха скоро сознались въ преступленіи; одну только Беатриче самыя страшныя пытки не могли ни заставить сознаться въ преступленіи, ни поколебать ея твердости. Об-

щественное мѣние сильно говорило въ пользу обвиняемой, какъ доведенной низостью и жестокостью отца до отчаянія. Но это былъ вѣкъ самыхъ ужасныхъ и весьма частыхъ преступленій, вѣкъ Борджиевъ, и Климентъ VIII считалъ своей обязанностью показать своей столицѣ примѣръ строгости законовъ. Судъ уголовный осудилъ на смерть все семейство Ченчи, а папа помиловалъ только молодѣяго Бернара. Приговоръ былъ исполненъ надъ обѣими женщинами и Яковомъ 11 сентября 1599 года.—Въ галереѣ Барберини въ Римѣ находится портретъ, который, какъ думаютъ, снялъ Гвидо Рени въ тюрьмѣ съ молодой Беатриче. Представленная на портретѣ женщина кажется не болѣе какъ двадцатилѣтней; глаза у ней черные, носъ великолѣпно сформированный, губы дѣтскія и цвѣтъ лица чрезвычайно бѣлый. Фариначи такъ описываетъ послѣднія минуты Беатриче Ченчи: «по прочтеніи приговора, Беатриче прежде всего потребовала нотаріуса, сдѣлала завѣщаніе, въ которомъ значительныя суммы назначила на дѣла религиозныя и благотворительныя; между прочимъ все свое приданое въ 16 тысячъ талеровъ назначила приданнымъ для 50 бѣдныхъ дѣвицъ. Лукреція послѣдовала ей примѣру. Около 8 часовъ вечера обѣ женщины исповѣдались—и отслушавъ обѣдню, приняли послѣднее причащеніе. На другой день, когда приблизилась минута казни, Беатриче спокойно обратилась къ своей махичѣ: «Мать, пора намъ надѣть платье кающихся. Поможемъ другъ другу, какъ это всегда у насъ было». — Одѣлись въ черное платье и обоясались веревками. Ночью, накануне казни поставили эшафотъ на мосту св. Ангела. Къ этому-то мѣсту направились печальный кортежъ. Лукреція горько плакала, но лицо Беатриче было спокойно и кротко. По прибытіи на мѣсто, обѣихъ женщинъ ввели на время въ часовню, устроенную для этой цѣли. Прежде казнили Лукрецію, потомъ папачъ приставилъ съ веревкой къ Беатриче, чтобы связать ей руки. Тогда она воскликнула: «О Боже, предай мое тѣло истинно, душѣ только дай безсмертіе!» Потомъ быстрыми и легкими шагами взшла на эшафотъ, стала на колѣни, сама положила голову на плаху. Топоръ упалъ—и все кончилось. Тѣло Беатриче, согласно съ ея волей, было погребено подъ главнымъ алтаремъ въ храмѣ св. Петра.

Восходъ солнца въ степи послѣ урагана. Вся ночь свирѣпствовалъ страшный ураганъ. Онъ опустошительно пронесся надъ степными балками, гдѣ прютились легкія кибитки кочевниковъ, взбудоражилъ и расплескалъ воду небольшихъ озеръ—загоговъ, разнесъ въ клочья камышевыя ограды для овецъ, подхватилъ двѣ или три кибитки, и занесъ ихъ войлоки Богъ знаетъ куда-то въ пространство; загналъ верстѣ за пятьдесятъ въ сторону одичалыхъ конскій табунъ и, надѣлавъ тѣмъ всякихъ бѣдъ, — развалился надъ совершенно мертвою, безлюдною пустынею.

Душный, жаркій вѣтеръ урагана началъ поднимать къ небу столбы крутящейся пыли и песку, захватилъ всю траву, что только не удержалась на своихъ корняхъ, и разомъ стихъ,—словно уступилъ вліянію холоднаго вѣтра, царящаго въ болѣе возвышенныхъ слояхъ. По темному ночному небу—несутся съ невыразимой быстротою клочья разорванныхъ тучъ, успокоивается мало по малу взбаломученная степь.

И вотъ изъ-за чернаго горизонта—разомъ—всхнуло кровавое зарево и озолотило края разорванныхъ облаковъ. Внизу еще темно и мрачно, а вверху, разгоняя тучи, лучезабрно льются багровыя свѣтлыя волны.

Это волшебное зрѣлище—еще эфемерное, еще грандіозное кажется отъ тишины и безлюдія степи. Печально стелется она передъ глазами, темная, непривѣтливая... Только надъ павшимъ конемъ, вытянувшимъ ноги въ смертельной судорогѣ, зловѣще порхая и

шумя сильными крыльями, носится стая крылатыхъ хищниковъ, спускающихся на этотъ роскошный завтракъ.

Изъ Чимбай (Аму-Дарьинской Области). Газета «Голосъ» сообщаетъ о прибытіи парохода «Перовскій» въ нукусскій лагерь слѣдующія достоверныя свѣдѣнія: Пароходъ «Перовскій» пришелъ въ Нукусъ не черезъ устье Аму-Дарья, а изъ Аральскаго моря вступилъ въ рѣку Яны-Су, поднялся по ней до Даукарскихъ озеръ, потомъ озерами проплылъ до рѣки Куманъ-Джермы и уже по ней достигъ Нукуса и вошелъ въ Аму. На всемъ этомъ пути, наименьшая встреченная имъ глубина оказывалась въ 4 фута. Самъ пароходъ Перовскій сидитъ въ водѣ на 3¼ фута.

Слѣдовательно, интересный вопросъ о судоходствѣ по рѣкѣ Аму-Дарья рѣшенъ положительно. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что судоходство отъ Нукуса по Аму вполне возможно, а пароходъ «Перовскій» находится уже на пути къ Мешеклы, на бухарской границѣ. Далѣе идти ему не разрѣшено, объ чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ наиболее населенныя мѣстности начинаются именно вверхъ отъ Мешеклы. О желѣзной дороги въ Среднюю Азію пока только судить да ридать; но если пароходы могутъ ходить къ Гисару или по крайней мѣрѣ останавливаться не вдалекѣ отъ него, то тѣ миллионы пудовъ товара, которые направляются изъ Бухары въ Россію сухимъ путемъ, могли бы, до осуществленія желѣзно-дорожнаго пути, провозиться на пароходахъ до Казалы, откуда до Оренбурга оставалось бы всего 946 верстѣ. Выгода громадная въ денежномъ отношеніи, не говоря уже о времени. Путь выбранный «Перовскимъ» короче иррежняго, черезъ устье Аму, на 150 или 300 верстѣ; это тѣмъ болѣе выгодно, что путь идетъ какъ разъ въ центрѣ населенія чимбайскаго участка, которое главнѣйшимъ образомъ сгруппировано около озеръ Даукара и рѣки Куманъ-Джермы, гдѣ не можетъ быть затрудненія въ доставкѣ пароходамъ толпы и състныхъ припасовъ. При этомъ рыболовство въ озерахъ много выиграло бы отъ удобнаго сбыта рыбы. Цѣны на послѣднюю здѣсь крайне низки: икряный осетръ, въсомъ отъ 20 до 30 фунтовъ, продается за 25 коп. Да и вообще торговый нутъ неизмѣримо выгоднѣе, когда онъ идетъ посредіи густаго населенія, чѣмъ тогда, когда онъ идетъ по незаселенной рѣкѣ. Устья Аму безлюдны и раздѣляются на множество рукавовъ, часто мѣняющихъ свою глубину, и весьма опасны для судовъ.

Когда пароходъ «Перовскій» стоялъ на Кушкани-тау (пристань у горъ, на озерахъ), полковникъ Столбовъ и капитанъ лейтенантъ Зубовъ дѣтельно искали проходовъ отъ этой пристани въ Улькупъ-Дарью, чтобы по ней подняться до Нукуса, но въ отысканныхъ ими проходахъ, вода была иногда не болѣе какъ 2—3 фута глубины. Вслѣдствіе этого полковникъ Столбовъ искалъ пути по Яны-Су. Когда «Перовскій» подходилъ къ Нукусу, весь лагерь высыпалъ ему на встрѣчу и пароходъ былъ приветствованъ салютомъ изъ орудій и музыкой. Офицерамъ его былъ данъ обѣдъ. Чтобы понять эту радость, надо знать о положеніи дѣлъ въ Чимбай. Въ половинѣ мая приѣхалъ въ Чимбай вновь назначенный туда участковый начальникъ, первымъ дѣломъ котораго было опредѣлить количество населенія чимбайскаго участка. Онъ составилъ формы для народной переписи и раздалъ ихъ правителямъ киргизовъ и каракалпачковъ. Данный имъ мѣсячный срокъ для составленія переписи былъ вполнѣ достаточенъ. Киргизскіе беи составили свои переписи хорошо, но каракалпачи ни за что не хотѣли исполнить этого. Они воображали, что переписи эти дѣлаются для отдачи всѣхъ ихъ сыновей въ солдаты, для

отобранія у нихъ женъ, и т. п. Убѣдныи начальникъ давалъ имъ нѣсколько отсрочекъ и успокоивалъ ихъ, какъ могъ. Но разуверити этихъ диварей не было никакой возможности. Недовѣріе ихъ дошло до того, что бѣи не являлись, когда ихъ требовали, а вслѣдъ за этимъ начали ходить слухи о заговорѣ туркменовъ съ нашими каракалпачками, о поголовномъ возстаніи ихъ противъ насъ. Слухи эти съ каждымъ днемъ усиливались, а мы, съ горстью конвой, должны были принимать всевозможныя предосторожности. Дерзость туркменовъ дошла до того, что, въ виду нукусскаго лагеря, на той сторонѣ Аму, въ городѣ Ходжейли, начались грабежи и убійства. Неурядицы, увеличиваясь все болѣе и болѣе, вызвали пріѣздъ начальника отдѣла, полковника Иванова, который, явившись въ Чимбай, съ конвоемъ изъ стрѣлковъ, вызвалъ къ себѣ каракалпачскихъ бѣевъ. Приказъ былъ такъ грозенъ, что они на этотъ разъ не посмѣли не явиться. Г. Ивановъ потребовалъ отъ нихъ списковъ населенія, но они, подъ разными предлогами, отказывались представить ихъ. Полковникъ Ивановъ, за исключеніемъ двухъ, исполнившихъ требованіе, заарестовалъ всѣхъ, окруживъ ихъ стрѣлками. Пока не поставили имъ юрты, они сидѣли въ кружкѣ на землѣ, горничко говоря между собою; когда же стрѣлки зарядили свои ружья, многие беи поблѣднѣли, ожидая, что ихъ перестрѣляютъ. Нужно было видѣть эту картину, чтобы понять опасность нашего положенія. Дѣло происходило на базарной площади, въ углу которой расположенъ нашъ лагерь, состоявшій изъ 50 стрѣлковъ и 30 казаковъ; на площади, на прилегающихъ къ ней улицахъ, на кровляхъ домовъ, злобно на насъ поглядывая, тѣснились массы туземцевъ, свита и родственники арестованныхъ бѣевъ.

Віамъ было объявлено, что ихъ не выпустятъ изъ-подъ ареста, пока они не представятъ списковъ, что было исполнено на другой же день. Когда имъ сказали, что списки показываютъ населенія меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, они обѣщали представить дополненіе; если ихъ опять арестовать, то они, вѣроятно, представятъ дополненіе къ дополненію и т. д. Арестъ этотъ еще болѣе озлобилъ противъ насъ населеніе, весьма уважающее своихъ бѣевъ. Хотя особенныхъ проявленій вражды туземцевъ послѣ того и не было замѣтно, но ходили слухи, что каракалпачи собираются сдѣлать нападеніе на лагерь—и потому станеть понятнымъ, какъ кстати при этихъ обстоятельствахъ былъ приходъ парохода «Перовскій», такъ какъ это давало возможность при первомъ возстаніи туркменовъ, быстро переправить войска на ту сторону и усмирить ихъ.

Мормонизмъ, повидимому переставшій уже увлекать бѣлыхъ, недавно слиялся проложить себѣ еще новый путь. Въ послѣднее время, Врайгамъ Юнгъ принялъ къ себѣ индѣйцевъ, кочевавшихъ по территории Утаха, и ученіе его о многоженствѣ нашло у краснокожихъ благодарную почву. Вступая въ Общество Мормоновъ, индѣйцы вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ права голоса. Ученіе мормоновъ проповѣдуется также на Сандвичевыхъ островахъ, и если вѣрнѣе дошедшимъ оттуда слухамъ, дѣлаетъ тамъ значительныя успѣхи. Одинъ изъ этихъ миссіонеровъ былъ за свои проповѣди посаженъ въ тюрьму. Тогда двое изъ старшихъ мормоновъ, пришли къ королю, съ просьбой о помилованіи ихъ собрата. Король Давидъ Калакана слушалъ сообщенія обоихъ благочестивыхъ старцевъ съ видимымъ интересомъ. Онъ узналъ, что уже 4347 человекъ его подданныхъ обратились въ мормонизмъ, и велѣлъ прислать себѣ мормонскую біблію. Надежды обитателей Соленаго озера на обращеніе Его величества весьма велики.

№ 41

1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 7-го октября 1874 года.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ“ на 1874 годъ.

При этомъ номерѣ, для всѣхъ подписчиковъ «НИВЫ» на 1874 годъ, въ видѣ бесплатной преміи предлагается большая граюра

НЕРОНЪ И ХРИСТІАНСКІЕ МУЧЕНИКИ.

Съ картины Вильгельма фонъ Каульбаха,

текстъ которой помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ.

Гг. подписчики «Нивы», желающіе присобрести одинъ или нѣсколько экземпляровъ этой граюры, накатанной на палку (во избѣжаніе стибовъ при пересылкѣ), благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору редакціи, прилагая за каждый лишній (сверхъ преміи) экземпляръ 1 р. 50 коп.

ОЗЕРО-МОРЕ ВЪ АФРИКѢ.

Просматривая французскія газеты, а въ особенности тѣ, которыя издаются въ Алжирѣ, невольно наталкиваешься на одинъ, замѣчательный по своей грандіозности, проэктъ. Такъ какъ проэктъ этотъ можетъ легко осуществиться (на что можно надѣяться), то мы сочли долгомъ обратить на него вниманіе нашихъ читателей. Дѣло вотъ въ чемъ: Алжиръ—эта богатая, отчасти плодотворная страна, являющаяся какъ-бы преддверіемъ Франціи, въ настоящее время для самой Франціи—только обуза, лишнее бремя, потому что издержки на нее велики: поглощаетъ она болѣе чѣмъ даетъ. Алжиръ вотъ уже 40 лѣтъ находится въ рукахъ французовъ, а между тѣмъ въ настоящее время населенность его весьма незначительна, т. е. европейцевъ («бѣлокожихъ» жителей) тамъ всего 250,000, изъ которыхъ половина—французовъ; нація эта вообще не можетъ похвастаться колонизаторскимъ талантомъ, кому же, современные «галлы» не любить, какъ это извѣстно, высылаться куда бы то ни было. Плачевное состояніе Алжира, разумѣется, обратило на себя вниманіе мыслящихъ людей, а потому въ проэктахъ относительно развитія благосостоянія этой области и процвѣтанія ея—недостатка нѣтъ. Уъ самомъ дѣлѣ, страна эта такъ богата, плодородна, что она одна могла бы дать, напримѣръ, хлопка столько, сколько требуется его теперь на

всѣхъ фабрикахъ во Франціи. Если бы занялись тамъ разведеніемъ лѣсовъ, то Алжиръ могъ-бы доставлять великолѣпный строевой лѣсъ (дерево вообще растетъ тамъ хорошо и даже быстро), а въ провинціи Константинѣ часто встрѣчаются пробковыя деревья. Словомъ сказать—Алжиръ могъ-бы сдѣлаться благодатнымъ краемъ во всѣхъ отношеніяхъ, «полной чашей»; даже необозримые пустыри его на югѣ, какъ окраины Сахары, превратились бы въ цветущіе луга, и тамъ зажила-бы жизнь, еслибъ только воды было въ достаточномъ количествѣ... Но ея-то и нѣтъ, и въ этомъ вся бѣда! Вотъ, добыть воду и берется вышеупомянутый проэктъ, а именно: составители проэкта предлагаютъ устроить громаднѣйшее озеро—внутреннее море—длина котораго должна быть по крайней мѣрѣ въ 160 миль, а ширина (на первое время)—20 миль, но оно можетъ расширяться въ значительной степени по направленію къ югу, какъ показано на маленькой картѣ, помѣщенной въ настоящемъ № нашего журнала. Французское военное министерство распорядилось составить комиссію, которая, по разсмотрѣніи проэкта, дала одобрителный отзывъ, объявивъ, что дѣло это можетъ быть легко выполнено и что издержки, сравнительно представляются незначительными, а именно—по расчету, придется

Проектированное озеро-море въ Африкѣ.
Грав. К. Вейерманъ.

дѣлось составить комиссію, которая, по разсмотрѣніи проэкта, дала одобрителный отзывъ, объявивъ, что дѣло это можетъ быть легко выполнено и что издержки, сравнительно представляются незначительными, а именно—по расчету, придется

затратить около 4,000,000 талеров.—На томъ мѣстѣ, гдѣ думаютъ теперь создать море — оно уже было прежде, во времена давно минувшія, чему доказательствомъ могутъ служить довольно большія пространства занятія еще соляными болотами (онѣ обозначены на нашей картѣ въ верхней части проектированнаго моря), которыя довольно таки углублены и лежатъ ниже уровня Средиземнаго моря.—И такъ, если прорыть теперь каналъ длиною въ 2½ мили у Габеса при Средиземномъ морѣ, то воды этого послѣдняго вольются во всѣ тѣ углубленія (болотныя ямы) — и ляжетъ покое внутреннее море. Генералъ Шанзи, бывшій главнымъ управленіемъ въ Алжирѣ, горячо принялся за это дѣло, такъ что французское національное собраніе ассигновало на предварительныя работы 10000 франковъ. Это новое море — «Южно-Алжирское» — лежало бы частью въ области Туниса, гдѣ находился бы также и самый Габесскій каналъ, несущій воды Средиземнаго моря въ повосозданное. Вышеупомянутыя соляныя болота замѣчательно тѣмъ, что они только по временамъ покрываются горьковатокъ водою, большею же частью все это зыбкое пространство представляется совершенно сухимъ, причеиъ поверхность трясинъ застилается облюю пеленой — магнезіей, такъ что подъ знойнымъ небомъ Африки неожиданно можно увидѣть родную картину: степь, покрытую снѣгомъ! Но мужичку повичку, незнакомому съ этою мѣстностью, безъ провожатата, не слѣдуетъ пускаться по такой *стѣжкѣ*, бѣлой равнинѣ.... Подъ блестящей пеленой изъ магнезіи — настоящая трясина, опасныя топи, потому что ямы страшно глубоки: онѣ засасываютъ одинаково быстро и человѣка, и маленькое животное, напр., мышь. Такъ, въ болотахъ Эль-Джериды (близъ Туниса) не мало погибло и людей, и животныхъ.

Черезъ Эль-Джеридскую трясину пролегаетъ путь (просто — колея, тропинка) изъ Nilsan'a въ Touzeur, по которому люди и верблюды могутъ идти только гуськомъ: одинъ шагъ вправо или влево отъ колеи — и неосторожный поплатится жизнью, ибо спасти его уже трудно.... Бездна нога погами! Однажды погибъ такимъ образомъ цѣлый караванъ, состояшій изъ 100 верблюдовъ, — онъ былъ буквально поглощенъ и исчезъ безслѣдно.... Караванъ шелъ гуськомъ; передовой верблюдъ, жокакъ, какъ-то сбился съ дороги и потонулъ, за нимъ увязъ второй, за вторымъ третій и т. д. Деревья, вырванныя бурей и занесенныя на такія топи, также исчезаютъ въ нихъ, какъ-бы проваливаясь въ бездонную пропасть. Вотъ по этимъ-то болотамъ и ихъ окрестностяхъ и должно разлечься новое море, первыя волны котораго пройдутъ у Габеса, благодаря каналу на перешейкѣ шириною въ 2½ мили. Морю этому предстоитъ играть ту же роль, какую играетъ Балтійское въ сѣверо-восточной Европѣ. Устройство такого громаднаго воднаго бассейна, водомѣстности въ пустынѣ, благотворно повліяетъ на самую почву: испаренія моря, превратившись въ миллиарды дождевыхъ капель, оросятъ ее — и жизнь закипитъ повсюду. Замѣчательно, что прорытіе Суэскаго перешейка значительно улучшило тамъ климатъ, а между тѣмъ Суэскій каналъ сравнительно не особенно великъ; теперь и дожди достаточно обильные выпадаютъ тамъ правильнѣе. И такъ, если этотъ каналъ оказалъ уже столь благотворное вліяніе на улучшение климата въ той мѣстности, то какихъ великихъ благъ въ этомъ отношеніи можно ожидать отъ *цѣлаго моря*! Мысль дѣйствительно грандіозная, и самое выполненіе проекта, т. е. техническія трудности — незначительны. Пожелаемъ же успѣха такому прекрасному предпріятію!

Что случилось съ Петромъ Петровичемъ.

Разсказъ Н. Роева.

(Окончаніе.)

Въ назначенный часъ Петръ Петровичъ быстро одѣлся и отправился въ читальню. Въ первый разъ, въ Петербургѣ, шелъ онъ по улицѣ такимъ шагомъ. Не останавливался онъ уже, какъ прежде, передъ магазинными окнами, разсматривая галстуки, запонки и литографіи слабо-одѣтыхъ женщинъ, — а стремился легкой и скорой стогой.

Читальня, въ которую онъ пришелъ, находилась въ старомъ, одноэтажномъ мрачномъ домѣ, съ тусклыми и темными окнами. Ему ужъ такъ будто суждено было все попадать въ какія-то норы. Безпрестанно раздавались звонки и крики: «требованіе: № 107! Требованіе: 3-ю книгу!» Мальчишкѣ лавиль по полкамъ, а лохматый заглядыватель, съ выраженіемъ какой-то временно-сдержанной, грозной рѣшимости, раздавалъ книги. Въ сосѣдней полутемной комнатѣ чловѣка два три ухитрились какъ-то читать — и между двумя широкими листами развернутыхъ газетъ, Петръ Петровичъ едва разглядѣлъ улыбнувшееся ему личико Анны Васильевны.

— Здравствуйте! сказала онъ ей тихонько, пожимая руку, — ну-съ, не могу похвастаться удачей. Ничего не могъ найти! И знаете — какъ вы рѣшаетесь этакъ ѣхать? — какая еще семья и дѣти — какъ-то вы съ ними справитесь!...

— Что-же мнѣ дѣлать? грустно отвѣчала та, — мнѣ выбора нѣтъ; некуда дѣваться — такъ поневолѣ....

— Вы еще кому нибудь сказали бы! Хоть Калашникову, прибавилъ онъ въ видѣ опыта....

— Ни за что! Ему? ни за что! Дрянной чловѣкъ, дрянной! вспыхнувъ сказала она быстро и двѣ слезки покатились у нея по щекамъ.

— Однако, что-же онъ такое сдѣлать могъ? Скажите....

— Оставимте его!... А вы все таки-же мнѣ мѣсто ищите, пожалуста....

— Хорошо! И сегодня опять пойду и завтра-же сообщу вамъ о результатѣ.

И хотя все было кончено о дѣлѣ, но онъ уходитъ не торопился. Онъ началъ тихонько (къ неудовольствію читающихъ) распрашивать объ ея жизни, обстоятельствахъ, и былъ тронутъ полныиъ одиночествомъ и безпомощностью бѣдной дѣвочки. Не такъ давно умеръ ея отецъ, мастеръ на какомъ-то заводѣ, и она жила пока маленькими полученьями изъ заводской вспомогательной кассы. Скоро и эти выдачи

должны были прекратиться — и ей «буквально было некуда дѣваться».

— И вотъ, какъ мнѣ не хочется домой идти! сказала она, чуть не плача, — просто, какъ представишь себѣ это: одна, въ этомъ чуланѣ! Низачто бы не пошла...

— Послушайте Анна Васильевна, сказалъ вдругъ, подумавши, Петръ Петровичъ, — видите въ газетѣ объявлено — нынче идетъ «Фаустъ» — сдѣлайте мнѣ удовольствіе, пойдите въ театръ. Я чловѣкъ тихій, одинокій, мнѣ очень пріятно будетъ сидѣть не одному....

Она сначала повеселѣла, потомъ задумалась.

— У меня и платья такого нѣтъ, сказала она, — чтобы идти въ театръ; какъ же я пойду?

— Мы на верхъ поидемъ.

— Хорошо. Поидемте, согласилась она, повеселѣвъ опять.

— Ахъ, знаете, какое вы мнѣ удовольствіе сдѣлали! Я не знаю, какъ благодарить васъ! Мнѣ будетъ такъ пріятно! Вотъ это прекрасно! Только какъ-же?.. за вами заѣхать?...

— Нѣтъ, не нужно! Въ семь часовъ я васъ буду ждать въ театральныхъ сѣняхъ....

Не смотря на упорное сопротивленіе Анны Васильевны, обрадованный собесѣдникъ опять поцѣловалъ у ней ручку и полетѣлъ за билетами.

Самъ на себя дивился Петръ Петровичъ — откуда у него взялась такая прыть и подвижность. Едва пообѣдавъ и отъ нетерпѣнья даже не отдохнувъ послѣ обѣда, онъ заторопился въ театръ. Въ сѣняхъ сталъ онъ искать Анну Васильевну. Кругомъ хлопали дверьми и ходили.

— Пожалуйте, кричали кругомъ капельдинеры, — въ кресла!

— Здѣсь-съ!

— Тамъ холодно-съ!

— Пожалуйте-съ! Здѣсь покойнѣе!

— Господинъ! Пожалуйте пальто!

— Афишки не прикажете-ли?

Въ уголку нашель онъ наконецъ Анну Васильевну. Она была въ какомъ-то старенькомъ бурнусикѣ и черной шапочкѣ — и какъ-то пугливо, какъ звѣрокъ, озиралась въ этихъ залитыхъ газовымъ свѣтомъ залахъ театра-дворца, среди этой шумящей толпы.

Когда они взошли наверхъ и усѣлись, спектакль уже на-

чался: Фаустъ уже снялъ, спрятавшись за высокую спинку кресла, накладную бороду и парикъ, и явился цвѣтущимъ юношей, съ кудрями и гордо поднятой головой, въ блескѣ молодости и силы, въ сообществѣ своего ужаснаго товарища....

Оркестръ гремѣлъ. Анна Васильевна была очень заинтересована, Петръ Петровичъ также. Онъ даже началъ все это какъ-то примѣнять къ себѣ. Вотъ и онъ тоже влюблепъ... Опера его стала какъ-то утверждать въ мысли о женитбѣ, страстные, нѣжные звуки его разнѣжили...

Онъ не былъ человѣкъ понимающій «сладогстрасте высокыхъ мыслей и стиховъ», но вдохновенное произведение великаго поэта и во французской, эффектной оправѣ плѣняетъ и трогаетъ даже самое простое сердце... Какой ужасъ! Силы ада поднялись на чистую, невинную человѣческую душу. Столько коварства и злобы, чтобы погубить такую милую, тихую дѣвочку! Какая чудная лунная ночь! Дѣвушка изливаетъ передъ нимъ всю свою чистую душу и раскрываетъ маленькое, горячее сердечко. Вотъ всѣ ея невинныя горести: умерла ея бѣдная мать, умерла маленькая сестра — ихъ души родныя отлетѣли — и ей было такъ тяжело! Она не знаетъ ни униженій, ни злобы и безсердечія. Она его любитъ... Она все ему сказала... Все! А онъ склоняется надъ бѣдной головкой дѣвочки во всеоружіи дарованной адомя силы и красоты, змѣнной мудрости и безсердечной холодности! Пусть только я живу! Что мнѣ эта красавица — ребенокъ! Такъ велика и ужасна цѣна, заплаченная за жизнь! Думать ли о всякомъ червякѣ, котораго придется раздавить! Но вотъ величавые звуки хора... Злой духъ торжествуетъ — и съ ужаснымъ крикомъ бѣдная падаетъ у ступеней храма...

Занавѣсъ опускается, раздаются громкіе аплодисменты. Петръ Петровичъ обвелъ театръ глазами — и вдругъ увидѣлъ, какъ затрепетала и поблѣднѣла Анна Васильевна.

— Что съ вами такое?

— Посмотрите, сказала она, — посмотрите! Видите — въ креслахъ смотритъ сюда въ бинокль? Вѣдь это Калашниковъ?

— Да, да! Онъ! Скажите — какимъ франтомъ!

— Ахъ! какъ же! Онъ меня значить увидѣлъ!

— Да, ну такъ что же? Пусть увидѣлъ. Что же такое?

Анна Васильевна откинулась къ спинкѣ скамейки. Петръ Петровичъ вышелъ было покурить и въ дверяхъ встрѣтился съ Калашниковымъ. Тотъ торопливо пробирался къ нему.

— А, здравствуй! Я у тебя былъ, но не засталъ. Какъ ты попалъ въ театръ съ Анной Васильевной?

— Кстати, пойдѣмъ, на минутку. Хочу посоветоваться. У меня есть твердое намѣреніе. Ты можешь мнѣ помочь. Ты съ ней давно знакомъ! Дѣло вотъ въ чемъ — слушай...

И Петръ Петровичъ разсказалъ старому товарищу свои намѣренія, разсказалъ, что дѣвушка ему чрезвычайно нравится и просилъ помочь.

— Ну, какъ ты думаешь? а? А я право былъ бы хорошимъ мужъ. Ты напрасно объ ней тогда такъ небрежно отзывался. Она премиленькая...

— Да? Небрежно? Будто? Конечно! Что же?... какъ-то не впопадъ говорилъ очевидно-пораженный Калашниковъ, — я иду, прощай, а ты завтра меня подожди. Обо всемъ поговоримъ. Что же?... Я найду — нужно. А пока — прощай!

— Куда же ты? Постой! Пойдемъ къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Нѣтъ, прощай! Что нужно, будетъ сказано. Завтра непремѣнно ише у тебя. Жди — а пока прощай!

И Калашниковъ торопливо толкнулся въ толпу.

— Что съ нимъ такое? Убѣжалъ и разстроень... Странно!

До конца спектакля онъ думалъ объ этомъ свиданіи, но все же ему было очень весело. Анна Васильевна оправилась и развеселилась.

IV.

Изъ театра Петръ Петровичъ отвезъ Анну Васильевну на извозникѣ домой. Чтобы ей было ловчѣе сидѣть, онъ приладился почти на крылѣ дрожекъ. Петербургскія извозничьи дрожки и мостовыя именно такъ устроены, что не обнявшись съ дамой трудно ѣхать. Это устройство Петръ Петровичъ очень одобрялъ. Дрожки прыгали и гремѣли по камнямъ сильнѣе и фонари мерцали все тусклѣе, но мѣрѣ того какъ они

приближались къ домику, гдѣ жила Анна Васильевна. На противуположномъ берегу, ярко горѣли ряды огней. Петръ Петровичъ чувствовалъ себя очень пріятно, цалуя и сжимая молодую ручку, которая тоже отвѣчала пожатіемъ. Благодарность была самая искренняя. Вѣдной дѣвочки это было въ самомъ дѣлѣ большое удовольствіе.

Возвратясь въ номера и зажигая свѣчу, Петръ Петровичъ такъ громко просвисталъ маршь изъ Фауста, что сосѣдь, какъ безумный, вскочилъ съ постели, въ померѣ рядомъ, щелкнулъ ключомъ и, выскочивъ въ носкахъ въ коридоръ, крикнулъ:

— Какіе черти тутъ развистались! Спать не дадутъ!

И такъ хлопнулъ дверью, что Петръ Петровичъ замолчалъ и проворно юркнулъ подъ одеяло, въ пріятныхъ размысленіяхъ.

Сны его были тоже очень пріятны: онъ видѣлъ, будто ѣхалъ въ кибиткѣ — и рядомъ съ собою видѣлъ раскрасившуюся отъ морозу Анну Васильевну, въ шубкѣ и платкѣ. Лошади несутся, ямщикъ свиститъ, колокольчикъ рѣзко звонитъ; стучитъ что-то очень громко, а вдали уже видны главы церкви его роднаго городка и зеленая крыша его хорошенькаго домика...

Когда онъ проснулся, отъ пріятнаго сна осталось только непріятное: именно, рѣзкіе звонки жильцовъ въ номерахъ и стукъ очень громкій и, кажется, давно уже продолжавшійся, въ его дверь.

Онъ вскочилъ, отперъ и впустилъ Калашникова, который, разстроенный и какой-то торжественный, вступилъ въ комнату, съ ящичкомъ подъ мышкой и съ портфелемъ свернутымъ трубочкой въ рукахъ.

— Извини, братъ, что застаешь меня такъ... Я халатъ надѣну... Извини...

— Мнѣ все равно. Я буду кратокъ. Я пришелъ объяснить. Ты готовъ?

— Къ чему готовъ? Въ чемъ ты хочешь объясняться?

— Вотъ, возьми, читай! отвѣчалъ тотъ, вынимая какую-то бумагу изъ портфеля.

Петръ Петровичъ сѣлъ, развернулъ бумагу и прочелъ въ недоумѣніи печатный бланкъ: *«Адвокатская контора, со- вѣты по тяжбынымъ дѣламъ, бѣднымъ даромъ; проценты умеренный. Рекомендация боннъ, нянекъ, кучеровъ, управляющихъ; пріисканіе покупателей...»*

— Какое мнѣ дѣло до всего этого? Зачѣмъ это мнѣ?

— Прочти — чья контора?

— Тутъ написано «Калашниковъ...»

— Прекрасно! Теперь читай еще, продолжалъ тотъ, подавая гербовый исписанный листъ.

Петръ Петровичъ началъ читать:

«Тысячавосемсотъ... года... мы нижеподписавшіися, царскосельскій купецъ Шанинъ и... Калашниковъ заключили...»

— Да что все это такое? зачѣмъ это? Что ты заключилъ условіе и съ нимъ открываешь адвокатную контору? что же? Очень радъ!

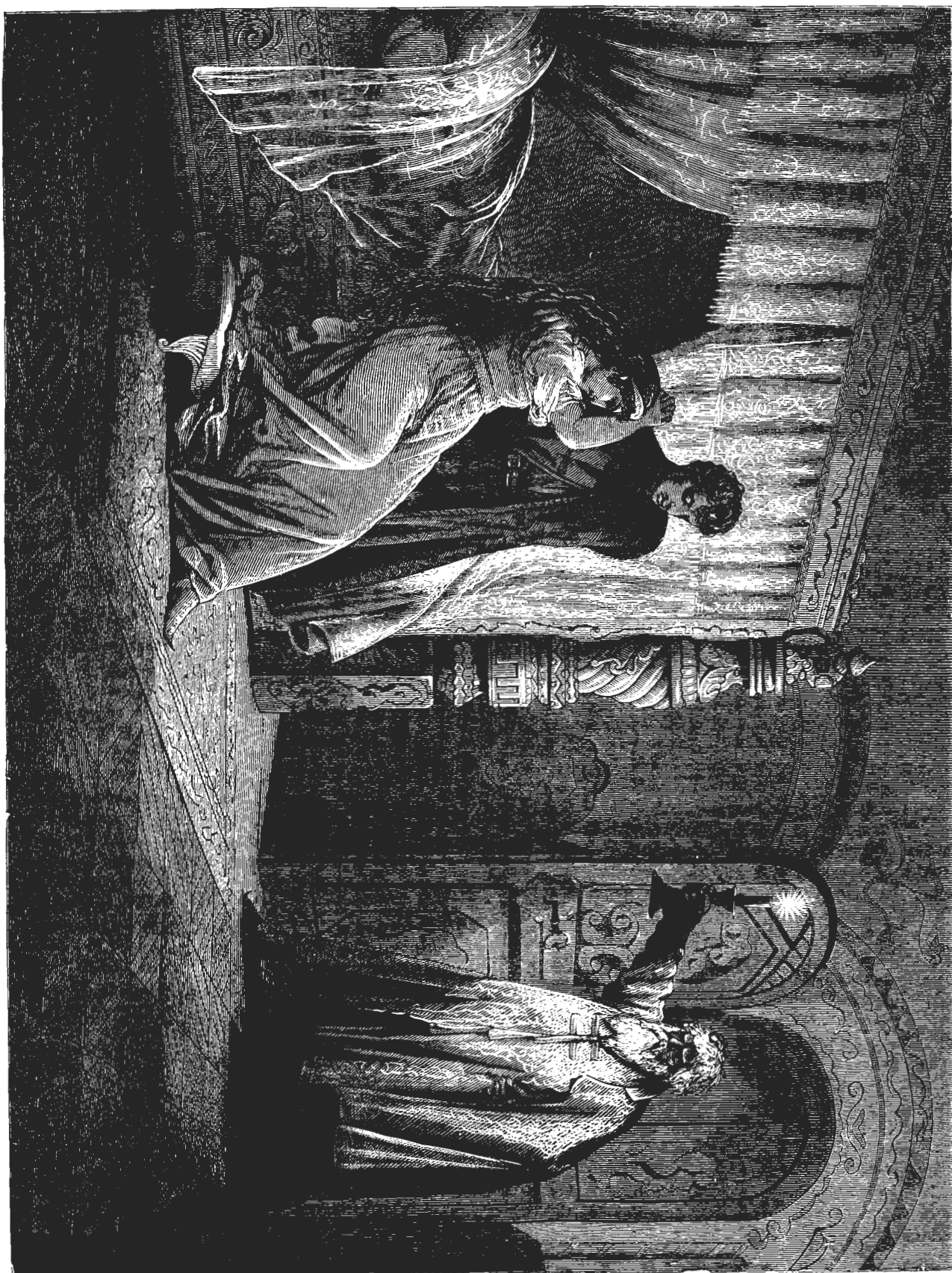
— Читай — сколько жалованья мнѣ здѣсь назначено?..

— Двѣ тысячи...

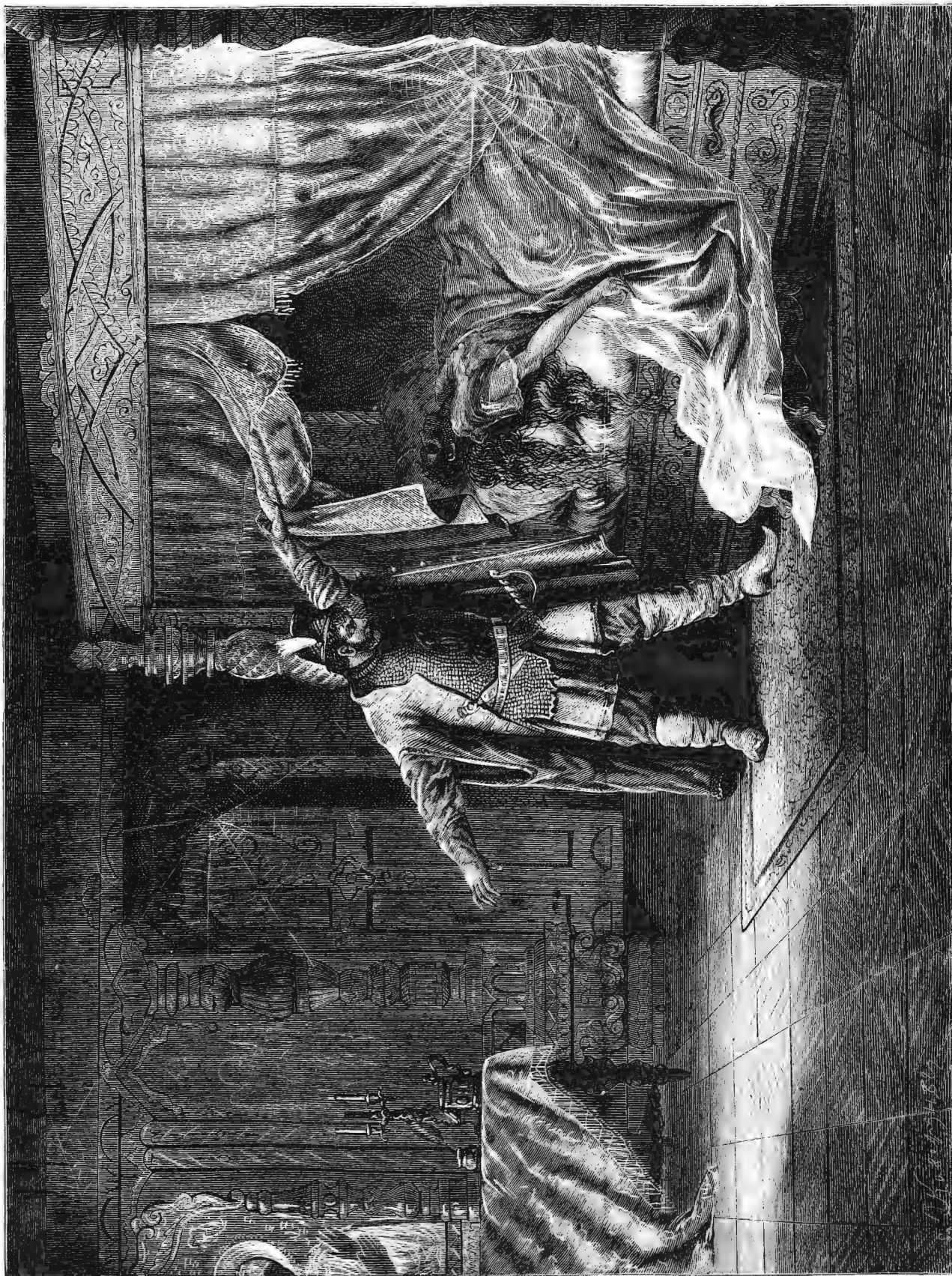
— Прекрасно! Теперь смотри!.. Посѣтитель открылъ ящичекъ и внезапно вынулъ два маленькихъ дешевыхъ револьвера.

Петръ Петровичъ вскочилъ какъ ужаленный. Ему пришла ужасная мысль, что товарищъ сошелъ съ ума. Онъ собрался выбѣжать и крикнуть людей — и стоялъ посреди комнаты въ своемъ халатѣ, блѣдный отъ ужаса...

— Ни съ мѣста! сказалъ Калашниковъ, — ты долженъ меня выслушать. Я буду кратокъ. Ты вздумалъ жениться на Аннѣ Васильевнѣ? Я показалъ тебѣ мои средства и виды на будущее. Вопросъ: кто изъ насъ имѣетъ больше шансовъ? Кромѣ того, что выйдя за меня она останется въ средоточіи здравыхъ идей и умственной жизни, — она будетъ имѣть занятіе — зачѣтъ, постоянное занятіе — въ моей конторѣ и — жалованье...

Литературный альбомъ. «Вояринъ Орша», Державина. I. Орша въ свѣтлицѣ дочери. Рис. Коверзневъ, грав. Сташковскій.

Литрагурный альбомъ «Бояринъ Орша», Лермонтова. II. Возвращеніе Арсенія, Рис. Коврэневъ, грав. Сташковскій.

— Развѣ ты хочешь на ней жениться? Ты не говорилъ объ этомъ ничего.

— Далѣе, не слушая его, быстро продолжая Калашниковъ, — если ты добровольно не рѣшишь въ мою пользу, то не смотря на старое товарищество... Нынче наши люди прогресса стрѣляются — были примѣры... Разстояніе шесть шаговъ. Если мнѣ придется тебя поранить — надѣюсь присяжные найдутъ смягчающія обстоятельства... Найдутъ!... Найдутъ, конечно!...

— Ты съ ума сошелъ!... вскричалъ вышедшій изъ себя Петръ Петровичъ, — стану я, видите ли, съ нимъ стрѣляться? Что я — безумный, что ли? И что ты ко мнѣ пристала? Я крикну людей. Это мое, я думаю, дѣло, хочу я жениться или нѣтъ! Ну, да — хочу! а тебѣ что?

— Пойди, опять продолжалъ гость, становясь къ двери, — мнѣ есть дѣло, и я предлагаю тебѣ самую современную раздѣлку... Вспомни случай съ нашимъ извѣстнымъ Шоховымъ...

— Полно же тебѣ, шутъ ты этакій! Что же тутъ современнаго! И что мнѣ за дѣло до какого-то Шхова! Если она тебя любитъ и я тебя убью — что же тебѣ за расчетъ? А если меня любить и ты меня убьешь — она тебѣ этого никогда не проститъ! Наконецъ, это глупо! Это, я думаю, ей рѣшать надо, а не намъ... Ее надо спросить. А то что ты тутъ ко мнѣ пристала? Какъ мы можемъ это безъ нея рѣшать!..

— Прекрасно! теперь читай! опять сказалъ Калашниковъ, вынимая изъ своего нестоющаго портфеля еще какую-то сложенную бумажку.

— Это еще что такое? Что у тебя въ портфель сколько еще тамъ бумажекъ?

— Читай, повторилъ гость.

И Петръ Петровичъ съ удивленіемъ прочелъ написаннаго женскою рукою строки:

«Злой человекъ! Зачѣмъ было мучить? Разумѣется, я хочу за тебя замужъ. Скорѣй ко мнѣ пріѣзжай!.. Мнѣ эта квартира до смерти надоѣла. Твоя Анька».

Петръ Петровичъ бросился къ столу, взявъ написанный ею рукою адресъ, сличилъ!.. Ея рука! Она писала! Анна Васильевна!..

— Съ этого надо было начать — шугъ ты этакій! Вотъ теперь ты меня убилъ такъ убилъ — дѣйствительно! сказалъ кротко нашъ добрейшій Петръ Петровичъ, — а то револьверы и чертъ знаетъ что! Отчего я однако вообразилъ?... И-да, отчего? поди ты!.. Ну что же, поздравляю, поздравляю!..

— Прощай! торжественно сказалъ Калашниковъ, собравъ портфель и ящичекъ и стремительно вышелъ. Петръ Петровичъ принялъ ударъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ. Только почувствовалъ какую-то странную слабость. Случалось-ли вамъ, господа, когданибудь видѣть разрушенными надежды и мечты, которыми вы жили горячо и искренно. Не говорили-ли вы, что «что-же дѣлать?», что «все хорошо» — и вмѣстѣ съ тѣмъ вы упали духомъ, у васъ какъ-бы кружится голова, васъ ничто не занимаетъ и на сердцѣ точно что-то оборвалось...

Конечно случалось — и вы пожалѣете поэтому нашего друга. Онъ вышелъ на улицу, самъ не зная зачѣмъ и куда. Все вдругъ погускило и приняло такой будничныи, неприятныи видъ! Все грустно и озабочено, все торопится, все несносно шумитъ, раздражаетъ нервы и слухъ — стукомъ, звономъ и говоромъ. Все это движеніе опять на него какъ-то опрокидывается и тяжело давить...

И вдругъ передъ нимъ появился кто-то и раскланялся.

Петръ Петровичъ въ испугѣ отшатнулся. Не товарищъ-ли опять какой-нибудь съ револьверами? Онъ хотѣлъ пройти мимо, но «кто-то» упорно забѣжалъ впередъ.

— Вы меня не помните? Чиновникъ изъ Министерства. Еще вы справлялись изволили..

— А?! а что такое вамъ угодно?..

— Помилуйте-съ, какъ что угодно! Что-же вы не являетесь? Мы васъ три дня ждали... Ваше назначеніе состоялось.....

— Состоялось? И прекрасно! Сегодня-же иду къ вамъ.

Петръ Петровичъ быстро закончилъ свои дѣла, залезъ въ спальныи вагонъ — и спалъ цѣлые почти сутки безъ просыпу тяжелымъ сномъ и съ тяжестью на сердцѣ.

Скоро мы съ нимъ уже играли на клубномъ уѣздномъ билльярдѣ, а заужиномъ и стаканомъ вина, милѣйшій Петръ Петровичъ и рассказалъ намъ, что съ нимъ въ Петербургѣ случилось....

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

«Бояринъ Орша» Лермонтова.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозванъ емъ Орша. — Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Иоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо — наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболю шубу съ плечъ своихъ;
Въ день воскресенія Христа
Поцаловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ-же день
Дать тридцать царскихъ деревьевъ,
Съ тѣмъ чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.
Но Орша правомъ былъ угрюмъ,
Онъ не любилъ придворный шумъ,

онъ отпросился у царя на покой въ свою вотчину, на крутомъ берегу Днѣпра, на рубежѣ Литвы.

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и серебромъ;
Икону въ ризѣ дорогой
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу —
И занестрѣлись на полу,
Узоры шолковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ божій даръ — младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,

Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былова памятникъ живой!

Но вотъ однажды въ темную непогожую ночь, когда Оршу крѣпко одолѣли бессонница и мрачныя думы, позвалъ онъ своего раба-сказочника — и вѣрный Соколъ ввернулъ въ свою сказку ядовитый намекъ, чтобы бояринъ навѣдался помотрѣть, какъ спитъ его молодая дочь... Бояринъ, отославъ раба, не могъ уже успокоиться...

И вспахнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболю шубу на плеча
Накинулъ онъ, въ рукѣ свѣча,
И вотъ дрожа идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей....
...И чуткимъ ухомъ онъ принялъ
Къ замку, и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ! непорочна дочь моя.
«А ты, Соколъ, ты, рабъ, змѣя,
«За дерзкій хитрый свой намекъ
«Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!..
Онъ слышитъ тихій разговоръ...
...И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцалуй и другой...
Онъ вспахнулъ; дверь толкнулъ рукой,

И изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой.
Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились — и вмигъ.
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услышалъ,
Подумалъ вѣрно, иль сказать,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжело на цвѣтной коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя сбѣжалася тогда,
И безъ усилий, безъ борьбы
Схватили юношу раба...
...Когда-жъ безумца увели
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нѣе взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ, межъ дикихъ скалъ,
Дѣбрь безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Заточивъ такимъ образомъ свою несчастную дочь, бояринъ завтра приступилъ къ другой расправѣ — надъ виновникомъ своего позора, надъ этимъ Арсеніемъ, котораго онъ взялъ въ домъ ребенкомъ и воспиталъ въ сосѣднемъ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ иноковъ. Здѣсь-же, въ присутствіи игумена и монаховъ, состоялся и судъ надъ неблагодарнымъ пріемышомъ. Но никакія угрозы, ни пытки не могли заставить Арсенія выдать его друзей и сообщниковъ, съ которыми онъ хотѣлъ похитить и увезти дочь оскорбленнаго боярина, — онъ хранилъ упорное молчаніе, а на утро дня, назначеннаго для казни, узника въ монастырской тюрьмѣ не оказалось...

Пришли... глядятъ: расшнелена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забитый на песокъ лежалъ
Стальной зазубренный кинжалъ,
И польскій, шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ,
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.
Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи...
...«Вѣжалъ!.. Но кто-жъ ему помогъ?
«Конечно люди, а не Богъ!..
«И гдѣ-же онъ пашель друзей?
«Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой.

Прошло много времени со дня грозной расправы боярина съ дочерью и бѣгства Арсенія, настала зима, ледъ сковалъ днѣпровскія волны, овраги занесло снѣгомъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собратся челды своей,
Точить ножи, сдѣлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ,
Садится Орша на коня,
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней,
И каждый съ знаменемъ креста,

За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ бѣсурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближася воротамъ,
Возвелъ глаза не къ небсамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гуляливая мятель!..

И вотъ, сошлись лицомъ къ лицу двѣ враждебныя силы, Литва и Русь, началась битва, но дружина Орша была слишкомъ малочисленна и вся полегла...

Между поверженныхъ коней,
Обломковъ коней и мечей,
Въ то время всадникъ разбѣжалъ:
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто-жъ онъ? не русскій! и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская звеня,
Стучала по ребрамъ коня...
...Но разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой по живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дана,
Гдѣ все, чтѣ есть добра и зла
Въ душѣ прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздыхнувши каждый бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше чѣмъ страдалъ...

Блуждая на поискахъ, всадникъ наконецъ подъѣзжаетъ къ одному кургану съ громаднымъ вѣтвистымъ дубомъ...

...Громада тѣлъ,
Обезображенныхъ мечомъ,
Пестрѣла на курганѣ томъ,
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли.
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто-бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ вѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ,
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто — мертвый иль живой —
«Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной
«Прижавшись, бѣшенный старикъ
«Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
«Какъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ,
«Съ пятью рабами бился онъ.
«И дорого тебѣ Литва
«Досталась эта голова!»
...И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходить смотреть: это онъ!
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ (т. е. Орша) приподнял съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
— «И я узналъ тебя! узналъ!
«Ни время, ни чужой нарядъ
«Не измѣняютъ зловѣщій взглядъ,
«И это блѣдное чело,
«Гдѣ преступленіе и зло
«Печать оставили свою.
«Арсеній! — такъ, я узнаю
«Улыбку прежнюю твою
«И въ ней шипящую змѣю...
«... Твой умыселъ постигъ я весь,
«Я знаю для чего ты здѣсь.
«Но, вѣрный родинѣ моей,
«Не отверну тебѣ очей,
«Хоть ты-бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
«Прочестъ въ нихъ близкой смерти страхъ,
«И сожалѣнье и печаль»...

Не отвѣчая на укоризны Орша, Арсеній проситъ его сказать только, гдѣ его дочь, которую онъ поклялся спасти отъ ляховъ, хотя и самъ находится въ ихъ средѣ. Собравъ послѣднія силы, Орша говоритъ ему:

«Скажи скорѣй въ мой старый домъ,
«Тамъ дочь моя; ни ночь, ни день,

«Не ёсть, не спитъ: все ждѣтъ да ждѣтъ,
 «Покуда милый не придетъ!
 «Сидиши... Ужь близокъ мой конецъ;
 «Теперь обиженный отецъ
 «Для васъ лишь страшнѣе какъ мертвецъ!»
 Онъ дальше говорить хотѣлъ,
 ...Вдругъ потянулося, захрипѣлъ,
 И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ!

Арсеній спѣшитъ по указанію; измучивъ коня въѣзжаетъ на широкой дворъ знакомаго ему боярскаго терема, входитъ въ домъ — въ покояхъ темно какъ ночью....

Закрѣты ставни; полъ скрипитъ,
 Пустая утварь дребезжитъ,
 На старыхъ полкахъ; лишь порой
 Широкой бѣлой полосой,
 Рисуясь на печи большой,
 Проходитъ въ трещину ставней,
 Холодный свѣтъ дневныхъ лучей!
 И лѣстницу Арсеній зрѣтъ;
 Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ.
 Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
 Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ,
 Предъ нимъ замерзшее окно:
 Оно давно растворено;
 Сугробомъ собрался большимъ
 Сидѣтъ нарастая подъ нимъ.
 Увы, знакомыя мѣста!
 Налѣво дверь — но заперта.
 Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
 Большой замокъ на ней виситъ.
 И вынуть пожъ изъ кушака
 Онъ всунулъ въ скважину замка,
 И затрещавъ распался тотъ...
 И тихо дверь толкнувъ впередъ,
 Онъ входитъ робкою стонъ
 Въ свѣтлицу дѣвы молодой.
 Онъ руку съ трепетомъ простеръ.
 Онъ видитъ взоромъ милый взоръ,
 И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
 На взглядъ, на рѣчь — отвѣта нѣтъ!
 Однако спято ложе сна,
 Какъ будто-бы на немъ она,

Тому назадъ лишь день, лишь часть,
 Главу покоила не разъ,
 Младенческой вкушала сонъ.
 Но приближался видѣть онъ
 На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
 Чернѣющей слоями прахъ,
 И ткани наутинъ сѣдыхъ
 Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.
 Тогда въ окно свѣтлицы той
 Упалъ заката лучъ златой,
 Игралъ на коверъ пѣтной.
 Арсеній голову склонилъ...
 Но вдругъ затрещалъ, отскочилъ
 И вскрикнулъ, будто на змѣю
 Поставилъ онъ пята свою...
 Увы! теперь онъ былъ-бы радъ,
 Когда-бъ быстрой чѣмъ мысль иль взглядъ,
 Въ него проникъ смертельный ядъ!
 Громаду бѣдую костей
 И желтый черепъ безъ очей,
 Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
 Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой!..
 Густая, длинная коса,
 Плечъ бѣломраморныхъ краса,
 Разсыпавшись къ сухимъ костямъ
 Кой-гдѣ прилинула... и тамъ,
 Гдѣ сердце чистою такой
 Любовью билось огневой,
 Давно безъ нищи ужъ бродилъ
 Кровавый червь — жалецъ могилъ!
 «Такъ вотъ все-то что и любилъ!..
 «Холодный и бездушный прахъ,
 «Горѣвшій на моихъ устахъ,
 «Теперь безъ чувства, безъ любви,
 «Сожмутъ объятія земли...
 «Теперь осталось мнѣ одно:
 «Иду! — куда? Не все-ль равно:
 «Та иль другая сторона?
 «Здѣсь прахъ ея, но не она!
 «Иду отсюда навсегда
 «Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
 «Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,
 «И вьюга слѣдъ завѣсть мой»

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

«Двуногій волкъ.»

Въ желтомъ, накаленномъ пескѣ торчалъ деревянный колъ, выкрашенный красною краскою. Нижняя часть этого кола, воткнутая въ песокъ, была окована желѣзомъ, на верхней-же части укрѣплена была короткая поперечная перекладина, — и на ней, пахохлившись, истомленный зносомъ, сидѣлъ красивый охотничій соколъ и дремалъ, задерживъ своими желтоватыми, поперечными вѣтками зоркіе, разбойничьи глаза.

Эта птица олицетворяла собою полную неподвижность; начиная отъ красной шапочки на своей маленькой головкѣ и кончая серебряною цѣпочкою, которою она была привязана къ поперечникѣ за лапку, все казалось какимъ-то изваяніемъ... Не шевелился, не звякалъ даже ни одинъ бубенчикъ, украшавшій ожерелокъ на шеѣ сокола, — и, словно нарисованная, видѣлась короткая, голубоватая тѣнь, отброшенная птицею на горячемъ, красновато-желтомъ фонѣ мертваго песка.

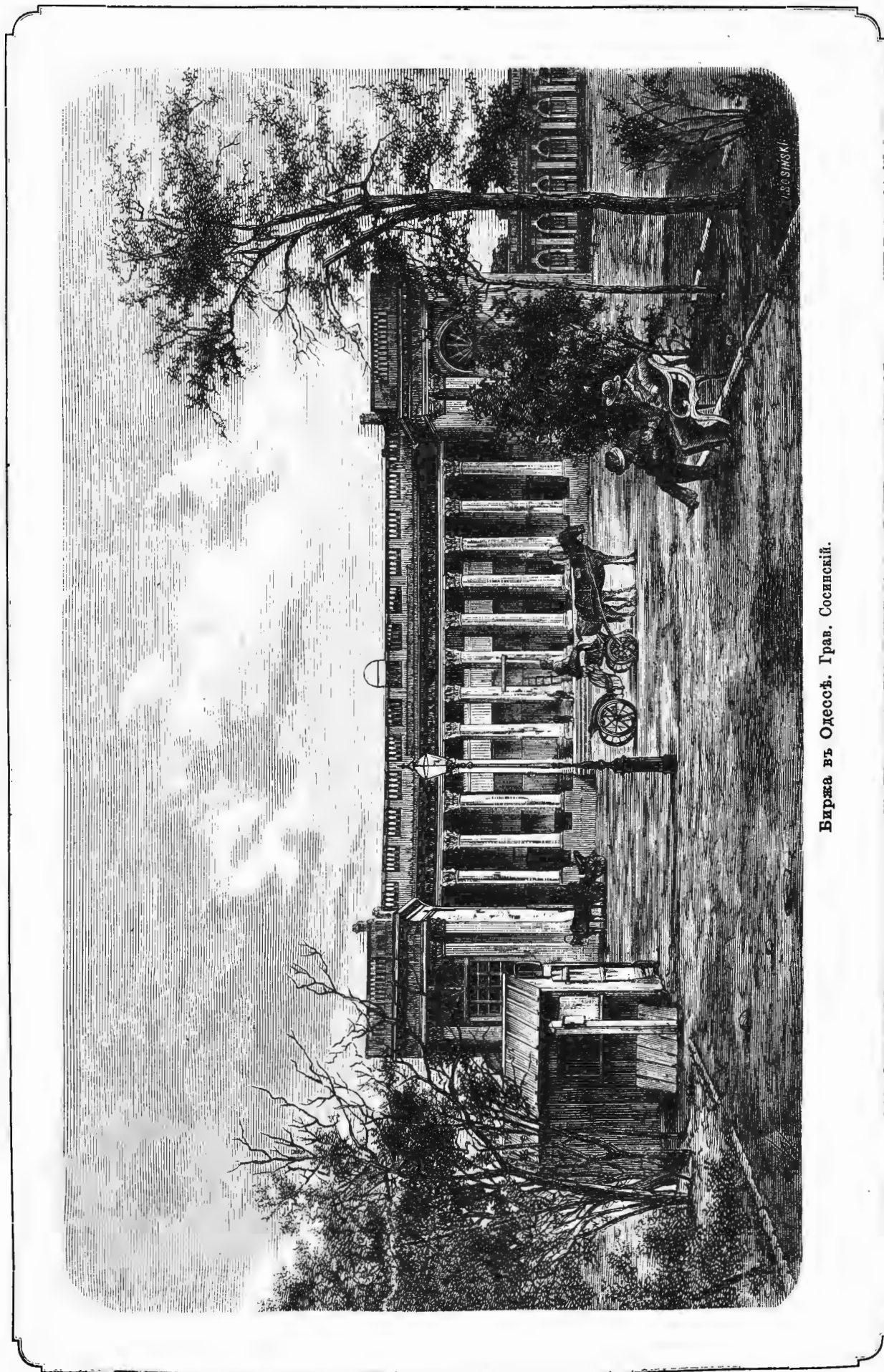
Двѣ борзые собаки, топція, почти голыя, высунувъ сухіе, воспаленные языки, лежали на боку, въ растяжку; и еслибы только не чуть замѣтное движеніе ясно-очерчивающихся реберъ, — ихъ скорѣе можно было принять за падаль, чѣмъ за существа живыя, готовые въ одно мгновеніе, по одному призывному свистку хозяина, вскочить и воззрѣться въ безконечную степь — и стрѣлою повестись по этимъ волнистымъ, сыпучимъ пескамъ, которымъ, казалось, не предвидится ни конца ни начала.

Красивый гордый конь, кровный тюркменскій жеребецъ, не смотря на духоту и палящій зной, покрытый ковровою, теплою попоной, тоже неподвижно стоялъ на своемъ приколѣ, привязанный за сухую жилистую щиколотку передней ноги тонкимъ волосатымъ арканомъ. Поводья дорогой, разукрашенной серебромъ, бирюзой и сердоликками уздечки были слегка притянуты къ высокой рога-образной лужѣ сѣдла и поддерживали красивый изгибъ лебединой шеи.

Остальной конскій люкъ лежалъ неподалеку, въ самомъ тщательномъ порядкѣ. Видно было, что весьма опытная рука укладывала его, и эта же рука могла въ одно мгновеніе вскинуть его на крупъ коня и ловко приторочить, не смотря на его кажущуюся сложность. Тутъ была пара перемѣтныхъ сумъ «*коржунювъ*», сдѣланныхъ изъ тонкаго, дорогаго хивинскаго ковра, «*кызыль-тырнакъ*», кожаный чахолъ съ чашками, такъ-называемый «камыкъ-башъ» или «теркешъ» украшенный длинною кистью изъ сыромятной кожи, тыквенный кальянъ въ серебряной оправѣ съ сѣткою, съ длиннымъ камышевымъ чубукомъ, мѣдный, хитро-чеканенный кунганчикъ, козлий турсукъ для воды, скоробившійся отъ жара, пара персидскихъ пистолетовъ — длинноствольныхъ съ раструбами на концахъ, и шерстяной, тканый мѣшокъ для ячменя, наполненный до половинны.

Кромѣ сокола, коня и борзыхъ собакъ, было еще одно живое существо, хотя бы никто не подумалъ: зачѣмъ живому существу, такъ долго и неподвижно лежать, въ такомъ неудобномъ положеніи.

Это существо былъ человѣкъ. Онъ лежалъ совершенно навзничъ, закинувъ руки себѣ за голову, уставившись глазами

Биржа в Одессѣ. Грав. Сосинскій.

въ безконечную, сѣроватую даль знойнаго, раскаленнаго неба.

Рогатя поля его войлочной, разрѣзной шапки защищали эти, наискось прорѣзанные, полу-прищуренные глаза и бросали густую тѣнь, раздѣляющую его темно-бронзовое, скуластое лицо какъ разъ на двѣ половины.

На человѣкѣ надѣтъ былъ халатъ изъ верблюжьяго сукна, подъ этимъ халатомъ видѣлся другой, ярко красный, пропитый по бортамъ золоченымъ галуномъ, — красные же широкіе шаровары такъ и горѣли на солнцѣ своимъ яркимъ узоромъ, вышитымъ разноцвѣтными шелками. Ноги были обуты въ мягкія кожаныя чулки «мусса» съ зелеными пятками и башмаки съ высокими, остроконечными каблуками, окованными сталью съ серебряною насѣчкой...

Рядомъ съ нимъ лежала дорогая сабля «кльнчъ» въ черныхъ шагреновыхъ ножнахъ, съ бѣлою костяною рукою, украшенною разноцвѣтными камнями, бирюзюю и кистями, двуствольное ружье русской работы и русской-же револьверъ въ чехлѣ, бѣлымъ шнуркомъ привязанный къ широкому, усаженному бляхами поясу. Кромѣ этого оружія видѣлась еще цѣлая коллекція ножей, подвѣшанныхъ къ поясу и разныя дорожно-боевыя мелочи: кремни, кресала, проволочные протравники и конелекъ изъ краснаго сафьяна съ серебряною узornoю вышивкою.

Подальше отъ этой неподвижной группы, всторонѣ, въ неглубокой лоцинѣ, поросшей сухою колючкою, лежалъ другой конь, безъ сѣдла и сбруи. Широко вытаращилъ этотъ конь свои глаза, уже подернутые холодомъ смерти; судорожно, взбороздивъ песокъ, протянулся окоченѣлымъ, длиннымъ, кованымъ по тюркменски ноги.

Здѣсь была уже не временная неподвижность. Это былъ дѣйствительно трупъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно было уже потому, что еслибы кто нибудь вздумалъ присмотрѣться къ поблекшимъ сухимъ ноздрямъ животнаго, — онъ навѣрное замѣтилъ-бы мнѣды крохотныхъ, песчаныхъ муравьевъ, совершенно безцеремонно забирающихся туда, въ самую глубину, и безнаказанно выползающихъ оттуда, снова на свѣтъ божей.

Да и не стоило присматриваться къ такой мелочи; довольно было только потянуть носомъ воздухъ...

«А хорошо — несъ меня затрави! — пахнетъ... Особенно на тощій желудокъ!... Какъ это дня четыре ничего не поѣшь, — такъ оно весьма приятно... Съ какой бы только стороны удобнѣе зайти?»...

Такъ, вѣроятно, думалъ малорослый степной бродяга-волкъ, давно уже потягивавшій воздухъ въ данномъ направленіи, и все еще не рѣшавшійся выбраться изъ-за песчанаго наноснаго бугорка въ самое концѣ лоцины и подобраться поближе къ этому лакомому куску, повидимому предназначенному для насыщенія такихъ-же какъ и его, отоцалыхъ, истерзанныхъ голодомъ желудковъ.

«И что это онъ расположился тутъ съ своими собаками! думалъ волкъ, вытянувшись на брюхѣ и еле отдѣливъ отъ земли свою воронскую морду. — «Ну отдохнулъ, поѣлъ самъ, покормилъ коня и ступай своею дорогою; не мѣшай и другимъ поѣсть! Ишь развалился какъ важно, каналья! словно для одного его эта вся степь! Небось, колибы у тебя поднялась такая рѣзь въ брюхѣ... Эхъ! хотъ бы кусочекъ рвануть! Авось не замѣтитъ!...

И попробовалъ было волкъ чуточку продвинуться впередъ. Только-только тронулся — глядитъ: пошевелилъ конь своимъ стройнымъ ухомъ; медленно открылся красный, словно кровавый, глазъ у иса... Чу! слышится никакъ глухое, злое, рѣщее ворчаніе... Смертельный ужасъ охватываетъ все существо мелкаго бродяги, мгновенно заглушая рѣзкій позывъ мучительнаго голода.

Попятался волкъ задомъ, спрятался, проползъ подальше, вскочилъ на ноги — и ходу! по за буграми и песчаными наносами... И долго-долго не рѣшался онъ ближе подходить къ этому мѣсту, откуда, въ жаркомъ степномъ воздухѣ, тянулась такая соблазнительная струя, возбуждавшая нервное подергиванье всей его хитрой, осторылой мордочки.

Прошолъ часъ, прошолъ другой... Прошолъ и страхъ волчій, и еще злѣе заворочался голодъ въ его внутренностяхъ. Снова подкрался волкъ... глядитъ: — также неподвижно стоитъ конь, на тѣхъ на мѣстахъ лежатъ ненавистныя собаки, словно мертвое чучело для приманки торчитъ соколъ на своей перекладинѣ, — и, не пошевелившись ни однимъ мускуломъ, не мѣняя своего положенія, бездушнымъ трупомъ лежить, разтянувшись на песокѣ, отдыхающей батырь...

И взяло раздумье отоцалаго звѣря... «Что за дьяволъ!... вѣдь это онъ съ самаго утра лежитъ такъ! Ужъ не думаетъ ли онъ, что снова вскочить на ноги — навшій конь... и вотъ теперь онъ поджидаетъ его, не рѣшаясь продолжать свой путь на одной только лошади...»

Къ западу склонялось жгучее солнце. Багровыя сумерки расплзались поизу; чуть-чуть потянуло прохладю. Пожарнымъ заревомъ вспыхнулъ горизонтъ, и, словно полнѣе свѣжею кровью, заалѣлись вершины бугровъ и наносовъ, — вершины отдѣльныхъ, разбросанныхъ по степи камней, отбрасывая отъ себя безконечно — длинныя, расплзающіяся тѣни...

Поднялся батырь, сѣлъ, кругомъ осмогрѣлся... Протеръ кулакомъ свои глаза, поправилъ рогатую шапку на головѣ, и разомъ вскочивъ на ноги, машинально хватился за оружіе...

Фыркнулъ конь и метнулся на приколѣ; словно ужаленныя змѣею вскочили исы и дико завывли; загремѣли бубенцы на соколиномъ ожерельѣ...

— Пора въ дорогу! на одномъ доѣду, коли тотъ не вынесъ. Эхъ ты, русская кляча!... провнесъ про себя батырь, и пошелъ, шатаясь, къ своимъ выюкамъ, гдѣ, замѣтивъ всего, торчалъ длинный чубукъ его дорожнаго кальяна.

Здѣсь онъ привелъ въ порядокъ курительный приборъ, прочистилъ сѣтку, наложилъ свѣжаго табаку изъ замшеваго мѣшка, высѣкъ огня и захригѣлъ на всю степь, пуская густую струю бѣловатаго дыма.

Темнѣе и темнѣе становилось кругомъ; погасли и верхушки холмовъ. Синеватый туманъ поднялся со дна лоцины и промолкъ.

Задумался батырь, тусклыми, сонными глазами глядя на степь, сквозь густую целену табачнаго дыма...

Когда одинокій конь видитъ, или даже чувствуетъ, приближеніе другаго коня — онъ самъ не свой; то рвется на привязи, то мечется изъ стороны въ сторону, то вытягиваетъ длинную шею, раздуваетъ ноздри, прядетъ ушами, тихо, привѣтливо ржетъ, волнуется и на мгновение замираетъ въ выжидательной позѣ, словно статуя, прислушиваясь къ приближающемуся топоту, приглядываясь къ издали замѣтнымъ взмахамъ хвоста и гривы незнакомаго животнаго.

И собаки не могутъ покойно — словно не замѣчая — относиться къ приближенію чуждаго всадника. Лай сейчасъ поднимутъ, то грозный, злой, то веселый, привѣтливый на встрѣчу понесутся вперегонку. Не нужно ихъ и наускивать!...

Въ настоящую же минуту и конь и исы оставались въ полнѣйшемъ покоѣ — а между тѣмъ, къ бивуаку, тихо, не слышно вовсе, подѣзжалъ — всадникъ. Батырь ясно видѣлъ его между клубами дыма, застилавшими степь передъ его глазами.

Онъ видѣлъ, какъ ровною поступью еще не утомленнаго коня, не разбирая дороги, прямо на него такъ и рѣзалъ всадникъ, полуголый, въ однихъ кожаныхъ штанахъ. Его босыя ноги упирались въ обвернутыя войлокомъ деревянныя стремена. Руки у этого всадника не держали ни поводьевъ, ни плети; онъ, словно парализованъ разбитыя, безжизненно висѣли по сторонамъ его въ-струну-вытянутаго тѣла. На головѣ всадника не было шапки, и батырь ясно видѣлъ его багровосинее, налитое кровью, лицо съ вытаращенными пожелтѣвшими бѣлками глазъ, съ распухшимъ концомъ языка, судорожно закушеннаго между оскаленными зубами. На затылкѣ всадника видѣлся узелъ волосянаго аркана, и отъ этого узла, вдоль спины, болтался — конецъ его, оборванный и размохавшийся отъ постоянного ерзанья по деревянному арчаку непокрытаго попоною, киргизскаго сѣдла.

(Продолженіе будетъ).

ОДЕССА.

Въ отдаленныя времена, когда востокъ и западъ Европы были незнакомы древнему міру, предприимчивый духъ Элады рано познакомился съ побережьями Черпаго моря. Торговля и промышленность, открывавшія въ этихъ странахъ дорогу къ богатымъ золотоноснымъ нивамъ, прокладывали путь къ болѣе основательному знакомству съ далекими странами сѣвера. Оттого въ туманной дали прошедшаго мы встрѣчаемъ уже надъ древнимъ Поптомъ греческія колоніи, которыя еще тогда были основаны, когда вся страна была занята Кимерійцами, народомъ, котораго остатки теперь сохранились на Криму подъ именемъ Тавровъ. Эти греческія колоніи дошли до высокой степени могущества и просуществовали много вѣковъ, пока наконецъ паденіе Римскаго государства не потрясло основъ ихъ существованія. Во время переселенія народовъ, когда все новые и новые народы, какъ волна за волной, приходили въ эти страны, исчезли и эти колоніи, поглощенныя Скивами, Гуннами и прочими народами. Историческое значеніе черноморскаго края во все продолженіе среднихъ вѣковъ чрезвычайно важно для историка, потому что здѣсь выработались начала европейской культуры; здѣсь въ борьбѣ народовъ созрѣли сѣмена будущаго величія Арійскаго племени. Послѣ переселенія народовъ, когда каждый народъ занялъ опредѣленную мѣстность, воскресли и греческія колоніи, и хотя не достигли прежняго блеска, однако завязали обширныя торговыя сношенія съ востокомъ. Но не долго это продолжалось: Генуя и Венеція подорвали ихъ торговлю. Потомъ крестовые походы опять оживили эти страны и опять не надолго. Открытіе Америки перенесло всю торговую жизнь Европы съ востока на западъ. Наконецъ турки, захватившіе Балканскій полуостровъ, и татары, покрывшіе своими кочевьями весь сѣверный берегъ Черпаго моря, погасили и остатки торговли и древней греческой цивилизаціи. Но мѣрѣ того какъ турки отступились отъ береговъ Черпаго моря, мало по малу началось и вліяніе европейской культуры на народонаселеніе, одичавшее подъ ярмомъ исповѣдниковъ Корана. Со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Россія получила берега Черпаго моря отъ Керчи до Очакова, а вслѣдствіе мира въ Яссахъ и земля очаковская была присоединена къ Россіи. Все это громадное пространство состоитъ изъ безлѣсныхъ травянистыхъ степей, перерѣзанныхъ множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ и покрытыхъ могилами и курганами. Нужно было много труда и хлопотъ, чтобы заселить этотъ дикій край. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Одесса, въ концѣ прошедшаго столѣтія стояла небольшая деревня съ маленькой крѣпостцей, которую взялъ генералъ І. Де-Рибасъ, въ 1789 году. Послѣ окончательнаго занятія

этихъ странъ русскими, Екатерина II велѣла основать нѣсколько храмовъ и построить крѣпость для защиты гавани. Название свое городъ получилъ отъ древне-греческой колоніи Odessos, которую вспоминаетъ Арианъ въ своемъ сочиненіи Peripatus Pont'i Eux. § 36). Послѣ смерти Екатерины цѣлый черноморскій край получилъ названіе Новороссійскаго, съ главнымъ городомъ Одессой. Выгодная для кораблей гавань, пожалованіе городу различныхъ привилегій и въ особенности объявленіе его на 50 лѣтъ Porto-Franco собрали въ короткое время множество народа, преимущественно грековъ, итальянцевъ и албанцевъ.

Въ 1802 году этотъ край былъ раздѣленъ на три губерніи: Екатеринославскую, Таврическую и Николаевскую (потомъ переименованную въ Херсонскую), въ составъ которой входитъ и Одесса, какъ уѣздный городъ. Богатство и величина города кромѣ привилегій и выгодъ гавани обязаны еще французскому эмигранту, потомку знаменитаго кардинала, Ришельё, который сдѣлалъ много благодѣяній для города, такъ что теперь благодарное населеніе воздвигло ему на бульварѣ великолѣпный памятникъ. Съ этого же времени колонисты изъ разныхъ уголковъ Европы, преимущественно изъ южной Германіи, заселяютъ до того времени пустынную прибрежную Черпаго моря. Въ мѣстѣ съ увеличеніемъ города росла и потребность образованія, и каждая народность устроила для себя отдѣльныя училища; такимъ образомъ произошло такое множество самыхъ разнообразныхъ училищъ. Въ 1809 году былъ построенъ театръ, въ которомъ играли на языкахъ русскомъ, французскомъ и польскомъ. Въ 1812 г. чума, появившаяся незванной гостьей въ Одессу, унесла нѣсколько тысячъ жертвъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ вспыхнула въ Греціи война за независимость — и тысячи семействъ, бѣжавшихъ отъ жестокихъ турокъ, вознаградили съ избыткомъ убыль въ народонаселеніи. Съ этого времени Одесса пошла шибкимъ шагомъ впередъ, торговля и промышленность съ каждымъ днемъ принимали все большіе и большіе размѣры, и наконецъ въ отношеніи торговомъ и научномъ она сдѣлалась главной артеріей новороссійскаго края. Въ настоящее время Одесса имѣетъ 150,000 жителей и занимаетъ до 32 квадрат. верствъ. Построена она на высокомъ, обрывистомъ берегу Черпаго моря; улицы все ровныя и широкія; садовъ очень мало и только нѣсколько улицъ обсажено на половину засохшими деревьями; есть даже одинъ общественный садъ, въ которомъ днемъ никого не встрѣтишь, вслѣдствіе недостатка въ тѣни, а ночью всякій порядочный человекъ его обходитъ вслѣдствіе уже другаго рода неудобствъ. Некрасивый видъ представляетъ Одесса, если вѣзжаешь въ нее по желѣзной

дорогѣ: малые дома, небольшое число домовыхъ — все это производитъ непріятное впечатлѣніе. Климатъ ея нездоровъ: постоянныя вихри, пыль ужасная, грязь зимою и особенно поражали еще Пушкина, который говорилъ, что *Одесса зимою чернильница в лѣттомъ песочница*, недостатокъ въ хорошей водѣ — всѣ эти условія развиваютъ пронасть болѣзней, изъ которыхъ ревматизмъ и лихорадка уносятъ самое большее число жертвъ. Трудно найти городъ, въ которомъ было бы столько различныхъ народностей; здѣсь можно встрѣтить, кромѣ всѣхъ народовъ Европы, и персовъ и татаръ и арабовъ и карамовъ и армянь, и все это въ ихъ національныхъ костюмахъ. Публичныя бібліотеки, множество газетъ и періодическихъ изданій на всевозможныхъ языкахъ и наконецъ нѣсколько мѣстныхъ газетъ и труды археологическаго общества удовлетворяютъ любознательность жителей. Во всемъ черноморскомъ краѣ въ землѣ лежитъ много драгоценныхъ историческихъ памятниковъ, и потому археологическое общество, хотя существуетъ всего около тридцати лѣтъ, разъяснило много темныхъ вопросовъ въ исторіи. Существуетъ здѣсь и общество сельскаго хозяйства, которое оказало много услугъ этому краю. Одессу справедливо называютъ еврейскимъ городомъ, но крайней мѣрѣ двѣ трети народонаселенія состоятъ изъ евреевъ. Къ чести этого народа нужно замѣтить, что между ними господствуетъ полнѣйшая солидарность, которой и намъ не мѣшало бы позавидовать; у нихъ пропасть большихъ и малыхъ училищъ, богадѣлень и пріютовъ. Есть у нихъ и синагога, которая славится на всю Европу своимъ богатствомъ и великолѣпнымъ хоромъ пѣвцовъ.

Между всѣми учебными заведеніями высшее мѣсто безъ сомнѣнія занимаетъ университетъ, который передѣлалъ изъ лицей Ришельё, въ 1871 году, но, къ сожалѣнію, нѣсколько кафедръ еще незапато.

Торговый характеръ Одессы выражается даже и въ ея постройкахъ; самая обширная и великолѣпная постройка — это биржа, построенная архитекторомъ Guarenghi. Она стоитъ на самомъ многолюдномъ мѣстѣ Одессы, на бульварѣ. Обширные размѣры этого зданія позволяютъ помѣститься въ немъ нѣсколькимъ городскимъ судебнымъ мѣстамъ. Кромѣ того, въ немъ находится громадная зала для совѣщаній городской думы. Соединеніе Одессы съ западомъ желѣзной дорогой и прорытіе Суэзскаго канала сдѣлаютъ, если уже не сдѣлали, изъ Одессы одинъ изъ самыхъ важныхъ торговыхъ пунктовъ на всемъ южномъ берегу Европы.

И такъ, если бы не постоянная пыль, не вихри, бѣшенно дующіе въ этихъ странахъ, если бы наконецъ побольше образованія въ обществѣ, Одесса занимала бы не послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ городовъ.

ИЕРОНЪ И ХРИСТІАНСКІЕ МУЧЕНИКИ.

Знаменитая картина Каульбаха, которую мы предлагаемъ читателямъ въ гравюрѣ, изображаетъ историческій моментъ перехода изъ древнеязыческой въ новую христіанскую вѣру — и притомъ въ полномъ блескѣ всеобъемлющей фантазіи великаго художника.

Въ самомъ началѣ этой новой эры, въ 37 году по Р. Х., въ собственно-такъ-называемой Италіи (Italia propra), въ области Лаціумъ (нынѣшняя Кампанья ди Рома), въ приморскомъ городѣ Анціумѣ, проживала замѣчательная чета: Луцій Домицій Агенобарбъ, славившійся мотовствомъ, распущенностью

и жестокостью, съ женою своею Агриппиною, которая соединяла въ себѣ всѣ пороки женщины, — такъ что мужъ ея однажды сказалъ при всѣхъ, будто бы отъ подобнаго брака можетъ произойти только чудовище. И вотъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, 15 декабря того же года, родился ребенокъ, названный Луціемъ Домиціемъ Перономъ. Всего трехъ лѣтъ отъ роду онъ лишился отца, и ограбленный сопослѣдникомъ-дядей его, Калигулой, росъ безъ всякаго присмотра и воспитанія у тетки своей, Лепиды, такъ какъ Агриппина въ это время находилась въ изгнаніи. До 12-ти

лѣтнаго возраста единственнымъ наставниками острого были цирюльникъ и танцовщикъ, едвали не самые развращенные типы тогдашняго общества. Но вдругъ эта темная, безвѣстная судьба перемѣнилась...

Императоръ Клавдій, истощенный излишествами всякаго рода, полупомѣшанный старикъ, привыкшій къ тому чтобы имъ управляли женщины, казнивъ свою жену, знаменитую безстыдными неистовствами, Мессалину, которая при жизни его вышла замужъ за другаго и публично праздновала свадьбу, вступилъ въ новый бракъ — со вдовой Агенобарба, Агриппиной, усыновилъ Нерона и четырнадцати-лѣтнаго мальчика сдѣлалъ консуломъ, *princeps juventutis*. Честолюбивая Агриппина не довольствовалась этимъ; еще съ первыхъ дней замужества она всѣми силами стала стремиться къ одной завѣтной цѣли: отдалить законнаго наследника императора, сына его, Британика, и доставить престолъ Нерону. Въ этихъ видахъ она вызвала изъ ссылки на островѣ Корсикѣ Сенеку и доставила ему должность претора, поручивъ философу воспитаніе 12-ти лѣтнаго Нерона, — а другаго приверженца своего, Бурра, сдѣлала начальникомъ преторианской стражи, отъ которой въ то время уже вполне зависѣло возведеніе новыхъ императоровъ на престолъ. Съ помощью этихъ людей, Агриппинѣ удалось женить Нерона, которому едва минуло 16 лѣтъ, на дочери императора Октавіа, а Британика совершенно удалить отъ двора. Съ этихъ поръ Агриппина уже не знала предѣловъ своему властолюбію и гордости; насиліемъ избавлялась она отъ тѣхъ, кто возставалъ противъ нея — а наконецъ пробилъ часъ и для самого Клавдія. Боясь, чтобы временщики не уговорили сумасшедшаго Клавдія погубить и вторую жену какъ развратную Мессалину, императрица рѣшилась предупредить его — и отравила мужа. Тотчасъ по смерти императора, Бурръ повелъ Нерона въ лагерь преторианцевъ и купилъ ему престолъ за сумму, которая со времени Клавдія стала такой.

И вотъ, на семнадцатомъ году, не получивъ никакого образованія въ смыслѣ государственномъ, за то умѣя кое-какъ рисовать, ваять, пѣть, отлично ѣздить верхомъ и править лошадьми въ колесницахъ, Неронъ становится самодержавнымъ владыкою Рима.

Что же такое былъ этотъ Римъ, котораго сенатъ безпрекословно призналъ новаго императора? Наружнее великолѣпіе столицы міра возрастало съ каждымъ днемъ: семь холмовъ, Авентинская гора, Капитолий, Палатинская, Целій, Эсквилинъ, Виминаль и Квириналь служили подножіемъ древнему городу. Между Палатиномъ и Капитолиномъ въ долині лежалъ Римскій Форумъ (*forum romanum*), площадь, на которой высился *Капитолій*, главный въ городѣ храмъ Юпитера, Юноны и Минервы подъ одною кровлей, съ крѣпостью и знаменитой тарпейской скалой, съ которой свержали преступниковъ; Капитолій облегалъ торжище съ базиликой Порціевой, храмомъ Кастора и Цезаря, храмомъ Весты, базиликой Цезаря, съ рострами (носowymi частями кораблей) передъ нею, храмъ Сатурновъ и государственная тюрьма. Къ сѣверо-западу отъ Капитолина простиралось Марсово поле съ занимавшимъ большую часть его Фламиніевымъ циркомъ; здѣсь находились на Садовомъ холмѣ Лукулловы сады, триумфальныя ворота, мавзолей императора Августа, амфитеатръ Статилія Тавра и циркъ Агональный. При подошвѣ Палатина высился величайшій циркъ (*Circus Maximus*), окруженный множествомъ холмовъ. Отъ него простирался общенародный прудъ, piscины (*piscina publica*), меньшая но многолюднѣйшая часть города съ храмомъ Благой богини (*bonae deae*). На вершинѣ и склонахъ Палатина располагались дворцы Нерона, Катилины и Тиверія, домъ Цицерона, храмы Аполлона, Юпитера Статора. Эсквилинская часть города съ башнею Виминаломъ заключала въ себѣ обѣ эти горы съ лагеремъ преторианцевъ, великолѣпными садами Мецената и Сестерціемъ, гдѣ казними были простонародные преступники. Отъ Виминальской и Эсквилинской горъ шла Святая Дорога (*Via Sacra*) мимо Палатина на торжище — славная улица въ Римѣ. У высокой тропинки на Квиринальской горѣ находилось *поле нечестивыхъ*, гдѣ нецѣломудренныя весталки зарывались

въ землю живыми. На Авентинской горѣ выселись храмы *богини Свободы, Юноны царицы и Дианы*, а подъ горою при Тибрѣ было рыбное торжище и корабельная верфь. На затирбской сторонѣ разстилялись сады Цезаря и Тиверія, съ гробницею Нумы. Восемь мостовъ перекидывалось черезъ мутножелтыя воды Тибра. Изъ 14 водопроводовъ древнѣйшій былъ Анпиевъ, лучшая же вода текла въ Марціевомъ.

Но чѣмъ сталъ этотъ вѣчный городъ, владыка міра, въ которомъ былъ возможенъ такой повелитель, какъ Неронъ? Увы! Древней простоты и строгости римскихъ нравовъ не было и въ поминѣ. Безумная роскошь предшественниковъ Нерона развратила всю знать; вмѣсто прежнихъ патриціевъ, отцовъ отечества, государственныхъ должности занимали продажныя, извѣженныя, развратныя любимцы, выскочки, пердѣло отпущенники, владѣвшіе несмѣтными награбленными богатствами и проводившіе время въ обжорствѣ, пьянствѣ. Права открыто попирались наглѣмъ произволомъ. Семья не существовало, такъ какъ зараза не пощадила ни женщинъ, ни дѣтей. Кто бы узналъ древнихъ степенныхъ матронъ римскихъ въ этихъ женахъ-матеряхъ, которыя, бросивъ домъ и дѣтей на попеченіе рабовъ и наемниковъ, разодрѣтыя въ прозрачныхъ одѣянιάхъ изъ тончайшаго шелка, жадно стремились въ циркъ любоваться боемъ гладіаторовъ, предпочитая ихъ зватиѣйшимъ всадникамъ и гражданамъ, — а дома въ подражаніе мужьямъ, ослѣпленнымъ фалерскимъ, устраивали свои собственные оргіи, еще болѣе возмутительныя. Народъ, слѣдуя примѣру знатныхъ, обратился въ стаю звѣрей, требовалъ только привознаго *хлѣба* и кровавыхъ *зрѣлищъ*... Ночью по улицамъ вѣчнаго города страшно было ходить; ничто не спасало отъ насилія и грабежей; самые храмы осквернялись неслыханными безумствами; весталки существовали только по имени.

Не смотря на то и къ удивленію немногихъ добрыхъ гражданъ, первые годы владычества Неронова отличались кротостью и благоразуміемъ. Въ началѣ онъ передалъ бразды правленія въ руки Агриппины, но скоро Бурру и Сенеку удалось вырвать у нея власть и подчинить молодаго императора своему влиянію. Оба государственныхъ мужа воспользовались своимъ положеніемъ для проведенія здоровыхъ реформъ въ государственномъ бытѣ и управленіи. Самъ Неронъ на первыхъ порахъ выказывалъ такое мягкосердіе, что однажды, подписывая смертный приговоръ, сказалъ: «какъ я несчастливъ, что умѣю писать». Но Агриппина была не такая женщина, чтобы даромъ уступить свою власть; она стала грозить передачею престола Британику — и деспотъ проснулся въ Неронѣ. Несчастный Британикъ былъ отравленъ за императорскимъ столомъ, предъ глазами гостей — и ядъ подѣйствовалъ такъ быстро, что юноша палъ мертвымъ, едва попробовавъ отравы. Какъ будто тигръ, отвѣдавшій крови, Неронъ съ этого времени, предается самому распущенному образу жизни и дѣлается игрушкой негодяевъ. По ночамъ, въ сопровожденіи буйной молодежи, ходилъ онъ по улицамъ Рима, совершая самыя гнусныя безчинства надъ мирными гражданами, ихъ женами и дочерьми. Изъ оскорбленнаго тщеславія или простой подозрительности онъ позволялъ себѣ самыя возмутительныя жестокости. Агриппинѣ нечего было и помышлять о возвращеніи своего влиянія; у нея даже была отнята ея гвардія — и такъ какъ она не могла скрыть своей ярости, то Неронъ убѣдился, что только смертью ея можетъ обезпечить свою власть. По требованію своей наложницы, Понпей Сабинны, онъ порвалъ въ сердцѣ своемъ кровную связь и приказалъ въ 59 году умертвить родную свою мать. Рассказываютъ, что съ этою цѣлью онъ устроилъ великолѣпный пиръ, на которомъ отпущенники его избображали боговъ и богинь Олимпа, — Неронъ же, явившись въ рядѣ Аполлона, разогналъ ихъ — и себя объявилъ единственнымъ богомъ; на этотъ-то пиръ пригласилъ онъ Агриппину, давъ тайное повелѣніе отпущеннику Анницету утопить ее во время переѣзда на корабль, котораго палуба раздвигалась. Но Агриппина спаслась и явилась на пиръ въ видѣ Венеры. Тогда Неронъ приказалъ умертвить ее самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ 62 году та же участь постигла и супругу его, Октавію. Понпей не успокоилась до тѣхъ поръ, по-

ка несчастная Октавіа, осыпанная оскорбленіями и позорно оклеветанная, была казнена по приказанію Нерона. Сенека, по смерти Бурра, потерялъ всякое значеніе и долженъ былъ удалиться отъ двора. Мѣсто Бурра и Сенеки заняли гнусный Феній Руфъ и кровожадный Тигеллинъ, а молодой императоръ, которымъ овладѣло какое-то бѣшенство жестокости, сталъ окончательно добычею своего безумія и пороковъ. Онъ женился на Поппеѣ Сабинѣ, такой же безумной и жестокой развратницѣ какъ и самъ, но въ одну изъ минутъ бѣшенства убилъ ее толчкомъ ноги.

При чтеніи этихъ ужасовъ, умъ отказывается понять, какимъ образомъ могъ удержаться на тронѣ этотъ деспотъ, оскорблявшій и казнившій безъ счета почетнѣйшихъ гражданъ Рима. Но дѣло въ томъ, что Неронъ не боялся заговоровъ, пока войско и чернь были на его сторонѣ. А солдаты любили Нерона за его щедрость, народъ боготворилъ его за блестящія зрѣлища, которыми онъ тѣшилъ праздную чернь...

ями общества, или играть пантомимы съ непристойными жестами. До сихъ поръ еще хоть въ провинціяхъ кое-гдѣ уцѣлѣли добрыя нравы, но Неронъ, не довольствуясь мѣстною славой, сталъ переѣзжать изъ Рима въ Неаполь, по окрестнымъ городомъ и даже въ Грецію, показывая свои таланты пѣвца и музыканта, причемъ греки поднесли ему до 1800 вѣнковъ...

Въ іюлѣ 64 года, желая имѣть понятіе о пожарѣ Трои, Неронъ приказалъ зажечь... Римъ, который онъ хотѣлъ выстроить заново и еще великолѣпнѣй. Страшное зрѣлище представлялъ вѣчный городъ, ставшій добычей огня. Пожаръ начался съ Величайшаго цирка (circus maximus), который стоялъ весь въ пламени; горѣли Палатинъ, Форумъ, пещины, дымилась Целій и Эсквилинь, весь Римъ казался огненнымъ моремъ... Улицы были въ то время извилисты и узки, разъяренная стихія находила себѣ страшную пищу въ тѣснотѣ и скученности зданій, деревянные своды и балки потолковъ вспыхивали какъ солома. Цѣлыя ряды домовъ на-

Ворота и городская стѣна въ Пекинѣ.

Неронъ былъ своеволенъ, жестокъ и развратенъ, но главной чертой его характера было тщеславіе, доходившее до смѣшнаго ребячества. Участвуя въ азартныхъ играхъ въ кости, онъ ставилъ на одинъ ударъ до 400,000 сестерцій. Желая прослыть великимъ музыкантомъ и поэтомъ, онъ являлся въ этихъ роляхъ публично, прибѣгая ко всѣмъ уловкамъ настоящаго актера, что въ Римѣ считалось верховъ неприличія даже для простаго гражданина. Изъ молодыхъ всадниковъ онъ образовалъ толпу, обязанную рукоплескать ему, когда онъ пѣлъ или декламировалъ свои стихи. Въ циркѣ являлся онъ на публичныхъ играхъ въ качествѣ возничаго бѣговыхъ колесницъ, заставляя и другихъ знатныхъ римлянъ принимать участіе въ этомъ позорищѣ. Въ какой степени и безъ того развратное римское общество было деморализовано императоромъ—можно заключить изъ того, что Неронъ заставлялъ сенаторовъ и всадниковъ выходить передъ чернью гладіаторами, которые были паріями тогдаш-

дали, загромождая улицу камнями, кирпичъ трещалъ и разсыпался, тесаный камень лопался и разлетался во всѣ стороны, а поднявшійся вихрь гналъ пламя дальше и дальше... Огненные языки словно лизали стѣны дворцовъ и жилищъ, храмовъ и залъ, всюду находя горючій матеріалъ. Съ грохотомъ осѣдали и рушились крыши, въ глухомъ гулѣ валились колонны и портики; растопленная бронза статуй адскими ручьями текла по улицамъ, которая были биткомъ набиты народомъ. Наскоро хватая домашнихъ пенатовъ и кое какія пожитки, перепуганные жители спѣшили выбраться изъ горѣвшихъ зданій; съ плачемъ и воплями бѣжали изъ улицы въ улицу, ища выхода изъ пламеннаго лабиринта, но отовсюду падало удушливомъ зноемъ, всѣ переходы замыкались грудями дымящихся развалинъ. Женщины и дѣти искали убѣжища въ храмѣ Аполлона—стѣны его рухнули и погребли цѣлую толпу своими обломками. Ночь настала среди этихъ ужасовъ, небо сплошь озарилось кровавымъ

заревомъ, мірады искръ и головней, носившихся въ воздухѣ, походили на безчисленный сонмъ падающихъ звѣздъ. Подхватываемыя вѣтромъ онѣ уносились за городъ—и тамъ огненнымъ дождемъ сѣялись по равнищѣ...

Геркулесова роца сплотно пылала, каждое дерево казалось горящимъ факеломъ... Пали высокіе арки Марціева и Тепулскаго водопроводовъ, вода хлынула изъ водохранилищъ колтеллы и трубъ форума—вопли ужаса раздались въ злосчастномъ городѣ, потоки мутной воды неслись по Сакра Віа (священный путь), унося и разрушая съ собою все уцѣлѣвшее.

Авентинская гора чернымъ страшилищемъ вырѣзывалась на багровомъ заревѣ. Въ амфитеатрѣ Статилія Тавра тѣснились несчастные обыватели IX округа... Вся арена громаднаго цирка заставлена была домашнею утварью, узлами, завалена одеждою, товарами, съѣтными припасами; тамъ и сямъ возлились около нихъ цѣлыя семейства, оставшіяся безъ крова. Но огненный дождь проникалъ и сюда, разостаясь съ невѣроятною быстротою—и скоро эти груды какъ попало брошеннаго добра—задымилась и запылала... Тогда все живое съ воплями ринулось къ верхнимъ галереямъ; женщины, дѣти и мужи, тѣснясь и давя другъ друга, лѣзли по ступенямъ, преслѣдуемые по пятамъ огнемъ амфитеатра, пока первые прибывшіе на вершину и тѣснимые задними стали кидаться сверху—и разбиваясь о карнизы, выступы, страшно обезображенные падали на мостовую... Стѣны зданія, раскаленные пожаромъ, рухнули только на вторую ночь, заваливъ окрестность обломками...

Семь дней и ночей неистовствовалъ пожаръ, особенно по рынкамъ въ лавкахъ купцовъ и покинутыхъ рабочими ремесленныхъ зданіяхъ. Ревъ скота, ржаніе заблудшихъ лошадей, бѣгавшихъ по развалинамъ, вой собакъ и вопли жителей сливались въ ужащающій гулъ... Улицы были завалены мертвыми тѣлами, трупы рабовъ и владыкъ, друзей и враговъ перемѣшались въ сплошную груду...

А Неронъ, поднявшись на крышу высокаго зданія, любовался пожаромъ и декламировалъ стихи о пожарѣ Трои, но подозрѣвая, что всему есть предѣлъ и что это страшное бѣдствіе будетъ стоить ему любви народной...

Между тѣмъ, пока такимъ образомъ разлагались всѣ основы древняго міра, еще со временъ Октавіана Августа, перваго императора, стали все чаще и многочисленнѣе попадаться въ густой толпѣ развратнаго населенія—странные люди. Они не принимали участія въ пирахъ, ихъ не встрѣчали въ многочисленныхъ сборищахъ цирка и форума; бѣдно и скромно одѣтые проходили они по-стогамамъ вѣчнаго города, никогда не заглядывая въ храмы боговъ и упорно отказываясь отъ поклоненія этимъ, по ихъ выраженію, мраморамъ-издѣлію рукъ человѣческихъ... Когда ихъ укоряли въ нечестіи, заключали въ тюрьмы, предавали пыткамъ, они называли себя послѣдователями кого-то распятаго на крестѣ и поучали своихъ притѣснителей неслыханнымъ вещамъ—любви къ ближнему и къ врагамъ. Римскіе граждане, очень хорошо знавшіе, что *homo hominis lupus* (человѣкъ—человѣку волкъ, т. е. врагъ), не любили этихъ людей чуждавшихся жизни, считали ихъ сначала безумцами, потомъ опасными мечтателями, потомъ враждебной государству сектой... А люди эти, предводимые какими-то рыбаками, все множились и множились, привлекали къ себѣ рабовъ, угнетенныхъ, плѣнныхъ и чужеземцевъ безъ различія состояній, женъ и дочерей сановниковъ—и наконецъ узнали, что къ средѣ ихъ вслѣдъ за гражданиномъ римскимъ Савломъ начинаютъ примыкать и всадники и патриціи... То были *христиане*, провозвѣстники новаго начала, долженствовавшаго разрушить старый міръ и обновить дряхлое общество свѣтомъ новаго ученія. Старый міръ инстинктивно почувствовалъ свой конецъ—и началъ травить христианъ въ циркахъ, предавая ихъ сотнями на растерзаніе дикимъ звѣрямъ...

На этихъ-то отверженцевъ задумалъ Неронъ взвалить отвѣтственность за пожаръ Рима. Онъ обвинилъ ихъ въ поджогѣ—и началось гоненіе небывалое. Съ яростью отчаянія кинулась чернь на мнимыхъ виновниковъ бѣдствія, избивали безъ различія жнщъ и мужей и дѣтей неповинныхъ, не вѣдая что творять, ибо Христосъ никому въ Римѣ не былъ извѣстенъ...

Но и это послѣднее злодѣяніе не спасло Нерона. Онъ вскорѣ погибъ жертвою заговора преторіанцевъ, которымъ онъ былъ обязанъ престоломъ—и не заплатилъ жалованья, отстраивая себѣ новый золотой дворецъ послѣ пожара. Вѣрный себѣ до конца, даже умирая подъ ножомъ наемника, онъ не могъ удержаться чтобы не воскликнуть: «какого художника теряетъ во мнѣ міръ!»

Такимъ-то именно изображаетъ его и Каульбахъ въ своемъ созданіи. Императоръ является на террасѣ своего дворца, во всемъ опьяненіи власти, въ одеждѣ и лучистомъ вѣнцѣ Аполлона, повелителя музъ; любимый рабъ держитъ ему лиру, а онъ поднимаетъ заздравный кубокъ, междъ тѣмъ какъ цѣлый сонмъ сладострастныхъ римлянокъ и греческихъ наложницъ спѣшитъ къ нему съ кимвалами, дабы наименовать его богомъ, принести ему дары и самихъ себя въ жертву. Съ волосами ихъ сливаются клики оргіи во дворцѣ. Префектъ Рима, кровожадный Тигеллинъ, рукоплещетъ своему владыкѣ. Но болѣе строгіе римляне, маститый сенаторъ, котораго Неронъ унижилъ до позорной должности чтеца его стиховъ, люди древнереспубликанскихъ нравовъ, граждане патриоты—со скорбью и негодованіемъ глядятъ на него; въ самыхъ позахъ ихъ чувствуется грозный заговоръ.

На переднемъ планѣ картины видна мученическая смерть христианъ, обвиненныхъ въ пожарѣ Рима. Слева одинъ изъ нихъ, одѣтый въ звѣриную шкуру и привязанный къ столбу, будетъ обливать смолою и станетъ «горѣть какъ факель» по сказанію римскихъ историковъ. Жена подаетъ ему ребенка для прощальнаго поцѣлуя. Посрединѣ Петръ Апостоль, по свят. преданію погбшій въ Римѣ мученическою смертію—распятый на крестѣ, который поднимаютъ солдаты. Распятъ онъ головою внизъ, какъ самъ того требовалъ, снятая себя недостойнымъ одинаковой казни съ своимъ божественнымъ учителемъ. Вѣрные приверженцы его съ безстрашнымъ благоговѣніемъ тѣснятся возлѣ него, лобзая чело страдальца за вѣру будущихъ поколѣній. На всѣхъ сподвижникахъ Петра еврейская одежда; греки же окружаютъ бывшаго военачальника римлянъ, а нынѣ апостола язычниковъ, Павла. Въ священной ревности онъ мужественно гремитъ проповѣдью противъ происходящаго на террасѣ, а ликторъ уже замѣтилъ его и указываетъ на него своимъ топоромъ; стражъ бичуетъ юношу, который громко требуетъ правосудія и милости. Другіе христиане поражены горемъ. Нѣсколько дѣвъ, глубоко возмущенныя зрѣлищемъ, бѣгутъ къ ступенямъ террасы, гдѣ онѣ увидели одну изъ своихъ-же, гречанку, которая, измѣнивъ кровнымъ, спѣшитъ за язычниками примкнуть къ нечестивому сонмищу—но вдругъ, пораженная стыдомъ, остановилась на ступеняхъ террасы и старается прикрыть свою наготу. Возлѣ нея германскіе воины такъ же мало обращаютъ вниманія на роскошь двора, какъ и маститые римляне. Одинъ изъ нихъ задумчиво смотритъ на Павла и какъ бы принимаетъ ухомъ къ разящей проповѣди...

Христиане въ своемъ духовномъ величіи противопоставляются чувственной красотѣ язычества—и если ему еще принадлежитъ настоящее—то за ними будущность: подобно тому какъ теперь евреи и греки уже примкнули къ новой религіи, такъ спасетъ она нѣкогда самихъ римлянъ и германцевъ. Художникъ гениально соединилъ въ своей картинѣ всѣ 4 тогдашнія культурныя націи. Чувствуется, что уже близко время, когда они взаимно признаютъ себя братьями, протянутъ другъ другу объятья и сольются въ одну великую семью человѣчества—обновленнаго христианствомъ.

Прогулка по Пекину.

(Фарона Александра Гюбера).

Столица Среднего царства состоит из двух частей: Татарского и Китайского городов. Планъ ея представляет намъ два параллелограмма, изъ которыхъ одинъ, образующий Татарскій городъ, своею короткою стороною перпендикулярно опирается на длинную сторону другаго параллелограмма, Китайского города. Эти названія недавно еще дѣйствительно соответствовали существовавшему прежде разграниченію между побѣдителями и побѣжденными, между сѣверными пришельцами и туземными китайцами.

Въ настоящее время многіе изъ послѣднихъ поселились въ Татарскомъ городѣ, и если всесильное время не успѣло еще окончательно изгладить взаимную враждебность этихъ двухъ племенъ, то по крайней мѣрѣ значительно смягчило ее. Въ центрѣ Татарскаго города лежитъ Императорскій дворецъ, именуемый также Императорскимъ или Запрещеннымъ городомъ. Онъ окруженъ высокими стѣнами, и, какъ показываютъ уже его названіе, входъ въ него обыкновеннымъ смертнымъ строго воспрещается. Высокія голыя стѣны безъ всякихъ украшеній — скрываютъ обиталища дѣшнихъ богачей отъ завистливыхъ взоровъ мимопроходящихъ. Дома же, выставленные на показъ, представляютъ собою невзрачныя мазанки безъ всякихъ архитектурныхъ затѣй.

Въ Китайскомъ городѣ, гдѣ преимущественно сосредоточена вся торговля и промышленность столицы, можно встрѣчать цѣлыя улицы, состоящія изъ однихъ только лавокъ. Послѣднія богато снабжены всевозможными произведеніями страны, но за то весьма скудно европейскими товарами. Повсюду блистаютъ аптеки, чайные и табачные магазины великолѣпнѣе позолоченныхъ и лакированныхъ товаровъ и колоссальными вывѣсками, покрытыми исполненными надписями. Вывѣски обыкновенно привѣшиваются на вертикальныхъ шестахъ, поставленныхъ у входа въ магазинъ.

Необозримо-длиныя улицы, которыя тянутся въ Татарскомъ городѣ въ прямомъ направленіи отъ сѣвера къ югу, бываютъ то совершенно безлюдными и опустѣлыми, то ужъ очень оживленными; проходятъ то между бѣдными, развалившимися хищниками, то между цегольскими магазинами и голыми стѣнами, за которыми прячутся роскошные дворцы. Такимъ образомъ путнику постоянно приходится странствовать все въ прямомъ направленіи, которое силою и рядомъ здѣсь преобладаетъ, переходя попеременно отъ жилищъ нищеты къ хоромамъ изобилія; но первая выставлена напоказъ, второе же тщательно скрываетъ себя. Большія улицы представляющія широкія насыпныя дороги, были когда-то все вымощены мраморными плитами; но теперь все въ упадкѣ. Храмы содержатся весьма плохо, а присутственныя мѣста, въ которыхъ засѣдаютъ высшіе мандарины, мало, или вовсе не отличаются отъ провинціальныхъ «яменовъ». Послѣдніе обыкновенно обведены палисадниками, большія ворота которыхъ украшены грубо-нарисованнымъ дракономъ; возлѣ нихъ одинъ или два флага, а на порогахъ толпа просителей. Общественныя зданія, даже само министерство, такъ-называемое «Тжунги-Ямень», не отличаются особенною опрятностью. Пыль, эта злая, навязчивая гостья, проникла и туда, покры-

тая густымъ слоемъ всю его внутренность и насыщая его атмосферу какимъ-то противнымъ и ѣдкимъ запахомъ. И не мудрено: эта пыль прежде чѣмъ успѣетъ водвориться въ этихъ высокихъ и пышныхъ хороммахъ, долгое время гнѣздилась въ грязныхъ конурахъ бѣднаго народа, или носилась вихремъ по улицамъ Пекина, которая во многихъ мѣстахъ представляють не что иное, какъ огромныя кучи навоза.

Прогулка по Пекину можетъ считаться по истинѣ смѣлымъ подвигомъ, по крайней мѣрѣ это вещь далеко не удобоисполнимая. Ходишь ли пышкомъ, или ѣдешь верхомъ, у тебя даже не хватаетъ времени, чтобы хоть что нибудь порядкомъ осмотрѣть; а между тѣмъ, если не все то, что увидишь здѣсь — прекрасно, то по крайней мѣрѣ все какъ-то ново, своеобразно, стало быть и интересно. Но не то, что пріятно или интересно — привлекаетъ ваше вниманіе. Нисколько! На каждомъ шагу приходится осмотрительно обойти то какую нибудь яму, прорытую дождемъ въ шоссеиной насыпи, то глубокую выбоину, образуемую постоянной ѣздой по глинистой почвѣ; а то — и даже довольно часто — приходится переправляться во узкихъ патающихся доскахъ черезъ черныя вонючіе ручейки, тамъ и сямъ протекающіе поперекъ дороги. Наконецъ, и это чаще всего, вы по минутно осуждены уступать дорогу верблюдомъ, то и дѣло попадающимъ вамъ на пути. Дѣшніе верблюды двугорбы и величиною съ среднего слона. Длинными веревками они тянутся по улицамъ столицы; волаки ихъ обыкновенно монголы, коренастые парни, съ четырехугольною головою, приплюснутымъ носикомъ, простодушною улыбкою на вздутыхъ губахъ и открытымъ, чистымъ лицомъ. Не менѣе препятствій причиняють движенію и фіакры: на каждомъ шагу они просто замыкаютъ дорогу. Это одноконная или двуконная телѣжка, на которой устроена палатка въ родѣ коробоваго свода; спереди натянута ичѣто въ родѣ навѣса изъ парусинаго полотна, для защиты извозчика и лошадей. Многочисленность ихъ объясняется существующимъ въ Китаѣ закономъ, по которому лицамъ извѣстнаго званія и чина запрещается употребленіе носилокъ. Но вотъ пронеслись мимо насъ и носилки. Ихъ несутъ четверо «куаи»; носильщики бѣгутъ скорымъ шагомъ, а за ними слѣдуетъ цѣлая дюжина ливрейныхъ слугъ, — но что за ливрей! Почти столько же запылены и столько же испачканы грязью, какъ и сами носилки. За то покоящійся на нихъ мандаринъ смотритъ довольно элегантною бариномъ съ гладко выбритыми щеками и чистообмытыми руками, въ свѣжемъ бѣломъ и изысканномъ туалетѣ. Колоссальныя очки сидятъ верхомъ у него на носу, а самъ онъ видимо погруженъ въ свое чтеніе. Это былъ, какъ мнѣ сказали, одинъ изъ соувѣтниковъ, отправляющійся на засѣданіе и по дорогѣ приготовляющій свой докладъ. Уличная давка задержала насъ нѣсколько минутъ возлѣ его носилокъ. Съ презрительнымъ взглядомъ онъ измѣрилъ насъ съ головы до ногъ — и за тѣмъ опять обратился къ своимъ бумагамъ.

Вскорѣ мы очутились въ полнѣйшей невозможности какъ нибудь пробираться впередъ и принуждены были направить свой путь по одной изъ уединенныхъ улицъ, иду-

щихъ вдоль по стѣнамъ «Запрещеннаго города», но тамъ ожидали насъ новыя затрудненія. Предъ нами открылась мѣщанская свадебная процессія; впереди женихъ съ невестою, за ними родные, друзья, приглашенные, все въ фіакрахъ. Подобное зрѣлище можно видѣть въ Парижѣ только въ Булонскомъ лѣсу.

Цѣлые часы блуждали мы такимъ образомъ, но часы пролетѣли для насъ какъ минуты. Наши монгольскія верховыя лошади, за исключеніемъ нѣкоторыхъ принадлежковъ петерифнія, вели себя отлично, и мы помчались вдоль запрещеннаго города. Послѣдній расположенъ довольно неуклюжо въ центрѣ параллелограмма и заставляетъ поэтому обыкновенныхъ смертныхъ, которымъ представляется надобность отправиться въ сѣверныя части татарскаго города, дѣлать значительные круги. Мы завернули въ одинъ изъ большихъ переулковъ, и тутъ на нашу долю досталось величественное зрѣлище большой похоронной процессіи. Я сначала подумалъ, что тутъ хоронятъ если не императорскаго принца, то по крайней мѣрѣ ужъ какого нибудь министра; но меня скоро вывели изъ заблужденія: отправляемый съ такимъ шикомъ къ своимъ праотцамъ былъ не больше какъ одинъ изъ низшихъ чиновниковъ четвертой категоріи. Почитаніе умершихъ и сильно развитый семейный духъ, составляющій, какъ извѣстно, главную добродѣтель китайцевъ, объясняютъ излишнюю роскошь, которую сопровождаютъ здѣсь похороны. Многія семейства израсходуютъ при подобныхъ случаяхъ гораздо больше, чѣмъ позволяютъ имъ ихъ состояніе; нѣкоторые даже просто разоряются въ концѣ. Надъ гробомъ несутъ багдахинъ изъ ярко-краснаго сукна, весь покрытый какими-то странными фигурами, вышитыми золотомъ. Предъ гробомъ въ пустой каретѣ съ бѣлой обшивкой, ѣдетъ душа покойника. Родственники слѣдуютъ за гробомъ въ фіакрахъ. Все одѣто въ траурѣ; даже кучера привязали досетки бѣлаго сукна къ своимъ шляпамъ. Родственники и друзья умершаго такъ и смотрѣли нищими, между тѣмъ какъ покойникъ такъ пышно распрощался съ міромъ, что подумаешь, Богъ вѣсть какимъ важнымъ бариномъ онъ былъ при жизни. Пышности гроба соответствовало огромное число и богатая отдѣлка хоругвей, зонтиковъ, позолоченныхъ и лакированныхъ колпий, которыя несли мужички, шедшіе попарно по обѣимъ сторонамъ гроба. Зонтики эти, названные мною такъ за неимѣніемъ другаго, болѣе подходящаго для этой странной вещи названія, состоятъ изъ всякихъ на длинныхъ палкахъ кувшинообразныхъ мѣшечковъ изъ шелковой матеріи ярко-краснаго или голубаго цвѣта, покрытыхъ золотомъ вышитыми надписями, разными фантастическими орнаментами, драконами и прочими чудовищами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гроба шествуетъ толпа молодцовъ, облеченныхъ въ костюмъ нашихъ средневѣковыхъ шутовъ: ихъ фуфайки, до-нельзя узкіе панталоны и рѣзительно дурацкіе колпаки — все ярко-краснаго цвѣта. Эта забавная шайка бьетъ въ «гонги», регулируя этимъ равномерность движенія процессіи. Многолюдный оркестръ сопровождаетъ торжественное шествіе своею игрою, т. е. наполняетъ воздухъ какимъ-то рѣзкимъ неблагозвучнымъ шумомъ.

(Окончаніе будетъ.)

Окончаніе текста «модъ» за октябрь 1874 года.

№ 12. Обтяжное пальто для молодой дѣвушки. Предлагаемая нами модель пальто особенно хороша для молодыхъ дѣвушекъ. Это пальто сдѣлано изъ тонкаго бархатнаго драпа и застегивается на

бокъ съ лѣвой стороны массивными басонными пуговицами. На широкимъ рукавомъ обшлагъ положенъ у локтеваго шва отворотъ, отдѣланный широкимъ бізъ изъ фая и прикрѣпленный къ обшлагоу тремя пуго-

вицами. Талии стянута шагреньевым кушакомъ съ серебряной оксидированной пряжкой. Галстучекъ изъ голубаго Crêpe de Chine. Стоячій полотняный воротничекъ, съ расходящимися у шеи кончиками. Гладкія полотняные манжеты.

№ 13—14. Осеннія шляпы для молоденькихъ дѣвочекъ. Шляпочка № 13 изъ бѣлаго поярка, оторочена свѣтло-голубымъ бархатомъ. Вокругъ полей положенъ въ видѣ вѣника рюшъ изъ свѣтлоголубаго тюркуза, заканчивающійся на боку большимъ голубымъ бантомъ съ перламутровой пряжкой. Доннышко украшено голубымъ страусовымъ перомъ.

Шляпочка № 14, изъ свѣтло-сѣраго легкаго поярка: изогнутыя поля оторочены темно-сѣрымъ бархатомъ, а кругомъ положена свѣтлая сѣрая тафтяная рюшка съ высѣчкой. Сзади она соединяется бантомъ изъ темно-сѣрыхъ бархатныхъ лентъ. Букетъ блѣдно-розовыхъ шиповниковъ приколотъ съ лѣваго бока шляпы.

№ 16 и 18. Дамскіе панталоны изъ тонкаго бѣлаго шертинга съ нарядной отдѣлкой. На нашей модели представлена отдѣлка въ 7 сант. ширины, состоящая изъ буфъ съ вышитой прошивкой въ промежуткахъ. Буфы имѣютъ 2½ сант. ширины каждая; они идутъ въ косомъ направленіи; ширина отдѣляющей ихъ одна отъ другой прошивки 1 сант. Отдѣлка заканчивается съ обѣихъ краевъ узенькой вышивкой, и заключается окончательно воланомъ въ 6 сант. ширины, который обшить широкой вышивкой.

Панталоны № 18 отдѣланы въ другомъ родѣ. Отдѣлка ихъ не мѣлче роскошна, чѣмъ первая. Для исполненія ея надо поступить слѣдующимъ образомъ: берется шитая складочками полоска 4 сант. ширины и 7 длины, и немного скругляется по одной долевой сторонѣ; къ этой сторонѣ пришивается вышитая прошивка, которую, чтобъ она не стягивала, слегка посаживаютъ на фестонъ; къ прошивкѣ присоединяется вышивка. Такіе фестоны пришиваютъ одинъ къ другому и образуютъ отдѣлку. Цювъ, соединяющій ее собственно съ панталонами, скрытъ широкой вышитой прошивкой. Верхъ панталонъ прошивается сборками къ двойной кокеткѣ. Тесемки или просто пришиваются къ кокеткѣ, или продериваются внутрь сант. на 12, такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было стягивать.

№ 17. Вѣлая фланелевая юбка съ голубыми мушками. Юбка эта кроится точно также какъ и та, описаніе которой дано подъ № 11, только отдѣлка этой гораздо проще. Она состоитъ просто изъ вырѣзанныхъ на подолѣ фестоновъ, выметанныхъ голубой шерстью. Поверхъ ихъ идетъ легкая вышивка голубой, же царской шерстью. Юбка пришивается къ двойной полотняной кокеткѣ, на вздержкѣ, или просто на тесемкахъ по желанію.

№ 19. Нарядный туалетъ изъ голубаго атласа съ отдѣлкой изъ песочнаго фая и небѣленыхъ кружевъ. Ширина юбки дѣлается въ 3 метра 50 сант., длина подобранныхъ буфъ заднихъ полотнищъ 1 метръ 60 сант., передняя длина 1 метръ. Переднее полотнище, имѣющее въ подолѣ 36 сант. ширины, скошено къверху до 24 сант. Отдѣлка его состоитъ изъ шести бізъ песочнаго фая, каждое въ 4½ сант. ширины; онѣ обшиты такой же ширины небѣленымъ гинюромъ. Боковыя полотнища отдѣланы тремя идущими вдоль всей юбки буфами песочнаго фая, отдѣленными одна отъ другой узенькими голубымъ бізъ; ихъ заканчиваютъ съ обѣихъ сторонъ собранные, узенькіе воланчики. Въ буфовой отдѣлкѣ имѣющей на подолѣ 18½ сант. ширины, и нѣсколько суживающейся къверху, присоединяются три голубые волана, каждый по 12 сант. ширины, которые положены на заднихъ полотнищахъ. Каждый воланъ граничитъ наверху буфой песочнаго фая, верхняя часть которой образуетъ воланчикъ, отдѣленный отъ буфы голубымъ бізъ. Песочнаго цвѣта шарфъ подхватываетъ пышную буфу двухъ прямыхъ заднихъ полотнищъ, каждая по 65 сант. ширины. Льфъ шитъ прямой спереди, а сзади расходящейся вверомъ; послѣдній показываетъ песочнаго цвѣта отвороты, обшитые узенькимъ голубымъ бізъ и пристегнутые къ баскѣ голубой пуговицей. Небѣленое гинюровое кружево заканчиваетъ баску. Къ правому плечу прикрѣплены три небѣленаго цвѣта шнура, которые придержаны у талии басоннымъ аграфомъ. Локтевой рукавъ отдѣланъ широкимъ отворотомъ песочнаго фая съ голубой оторочкой и небѣленнымъ гинюромъ. Этого же цвѣта перчатки на трехъ пугвахъ. Въ волосахъ голубой бантъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Озеро-море въ Африкѣ (съ картою). — Что случилось съ Петромъ Петровичемъ. Разсказъ Н. БОЕВА (окончаніе). — Литературный альбомъ. «Бояръ Орша» Лермонтова (съ двумя рисунками). — Душной воякъ. Романъ Н. Карланина Часть 1. — Одесса (съ рисункомъ). — Неурю и христіанскіе мученики (съ гравюрой-бемблатной преміей). — Прогулка по Пекину (съ рисункомъ). — Окончаніе текста «Модь» за октябрь 1874 года.

Парижскія моды за октябрь мѣсяцъ съ 19 рисунками.

Редакторъ В. Ключникоу.

МАГАЗИНЪ К. ЗЕЙФЕРТЪ

рекомендуетъ: воздушные клозеты, устраняющіе дурной запахъ посредствомъ сквознаго воздуха, ватеръ клозеты, ванны, вентиляторы, неросиновые аппараты для изготовленія кушанья, машинки для стирки бѣлья, спиртовые кофейники и разныя тому подобныя вещи.

На углу Вознесенскаго проспекта, близъ Офицерской улицы, домъ № 13/2.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАТОКИ ЧАЯ

Симъ извѣщаются, что въ склады извѣстнѣйшаго по своей обширной торговлѣ и превосходному выбору чаевъ: московскаго торговаго дома ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО, получены изъ Кяхты и поступили въ оптовую и розничную продажу СОВСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ большія партіи свѣжихъ душистыхъ чаевъ, равныхъ которымъ, какъ по ихъ отменно высокому достоинству, такъ и по умѣренной цѣнѣ, никогда еще не бывало въ продажѣ.

Но въ особенности

обращаютъ на себя всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ, имѣвшихъ случай апробовать нижеслѣдующіе новыя чаи, отличающіеся своимъ чуднымъ, необыкновенно пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ, а именно: изъ чаевъ черныхъ: № 2-й, Пенхэо-Пеха, 1 руб. 40 коп.; № 3-й, изъ фузы Лозана ососка Фучефу, 1 руб. 60 коп.; № 4-й, высшій сортъ жемчужный Букетъ фучана, 1 руб. 80 коп.; въ особенности же рекомендуются любителямъ изъ отборныхъ: ханскій № 5-й, Царскій Букетъ, въ 2 руб.; № 6-й чуднаго аромата и вкуса Царская Роза, въ 2 руб. 30 к., и, какъ необычайная рѣдкость, равнаго которому по достоинству не существуетъ въ продажѣ № 7-й, Индѣйская Роза, 2 руб. 60 коп.; изъ цвѣточныхъ чаевъ очень хорошіе: № 12-й, Мыюконъ, 2 руб. 10 коп.; № 13-й, отборный, 2 руб. 25 коп., а также лянсины букетные: № 14-й, Мыютанъ-Наджинъ-Пеха, 2 руб. 50 коп.; № 15, Букетный Лянсинъ, въ 2 руб. 70 коп., и въ особенности № 16-й, Букетъ Розы, въ 3 руб., и № 17-й, лянсинъ Китайской Императрицы, въ 3 руб. 25 коп.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай черезъ почту, съ требованіями своими благоволить относиться исключительно по слѣдующему адресу: Въ Москву, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго, въ главную контору торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко. Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ черезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается конторою на свой счетъ и, сверхъ того, дѣлается уступка 5% съ рубля всѣмъ, выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутой уступки, выписывающимъ чай одновременно на 50 руб., безъ различія губерній, высылается бесплатно по выбору — новозобрѣтенный металлическій «чайникъ», или же «чайница» новой конструкции, или же серебряная «мѣрка» для чая, или же 1 ф. чая Букетъ розы въ 3 р.

Болѣе 4,000 торговцевъ

въ разныхъ городахъ Имперіи производятъ съ огромнымъ, день-отъ-дня возрастающимъ, успѣхомъ продажу развѣшанныхъ чаевъ фирмы московскаго торговаго дома О. А. КОРЕЩЕНКО на самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ для себя, такъ и для своихъ покупателей условіяхъ.

Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

Чай по требованію торговцевъ

отпускается развѣшаннымъ на фунты, полфунты и четверти. Каждый пакетъ, для сохраненія аромата въ чай, завертывается въ олово и въ печатный этикетъ фирмы торговаго дома, на коемъ означена цѣна чая и находится пломба фирмы.

Допущено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Сентября 1874 года.

Тип. В. Исаковъ, Ангажированн. пр. л. № 10.

НЕРОНЪ И ХРИСТІАНСКІЕ МУЧЕНИКИ ВЪ РИМѢ.

Картина Вильгельма фонъ Каульбаха.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ НА 1874 Г.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 42

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выдалъ 14-го октября 1874 года.

Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к. *)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, котоія по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

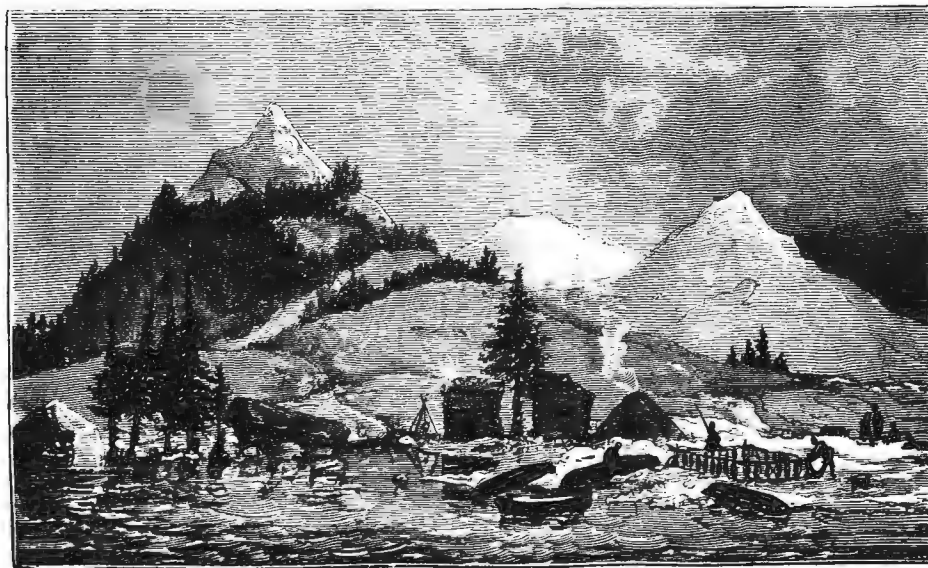
ПОДПИСКА на 1874 годъ продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ и на 1875 годъ, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже въ 1874 году вышедшіе №№.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

Рыжая, тощая лошадь, повѣсивъ голову, кивая своимъ лысымъ лбомъ на каждомъ шагу, шла не шла, а словно только такъ ноги переставляла. Она даже земли не касалась. Сухой бурьянъ и колочки не гнулись и не шуршали подъ ея ногами. Черезъ рытвину перешла она—и не спустилась на ея дно, а словно по воздуху перебрела съ одного берега на другой.

Изъ путевого альбома Немеровича-Давченко. Почтовая станція въ русской Ладландіи, лѣтомъ, когда сообщеніе бываетъ лишь на лодкахъ и лѣтскомъ. Рис. Н. Каразинъ, грав. Ольшескій.

Чудно какъ-то ѣдетъ чудный всадникъ: казалось давно-бъ ему пора прямо наткнуться на курящаго кальянъ бабыря, а между тѣмъ не уменьшается да и не увеличивается промежутокъ между тѣмъ и другимъ... Всадникъ словно на одномъ мѣстѣ держится, словно остановился, и только такъ, для примѣра, переступаютъ расходившіяся ноги, киваетъ разкивавшаяся лыса ковская морда...

Одна только пара глазъ, неподвижно уставившаяся на дымъ, видѣла этого всадника; ни тюркменскій жеребецъ, ни собаки, ни даже соколъ изъ-подъ своей красной шапочки не видали его вовсе. Они и не слышали его, и не чуяли. Передъ ними мертво и тихо разстилалась во мракѣ безконечная пустыня — и спокойно оставались они на своихъ мѣстахъ. Какое имъ дѣло до того, что, подъ одуряющимъ вліяніемъ «ганаша» грезится ихъ хозяину!

— Оставь ты меня, Юнусъ, оставь! чуть слышно шевелятся губы батыря. — Ну, что ты все за мною гоняешься?.. Ну, чего ты отъ меня хочешь? Ну, виновать я передъ тобою... Продай тебя!... Продай!.. Да, продай!.. Уйди... Уйди... Оставь!...

И батырь опрокинулъ кальянъ порывистымъ движеніемъ назадъ. Онъ отшатнулся, уперся локтями въ землю и все не спускалъ глазъ съ одного и того же мѣста, ничего не замѣчая кругомъ... не замѣчая даже, какъ дымить и тлѣть пола его верблюжьяго халата отъ выпавшаго изъ сѣтки горячаго угля.

ГЛАВА II.

На добромъ мѣстѣ добрые люди.

— Мирза!..
— Эге?
— Ты не спишь?
— Зачѣмъ спать!. Днемъ выспался... Все въ ту сторону гляжу.

— Что видишь хорошаго?
— Понизу темъ одна, на верху—звѣзды... Больше ничего не видно....

— Да и не увидишь!
— Приѣдетъ. Если не этою ночью—завтра приѣдетъ.. Ужъ это вѣрно! Такъ вѣрно какъ меня зовутъ-вотъ—Османъ, тебя—Шарипъ, земляка твоего коряваго—Саидъ-бае...

— Пора-бы! Одвуконъ на четвергтя сутки попасть можно—съ текинскихъ кочевковъ, а мы здѣсь вотъ уже скоро шестой разъ восходъ солнца увидимъ; у меня, вонъ, въ торбахъ послѣдняя горсть ячменя вчера вышла.

— Можетъ на пути что повстрѣчалось?! Въ дорогѣ все случается...и хорошее и худое....

— Худое-то еще скорѣе. Особенно когда за плечами черныи духъ гнѣздится..

— Духъ... ишь ты!
— А то, скажешь, нѣтъ!—Мало онъ его изъ одного конца степей въ другой перегоняетъ... То-то.. небось я видѣлъ!. Да и не я одинъ..

— Что ты видѣлъ, Мирза?
— Что? ночь теперь—вотъ что. Днемъ расскажу..
— Пустое болтають...Эхъ-эхъ-эхъ! На все воля Аллаха!..
— Свѣтатъ начнетъ скоро! что-то холоднато стонвится.

— Да! поверху вѣтромъ тянетъ. Слышишь, какъ шуршитъ колючка?. Оно всегда такъ подъ утро....

Такъ переговаривались, больше отъ скуки, джигиты Османъ и Шарипъ, величая другъ друга аристократическимъ титуломъ «мирзы».

Одинъ изъ нихъ лежалъ ничкомъ, на брюхѣ, на самомъ гребнѣ каменистаго берега сухой балки, и, покрывшись съ головою суконнымъ халатомъ, выглядывалъ изъ-подъ него, сляся что либо разсмотрѣть въ этомъ мракѣ туманной, непроглядной, настоящей степной ночи. Другой джигитъ лежалъ немного пониже, на полу-скатѣ и тоже съжившись подъ теплымъ халатомъ.

Обоимъ не спалось—также, вѣроятно, какъ и тѣмъ четверемъ джигитамъ, темноватые, неясные силуэты которыхъ рисовались совсѣмъ уже внизу, на самомъ днѣ лощины, гдѣ чуть-чуть краснѣли остатки костра, отбрасывая на сложенное оружіе и сбрую легкіе металлическіе отблески.

Это была маленькая партія бродячихъ «Яу», вотъ уже нѣсколько дней бивакирующая въ балкѣ «Учь-кудукъ» (Три колодца), названной такъ потому, что по близости ея находились, да и теперь еще находятся, три полусасыпанные пескомъ ямы, въ которыхъ періодически скопляется небольшое

количество мутной, солоноватой воды, достаточное для удовлетворенія десятка-другаго жаждущихъ желудковъ.

Вода эта была очень дурная—«джаманъ-су»; люди должны были быть слишкомъ неприхотливыми чтобы ее пить, или-же умирать отъ жажды. Лошади пили ее неохотно, маленькими глотками, видимо только изъ необходимости; верблюды—не пренебрегали и съ большимъ аппетитомъ вылизывали даже вошчую, илистую грязь, остававшуюся на днѣ колодца.

Кругомъ—выжженная солнцемъ пустыня, сѣрая, угрюмая.. Вѣтры по ней гуляютъ своенравные, непостоянные, и по всѣмъ направленіямъ гоняють пыльные столбы, засыпающие глаза путникамъ, захватывающие на своемъ полетѣ и сѣдую полынь, и шаровидное перекати-поле, и высохшій пометь—и птички перья, оставшіяся послѣ орлиаго обѣда, и даже клочекъ какой-то синей бумаги, брошенный пробѣжимъ человѣкомъ...

Лѣтомъ—безлюдье, жаръ, золистая пыль, безводица-безкормица и тощіе голодные волки... Зимомъ опять безлюдье, гололедка, суровая заеть и тѣ же тощіе голодные волки, озлившіеся подъ вліяніемъ мучительнаго голода до того, что другъ на друга бросаются, ради куска жилистаго, сухаго мяса.

Недоброю славою пользуется это непривѣтливое, мертвое урочище... Да и неоткуда было ему набраться хорошей, доброй молвы!..

Большіе караваны далеко стороною обходятъ это проклятое мѣсто; выбираютъ они дорогу хотъ и подальше, да гдѣ бы воды было побольше. Маленькіе караваны—тѣ другаго опасаются и держатъ путь гдѣ полуднѣе.. Да какъ и не опасаться имъ, когда на «Учь-кудукъ» того и гляди наткнешься на хорошихъ людей, такихъ вотъ какъ и теперь здѣсь засѣли.. А отъ этихъ хорошихъ людей—чѣмъ дальше тѣмъ лучше!

— Дорога намъ скоро длинная будетъ!. началъ помолчать немного Османъ.—Эй, Мирза! ты слышишь, что-ли?!

— А что?! а я было вздремнулъ... Кто, ты говоришь, кого пирнуль?

— Очнись! Тебя шайтанъ своимъ кривымъ рогомъ. Далеко, я говорю, идти намъ придется.

— Ничего недалеко, мы туда къ нимъ не поидемъ; мы на Адамъ-крыланѣ Садыка ждать будемъ. А тамъ, слышь, ханъ не приказалъ русскихъ до тѣхъ поръ трогать, пока въ самые пески съ хвостомъ не уберутся.

— Пески для нихъ смерть, пески и для насъ смерть... задумался вслухъ Османъ.

— Небось не померемъ, мы стороною...Слышишь?

— Что!..

— Лошадь бѣжить.

— Те!.. Да ну, не возись!..

Оба джигита прилегли ухомъ къ землѣ и принялись слушать. Секунды три была мертвая тишина, прерываемая только легкимъ потрескиваніемъ огня внизу и шелестомъ утренняго, предразсвѣтнаго вѣтра...

— Четыре ноги—надо восемь...приподнялъ голову Османъ.

— Четыре.. согласился Шарипъ.

Размѣнявшись этими лаконическими замѣчаніями, джигиты снова принялись слушать.

Блѣдная полоса свѣта протянулась на горизонтѣ; блѣднѣе и блѣднѣе становилось мерцаніе звѣздъ, и гасли онѣ совсѣмъ, захваченныя этой полосой, всѣ болѣе и болѣе разгорающеюся.. Утренняя зоря сметала съ небосклона всѣ эти мелкія искры свѣта: только одна звѣзда долго еще боролась, вспыхивая алмазомъ, вздрагивая своими мигающими лучами... Потухла и она... Розовымъ блескомъ загорѣлось полнеба... Золотистый свѣтъ полился по степи, гоня передъ собою голубоватая, дымчатая тѣни....

— Вонъ онъ!.. крикнулъ Османъ..

— Ъдетъ! произнесъ Шарипъ.

И это восклицаніе разомъ подняло на ноги всѣхъ его товарищей, и заставило ихъ выбраться изъ своего оврага.

— Лошадь одна... человекъ нѣтъ... лошадь его... гнѣдой аргамакъ... бѣлаго коня нѣтъ... сѣдло на боку... Была бѣда.... На все воля Аллаха!..

Проговоривъ эту обрывистую рѣчь, Шарипъ поправилъ

поясь, подтянул халатъ и пошелъ потихоньку къ своимъ конямъ, стоявшимъ неподалеку, на приколахъ...

Три человека уже неслись во всю прыть своихъ лошадей къ одинокому аргамаку со сбившимся на-сторону дорогимъ сѣдломъ.

Испуганно, тревожно поглядѣлъ имъ навстрѣчу — аргамакъ... повелъ ушами, попытался, фыркнулъ и сталъ, распознавъ наконецъ — должно быть знакомыхъ коней, знакомыхъ джигитовъ.

Привели аргамака на мѣсто стоянки, окружили, начали осматривать...

— Крови вѣтъ... конь не тронуть ни пулею, ни клинчемъ, ни пикою... конь въ бою не былъ... сообщилъ свои замѣчанія Османъ-джигитъ.

— Да, конь въ бою не былъ!... подтвердилъ это замѣчаніе старый, бѣлый совсѣмъ разбойникъ, пристально посмотрѣвъ въ большіе черные глаза кровной лошади..

— Да его ли это конь?... усумнилась какая-то ржавая кольчуга...

Даже и слова никто не сказалъ на это... Всѣ только покосились на чудака и презрительно сплюнули...

Кто изъ ихняго брата-степныхъ бродягъ—не зналъ батыря «Атамъ-кула», что бѣжалъ отъ русскихъ! — кто не видалъ его на этомъ лихомъ аргамакѣ, которому по всему правому берегу «Аму»—не находилось ровнаго!...

Озадачились «Яу»—порастерялись немного; — на всякаго изъ нихъ напало тяжелое раздумье... Ждали батыря-Атамъ-кула... Слово онъ имъ прислалъ, что будетъ къ этому времени на Учъ-кудукъ... «Вотъ, пріѣдетъ-мирза» думалъ каждый изъ нихъ: «пріѣдетъ, заберетъ ихъ, на «Трехлапошъ-верблюдъ» (название другаго сосѣдняго колодца)—еще семерыхъ захватить... Дальше къ «Хала-атъ» еще партія ждетъ... Вотъ, соберетъ мирза Атамъ-кулъ ихъ всѣхъ подъ свой бунчукъ... Поведетъ... куда поведетъ?... а Аллахъ знаетъ куда!... про то имъ и знать нечего; его—Атамкулова—забота... А теперь вотъ что-же! какъ теперь?... Въмѣсто батыря—одинъ конь пришелъ... Что тутъ дѣлать будешь!...»

Долго совѣщались нерѣшительные, оробѣвшіе бродяги—да ужъ Османъ всѣхъ выручилъ...

И по его слову — съѣли всѣ на своихъ коней, захватили прибылаго аргамака съ собою и пошли легкою трусцею—по слѣду, что остался отъ кованыхъ ногъ — коня Атамкулова.

— Можетъ узнаемъ, чтò намъ знать нужно!... говорилъ Османъ. — Можетъ еще самаго отыщемъ... сообщалъ онъ свои надежды...

— Дохлаго?... буркнулъ бѣлородый.

— А хотъ бы и дохлаго... заговорила вдругъ ржавая кольчуга. — Халаты на немъ хорошіе... клынчъ... топанъ... пожи... кошель есть съ деньгами; — зачѣмъ имъ пропадать безъ проку? ..

И въ этомъ восклицаніи выразилась... вся внаружу вылилась волчья натура бродяги, всѣ его совершенно волчьимъ помысленія...

Бредеть гуськомъ вереница голодныхъ звѣрей... Старый, опытный волкъ идетъ передомъ... Чу!... выстрѣлъ... Шарахнулись звѣри, озираются... еще путемъ и врага не разсмотрѣли, а уже накинулись на своего вожака, околѣвающаго съ кускомъ свинца подъ лѣвою лопаткою... «Зачѣмъ моль даромъ пропадать мясу?.. Тамъ еще будетъ либо нѣтъ, а тутъ вотъ готовое!»

И вотъ, такая же точно вереница потянулась изъ балки «Учъ-кудукъ» въ ту сторону, куда Османъ съ Шарипомъ всю ночь проглядѣли, поджидая себѣ вожака — мирзу «Атамъ-кула».

ГЛАВА III.

Передъ грозю.

Года четыре тому назадъ, еще послѣ бухарскаго погрома, начали по всѣмъ степямъ ходить тревожные, предостерега-тельные слухи.

Во всѣхъ свободныхъ, кочевыхъ аулахъ, державшихъ бо-

лѣе или менѣе сторону Хивы, только и думали о томъ, что скоро придется опять браться за оружіе и продолжать борьбу, Богъ вѣсть когда начавшуюся — Богъ вѣсть когда кончающуюся... Они были увѣрены, что Самаркандъ и Зора-Булакъ *), подорвавшіе такъ бухарскаго эмира, не пройдутъ безслѣдно и для ихъ хана, котораго большинство порицало за его слабую поддержку сосѣдняго правителя въ войнѣ съ «бѣлыми рубахами.» **)

Враждебные Россіи «роды» были убѣждены, что эта уклончивость и нерѣшительность хана—были умысленны.

«Погоди!.. пойдутъ и на тебя русскіе—тогда изъ Бухары тебѣ тѣмъ-же откликнутся!» слышалось въ средѣ кочевниковъ, гудѣло подъ войлочными крышами изъ кибитокъ и желомеекъ, носилось съ вѣтромъ по степи и залетало даже въ роскошныя сакли самихъ приближенныхъ хана.

Чодоры, Солоры, Кара, даже отдаленные Теке открыто готовились къ войнѣ; мирные узбеки, землепашцы и садоводы хивинскаго оазиса—тоже брались за оружіе; послѣдніе не знали, впрочемъ, противъ кого придется употребить эти допотопные фитильные мултуки, эти кривые, серпообразные клынчи и тростниковыя пики —противъ ли бѣлыхъ рубахъ, —которыя еще, впрочемъ, не показывались, —или-же противъ своихъ буйныхъ кочевыхъ сосѣдей, тюркменъ, уже давнишнимъ знать по окраинамъ о своей готовности ополчиться за вѣру, пророка, за самобытность своихъ обычаевъ, за свою необузданную волю, прикрывая все это благонамѣренной маской своихъ обязанностей относительно хивинскаго хана, ихъ феодала.

Положеніе хана въ данное время было самое странное, почти комическое. Шахъ Назаръ, въ своихъ изустныхъ разсказахъ о положеніи дѣлъ въ хивинскомъ дворцѣ въ это смутное время, такъ обрисовываетъ это положеніе.

У хана Сеидъ-Магомедъ-Рахима—два уха и одинъ мозгъ, двѣ руки и одно тѣло. Въ одно ухо говорятъ ему одно, въ другое—другое; за одну руку тащутъ тюркмены въ поле, за другую—узбеки дома удерживаютъ. Что было дѣлать хану? Или пополамъ разориться, или на одну какую-либо сторону склониться. Чья сторона сильнѣе? Узбеки просятъ: «Не ходи! не затрогивай! пожалѣй наши поля, сады, огороды, дома наши и наши семьи.» Тюркмены—шайтановы правнуки; тѣмъ беречь нечего, кричатъ: «Иди!.. чего боишься? или насъ не знаешь? Не пройдетъ и двухъ лунъ, какъ мы привеземъ тебѣ полные коржуну русскихъ головъ; всѣ пески уложимъ бѣлыми рубахами. А не пойдешь—такъ тебѣ-же хуже будетъ!.. А вотъ тебѣ пока отъ насъ задатокъ, чтобы ты не забывалъ, какое такое войско мы изъ себя изображаемъ..»

И въ ханскую лѣтнюю ставку то и дѣло стали приходиться жалобы отъ мирныхъ узбековъ: тамъ Чодоры скотъ отогнали; тамъ Кара цѣлый кишлакъ ограбили и всѣхъ дѣвокъ съ собою угнали; тамъ кайки на Аму-Дарѣ захватили и такую цѣну за перевозъ берутъ, что выходитъ одинъ грабежъ и раззореніе. «А что ханъ Рахимъ могъ противъ нихъ сдѣлать!»

«Вотъ, погодите, писалъ онъ къ кочевникамъ по лѣвому берегу. Придутъ русскіе, встрѣтимъ ихъ войско... не помирюсь! А не придутъ — не мнѣ же самому начинать!»

Узбеки въ тайнѣ радовались, узнавъ объ этомъ письмѣ... Они были увѣрены, что бѣлыя рубахи сами не начнутъ враждебныхъ дѣйствій.

— Придутъ скоро! утѣшали себя тюркмены. — А будутъ мѣшкать — поторопимъ... за живое задѣнемъ, такъ вызовемъ!..

И вотъ началось это систематическое задѣваніе за живое. Эмисары Хивы, подосланные, конечно, партией желавшей войны во что-бы то ни стало, рассыпались по степямъ и начали показываться въ средѣ кочевыхъ народовъ, подчиненныхъ намъ уже десятки лѣтъ.

Эти ловкіе «ищейки», у которыхъ были «длинные носы и гибкіе языки, смѣлость тигра, жадность волка, хитрость

*) 1 мая 1868 года и 2 іюня того же года въ Самаркандѣ и 2 іюня подъ Зарабулакомъ—страшные военные удары заравшанскаго похода, рѣшившіе участь Бухарскаго ханства.

**) Такъ обыкновенно называютъ русскихъ по цвѣту ихъ одежды.

лисицы и прыткость зайца*), пробирались песками между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; они доходили даже до «Эмбы» и волновали киргизовъ, подстрекая ихъ къ поголовному возстанію, общая со стороны хивинскаго хана самую дѣятельную поддержку и покровительство.

Кочевники слушали этихъ эмсаровъ съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ. Старики подсмѣивались и недоувѣрчиво покачивали головами. Они хорошо помнили еще неудачные опыты прежнихъ лѣтъ. Молодежь, пожалуй, и не прочь бы идти на призывъ, но воздерживалась пока, видя недоувѣріе старшихъ. Последніе взяли перерѣсь — и большинство подстреканій не достигло желанныхъ результатовъ.

Но зато, около этихъ бродячихъ, удалыхъ головъ сгруппировались тѣ, въ комъ проснулась, уснувшая было, жажда къ грабежу и набѣгамъ, къ разнообразію и превратностямъ боевой, попросту разбойничьей жизни.

Въ пескахъ «малыхъ и большихъ Барсуковъ» сформировались небольшія шайки барантачей и начались частые «поиски» на казалинскихъ караванныхъ путяхъ. Чаше и чаше стали въ форты доходить слухи о дорожныхъ безчинствахъ. Случались даже нападенія на почтовые станціи Орско-казалинскаго тракта. Такъ пострадали нѣсколько станцій въ Баркумахъ, откуда были отогнаны лошади и уведены въ плѣнъ казаки, находившіеся въ станціонныхъ кибиткахъ.

Въ Казалинскѣ то и дѣло стали привозить раненыхъ и убитыхъ съ дороги. Начинала развиваться повсемѣстная паника.

Купцы требовали себѣ защиты вооруженной силы и, не получая ея, останавливали торговлю.

Маленькіе конные отряды, высланные въ степь, бесплодно гонялись «за вѣтромъ въ полѣ» (по удачному выраженію казаковъ), томили себя, томили своихъ коней — и возвращались на стоянки, не достигнувъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Весь награбленный товаръ, отогнанный скотъ, плѣнные люди — все свозилось къ Хивѣ и ея окрестнымъ селеніямъ, и на тамошнихъ рынкахъ находило себѣ покупателей.

Совершенно независимое отъ прѣисковъ Хивы, возстаніе въ степяхъ Средней орды 1870-го года нашло себѣ на берегахъ «Аму» самое горячее сочувствіе. Отдѣльные лица, вповные «роды» и аулы отпочковывали къ этой рѣкѣ и спасались отъ заслуженнаго возмездія.

Громкое по разбоямъ имя Садыка — племянникъ извѣстнаго *Аблай-кенисара* — опять загремѣло по степямъ, и потянулись со всѣхъ концовъ безшабашные бездомники-бродяги, собираясь подь его знакомые значки.

Въ отвѣтъ на запросы русскихъ властей, хивинскій ханъ отвѣчалъ, что онъ всѣмъ этимъ безчинствамъ не причина, — что ему самому плохо приходится отъ этихъ разбоевъ; а справиться съ туркменами онъ, моль, не въ силахъ. «Пускай, моль, сами русскіе попробуютъ съ ними поладить!» добавлялъ онъ не безъ двусмысленности.

И въ то же время, изъ лѣтнаго ханскаго дворца, ежедневно скакали гонцы къ бухарскому эмиру — съ письмами и цѣнными подарками.

Сейдъ Магомедъ Рахимъ ханъ спрашивалъ эмира Мозофара, что думаетъ дѣлать этотъ послѣдній, если русскіе пойдутъ на Хиву мимо предѣловъ его ханства.

Партія войны въ Бухарѣ тоже подняла голову и начала шумѣть. Но эмиру Мозофару слишкомъ памяты были бѣдствія 1868 года. Онъ не могъ забыть Самарканда и Зорабулака, не могъ забыть и рыцарскаго возмездія «Карши» и Шегрисябъ... Теперь эмиръ зналъ что дѣлать — и нѣсколько особенно крикливыхъ головъ, отдѣленныхъ отъ своихъ туловищъ, разомъ успокоили воинственныхъ проповѣдниковъ.

А надъ безконечными степями «злой туманъ» все сгущался и сгущался, и въ этомъ «зломъ туманѣ» слышался — возбуждающій запахъ крови...

Долго тянулось это смутное время: гроза скопившаяся

надъ головами — томила только и не разражалась... Кому было плохо, кому хорошо...

Первые робко жались по своимъ домамъ и кибиткамъ и стягивали поближе свои разбросанные стада и табуны. Последніе рыскали по степямъ, особенно по тѣхъ, гдѣ разсчитывали прежде всего столкнуться съ бѣлыми рубахами.

Въ пустыняхъ «Кизиль-кумъ» стало люднѣе.

Это обстоятельство не трудно было замѣтить сразу. Даже волковъ и орловъ-стервятниковъ стало какъ будто больше въ этихъ роковыхъ мѣстностяхъ.

Четвероногіе и крылатые хищники должно быть предчувствовали скорую добычу.

И вотъ, съ востока, изъ-за Нуратынъ-тау, порывы степнаго вѣтра, вмѣстѣ съ нескомъ и клубами перекапи-поля, донесли тревожный кликъ:

— Идутъ бѣлыя рубахи!...

ГЛАВА IV.

«Заметались.»

И двухъ угоновъ, какъ слѣдуетъ, не успѣла сдѣлать учкудукская шайка... Придержали коней, перевели духъ, хотѣли было опять тронуть, смотреть — а на горизонтѣ, на самомъ томъ краю, гдѣ дрожитъ и волнуется туманная, дрожущая полоса озера-миража, замелькали черныя, крохотныя точки...

Первый замѣтилъ ихъ зоркій Османъ, перегнулся на сѣдлѣ назадъ — онъ рысиль въ головѣ, и тревожно произнесъ: — А то что?

— Наши... отвѣчалъ ему сосѣдній джигитъ. А самъ поблѣднѣлъ какъ пыль на дорогѣ, и мултукъ свой изъ-за плеча сталъ поспѣшно отпугивать.

Встревожились бродяги, въ кучу сбились и стали...

— Что-же ты это? усмѣхнулся сквозь зубы Османъ, кивнувъ на оружіе, — по своимъ чтоли хочешь?.. Вѣдь наши!

— Гонять шибко... за ними тѣ идутъ... это вѣрно...

Ишь какъ, гляди, гляди! Ишь какъ лошадей нахлестывают!

— На утѣкъ! крикнулъ Шарипъ и закачался на сѣдлѣ отъ смѣха.

Такъ охотно послушались барантачи этого крика... шаркнулись съ мѣста въ карьеръ, да замѣтили, что самъ Шарипъ не трогался... удержали лошадей и назадъ по одиночкѣ вернулись.

— Ловко, пріятели, ловко!.. Ай да батыри!... хо-хо-хо! покачивался Шарипъ. — Ой, якиш! бекъ якиш!... Ахъ мы чортвы дѣти!...

— Самъ то ты, должно быть, близко бѣлыхъ рубахъ не былъ. А то бы не дралъ такъ глотку! отгрызнулся одинъ изъ джигитовъ.

— О-хо-хо! А ну-ко... я погляжу, какъ вы на русскихъ... такъ ли вотъ какъ и теперь, по одному клику мирзы Садыка кинетесь?... Погляжу, погляжу!

— Гляди вонъ лучше туда... видишь?.. Вѣдь это наши съ «Трехлапаго верблюда», съ ними еще народъ...

— Съ «Хала-атъ» тоже съ ними! крикнулъ Османъ. — Вонъ Байтакъ — тамыръ мой! я его по конскому скоку узнаю... Ишь какъ машетъ! совсѣмъ какъ козелъ. Вонъ-вонъ... Ну, что нибудь да не ладно!...

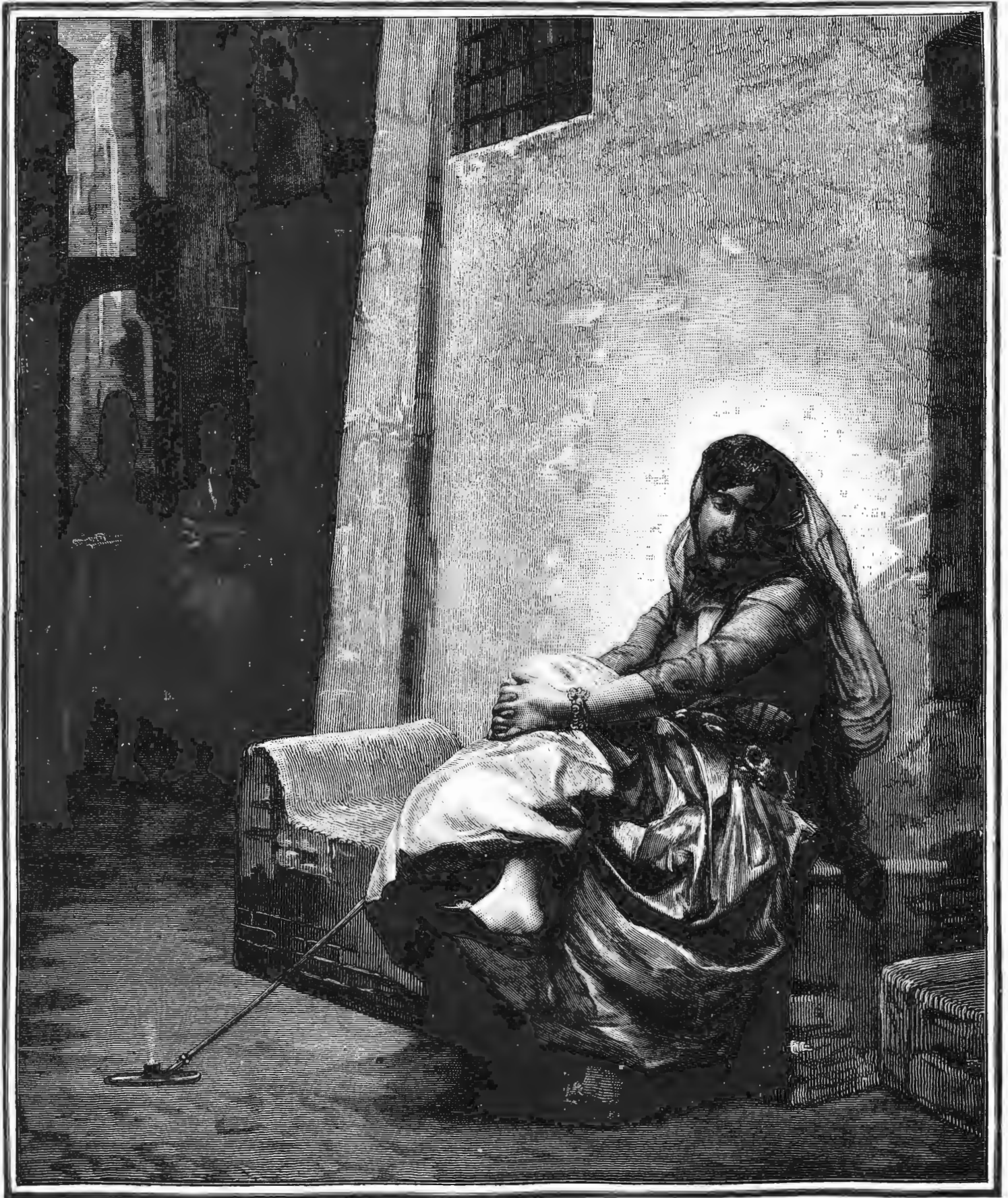
Разстояніе между тѣми что скакали и тѣми что стояли на мѣстѣ — становилось все менѣе и менѣе.

Масъ лошадей уже различалась довольно легко... можно было видѣть, какъ яростно нахлестывали они своихъ измученныхъ коней.

— И чего это они такъ дуютъ? недоумѣвалъ Османъ.

Два джигита значительно опередили другихъ и скакали рядомъ, почти бокъ о бокъ... Коржуну вьючные у одного оторвались — отъ быстрой ѣзды, а можетъ и не были совсѣмъ приторочены отъ спѣху; джигитъ ихъ одною рухою придерживалъ... Лица обоихъ были тревожныя... глаза пугливо бѣгали по сторонамъ, словно отыскивали что-то на горизонтѣ... Пересохшія — отъ быстрого движенія — растрескавшіяся губы были полураскрыты, жидкія бороды встрепаны и густо наудрены степною пылью... Взмыленные лошади тяжело

*) Буквальной переводъ — отрывокъ изъ одной писаной инструкціи, найденной при одномъ изъ волавшихся эмсаровъ.

Воспоминаніе о Каирѣ (Souvenir de Cairo). Съ картина Жерома, грав. Боярскій.

дышали на скаку — особенно одна, у которой изъ воспаленныхъ ноздрей, вмѣстѣ съ каплями крови, горячій воздухъ вырывался — съ какимъ-то порывистымъ, хриплымъ свистомъ.

— Загналъ! рѣшилъ Шарипъ, услыхавъ еще издали этотъ звукъ...

— Что новаго?!... гаркнулъ имъ навстрѣчу во все горло Османъ...

Подскакалъ первый... осадилъ коня... хотѣлъ сказать что-то... да только махнулъ рукою въ сторону Учъ-кудука и хотѣлъ было гнать дальше...

— Русскіе!.. словно выстрѣлили другой... и перелетѣлъ черезъ голову лошади, со всего маху вспахавшей своей мордою рыхлую почву...

Несчастное загнанное животное не выдержало таки и невольно измѣнило своему хозяину...

Тревожный говоръ пошелъ по всей кучкѣ всадниковъ... одинъ за другимъ подскакивали остальные бѣглецы. Скоро набралось человѣкъ двадцать...

Между прибывшими были два настоящихъ-тюркмена съ того берега Аму-дарьи. Они были въ полосатыхъ халатахъ — бѣлыхъ съ краснымъ, и въ высокихъ бараньихъ шапкахъ. Оба они скакали позади всѣхъ, — но не потому, чтобы это зависело отъ слабости ихъ лошадей... а потому, что такъ сами хотѣли... Поводья-ихъ были натянуты — тонкія цѣпныя удила рвали рты разгорячившихся, порывающихся впередъ лошадей...

— Къ Учъ-кудуку гони! повелительно крикнулъ одинъ.

— Дорогою — говорить будемъ! произнесъ другой... *Атам-куловъ?*.. добавилъ онъ, обращаясь къ Шарипу.

— *Можетъ и ево!* отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— Гдѣ самъ?..

— А мы вотъ тебя спросить хотѣли объ этомъ...

— Гм!.. откашлялся тюркмень и передернулъ поводья.

— Гайда, гайда!.. крикнулъ другой.

Сбились всѣ въ кучу, — погнались...

— Русскіе... на «Хала-атъ» пришли!.. Мать-мурать опоздалъ, не прикрылъ дороги... Нязъ и Садыкъ, слышали, на Минъ-булакѣ ихъ ожидаютъ... говорилъ отрывисто тюркмень. — *Вороны!* на «Трехъ-лапаго верблюда» казаки пришли — насъ сбили... На «Учъ-кудукъ» придутъ — мы тогда совѣмъ безъ воды останемся... День этотъ можетъ нашъ... надо покормить коней, напоить ихъ и воды въ турсуки набрать, — пока еще тѣ не пришли... гяуры! А то опоздаемъ!.. Они идутъ тихо, да безъ усталости... *много дороги подѣ себя забираютъ*... Повозокъ нѣтъ съ ними... Верблюдовъ много!.. Въ два часа по всѣму каравану не проѣдешь... Много животныхъ идетъ — много воды потребуютъ... Отгонять насъ отъ колодцевъ, — тогда хоть десять Садыковъ приходи, безъ боя на Аму отступать придется...

— Вода въ стени — жизнь... Воды нѣтъ — смерть! лаконически произнесъ другой тюркмень...

И эти слова какъ-то странно подѣйствовали на сердца степенныхъ бродягъ... Имъ стало жутко... Нѣкоторые даже вздрогнули — и оглянулись... Всѣ безъ исключенія поддали лошадей...

Эта паника, охватившая бѣглецовъ съ «Трехълапаго верблюда», сообщилась и учъ-кудукскимъ бѣглецамъ... Теперь уже всѣ скакали — скакали какъ отъ степнаго пожара, какъ отъ разлива воды... Скакали какъ сайгаки отъ свиста охотничьей пули... неслись какъ дикіе тарпаны отъ звенящаго размаха арканной петли...

Они слѣшили захватить эту гнилую, соленую воду — въ которой была жизнь... Они робко косились на безводную, знойную, спаленную солнцемъ степь — гдѣ была смерть...

И крошѣ нихъ по степи металась такія-же маленькія конныя партія; рыскали одиночные, разстравшіеся всадники.

Бѣлыхъ рубахъ ждали — бѣлыя рубахи пришли словно нежданнныя... Это былъ располхъ, но располхъ странный — къ которому степь цѣлыхъ четыре года готовилась...

«Вода — жизнь!.. безъ воды — смерть!»

Въ этихъ словахъ тюркмена было что-то пророческое.

ГЛАВА V.

Лагерь «Бѣлыхъ рубахъ»

Эти желтые, сыпучіе барханы, по которымъ носился-жаркій, порывистый вѣтеръ, сметая и разнося по степи ихъ зыбкія вершины, никогда еще не видали столько людей!.. и людей совершенно чуждыхъ имъ, незнакомыхъ; одѣтыхъ въ короткія бѣлыя рубахи и красныя кожаныя шаровары; вооруженныхъ винтовками Бердана; людей въ первый разъ пришедшихъ на эти мѣста — и расположившихся здѣсь, на этихъ *барханахъ*, совѣмъ какъ у себя дома — похозяйски.

Широко раскинулся ихъ бивуакъ... Всюду, у подножій холмовъ видѣлись металлическія рогатки составленнаго въ козлы оружія... красныя тряпки значковъ, потрепанныхъ таки непогодью... Тамъ и сямъ дымились маленькіе костерчики; мѣстами поднимались вершины палатокъ... Неподвижно, увязнувъ въ песокъ — почти по ступицу — стояли орудія; за ними ряды зеленыхъ ящиковъ, за ними вереницы приземистыхъ, неуклюжихъ лошадей въ коновязяхъ... Потомъ опять — ряды ружейныхъ козель, опять значки, опять какія-то шатры, навѣсы и палатки... И между всѣмъ этимъ, снующія по всѣмъ направленіямъ, толпящіяся въ кучкахъ, лежащія въ растяжку, сидящія на корточкахъ, все чѣмъ-то занятая, суетливыя на бивуакахъ, спокойныя въ *даль*, «бѣлыя рубахи».

На вершинахъ отдѣльныхъ, болѣе возвышенныхъ бархановъ торчали одиночные часовые пѣшіе... Подальше чуть-чуть видѣлись сквозь пыль и дымъ костровъ конные пикеты... одиночные всадники рыскали отъ одного пикета къ другому... выѣзжали за нихъ, взбирались на пригорки и все вглядывались въ даль, словно дожидаясь чего-то, что неизбѣжно должно появиться на этомъ зеленомъ, волнообразномъ горизонтѣ...

У черныхъ зияющихъ отверстій — колодцевъ — больше всего толпилось народу, больше всего слышалось голосовъ и шуму... Шли къ нимъ, шли отъ нихъ. Къ нимъ шли бѣгомъ, помахиная пустыми котелками, ведерками, чайниками и всякой походною посудой; отъ нихъ шли потихоньку, неторопясь, — бережно неся съ трудомъ добытую воду.

Колодцы находились не въ одномъ мѣстѣ; они были разсыпаны по извилистымъ лощинамъ. Еслибъ соединить эти точки, то получилась-бы ломаная линія того самаго вида, въ какомъ представлялся весь бивуакъ, если на него смотрѣть сверху, съ высоты полета тѣхъ двухъ орловъ, что съ самой первой стоянки слѣдили за отрядомъ и теперь носились надъ нимъ, словно выбирая себѣ подходящую добычу...

Вся дѣятельность бивуака, вся его общественная жизнь, всѣ живые интересы сосредоточивались у колодцевъ...

Эти колодцы были его нервныя узлы.

Еще вчера пришелъ туркестанскій отрядъ на урочища Хала-ата. Всѣ знали, что отсюда идти дальше придется еще не скоро; а потому всякій старался устроиться непокойнѣй, поудобнѣй — если только возможны покой и удобства на этой ужасной, проклятой небомъ мѣстности.

Впереди, то есть въ той сторонѣ, куда глядѣли пушечныя жерла, заложеныя деревянными втулками, разстилалась совершенно невѣдомая пустыня, страшная по своимъ мрачнымъ легендамъ, по тѣмъ рассказамъ, которые передавались бывалыми людьми, съ таинственнымъ, почти суевѣрнымъ ужасомъ.

— Смотри... видишь?.. говорилъ тихонько бывалый джигитъ-туземецъ своему русскому тамыру (пріятелю).

— Чего смотрѣть-то?! слевывалъ тотъ послѣ богатирской затыжки махоркою: — одинъ песокъ — ничего больше!..

— Смотри! Тамъ вонъ нынче горы, а тамъ лоцины, указывалъ джигитъ вдале своихъ крючковатымъ, чернымъ, словно обузившимся пальцемъ, — подымется ночью ураганъ... посмотришь что завтра будетъ... Тамъ, гдѣ гора была — будетъ лощина, гдѣ лощина — гора...

— Ну, а дорога-то какова? освѣдомился «тамыръ».

— Дорога?... дороги нѣтъ... Тамъ нѣтъ дороги... Тамъ дорога та, по которой поведетъ тебя воля Аллаха!... другой нѣтъ дороги...

— Ну, сторона!...

— Зачѣмъ туда идти?!... не надо! Ни человекъ, ни верблюдъ, ни лошадь не стерпеть!...

— Ишь ты!...

— Слышалъ я, братьцы мои, ротный сказывалъ... Амиръ бухарскій снова раза войско свое повелъ туда, значить, — и все это войско его пескомъ занесло, такъ и не знаютъ до сей поры, гдѣ оно сгинуло... слышится еще молодой голосъ, въ другомъ кружкѣ «бѣлыхъ рубахъ»...

— Ври больше! сурово обрѣзываетъ его обросшій щетиною, угреватый унтеръ...

— Адамъ - крыланомъ прозывается... рассказываетъ кто-то въ третьемъ мѣстѣ, — а по нашему слово это человѣчку погибель означаетъ.

— А вотъ мы поглядимъ эту «человѣчку погибель»! бахвалится бойкій горнистъ. — Не по такимъ палестинамъ хаживали!... Что братъ, Косолапкинъ, аль прогнали отъ колодцевъ, съ чайниками-то?... Что пустую посуду приволокъ?...

— Прогнали... ворчитъ недовольный Косолапкинъ. — Иѣтъ, не прогнали!... Дорогою стрѣлки вылокали... «Ты, говорятъ, еще сходишь, а намъ въ цѣпь надоть — неколи!»...

— Эко горе! Давай я смахаю...

— И птица туда не летитъ, братьцы мои, и звѣрь не бѣжитъ... опять слышится сдержанный, боязливый голосъ.

— Перво на перво судьба — а второе — начальство. Прикажутъ пройти, пройдемъ. А коли, ежели птица не летитъ — ну и пуцай ее! — потому — намъ она совсѣмъ не требуется!... отчеканиваетъ статный фельдфебель съ двумя георгиевскими крестами. — Кошмы разстилать!.. Вздору не болтать! Вторал смѣна становись въ ружье — живо!... покрикиваетъ онъ, сидя на неразобранномъ еще тукѣ.

Солдаты были покойны, такъ покрайней мѣрѣ казалось всякому, кто бы только ни взглянулъ на эти усатыя и безусыя лица, то загорѣлыя — почти бронзовыя, то матово-блѣдныя — словно чачоточныя, то распылвшіяся красныя, обрамленныя щетинистыми бакенбардами, всѣ безъ исключенія занятыя, повидимому, исключительно — обыденными интересами: расчисткою старыхъ, полузасыпанныхъ колодцевъ, рытьемъ

новыхъ, добываніемъ воды, потребность въ которой не истощалась, а напротивъ все увеличивалась и увеличивалась... Колодцы едва могли удовлетворять ее. На вершинѣ пологого кургана закладывалось небольшое укрѣпленіе, воздвигалась какая-то сторожевая башня, поднимающаяся мало по малу надъ завывала унылая, надтреснутая труба. Хоръ пѣснениковъ начиналъ было тянуть что-то охрипшими, словно задавленными голосами — да бросилъ... Видно не до пѣсенъ было!..

Не смотря на этотъ наружно-покойный видъ, на сердцѣ у каждого шевелилось скверное чувство...

И эти прищуренныя, нѣсколько воспаленныя отъ жара и пыли глаза, отрываясь отъ обыденной работы, все чаще и чаще поглядывали въ даль — въ эти безконечныя сыпучіе пески, въ ту сторону, гдѣ находилось урочище «Адамъ-крыланъ» — что значить «человѣчка погибель».

И въ офицерскіе шатры заглядывало это тревожное безпокойство... Все въ русскомъ лагерѣ боялось этихъ роковыхъ песковъ, и все рвалось туда. За спиною остались цвѣтущія, населенныя мѣста, — полныя жизни, — впереди простирались пески, гдѣ царила смерть. Еслибъ каждому изъ нихъ предоставили свободный выборъ — идти назадъ или впередъ, то не нашлось бы ни одного человѣка, пожелавшаго бы возвратиться.

Строили укрѣпленія, — значить предполагали оставить въ немъ небольшой гарнизонъ. Это было необходимо — всѣ знали это. И хуже песковъ, хуже пятидесяти-градуснаго жара — хуже смертельной жажды, хуже всего на свѣтѣ, — боялись только одного, чтобы не вынуть жребія «остатиться».

Больные собирались съ силами, — бодрились и притворялись здоровыми; слабые старались казаться сильными...

Они строили эти приземистыя — глиняныя стѣны, — эту башню — и проклинали свою — неизбѣжную работу...

Это все были русскіе солдаты, мало того, это были старые батальоны туркестанскихъ «бѣлыхъ рубахъ»; въ ихъ рядахъ были герои Ташкента, Уратюбе, Джюзака, Ирджара, Самарканда, Ургута, Шегри-сябзя, Каршей и Форабулака.

Рѣдко можно было встрѣтить — рубаху, не украшенную грязной, затасканной полосатой лентой.

Лапландія.

II.

Было ясное, чистое утро.

Съ часъ тому назадъ тучки сбѣжали съ неба, марь клубившійся на днѣ долинъ разсѣялся въ тепломъ воздухѣ, и яркое солнце поднялось надъ горными высями, со всѣхъ сторонъ оцѣпившими озеро Имандру. Откосы и склоны горъ сияли фиолетовымъ свѣтомъ, по этому красивому фону черными тѣнями выдѣлялись ущелья и расщелины. Дальнія горы Мохъ-тундры казались клубами дыму, а Волчы-вараки едва-едва голубѣли на самомъ краю горизонта. Я не могу передать всей красоты этого оригинальнаго полярнаго пейзажа, постоянно мѣнявшаго передъ моими глазами свои очертанія. Однообразіе его деталей придавало картинѣ еще болѣе дикаго величія. Вода, камень да лѣсъ, но въ какихъ сочетаніяхъ развертывались они передо мною! Не вѣрилось глазамъ, что бы вся эта красота была подъ 68° с. ш., — острова, эти низменные сплошь поросшіе зеленою чащелою острова, одни они скрасили бы самую суровую природу, одни они придали бы ей что-то неуловимое, улыбающееся, ласкающее.

Часто когда мы выплывали на середину озера и изъ-за ближайшихъ береговыхъ горъ выдвигались другія, взглядъ невольно останавливался на ихъ причудливыхъ очертаніяхъ. Громады — одни надъ другими плавали въ блескѣ солнечнаго дня. Слово въ густой толпѣ народа видны только головы

да шапки, здѣсь были доступны глазу одни вершины да नेताющіе льды, словно золотые и серебряные вѣнцы, сверкавшіе на нихъ.

— И это за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, это чуть не у полюса! повторялъ я, изумляясь со всякимъ новымъ поворотомъ лодки, съ каждою верстою, съ каждымъ измѣненіемъ въ расположеніи свѣта и тѣни.

Лопари гребли бойко, грузно наваливались на весла, глубоко загребали воду и съ силою откидывались назадъ. Съ каждымъ движеніемъ весла, лодка скрипѣла и быстро шла впередъ по остеклѣвшему простору озера. Нигдѣ не было видно жилья. Ни тупы, ни вѣжи. Только одна наша лодка нарушала недвижное спокойствіе пустыни и безлюдья, только наши голоса звучали на этомъ дѣвственномъ просторѣ. За весь день намъ попались только два живыя существа, заисключеніемъ чаекъ, высоко, словно серебряныя искры, рѣввшихъ надъ озеромъ. Первое было — олень, ярко обрисовавшійся на песчаномъ миниатюрномъ островкѣ. Съ какимъ изумленіемъ животное вперло на насъ глаза, но одна минута — и оно уже плыло къ берегу, закинувъ рога на спину и граціозно то подымаясь, то опускаясь на зеркалѣ Имандры. Въ другой разъ мы пристали къ берегу, чтобы разложить костеръ да сварить рыбу — и всомъ къ носу столкнулись съ лакомившимся морозкою медвѣдемъ. Косматый пустынный олѣшиль, онъ

что-то буркнулъ про себя, зажалъ хвостъ, какъ собака, и неудюже повернувшись ударился въ чащу, переваливаясь и злобно оглядываясь на насъ.

Прелестіе этой береговой косы, на которую мы высадились, и представить себѣ трудно. Вся она тонула въ зелени. Ели; все пространство между ними заткали бѣлый мохъ, мягкія пуховины котораго едва слышно хрустѣли подъ ногою; гдѣ нибудь золотится на солнцѣ кудрявая березка между елями, точно рѣзвый мальчишка со солнечнымъ лучемъ въ глазахъ, съ солнечнымъ лучемъ въ улыбкѣ, забѣжавшій случайно въ толпу солидныхъ и важныхъ особъ, занятыхъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ. У самой воды поднимались трубочки дикаго лука, невинныя незабудки стыдливо прятали свои глупенькія глазки въ траву, да золотые лютики нахально кивали намъ отовсюду.

— Экое это мѣсто у васъ красивое! обратился я къ лопарямъ.

— Да мѣсто хорошее... только...

И они заговорили между собою по своему.

— Что только?..

— Такъ было тутъ дѣло такое.

— Нехорошее дѣло было.

— Разсказывайте.

— Не ко время бы и вспоминать.

— Отчего не ко время? не бѣда.

Тѣ переглянулись.

— Ваши русские... О них и рѣчь идетъ.
— Что-жь? у насъ вѣдь и пословица есть—
въ семьѣ не безъ урода.

— Тутъ, братъ, такое дурное вышло дѣло,
началъ разсказывать мнѣ старикъ лопарь,—
что и говорить-то жутко. Вошь видишь ту
вараку?

Вдали, на противоположномъ берегу Иман-
дры, вся въ свѣту рисовалась передъ мною
граціозная конусообразная гора. До поло-
вины она была покрыта лѣсомъ, дальше
тонко очерчивалась на синемъ фонѣ неба
ея ягелевая вершина.

— Вижу.

— Ну, такъ вотъ на самой верхушкѣ этой
горы стояла вѣжа. Промышляла въ ней ста-
рикъ лопарь съ семьей. Лѣтомъ здѣсь, зи-
мой они въ свой погостъ уходили. Въ Экъ-
островъ. Слышалъ про него? Здѣсь каждое
утро сойдутъ бывало внизъ, закинуть сѣ-
ти, вытаскать что Господь дастъ на парю,
да потомъ цѣлый день и отдыхаютъ. Жен-
щины корзины изъ бересты плетутъ, сыновья
въ лѣса уйдутъ, старикъ спитъ въ вѣжѣ...
И счастливы были, чего больше лопарю?
Сытъ сегодня, а завтра Богъ тоже не оби-
дитъ, тоже рыбки пошлетъ... Въ семьѣ этой
дочь одна была, красавица. Поди по всей
лопской землѣ, какъ ее ни изойди,—такой
не встрѣишь. Такъ ее «Вожией дѣвушкой»
и звали. Зимой въ туну къ ея отцу со всѣхъ
погостовъ райбы съ женихами сѣзжались,
да все замужъ не шла...

— Молода была?

— Нѣтъ. Лѣтъ четырнадцать ужъ, поди,
считала...

— Разбирала тоже, вмѣшался другой
лопарь.

— Жениха какъ оленя высматривала,
когда покупаютъ его. У этого носъ толстѣ,
тотъ грязно ходитъ, этотъ съ дѣвушками
веселиться не мастеръ, а тотъ пѣсенъ пѣтъ
не умѣетъ.

— А она пѣла?

— Какъ еще! Бывало какъ запоетъ —
старикъ плачутъ. Сколько разъ я ее слы-
шалъ! Станетъ гдѣнибудь на горѣ, да от-
туда на весь просторъ и выиѣваетъ. Сладко
да хорошо такъ. Вѣкъ бы слушалъ ее и не
ушелъ бы отсюда... Да вотъ поди же не далъ
Богъ ей счастья...

— А все промышленники виноваты...

— Чѣмъ?

— Разъ подь осень артель ворочалась съ
Мурмана. Только у самого этого мѣста
молодой промышленникъ и заболѣлъ. Что
съ нимъ сдѣлалось — Господь его вѣдаетъ.
Только идти ему дальше нельзя было, его
старикъ и принялъ въ свою вѣжу.

— Откуда-то парень былъ?

— Кандалякій.. Изъ села, изъ Канда-
лашки..

— Молодой.

— Годочковъ семнадцать, красивый та-
кой... хоршій.

— И скромный, не пьяница.

— Не то-что изъ ихнихъ бывають такіе,
что унаси Господи! Не знаешь куда и дѣ-
ваться!

— Остался онъ у нихъ, выздоровѣлъ.
Сталъ жить до зимняго пути. Днем-то съ
сыновьями рыбу ловилъ, а вечеромъ съ дѣ-
вушкой пѣсни пѣлъ.

— Баско онъ пѣсни пѣвалъ!

— Заслушаешься.

— Опослѣ мы и не слышали, чтобъ такъ
кто могъ пѣтъ...

— Онъ ее своимъ пѣснямъ училъ, а она
его — своимъ. Такъ и заливаются оба.
Только его русскія-то пѣсни лучше были.
Какъ бывало залетѣетъ, такъ и не хочешь
слушать а не оторвешься... И все то въ го-
лову приходитъ и синь морская, и лѣса
наши, и горы каменные, а пѣсня то ужъ
высоко-высоко, что твоя чайка залетаеъ.

— Бывало и такъ, онъ станеть на той
вошь скалѣ, а она зайдетъ на эту... указалъ
онъ на два острова, подымавшіеся невдале-
кѣ одинъ отъ другого. Эти были голые
камни. Черные, горбившіеся надъ водою,
разлапистыя.—Оба и начнутъ пѣтъ. Сначала
она свою, а потомъ онъ — русскую. Пѣсни-
то по водѣ далеко слышны. Хорошо было!..

— Что тутъ долго толковать! Слюбилъ
онѣ. Дѣвку то онъ изгубилъ... Веселая
бывало все такая ходитъ а тутъ потемнѣла,
голову все въ низъ держать, на отца не
взглянетъ. Онъ изъ богатыхъ былъ, думала
не женится.

— А родные ничего не замѣтили?

— Что имъ замѣчать-то? У насъ не вмѣ-
шиваются, думаютъ, дѣвка сама себя бере-
жетъ.

— Только прошла осень, пошелъ снѣжокъ,
милой дружочекъ по первоутничку и уѣхалъ
въ санкахъ-кѣрежкахъ. Только какъ раз-
ставаться съ нею, такъ пообщалъ напо-
слѣдокъ скоро сватовъ прислать. Пѣли это
они послѣдній вечеръ — плакать всѣмъ хо-
тѣлось, такъ невесело было... Ее едва отор-
вали отъ него, какъ прощаться стала...
Уѣхалъ... Прошелъ мѣсяцъ, другой про-
шелъ—а его нѣтъ какъ нѣтъ... Наши по дѣ-
ламъ побывали въ Кандалякѣ, видѣли его,
только онъ и не поминаетъ объ дѣвушкѣ.
Видно забылъ совсѣмъ.

— Да и какъ русскому на лоніѣ женить-
ся—свои же засмѣютъ!

— Бѣда!.. Случается это, правда, только
на рѣдкость бѣднѣй какой-нибудь развѣ,
которому все равно. Ну, точно — женится.
А кто не нуждается—что тому сраму на
сѣбя принимать.

Сознаніе приниженности своей, выражен-
ное лопарями, тяжело на меня подѣйстви-
вало.

Дѣвушку-то по всѣмъ погостамъ осла-
вили. Нигдѣ ей покою не было. Осо-

бенно наши старухи! Парни жалѣли, да
что подѣлаешь! Ей можетъ наша жа-
лость еще большѣй, чѣмъ смѣшки старухъ
была! Терпѣла она терпѣла, да и пропе-
ла... Стали искать, и въ горѣ искали, и въ
лѣсу, и на замерзшихъ озерахъ смотрѣли—
нѣтъ дѣвушки. Пустились въ Кандалякшу,
не туда ли спряталась — и тамъ не видать.
Ни слуху, ни духу. Поплакали родители,
да и забыли. Лѣтомъ, на это самое мѣсто
пришли промышлять—вѣжу разбили...

Лопарь потонулся и продолжалъ уже какъ-
то нехотя.

— Тутъ и вышло это... грѣхъ ея тяжкій.
Разъ братья по Имандрѣ поднялись дальше,
это будетъ на бродное Кентіше, теперь
тамъ станція казенная стоитъ. Сегодня уви-
димъ. Вышли они тутъ на берегъ и сѣли
отдохнуть. Только смотреть они въ лѣсъ;
«что бы это, говорятъ, было тамъ, ишь во-
роны такъ и взмывають.» Подумали, пошли...
Что же ты думалъ, сестренку свою и сы-
скали, да какъ!.. И говорить-то тяжко...

— Эко бѣдная! вмѣшался другой.—Нудно
ей было должно быть.

— Лежитъ она на землѣ, вся волками да
вороньемъ обѣдненная. Только по шашкѣ
мѣховой сестру узнали. Одна кожа да ко-
са черная... Шла она должно быть зимою,
туда, на старое мѣсто, гдѣ съ парнемъ сло-
билась, да силы и не хватило, устала. Здѣсь
и замерзла...

— Такая жалость была! Какъ вернулись
съ лѣтяго промысла въ погостъ, да раз-
сказали тамъ, такъ всѣ — и свои и чужіе
—ревомъ ревѣли. Такъ любили ее всѣ...

— Ну, а парень-то что?

— Послѣ видѣли его, шелъ на промысла,
веселый такой. Ему что!

— Братья, отецъ дѣвушки, или кто-ни-
будь изъ родныхъ ея, видѣли его?

— Родные и видѣли.

— И ничего?

— Чтѣ ты ему сдѣлаешь?

— Да и чтѣ дѣлать!.. Господь его въ
свое время накажетъ, вмѣшался старикъ
лопарь,—а намъ въ его Вожье дѣло мѣшаты-
ся не слѣдъ. Это верно.

Къ вечеру мы подѣзжали къ этому «кен-
тишу», гдѣ разыгрался послѣдній актъ этой
драмы. На берегу у подножія громадной
конусообразной вараки, острая вершина ко-
торой высоко подымалась изъ обступившаго
ее со всѣхъ сторонъ лѣса, стояли тупы ка-
зенной станціи. Вся эта мѣстность изобра-
жена на намѣтѣ рисункѣ. Красивая мѣст-
ность потеряла теперь въ моихъ глазахъ все
свое обаяніе. Отъ нее вѣяло смертью, то-
скою и горемъ!

А ночь уже сходилась, и гдѣ-то далеко-да-
ко сверкало отраженіе костра на водѣ.

В. Немировичъ-Данченко.

КОЛЬЧАТЫЙ УЖЪ И ТРАВЯНАЯ ЛЯГУШКА.

Пейзажисту, при его этюдахъ съ природы,
чаще чѣмъ кому либо, исключая развѣ охот-
ника, представляются случаи наблюдать
жизнь и нравы животныхъ въ лѣсахъ и по-
ляхъ. Художникъ, отыскавъ то, что ему
кажется достойнымъ его кисти или каран-
даша, и усѣвшись на своемъ походномъ
стулѣ, а пѣтъ на пнѣ, или просто на дер-
новой или обросшей мхомъ чокчѣ, закуривъ
сигару, иногда необходимою, чтобы ото-
гнать навязчивыхъ комаровъ, и разложивъ
вкругъ себя и у себя на колѣняхъ свои
рисовальныя принадлежности,—знать ничего
не знаетъ обо всемъ остальномъ мнрѣ; онъ
принялся за работу. Сидитъ онъ тутъ точно
привоканный, только рука его движется,
да по временамъ голова склоняется то въ

одну, то въ другую сторону. Онъ весь от-
дался желанію схватить на бумагу или на
полотно прелесть освѣщенія какой-нибудь
группы деревьевъ, или вѣтвей; прозрачный
туманъ весенняго утра, или багряное заре-
во заката. Вокругъ углубленнаго въ свое
занятіе художника, вся природа остается
погруженной въ такую же тишину, какъ и
до его прихода, когда рѣзвыя вѣтки и не
подозрѣвали, что подъ ихъ высокими вла-
дѣніями, помѣститъ свой тронъ человекъ.
Изъ-за густыхъ вѣтвей, маленькіе звѣрки
любопытнѣе и боязливо поглядываютъ на
странныя палочки и бѣлыя листья, по ко-
торымъ то и дѣло мажетъ большой незнако-
мецъ тамъ внизу. Но такъ какъ послѣдній
не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вни-

манія, то и они скоро начинаютъ поступать
точно также относительно его, и скоро до
такой степени убѣждаются въ его безвред-
ности, что продолжаютъ свои прерванные
забавы подъ бокомъ у него, у него подъ но-
гами, надъ самой его головой. Такое же
довѣріе возбуждаетъ къ себѣ незнакомецъ
и въ другихъ лѣсныхъ животныхъ. Самыя
робкія изъ нихъ, какъ напримѣръ зайцы,
кролики, отъаживаются подходить совсѣмъ
близко къ нему—и пугаются только, когда
вдругъ перевернется листъ бумаги, раздас-
тса громное чиханье, или когда художникъ
сдѣлаетъ какое-нибудь подозрительное дви-
женіе. Однако слѣдующее за тѣмъ бѣство
показываетъ, что страхъ былъ не слыхомъ
великъ; черезъ вѣскольکو минутъ бѣглецы

еще ближе подходят къ интересующему ихъ представителю человеческой расы — и дѣлаютъ свои наблюденія надъ этимъ безречнымъ экземпляромъ. Но не только такіе крупныя звѣрки, даже самыя крошечныя лѣсные обитатели, нисколько не стѣсняются присутствіемъ незнакомца. Пернатый лѣсной хоръ не прерываетъ своихъ пѣсень, маленькая мышка съ своими родственницами, орѣшковой соней и бѣлкой, не прячутся по норкамъ. Вотъ одинъ изъ этихъ маленькихъ звѣрковъ уфлся не дальше, какъ

огромнаго живописца. Но тотъ, кто думаетъ, что звѣрокъ вовсе не замѣчаетъ этого челоѣка, очень ошибется. Умные, подвижныя, темныя глазки часто посматриваютъ въ сторону незнакомой фигуры, зорко слѣдя за каждымъ подозрительнымъ движеніемъ. Если такового не оказывается, то обѣдъ спокойно продолжается, и затѣмъ, чисто по восточному, слѣдуетъ такое же тщательное умыванье. Еще разъ умныя глазки внимательно осматриваютъ незнакомца, и — шушушу! звѣрокъ исчезъ.

дать, не всегда бываютъ мирнаго характера. Борьба за существованіе и за подругу сердца — часто бываютъ причинами жаркихъ схватокъ, нерѣдко ведущихъ за собой кровопролитіе. При моихъ странствіяхъ, мнѣ не разъ случалось бывать свидѣтелемъ такихъ сраженій. Такъ, разъ, на моихъ глазахъ, два самца ящерицъ, вѣроятно вслѣдствіе ревности, ожесточенно сражались другъ съ другомъ, изумительно извиваясь своимъ гибкимъ, ярко-зеленымъ тѣломъ, или подпрыгивая чуть не на аршинъ величины. Ежъ

Кольчатый ужъ и травяная лягушка. Рис. Шпехтъ, грав. О. Ротъ.

на шагъ отъ равнодушнаго, повидимому, наблюдателя. Звѣрокъ, на манеръ вѣтки, сидитъ на заднихъ лапкахъ; хорошенькими, маленькими передними лапками сначала онъ граціозно моетъ свою мордочку, потомъ два старательно проводитъ подъ ушками; послѣ этого умыванья онъ беретъ орѣхъ или жолудь, и такъ беззаботно принимается за свой обѣдъ, какъ будто бы вблизи его и не думало быть никакого

Если вниманіе художника исключительно обращено на свѣтовые эффекты, то разумеется ему некогда заниматься посторонними вещами. Но чаще всего онъ выбираетъ такіе сюжеты и такое время дня, что ему можно нѣсколько часовъ сряду заниматься однимъ предметомъ. Тогда онъ невольно обращаетъ вниманіе на разныя частности, случайно попадающіяся ему на глаза. Но сцены, которыя ему приходится наблю-

вать битвы съ гадюкой, также были разъ предметомъ моихъ наблюденій, не говоря о многихъ другихъ сценахъ въ подобномъ родѣ. Поводомъ къ нашей картинкѣ послужила одна сцена борьбы кольчататаго ужа съ лягушкой. Мы здѣсь дополнимъ словами тѣ подробности этой битвы, которыя не могли быть переданы на картинѣ.

Былъ жаркій іюльскій день. Полуденное солнце стояло вертикально надъ полями; въ

лѣсу, окаймлявшем берега почти высохшаго ручья, царил тишина. Я комфортабельно улегся на мягкомъ мху под старымъ букомъ. Скромный завтракъ, взятый мной на всякій случай, если бы пришлось засидѣться въ лѣсу, только что былъ уничтоженъ, какъ вдругъ—раздается звукъ, какого я еще никогда не слыхивалъ, и какъ разъ возлѣ меня. Это былъ звукъ, похожій на болѣзненный пискъ маленькаго ребенка, жалобный, протяжный пискъ. Что никакого ребенка вблизи меня не было—въ этомъ я былъ убѣжденъ, потому что, только лишь передъ этимъ я кругомъ обошелъ все это мѣсто, будучи привлеченъ чудеснымъ запахомъ земляники. Въ нѣсколько шаговъ я былъ на мѣстѣ, откуда слышался пискъ. Тутъ мной удивленнымъ глазамъ представилась картина, живо вызвавшая въ моемъ воображеніи сказку о «львиномъ рыцарѣ», которую я съ увлеченіемъ читалъ въ дѣтствѣ. Въ ней именно представляется борьба удава со львомъ и спасеніе льва рыцаремъ. Конечно, еще въ школѣ идеалъ мой былъ разрушенъ, такъ какъ я узналъ, что удавъ никогда не нападаетъ на льва. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, увидѣвъ въ нѣкоторомъ родѣ осуществленіе моихъ дѣтскихъ грезъ. Разница

заклучалась лишь въ томъ, что вмѣсто удава фигурировалъ его очень скромный и очень дальній родственникъ, а роль льва, очевидно не по доброй волѣ, исполняла жирная коричневая лягушка. Натуралисты конечно правы, признавая за амфибіями весьма мало ума, вслѣдствіе очень слабого развитія мозгового вещества у этого класса животныхъ. Лягушка была очевидно слишкомъ велика для ужа. Вмѣсто того, чтобы напасть на нее съ головы, онъ прежде всего схватилъ ее за правую ногу, оставивъ въ покоѣ лѣвую, которая между тѣмъ неутомимо была въ тактъ жалобнымъ звукамъ своей владѣтельницы. Мой миниатюрный удавъ должно быть не боялся шекотки, потому что правая лапа неутомимо ерзала въ его растопнутой глоткѣ. Но ни пискъ, ни барахтанье не помогали. Процедура проглатыванья шла своимъ правильнымъ, довольно медленнымъ путемъ. Бѣдная лягушка уже почти до половины была втянута въ адскую пасть. Правая нога была уже проглочена до колѣна, а лѣвая крѣпко сжата страшнымъ кольчатымъ тѣломъ. Но тутъ появился львиный рыцарь. Толчкомъ палки я далъ ужю знать о своемъ присутствіи—и лягушка была вынуждена изъ змѣиныхъ колець быстрѣе, чѣмъ была втя-

нута ими. Непріятель очевидно хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ пицавшей изо всѣхъ силъ лягушки, которая мѣшала его собственному бѣгству. Такъ какъ теперь желанія обѣихъ сторонъ вполне сходились, то есть обѣ хотѣли разойтись по возможности скорѣе, то дѣло быстро пошло на ладъ. Лягушка была свободна. Сдѣлавъ еще прыжка два на мѣстѣ—отъ радости что ли, не смѣю утверждать—она огромнѣйшими скачками исчезла изъ виду. О благодарности жалкая лягушка не имѣла ни малѣйшаго понятія. Какъ, напротивъ того, благородно поступилъ въ сказкѣ левъ съ рыцаремъ! Онъ всюду, какъ собака, ходилъ за своимъ спасителемъ, и когда его не пустили на корабль, на которомъ господинъ его уѣзжалъ на родину, то благородное созданіе бросилось въ море. Лягушка начала съ конца; она прежде всего бросилась, если не въ море, то въ лужу, образуемую ручьемъ въ болѣе глубокомъ мѣстѣ. Змѣя еще раньше лягушки привела въ исполненіе ту же самую мысль. Обѣ исцели въ мутной водѣ.

Для тѣхъ, кому всегда хочется знать, какъ кончается исторія, комически или трагически, мы прибавимъ отъ себя: лягушка еще «нападется».

Историческое развитіе папской власти.

(Окончаніе.)

Рядомъ съ возвышеніемъ и распространеніемъ нравственнаго вліянія папъ въ умахъ западныхъ христіанъ, тѣмъ-же историческимъ путемъ шло и политическое возвышеніе ихъ,—приобрѣтеніе и постепенное приращеніе владѣній, а вслѣдствіе этого—сознаніе своихъ силъ и стремленіе къ независимости отъ власти государя, стремленіе къ тому, чтобы въ одномъ своемъ лицѣ соединить верховный авторитетъ церкви съ самодержавіемъ государя.

Чтобы яснѣе обрисовать политическую дѣятельность папъ, намъ нужно возвратиться нѣсколько назадъ и бросить взглядъ на общее политическое устройство имперіи. Обращая вниманіе на отношеніе между духовною и свѣтскою властію на Востокѣ, мы замѣчаемъ значительный перевѣсъ послѣдней надъ первою. Основаніе такого преобладанія лежало отчасти въ личномъ характерѣ нѣкоторыхъ императоровъ и въ ихъ личныхъ цѣляхъ; но главнымъ образомъ—въ духѣ государственнаго устройства, въ современныхъ понятіяхъ о верховномъ правѣ императорской власти, въ современныхъ идеяхъ централизаціи. Личность въ это время уничтожилась, стягивались всѣ силы умственныя и нравственныя къ одному центру—все воплощалось въ одной идеѣ государства: личная свобода не имѣла никакого значенія въ духѣ такого устройства; каждый человѣкъ имѣлъ въ немъ значеніе только въ качествѣ гражданина,—все это подчинялось одной всемогущей государственной власти. Понятно, что такое устройство цѣликомъ было пересажено на Востокъ съ римской-языческой почвы. Но, тѣмъ не менѣе, и по освѣщеніи этой жизни свѣтомъ христіанства, идея централизаціи осталась основнымъ правиломъ политики для византійскихъ императоровъ. И въ ново-римской имперіи личность императора стоитъ гораздо выше всякаго другаго авторитета, составляетъ центръ, около котораго вращаются и отъ котораго исходятъ начала всей государственной жизни. Императору же принадлежитъ инициатива и въ дѣлахъ духовныхъ. Конечно, совершенное преобладаніе свѣтскаго авторитета надъ духовнымъ не было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой инициативы; но, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ дѣйствіяхъ самыхъ лучшихъ государей—каковы Константинъ и Юстиніанъ—нельзя не видѣть перевѣса свѣтскаго начала надъ духовнымъ. Этотъ перевѣсъ яснѣе открылся, когда религиозныя вѣрованія начали раздѣлять эти двѣ власти. Борьба императоровъ съ патріархами всегда оканчивается гибелью послѣднихъ. Личности въ родѣ Анастасія, Льва Исаврянина, Копронима и др. представляютъ особенно рѣзкіе примѣры

деспотизма и совершеннаго преобладанія императорской власти надъ духовною. При самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ (напр. съ X в.), высокій авторитетъ императора всегда оставляетъ въ тѣни достоинство патріарха.

Совершенно подъ иными условіями сложилась жизнь Рима послѣ паденія Западной Римской имперіи; здѣсь явились иныя отношенія и власти свѣтской къ духовной. Въ Константинополѣ идея императора во все время существованія имперіи остается на равной высотѣ; напротивъ, въ Римѣ, который съ паденіемъ имперіи получилъ характеръ областного города, сталъ вдаль отъ императора,—авторитетъ его болѣе и болѣе понижается; симпатія къ византійскому двору—то по недостатку сочувствія его къ интересамъ Италіи, то по несогласію религиозныхъ вѣрованій,—постепенно охлаждается. Не смотря на страшное опустошеніе, на крайнее безсиліе и истощеніе внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, Италія не теряетъ чувства своей національности; мало по-малу, пользуясь всѣми возможными случаями, она освобождается отъ вліянія имперіи и варваровъ и, наконецъ, оружіе Карла Великаго окончательно освобождаетъ ее отъ тягостнаго посторонняго вліянія и даетъ, давно желанную и стоившую ей вѣковыхъ усилій, національную самостоятельность. Эту трех-вѣковую борьбу за свою независимость Италія ведетъ подъ знаменемъ своего національнаго авторитета—римскаго епископа. Повидимому, безъ всякихъ притязаній, изъ одного побужденія дѣйствовать въ пользу бѣдствующаго отечества, принимаютъ на себя высокую общественную роль епископы Рима. Но подъ ихъ мудрымъ руководствомъ, ихъ дѣятельною помощію, которая и прежде неоднократно спасала Римъ среди трудныхъ обстоятельствъ, ихъ участіемъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, которое они по необходимости должны были брать на себя, по недостатку сочувствія свѣтской власти,—была спасена Италія. Это не осталось забытымъ въ памяти народа!

Хотя не легкая доля выпадала для римскаго епископа въ этомъ великомъ дѣлѣ,—много было потребно дѣятельности разумной, обдуманной и осторожной,—но епископы римскіе съ честію оправдали надежды націи. Вотъ что говоритъ исторія. Антипатія римлянъ къ варварамъ возрасла до послѣдней степени; они начали хлопотать о томъ, что лучше подчиниться единовѣрнымъ грекамъ, чѣмъ быть въ порабощеніи у варваровъ. Но нужно было вести это дѣло, сколько возможно, благовиднымъ образомъ, чтобы не навлечь подозрѣнія враговъ. Начинается переписка у епископовъ римскихъ съ

императорами. Нужно замѣтить, что готскіе короли благосклонно относились къ духовной власти, считали ее безопасною для себя. И вотъ, тѣмъ менѣ могли навлечь на себя подозрѣнія въ этомъ дѣлѣ римскіе епископы, тѣмъ они усерднѣе приняли на себя эту трудную обязанность. Далѣе, самъ епископъ римскій Іоаннь, вмѣстѣ съ другими посланцами Теодорика, отправляется къ императору Юстину, съ порученіемъ Теодорика ходатайствовать предъ императоромъ за аріанъ. Но если принять во вниманіе тогдашнее отношеніе римлянъ къ аріанству—совершенно невозможно предполагать, чтобы римскій епископъ сталъ дѣйствовать въ пользу ненавистнаго аріанства. Іоаннь палъ жертвою гнѣва Теодорика за тайную измѣну. Этого обстоятельства нельзя иначе объяснить, какъ предположивъ, что епископъ дѣйствовалъ вовсе не въ видахъ своего государя,—что подтверждается между прочимъ и особенно-ласковымъ и даже торжественнымъ пріемомъ его при византійскомъ дворѣ. Затѣмъ, мы видимъ второе посольство къ императору Юстиніану (въ 536 году), въ которомъ участвуетъ также римскій епископъ Агипитъ, отправляющееся въ Константинополь для переговоровъ. Но о чемъ? Неужели снова о пользахъ готовъ и царя ихъ? При тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали въ это время между побѣдителями и побѣжденными, нельзя предположить этого. Не къ тому располагали внутреннія обстоятельства Италіи. Незадолго предъ тѣмъ пріѣзжали послы изъ Константинополя для разсужденія «о дѣлахъ вѣры». Это посольство и въ отвѣтъ ему отправленное изъ Рима, во главѣ котораго былъ самъ папа, приводятъ къ той мысли, что во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ римскій епископъ дѣйствовалъ въ пользу италіанской національности. И послѣдствія этихъ переговоровъ показали, что римскій епископъ былъ во главѣ національнаго движенія; онъ былъ главнымъ и единственнымъ посредникомъ (между римлянами и королями готовъ) и политическимъ представителемъ всей націи римской (предъ дворомъ византійскимъ) и нужно сознаться, съ честью великаго дипломата исполнилъ свое дѣло. Возвращеніе древняго достоинства константинопольскаго императора совершилось тоже при его содѣйствіи: онъ, можно сказать, отворилъ (или убѣдилъ народъ отворить) ворота Рима полководцамъ Юстиніана, которые, овладѣвъ Римомъ, истребили почти всѣхъ готовъ. Далѣе, не безъ причины Нарцесъ, стѣсненный въ Римѣ готами, посылаетъ римскаго епископа Вигилія просить у императора подтверженія; не безъ причины родилась къ нему довѣренность и Юстиніана, простиравшаяся до того, что онъ узаконилъ за римскимъ епископомъ право наблюденія за поведеніемъ гражданскихъ правителей и чиновниковъ, контроль надъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ страны. Всѣ эти факты ясно показываютъ то политическое значеніе, какое имѣлъ римскій епископъ и какъ смотрѣли на него короли готскіе и Юстиніанъ.

Со времени Григорія Великаго римскій престолъ получаетъ значеніе въ высшей степени національное и восходитъ на степень первой общественной власти въ Италіи. Такъ продолжалось VII вѣкѣ. Въ этотъ періодъ времени — отъ святительства Григорія Великаго до достойнаго преемника его величія Григорія II, — подъ мирнымъ и благодѣтельнымъ надзоромъ своего епископа и умѣреннымъ владычествомъ византійскаго императора,—окрылилась и окрѣпла національность Италіи; переродившись въ годину испытаній и вѣковыхъ (прошедшихъ) бѣдствій, она воспитала въ себѣ сознание своихъ силъ и любовь къ свободѣ. И когда наступило время показать свои силы, она выказала всю свою энергію и любовь къ своему воспитателю и, такъ сказать, опекуну ея задушевныхъ сокровищъ—къ римскому епископу. Это было въ VIII вѣкѣ. Въ это время на престолѣ константинопольскомъ, къ несчастію всей имперіи, былъ Левъ Исаврянинъ, сильный только своимъ непобѣдимымъ упорствомъ и безпощаднымъ деспотизмомъ. Онъ первый подалъ поводъ къ самому энергическому проявленію національной антипатіи Италіи къ ея слабымъ и нерадивымъ обладателямъ. При всей своей внутренней и вѣншей слабости византійскіе императоры требовали одной покорности имъ, и не разъ заставляли чувствовать свою власть самымъ ощутительнымъ образомъ. Левъ Исаврянинъ

былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ идеи самодержавія, или лучше: самовластвованія. Его эдиктъ противъ иконопочитанія встрѣченъ былъ въ Италіи самымъ недружелюбнымъ образомъ. Григорій II не упустилъ благоприятнаго случая отдалиться отъ посторонняго вліянія. Въ отвѣтъ на указъ императора противъ иконопочитанія, онъ настойчиво и сильно упрекаетъ его въ безбожін—какъ духовный, и съ тѣмъ вмѣстѣ угрожаетъ отпаденіемъ Италіи отъ его власти—какъ человекъ, который чувствуетъ себя въ силахъ опредѣлять и политическую судьбу этой страны. Встрѣтивъ такую сильную оппозицію, Левъ покушается низложить непокорнаго епископа силою своей императорской власти—и встрѣчаетъ еще сильнѣйшую преграду въ безграничной любви народа къ своему епископу, своему національному авторитету,—любви, готовой на смерть за своего пастыря. Дѣло не обошлось даже безъ кровопролитія: лицъ, подозрѣваемыхъ въ замыслѣ противъ святителя, народъ нѣкоторыхъ убилъ, а нѣкоторыхъ сослалъ въ заточеніе. Это обстоятельство, въ связи съ другими предшествовавшими посягательствами греческимъ императоромъ противъ національныхъ интересовъ Италіи, при ихъ личной слабости и холодности къ римской націи, — все это, взятое вмѣстѣ съ разностию въ религиозныхъ возрѣніяхъ, было довольно сильно для того, чтобы вся симпатія римской Италіи безъ раздѣла отнеслась къ римскому престолу, — что-бы въ немъ, а не во власти греческой, такъ мало принимавшей участія въ судьбѣ Италіи, она видѣла надежную опору своихъ политическихъ интересовъ. Антипатія къ греческой и всякой другой посторонней власти отдѣлила западный міръ отъ восточнаго—и создала въ лицѣ римскаго епископа свою собственную національную, политическую власть. Начавшееся несогласіе Востока съ Западомъ въ предѣлахъ религиозныхъ вѣрованій и въ практикѣ церковной и, въ продолженіе двухвѣковыхъ споровъ и раздѣленій, постоянно усиливавшееся, кончилось совершеннымъ отдѣленіемъ западной церкви отъ восточной; а вслѣдъ за тѣмъ уничтожились и послѣднія отношенія Рима къ Константинополю,—и римскіе епископы, а съ ними и вся римская нація, совершенно сбросили съ себя и послѣднюю тѣнь зависимости и подчиненія, въ какомъ находились еще къ восточнымъ императорамъ.

Постепенный ходъ историческихъ событій, невидимо для современниковъ, но за то наглядно для послѣдующихъ поколѣній, клонился къ постепенному приращенію власти римскаго первосвященника. Самая феодальная система, своей отрицательной стороной, очень много послужила къ усиленію этой власти. Своеволие и безпорядки вассаловъ имѣли свое глубокое вліяніе на все общество. При болѣе или менѣе тѣсномъ объединеніи побѣдителей съ побѣжденными, духъ первыхъ перешелъ и къ послѣднимъ, заразилъ и духовное сословіе. Съ появленіемъ леновъ свѣтскихъ, появились и духовные. Многие изъ варваровъ вошли въ духовное сословіе и сдѣлались священниками; епископы въ своихъ епархіяхъ и аббаты въ своихъ монастыряхъ сдѣлались сами вассалами, а низшіе духовные члены—ихъ подвассалами. Необузданность и—своеволие вассаловъ свѣтскихъ заразили и духовенство, и самая чистота вѣры помрачилась отъ наплыва такихъ враждебныхъ къ ней элементовъ, которые соединялись только въ двухъ пунктахъ—невѣжествѣ и суевѣрїи и поддерживались однимъ началомъ—корыстолюбіемъ. Общее сознание народнаго духа не могло оставаться хладнокровнымъ при подобныхъ явленіяхъ; настояла потребность уврачевать язвы общества, очистить нравы высшихъ сословій—духовнаго и свѣтскаго; а это возможно только при централизациі той и другой верховной власти—духовной и свѣтской. И вотъ, въ гениальномъ умѣ одного человека рождается мысль объединить общество гражданское единствомъ самодержавной власти, а для церковнаго управленія возвысить и образовать центральную власть въ лицѣ римскаго первосвященника.

Мысли и начинанія великихъ людей не пропадаютъ; не пропалъ для послѣдующихъ поколѣній и планъ Карла Великаго — объединить духовное общество, создавши среди его центральную власть. Онъ самъ первый приложилъ къ дѣлу свой планъ преобразованія европейскаго общества, и въ ду-

ховномъ и гражданскомъ отношеніяхъ.—Стѣсняемые съ разныхъ сторонъ варварами, римскіе епископы, какъ представители всей римской націи, напрасно обращаются съ мольбою о защитѣ къ греческимъ императорамъ. Слабые сами по себѣ и тревожимые въ разныхъ предѣлахъ своей слабѣющей имперіи разными непріязненными народами, и въ особенности магометанами, императоры греческіе не могутъ защитить Запада, если бы и питали къ нему сочувствіе. Это даетъ поводъ римскимъ епископамъ входить въ сношенія съ королями новообразовавшихся западныхъ державъ, особенно съ королями франковъ. Изъ этихъ сношеній, обусловливаемыхъ взаимною выгодой, составляются союзы, обезпечивающіе ту и другую сторону. Римскій епископъ ищетъ защиты отъ нападений варваровъ (лонгобардовъ), франки помогаютъ избавиться отъ нихъ; желая добиться большаго расположенія, римскій епископъ входитъ въ сношенія съ усилившимися, во время слабости французскихъ королей, палатными мэрами—и возводитъ благодѣтельную ему фамилію въ царское достоинство посредствомъ священнаго миропомазанія. За такую услугу платится тоже услугою—папа получаетъ отнятый у лонгобардовъ Равенскій экзархатъ, и, такимъ образомъ, къ прежней важности и величію власти прибавляется власть свѣтскаго владѣльца обширной области, на правахъ независимаго государя. Этотъ союзъ, основанный на взаимныхъ выгодахъ, укрѣпляется еще болѣе послѣдующими событіями. По просьбѣ Адриана I, Карлъ Великій идетъ съ войскомъ въ Италію, окончательно уничтожаетъ королевство лонгобардское и увеличиваетъ владѣнія римскаго епископа присоединеніемъ къ нимъ новыхъ земель. За такія пожертвованія и знаки высокаго уваженія, Карлъ, въ свою очередь, получаетъ изъ рукъ Льва III корону римскаго императора, которая имѣла особенно-важное значеніе для Карла, какъ средство къ выполненію давно-задуманнаго имъ плана—черезъ объединеніе всѣхъ слоевъ общества подъ самодержавною властію дать новый видъ устройству политической жизни Европы. Это событіе 800 года, 25 декабря, имѣло такое дѣйствіе на умы народа, что простой народъ сталъ считать папу хранителемъ и обладателемъ римской короны, имѣющимъ право возлагать ее на главу достойную ея. Понявъ это и самъ Карлъ, когда, какъ бы для ослабленія столь сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы народа его коронованіемъ, самъ короновалъ своего сына Людовика; но и папы тоже не опустили изъ виду столь благоприятнаго для нихъ обстоятельства. По смерти Карла, преемникъ Льва III Стефанъ IV снова коронуетъ Людовика, и затѣмъ всѣ послѣдующіе папы съ особенною заботливостію совершаютъ обрядъ коронованія надъ потомками Людовика. Послѣ этого не мудрено, что всѣ, начиная съ императоровъ, и вассалы и народъ—привыкли думать, что санъ императорскій есть даръ римскаго первосвященника. Тѣмъ болѣе сами епископы римскіе не могли не понять положенія, въ которое ставило ихъ общее народное сознаніе, сознаніе цѣлаго Запада. Они уже смѣли высказывать притязанія свои на независимость. Императоры между тѣмъ все болѣе и болѣе слабѣютъ, такъ что римскіе епископы почти безъ труда распространяютъ свою власть надъ всѣми потомками Карла, и не только въ своихъ владѣніяхъ, но и во всемъ Западѣ становятся самодержавными государями, судьями и рѣшителями участи государей. Такъ, не болѣе какъ черезъ полвѣка по смерти Карла, папа Николай I является судьей внука Карлова Лотаря въ распрѣ съ его супругою и отлучаетъ его отъ церкви.

За тѣмъ проходятъ два вѣка безъ всякаго особеннаго приращенія власти римскихъ епископовъ. То были вѣка слабыхъ представителей, — не величія, но упадка нравственнаго, — потому что въ матеріальномъ отношеніи, при всей внутренней слабости и растлѣнности нравовъ представителей власти, самая власть не ослабѣла и не потеряла своего великаго значенія, какъ созданіе не одного личнаго генія, а крѣпкое созданіе много-вѣковой исторіи. То были вѣка спора церкви, окончившагося совершеннымъ отпаденіемъ, какъ мы сказали, западной церкви отъ восточной.

Вскорѣ послѣ этого, великаго и богатаго своими послѣд-

ствіями, событія, является на римскомъ престолѣ человекъ гениальный, стоящій выше всѣхъ своихъ предшественниковъ и своею обширною ученостію и строгой нравственностію, соединившій со всѣми личными достоинствами и многолѣтнюю опытность въ дѣлахъ церковныхъ и политическихъ. Этотъ человекъ—Григорій VII Гильдебрандъ. Начавши свое воспитаніе съ самаго низкаго послушанія монашеской жизни, онъ воспиталъ въ себѣ твердую волю и непреклонный характеръ: все передумалъ, все перечувствовалъ въ тишинѣ монастырской келіи и испробовалъ свои силы во время правленія многихъ своихъ предшественниковъ, бывши ихъ вѣрнымъ помощникомъ и главнымъ заправителемъ всѣхъ дѣлъ въ санѣ кардинала. По принятіи папской тиары, онъ пошелъ къ своей цѣли путемъ вѣрно обдуманымъ и рассчитаннымъ. Всѣ средства были уже подготовлены заранѣе предшествовавшими обстоятельствомъ, оставалось только умѣючи воспользоваться ими, — и онъ блестящимъ образомъ употребилъ въ дѣло всѣ эти средства. Мы не будемъ здѣсь говорить о дѣятельности этого гениальнаго человека вообще, а укажемъ только на планъ его дѣйствій и на результатъ ихъ. Планъ его дѣйствій былъ таковъ: ввести больше чистоты и нравственности въ церковь и церковь преобразовать общество, — подчинить свѣтскій міръ церкви, а церковь — папскому престолу. Начавши безбрачіемъ священниковъ, онъ кончилъ совершенною независимостію духовенства отъ власти императорской. Его знаменитая борьба съ Генрихомъ IV за право инвеституры, унижившая и уничтожившая послѣдняго въ глазахъ всего Запада, возвысила до громаднхъ размѣровъ значеніе папъ и заставила думать, что съ этою властію невозможна и напрасна борьба свѣтскихъ государей. Въ лицѣ Генриха IV власть императорская смирилась предъ властію римскаго первосвященника. Если Григорій VII не дожилъ до полнаго осуществленія своего широкаго плана, то по крайней мѣрѣ пережилъ полное уничтоженіе сана императорскаго предъ саномъ римскаго первосвященника, и оставилъ своимъ преемникамъ вѣрный путь къ верховной самодержавію своей духовной и свѣтской власти.—Такъ рѣшено было первенство папской власти не только надъ мѣстными духовными властями въ Западной Европѣ, но и надъ властію свѣтскою. И управленіе церковное, основанное доселѣ на правахъ феодальной аристократіи, превратилось въ монархію:—папа неограниченно царствовалъ надъ всѣмъ западнымъ духовенствомъ.

Такимъ образомъ, на основаніи началъ, положенныхъ Григоріемъ, папская власть непрерывно возростала. Крестовые походы, спустя 20 лѣтъ по смерти Григорія VII начавшіеся, еще болѣе возвысили и укрѣпили ее. Зенитомъ папскаго могущества было первосвященство Иннокентія III. Все чтѣ Григорій VII приготовилъ для самодержавія своей власти въ теоріи, то Иннокентій III выполнилъ на практикѣ: граждане Рима, зависѣвшіе до того отъ императора, даютъ присягу на вѣрность папѣ Иннокентію какъ своему законному государю. Этого мало: Иннокентій самовластно распоряжается коронами государей. Отлучаетъ отъ церкви французскаго короля Филиппа-Августа, возлагаетъ богемскую корону на Перемысла, вѣнчаетъ аррагонскаго короля и царя болгарскаго; вновь ополчаетъ Европу на Азію, и крестоносцы, имъ двинутые, завоевываютъ Греческую имперію и повергаютъ ее къ подножію его престола; повелѣваетъ англійскому королю Іоанну Безземельному признать себя подданнымъ папы, а свое государство—областію, отъ папы ему пожалованную; отнимаетъ императорскую корону у Оттона IV и возлагаетъ ее на Фридриха II Гогенштауфена.—Вся Западная Европа представляется при Иннокентіѣ III одну обширную монархію, въ которой одинъ безграничный самодержецъ — папа. Духовное сословіе и въ особенности монашескіе ордена: доминиканскій и францисканскій,—изъ которыхъ первый дѣйствовалъ въ высшихъ классахъ общества и воспитывалъ покорность папѣ въ будущихъ поколѣніяхъ, а послѣдній держалъ простой народъ въ слѣпомъ благоговѣніи къ себѣ и къ папѣ,—разлитые по всему пространству Европы, представляютъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ и усерднѣйшихъ слугъ, преданныхъ единственно выдамъ и выгодамъ своего владыки, съ пассив-

Живой телеграфъ. Рис. Греггера, грав. Пейне.

нымъ стремленіемъ исполняющихъ святую волю, для нихъ, святѣйшаго отца и намѣстника апостольскаго. А свѣтскія сословія, то связываемыя клятвами и угрозами страшнаго Ватикана, то обезпечиваемыя на будущее время и разрѣшаемая за протекшую жизнь во всѣхъ правственныхъ проступкахъ, обильно раздаваемыми индульгенціями отъ руки намѣстника Христова на землѣ, — или слѣшать, подъ знаменіемъ креста, освобождать Святую Землю, или, что еще хуже, въ безпечности предаются всѣмъ возможнымъ порокамъ и представляютъ безсловесное стадо, которое пасущій ведетъ туда, куда ему угодно.

Исторія возрастала и развила папство; но она-же, и по тѣмъ-же законамъ преемственности, и свела папъ съ ихъ высочайшаго пьедестала. Крестовые походы были послѣднею ступенью къ могуществу для папской власти; но въ нихъ-же, подъ блестящей наружностью прекраснаго и зрѣлаго плода вѣковой дѣятельности папъ, зародился и тотъ червь, который

подточилъ впоследствии это громадное тѣло.. Во время странствій въ Святую Землю отрезвились умы народовъ: въ нихъ глубоко запало сѣмя сомнѣнія на счетъ законности безграничнаго владычества папъ; родилась свѣтлая мысль, что папская власть сдѣлала свое дѣло, выполнила свое назначеніе для воспитанія молодыхъ народностей подъ сѣнію христіанскаго ученія и своей онекунской заботливости, совершила свой историческій путь, дошла до того Рубикона, переступивши за который она становилась уже не властію благодѣтельною, а противу-человѣческимъ и противу-христіанскимъ поработеніемъ, — поработеніемъ, простиравшимся не только на внѣшнюю, но и на самую внутреннюю, духовную жизнь человѣка... Въ лицѣ Бенедикта VIII, папская власть, въ самомъ апогее своего величія, получила первый ударъ, тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ былъ неожиданный: эта власть въ упоеніи своего величія дошла до того состоянія, въ которомъ человѣкъ не думаетъ о возможности какой-либо опасности.

Архимандритъ Алексій.

Прогулка по Пекину.

(Барона Александра Гюбнера).

(Окончаніе.)

Равнодушіе мимопроходящей публики образуетъ съ этой чрезмѣрной пышностью поразительный контрастъ. Никто даже не останавливается; рѣдко, если кто-нибудь злобно посмотритъ на шествіе, да и то потому, что занятые люди неохотно переносятъ всякую задержку на улицѣ. И не мудрено: подобныя ежедневно повторяющіяся зрѣлища успеваютъ всѣмъ надоесть до-нельзя. Имъ интересуются только родственники покойнаго, а больше всѣхъ его близкіе родные, на карманѣ которыхъ подобная исторія отзывалась болѣе чѣмъ чувствительно.

Не смотря на эти и подобныя имъ препятствія и затрудненія, я весьма охотно расхаживалъ по улицамъ Пекина, потому что все происходитъ здѣсь какъ-то совершенно иначе, чѣмъ у насъ.

Мы находились въ одной улицѣ, ведущей къ запрещенному городу. Широко разставленные ворота послѣдняго позволяли мнѣ бросить взглядъ на освѣщенный мѣста. Но они оказались похожими на неосвященный Пекинъ, какъ двѣ капли воды.

Вдругъ мы услыхали позади насъ шумъ. Огромная толпа народа собралась вокругъ одного оборваннаго, почти голаго парня и одной женщины, которая въ бѣшенномъ изступленіи осыпала его ругательствами. Мужчина этотъ ее обокралъ; вещественныя доказательства совершеннаго преступленія находились еще въ его рукахъ. Отвратительно грубая сцена! Но вдругъ воцарилась тишина. На сцену выступаетъ какой-то старикъ; его походка граціозна и полна достоинства, а лицо дышетъ кротостью и вѣжностью. Съ благосклоннымъ взоромъ осматриваетъ онъ обвиняемаго, обращаетъ къ нему нѣсколько вопросовъ, дотрогивается до его плечъ и удаляется. Толпа съ благоговѣніемъ уступаетъ ему дорогу. На разстояніи около 200 шаговъ слѣдуетъ за нимъ преступникъ, съ поникшею головою и скрещенными на груди руками. Почтенный старикъ этотъ — полиційскій чиновникъ. Несчастный воръ, совѣсть котораго вѣроятно была отягчена еще какими-нибудь преступленіями, былъ такимъ образомъ арестованъ; его путь лежитъ къ темницѣ; онъ знаетъ, что ожидаетъ его: бамбуковая трость, пытки, голодъ, болѣзнь и смерть.

За уединенными прогулкамъ, предпринятыми мною пѣшкомъ, слѣдовали верховыя партіи въ обществѣ многочисленной молодежи. У всѣхъ насъ были великолѣпныя верховыя лошади. Эти монгольскія «спонія» отличаются быстрою поступью и ретивою наружностью; часто любятъ подыматься на

дыбы и, закусивъ удила, мчатся съ ѣздокомъ, чего нельзя не простить этимъ буйнымъ дѣтямъ степи, гордымъ благородной кровью, текущей въ ихъ жилахъ.

Кавалькада прошла китайскій городъ по всей его ширинѣ и достигла наконецъ большой, неправильной площадки; на противоположной сторонѣ ся мы увидѣли Тіень-танъ или храмъ Неба, посѣщаемый развѣ въ году Богдыханомъ, но оставленный и забытый во все остальное время. Врата его обыкновенно заперты, особенно для иностранцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые посѣтители его американскіе путешественники позволили себѣ, вмѣстѣ съ женами и дѣтями, устроить пикникъ на алтарѣ «ежегоднаго жертвоприношенія». Къ счастью существуютъ нѣкоторыя средства, помощью которыхъ можно вступить въ сдѣлку съ Небомъ, или лучше сказать, съ стражами храма, который носить на себя это имя. Легко, конечно, это не дѣлается; тутъ требуется совокупное дѣйствіе хитрости, силы и денегъ. Когда мы приблизились къ храму—ворота его, по счастливой случайности, стояли отворенными. По совѣту одного господина, служившаго намъ проводникомъ, мы сдѣлали видъ, будто желаемъ проѣхать мимо. Между тѣмъ этотъ другъ нашъ внезапно наскочилъ на стоявшихъ у воротъ стражей, которые съ страшными криками старались задержать его, ловко пробравъ себѣ дорогу черезъ эту маленькую толпу и счастливо проникъ въ предхраміе. Его примѣру слѣдовали и мы, конечно, съ не менѣе благоприятнымъ результатомъ.

Нашъ другъ своими зоркими глазами вскорѣ замѣтилъ и другія открыто стоявшія ворота, мы прищипорили лошадей и спусти нѣсколько секундъ находились уже во второй внутренней оградѣ. Тутъ окружила насъ цѣлая толпа рабовъ, исполняющихъ должность храмохранителей. Люди эти, не отличавшіеся особенно приличною наружностью, встрѣтили насъ дружнымъ и дикимъ ревомъ. Ливренъ ихъ былъ сильно изношенъ, а относительно опрятности тоже оставляли кое-чего еще желать. Но вотъ, наконецъ, завязались переговоры, самый пріятный случай для переводчиковъ—пустить въ ходъ свои дипломатическія дарованія и знаніе языковъ. Китайцы вскорѣ понизили свой голосъ на нѣсколько октавъ и въ знакъ почтительности опустили свои косы на плечо (во время работы у простаго народа косы остаются обвитыми вокругъ головы). Послѣ еще одного краткаго обмѣна мыслей, злобное выраженіе ихъ лицъ окончательно

уступило мѣсто дружелюбному скаленію губовъ и самымъ приторнымъ изъявленіемъ вѣжливости. Однимъ словомъ, мы стали уже понимать другъ друга. Дѣло было въ томъ, чтобы приблизительно сосчитать число бамбуковыхъ ударовъ, имѣющихъ выласть на долю стражей за незаконное допущеніе въ храмъ «чужихъ дѣволовъ», и сообразнѣрно этому опредѣлить слѣдующую имъ за эту боль плату. Когда, къ обоюдному удовольствію, дѣло наконецъ уладилось, насъ впустили, умоляя при этомъ ничего не портить и ничего не унести съ собою, иначе дѣло ужъ не обойдется одними бамбуковыми ударами, тутъ не ровно и голову тебѣ отрубить, «а это, понимаете ли вы» говорили они съ плачевнымъ видомъ: «вещь далеко ужъ не шуточная».

Храмъ Неба съ своимъ паркомъ и дворами, окруженными стѣнами и рвами, занимаетъ двѣ мили въ окружности. Роща его, состоящая изъ кедровъ и хвойныхъ деревьевъ, смотритъ совершенно одичалой, напоминая собою дѣвственный лѣсъ. Самое замѣчательное зданіе—это святилище ежегоднаго жертвоприношенія, воздвигнутое въ срединѣ прошлаго столѣтія. На совершенно круглой террасѣ возвышается круглый же, или, точнѣе сказать, многоугольный храмъ, окруженный тремя концентрическими мраморными балюстрадами. Стѣны въ немъ замѣнены рѣшеткою фантастической рѣзной работы, украшенной лазурью эмалью. Три крыши, поставленныхъ одна надъ другой въ родѣ сложнаго зонтика, покрыты синими кирпичами. Странное это зданіе смотритъ какъ-то элегантно, а вмѣстѣ съ тѣмъ до вычурности искусственно и грубо, поражая глаза самыми странными и неожиданными перекрещиваніями своихъ линий, успокаивая его въ то же время самую вѣжкою гармоніей цвѣтовъ. Какъ пріятно сливаются тамъ бѣлизна мраморныхъ балюстрадъ съ чернотурнымъ отгѣнкомъ рѣшетчатыхъ стѣнъ и темною лазурью покрывающей ихъ снаружи эмалью. Если смотрѣть на это издали, то эффектъ становится еще поразительнѣе; легкія извилистыя линіи балюстрадъ въ сочетаніи съ видимо къ нимъ приближающимися извилистыми трехъ зонтичныхъ крышъ, дѣйствительно производятъ какое-то своеобразное невыразимое впечатлѣніе. Вы готовы даже удивляться изобрѣтательности и игривой фантазіи архитектора,—хотя на самомъ дѣлѣ эти замѣчательные эффекты нисколько не обязаны ему своимъ происхожденіемъ; они вызываются просто грандіозными размѣрами зданія и за-

конами оптики. Воображение же китайцев туго собственно ни при чем.

Внутренность храма недоступна обыкновенным смертным; только Богдыхань, принцы крови и его свита могут туда проникать. Колоссальные замки препятствовали и нам переступить порог святилища. Къ счастью, храмохранители нашли, что не стоит труда нас проводить. Увѣренные съ одной стороны въ неизбежности ожидающихъ ихъ бамбуковыхъ ударовъ, съ другой стороны увѣренные также въ получении обещанной нами награды, часть которой была имъ уже вручена въ видѣ задатка, они предоставили намъ полную возможность разспоряжаться въ храмѣ Неба по нашему благоусмотрѣнію. Мы начали тщательно осматривать всѣ замки—и къ нашему величайшему удовольствію одна дверь отворилась, и мы вступили въ святилище. Четыре деревянныхъ колонны, богато украшенныхъ рѣзною работою и живописью, и связанныхъ верху четырьмя перекладинами подобной же

отдѣлки, поддерживаютъ украшенную шпалерами галерею, на которой покоится громадный куполъ. Послѣдній, насколько я могъ различать при слабомъ свѣтѣ, казался сильно освѣщенъ и подобно колонамъ и шпалерамъ покрытъ рѣзною работою и лакомъ. Это единственный куполъ, который я видѣлъ во всемъ Китаѣ. Только здѣсь, при помощи рѣзкаго контраста между таинственнымъ полумракомъ внутри и яркостью дневнаго свѣта снаружи, насъ поразила удивительная красота и разнообразіе рѣшетки, замѣняющей, какъ я уже сказалъ, стѣны храма и представляющей глазу, обращенному на нее изнутри, въ видѣ грандіозной паутины.

Из одного кумира мы не замѣтили въ храмѣ и вообще ничего такого, что могло бы напомнить о томъ, что это мѣсто посвящено молитвамъ. Это великолѣпный кіоскъ, достойный служить мѣстомъ свиданія между властителемъ неба и повелителемъ земли.

Въ некоторомъ разстояніи отъ храма возвышается открытый алтарь, на которомъ совершается ежегодное жертвоприношеніе: это круглая платформа изъ бѣлаго мрамора, вышиною въ 30 футовъ и составленная изъ трехъ террасъ, имѣющихъ въ диаметрѣ 120, 90 и 60 футовъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ храма, преобладаетъ тройственность чиселъ. Колѣна лѣстницы состоятъ изъ трехъ, девяти, или двѣнадцати ступеней, — всегда произведеніе отъ умноженія на три. Подобное же отношеніе мы замѣчаемъ въ прочихъ элементахъ этого зданія: каменныхъ плитахъ мостовой, перилахъ галереи, и т. д. Въ храмѣ «Земли», который находится за сѣверной частью городской стѣны, два образуетъ основное число. Въ этомъ нужно видѣть совокупное вліяніе китайской теологической и геометрии; но никто однакожъ не могъ мнѣ объяснить таинственный смыслъ этихъ основныхъ чиселъ.

ЖИВОЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Въ комнату ключницы, Мавры Панкратьевны, вбѣжалъ казачокъ Митя и доложилъ: — Тетенька-съ, сватѣ бы не будетъ-съ! — Что? Что ты врешь? — Вѣрно-съ! Баринъ съ барыней въ гостинной . . . баталія идетъ . . . У дверей Маша и Григорій Петровичъ слушаютъ . . . Чудесно слышно! А барыня ушла въ свою комнату . . . въ слезахъ—и заперлась . . . Самъ видѣлъ!

Мавра Панкратьевна, дама довольно плотная, круглая, въ чепчикѣ, въ чистомъ фарфурѣ, только расположилась было пить кофею—пастоящаго моккасаго (не даромъ она была *ключницей*)—и вотъ не удалосъ: ну, какъ не пойти? Однако, она и виду не показала, что крѣпко заинтересовалась такою новостью: наморщивъ съ трудомъ брови, она встала и проговорила:

— И ты—дуракъ, да и Маша-то съ Григорьемъ—хороши . . . Подслушивать! Ну, хочешь кофею? Садись, послушай.

Митя вытаращилъ глаза . . . Кофею угождать? Никогда этого не было . . . Ну-да ладно, не обманешь! Я духомъ вышью и опять туда! . . . подумалъ онъ, и вслухъ сказалъ:

— Хочу-съ . . . Только, тетенька, я не подслушивалъ . . . Какъ можно! Это вотъ они . . . Ну, ну . . . Въ накладку что-ли?

— Въ накладку-съ позвольте . . .

Мальчикъ присѣлъ къ столу, а Мавра Панкратьевна, наливъ ему большую чашку кофе, выплыла изъ комнаты, забывъ даже приубрать сахарницу.

* * *

Въ роскошно-убранной гостинной, на диванѣ полулежала дама, лѣтъ подъ сорокъ, въ утреннемъ negligé. Она обмахивалась платкомъ и, какъ видно, была взволнована. Прислонившись къ камину, стоялъ господинъ, уже пожелавшій лѣтъ, но еще крѣпкій, молодцоватый, въ сюртукѣ, съ орденомъ на шеѣ. Это—супружеская чета: Софья Николаевна и Левъ Михайловичъ Ландышевы.

— Не хочу, не хочу—и basta!

— Ахъ, зачѣмъ ты кричишь? . . . И все-таки скажу: ты всегда былъ упрямъ—да! Всегда мнѣ наперекоръ . . . даже въ пустякахъ! говорила нараспѣвъ Софья Николаевна.

— Всегда! Что за манера преувеличивать! По твоему это пустяки? горячился суиругъ. — Ни ты, ни Зина—обѣ вы не понимаете жизни . . . Вы все строите на плохихъ романахъ . . . Да! Ну, а потомъ случись что—ахъ! ахъ! Вообразите! Imaginez-vous . . . Figurez-vous! Кто бы могъ подумать?! . . . И пойдете хныкать! . . . А кто виноватъ? . . .

— Но вѣдь они любятъ другъ друга . . . Пойми ты это!

— Ха, ха, ха! . . . Ей—семнадцать, ему—двадцать три! Да они вѣдь такъ разъ десять еще влюбятся . . . Помилуй, стонъ-ли на такую любовь вниманіе обращать? . . . Зина только что вышла изъ института . . . Ну, я даже вѣрю, что она увлечена имъ, но . . . и только! А самъ-то синьоръ—да я пари готовъ держать, что онъ вовсе и не любитъ ее! Роль разыгрываетъ . . . Вообще—не партія! Скверный мальчишка . . . Ну, и мамаша—хороша.

— Сквернымъ мальчишкой назвалъ графа, насчетъ графини тоже, шеннула горничная Маша, ближе подвигался къ двери.

— Что . . . что? пролетела ключница.

— Какъ не любить? воскликнула Софья Николаевна.—Ты послѣ этого ничего не видишь!

— Все, матушка, нижу! заговорилъ Левъ Михайловичъ. — Развѣ трудно влюбленнымъ представиться? . . . Полю! . . . Повторю: его сѣятельство, Леонидъ Сергѣичъ, и мамаша его—Юлія Александровна—просто хотятъ дѣлшки свои поправить! И вотъ—единственное средство: жениться на богатой! . . .

— Въ самый центръ! произнесъ тихо камердинеръ Григорій Петровичъ,

— Если и такъ, то чтожъ такое! . . . А связи? . . . И наша Зина будетъ графиней! . . .

— Ну, я Зину люблю разумнѣе твоего . . . Я не хочу, чтобы она была несчастной графиней! Отдавать дочь для поправки обстоятельствъ хоть-бы и графа . . . Никогда! Это своего рода убійство! . . .

Онъ даже тоннулъ ногой.

— Что . . . что? шепотомъ спросила ключница.

— Убью, говоритъ, его! шеннула горничная.

— Да вы-бы, Мавра Панкратьевна, поближе-съ! проговорилъ камердинеръ, прикрывъ ротъ пальцами.

— А ты уяз тутъ? съ неудовольствіемъ произнесла Мавра Панкратьевна, почуввавъ сзади себя Митю.

— Я ужъ выныль-съ . . .

— Ступай, ступай! Нѣчего тутъ . . . Снеси кофеинку на плиту.

— Шт . . . ! Тише вы тамъ! прошипѣла Маша, махнувъ лѣвой рукой.

— Я говорить съ вами не хочу, потому что вы ногой топаете! рѣзкимъ голосомъ замѣтила Софья Николаевна, смѣивъ „ты“ на „вы.“ — Но я вамъ одно скажу: расхотѣлся съ Юліей Александровной не слѣдовало-бы . . . Братъ ей—вы сами знаете—какой тузъ . . . Ну, а у васъ дѣла . . . Понимаете? . . .

— Конечно! Затѣмъ-же расходиться? Мы и не будемъ ссориться . . .

— Да вѣдь вы-же не хотите этого брака? Придется отказать? . . . Ну, какъже? . . . А графиня уже намекнула насчетъ обрученія . . .

— Э, все это можно устроить . . .

— О, вы вѣдь такой тонкій дипломатъ . . . Бисмаркъ!

— Что? спросила ключница, дернувъ за фалду Григорія Петровича.

— Бисмаркъ, говоритъ, хотѣлъ быть на сватѣбѣ, а ты, говоритъ, разстроилаешь . . . передалъ сквозъ пальцы камердинеръ.

— Обручить? удивилась Софья Николаевна.

— Да, я думаю, что можно даже обручить ихъ, подтвердилъ Левъ Михайловичъ, — а послѣ обрученія я отправлю Зину за границу . . . на годъ, наиримѣрь, лѣчиться! Она и забудетъ его . . . Ольга Михайловна ѣдетъ въ Палермо—вотъ я и пошлю ее съ ней. Его сѣятельство останется здѣсь—и, повѣрь мнѣ, полгода не пройдетъ, онъ, для поправки обстоятельствъ, женится на другой . . . Ждать ему нельзя! Самъ кольцо возвратитъ! . . .

— Но въ такомъ случаѣ и я поѣду въ Палермо!

Глаза г-жи Ландышевой засіяли.

— Пользайте! Я не прочь . . .

Опять камердинера дернули за фалду.

— Куда они, Григорій Петровичъ?

— Тссс! Прямо въ Палермо . . .

— Ловко! почти вслухъ замѣтилъ Митя, и сейчасъ-же почувствовалъ свое ухо въ плѣву у «тетеньки».

— Но вѣдь Зина . . . здорова, заговорила мягкимъ тономъ Софья Николаевна,—както-то недовко выйдетъ . . .

— А докторъ нашъ—Эдуардъ Андреичъ—на что? Онъ такіе резоны подведетъ . . . Объ этомъ говорить нѣчего! Главное—обрученіе успокоитъ ихъ: они увидятъ, что мы рады предложенію . . . Разумѣется, вѣдь мы отпускаемъ дочь лишь на три, на четыре мѣсяца . . . не больше! Ну, а потомъ, понимаешь, еще три . . . еще четыре . . . Ты съ графиней будь какъ можно повнимательнѣе, полюбезнѣе . . . Кстати: послѣзавтра твое рожденіе . . . Вотъ и прекрасно! Сдѣлаемъ вечеръ. Они у насъ будутъ непремѣнно; и намъ нужно . . .

— Мавра Панкратьевна, балъ у насъ! не утерпѣлъ Григорій Петровичъ, дернувъ ключницу за фарфуръ.

— А Зина еще ребенокъ, продолжалъ Левъ Михайловичъ.—Она охотно промѣняетъ своего Леонида на поѣздку за границу . . . Вотъ, увидишь! Я даже дамъ *взаимы* ему немножко денегъ . . . Утѣшится! И мы къ концу года—побѣдимъ!

— Но Зину твой отказ очень разстроил... Пожалуй и въ самомъ дѣлѣ заболѣеть...

— Ничего! Скажемъ ей теперь, что *согласны*... Да вотъ я самъ къ ней пойду, ну, утѣшу, и побѣду даже съ ней прогуляюсь...

— Хорошо, но постой... Ты ей скажи... — Да, да! Знаю, знаю!

Тутъ Мама отскочила отъ дверей такъ быстро, что треснулась головой о правое ухо камердинера, который отъ испуга и боли чуть не вскрикнулъ, выронилъ метелку и налетѣлъ на неповоротливую Мавру Панкратьевну... Ключница, увидѣвъ, какъ мимо нея шмыгнула горничная, хотѣла обратиться въ бѣгство, но ей подъ ноги попалъ Митя, а сзади толкнулъ Григорій Петровичъ... Почтенная дама потеряла равновѣсие и придавила собой казачка, что дало возможность камердинеру перескочить черезъ нихъ. Но

Митя выкарабкался изъ-подъ теплой живой перины, и ключница была спасена.

Левъ Михайлычъ, съ улыбкой, веселый, вышелъ послѣднимъ изъ гостиной. Замѣтивъ на полу метелку, онъ подошелъ къ советкѣ и позвонилъ. Камердинеръ явился.

— Это зачѣмъ тутъ? спросилъ баринъ, указавъ ногой на метелку.

Григорій Петровичъ вспыхнулъ, бросился — и поднялъ.

— Должно быть Митька-съ обронилъ...

— Вели закладывать коляску!

— Слушаю-съ.

* * *

Утромъ, на другой день, графиня Юлія Александровна, какъ только проснулась — сейчасъ освѣдомилась: дома-ли Леонидъ Сергѣичъ?

— Дома-съ, доложила горничная.

— Позовите его сюда.

Блестящій Леонидъ не замедлилъ предстать...

— Сядь, мой другъ, побесѣдуемъ...

Бесѣда (на французскомъ діалектѣ) продолжалась полчаса, графъ сначала смѣялся, но потомъ слегка сдвинулъ брови...

— Будьте спокойны, тамап, произнесъ онъ наконецъ, вставая и цѣлуя руку матери: — если онъ — Бисмаркъ, то вѣдь и мы съ вами Талейраны... Если все это дѣйствительно правда, или даже правда отчасти, то... ха, ха, ха! Посмотримъ!.. Это интересно!..

— Но, мой другъ, не надо и виду показывать...

— О, конечно, тамап!

— Не забудь-же взять браслетъ...

— Не забуду.

И, щелкнувъ шпорами, Леонидъ Сергѣичъ вышелъ изъ будуара своей тамап.

СМѢСЬ.

Жанъ-Леонъ Жеромъ — одинъ изъ любимѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ живописцевъ во Франціи. Родился онъ въ Везулѣ въ 1824 г. Ученикъ Поля Делароша — онъ принадлежитъ къ той группѣ художниковъ, которые преимущественно пишутъ бытовые картины, «картины правды», и въ особенности любятъ изображать жизнь Востока — древняго и современнаго. Рисунокъ у него чрезвычайно правдивъ; онъ отличный наблюдатель, и не пропуститъ ни одной мелочи (внучу слѣдовало бы и обойти); то, что видитъ онъ — неизменно и передаетъ, даже въ ущербъ эстетическому чувству. Кромѣ этого, у него есть замашка выбирать сюжеты для своихъ картинъ такіе, которые грубо затрогивали бы чувствительную сторону зрителя, при чемъ онъ даже намѣренно старается усилить въ зрителѣ такое ощущение, и старанія его не пропадаютъ даромъ: его рисовка такова, что дѣйствительно настраиваетъ нервы въ желанномъ направленіи... Оттого-то произведенія Жерома высоко такъ и цѣнятся; за картины его даютъ даже небывалыя цѣны, такъ напр., за картину «Клеопатра у Цезаря» онъ получилъ 40,000 франковъ.

Жеромъ — хорошій антикварій. Изъ деталей картинъ его (историческихъ) видно, что онъ прекрасно знакомъ съ древностями, знаетъ до мелочей обстановку, имъ изображаемую. Фигуры его живы, выразительны, но въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ ему приходилось сочинять, фантазировать, гдѣ онъ не могъ пользоваться натурой — лица и позы не совсѣмъ удовлетворительны; за то картины, изображающія нравы современнаго востока — безу-

коризненно хороши во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ живописецъ-техникъ, Жеромъ тоже замѣчательнъ: кисть его мягка, вѣжна, колоритна до того, что производитъ даже непріятное впечатлѣніе, ибо невольно срашиваешь себя: художникъ съ такою любовью трудился, такъ усидчиво, старательно работалъ — но развѣ стоитъ избранный сюжетъ такой удивительной отдѣлки?.. Иныя картины Жерома, исполненныя, какъ видно, съ самоуслажденіемъ, просто возмущаютъ свое излишнею непринужденностью (Римскій лунарь): онъ смѣло, прямо изображаетъ то, о чемъ историкъ-летописецъ не безъ робости рѣшается упомянуть лишь двумя-тремя строками, и то придавъ словамъ своимъ мрачный оттѣнокъ... Безъ ошибки можно сказать, что Жеромъ пишетъ свои картины не по вдохновенію, душа его тутъ не причастна, священный огонь творчества не вспыхиваетъ въ немъ, произведенія его — плоды не пылкой фантазіи, а холоднаго расчета: онъ бьетъ на эффектъ, жаждетъ успѣха, славы, и не останавливается въ выборѣ средствъ для этой цѣли, угождая вкусамъ современной публики, увъ — неразборчивой, надкой къ вещамъ далеко не похвальнымъ... Жеромъ приобрѣлъ настоящую извѣстность картиной своей «Дуэль послѣ маскарада» (между Пьерро и Арлекиномъ), которая была послана имъ на выставку 1857 г. Дѣйствительно, сцена эта, полная трагизма, передана имъ поразительно правдиво; она заставляетъ призадуматься... Изъ другихъ, болѣе замѣчательныхъ картинъ его, назовемъ слѣдующія: «Сократъ

посѣщаетъ Алкивиада у Аспазіи», «Фрина передъ судищемъ, обнажаемая своимъ защитникомъ», «Два авгура, готовые прыгнуть отъ смѣха (по Катону)», «Клеопатра у Цезаря», «Смерть Цезаря», «Гладиаторы, идущіе на смерть и пріявѣтствующія императора Вителлія», и изъ бытовыхъ картинъ востока: «Турецкій мясникъ въ Иерусалимѣ», «Альмэя, публичная плясунья», «Арнаути за шахматами», «Невольничій рынокъ...»

Замѣчательно, что Жеромъ не идетъ впередъ, талантъ его не развивается: какъ рисовалъ онъ прежде, такъ рисуетъ и теперь — ни хуже, ни лучше, т. е. никакой новой особенности, какъ художникъ, не проявляетъ онъ.

Ж. Л. Жеромъ имѣетъ нѣсколько золотыхъ медалей, а всемирная парижская выставка 1867 г. (на ней было 13 картинъ его) сдѣлала его кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона.

Въ настоящемъ № «Нивы» мы помѣстили снимокъ съ одной изъ картинъ Жерома — «Изъ воспоминаній о Каирѣ». Передъ нами — каирская красавица. Сидитъ она въ какомъ-то лѣново-сладкомъ раздумьи... Оставивъ трубку (можетъ быть съ опіумомъ) и охвативъ колѣно обѣими руками, она мѣлаетъ, грезитъ о чемъ-то...

СОДЕРЖАНІЕ: — Двухой волкъ. Романъ Н. Каранина. Часть 1 (продолженіе). — Лапландія. II (съ рисункомъ). В. Немровичъ-Данченко. — Колыбельный ужъ и травяная лагушка (съ рисункомъ). — Историческое развитіе ланской власти (окончаніе). Архимандритъ Алексія. — Прогулка по Пекину (окончаніе). — Живой телеграфъ (съ рисункомъ). Смѣсь. Жанъ-Леонъ Жеромъ (съ рисункомъ).

Редакторъ В. Ключниковъ.

МАГАЗИНЪ К. ЗЕЙФЕРТЬ

рекомендуетъ Керосиновыя лампы и всѣ къ нимъ принадлежности; отъ низкихъ цѣнъ еще 20% скидки.

На углу Вознесенскаго проспекта, домъ № 13/2 близъ Офицерской улицы. Тутъ же продается Богемскій хрусталь и Англійскій фаянсъ по сходнымъ цѣнамъ.

ОСТАКАННИКИ разныхъ новѣйшихъ фасоновъ въ большомъ выборѣ изъ лучшаго качества мельхиора можно найти въ магазинѣ

Александра Качъ,

на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостиницы № 3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ по требованію иллюстрированныя каталоги, безплатно.

При этомъ № прилагается для Гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книгопродавца Екшурскаго.

Извѣстный фабрикантъ ФЕЙРИХЪ въ Лейпцигѣ,

специально работающій пианино, назначилъ меня своимъ единственнымъ агентомъ въ Москвѣ. Пианино его, цѣною въ 360, 375, 400 и 475 руб., необыкновенно изящны и прочны. За упаковку 10 рублей.

Ручательство за прочность.

Нижеподписавшійся состоитъ единственнымъ агентомъ придворной фабрики Я. Беккера, поставщика двора Императора Австрійскаго. Цѣны кабинетной рояли новой конструкціи 550 руб., салонная рояль американской системы 750 и 800 руб., концертная рояль орѣховаго дерева 675 руб., новой конструкціи палисандроваго дерева 850 руб., концертная рояль американской системы въ 1,100, 1,200 и 1,300 рублей.

Единственный складъ настоящихъ американскихъ роялей и пианино извѣстной фабрики Штейнвей и сыновья въ Нью-Йоркѣ, цѣною отъ 875 до 2,200 руб.

П. Юргенсонъ,

музыкальный торговецъ, московскій 1 гильдій купецъ.
Москва, Петровка № 6.

**ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 21-го октября 1874 года.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Карта сѣверныхъ полярныхъ странъ съ показаніемъ крайнихъ предѣловъ, которыхъ достигли экспедиціи Парри, Пайера и кап. Голла. Г'рав. Вейерманъ.

АВСТРИЙСКАЯ ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ *).

Статья Юлія Лайера въ «NEUE FREIE PRESSE».

Какъ извѣстно, настоящая цѣль австрийско-венгерской сѣверо-полярной экспедиціи, описаніе которой слѣдуетъ ниже, заключалась въ открытіи сѣверо-восточнаго пролѣзда, а никакъ не новыхъ земель на сѣверо-востокъ отъ Шницбергена и Гиллисовой земли, хотя результаты предварительной экспедиціи во многихъ отношеніяхъ заставляли предполагать объ ихъ существованіи. И такъ, экспедиція 1872—1874 годовъ нашла землю, которой не искала, и не открыла пролѣзда, котораго искала. Вместе съ тѣмъ надо откровенно признаться, что начертанный нами планъ сѣверо-восточнаго пролѣзда основывался отчасти на нѣкоторыхъ ложныхъ предположеніяхъ.

Необыкновенно высокая широта 78° 45' достигнута предварительной экспедиціей (1871 г.) въ открытомъ морѣ между Шницбергеномъ и Новой Землей, и благоприятныя извѣстія, постоянно получаемыя отъ норвежскихъ мореплавателей о судоходности Карскаго моря, не вѣдѣвшаго до сихъ поръ хорошей славы,—послужили данными, на которыхъ былъ построенъ планъ австрийской экспедиціи. Но мысль объ «открытомъ полярномъ морѣ» была совершенно чужда ей. Необыкновенно неблагоприятное лѣто 1872 года уже черезъ недѣлю послѣ пересѣченія ледяной границы, въ громаднѣйшемъ разстояніи отъ предполагаемаго пролѣзда, разрушило всѣ мореходные планы предпріятія. Дѣйствительно, кораблямъ нѣтъ возможности достигнуть ни сѣверо-восточнаго, ни сѣверо-западнаго пролѣзда, также какъ и самаго полюса. Больше того, нѣтъ возможности даже невозможно добровольно проникнуть въ болѣе глубокую полярную область. Впрочемъ, этимъ высказывается не болѣе какъ личное мнѣніе. Благословенная судьба насильно удержала насъ отъ исполненія нашего плана, и избавила этимъ отъ горькаго чувства разочарованія: послѣ долгихъ страданій, ни съ чѣмъ вернуться въ отечество.

Предлагаемое описаніе экспедиціи дастъ не болѣе какъ поверхностную картину всего видѣннаго и пережитаго. Такъ какъ неутомимые труды г. Вейпрехта, Ореля и Броша по части метеорологіи и магнетизма не могутъ входить сюда, то, чтобы не утомлять читателя побочными обстоятельствоми, мы сосредоточимъ нашъ рассказъ главнымъ образомъ на открытіи и описаніи новой земли** до самой большой достигнутой широты.

Экспедиція, снаряженная почти на три года, 13 іюня 1872 г. оставила Временскую гавань на винтовомъ пароходѣ «Тегетгофъ» (около 220 тоннъ) съ экипажемъ изъ 24 чело-вѣкъ, и послѣ 21-дневнаго плаванія достигла Тромсѣ. Здѣсь былъ взятъ на пароходъ норвежскій полярный морепла-ватель, капитанъ Карсенъ, знаменитый китоловъ и знатокъ Ледовитаго океана. Кроме того были сдѣланы еще нѣкоторыя дополненія въ снаряженіи, и утромъ 14 іюля, мы оставили Тромсѣ и направили свой путь къ Новой Землѣ. Черезъ нѣсколько дней мы прошли Нордкаль; въ концѣ іюля, около 74¼ градуса широты показалась вдали ледяная граница.

Но тутъ, на первыхъ же порахъ, нашему плаванію во льду представились неожидан-ныя затрудненія. Нѣсколько дней мы стояли неподвижно, кругомъ стиснутые льдомъ (въ концѣ августа); освободясь отъ него, мы пошли по береговой линіи Новой Земли (75 град. сѣв. шир.). Между тѣмъ постоянно низкая температура лѣтнихъ мѣсяцевъ и огромныя массы льда указывали на то, что лѣто 1872 г. будетъ совершенно противоположно предыдущему. Съ трудомъ держали мы свой курсъ вдоль берега, и только на высотѣ Вильгельмовыхъ острововъ вошли въ болѣе открытую воду. Еще нѣсколько южнѣ ихъ, встрѣтились мы съ норвежской яхтой «Себорнъ», на которой графъ Вильчекъ и баронъ Штернекъ совершили трудный переходъ отъ Шницбергена, чтобы доставить намъ запасъ провизіи у Нас-саускаго мыса.

Оба наши судна поѣхали вместе до низменныхъ острововъ Варенса; здѣсь сплошныя массы льда держали насъ на одномъ мѣстѣ цѣлую недѣлю.

16 августа, графъ Вильчекъ устроилъ для нашей провизіи депо въ уакомъ, недоступномъ для медвѣдей, скалистомъ ущельѣ. 21 августа, во льду показались нѣкоторыя, повидимому благоприятныя перемѣны; мы распрощались съ «Себорномъ», и въ сумрачную погоду двинулись къ сѣверу, къ нашей далекой цѣли—передъ нами лежалъ до нея путь въ 2,000 миль сапшккомъ. Но какъ тщетны оказались всѣ наши надежды! Вечеромъ же мы были занерты льдомъ на цѣлыхъ два года! Мрачно и безнадежно было наше положеніе, и казалось, судьба наша была рѣшена: изъ изслѣдователей мы превратились въ пассажировъ ледяной глыбы.

Необыкновенно сильныя осенніе морозы 1872 года быстро сличивали окружающія насъ льдины, въ одну твердую ледяную массу, которую ни пролѣзть, ни прорвать не было ни малѣйшей возможности. Прикованные къ своей льдинѣ, мы, въ теченіи сентяб-ря и октября, невольно неслись къ сѣверу, и наконецъ потеряли изъ виду и слѣдъ земли.

Какъ ни было наше состояніе печально само по себѣ, 13 октября оно сдѣлалось еще тяжелѣе; окружающіе насъ льды вдругъ проснувшись изъ своей летаргіи, и наше судно почти ежедневно подвергалось страшнѣйшимъ напорамъ льда. Они часто вызывали насъ на налубу, чтобы быть наготовѣ оставить судно, въ случаѣ если бы оно пошло ко дну—и идти во мракѣ полярной ночи, не зная куда! Однако пароходъ не пошелъ ко дну, а напротивъ, напоромъ льда его все болѣе и болѣе подымало вверхъ противъ его обыкновенной ватерли-ніи; тѣмъ не менѣе состояніе его въ этой угрожающей обстановкѣ было для насъ предметомъ постоянной заботы.

Всѣ приготовления къ перемѣнкѣ были уже готовы. Корабль частію былъ уже раз-снащенъ, съ оставленіемъ только нѣсколь-кихъ парусовъ; налуба засыпана снѣгомъ, кузовъ обведенъ ледяной стѣной, которая постоянно исправлялась, какъ скоро полу-чала поврежденія отъ ледяныхъ напоровъ, а передняя часть судна накрыта шатромъ. Только кормовая часть его, по случаю по-стоинныхъ работъ, оставалась незакрытой. Поэтому для насъ было большимъ счастьемъ, что судьба пощадила насъ отъ тѣхъ страш-ныхъ снѣговыхъ бурь, какія мы испытывали въ 1869—1870 годахъ въ Гренландіи, во время второй нѣмецкой полярной экспеди-ціи. Собакъ—ихъ оставалось у насъ всего семь—мы повѣсили на налубѣ въ напо-ленныхъ соломою ящикахъ. У насъ были учреждены правильныя, снѣжившіеся че-резъ каждыя два часа, метеорологическіе

наблюдательныя посты, въ коихъ принимали участіе гг. лейтенантъ Брошь, поручикъ Орель, капитанъ Карсенъ, боцманъ Лу-зина и машинистъ Киришъ; кромѣ того, опас-ность нашего положенія требовала постоян-наго присутствія караульнаго на налубѣ. Онъ всегда во время давалъ намъ знать о приближеніи бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ мы въ теченіи экспедиціи убили и съѣли 67 штукъ. Не смотря на это важное под-спорье, санитарныя условія на нашемъ суд-нѣ, въ первую зиму оставили желать мно-гаго, и дѣлали не очень-то заминой дѣя-тельность нашего превосходнаго доктора, поджоваго врача Кенеса. Никакія старанія не могли отратить скорбута и болѣзней легкихъ—нервы развивались отчасти вслед-ствие нравственнаго подавленія, вызываема-го нашимъ положеніемъ. Съ увеличеніемъ его и съ наступленіемъ желаемыхъ лѣтнихъ работъ на льду, стала исчезать и болѣзнь.

28 октября солнце скрылось—на сто де-вять дней. Мы построили недалеко отъ ко-рабля домъ изъ каменнаго угля, съ цѣлю найти тамъ первое приближеніе, въ случаѣ гибели корабля, поддерживаемого почти ежедневнымъ нападеніемъ ледяныхъ массъ. Но въ вечеръ передъ Рождествомъ нашъ спасительный пріютъ былъ разрушенъ двинувшимся льдомъ, и мы должны были считать за особенную милость свыше, что намъ еще довелось про-вести въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ этотъ ве-черъ, такъ весело празднующий въ отечествѣ.

Наступилъ первый день 1873 года, но онъ не принесъ никакой изъ насъ надежды; насъ несло все дальше на сѣверъ и востокъ; мы достигли уже почти 78 градуса широты и 73 градуса долготы. Теперь становилось весьма вѣроятнымъ, что насъ занесетъ къ сѣверному берегу Сибири.

Случилось однако же иначе, потому что вѣтеръ перемѣнился и понесъ насъ къ сѣ-веру западу 15 февраля, солнце въ первый разъ снова появилось на горизонтѣ, а съ 25 февраля нынѣшная намъ ледя-ными напорами вдругъ кончилась и уже не возвращалась болѣе, между тѣмъ какъ вокругъ поднятаго вверхъ и наклоненнаго на лѣвый бокъ судна столпились цѣлыя го-ры круглыхъ ледяныхъ утесовъ. Холодъ все возрасталъ, и только къ концу февраля до-стигъ высшей точки на 37 градусахъ Рео-мюра. Невообразимо великолитнсе сѣверное сіяніе, свѣтившее намъ до сихъ поръ, ста-ло быстро уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивались дни.

Съ наступленіемъ лѣта 1873 года, увели-чилась такъ давно питаемая нами надежда на то, что наша глыба расчлѣтся и мы бу-демъ наконецъ освобождены. Въ стараніяхъ по возможности ускорить это событіе, прошли мѣсяцы іюль и августъ, посвящен-ные тяжелой работѣ прорубанію льда, чтобы освободить корабль отъ его ледяныхъ оковъ. По нѣсколькимъ разъ проталкиваемымъ внизъ ледъ въ 40 футовъ толщины, дѣлалъ тщет-ными всѣ наши усилія; высоко приподня-тая кормовая часть корабля продолжала лежать неподвижно на громаднѣйшей ледяной площади. Къ этому приближалось еще то обстоятельство, что въ теченіи лѣта окру-жавшія насъ снѣжныя и ледяныя массы понизились на двѣ и на три сажени. Корабль вследствие этого, лежалъ на семь футовъ выше нормальной ватерлиніи, и мы избѣгли опасности перевернуться на бокъ—только благодаря укрупненію мачтъ крѣпкими ле-сельширтами.

Сѣверные вѣтры, дувшіе въ теченіи іюля мѣсяца, подвинули насъ нѣсколько на югъ (ночь 79 град. сѣверной широты), но въ августѣ задули южныя вѣтры, и мы снова понесли на сѣверъ. Съ каждымъ днемъ уменьшались питаемыя нами до сихъ поръ

* Статья эта была отослана Лайеромъ въ редакцію «Neue Freie Presse» немедленно по прибытіи въ Гардо, т. е. въ такую минуту, когда члены экспедиціи ничего не знали о грандіозномъ успѣхѣ американской экспеди-ціи капитана Гола. Узнавъ объ ней въ послѣдствіи, Лайеръ поспѣшилъ написать въ «Neue Freie Presse» письмо, въ которомъ беретъ назадъ все сказанное въ его первой статьѣ относительно самой крайней широты и самыхъ сѣверныхъ странъ, когда льды достигнуты, признавая, что въ этомъ отношеніи не было мѣсто при-надлежать американской экспедиціи.

** Не слѣдуетъ смѣшивать съ островами «Новая Земля», принадлежащими Россіи, о которыхъ говорится ниже.

надежды на прорывъ льда, хотя мы нѣрѣдко слышали, невдалекѣ отъ нашей глыбы, такъ хорошо знакомый ледяной шорохъ, и темныя полосы на горизонтѣ говорили о томъ, что тамъ есть прорывы и поляны мѣста. Но они должны были оставаться недостижимыми для насъ.

Съ грустной рѣшимостью ждали мы приближенія второй зимовки, такой же безплодной и съ тѣми же угрожающими опасностями, какъ вдругъ положеніе наше неожиданно измѣнилось вполнѣ въ нашу пользу. Уже давно глыба наша занесла насъ въ такую область, куда до сихъ поръ никогда еще не ступала человѣческая нога. Но до сихъ поръ мы тщетно искали неизвѣстныхъ земель. Можно судить по этому, какимъ радостнымъ и важнымъ событіемъ было для экспедиціи, когда 31 августа, въ разстояніи около 14 морскихъ миль, на сѣверѣ вдругъ вынырнули изъ тумана высочіе берега земли. Южный фасадъ главной массы дождевъ былъ по видимому принадлежать 80 градусу. Вытѣсь съ этимъ мы въ первый разъ увидѣли вокругъ себя множество айсберговъ (ледяныхъ горъ).

Мы невольно тогчасъ же устремились къ землѣ — разумѣется не далѣе какъ на одну морскую милю — до края нашей глыбы, хотя мы знали, что безчисленныя пропадины дѣлали желанную землю недоступимой для насъ. Мы испытывали танталову муку, цѣлые мѣсяцы имѣя въ виду неизвѣстную еще, пространную землю, возможность новыхъ рѣдкихъ въ полярной исторіи открытій, и не смѣя приблизиться къ горячаго желанной цѣли. Корабль все еще безъ отдыха несло каждыймъ вѣтромъ, и если бы кто оставилъ несущую насъ глыбу, тотъ былъ бы отрѣзанъ отъ нея и ему предстояло погибнуть. Однако къ концу октября случилось такъ, что мы очутились всего миляхъ въ трехъ разстояніи отъ одного изъ предшествующихъ материну острововъ. Тутъ мы уже не останавливаясь ни передъ какими разсужденіями, рѣшились на высадку, и по расколотому въ тысячи мѣстахъ, наваленому горами льду, вступили на землю подъ 79 градусомъ 54 минутами. Ледяной покровъ не выше какъ по щиколку внизу берега, указывалъ на періодическія скопленія береговой воды въ прошедшее лѣто. Едвали можно себѣ представить болѣе печальный, болѣе пустынный островъ, чѣмъ тотъ, на которомъ мы были теперь; крѣпко замерзшіе клочки земли были покрыты снѣгомъ и льдомъ, но значеніе его для насъ было такъ велико, что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ открытій, мы назвали его именемъ основателя экспедиціи, графа Вильчана.

Солнце во второй разъ оставило насъ 22 октября; но, въ немногіе часы просвѣта слѣдующей недѣли, мы рѣшились предпринять еще нѣсколько экскурсій, миль на десять отъ корабля, впрочемъ не расширявъ этимъ нашихъ представлений объ видѣ вновь открытой земли. Что это такое, небольшіе острова, или материкъ? А тѣ бѣлыя возвышенныя плоскости между вершинами, глетчеры или лѣтъ? Никто не умѣлъ отвѣчать на это.

Само собою разумѣется, всѣ наши стремленія клонились къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, наступившая полярная ночь отняла у насъ всякую возможность изслѣдованій материка, — и до весны 1874 года, въ виду предложенныхъ путешествій съ цѣлью открытій, мы опасались чтобы сѣверные вѣтры снова не отнесли насъ далеко отъ земли, которую мы собирались изслѣдовать. Но съ этихъ поръ счастье не измѣняло намъ больше. Полярная ночь, продолжавшаяся на этотъ разъ 125 дней, прошла безъ проголодныхъ ужасовъ; ледъ больше такъ не напиралъ на насъ — и безпріютный корабль, оставаясь прикованнымъ къ своей льдинѣ, спокойно лежалъ въ окраинахъ берегового льда.

Такой поворотъ имѣлъ для экспедиціи самыя рѣшительныя послѣдствія. Онъ жи-

вилъ наши надежды, облегчилъ наше существованіе и позволилъ продолжать съ величайшей добросовѣстностью производимыя всю зиму наблюденія надъ магнитомъ, въ чемъ, какъ уже было упомянуто, принимали участіе гг. Вейрехтъ, Бромъ и Орель. Последній кромѣ того опредѣлялъ, изъ большаго ряда абсолютныхъ опредѣленій мѣстности, долготу и широту этой второй зимовки подъ 59 градусомъ В. Д. и 79 градусомъ С. Ш. Для спектрально-аналитическихъ наблюденій такъ ярко-свѣтившаго въ обѣ зимы сѣвернаго сіянія, взятый изъ Мюнхена аппаратъ оказался слишкомъ слабымъ.

Зима 1873 — 1874 годовъ была гораздо снѣжнѣе предидущей. Когда полярная ночь достигла высшей точки, день уже ни чѣмъ нельзя было отличить отъ ночи, и мы на нѣсколько недѣль были погружены въ полнѣйшій мракъ. Рождество мы отпраздновали въ выстроеномъ изъ снѣга домикѣ. Затѣмъ опять наступила сильная стужа, и цѣлыя недѣли, какъ и въ прошедшую зиму, ртуть была замерзши. Бѣлые медвѣди попрежнему часто посѣщали насъ, бродя около самаго корабля. Мы стрѣляли въ нихъ съ борта. Около 1,20⁰ фунтовъ свѣжаго мяса, полученнаго отъ 67 убитыхъ нами медвѣдей, послужило весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ скорбута. Заботливость нашего доктора, достойнаго представителя Венгрии, и благотворное вліяніе снова появившагося (24 февраля) солнца — отвратили отъ большинства страданій. Но мы имѣли слишкомъ большое основаніе бояться, что бы на третью зиму, съ истощеніемъ медицинскихъ средствъ, состояніе здоровья на кораблѣ не приняло угрожающаго характера. Эти опасенія и печальная увѣренность въ томъ, что и слѣдующее лѣто корабль нашъ будетъ носиться вмѣстѣ съ своей цѣтающей льдиной, и наконецъ весьма вѣроятное предположеніе, что, при таиннѣ льда, корабль, вслѣдствіе его слишкомъ высокаго подъема, долженъ перевернуться, — все это привело насъ къ рѣшимости оставить его въ концѣ мая и попытаться вернуться въ Европу съ помощью нашихъ лодокъ и санокъ.

Между тѣмъ рѣшено было предпринимать большія санныя путешествія для изслѣдованія материка. Счастливое исполненіе этого намѣренія зависѣло, разумѣется, чисто отъ случая, потому что если бы корабль отпело прочь, раньше возвращенія уѣхавшей партіи, то послѣдняя безъ сомнѣнія была бы обречена на гибель, — а люди оставшіеся на кораблѣ были бы чувствительно ослаблены. Но открытіе лежащей передъ нами загадочной земли было для экспедиціи такъ важно, что во что бы то ни стало надо было рѣшиться предпринять дальнія путешествія.

Наступилъ мартъ мѣсяца. Погода все еще была неблагоприятна, холодъ страшно великъ, полуденная высота солнца незначительна, — но всѣ эти обстоятельства только предостерегали насъ не терять больше времени. И такъ, 10 марта, тирольцы Галлеръ и Клоцъ, четыре матроса, три собаки и я, оставили корабль, на однихъ изъ нашихъ саней объѣздили въ сѣверо-восточномъ направленіи берегъ западной части главнаго материка, взобрались на высочіе мысы Теттеттофъ и Макъ Клинтокъ (2,500 фут.) и прошли живописный Норденскольдъ-Фьордъ, на заднемъ планѣ котораго подымалась колоссальная ледяная стѣна — окраина Зонкларскаго ледника.

Открытая земля была лишена всякой жизни; съ пустынныхъ горныхъ вершинъ спускалось множество громаднхъ глетчеровъ, и сверкающія ихъ массы снѣго возвышались надъ крутыми коническими вершинами и площадями преобладающей долеритной формации. Все было окутано ослѣпительно-бѣлыми покровомъ; симметрическіе ряды горныхъ уступовъ были точно обсахарены. Нигдѣ, (чего нѣтъ даже въ Гренландіи, Шпицбергенѣ и Новой Землѣ) камень не выступалъ здѣсь въ своемъ натуральномъ колоритѣ.

Это слѣдуетъ приписать большому количеству снѣговъ и ступенію ихъ на холодныхъ стѣнахъ. Необыкновенная влажность воздуха была также причиной того, что мы ошибались въ разстояніяхъ, считая ихъ, совершенно наоборотъ обычному опыту въ арктическихъ странахъ, гораздо большими, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности; къ этому присоединилась еще рѣдкость вполнѣ ясныхъ дней.

Низкая температура, неизмѣнно державшаяся во время этого путешествія, требовала съ нашей стороны величайшихъ предосторожностей, такъ какъ минимумъ ея былъ — 40 градусомъ Реомюра (на палубѣ — 37 градусомъ). Наши почлеги въ палаткахъ были очень мучительны; не менѣе тяжелъ былъ переходъ Зонкларскаго глетчера, не смотря на полное отсутствіе вѣтра. Вся наша одежда оледѣла какъ вѣтъ — и крѣчайшій ромъ повидимому потерялъ всякую силу и замерзъ въ твердую массу.

Возвратясь 16-го марта къ кораблю, мы принялись за приготовленія ко второму путешествію, которое должно было продолжаться 30 дней и имѣть свою цѣлью изслѣдованіе протяженія земли на сѣверѣ. Черезъ три дня одинъ изъ нашихъ товарищей, машинистъ Кришъ, выбылъ изъ нашей среды. Онъ умеръ отъ продолжительной легочной чахотки, усложненной скорбутомъ, и 17-го марта мы проводили его на саняхъ къ его одинокой могилѣ на дальнемъ сѣверѣ, между базальтовыми столбами, съ скромно подымающимся надъ ней простымъ деревяннымъ крестомъ.

Мы выступили въ наше путешествіе на сѣверѣ 24 марта утромъ. Партія состояла изъ г. Ореля, тирольцевъ Галлера и Клоца, матросовъ Заниновича, Суссича, Лукиновича и меня. Къ сожалѣнію, собаки уже не могли быть самостоятельно пущены въ дѣло, съ нами было взято только три сильныхъ собаки въ большихъ саняхъ съ грузомъ въ 16 центнеровъ, остальные животныя частью околѣли, частью сдѣлались неспособны къ работѣ. Но польза немногихъ оставшихся животныхъ была для насъ громадна. Сверхъ всякаго ожиданія, температура въ теченіи всего этого путешествія не стояла ниже — 26 градусомъ Реомюра; но за то снѣга и сырость, трещины во льду, залитія нашей дороги морской водой — готовили намъ много неприятностей впереди.

Безъ рисунковъ подробности этого путешествія могутъ быть переданы лишь поверхностно; это относится особенно къ топографическому описанію его. Поэтому достаточно будетъ пока сказать, что открытая земля равняется по изслѣдованному до сихъ поръ протяженію — приблизительно Шпицбергену и состоитъ изъ нѣсколькихъ значительныхъ составныхъ частей: главная ея масса на востокѣ, Вильчкова земля, и на западѣ земля Зичи — ихъ прорѣзаетъ множество проливовъ, омывающихъ многочисленныя группы острововъ.

Огромный проливъ — Австрія-Зундъ — раздѣляетъ эти двѣ главныя массы въ ихъ длину, начинаясь отъ мыса Ганзы, направляется къ сѣверу и раздѣляется подъ 82°, сѣв. шир. у земли Кропприца Рудольфа; широкій, направленный на сѣверо-востокъ рукавъ его — мы могли прослѣдить до мыса Песта на глубочайшемъ сѣверѣ.

Преобладающую каменную породу составляетъ вездѣ долеритъ. Его горизонтальные этажи и крутые усѣченные конусы придаютъ отравѣ своеобразный характеръ. Ея геологическое сродство съ сѣверо-восточной Гренландіей несомнѣнно. Средняя высота горъ равняется 2—3000 футомъ, только на юго-западѣ горы поднимаются до 5000 футомъ. Всѣ громадныя долины, между горными цѣпами, покрыты глетчерами, тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какіе извѣстны только арктическому міру. Ихъ ежедневное движеніе могло быть непосредственно измѣрено лишь въ немногихъ случаяхъ. Обрывы во сто и въ двѣсти футовъ соостав-

ляют обыкновенную береговую кайму. Доглетчеры, на Вилчековой землѣ, по ширинѣ не успеваютъ глетчеру Гумбольдта и каналу Кеенеди.

Растительность здѣсь гораздо ниже чѣмъ на Шницбергенѣ, въ Гренландіи и на Новой Землѣ. Въ этомъ отношеніи едва ли есть на свѣтѣ другая такая бѣдная земля. Пловучій льдъ, преимущественно очень старый, встрѣчался еще довольно часто, но всегда въ небольшомъ количествѣ. Земля, само собою разумѣется, необитаема, а на южной сторонѣ, за исключеніемъ медвѣдей, на ней не замѣтно даже никакой животной жизни. Многія мѣста поводоткрытой земли очень живописны, хотя на нихъ и лежитъ оцѣненность полярной природы. Наши послѣдующія санныя поѣздки убѣдили насъ, какія затрудненія предстоятъ будущимъ экспедиціямъ въ отысканіи зимней гавани, ибо мы нигдѣ не могли отыскать подходящаго для этой цѣли мѣста.

При постоянно туманной атмосферѣ, безъ восхожденія на высокія горы намъ не было бы никакой возможности опредѣлять путь по Австрія-Зунду, направляя его прямо на сѣверъ. Но восхожденія на горы: Капъ Кольдевей 80 град. 15 минутъ, Капъ Франкфуртъ 80 град. 5 мин. сѣверной широты, Капъ Риттеръ 80 град. 45 минутъ, Капъ Кенъ 81 град. 10 мин., Капъ Флигели 82 град. 5 минутъ, въ сомнительныхъ случаяхъ чрезвычайно облегчали намъ ориентированіе въ выборѣ дороги.

Отъ одной земли къ другой распространилась замкнутая ледяная плоскость, устѣпанная безчисленными айсбергами; она очевидно была новѣйшаго происхожденія; во многихъ мѣстахъ ее пересѣкали разцелины и широкіе барьеры нагроможденнаго льда (*Torossy, himmsocks*), переходъ черезъ которые былъ сопряженъ съ большою тратой силъ и времени. Черезъ нихъ-же лежалъ нашъ путь; начиная отъ Капа Франкфурта, входныхъ воротъ упомянутаго выше громаднаго пролива, мы пустились въ область, на счетъ которой предъидущія наши санныя путешествія не дали намъ никакихъ указаній.

Пропуская всѣ подробности, достаточно будетъ упомянуть, что 26-го марта мы вступили на огромнѣйшій островъ Сальмъ, перейдя 80 град. широты, 3-го апрѣля перешли 81 град.; а черезъ пять дней, достигнувъ 81 град. 37 минутъ, могли льстить себя увѣренностью, что такъ близко придвинулись сухимъ путемъ къ сѣверному полюсу, какъ это еще ни кому ни удавалось до сихъ поръ.

На юго-восточной сторонѣ земли Кронпринца Рудольфа, мы обогнули новый проливъ огромнѣйшихъ разрывовъ, такъ какъ онъ обѣщалъ привести насъ прямо на сѣверъ. Но здѣсь мы очутились посреди хаоса нагроможденныхъ другъ на друга ледяныхъ осколковъ, черезъ которые мы нѣсколько дней прокладывали путь съ неимоверными усиліями. Наконецъ ледяныя глыбы стали непреодолимыми, и мы принуждены были вернуться назадъ на западъ къ Австрія-Зунду. Также какъ и вездѣ, мы встрѣчались здѣсь много бѣлыхъ медвѣдей, и, благодаря чуть не ежедневной практикѣ, пули наши всегда безъ промаха попадали въ нихъ.

Уменьшеніе провизіи и вообще небольшое количество времени, остававшееся для путешествія на сѣверъ, вызвало необходимость усиленныхъ маршей и кромѣ того раздѣленія общества. Большіе сани и часть людей подъ предводительствомъ тирольца Галлера остались подлѣ 81 град. 38 мин. у Капа Шрөтера, а Орель, Заниновичъ и я поѣхали съ нашими собаками дальше. Ближайшей нашей цѣлью былъ переходъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи лежащей передъ нами земли Кронпринца Рудольфа. Осуществить это можно было не иначе какъ перейдя могучій Миддендорфскій ледникъ, а такъ какъ въ это время года онъ не представлялъ большихъ опасностей, то мы не

теряя времени пустились въ этотъ трудный путь. Послѣ утомительной дороги вдоль протянутой на нѣсколько миль обрывистой стѣны глетчера, мы наконецъ достигли его поверхности. Но едва успѣли мы пройти нѣсколько сотъ шаговъ, какъ огромный провалъ поглотилъ Заниновича, собакъ и тяжело нагруженные сани. Мы спаслись изъ этого отчаяннаго положенія, вдали отъ всякой человѣческой помощи, единственно по милости одной изъ тѣхъ особенныхъ случайностей, которыя въ горахъ всегда идутъ слѣдомъ за опасностями. Дѣйствительно, мы были такъ счастливы, что на другой же день, почти безъ всякихъ потерь, могли уже продолжать свое путешествіе — но только уже не по глетчеру.

Большой объездъ привелъ насъ къ западному берегу земли Кронпринца Рудольфа, и вдоль этого берега мы выбрали теперь нашу третью дорогу къ сѣверу.

Между тѣмъ въ природѣ произошла поразительная перемена — на сѣверѣ показались темно-синее водное небо *). Около солнца собирались мутные желтые пары, температура поднималась, дорога размякла, безшумно сжимались подъ нами рыхлыя снѣжки; еще раньше мы замѣтили появленіе здѣсь птицъ съ сѣвера, теперь же всѣ скалы земли Кронпринца Рудольфа были усыяны тысячами чистиковъ, пингвиновъ, и пр. Они подымались въ воздухъ огромными стаями, и каждый кусочекъ земли, гдѣ свѣтило солнце, былъ оживленъ веселымъ чирканьемъ и пѣньемъ. Вездѣ стали показываться слѣды медвѣдей, зайцевъ и лисицъ, а на льду играло множество тюленей. Какъ ни вѣроятной казалась близость открытой воды, но наши печальные опыты закалили насъ противъ всѣхъ обольщеній «открытаго полярнаго моря».

Теперь наша дорога сдѣлалась въ высшей степени ненадежна. Зимней ледяной коры уже не было больше, оставался одинъ молодой ледокъ, какъ будто посыпанный солью, отъ одного до двухъ дюймовъ толщины, очень хрупкій и покрытый слоемъ осколковъ новѣйшаго образованія. Мы привязались къ канату, перенесли по одиночкѣ всѣ вещи, и пробивая дорогу сѣкирами, безпрестанно ощущали ледяной покровъ. Миновавъ Алькенъ Капъ, мы пришли къ двумъ одинокимъ башнямъ Зейленъ Капа. Здѣсь начиналась открытая вода.

Миръ этотъ носилъ на себѣ печать возвышенной красоты. Съ высокаго берега разстиралось передъ глазами темное море, устѣпанное алмазами своихъ айсберговъ. Надъ ними лежали тяжелыя тучи, сквозь которыя, на сверкающую воду, пробивались тамъ и сямъ яркіе лучи солнца; надъ этимъ солнцемъ возвышалось еще второе солнце, только нѣсколько блѣднѣе перваго, а сквозь колеблющуюся туманъ въ неизмѣримой по видимому высотѣ поднимались ледяныя горы земли Кронпринца Рудольфа, окруженныя розовыми тѣнями.

12-го апрѣля было послѣднимъ днемъ нашего проникновенія къ сѣверу. День этотъ хотя и не былъ совсемъ ясенъ, но все-таки веселѣе чѣмъ большая часть его предшественниковъ. Температура поднималась до — 11 градусоу Реомюра.

Прежняя дорога по покрытому молодымъ льдомъ морю, у Зейленъ Капа, была теперь совершенно непроходима, и это принудило насъ продолжать путь черезъ горы.

Передъ отъѣздомъ, въ предосторожность отъ снующихъ повсюду медвѣдей, мы зарыли нашъ багажъ въ одну изъ трещинъ глетчера, на мѣстѣ нашего ночлега, и послѣ этого направились съ своимъ собаками черезъ снѣжную равнину (на высотѣ отъ 1600 до 3000 футовъ) къ береговой цѣпи. Мы оставили сани на скалистомъ выступѣ Капъ Германія (81 град. 57 мин. меридианальной высоты), и слѣдуя по береговой

*) Небо отражающее воду. Подъ этими высокими широтами, у горизонта, видъ неба раскиснутаго надъ водою отличается отъ его вида надъ льдами.

линіи по направленію къ сѣверо-востоку, привязавшись къ канату, прошли мы черезъ одинъ изъ глетчеровъ, спускавшійся гигантскими уступами къ береговой водѣ. Возраставшая опасность пути, частыя трещины, превалы, и увѣренность въ достиженіи послѣ пяти часоваго марша широты 82 град. 5 минутъ — заставили насъ наконецъ остановиться на Капѣ Флигели.

Видъ, открывавшійся намъ этой высоты, представлялъ одну изъ тѣхъ картинъ, пристрастная оцѣнка которыхъ сдѣлала вопросъ о свойствахъ внутренней полярной области предметомъ оживленныхъ споровъ. Вдоль берега тянулся широкій водный бассейнъ; онъ былъ во многихъ мѣстахъ покрытъ льдомъ недавняго происхожденія, между тѣмъ какъ на горизонтѣ, съ запада на сѣверъ, тянулась полоса пловучаго льда уйренной толщины. Взявъ въ ранѣе время гола и господствовавшей въ ту минуту западный вѣтеръ, не было никакой причины считать эту часть моря мѣше судходоной льдомъ, чѣмъ извѣстныя польни, считаеми за признаки открытаго полярнаго моря.

Однако свидѣтельство какого нибудь одного часа не можетъ опровергнуть возраженій основанныхъ на многочисленныхъ опытахъ. Даже не принимая въ расчетъ теперешняго временнаго препятствія отъ молодаго льда, все таки можно было утвердительно сказать, что корабль, перемѣщенный къ сѣверному берегу земли Зичи, могъ бы проникнуть на сѣверъ лишь на 10—20 морскихъ миль, насколько приблизительно можно было прослѣдить съ нашей точки проѣзды въ пловучемъ льду. Но насколько ему трудно было бы обѣхать Австрія-Зундъ во 100 миль длины, на столько же вѣроятно, что выше къ сѣверу ему бы ничего не встрѣтилось кромѣ сплошныхъ льдовъ.

Я такъ долго распространялся объ этомъ предметѣ, потому что считаю весьма важнымъ, къ наблюденію открытой воды въ такой высокой широтѣ, присоединить всѣ эти соображенія, понижающія ея значеніе для мореплаванія. Для продолженія серьезныхъ полярныхъ изслѣдованій ничто не можетъ быть опаснѣе легкомысленныхъ, необдуманныхъ заключеній; онѣ приводятъ къ безчисленнымъ замѣшательствамъ, поддерживаютъ старыя гипотезы, а что всего хуже, готовы до вѣрчивымъ послѣдователямъ ихъ тяжкія затрудненія и судьбы.

Но передъ нами предсталъ фактъ гораздо интереснѣе безполезнаго вопроса о судходности этой далекой части Ледовитаго океана: отъ сѣверо-запада къ сѣверо-востоку открылись за 83 град. сѣв. шир. новыя пространна земля, покрытая горами. Грандіозный мысъ, получившій названіе Вѣнскаго мыса, обозначаетъ крайнюю, извѣстную сѣверо-восточную точку земнаго шара; а справедливость и благодарность продиктовали для этой далекой земли названіе Петермановой.

Не желая создавать какой либо теоріи касательно раздѣленія земли у полюса или соединенія Гиллсовой земли съ Новой землей, я замѣчу только, что, какъ развитіе береговъ, такъ и глетчеровъ вокругъ насъ, производило впечатлѣніе обширныхъ составныхъ земель, — такимъ образомъ отчасти подтверждало мнѣніе Петермана о существованіи внутренняго арктическаго архипелага. Но въ геологическомъ отношеніи онѣ имѣютъ мало сходствъ съ группой Шницбергена, а скорѣе, какъ уже было упомянуто выше, подходятъ къ Восточной Гренландіи. Замѣчательно безчисленное множество айсберговъ во всѣхъ здѣшнихъ проливахъ, и напротивъ отсутствіе ихъ на югѣ, то есть въ морѣ омывающемъ Новую Землю. Мы не имѣемъ фактовъ на то, чтобы приписать это теченіямъ, а между тѣмъ это отсутствіе айсберговъ въ морѣ Новой Земли какъ бы указываетъ на силу ихъ къ сѣверу.

Далеко зашло мирное соперничество образованныхъ націй въ расширеніи географіи

Серiousная книга. Съ картины М. А. Тулмуша. Гравюра эта приобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гунилемъ и Ко.

чeskихъ познаній, водрузивъ свое знамя на отдаленнѣйшемъ мысѣ сѣвера. Въ первый разъ еще на такой высокой широтѣ, ни къ какому еще не достигнутой сухимъ путемъ,*) развѣвался австрійско-венгерскій флагъ.

Оставивъ знакъ нашего присутствія на этомъ мощномъ утесѣ, мы направились въ обратный путь къ кораблю — ждавшему насъ въ ста шестидесяти миляхъ къ югу.

Благодаря усиленнымъ маршамъ и освобожденію отъ всѣхъ тяжестей, кромѣ накладки и провіанта, мы скоро соединились съ нашими товарищами, ожидавшими насъ съ большимъ страхомъ. При восхожденіи на одну гору, мы перешли ледникъ величественнаго и большаго Ладенбургскаго острова. По прохода (3 апрѣля) Мысъ Ритгеръ въ 80 град. 45 мин. мы были встревожены открытіемъ, что морская вода вездѣ проникла впередъ собой темное водное небо, и именно надъ устьемъ большаго Маркгамскаго пролива. Ложась спать, мы услышали хорошо знакомый трескъ ледяныхъ пачисковъ и прибой.

На слѣдующій день мы, безъ всякаго суда на, стояли на берегу открытой воды, быстро стремившейся къ сѣверу. Южная часть Австрійскаго Зунда превратилась въ открытое море, и водяная зыбь на тридцать шаговъ набѣгала на ледяной берегъ. Проблуждавъ два дня въ страшную сибирскую вьюгу, намъ удалось обойти эту пропасть сухимъ путемъ, вдоль далеко растянутаго стѣня глетчера, и 21 апрѣля, мы съ отраднымъ чувствомъ увидѣли еще неповрежденный, спасительный для насъ ледяной путь у Капа Франкфурта. 26 апрѣля мы освободились отъ другой, не менѣе тяжелой заботы, увидѣвшись, что корабль нашъ не былъ отпесенъ. Мы нашли его на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оставили, на южной сторонѣ Вильчекова острова. Нѣсколько дней было употреблено для отдыха, такъ какъ несоразмѣрность напряженія и покоя сильно истощила наши силы. Отъ восьми до десяти часовъ въ день мы тащили сани, и спали только пять часовъ въ сутки.

Третье путешествіе, предпринятое въ началѣ мая г. Брошемъ, Галлеромъ и мною, было направлено на западъ. Въ сорока миляхъ отъ корабля, высокая гора Канъ-

Брюннъ, дала возможность сдѣлать важныя заключенія о значительномъ протяженіи землѣ въ этомъ направленіи. Его можно было пролѣзть почти до 46 град. восточной долготы; это прорѣзанная многочисленными проливами, гористая страна съ характеромъ раздвоенныхъ вершинъ; высшая ея точка, Гумбольдтъ-Шпитце, лежитъ на 5,000 футахъ высоты надъ уровнемъ моря. Толстый слой ледяной покрывалъ море къ югу до горизонта — печальное зрѣлище въ виду предстоящаго возвращенія въ отечество.

По окончаніи этого путешествія и измѣренія базиса льда, сдѣланнаго г. Вейпрехтомъ, при данныхъ обстоятельствахъ, экспедиція должна была отказаться отъ своихъ задачъ, и мы ни объ чемъ больше не подумали какъ о возвращеніи въ Европу.

Время до отъѣзда было посвящено исключительно отдыху. Потому мы простились съ могилкой нашего погибшаго товарища и съ землей, которая, чтобы обезпечить намъ возвратный путь, въ веселомъ расположеніи духа, подарила намъ ледяную глыбу.

20 мая къ кораблю были прибиты флаги, и начался нашъ возвратный путь въ отечество. Мы были снаряжены самымъ скуднымъ образомъ, такъ какъ въ нашихъ обстоятельствахъ нечего было и помышлять о какихъ либо удобствахъ. Никто изъ насъ не имѣлъ никакой собственности, кромѣ одежды, которая была на себѣ и одного оубила. Четыре лодки, всѣ на полозьяхъ, и трое большихъ саней съ 17½ центнерами груза, помѣщали въ себѣ всѣ наши снаряды и провіантъ на три, четыре мѣсяца. Сначала, по причинѣ глубокаго снѣга, необходимо было транспортировать (тащить) нашу клячу въ три приема. Послѣ того, какъ была достигнута окраина еще твердаго береговаго льда, началось перебирание съ лодками и санями съ одной ледины на другую и переправы черезъ разломы. Упорные южные вѣтры уничтожали ничтожныя успѣхи, до какихъ мы добивались этимъ способомъ, и по истеченіи втораго мѣсяца, разстояніе отдѣлявшее насъ отъ корабля, не превышало двухъ нѣмецкихъ миль. Ставилось вѣроятнымъ, что послѣ долгой, тяжелой борьбы со льдомъ, намъ ничего не предстоитъ впередъ, кромѣ безнадежнаго возвращенія къ кораблю и еще третьей зимы на немъ—безъ всякой надежды, и только съ отчаяннымъ ожиданіемъ вѣрной гибели.

Ледъ былъ какъ скованъ; нѣсколько разъ мы по нѣдѣли неподвижно стояли въ нашихъ лодкахъ на той или другой лединѣ, въ ожиданіи, когда ей заблагодарасудится раздвинуться. Однако сѣверные вѣтры во второй половинѣ юля разширили нѣсколько водяныхъ протоковъ и полыней; продолжительные дожди уменьшили силу льда, и такимъ образомъ, въ теченіи двадцати дней, мы пробились на шестидесять миль впередъ, то переѣзжая по лединамъ, то отталываясь отъ нихъ баграми, то идя на веслахъ, и даже мѣстами на парусахъ. Все убѣждало насъ въ невозможности подойти къ новооткрытой землѣ на кораблѣ.

Въ началѣ августа мы сдѣлали первое наблюденіе въ уменьшеніи толщины льда — обыкновенный признакъ близости открытаго моря, — и всѣ надежды наши снова оживили. Правда, новый пятидневный плѣвъ на льду, готовъ былъ уничтожить и ихъ. Но 13 августа мы освободились изъ нашего плѣва и достигли крайней ледяной границы уже 14 августа, въ изумительно высокой широтѣ 77 град. 40 минутъ. Это было первымъ результатомъ нашего спасенія. Такое сѣверное положеніе ледяной границы, убѣждало насъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ необыкновенно благоприятномъ ледяномъ годѣ 1874, чему единственно мы и были обязаны своей удачей. Наше освобожденіе изъ льда было послѣднимъ актомъ цѣлаго ряда счастливыхъ случайностей, спасавшихъ насъ изъ отчаянныхъ положеній. При благоприятной погодѣ, подняли мы по свободному отъ льда морю вдоль западнаго берега Новой Земли; 18 августа, у Адмиралтейскаго полуострова, въ первый разъ снова вступили на землю, и вечеромъ 24 августа — слѣдовательно черезъ 96 дней послѣ того, какъ оставили свой корабль — нашли въ заливѣ Дунень-Бай, русскую шкуну «Николай» (капитанъ Ф. Воронинъ)—гдѣ мы были приняты съ тѣмъ теплымъ радушіемъ, которое отличаетъ русскій народъ. Быстрый переѣздъ доставилъ насъ 3 сентября 1874 г. въ Вардо въ Норвегію, на гостеприимную землю которой мы вступили въ три часа пополудни — съ тѣмъ отраднымъ чувствомъ, какое испытываетъ человѣкъ, избавившись наконецъ отъ всѣхъ сомнѣній и опасеній. Наше путешествіе вдоль береговъ Норвегіи было цѣлымъ рядомъ праздниковъ; всѣ города были увѣшаны флагами, набережныя полны народа, приветствовавшего насъ безконечными криками.

« Д В У Н О Г И Й В О Л К Ъ »

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА VI.

П Л Ѣ Н Н Ы Й.

Уральская казачья полусотня, посланная еще третьяго-дня на рекогносцировку въ окрестности Хала-ата, только-что возвратилась въ лагерь.

Казачи вываживали потныхъ, запыленныхъ лошадей и направляли свои усталыя отъ долгой ѣзды ноги. Небольшая группа, человекъ шесть, оставалась еще на коняхъ, окружая какую-то страннаго всадника.

Этотъ всадникъ по костюму рѣзко отличался отъ его окружающихъ. Онъ сидѣлъ на сѣдлѣ не по своей собственной волѣ; ноги его были связаны веревкою подъ брюхомъ лошади, руки скручены за спиною. Недовѣрчиво, боязливо смотрѣлъ онъ и, словно пойманный волкъ, озирался по сторонамъ изъ-подъ своей рогатой войлочной шапки. Верблюжій халатъ на немъ былъ изорванъ и мѣстами даже окровавленъ. Эти лоскутья, — эти черныя пятна, — наконецъ эти синяки на лицѣ и подбитый глазъ — свидѣтельствовали ясно о той усиленной борьбѣ, которую выдержалъ онъ прежде чѣмъ отдаться во вражескія руки...

Кромѣ этихъ синяковъ и ссадинъ, все лицо его было открыто пылью, превратившееся отъ пота въ полосы грязи. Трудно было разсмотрѣть черты этого скуластаго лица подъ этой отвратительной маскою.

Около лошади плѣваго вертѣлись двѣ борзые собаки, одна съ перебитою ногою, и поднявъ кверху свои острые морды, жалобно выли, глядя на всадника.

Одинъ изъ казаковъ держалъ у себя на плечѣ охотничьяго сокола въ красной шапочкѣ; за сѣдломъ у другаго приторочено было, связанное вмѣстѣ въ общій пучокъ, оружіе пойманнаго.

Командиръ пришедшей полусотни поѣхалъ съ докладомъ къ начальнику отряда. Чуть не со всего лагеря собрались пѣхотинцы, артиллеристы и казаки—смотрѣть на понавагагося батыря. Пришли и туземцы, киргизы лаучи изъ верблюжьяго обоза, взглянуть: какого моль звѣря изловили бородастые уральцы?

Заходили справа, заходили слѣва, сзади, спереди, разматривали во всѣхъ подробностяхъ, руками даже потрогивали; казаковъ разпрашивали...

— Гдѣ сцапали? освѣдомился тощій артиллеристъ, глядя

на плѣннаго въ упоръ, и пощупывая даже его угловатя колѣна, вздрагивавшія отъ этого прикосновенія.

— Ишь какого! удивлялся приземистый пѣхотинецъ, поскребывая свой дубленый затылокъ.

— Верстовъ, почитай, за сорокъ отсюда. Страсть бился какъ, когда брали... Насилу справились! говорилъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ.

— Что-же, поймали что-ли — али какъ? допрашивалъ артиллеристъ.

— На соннаго наскочили... А то бы гдѣ поймать! Конь, это, у него лихой, здоровенный аргамакъ; тутъ-же на приколѣ стоялъ, да вырвался, чортовъ сынъ; такъ и удралъ въ пески... Не догнали!..

— Удралъ?!.. А-а! жалость какая!..

— Со всѣмъ, значить, снарядомъ захватили, поясняя другую уралець. — И кальянъ это у него заправленъ былъ... Сбруя, вся какъ есть, въ порядкѣ сложена; самъ павзничъ лежить, къ верху носомъ и на всю степь дрыхнетъ. Мы бы такъ и связали его соннаго, да вотъ эти нѣм «поштрѣли ихъ лукавы!» все дѣло изнакостили. Ну, проснулся это онъ; какъ вскочить на ноги, да къ лошади. А Сысоевъ урядникъ, вопъ энтотъ самый, что съ командиромъ поѣхалъ, какъ палетить на него; конемъ съ ногъ сшибъ и самъ свалился... Такъ оба по песку и покатались.

— Подируга лоннула у него; какъ тутъ увидишь! отозвался одинъ изъ казаковъ.

— И такая-то, братцы мои, свалка поднялась у насъ... Страсть!

— Силенъ значить?

— Волкъ матерой, одно слога, медвѣдь да и шабашъ! Подходу просто не даетъ... Бились мы бились! — Пристрѣлить было хотѣли; Басюкъ уже ринтовку снялъ съ плеча, намѣрился — да сотенный говоритъ, что бы ни боже мой!.. живемъ чтобы взять, непрекословно... Ну, опять возиться начали...

— А тотъ-то что? не стрѣлялъ развѣ?

— Стрѣлянулъ раза-два, усѣлъ... Мякъ вотъ маленько бедро ссадило. Нашъ косоглазый арканъ на него сзади накинулъ — ну и сладили.

— Откуда родомъ?

— Изъ-за Аму-дарьи, сказывалъ. Да вѣшто ему можно вѣрять? Тенерь вотъ по степи ихъ видимо не видимо... сила таскается; что мы слѣдовъ видѣли, страсть!

— Вчера ночью къ цѣпи нашей подвѣзжали четверо. Постояли-постояли на барканѣ — и прочь поѣхали, замѣтилъ пѣхотинецъ.

— На «Трех-лапаго верблюда» пришли мы. Тамъ тоже была ихняя стоянка; сами ушли; одинъ колодець обвалили, каторжные, въ другой дохлую собаку кинули, третій цѣль остался. Орда треклятая. Ишь!

Казакъ притворно замахнулся на плѣннаго; тотъ заморгалъ глазами и конвульсивно отшатнулся.

— Небось, дуракъ, не трону!.. успокоилъ его казакъ.

Кое-кто въ толпѣ засмѣялся. Начали расходиться мало по малу. Любопытство было удовлетворено.

Вернулся «сотенный» изъ генеральской ставки; сняли съ сѣдла несчастнаго батыря, развязали ему ноги, руки распустили. Тотъ тяжело опустился на песокъ, легъ ничкомъ и потянулъ себѣ на голову отренъя своего халата. Два часовыхъ казака — пѣшихъ — стали около него; прочіе повели своихъ лошадей въ общіе конюезы.

Въ эту минуту — изъ удаляющейся толпы зрителей выдѣлился одинъ туземець лауча, совсѣмъ почти голый, только въ мѣховомъ бараньемъ малахѣ на головѣ и короткихъ кожаныхъ, истертыхъ до-нельзя штанахъ, — подошелъ шага на три къ лежащему, сѣлъ на корточки и, подперши голову руками, принялся его разглядывать, не сводя съ того мѣста, гдѣ подъ халатомъ должно было быть лицо его, пристальнаго, сосредоточеннаго на одномъ только этомъ пунктѣ, взгляда...

— Ты чего? огрызнулся часовой казакъ.

— Я тебѣ развѣ мѣшаю? почти шопотомъ произнесъ лауча.

— Пушай сидить — коли дѣлать ему больше нечего! произнесъ другой часовой.

— Пушай сидить! согласился первый.

Всѣ въ лагерѣ хорошо знали стараго лаучу-Досана; — знали его и въ конвомъ и иѣшемъ бивуакѣ, знали его и въ пушечномъ обозѣ. Всѣ знали и были увѣрены, что ничего худаго онъ не сдѣлаетъ, а хорошаго — по своей части, какъ верблюдовожатый, — онъ дѣлалъ не мало.

И послѣднее обстоятельство нисколько не показалось казакамъ подозрительнымъ. Досанъ сидѣлъ и никого не трогалъ, и его никто не трогалъ и не сонялъ съ мѣста, не прерывалъ его странныхъ наблюдений надъ снавшимъ, а можетъ быть притворившимся спящимъ, плѣннымъ батыремъ.

ГЛАВА VII.

Сестра милосердія.

Хриплый, отвратительный ревъ верблюдовъ, то злобный, то пронзительно-болѣзненный, фырканье, сапъ и отрываніе жвачки... Ржаніе лошадей, вытье и лай собакъ... Грубые, охрипшіе мужскіе голоса... Изрѣдка выстрѣлы... Топотъ копытъ, тяжелые шаги по сыпучему песку, стукотня саперныхъ лопатъ и кирокъ... Вотъ звуки, наполняющія воздухъ на всемъ протяженіи русскаго лагеря, разносящіяся по начальнымъ окрестностямъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ, пескомъ и пылью. Сурово, непривѣтливо поражали они ухо. Ничего въ нихъ не было отраднаго, — ничего талого, что бы хотя сколько нибудь ласкало слухъ, на чемъ могло-бы отдохнуть тоскливое, сдержанно бьющееся сердце.

Все здѣсь говорило о томъ, что не для мира, не для вѣселя и погоя собрались сюда всѣ эти живыя существа.

Но вотъ въ жаркомъ воздухѣ прозвучала кака-то странная нота.

Это былъ звукъ слабый, едва слышимый. Онъ могъ бы быть неожиданнымъ; онъ могъ изумить, озадачить каждаго, до чьего бы уха онъ ни коснулся.

Этотъ звукъ совершенно не подходилъ ко всей обстановкѣ; онъ былъ чуждъ, несвойствененъ всему тому, что видѣлъ глазъ. Въ общемъ хорѣ прозвучалъ поражающій диссонансъ.

Все кругомъ говорило о войнѣ, — этотъ же звукъ напоминалъ о томъ, что прямо противоположно ей: о семьѣ, о любви, о мирѣ.

Это былъ плачь ребенка.

И этотъ звукъ тотчасъ же вызвалъ другой, — такой-же вѣжливый, ласковый, полный самой могучей, чарующей гармоніи — голосъ женщины.

Шагахъ въ двадцати отъ одного изъ колодець, защищенная отъ вѣтра гребнемъ холма, стояла небольшая коническая палатка туземнаго покроя. По наружному виду палатка эта не представляла собою ничего такого, что бы отличало ее отъ прочихъ: тѣ же туго-натянутыя веревки, тѣ же грубые швы, тнущіяся отъ верхней шпиги до самаго низу; тѣ же сугробы песку, напирające на нее съ подвѣтренной стороны. Все то же, что и у той, и другой и у третьей...

Эта палатка обладала, впрочемъ, какой-то особой нравственной силою. Всѣ, проходя мимо другихъ палатокъ, отпосились къ нимъ совершенно равнодушно; никакого измѣненія не замѣчалось въ выраженіи лицъ проходящихъ, развѣ толь о привычная рука машинально дотрогивалась до козырька холщевой фуражки — и то только если въ откинутой палаточной полѣ, въ этомъ узкомъ темноватомъ треугольникѣ, видѣлся офицерскій погонъ, блестяла луговица, торчалъ саногъ со шпорю или какой нибудь подобный признакъ начальства.

Совсѣмъ другое явленіе совершалось здѣсь. На эту палатку смотрѣли; къ этой палаткѣ прислушивались, даже торопливый шагъ задерживали. Суровый, нахмуренный взглядъ становился мягче, привѣтливѣй; на пересохшихъ губахъ мелькало даже что-то, весьма близко похожее на улыбку.

А если и здѣсь откидывались входныя полы, то уже просто прикладываніе руки къ козырьку, казалось, не имѣло ни мѣста, ни смысла. Какъ передъ чѣмъ-то чтимымъ, святымъ, какъ передъ алтаремъ обнажались гладко остриженныя «не ладно кроеныя да крѣпко сшитыя» простыя солдатскія головы.

Внутреннее убранство этой палатки — значительно отличалось от прочих. Прежде всего бросалось в глаза полное отсутствие оружія; здѣшнимъ обитателямъ оно было совершенно лишнее. Затѣмъ, ковры и войлоки, покрывавшіе землю были чисто выметены и не засыпаны, какъ обыкновенно, окурками сигаръ и папирозъ, погнутыми, исковерканными картами, кусками мѣлу и наскоро-смахнутыми со стола объѣдками. Внутреннія стѣнки палатки изъ полосатаго «адресса» не были заплесаны; большая, складная желѣзная кровать была, поверхъ ковра, покрыта чистымъ бѣлымъ одѣяломъ, и бѣлая навлока на подушкѣ поражала своею свѣжестью. Большіе вьючные сундуки, обитые кожей и окованные желѣзомъ, служили диванами и креслами. Въ углу стояла деревянная баклага съ водою, прикрытая отъ песка и пыли, врывающейся даже и въ это опрятное жилище. Каждая мѣлочка: крохотное зеркальце, повѣшенное на полокъ полотенецъ, походные чайники, стаканы, погребецъ съ посудомъ, — все носило на себѣ печать уютности и комфорта; во всемъ видна было предупредительная, опытная рука, — рука хозяйки — женщины.

Въ свѣтло-сѣромъ каленкоровомъ платьѣ, короткомъ и почти въ обтяжку, въ бѣломъ кисейномъ платкѣ на головѣ, сидѣла на кровати сама хозяйка и что-то говорила ребенку, мальчику лѣтъ двухъ-трехъ (можетъ быть немного болѣе), сидѣвшему у ней на колѣняхъ.

Мальчикъ капризился и хныкалъ, видимо безъ всякой особенной причины, а просто такъ, потому что ему пришла охота похныкать, похандрить немножко. Женщина старалась какъ нибудь разсѣять эту дѣтскую хандру, разогнать набѣжавшее хмурое облачко.

Прекрасные, большіе сѣрые глаза женщины смотрѣли на ребенка съ такою нѣжностью, съ такимъ глубокимъ, любящимъ выраженіемъ, что не трудно было догадаться, какая связь была между тою и другимъ. Только мать можетъ смотрѣть такъ; такіе глаза могутъ быть только у матери.

Загрубѣлая, но безукоризненно чистыя руки женщины гладили мальчика по его свѣтло-русой головкѣ, трепали эти пухлыя розовыя щечки; тонкіе пальцы щекотали его подъ горлышкомъ. Улыбка скользила по загорѣлому лицу. Въ этой улыбкѣ было много любви, кротости. Въ этой улыбкѣ было много отраднаго, успокоивающаго, но въ ней не было ничего, что бы хотя немного напоминало веселье и радость. Въ ней не было и горя, не было ничего грустнаго, горькаго. Это было какая-то странная, безплотная улыбка.

Такъ улыбаться могутъ только ангелы.

А эта женщина было дѣйствительно ангелъ для всѣхъ тѣхъ, кто ее окружалъ.

Это была, знаемая уже намъ*), Наталья Мартыновна Чижикова, дочь «старога пушкаря» — героиня не боявшаяся лишений и опасностей тяжелаго похода, смѣло взявшая на себя, на свои слабыя силы, тяжелую, но за то — святую задачу.

Она знала, что въ самыя тяжелыя минуты болѣзненныхъ страданій, въ тоскливыя минуты смертельной агоніи, въ минуты унынія и безнадёжности, — ея участіе, ея уходъ, ласка, успокоивающее слово святой любви и надежды — не разъ еще понадобятся для этихъ грубыхъ съ виду, чуткихъ своимъ простымъ сердцемъ, скромныхъ, безызвѣстныхъ героевъ: тѣхъ самыхъ, что въ грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ, въ вытертыхъ кожаныхъ штанахъ, въ салогахъ, закорузлыхъ отъ жара, спуютъ мимо ея налатки, снимая свои холщевыя шапки съ назатыльниками.

Материнская любовь къ человѣчеству, преимущественно къ человѣчеству страдающему, заставила ее идти. Материнская любовь къ своему ребенку не позволила ей съ нимъ разстаться.

Вотъ почему и мать и сынъ вмѣстѣ находились въ этомъ, суровомъ боевомъ лагерѣ — раскинушемся посреди песковъ, подъ внойнымъ, раскаленнымъ, мглистымъ, безцвѣтнымъ небомъ.

*) Повѣсть «Въ камышахъ».

ГЛАВА VIII.

Въ офицерскомъ кружкѣ.

Степнѣло. Въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то, весьма мало, но все таки похожимъ на свѣжесть.

Передъ одною изъ офицерскихъ палатокъ былъ разостланъ на песокѣ большой пестрый коверъ — и на немъ сидѣли и полулежали человекъ десять офицеровъ. Они пили мутный, солоноватый чай и пускали въ воздухъ струи табачнаго дыму.

Эта относительная ночная свѣжесть вызвала ихъ изъ своихъ душныхъ палатокъ; скука согнала ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Разговоръ шель вяло, неоживленно; должно быть обо всемъ было переговорено, — но уже давно, а новаго матерьяла не представлялось.

Неподалеку два деньщика подогрѣвали маленькіе походные самоварчики, подкидывая въ ихъ трубы кусочки высохшаго помета, распространявшаго вокругъ особый горѣлый запахъ, свойственный только этому роду топлива. На желѣзномъ таганѣ кипятилось какое-то мясное вариво и шипя сбѣгало, обливая края и бока законченной кострюли. Сквозь полотно палатки мигалъ огонекъ свѣчи и очерчивалась темная силуэтная тѣнь чьей-то спины и локтя руки, пишущей что-то, судя по ея движенію. Кудлатая собака безъ хвоста, высушивъ набокъ языка и прищуривъ глаза, преусердвымъ образомъ служила, хотя ее никто не просилъ объ этомъ. Заблудшій ишакъ, хлопая ушами, бродилъ вокругъ, безпрестанно спотыкаясь и путаясь въ натянутыхъ палаточныхъ веревкахъ. Солдатскіе огоньки мигали въ почтительномъ отдаленіи отъ начальства; а подалее, за поясными группами сидящихъ и лежащихъ человѣческихъ фигуръ, искрились красноватые металлическіе блики на концахъ штыковъ составленныхъ въ козлы ружей.

— Какъ выдыхнешся, эдакъ, днемъ, — къ ночи никакого сна нѣту... Скука! произнесъ майоръ Пуговицынъ, и тутъ-же едва не свихнулъ челюсти отъ зѣвоты, растянувшей чуть не до ушей его усатый ротъ, и вызвавшей на его заснанные глаза какую-то влажность.

— Смэр-ртъ! согласился съ нимъ его товарищъ, майоръ Бирнальсъ. — Никакого развлечения, кромѣ нашей фортификаціонной работы, которая, если не ошибаюсь, приближается къ окончанію.

Майоръ Бирнальсъ родился въ Россіи, мало того: въ Сибири, совершенно не зная нѣмецкаго языка, но говорилъ по русски, все таки, съ нѣмецкимъ акцентомъ и даже не совсемъ правильно. Такова уже, должно быть, сила породы.

— Знаете-ли, господа, чего-бы мнѣ хотѣлось?... заговорилъ, приподнявшись немного, проручикъ Кустиковъ, сконфузился и остановился.

— Прохоръ — чаю! пробасили рыжія бакенбарды.

— И будемъ мы стоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ отрядъ изъ «большаго форта», произнесъ адъютантъ Лохматовъ, лежа на животѣ и пощелкивая шпорами.

— Дабы продолжать наступательное движеніе соединенными силами... пояснилъ майоръ Бирнальсъ.

— Знаете-ли, господа, ... началъ опять проручикъ Кустиковъ.

— Да, братъ, стойка, остановилъ его Пуговицынъ. — Я, вотъ, хотѣлъ все спросить тебя — за что это тебя сегодня Наталья Мартыновна за ухо выдрала?

Всѣ засмѣялись.

— Шадрину бирабанщику въ морду даль... Наталья Мартыновна видѣла должно быть, подозвала... ну и...

— И взлупу дала — превосходно!.. Прохоръ, чаю!..

— Господа, что-то тамъ на правомъ флангѣ стрѣляли сегодня. Вы не слышали?

— А чортъ его знаетъ! Должно быть въ цѣпи отъ скуки забавлялись. Опять какъ третью дня, по орламъ, надо полагать!

— Тревогу на весь лагерь только даромъ подвняли.

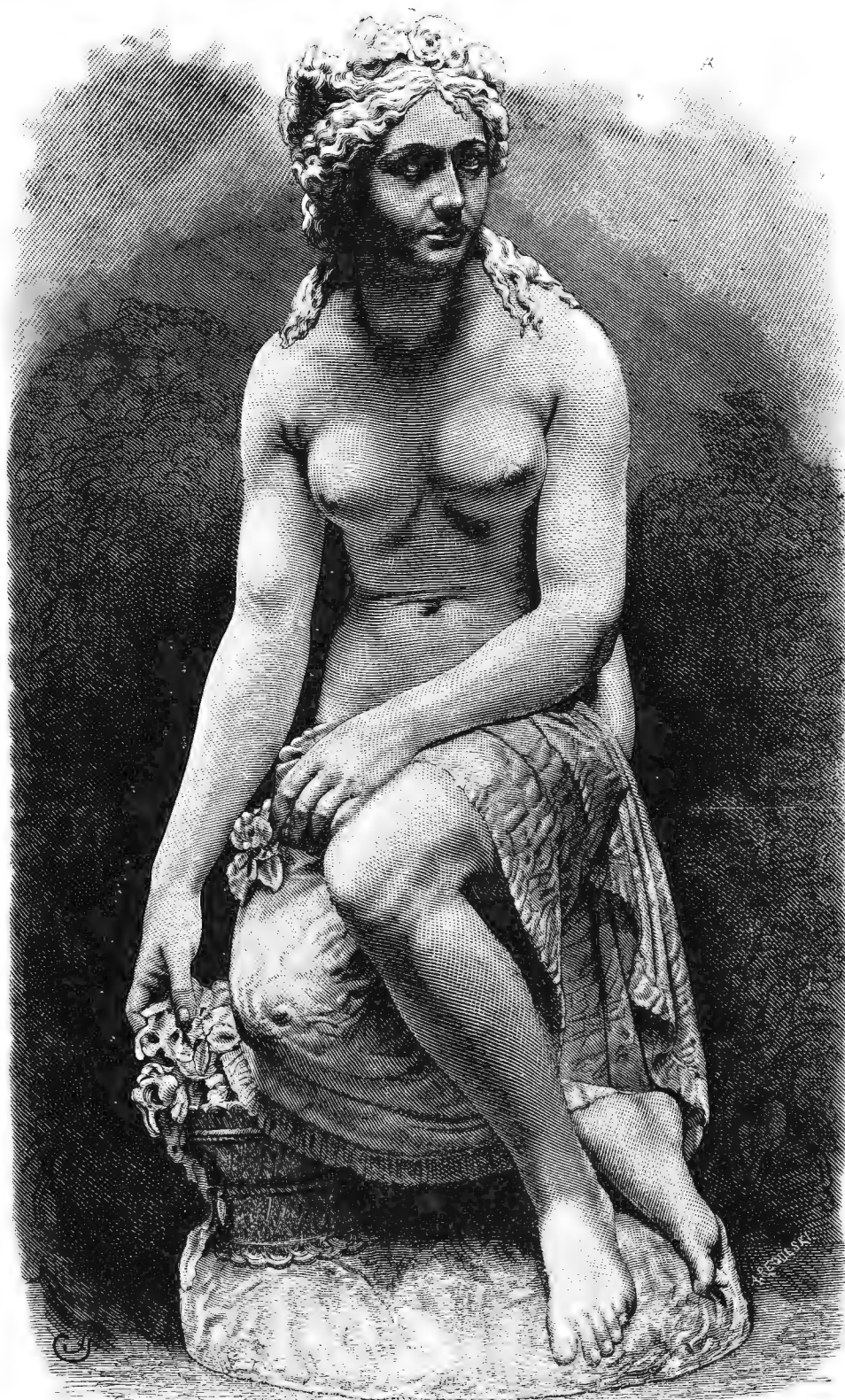
— Не по орламъ, а туркмены близко шлеются, замѣтилъ адъютантъ. — Я самъ трехъ вдали видѣлъ. Съ той стороны, вонъ, гдѣ наши верблюды пасутся, подѣзжали. Генераль приказалъ «полу-сотнѣ» выдвигнуться имъ навстрѣчу.

Какой-то казачій офицеръ, съ костьюлемъ въ рукахъ, подошелъ къ офицерской группѣ и сталъ сзади, вслушиваясь въ разговоръ.

— Мои джигиты говорили... началъ онъ.

— Да, тотъ который, передразнилъ его казакъ.— Нашъ Атамкулка... Вотъ-бы поймать шельмеца!...

На лицѣ казака показалась болѣзненная гримаса. Онъ нагнулся и потерялъ свое большое колѣно.

Флора. Статуя Симони. Рис. Тегаццо, грав. Регульскій.

Всѣ обернулись въ его сторону.

— Да, джигиты говорили: Садыкъ подошелъ и стоитъ на слѣдующихъ колодцахъ. Народу съ нимъ тысячи полторы... Атамкулъ тоже съ ними...

— Какой это Атамкулъ?... Это тотъ который... началъ маіоръ Бирнапсъ.

— Что ноги? спросили рыжія бакенбарды.

— Ничего, пѣшкомъ ходить тяжело... на конѣ, ничего, можно..

— Вѣдь этокое животное! произнесъ Пуговицынъ.— Былъ, чортовъ сынъ, простой лауча... джигитъ каналья... Дали скоту крестъ, въ офицеры произвели. Совсѣмъ было обрусѣлъ. Да вдругъ, на-ко вотъ, баць!... тягу даль...

— Замотался, я слышал; его, вѣдь, за какими-то сборами посылали къ кочевникамъ.

— Просто проворовался! замѣтилъ казакъ. — Теперь у нихъ однимъ изъ предводителей считается.

— Припоминаю, началъ Бирнапсъ.—У полковника Горластаго, еще въ Самаркандскомъ походѣ, играли въ карты...

— Эка диковина! перебилъ его Пуговицынъ.—Ты вотъ припомни такой походъ, въ которомъ не играли бы въ карты...

— Я говорю, что я припоминаю... Я металъ — многие господа штабъ и оберъ офицеры мнѣ понтировали...

— Ну?

— Понтировалъ совместно съ ними и Атамкуль, и за нимъ сто десять рублей осталось, кои онъ и по сіе время...

Раздался общій взрывъ хохота.

— Вотъ тебѣ теперь отличный случай, слышался голосъ изъ палатки. — Возьми его въ плѣнъ и взыщи.

— И взыщу, серьезно произнесъ маіоръ.

— Что, господа, если его поймаютъ — повѣсятъ или разстрѣляютъ? осведомился поручикъ Кустиковъ.

— Разстрѣляютъ, — потому — всетаки бывший офицеръ.

— А кромѣ того, предварительно на четверть часа повѣсятъ. Это уже за неуплату карточного долга... сострили рыжія бакенбарды — и сами поспѣшили засмѣяться своей остротѣ.

Помолчали всѣ немного.

— Вотъ кстати! началъ адъютантъ.—Надо будетъ завтра объ этомъ Натальѣ Мартыновнѣ сказать...

— О чемъ это?...

— Да вотъ насчетъ Атамкула. Вѣдь это ея самый надобливый поклонникъ былъ. Я помню, говорить не могъ даже, когда ее видѣлъ. Глаза, это, у него разгорятся, самъ весь дрожить... Разъ, мы съ Слѣбловатовымъ насилу оттащили его...

— Вотъ какъ!.. началъ было хромымъ казакъ... и словно подавился своими словами

— Все просилъ замужъ за него выйти; десять тысячъ барановъ въ калымъ предлагалъ...

— Разъ меня чуть ножомъ не цырнулъ изъ ревности, улыбулся офицеръ-стрѣлокъ. — Ночь была темная... поздно... ни зги не видать... Мы еще тогда на вечерѣ были у коменданта... Ну, Наталья Мартыновна просила меня проводить ее до квартиры... А этотъ, скотъ, за нами слѣдомъ... просто совсѣмъ какъ бѣшеный сталь... Хорошо еще, что насъ Трубаченко съ Бабаджакомъ догнали...

— Да я бы его убилъ, подлеца, подлеца, на мѣстѣ... не выдержалъ казакъ.— Я бы его...

Онъ продвинулся впередъ, неловко-переставляя свою ногу; костыль, на который онъ опирался, — вздрагивалъ и буровилъ песокъ своимъ окованнымъ наконечникомъ.

— Звѣрь-дикарь... за что его убивать? произнесъ чей-то покойный голосъ.

— А все таки поймать его слѣдовало-бы... Поймать и для примѣра...

Маіоръ Пуговицынъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Часа три тому назадъ, говорилъ тотъ-же спокойный голосъ, — я думалъ, что Атамкуль птался уже намъ въ руки. Я даже заговорилъ съ нимъ, то есть пытался заговорить... Онъ не отвѣчалъ. Рожу распознать почти не возможно... Обросъ и весь въ прамахахъ, опять грязь, кровь. Посмотрю завтра, когда его вымоютъ немного.

— Я самъ замѣтилъ, заговорилъ адъютантъ.—Когда снимали его съ лошади, онъ шагнулъ,—помните, онъ немного правую ногу оттягивалъ?—ну, вотъ и теперь...

— Ну, это, положимъ, не доказательство, произнесъ Пуговицынъ.—Когда у человѣка нѣсколько часовъ подъ рядъ ноги скручены арканомъ—что же тутъ удивительнаго, что онъ ихъ оттягивать будетъ нахому?.. Это не доказательство.

— Это о томъ бѣтырѣ вы говорите, что уральцы привезли?.. Ну какой же это Атамкуль?! Я его очень хорошо помню, этотъ и ростомъ ниже и по русски совсѣмъ не говорить; а что на счетъ рожи... вздоръ! эти косоглазые всѣ на одинъ покрой.

— Это вѣрно! подтвердилъ маіоръ Бирнапсъ.—Я своихъ джигитовъ, не всѣхъ конечно, но трехъ изъ нихъ, только по халатамъ и отличаю.

— А все таки это обстоятельство подозрительно, глубоко-мысленно произнесъ офицеръ съ погонами генеральнаго штаба.—Надо все это привести въ полную ясность... допросить, исследовать фактъ, однимъ словомъ...

— «Моментъ», словно про себя произнесли рыжія бакенбарды.

Офицеръ генеральнаго штаба поднялъ голову, сдвинулъ брови, презрительно пожалъ плечами и тоже словно про себя произнесъ:

— Свиныя..

— Господа — господа... возвысилъ голосъ Пуговицынъ и придержалъ руку бакенбардиста, потянувшуюся было за бутылкою.

Эта бутылка была пуста... Всѣ отлично знали объ этомъ, знали также и тотъ, кому она понадобилась. Значитъ маіоръ очень хорошо сдѣлалъ, помѣшавъ рыжимъ бакенбардамъ дать бутылкѣ несвойственное ей назначеніе.

— Шиломординъ — не дури, брось! А хорошая, господа, сегодня ночь, знаете-ли, какъ будто прохладнѣй вчерашняго... Вася, ну-ко хвати «Горныя вершины», ну-ко затягивай!...

— Но вѣдь, однако... бормоталъ обиженный и, приподнявшись на колѣнахъ, всматривался въ темноту.— Однако, это чортъ знаетъ что такое... ишь вѣдь! удрадь!

«Горныя вершины — спать во мглѣ ночной!..»

затянулъ теноркомъ поручикъ Кустиковъ

Тихія долины...

въ разладъ подтянули нѣсколько голосовъ,

— Я тѣ дамъ «свинью»! все еще не могли успокоиться рыжія бакенбарды, и, поймавъ тонъ пѣсни, равкнули басомъ... «Не шумя-ать листы...»

— Ну и принялись они его колошматить, рассказывалъ понотомъ одинъ деньщикъ другому какіе-то эпизоды изъ прежней деревенской жизни.

— За что это? спрашивалъ тотъ.

— Да за то же.

— Это за сноху-то, за бабу?

— А то нѣтъ?.. таперича если онъ свекоръ, ну, значить, и шабашъ... Опять же сыновья узнали... А ломъ-то въ углу стоялъ.

— Важно! смотри-вонъ карій бьется, не запутался-ли?

— А ну его!

— Бей, бей ее! Дави! сапогомъ, сапогомъ! такъ, разъ! Ну еще! уйдетъ, уйдетъ, эка живучая; сдерни коверъ! гляди въ чемоданы залѣзеть... Ахъ ты! готово! слышались энергичныя, оживленныя восклицанія и усиленная возня въ палаткѣ.

Это туда, на свѣтъ фонаря, заползла громадная фаланга и вызвала своимъ появленіемъ обычную, чуть не ежедневную охоту... Отвратительное насѣкомое преслѣдовалось съ ожесточеніемъ.

(Продолженіе будетъ.)

СЕРИОЗНАЯ КНИГА.

(КАРИКА).

Было далеко за-полдень. По взятой залѣ медленнымъ шагомъ ходили двѣ молодыя женщины въ домашнихъ, но весьма изящныхъ платьяхъ. Каблучки туфелькъ ихъ слегка постукивали по блестящимъ квадратамъ паркета. Отраженіе на немъ двухъ строй-

ныхъ фигуръ въ видѣ легкаго облака слѣдовало за ними, плывя и колыхалась... Казалось, двѣ нимфы, перерядившись въ модныя платья, скользили по гладкой поверхности свѣтложелтаго овера. Но это не нимфы прогуливались, а двѣ кувивы, изъ которыхъ

одна была замужня, другая — дѣвица. Первую звали Еленой Ивановой, вторую — просто мадемуазель Nadine. На Еленѣ Ивановѣ было темное платье съ свѣтлымъ тюникомъ, на мадемуазель Nadine — свѣтленькое, отдѣланное бантами. Онѣ вели довольно оживленную бесѣду.

— Ну, довольно объ этомъ маскарадѣ! произнесла наконецъ Nadine махнувъ рукой. — Чтѣ-то я хотѣла тебѣ сказать... Поймай-ка... Да! знаешь, Hélène, надо-бы проучить твоего почтеннѣйшаго супруга... непременно!

— Это за чтѣ-же? спросила Елена Ивановна.

— А за вчерашнее-то? забыла?

И облачко, скользящее по паркету, заколебалось и остановилось.

— Да вѣдь онъ вчера вечеромъ и тебя и меня публично такъ-сказать пристыдилъ! Говорить: «вы, женщины, только пустячки и читаете, а отъ серьезной книги какъ отъ чумы бѣжите»... Каково?..

— То есть... видишь-ли, Nadine, онъ отчасти... правъ...

— Ахъ, я знаю, и знаю, что мы мало читаемъ серьезныхъ книгъ! Да не въ томъ дѣло... Нѣтъ! твой почтеннѣйшій муженекъ говорилъ совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ...

— Въ какомъ же?

— А вотъ въ какомъ: что мы — представ! — неспособны даже и читать-то чтонибудь серьезное, и интереса-то у насъ ни къ чему солидному нѣтъ!... Ужась!...

— Сеужели?... Ахъ, онъ варваръ! Да, да, вѣдь дѣйствительно онъ говорилъ это!... Припоминаю...

— Ну и слѣдуетъ проучить, и этакъ, знаешь, тонко... Ужасные они резонеры! И вѣдь съ какимъ аллобомъ изволялъ выражаться!... Сейчасъ видно, что лысина есть...

— Ну — ужъ и лысина! Такъ... лысинка... Впрочемъ, проучить надо... Только какъ же-бы это устроить?..

И снова по свѣтложелтой блестящей поверхности заскользили плавно двѣ стройныя фигуры.

— Я думаю, самое лучшее вотъ что, заговорила Nadine: — пойти въ кабинетъ (вѣдь Николай Петровичъ уѣхалъ), достать тамъ серьезную книгу и застѣсть за чтеніе. Въ самомъ дѣлѣ, погода сегодня скверная, а до четырехъ часовъ еще далеко... Идемъ туда!

— Хорошо... Ну, засядемъ мы за чтеніе, а потомъ что? Какъ же проучить-то?..

— Очень легко! Возьмемъ мы книгу и отправимся въ твой будуаръ. Тамъ, за ширмами, сядемъ на диванъ и я стану читать вслухъ... Къ обѣду явится почтеннѣйшій Николай Петровичъ и, узнавъ что мы дома, навѣрно придетъ сюда... Но издали еще — представ! — услышитъ, что я читаю что-то вслухъ... Отлично! «А! подумаетъ, вѣрно романчикъ какойнибудь пожиралъ...» И вотъ, на дичоккахъ подкрадется онъ къ ширмамъ.

— И устыдится! подхватила Елена Ивановна.

— Навѣрно устыдится! Еще-бы! Услышать вѣдь, что я читаю, а ты слушаешь, пресерь-о-зную вещь... Суть какуюнибудь чрезвычайную!... Ну и уйдетъ потихоньку, а мы, за обѣдомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и станемъ говорить о прочитанномъ... Чудесно-а?..

— Идемъ-же, Nadine, за книгой, идемъ! О, какая ты у меня умница!...

Кузины упорхнули въ кабинетъ.

— Иностранную или русскую? спросила Nadine, отворивъ большой книжный шкафъ.

— Русскую, только не очень толстую.

— Ну, конечно, не толстую, а то руку оттянетъ.

— Русскія, кажется, на верхней полкѣ. Вотъ тебѣ стулъ — полѣзай. Не упади!

— Валяла. Не упаду. Я буду по корешкамъ читать. Ну, вотъ... «Маклеодъ. Политическая экономія»...

— А большая?

— Ахъ — да — большая...

— Посмотри-ка направо... вонъ — вонъ — толстенная, маленькая... Какая?

— Это? «Объ искусствѣ» Прудона... Маленькая, да и вѣрно чтонибудь такое легонькое, французское...

— Ну, не надо. Читай дальше!

— «Лѣсъ» Росемессера... У-у!

— Заберешься въ лѣсъ и не выберешься! Оставь!

— Германа Фи-зи-о-логія... Это что за птица?

— Это, ма снѣге, чтонибудь о желудкѣ или кишкахъ... Ну, ее! Все не то. Нѣтъ, знаешь, чтонибудь этакое чтобы о всемъ было тамъ... и серьезное...

— Вотъ, «Единство рода человѣческое»... Катрфажъ...

— Не хочу «Единства»... Рядомъ-то, въ фиолетовомъ черешкѣ, чтѣ?

— Шиль... Современная теорія финансовъ... Н-ну!

— Такой хорошенькій перелетъ — и такая дрянь!

— А вотъ, не особенно толстая и небольшая... «Первобытная культура» Едуарда Б. Тэйлора... Томъ первый.

— Какъ? «Первобытная»? Ухъ!.. Ну-ка, вынь...

Nadine съ трудомъ вытащила «культуру» и протрала:

— «Исслѣдованія развитія міеологіи, философіи, религіи, искусства... и быта»... Переводъ съ англійскаго Корончевскаго... Ужъ взять эту?

— Давай, давай! И міеологія, и религія, и философія — все тамъ есть! Должно быть интересно.

Nadine прыгнула со стула, держа въ рукѣ «Первобытную культуру».

— Ну, маршъ въ будуаръ!

Престынная кузины, достигнувъ будуара, расположились рядомъ на диванчикѣ, стоявшемъ за ширмами.

— Который часъ? спросила Елена Ивановна.

— Четверть третьяго. Ну, какъ же — сначала?

— Зачѣмъ-же? Нѣтъ, вѣдь онъ можетъ подуматъ, что мы именно послѣ вчерашнихъ его резонёрствъ и принялись нарочно за серьезное чтеніе... Напротивъ, пусть онъ увидитъ, что книгу эту мы уже да-авно читаемъ тихонько отъ него и ужъ дошли до половины! Раскрой на половинѣ и начинай.

— Ну, хорошо. А чтѣ-жъ, можетъ быть, книга и въ самомъ дѣлѣ интересная? Тогда вѣдь можно будетъ и сначала... Дѣйствительно, все романы да романы — надо-ло! Надо бодѣ «читательную умственную пищу», какъ выразился Николай Петровичъ...

— Усадься, Nadine, половѣче. Устанешь — дай мнѣ, я стану читать. Поймай-ка, я положу ноги на скамеечку и сяду поглубже... Одну подушку подъ голову — вотъ такъ! А ты на меня — головой на плечо... Ну, хорошо?

— Отлично! Начинаю.

Елена Ивановна закинула голову на подушку и прищурила глаза. Чтеніе началось. Прошло полчаса.

— Лѣля! Ты это что-же?...

— А чтѣ?

— Кажется, не слушаешь... о другомъ думаешь?

— Ну — вотъ! Какъ не слушаю... Помилуй! Очень даже интересно... Я ни одного слова не пропустила. Ты сейчасъ прочла: «Огмѣчая подобное обстоятельство у дикарей и дѣтей...»

— «У дикарей и дѣтей», продолжала Nadine: — «мы прихотимъ къ интереснымъ вопросамъ, каса...каса-а...»

— Чтѣ съ тобой? Ты, кажется, зѣвнула?

— Вообрази — до слѣзъ даже! Но это ничего. Слушай... «касающимъ исторіи первобытной грамматики. В. Ф. Гумбольдтъ обратилъ вниманіе на аналогію между...» А вотъ и ты зѣвнула!

— Это я отъ тебя! Ты — черная... Пу-ну, на чтѣ-же Гумбольдтъ вниманіе обратилъ?

— «...на аналогію между значеніемъ у дикарей Z, въ смыслѣ «многіе», и грамматическимъ употребленіемъ Z для образования особаго рода превосходной степени, въ формахъ; обыкновенными примѣрами могутъ служить» —

Nadine, устыдившись зѣвка, энергически принялась за чтеніе, даже увлеклась, а Елена Ивановна, замѣтивъ это и убавляемая голосомъ кузины, стала мечтать о чемъ-то, только не о превосходной степени и не о грамматическихъ формахъ... Ей такъ было сладко, мягко, удобно, что она ни двинуться, ни говорить уже не хотѣла, а потому уловивъ какоенибудь слово, повторила его нарочно, чтобы обмануть Nadine, предупредить ее... Жаль было Еленѣ Ивановнѣ разстаться съ міромъ чудныхъ грѣзъ...

— «Когда двѣ расы различныхъ уровней культуры приходятъ въ соприкосновеніе»... читала Nadine...

«Приходятъ въ соприкосновеніе», проговорила Елена Ивановна, поймавъ эти слова, но уже ничего не понимая... Она была уже не на диванѣ, а гдѣ-то, въ какой-то освѣщенной залѣ... Толпа... Звучи Штраусовскаго вальса... Говорь... Браданье шпоръ... Вотъ, графъ Сержъ подлетаетъ къ ней... Рука ея на его плечѣ... И они понеслись, закружились... Ноги не касаются паркета... Вальсъ въ воздухѣ!... О, какъ хорошо!.. Она чувствуетъ жаркое дыханье Сержа... — «...приходятъ въ соприкосновеніе, тогда болѣе грубый народъ усваиваетъ новыя искусства и знанія... (голосъ Nadine слабѣлъ), но въ то-же самое время его собственная культура обыкновенно оста-на-вли-ва-а...»

И Nadine остановилась. Все смолкло...

— Странно, думала Елена Ивановна, — какой этотъ Сержъ! Танцуетъ вальсъ — и положилъ голову на мое плечо... И какимъ образомъ на правое? — Тяжело и жарко... Но — ахъ, какой вальсъ!...

Давно въ четыре часа прѣхалъ Николай Петровичъ и, узнавъ, что «барыня» дома, приказалъ подавать супъ. Выйдя изъ кабинета и не найдя никого въ залѣ, онъ отправился въ гостиную, но и въ гостиной — ни души... Не въ столовой-ли онъ, въ ожиданіи обѣда?

— И тутъ ихъ нѣтъ!... Ну, такъ вѣрно тамъ...

Николай Петровичъ тихо пробрался въ будуаръ... Никого! — Да гдѣ-жъ это онъ? прощенталъ онъ и остановился среди будуара — и вдругъ тоненькій свистъ долетѣлъ до его уха... Кто-то гдѣ-то слегка сопѣлъ носомъ...

Супругъ Елены Ивановны на дичоккахъ подкрался къ ширмамъ, заглянулъ — и увидѣлъ картинку, живую картинку, коію съ которой читатель можетъ увидѣть въ настоящемъ номерѣ «Нивы»... — Не притворяются-ли онъ? мелькнуло въ головѣ Николая Петровича — и онъ нагнулся...

Нѣтъ, онъ дѣйствительно сладко почивалъ; дыханіе ихъ было такое тихое, ровное, только носикъ Nadine слегка посвистывалъ... — Не заснули-ли это онъ за серьезной книгой?...

Заглянулъ онъ въ книгу — да, «Первобытная культура»!...

Въ эту самую минуту въ дверяхъ будуара появился лакей и довольно громко доложилъ:

— Кушать подано!

Какъ ихъ судить?

(Разсказъ изъ уголовной хроники) А. Шкляревскаго.

I.

Около двѣнадцати часовъ, довольно свѣжимъ августовскимъ утромъ, по пассажу на Невскомъ проспектѣ, въ числѣ прочихъ прогуливавшихся, шелъ высокій и стройный господинъ, въ форменномъ пальто военного врача, лѣтъ тридцати пяти, красивый собою, но совершенно сѣдой, почти бѣлый, что придавало необыкновенную, своеобразную прелесть его правильнымъ чертамъ и блестящему взгляду. Онъ велъ подъ руку прелестную блондинку, миниатюрнаго роста, съ нѣсколько гордымъ выраженіемъ личика, съ синими, слегка прищуренными глазками и замѣчательно-роскошными волосами пепельнаго цвѣта. Дойдя до середины пассажа, они остановились у магазина, въ которомъ были выставлены карточки разныхъ европейскихъ знаменитостей, и начали ихъ разсматривать. Вѣроятно съ подобною же цѣлю, около этого магазина остановился отставной генералъ, сухощавый старикъ, средняго роста, съ сѣдыми бакенбардами и неприятными сѣро-карими, быстро бѣгавшими глазами, изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей. Разсмотрѣвъ двѣ-три карточки, старикъ хотѣлъ уже идти далѣе, какъ вдругъ, взглянувъ нечаянно на блондинку, словно оцпенѣвъ, отскочилъ на два шага и поднявъ съ изумленнымъ жестомъ руку, устремилъ на нее странный и испуганный взглядъ широко-раскрытыхъ глазъ. Врачъ и его спутница въ это время разговаривали между собою и не замѣчали происходившаго вокругъ нихъ. Между тѣмъ, какъ бы не довѣряя видѣнному, старикъ протеръ глаза, перешелъ на другую сторону и сталъ еще пристальнѣе всматриваться въ блондинку, съ тѣмъ же выраженіемъ изумленія и ужаса. — Такъ, такъ! шепталъ старикъ, ломая пальцы рукъ. — Это она... и сомнѣній не можетъ быть... Алевтина! прибавилъ онъ громко.

При этомъ имени молодая женщина обернулась и вопросительно взглянула на генерала. Вслѣдъ за тѣмъ, она въ страхѣ прижалась къ своему кавалеру, прошептавъ дрожащимъ голосомъ: «Онъ!..»

— Алевтина!.. повторилъ онъ еще разъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ его врачъ взволнованнымъ голосомъ. Лицо его стало болѣзненно блѣдно, какъ у мертвеца, безъ всякихъ признаковъ жизни, но черные глаза его ярко сверкали.

— Это—моя жена!.. вскричалъ генералъ.

— Ошибаетесь... возразилъ врачъ, стараясь сохранить какъ можно болѣе хладнокровія. — Это моя жена... Я женатъ на ней десятый годъ.

— А я все таки утверждаю, что это моя жена... Ее зовутъ Алевтина Михайловна.

— Можетъ быть, но я не намѣренъ сообщать имя и отчество своей жены каждому встрѣчному. Вѣроятно, вы введены въ заблужденіе сходствомъ физиономій... Пойдемъ! обратился врачъ къ своей дамѣ.

— Нѣтъ, я васъ не выпущу, милостивый государь, рѣшительно объявилъ старикъ, схвативъ врача за рукавъ пальто. — Господинъ полицейскій офицеръ! пожалуйста сюда!.. крикнулъ онъ, — господа присутствующіе! прошу васъ быть свидѣтелями... Я Захаръ Матвѣевичъ Дребезгинъ...

Состязавшихся обступила густая толпа любопытныхъ. Подошелъ и полицейскій офицеръ. Дребезгинъ сталъ просить о задержаніи врача и дамы, дрожавшей и прильнувшей къ его плечу, съ опущенными отъ стыда глазами.

— Повторяю вамъ, что вы въ заблужденіи... можетъ быть по наружному сходству. Говорю вамъ, что я женатъ уже десять лѣтъ, у меня трое дѣтей. Мы всего три дни какъ пріѣхали въ Петербургъ изъ провинціи, убѣждалъ врачъ.

— А я вамъ говорю, что эта особа все таки моя жена, десять лѣтъ тому назадъ умершая...

Такое заявленіе изумило толпу.

— Г. полицейскій офицеръ! обратится къ нему врачъ, — моей женѣ дурно, пропустите насъ... Развѣ вы не видите, что несчастный помѣшанъ?

Полицейскій офицеръ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ было дать дорогу врачу, но Дребезгинъ стремительно подскочилъ къ дамѣ и, взявъ ее за руку, грозно спросилъ:

— Алевтина! признайся — это ты?.. Не думай, чтобы я оставилъ тебя безъ преслѣдованія... Я докажу, что ты моя жена.

Дама ничего не отвѣчала; она только вскрикнула и упала въ обморокъ. Врачъ вѣдъ себя бросился приводить ее въ чувство, проносясь дрожащимъ голосомъ странныя слова: «онъ убьетъ ее во второй разъ»!.. Это обстоятельство задержало незнакомцевъ въ пассажѣ на нѣкоторое время, въ продолженіи котораго Дребезгинъ успѣлъ убѣдить полицейскихъ властей, что онъ въ здоровомъ умѣ, и просилъ: не выпуская полковаго врача, сейчасъ же собрать свидѣнія, кто именно онъ и его спутница и гдѣ они квартируютъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ квартиру оберъ-полицеймейстера просить его помощи въ розыскахъ.

По сдѣланнымъ полиціею дознаніямъ, мужчина, проходившій съ дамой по пассажу, оказался дѣйствительно военнымъ врачомъ, надворнымъ совѣтникомъ Владиміромъ Александровичемъ Заварническимъ, а дама — его женой Алевтиной Константиновной Заварницкой, по прежней дѣвичьей фамиліи Воскресенской, происходившей изъ купеческаго званія. Заварницкій былъ женатъ на ней девять лѣтъ и три мѣсяца и имѣлъ отъ нея дочь и двухъ сыновей. Семейство это прибыло въ Петербургъ дня за три до происшествія въ пассажѣ и остановилось на Невскомъ проспектѣ, въ скромномъ номерѣ «Преображенской» гостиницы. Казалось, такая свѣдѣнія должны были поселить въ Дребезгинѣ сомнѣніе относительно тождества личности докторши Заварницкой съ его женою, — но Дребезгинъ твердо стоялъ на своемъ и подалъ прошеніе въ Окружный судъ о разбирательствѣ этого дѣла, ссылаясь на многочисленныхъ свидѣтелей, которые, при очныхъ ставкахъ съ ними надворной совѣтницы Алевтины Константиновны Заварницкой, не преминутъ узнать въ ней его покойную жену Алевтину Михайловну Дребезгину, урожденную баронессу Цадебель, похороненную въ такомъ-то году, въ его фамильномъ склепѣ, въ деревнѣ Екатериновкѣ Новогрунтовскаго уѣзда, Черномоземской губерніи. Началось слѣдствіе. Заварницкіе были обязаны подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга. Въ слободу Екатериновку былъ командированъ со стороны окружнаго суда особый чиновникъ, который при освидѣтельствваніи фамильнаго склепа Дребезгинныхъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, не нашлъ никакихъ слѣдовъ праха въ гробѣ умершей Алевтины Михайловны Дребезгиной, урожденной баронессы Цадебель... Вскорѣ дальнѣйшее производство этого дѣла было передано по мѣсту совершенія преступленія въ мѣстный Окружной судъ.

II.

Предки Цадебелей были истые уроженцы Лифляндіи, но теперь на прежнее происхожденіе ихъ указывала лишь фамилія, да бѣлокурсые, пепельные волосы и голубые глаза. Баронъ Михаилъ Федоровичъ Цадебель, заслуженный и раненый полковникъ, умеръ въ среднихъ лѣтахъ, черезъ годъ послѣ смерти жены, оставившей ему трехлѣтнюю дочь, Алевтину. Оставшись круглой сиротою, дѣвочка перешла на житье къ своему опекуну, дядѣ, брату матери, статскому совѣтнику Василю Ивановичу Мономахову, человѣку хотя и очень добродушному, но въ высшей степени тщеславному. Алевтинѣ, послѣ смерти отца, осталось довольно значительное состояніе, заключавшееся въ двухъ огромныхъ домахъ въ Петербургѣ, въ разномъ движимомъ имуществѣ, въ вещахъ и шестидесяти

Свой самоваръ. Картина Ивана.

тысячахъ рублей. Это состояніе давало Алевтиѣ полную возможность получить прекрасное домашнее воспитаніе, но Мономаховъ считалъ приличнѣйшимъ дать образованіе дочери такого заслуженнаго офицера, какъ его шурина, не иначе какъ въ Патріотическомъ институтѣ,—и Алевтина въ извѣстные годы была принята въ это заведеніе, гдѣ и кончила полный курсъ; послѣ чего возвратилась въ домъ дяди. У Алевтины было много прекрасныхъ задатковъ: она имѣла горячее, любящее сердце, жаждавшее чувства, симпатизировала всякому горю и страданію; къ этимъ качествамъ присоединялись свѣтлый, природный умъ и тихій характеръ. Молодая головка ея была чужда праздныхъ мечтаній, фантазій и иллюзій. Какъ всякая богатая дѣвушка извѣстнаго круга, она была окружена такою обстановкой, при которой весьма скоро отдѣлалась отъ институтской наивности и, ознакомилась съ дѣйствительной жизнью, по крайней мѣрѣ въ той сферѣ, гдѣ ей пришлось вращаться. На толпу же, которую она видѣла лишь мелькомъ на улицѣ, она усвоила себѣ особенные взгляды, свысока благосклонные, считая себя существомъ протгивъ нея высшимъ. Впрочемъ, съ однимъ изъ людей этой толпы Алевтинѣ пришлось встрѣчаться чаще, чѣмъ она быть можетъ желала на первыхъ порахъ. Въ то время, когда Алевтина вторично поселилась у дяди, въ этомъ домѣ явилось новое лицо, жившее у Мономахова въ качествѣ домашняго учителя его малолѣтняго сына. Это былъ Владиміръ Александровичъ Заварницікій, молодой человекъ, лѣтъ двадцати трехъ, недавно кончившій курсъ въ Медико-хирургической академіи. Алевтинѣ Михайловнѣ тогда было всего шестнадцать. Заварницікаго въ домѣ Мономахова всѣ считали за человека холоднаго, сухаго и разсудительнаго, а потому относились къ нему весьма довѣрчиво. Сынъ бѣднаго деревенскаго пономаря какой-то дальней губерніи. Заварницікій, съ самаго ранняго дѣтства, сталъ проходить тяжелую школу житейскихъ нуждъ. Десяти-одиннадцати лѣтъ, воспитываясь еще въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, маленький Владиміръ Заварницікій, стоя на квартирѣ въ концѣ города у старой солдатки, которой отецъ его выплачивалъ за квартированіе сына два рубля въ мѣсяцъ натурою, т. е. мукою, крупою, пшеномъ и пр.,—зналъ уже, что значить порою сварить себѣ обѣдъ, выстирать бѣлье, нарубить дровъ и сбѣгать къ сосѣдямъ, наносить воды, чтобы заработать нѣсколько копѣекъ, нужныхъ ему для покупки сальной свѣчи для вечернихъ занятій и необходимыхъ ученическихъ принадлежностей, бумаги, чернилъ и т. п. По окончаніи курса въ семинаріи, гдѣ Заварницікій воспитывался на казенный счетъ въ бурсѣ, онъ задумалъ поступить въ Медико-хирургическую академію и съ этою цѣлью двинулся въ Петербургъ пѣшкомъ, за нѣсколько сотъ верстъ, съ единственною надеждою найти себѣ на первыхъ порахъ въ Петербургѣ пріютъ въ домѣ одного дальняго родственника, служившаго діакономъ въ какой-то приходской церкви. Списываться съ этимъ родственникомъ Заварницікій считалъ неблагоразумнымъ, такъ какъ по письменной просьбѣ діакона могъ учтиво отказать въ гостепріимствѣ; являсь же внезапно, онъ ставилъ его въ необходимость дать ему у себя въ квартирѣ прибѣжище, хотя на нѣсколько дней. Къ счастью его, діакономъ жилъ зажиточно и имѣлъ кучу дѣтей—подростковъ; вслѣдствіе этого, онъ не только не отказалъ своему родственнику въ пріютѣ на первыхъ порахъ, но далъ ему отдѣльную комнату и предложилъ столъ съ тѣмъ, чтобы Заварницікій занимался съ его дѣтьми. Заварницікій прожилъ у него болѣе трехъ лѣтъ, съ каждымъ годомъ постепенно улучшая свое положеніе; онъ успѣвалъ и посѣщать лекціи въ академіи, и заниматься діаконовскими дѣтьми, и давать еще частные уроки,—такъ какъ діакономъ, въ отплату за усильное занятіе Заварницікаго съ его дѣтьми, вездѣ въ богатыхъ домахъ по приходу рекомендовалъ своего родственника умницей и способнымъ учителемъ. На четвертый годъ Заварницікій перешелъ отъ діакона давать уроки въ домъ одной графини, а оттуда, по рекомендаціи послѣдней, поступилъ наконецъ къ Мономаховымъ. При всемъ томъ, среди постоянныхъ занятій, въ которыхъ проходила его жизнь, молодой человекъ не успѣлъ еще присмотрѣться къ быту того обще-

ства, куда толкнула его судьба,—и многіе обычаи и порядки въ этомъ домѣ казались Заварницікому крайне тяжелы.

Мѣсто въ домѣ Мономаховыхъ было для него выгодно и онъ дорожилъ имъ. Заварницікій рассчитывалъ, по окончаніи курса въ академіи и по протекціи Мономахова, занять мѣсто врача по своему желанію и имѣть практику.

Съ самаго начала знакомство между Заварницікимъ и Алевтиною ограничивалось лишь поклонами; но красивая наружность молодого человека, не смотря на замѣтную угловатость и застѣнчивость, повидимому производила на нее нѣкоторое впечатлѣніе. Въ первый разъ Алевтина заговорила съ нимъ въ учебной комнатѣ, потомъ изрѣдка встрѣчала его въ саду, когда онъ водилъ гулять ея двоюроднаго брата. Мало по малу молодые люди перестали чуждаться другъ друга, и Алевтина, къ удивленію своему, съ каждымъ днемъ открывала въ своемъ собесѣдникѣ все новыя и новыя достоинства. Вскорѣ—видѣть его, говорить съ нимъ стало для нея ежедневною потребностью—хотя и далеко неознаваемою. На Заварницікаго же она съ перваго дня произвела впечатлѣніе поражающее; при красотѣ своей она обладала какой-то особенной, совершенно своеобразной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественной граціей—и такъ мало походила ея на другихъ, бывавшихъ въ домѣ Мономахова дѣвушекъ, что всякій незнакомый человекъ не могъ не увлечься ею съ перваго взгляда. Но, какъ человекъ жившій своимъ трудомъ и не глухой, Заварницікій ясно видѣлъ, какая бездна лежитъ между нимъ и Алевтиною,—а потому старался держаться отъ нея въ отдаленіи и даже заставлялъ себя смотрѣть на нее съ невыгодной для нея точки зрѣнія. Однако, все это предубѣжденіе Заварницікаго противъ Алевтины не послужило ни къ чему,—дѣвушка успѣла, безъ всякой хитрости или нахвѣрнаго плана, уничтожить эти неприязненныя къ ней чувства, единственно силою своей привлекательности и простоты обращенія. Заварницікому, впрочемъ, по крайней его неопытности въ женщинахъ, стало казаться, что онъ имѣетъ дѣло не съ свѣтскою дѣвушкой, а еще съ простодушнымъ ребенкомъ, на котораго еще можно вліять...

Тутъ самонадѣянное воображеніе юноши окончательно разыгрывалось—и онъ невольно поддавался его обольстительнымъ иллюзіямъ...

Въ сущности дѣло было гораздо проще: молодой человекъ влюбился со всѣмъ пыломъ непечатаго чувства и какъ это рѣдко въ наши времена явленіе еще рѣже не находить себѣ отзыва въ чистыхъ женственныхъ натурахъ, то и Алевтинѣ молодой человекъ нравился все больше и больше. Она невольно обратила вниманіе на его ровность характера и серьезную преданность дѣлу, и нечувствительно сама начала дѣлать первые шаги къ сближенію, посѣщая будто бы изъ любопытства классную комнату во время уроковъ ея брата... Алевтина была въ томъ періодѣ возраста, когда дѣвушка болѣе всего расположена поддаться обаянію любви. Искра этого чувства безсознательно зажглась въ ней, а постоянное присутствіе Заварницікаго еще болѣе питало и раздувало этотъ огонекъ. Алевтина сама удивлялась порою тому, что если ее и поражали внѣшнимъ лоскомъ и остроуміемъ другіе мужчины, то по прошествіи нѣсколькихъ дней впечатлѣніе это уменьшалось, а потомъ и вовсе изглаживалось; Заварницікаго же она видѣла каждый день и по нѣскольку разъ, а между тѣмъ онъ съ утра до вечера не выходилъ изъ ея головы. Она начала краснѣть при его приближеніи, руки ея стали дрожать касаясь его руки—и, если ей приходилось присутствовать при дѣланныхъ теткою ея репримандахъ Заварницікому, она невыносимо страдала и ифнялась въ лицѣ. Заварницікій все это видѣлъ, замѣчалъ и чувствовалъ. Пылкая натура молодого человека проснулась: онъ забылъ все свое благоразуміе и разъединяющую его съ любимою дѣвушкою бездну. Послѣ одной изъ подобныхъ сценъ съ мадамъ Мономаховою, при которой Алевтина заявила такое неподдѣльное къ нему чувство, онъ не могъ удержаться, чтобы столкнувшись съ ней tête à tête не поблагодарить ее—и здѣсь съ языка его слетѣло полное признаніе. Въ другое время, при всей любви къ Заварницікому, молодая дѣвушка,

по робости своей, не дала бы ему рѣшительнаго отвѣта въ своемъ чувствѣ — или бы замаявъ отвѣтъ, или бы отвѣчавъ краскою, замѣшательствомъ, слезами и уходомъ; но, находясь подъ вліяніемъ глубокаго состраданія и сожалѣнія къ молодому человѣку, за безвинно переносимые имъ капризы, она высказала ему роковое: «вы также дороги мнѣ», и на долю Заварническаго выпала ея первый дѣвственный подалуй... На другой день они оба были въ смущеніи, преимущественно же Заварницкій, проведшій одну изъ самыхъ безпокойныхъ ночей въ своей жизни. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, раскаявающихся въ томъ или другомъ необдуманномъ поступкѣ. Если бы въ Петербургѣ ему не пришлось поступить въ академію и найти пріютъ, онъ искалъ бы себѣ какого нибудь другаго занятія, но и погибая, онъ никогда не издавалъ бы безплодныхъ сѣтованій на то, что пошелъ въ такую даль безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія...

Къ чести Заварническаго должно прибавить, что богатство Алевтины Цадебель здѣсь вовсе не играло ни какой роли; напротивъ, оно казалось ему однимъ лишнимъ препятствіемъ къ ихъ супружескому счастью. У людей, подобныхъ Заварницкому, есть свои особенные взгляды на деньги: привыкнувъ съ дѣтства зарабатывать каждую копѣйку тяжкимъ трудомъ, Заварницкій, не пренебрегалъ деньгами и даже дорожилъ ими, но только въ такомъ случаѣ, если онъ заработалъ ихъ; деньги же, случайно доставшіяся ему, какъ-то оскорбляли его самолюбіе...

Главнымъ препятствіемъ къ счастливому своему браку съ Алевтиной — Заварницкій считалъ ея происхожденіе и среду. Онъ боялся, чтобы Алевтина, по простествіи извѣстнаго времени, не пожалѣла о ней, и что это могутъ навѣять на нее посторонніе, ея родственники и друзья. Только этого од-

ного вопроса до признанія Алевтинѣ онъ не рѣшилъ. Что касается до матеріальныхъ препятствій къ браку, то ему, какъ и всякому юношѣ, они казались очень ничтожными — и онъ думалъ устранить ихъ безъ всякихъ затрудненій. Ему нужно было лишь одно согласіе Алевтины. И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ бы, казалось, ему задумываться? До окончанія полнаго курса въ академіи Заварницкому оставалось немного, по нѣсколькимъ предметамъ онъ уже выдержалъ экзаменъ, а далѣе онъ надѣялся получить мѣсто полковаго врача въ Петербургѣ — и затѣмъ повѣнчаться съ Алевтиной, при содѣйствіи одного своего товарища, молодого священника, безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ объ этомъ съ Мономаховыми, согласія которыхъ онъ никогда не надѣялся получить. Относительно-же, могущихъ быть, судебныхъ преслѣдованій онъ особенно не тревожился. Убѣдить Алевтину — оставить домъ опекуна и согласиться соединить съ нимъ свою судьбу ему казалось легко. Но это самое и останавливало Заварническаго и заставляло его провести безсонную ночь... Онъ считалъ низкимъ и безчестнымъ воспользоваться простодушіемъ и наивностью молоденькой дѣвушки; онъ желалъ, чтобы она рѣшилась на это вполне зрѣло и сознательно, — а для этого ему, изволите ли видѣть, нужно ее честно познакомить съ жизнію и съ будущей ея обстановкой и обязанностями, какъ жены врача. Но какъ планъ этотъ требовалъ времени, то для выполненія его Заварницкій предполагилъ, по окончаніи курса въ академіи, остаться еще на годъ въ домѣ Мономаховыхъ учителемъ и домашнимъ врачомъ.

Золотая юность! у кого не бывало такихъ или подобныхъ завѣтныхъ, затаенныхъ, — но тѣмъ не менѣе — увы! — неисполнимыхъ замысловъ.

СМѢСЬ.

Флора

(статуя Симони, находившаяся на Вѣнской всемірной выставкѣ).

Мнѣ о Флорѣ принадлежить къ числу граціознѣйшихъ эпизодовъ изъ еогоніи древнихъ грековъ. Въ немъ олицетворяется весна съ ея первымъ теплымъ дуновеніемъ, которое оживляетъ растительность и заставляетъ распускаться цвѣты. Зефиръ, вѣчно юный-богъ, теплый западный вѣтеръ, сынъ Эола и пурпурно-персткой Эостъ (зари), прельстясь красотою нимфы Хлорисъ (зелень), долго и страстно ее преслѣдовалъ, настичъ ее, сдѣлавъ своею супругою подъ именемъ Флоры и далъ ей власть надъ всѣмъ царствомъ цвѣтовъ. Раздѣливъ пламень его страсти, Флора подарила Зефиру сына Карпія, который былъ избранъ Зевсомъ въ представители всѣхъ плодовъ и овощей. Празднества въ честь ея, такъ-называемыя Флоралии, установлены Тарквиніемъ Гордымъ и торжесивовались ежегодно съ 28 Апрѣля до 1 Мая, подъ надзоромъ эдилей, которые раздавали народу горохъ и бобы. Домъ и сами горожане украшались цвѣтами, женщины въ противность всегдашнему обычаю одѣвались въ яркія ткани; дни проходили въ пѣніи, пляскахъ и пирахъ. Сопреженныя съ праздникомъ игры производились въ особомъ циркѣ, позади горы Квиринала, неподалеку отъ храма Флоры, и тянулись часто за полночь, при свѣтѣ факеловъ, не отличаясь особенной нравственностью. Флору изображаютъ обыкновенно весьма юною дѣвкой, похожею на Диану, но съ цвѣтами на головѣ и въ рукахъ. Между яничными знаменитѣйшая — *фарнезская*, прилагаямая

копія съ новѣйшаго воспроизведенія ея скульпторомъ Симони также чрезвычайно изящно изображаетъ богиню цвѣтовъ.

Свой самоваръ.

(Съ картины Ивана).

Въ неприхотливомъ быту русскаго крестьянина, чаеніе составляетъ не повседневною потребностью, а какъ-бы лакомство, которымъ угощаютъ почетнѣйшихъ гостей; сами же хозяева, покрайней мѣрѣ большая часть, пьютъ чай лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Не даромъ у насъ и просятъ не на водку, а на чаекъ — развѣ нахалъ какой нибудь бражничекъ начистоту. Не далеко время, когда во многихъ деревняхъ нечего было и думать раздобыться самоваромъ — этимъ національно-русскимъ изобрѣтеніемъ, до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ за границею. Бывало, послѣ долгой двадцативерстной ѣзды отъ станціи до станціи гдѣ нибудь въ глуши нашего пространнаго отечества, первой вопросъ ямщику при вѣздѣ въ деревню: «у кого тутъ есть самоваръ? — вези». Такимъ образомъ, обзаведясь самоваромъ, крестьянинъ какъ бы полагалъ краугольный камень своего благосостоянію. Случалось конечно путнику останавливаться и у бессамоварныхъ хозяевъ, но тогда имъ приходилось бѣжать къ зажиточнымъ сосѣдямъ, выпрашивать и вымаливать съ поклонами эту необходимую утварь, которую ссужали далеко не охотно — потому *ттука хитрая* — *того и гляди распаяется, потечетъ*, а во вторыхъ и на проѣзжаго обладателя самовара смотрѣли, какъ на свою неотъемлемую собственность, незаконно пербиваемую. Въ женскомъ-же населеніи избы самоваръ составлялъ и гордость и роскошь, источникъ чистѣйшихъ насла-

деній, пользовался почетнымъ мѣстомъ и старательнѣйшимъ уходомъ... Чѣмъ только не чистили это издѣліе тульскихъ фабрикъ!.. и кирпичомъ-то, и золой, и бузиннымъ-то сокомъ, и мыломъ, и деревяннымъ масломъ...

Понятно, какую эпоху въ жизни крестьянской избы составляло пріобрѣтеніе *своего* самовара! Вотъ эти-то блаженные минуты и вдохновили художника, съ картины котораго мы представляемъ вѣрный снимокъ. Передъ нами мужъ и жена, только-что обновившіе дорогаго гостя, залученнаго наконецъ послѣ столькихъ жертвъ и усилий. Массивный лугатый самоваръ кипитъ на столѣ во всю ивановскую, пуская клубы пара, жужжа челою и замирая тонкими пронзительными нотками... Хозяйка стала какъ-то степеннѣе, внушительнѣе, осанистѣе; онъ серьезно и задумчиво глядитъ на столъ, разсчитывая будущіе барыши, ребятишкамъ на молочшко, — а баба просто мѣлеть отъ восторга, умильно поглядывая на чайникъ... Да и какъ же иначе, сами посудите, въ кон-то вѣки бывало сведеть мужъ гдѣ нибудь на ярмаркѣ въ трактиръ чайку нацѣться — и то больше *въ прилажку* на сахаръ, чѣмъ въ прикуску — а теперь хоть каждый день ней тихомолкомъ, только-бы ховяинъ не выдалъ!.. «Ну, держись же, Сидориха!.. вспоминаетъ про себя хозяйка, — я те припомню теперь, какъ ты передо мной чванилась да фардыбачила своимъ самоваромъ... Нонѣ и у меня *свой*!.. Тетку Матрену безпримѣнно угостить надоть», продолжаетъ она раскидывая умиль, — «такъ и быть ужъ маковыхъ бубликовъ захвачу на пятакъ, Аришу позовемъ... Вотъ мужикъ-отъ уйдетъ въ поле — дай-ка срозь!» И блаженная улыбка широко разползается по сіяющему лицу. Вся семья довольна. Каждый счастливъ по своему — одно слово: *«свой самоваръ!»*..

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 44

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выдать 28-го октября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к. *)
- ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

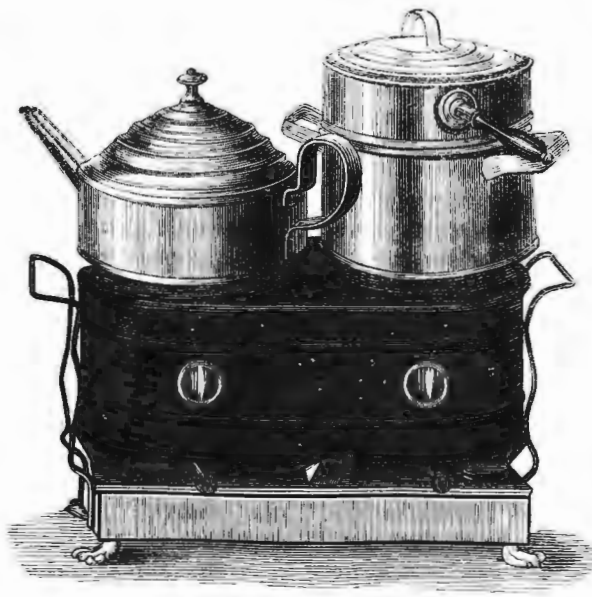
*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Для удобства Гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются при этомъ № Нивы Подписной Бланкъ и КОНВЕРТЫ съ печатнымъ адресомъ Редакціи для ВОЗОБНОВЛЕНІЯ подписки на нашъ журналъ въ 1875 году.

КЕРОСИНОВЫЯ ПЕЧИ.

Многіе изъ подписчиковъ «Нивы» обращались къ намъ съ запросомъ относительно публикаціи о керосиновыхъ печахъ, встречающихся во всѣхъ газетахъ. Спѣша удовлетворить любознательности нашихъ читателей, мы ознакомились съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ на дѣлѣ и теперь можемъ подѣлиться добытыми свѣдѣніями.

Керосиновая печь состоитъ изъ низенькаго, четвероугольнаго, наглухо запаяннаго жестянаго резервуара, съ круглымъ отверстиемъ въ одномъ изъ угловъ верхней стѣнки, въ которое наливается керосинъ и закрывается круглой же крышечкой. Около середины верхней стѣнки резервуара утверждены двѣ поперечно стоящія жестяныя горѣлки для свѣтильни, поднимающихся помощью винта, какъ въ керосиновыхъ лампахъ, — только свѣтильни въ печи значительно шире обыкновенныхъ ламповыхъ, почти въ ладонь ширины. На верхней же стѣнкѣ резервуара укрѣплены

Керосиновая печь о двухъ канфоркахъ. Грав. Бергъ.

четыре стойки, поддерживающія вторую часть печи — собственно плиту, которую можно снимать со стоекъ и олить ставити.

Съ боковъ резервуара укрѣплены двѣ высокія ручки для переноса аппарата вмѣстѣ съ плитою. Эта плита имѣетъ овальную форму, какъ видно на рисункѣ, и раздѣляется внутри на 2 этажа. Дно ея образуетъ частая металлическая сѣтка, съ двумя узкими прорѣзами — какъ разъ надъ горѣлками резервуара — такъ что, когда плита ставится на стойки резервуара, горѣлки проходятъ сквозь прорѣзы сѣтчатого дна въ нижнее отдѣленіе плиты; оно отдѣлено отъ верхняго плотной чугунной перегородкой съ выгнутыми прорѣзными колпачками надъ горѣлками и свѣтильницами, какъ въ лампахъ. Верхнее отдѣленіе плиты гораздо обширнѣе нижняго, и въ немъ прорѣзаны съ боку два круглыя оконца со стеклами, чтобы можно было въ нихъ смотрѣть на пламя и регулировать его силу помощью вышеупомя-

нугых винтовъ у горѣлокъ резервуара. Верхнее отдѣленіе плиты устроено какъ въ обыкновенной плитѣ,—съ круглыми прорѣзами канфорокъ для ставленія на нихъ кострюль, сковородъ и т. п. Обѣ круглыя канфорки могутъ быть соединены въ одну овальную для рыбной кострюли, помощью снимающейся перегородочки. Есть печи въ двѣ, четыре и шесть канфорокъ (а также и въ одну съ одной горѣлкой).

Мы будемъ говорить о двухъ-канфорочной печи, какъ самой удобной для небольшихъ хозяйствъ, для перевозокъ съ собой въ походъ, на охоту и т. п. Величина всей печи, поставленной на резервуаръ (т. е. вмѣстѣ съ нимъ), 6 вершковъ длины, 3 вершка ширины и 5 вершковъ вышины. Весь аппаратъ съ принадлежащими къ нему: сковородой, двумя круглыми кострюлками, одной овальной кострюлей для рыбы, металлическимъ чайникомъ и паровымъ кофейникомъ—стоитъ у Крумбюгеля 12 руб.

При готовленіи кушанья поступаютъ слѣдующимъ образомъ: снимаютъ плиту съ резервуара, наливаютъ въ него потребное количество керосина (по возможности столько, сколько нужно по расчету времени горѣнія, къ чему скоро приспособляются послѣ нѣсколькихъ опытовъ) и завинчиваютъ крышечку отверстія. Затѣмъ приподнимаютъ изъ горѣлокъ свѣтильни, которыя должны быть обрѣзаны какъ можно ровнѣй по горѣлкѣ, зажигаютъ ихъ—и затѣмъ аккуратно ставятъ плиту, чтобы зажженные свѣтильни

прошли въ прорѣзы дна не погаснувъ. Уставивъ плиту, смотрятъ въ ея оконца и доводятъ пламя до желаемой силы. Слишкомъ сильное пламя даетъ копоть и крѣпкій запахъ керосина, а слѣдовательно возможно только въ кухнѣ или на открытомъ воздухѣ. Умѣренное пламя вовсе не даетъ копоти и весьма мало запаха, такъ что при этомъ условіи кушанье можетъ готовиться на самомъ обѣденномъ столѣ. *Затопивъ* такимъ образомъ печь, приступаютъ къ варенью и жаренью блюдъ обыкновеннымъ порядкомъ. Только надо замѣтить, что если готовится одно блюдо, т. е. занята одна только канфорка,—то на другую надо поставить хоть чайникъ съ водой, для того, чтобы тепло не уходило даромъ въ ея отверстіе.

Вода въ чайникѣ или кострюлѣ закипаетъ въ теченіи 15—40 минутъ, смотря по величинѣ пламени. Картофель оовершенно уваривается въ теченіи часа, будучи положенъ въ совершенно холодную воду. Бифстекъ жарится полчаса.

По окончаніи стряпни, надо перетереть весь аппаратъ, а въ особенности резервуаръ слѣдуетъ содержать какъ можно чище.

Кофейникъ состоитъ изъ жестянаго резервуара для воды, перегороденнаго на два отдѣленія, и цилиндрическаго ящичка съ трубкой для кофе. Изъ верхняго отдѣленія резервуара въ нижнее въ центрѣ перегородки ведетъ, узкая, вертикальная открытая съ обѣихъ концовъ трубка, поднимающаяся въ

сколько надъ перегородкою въ верхнемъ отдѣленіи. Черезъ нее наливается въ нижнее отдѣленіе вода до самаго верхняго края трубки. Затѣмъ въ эту трубку вставляется трубка цилиндрическаго ящичка, который предварительно доверху насыпается смолотымъ кофе, накрывается сверху сѣтчатый металлическимъ кружкомъ и фланелью и крѣпко привинчивается колескомъ на стержнѣ. Кофейникъ накрывается сверху стекляннымъ колпакомъ и ставится на плиту. Пары, образующіеся въ нижнемъ отдѣленіи резервуара, давая на горячую воду, заставляютъ ее подниматься въ трубку цилиндрическаго ящичка и въ самый ящичекъ; такимъ образомъ кофе варится, кипитъ и начинаетъ стекать сквозь сѣтку и фланель въ верхнее отдѣленіе резервуара. Это уже готовый кофе—и теперь надо лишь подождать, чтобы его накопилось сколько нужно, для того, чтобы отворить кранъ верхняго отдѣленія резервуара и нацѣдить чашку или стаканъ.

Это въ особенности незамѣнный аппаратъ для любителей кофе на охотѣ или въ походѣ. Дома же на этой печи можно готовить кофе и въ обыкновенномъ кофейникѣ.

Какъ мы уже сказали, керосиновая печь чрезвычайно удобна для небольшихъ хозяйствъ, для меблированныхъ комнатъ, а также въ случаѣ поздняго возвращенія изъ театра или съ бала, если не желаютъ поднимать на ноги прислугу изъ-за какойнибудь чашки чаю, куска бифстека или десятка яицъ.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА IX.

Г ъ н и.

Казакъ съ костьюлемъ шагаль, между тѣмъ, по бивуаку, лавируя между рядами спящихъ солдатъ, шагая черезъ веревки палатокъ, осторожно обходя стоящихъ на приколахъ офицерскихъ лошадей, прижимающихъ уши и подозрительно косящихся на проходившую мимо нихъ темную хромую фигуру. Онъ прошелъ уже всю лѣвую половину бивуака, обогнулъ песчаный гребень, поровнялся съ колодцами,—у которыхъ, несмотря на позднее время ночи, все еще была оживленная толпа жаждущихъ, и сквозь говоръ отчетливо слышался скрипъ веревки, огибающей блокъ, и плескъ воды, выливаемой въ турсуки,—остановилъ одного солдата съ ведромъ наполненнымъ до половины, хлебнулъ изъ него и произнесъ.

— А, стала какъ будто свѣтлѣе — чище...

— Точно такъ, ваше благородіе, таперича послаще пошла, а спервоначалу—страсть солоня была! отвѣчалъ солдатъ.

— Ну волоки, дальше... спасибо!

— На доброе здоровье!..

Солдатъ, оттопыривъ свободную руку и перегнувшись на бокъ, торопливо зашагалъ дальше; офицеръ постоялъ на мѣстѣ, словно въ раздумьѣ, и снова пошелъ по тому-же направленію, то исчезая въ темнотѣ, то освѣщаясь свѣтомъ костровъ, снова пропадая и снова обрисовываясь. Онъ шель все вдоль бивуака, и наконецъ остановился прямо противъ небольшой палатки, не доходя до нея шаговъ десять.

Здѣсь онъ осторожно сѣлъ на несокъ, устроилъ попокойнѣй свою большую ногу, и задумчиво сталъ смотрѣть на то, что было передъ его глазами.

Палатка была освѣщена внутри. На четвероугольномъ красновато-сѣромъ фопѣ палатки, какъ на щитѣ волшебнаго фонаря двигались темные силуэты. Силуэтовъ этихъ было два, и хотя очертанія ихъ были не совсѣмъ ясны, но всякій, самый непроницательный даже, наблюдатель могъ бы смѣло

рѣшить, что одна изъ этихъ фигуръ была женщина, другая — ребенокъ.

Ребенокъ былъ на рукахъ у женщины. Повременамъ она его приподнимала, подхвативъ подъ мышки. Такъ обыкновенно подбрасываютъ дѣтей, когда съ ними играютъ. При этомъ движеніи маленькія ножки энергично болтались въ воздухѣ, умиротительно рисуясь на полотнѣ палатки.

Обѣ тѣни, вообще, принимали часто чрезвычайно странныя, даже уродливыя очертанія. То носъ вытягивался, вдругъ, какъ-то необыкновенно длинно, переламывался на угловомъ швѣ и тянулся дальше, совсѣмъ уже по другому направленію,—то кисть руки со всѣми своими пятью пальцами, словно гигантскій темный паукъ, захватывала собою всю палатку; складка платка на головѣ, прядка волосъ, отдѣлившаяся на лбу вдругъ превращались въ какіе-то безобразные рога и затѣмъ снова принимали на мгновеніе свои естественныя формы.

Проходящіе мимо не обращали вниманія на эту дикую фантазмагорію, но еслибы кто нибудь изъ нихъ вздумалъ наблюдать за нею повнимательнѣй, онъ навѣрно не удержался бы отъ веселой улыбки, а пожалуй даже и отъ взрыва гомерическаго хохота.

Помню, я разъ наблюдалъ подобную сцену, послѣ одного боя, залитшаго кровью чуть не десяти-верстное пространство. Это былъ одинъ изъ тѣхъ колоссальныхъ, наводившихъ на всю мѣстности роковую панику, незабываемыхъ вѣтками, погромовъ, въ которыхъ, благодаря усовершенствованному цивилизаціей оружію, гибнетъ очень мало *нашихъ* и черезъ чуръ уже много *ихнихъ*.

Ночью, незадолго до разсвѣта, утомленный кровавыми сценами дня, я сидѣлъ на складномъ стулѣ, не подалеку отъ палатки одного изъ раненыхъ офицеровъ и наблюдалъ за этою палаткою. Какія уродливыя, комичныя каррикатуры рисовались на грязномъ, забрызганномъ кровью холстѣ!

— Я умру... да!... тоскливо шепталъ раненый. — У меня, тамъ, дочь есть. Ой!.. Она одна у чужихъ... Ба-

тютки!.. Ой, ой! горитъ все!.. спасите, докторъ! ну-же!.. Я не хочу умирать... я не могу... не смѣю...

— Ну, ничего, ничего... поправитесь еще... что-же такое?.. чего тутъ! Пустяки... бормоталъ какую-то успокоительную нелѣпицу докторъ.

— И за эту кратковременную жизнь, темную, полную страданій, горя, воздыханій — есть другая, вѣчная! торжественно декламировалъ голосъ священника.

— Что мнѣ до той жизни!.. Я теперь жить хочу... теперь... моя дочка... Надя... хрипѣлъ и захлебывался голосъ, въ которомъ уже слышались всѣ признаки смертельной агоніи.

А на полотнѣ, туда, сюда, вправо, влево, вверхъ и внизъ неистовствовали и метались безобразные, смѣшные силуэты.

Хмѣльная пляска въ присядку подъ напѣвъ «вѣчная память»...

Глаза хромаго казака были пристально устремлены на палатку и слѣдили за движеніемъ тѣней. Они не замѣчали уродливости формъ; они, сквозь двойной холстъ, видѣли то, чего не могли видѣть ничьи другіе. Передъ нимъ носились граціозные, стройные образы. Его слухъ поражали милые, дорогіе звуки...

Люди—мужчины, столько времени не видавшіе ничего, что хотя скольконибудь напоминало-бы женщину, обставленные всѣми условіями, предрасполагающими къ разнузданности животной страсти: жаркій климатъ, возбуждающій воздухъ весны, обиліе мясной пищи, непрерывное возбужденіе всей нервной системы видомъ крови и разнообразіемъ событій,—люди, у которыхъ одно слово — «женщина» мгновенно вызывало цѣлый рядъ страстныхъ, циническихъ иллюзій, — эти люди могли-ли поконно относиться къ присутствію женщины среди ихъ лагеря, и женщины молодой, красивой? Казалось, это присутствіе должно было вызывать всѣ страсти, — и эти страсти, сосредоточенныя на одномъ только предметѣ, должны были-бы разразиться цѣлымъ рядомъ преступныхъ столкновеній.

Ничего этого не было здѣсь, въ лагерѣ, расположенномъ въ пескахъ, въ преддверіи Адамъ-крылапа.

Если у когонибудь и начинало копошиться грязное чувство — тотъ старался задавить его, уничтожить прежде чѣмъ оно могло бы развиться въ осязательную форму. Онъ часто дѣлалъ это изъ боязни, что его, уличеннаго въ святотатствѣ, побьютъ камнями...

Поятно, что это побитіе могли быть только нравственное. Но Богъ вѣсть что бы предпочелъ уличенный: простой ли камень, пущенный въ високъ сильною рукою, или же то презрѣніе, ту печать отверженія, которая немедленно легла бы на него, — тотъ вѣмой укоръ, который бы онъ видѣлъ въ взглядѣ каждаго встрѣчнаго.

Монахи-аскеты часто видятъ на мрачныхъ стѣнахъ своихъ храмовъ чудныя черты женщины въ образѣ Богородицы; развѣ эти черты волнуютъ ихъ кровь, развѣ они возбуждаютъ въ нихъ животное чувство?..

Наташа, съ своею спокойною, грустною улыбкою, съ своими чудными глазами всегда устремленными туда, гдѣ царитъ страданіе и горе, Наташа — мать съ своимъ крошечнымъ сыномъ на рукахъ, въ глазахъ всѣхъ этихъ людей, ее окружающихъ, не была женщиною.

И то чувство глубокой любви, которое свѣтилось въ глазахъ хромаго казака, было слишкомъ похоже на боготвореніе.

Дикарь язычникъ такими глазами смотритъ на свое доброе божество, когда проситъ у него защиты отъ другаго божества, не менѣе могучаго, но злаго...

Затихли голоса, мгновенно погасъ свѣтъ, исчезли движущіяся тѣни. А казакъ все находился на томъ-же мѣстѣ, только припалъ на локоть и вытянулся во всю длину на мягкомъ пескѣ, все еще теплоемъ, несмотря на ночную прохладу.

— Что-ты?! вздрогнулъ онъ и приподнялся.

— Это я, ваше благородіе, войлочекъ принесъ вамъ и

подушку сѣдельную, говорила стоявшая передъ нимъ высокая, темная фигура.

Казакъ узналъ старика, деньщика покойнаго «старога пушкаря», неизмѣннаго дядьку и спутника его дочери.

— Спасибо, Дементій, спасибо! заговорилъ онъ, немного смѣшавшись.

— Да лагеря вашего казачьяго далеко, говорилъ Дементій, разстилая войлокъ, — а тутъ все одно... А я къ лошадамъ пойду.

— Ну, что Наталья Мартыновна? что Петя?.. началъ было казакъ.

— А слава Богу! ничего.. произнесъ старикъ и пошелъ себѣ по своему дѣлу, улыбаясь и ворча сквозь усы, косматые усы.

— Вѣдь ишь ты!.. которую уже ночь такъ-то!..

ГЛАВА X.

Что рассказывалъ старый лауча Досцакъ своимъ товарищамъ.

Въ сторонѣ отъ верблюжьяго обоза, въ рытвинѣ, гдѣ не такъ задувало вѣтромъ пламя костра, у огонька, уже потухающаго, сгруппировалось нѣсколько полуголыхъ, темныхъ какъ старая бронза, худыхъ какъ скелеты, тѣлъ. То эти тѣла казались совсѣмъ черными, когда загороживали огонь отъ глазъ наблюдателя, то по нимъ скользили красноватый свѣтъ, рѣзко очерчивая глубокими тѣнями впадины подъ мышками и между реберъ. Мелькнетъ конецъ какой-то тропки, намотанной на головѣ, и скроется, — заискрится бляха на рукояткѣ ножа и потухнетъ, — протянется костлявая рука надъ огнемъ, кинетъ тутъ горсть сухаго новоза и исчезнетъ въ общемъ тонѣ темной, южной ночи.

Говоръ тихій, гортанный слышится въ той сторонѣ, шипитъ и бурлитъ въ плоскомъ котлѣ на треножкѣ, и паръ красноватый чуть-чуть поднимается отсюда. Хрипитъ и сопитъ незатѣйливый кальянъ изъ тыквы-горлянки, и медленно переходитъ изъ рукъ въ руки. Вздохнетъ ктонибудь полною грудью, протяжно такъ, словно завесъ жаркій, томительный день отдышаться хочетъ, сплюнетъ другой наковинную слюву отъ табачной жвачки и прокашляется, затянется въ полголоса третій безконечную весною, съ неизбежнымъ призывомъ «Адалай-га», да сразу и кончитъ, на первой-же строчкѣ импровизаціи. Все видно давно переплослось. Звѣнутъ уже разомъ нѣсколько ртовъ—и Аллаха съ его пророками при этомъ непременно помянутъ. И снова стихнуть всѣ, словно стоворились; и слышенъ тогда только трескъ огня до легкой шелести чего-то невидимо ползущаго по песку, изъ мрака, на заманчивыи свѣтъ костра пробирающагося. Тутъ застѣли лаучи коротать лѣтнюю ночь, благо днемъ достаточно выснались.

— Досцакъ пришелъ? проговорилъ одинъ.

— Не пришелъ, отвѣтилъ другой.

— Не пришелъ, подтвердилъ третій.

И снова воцарилось молчаніе.

Къ свѣту дѣло подходило. «Плеяда» поднималась надъ горизонтомъ, «поясъ Оріона» такъ и сверкалъ своими тремя звѣздами, почти навзничъ запрокинулась «Большая медвѣдица». Скоро сѣроватый отблескъ протянется надъ восточнымъ горизонтомъ, предвѣстникъ разсвѣта... Легкіе шаги по мягкому песку приближались къ костру, темная фигура вырисовалась неподалеку.

— Досцакъ ты?

— Я, отвѣтила фигура. — Да, это я, Досцакъ, какъ ты вотъ Алай, ты Узень, ты Шарипъ... у всякаго есть свое имя... И тотъ кто лежитъ тамъ, кого казаки поймали и теперь стерегутъ, только плохо, — тоже свое имя имѣетъ...

— Ёсть хочешь?

— Я-то? Я хочу ѣсть! очень хочу!.. И тотъ хочетъ, да только сказать объ этомъ не смѣетъ. Онъ и лица своего показать не смѣетъ, боится... А потому и боится, что его зовутъ не Досцакомъ какъ меня, не Алаемъ какъ тебя, не Узенемъ, не Шарипомъ какъ васъ вотъ двоихъ, а иначе...

Еслибъ его не звали такъ, какъ зовутъ, — чего бы ему бояться?..

Проговорилъ это Досцакъ и съѣлъ къ котлу, снявъ крышку, запустилъ туда руку, не горячо-ли, — вынулъ оттуда и начисто облизалъ свои пальцы.

— Кто-же лежить «тамъ»? спросилъ Алай.

— Какъ-же зовутъ его? обернулся Шарипъ.

— Досцакъ намъ скажетъ, заявилъ не безъ увѣренности Узень.

— Скажетъ, лаконически произнесъ Шарипъ и началъ ѣсть.

И остальные придвинулись поближе къ котлу и запустили туда руки. Они только и ждали прихода Досцака, чтобъ начать ѣсть свою болтушку изъ муки, солоноватой воды и пригоршни солдатскихъ сухарей, захваченныхъ Узенемъ изъ казеннаго, верблюжьяго вьюка.

— Тогда мы жили около «Токмака» по рѣкѣ «Чу», только повыше, въ самыхъ горахъ стояли наши аулы, рассказывалъ Досцакъ послѣ ужина. — Своей кибитки у меня не было, хозяйства тоже никакого. Послѣ смерти моей второй жены ничего и заводить не хотѣлось. Приютился же я у одного богатаго человѣка; биемъ онъ былъ...

— Бикетаемъ звали, перебилъ Узень.

— Бикетаемъ. Вотъ у него-то я и жилъ. Надъ всѣми его стадами и табунами надзоръ имѣлъ; да и съ самимъ Бикетаемъ, старикомъ, мы въ большой дружбѣ жили. И ему хорошо и мнѣ тоже было. Да, хорошее тогда было время!..

Досцакъ вздохнулъ и потянулъ изъ кальяна; потомъ сплюнулъ по обыкновенію и продолжалъ.

— Было у Бикетая два сына: старшему двадцать лѣтъ ровно тогда было, а младшему пошелъ только четырнадцатый. Старикъ младшаго любилъ очень, крѣпко любилъ, а старшаго вѣтъ. Да и не за что любить было того; ужъ очень онъ былъ человѣкъ нехорошій!.. Нашему муллѣ, старому Гассуну, разъ въ бороду плюнулъ... Отецъ бить его хотѣлъ; онъ покосился на свой ножъ и говорить: «вотъ только тронь, хоть пальцемъ»... Разбойникъ!..

— Ой-ой! покачали головами слушатели.

— Да. Сколько бѣдъ, сколько зла всему аулу нашему отъ него приходилось, да и другимъ сосѣдямъ тоже доставалась не мало! У насъ горная сторона, глушь. Всякаго народа бездомнаго, бродячаго много шляется, — и отъ этихъ людей, есе ровно что отъ волковъ, оберегаться надо. А тутъ мы узнали, что старшій Бикетая сынъ заодно съ тѣми бродягами, на ихъ силу и онирается больше. Начались грабежи по тогдашней русской границѣ... Говорять, мы причиною. На насъ солдатъ посылали, разореніе какое терпѣли мы тогда! а есе этотъ проклятый подгадилъ... На стараго Бикетая напустились тогда. «Уйми!» гогорять, «ты отецъ». «Уймите сами, отѣчалъ Бикетай, — я отъ него отступился». Ну, хотѣли унять... А тутъ, кетати, еще пакость одна случилась. Въ сосѣднемъ аулѣ, разъ ночью, невѣсту украли, хорошую дѣвку, красивую. Погнали по слѣду, не донали... Такъ и пропала дѣвка. Узнали уже послѣ, что помочь есему этому дѣлу Атамкулъ, старшій-то сынъ Бикетаевъ.

«Приѣхалъ къ отцу женихъ, гогорить: «мнѣ твоей сынъ обиду нанесъ; я его усью!» «Убей», гогорить Бикетай. «Не будетъ», говоритъ женихъ, «крови отъ тебя на семью нашу?»...*) «Не будетъ», говоритъ Бикетай, «я отъ него отрекся. Не сынъ онъ мнѣ больше!»

«Поѣхалъ тогда женихъ въ горы, Атамкула искать, да такъ и не возвращался больше. А черезъ два дня самъ Атамкулъ гернулся. «Поѣзжайте, тѣло Ахметова уберите; его, говорить, убилъ кто-то, а можетъ и самъ какъ нибудь убился»... Вотъ и уняли!».

«Долго онъ такъ-то мучилъ есѣхъ насъ, просто черною болѣзью въ аулахъ нашихъ считался. И не звали его иначе какъ «проклятый»... Семь лѣтъ бились мы съ нимъ такъ-то, на госьмой самъ ушелъ».

*) Кровавая месть, переходящая изъ рода въ родъ по завѣщанію.

«Проходили тогда мимо Токмака «бѣлыя рубахи». «Аулье-Ата» военать хотѣли. Велъ ихъ генераль. У него всякому джигиту, кто только хотѣлъ идти при немъ, находилось мѣсто. Съ нимъ и ушелъ Атамкулъ; такъ и пропалъ безъ вѣсти, просто какъ умеръ совсѣмъ. Не слышно о немъ ничего не было, не видалъ его никто больше изъ нашихъ. Покойно стало по всей окружности. Благодарили мы тогда Аллаха; и къ святому, что на обрывѣ могила стоитъ, у самой караванной дороги, всѣмъ ауломъ молиться ѣздили... Такъ-то рады всѣ были, что съ «проклятымъ» своимъ развязались!»

«Остался тогда при Бикетайѣ одинъ только младшій сынъ Юнусъ... этотъ хорошій джигитъ былъ, добрый, ласковый, и меня старика «дядею» называлъ».

«А любилъ я Юнуса не меньше какъ и самъ отецъ любилъ его»..

«Прошелъ годъ, прошелъ—другой... третій прошелъ,—все какъ слѣдуетъ время шло, какъ Аллахъ всемогущій указывастъ... Умеръ старшій Бикетай, и все что послѣ него осталось — все Юнусу переходило по волѣ умершаго... Старшему-то Атамкулу ни одной овцы даже паршивой не отказано... Всѣ мы рѣшили тогда, что такъ и слѣдуетъ. Прошелъ еще годъ, а за нимъ еще; сосватали Юнусу дѣвку изъ хорошаго рода,—пришла вѣсть и объ Атамкулѣ»..

«Узнаемъ мы, что нашъ «проклятый» въ большіе люди вышелъ у русскихъ... чинъ ему дали съ золотыми наплечниками, крестъ съ птицею... а потомъ еще старше чѣмъ-то сдѣлали; и кто видалъ его—говорилъ, что такой изъ себя важный сталъ, что важнѣе Алмагинскаго бѣя, у котораго тоже золотые наплечники были... Задумался Юнусъ, да такъ, что и объ дѣвкѣ невѣстѣ пересталъ говорить... не пить кумысу, не ѣсть ничего... плохо спать даже, и все сидитъ въ кибиткѣ, да думаетъ»...

«Понялъ я тогда, о чемъ онъ задумался; да и сказать ему объ этомъ страшно; думать даже боюсь... Ну вотъ буд-то мое сердце все напередъ чувствовало».

«Я молчу, все жду:—вотъ самъ Юнусъ заговорить... Заговорилъ мой Юнусъ».

— «Что, говорить, я здѣсь?... ничего! простой киргизъ—только! Что въ томъ проку что у меня скота и всего много, а на что мнѣ это все одному-то...?»—«Какъ на что,—говорю я ему, — вотъ женишься; семья будетъ, дѣти... Будешь жить какъ отецъ твой жилъ,—богато, привольно»... «Я, говорить, въ джигиты къ русскимъ пойду—тамъ война идетъ у нихъ. Я не хуже брата въ большіе люди выйду»... Такъ онъ меня тогда этимъ словомъ и срѣзалъ».

«Долго я его тогда уговаривалъ; не я одинъ—много стариковъ приходило говорить со мною... черезъ мѣсяцъ собираться началъ»..

— Это Юнусъ-то?

— Юнусъ.... Сталъ и я собираться... Думаю—не оставлю его, ни на одинъ мигъ изъ глазъ не выпущу... Оно бы ничего!.. отчего не пойти—коли бы тамъ брата старшаго не было!.. А слышали мы тогда, что этотъ, старшій-то, сильно золъ на Юнуса, что наследство не полагалъ, а ему одному осталось... Атамкула я и боялся пуще всего... Ну, думаю, Аллахъ не попуститъ зла!... Поѣхали».

Разкащикъ перевелъ духъ — и опять попытѣлъ кальянонь... Полоса свѣта на востокѣ все расплзалась и расплзалась, — и отъ контраста съ этимъ блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ, внизу, особенно въ лощинахъ, стало еще темнѣе! Только тамъ и сямъ, на самомъ краю, словно разставленные столбики, зачернѣлись часовые, медленно похаживающіе по своимъ утоптаннымъ за ночь дорожкамъ...

— Много земли отошло за то время подъ Бѣлаго царя, продолжалъ Досцакъ,—мы и не знали тогда объ этомъ хорошенько. «Аулье-Ата» поѣхали—тамъ давно уже поселились русскіе; въ Чимкентъ приѣхали — тамъ уже и крѣпость построили; въ Ташкентѣ—цѣлый городъ построили они, больше прежняго, бухарскаго... «Гдѣ война?» спрашиваемъ.—«Въ Самаркандѣ», говорятъ, «даже дальше!»... Поѣхали и мы въ Самаркандъ... Долго ли ѣхали, не помню,—однако приѣхали, хвала Аллаху; благополучно.

Ученая экспедиция на Аму-Дарью. I. Входит въ дельту Аму-Дарьи (въ устье У.ькунь-Дарьи) на пароходѣ экспедиціи.

Рисов. членъ экспедиціи П. Карзинъ, грав. Сташковскій.

«Начальникъ въ Самаркандѣ былъ тогда строгій.—На головѣ у него шапочка черная была, на носу стекла носилъ круглыя съ золотыми рамками... Я, потомъ припомнилъ, еще прежде видалъ его въ Алматахъ, только онъ тогда былъ моложе... Прежде чѣмъ къ начальнику идти, объ Атамкулѣ справилсъ, говорятъ намъ—«здѣсь, только уѣхалъ вереть за сто, скоро назадъ будетъ». А рѣшили мы тогда, не поговоривъ съ Атамкуломъ, никакого дѣла не начинать. «Ты, молъ, старшій братъ—ты и укажи какъ дѣлать»—задобрить хотѣли его тѣмъ, что совѣта у него просимъ.—Приѣхалъ наконецъ Атамкулъ».

«Не сразу узнали мы его... Даже ростомъ показался онъ намъ выше на цѣлую голову... Свои уже джигиты у него были—и много... Казаки даже русскіе были у него подъ начальствомъ, цѣлая сотня. Но русски такъ и рѣжетъ... вино пьетъ съ начальниками и за руку съ самимъ генераломъ здоровается»...

«Пошелъ я напередъ; Юнусу дожидаться велѣлъ.—Думаю: «дай прежде вывѣдаю, что у него на душѣ такое?»... «Чего принесло?»... такъ и бухнулъ онъ мнѣ съ перваго раза... Сказалъ я ему... «Ишь ты!» говорить.—«Теперь братъ Юнусъ челоуѣкъ богатый... а въ джигиты простыя лѣзеть... странно!»... Сказалъ онъ это, а самъ такъ зло усмѣхнулся, что у меня даже въ животѣ все застыло... Молчу—жду... «Ну ладно, говорить, пускай съ моими идетъ;—я тамъ послѣ можетъ и генералу скажу. Гдѣ, спрашиваетъ, остановились?»... «На базарѣ, за городомъ, говорю, пустая сакля со дворомъ тамъ есть,—гдѣ еще три тополя растутъ,—тутъ и остановились»... «Хорошо, вечеромъ самъ приѣду. Прощай, старая собака!»... Это онъ мнѣ-то... Ну и взорвало же меня это слово! то есть если бы не Юнусъ, не его дѣло, такъ бы и виѣдился ему въ его горло, благо бороду онъ обрилъ, поганецъ, по русскому обычаю... Ушелъ я отъ него... Слышу тотъ кричать въ договку: «Эй-ты, такъ послѣ отца, дурака, много добра Юнускѣ досталось?»... Я уже промолчалъ на это».

«Братъ въ вечеромъ свидѣлись... Ничего, безъ ссоры. Обнялись даже... только все у Атамкула губы не ладно сжимались, все онъ что-то зло на него поглядывалъ»...

«А черезъ два дня, слышимъ, въ походъ собираются русскіе. Уже не противъ Эмира, а за него; городъ «Карши» отнимать, что сынъ старшій эмировъ отъ отца отбилъ... Пошли и мы»...

«Прошли свою землю; разсыпались джигиты по кишлакамъ, по чужимъ-то. Ну, извѣстно война! Грабить начали, скотину отбивать и все прочее... Къ генералу съ жалобой пришли отъ тѣхъ — отъ бухарскихъ жителей... Генералъ велѣлъ, чтобъ не трогали... А генералъ это такой былъ, что ежели что велить, такъ ужъ никто не смѣй ослушаться. Прошелъ день... Лагерьмъ стали наши около Джама... опять пришли съ жалобами—разсердился генералъ; спрашиваетъ: «кто?»—узнали его офицеры, говорятъ: «Атамкулова джигиты»... Позвалъ онъ Атамкула,—тотъ пришелъ; стоитъ блѣдный такой, даже дрожить, даромъ что важный... И велѣлъ ему генералъ сказать своимъ джигитамъ, что перваго, кто только поѣдетъ барантовать, для примѣра прочимъ повѣситъ. Это мы уже послѣ узнали, въ томъ и бѣда вся вышла»...

«Только выступили мы къ Каршамъ; началась перестрѣлка. Джигиты наши все врозь! Атамкулъ при генералѣ... Ищу я Юнуса, нѣтъ Юнуса... страхъ на меня паналъ такой, что коня подъ собою не слышу... Къ вечеру уже глядимъ: ѣдетъ Юнусъ, и четырехъ коровъ передъ собою гонитъ, да вер-

блюда ведетъ въ поводу, и какъ разъ мимо генеральской ставки... Увидалъ строгій генералъ... «Повѣситъ!» говорить. Я такъ и обмеръ»...

А у генерала, что сказано то и сдѣлано... Сбилъ я сейчасъ пародъ, бросились мы въ палатку генеральскую... челоуѣкъ пятнадцатъ... все на колѣни!... «Прости! говоримъ, для перваго раза, онъ еще совѣтъ молодой... не зналъ ничего, ему братъ и не говорилъ объ твоёмъ строгомъ приказѣ»... «Какой братъ?» спрашиваетъ генералъ.—Атамкулъ, говоримъ... «Я и не зналъ, что у него братъ есть... Это братъ твой?» спрашиваетъ у Атамкула... А тотъ—о, проклятый! о, чтобъ кости его ни на землѣ, ни подъ землею не знали покоя, чтобъ его заживо огненная болѣзнь пожрала! — тотъ откачался... «Нѣтъ, говорить, я его не знаю—это не мой братъ»... «Все ровно—повѣситъ!» сказалъ генералъ и даже бровью не повелѣлъ... Повели бѣднаго Юнуса... Опять стали просить мы, клялись, что это братъ Атамкула, чтобъ ради заслугъ братнихъ... «Это братъ твой?» еще разъ спросилъ генералъ, Атамкулъ засмѣялся и говорить: «Такихъ братьевъ много у меня найдется. Всякій приѣдетъ, да братомъ называться пожалуй станеть»... Нахмурился генералъ и сказалъ свое послѣднее слово. «Если это братъ твой—я прошу его»... Кинулись мы тогда все въ ноги Атамкулу... сапоги его цѣловали, просили все что ни на есть, заклинали... ждемъ... А ужъ тамъ казаки веревку приготовили, Юнуса къ дереву подтащили... все готово... А мы—ждемъ слова Атамкулова. Стоитъ онъ, въ землю потупился, молчитъ. Темный такой лицомъ сталъ, вотъ какъ земля... То на генерала покосился то на насъ, то въ ту сторону гдѣ Юнуса связаннаго держали»...

«Молитву начали мы тогда Аллаху всемогущему... Отвернулся генералъ и пошелъ въ свою палатку... У самаго входа остановился, посмотрѣлъ на Атамкула и проговорилъ: «Ну?» Мы такъ и затаили духъ»...

«Нѣтъ, онъ не братъ мой», тихо-тихо проговорилъ Атамкулъ... Только чуть губы зашевелились у него... Однако все мы, сколько ни на есть, хорошо эти слова его послѣднія слышали»...

«Повѣсили Юнуса! Ушелъ я тогда отъ русскихъ... далеко ушелъ—и только издали присматривался... Все злодѣя этого изъ виду не упускалъ, все слѣдилъ за нимъ, за каждымъ его шагомъ и ждалъ, когда справедливый Аллахъ пошлетъ на него свою кару».

Замолчалъ Досцакъ и подкинулъ въ огонь еще горстку помета...

— Ну, чтожь дальше? спросилъ Узень...

— Я дождался! провизнесъ Досцакъ и понурилъ свою голову. Понурили свои головы и слушатели.

Поняли они теперь, почему «тотъ, связанный» боится, чтобъ не узнали его, не узнали его имени...

Послышались глухіе барабанные перекаты; труба извывала въ казачьихъ коновязяхъ. Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралось небо на востокъ; по вершинамъ холмовъ заиграли лучи восходящаго солнца, ниже спустились,—и загорѣлись рогатки солдатскихъ ружей... Зашевелился лагерь «бѣлыхъ рубахъ», и принялся за свою обыденную работу...

Скоротали лѣтнюю ночь лаучи и разбрелись во все стороны, кому куда надо. Только скоро все въ одно мѣсто собрались... Тамъ и Досцака стараго нашли... Много народу столпилось около «связаннаго». Его подняли на ноги и собирались вести къ допросу въ генеральскую ставку...

(Продолженіе будетъ).

Ученая экспедиція на Аму-Дарью.

Члена экспедиціи, Н. Каразина.

II.

Мы приближались къ устью великой рѣки среднеазиатскаго міра; эта близость наглядно выразилась въ измѣненіи цвѣта воды, окружавшей нашъ пароходъ. Прелестно-изумрудный

цвѣтъ прозрачныхъ морскихъ волнъ, смѣнился—глинисто-желтымъ, мутнымъ.

Собственно Аму-Дарья не доходитъ до Аральскаго моря, крайней мѣрѣ, на 300 верстѣ. Она раздѣляется на нѣсколько

больших рукавовъ, почти самостоятельныхъ рѣкъ, имѣющихъ даже свои собственныя названія, — эти рукава заливаютъ своими водами громадный треугольникъ — знаменитую Аму-Дарьинскую дельту, изслѣдованіе которой составляло цѣль экспедиціи.

Самый правый и длиннѣйшій изъ рукавовъ — есть Янги-су, онъ доходитъ до моря и вливается въ него близъ залива Туиз-босъ. Крайній лѣвый — Тагдыкъ, орошаетъ поля Тюркменъ-Юмудовъ и другихъ родовъ и не доходитъ до моря, потому что весь расходуетъ на орошеніе. Между этими двумя протоками — тянутся Куванъ-Джорма — «Улькунъ-Дарья» съ ея рукавомъ «Кичкене» и множество мелкихъ протоковъ и капаловъ, заливающихъ дельту безконечнымъ воднымъ лабиринтомъ.

Почти отъ своихъ верховьевъ, до самаго мѣста развѣтвленія, Аму-Дарья — хорошо судоходна; но отъ мѣста развѣтвленія — къ морю до сихъ поръ не было еще найдено прохода, и судоходство Аму, вслѣдствіе закрытыхъ устьевъ, приносило не очень-то много выгодъ для насъ, занявшихъ, въ силу послѣднихъ военныхъ событій, эту территорію.

Надо было пайдти выходъ въ море для нашихъ пароходовъ: это тоже составляло одну изъ главнѣйшихъ задачъ нашей программы.

Въ сильныя морскіе бинокли мы замѣтили наконецъ на горизонтѣ тонкую черточку, — это была вѣха — указатель входа въ устье.

Берега Аральскаго моря, особенно съ той стороны гдѣ вливаются въ него Амударьинскіе протоки, совершенно плоски; это просто обсохшія отмели наноснаго песку, покрытыя кое гдѣ камышемъ, единственною растительностью поморья. Кромѣ этихъ открытыхъ отмелей, есть еще множество подводныхъ, опасныхъ для судоходства тѣмъ, что онѣ не имѣютъ постоянноопредѣленнаго мѣста, а переползаютъ съ мѣста на мѣсто, подчиняясь теченію воды и силѣ прибоа морскихъ волнъ.

Первый рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ № нашего журнала, изображаетъ входъ изъ моря въ рукавъ «Улькунъ-Дарья». Совершенно плоскія отмели, почти обнаженныя, любимыя пріютъ морскихъ птицъ: чаекъ, рыболововъ и прибрежныхъ куличковъ, — занимаютъ всѣ первыя и дальніе планы картины. Ближе всего стоянка каракалпаковъ (это преобладающее населеніе дельты), около нея нѣсколько оригинальныхъ туземныхъ лодокъ, каяковъ съ сильно загнутыми носовыми и кормовыми частями, на которыхъ каракалпаки переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, перекочевываютъ на водѣ, а также и рыбачатъ, чтѣ составляетъ одинъ изъ главныхъ ихъ промысловъ. Подальше, на далеко вдающейся въ воду песчаной косѣ, дымится другая стоянка, побольше первой и поблагоустроеннѣе. То уже русскіе рыболовы, пришедшіе изъ устья Сыръ-Дарьи, устроили свою рыболовную стапцію. Рыбы, преимущественно осетровъ и сомовъ, водится въ Аму множество, и пользуясь болѣе усовершенствованными снарядами для ловли, русскіе рыбаки являются для туземцевъ опасными конкурентами.

Еще дальше, почти на послѣднемъ планѣ картины, виднѣнъ пароходъ «Самаркандъ», съ двумя баржами на буксирахъ. На его палубѣ всѣ члены экспедиціи и прибыли въ первый разъ къ предѣламъ страны, предназначенной для научнаго изслѣдованія. За пароходомъ ровною лентою тянется Аральское море, рѣзко отдѣляясь своею синевою отъ знойно сѣраго неба. День жаркій, тихій, вода какъ зеркало — не шелокнется, по небу плывутъ небольшія облачка, — это почти обыкновенная постоянная погода въ продолженіи восьми — мѣсячнаго лѣта.

Дожди выпадаютъ въ этой мѣстности рѣдко, не смотря даже на обиліе водяныхъ испареній, — такъ великъ жаръ окружающаго песчаныхъ пустынь, поглощающихъ эти испаренія, едва только они начнутъ насыщать нагрѣтый воздухъ. (Сухія грозы съ сильными ударами грома и буйными порывами вѣтра — явленіе здѣсь очень частое и наноситъ мѣстнымъ хлѣбонашцамъ не мало вреда, особенно тѣмъ изъ нихъ, чьи плантаціи лежатъ близко отъ границы орошенныхъ водою земель съ безводными, мертвыми, сылучими песками.)

При помѣщеніи слѣдующихъ рисунковъ, я подробно поговорю объ этой интересной борьбѣ песковъ съ воздѣланною землею или, правильнѣе, съ испоконвѣчными трудами каракалпака земледѣльца.

Самыя важныя препятствія для хорошаго судоходства по протокамъ дельты — это мелководья и камышевыя заросли. Послѣднія достигаютъ здѣсь такихъ размѣровъ, о которыхъ развѣ только индѣйскіе джунгли могутъ дать относительное понятіе. Слѣдуя вверхъ по Улькунъ-Дарьѣ и пройдя крѣпостцу Акъ-Кола, знаменитую по бою съ нашими пароходами въ 1873 году во время хивинскаго похода, мы на другой день къ утру вошли въ озера Сары и Каракуль, образовавшіяся отъ разлива Улькунъ-Дарьи далеко въ обѣ стороны.

Видъ этого гигантскаго озера былъ положительно грандіозенъ. Громадныя пространства открытой воды разстилались передъ нами; глубина превосходная, суда идутъ безпрепятственно — но эти препятствія уже впереди — они видны. Яркая зеленая полоса тянется на всею горизонту, — это гигантскіе камыши — они растутъ на днѣ, на глубинѣ девяти, двѣнадцати и даже болѣе футовъ, а надъ поверхностью воды достигаютъ росту до двадцати пяти футовъ. Цвѣтковыя метелки достигаютъ почти половины пороходныхъ трубъ. Это непроходимыя чащи зеленыхъ острововъ, между которыми извиивается цѣлый лабиринтъ безчисленныхъ проходовъ, доступныхъ для туземной лодки, но не для нашихъ большихъ пароходовъ. Разчистка этихъ камышей немислима: чудовищная растительность, возобновляясь ежегодно, разобьетъ въ прахъ всѣ усилія человѣческихъ рукъ, всѣ усилія приспособленныхъ машинъ, и потребуетъ безиллудной затраты суммъ — и суммъ весьма солидныхъ, годныхъ на другое, болѣе полезное по результатамъ, дѣло.

Міриады комаровъ наполняютъ воздухъ этихъ зеленыхъ лабиринтовъ. Тысячи птичекъ живутъ въ этихъ камышахъ какъ въ лѣсу, вьютъ гнѣзда межъ его стеблями и носятся надъ водою, наполняя воздухъ разнообразными звуками. Онѣ покойны за цѣлость своихъ яицъ, а послѣдствіемъ птенцовъ; никакой сушопутный врагъ не проберется къ ихъ гнѣздамъ. — Рыба плававшая цѣлыми колонами; словно темныя бревна, виднѣются сквозь прозрачную воду большоголовые сомы, шинряютъ щуки и всякая мелкая рыба, заходятъ и осетры для метанія икры. Эти рыбы любятъ пользоваться затишьемъ и покоемъ защищенныхъ камышами водъ.

И люди селятся здѣсь на водѣ — только не навсегда, а на время, лѣтомъ, ради рыбной ловли. Они устриваютъ свое жилище слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: подплываютъ на лодкахъ къ большой группѣ камышей, подрѣзываютъ ихъ на четверть аршина отъ воды — и на ихъ комли, какъ на частую упругую щетку, настилаютъ сѣзанное. Образуется плоть на сѣяхъ, хотя и тонкихъ, но за то многочисленныхъ и этотъ помостъ свободно сдерживаетъ тяжесть нѣсколькихъ человѣкъ и ихъ домашняго скарба.

Надъ помостомъ, на привязанныхъ подъ водою шестахъ, настиается легкая крыша, защищающая отъ солнечнаго зноя. Такимъ образомъ всѣ неудобства устранены, кромѣ комаровъ, отъ которыхъ не всегда спасешься даже подъ плотнымъ холщевымъ пологомъ.

На такой же помостъ насыпаютъ въ одномъ мѣстѣ земли и песку, привезеннаго съ собою для этой цѣли съ твердой земли, и на этомъ слоѣ несгораемаго вещества раскладывается огонь для варки пици и для дымокурровъ, то есть костровъ для дыма (тоже средство борьбы человѣка съ міриадами злыхъ и кровожадныхъ насѣкомыхъ).

Второй нашъ рисунокъ изображаетъ такую рыбачью стоянку въ озерахъ Саракуль. На первомъ планѣ оригинальная вѣха для обозначенія прохода; это просто въ пучекъ связанная охапка камышевыхъ стеблей — и дешево, и просто, и издали видно. У наивса привязаны лодки рыбаковъ, сами рыбаки заняты своимъ дѣломъ въ шалашѣ, — а вонъ, подальше, висятъ и результаты ихъ ловли: новѣшенная для провяливанія на солнцѣ рыба.

За этими камышами — чуть виднѣтся — горная полоска Кусконъ Тау — на нашемъ рисункѣ ихъ не можетъ быть видно, онѣ значительно дальше. Намъ не удалось пробраться къ ихъ подножью на пароходѣ. Самаркандъ сталъ, за полную невозможностью продолжать путь дальше, и мы достигли берега уже въ гребныхъ шлюбкахъ.

Отсюда начинается уже сухопутное путешествие — на конях, на арбах и ибшкоть, изрѣдка приходится пользоваться и туземными кайками—лодками. Вообще путешествие

предстоит и разнообразное и въ меньшей степени интересное.

(Продолженіе будетъ).

КАКЪ ИХЪ СУДИТЬ?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

III.

Къ выполненію своего плана, Заварницкій приступилъ тотчасъ-же послѣ рѣшенія объ этомъ. Онъ началъ доставленіемъ Алевтинѣ книгъ, первоначально преимущественно беллетристическаго содержанія, въ которыхъ шли трактаты о жизни, — и при бесѣдахъ о нихъ, онъ знакомилъ Алевтину съ своими взглядами и теоріями. Такъ прошло мѣсяца два или три, за которые Заварницкій уже успѣлъ окончить курсъ въ академіи. Вдругъ, внезапно, всѣ планы Заварницкаго были разрушены... Въ числѣ частныхъ посѣтителей Мономаховыхъ былъ Захаръ Матвѣевичъ Дребезинъ, оказывавшій Алевтинѣ постоянно глубокіе знаки вниманія и уваженія, которые она, ничего не подозревая, принимала съ благодарностью и любовью. Дребезинъ въ то время былъ еще не такой старикъ, какимъ мы видѣли его въ пассажѣ, хотя ему и тогда уже было за пятьдесятъ лѣтъ; молодцоватости его много способствовали: корсетъ, носимый иитъ, и заграничная краска, которою онъ чернилъ свои волосы, усы и баки. Въ одинъ день, предъ обѣдомъ, Алевтина была приглашена въ кабинетъ М-ше Мономаховой. Дѣвушка знала, что тетка ея звала кого нибудь въ свои покои лишь въ особенно важныхъ и экстренныхъ случаяхъ, а потому пошла къ ней не безъ волненія, какъ бы предчувствуя что-то недоброе. Мономахова была полная, дородная и весьма скучная особа, говорившая докторальнымъ тономъ и съ мельчайшими, совершенно ненужными подробностями. Но тѣмъ не менѣе очень не глупая, характерная, державшая въ рукахъ мужа и настойчивая въ своихъ требованіяхъ, когда хотѣла поставить что нибудь по своему желанію. Рѣчь свою къ Алевтинѣ она повела также издалека. Тетка долго распространялась передъ своею племянницею о знатности дома бароновъ Цадебелей, происходящей отъ знаменитыхъ ливонскихъ рыцарей, о положеніи дѣвушки ея круга и званія, о необходимости сдѣлать приличную партію, шаконецъ, о родѣ и заслугахъ Дребезина, и кончила объявленіемъ о сдѣланномъ имъ предложеніи Алевтинѣ. Эта длинная рѣчь, заставившая въ началѣ скучать Алевтину, а въ концѣ краснѣть и блѣднѣть, принесла однако-же своего длиннотою ту пользу, что дѣвушка успѣла приготовиться, что отвѣчать теткѣ.

— Дня чрезъ три, ma tante, робко проговорила дѣвушка, нагнувъ покраснѣвшую головку и теребя кружева носового платка, — я скажу вамъ отвѣтъ... Я соображу...

— Со-обра-а-ажу!?... удивленно воскликнула М-ше Мономахова, — давно-ли это такіа молоденькія дѣвушки, какъ ты, стали соображать?... Кажется, я и твой дядя, безъ воли котораго, по духовному завѣщанію твоего отца, ты не имѣешь права выдти замужъ, — умнѣе и опытнѣе тебя въ этомъ дѣлѣ. Партія съ Дребезинимъ — такая приличная въ настоящее время, какую трудно и найти... Самъ Богъ, какъ сиротѣ, посылаетъ тебѣ счастье. Конечно, ты невѣста съ приданымъ, но по своему званію далеко не съ огромнымъ... И ты всего не знаешь: теперь не прошлое время: всѣ дворяне-помѣщички страшно разорены; они проживаютъ, ничего не наживая... Сдѣлай тебѣ предложеніе графъ Улусовъ, князь Вѣжинъ или баронъ фонъ Ригель я бы еще призадумалась, не поидеть-ли твое приданое на уплату долговъ... Но Дребезинъ—это дѣло совершенно другаго рода... Эта медленность очень повредитъ тебѣ въ его глазахъ... Какъ онъ на это еще посмотритъ! Мой совѣтъ сейчасъ-же припятъ его предложеніе; такъ точно думать и твой дядя...

— Но, тетя!... я умоляю васъ! И молодая дѣвушка бросилась цѣловать пухляя ручки своей тетки... М-ше Монома-

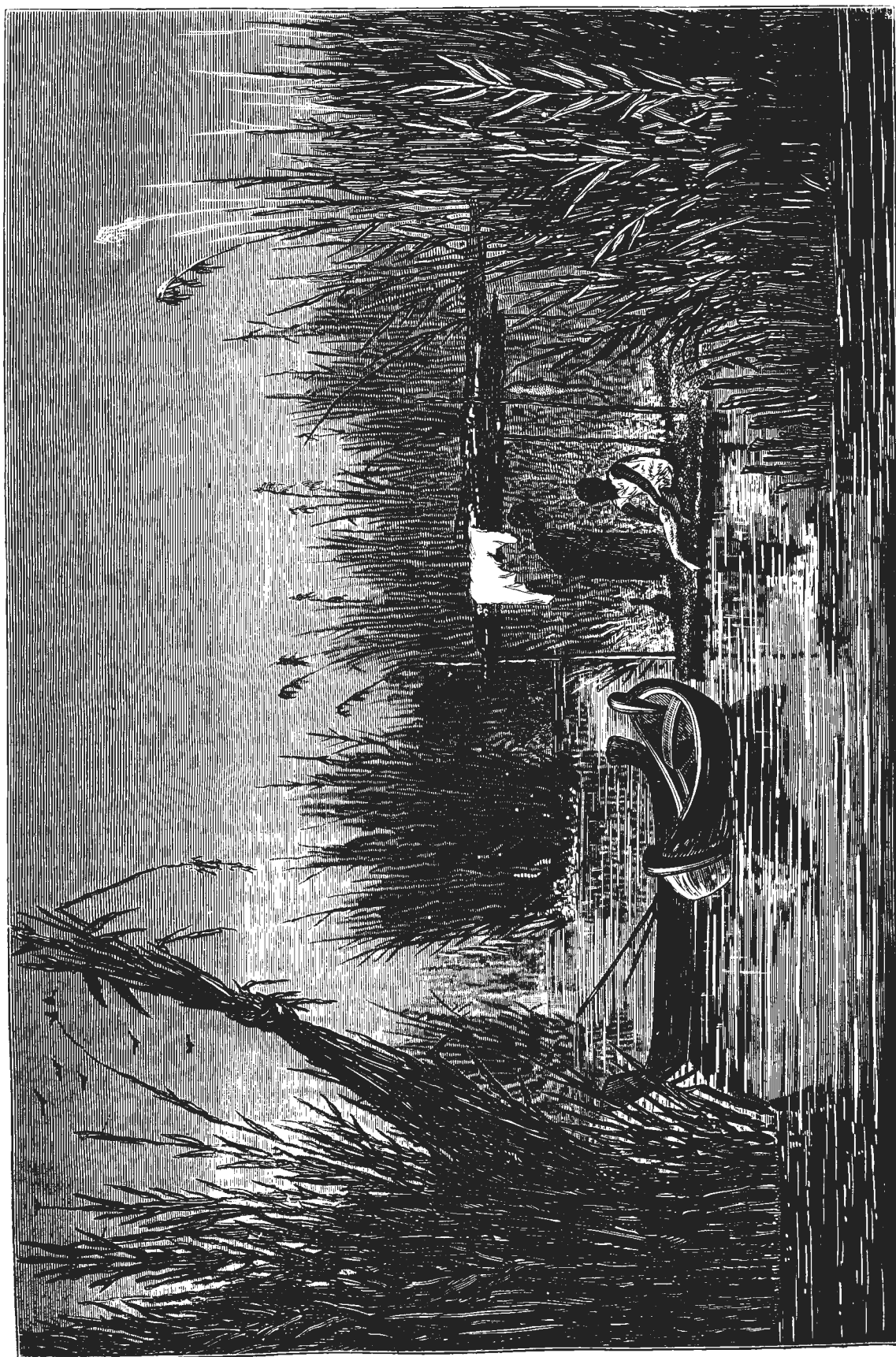
хова крайне любила это и смягчилась; она даже нашла отвѣтъ племянницы весьма благоразумнымъ.

— Ну, ступай: Богъ съ тобою, вертушка, порѣзвись, но смотри, чтобы чрезъ три дня я могла дать Захару Матвѣевичу твое согласіе.

Но Алевтина пошла не рѣзвиться. Въ сердцѣ своемъ дѣвушка рѣшила непремѣнно отказать въ своей рукѣ Дребезгину, — но она ждала отъ тетки и дяди разныхъ сценъ, неприятностей, не знала какъ избѣгать ихъ, а потому задумала прибѣгнуть къ совѣту Заварницкаго и попросить его научить, какъ ей дѣйствовать. Это и была причина, по которой Алевтина просила у тетки трехдневной отсрочки. Предложеніе Дребезгина, само собою разумѣется, огорчило дѣвушку, но не въ такой степени, въ какой можно было предположить, потому что отношенія ея къ Заварницкому въ то время были въ такомъ положеніи, что она хотя со страхомъ, но не безъ примѣси радости, встрѣтила эту неприятность, какъ кризисъ который выяснитъ ихъ. Алевтина не понимала: любить или нѣтъ ее Заварницкій? Послѣ страстной сцены въ саду, онъ какъ будто перемѣнился и сдѣлался еще серіознѣе. На другой день, встрѣтись съ нимъ, Алевтина ждала отъ него тѣхъ-же страстныхъ порывовъ — и ломала голову, какъ бы сколько-нибудь удержать ихъ; вмѣсто того, онъ подошелъ къ ней хотя и блѣдный, но довольно спокойный, держа въ рукѣ два небольшихъ томька книгъ, которые предложилъ ей прочесть, ни слова не напоминая о вчерашнемъ и повелъ рѣчь о постороннемъ предметѣ, какъ будто между ними ничего не было. Это даже оскорбило дѣвушку... Въ послѣдующія, весьма частыя свиданія съ Алевтиной, Заварницкій бесѣдовалъ съ нею или о книгахъ, или о научныхъ предметахъ, или рассказывалъ ей эпизоды изъ собственной жизни, жизни своихъ товарищей и знакомыхъ—и ни единого слова о любви!... Вѣдная дѣвушка не знала, что ей и думать о признаніи Заварницкаго.

Какъ всякая женщина, какъ бы она молода ни была, Алевтина пустила въ ходъ и кокетство, но Заварницкій посмотрѣлъ на это странно. Рѣдкій день она не слышала отъ другихъ самой восторженной похвалы своей красотѣ, но Заварницкій какъ бы далъ слово не замѣчать ея... Ни занятія, ни серіозное чтеніе, доставляемое ей Заварницкимъ, не могли отвлечь ее отъ постоянной мысли объ одномъ и томъ же—о разрѣшеніи мучившаго ее вопроса: любима она или нѣтъ?... Чувство ея, поджигаемое препятствіями и самолюбіемъ, достигло полного разгара. Оно же крѣпло и у Заварницкаго, хотя отъ другихъ причинъ. Правда, когда Алевтина воодушевлялась чѣмъ нибудь и говорила, она замѣчала, что Заварницкій пожиралъ ее глазами и въ нихъ сверкала страсть. Въ рукѣ своей она чувствовала его руку всегда дрожавшей, то горячую, то холодную какъ ледъ. Она замѣчала, что при прощаніи съ нею, когда они бывали tête à tête, онъ находился въ какомъ-то нервномъ, доходящемъ до неловкости состояніи и порою хотѣлъ что-то сказать, обнять ее даже, но поспѣшно сейчасъ-же уходилъ... Что бы отвѣчала Заварницкому Алевтина, еслибы онъ ей высказалъ свои планы и сдѣлалъ предложеніе, — этого дѣвушка сама не знала и не разсуждала объ этомъ предметѣ; но ей хотѣлось, чтобы Заварницкій сдѣлалъ это предложеніе и желала еще разъ услышать прежнее признаніе... Заварницкій не дѣлалъ этого, не просилъ поцѣлуя и сталъ избѣгать tête à tête, призывая къ себѣ на защиту въ этихъ случаяхъ — или своего ученика, или зачѣмъ нибудь прислугу...

— Что-то онъ скажетъ мнѣ, когда я ему сообщу предло-

Учена експедиція на Аму-Дар'ю. II. Рыбачья стоянка в камышах сєвра Сары-Куль.

Рис. членъ експедиціи Н. Каразинъ, грав. Сосинскій.

женіе Дребезгина?... волновалась Алевтина, по выходѣ изъ кабинета тетки, идя съ опущенной головкой и сильно бьющимся сердцемъ въ садъ, единственное мѣсто, гдѣ она могла говорить съ Заварницкимъ на свободѣ. Увидя ее, молодой человекъ далъ какое-то занятіе своему ученику, около китайской бесѣдки, и пошелъ навстрѣчу дѣвушки.

— Что съ вами? спросилъ ее Заварницкій, замѣтя ея покраснѣвшее личико со слѣдами недавнихъ слезъ.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами... сообщить новость.

— Сдѣлайте милость! говорите, отвѣтилъ молодой человекъ съ участіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ.

«Скажу ему все сразу,» блеснуло въ умѣ дѣвушки, — «посмотрю, какое произведетъ это извѣстіе впечатлѣніе на него.»

— Мнѣ Дребезгинъ сдѣлалъ предложеніе, онъ проситъ моей руки...

— Что-о?!.. предложеніе!?!.. вскричалъ Заварницкій, останавливаясь передъ нею и устремивъ на нее глаза въ величайшемъ изумленіи.

— Меня сейчасъ позвала къ себѣ тетенька и просила отвѣта...

— Я не ожидалъ этого... а долженъ былъ... Но что же вы ей отвѣчали?...

Заварницкій какъ бы превратился въ статую слуху.

— Я отвѣчала ей, что чрезъ три дня непременно сообщу рѣшительный отвѣтъ Дребезгину.

— А! произнесъ съ глубокимъ вздохомъ Заварницкій, прикладывая руку къ горѣвшему лбу и дѣлая нѣсколько шаговъ по аллеѣ. — Вы очень благоразумная дѣвица... обратилъ онъ къ Алевтинѣ, — вашъ отвѣтъ дѣлаетъ вамъ честь... Жалко, что вы при этомъ не прибавили: воля старшихъ намъ священна...

— Я хотѣла за это время обдумать, обсудить, говорила растерявшись Алевтина, замѣтя въ словахъ его желчи и иронію.

— Конечно, конечно... перебилъ ее Заварницкій.

— Мнѣ хотѣлось посоветоваться съ вами...

— Мой совѣтъ: что-же? выходите, Дребезгинъ прекрасная партія...

Внезапная новость о предложеніи Дребезгина, а преимущественно отвѣтъ Алевтины, давшій ему поводъ заключить, что она приняла это предложеніе какъ вещь возможную, а не дала тотчасъ же полнѣйшаго отказа, слѣдовательно, онъ обманулся въ ней и она не любила его, — такъ ошеломили и раздражили Заварницкаго, что онъ потерялъ всякое сознаніе своихъ словъ, въ груди его бушевала цѣлая буря злобы, которую онъ изливалъ въ желчныхъ сарказмахъ надъ бѣдной дѣвушкой. Ревность, обманутое чувство, оскорбленное самолюбіе — все заговорило въ немъ сразу. Онъ былъ въ своихъ выраженіяхъ грубъ какъ мальчишка.

— У васъ есть, продолжалъ Заварницкій, — капиталъ, у Дребезгина — имѣніе. Одно къ одному очень хорошо. Заживете прищѣваючи. Медовой мѣсяцъ проведете въ имѣніи а далѣе пойдете за границу, въ Италію... Вообще, вамъ замужемъ будетъ не скучно...

— Вы оскорбляете меня, промолвила Алевтина, готовая разразиться слезами.

— Знаете что?.. горячо перебилъ ее Заварницкій, — есть понятія, на которыхъ если два человека расходятся во взглядахъ, то это показываетъ, что между ними нѣтъ ничего общаго... Есть также вопросы, на которые есть только два честныхъ отвѣта: да или нѣтъ, — какого женибудь раздумья объ нихъ быть не можетъ... Вы сказали вашей тетенькѣ, что дадите отвѣтъ Дребезгину чрезъ три дня, то есть чтобы она дала вамъ время подумать: быть или не быть вамъ его женою... Этого для меня довольно!... Простите меня за откровенность. Забудьте все, что происходило между нами... Выбросьте изъ головы... Это будетъ вамъ же полезно... Я ошибся, глупо ошибся... Прощайте!...

— Владимиръ!.. остановила его дѣвушка, схватывая молодого человека за руку, въ слезахъ, — ты не понялъ меня...

— Алевтина!.. послышался голосъ М-ше Мономаховой

въблизи бесѣдки, прежде чѣмъ Заварницкій успѣлъ придти въ себя отъ неожиданнаго признанія и дать дѣвушкѣ отвѣтъ. Молодые люди послѣдно отскочили другъ отъ друга.

— М-г Заварницкій!.. продолжалъ звать тотъ же голосъ, — пожалуйте сюда...

Заварницкій вышелъ изъ бесѣдки. Мономахова стояла не далеко отъ входа, сильно взволнованная и злобно смотрѣла на молодого человека.

— Вы плохо исполняете ваши обязанности, замѣтила она ему, — дурно смотрите за вашимъ воспитанникомъ... Мальчикъ безъ присмотра лазитъ по деревьямъ и можетъ сломать себѣ шею. Уведите Коко въ его комнату и не смѣйте мнѣ показываться на глаза, пока не позовутъ васъ...

Заварницкій хотѣлъ что-то отвѣчать ей, но она отвернулась, откинула голову назадъ и величественно пошла въ бесѣдку.

— Я никакъ не ожидала этого отъ тебя, Алевтина, — сказала М-ше Мономахова, обращаясь къ своей племянницѣ, когда Заварницкій удался исполнять отданное ему приказаніе.

— Тетя! вы подслушивали нашъ разговоръ?!...

— Подслушивала?! Ты забываешься, Алевтина! Я вышла въ садъ отыскать тебя, чтобы развлечься, но, подходя къ бесѣдкѣ, услышала голосъ Заварницкаго, который говоритъ, какъ мужики, чрезвычайно громко, упоминаніе фамиліи Дребезгина... и невольно остановилась...

— Тети! я должна тебѣ признаться, заговорила плачущая Алевтина, подходя къ м-ше Мономаховой, — что...

— Пожалуйста, оставьте, — послѣдно остановила ее тетя, — мнѣ вовсе не нужны никакія ваши признанія... Я ничего не слышала... Я недовольна тобою за то, что ты говорила о своихъ семейныхъ дѣлахъ съ человекомъ совершенно чуждымъ намъ. Ты должна помнить, кто ты. Но оставимъ разговоръ объ этомъ. Я прощаю тебя, будучи твердо убѣрена, что впередъ ты будешь мнѣ всегда послушна. Ошибки въ молодости бывають, но въ жилахъ твоихъ та же рыцарская кровь Цадебелей, что и въ моихъ. Тебѣ нужно озаботиться своимъ алетомъ къ обѣду. У насъ сегодня будутъ гости и въ то въ числѣ Дребезгинъ. Пойдемъ.

Дорогою къ дому М-ше Мономахова занимала свою племянницу разговорами о постороннихъ предметахъ и не дала ей самой сказать слова.

За обѣдомъ у Мономаховыхъ было очень весело; одна только Алевтина сидѣла, свѣсивъ головку — и съ ярковыпавшими щеками, что дало возможность Дребезгину сказать ей комплиментъ, что она настоящая роза. Заварницкій на обѣдѣ не присутствовалъ; гости конечно и не замѣтили этого. Вечеромъ того же дня въ домѣ Мономаховыхъ происходило двѣ аудіенціи: одна въ кабинетъ М-ше Мономаховой съ Дребезгинимъ, которому она сообщила пріятную вѣсть, что племянница ея согласна на его предложеніе, но чтобы онъ сдѣлалъ его формально самой Алевтинѣ чрезъ нѣкоторое время, когда она ему скажетъ, къ каковой отсрочкѣ М-ше Мономахова подыскала благовидный предлогъ. Другая аудіенція давалась въ кабинетъ мужа ея, г. Мономаховымъ — Заварницкому. Послѣднему было объявлено, что услуги его болѣе не нужны въ домѣ Мономаховыхъ, такъ какъ они рѣшили дать сыну другое воспитаніе, болѣе соотвѣтствующее ихъ положенію въ обществѣ, — и для этой цѣли пригласили двухъ учителей, которые съ завтрашняго же утра приступятъ къ своимъ занятіямъ — и одинъ изъ нихъ займетъ ту комнату, въ которой теперь живетъ Заварницкій, а потому онъ чрезвычайно бы обязалъ, если бы очистилъ эту комнату завтра утромъ, какъ можно ранѣе, — такъ что онъ, Мономаховъ, можетъ быть завтра и не успѣетъ попрощаться съ нимъ, а потому дѣлаетъ это сегодня, а М-ше Мономахова поручила ему благодарить его и пожелать всего лучшаго. При этомъ Заварницкому вручены были заслуженныя имъ деньги всѣ сполна и самымъ деликатнѣйшимъ образомъ. Прощаясь, Мономаховъ снабдилъ Заварницкаго дружескимъ совѣтомъ: ѣхать поскорѣе изъ Петербурга въ провинцію. «Если для полученія тамъ мѣста, — погорилъ онъ, — вамъ нужно рекомендательное письмо къ кому-либо, отъ меня собственно, или отъ моихъ знакомыхъ, обратитесь прямо ко мнѣ письмомъ по городской почтѣ

и вы получите, по городской же почтѣ, все нужное. Поѣдете въ провинцію, присовокупилъ Мономаховъ, провожая своего гостя за дверь,—гляди, годика черезъ два женитесь на любимой особѣ, обзаведетесь дѣтьми и будете счастливы»...

Изъ кабинета г. Мономахова Заварницкій вошелъ въ свою комнату, надѣлъ пальто и шляпу, приказалъ челоѣку убрать всѣ его вещи въ чемоданъ, шкатулку и саквояжъ, и безцѣльно вышелъ на улицу. Онъ понялъ, что двери дома Мономаховыхъ предъ нимъ закрылись навсегда. На утро онъ рано присталъ за своими вещами и ихъ перевезли въ маленький и грязный трактиръ на Выборгской сторонѣ, вблизи зданія Медико-хирургической академіи...

— Кузина, ты знаешь, отрапортовалъ Алевтинъ ея кузень, — Владиміра Александровича уже у насъ нѣтъ... Уѣхалъ; мнѣ объ этомъ сейчасъ передала мама. Завтра же у меня будетъ другой учитель-гувернеръ... Гадкій Владиміръ Александровичъ и не попрощался, а мнѣ все таки жаль его. Кузина, ты любила Владиміра Александровича? наивно прибилъ мальчикъ.

— Послушай, Коко, ты навѣрно знаешь, что онъ уѣхалъ?

— Да, я былъ въ его комнатѣ — она пуста... Если хочешь, поидемъ вмѣстѣ туда, тамъ никого нѣтъ.

Алевтина молча пошла съ кузеномъ; но, вошедши въ бывшую комнату Заварницкаго, она, подъ какимъ-то предлогомъ, высладала мальчика — и опустившись въ кресло, залилась слезами...

Черезъ день, къ Мономаховымъ, въ эту комнату переселился новый наставникъ Коко, М-г Пивоваровъ, довольно плотный и красивый брюнетъ, мужчина подъ сорокъ лѣтъ, съ кудрявой головой, въ усахъ и эспаньолкѣ, съ лицомъ пожуировавшаго на своемъ вѣку.

Разставшись безъ объясненій и такъ загадочно съ Заварницкімъ, Алевтина не знала чему приписать его внезапное исчезновеніе изъ дома Мономаховыхъ: собственному ли его желанію или приказанію своихъ родныхъ? Сердце ея приписывало причину послѣднему, но въ то же время вспоминались гнѣбныя, твердо произнесенныя молодымъ челоѣкомъ слова, что между ними нѣтъ ничего общаго. Узнать же отъ окружающихъ объ отъѣздѣ Заварницкаго не было никакой возможности. Мономахова давала понимать ей, что онъ какъ бы самъ уѣхалъ; а горничная, приставленная къ ней, передавала, что Заварницкій поссорился съ барыней, а потомъ въ кабинетѣ съ бариномъ пѣз-за денегъ — и уѣхалъ. Головка ея строила много хитрыхъ плановъ, какъ бы имѣть свѣдѣнія о любимомъ челоѣкѣ, но всѣ пути для нея были закрыты. Она рискнула довѣриться горничной и послала ее за справкой въ адресный столъ, но, благодаря безопасности дворянъ, ей принесли листочекъ, въ которомъ мѣстожителство Заварницкаго значилось по прежнему въ домѣ Мономаховыхъ. Безпокойное состояніе дѣвушки еще усиливалось тревожнымъ ожиданіемъ, что согласно данному теткѣ слову, та не сегодня — завтра попроситъ у нея рѣшительнаго отвѣта Дребезгину, который при ея отказѣ неминуемо вызоветъ потокъ словъ, убѣждений, упрековъ и разныхъ другихъ неприятностей; однако прошло болѣе трехъ дней, а М-ме Мономахова не напоминала своей племянницѣ ни о Дребезгинѣ, ни о данномъ ей обѣщаніи. Но за то, по отъѣздѣ Заварницкаго, между Мономаховыми, въ присутствіи Алевтины, сталъ любимой тѣмой разговоръ о печальныхъ послѣдствіяхъ брака людей изъ разной среды и разныхъ понятій, въ особенности о тяжкомъ положеніи молодой женщины изъ высшаго общества, вступившей въ низшій кружокъ... Догадывался ли Пивоваровъ о причинѣ симпатіи Мономаховыхъ къ этой тѣмѣ, такъ какъ до него могли дойти кой-какія сплетни, или, подмѣтивъ конекъ своихъ патროновъ, онъ дѣлалъ это изъ желанія прислужиться, — но только Пивоваровъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ разговорахъ и, зная провинціальную жизнь и быть средняго кружка чиновниковъ, мастерски передавалъ всѣ подмѣченныя имъ въ этомъ слою — дурныя стороны, которыя дѣйствительно могли поселить въ головѣ молодой, неопытной и богатой дѣвушки отталкивающее чувство къ такому обществу, среди котораго глохли и дарованіе и до-

брыя качества. Поэтому Пивоваровъ приводилъ безчисленные примѣры, какъ перемѣнялись до неузнаваемости молодые люди, проживавшіе въ этомъ кругу только нѣсколько лѣтъ. Заварницкій рисовалъ этотъ кругъ еще болѣе мрачными красками, но, взявшись вести дѣло развитія молодой дѣвушки, имѣвшей лишь одни хорошіе задатки, Заварницкій по недостатку времени не успѣлъ указать ей — какъ на хорошія стороны средняго круга, такъ и на то нравственное дозволство и счастье, какое чувствуетъ челоѣкъ при честномъ исполненіи взятыхъ имъ на себя обязанностей. Къ сожалѣнію, Алевтина, слушая рассказы дяди, тетки и Пивоварова, вспомнила только мрачныя описанія Заварницкаго — и задумалась...

На Заварницкаго катастрофа произвела еще большее впечатлѣніе, чѣмъ на Алевтину. Онъ страстно любилъ дѣвушку, увлекся планами, достигалъ ихъ — и вдругъ, словно по волшебству, все это рухнуло. На прощаньи онъ не понялъ Алевтину, незаслуженно оскорбилъ ее, не успѣлъ объяснить и выслушалъ полное ее признаніе, какъ бы для того, чтобы болѣе никогда ее не видѣть. Онъ бѣсился, злобствовалъ и рѣшительно былъ безсиленъ какимъ нибудь образомъ выйдти изъ своего положенія. Домъ Мономаховыхъ былъ для него закрытъ, какъ заколдованный замокъ. Всѣ усилія проникнуть въ него были тщетны. Онъ проклиналъ свое затворничество, замкнутость и нелюдимость: когда онъ жилъ у Мономаховыхъ, онъ всегда былъ невнимателенъ къ прислугѣ, а женскую половину ея и вовсе не зналъ. Ему не черезъ кого было узнать, что дѣлается въ домѣ Мономаховыхъ или передать туда письмо къ Алевтинѣ. Писать же по городской почтѣ онъ боялся, чтобы не компрометтировать дѣвушки. Заварницкій былъ въ томъ оупѣніи, въ какое обыкновенно впадаютъ мальчики, чѣмъ нибудь сильно ошеломленные и ставшіе сразу въ безвыходное положеніе. Въ такомъ состояніи онъ пробылъ около трехъ недѣль или болѣе. Наконецъ, мысли его стали проясняться; Заварницкій вспомнилъ о замѣченной имъ къ себѣ привязанности казачка въ домѣ Мономаховыхъ, котораго онъ случайно выучилъ грамотѣ, а прошлую зиму вылечилъ отъ воспаленія въ легкихъ. Какъ ни шата и опасна была надежда на него, но Заварницкій, не видя другаго исхода, рѣшился довѣриться ей. Онъ написалъ Алевтинѣ короткое письмо, собственно заключавшееся въ вопросѣ, позволить ли она ему писать къ ней, — а также, какой она находитъ къ этому лучший путь, да сообщилъ свой адресъ. Бѣдный Заварницкій съ этимъ письмомъ проходилъ нѣсколько дней вблизи дома Мономаховыхъ, боясь встрѣтиться съ членами семьи, и выглядывалъ изъ-за угла сосѣднихъ улицъ, не спуская глазъ съ оконъ, въ ожиданіи — не выбѣжитъ ли изъ воротъ за какой нибудь мелкой покупкой желанный казачокъ; но тотъ все не являлся. Взамѣнъ этого разъ ему удалось видѣть Алевтину, поѣхавшую съ теткой въ каретѣ. Въ послѣдній день Заварницкій совѣсьмъ отчаявался видѣть мальчика — и предположивъ, что онъ вѣроятно болѣлъ и потому не показывается, собрался идти домой.

— Владиміру Александровичу мое почтеніе! раздался надъ самымъ его ухомъ звонкій голосъ.

Заварницкій оглянулся; предъ нимъ стоялъ казачокъ.

— А, милый! а я тебя жду...

— Меня-съ? что прикажете?...

Затрудняясь такъ быстро изложить свое важное порученіе мальчику, Заварницкій хотѣлъ было приготовить его къ нему и началъ неизбѣжнымъ вступленіемъ: — Вотъ, видишь-ли, ты же думай, чтобы это были какія нибудь глупости, или...

— Охъ! Владиміръ Александровичъ, перебилъ его мальчикъ, — говорите скорѣе, или скажите, гдѣ вы живете, я къ вамъ ужотко приду и что угодно для васъ сдѣлаю, — а то, ей Богу, не время... Я и то опоздалъ; боюсь, чтобы отъ дворецкаго орѣховъ не было. Сегодня у насъ гости. Барышню Алевтину Михайловну просватали за Дребезгина... Такія хлопоты...

— Ничего не нужно! проворчалъ ему въ отвѣтъ, стиснувъ зубы, Заварницкій и быстро пошелъ отъ мальчика по панели въ противоположную сторону дома Мономаховыхъ.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого, въ одинъ пасмурный ноябр-

екий вечеръ, когда въ Казанскомъ соборѣ былъ совершаемъ обрядъ бракосочетанія Захара Матвѣевича Дребезгина съ дѣвицею баронесою Алевтиною Михайловною фонъ Цадебель, къ вокзалу Николаевской желѣзной дороги подѣхалъ, чтобы отправиться съ отходящимъ поѣздомъ, худоцавый молодой человекъ въ форменномъ пальто военнаго врача. Это былъ

Владимиръ Александровичъ Заварницкій, опредѣленный военно-медицинскимъ департаментомъ, по собственной просьбѣ, баталіоннымъ врачомъ Д-скаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на стоянкѣ въ С-ой губерніи.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Впечатлѣнія русскаго путешественника.

Отъ Кіева до Женевы.

II *.

Выѣздъ изъ Вѣны. — Обычай кондукторовъ на баварскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Первые впечатлѣнія въ Швейцаріи: школьные праздники, музыкальный праздникъ въ Цюрихѣ, праздникъ пожарныхъ въ Бернѣ. — Замѣчательное учрежденіе и замѣчательная борьба за идею, положенная въ его основаніе. — Нѣчто объ англичанахъ и ихъ страсти къ путешествіямъ. — Монъ-Бланъ; glacier des Bossons и другіе ледники; цѣль Монъ-Блана и проч.

Дальнѣйшій путь мой лежалъ на Мюнхенъ, Линдау, черезъ Боденское озеро, въ Швейцарію. Не имѣя надобности особенно торопиться, я порѣшилъ выѣхать изъ Вѣны съ вечернимъ пассажирскимъ поѣздомъ, чтобы черезъ день, на разсвѣтѣ уже, увидать гостеприимные берега «Геллецидъ счастливой». Ночь, проведенная въ вагонѣ, хотя бы и втораго класса, всѣмъ хорошо извѣстна, а потому распространяться объ этомъ не стану; скажу только, что услужливость баварскихъ кондукторовъ помогла мнѣ нѣсколько облегчить свое положеніе, которое, безъ того, оказалось бы не очень-то красивымъ. Впрочемъ, если уже зашла рѣчь объ этихъ почтенныхъ германцахъ, то не мѣшаетъ, при семъ удобномъ случаѣ, помянуть ихъ и не добрымъ словомъ, тѣмъ болѣе что они этого совершенно заслуживаютъ за слѣдующій обычай свой. Приходитъ поѣздъ на станцію, гдѣ, положимъ, назначена остановка въ четверть часа; пассажиры выступаютъ изъ вагоновъ; съ особеннымъ удовольствіемъ, послѣ долгаго сидѣнія въ душныхъ вагонахъ, расправляютъ свои уставшие члены; отправляются въ буфетъ закутить и освѣжиться. Но едва только успѣли они тамъ расположиться, какъ вдругъ звонокъ — и ихъ очень вѣжливо приглашаютъ обратно въ вагоны. Оказывается, что, вмѣсто назначенныхъ по росписанію 15-ти минутъ, злополучнымъ пассажирамъ дали отдыха только 7—8 минутъ. Путешественниковъ, какъ овецъ, загоняютъ въ вагоны и запраютъ ихъ тамъ *на-мюльч*; не думайте, однако, чтобы поѣздъ сейчасъ же отправился въ путь... Ни чуть не бывало! Вагоны стоятъ себѣ неподвижно еще добрыхъ 6—7 минутъ на палисадѣ солнцѣ; впереди, въ угѣшеніе имъ, шипитъ машина, а кондукторы, пользуясь свободою, преспокойно тянутъ пиво въ ближайшей портерной. На одной изъ станцій, я вздумалъ было запротестовать противъ такого безцеремоннаго обращенія съ публикой, — такъ куда тебѣ! и слушать не хотятъ. Волей-неволей долженъ былъ покориться общей участи и войти въ вагонъ.

«Lindau! Bodensee! Bitte meine Herren aussteigen!» прокричалъ тотъ-же кондукторъ, открывая двери вагоновъ, — и пассажиры, потягиваясь, крехтя и зѣвая, стали торопливо собирать свои вещи и выходить на свѣжій утренній воздухъ. Солнце еще не взошло, но розовая полоска на восточной сторонѣ неба давала знать о скоромъ его появленіи. Надъ озеромъ стоялъ туманъ и своею прохладною сыростью пронизывалъ насъ насквозь. У берега, развода пары, стоялъ пароходъ, принадлежавшій швейцарской компаніи, съ краснымъ республиканскимъ флагомъ на бугшпритѣ. Черезъ четверть часа насъ охватило приволье озера,

широко раскинувагося передъ глазами во всей своей величавой красотѣ, съ далекой синевой горъ на горизонтѣ, по которымъ уже начиналъ скользить первый лучъ восходящаго солнца, — съ едва замѣтными бѣлѣющими поселеніями по берегамъ и съ легкою утреннею зыбью. Добрый часъ устребили мы на переѣздъ къ швейцарской станціи Романсгорнъ, находящейся по ту сторону Боденскаго озера, — и, по прибытіи туда, должны были еще около часа дожидаться прихода поѣзда изъ Базеля, чтобы на немъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Съ первыхъ же шаговъ можно было замѣтить, что мы прибыли въ страну школъ: на стѣнахъ станціонной залы, по корридoramъ и на дебаркадерѣ наклеены многочисленныя объявленія о разныхъ лустъ-дугахъ, о сбавкѣ цѣны на мѣста для учащейся молодежи, которая, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, отправляется на экскурсіи и прогулки въ горы и разныя примѣчательныя мѣста; тутъ же встрѣтили мы и родителей прибывшихъ изъ далекихъ странъ съ спеціальною цѣлью — помѣстить своихъ дѣтей въ одно изъ многочисленныхъ учебныхъ заведеній Швейцаріи, и самихъ юныхъ претендентовъ, въ легкихъ соломенныхъ шляпахъ и съ длинными альпійскими палками въ рукахъ. Свѣжія ихъ лица и какая-то здоровая веселость пріятно на насъ подѣйствовали. Разговорившись съ однимъ изъ русскихъ, подобно мнѣ, дождавшимся базельскаго поѣзда, я узналъ, что и онъ везетъ двухъ сыновей учиться на родинѣ Песталоуци.

— Вотъ, какъ видите, говорилъ онъ, указывая на двухъ мальчиковъ, лѣтъ 12—10, съ любопытствомъ и какимъ-то безсознательнымъ вниманіемъ поглядывавшихъ по сторонамъ и старавшихся держаться поближе къ отцу, — везу моихъ наследниковъ учиться уму-разуму. Думаю помѣстить ихъ гдѣ-нибудь въ Цюрихѣ или въ Бернѣ. Говорятъ, хорошо учатъ въ Лозаннѣ, да какъ-то къ нѣмцамъ больше довѣряю имѣешь: они въ этомъ вѣдѣ собаку съѣли. Французы — Богъ ихъ знаетъ — какъ-то ужъ очень непопулярны; а французскій языкъ отъ нихъ не уйдетъ: вѣдѣ его преподаютъ и въ нѣмецкихъ школахъ?...

Путешествіе отъ Боденскаго озера до Цюриха, гдѣ я предполагалъ сдѣлать для себя отдыхъ, было, можно сказать, настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ для школъ и учащейся молодежи. Всю дорогу въ разныхъ вагонахъ раздавались пѣсни, веселые клики, смѣхъ и звонкій говоръ нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ, отправившихся въ горы, на прогулку, вмѣстѣ со своими наставниками и наставницами. Куда мы только ни прѣзжали, — вездѣ насъ встрѣчали новыя партіи школьничковъ, цѣсни, общее одушевленіе и общая непринужденная веселость.

Цюрихъ, этотъ серьезный, ученый городъ, несмотря на прелестное свое озеро, мнѣ не понравился — можетъ быть благодаря тѣснотѣ своихъ улицъ и скученности домовъ, съ характеристическими зелеными маркизами и жалузи. Въ день моего прибытія туда, городъ праздновалъ собраніе музыкантовъ (Musikverein), на который попалъ и я, въ качествѣ простаго зрителя. Заплативъ франкъ, усѣлся я за столомъ въ громадной залѣ,

устроенной въ видѣ обширнаго балагана, съ видомъ на озеро, убранной флагами и гербами республики и всѣхъ ея кантоновъ, съ высокой эстрадой посрединѣ для музыкантовъ и съ немалымъ числомъ буфетовъ по угламъ. Собраніе было многочисленное: представители разныхъ музыкальных обществъ Швейцаріи, съ разноцвѣтными ленточками и бантами въ петлицахъ, множество любителей и постороннихъ лицъ обоюдо пола, наконецъ, цѣлыя хоры мальчиковъ и дѣвочекъ, — все это сидѣло за столами, пило вино, пиво, кофе, зельтерскую воду и прочее, и внимало громадному прекрасно-составленному оркестру-моистру, исполнявшему хотя и не классическія, но любимыя публикою нѣсны больше частью нѣмецкихъ композиторовъ. Прослушавъ нѣсколько номеровъ программы этого музыкальнаго праздника, привелъ меня въ усталость оглушительнымъ громомъ барабановъ и трескотней нѣсколькихъ десятковъ трубъ, и хотѣлъ было уже оставить залу, какъ вниманіе мое остановило на себѣ толпа зрителей, собравшаяся въ одномъ изъ угловъ и образовавшая кружокъ. Въ серединѣ его составился дѣтскій хоръ, подъ управленіемъ одного изъ учителей, довольно еще молодого человека. Пѣніе было несомнѣнно стройное, но публика, въ видѣ поощренія, разражалась рукоплесканіями. По окончаніи пѣнія, состоявшего изъ школьныхъ и патриотическихъ пѣсень, молодое поколѣніе усѣлось за близстоящими столами и принялось за брудершвафтъ: немедленно составилась складчина, на столѣ явились цѣлыя графинны мѣстнаго вина и пошла круговая. Не безъ удивленія, признаюсь, смотрѣлъ я, какъ не только товарищи, но даже сами наставники убѣждали пить и даже настаивали на этомъ 8—10 лѣтнихъ дѣтей, несмотря на отпѣкиваніе и очевидное нежеланіе сихъ послѣднихъ. Но видно здѣсь это въ обычаѣ, думалъ я, а противъ обычая также трудно бороться, какъ трудно плыть противъ быстрого теченія рѣки, на которой не мало стремнинъ, водопадовъ и пороговъ.

Въ Бернѣ меня ожидало новое торжество — ирландскіе пожарныхъ. Уже одного бѣлаго взгляда на городъ было достаточно, чтобы заключить, что готовится нѣчто необыкновенное. На перекресткахъ главныхъ улицъ воздвигнуты триумфальныя арки, съ убранными зеленью щитами, гербами, флагами и съ высоко стоящими транспарантами, на которыхъ значилась надпись: «Willkommen!» Флаги, ковры и гирлянды изъ еловыхъ вѣтокъ съ бумажными цвѣтами на домахъ, мостахъ и памятникахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на щитахъ, красиво убранныхъ зеленью, красовались даже стихотворныя привѣтствія на нѣмецкомъ языкѣ, иногда даже юмористическаго содержанія. Одинъ стихотворецъ, напримѣръ, заканчиваетъ свое хитросмеленіе увѣреніемъ, что «какъ вы (пожарные) ни сильны въ своихъ средствахъ потушить какой угодно огонь, но вамъ все-таки не потушить огня признательности къ вашимъ подвигамъ, горячаго въ сердцахъ нашихъ!» Одухнувъ въ одномъ изъ отелей средней руки, я отправился осматривать городъ и, какъ спеціалистъ по части педагогическаго дѣла, пожелалъ посѣтить прежде всего мѣстныя учебныя заве-

* См. 81-й № «Нивы» за 1874 г.

денія, которыми так славится кантонъ Бернъ и которыя дѣйствительно заслуживаютъ такой извѣстности. Не имѣя точнаго адреса бернской учительской семинаріи, я долженъ былъ обратиться къ помощи гида, который привелъ меня къ большому, весьма красивой архитектуры, трехъэтажному зданію, одиноко стоящему на возвышенномъ мѣстѣ, за рѣкой Ааромъ, почти на самой

Бернъ, чтобы видѣть *казенныя* учительскія семинаріи, содержащіяся на средства кантона.

—Наша семинарія, объяснилъ онъ мнѣ, — есть заведеніе, устроенное и поддерживаемое усиліями частныхъ лицъ, небольшого кружка, состоящаго изъ искреннихъ друзей христіанства (*Christliche Freunde*), а потому и называется она *Евангелической* учи-

напротивъ! Не питая вражды ни къ какому изъ существующихъ знаній, мы желаемъ только сохранить преподаваніе религіи въ томъ видѣ, въ какомъ она должна преподаваться по ученію отцовъ нашей церкви, чуждая произвольныхъ толкованій и материалистическаго объясненія. Вы сейчасъ увидите, какъ у насъ ведется дѣло. — и съ этими словами онъ всталъ и пригласилъ

Молодая гречанка съ вѣромъ. Картина дѣль Акуа. Грав. Домсъ.

окаинъ города. Меня провели къ директору семинаріи, въ его кабинетъ, гдѣ я нашелъ почтеннаго швейцарца, съ классической ермолкой на головѣ, окруженнаго книгами, тетрадами, брошюрами, фоліантами, физическими приборами, чучелами птицъ и проч. Онъ принялъ меня очень любезно; но съ первыхъ же словъ далъ мнѣ замѣтить, что не привело-ли меня къ нимъ, въ семинарію, недоразумѣніе, случающееся со многими иностранцами, которые пріѣзжаютъ въ

учительской семинаріей. Цѣль ея—истиннымъ свѣтомъ христовой религіи противодѣйствовать тому рационалистическому преподаванію религіи, которое ведется въ кантональныхъ учительскихъ семинаріяхъ. У насъ въ Бернѣ считается 4 учительскихъ семинаріи, изъ которыхъ двѣ правительственныхъ и двѣ нашихъ: одна мужская и одна женская. Не подумайте, однако, чтобы наши учебныя заведенія преслѣдовали какія-либо узкія цѣли какой-нибудь религіозной секты. Совсѣмъ

меня вмѣстѣ осмотрѣть заведеніе. Здѣсь не мѣсто, конечно, распространяться о всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ въ этомъ прекрасномъ учрежденіи, — для этого существуютъ спеціальныя педагогическіе журналы. Скажу только, что Бернская евангелическая семинарія обставлена всевозможными удобствами, имѣетъ весьма широкую программу, обнимающую собою не только нѣмецкій языкъ съ литературой, педагогику съ психологіей, училищевѣдѣніемъ и исто-

рией педагогике, арифметику и физику, — но даже алгебру, геометрию, физику, химию, естественную историю, географию, историю Швейцарии и всеобщую, французский язык, музыку (на органе, фортепьяно и скрипке), рисование и гимнастику; при семинарии находятся: небольшая обсерватория, физический кабинет, обширная библиотека, химическая лаборатория, огородъ съ садомъ, гимнастическая зала, зала для общихъ собраний евангелической общины, ванны и проч., и проч. Все это поддерживается въ примѣрномъ порядкѣ и чистотѣ. Даже поверхностный осмотръ заведенія показалъ уже намъ, что кружокъ, которому оно объявлено своимъ существованіемъ, не щадитъ средствъ для правильной постановки учебнаго дѣла въ семинаріи—и все это дѣлается не ради личныхъ выгодъ кого-либо, не изъ тщеславія, не ради даже интересовъ своего кружка,—а ради одной только идеи! Вообще, удивительные факты представляетъ намъ жизнь этого маленькаго государства, сильнаго своимъ просвѣщеніемъ и свободою, своими обычаями и установленіями, наконецъ, своей исторіею и преданіями славнаго прошлаго, въ которомъ есть что вспомнить, есть чему сочувствовать и чему подражать.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Бернѣ, въ продолженіе котораго я успѣлъ осмотрѣть еще правительственную учительскую семинарію (въ селеніи Мюнхенбухзее, близъ второй станціи отъ Берна, гдѣ когда-то былъ директоромъ Песталоцци) и одинъ частный дѣтскій садъ,—мнѣ предстояло двинуться по югозападной желѣзной дорогѣ, въ направленіи къ Лозаннѣ и Женевѣ. Въ вагонѣ со мной помѣстились нѣсколько семействъ путешественниковъ и въ томъ числѣ неизбѣжные англичане, съ красными гетрами въ рукахъ и съ крайнимъ безкусіемъ въ костюмахъ. Меня не одинъ разъ поражала эта постоянная нестрога въ одеждѣ и неузнаніе пользоваться лучшими сторонами моды именно въ англичанкахъ и пруссачкахъ,—и если бы кому нибудь вздумалось писать исторію культуры этихъ двухъ націй по ихъ модамъ и вообще умѣнію одѣваться, то невыгодное попятіе приобрѣли бы о нихъ читатели, такъ какъ обѣ эти націи пришлось бы попенять чуть ли не въ хвостъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Пресловутая страсть англичанъ ко всякаго рода путешествіямъ также не можетъ составить особенно выгодное о нихъ мнѣніе. Согласитесь, что постоянные перѣзды съ одного мѣста на другое, постоянная перемѣна впечатлѣній, вызываемая болѣе любопытствомъ, нежели любознательностію, поверхностный обзоръ всего встречающагося не показываютъ еще особенно серьезной потребности,—а напротивъ того, въ состояніи только охладить и пригнать всякое живое чувство, сдѣлать его невосприимчивымъ даже къ болѣе сильнымъ впечатлѣніямъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является поверхностность, легкость и въ концѣ концовъ—скука и разочарованіе. Такъ оно въ дѣйствительности и бываетъ. И видѣть англичанокъ, равнодушно взирающихъ даже на панораму Монъ-Блана.

Монъ-Бланъ! Сколько значенія и смысла заключаютъ въ себѣ два эти слова—для тѣхъ, кто видѣлъ это поразительное и чудное своей дикой красотой явленіе природы! Въ бытность мою въ Женевѣ—и въ 1868 году, и теперь, мнѣ сильно подымало посмотрѣть знаменитый Монъ-Бланъ и его лед-

ники, и вотъ, выбравъ удобный день и ясную погоду, я отправился туда, въ обществѣ все тѣхъ-же англичанъ и американцевъ. Ызды въ дилижансѣ отъ Женевы до Шамуни считаютъ 7 часовъ: но на самомъ дѣлѣ это расстояние приходится дѣлать не меньше какъ въ 9 часовъ, такъ какъ дорога отъ мѣстечка Саланшъ, извѣстнаго своими минеральными водами, до подошвы Монъ-Блана идетъ, не прерываясь, все въ гору, и подъемъ этотъ столь значителенъ, что на него употребляютъ обыкновенно около 2½ часовъ лишнихъ. Хотя вершина Монъ-Блана въ ясные дни видна и изъ Женевы, т. е. за 60 верстъ, но совершенно отчетливо ее можно рассмотретьъ лишь за небольшимъ французскимъ городкомъ Бонвилемъ, на разстояніи 35 верстъ отъ Шамуни. Дорога отъ Женевы до подошвы Монъ-Блана идетъ по прелестной долигѣ рѣки Арвы, берущей свое начало изъ ледниковъ этого царя горъ; постоянно и причудливо извивается она между горами, которыя то надвигаются на нее своими темными громадами, то разступаются передъ нею. Деревни и селенія слѣдуютъ очень часто одно за другимъ; въ этой мѣстности особенно много кретиновъ, съ зобами необычайныхъ размѣровъ. Но вотъ, за Саланшомъ, лошади пошли шагомъ, кучеръ слѣзъ съ козеля и, закуривъ сигару, пошелъ около экипажа, изрѣдка похлопывая бичемъ и выкрикивая свое обычное слово «Ние!» Мы стали подниматься въ гору. Панорама Монъ-Блана, несмотря на то, что ею еще раньше любуются цѣлыми 1½ часа, при въѣздѣ въ долину Шамуни производитъ сильное впечатлѣніе. Чувство, ею возбуждаемое, похоже на чувство благоговѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ на жуткость, ощущаемую при видѣ всего страшнаго, и на любопытство, соединенное съ какимъ-то безцвѣтнымъ чувствомъ, которое и разобратъ не умѣешь, но которое совершенно приковываетъ васъ къ чудной картинѣ.

Не имѣя возможности остаться въ Шамуни болѣе двухъ сутокъ, и съ вечера того дня, въ который прибылъ туда, составилъ себѣ планъ осмотра ледниковъ и окружающихъ Монъ-Бланъ вершинъ, положивъ ограничиться лишь наиболѣе доступными изъ нихъ. Самыми ближайшими къ Шамуни ледникомъ считается Glacier des Bossons, а потомъ Montanvert, вмѣстѣ съ знаменитымъ Mer de Glace (ледяное море).

Отправившись съ утра по направленію къ югозападу, я дошелъ до небольшой деревушки въ недалекомъ разстояніи отъ Cascades du Dard; здѣсь взялъ себѣ проводника, съ которымъ мы поднялись до вершинъ этого водопада, позавтракали тамъ свѣжею земляничкой и, послѣ краткаго отдыха, стали взбираться снова, къ леднику des Bossons, который находится у самой подошвы Монъ-Блана. Подъемъ этотъ не представляетъ почти никакой опасности, несмотря на груды камней, изъ которыхъ иъкоторыя величюю съ доми, раскляпыхъ по скатамъ и вокругъ ледника, и на живые мостики, перекинутые черезъ стремнины и шумящіе внизу водопада. Наконецъ, мы вступаемъ на ледникъ; къ ногамъ моимъ прилипаютъ желѣзные клещи (скампона); въ рукахъ у меня альпійская палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, а у пояса обхватываетъ крѣпкая шелковая веревка, которая другимъ концомъ прикрѣплена къ поясу проводника. Впереди насъ идетъ другой проводникъ и киркой рубитъ на льду ступеньки;

въ нихъ мы стараемся попадать ногами. Поверхность ледника представляетъ столько неровностей, глыбъ и трещинъ (crevasses), что каждую минуту надо остерегаться, чтобы не упасть и не скатиться внизъ. Впрочемъ, трещины въ нижней части этого ледника ничто въ сравненіи съ трещинами, находящимися въ верхней его половинѣ, у Grands Mulets и выше. Внутри ледника des Bossons, глубина котораго равняется отъ 110—140 аршинъ, смѣтливые савояры вырубил цѣлый корридоръ, за входъ въ который взимаютъ по 1 франку съ человѣка. Перебравшись на ту сторону ледника и прислушавшись къ шуму водопада, который глухо отдается подъ толщею льда, мы принуждены были снова карабкаться по скалѣ и наконецъ достигли небольшого шале, построеннаго на вершинѣ скалы для отдыха путешественниковъ. Здѣсь, за стаканомъ порочнаго вина, проводникъ мой далъ волю своимъ воспоминаніямъ и рассказалъ преданіе объ извѣстномъ Пьерѣ Бальма, проводникѣ, который первый и притомъ одинъ-одинехонекъ добрался до вершины Монъ-Блана (въ 1786 году). Усталый, не чувствуя подъ собою ногъ, въ изорванной одеждѣ, съ скарпанами въ кровъ лицомъ и руками, дотащился онъ, послѣ трехдневнаго отсутствія, домой, въ свое убогое шале, въ Шамуни, и первымъ дѣломъ попросилъ у жены своей ѣсть. Та накрыла ужинъ, и мужъ съ апетитомъ человѣка, бывшаго цѣлыя сутки безъ пищи, сталъ ѣсть. Но раскрывъ за тѣмъ котомку мужа, она, къ великому удивленію своему, увидала, что почти вся провизія, данная ему на дорогу, осталась нетронутою... Такова, заключилъ мой проводникъ, была энергія въ этомъ челоѣкѣ: желаніе достигнуть вершины Монъ-Блана—побывать тамъ, гдѣ еще никогда не ступала нога человѣческая.—и опасности путешествія были такъ велики, что ему не до ѣды было въ то время.»

Дѣйствительно, несмотря на сильныя облегченія, сдѣланныя въ послѣдніе годы для желающихъ достигнуть вершины Монъ-Блана все-таки число тѣхъ изъ нихъ, которымъ удается это смѣлое предпріятіе, не превышаетъ 30 челоѣкъ ежегодно. По свѣдѣніямъ, собираемымъ на мѣстѣ, съ 1786 по 1868 годъ, значитъ, за 82 года, на Монъ-Бланъ и на его скатахъ были только 516 челоѣкъ, въ томъ числѣ трое русскихъ, изъ которыхъ одинъ, именно докторъ Гаммелъ, едва не сдѣлался жертвою величественнаго «царя горъ» и собственной безумной отваги. Трупъ одного изъ его проводниковъ нашли черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ ледникѣ des Bossons, въ нижней его части, находящейся въ долигѣ, тогда какъ онъ былъ испровергнутъ обваломъ въ ледяную пропасть, находящуюся почти у самой вершины Монъ-Блана. Находка его внизу, почти у подошвы горы, показываетъ, что трупъ спустился сюда вмѣстѣ съ ледникомъ, который, хотя и очень медленно, но все-таки мало-по-малу сползаетъ въ долину, отъ времени до времени производя опустошительные обвалы и наводненія.

На другой день погода перемѣнилась, и оставъ по утру, я уже не могъ разглядѣть не только вершины Монъ-Блана, но даже и всей цѣны горъ, его окружающихъ: все было покрыто тучами и начиналъ накрапывать холодный дождикъ.

П. С.

Политическое обозрѣніе.

Парижъ, 2 (14) октябр.

(Собственная корреспонденція «Нивы»).

Выборы въ департаментъ Мены и Луары, минувшаго 27 сентября, представляютъ яви-

болѣе крупное событіе во Франціи за послѣднее время. Несмотря на то, что правительство открыто поддерживало г. Брюа, население этого департамента выбрало все-таки республиканца г. Майлье большин-

ствомъ четырехъ тысячъ голосовъ. Кроме правительства и орлеанистовъ, г. Брюа поддерживали также и бонапартисты; обѣ враждебныя партіи норѣшили примириться на время ради спасенія знаменитаго „ordre

могал⁴, которому совершенно не сочувствуют избиратели въ томъ видѣ, въ какомъ понимаютъ его версальскіе реакціонеры. Любезность приверженцевъ соединенной династии дошла до того, что они *уступили гуртомъ* своихъ избирателей септеналисту Броя, такъ какъ чистокровный бонапартистъ г. Верже взялъ назадъ свою кандидатуру. Передъ выборами пропаганда велась обѣими партіями съ умиленнымъ единодушіемъ въ пользу септената, которому, повидимому, приходится существовать только подобными компромиссами. Чего-чего не сулили клеветы герцоговъ-академиковъ и герцоговъ-банкротовъ далеко не малолѣтнимъ обитателямъ Мены и Лауры, обѣщали и школы и желѣзныя дороги и прочія блага,—но ничто не помогло: большинство населенія отвернулось съ одинаковымъ презрѣніемъ и отъ буржуазнаго режима 40-хъ годовъ, *sette meilleure des republicues* *), представителемъ котораго являлся г. Броя, и отъ новыхъ покровителей его—политическихъ авантюристовъ второй имперіи. Франція очевидно устала отъ политическихъ экспериментовъ, она не желаетъ возвращаться ни къ старому режиму и воскрешать кабинеты Вильея и Польньяка (т. е. къ господству клерикаловъ, иезуитовъ, и къ ограниченію политическихъ правъ),—ни къ либеральной монархіи, которая стремилась въ теченіи 18 лѣтъ только къ ограниченію избирательнаго права путемъ высокаго избирательнаго ценза. Цѣлая плеяда дѣятелей въ царствованіи Луи Филиппа прошла безслѣдно для французскаго общества. И конституціоналисты какъ напр., Бенжаменъ Констанъ, Шатобрианъ, и доктринеры какъ Ройе Коляръ, маркизъ де Серръ, герцогъ Брой-отецъ и во главѣ ихъ г. Гизо недавно сошедшій въ могилу,—все они старались примирить два непримиримые принципа, а именно: полную парламентскую свободу и свободу прессы—съ пѣрствомъ и сильною исполнительной королевскою властью. Въ основѣ такого политическаго порядка должно было лежать ограниченное цензомъ избирательное право. И что-жъ вышло? эта остроумная система, къ сожалѣнію, привела къ крайнимъ теоріямъ, начало которымъ положили Сенъ Симонъ и Фуррь, а затѣмъ къ революціонному погрому 1848 года. Г. Гизо сошелъ со сцены, упрекая Францію въ неблагодарности, и поселился въ Val Richer; Луи Филиппъ отправился въ Англію; а г. Ламартинъ мѣтко охарактеризовалъ революцію 48 г., сказавъ: „с'est la révolution du merpris“⁴. Переходя ко второй имперіи, которая дебютировала государственнымъ переворотомъ и безцѣльнымъ кровопролитіемъ, мы можемъ смѣло сказать, что огромное большинство французскаго народа не сожалѣетъ о томъ, что она погибла подъ Седаномъ. Если среди сельскаго населенія и встрѣчаются симпатіи къ этому режиму, то только потому, что гг. бонапартисты не щадятъ ни трудовъ ни усилій чтобы поддерживать пропаганду. Франція желаетъ покоя; а вторая имперія была рядомъ безцѣльныхъ войнъ, которыя окончились потерей духа провинцій. Вся страна отъ Калэ до Тулона, когда только ее спрашивали, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, заявляла весьма краснорѣчивымъ образомъ, что она желаетъ республики. Со 2 іюня 1871 года по 14 сентября 1873 года, частичные выборы происходили 18 разъ въ 69 департаментахъ (всѣхъ 86) и трехъ колоніяхъ; число всѣхъ избранныхъ депутатовъ за этотъ періодъ—183; изъ нихъ республиканцевъ 151, монархистовъ 32. Эти 69 департаментовъ представляютъ республиканское большинство въ 2,600,000 голосовъ. Выборы въ генеральные совѣты, происходившіе 4 октября, приводятъ къ тому же заключенію; число вотирующихъ за республиканскихъ кандидатовъ постепенно возрастаетъ не только въ горо-

дахъ но и въ деревняхъ. Изъ 1,400 кандидатовъ, 680 выбрали республиканцевъ; другая половина приходится на *три* монархическія фракціи. Въ департаментѣ Сены и Уазы выборы назначены 18 октября, кандидатовъ—двое: г. Сенаръ и герцогъ Падуанскій. Нѣтъ сомнѣній, что г. Сенаръ будетъ избранъ, такъ какъ делегаты почти всѣхъ кантоновъ поддерживаютъ его кандидатуру. Мы присутствовали на послѣднемъ засѣданіи избирательнаго комитета въ Версали (8 октября) и слышали рѣчь г. Сенара, въ которой онъ очертилъ яркими красками ту гибельную политику, представителемъ которой является герцогъ Падуанскій—бонапартистъ, открыто заявившій свои политическія симпатіи въ profession de foi къ своимъ избирателямъ. Г. Сенаръ, какъ бывшій президентъ учредительнаго собранія 1848 года и нѣсколько позднѣе какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ полную возможность изучить и парламентскую тактику, и практическую дѣятельность бонапартистовъ, которыхъ всегда преслѣдовалъ; онъ обратилъ вниманіе слушателей на то и на другое—и закончилъ тѣмъ, что онъ будетъ стремиться къ учрежденію республики, оберегая всѣ установившіеся интересы (tout les intérêts acquis). Герцогъ Падуанскій, или проще г. Ариджи, былъ префектомъ департамента Сены и Уазы послѣ декабрьскаго переворота и стяжалъ себѣ извѣстность среди теперешнихъ своихъ избирателей, тѣмъ что представилъ Луи Наполеону списокъ „des suspects“ въ которомъ было записано около двухъ тысячъ человекъ. Бывшій императоръ нашель, говорятъ, что г. Ариджи слишкомъ поусердствовалъ, и поручилъ въфрку списка г. Морни. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ несложная биографія кандидата de l'ordre moral, котораго поддерживаетъ слегка даже правительство.

На вмѣшательство правительства въ выборы—журналы всѣхъ партій смотрятъ какъ на восстановление официальныхъ кандидатуръ, и порицаютъ почти единодушно это возвращеніе къ традиціямъ второй имперіи. Это вмѣшательство и послужило поводомъ къ запросу г. де-Маги въ послѣднемъ засѣданіи постоянной комиссіи 1 октября. Министръ юстиціи г. Тайльянъ, съ наивнѣйшей достойной лучшей долей, отвѣчалъ г. де-Маги, что правительство ни чуть не вмѣшивается въ дѣла выборовъ, что оно *только* рекомендуетъ избирателямъ нѣкоторые личности пользующіяся его довѣріемъ. Какъ видите, люди заправляющіе судьбами Франціи готовы даже примириться, подобно, г. де-Монтамберу въ 1851 г., съ политикой второй имперіи лишь бы только повредить республикѣ.

Между тѣмъ лучшіе умы современной Франціи, принадлежавшіе нѣкогда къ лагерю конституціоналистовъ, перешли открыто на сторону республики; изъ нихъ наиболѣе видная личность, безъ сомнѣнія, г. Тьеръ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Греноблѣ, знаменитый старикъ сдѣлалъ то же прямодушное заявленіе въ пользу республики, что и въ посланіи 13 ноября 1873 года, которое безъ сомнѣнія составитъ самую блестящую страницу въ исторіи Франціи въ глазахъ безпристрастнаго потомства. Въ настоящее время г. Тьеръ путешествуетъ по Итали и встрѣчаетъ всюду радушный и почтительный пріемъ; бывшій президентъ живетъ столь же согласно съ потребностями новаго времени въ своемъ отечествѣ, сколько и съ движеніемъ международныхъ идей,—вотъ почему г. Тьеръ, не смотря на отзываніе фрегата Ореоко, т. е. на прекращеніе французскаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла котораго онъ долго протинился, все таки видится съ государственными людьми Итали, и старается возобновить дружескія отношенія этой страны, съ Франціей, на болѣе широкихъ и правотѣрныхъ основаніяхъ.

Между тѣмъ какъ г. Тьеръ совершаетъ

свою патриотическую миссію, правительство 24 мая пожинаетъ плоды своей клерикальной политики на Пиренейской границѣ, и старается увернуться съ возможно-меньшимъ скандаломъ отъ меморандума г. Серрано *). Президентъ испанской республики жалуется на политику всѣхъ четырехъ правительствъ Франціи за послѣднее время, т. е. на вторую имперію, на правительство 4 сентября, на г. Тьера, но болѣе всего на правительство 24 мая, которое по его мнѣнію наиболѣе всѣхъ поддерживало карлистовъ, позволяя имъ *facile* заводить комитеты въ По, Байонѣ, Перпиньянѣ, и вовсе не слѣдя за подвозомъ оружія, по рѣкѣ Бидасоа. Эти замѣчанія отчасти справедливы, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что г. префектъ Надальякъ,—этотъ Ореоко префектовъ, по остроумному выраженію г. Эмиля де-Жирардена,—сильно потворствовалъ карлистамъ и позволялъ имъ собираться *даже* у себя въ домѣ. Намъ кажется, что по прочтеніи меморандума г. Серрано, французскому правительству 24 мая останется только смѣнить пограничныхъ префектовъ въ родѣ г. Надальяка и коми. Это будетъ и не трудно и не особенно щекотливо на томъ основаніи, что теперешнее правительство недавно признало официально испанскую республику—въ краткой аллокуціи недавно назначеннаго имъ посланника г. Шодорди.

Кромѣ этого непріятнаго пассажа для французской дипломатіи въ духѣ г. Бенедетти, французскому правительству предстоитъ новое фиаско на выборахъ 18 октября въ департаментахъ На-де-Калэ и приморскихъ Альпъ, въ которыхъ кандидатами являются три республиканца; въ первомъ г. Франсуа Брамъ, а во второмъ гг. Леонъ Шири и Медесень; монархисты и септеналисты не выставили до сихъ поръ ни одного сколько нибудь серьезнаго кандидата, который могъ бы имѣть шансы на успѣхъ. Упомянуть о гг. Феве и Делись-Ангронъ—не стоитъ, такъ какъ ихъ никто не знаетъ кромѣ нѣсколькихъ орлеанистовъ, покорныхъ передъ непогрѣшимымъ для нихъ г. Броемъ. И такъ, приверженцевъ de l'ordre moral, какъ его понимаютъ версальскіе реакціонеры, не существуетъ болѣе въ массѣ французскихъ избирателей; но консерваторовъ-республиканцевъ, раздѣляющихъ политическія убѣжденія гг. Тьера и Казимира Перье,—много. Этой массѣ и принадлежитъ ближайшее будущее во Франціи. Но пока ей придется испытать еще разъ министерство г. Броя, который соединится по всей вѣроятности съ г. д'Одиффе Шакье, врагомъ бонапартистовъ, чтобы придать болѣе популярности септенату,—хотя и это учрежденіе нужно поддерживать, по его мнѣнію, только до того времени, когда станетъ возможна другая болѣе удовлетворяющая его политическая комбинація, въ которой главныя роли выпадутъ на долю предприимчивыхъ герцоговъ, неразборчивыхъ на средства для достиженія цѣли. Что касается легитимистовъ, то они держатся въ сторонѣ отъ избирательной борьбы, и намѣрены напомнить міру о своемъ существованіи только запросомъ правительству объ отзываніи фрегата Ореоко, въ затрѣпаннѣмъ засѣданіи постоянной комиссіи. Республиканскіе депутаты, собирающіеся сегодня вечеромъ въ своемъ помѣщеніи въ улицѣ de la Sourdière и у г. Жюля Симона, намѣрены не вмѣшиваться въ семейныя дѣла г. монархистовъ и созданнаго ими правительства.

Въ Германіи, за отсутствіемъ парламентской борьбы, такъ какъ ваканціи еще не окончились, весь интересъ общества сосредоточился на нотѣ датскаго кабинета, въ которой идетъ рѣчь объ исполненіи 5 статьи Пражскаго трактата 1866 года, т. е. о возвращеніи Даніи сѣвернаго Шлезвига. Мы полагаемъ, что князь Бисмаркъ, съ свойствен-

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что торжественная форма меморандума крайне недостатна послѣ признанія Франціей испанской республики.

*) Слова произнесенныя генераломъ Лафайетомъ, когда онъ указалъ народу новаго короля.

№ 45

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 4-го ноября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

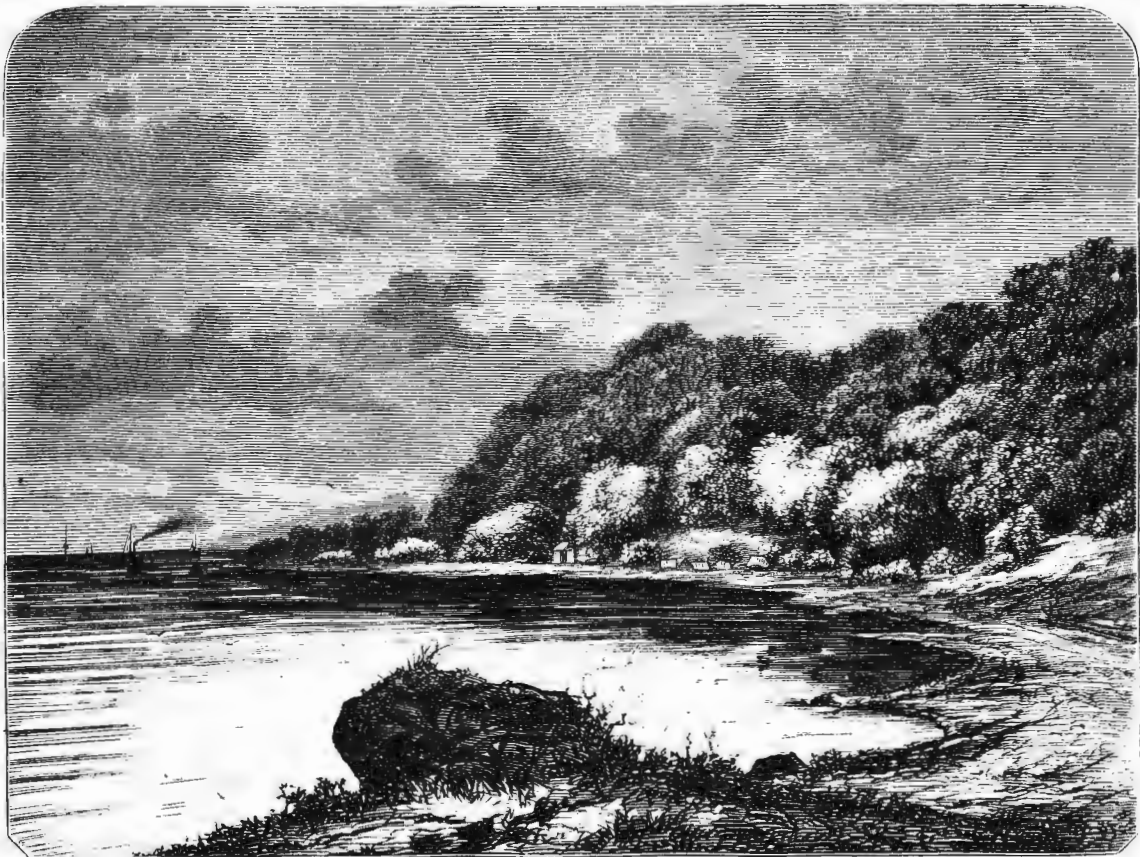
Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновле-
 ніемъ подписки, для избѣжанія останова въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи.	5 р. 50 к. *)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
 Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки свыше 3 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застрахо-
 вывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Виды Волги. I. Жегулевскія горы. Изъ путевого альбома профессора Боголюбова.
 Рисоваль И. Космаковъ. Грав. Сосинскій.

На Волгѣ.

I. Жегулевскія горы.

Ю. И. ПОЛЯНСКАГО.

Есть горы, которыя прежде всего замѣчательны какъ горы, о нихъ вы можете встрѣтить нѣсколько страницъ въ любой географіи, гдѣ будутъ перечислены ледники, горныя вершины, проходы и рѣки берущія начало въ этихъ горахъ. Совѣмъ не то возвышенности средней Россіи—вотъ хоть бы Жегулевскія горы. „Что такое за Жегулевскія горы?“ можетъ спросить кто-нибудь изъ читателей и потянется пожалуй за Семеновскимъ или другимъ словаремъ, если таковой окажется близко „Я что-то не помню въ географіи никакихъ Жегулевскихъ горъ“ скажетъ тотъ же читатель и рѣшитъ, что онѣ не представляютъ должно быть ничего замѣчательнаго, что это какія нибудь незначительныя горы, потому что ихъ съ трудомъ отыщешь даже въ географическомъ словарѣ. Вотъ Валдайскія, Общій Сыртъ—тѣ извѣстны изъ учебниковъ, а Жегулевскія... На первый разъ скажу вамъ только одно, что Жегулевскія горы находятся въ Симбирской губерніи, въ Сызранскомъ уѣздѣ, и на картахъ средней величины окрашиваютъ въ темный цвѣтъ сѣверную сторону такъ-называемой Самарской луки. Затѣмъ я вынужденъ согласиться съ читателемъ, что Жегули, какъ горы, занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ даже въ Европейской Россіи: это дало имъ право не попасть на страницы учебниковъ и не выгнать изъ себя ни одной рѣки. На взглядъ горнаго жителя, Жегули—не болѣе какъ холмы, покрытые лѣсомъ, и только Палласу, которому страхъ надобно переѣздить по однообразной русской равнинѣ, онѣ могли показаться *превысокими горами*, да развѣ еще Симбирскимъ старожиламъ. Зато на Волгѣ выше этихъ горъ вы не найдете мѣста живописнѣе—тоже; но вѣдь извѣстно, по какой скучной плоскости тихо подвигается наша кормная рѣка. «Тогда не стойте и говорите о нихъ!» воскликнетъ иной нетерпѣливый читатель и можетъ быть даже недовольный читатель. Я попрошу его меня выслушать. Пусть Жегулевскія горы не заслуживаютъ названія горъ—точно такъ же какъ и многія провинціальныя *Шейхары* съ десяткомъ сосенъ и двумя оврагами не заслуживаютъ такого громкаго прозвища; но за Жегулями остается старая слава, память о смутномъ прошломъ, цѣлая страница въ исторіи русскаго простоянина.

«Ужъ этому будетъ, какъ тебѣ сказать, лѣтъ тридцать, ведетъ свою рѣчь жегулевскій бывалець, старикъ Максимъ, сидя около караулки и паковыврав ланоть.— жилъ знакомый мнѣ человекъ на купецкомъ заводѣ, въ Жегулевыхъ горахъ, возлѣ Отварнаго—шадричь гналь, у самой Волги двѣ избенки стояли: въ одной столярная была, рыбаць еще въ ней съ женой жилъ, а въ другой онъ съ хозяиномъ Иваномъ Митричемъ, за прикащика при немъ стоялъ, Финогеню звали; такъ вотъ онъ мнѣ рассказывалъ, что съ нимъ было отъ этихъ отъ разбойниковъ. Вышелъ говорить, это я разъ зачѣмъ-то изъ избы, дѣло было къ вечеру; кругомъ, извѣстное дѣло, все лѣсъ; вышелъ—глядь: встрѣчь незнаемый человекъ идетъ, бравый такой, рубаха красная и ножъ за поясомъ большущій.

— Финогенъ! это ты? спрашиваетъ.

— Я, говорю.

— Гдѣ вашъ старшій прикащикъ?

— Онъ, говорю, въ Ставрополь уѣхалъ.

— А Иванъ Митричь дома будетъ?

— Дома.

— Что, къ вамъ въ гости можно? Поди спроси. Скажи, что одинъ человекъ мало повидать его хочетъ.

Иду къ хозяину, дѣлать нечего; говорю: такъ и такъ, человекъ изъ лѣсу вышелъ, въ гости просится и ножикъ при немъ, говорю.

— Великъ ли? спрашиваетъ.

— Да по-грудь, говорю, будетъ.

— Зони! дѣлать нечего.

А гость ужъ на крыльцѣ стоитъ, вошелъ въ горницу.

— Здравствуй, Иванъ Митричь, говорить. Что не радостно гости встрѣчаешь?

— Прошу милости, садись.

— Чай погостишь чѣмъ вибуди?

— Радъ бы да печѣмъ.

— Ну, когда у купца нечѣмъ! Водка есть?

— Этого-то есть.

— Хлѣбъ есть?

— Есть.

— Чего же, говоритъ, намъ больше и надо?

Слѣзъ. Хозяинъ меня къ сторонкѣ отозвалъ: «Финогенъ, говорить, сходи принеси». Принесъ я графинчикъ. Гость налилъ, сперва хозяину поднесъ: «Пейте, Иванъ Митричь!»

— Помилуйте, говоритъ, вы гость.

— Этого заводу нѣтъ, чтобы гость прежде хозяина пилъ.

Ну Иванъ Митричь стаканъ выпилъ, другой ему налилъ; колыхнулъ по три стаканчика—графинъ пустой

«Чтоже, Иванъ Митричь, распорядись еще принести!—тотъ опять: «Финогенъ! принеси еще!» Я еще сбѣгалъ, и этотъ выпили. Третій спросилъ. Пошелъ разговоръ; захмѣлѣли, знаешь, маленько. На грѣхъ закуски и не хватало: шеничный хлѣбъ весь вышелъ. Будъ закуска хорошал—гляди, больше бы выпили.

Иванъ Митричь хмѣленъ, а должно что смекнулъ дѣлами: улучилъ время да къ Волгѣ, слѣзъ въ лодку—айда! Остался я одинъ: рыбаць на ватагѣ былъ. Ну да думаю: съ меня взять нечего—весь тутъ. Малость времени прошла—гостевѣкъ спрашиваетъ: «Финогенъ! гдѣ хозяинъ то?» Не знаю, говорю. «Что его долго нѣтъ. Поди посмотри, нешто такъ гостей однихъ оставляютъ? Пригласилъ да и бросилъ!»

Вышелъ это я, будто ищущу, смотрю. Прихожу въ избу. «Уѣхалъ, говорю, на ту сторону; хлѣба нѣтъ, такъ видно за хлѣбомъ поѣхалъ.

«Ахъ, говоритъ, дуракъ! велика надобность! нешто я бы сталъ его держать дурака?» Посидѣлъ еще малость, графинчикъ допилъ.

«Не умѣете, говоритъ, вы гости занять такъ снать укладывайте—чай ужъ поздно. Гдѣ ты меня, Финогенъ, положишь?»

«Гдѣ, говорю, угодно милости твоей будетъ.» Прошла ночь. Пришелъ я, навѣдался: сидитъ нашъ гость—меня кличетъ: «Финогенъ!»—Что, говорю, угодно? «Поди сюда—подай одѣться, рази не видишь, гость проснулся?» Подаль я ему одѣться.

— Гдѣ мое орудіе? спрашиваетъ.—Вотъ, говорю.—А имѣешь мое цѣло?—Подаль ему поясъ. «Спасибо тебѣ, Финогенъ!»

Умылся, все какъ надо.—Опохмѣлиться есть?

— Не знаю, говорю, вотъ схожу посмотрю. Принесъ водки. Выпилъ онъ.

«Ну теперь, Финогенъ, поидемъ на Волгу—ригуляться: може не увидимъ ли кого, не пробѣдетъ ли кто?»

Вышли на берегъ—смотримъ. Только и плыветъ расшива съ пародомъ. Крикнулъ гость что-то по своему, съ расшивы лодку подала, на лодкѣ голову сахару привезла и золотой. «Финогенъ! принимай, выноси на берегъ». Я было замаялся. «Полно, говоритъ, рази они тебя-купца за грабителя сочтутъ: они чай видятъ, кто съ тобой.»—Мелко было, такъ лодка къ берегу не могла вплотъ подойти—вошелъ гость въ воду самъ и принялъ все. Другая расшива прошла—и та лодку прислала—и на лодкѣ опять стало-быть голова сахару и золотой. Постояли еще малость—на заводнѣ рабочаго люду съ полсотни плыветъ—онъ и крикнулъ: «эй, ребята! Посадите меня-молодца съ собой, свезите до Самары, возьмите сколь хотите!» Тѣ причалили—онъ: «Прощай Финогенъ! Ивану Митричу кланяйся!» Отпрянулъ отъ берега да какъ гаркнетъ: «Приударъ, ребята! бродяга слѣ!»—Только его и видѣлъ я. Поехалъ, дня видно черезъ три, опять въ лѣсу троихъ встрѣтилъ, спрашивали гдѣ товарищъ, убить грозилъ, говорили что онъ денегъ съ собой много увезъ, покленъ взводили на насъ, что будто мы его ограбили, а послѣ крѣпко нашего гостя ругали: зачѣмъ уплылъ. Спросили рыбы да калача; огонь развели, шербу я имъ сварилъ. Взяли они всю жижу наземъ вылили, калачъ съ рыбой въ платокъ завязали и ушли.

Такъ послѣ того, сказывалъ Финогенъ, скоро слухъ прошелъ, что перваго-то разбойника въ Самарѣ изловили; онъ барина вишь ограбилъ—пригласилъ его чѣмъ то, взялъ деньги-то, а картузъ свой и позабылъ. По картузу и дознались. Поймали въ кабацкѣ на пристани: кутилъ все.

«А вотъ въ старыя годы, баринъ, разбойникамъ, слышно, во все страху не было» заканчиваетъ Максимъ, старательно подхватывая кадетскомъ, ланотное лычко.

«Въ Жегулевскихъ горахъ мы остановимся... вдругъ припоминается вамъ, читатель, изъ одной разбойничьей-удалой пѣсни—и подвиги вольницы со всѣми романтическими и варварскими подробностями встаютъ передъ вашими глазами. Для васъ теперь ясно значеніе Жегулевскихъ горъ. Вспомните, что начиная съ XVI столѣтія, рядомъ съ проникновеніемъ на востокъ русской колонизаціи, шли непрерывныя разбои на торговой Волгѣ. Разбои эти, не смотря на строгости закона, не прекращались вплоть до половины нынѣшняго столѣтія. Узломъ были Жегули. Сюда стали бѣгать съ XVIII столѣтія раскольники. Всѣ недовольные шли сюда на Волгу, въ Жегулевскія горы, какъ мѣсто самое удобное для укрытельства. Русская удаля съ Яика и Дона не разъ являлась сюда *пораждать своимъ зипунамъ* вмѣстѣ съ волжскими *казаками*. Порядки удѣльной Руси становились въ перерѣзъ новымъ порядкамъ Руси Московской, и Жегули давали убѣжище своимъ протестантамъ. Послѣдніе, въ лицѣ вольницы, всячески старались поживиться насчетъ государства, складывавшійся строй котораго стѣ-

снялъ понемногу ихъ права. Олеарій, проѣзжавшій Волгою въ первой половинѣ XVII столѣтія, говоритъ, что разбойничьямъ было удобно наблюдать за приближеніемъ торговыхъ судовъ — съ вершинъ Жегулевскихъ горъ. Въ этихъ опасныхъ для торговли мѣстахъ, еще при Михаилѣ Федоровичѣ, вѣдно ставили охранные острожки присланнымъ воеводамъ, съ цѣлью оберегать рыбныхъ ловцовъ и прочихъ людей. Законъ предписывалъ рѣзать языки, негязать всячески за разбой — но мѣры такого рода не помогали. Государство было почти безсильно, когда разразился Стенькинъ бунтъ Живописныя Жегулевскія горы полны ставой имени этого разбойника. Здѣсь нѣсколько бугровъ и изрядное количество пещеръ носятъ названіе Стенькиныхъ. По народному преданію, которое варьируется на всѣ лады. Стенька живъ и сидитъ въ своихъ любимыхъ горахъ — гдѣ его каждую ночь за тяжкіе грѣхи мучитъ притеняя нечистая сила. И долго будетъ мучаться Стенька, пока не исполнятся положенные года, пока не отроется богатый кладъ положенный имъ въ лѣсу. и не изрекутъ Стенькѣ вѣчную память. При Петрѣ и его наследникахъ преслѣдованія за разбой продолжались, въ Жегули послышались сыщики, по лѣсамъ устраивались облавы; позже завели особая лодки для охраненія мѣстныхъ жителей отъ разбоевъ; на лодки сажалась команда, ставились пушки. Черезъ сто лѣтъ послѣ Разина, народныя массы опять всколыхнули страшный Пугачевскій бунтъ. Жегули приняли въ себя ризѣяныя шайки пугачевцевъ, точно такъ же какъ столѣтіе назадъ пріютили бѣжавшихъ изъ-подъ Симбирска разинцевъ съ Федкой Шелудякомъ. Жегулевскіе разбои прекратились только въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, съ учрежденіемъ пароходства по Волгѣ. *Шайки*, по мѣстному выраженію, перестали. И такъ, Жегулевскія горы, очень незначительныя въ географіи, играли видную роль въ исторіи русской жизни; онѣ благодаря своимъ мѣстнымъ условіямъ, своему положенію, затаили, если можно такъ выразиться, смутное время на два лишнія столѣтія, надѣлали хлопотъ правительству. Онѣ же помогали осуществленію своеобразныхъ народныхъ идеаловъ: старца-грузника и удалца-разбойника. Кромѣ разбойничьихъ и старцевъ, на-роду памятны еще жегулевскіе клады. Горы хранятъ ихъ въ себѣ въ неслѣдственныхъ количествахъ. «Чего только на свѣтѣ нѣтъ — того и въ Жегуляхъ вѣтъ», говорятъ мѣстные крестьяне и прокладываютъ довольствоваться воздѣлываньемъ клочка земли, шилкой дровъ и ломкой блага камня, отъ котораго Жегули получили названіе Бѣлыхъ горъ. Но не всѣ довольствуются обыденными доходами, есть любители кладовъ — кладоскатели. По ихъ рукамъ ходятъ кладныя записки, съ подробностями о томъ, гдѣ что положено и какъ взять. «*Приступаю я рабъ Божій къ поклажъ сей, читасть гдѣ нибудь въ лѣсной трупобѣ, съ заступомъ въ рукавъ, безстрашный кладоскатель, «окружаю въ ширину и глубину Божьямъ словомъ, пошли мнѣ, Господи, помощника Архангела Уриила отогнать демонскую силу...»* Страшное дѣло рыть кладъ: онъ зарывался душегубцами при разныхъ заклятіяхъ. Однако искатели находятся — не такъ давно славился въ Жегуляхъ Блохинъ.

Будущему изъ Симбирска въ Самару — пріятно увидать рѣзкую перемѣну праваго берега, въ какой нибудь сотнѣ верстъ отъ послѣдняго города. Невысокіе холмы, покрытые лѣсками, вдругъ поднимаются выше и выше, громоздятся другъ на друга, рѣка съуживается и надъ бѣгущимъ пароходомъ висятъ крутые склоны лѣсистыхъ горъ. Проѣзжаемъ бросаются мѣстами въ глаза и голый камень гдѣ-то высоко надъ головой — и широкая пещерообразная разсѣлина, и темное заросшее лѣсомъ ущелье. За круглыми зелеными возвышенностями идутъ, расходясь не далеко вглубь и давая мѣсто долинамъ, опять такія же лѣсистыя возвышенности. Раза два три мелькнетъ людское жилье, а дальше опять узкая полоса песчаного берега и крутые зеленые склоны. «Вотъ они Жегули-то, мимо идемъ» замѣтитъ вамъ кто нибудь изъ пассажировъ 3-го класса, если вы позаботитесь рано утромъ выйти на палубу. По-разговоритесь съ нимъ — и вы навѣрное услышите немало страшныхъ разсказовъ про эти зеленыя горы. До сихъ поръ ни пароходы, ни горсть заброшенныхъ сюда людей — не могутъ оживить здѣшней пустынной дикой мѣстности. Жегули однообразно тянутся на протяженіи чуть не сотни верстъ. Это известковая огромная платина, заставившая Волгу повернуть вправо и описать

Самарскую луку въ 200 верстъ. Это огромный крюкъ. Горный рельефъ Жегулей, какъ я уже сказалъ, имѣетъ закругленныя волнообразныя формы; отвѣсовъ почти нѣтъ, того что мы разумѣемъ подъ словомъ скала — тоже; все *шишки, шиланы, бугры, курганы и абищи*. Камень рыхлъ и легко поддается времени. Нѣтъ ни одной вершины въ 300 футовъ. На заматѣ, около Усинскаго устья, можно указать на Молодецкій курганъ (100 саж.), названный такъ потому, что молодежь села старыхъ Жегулей сходилась сюда въ праздники веселиться, — а на востокѣ высшая точка всего хребта — Сѣрная гора (110 с.), около которой въ прошломъ столѣтіи добывали сѣру. Между этими крайними пунктами тянутся расходясь въ глубь материка невысокими холмами — настояще Жегули, въ отличіе отъ Усовскихъ горъ, лежащихъ по другую сторону рѣчки Усы. Когда волжская вольница хотѣла неожиданно напасть на торговое судно, она выбирала кратчайшей путь — рѣчку, Усу и съ южной части луки отъ Переволоки, гдѣ перетаскивала лодки, въ нѣсколько часовъ попадала — къ Молодецкому кургану, на сѣверную сторону. Странное: «Саринъ на кичку!» — пускалось успѣшно въ ходъ. Въ двухъ верстахъ отъ устья Усы, въ глубинѣ долины лежатъ село Жегулиха, — прежде оно стояло у самой воды, но живописные разливы часто забирающіяся въ Жегулевскія ущелья (*баракы*) — вынудили жителей переселиться выше, въ безводную мѣстность. Промыслы здѣшнихъ крестьянъ: земледѣіе, ломка и перетяганіе извести. Кромѣ послѣдней въ горахъ есть сѣра, гагаты и — волчеданъ, нѣрѣдко вводящій мѣстныхъ жителей въ заблужденіе, благодаря своему золотому блеску. Около Моркваша, лежащихъ восточнѣе между Лысой горой и Могутовскимъ кражемъ — очень большія каменоломни. Много рабочихъ рукъ занимается также шилкой дровъ на пароходы. Лѣсъ въ Жегуляхъ преимущественно дровиной: дубъ, осина, осокорь, вязъ и изрѣдка по гребнямъ горъ — сосна. Моркваша — самое живописное селеніе въ Жегулевскихъ горахъ. — Здѣсь, на вершинѣ крутой Лысой горы (80 с.), сохранился единственный историческій памятникъ прошлаго — какаля-то надпись 1720 года; надпись Петра стерлась.

Несмотря на свое однообразіе, на эти курганы, перерѣзанные неширокими *баракы*, куда въ разливы далеко забирается Волга, на отсутствіе страшныхъ по неприступности скалъ — Жегули все таки самое красивое мѣсто на Волгѣ — и въ историческомъ отношеніи, какъ видите, одно изъ замѣчательныхъ. Безлюдье придаетъ ихъ ландшафту своеобразную дикую окраску. Когда будете на Волгѣ, читатель, стоитъ взглянуть на Жегули, дать на нихъ отдохнуть глазамъ. Боятся ихъ теперь нечего: про разбои нѣтъ и помину; старцы-грузники кто говоритъ перевелись совсѣмъ, кто — обратился въ шатуновъ, т. е. такихъ людей которымъ нѣтъ особой охоты встрѣчаться съ людьми незнакомыми; мѣдвѣди еще попадаются, — но далеко, въ восточномъ углу, за Бахилковкой, гдѣ ихъ пожалуй скоро переколотитъ Мордва. Кстаги о національностяхъ, Жегули и ихъ окрестности населены сброднымъ народомъ, всѣ здѣшнія мѣста заняты переселенцами изъ разныхъ губерній и ино-родцы. Такъ, въ Бахилковкѣ Мордва. Въ Старомъ Отварномъ, по другую сторону Могутовскаго кража, версты 2 отъ Моркваша поселились хошлы. Заселеніе Самарской луки началось въ XVI столѣтіи съ Надѣвскаго Усоля (теперешнее имѣнне Орловыхъ Давыдовыхъ). Въ него, къ солянымъ ключамъ, прибыли промышленники съ Камы, поставили здѣсь первую крѣпостцу и основали немудреный заводъ. Около Усоля же данъ былъ первый счастливый отпоръ кочевникамъ; здѣсь сложилось даже объ этомъ цѣлое преданіе:

«По старымъ разсказамъ, въ Усоля жили
Одна богатырка въ то время —
Она отъ Усоля на степь угнала
Ногайское хищное племя».

Скажу я словами стихотворенія, тема котораго не такъ давно была взята изъ преданія объ Усоляхъ.

Если вы останетесь недолго въ скромныхъ красотахъ Жегулевскихъ горъ — переѣзжайте на другой берегъ Волги и посмотрите Соколовы горы: тамъ больше живописныхъ мѣстъ, говорятъ мѣстные художники, — нѣтъ жегулевскаго однообразія и больше пещеръ. Вѣдь, какъ хотите, въ горахъ это главное.

ГИНЕКЕУМЪ.

(ПО ГЭЛЛЮ).

Вглядитесь въ прилагаемый рисунокъ: гдѣ мы? Въ какой мѣръ переноситъ насъ творческая фантазія художника? Уже съ одного бѣлаго взгляда на костюмы изображенныхъ лицъ видно, что мы имѣемъ дѣло не съ современною намъ цивилизаціею. Ни въ чемъ такъ рѣзко не поражаетъ разница культурныхъ формъ новаго времени относительно классической древности — какъ въ одеждѣ. Благодаря не столько неблагоприятному климату, сколько свойственному на-

шему времени стремленію исключительно къ *пользѣ* безъ малѣйшаго чувства *красоты* и *естественности* — наше платье лишено всякаго изящества и повидимому для того лишь предназначено чтобы мѣжкообразно кутать и карикатурить всѣ формы тѣла. Древнимъ же, напротивъ, не только южный воздухъ позволялъ обходиться безъ всего лишняго въ одеждѣ, оставляя неприкрытыми руки и ноги, — но присущее имъ, такъ сказать, естественно-природное имъ чувство

изящнаго заставляло ихъ выбирать одѣянія, которыя, ниспадая и драпируясь широкими складками, пластично выдѣляли всѣ формы тѣла, облегалъ ихъ и мѣняя складъ свой при каждомъ движеніи, что придавало необыкновенную красоту и достоинство всей осянкѣ. Народъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, употреблялъ только два рода одѣяній: носимый на тѣлѣ, на подобіе рубашки, *ситонъ*, и накидываемый сверху *иматій*. Незначительная разница въ покроѣ отли-

чала различныя племена этого народа-художника. Общій для обоихъ половъ хитонъ былъ или короткій, безъ рукавовъ и шерстяной, какъ у дѣвцы, изображенной на лѣвой сторонѣ рисунка и державшей подъ руки ребенка, — или длинный, въ широкихъ складкахъ, съ рукавами, полотняный, какъ у матери, которая сидитъ посреди группы. Первый носили Дорье, второй — Ионяне, которыхъ уже Гомеръ называетъ «долгохитонными». Впрочемъ у афинянъ послѣдняго рода хитонъ вошелъ въ употребленіе лишь въ позднѣйшія времена извѣженности. Дорическій хитонъ не зашивался у рукавовъ и слѣдовательно не надѣвался черезъ голову, какъ у Ионянъ, а состоялъ изъ отдѣльныхъ полотнищъ — передняго и задняго, которыя на плечѣ и вѣроятно вдоль всего бока застегивались аграфами (застежками). Замѣстиванный съ этого образца, мужской афинскій хитонъ спивался въ нижней половинѣ. Неизбѣжно принадлежностью хитона былъ поясъ, который позволялъ укорачивать одежду по желанію и образовывать надъ поясомъ пазуху, служившую уже во времена Гомера карманомъ. Хотя эта одежда давала полную свободу рукамъ, но грекамъ и этого казалось мало, — а потому рабочіе застегивали хитонъ только на лѣвомъ плечѣ, оставляя правую сторону обѣихъ полотнищъ висѣть на спинѣ и грудь, какъ у дѣвцы, прилегшей на колѣна матери семейства, съ лѣвой стороны рисунка. Послѣ Аристофана стали ужешивать настоящіе рукава, сначала короткіе, а потомъ, на манеръ кедрътовъ и восточныхъ народовъ, доходившіе до самой кисти руки.

Хитонъ былъ домашней одеждой, чѣмъ-то вродѣ халата. Изъ дому же въ одномъ хитонѣ выходили только рабочіе и дѣти, такъ какъ чловѣкъ въ одномъ хитонѣ и голый — у грековъ были синонимы.

Что гиматій составлялъ главную часть одежды — это видно изъ того, что отсутствіе хитона считалось только признакомъ бѣдности или болѣе строгого образа жизни: за это именно превозносили Сократа, Клеанта, Агезилая и Фокіона. Гиматій состоялъ изъ большаго, продолговатаго — четверугольнаго куска шерстяной ткани. Манера драпироваться имъ ясно видна на отцѣ семейства, который стоитъ въ лѣвомъ дальнемъ углу картины. Одинъ конецъ ткани набрасывался сзади изъ-за спины черезъ лѣвое плечо и придерживался на груди лѣвою рукою; затѣмъ правою рукою гиматій навѣкался на всю спинѣ — и черезъ правое плечо или подъ правое плечо переходилъ на грудь, откуда снова конецъ его закидывался черезъ лѣвое плечо на спинѣ. Только на прилагаемомъ рисункѣ гиматій задрапированъ не съ лѣва на право, а справа на лѣво, что можно было дозволить себѣ лишь дома, на людяхъ же считалось нарушеніемъ укоренившагося обычая. Умѣнье ловко и красиво драпироваться гиматіемъ, какъ въ наши дни пледомъ, требовало частаго упражненія и считалось необходимымъ отличіемъ образованнаго чловѣка. Спусканіе гиматія до того чтобы онъ волочился по землѣ — служило признакомъ напыщенности и роскоши. Еще неприлично было приподнимать гиматій до колѣнъ, но при спѣшномъ бѣгѣ онъ закидывался назадъ за спинѣ. Бѣдные носили лѣтомъ и зимою ту же самую одежду; богатые мѣняли ткань сообразно времени года. Что касается цвѣта мужскихъ одѣяній, то какъ хитонъ, такъ и гиматій болѣею частью были бѣлые; темный гиматій надѣвался во время траура. Но это не исключало и другихъ цвѣтовъ. Такъ, афиняне, замѣтивъ, что молодой Клеантъ, въ качествѣ вождя эфебовъ, явился на праздникъ безъ хитона, подавали ему это одѣяніе шафраннаго цвѣта. Комикъ Анаксандридъ, философъ Эмпедоклъ, софисты Гиппійасъ и Горгій, живописецъ Парразій носили пурпурный гиматій. На разноцвѣтность одеждъ указываютъ и найденныя статуетки, различно раскрашенныя.

Изготовленіемъ одежды, какъ въ героиче-

скія времена такъ и впоследствии, занималась хозяйка дома и ея рабыни. Женскій нарядъ былъ гораздо разнообразнѣе мужскаго, но сводился къ тѣмъ же двумъ типамъ — хитону и гиматію, какъ и мужской. Спартанскія дѣвушки носили хитонъ несшитый даже и ниже пояса, такъ что ихъ называли «наго-бедрянными». Когда же у афинянокъ вошелъ въ употребленіе длинный ионическій хитонъ, нижняя половина его была постоянно зашита; верхняя же состояла изъ двухъ полотнищъ; застегивавшихся на плечахъ и безъ рукавовъ. Эта одежда шилась гораздо длиннѣе роста женщины и лишняя ткань поднималась складками за поясъ, образуя пазуху. Когда же хитонъ получилъ длинную рукава, эта пазуха стала отдѣльнымъ наряднымъ нарядомъ. Подъ этимъ длиннымъ хитономъ, афинянки впоследствии стали носить другой короткій изъ болѣе легкой ткани, прозрачной кисеи съ острова Аморгоса.

Женскій гиматій былъ до того похожъ на мужской, что жена Фокіона часто шеголяла въ мужиномъ, а Сократъ однажды явился въ публичное сборище, закутанный въ гиматій Ксантиппы. Впоследствии, подъ влияніемъ моды, женскій гиматій кроился все короче и наконецъ уменьшился до шалеобразныхъ платковъ. Женскія одежды были гораздо разнообразнѣе, встрѣчались даже пестрыя, полосатныя, расшитыя галунами и звѣздочками; но, какъ и во всѣ времена, слишкомъ яркая пестрота обличала дурной вкусъ, составляя характеристичную принадлежность гетеръ. Самымъ приличнымъ цвѣтомъ считался бѣлый. Спартанкамъ строго запрещены были цвѣтныя платья и золотыя украшенія, а въ Сиракузахъ облагались пеней (штрафомъ) платья обшитыя пурпуровою каймой. Кромѣ названныхъ тканей, надо упомянуть о шелковой дымкѣ съ острова Коса, изъ которой притоготовлялись одежды, славившіяся своей нескромностью и которыми часто пользовались художники въ своихъ картинахъ для изображенія просвѣчивающихъ формъ тѣла, хотя и прикрытыхъ одѣяніемъ. Сверхъ того употреблялась такъ называемая грудная сѣтка, замѣнявшая гречанкамъ корсетъ. Обувь заключалась въ сандаліяхъ и котурнахъ (башмакахъ).

И такъ, прилагаемый рисунокъ переноситъ насъ въ лоно домашней греческой жизни. Войдемъ же въ это жилище, не смотря на обычай запрещавшій вступать въ чужой домъ безъ позволенія, хотя наружныя двери его цѣлый день были открыты. Это обыкновеніе укоренилось изъ уваженія къ женской половинѣ семьи, какъ говоритъ Плутархъ: «Чтобы не застать врасплохъ хозяйку дома или дѣвственную дщерь, или не попасть на ссору рабынь между собой», — и соблюдалось такъ строго, что въ отсутствіи хозяйки, даже въ случаѣ крайней нужды, не рѣшались переступить пороги чужаго жилища. Спартанцы при посѣщеніи не стучались, но громко звали хозяйку по имени, а въ позднѣйшее время у дверей стоялъ привратникъ. Въ болѣею части частныхъ домовъ за входною дверью тотчасъ слѣдовалъ внутренній четырехугольный дворъ, окруженный съ четырехъ сторонъ колоннадой (перистиль), на которую выходили двери отдѣльныхъ покоевъ. По срединѣ двора, называвшагося *авлою* (Aula), стоялъ алтарь домашняго Зевса, а если не было отдѣльной кухни, то и очагъ, какъ алтарь Гестіи. Здѣсь принимали гостей; здѣсь же, въ отсутствіи постороннихъ, собиралась женская половина семьи и дѣти; тутъ праздновались домашнія торжества и приносились жертвы. Такъ какъ входная дверь устраивалась обыкновенно съ южной стороны, дабы зимою въ заднюю часть авлы свѣтило солнце, а лѣтомъ на переднюю часть ея падала тѣнь колонады, — то понятно, что главныя покои — спальня хозяйки и столовая располагались на сторонѣ противоположной входу. Справа и слѣва, по боковымъ фасадамъ двора шли помѣщенія для

мужской прислуги, комнаты для гостей, а въ небольшихъ домахъ и кладовыя съ кухней. Гдѣ же мѣсто дозволяло — хозяйственное отдѣленіе дома помѣщалось позади авлы. Въ такомъ случаѣ у хозяйки дома было какъ бы свое государство, въ которомъ она проводила большую часть дня — права дѣлами, надзирая надъ рабынями и за кухней, не ограничиваясь тѣснымъ заключеніемъ въ женской половинѣ, такъ-называемомъ *гинекеумѣ*. Это послѣднее помѣщеніе отдѣлялось отъ мужскаго накрѣпко запираемою дверью, а во времена роскоши даже окружалось особеннымъ перистилемъ. Нередко гинекеуму отводился верхній этажъ дома, который былъ совершенно подобенъ нижнему.

Комнаты были невелики, приблизительно въ 4 или 5 разъ менѣ нашихъ залъ и гостиныхъ у зажиточныхъ людей. Стѣны втеченіи долгаго времени, начиная съ Гомера, покрывались только бѣлою известкой. Алкивиадъ впервые заставилъ живописца Агатахоса расписать свой домъ фресками. Это нововведеніе, сильно порицаемое Ксенофонтъ и Платонъ, нашло себѣ подражателей, и вскорѣ уже нерасписанные покои считались признакомъ бѣдности. Наружныя же стѣны оставались бѣлыми — и только у Фокіона были обиты мѣду. Полъ былъ сплошь мощенный плитами; лишь съ македонской эпохи, въ богатыхъ домахъ являются полы мозаичныя. Во многихъ комнатахъ двери замѣнялись драпировкой и занавѣсами, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ. Нѣкоторыя двери, въ особенности отъ кладовыхъ, для безопасности запечатывались воскомъ; но какъ въ прежнее время можно было за три обода достать фальшивую печать, то хозяйка дома стала заказывать себѣ болѣе искусно выработанныя печати на перстняхъ. Философъ Лакидесъ и тутъ впрочемъ пональ въ просакъ. Онъ имѣлъ обыкновение, запечатывать дверь кладовой, кидать въ нее черезъ маленькое окошечко самый перстень — и уходилъ въ полную увѣренности за цѣлость своихъ припасовъ; но рабы догадались: они взаимывали печать, входили въ кладовую и затѣмъ взявъ что нужно — брали самый перстень, запечатывали имъ дверь снова и тѣмъ же порядкомъ бросали его въ окошечко.

Примыкающіе къ городскимъ домамъ сады наполнялись цвѣтами и овощью. *Хвастунъ* у Теофраста («Характеры») чванится множествомъ и нѣжностью огородныхъ растений въ его саду. Цвѣтоводство ограничивалось розами, фіалками, глицинтами, крокусами и лиліями, которыя сѣялись во множествѣ ради гирляндъ и вѣнковъ, необходимыхъ на праздникахъ и ираяхъ.

Женская половина дома, гинекеумъ, какъ мы уже сказали, находилась въ самой задней, отдаленной части дома. Здѣсь проводила свое время хозяйка, жена, подруга жизни древняго грека. Отъ свободы греческой женщины времяе Гомера ничего не осталось въ времена историческія. Уже Солонъ, въ числѣ прочихъ своихъ законовъ, издалъ слѣдующій «признававшій *недѣйствительнымъ* все что сдѣлано будетъ по совѣту или внушенію женщины». Такъ какъ посѣщеніе публичныхъ школъ считалось несовѣстнымъ съ стыдливостью дѣвушекъ, то дочери грековъ получали самое лишь элементарное образованіе отъ матерей и мамокъ. Только въ высшихъ сословіяхъ обучались онѣ чтенію, письму и нѣкоторымъ понятіямъ о мифологіи. Главнымъ дѣломъ было знаніе женскихъ работъ: пряденія, тканья, шитья и проч. Научно-образованныхъ женщинъ (за исключеніемъ весьма немногихъ, какъ Сафо, Аспазія) совсѣмъ не встрѣчается въ исторіи Греціи. Да и къ чему приложила бы тогдашняя гречанка свои свѣденія? Такъ-называемаго *большаго свѣта* вовсе не существовало въ тѣ времена: не было ни баловъ, ни концертовъ, ни званыхъ вечеровъ. Въ полномъ уединеніи, отдѣленной отъ внѣшняго міра и преимущественно отъ мужчинъ стѣнами

Гинекеумъ, женское отдѣленіе греческаго дома.

Ст. картины П. Кумаса. Грав. Ревузьскій.

гинекеума, афинянки так и назывались «замкнутыми», в «тѣни возрожденными»; по этому самый цвѣтъ лица ихъ не отличался здоровьемъ, и онѣ уситенно прибѣгали къ помощи румянъ и притираний. Уединеніе жены-домохранительницы изображалъ даже Фидій символомъ черепахи, служившей подположеніемъ статуѣ ея Афродиты-Ураніи. Лишь на нѣкоторыхъ религиозныхъ торжествахъ и другихъ процессіяхъ изрѣдка появлялись благородныя афинскія дѣвы, несая на головѣ священныя сосуды, межъ тѣмъ какъ дочери нисшихъ сословій держали надъ ними зонтики. Только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ и возможно было знакомство между молодыми людьми обоого пола. Понятно, что при такихъ порядкахъ молодыя женщины по выходѣ замужъ (съ нѣнадцати-лѣтняго возраста) проявляли крайнюю неопытность — и дальнѣйшее воспитаніе ихъ лежало уже на обязанности мужа, котораго невеста вовсе не знала до свадьбы. Большею частію отецъ отыскивалъ невесту своему сыну, принимая гораздо болѣе во вниманіе ея родъ и богатство, тѣмъ взаимную склонность. Нечему дивиться, если домашній бытъ новобрачныхъ часто омрачался облаками и грозными тучами. По этому Платонъ и предлагалъ учрежденіе особенныхъ игръ, на которыхъ юноши и дѣвы въ танцахъ могли-бы знакомиться другъ съ другомъ. Но какъ ни рѣдки были браки по склонности — вполнѣ отрицать ихъ нельзя, такъ какъ онѣ изображаются во многихъ комедіяхъ, безъ сомнѣнія черпавшихъ свое содержаніе изъ

дѣйствительной жизни. Обыкновеннѣйшей канвой ихъ служитъ страстная любовь молодого афинянина къ незнакомкѣ, которая вполнѣ оказывается пропавшей дочерью богача. Кто не помнитъ трогательной привязанности княжескаго сына, Гемона, къ великодушной Антигонѣ у Софокла? Есть и другія доказательства. Такъ напр. въ плутарховомъ «жизнеописаніи Кимона» читаемъ: «Когда-же Калліасъ, зажиточный афинянинъ, влюбленный въ Эльпинуку, предложилъ заплатить лению (штрафъ) за ея отца, то она согласилась — и братъ ея Кимонъ выдалъ ее за Калліаса замужъ». Известно также, что самъ Кимонъ безмѣрно любилъ жену свою, Изодиду, и былъ неутѣшенъ по смерти ея. Только любовь эту отнюдь не должно представлять себѣ въ формѣ повѣйнаго романтизма; она возникла и развивалась на почвѣ естественности, чувственныхъ воззрѣній древняго грека на мѣръ, и никогда не достигала мечтательной апопозеи. Не рѣдко возникла она уже послѣ свадьбы, какъ въ «свекрови» Терренція, гдѣ Памфилъ, привлеченный благородными качествами своей сначала-презираемой жены, мало по малу оставляетъ свою наложницу. Вотъ такую-то счастливую чету изображаетъ и нашъ рисунокъ.

Совершенно иное было положеніе женщины у Дорического племени. Спартакское воспитаніе женщинъ вполнѣ соответствовало всей государственной системѣ этого народа. Съ цѣлью возросити крѣпкое, сильное населеніе въ странѣ, здѣсь заста-

вляти дѣвушекъ принимать участіе во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ и смѣло вмѣшиваться въ толпу мужчинъ на площадяхъ, не кутаясь въ долгополныя одежды. О томъ что Ликургъ достигъ своей цѣли — свидѣтельствуетъ всеобщее поклоненіе красотѣ спартанокъ. Замужнія женщины впрочемъ и здѣсь пользовались уже меньшею свободой въ обращеніи съ мужчинами, такъ какъ, по выраженію одной спартанки, «дѣвушка надо было сначала выискать себѣ мужа, женѣ же оставалось только сохранить его», что было вовсе не легко при распространеніи гетеръ во всей Греціи. Хотя спартанки предоставляли пряжу и тканье невольницамъ, но тѣмъ не менѣе все домоуправленіе лежало на нихъ, — и когда плѣнную спартанку однажды спросили: «чѣму она училась?» та отвѣчала: «хорошо управлять домою». Вліяніе ихъ на мужчинъ было такъ велико, что прочіе греки смѣялись надъ «спартакскимъ женовластіемъ». Плутархъ рассказываетъ, будто бы одна чужеземка сказала женѣ Леонида, что «однѣ спартанки повелѣваютъ мужамъ»; гордая супруга героя отвѣтила, что «однѣ лишь спартанки и родятъ мужей».

Каково бы ни было различіе Дорянъ и Іонянъ, но женщина въ Греціи никогда не падала такъ низко, какъ римлянка времямъ цесаризма, — и въ то время, когда Ювеналъ не находилъ словъ для порицанія распущенности римской семейной жизни, въ Афинахъ силою и рядомъ еще встрѣчались мирные домашніе очаги, подобные изображенному на нашемъ рисункѣ.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Переметка.

Въ лоцинкѣ, между двумя грядами песчаныхъ наносовъ, за четверть версты впереди цѣпи парныхъ часовыхъ, залегъ небольшой «секретъ» изъ десяти стрѣлковъ съ офицеромъ.

Дѣло было подь-утро, начиналъ брежить сфронтаный свѣтъ надъ восточнымъ горизонтомъ; началось легкое движеніе въ лагерь, невидное для «залегшихъ», потому что лагерь скрытъ былъ отъ нихъ буграми и туманною дымкою, но за то хорошо слышимое для ихъ привычнаго уха.

Солдаты сильно утомились за ночь продолжительною, упорною борьбою съ самою неотвязною сонливостью. Если часовой, стоя и прохаживаясь, не всегда можетъ удержаться отъ подозрительнаго кивка носомъ, то каково же бороться со сномъ, лежа въ очень удобной позѣ, закутавшись въ теплыя шинели!.. А бороться пришлось всю ночь — и зорко поглядывать, во всѣ двадцать два глаза, за тою чертою, что едва отдѣляла горизонтъ: — не покажется ли на той, относительно свѣтлой, полоскѣ подозрительная черная точка, — чутокъ прислушиваться, не услышатъ ли топота конскихъ копытъ, или легкаго шороха ползущаго по песку тѣла.

Но въ этомъ «секретѣ» все были охотники, любители ночныхъ и всякихъ приключеній, — а потому, находившемуся при нихъ офицеру совершенно лишнее было наблюдать за своими подчиненными, не заснулъ ли кто-нибудь изъ нихъ, убаюканный этою мертвою тишиною и неподвижностью.

Съ разсвѣтомъ — стрѣлки могли возвратиться въ лагерь (секретъ днемъ не имѣетъ никакого значенія). Имъ предоставляется право хорошо выспаться послѣ трудовой ночи, а потому, понятно, съ какимъ удовольствіемъ наблюдали солдаты — и за расширяющеюся полосой утренняго свѣта, и за увеличивающимся съ каждою минутою движеніемъ въ лагерь.

— Гляди! шепнулъ одинъ стрѣлокъ, тихо, словно про себя, не оборачиваясь къ своимъ товарищамъ, не мѣняя своей ле-

жачей позы, прямо въ упоръ глядя куда-то впередъ, въ пространство.

Всѣ и безъ этого предостереженія «глядѣли», и вѣрно всѣ увидѣли разомъ то, что видѣлъ сказавшій. Всѣ словно зарылись поглубже въ песокъ хотѣли, такъ плотно прижались они къ землѣ и затаили дыханіе... Только пальцы лѣвой руки сильно стискивали ружейные стволы, — да указательный палецъ правой руки — чуть-чуть ошупывалъ гладкую поверхность спусковаго крючка.

Это залегли тигры, когда они подстерегаютъ подходящую къ водѣ добычу... Такіе же, вытянувшіеся во всю длину тѣла, такіе же замершіе, неподвижные, — только двуногіе и сѣрые, а не четвероногіе и полосатые.

На холмѣ, на самую его верхушку, что виднѣлась темнымъ силуэтомъ передъ глазами стрѣлкова, выскакала черная точка — всадникъ, — постояла мгновеніе и скрылась. Неопытный глазъ не могъ бы съ увѣренностью опредѣлить, куда она спряталась: назадъ-ли спустилась, за бугоръ, или перевалилась на эту сторону; но опытный глазъ ясно видѣлъ послѣднее.

Вслѣдъ за этою точкою, на бугрѣ показалась цѣлая группа, но уже не пряталась, а такъ и осталась, занявъ вершину и гарцуя по ней въ разныхъ направленіяхъ.

— Слышь! такъ тихо сказалъ первый стрѣлокъ, тотъ-же что и сказалъ «глядя», и опять напрасно предупредилъ, потому что и безъ того всѣ хорошо слышали.

Онѣ слышали топотъ. Топотъ торопливый, топотъ ковыя усталого, сбивающагося съ ноги на скаку, топотъ быстро приближающійся съ каждою минутою.

Шесть человѣкъ изъ секрета сбросили шинели, быстро поползли вправо, на перерѣзъ скачущему; остальные не спускали глазъ съ бархана.

А всадникъ былъ уже близко. Онъ внимательно осматривался вокругъ себя, конь его фыркалъ и подозрительно озирался, вытягивалъ сухую, красивую морду по вѣтру — и пряталъ ушами; всадникъ былъ вооруженъ, но отцѣпилъ свое оружіе

и держалъ его въ пучкѣ, подъ лѣвой мышкою, такъ какъ держать вещь, которую употребить въ дѣло — въ виду не имѣють.

— Переметка, шепнулъ одинъ стрѣлокъ другому.

— Должно полагать; тѣ, видно, гнались за нимъ, да не догнали, шепнулъ другой, — а дальше гнать бояться; стали.

Всадникъ тронулъ коня впередъ, конь взвился на дыбы, сильно ослѣлъ на заднія ноги, всадникъ свалился, или, вѣрнѣе, его сняли съ сѣдла... Онъ не могъ крикнуть, потому что ротъ у него зажали двѣ сильныя мозолистыя ладони, — не могъ пошевелиться, потому что его мгновенно обвила и скрутила тонкая, упругая веревка, такъ и впившаяся въ его смуглое, бронзовое тѣло.

Звонко, словно серебряная струна звякнула въ утреннемъ воздухѣ, донеслась изъ лагеря сигнальная труба: «снимать секретны!»

— Ну, слава те Господи! съ удовольствіемъ вздохнулъ одинъ изъ стрѣлковъ, — новѣйшую ночь хоша не даромъ маялись, послалъ Господь какую ни на есть дичину.

Привели пойманнаго въ лагерь, разглядѣли «дичину»: лицо у него не киргизское — и не узбекское, на туркмена тоже не похоже: глаза большіе, черные, брови густыя — дугою, борода длинная, густая, курчавая, хоть и сѣдая отъ пыли, однако черная какъ смоль — по натурѣ. Самъ пойманный, — одѣтъ въ рваный халатъ, самый бѣдный, ноги босыя, желѣзными стременами до крови стертые; оружіе плохонькое; кльнчъ въ протершихся ножнахъ и мултукъ короткій съ кремнемъ; — конь же у него такой, что и за пятьсотъ «тилей» *) не легко купить, и уздечка съ сѣдломъ на конѣ вся чеканенымъ узоромъ серебрянымъ и бирюзкою украшены. Всадникъ былъ не по коню, — и это обстоятельство показалось страннымъ.

— Я «иране» (персіянинъ), рассказывалъ пойманный, — служилъ конюхомъ у самого Мать-Мурада. Слышалъ, что русскіе близко — идутъ моихъ земляковъ освобождать — теперь я бѣжалъ отъ хозяина и коня у него украсть со всею сбруею. За мной долго гнались, до самаго почти русскаго лагеря, да не догнали, потому что такой лошади, что была подо мною, нѣтъ равной во всей конницѣ Мать-Мурада. Меня еслибъ поймали — шкуру съ живаго содрали-бы, да и теперь, если попадусь какъ нибудь въ ихъ руки — пропаду... Все мнѣ спасеніе у русскихъ, и служить я буду имъ усердно. Каждую каплю крови своей отдамъ въ жертву русскимъ... А служить хорошо я умѣю. Всѣ дороги хорошо знаю; все, что дѣлается у нихъ, — все знаю... Сколько у нихъ войска, сколько пушекъ, — все знаю; у меня даже для памяти все на бумагѣ записано...

И пойманный персіянинъ, — перебѣжчикъ или переметка, какъ ихъ называютъ солдаты, — вытащилъ изъ-за пазухи лоскутокъ желтоватой бумаги, тщательно, мелко исписанный, красивымъ персидскимъ шрифтомъ.

Спросили стрѣлковъ, тѣхъ, что были въ секретѣ, — говорятъ: «точно гнались за нимъ человекъ десять, можетъ и больше, сами видѣли...

— Вотъ одинъ выстрѣлилъ въ меня, продолжалъ иранецъ, — смотрите, вотъ и знакъ отъ пули. Вотъ, смотрите.

Онъ снялъ халатъ съ одного плеча, и всѣ видѣли красный, словно обожженный знакъ отъ скользящей по тѣлу пули.

— Ну хорошо, сказалъ ему генералъ. — Будь спокоенъ, служи намъ хорошо и тебѣ будетъ хорошо — мы тебя хивинцамъ не выдадимъ, а измѣнишь — сами повѣсимъ... такъ и знай!

Толмачъ перевелъ иранцу — эту рѣчь, — тотъ сдѣлалъ низкій поклонъ, приложивъ обѣ руки къ сердцу, просіялъ весь отъ радости и попросилъ только одной милости: — не отвимать у него его лошади. На это тоже согласился. Но, на всякій случай, замѣтили ему, что за нимъ будутъ очень зорко приглядывать, пока не убѣдятся въ его вѣрности.

*) Хивинская золотая монета въ рубль восемьдесятъ копѣекъ.

Иранца велѣно было отвести въ бивуакъ туземныхъ милиціонеровъ джигитовъ, и онъ, довольный совершенно своимъ положеніемъ, пошелъ черезъ весь лагерь, сопровождаемый двумя нѣшими казаками.

Голову свою иранецъ держалъ прямо, а глаза его такъ и бѣгали по сторонамъ, такъ и выглядывали все, что только есть въ лагерѣ. И вотъ, видитъ онъ: стоитъ часовой, около него сидитъ на пескѣ человекъ, «тотъ кто имени своего называть боится»; голова у человека этого внизъ опущена, на колѣни, лица не видно...

— Сѣверный народъ хивинцы! чтобъ имъ всѣмъ передохнуть — отъ стараго до малаго! громко сказалъ иранецъ и засмѣялся.

Услышалъ эти слова сидящій, поднялъ голову, взглянулъ и вздрогнулъ, глаза у него широко раскрылись.

— Аллахъ да поможетъ тебѣ послѣ завтра... жди и готовъ будь! произнесъ иранецъ, только теперь онъ сказалъ это по персидски, а передъ тѣмъ говорилъ все узбекскимъ нарѣчіемъ.

Казаки, что вели его, хорошо понимали все, что говорилъ онъ прежде; этихъ-же послѣднихъ словъ не поняли вовсе.

— Это онъ ругаетъ его, надо полагать, замѣтилъ одинъ казакъ другому, — ну, и не любятъ-же эти иранцы хивинскаго человека — страсть!

— Кто любить кнуть да палку! замѣтилъ не безъ основанія другой.

А «сидящій» опять поникъ головою, и никтобъ не замѣтилъ того оживленія, что на секунду вспыхнуло на его лицѣ и заронило въ его сердцѣ искру надежды на спасеніе.

Въ то же утро пришелъ Досидакъ-лауча въ свой верблюжьей станъ. Онъ опять ходилъ провѣдать того человека, что имени своего боится.

— Ну что? полюбопытствовалъ Узень.

— Какъ это просто русскіе, Аллахъ ихъ бережетъ! всякому былому, что съ вѣтра нарвался, такъ сразу и вѣрять на слово. Надо глядѣть зорко, — какъ бы чего худаго не вышло!

Хлопотъ было лаучамъ много въ то утро. Верблюдовъ — тысячи двѣ штукъ — надо было въ степь вывести близъ лагеря на паству. Благо въ степи было тихо, и разбѣды принесли самыя успокоительныя вѣсти.

«Все-моя спокойно и обстоитъ благополучно!»

ГЛАВА XII.

Работники ограбленнаго каравана.

Вотъ уже третій день, какъ былъ пойманъ казаками неизвѣстный батырь. Его допросили, узнали все, что могъ только сообщить понавившійся въ плѣнъ простой джигитъ, и оставили на время въ покоѣ, какъ обыкновеннаго плѣннаго... Но вотъ, по лагерю стали все болѣе и болѣе распространяться слухи о томъ, кто такой этотъ плѣнный. Было много знавшихъ лично Атамкула, еще въ то время, когда онъ находился на русской службѣ; были между ними и такіе, что очень коротко его знали — и не могли бы ошибиться, встрѣтивъ его теперь, спустя почти пять лѣтъ. Но... и тутъ явились сейчасъ безчисленные «но», мѣшавшія высказаться точно и опредѣленно, тѣмъ болѣе что это рѣшительное признаніе личности Атамкула равнялось для него смертному приговору.

А кому охота взять на свою совѣсть этотъ приговоръ, когда шевелится, хотя бы самая микроскопическая, капля сомнѣнія!

Причинъ же — объяснять все только однимъ сходствомъ — было слишкомъ много. Какимъ, наприжѣръ, образомъ можно было допустить въ откровенномъ, грубомъ и нѣсколько простоватомъ Атамкулѣ, какимъ его всѣ знали, такое самообладаніе и находчивость во всѣхъ испытаніяхъ, такое тонкое искусство замаскировать свое лицо, замаскировать всѣ привычки, знакомыя движенія, — однимъ словомъ: все, что только могло хотя сколько нибудь его выдать?

Его, совершенно неожиданно, громко называли сзади, —

онъ не оборачивался, и даже движеніемъ плечъ не выдавалъ себя; — его спрашивали о разныхъ предметахъ, незамѣтно наводя на что нибудь подозрительное, — и этого подозрительнаго не высказывалось ни въ одно изъ словъ...

Лицомъ онъ былъ похожъ на Атамкула, это правда, но борода, хотя и жидкая, — киргизская, — нѣсколько его измѣняла... Тотъ былъ краснощекій, откормленный, лоснящійся, съ наглымъ взглядомъ и самоувѣренными движеніями; этотъ былъ худъ, блѣденъ, держался сутуловато и казался даже много ниже ростомъ... А тутъ еще шрамъ на лицѣ совершенно искажалъ черты и придавалъ имъ особенное выраженіе. Тотъ говорилъ громко и звучно; этотъ — какъ-то глухо, словно слова вылетали изъ самой глубины разбитой, чахоточной груди... А не смотря на все это многіе говорили:

— Однако, чортъ его побори, до какой степени похожъ, бестія!

И «бестія» оставался простымъ джигитомъ изъ шайки Садика, слышавшимъ что-то объ Атамкулѣ, но никогда не видавшимъ его лично.

Два только лица, во всемъ лагерѣ, не сомнѣвались въ его личности: — однимъ изъ нихъ былъ, какъ уже извѣстно, Досщакъ, — молчавшій до поры до времени; другимъ — Натанша, молчаливая изъ челоуѣколюбія...

А между тѣмъ въ русскій лагерь прибыли еще новыя личности. По той дорогѣ, откуда пришелъ русскій отрядъ, показались четыре нѣшихъ челоуѣка: — одинъ изъ нихъ былъ раненъ тѣмъ-то острымъ по головѣ, трое другихъ — здоровые. Всѣ были почти голы, только кожаные шаровары прикрывали ихъ наготу; всѣ были сильно измучены продолжительною ходьбою, и повалились на землю, едва только добрались до русской цѣпи. Ихъ, конечно, взяли и привели въ лагерь.

Это оказались бухарскіе подданные, работники одного изъ тамошнихъ купцовъ, шедшіе съ караваномъ изъ «Нурь-ата», ограбленнымъ бродячими шайками. Они рассказывали, какъ на нихъ напали челоуѣкъ сто конныхъ джигитовъ, отобрали верблюдовъ съ товарами, двухъ людей убили совсѣмъ, а одного ранили, вотъ этого самаго, что пришелъ съ нами, — и обобрали всю ихъ одежду, оставивъ только шаровары.

Они просили у русскихъ — прежде всего пить и ѣсть, такъ какъ, вотъ уже вторыя сутки, они не пили и не ѣли; затѣмъ, они просили, какъ милости, пріюта, т. е. позволенія идти пока съ русскими, — а тамъ они увидятъ, чтѣ имъ будетъ предстоить удобнаго къ возврату на родину.

Дѣйствительно, по слухамъ, знали уже въ лагерѣ, что какой-то караванъ изъ Бухары былъ ограбленъ тюркменами, и рѣшили, что эти люди и есть изъ того разграбленнаго каравана.

Прибывшихъ напоили, накормили и позволили оставаться. Они были очень довольны, благословляли русскихъ и молили Аллаха о ниспосланіи имъ всего хорошаго.

Иранецъ-переметка прежде всѣхъ познакомился съ ними, много спрашивалъ ихъ, самъ рассказывалъ, и въ тотъ же день они стали друзьями. Къ тому-же, между прибывшими оказалось тоже два персіянина, земляки, а это служило совершенно достаточнымъ поводомъ къ сближенію. Русскіе солдаты вообще очень дружелюбно относятся къ туземцамъ, особенно пострадавшимъ, — и въ тотъ же день стали называть ихъ «тамырами» (пріятелями).

Въ тотъ же день всѣ и забыли объ этихъ пострадавшихъ, и они совершенно безпрепятственно ходили по всему лагерю, — все видѣли, и, конечно, не могли не замѣтить также и плѣннаго батыра, съ которымъ пытались даже заговаривать.

И опять одинъ старый Досщакъ, брюзга и ворчунъ, былъ очень недоволенъ положеніемъ дѣлъ, — такъ недоволенъ, что рѣшился даже преодолѣть свой страхъ къ высоко-поставленнымъ лицамъ, надѣлъ свой новый красный халатъ, долго молился, стоя на коленяхъ, на разостланной кошмѣ, махнулъ рѣшительно рукою, да и пошелъ — по лагерю, направляясь прямо къ большой палаткѣ, у которой легонько покачивалось, полинялое отъ дождя и солнца, красное знамя съ семью бѣлыми звѣздами.

ГЛАВА XIII.

Д о н о с ь.

Пришлось тутъ Досщаку лавировать, пока не увидѣлъ онъ ставки — цѣли своего хожденія... Тутъ надо обойти длинный рядъ ружейныхъ козелъ, мимо котораго бродить задумчивый часовой, — тамъ тюки какіе-то сложены въ рядкѣ — тоже обходить надо... Большой крюкъ даль онъ, огибая артиллерійскій паркъ, наткнулся на лазаретныя шатры — опять обойти стороною... Споткнулся Досщакъ на протянутыя палаточныя веревки, — палатка дрогнула, — его выругали... Солдаты знакомые заговаривали съ нимъ поминутно, да и незнакомые то и дѣло приставали...

— Эй, тамыръ, куда?

— А, другъ! старый огрызокъ! чаю хочешь? иди сюда, красный чортъ, съ сахаромъ дамъ; садись!...

— Гляди, ребята, онъ съ медалью... вишь на халатѣ болтается. Досщанка, здравствуй, правдивая душа!

— Осторожижй, лѣпшій, — ружья поваляешь!...

Подобные возгласы со всѣхъ сторонъ сыпались на Досщакъ; а онъ все шелъ да шелъ, не заговаривая ни съ кѣмъ, даже не оборачиваясь на всѣ эти восклицанія и призывы, — и наконецъ, дошелъ.

Вотъ и значокъ красный, экъ у него края отрепаны! бывалъ въ передѣлахъ; вотъ и часовой стрѣлокъ стоитъ; кострюлька мѣдная такъ и горитъ на солнцѣ, паръ отъ нея идетъ, огонекъ дымится подъ желѣзнымъ таганомъ... Денщикъ бутылку откупориваетъ и полою своего кителя горлышко обтираетъ... Казачій офицеръ, только что вышелъ должно быть, на лошадь садится; а лошадь пятится задомъ, тому и не ловко... Однако сѣлъ, чуть не наѣхалъ на Досщакъ, едва тотъсторонился... Вотъ еще кто-то изъ палатки выходитъ, гремя саблюю; бумаги изъ портфеля выронилъ — ихъ и подхватило вѣтромъ... казаки откуда-то выскочили, подбирать начали, — одну бумагу и Досщакъ поднялъ, подалъ, а самъ сказать что-то хотѣлъ, да побоялся должно быть и промолчалъ... «Ну да и вѣтеръ съ утра пыче — просто такъ и рветъ!» замѣтилъ кто-то... «Начальника кавалеріи пригласить ко мѣ!» — говорилъ пріятный баритонъ въ палаткѣ... «Нарѣжь кусками — да и подавай», говоритъ кто-то за палаткою...

— Тебѣ что надо?

Досщакъ обомлѣлъ.

Усатая фізіономія прямо въ лицо ему смотритъ, глазъ не спускаетъ, да скверно такъ, ну сейчасъ вотъ зубы оскалить, ротъ разинетъ и... цапъ! — пропалъ тогда старый Досщакъ Лауча вмѣстѣ съ своимъ краснымъ халатомъ, съ медалью, съ бараньей шапкою, что мнетъ и коверкаетъ въ закорузлыхъ рукахъ.

— Знакомая морда! думаетъ Досщакъ, — въ обозѣ видать; разъ даже нагайкою ударилъ, только не больно... Джандаралъ нада — арзымъ-баръ *)! произнесъ онъ рѣшительно и громко, и сѣлъ на несокъ, противъ самаго входа, принявъ обычную, почтительную позу.

Досщакъ говорилъ по русски очень дурно, однако могъ объясниться объ всемъ довольно понятно. Онъ, въ виду важности дѣла, рѣшился вести съ генераломъ разговоръ по русски, чтобъ избѣжать толмача, переводчика, которому обыкновенно туземцы не очень-то довѣряютъ.

Не успѣлъ Досщакъ произнести эти слова, какъ генераль самъ вышелъ за чѣмъ-то изъ палатки; красный халатъ сразу бросился ему въ глаза...

— Что тебѣ? громко спросилъ генераль.

— Когда Атамкулка вѣшать будешь? сразу повелъ дѣло Досщакъ, поднялся на ноги и большой кулдукъ (поклонъ) отвѣсилъ.

Засмѣялся генераль, даже жилетъ бѣлый съ золотою цѣпью запрыгалъ у него на желудкѣ.

— Поймай, приведи — тогда и повѣшу, произнесъ гене-

*) Просьба есть.

раль смѣясь.— Я этого чудака помню, это заклятый врагъ Атамкула — я помню, кто-то говорилъ мнѣ...

— Точно такъ, ваше п—тво! почтительно говорилъ кто-то очень маленькій, за генеральскою спиною. — Это было, ваше п—тво, на переходѣ къ Нур-еку; огни тогда разложили обогрѣть озябшихъ людей...

— Джандараль! заговорилъ Досщакъ, — джандараль, зачѣмъ не вѣшалъ Атамкула? зачѣмъ поймалъ — не вѣшалъ?... убивалъ будетъ Атамкула — нельзя будетъ вѣшать. Атамкула скоро убивалъ будетъ; — одинъ день, два день —

— Да ты почему же говоришь, что *это* Атамкула? — можетъ быть это и не онъ, произнесъ генераль.

— Пускай Атамкула приводилъ — Досщанка показалъ будить.

— Распорядитесь, сказалъ генераль тому маленькому, что стоялъ сзади. — Садись, обратился онъ къ Досщаку.

Лауча тотчасъ же сѣлъ и словно зачехлѣлъ, словно это сидѣлъ на пескѣ не живой человѣкъ, а манекенъ въ костюмѣ — генераль опять шагнулъ въ палатку, — маленькій человѣкъ побѣжалъ куда-то въ сторону.

Народы Россіи. XXII. Вѣлоруссы Минской губерніи.

убивалъ... Нехорошіе люди въ лагерѣ есть: — одинъ человѣкъ не хорошій, четыре не хорошій — Атамкула возьметъ и убивалъ будетъ. Сичасъ, джандараль, вѣшать Атамкула — тогда не будить убивалъ.

Въ этой рѣчи лауча, не смотря на комизмъ выговора и положеній, было такъ много искренности, такъ много неподдѣльнаго увлеченія и настойчивости, дышала такая увѣренность въ справедливости сказаннаго, что генераль невольно нахмурился и задумался на минуту.

— «Аллахъ всемогущій, всезнающій, справедливый! не дай злему дѣлу смѣяться надъ добрымъ, не клади черную грязь на чистую голову мою... Аллахъ великій, ты одинъ Богъ надъ всѣмъ міромъ, и нѣтъ кромѣ тебя другаго!...» тихо бормоталъ Досщакъ, едва шевеля своими сухими, старческими губами.

(Продолженіе будетъ).

Народы России.

XXII. Бѣлоруссы Минской губерніи.

Бѣлоруссы, занимающіе сѣверо-западный край Россіи, считаютъ свое происхождение отъ тѣхъ двухъ великихъ отраслей восточныхъ славянъ, кривичей и дреговичей, которые только послѣ раздѣловъ Польши, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, были присоединены къ своей родинѣ, послѣ долготѣннаго политическаго отдѣленія отъ своихъ восточныхъ братьевъ и смѣшенія ихъ съ туземными жителями великаго княжества Литовскаго и царства Польскаго. Но это политическое соединеніе стало истинно-національнымъ только съ 1839 года, когда почти всѣ русскіе жители теперешнихъ бѣлорусскихъ губерній — униаты — примкнули къ лону православной церкви. Поэтому теперь вѣроисповѣданіе есть самый вѣрный признакъ ихъ національности; бѣлоруссы православнаго исповѣданія и русины представляютъ рѣзкій контрастъ съ католиками литовцами и поляками.

Вліяніе католиковъ, въ особенности іезуитовъ; водвореніе многихъ польскихъ дворянъ, которые приобрѣли себѣ большую часть земли въ Бѣлоруссіи; множество мелкой шляхты и польской челяди; наконецъ вліяніе евреевъ, осывшихъ здѣсь испоконъ вѣка, — все это наложило на коренныхъ жителей бѣлорусскихъ губерній особенный отпечатокъ, отличающій ихъ отъ другихъ русскихъ. Это становится еще очевиднѣе при сравненіи ихъ съ тѣми изъ русскихъ, разстѣянныхъ въ этихъ краяхъ, предки которыхъ, преслѣдуемые за расколъ, нашли здѣсь убѣжище въ блестящій періодъ польской исторіи, — ибо ихъ потомки остались чисто русскими, какъ по наружности, такъ и по нравамъ и даже по языку.

Въ Бѣлоруссіи не встрѣтишь людей крѣпкаго тѣлосложенія, ни многочисленныхъ семействъ, ни патриархальныхъ обычаевъ крестьянъ Великороссіи. Бѣлорусскій крестьянинъ, возвратившись послѣ тяжелаго деннаго труда въ свою жалкую хижину, находить только кружку воды для утоленія жажды и кусокъ черстватаго хлѣба, чтобы подкрѣпить свои силы. Въ праздничные и базарные дни они только отправляются въ ближайшій городъ или мѣстечко. Отслушавъ обѣдню и продавъ всѣ свои продукты, часто даже провизію, они собираются въ корчмы, гдѣ еврей-содержатели, хитростію и ложными общаніями, ловко выжимаютъ у нихъ деньги. По отношенію къ цивилизации и благосостоянію, бѣлорусскій крестьянинъ стоитъ гораздо ниже крестьянъ другихъ мѣстностей. Но не смотря на свою грубость и нищету, бѣлорусскій крестьянинъ въ высшей

степени добродушенъ, грабежъ и убійство ему незнакомы.

Бѣлоруссіа далеко не такая безплодная страна, какъ вообще предполагаютъ; но тамъ въ высшей степени негигиеничны обработкой почвы. Если бы осушить необъятныя пространства болотъ, о чемъ теперь такъ хлопчатъ, — этотъ край могъ бы быть очень богатъ, обладая множествомъ судоходныхъ рѣкъ, лѣсами и почвой, иногда очень плодородной, требующей только удобренія и прилежанія крестьянъ. Бѣлоруссію можно сравнить съ бѣдной красавицей, которая разомъ должна получить богатое наследство. Но физическія преимущества страны только тогда имѣютъ значеніе, когда ихъ оживляетъ нравственная сила. Поэтому для полученія какого-нибудь усѣбнаго результата — безусловно необходимо распространеніе просвѣщенія; только вызвавъ человѣка изъ сонливости можно возбудить въ немъ промышленную дѣятельность, улучшить обработку земли и возвысить его въ собственныхъ глазахъ.

Что касается нарѣчія бѣлорусскаго, то въ XIV вѣкѣ языкъ этотъ содержалъ въ себѣ значительную примѣсь польскаго. Официальный языкъ господствовавшій при дворѣ великихъ князей литовскихъ, на которомъ писались законы и указы, многимъ отличался отъ употребляемаго нынѣ въ низшемъ классѣ народа, такъ что нѣкоторые его называютъ русско-литовскимъ. Нарѣчіе собственно бѣлоруссовъ отличается вообще отъ языка русиновъ большимъ сродствомъ съ великорусскимъ.

Если бѣлорусскій крестьянинъ, живя на почвѣ довольно плодородной, часто однако подвергается чувствительнымъ лишениямъ, то это происходитъ отъ ограниченности его ума и отъ недостатка предприимчивости. Онъ совершенно, такъ сказать, поработченъ своей печальной глыбѣ земли, и даже боится далеко отходить отъ своей деревни. Если жатва была удачна, онъ заваливается на печь и лежитъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ, спать, пѣть и въ глубочайшей безпечности наслаждается благами, которыя ему Богъ послалъ.

Крестьянинъ этого края малъ ростомъ и худъ; глаза у него сѣрые; волосы желтоватаго цвѣта, снуганы и нерѣдко обезображены страшною болѣзью: колтуномъ. Домъ ихъ крытъ соломою, рѣдко дранью; въ нихъ нѣтъ ни печныхъ трубъ, ни половъ. Вся обстановка этихъ курныхъ избъ ограничивается етоломъ и скамьями, замѣняющими кровати. Вблизи двери находится ручная

мельница. Обыкновенной пищей крестьянина служить хлѣбъ и картофельная похлебка. Нерѣдко хлѣбъ и картофель составляютъ его единственную пищу. Во время неурожая, бѣлорусъ довольствуется даже чѣмъ-то въ родѣ мучной болтушки или лебеды сваренной въ водѣ съ горстью муки. Квасъ, какъ и у великоруссовъ, въ большемъ употребленіи. Мясо появляется лишь изрѣдка и только зимою, когда бьютъ свиней, что впрочемъ случается довольно рѣдко, ибо эти животныя еще поросятами скупаются еврейскими барышниками. Можно назвать уже довольно состоятельнымъ того крестьянина, который въ силахъ прокормить кабана отъ жатвы до жатвы.

Одежда мужчинъ состоитъ главнымъ образомъ изъ холщевой рубахи и свитки сѣтлосѣраго сукна домашняго издѣлія; эта свитка подпоясывается ремнемъ. Зимою носятъ овчинный тулупъ. Голову они покрываютъ лѣтомъ шлякомъ изъ бѣлаго войлока, цилиндрической формы на подобіе низенькой шляпы безъ полей, а зимою — мѣховою шапкой. Ноги обертываютъ себѣ ошучами; обувь ихъ — лапти. Женщины носятъ такую же свитку, какъ и мужчины, или платье польскаго покрою; лѣтомъ онѣ носятъ нестрия юбки. Голову онѣ обертываютъ платкомъ изъ грубаго холста, концы котораго надаютъ на спину. Женщины также бѣлокуры, какъ мужчины, круглолицы и почти всѣ нѣсколько надки на водку.

Крестьянскій скотъ мелокъ и хилъ; лошади не крупнѣе обыкновенныхъ коровъ, но весьма выносливы, тѣмъ болѣе, что имъ не даютъ расти и развиваться, рано начиная употреблять на работы. Тѣлги ихъ малы и безъ всякой оковки. Такого рода печальная жизнь, происшедшая отъ неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ, отразилась и въ народной поэзіи. Въ ней слышится что-то удрученное, какая-то подавленная скорбь. Рѣдко услышишь веселую мелодію; она большею частью протяжна, заунывна и монотонна, какъ и самый инструментъ: дудка, нѣчто въ родѣ волынки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой страны нѣсни сохранили еще слѣды язычества. Это легко объясняется тѣмъ, что идолы и языческіе храмы древнихъ славянъ находились въ областяхъ Днѣпра, Припечи, Сожа и верхоньевъ западной Двины. У бѣлоруссовъ сохранились нѣкоторые обычаи, игры, привычки и поговорки, указывающіе ясно на языческую древность. Во многихъ нѣснахъ остался даже тотъ самый напѣвъ, что былъ и до христіанской эры.

Борьба за Неву.

П. ПЕТРОВА.

V. Скопинъ Шуйскій и Делагарди.

Отъ разореній русскими нескоро поправилась Финляндія и по заключеніи мира въ 1504 году; страна источникъ налоговъ короля Ганса не могла ожидать скорой перемены къ лучшему и при подтвержденіи царемъ Василіемъ, въ 1510 году, мира съ Швеціею на продолжительный шестидесятилѣтній срокъ. Всѣ хорошо понимали и тогда, что срочный миръ ничѣмъ не гарантируетъ вторженія со стороны названнаго друга, когда обстоятельства дѣлаютъ безнаказаннымъ подобное нарушеніе договора. А Швеція въ правленіе Сванте Стуре, королей Іоанна и Христіана II датскихъ была исполнѣе въ безпомощномъ состояніи, такъ какъ борьба за обладаніе территоріею лишала возможности это либо предпринимать для внѣшней защиты государства, — тѣмъ болѣе когда русскіе держали сторону датскихъ королей и видѣли въ патриотической борьбѣ шведовъ — бунтъ противъ законнаго названнаго государя. Еще Іоаннъ III разорвалъ связи торговля съ ганзейцами, а между тѣмъ купцы Ганзы не могли обходиться безъ русскихъ товаровъ и стаи ихъ получать при посредствѣ

финляндскихъ торговцевъ, живавшихся несомнѣнно, но за то и платившихся цотерей своихъ прибртковъ ихъ всякой передригъ и распрѣтъ съ русскими, или охлажденіи ихъ къ шведскому правительству. Охлажденіе же очень естественно поддерживалось простымъ сознаниемъ, что эсты и шведы извлекаютъ большія выгоды изъ сѣверной торговли. А въ видахъ большаго процвѣтанія ея — для шведовъ было важнѣе всего обезнечить з: собою обладаніе корельскими погостами, между Выборгомъ и Ладожскимъ озеромъ, да и вообще мѣстностью, прилежащею къ Невѣ, составляющей лучшій и удобнѣйшій славный путь изъ Руси въ Балтику. Въ этихъ стремленіяхъ нашихъ соперниковъ, естественными преградами вліянія ихъ оказывались если не племенная рознь финскихъ племенъ, подданныхъ русскихъ и шведскихъ, жившихъ на данной мѣстности, то разность исповѣданія этихъ инородцевъ, большая часть которыхъ на сѣверѣ приняла христіанство отъ восточныхъ миссіонеровъ и твердо держалась своихъ вѣрованій, не поддаваясь уловкамъ католическихъ почитѣвшихъ пришель-

новъ. Поддерживали эту твердость въ иновѣрцахъ православные скиты и монастыри въ озерной и лѣсистой мѣстности Ладожской и Онежской. Поэтому на монастыри чаще всего направляемы были враждебныя дѣйствія католиковъ-шведовъ, а въ возмездіе за вредъ ими наносимый расплачивались передъ русскими финскія селенія— даже далеко отстоящія въ глубинѣ страны и на сѣверѣ ея. Между тѣмъ колонизація монашества все больше и больше подавалась на сѣверъ и западъ, а за нею слѣдомъ шло сооруженіе острововъ властями московскими на берегахъ моря и озеръ, сокращая промежуточное пространство между Сѣвѣрною Двиною, океаномъ и великою озерною областью, непримѣтно входившею съ сердце Финляндіи. Застройка Колы (острова) и монастырей Соловецкаго и Валаамскаго въ XV вѣкѣ показывають намъ цѣль и направленіе русской народности и вѣры, стремившихся утвердиться въ земляхъ Финскаго племени, идя съ востока на западъ,—тогда какъ шведы шли обратно, увлекаемые тѣми же побужденіями, неся свои вѣрованія и думая достигнуть успѣха такими же путями, какъ и мы. Съ установленіемъ въ Швецію прочнаго національнаго правительства въ лицѣ освободителя отечества—Густава Вазы, яснѣе сознаваться должны были прямыя интересы обладателей Финляндіи—и на эту страну очень естественно могли обратиться взоры дальновидной администраціи, чтобы достигнуть предположенной цѣли надежными средствами. Король Густавъ, какъ извѣстно, давалъ большой вѣсъ советамъ и мѣропріятіямъ, предлагаемымъ мѣстными правителями, а такія роли въ Финляндіи исполняли туземные аристократы— братья Флеминги и Граббе. Между тѣмъ они могли только еще больше поддерживать враждебность противъ Россіи, а никакъ уже не ослаблять ея. Такъ, напримѣръ, они сквозъ пальцы смотрѣли на непріязненные выходы пограничныхъ обитателей своихъ владѣній противъ русскихъ подданныхъ, не слушая ихъ жалобъ или не давая имъ удовлетворенія, не ловя разбойниковъ въ Гадерландѣ. Неудовольствіе наши противъ шведовъ росло и, наконецъ, разразилось походомъ покорителя Казани къ Выборгу, въ январѣ 1555 года. Два несчастія—потопленіе на Ревонхэнгѣ и въ озерѣ Лапвези при взломѣ льда отъ тяжести двигающейся массы людей и обозовъ—не остановили движенія русскихъ силъ, и въ мартѣ, воевода Иванъ Бибиковъ будто бы понесъ поражение отъ Фогта Кивеннаны Югана Магнуссона при деревнѣ Ютселькя. Итѣмъ же (1555 г.) шведскій адмиралъ Якобъ Вагге крейсировалъ въ Финскомъ заливѣ производя рекогносцировку всего течения Невы, слѣдствіемъ которой было убѣжденіе въ легкости отнятія у русскихъ Ингерманландіи даже, не только Кареліи: стоило овладѣть только Орѣховцемъ; но наше войско не только этого не допустило, а даже принудило храбраго адмирала и совсѣмъ уйти домой, послѣ двухнедельной стоянки на Невѣ (сент. 1555 г.). Густавъ Ваза, по первымъ вѣстямъ своего военачальника ожидалъ не то услышать, прибылъ въ Финляндію и не безъ хлопотъ и заботъ успѣлъ сосредоточить бѣжавшихъ съ Невы своихъ воиновъ, въ Асо. Расположивъ войско на зимнія квартиры въ Остеръ-Ботни, король призвалъ на защиту Финляндіи крестьянство, образовавъ изъ него ополченія и съ этими средствами приготовившись къ отпору русскихъ. Онъ не ошибся въ необходимости сбора всѣхъ мѣстныхъ силъ. Воеводы князь Щенятевъ и Палецкой, по словамъ шведовъ съ 50,000 человекъ, въ срединѣ зимы 1556 г. явились передъ Выборгомъ и предали страну на далекое пространство разоренію. Передовыя шведскія силы сожгли укрѣпленія при Кивеннашѣ и отошли далѣе, предоставивъ осадять крѣпкій Выборгъ непріятелю. Въ темную ночь, впрочемъ, сдѣлана была попытка провезти въ Выборгъ фуражъ, но русскіе не дремали— схватили всю партію, получивъ большое число плѣнныхъ обоюбого пола. Король уналъ духомъ и хотѣлъ совсѣмъ бросить Финляндію, населеніе которой оказывалось неспособно дать отпоръ непріятелю. Но на счастье шведовъ и на наше несчастье, Грозный не думалъ серьезно простирать непріязненные дѣйствія, далѣе острастки грабителямъ и отмести за убійства невинныхъ промышленниковъ. Наведи ужасъ на шведовъ, русское войско не двигалось отъ Выборга, чтобы воспользоваться паникою враговъ и ихъ разсѣяніемъ на далекое пространство. Такъ что дѣла и за бѣгствомъ короля въ столицу его, при сынѣ королевскомъ принцѣ Иоаннѣ, не только не ухудшились, а скорѣе поправлялись начали, и когда первый припадокъ страха прошелъ у правителей Финляндіи,—они стали думать о возможности покончить неудачную войну выгоднымъ миромъ и парадимъ посылать при графѣ Лейнгувудѣ изъ двухъ епископовъ (Лаврентія Петри Уисальскаго и Абовскаго Агриколы) къ концу памятнаго пораженія года. Весною 1557 г., послы заключили дѣйствительно на 40 лѣтъ миръ съ Иоанномъ IV,— задумавшимъ больше не откладывать ливонскія войны. И эта-то война сдѣлала Грознаго больше чѣмъ уступчивымъ и снисходительнымъ къ представленіямъ державы болѣе для насъ опасной, чѣмъ колебавшаяся уже Ливонія.

Мало того, царь Иоаннъ думалъ найти въ королѣ Эрикѣ XIV себѣ помощника въ борьбѣ съ Ливоніею, и шведскія войска дѣйствительно разбили подъ стѣнами Ревеля (1566 г.) поляковъ, по договору съ Кетлеромъ сдѣлавшихся обладателями остзейскаго края; но эта дружба кончилась съ низверженіемъ старшаго сына Густава Вазы, братомъ его Иоанномъ, успѣвшимъ даже заключить низверженнаго государя въ Абовскомъ замкѣ. Но боязнь чтобы оттуда не освободила Эрика рука Грознаго—повліяла и на пере-

мѣну мѣста заключенія несчастнаго короля— его перевели въ Грипо-Гольмъ. Съ похитителемъ шведскаго престола Иоаннъ Грозный не хотѣлъ жить въ мирѣ, и епископъ Юстенъ напрасно ѣздилъ въ Москву съ предложеніями союза дружбы и отложенія враждебности. Шведы открыли съ своей стороны кампанію въ Эстоніи. Взятіе Вейсенштейна нами было для нихъ потерей, но Оксзонъ Тоттъ въ томъ же году выигралъ дѣло при Лодѣ (Дукку-Линна) и этимъ поднялъ духъ шведовъ, на другой сторонѣ залива терпѣвшихъ постоянныя пораженія до того времени, а тутъ тоже перешедшихъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Флемингъ въ этомъ году (1573 г.) разореніемъ около Кексгольма и во всей приневской сторонѣ, отплатилъ за опустошеніе сѣвернаго берега Финскаго залива отъ Выборга до Гельсингфорса. За этимъ же обоюднымъ сквитаніемъ послѣдовало двухлѣтнее перемиріе, заключенное 13 іюля 1575 г. Шведы остались владѣтелями Ревеля.

Раньше наступленія даже срока русскія силы осадили Ревель (въ январѣ 1577 г.), и пока отбивались его защитники,—отецъ и сынъ Горны,—конный пафъздъ нашъ перемахнулъ по льду черезъ заливъ (въ февралѣ) и опустошилъ весь берегъ между Борго и Инго (въ Юландской губерніи). Клаусъ Акесонъ, правитель Финляндіи да Тоттъ и Германъ Флемингъ, комендантъ Выборга, не скоро успѣли сформировать кое-какія силы, но ничего съ ними путнаго не совершили, а пожалуй поспособствовали расширить театръ наѣздовъ воинскихъ до Ботническаго залива,— тогда какъ земскіе предводители— особенно Томасъ Тейошненъ изъ Эйрэнге—имѣли больше удачи въ партизанскихъ набѣгахъ на Новгородскіе ижорскіе погосты, сдѣлавшись грозой ихъ. Въ 1579 г. шведскій адмиралъ Гилленглодъ, войдя въ Нарову, истребилъ посадь Ивангородской, но не взялъ, снявъ осаду города. Въ такихъ обстоятельствахъ, въ 1580 году французскій дворянинъ Понтусъ Дела-Гарди вступилъ въ шведскую службу, обласканъ былъ королемъ Иоанномъ и сдѣлался зятемъ его (женившись на незаконной дочери короля). Храброму Делагарди царственный тестъ ввѣрилъ главное начальство надъ шведскими войсками въ Финляндіи и въ концѣ октября 1580 года изъ Выборга онъ уже пришелъ къ Кореламъ и взялъ этотъ городъ, нашъ единственный передовой оплотъ за Невую. Съ начала 1581 года Делагарди явился въ Эстляндію и одинъ за другимъ поборалъ у русскихъ всѣ города, ими завоеванные: 4 марта Раковоръ (Везенбергъ), 7-го Толсбургъ, Леаль (27 іюля), Лодѣ (22 іюля), Галсаль (9 августа), Нарву, Ивангородъ (17 октября), Яму (28 октября) и Копорье (10 окт.). Благодаря блистательному мужеству зятя, король Иоаннъ сталъ теперь титуловаться: «Божіею милостію король Шведскій, Готскій и Вендскій, великій князь Финляндіи, король Ингерманландіи и Шелонской пятаины въ Россіи, также герцогъ Эстлявъ въ Ливоніи».

Между тѣмъ, въ февралѣ 1581 г. комендантъ пишлотскій Клаусъ Германъ Флемингъ черезъ озера Пельжи и Суистсамо сдѣлалъ набѣгъ на Олонекіе погосты, а воротясь оттуда весною, лѣтомъ разорилъ Сермаксу и еще 6 погостовъ нашихъ. Всѣ семнадцать набѣздовъ русскихъ въ карельскую сторону (въ первой половинѣ 1582 г.) шведы называютъ неудачными, не помѣшавшими осадѣ Делагардіемъ Орѣховца; между тѣмъ обложеніе этой крѣпости нашей за непробитіемъ къ войску военачальника—началось осенью и приступъ сдѣланъ въ крайности, при распространившейся въ войскѣ осаждающихъ повальной болѣзни отъ сырой погоды и недостатка прикрытія. Приступъ этотъ (18 октября) былъ неудаченъ, а осенью еще разъ, шведы были побиты въ селѣ Лялицахъ (Водской патины). Это извѣстіе порадовало грустнаго Иоанна и онъ прислалъ войску въ награду золотыя медали съ своими близкими людьми. Бой при Лялицахъ начали сами воеводы Хворостининъ и Бездинъ, и не только одержали поверхность, но разбили совершенно Де-Лагарди, хотя шведскій историкъ не упоминаетъ о неудачѣ, приводя разсказъ о боѣ съ русскими въ Водской патины. Настояще неопредѣленные результаты борьбы за Неву были послѣднимъ дѣяніемъ при жизни Иоанна Грознаго. Заключено было тогда перемиріе, а съ окончаніемъ его при царѣ Ѳеодорѣ уже, 28 декабря 1586 г., сдѣлались уполномоченные наши и шведскіе, на устьѣ рѣкъ Плюсы (близъ Нарвы) и опять заключили четырехлѣтнее перемиріе, съ тѣмъ чтобы въ этотъ срокъ заключить прочный миръ.

Обстоятельства сложились иначе. Король Иоаннъ въ нисѣмъ къ царю Ѳеодору употребилъ выраженія не совсѣмъ почтительныя объ Иоаннѣ Грозномъ, и это привело къ раздраженію сына государя. Ѳеодоръ въ началѣ 1590 года послалъ многочисленное войско въ Новгородъ и Нарву и 26 января взялъ Яму на договоръ. Губернаторъ шведскій Баннеръ отступилъ къ Везенбергу. Ѳеодоръ самъ принялъ начальство надъ войскомъ и началъ осаду Нарвы (4 февраля). Февраля 19-го приступъ къ Нарвѣ былъ отбитъ, но съ потерю половины гарнизона, и затѣмъ началось безпощадное обстрѣливаніе крѣпости. Шведы изнемогли и черезъ шесть дней сдали городъ, за выпускъ свой договорившись отдать Иванъгородъ, Яму и Копорье. По заключеніи перемирія царь уѣхалъ въ Москву. По отъѣздѣ же его шведскіе уполномоченные начали споры о граничной чертѣ и никакъ не могли придти къ соглашенію. Тѣмъ временемъ, главный начальникъ шведскихъ войскъ въ Эстляндіи, нарушивъ договоръ, осадилъ Иванъгородъ, но, съ приближеніемъ многочисленнаго русскаго войска изъ Новгородъ, постыдно бѣжалъ. Въ этихъ перекорахъ и враждебно-

стяхъ прошелъ весь 1590 годъ, въ концѣ котораго, по заключенному съ Сигизмундомъ польскимъ договору, русскіе не должны были безъ поляковъ идти на шведовъ въ Эстляндіи и шведы обязались на нихъ не нападать. Между тѣмъ, откуда повезли въ Москву еще это условіе, одинъ изъ шведскихъ военачальниковъ, Гринъ, вздумалъ внезапно напасть на Новгородъ, но за шесть миль отъ него передумалъ свой отчаянный набѣгъ и на возвратномъ пути чуть не погибъ со всѣмъ, изморивъ войско отъ голода, стужи и заразы. Миръ не состоялся, а перемиріе непріятелемъ нашимъ, подобными же затѣями какъ Гриново нашествіе, безпрестанно нарушалось. Одна партія шведовъ изъ Каяны прошла по берегу Бѣлаго моря, неся опустошеніе, и приступая къ Солонечному монастырю, заняла Сумскій острогъ. Посланы были туда воеводы князя Андрей и Григорій Волконскіе. Первый изъ нихъ занялъ Солонечную обитель, а второй выбилъ шведовъ изъ Сумскаго острога, захвативъ у нихъ орудія. Прогнанные здѣсь, шведы бросились къ Печенгскому монастырю, разграбили и сожгли его. Слѣдомъ за грабителями пустился князь Григорій Волконскій — и не дошедъ до границы шведской, вступилъ въ кашпскую землю, заплативъ разореніемъ за разореніе поморья (1592 г.). Набѣгъ на Бѣломорскіе берега заставилъ царя Федора послать еще разъ большое войско на шведовъ и въ Ижорскую землю. Начальство надъ нашими войсками принялъ князь Метиславскій и повелъ онъ ихъ къ Выборгу, черезъ Орѣшекъ. Съ 6 января началась осада крѣпкого замка, 30-го отбита вылазка изъ него, но дальнѣйшихъ подвиговъ воевода не думалъ оказывать и отступилъ въ Лавритскій погостъ, откуда, разсылая отряды для разоренія мѣстности, пришелъ въ Орѣшекъ (15 марта). Причиной этого неожиданнаго отступленія была распри воеводъ князя Ф. М. Трубченко и Годуновыхъ, прогнанныхъ этимъ государя. Если мы, впрочемъ, не могли хвалиться большою удачею въ дѣлахъ со шведами, то и они, — все потерявъ, что завоевано было храбрыми Дѣла Гарди, — еще менѣе могли ожидать для себя выгоды отъ продолженія войны; поэтому, въ январѣ 1595 года послѣдовала новый съѣздъ уполномоченныхъ отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и, сно многихъ спорахъ, шведы уступили намъ Карелю — вѣчное яблоко раздора — и подписали миръ (17 января 1595 г.). Съ нашей стороны были: околичничій князь П. С. Туренинъ и дворянинъ Е. М. Пупкинъ съ дьяками Клобуковымъ и Дмитріевымъ. Съ шведской же стороны заключали миръ Ст. Банеръ, Эрланъ Бойе, Арвидъ Столармъ, да секретари Рашъ и Кранкъ. Съѣздъ былъ въ Тивзинскомъ погостѣ на р. Наровѣ, ниже Иванъгорода. Въ условіяхъ общаго мира мы обязались не требовать Нарвы и Эстляндіи; шведы — Карели, ими теперь намъ уступившей. Дань же братъ королю съ корель, жившихъ между Восточною Ботніею и Варангеръ Фьордомъ въ Лапоніи, а русскому царю — съ Лонарей, принадлежащихъ областямъ Двинской, Корельской и къ городу Колѣ. Словомъ сказать, Швеція отступилась отъ всѣхъ Корель приладожскихъ и ограничила свои требованія съ запада рѣкою Нарвою. Такъ кончилась въ коваляборба за Приладожскіе погосты въ нашу пользу — и всѣ готовы были видѣть въ тивзинскомъ договорѣ полную гарантію продолжительности дружельюбія между двумя сѣверными сосѣдями, когда не представлялось уже повода къ распри.

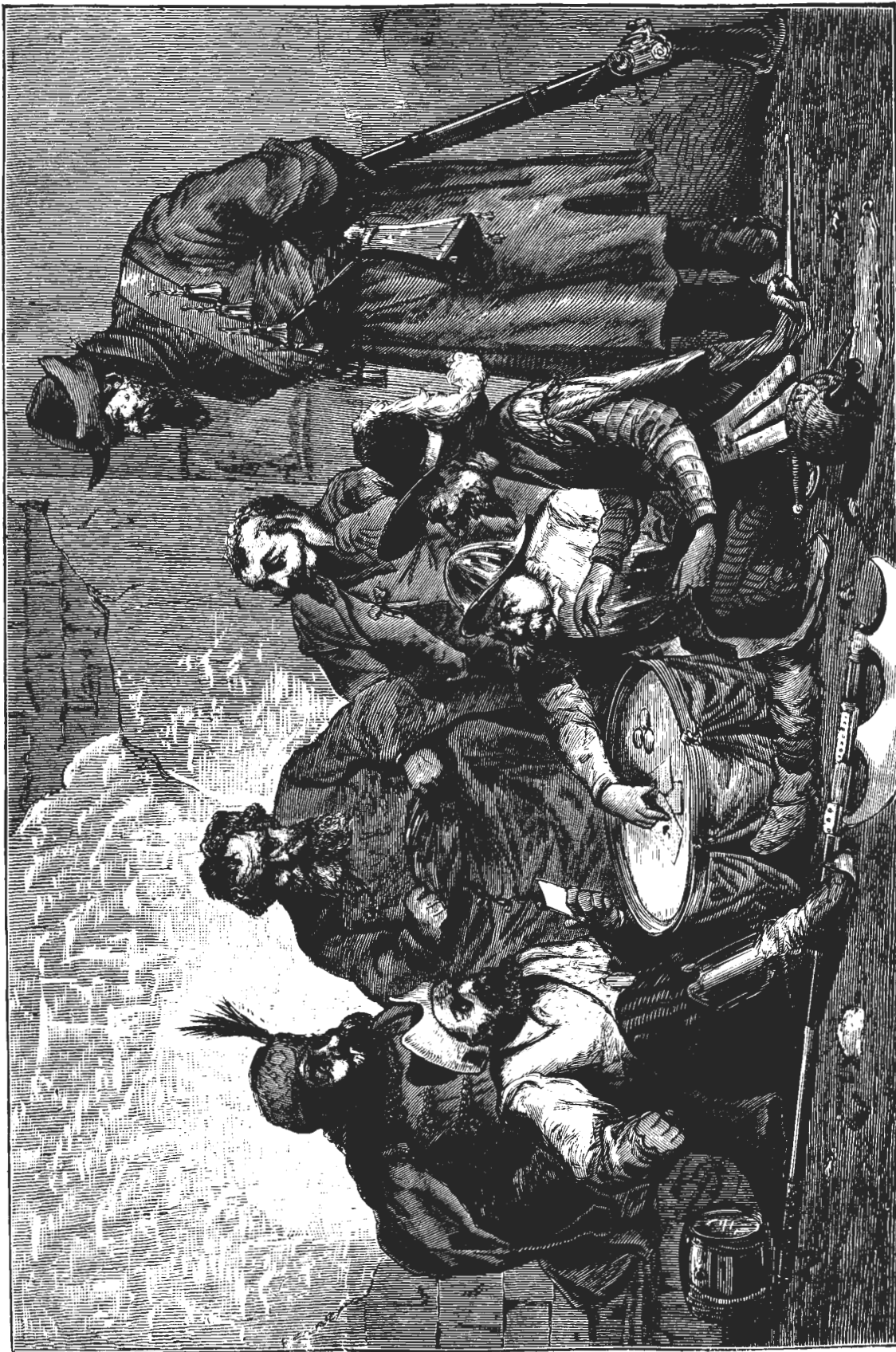
Судьбы провинціи судили иначе. Нужно было смутю первого самозванца и истребленіемъ рода царя Бориса — только начаться бѣдамъ Россіи, а закончиться имъ послѣ тяжкихъ жертвъ междуцарствія и народнаго возстанія на защиту отечества — общимъ порывомъ отраднаго чувства любви къ родинѣ. До этого вождельнаго событія — сумрения земли русской, пришлось увидѣть патріотамъ отторженіе большей части Новгородской области за широко-высчитываемой горораріи шведамъ, давившихъ только пять тысячъ вспомогательнаго войска царю Василью Шуйскому, въ 1609 году. А эта горсть чужестранцевъ надѣлавшихъ пожауи большаго вреда чѣмъ пользы и потомъ перешедшихъ къ врагамъ нашимъ — понадобилась царю, выбранному Москову, для разогнанія всякой сволочи, грабившей и безчинствовавшей подъ знаменемъ самозванца — Тушинскаго царика, осадившаго столицу. Тогда и король польскій вторгнулся въ наши предѣлы съ запада, тоже заявляя требованіе уступки Смоленска за кровь поляковъ, перебитыхъ при истребленіи первого самозванца, который явился къ намъ при поддержкѣ скопищъ поляковъ, тогда какъ съ Польшею считался у насъ вѣчный миръ. Вотъ откуда бѣды разразились подъ несчастною Русью и привели за собою тяжелую расплату частью территоріи нашей.

Мы впрочемъ не должны, описывая борьбу за Цеву, касаться чего-либо другаго, что не тѣсно связано съ вопросомъ объ Ижорской землѣ, а потому переходимъ прямо къ прослѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Когда, какъ мы уже сказали, Тушинскій царикъ настолько усилилъ шайки своихъ приверженцевъ, что сталъ держать въ осадѣ Москву, а поляки и Мишекъ съ дочерью, отправленные съ королевскими послами, оказались перешедшими на сторону самозванца, — царь Василій послалъ своего племянника, князя Михаила Васильевича Скопина въ Новгородъ собирать войско и нарядитъ посольство въ Швецію для найма тамъ и въ Германіи — ратниковъ. Это было въ 1609 году осенью. Скопинъ послалъ въ Швецію своего шурина Семена Васильевича Головина съ дьякомъ Васильевымъ. Въ началѣ января 1609 г. (3 янв.) король Карлъ IX уже писалъ грамоту въ Новгородъ, гдѣ говорится, что

назначается главнымъ начальникомъ вспомогательнаго войска въ Россію графъ Йохимъ Фридрихъ Мансфельдтъ. Февраля 28, 1609 г., въ Выборгѣ посланные Скопина подписали договоръ о томъ, что король даетъ 2,000 чел. конницы и 3,000 чел. пѣхоты царю — и царь платитъ этому войску по 100,000 эфимковъ въ мѣсяцъ до вступленія въ Москву; въ столицѣ же плата удваивается. Говорилось въ договорѣ, что присылка помощи дѣлается королемъ «по дружбѣ и въ надеждѣ, что царь въ случаѣ надобности окажетъ такую же помощь войскамъ Швеціи; а случая нѣсколько времени, шведы заявили, что и русскіе должны, черезъ 11 недѣль послѣ движенія шведскихъ войскъ съ рубежа на службу царскую, — «содѣлать Швеціи вѣчно» Корелю — за ту же благодать и благовременную помощь. Крайность положенія заставила Скопина согласиться признать эту явную недобросовѣстность названныхъ друзей. Вѣроятно онъ думалъ, если поправится обстоятельства — все поправитъ какъ слѣдуетъ; но уступленнаго волею или неволею воротить ему не пришлось и поправить можетъ быть невольный промахъ (кажется, дѣло шло сперва о томъ, чтобы Корелю отдать въ обезпеченіе уплаты не больше, а не вѣчно) — тоже. Или можетъ быть за уступку — то Корель, вмѣсто 5,000 человекъ, король и далъ 12,000 (8,000 чел. конницы и 4,000 чел. пѣхоты), съ которыми Скопинъ и выступилъ изъ Выборга 3 марта 1609 года, къ Новугороду. Но, не доходя до Орѣшка еще, Скопинъ узналъ о предательствѣ воеводы Иванъ-городскаго, принявшаго какъ и исковитане сторону самозванца, и о сомнительной вѣрности самого Новугорода законному царю. Воевода же Орѣшковскій Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ-Рубецъ, сторонникъ Сигизмунда, лично Скопину оказывалъ явную непріязнь, не впуская царскаго уполномоченнаго даже въ крѣпость свою. Благодаря митрополиту Писидору, неблагопріятные дѣлу русскому навѣты враговъ порядка и сѣятелей смуты, не подѣйствовали и Новгородъ принялъ Скопина съ почетомъ, даже далъ дружину для приведенія Пскова къ покорности; дружина эта нанесла поражение возмущившимся Псковитянамъ, но не обратила ихъ. Они перешлись въ городъ и приготовились къ осадѣ. Скопину нѣкогда было ею заниматься, а нужно было спѣшить къ Москвѣ. Между тѣмъ сторонникъ Самозванца, яхъ Кернозицкій успѣлъ подойти къ Новугороду съ 4,000 челов. войска и остановиться на Хутыни. Эта вздорная попытка его между тѣмъ ни къ чему не привела и заставила бѣжать самого, съ приближеніемъ войска Скопина. Апрель 5 вступили въ Новугородъ и шведскія вспомогательныя войска, предводимые сыномъ героя (нашедшаго смерть при переправѣ черезъ Нарову въ 1585 г.) Понтуса Дѣла Гарди — Яковомъ. Часть шведовъ немедленно послана занять Старую Русу — чтобы запретить литовцамъ доступъ къ Новугороду и во флангъ главной арміи. Это порученіе дано храброму Эверту Горну; а онъ, найдя въ Русѣ литовцевъ, не только выбилъ ихъ оттуда, но преслѣдуя очистилъ еще и Торонецъ, привелъ жителей къ присягѣ Василью. Изъ Торонца же двинувшись на соединеніе со Скопинимъ, Горнъ нашелъ Кернозицкаго у Троицы на Холковицѣ и побилъ литовцевъ тамъ на голову, взявъ приступомъ и монастырь, гдѣ они думали укрыться.

Другая партія, посланная Скопинимъ, очистила Торжокъ; новыя же силы Литвы подъ начальствомъ Зборовскаго оиатъ пришли туда отъ Твери — и тогда Скопинъ и Горнъ разбили ихъ здѣсь на голову. Вслѣдъ за тѣмъ подошелъ и Скопинъ къ Торжку. Тушинцы между тѣмъ 25 іюля вздумали напасть на Москву, но вмѣсто ожидаемаго торжества наши пораженіе. Затѣмъ, 13 іюля Скопинъ взялъ Тверь, но не хотѣлъ вдосталь добить литовцевъ. Изъ-за его отказа въ этомъ произошелъ разладъ съ Деллагарди, который затѣмъ поворотилъ назадъ къ Новугороду. Уже въ Крестцахъ посланные Скопинимъ могли уговорить хабрѣнца воротиться и идти къ Москвѣ. Скопинъ 29 іюля пришелъ къ Калязину монастырю; а Деллагарди, занявъ острогъ въ Твери, оставленный поляками, не хотѣлъ идти далѣе, жалуясь на недоплату денегъ по условію, и за тѣмъ, отпавивъ къ царю съ грамотою двоихъ изъ своихъ, ушелъ снова въ Торжекъ (2 авг.). Между тѣмъ Скопинъ заключилъ съ шведскимъ полковникомъ Земеръ — при немъ оставившимся съ чествомъ войска — договоръ (21 августа 1609 г.) о сдачѣ Карель, не медленно по явкѣ въ Москву Деллагарди. Самъ царь его убѣждалъ двинуться, увѣряя что въ Москвѣ будетъ полная расплата, а Скопинъ послалъ 11,000 рублей соболями и деньгами. Между тѣмъ въ Псковѣ вспыхнула мятежь въ пользу Самозванца, а литовскіе вожди его: Зборовскій, Салѣга, Лисовскій и Заруцкой — подошли къ Скопину стоящему въ Калязинѣ монастырѣ — и заставили его дать сраженіе на правомъ берегу Жабны, гдѣ онъ разбилъ ихъ на голову и гналъ до Рябова монастыря. Слѣдствіемъ этой побѣды было новое пораженіе литовцевъ Лаврскими защитниками, ободрившимися при радостной вѣсти. Наконецъ 16 сентября, Дѣла Гарди пришелъ въ Калязинъ, увидя что и безъ него справились. Шведы здѣсь были удовлетворены жалованьемъ и со Скопинимъ пришли въ Переяславль, а самъ Скопинъ въ Александровскую слободу, послалъ оттуда 900 ратниковъ на помощь Лаврѣ (19 окт.), а самъ выдержалъ бой въ слободѣ съ литовцами — и сперва разбитый, потомъ самъ имъ нанесъ пораженіе — оиатъ безъ пособія Дѣла-Гарди. Дѣла Москвы, оцѣленной скопищами тушинцевъ, поправились только съ бѣгствомъ царика въ Калугу. Черезъ недѣлю послѣ того Валувевъ, посланный Скопинимъ, напалъ на таборы осаждавшихъ Лавру Троицкую и заставилъ Совѣгу съ Лисовскимъ послѣ упорнаго боя

Борьба за Неву. У. Шведы Делгарди и ратники Шуйскаго. Лагерь подъ Коломенскимъ.

Рис. А. Густавсонъ. Грав. Заблоцкій.

бѣжать оттуда (12 янв. 1610 г.). Сашга ушелъ въ Волоколамскъ, а Дмитровъ очищенъ княземъ Куракинѣмъ, поразившимъ здѣсь литовцевъ (7 февр. 1610 г.), а марта 12 вступилъ Скопинъ въ Москву. Освободитель лавры—Валуевъ между тѣмъ настигъ литовцевъ, очистившихъ уже Волоцкой монастырь, разбилъ ихъ и освободилъ плѣннаго митрополита Филарета, тогда какъ Шведы взяли только Старицу и Ржевъ и осадили Вѣлмй, при которомъ между наемщиками въ вспомогательномъ корпусѣ стали чаще оказываться перебѣжчики къ полякамъ. Скопинъ уже скоро долженъ былъ оставить столицу, чтобы ѣхать подъ Смоленскъ, осаждаемый Сигизмундомъ, — но вдругъ, внезапно умеръ 22 апр., какъ думали многіе современники, отъ яда, даннаго въ винѣ женою дяди—князя Дмитрія Шуйскаго.

Подозрѣваемаго въ гибели героя Михаила Скопина, этого самаго Дмитрія Шуйскаго, царь Василій сдѣлалъ военачальникомъ, отправивъ его со шведскими войсками. Придя къ Клушину — гдѣ Валуевымъ построены остроги и послѣдовало соединеніе со шведами подъ начальствомъ Горна,—кн. Дмитрій Шуйскій осажденъ

требованиями наемниковъ: денегъ! Неопытный вождь рѣзко отказалъ просителямъ и возбудилъ противъ себя общее раздраженіе праздныхъ искателей приключеній, удерживаемыхъ только корыстью въ станѣ, гдѣ все имъ было чуждо. О дисциплинѣ нечего и спрашивать; о совѣсти — меньше того. Бродяги пьянствовали, проигрывались, нуждались всячески—въ грошъ не ставили дѣлаемыя имъ обѣщанія безъ звонкихъ доказательствъ. Отказъ въ деньгахъ такимъ людямъ могъ прежде всего, какъ и случилось,—привести ихъ къ измѣнѣ. Горнъ не устыдился войти въ сношеніе съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и предложить ему идти прямо на русскихъ, потому что они шведы не хотятъ имъ помогать и не будутъ биться. Жолкѣвскій не заставилъ себя просить: соединился со Зборовскимъ и прочими тушинцами и подступилъ къ Цареву Займишу, и на разсвѣтъ 24 юня напалъ при Клушинѣ на Шуйскаго. Наемники предатели выдали — и русскіе разбиты наголову. Мало того, мнимые друзья шведы тоже помогали литовцамъ бить русскихъ и грабить казну.

Какъ ихъ судить?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

IV.

Въ семи верстахъ отъ города Новогрутова, по большой дорогѣ на Москву, лежитъ помѣщичье имѣніе Екатериновка, со тремя тысячами жителей малороссіянъ, замѣчательное по своему красивому мѣстоположенію и наружному виду. Особенно хороша Екатериновка въ лѣтнее время, когда распускаются деревья, и въ зелени скромно и кокетливо выглядываютъ маленькіе, бѣлые, крестьянскіе домики. По срединѣ Екатериновки лежитъ обширный паркъ, окруженный каменной оградой и примыкающей къ быстрой и свѣтлой рѣкѣ Грунтовкѣ, омывающей Екатериновку. Господскій домъ находился въ оградѣ, въ началѣ парка. Это было огромное зданіе, съ претензіями на готическій вкусъ, но, въ своемъ родѣ, очень красивое и, по своей огромности, сравнительно съ другими зданіями въ Екатериновкѣ, даже величественное; бѣлый цвѣтъ его, рельефно обозначившійся среди окружавшей его зелени, придавалъ ему много красоты. Отъ воротъ въ оградѣ, со львами и прочими атрибутами, до параднаго подъѣзда въ домѣ, шла густая, тополевая аллея, усыпанная желтымъ пескомъ. Владѣлецъ этого имѣнія, Захаръ Матвѣевичъ Дребезгинъ, жилъ постоянно въ Петербургѣ, — и поэтому господскій домъ, послѣ смерти его родителей, былъ нѣсколько лѣтъ необитаемъ и находился въ крайнемъ запустѣніи; но женившись и проведя лѣто, въ первый годъ супружества, съ молодою женою за границу, Дребезгинъ на второй годъ избралъ для своей лѣтней резиденціи Екатериновку, отдавъ ей предпочтеніе предъ другими своими владѣніями, за обширность дома и красивое мѣстоположеніе. Въ эти полтора года замужества, Алевтина Михайловна крайне пережѣнилась, какъ по наружности, такъ и по характеру. Она все еще была прелестна; но нѣжный карминный румянецъ ея нухленькихъ щочекъ исчезъ, щочки втянуло и рѣзко обозначились линіи, синіе глаза утратили свой блескъ, а голосъ — звучность, только бюстъ ея сдѣлался еще роскошнѣе и заманчиво обрисовывался при тонкой талии. Алевтина Михайловна была глубоко несчастлива въ этомъ бракѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, и самыя Мономаховы сознавали, что сдѣлали большую ошибку, отдавъ ее за Дребезгина. Онъ вовсе даже не былъ настоятельно богатъ, какъ они предполагали. Дребезгинъ дѣйствительно имѣлъ нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ, но незначительныхъ, и изъ нихъ самымъ большимъ была Екатериновка; всѣ они принадлежали ему лишь номинально. Мономаховы не знали, что, служа въ гусарахъ и разъѣзжая по теплымъ водамъ въ Германіи, Дребезгинъ тратилъ суммы не по средствамъ и имѣлъ несчастную страсть къ игрѣ; деньги доставлялись ему на этотъ предметъ управляющими за страшные проценты, — вскорѣ долги стали превышать стоимость имѣній; кромѣ того, они были совершенно разорены въ хозяйствѣ и, при дурномъ управленіи, приносили весьма мало дохода. Од-

нако, въ надеждѣ составить выгодную партію, Дребезгинъ употреблялъ всевозможныя мѣры удержать ихъ, для видимости своего состоянія, за собою. Приданое Алевтины въ шестьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами онъ считалъ очень незначительнымъ и пренебрегъ-бы имъ, если бы дѣла его въ то время не дошли до ликвидаціи, или если бы онъ имѣлъ въ виду другую невѣсту; къ тому-же, онъ рассчитывалъ, при неопытности Алевтины, на продажу двухъ каменныхъ ея домовъ, приносившихъ, въ общей сложности, въ годъ до сорока тысячъ. По полученіи послѣ свадьбы наличныхъ денегъ, Дребезгинъ тотчасъ же употребилъ ихъ на уплату части своихъ долговъ. Что же касается до продажи домовъ, то онъ крайне ошибся въ расчетѣ: онъ предполагалъ, что, женившись на Алевтинѣ, онъ вмѣстѣ съ этимъ дѣлался, съ ея согласіемъ и по закону, опекуномъ или попечителемъ надъ нею, какъ надъ несовершеннолѣтнею, которая не могла располагать своимъ состояніемъ до 21 года; такимъ образомъ, онъ устранилъ бы Мономаховыхъ и, убѣдивъ или упривисъ Алевтину, могъ бы располагать ея собственностью по произволу. Но имѣніе барона Цадебея было не родовое, а благопріобрѣтенное, а потому распоряженіе оставшимся послѣ смерти его имуществомъ совершенно зависѣло отъ воли завѣщателя, — въ духовномъ же завѣщаніи барона Цадебея, относительно домовъ, было сказано, что они должны находиться подъ управленіемъ Мономаховыхъ, даже и по выходѣ Алевтины замужъ, до достиженія ею полныхъ двадцати пяти лѣтъ, послѣ которыхъ она могла всецѣло располагать ихъ продажей и прочее. Мономаховы же, при первомъ предложеніи Дребезгина о продажѣ домовъ Алевтины, отбѣчали полнымъ отказомъ, зная уже въ то время о его разстроенныхъ дѣлахъ. Этотъ отказъ поселилъ у Дребезгина страшное озлобленіе — какъ на Мономаховыхъ, такъ и на ни въ чемъ неповинную свою жену.

Встрѣчаясь съ Дребезгинымъ въ обществѣ, его легко можно было счесть за образованнаго человѣка. Въ кабинетѣ его всегда обрѣталось два-три періодическихъ изданія за послѣднее время, изъ которыхъ немногіе листочки были разрѣзаны и разорваны, и нѣсколько лучшихъ газетъ; но на самомъ дѣлѣ Дребезгинъ читалъ лишь со вниманіемъ одинъ «Русскій Инвалидъ», — въ прочихъ газетахъ только просматривались новости дня, да нѣкоторыя объявленія — и въ томъ числѣ извѣщенія о погребеніяхъ. Что же касается до журналовъ, то они брались въ руки на сонъ грядущій — и сначала осматривалось въ нихъ заглавіе, потомъ выбиралась статья въ смѣси или беллестристикѣ — и прочитывалась страничка, или много двѣ, послѣ чего книга упала изъ рукъ и опять засыпалъ. Иногда эта страничка такъ и забывалась, а иногда приходила на память, и онъ говорилъ о ней въ обществѣ. Да и читать-то Дребезгину рѣшительно не было времени. Дребезгинъ обыкновенно вставалъ въ одиннадцатомъ часу,

пиль чай, умывался, одѣвался и уѣзжалъ изъ дому на цѣлый день до ночи, то по службѣ, то съ визитами, то въ театръ и проч.; при такой жизни, квартира ему нужна была только собственно для ночлега, а обѣдъ приготавлился поваромъ на случай, — но Дребезгинъ обѣдалъ постоянно у Бореля, Дюссо, Палкина или у Доминика и изрѣдка у кого изъ знакомыхъ. Пробыть дома цѣлый день онъ считалъ арестомъ. Отвыкнуть отъ этого образа жизни, продолжавшагося десятки лѣтъ, Дребезгинъ не имѣлъ силъ. Алевтина, вскорости послѣ своего замужества, не видала своего мужа по нѣсколько дней. Это былъ старый заматерѣлый холостякъ, и присутствіе въ его домѣ женщины крайне тяготило его. Онъ былъ всегда къ женщинамъ до нес plus ultra вѣжливъ, внимателенъ, подчасъ нускался въ разговоры; но задушевный взглядъ его на нихъ состоялъ въ томъ, что это какія-то странныя существа, которымъ мужчины обязаны улыбаться, говорить съ ними преимущественно въ пустякахъ, — а если о чемъ съ ними разсуждается серьезно, то это дѣлается такъ собѣ, для чего-то, чтобы и себя показать и доставить имъ удовольствіе, что, молъ, вотъ какъ я тебя считаю, даже о дѣлѣ говорю... Между тѣмъ, Дребезгинъ былъ большой поклонникъ женской красоты и проживалъ на извѣстныхъ женщинъ огромные куши; взглядъ его на красоту былъ оригинальный: такая молоденькая и очаровательная дѣвушка, какъ Алевтина, могла поправиться ему лишь на мгновенье, и онъ скучалъ въ ея обществѣ. Вышедши за Дребезгина за мужъ, Алевтина не нашла въ немъ ни одного звѣна, которое могла бы привязать ее къ нему.

Однажды, вскорѣ послѣ выхода въ замужество, когда Дребезгина еще жили въ Петербургѣ, Алевтина сидѣла въ обширной квартирѣ одна.

— Г. Пивоваровъ, доложилъ ей человѣкъ, — привезъ вамъ ноты отъ ея превосходительства и желаютъ васъ видѣть лично.

— Прости, сказала Алевтина, слегка пожавъ плечами отъ недоумѣнія при желаніи Пивоварова, не пользовавшагося ея благосклонностью, видѣть ее. Пивоваровъ явился. Передавая ноты Алевтинѣ, онъ оставилъ еще въ своихъ рукахъ какой-то свертокъ, похожій на большую тетрадь, скрученную въ трубочку. Алевтина замѣтила, что Пивоваровъ находился въ большомъ смущеніи.

— Это у васъ тоже ноты? спросила Алевтина, въ надеждѣ избавить его отъ замѣшательства.

— Нѣтъ-съ... Перебирая вчера свой письменный столъ, находящійся въ большомъ беспорядкѣ, я въ одномъ изъ ящичковъ его нашелъ вотъ эту тетрадь, вѣроятно позабытую бывшимъ моимъ предѣстникомъ, г. Заварницкимъ... Это нѣчто въ родѣ его дневника и записки нѣкоторыхъ мыслей о воспитаніи... Мнѣ неизвѣстенъ адресъ г. Заварницкаго; говорятъ, его давно уже нѣтъ въ Петербургѣ, онъ уѣхалъ въ провинцію.

— Мнѣ тоже это неизвѣстно... Я не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній. Ближе вамъ было-бы спросить у дяди или тети; можетъ быть, они знаютъ, замѣтила покраснѣвъ Алевтина.

— Но, отвѣчала Пивоваровъ; — я бы не желалъ передать имъ...

— Въ такомъ случаѣ, самое лучшее сжечь эту тетрадь, проговорила Алевтина, поблѣднѣвъ и презрительно смотря на него. Если бы она сама нашла эту тетрадь — она берегла бы

ее какъ дорогую вещь и хранила бы у себя; но предложеніе Пивоварова, повидимому желавшаго отдать ее, казалось ей наглостью, и она боялась какой нибудь ловушки. Положеніе Пивоварова было также затруднительно: напешни тетрадь и пробѣжавъ нѣкоторыя мѣста, Пивоваровъ догадался о происходившемъ въ домѣ Мономаховыхъ, до его прїѣзда, между Алевтиною и Заварницкимъ, — и во вѣтренности своей, не подумавъ, какъ примется его предложеніе, захотѣлъ подслушаться, на всякій случай, подарить ей эту тетрадь.

— Алевтина Михайловна, отвѣчала Дребезгиной, краснѣя и утирая выступавшій потъ, Пивоваровъ: — я знаю, что поступилъ чрезвычайно глупо, осмѣлившись принести къ вамъ эту тетрадь, но клянусь вамъ, я не имѣлъ другой мысли, какъ доставить вамъ минутное развлеченіе. Тетенка ва шампѣ говорила, что Заварницкій былъ человѣкъ развитой и умный, съ которымъ вы любили бесѣдовать; потомъ какая-то неисправность его заставила ея превосходительство, въ пылу гнѣва, отказать ему отъ мѣста. Поэтому я предположилъ, что вамъ не безынтересно прочесть будетъ нѣкоторые искренніе взгляды, вложенные для самого себя, человѣкомъ, съ которымъ вы когда-то бесѣдовали. Клянусь, я говорю истинную правду... Не наказывайте же меня незаслуженнымъ подозрѣніемъ... Самъ я прочелъ въ рукописи только первый листочекъ...

Алевтина Михайловна слушала его со вниманіемъ и находила искренность въ тонѣ его словъ; тѣмъ не менѣе она приготовила ему рѣзкій отвѣтъ и отказъ отъ тетради, но сама не зная какъ сказала совсѣмъ другое.

— Пожалуй, проговорила она громко Пивоварову, — оставьте тетрадь у меня.

Пивоваровъ сейчасъ-же и откланялся. Рукопись Заварницкаго послала общее заглавіе: «Notes», въ ней были длинныя разсужденія о воспитаніи, рецензіи на новѣйшія книги и на поляхъ короткія замѣтки, чтдъ взять въ библіотекѣ. Тетрадь съ перваго взгляда представляла хаосъ, но Алевтина, перечитывая ее, какъ-бы переживала прошлое и видѣла Заварницкаго предъ глазами. Здѣсь было все то, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ нею, даже значились книги, которыя онъ совѣтовалъ и давалъ ей читать. Но со второй половины тетради — мысли и взгляды — ей стали попадаться новые, незнакомые. Алевтина поняла, что тетрадь эта была обдуманнй планъ полного ея перевоспитанія — и не могла не улыбнуться. Въ каждой замѣткѣ она видѣла заботливость о ней любимаго человѣка, желаніе сдѣлать ее счастливою, — хоть и по своему, но все же счастливою. Она увидѣла, что Заварницкому, по краткости времени, удалось только начать свое дѣло, а потому ранѣе исполненія своего плана этотъ благородный человѣкъ не смѣлъ ей сдѣлать никакихъ предложеній; но что онъ любилъ ее — это ей подсказалъ женскій инстинктъ — въ сценѣ при прощаніи, въ его раздраженіи и горькихъ упрекахъ при извѣстіи о женихѣ, наконецъ, въ тѣхъ моментахъ, когда молодой человѣкъ едва сдерживалъ порывъ своихъ чувствъ. Алевтина упрекала его лишь въ томъ, зачѣмъ онъ такъ медленно велъ свое дѣло, упрекала себя въ нерѣшительности и сѣтовала на несчастіе, что ей ранѣе, до свадьбы, не попала въ руки эта рукопись.

— О! я бы тогда имѣла силы, восклицала Алевтина, — къ отказу, и не посмотрѣла-бы на всѣ просьбы и убѣжденія Мономаховыхъ!..

(Продолженіе въ слѣд. №).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Народное просвѣщеніе.

— Государь Императоръ, 27-го іюля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ Кіевской Духовной Академіи стипендій подъ наименованіемъ «Варваринской» на проценты съ пожертвованнаго вдовою штабсъ-капитана Варварою Львовою капитала въ 4,000 рублей.

— Въ «Одес. Вѣстн.» пишутъ, что приливъ учащихъ въ одесскія учебныя заведенія

въ настоящемъ году такъ великъ, что ни въ реальномъ училищѣ, ни въ правительственныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ первомъ классѣ нѣтъ ни одной канансіи. Прочіе классы, особенно низшіе, также переполнены.

— Въ Витебскѣ, въ февралѣ сего года, мѣстнымъ благотворительнымъ Обществомъ открыта первая въ городѣ библіотека для чтенія.

— Въ последнее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 1 сентября учительская семинарія въ Псковѣ; 3 сентября двухклассныя училища въ селѣ Удосола Ямбургскаго уѣзда и Путиловское въ Шлисельбургскомъ уѣздѣ; 12 сент. въ Пензѣ учительская семинарія; 20 сент. въ Старой Ладогѣ одноклассное училище; въ Новгородской губерніи открыты въ теченіе сентября двухклассныя училища Вѣдомства

Министерства Народнаго Просвѣщенія: *Рапторновское* въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Короствинское* въ Старорусскомъ и *Молвотичское* въ Демьянскомъ.

— Въ Харьковѣ, въ зданіи 3-й гимназіи, начались народныя воскресныя чтенія о предметахъ христіанской вѣры и нравственности.

Военное и морское дѣло.

— Изъ Закаспійскаго военнаго отдѣла сообщаютъ въ газету «Кавказъ», что всѣ туркмены-юмуды, находившіеся въ рабствѣ у персіянъ, нынѣ освобождены отъ плѣна.

— 18-го сентября произведена была въ Кронштадтѣ, какъ сообщаетъ «Кронштадтскій Вѣстникъ», первая проба машины двухбашеннаго броненоснаго корабля «Петръ Великій». Машина эта, въ 2,400 нарицательныхъ силъ, самая сильная изъ машинъ всего міра, когда либо поставленныхъ на броненосцахъ. Съ самаго начала дѣйствіе машины было безукоризненно. Она работала въ продолженіе 8 часовъ и ни разу не приходилось останавливать хода.

— Винтовой 12-ти пушечный фрегатъ «Святлана», подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича, прибылъ въ Кронштадтъ 21-го сентября, послѣ необыкновенно быстрого и счастливаго, какъ сообщается въ «Крон. Вѣстникѣ», перехода. Фрегатъ вышелъ изъ *Копенгагена* 18-го сего сентября.

— Паровая яхта-шхуна Государя Императора Цесаревича «Царевна» получила недавно приказаніе, писать въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», отправиться въ Черное море, гдѣ она и будетъ зимовать.

— 20-го сентября пришла, какъ сообщаютъ въ «Крон. Вѣстн.», въ Кронштадтъ изъ Архангельска винтовая шхуна «Полярная Звѣзда», присланная для постановки на ней новыхъ котловъ. Шхуна вышла изъ Архангельска 29-го іюня и, имѣя неполнѣ надежную машину, слѣдовала все время норвежскими шхерами, начиная отъ Гаммерфеста до Бергена, заходя на пути въ Дронтеймъ и Христіансандъ. Плаваніе живописными и разнообразными норвежскими шхерами принадлежить къ числу самыхъ интересныхъ, какія только можно сдѣлать въ Европѣ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ сомнѣнія, что оно было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ для нашихъ моряковъ.

— Построенный недавно въ Кронштадтской шлюпочной мастерской паровой катеръ, для Князя Черногорскаго, снабженъ машиной, изготовленной на Кронштадтскомъ паровомъ заводѣ. Онъ выстроенъ по чертежу пароваго катера «Птичка», принадле-

жащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генераль-Адмиралу, и былъ уже испытанъ на водѣ какъ въ ганани, такъ и на рейдѣ.

Пути сообщенія и телеграфы.

— Телеграфная корреспонденція между Россіею и Австріею до настоящаго времени передавалась при посредствѣ нашихъ телеграфныхъ станцій въ Варшавѣ и Житомирѣ и австрійскихъ станцій въ Краковѣ и Лембергѣ. Нынѣ, по соглашенію съ австрійскимъ правительствомъ, учреждена прямая непосредственная передача депешъ между Варшавою и Вѣною и между Кіевомъ и Лембергомъ.

— Телеграфная линия между Кадниковомъ и Устюгомъ (Вологодской губерніи) совершенно устроена, и 27-го іюля на Кадниковской станціи открытъ приемъ депешъ. Линія эта продолжится до Вологды и соединитъ ее такимъ образомъ съ Архангельскомъ, а этотъ послѣдній со всею телеграфною сѣтью внутреннихъ губерній.

— 3-го сентября открытъ послѣдній участокъ Вологодско-Устюжской телеграфной линіи установленіемъ телеграфнаго сообщенія между Тотьюю и Устюгомъ.

— 1-го сентября на Пензенскую станцію Моршанско-Сызранской желѣзной дороги пришелъ первый поѣздъ изъ города Моршанска. 25-го сентября ожидалось открытіе пассажирскаго движенія.

— Работы по устройству новаго желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Вислу въ настоящее время идутъ, по словамъ «Варш. Дневн.», весьма быстро. Мостъ этотъ строится по американской системѣ, и будетъ лежать на восьми каменныхъ быкахъ и концами своими опираться на два береговые устоя. Вся длина моста составитъ 237 сажень, а высота 8. Онъ будетъ имѣть два яруса, изъ которыхъ верхній предназначенъ исключительно для желѣзнодорожной, а нижній будетъ приспособленъ къ обыкновенной вѣдѣ. Постройку моста взяла на себя Компания Лильполь, Рау и Левенштейнъ; число рабочихъ на мосту въ настоящее время доходить до 350 человекъ.

— Отъ Орска до станціи Терекли на казалинскомъ трактѣ открылось, какъ сообщаютъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», правильное сообщеніе, подѣ именемъ орско-тереклинскаго тракта. Прежде этотъ почтовый трактъ содержимъ былъ киргизами весьма неисправно, а теперь отданъ съ торговъ частному лицу на 12 лѣтъ. Станціи со службами выстроены удобно и красиво; экипажи и лошади въ полной исправности.

Земская хроника.

— Пермское губернское земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва постановило: принять, въ видѣ временной мѣры, содержаніе сибирскаго тракта въ 1874 году на губернской сборъ; внести на этотъ предметъ въ смѣту губернскихъ потребностей 239,000 р. и предоставить Пермскому и Оханскому земствамъ внесенныя ими въ уѣздныя смѣты: первымъ 10,000 р. и вторымъ—7,000 р. на предметъ содержанія ими тракта на протяженіи отъ города Перми до границы Вятской губерніи—расходовать по назначенію, съ тѣмъ чтобы сдѣлать имъ на означенныя суммы зачетъ по губернской смѣтѣ на 1875 годъ. Такимъ образомъ, на все протяженіе сибирскаго тракта отъ границы Вятской до границы Тобольской губерніи, т. е. на 732 версты, предполагается израсходовать 256,000 р. Наконецъ, въ виду государственнаго значенія тракта и того, что ассигнованной суммы недостаточно на капитальную ремонтную и поддержаніе его, а назначеніе большей суммы было бы обременительно для губерніи, Губернское Собраніе постановило ходатайствовать о перечисленіи тракта въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія, или о назначеніи Пермскому земству субсидіи изъ государственнаго сбора на содержаніе тракта въ размѣрѣ 200,000. За симъ пермскимъ губернаторомъ сообщено въ послѣднее время Губернской Управѣ, что Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о назначеніи субсидіи Пермскому земству на содержаніе сибирскаго тракта, не встрѣтилъ съ своей стороны препятствій къ оказанію земству для означенной надобности и на предложенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ основаніяхъ временнаго, впредь до открытія Уральской желѣзной дороги, пособия изъ государственнаго земскаго сбора, въ размѣрѣ 200,000 руб. въ годъ, начавъ производствомъ его пособия съ іюля текущаго года. Съ наступленіемъ хорошей погоды, приступлено въ Екатеринбургскомъ, Кунгурскомъ и Пермскомъ уѣздахъ къ разсыпкѣ хряща.

СОДЕРЖАНІЕ: На Волгѣ. I. Жегулевскія горы. Ю. Ф. Полянскаго (съ рисункомъ). — Гинекумъ (съ рисункомъ). — Дауногій волкъ. Романъ Н. Каразина. Часть I. (продолженіе). — Народы Россіи XXII. Валоруссы Липской губерніи (съ рисункомъ). — Водья за Неву. V. Скопинъ Шуйскій и Деллагарди (съ рисункомъ). П. И. Петрова. — Какъ ихъ судить? Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шидляревскаго (продолженіе). — Разныя извѣстія.

Моды за Ноябрь съ 12 рисунками.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Петровка № 6, въ Москвѣ.

Только что вышло изъ печати и продается:

РУКОВОДСТВО КЪ ХОРОВОМУ ПѢНІЮ ПО

ЦИФРНОЙ МЕТОДЪ ШЕВЕ,

составленное для народныхъ школъ

К. АЛЬБРЕХТОМЪ.

ВЫПУСКЪ III.

Содержаніе: 1. Упраженіе въ чтеніи звуковыхъ знаковъ. 2. Изученіе энгармоническихъ гаммъ. 3. Сравнительная таблица гаммъ. 4. О переходахъ. 5. Упраженія въ чтеніи интервалловъ. 7. Двухголосныя упражненія изъ сольфеджіо Бергалотти. 8. Четырнадцать русскихъ пѣсень. 9. Шесть трехголосныхъ хоровъ, въ томъ числѣ хоръ изъ оперы «Жизнь за Царя» Глинки. 10. Обѣдня съ приложеніемъ: литургии св. Іоанна Златоуста, переложенная на цифры П. И. Фаворскимъ, для четырехъ голосовъ. Цѣна 40 коп. Выпускъ 1-й (5-е изданіе) — цѣна 40 к. Выпускъ 2-й — цѣна 40 коп.

Требованія на всѣ три выпуска, а равно и послѣдующіе

адресуются непосредственно въ музыкальный магазинъ Петра Ивановича Юргенсона, Петровка № 6, въ Москвѣ.

Выписывающимъ 10 и болѣе экземпляровъ дѣлается уступка 25%; выписывающимъ 100 и болѣе экземпляровъ уступаютъ 33 1/3%.

Кому угодно приобрести хорошаго качества мельхиоровые столовые и чайные приборы, найдеть въ магазинѣ Александра Качъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостиницы, самый изящный выборъ этого рода издѣлій.

Гг. иногороднымъ высылаютъ иллюстрированные каталоги по требованію бесплатно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣе просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . 60 к.
- 2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . 50 »
- 3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

При этомъ № для всѣхъ иногородн. подписч. приложены объявленія: отъ Ф. В. Аплаклина и Г. Ступина.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Ланга и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.*)
- ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно выслать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Лапландія.

III.

Ясная сентябрьская ночь свѣтила всіми своими звѣздами надъ крутыми горами и безлюдными долинами. Тускло серебрились недвижныя озера, гдѣ то звенѣли потоки, да глухой шумъ рѣчки наполнялъ всю окрестность. Вдали, повитые туманами, едва виднѣлись вершины морскаго берега. По сторонамъ, словно шели, лежались узкія пространства между возвышенностями, окомлявшими здѣсь Паль-озеро.

Лодка наша плыла тихо, чуть слышно. Я не торопиль гребцовъ. Любуясь этою ночью, этою красивою окрестностію, я не замѣчалъ какъ шло время. Невыразимо пріятно было вглядываться въ таинственный сумракъ деревъ, раины которыхъ скрадывали очертанія озерныхъ острововъ. На берегахъ — тѣ

же лѣса, но еще темнѣе и гуще. Изрѣдка лунный лучъ, скользя по ихъ чащѣ, выхватывалъ изъ мрака бѣлую березу—и

стволь ея, словно серебряный, такъ и выдѣлялся на темномъ фонѣ остальной массы дѣвственнаго сѣвернаго лѣса.

Изъ путевого альбома В. И. Немировича-Данченки. Бѣломорское село (въ русской Лапландіи. Рис. Н. Карзинъ, грав. Сташковскій.)

Проѣзжая за однимъ островомъ, мы замѣтили яркій костеръ, горѣвшій на его берегу. Въ багровомъ перебѣгающемъ свѣтѣ рѣзко намѣчались черныя очертанія лопарской вѣжи, какой-то конусообразный амбаръ, рядъ палатокъ съ повѣшенною рыбой. Потомъ огонь разгорался съ другой стороны; изъ тьмы выдѣлялась мрачная стѣна сплошнаго лѣса и какая-то сѣрая скала, а вѣжа и вся неприглядная обстановка лопарскаго житія уходили въ мракъ. На самомъ багровомъ пятнѣ костра выдѣлялась темная фигура человека.

— Мошниковъ? крикнулъ мой гребецъ.

— Ню!... донеслось съ берега.

— Чего не спишь?

— Уху варю. Пристава-ай!...

Я повернул руль, и мы пристали къ острову. Носъ лопарскаго тройника, съ глухимъ шорохомъ, врѣзался въ береговой песокъ. Лодка на минуту качнулась и прочно засѣла въ мягкое размычатое ложе.

Мы вышли.

Прямо изъ-подъ ногъ у меня шарахнулось всторону что-то живое. Смотрю, взгляды-ваюсь—оказывается—овца. Собаченка, привязанная къ колышкамъ у вѣжи, таянула съ просонокъ и завернулась еще комфортабельнѣе, запрятавъ носъ въ мягкое брюхо.

— Милости просимъ!

— Ну, дай Богъ! привѣтствовали хозяйку мои гребцы.

— Ладно... Васъ пусть Господь не оставитъ.

— Каковъ промыселъ?

— Промыселъ былъ баскій. Сиговъ не порато много ловилось. Ну а кунфъ, харіусовъ, сколько хошь! Шуки этой тоже напаладо.

— На зиму вялили?

— Вотъ оя цѣлый амбаръ... Да что, Господь поди на зиму не оставитъ! Оленя, волка, лисицу пошлетъ.

Изъ вѣжи вышла на голосъ старушонка. Точно баба-яга. Костлявая, горбатенькая. Лицо—въ кулачокъ и сама такая маленькая.

— Ишь хозяйка—и та проснулася... замѣтилъ кто-то.

— Мать тебѣ будетъ? спросилъ гребецъ у лопаря.

— Нѣтъ, жена.

— Что старая такая?

— У нихъ, у лопарей зачастую молодые

на старыхъ женятся, а то старые на молодой—тоже бываетъ.

— Поди богатую взялъ.

— Богатую, оживился лопарь.—Двѣ овцы, четыре оленя есть.

Мы невольно подивились лопарскому «богатству». Эта ничтожная цифра считалась здѣсь «капиталомъ».

Костеръ мало по малу догоралъ. Окрустность все больше погружалась во мракъ. Уже исчезли и контуры ближайшаго лѣса и очертанія сѣрой скалы. Только слегка подернутая свѣтомъ мѣсяца, подвижная поверхность Паль-озера, еще серебрившаяся передъ нами вилотъ до туманныхъ линій восточнаго берега, казавшагося отсюда тонкою нитью лежавшаго на водѣ тумана.

— Завтра, поди, въ Оленицѣ будете? обратился къ намъ лопарь, когда мы, оставивъ костеръ, сядились уже въ лодку.

— Будемъ.

— То-то. Ивана Андреева знаешь? обратился онъ къ гребцу.

— Знаю.

— Нонѣ дочь вонъ моей жены, отъ перваго мужа, замужъ за него вышла... Такъ вланийся, не забудь. Скажи, чтобы у насъ побывала.

— Ладно.

— А это вотъ, чтобы не забывалось.

И нѣсколько жирныхъ харіусовъ, да три желтоватыхъ, пестрыхъ кумжи, брошенные рыболовомъ, грузно плюхнули о дно лодки.

— Ну спасибо, Мошниковъ, то-то уха у насъ будетъ!

— Уха будетъ хорошая. Сиговъ бы даль, да не уродилъ Господь. Нѣтъ ихъ нонѣ вовсе.

— И на томъ спасибо!

Скоро островъ отошелъ назадъ и скоро мгла распозалась все шире и шире, небо блекло, звѣзды пропадали... Съ сѣвера потянуло холоднымъ вѣтромъ.

Близилось утро.

Я завернулся въ оленьи мѣха и заснул.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко.

Свѣжая горная и лѣсная глушь охватывала меня со всѣхъ сторонъ.

Мы плыли по безымянной рѣкѣ, вытекавшей изъ широкаго озера и (обогнувъ извилинами поросшіе соснами и березами вараки) впадавшей въ Кандалакскую губу Бѣлаго моря. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ лодку нашу кружило въ порогахъ; въ одномъ мѣстѣ, по недостатку кормщика, ее даже ударило о скалу—да все обошлось благополучно.

Спустия немного лодку вынесло въ губу.

Морскія волны здѣсь были едва замѣтны. Только широкій просторъ залива, до пропитаннаго запахомъ водорослей вѣтеръотличальную губу отъ озера, которое мы недавно оставили за собою. Входъ въ губу былъ необычайно узокъ. Онъ былъ совершенно замкнутъ грядою скалъ, тянувшихся съ одного берега къ другому. Между ними оставался только узкій проходъ, словно щель, въ которую должна была войти наша лодка. За скалами видѣлась Оленница, разбросанная на кунлообразномъ холмѣ берега. Надъ избами, беспорядочно разбросанными по берегу, вздымались крутыя горы морскаго берега. Въ бухтѣ стояли нѣсколько шхунъ. На вершинахъ скалъ кое-гдѣ были кресты, показывавшіе входы въ губу.

Село это изображено на нашемъ рисункѣ.

В. Н.-Д.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XIV.

«Атамкулъ!»

Наташа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, вышла изъ своей палатки и прогуливалась по громадному, хорошо ей знакомому лагерю. Хромой казакъ, прихрамывая съ своимъ костылемъ, шелъ рядомъ съ нею и заигрывалъ съ маленькимъ Петею. Ребенокъ крѣпко уцѣпился за платье матери, стараясь подлаживать свои крошечные ножки къ шагамъ взрослыхъ; ему это было не слишкомъ трудно, потому что Наташа сама шла, приравниваясь къ сыну,—и вся прогуливающаяся группа подвигалась впередъ очень медленно.

Давнымъ давно переговоры обѣ всемъ интересномъ, и за неимѣніемъ въ данную минуту матерьяловъ для разговора, шли молча; кто-то вполголоса нагѣвлялъ какой-то маршъ, всѣ машинально шли въ тактъ этому нагѣву.

— Петя, прервалъ молчаніе казакъ,—садись ко мнѣ верхомъ на плеча,—я понесу. Ну полѣзай, молодець,—Кустиковъ, да посадите его...

— Не хапу!.. увернулся ребенокъ, и еще крѣпче ухватился за платье,—я пискѣмъ!.. пискѣмъ!..

— Ничего, пусть привыкаетъ ходить, говорила Наташа.—Ну, что твоя спина, Карповъ? обратилась она къ молодому солдату-линейцу, надорвавшемуся недавно, при вытѣиваніи изъ колодца тяжелой бадьи съ водою.

— Прошло, матушка, Наталья Мартыновна, какъ рукою сняло! весело отвѣчалъ солдатъ, вскочивъ на ноги и вытянувшись въ струнку.

— Они стѣ одного слова вашего выздоравливаютъ; вы намъ докторамъ престо практику отбиваете... шутилъ старичекъ докторъ въ сѣрмъ нанковомъ кителѣ, выходя изъ ближайшей палатки и присоединяясь къ прогуливающимся.

— Да ужъ, конечно, для солдата ласковое слово да чарка водки полезнѣй цѣлаго пуда вашего поганнаго аптечнаго снадобья, отъ котораго у меня до сихъ поръ во рту горько, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Вотъ моя нога все хуже и хуже... Какъ прійдется со всѣмъ отрѣзать... э-эхъ! грустно произнесъ казакъ.—Давно бы пулю въ лобъ пустилъ, если бы...

— Наталья Мартыновна полечите его ласк... началъ было тотъ же офицеръ, да и замолчалъ, словно проглотилъ остальное, что хотѣлъ сказать, такъ строго взглянула на него Наташа.

— Дисентерія полегчала, много тише стала; скорпіоны восьмерыхъ покусали, палецъ указательный отмахнулъ сегодня барабанщику, двѣ бутылки портвейну изъ аптеки украли... докладывалъ докторъ.

— Эге! смотрите, господа, что это за сходбище у генерала? посмотрите народу сколько! пойдемъ и мы туда! вскрикнулъ Кустиковъ.

— Крайне интересно узнать—въ чемъ состоитъ дѣло, замѣтилъ майоръ Бирнапъ.

— Пойдемте, сказала покойно Наташа.

И вся группа, свернувъ мимо длинныхъ артиллерійскихъ коновязей, направилась къ генеральской ставкѣ.

А передъ генеральскими палатками, дѣйствительно, собралась довольно значительная толпа и полукругомъ стояла передъ лицевою стороною главнаго шатра, слѣдя съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ, что тамъ происходило.

Передніе ряды толпы занимали преимущественно офицеры. за ними стояло нѣсколько пѣхотинцевъ въ амуниціи и съ ружьями, десятка два казаковъ и больше всего туземныхъ джигитовъ-милиціонеровъ, красиво пестрившихъ толпу своими яркими халатами. Конные подѣзжали сзади и остававли-

лись, приподнимаясь на стременах и глядя, съ высоты своих сѣделъ, через головы переднихъ. Со всѣхъ сторонъ все прибывали и прибывали новые любопытные, такъ что, когда подошла Наталья Мартыновна, — ей, не смотря на полнѣйшую готовность, съ большимъ трудомъ расчистилась узкая дорожка, по которой и прошла она съ своими спутниками.

Генераль сидѣлъ у входа въ палатку, на складномъ желѣзномъ стулѣ; около него и сзади стояли нѣсколько штабныхъ офицеровъ; въ темномъ четверугольномъ палаточномъ входе видѣлись еще неясныя фигуры.

Шагахъ въ трехъ, не болѣе, передъ генераломъ стоялъ плѣнникъ; онъ не былъ связанъ, и руки его свободно были опущены по сторонамъ тѣла; голова плѣнника была нѣсколько нагнута напередъ, весь корпусъ былъ какъ-то странно согбенъ, даже колѣна чуть-чуть согнулись и слегка вздрагивали, можетъ быть отъ усталости, а можетъ и отъ скрытаго волненія; мозолистыя, босыя ноги плотно врылись въ песокъ и словно закаменѣли тамъ, не мѣняя ни на минуту своего положенія; пальцы рукъ нетерпѣливо перебирали грязное тряпье халата; гладко обрита голова была совершенно обнажена, ея не прикрывала даже обыкновенная тибетейка; нѣсколько грязныхъ струповъ и продольный, заживающій уже шрамъ, видѣлись на этомъ угловатомъ, кровномъ монгольскомъ черепѣ; глаза глядѣли изъ-подлобья, прямо въ упоръ на генерала, — и глядѣли довольно спокойно, почти апатично...

Рядомъ съ нимъ стояли два пѣхотинца съ ружьями у ноги и казакъ съ обнаженною пашкою; позади ихъ — немного свободного мѣста, а потомъ — плотно сдвинутые, замершіе въ неподвижности передніе ряды зрителей. Досцака лаучи пока не было видно.

— Конечно, сходство большое, говорилъ генераль по французски, — но больше данныхъ, что это не онъ. Еслибъ не заявленіе этого лаучи, чортъ бы его взялъ! я пока еще ихъ не сводилъ вмѣстѣ, а надо... генераль сдѣлалъ досадливый, нетерпѣливый жестъ, — нельзя же!.. И зачѣмъ этотъ дуракъ попался!..

— Можно позвать этого иранца, что вчера поймали; онъ долженъ знать Атамкула — въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть въ настоящее время, посоветовалъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ съ золотыми погонами на помятомъ кителѣ, — у Мать-Ніаза онъ видѣлъ вѣроятно его...

— Распорядитесь...

— Ну, конечно это Атамкуль... говорилъ кто-то въ палаткѣ, въ полголоса, — какъ онъ тамъ ни присѣдай, какъ ни увертывайся, а это онъ. Я готовъ даже держать какое угодно пари!

— Пойдите заявите ваше мнѣніе; вы такъ увѣренно говорите...

— Ну его къ чорту!..

— То-то!.. Какія это доказательства неопровержимыя — представить Досцакъ? интересно! Я думаю: вздоръ какой-нибудь.

— Онъ такъ увѣренъ... Тыфу! мнѣ даже смотрѣть жалко на этого несчастнаго... Повѣсятъ подлѣца непремѣнно. А это еще кого привели?.. тоже свидѣтель должно быть; рожа знаковая.

— Это перебѣжчикъ, что вчера поймали, персіянинъ... Слушайте, слушайте!

Изъ-за палатки, униженно припадая, согнувшись почти въ дугу, проскользнулъ иранецъ — онъ былъ блѣденъ, скорѣе какого-то пенельнаго цвѣта, и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Онъ не зналъ зачѣмъ его позвали, и, увидавъ плѣнника, видимо растерялся, даже назадъ попытался.

— Иди! толкнулъ его сзади колѣномъ приземистый казакъ-уралецъ.

— Здравствуй! сказалъ генераль.

Иранецъ задрожалъ и опустился на корточки.

— Ты знаешь этого человѣка? спросилъ генераль, кивнувъ въ ту сторону. — Экъ онъ струсилъ! обратился онъ къ штабъ-офицеру...

Иранецъ молчалъ и блуждающими глазами посматривалъ по сторонамъ, видимо избѣгая того пункта, на который ему указывали.

— Туда гляди! толкнулъ его казакъ.

— Кто это? повторилъ свой вопросъ генераль. — Ну, не бойся! чего боишься?.. Посмотри хорошенько и скажи, кто это... Переведите ему.

Маленькаго роста офицеръ — съ нерусскимъ типомъ смуглаго лица — перевелъ. Иранецъ внимательно слушалъ, бѣгло взглянулъ на плѣнника и замоталъ головою.

— Я не знаю его... Это хивинскій человѣкъ — я знаю, а кто онъ — не знаю.

— Ты знаешь въ лицо Атамкула, того, что отъ насъ бѣжалъ и теперь служить у хивинскаго хана? допрашивалъ переводчикъ.

— Атамкула? повторилъ вопросъ иранецъ.

— Ну да.

— Того, что большой начальникъ у русскихъ былъ — онъ большой человѣкъ у хана — Атамкуль-датха! *) Я видѣлъ Атамкула, я знаю его... какъ мнѣ не знать Атамкула!.. Три раза, — нѣтъ, четыре, — да, такъ точно, четыре раза солнце всходило, послѣ того какъ Атамкуль велѣлъ мнѣ сто палокъ дать, да я ушелъ... Я знаю хорошо Атамкула...

Всѣ невольно улыбнулись. Въ толпѣ послышался даже сдержанный смѣхъ. У всѣхъ на душѣ какъ-то стало легче...

— Что, батенька, это Атамкуль, да? вы такъ же увѣрены и теперь? хотите, можетъ быть, на двѣ бутылки и консервъ съ омаромъ!.. тихо, но не безъ ядовитости, говорилъ голосъ въ палаткѣ.

— А, чортъ! мнѣ это рѣшительно все равно!..

— Вретъ, братцы, этотъ иранецъ! шепталъ одинъ изъ казаковъ своимъ товарищамъ, — видимо дурака ломаетъ; и какъ это господа только вѣрятъ!

— Вѣшать, аль къ разстрѣлу?.. освѣдомлялся молодой пѣхотинецъ.

— Пластовать, а потомъ шкуру спущать ремнями... Тебѣ что пріятнѣй будетъ — ась?

— Тише — тамъ!

— Гдѣ теперь Атамкуль? спросилъ генераль иранца.

— Атамкуль теперь, какъ мнѣ знать, гдѣ онъ теперь? — четыре раза солнце всходило, былъ Атамкуль у Мать-Ніаза; четыре тысячи коннаго народа, четыре тысячи пѣшаго и сто пушекъ у Атамкула было. Атамкуль-датха большой человѣкъ у хивинскаго хана.

— Прогоните этого дурака!

— Пошелъ, пошелъ — ну уходи, благо цѣль!..

Иранцу не дали даже и докланяться какъ слѣдуетъ — по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета — и выпроводили съ арены.

Передъ плѣнникомъ появился новый свидѣтель: свидѣтель этотъ былъ все время за палаткою и его не видно было; свидѣтель этотъ все слышалъ — и ждалъ... Онъ подошелъ теперь къ плѣнному сзади, совершенно неожиданно, и дотронулся до его плеча, — тотъ быстро обернулся, зашатался и поднялъ руки... Онъ будто бы хотѣлъ, — такъ по крайней мѣрѣ показалось всѣмъ, кто замѣтилъ этотъ жестъ, — онъ хотѣлъ закрыть руками свое лицо. Онъ опомнился — и его ладони остались на половинѣ дороги...

— Здравствуй, Атамкуль!.. Вотъ мы опять увидѣлись, произнесъ Досцакъ, — здравствуй!.. Братъ твой Юнусъ прислалъ меня тебя провѣдать... Джандараль, вѣшай пожалиста Атамкула...

— Я тебя не знаю... хрипло, даваясь своими словами, произнесъ плѣнникъ.

— Нѣтъ, ты меня хорошо знаешь.

Досцакъ отошелъ отъ плѣнника, посмотрѣлъ на него еще разъ, долго такъ, прямо въ упоръ, и обратился къ генералу.

— Атамкуль маленькій былъ, вотъ такой! — Досцакъ показавъ рукою на аршинъ отъ земли, — и Юнусъ, братъ его, маленькій былъ, еще меньше... Я у отца ихъ служилъ, мыть водилъ ихъ — и отца старика мылъ... Я ихъ всѣхъ

*) Датха — одинъ изъ крупныхъ военныхъ чиновъ.

Сумасшедший домъ. Картина В. фонъ-Каульбаха. Рис. и грав. Бренъ-д'амуръ.

трехъ знаю, и мать знаю,—всѣхъ знаю... У отца на спинѣ, какъ разъ между лопатокъ, на ладонь отъ поясницы—пятно есть, темное, — какъ войлокъ этотъ, — такого вида какъ луна, когда она въ первый разъ показывается на небѣ... вотъ такъ!

И Досцакъ нагнулся и начертилъ пальцемъ на песокъ форму полумѣсяца.

— Я говорю по русски; — ты тоже знаешь по русски и понимаешь, о чемъ говорю я,—ты теперь съѣсть меня хочешь, да зубы коротки,—хоть ты и не человѣкъ, а волкъ... Да, ты волкъ, — ты даже хуже волка, обратился Досцакъ къ плѣннику.—У старшаго сына, вотъ у него, у Атамкула тоже на спинѣ, на томъ же мѣстѣ—такое же пятно есть... Прикажи, джандараль, съ него халатъ снять и рубаху.

Досцакъ замолчалъ, отошелъ въ сторону и спокойно съѣлъ на песокъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло—и теперь ждалъ, чѣмъ все это разрѣшится.

— Раздѣть!

Въ одно мгновеніе нѣсколько рукъ протянулось къ плѣннику; тотъ сильно рванулся—одинъ солдатъ упалъ, другой отскочилъ, хватаясь за бокъ.

— Силень, дяволь!

— Навались! разомъ!

Навалились... Несчастный захрипѣлъ и упалъ на колѣна. Съ него сорвали халатъ и рубаху... его подняли на ноги и повернули спиною...

— Вотъ это пятно! сразу нашель переводчикъ и ткнул туда пальцемъ. Отъ этого прикосновенія, по обнаженной спинѣ пробѣжала нервная дрожь..

— Да, это положительное доказательство, пронзель штабъ-офицеръ.

— Сейчасъ вѣшать будешь, джандараль?

— Экъ торопится!

— А если это несчастная случайность? пронзель генераль опять по французски.—Показаніе простаго лауци, видимо озлобленнаго на этого человѣка, — Атамкуль онъ или нѣтъ — это все равно... Весьма возможно, что Досцакъ хочетъ за что-то мстить ему... Если онъ для своей цѣли радить его въ Атамкулову шкуру?... Странно, что ни одинъ солдатъ, ни одинъ офицеръ... а вѣдь его многіе изъ вась, господа, хорошо знали...

Въ эту-то минуту въ кругъ вошла Наталья Мартыновна.

Наташа взяла сына на руки, когда проходила черезъ толпу, — хромой казакъ не успѣлъ въ этомъ предупредить ее. Ребенокъ испугался такого многочисленнаго общества, обвилъ рученками шею матери и глядѣлъ кругомъ широко-раскрытыми глазами... Продѣвая руку въ рукавъ халата, плѣнникъ повернулъ голову—и увидѣлъ женщину...

Онъ взглянулъ на нее. Этотъ взглядъ былъ странный... въ немъ сверкнула самая жгучая, дикая страсть... Этотъ взглядъ былъ мгновенный, но его успѣлъ уловить хромой казакъ.

— Атамкуль! вскрикнулъ онъ громко.

Наташа вздрогнула и опустила ребенка на землю.

— Атамкуль—Атамкуль... никакого нѣтъ сомнѣнія... это Атамкуль, заговорили кругомъ голоса. Всѣ почти давно убѣждены были въ этомъ и молчали, словно ихъ что-то сдерживало—и это что-то прорвалось разомъ, когда казакъ назвалъ его громко... Быть можетъ каждый изъ нихъ думалъ въ эту минуту:—«не я первый!»

— А Атамкуль, такъ Атамкуль —чортъ его возьми!.. всталъ со стула генераль.—Кричать во все горло: «Атамкуль, Атамкуль»!.. будто я самъ давно не вижу, что Атамкуль... ворчалъ онъ про себя, уходя въ палатку.—Подъ строгій караулъ—и дать знать въ военно-судную комиссію... слышались уже оттуда сухія отрывистыя приказанія...

— Онъ погибъ? тихо спросила Наташа.

— Да, уже теперь не вывернется, пробасилъ капитанъ Пуговицынъ.

Хромой казакъ стоялъ какъ ошеломленный, прижавъ кулакъ къ своему пылающему лбу.

Необузданная, дикая страсть къ женщинѣ вызвала преда-

тельскій взглядъ, — этотъ взглядъ проскользнулъ бы не замѣтнымъ, не понятнымъ для толпы; но та же глубокая страсть сдѣлала его понятнымъ для хромаго казака, и вырвала у него это роковое восклицаніе.

— Кровь Юнуса взыщется!.. торжественно объявилъ Досцакъ своимъ товарищамъ, въ тотъ же вечеръ.

ГЛАВА XV.

Ката-джиль *).

Часа два послѣ полудня, странная духота стала распространяться въ воздухъ. Это не былъ обыкновенный солнечный жаръ; это было что-то иное, до сихъ поръ еще «бѣлыми рубахами» не испытанное... Дышать становилось все труднѣе и труднѣе, тѣло покрывалось сильною испариною, весь организмъ слабѣлъ, а между тѣмъ кровь обращалась быстрѣе и сердце билось усиленнѣе... Клонило ко сну—а сна не было... Жажда усилилась до невѣроятной степени, и у колодцевъ толпилось несравненно больше народу чѣмъ прежде... Накаленный, неподвижный воздухъ — словно давилъ все, что находится на землѣ, и располагалъ къ лѣни, къ полному бездѣйствію... Всякая работа валилась изъ рукъ, тоскливое чувство овладѣло всѣмъ; всѣ испытывали на яву давящій, невыносимый кошмаръ.

И животныя, видимо, раздѣляли это чувство съ человѣкомъ: всѣ въ поту, уставивъ неподвижно безцвѣтные, словно мертвые глаза, широко раздуть кроваво-красныя ноздри, тревожно настороживъ уши, стояли лошади въ своихъ коновязяхъ и не ѣли корма. Ноги у нихъ подгибались, но онѣ не ложились и инстинктивно повертывались крупами всѣ въ одну и ту же сторону—къ сѣверо-западу.

Собаки зарывались въ песокъ и жалобно выли. Верблюды—тѣ всѣ полегли, вытянули головы, и странное дѣло, крупами къ тому же сѣверо-западу.

Если всадникамъ приходилось ѣхать на сѣверо-западъ, лошади шли неохотно, упирались, и тотчасъ же сами поворачивали назадъ, едва только на одну секунду, ослабѣвалъ поводъ и отдѣлялись отъ взмыленныхъ боковъ острия, понуждающія шпоры. Тѣ же, которымъ приходилось ѣхать въ обратную сторону, едва могли сдерживать прыть своихъ коней, не въ мѣру уже порывающихся впередъ.

Ишаки сбились въ кучи и пронзительно орали... Этотъ ревъ вмѣстѣ съ унылымъ вытьемъ собакъ еще болѣе усиливалъ общую тоску и наводилъ на людей уныніе...

Природа готовила что-то нехорошее. Это нехорошее, очевидно, должно было прійти съ сѣверо-запада.

А между тѣмъ въ воздухѣ было тихо; вѣтеръ, расхлывшійся такъ накануне и нагнавшій заночъ цѣлые бугры песку, совершенно стихъ и въ настоящую минуту пламя сѣчи, заженной прямо на открытомъ воздухѣ, было неподвижно, словно въ стеклянномъ футлярѣ.

Небо стало какого-то красновато-желтаго цвѣта и солнечный дискъ сквозилъ мутнымъ шаромъ безъ лучей, безъ блеска; на него можно было смотрѣть совершенно свободно, словно сквозь стекло законченное.

Такъ продолжалось часовъ до семи вечера.

Чѣмъ болѣе склонялось солнце къ западу, тѣмъ оно становилось все багровѣе и багровѣе, и этотъ кровавый свѣтъ разливался по скатамъ холмовъ, очерчивая противоположныя скаты темными, синеватыми тѣнями.

Грозная черная стѣна поднималась изъ-за горизонта, поднималась медленно, расплываясь направо и надѣво, мало по малу захватывая половину всего горизонта...

Вотъ, эта стѣна поравнялась съ солнцемъ. Багровый дискъ спрятался за нее на половину, вотъ и совсѣмъ скрылся — и густые сумерки настали почти мгновенно...

— Крѣпить палатки, смотрѣть за ружейными козлами въ оба... огней не раскладывать, которые есть — тушить!... раздвигались тревожныя приказанія...

— «Ката-джиль—ката-джиль!» говорили туземцы, отыски-

*) Большой вѣтеръ.

вая себѣ приютъ между тяжелыми тюками верблюжьихъ вьюковъ.

— Ну, братцы, держись эту ночь! такой ураганъ будетъ — страсть! переговаривались бѣлыя рубахи.

Первый порывъ вѣтра разразился спустя полчаса послѣ солнечнаго заката. Это былъ шкваль, налетѣвшій разомъ, но также разомъ стихнувшій. Онъ принесъ съ собою тучи мелкой песчаной пыли, повалилъ нѣсколько ружейныхъ козелъ и сорвалъ крышу съ одной изъ палатокъ; беспорядокъ въ лагерѣ, произведенный этимъ сухимъ шкваломъ — отъ темноты казался несравненно большимъ... Послышались тревожные возгласы, засновали по всѣмъ направленіямъ темныя фигуры, ловящія свои сорванные шапки, натыкающіяся другъ на друга, падающія, — всакивающія снова на ноги и снова куда-то бѣгущія...

Еще разразился ударъ, вслѣдъ за нимъ другой гораздо большій... По черному небу забѣгали красноватая, огненные пятна, словно оно накаливало мѣстами. Послышался глухой, словно подземный гулъ — и въ воздухѣ сильно запахло сѣбромъ.

Теперь уже крупный степной песокъ несясь вмѣстѣ съ вѣтромъ; этотъ песокъ обжигалъ лицо, руки, шею, затылки, — все незащищенное одеждою...

Чади дико ржали и рвались на своихъ коновязяхъ... «Крѣпи приколы! береги коней, сохрани Богъ разбѣгутся!» — то и дѣло слышались во мракѣ предостерегающіе возгласы казаковъ и артиллеристовъ.

Удары урагана все усиливались и усиливались... Всякъ занятъ былъ только однимъ: это удержаться на ногахъ, удержать то, что ему вѣрено. Ничего невозможно было разобрать въ этомъ свирѣпствующемъ хаосѣ... Чу!.. такъ и есть... это выстрѣлъ! Это звукъ слишкомъ хорошо знакомый, чтобы не различить его въ бѣшенномъ свистѣ и ревѣ бури... Вотъ другой... третій... Звукъ сигнальной трубы пронзительно прозвонилъ, оборвался, — еще разъ прозвонилъ, едва слышно, словно отголосокъ далеко крикнувшей птицы...

Тревога!.. Тревога въ такую страшную минуту...

— Сюда, братцы!.. помогите! раздался отчаянный, задавленный голосъ.

Голосъ этотъ донесся оттуда, гдѣ былъ связанный Атамкуль. Караульные солдаты бросились въ ту сторону. Темно, ничего не видно, песокъ засыпаетъ глаза... Прямо передъ однимъ изъ нихъ, словно изъ-подъ земли поднялась массивная, темная фигура и шарахнулась въ сторону.

— Лови! лови!.. Эй, чортъ, чего меня схватилъ, не видишь чтоли?... А врешь, не уйдешь!..

— Атамкулка убѣгъ!

— Умираю, братцы! охъ, смерть моя пришла! охъ, тошнотонько!.. Господи!.. стоналъ кто-то, корчась на пескѣ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

— Ихъ много было, много — человекъ пять. Трое сразу навалились на часоваго. Я видѣлъ своими глазами... послать за докторомъ; носилки несите, чтоли!

— Помреть и такъ, ужъ не дышитъ... кончился!

— Упокой Господи!

Новый порывъ вѣтра принесъ новые волны сыпучаго, горячаго песка.

— Живьемъ засыплетъ, Пресвятая Богородица помилуй!.. слышится невдалекѣ жалобной голосъ оробѣвшаго солдатика, рекрута, новичка еще въ степныхъ передѣлахъ.

Старый Дементій, еще заблаговременно, засвѣтло, хорошо укрѣпилъ палатку своей барыни. Онъ обнесъ ея двойною веревкою, крѣпко вколотилъ колья, вбилъ еще пару, на всякъ случай, для прочности, и осмотрѣвъ работу, рѣшилъ что «выдержитъ».

— Вы, матушка Наталья Мартыновна, не сумлѣвайтесь, не унесите, крѣпко! извольте покойно почивать съ Петею... и не услышите заночь-то, а ужъ я постерегу, доложилъ онъ своей госпожѣ, съ безпокойствомъ поглядывавшей на подозрительное небо.

— Не за себя я боюсь, Дементій, не за себя... произнесла Наташа.

— Знаю, матушка ваше благородіе, знаю. Я вотъ пока чайнички согрѣю; оно хоша и невелѣно огней раскладывать, да я тихимъ манеромъ, въ ямочкѣ,—никто и не увидитъ...

Пошелъ старикъ распорядиться «тихимъ манеромъ, въ ямочкѣ» — выглянула еще разъ изъ палатки Наталья Мартыновна. Темнѣетъ быстро... даже страшно становится.

Ею овладѣло тоскливое безпокойство, безотчетное какое-то, будто предчувствіе чего нибудь недобраго — роковаго.

— Петя, милый, ты не бойся, ласкала она ребенка, — это пустяки: это вѣтеръ большой будетъ, онъ пройдетъ и будетъ хорошо такъ, прохладно... вѣдъ тебѣ очень жарко было сегодня?.. да?..

— Залюко... лепеталъ ребенокъ, лѣниво потягиваясь на кровати, въ одной рубашенкѣ съ растегнутымъ воротомъ.— Мама, пить чаю хочу... мама, дай чаю...

— Сейчасъ, крошка, сейчасъ; Дементій пошелъ сварить чаю, принесетъ, мы и будемъ пить съ кисленькими конфетками. Ты любишь кисленькія конфетки? да?

— Кисленькія... повторилъ ребенокъ.

— Милый мальчикъ мой!..

Наташа взяла сына на руки и крѣпко сжала его въ своихъ объятіяхъ. Ею овладѣлъ какой-то странный усиленный припадокъ любви и нѣжности къ своему ребенку; она покрывала его поцѣлуями.

Вся палатка вдругъ затряслась, стѣнки ея вздулись какъ паруса, что-то лопнуло спаружи.

— Держи, держи! — ребята, подсоби это... слышался тревожный голосъ Дементія. — Ну и вѣтрище-же! эдакій арканъ какъ ножомъ... Ничего, не робейте, матушка, — удержимъ!..

Порывъ вѣтра затушилъ свѣчу, — стало темно какъ въ могилѣ, ребенокъ заплакалъ...

— Свѣтоприставленіе — одно слово! говорилъ старикъ.— Осторожиѣе, дьяволы, задавите! Не видятъ, амалѣли, такъ и пруть... на человекъ... Что ты, что ты?!.. Ой, батюшки!..

Нѣсколько конныхъ фигуръ наскakали прямо на палатку и сбили съ ногъ старика. Вдругъ вся палатка сильно нагнулась на сторону, послѣднія веревки лопнули, полы распахнулись, крыша поднялась вертикально и улетѣла по вѣтру; словно крыло какого-то гигантскаго чудища — мелькнуло въ воздухѣ громадное полотно и скрылось... Въ ту же минуту Наташа, испуганная, ошеломленная, крѣпко прижавшая ребенка, почувствовала какъ ее стиснули за талию двѣ чужія руки и потащили... чье-то горячее, непріятное дыханье пахнуло ей въ самое лицо... Надъ самымъ ухомъ слышала она киргизскую рѣчь: «тащи — вяжи на сѣдло — проворнѣе!..» Этотъ голосъ былъ ей хорошо знакомъ, она узнала говорившаго — и пронзительно, съ невыразимымъ отчаяніемъ вскрикнула: «спасите, помогите!..»

Ноги у нея уже не стояли на землѣ... Она чувствовала, какъ ее подняли и втягивали на лошадь. Ребенокъ вывалился у нея изъ рукъ. Наташа отчаянно рванулась и вцѣпилась зубами за то, что ей первое попало.

Кто-то застоналъ, — уперся ей въ лобъ ладонью и отогнулъ ея голову.

Наташа потеряла сознание.

Хромой казакъ, верхомъ на своемъ «степнякѣ», пробирался сквозь всю эту сумятицу. Вокругъ него толпились пѣшие и конные, переговариваясь и окликакая другъ друга. Онъ ѣхалъ шагомъ, осторожно, перегнувшись на сѣдлѣ и пристально всматриваясь въ эту непроницаемую мглу волнующагося песка и пыли. Онъ направлялся къ знакомой ему палаткѣ,

Осенней порой. Рис. О. Шлегль, грав. Л. Рупфь.

области духовнаго міра, онъ имѣлъ всегда при себѣ хорошо отточенный мечъ, и, подобно архангелу Михаилу (на послѣдней своей картинѣ), готовъ былъ разить этимъ мечомъ гидру зла и неправды. Такое впечатлѣніе получило я послѣ первой нашей встрѣчи, такимъ оно и осталось даже тогда, когда я короче познакомился съ Каульбахомъ, когда видѣлъ его въ роли обворожительно-любезнаго хозяина. Дома онъ былъ дѣйствительно великолѣпнымъ человекомъ, обнаруживавшимъ и умъ, и ученость, солидное образованіе и сѣтскій тактъ; за то среди мастерской — Каульбахъ какъ-бы уходилъ въ себя и, такъ сказать, обращался въ заряженную лейденскую банку: дотронешся только — и почувствуешь искру... Искры эти иногда сверкали только, а случалось — были прямо не въ бровь, а въ глазъ. Тутъ — царствовали его карандашъ и кисть; отсюда мысли его и взгляды, въ живыхъ образахъ, вылетали въ міръ и дѣлались достояніемъ германскаго народа, — а онъ любилъ этотъ народъ до послѣдней минуты своей жизни!... И это былъ тотъ самый человекъ, который когда-то, будучи юношей, сидѣлъ на холмѣ подъ деревомъ, въ виду Мюльгейма, смотрѣлъ на разстилавшіяся передъ нимъ городъ и плакалъ, потому что такъ былъ... голоденъ! Усталый, голодный, съ босыми израненными ногами, Каульбахъ слѣзно горевалъ о томъ, что никто не покупаетъ разрисованныхъ его чашекъ... Талантъ, прилежаніе, энергія въ трудѣ не только обогатили его, но и сдѣ-

лали имя его славнымъ и незабвеннымъ!... Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу картины «Домъ сумасшедшихъ». Случай, благодаря которому картина эта была нарисована Каульбахомъ, довольно рѣзко характеризуетъ его. Однажды вечеромъ молодой Каульбахъ и докторъ, состоящій при домѣ умалишенныхъ, близъ Дюссельдорфа, сидѣли и бесѣдовали. Врачъ-психіатръ рассказывалъ трагическіе эпизоды и потрясающія сцены изъ жизни «поврежденныхъ». Каульбахъ не могъ забыть этого вечера: рассказы доктора произвели на него слишкомъ глубокое впечатлѣніе... Да, и онъ вѣдь былъ «человѣкъ», и въ его груди шевелились тѣ же необузданныя страсти, тѣ же зародыши можетъ быть безумныхъ стремленій, которыя, развившись, довели *другихъ* до страшнаго состоянія сна съ открытыми глазами... Каульбахъ сталъ бояться своего собственнаго сердца, своихъ мыслей. Картины и сцены изъ жизни умалишенныхъ тревожили его и днемъ и ночью, какъ-бы грозно предостерегая его и наглядно поучая, съ цѣлю укротить сердце... Онъ не успокоился даже и послѣ того, какъ уѣхалъ изъ Дюссельдорфа и поселился въ Мюнхенѣ, нанявъ жалкую комнату на чердакѣ. Тутъ-то и пришла ему въ голову мысль освободиться отъ преслѣдованія подавляющихъ образовъ безумія, представивъ ихъ въ художественномъ произведеніи. Каульбахъ нѣсколько разъ нарочно посѣщалъ домъ умалишенныхъ близъ Мюнхена, изучалъ тамъ больныхъ,

наблюдалъ ихъ, — и вотъ, наконецъ, задуманная имъ картина была нарисована... Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ нее: сколько жизни, правды въ этихъ фигурикахъ!... И художникъ добился таки главной своей цѣли: излѣчился, освободился отъ тревожившихъ его «демоновъ», какъ только картина эта была имъ окончена. Какой-то издатель-аферистъ предложилъ сейчасъ-же молодому Каульбаху нарисовать цѣлый рядъ такихъ «сумасшедшихъ» картинъ и обѣщалъ за этотъ трудъ хорошее вознагражденіе. Каульбахъ отвѣтилъ ему, что готовъ съ удовольствіемъ нарисовать хоть цѣлую галерею картинъ изъ исторіи Германіи, но изображать сумасшедшихъ — больше уже не желаетъ и не можетъ. Заказчикъ заурядился. — «Нѣтъ, зачѣмъ-же на историческіе сюжеты?» возразилъ онъ: — «Я потому не могу согласиться на это, что въ вѣдѣ собственно блистательно доказали, обнаружили другой талантъ, т. е. изображать «безумныхъ»... Право, вы бы лучше сдѣлали, если бы продолжали работать въ этомъ направленіи, не забираясь въ другія области». — «Если-бы я согласился на ваше предложеніе», сказалъ на это Каульбахъ, — «то мнѣ бы пришлось во второй-же моей картинѣ «сумасшедшихъ» изобразить васъ самихъ; ну, а это, полагаю, было-бы вамъ не совсѣмъ пріятно»...

Послѣ такого отвѣта, разумѣется, издатель-аферистъ оставилъ въ покоѣ художника.

ОСЕННЕЙ ПОРОЙ.

Нашъ европейскій олень — одинъ изъ крупныхъ представителей своего рода: по росту онъ уступаетъ лишь канадскому и персидскому; всѣ остальные виды меньше его. Это стройное, сильно сложенное животное до сихъ поръ еще водится почти во всей Европѣ, за исключеніемъ крайняго сѣвера, и въ большей части Азіи. Съ сѣвера предѣлы его распространія: 65° с. ш. въ Европѣ и 55° въ Азіи; на югѣ же область его ограничена Кавказомъ и Манджуріей. Правда, что въ густо населенныхъ мѣстностяхъ Европы — олени почти вовсе перевелись и содержатся лишь въ охотничьихъ паркахъ для королевскихъ охотъ; но за то ихъ очень много еще въ Венгріи и въ Галиціи, Богеміи, Моравіи, Каринтіи, Штиріи, т. е. почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ Австріи, и у насъ въ Польшѣ, Семипалатинской области, а больше всего на Кавказѣ.

Какъ извѣстно, у настоящихъ оленей рога снабжены только самцы. Рога ихъ крупно-вѣтвистые и сидятъ на короткой дудкѣ или такъ-называемомъ шпѣ. Главныя двѣ вѣтви загibaются отъ самаго корня въ довольно крутую дугу назадъ и внаружи. На передней сторонѣ каждой изъ главныхъ вѣтвей выступаетъ прежде всего по главному отростку, который направляется впередъ и вверхъ: это страшное оборонительное и наступательное оружіе оленя; будучи раздраженъ или доведенъ до крайности, олень

везанно нагибаетъ голову, направляетъ концы глазныхъ отростковъ на своего врага и затѣмъ бросается на него съ такой быстротой, что рѣдко удается спастись. Непосредственно надъ глазами выступаютъ ушные отростки; на срединѣ главныхъ вѣтвей сидятъ средніе отростки, а на вышнемъ концѣ главныхъ вѣтвей образуется цѣлый вѣнчикъ, представляющій разнообразныя формы, смотря по возрасту и индивидуальнымъ особенностямъ оленя.

Глаза у него средней величины, чрезвычайно живые; слезныя ямки спускаются косвенно къ углу рта, образуя узкое продолговатое углубленіе, на внутреннихъ стѣнкахъ котораго выделяется жирная киселеобразная масса — знаменитая слеза оленя, по рассказамъ охотниковъ проливаемая имъ въ предсмертныхъ мукахъ; но на самомъ дѣлѣ животное выделяетъ ихъ треніемъ о деревья.

Окраска оленя различна, смотря по времени года, полу и возрасту. Зимой шерсть его сѣро-буроватая, а лѣтомъ рыжевато-бурая; подшерстокъ пепельно-сѣрый. Но встрѣчаются нѣрѣдко самыя разнообразныя переходы и измѣненія въ цвѣтѣ.

Лѣтомъ олени предпочитаютъ гористыя мѣстности ровнымъ и особенно охотно держатся въ сплошныхъ лѣсахъ, преимущественно въ лиственныхъ. Здѣсь они собираются въ большія или меньшія стада, за исключеніемъ старыхъ, сильныхъ оленей,

которые живутъ отдѣльно; но въ концѣ августа, во время спариванья, и они присоединяются къ стадамъ. Время это длится три недѣли, и затѣмъ болѣе сильныя снова уединяются. Вотъ такого-то оленя-одинца и изображаетъ нашъ рисунокъ въ началѣ осени, когда непогода заставляетъ его спуститься съ горъ и держаться въ низкомъ кустарникѣ равнинъ. Днемъ онъ лежитъ обыкновенно, спрятавшись въ своемъ логовѣ, подвечеръ выходитъ на паству и бѣжитъ скоро, крупною или мелкою рысью; возвращается же подъ утро медленною ходою. Всѣ движенія оленя легки, красивы и пріятельны: особенно, самецъ отличается своей благородной осанкой. Изъ вѣтвистыхъ чувствъ его преимущественно развиты слухъ, обоняніе и зрѣніе, что, къ несчастью, слишкомъ хорошо извѣстно каждому охотнику. Боязливость оленя вѣроятно вытекаетъ изъ опыта, который научилъ его считать человека злѣйшимъ своимъ непріателемъ. Кромѣ этого послѣдняго, врагами оленя можно назвать волка, рысь, росомаху и медвѣдя. Волки стадами преслѣдуютъ олени при глубокомъ снѣгѣ, устраивая настоящую травлю; рысь и росомаха бросаются оленю на шею съ вершины деревьевъ.

Оленей, пойманныхъ съ молоду, легко приручить; самки ласковы и послушны всю жизнь, самцы же съ возрастомъ становятся дикими и злыми — и нѣрѣдко убиваютъ людей.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло игумены Митрофаніи въ московскомъ окружномъ судѣ.

Дѣло это, имѣющее глубокий общественный интересъ, началось разборомъ 5-го октября. Болѣе чѣмъ за годъ до судебного его разбирательства, о немъ ходили разные толки; находившіе для себя мѣсто даже въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будетъ назначенъ день для разсмотрѣнія этого дѣла въ московскомъ судѣ, и заранѣе готовили себя къ особому виду наслажденія, вызываемому публичнымъ раз-

бирательствомъ всякаго скандальнаго процесса. Дѣйствительно, какъ только сталъ извѣстнымъ день назначенный для разсмотрѣнія дѣла игумены Митрофаніи, тысяча народа устремились къ подъѣзду Окружнаго суда, въ надеждѣ попасть на витересное зрѣлище, увидать знаменитую подсудимую вмѣстѣ съ ея сообщниками, и услышать повѣствованіе о той грандіозной сѣтѣ злоупотребленій, которыя современнымъ составомъ цѣлую эпоху нашихъ дней и во

всякомъ случаѣ представитъ интересный и драгоценный материалъ для характеристики современной намъ жизни.—Разбирательство это происходило при слѣдующей судебной обстановкѣ: председатель: г. Дрейеръ; члены суда: гг. Рингъ и Щепкинъ; обвинители: гг. Жукъ и Смирновъ; Игуменью Митрофанію защищали гг. Шайкеничъ и Целканъ, а остальныхъ подсудимыхъ—гг. Харитоновъ, Пржевальскій, Кейкуатовъ и Френкель. Свидѣтелей по этому дѣлу вызвано 103 человека. Въ составъ присяжныхъ вошли 7 купцовъ и 5 крестьянъ.

Сущность обвиненія игуменьи Митрофаніи и ея сообщниковъ заключается въ слѣдующемъ:

1. 30-го марта 1873 года, московскій Окружной судъ уведомилъ прокурора московскаго Окружнаго суда, что въ Сиротскомъ судѣ учреждена опека надъ ивѣньемъ и личностью почетной гражданки Прасковьи Ильиничны Медынцевой. Опека надъ этою личностью учреждена, какъ видно изъ указа Сената, вслѣдствіе ея нетрезвлаго поведенія и расточительной жизни,—по требованію мужа, засвидѣльствованному дознаніемъ полиціи и собраніемъ выборныхъ отъ купеческаго общества, удостовѣрившихъ, что Медынцева своимъ скандальнымъ образомъ жизни вынудила своихъ сына и мужа удалиться изъ дома, окружила себя людьми неблагонамѣренными, изъ корыстныхъ видовъ содѣйствующими ей вести такую жизнь, отъ которой состояніе ея должно подвергнуться неминуемой растратѣ. Состояніе же у Медынцевой было весьма значительное, а именно: недвижимая собственность, оцененная въ 283,930 руб. и приносящая ежегоднаго дохода болѣе 21,000 рублей, капиталъ въ облигаціяхъ кредит. общества на сумму свыше 16,500 руб., наличными деньгами слишкомъ 8,000 р., драгоценныхъ вещей на сумму свыше 20,000 р. и въ векселяхъ на 30,000 рублей; всего на сумму болѣе чѣмъ 358,000 р. Желая избавиться отъ опеки, Медынцева стала хлопотать о снятіи ея у разныхъ лицъ и учреждений,—но безуспѣшно. Тогда она, по совѣту и рекомендаціи квартальнаго надзирателя Ловягина, обратилась къ покровительству игуменьи Сернуховскаго Владычяго монастыря Митрофаніи, какъ урожденной баронессы Розенъ (дочери бывшаго наместника Кавказскаго), имѣющей большіи связи, съ просьбой оказать ей, Медынцевой, содѣйствіе въ снятіи съ нея опеки. Съ этою цѣлью Медынцева съ Ловягинымъ была у игуменьи нѣсколько разъ, и игуменья Митрофанія, обѣщая ей свое содѣйствіе, предложила переѣхать жить къ ней,—что Медынцева и исполнила, поселившись у игуменьи съ своимъ лакеемъ Миханломъ Ефимовымъ, который знаетъ все ея дѣла и вообще близокъ къ ней. Прожила она у игуменьи два года, именно до іюня 1872 года. Живя въ монастырѣ и проводя время почти неразлучно съ игуменьей, она совершенно подчинилась ея вліянію, исполняя все ея приказанія и не смѣя ей ни въ чемъ перечить. За все время пребыванія своего въ монастырѣ, она получила отъ опекуна своего Макарова не болѣе 600 р. сер. и постоянно слышала отъ него, что остальные деньги употребляются имъ на хлопоты по снятію опеки. Игуменья Митрофанія общалась лично ходатайствовать у Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы о снятіи съ Медынцевой опеки. Поэтому, всѣ прошенія по дѣлу Медынцевой подавала сама игуменья, и для этого требовала отъ Медынцевой подписи ея на листахъ чистой бумаги, увѣряя, что все это записки къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Довѣряя во всемъ игуменьѣ, не смѣя ей ни въ чемъ прескочить и не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, Медынцева подписала много такихъ листовъ чистой бумаги, съ нарисованными на одной сторонѣ столбиками. Получая такимъ образомъ бланковые подписи Медынцевой, игуменья, вписывая на этихъ листахъ текстъ, обращала ихъ потомъ въ векселя на имя разныхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, какъ-то: зубнаго врача Трахтенберга, временнаго саношковскаго купца Якова Красныхъ, двухъ монахинъ, московскихъ купцовъ Грязнова и Перелесова и другихъ. Всего къ суду представлено 16 векселей, подписанныхъ Медынцевой, на сумму 237,000 рублей сер. Векселя эти игуменья Митрофанія пускала въ оборотъ и получала за нихъ деньги, которыя неизвестно куда употребляла. А чтобы эти векселя имѣли силу, текстъ на нихъ выставлялся задними числами, предшествующими учрежденію надъ Медынцевой опеки. Кромѣ бланковыхъ подписей на чистой вексельной бумагѣ, игуменья требовала отъ Медынцевой и настоящихъ векселей: такъ, когда игуменья, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга въ Москву, объявила ей, что Сенатъ отказалъ въ снятіи съ нея опеки и что необходимо выдать одному лицу, для поправленія дѣла, 50 тысячъ рублей, то Медынцева подписала 5 векселей на вышеозначенную сумму, текстъ которыхъ былъ уже написанъ заранѣе игуменьей Митрофаніей. Кромѣ того, Медынцева обвиняетъ игуменью Митрофанію еще въ присвоеніи принадлежавшихъ ей, Медынцевой, шубы и муфты, цѣною около 400 р. Вещи эти, по словамъ игуменьи, были въ залогъ, тогда какъ по разслѣдованію оказалось, что онѣ были по ея приказанію проданы одною изъ приближенныхъ къ ней монахинъ. Но этимъ дѣйствіемъ игуменья Митрофанія, по отношенію къ Медынцевой, не кончилась: желая воспользоваться и самымъ ея недвижимымъ имуществомъ, игуменья предложила Медынцевой сдѣлать выдѣлъ ивѣнью сыну ея Николаю Медынцеву, а между тѣмъ сама вошла съ этимъ послѣднимъ въ соглашеніе, чтобы, въ случаѣ выдѣла, онъ обязался пожертвовать Владычине-Покровской Общинѣ сестеръ милосердія домъ городской

части близъ Навинки, цѣнностью въ 120,000 р., и деньгами 50,000 рублей,—и получила отъ него въ томъ рописки. Но выдѣлъ этотъ не состоялся, ибо Сиротскій судъ призналъ такое желаніе Медынцевой безцѣльнымъ и въ удовлетвореніи его отказалъ. Между тѣмъ, видя, что опеку не снимаютъ, Медынцева рѣшилась оставить монастырь, рассчиталась съ игуменьей и переехала въ свой домъ, въ іюнь 1872 года. Какъ только это совершилось, къ Медынцевой явилась игуменья, и потребовала отъ нея рописку въ томъ, что она, игуменья, содержала Медынцеву на свой счетъ въ продолженіи одного года и 9 мѣсяцевъ и что всѣ бумаги, въ разное время подписанныя Медынцевой, подписаны ею въ трезвомъ состояніи и твердой памяти. Затѣмъ, около масляной недѣли 1873 года, у Медынцевой были опекуны ея и близкіи къ игуменьѣ Митрофаніи человекъ, кузнецъ Макаровъ, и нотаріусъ Подховицковъ, и убѣждали ее рописаться въ какой-то книгѣ, сказавъ, что это о векселяхъ. Уступая ихъ просьбамъ и убѣжденіямъ, она рописалась въ книгѣ и на какой-то бумагѣ, которая вслѣдствіи оказалась признаніемъ со стороны Медынцевой долговыхъ обязательствъ на сумму 150,000 рублей. Но настоянню другаго своего опекуна, Гатцука, Медынцева запротестовала, объявивъ, что вовлечена сказанными лицами въ обманъ; а Сиротскій судъ, вытребовавъ объясненія отъ опекуновъ Макарова и Гатцука, нашелъ, что въ дѣйствіяхъ первыхъ изъ нихъ усматривается вымогательство отъ Медынцевой признанія ею долговыхъ обязательствъ и вовлеченіе ея, путемъ обмана, въ невыгодныя сдѣлки, почему и передалъ все дѣло на распоряженіе прокурора московскаго Окружнаго суда. Изъ допроса свидѣтелей и самой подсудимой оказывается, что векселями Медынцевой игуменья, между прочимъ, расплачивалась съ поставщиками различныхъ продуктовъ для монастыря, а также съ подрядчиками, исполнявшими различныя работы для Общины и монастыря; и что въ обманномъ взятіи отъ Медынцевой векселей принималъ участіе также, кромѣ игуменьи Митрофаніи, и кузнецъ Макаровъ. Сама же игуменья, въ свое оправданіе, заявила, что векселей у Медынцевой не выманивала и бланковыхъ подписей отъ нея не требовала; держала же ее при себѣ съ тѣмъ, чтобы предостеречь ее отъ всего дурнаго и водворить миръ въ ихъ семьѣ. Дѣйствія же свои по дисконту векселей Медынцевой объяснила содержаниемъ вырচিতъ потраченную ею на хлопоты по дѣлу и на содержаніе Медынцевой сумму, въ размѣръ 33,000 рублей сер. На основаніи всего вышеизложеннаго, игуменья Митрофанія участвуетъ въ томъ, 1) что выманила у Медынцевой, путемъ обмана и пользуется положеніемъ Медынцевой, бланковыми надписи и векселя и обратила ихъ въ свою пользу; 2) что, выманивъ эти бланки, дала имъ, противно желанію Медынцевой, назначеніе, обративъ ихъ въ векселя и написавъ векселя эти задними числами; 3) при содѣйствіи Трахтенберга и опекуна Макарова, путемъ обмана, получила свыше 300 р. изъ онекунскаго управленія Медынцевой, и 4) присвоила себѣ отданныя ей на храненіе вещи Медынцевой. Въ тѣхъ же преступленіяхъ участвуетъ и кузнецъ Макаровъ, а зубной врачъ Трахтенбергъ, сернуховскій кузнецъ Махалинъ и временно саношковскій кузнецъ Красныхъ—въ содѣйствіи первымъ двумъ при совершеніи ими вышеуказанныхъ преступныхъ дѣланій.

II. Столь же видную роль играла игуменья Митрофанія въ другомъ интересномъ дѣлѣ—въ дѣлѣ о подлогѣ векселей отъ имени петербургскаго купца Лебедева и бланковой надписи отъ имени московскаго купца Макарова. Все это происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ контору московскаго купца Чебарова, въ январѣ прошлаго года, представлены были къ учету четыре векселя, на сумму 14,000 рублей, выданные петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ Лебедевымъ на имя почетнаго гражданина Даниельсона и купца Макарова, съ бланковыми надписями послѣднихъ; между этими векселями одинъ былъ отъ имени Даниельсона на имя архангельскаго 1-й гильдіи купца Попова, съ его бланковой надписью, на сумму 8,000 р. Всѣ четыре векселя писаны въ Москвѣ въ іюнь и октябрѣ 1872 года. На слѣдующій день, утромъ, Лебедевъ заявилъ, что векселя эти подложны. Лица, представившія векселя эти, показали, что они приобрѣли ихъ отъ игуменьи Митрофаніи и имѣютъ отъ нея удостовѣреніе въ томъ, что за вѣрность подписей векселедателей и бланкодателей—она, иг. Митрофанія, ручается и отвѣчаетъ, а одинъ изъ представившихъ векселя прибавилъ, кромѣ того, что уплату по нимъ произвести не Лебедевъ, а игуменья Митрофанія изъ церковной кружки. Подложность подписи Лебедева на векселяхъ подтвердили многие изъ лицъ, хорошо знающихъ торговаго дѣла Лебедева и его подпись. Самъ Лебедевъ объяснилъ, что въ Москвѣ онъ не былъ уже года три или четыре, векселя выдаетъ только лѣсоторговцамъ, съ которыми обыкновенно имѣетъ дѣла, что Макарова и Даниельсона вовсе не знаетъ, игуменья же Митрофанію знаетъ, такъ какъ состоитъ членомъ с.-петербургской Общины сестеръ милосердія, давалъ ей иногда деньги взаимны небольшими суммами, но самъ у нея никогда денегъ не занималъ и векселя ей не давалъ. Векселями онъ никогда не жертвовалъ, ибо всегда имѣетъ свободныхъ денегъ на текущемъ счету до 25,000 руб. Съ другой стороны, кузнецъ Макаровъ, тотъ самый который принималъ столь дѣятельное участіе въ признаніи Медынцевой вышесказанныхъ въ свѣтъ игуменьей Митрофаніей векселей ея, показалъ, что бланковая надпись отъ его имени на одномъ изъ векселей Лебедева—подложная, что Лебедева онъ вовсе не

знает и векселей съ него никогда не бралъ. Къ своему показанію Макаровъ добавилъ, что никогда не слышалъ отъ матушки игуменни, чтобъ у нея были векселя Лебедева, на его, Макарова, имя. Спрошенпалъ въ качествѣ обвиняемой, игуменья Митрофанія, не признавая себя виновной въ подлогѣ векселей Лебедева, объяснила, что, задумавъ устройство московской Покровской Общины сестеръ милосердія рѣшительно безъ всякихъ денежныхъ средствъ, она старалась привлечь жертвователей преимущественно изъ среды богатаго кучества, посредствомъ исходайствования имъ высочайшихъ наградъ. При этомъ, желая обезпечить поступленіе обѣщанныхъ жертвователями денегъ, она брала съ нихъ векселя на имя разныхъ преданныхъ ей лицъ, по большей части изъ служащихъ въ Общинѣ, и даже получила отъ своихъ «благодѣтелей», какъ она ихъ называла, вексельные бланки, т. е. чистые листы вексельной бумаги, на которыхъ находилась только или подпись, или бланковая надпись. Когда наступала нужда въ деньгахъ, бланки обращались въ векселя, которые и поступали въ оборотъ при помощи тѣхъ же агентовъ ея, игуменни Митрофаніи. По ея словамъ, Лебедевъ выдалъ ей въ разное время тысячъ на пятьдесятъ вексельныхъ бланковъ, которыми она пользовалась по мѣрѣ надобности и выкупала при наступленіи сроковъ, а по нѣкоторымъ платилъ самъ Лебедевъ. Показанія монахини и лицъ, на которыхъ сослалась игуменья, не только не подтвердили ея словъ, но вызвали еще больше противорѣчій въ собственныхъ ея объясненіяхъ. Вышеозначенные векселя Лебедева четыре раза были подвергнуты чрезъ экспертовъ сличенію съ образцами несомнѣннаго почерка Лебедева и Макарова, и эксперты нашли, что подписи Лебедева на векселяхъ не имѣютъ никакого сходства съ его несомнѣнными подписями, хотя, конечно, видно стараніе поддѣлаться подъ настоящій почеркъ, — что текстъ векселей писанъ несомнѣнно рукою самой игуменни Митрофаніи и что подписи на векселяхъ отъ имени Лебедева *также имѣютъ сходство съ ея рукою*. Подписи Макарова на одномъ изъ векселей эксперты признали также не имѣющею сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ. Такимъ образомъ, вышеизложенными обстоятельствами сего дѣла, игуменья Митрофанія уличается въ подлогѣ векселей отъ имени купца Лебедева и бланковой надписи отъ имени купца Макарова.

III. Но «въицомъ» всѣхъ дѣяній игум. Митрофаніи является дѣло ея съ извѣстными московскими капиталистами и сектантами, братьями Солодовниковыми. Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, потомственный почетный гражданинъ Василій Герасимовъ Солодовниковъ, жалобой на имя прокурора московскаго окружн. суда, заявилъ, что въ уразу благочинія и коммерческой судъ за послѣднее время стали поступать ко взысканію векселя покойнаго брата его, мануфактуръ-совѣтника Михаила Солодовникова, выданные на имя серпуховскаго 2-й гильдіи купца Алексѣя Махалина, тогда какъ покойный никогда и никакихъ дѣлъ съ послѣднимъ не имѣлъ; поэтому Василій Солодовниковъ просилъ о производствѣ слѣдствія о подлогѣ означенныхъ векселей со стороны Махалина. Вскорѣ затѣмъ къ прокурору суда поступило гражданское дѣло по иску, предъявленному къ наследникамъ того же Солодовникова отъ имени начальницы Покровской Общины сестеръ милосердія, игуменни Митрофаніи, по роспискѣ въ 480,000 руб., съ неустойкою въ 100 тысячъ рублей, вслѣдствіе заявленнаго отвѣтчиками обвиненія игуменни Митрофаніи въ подлогѣ означеннаго документа. Спрошенный по этому дѣлу, купецъ Махалинъ, который оказался арендаторомъ мильнаго завода, принадлежащаго Серпуховскому монастырю, при предъявленіи ему 62 векселей Солодовникова, выданныхъ на его, Махалина, имя, выѣстъ съ удостовѣреніями отъ игум. Митрофаніи въ томъ, что эти векселя не подложны, — показали, что лично съ Солодовниковымъ онъ никакихъ дѣлъ не имѣлъ и лично отъ него никакихъ векселей не получалъ; получилъ же ихъ отъ игум. Митрофаніи, съ которою давно знакомъ, и, по ея просьбѣ, поставилъ на нихъ свои безоборотные бланки. Другіе свидѣтели показали, что они приобрѣтали векселя Солодовникова покупкою ихъ у той же игуменни Митрофаніи или у Махалина, платя за нихъ не дороже 75 к. за рубль, или же получали векселя непосредственно отъ игуменни, въ счетъ платежа за работы ихъ по Общинѣ; въ обоихъ этихъ случаяхъ

игуменья выдавала имъ также удостовѣренія на бланкахъ Общины и за ея печатью въ томъ, что передаваемые векселя не подложны. Привлеченная къ слѣдствію по этому дѣлу, игуменья Митрофанія объяснила, что означенные векселя составляютъ только часть сдѣланнаго покойнымъ Солодовниковымъ пожертвования въ пользу Покровской Общины сестеръ милосердія и Серпуховскаго монастыря. Съ покойнымъ Солодовниковымъ она познакомилась давно, такъ какъ онъ жертвовалъ ей неоднократно на три общины, находящіяся въ ея вѣдѣніи. Сношенія ея съ нимъ сдѣлались особенно близкими въ декабрѣ 1870 года, когда возгорѣлось въ Москвѣ дѣло о сьопцахъ — и Солодовниковъ, опасаясь ареста, прибѣгнулъ къ помощи игуменни Митрофаніи, прося у нея заступничества и ходатайства предъ Ея Императорскимъ Величествомъ. Исполнить просьбу Солодовникова лично ей было нельзя, а потому она вошла въ сношенія съ адвокатами Горденомъ и Серебрянымъ. Эти потребовали прежде всего денегъ. Солодовниковъ, по словамъ игуменни, выслалъ для этой дѣли сначала 75,000 руб., а когда этого оказалось недостаточно — еще 100,000 руб. и доплатительныхъ 7 или 8 тысячъ, которые адвокатъ Серебряный потерялъ на курсѣ отъ продажи процентныхъ бумагъ. Обѣ послѣднія суммы присланы были, какъ утверждаетъ игум. Митрофанія, вексельными бланками за подписью покойнаго Солодовникова. Не смотря, однако, на ея заступничество и на хлопоты адвокатовъ, дѣло не пришло къ желанному результату, ибо 7 января Солодовниковъ былъ арестованъ. Спрошенный на слѣдствіи, адвокатъ Серебряный показалъ, что онъ никакихъ денегъ, векселей или вексельныхъ бланковъ отъ Солодовникова не получалъ и вести его дѣла не брался; но это показаніе опровергается показаніемъ прикащика покойнаго Солодовникова, служившаго у него 30 лѣтъ, Простякова, который утверждаетъ, что Серебряный дѣйствительно получилъ деньги съ Солодовникова по бланковымъ векселямъ послѣдняго, и что на хлопоты по дѣлу этому покойный хозяинъ его истратилъ цѣ 205,000 руб., какъ доказываетъ игумен. Митрофанія, а 285,000 р., которая прошла черезъ ея руки. Что касается до пожертвованій Солодовникова въ періодъ времени отъ 1866 по июнь 1870 г., то игуменью Митрофаніей представлены были разныя письма и росписки; но подлинность этихъ документовъ была также заподозрѣна. Поэтому, принуждены были прибѣгнуть къ экспертизѣ, которую два раза производили сличеніе почерка покойнаго на двухъ несомнѣнныхъ документахъ Солодовникова — съ подписью его на заподозрѣнныхъ бумагахъ и векселяхъ. Оба раза эксперты пришли къ единогласному заключенію о несомнѣнной подложности всѣхъ этихъ документовъ и заявили, что всѣ они представляютъ весьма грубую поддѣлку подъ руку покойнаго Солодовникова. По мнѣнію экспертовъ, почеркъ на подложныхъ документахъ есть искаженный и *многія буквы и росчерки напоминаютъ почеркъ игуменни Митрофаніи*. Противъ этой экспертизы игум. Митрофанія выразила убѣжденіе, что эксперты были подкуплены. При осмотрѣ приходо-расходной книги монастыря, оказались многія несправности, подчистки и даже подлоги.

На основаніи всего вышеизложеннаго, обвиняются:

1) Начальница московской епархіальной Владычье-покровской общины сестеръ милосердія и серпух. Влад. монастыря игуменья Митрофанія въ совершеніи преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1160, 1692, 1694, 1688, 1682 и 3 п. 1671 Улож. о наказ.

2) Московскій 2-й гильдіи купецъ П. В. Макаровъ — въ совершеніи преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 1694, 1160, 1682, 3 п. 1671 и 598 Улож. о наказ.

3) Серпуховскій 2-й гильдіи купецъ Алексѣй Махалинъ — въ соучастіи съ игуменью Митрофаніей въ совершеніи преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 1160, 1694 и 1671 Улож. о наказ.

4) Зубной врачъ Левъ Дан. Трахтенбергъ и временно сапожковскій купецъ Яковъ Гр. Красныхъ — въ соучастіи съ игуменью Митрофаніей въ совершеніи дѣяній: первый — предусмотрѣнныхъ ст. 1160, 1671, 1694, 1688 Улож. о наказ., а второй — 1160, 1694 Улож. о наказ.; — почему всѣ они, согласно 201 ст. Уст. Угол. судопр., преданы были суду московскаго Окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №)

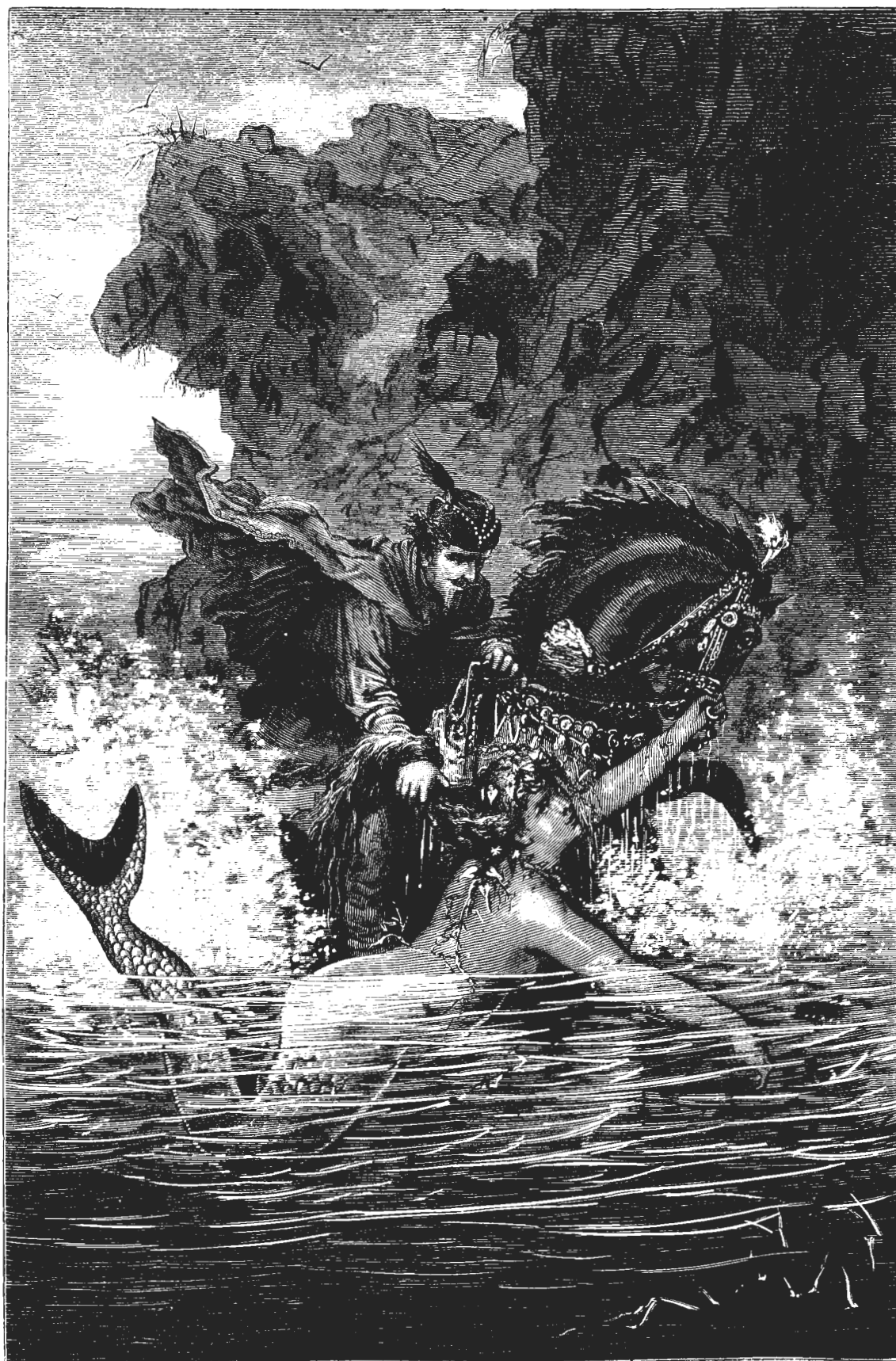
Политическое обозрѣніе.

I.

Въ конѣ прошлаго сентября, въ Пруссіи произошло событіе, надѣлавшее много шума, и впечатлѣніе котораго еще до сихъ поръ не изгладилось. Событіе это не только выдается изъ ряда обыкновенныхъ, но представляетъ собою фактъ даже необычайный въ лѣтописяхъ многихъ европейскихъ государствъ. Мы говоримъ объ арестѣ бывшаго германскаго посланника въ Парижѣ, графа Гарри Арнина. Но прежде чѣмъ мы расскажемъ о подробностяхъ этого ареста и о поводахъ къ нему, намъ необходи-

мо бросить взглядъ на самую личность арестованнаго, опредѣлить характеръ ея и то положеніе, которое занималъ онъ между государственными дѣятелями современной Германіи. Графъ Арнинъ, бесспорно, принадлежитъ къ числу наиболее способныхъ, умныхъ и самостоятельныхъ людей германской дипломатіи. Замѣчательнаго способности его, какъ дипломата, сразу выдвинули его на первый планъ. Онъ былъ представителемъ Германіи при римскомъ дворѣ какъ-разъ во время извѣстнаго всеевскаго собора, провозгласившаго догматъ о папской непогрѣшимости, и одинъ изъ пер-

выхъ возсталъ противъ этого догмата. По окончаніи войны съ Франціей, графъ Арнинъ былъ назначенъ представителемъ Германіи на брюссельскій конференціи, для веденія мирныхъ переговоровъ, — и хотя переговоры эти, какъ извѣстно, не привели къ желаемымъ княземъ Бисмаркомъ результатамъ, но графъ Арнинъ не потерялъ отъ этого своего вѣса въ дипломатіи и, благодаря могущественному покровительству императора Вильгельма, занялъ потомъ важный постъ германскаго посла въ Парижѣ. Во время своей дипломатической карьеры, графъ очень часто и по разнымъ поводамъ

Литературный альбомъ. «Морская Царевна» Лермонтова.

Рис. Коверзневъ, грав. Сосинскій.

имѣлъ столкновѣніи съ княземъ Бисмаркомъ. Первое столкновѣніе между ними произошло по поводу отношеній берлинскаго кабинета къ провозглашенію догмата напской неогрѣшимости; въ этомъ вопросѣ графъ Арнимъ позволилъ себѣ выразить несогласіе съ рѣзкими мѣрами князя Бисмарка, предложивъ ему политику болѣе умѣренную. Поводомъ ко второму столкновѣнію была медленность дѣйствій брусельской конференціи по заключенію мирнаго трактата между Германіей и Франціей, послѣдствіемъ чего было то, что князь Бисмаркъ, отстранивъ Арнима отъ переговоровъ, самъ взялся за дѣло, которое и было кончено имъ въ три дни. Но явнымъ полнѣйшимъ раздоромъ между этими двумя государственными дѣятелями послужила разница во взглядахъ ихъ на отношенія между Германіей, какъ побѣдительницей, и Франціей, какъ побѣжденной. Такъ, между прочимъ, когда графу Арниму, въ вѣстность его германскими посланникомъ въ Парижѣ, предписано было протестовать противъ нѣкоторыхъ мѣръ французскаго правительства, благоприятныхъ крайнимъ сторонникамъ римскаго духовенства, — то онъ, остановившись исполненіемъ данныхъ ему инструкцій, послалъ князю Бисмарку свое особое мнѣніе по этому поводу, но получилъ отказъ съ выраженіемъ неудовольствія. По словамъ нѣкоторыхъ безпристрастныхъ газетъ, взаимное нерасположеніе между этими государственными дѣятелями имѣетъ своимъ источникомъ разницу въ политикѣ каждого изъ нихъ. Князь Бисмаркъ, говорятъ эти газеты, государственный интересъ и интересъ и благо свое родины ставить выше интересовъ и дѣлей не только одѣльныхъ личностей, но даже и своихъ собственныхъ; въ видахъ этого, онъ не останавливается ни передъ какими жертвами — и, разъ задумавъ какое-нибудь дѣло, идетъ къ цѣли неуклонно и рѣшительно, — чѣмъ, конечно, не мало раздражаетъ людей, которые привыкли въ мутной водѣ ловить рыбу и которые о своихъ личныхъ выгодахъ и дѣляхъ не забываютъ даже при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ своей родины. Средства, употребляемыя «железнымъ княземъ» (какъ называютъ Бисмарка нѣмецкіе либералы) для доставленія успѣха своей политикѣ, не нравятся также и прогрессивской партіи, которая не одобряетъ никакихъ крутыхъ мѣръ и насилія надъ личностью гражданина; но она прощаетъ ему его крутую политику за примодушіе, рѣшимость и послѣдовательность во всѣхъ его дѣйствіяхъ и сходится съ нимъ въ стремленіи ко благу своего отечества. Совсѣмъ противное представляется намъ политика графа Арнима: этотъ человѣкъ интересъ своей партіи (консервативной) и свой личный ставитъ на первый планъ, разсчитывая, доставивъ преобладаніе своей партіи и восторжествовавъ надъ своими противниками, тѣмъ самымъ принести великую услугу отечеству и народу. Какъ бы то ни было, но усиленіе вліянія графа Арнима среди консервативной партіи, которая выбрала его даже своимъ вождемъ, показало князю Бисмарку опаснымъ, — и вотъ онъ, какъ утверждаютъ, рѣшился уничтожить своего противника совершенно.

Поводомъ къ арестованію графа послужилъ отказъ его выдать важные документы, имѣющие официальное значеніе и касающіеся различныхъ вопросовъ международныхъ сношеній Германіи съ Франціей. Когда на мѣсто Арнима посланъ былъ въ Парижъ князь Гогенлоэ, то этотъ послѣдній, по прибытіи на мѣсто и при ревизіи архива иностранныхъ дѣлъ, не нашелъ тамъ нѣкихъ официальныхъ документовъ, именно переписки князя Бисмарка съ графомъ Арнимомъ, о которыхъ сказано выше. Не найдя ихъ, онъ донесъ объ этомъ государственному канцлеру, а тотъ, черезъ государственнаго прокурора, обратился съ запросомъ къ графу Арниму. За отказомъ

этого послѣдняго выдать требуемые документы, произведенъ былъ въ Штеттинскомъ имѣніи его, Нассенгайте, строгій обыскъ, причемъ, конечно, желаемыхъ бумагъ не найдено. Тогда принуждены были арестовать графа и отвезти его въ берлинскую тюрьму, гдѣ онъ находится и по сіе время, въ ожиданіи суда и слѣдствія надъ нимъ. Произведенные затѣмъ строжайшіе обыски въ его квартирѣ въ Берлинѣ, у его тещи и сына, молодого поручика гвардіи, не привели ни къ чему, и таинственная переписка по прежнему остается въ рукахъ графа. Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ арестъ на общественное мнѣніе всей Европы. Большинство находитъ, что въ дѣлѣ этомъ не обошлось безъ чувства личной мести и недоброежелательства, и что во всякомъ случаѣ не было необходимости прибѣгать къ столь крайней мѣрѣ, какъ арестъ такого вліятельнаго и высокопоставленнаго лица, какъ графъ Арнимъ. Какъ бы ни былъ виновенъ этотъ человѣкъ, съ точки зрѣнія государственнаго права, но скандализировать его передъ лицомъ всей европейской дипломатіи — по меньшей мѣрѣ опрометчиво. Общественное мнѣніе отнеслось къ этому поступку такъ враждебно, что стало даже заподозривать берлинскій городской судъ въ томъ, не находится ли онъ подъ вліяніемъ могущественнаго государственнаго канцлера, отъ котораго, будто-бы, получаетъ инструкціи, какъ дѣйствовать въ настоящемъ дѣлѣ. По этому поводу, въ берлинской официальной газетѣ появилось заявленіе предсѣдателя этого суда, въ которомъ возмѣщается, что самостоятельность городского суда не подлежитъ никакому сомнѣнію и что онъ, въ вопросѣ объ арестованіи графа Арнима, равно-какъ и въ дѣлѣ обысковъ, стоялъ и продолжаетъ стоять единственно на почвѣ закона, и что никакія вѣншія давленія не могутъ вліять на его рѣшенія. Несмотря на эти увѣренія, скептики продолжаютъ утверждать свое, прибавляя при этомъ, что хотя, основываясь на преданіи, il y a des juges à Berlin, но что, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и другой французской пословицы — qui s'excuse — s'accuse!...

Борьба между церковью и правительствомъ въ Пруссіи и Австріи, о которой мы столько разъ давали уже отчетъ нашимъ читателямъ, съ теченіемъ времени не только не унимается, но еще больше возрастаетъ. Упорная политика духовенства, во что бы то ни стало желающаго сохранить свои права въ отношеніи къ приходу и къ свѣтскимъ властямъ, сильно раздражаетъ правительство, заставляя его прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ аресты епископовъ, конфискація ихъ имущества, штрафы, заключенія въ тюрьму и т. д. Удаляя съ приходоухъ священниковъ, незаконно назначенныхъ епископами, правительство назначаетъ на ихъ мѣста лицъ, выбранныхъ имъ, но не изблуженныхъ папскою. Вслѣдствіе этого, водвореніе сихъ послѣднихъ встрѣчаетъ сильное неудовольствіе въ прихожанахъ, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Познани перешло даже въ открытое сопротивленіе: прежній, назначенный епископомъ священникъ, въ одной изъ тамошнихъ общинъ, отказался выдать новому ключъ отъ церкви, почему принуждены были взломать церковныя двери; но во время самаго богослуженія въ церковь ворвалась толпа народа, съ хоругвями, образами и проч. и начался такой гамъ, сопровождаемый проклятіями, что нельзя было кончить службы. Впрочемъ, свѣтскія власти распорядились приводомъ войска, и наружный порядокъ былъ восстановленъ лишь съ помощью грубой силы.

Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о новомъ кровавомъ столкновеніи между турками и черногорцами. Поводомъ къ столкновенію послужило убійство однимъ туркомъ другаго. Несмотря на полную невинность

въ этомъ дѣлѣ черногорцевъ, турки, съ оружіемъ въ рукахъ, напали на монастырь въ Пинери, умертвили архимандрита его, 17 черногорцевъ и нѣсколько женщинъ.

II. (Собственныя корреспонденціи «Нивы»).

Парижъ, 29 (17) октябр.

Выборы въ департаментѣ приморскихъ Альпъ окончились торжествомъ для республиканской партіи, потому что г. Шири и Медесень были выбраны огромнымъ большинствомъ голосовъ. Кандидаты *de l'ordre moral* — сенартисты гг. Руассаръ и Дюранди, не смотря на поддержку префекта г. Вильневъ-Баржемона, и на заявленіе преданности сенатату, все-таки потерѣли фіаско и остались въ глазахъ своихъ избирателей тѣмъ, что они есть, т. е. сенартистами и врагами Франціи. Думали ли эти господа серьезно примкнуть къ сенартистскому движенію въ Ниццѣ или сконспиритировать себя безтактнымъ поведеніемъ — рѣшить трудно; достовѣрно только то, что они плохіе патриоты и что политическая карьера ихъ можетъ считаться оконченною. Подобные типы представляютъ впрочемъ довольно заурядное явленіе въ общественной жизни присоединенныхъ странъ. Въ департаментѣ Па-де-Калэ бонапартистъ г. Дельс-Ангранъ получилъ на выборахъ три тысячи голосовъ больше, чѣмъ республиканскій кандидатъ г. Франсуа Брамъ; но такъ какъ ни тотъ ни другой не получилъ абсолютнаго большинства голосовъ, то дереквалитировка назначена 1 ноября. Третій кандидатъ, легитимистъ г. Жонгле-де-Линь не явился на дереквалитировку, такъ что окончательный результатъ выборовъ въ Па-де-Калэ находится въ рукахъ его избирателей. Въ своемъ циркулярѣ г. Жонгле-де-Линь совѣтуетъ избирателямъ воздержаться отъ подачи голосовъ въ пользу того или другаго кандидата; несомнѣнно, однако, что изъ 18 тысячъ избирателей г. Жонгле отдѣлится группа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но за кого будутъ вотировать эти легитимисты — рѣшить трудно. Газета Па-де-Калэ — органъ мѣстныхъ легитимистовъ — говоритъ, что тѣ, которые рѣшатся вотировать, несомнѣнно подадутъ голоса за г. Франсуа Брамъ. Тѣмъ не менѣе выборъ этого республиканскаго кандидата подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ бонапартистская партія очень многочисленна въ этомъ департаментѣ, который республиканцы называютъ не безъ основанія съверкой Корсикой. Вообще, до сихъ поръ бонапартисты дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ, но и среди ихъ проявился расколъ. Г. Жеромъ Бонапартъ, заболитированный въ Аяччіо въ должностъ президента генеральнаго совѣта, отдѣлился отъ чизльгеретской партіи, и составилъ отнынѣ купно съ г. Морисомъ Рижаромъ отдѣльную партію, — какъ видите, не многочисленную. Въ письмѣ къ своимъ корсиканскимъ избирателямъ г. Жеромъ Бонапартъ находитъ, что чизльгеретская партія позволяетъ себѣ слишкомъ много, что послѣ сдѣланныхъ ошибокъ ей всего приличнѣе было бы молчать, что она-де до сихъ поръ мечтаетъ только о насильственныхъ переворотахъ и ссылакахъ, — но что онъ, Жеромъ Бонапартъ — человѣкъ истинно либеральный, готовый подчиняться всякой формѣ правленія, которую Франція установитъ посредствомъ свободной подачи голосовъ. Подобный апломбъ по истинѣ изумителенъ. Всему міру извѣстно, что послѣ государственнаго переворота на г. Жерома Бонапартъ посыпались всякія мірскія блага, которыми онъ пользовался въ теченіи 17 лѣтъ. Любопытно знать, кого могъ онъ прельстить своей либеральной болтовней, которая имѣетъ совершенно въ разрѣзъ съ его прошлымъ! Ужъ не мѣтитъ ли онъ попасть въ правый центръ, ухватившись за то обстоятельство, что правительственная партія обратилась къ *благодѣтельнымъ* людямъ *всѣхъ партій* для организаціи сенатата? Но въ томъ-то и бѣда,

что не принадлежат больше к чизльгерстской партии г. Жеромъ Бонапартъ сталъ совершенно бесполезенъ, какъ человекъ непопулярный и вдобавокъ совершенно изолированный. Что касается переговоровъ о соглашении, которые ведутся теперь между обоими центрами,—то имъ не слѣдуетъ придавать большого значенія. Эта примирительная наклонность всегда проявляется передъ зимней сессіей и не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Да и можетъ ли быть иначе: партия предпринимчивыхъ герцоговъ заявляетъ постоянное искреннее желаніе сдѣлаться либеральными пэрами и заставить въ верхней палатѣ обставленной обширными прерогативами; потомки короля-гражданина, стоящіе во главѣ этой партии, желаютъ по меньшей мѣрѣ пожизненнаго президентства для одного изъ членовъ своего дома, и сверхъ того не прочь отъ пріятной перспективы маленькаго и по возможности безбиднаго *сюр д'ѣтат*; лѣвый центръ твердитъ свое, а именно: окончательное провозглашеніе республики во Франціи, путемъ организациі республиканскихъ учреждений,—а затѣмъ, въ программу его входятъ новые всеобщіе выборы, которые дадутъ странѣ вновь популярную палату; вотъ эта палата и будетъ въ состояніи, по убѣжденію дѣятелей лѣваго центра, поддерживать и развивать республиканскія учрежденія. Лѣвый центръ соглашается на верхнюю палату (проектъ конституціи г. К. Перье) безъ личнаго прерогативъ ея членовъ, а правый центръ упорствуетъ; лѣвый центръ стоитъ за свободу всеобщей подачи голосовъ,—правый центръ, оставаясь при теоріи *de la vile multitude*, желаетъ обуздать и просвѣтить *le suffrage universel*. Сверхъ того, герцоги-доктриперы находятъ, что безъ осаднаго положенія порядкомъ во Франціи немисляемъ; не будь этого благодѣтельнаго учрежденія — города, пригороды и вѣси ихъ любезнаго отечества представляли бы нынѣ обширное пожарище. Лѣвый центръ отвѣчаетъ на это, что осадное положеніе вовсе не нужно, такъ какъ страна достаточно доказываетъ умѣренность своихъ политическихъ стремленій выборомъ столь консервативныхъ республиканцевъ, какъ гг. Кальмонъ, Майлье, Сенаръ, Медесенъ, Шири, Рамо и другіе въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ. Почтанные члены обоихъ центровъ дѣлаютъ нынѣшнюю осенью новую попытку къ соглашенію, изъ которой, повторимъ еще разъ, врядъ ли что нибудь выйдетъ. Бонапартисты въ эти темные вечера обдѣлываютъ въ тихомолку свои дѣлашки; всякій разъ, какъ соглашеніе съ

лѣвыми центромъ не состоится, правительственная партия г. е. правый центръ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, чтобы образовать хоть какое-нибудь большинство для открывающейся сессіи и обращается сперва къ легитимистамъ, которыхъ легче всего провести; тогда, изъ среды *chevaux-legers* отдѣляется обыкновенно человекъ 20—30 наиболее легковѣрныхъ... Затѣмъ, правый центръ обращается къ бонапартистамъ. Здѣсь задача становится затруднительнѣе, такъ какъ одними посулами съ этими господами ничего не сдѣлаешь, каждая услуга ихъ имѣетъ опредѣленную мѣнову стоимость,—напр. 24 мая 1873 г. для сверженія г. Тьера понадобилось 22 голоса, и бонапартисты съ удовольствіемъ предложили свои услуги г. Брою на слѣдующихъ условіяхъ: новое правительство предоставитъ имъ три министерскихъ портфеля, 15 префектуръ (всѣхъ 86), 28 супрефектуръ, и обязуется сохранять политическую нейтральность при избраніи мэрвъ (даже помощи не просить!); г. Брой согласился—и на слѣдующій день гг. Манъ, до-Барраль и Десселины получили обѣщанные портфели; префектуры и супрефектуры были розданы по указанію г. Руэра, который попалъ даже въ тайные совѣтники. Передъ вотировкою семилѣтнихъ полномочій г. Макъ-Магона, кабинетъ г. Броя согласился по настоянію того же Руэра способствовать бонапартистскимъ кандидатурамъ, дозволить чизльгерстскимъ изгнанникамъ прѣзжать во Францію, если они того пожелаютъ, и возвратить немедленно китайскій музей г-жѣ Бонапартъ. Г. Брой и на это согласился; результатомъ этой политики было то, что въ Кальвадостъ и Па-де-Калеъ выбраны были нынѣ лѣвомъ два бонапартиста, что въ Парижѣ былъ открытъ бонапартистскій заговоръ въ концѣ прошлаго іюня, слѣдствіемъ котораго были уличены безпорядки на станціи Сентъ-Лазаръ; что же касается китайскаго музея, то онъ давно находится въ Чизльгерстѣ, между тѣмъ какъ вопросъ о томъ, составляетъ ли онъ частную собственность семейства Бонапарта или національную, далеко не выясненъ. Любопытно знать, какіе уступки бонапартистамъ можетъ сдѣлать теперешній кабинетъ, если услуги ихъ окажутся необходимыми? Вчерашнее засѣданіе постоянной комиссіи было довольно оживленное. Г. д'Абовиль поставилъ вопросъ о томъ, какого рода обязательства приняла на себя Франція на Брюссельскомъ конгрессѣ, и указалъ при этомъ на осторожную политику Англии, которая рѣшительно отклонила отъ себя обя-

зательство соблюдать правила выработанныя конгрессомъ, такъ какъ уполномоченный ея подписался подъ протоколомъ засѣданій въ качествѣ *простаго свидетеля*. Г. хранитель печати отвѣчалъ, за отсутствіемъ г. Деказа, что ему неизвѣстно: приняла ли Франція какія либо обязательства, но что полные отчеты засѣданій конгресса появятся на дняхъ въ «*Journal Officiel*».

Германскій парламентъ открылъ свои засѣданія вчера, 29 октября. Тронная рѣчь императора заключаетъ увѣренія въ томъ, что имперія находится въ дружескихъ сношеніяхъ со всѣми державами и что *воплнѣ* дружескія отношенія съ самыми могущественными изъ нихъ облегчатъ Германіи возможность поддерживать миръ въ Европѣ. Но, добавилъ царственный ораторъ, законы объ организациі ландштурма, о призывѣ подъ знамена, и о способѣ скорѣйшей мобилизациі войскъ, всетаки необходимы «для того чтобы заставить *умолкнуть несправедливую подозрѣнію* касательно нашихъ намѣреній, и въ случаѣ нужды, *кагда эти подозрѣнія перейдутъ въ дѣйствія*, чтобы имѣть возможность дать надлежащій отпоръ. Дополнительное предложеніе, «когда эти подозрѣнія перейдутъ въ дѣйствія» имѣетъ конечно успокоительное вліяніе, не смотря на «несправедливую подозрѣнію» и на вытекающую изъ этого необходимость усилить армію; это вставное предложеніе показывается ясно, что Германія не нарушитъ первая мира. Затѣмъ, императоръ объявилъ, что правительство приняло всѣ мѣры чтобы выработать обще-германскій кодексъ гражданскаго права, въ которомъ чувствуется большая необходимость въ настоящее время. И дѣйствительно, не смотря на глубокое уваженіе наше къ Римскому праву, мы думаемъ что юридическіе принципы имъ выработанные во многомъ устарѣли, исключая отъ себя объ обязательствахъ*),—такъ что юридическія понятія и формы сложившіяся у всѣхъ народовъ при современныхъ отношеніяхъ имѣютъ право быть собраны въ одно стройное цѣлое. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что германскій кодексъ будетъ однимъ изъ образцовыхъ въ Европѣ,—и отъ души радуемся этому. Мы всегда думали, что родина Канта, Лейбница, Гегеля, Гёте и Гейне, можетъ принести громадную пользу человечеству, подъ условіемъ мирнаго развитія ея національной жизни.

Н. Чашниковъ.

*) Который ведетъ уже пополнѣетъ.

СМѢСЬ.

Литературный альбомъ. «МОРСКАЯ ЦАРЕВНА» ЛЕРМОНТОВА.

Ни одному изъ европейскихъ народовъ не чуждъ мнѣ о морской царевнѣ, являющейся то въ первобытной простотѣ сагъ, то въ поэтической обработкѣ позднѣйшихъ временъ и писателей, напр. въ формѣ очаровательной сказки Андерсена—или въ романтической поэмѣ «Ундины» и проч. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и нашъ русскій поэтъ удѣлилъ этому граціозному вымыслу частіцу своего вдохновенія.—Выхалъ царевичъ на берегъ моря купать своего коня; гордо высятся вокругъ него прибрежныя скалы, озаренныя вечернимъ солнцемъ, съ глухимъ ропотомъ набѣгаютъ на нихъ волны морскія, дробятся объ утесъ и осипаютъ его брызгами бѣлой пѣны... Заглядѣлся царевичъ, задумался—и слышитъ вдругъ въ этомъ говорѣ волны, кто-то зоветъ его. Не почувствовалъ ли ему? Нѣтъ, вотъ и конь испугался чего-то, насторожилъ уши, бѣтаетъ и брызжетъ пѣной во всѣ стороны...

Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
Хочешь провѣстать ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловить за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплеталась морская трава.

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслить царевичъ: «Добро же, стой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукою...

Схватилъ царевичъ дорожку добычу, и не видя на мольбы и стоны ея, смѣло плыветъ къ берегу, сбликаетъ своихъ товарищей, сѣмша похвастаться удачей. Въ самомъ дѣлѣ, кому не вскружить головы такой подвигъ?—похитить дочь у морскаго царя, у этого страшнаго чудища, который ю ночамъ лишь выходитъ изъ рѣдъ на морскія берега, погрѣться на мѣсяцѣ съ своими богатырями,

разчесать свою длинную сѣдую бороду, перенутанную прибрежною осокой!... Да еще какую дочь-то—первую красавицу въ мірѣ! Такъ велико самообольщеніе царевича, что онъ ужъ и не оглядывается на свою добычу,—а прямо обращается къ лихимъ дружелюбъ своимъ съ похвалой... Но тѣ стоятъ предъ нимъ въ смущеніи и страхѣ, не находя словъ какъ отвѣтить царевичу. Оглянулся онъ наконецъ—и вопль ужаса вырвался изъ его стѣсненной груди... Передъ нимъ, вмѣсто дѣвы-красы, лежитъ на пескѣ чудо морское съ зеленымъ хвостомъ, покрывшимъ змѣиной чешуею; судорожно свиваются и замирая трепещатъ его кольца: съ чела струи сбѣгаетъ пѣна, очи одѣты предсмертною мглой, блѣдныя руки хватаютъ песокъ и на устахъ ея шевелятся ненормальные упреки...

Вдѣтъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— Указомъ Прав. Сенату отъ 1-го октября 1874 г. Высочайше повелѣно: для пополненія арміи и флота призвать въ 1875 г., въ предписанномъ Уставомъ о воинской повинности порядкѣ, *сто пятьдесятъ тысячю* человекъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми оставлены будутъ въ предстоящій привывъ освобождаящія отъ службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени.

— Указомъ Прав. Сенату отъ 12-го октября 1874 г. Высочайше повелѣно: Управление Кутаисскою губерніею установить на общемъ, существующемъ въ Имперіи основаніи замѣною званія кутаискаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частью, знаніемъ кутаискаго губернатора, сохранивъ при этомъ подчиненіе Управленія означенной губерніею Намѣстнику Кавказскому на правилахъ, изданныхъ для губерній Закавказскаго Края.

Народное просвѣщеніе.

— Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому благоугодно было сообщить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ о предложеніи Святейшаго Патриарха-Католикоса всѣхъ Армянъ устроить при Эчмиадзинскомъ монастырѣ Духовную Академію на основаніи составленнаго Его Святейшествомъ проекта правилъ. Представленные Его Величеству при журналѣ Кавказскаго комитета, правила Эчмиадзинской Армянской Духовной Академіи удостоены 1-го октября Высочайшаго утвержденія.

— Въ послѣднее время открыты слѣдую-

щія учебныя заведенія: 26-го августа въ Бѣлгородѣ Курской губ. гимназія (въ составѣ 4-хъ низшихъ классовъ и приготовительнаго), 30-го августа въ Медитополь Таврической губ. реальное училище, 12-го сентября въ с. Промзинѣ Симбирской губ. Алатырскаго уѣзда двухклассное начальное народное училище, 22-го сентября въ Прилукахъ Полтавской губ. четырехклассная прогимназія, 26-го сентября въ С.-Петербургѣ шестая четырехклассная прогимназія, и въ Новгородской губ. Устюжскаго уѣзда въ с. Трегубовѣ одноклассное сельское училище; въ сентябрѣ же открыты прогимназіи: Егорьевская въ Казанской губ., Касимовская въ Рязанской губ., Рославльская въ Смоленской и Бѣльская въ Гродненской; 2-го октября въ Балтійскомъ портѣ церковно-приходская школа при православной церкви св. Георгія, 6-го октября въ Одессѣ 2-я классическая гимназія, въ Житомирѣ женская ремесленная школа.

— На открытѣ 6-го октября, первое послѣ каникулъ народное чтеніе въ Солянскомъ Городкѣ явилось слушателей 460 платныхъ и болѣе 50 бесплатныхъ. Въ 1872 году на первое чтеніе явилось 165 слушателей, въ 1873 г. — 350. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нынѣшнемъ году на уличныхъ афишахъ объ открытіи чтеній объявлено не было, а коммисія ограничилась объявленіемъ о нихъ въ газетахъ и на дверяхъ музея.

Военное и морское дѣло.

— Изъ Аму-дарьинскаго отдѣла сообщаютъ въ «Русскій Инвалидъ» отъ 23-го сентября, что на лѣвѣмъ берегу Аму, въ Хивинскомъ ханствѣ, положеніе дѣлъ весьма натянуто.

Грабежи туркменъ начинаются даже въ окрестностяхъ Хивы. Туркмены-таже изъ Мерва тоже начинаютъ высылать свои шайки; одна изъ нихъ, человекъ въ 200, ограбила узбековъ и ата-туркменъ къ югу отъ Питняка. Есть слухъ о намѣреніи шаекъ тѣе перебраться на нашъ правый берегъ, несмотря на то, что около Кукергли (близъ Аму-дарьи, въ бухарскихъ предѣлахъ) выставленъ бухарскій караулъ. Кажется, придется снова повторить январскій набѣгъ на лѣвый берегъ рѣки, чтобы привести къ порядку хивинскихъ туркменъ. Ханъ проситъ нашей помощи.

Почтовый ящикъ.

Барону Р... въ г. Свенцианы.

По поводу полученія иногда нашими подписчиками неполныхъ номеровъ «Нивы» мы уже неоднократно обращались въ Почтовый Департаментъ съ просьбою дозволить намъ числать номера «Нивы» гг. иногороднымъ подписчикамъ въ слухихъ заклеенныхъ конвертахъ, но на эти просьбы получали отказы, — почему и находимся вынужденными заявить объ этомъ своимъ подписчикамъ, чтобы разъ навсегда оградить себя отъ неслучайныхъ упрековъ подписчиковъ, которые полагаютъ, что редація, посылая въ открытыя бандероляхъ, выдвываетъ тѣмъ какія нибудь копейки.

СОДЕРЖАНІЕ: Ляланда III. В. И. Пеширевича-Даченки (съ рисункомъ). — Дауногій волкъ. Романъ И. Каразина (продолженіе). — Дождь сумасшедшихъ. Картина В. Ф. Каульбаха (съ рисункомъ). — Осенней порой (съ рисункомъ). — Судебная хроника. Дѣло игумена Митрофанія въ московскомъ Окружномъ судѣ. — Политическое обозрѣніе и собственныя корреспонденціи «Нивы». Н. Чаникова — Литературный альбомъ. «Морская царица» Лермонтова (съ рисункомъ).

Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

***) Компанія пожаловано, наименованіе поставщика Императорско-Королевскаго Австрійскаго Двора.**

МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ КОМПАНИИ ЛИБИХА
изъ ФРАЙ-БЕНТОСА (въ Южной Америкѣ).
Четыре золотыя медали: Парижъ 1867 (?), Гавръ 1868, Москва (большая) 1872.
Три почетныхъ диплома: Амстердамъ 1869, Парижъ 1872, Вѣна 1873.
Дипломъ „Видъ конкурса“ Люнь 1872.

Мясной экстрактъ Либиха не портится и служитъ преимущественно: Въ домашнемъ обиходѣ: для немедленной придачи супамъ надлежащей густости или для дешеваго ихъ приготовленія съ помощью овощей и костей (какъ свѣжихъ, такъ и отъ жаркаго) Въ кухнѣ болѣе утонченной: для придачи крѣпкимъ бульонамъ (консоме), соусамъ, рагу, и т. п. особенно пріятнаго вкуса.
„На производствѣ одной фунтовой банки мяснаго экстракта Компанія Либиха затрачивается одинъ фундъ и десять фунтовъ лучшей говядины“ (см. указаніе употребленія).

НАСТОЯЩИМЪ слѣдуетъ призвать экстрактъ только тогда, когда на этикетѣ каждой банки изображено синее красное: *J. Libich*

Главные Агенты для Россіи: **Братья Фохтъ**, въ С.-Петербурѣ, В. О., 3 лин., д. Юнгера.
Продается: у Бр. Елисеєвыхъ, Я. А. Фохтъ, С. Г. Саурова, Штоль и Шмидтъ, Г. А. Гауфъ и Ко., въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекаремнми Товарами и въ другихъ колоніальныхъ, фруктовыхъ и москательныхъ магазинахъ также и въ аптекахъ.
Каждая банка имѣетъ русское указаніе употребленія и русскую этикетку съ подписью названныхъ Либихъ Агентовъ: *Братья Фохтъ*

Ч айники, кофейники, сахарницы и сливочки изъ бѣлаго Британскаго металла, никогда неизмѣняющагося, въ магазинѣ мельхоровыхъ издѣлій

Александра Чайники отъ 2 1/2 до 3 1/2 р. **Александра Качъ.** Кофейники 3 1/2 > 5 > Качъ. Сахарницы 3 > 4 1/2 > Сливочки 1 > 1 1/2 >

На Невскомъ противъ Думы, въ д. Еврейской Гостиницы. Гг. иногородныхъ, прошу прислать при каждомъ рублѣ за 1 фунтъ портовыхъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный 60 к.
2) > > Иногороднаго на С.-Петербургскій 50 >
3) > > Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ прислать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

При этомъ номерѣ прилагается полное объявленіе о подпискѣ на „НИВУ“ въ 1875 году, на каковое мы просимъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе, такъ какъ въ немъ перечислены всѣ наши изданія, которыя мы для нашихъ подписчиковъ продаемъ по значительно уменьшенной цѣнѣ. Гг. подписчики весьма обяжали бы насъ, принявъ на себя трудъ ознакомить съ этимъ объявленіемъ кругъ своего общества.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются объявленія: отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ, и отъ Манухина.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 18-го ноября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновле-
 ніемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

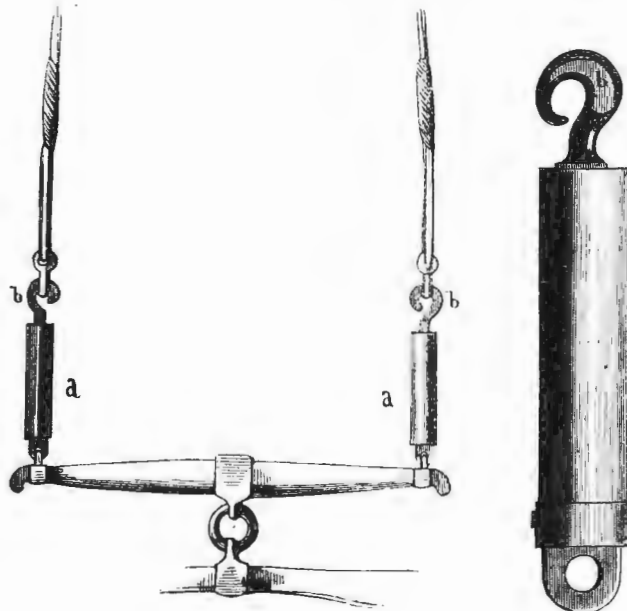
I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи.	5 р. 50 к.)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Къ слѣдующему (декабрьскому) выпуску „Парижскихъ Модъ“ (который будетъ приложенъ при 49 или 50 № „Нивы“) мы прибавимъ особые чертежи **выкроекъ для трехъ костюмовъ**. Подобные чертежи будутъ прилагаться и въ 1875 году, безъ возвышенія подписной цѣны.

ФЕРМАНОВЪ АППАРАТЪ ДЛЯ СБЕРЕЖЕНІЯ ЛОШАДИНОЙ СИЛЫ.

Извѣстно, что сдвинуть тяжело-нагруженный возъ съ мѣста—гораздо труднѣе, нежели везти его потомъ, когда онъ уже приведенъ въ движеніе,—потому и сила, потребная для подъема съ мѣста, гораздо значительнѣе той, которая тратится въ пути. Количество силы, потребной для приведенія воза въ движеніе, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ скорѣе тѣла переходить изъ состоянія покоя въ путевую скорость,—и по произведеннымъ опытамъ вдвое и даже втрое превосходитъ силу, съ которой лошадь везетъ разошедшійся возъ. При тяжелыхъ грузахъ, лошади, всегда старающіяся поднять возъ какъ можно скорѣе, не въ состояніи приложить всей потребной для того силы и стараются сразу рвануть его, обрушиваясь всей тяжестью тѣла въ хомутъ. При этомъ онѣ выбиваются изъ силъ и нерѣдко получаютъ ссадины, не говоря о порчѣ збруи и тѣлеги. Для устраненія этихъ неблагопріятныхъ условий, инженеръ Ферманъ въ Потсдамѣ изобрѣлъ слѣдующій

Фиг. 1. Фермановъ аппаратъ для сбереженія лошадиной силы. Грав. Вейерманъ. Фиг. 2.

аппаратъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Какъ видно на фиг. 1 а—а, аппараты прикрѣпляются между постромками и валькомъ, такъ что на каждую лошадь нужно два аппарата; при русской упряжи они должны быть укрѣплены между оглоблей и осью. Аппаратъ (фиг. 2) состоитъ изъ снабженнаго осью цилиндрическаго футляра, наполненнаго кольцами изъ каучука въ перемежку съ жестяными кружками. На послѣднемъ, т. е. самомъ заднемъ кружкѣ укрѣпленъ стержень, который, проходя сквозь каучуковыя кольца и прочіе жестяные кружки, выступаетъ съ передняго конца изъ цилиндрическаго футляра и посредствомъ крючка вѣ прикрѣпляется къ постромкѣ. Понятно, что лошадь, начиная сдвигать возъ, прежде всего дѣйствуетъ на стержень, вытягивая его изъ аппарата и сжимая такимъ образомъ каучуковыя кольца къ переднему концу футляра; когда же возъ придетъ въ движеніе, не требующее уже прежней силы, то кольца эти

вслѣдствіе своей упругости снова расширяются и втягиваютъ стержень въ аппаратъ. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній устанавливаетъ эластическую связь между лошадей и возомъ. Опытъ показываетъ, что при этомъ не только подъемъ воза съ мѣста значительно облегчается, но что и толчки на неровностяхъ дороги ослабляются и не утомляютъ лошадь. По этому выгоды, представляемыя этимъ аппаратомъ, неоцѣнны: лошадь гораздо спокойнѣе и охотнѣе под-

нимаетъ возъ, такъ какъ, вслѣдствіе упругости аппарата, ей съ перваго легкаго усилія кажется, что возъ уже пришелъ въ движеніе, и затѣмъ она постепенно напрягаетъ свои мускулы, стягивая болѣе и болѣе каучуковыя кольца, пока не достигнетъ надлежащей силы, достаточной для сдвинутія самаго воза. Изъ точныхъ опытовъ оказывается, что съ аппаратомъ поднятіе воза облегчается на 11—17%, что средняя сила лошади необходимая для перевозки уменьшается

на 18—20%, и что вредное дѣйствіе толчковъ на ухабахъ и рытвинахъ ослабляется на 22—33%. Кроме того, аппаратъ значительно сберегаетъ ремни сбруи. Аппаратъ равно приложимъ и для обыкновенныхъ горючихъ экипажей. Получать его можно у Фермана и Шванка въ Берлинѣ (Oranienstrasse, 56) и у д-ра Сельника, складъ въ Лейпцигѣ (Pfaendorferstrasse, 21).

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XVI.

Печальное утро.

Наступило утро, сѣрое, мгlistое, удушливое.

Порывы урагана значительно ослабѣли, но по всему лагерю все еще носились цѣлыя тучи песка и пыли. Ураганъ стихъ и замѣнился ровнымъ вѣтромъ, нагонявшимъ на лагерь эти тучи, слѣпившія глаза, затрудняющія дыханіе, мѣшающія ясно видѣть, даже на небольшихъ разстояніяхъ.

Принялись кое-какъ исправлять ночныя поврежденія, — ставить сорванныя палатки, собирать все разнесенное вихремъ по степи. Разослали по разнымъ направленіямъ усиленные козачьи развѣзды.

Вѣсть о случившемся ночью несчастіи облетѣла уже весь лагерь. Тяжело было на сердцѣ у всѣхъ, отъ генерала до послѣдняго солдата; грусть и тоска отражались въ каждомъ взглядѣ, а подчасъ и слезинки сбѣгали по загорѣлымъ лицамъ, оставляя на щекахъ грязныя отъ пыли полосы. Не нашлось бы ни одного, кто-бы не желалъ, цѣною какого угодно самопожертвованія, помочь горю, — а помочь, всякій ясно сознавалъ, не было ни какой возможности, по крайней мѣрѣ въ данную минуту.

Когда разсвѣло на столько, что можно было разсмотрѣть слѣды ночной катастрофы, дѣло оказалось въ слѣдующемъ положеніи:

Палатка Натальи Мартыновны было повалена вѣтромъ; одною своею стѣнкою она прикрыла все тамъ находившееся; рѣзкими углами выступали изъ-подъ полотна спинка желѣзной кровати, углы чемодановъ, еще какой-то кованный желѣзомъ уголь, прорвавшій полотно, и разные другіе предметы незатѣйливаго, походнаго быта.

Крыша отнесена было шаговъ на двадцать и застряла въ песчаномъ наносѣ, уткнувшись въ него концами своихъ заостренныхъ реберъ; словно громадный, исковерканный бурей, зеленый зонтикъ—видѣлась она—сквозь пыль, все еще парусила и вздрагивала отъ ударовъ вѣтра.

Другая стѣнка, разорванная пополамъ, лежала ближе; изъ подъ нея торчали до колѣнъ босыя ноги, одѣтыя въ равныя кожаныя чамбары; вытащили—оказался трупъ съ проколотымъ штыкомъ бокомъ, съ головою, разможенной ударомъ увѣсистаго приклада. Присмотрѣлись—узнали: это былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ мнимыхъ работниковъ бухарскаго купца, изъ разграбленнаго каравана...

Немного подалеже, солдаты, тѣсною толпою, обступили еще одного лежащаго: это былъ старикъ Дементій, оглушенный ударомъ въ голову; несчастный лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни; въ конвульсивно-сжатомъ кулакѣ его видѣлся клочъ ерблюжьяго сукна—цѣлая пола калатная.

Три солдата тащили валомъ по песку еще одного убитаго; за тѣломъ безобразно волочились оборванные лоскутья халата, перепачканные кровью и грязью...

— Иранца того, собаку, ухлопали, говорили тащившіе. — Онъ, видно, не тутъ околѣлъ, — подалеже отползъ; мы его, вѣда, у самой цѣпи отыскивали...

— Тамъ за цѣпью лошадь подстрѣленная лежитъ, но изъ нашихъ, замѣтилъ казакъ, сопровождавшій тащившихъ. — Знать, дьяволы, къ Адамъ-Крылану погнали; слѣду-то, окромя этой падали, не видать, — все чисто замело ураганомъ!...

Въ караульнѣ, гдѣ находился Атамкуль, нашли трупъ солдата часоваго, самого же плѣнника и слѣдъ простылъ; два три отпечатка босыхъ ногъ видѣлось тутъ же, — Богъ вѣсть какъ эти отпечатки уцѣлѣли...

Ясное дѣло было, кто былъ виновникъ всего происшедшаго. Атамкуль не удовольствовался представившимся ему случаемъ къ побѣгу и спасенію, онъ еще хотѣлъ захватить съ собою слишкомъ дорогую, богатую добычу. Онъ и захватилъ ее, только отчасти. Маленькаго Пети нигдѣ не могли отыскать, ни живаго—ни мертваго.

Наташу привели въ чувство. Она не плакала, не жаловалась, — она молчала; но въ этомъ безмолвіи было столько страданій, столько горя, что ни у кого изъ окружающихъ не хватало силы не только пытаться утѣшать ее словами, но даже смотрѣть на нее... Также молча, потупивъ глаза въ землю, стояли вокругъ нея офицеры...

— Да вы бы... началъ было одинъ изъ нихъ, разрыдался вдругъ какъ ребенокъ и ушелъ поскорѣе подалеже, — что, моль, еще больше разстраивать, своими, неумѣстными слезами...

Словно окаменѣвшая статуя, сидѣла Наташа на одномъ изъ чемодановъ; глаза ея смотрѣли апатично, безжизненно словно стеклянные; густая прядь русыхъ волосъ свисла со лба на лицо; обнаженное плечо видѣлось сквозь, разорванное во время борьбы, платье... Это плечо слегка вздрагивало, только вѣрно не отъ холода.

Кустиковъ снялъ съ себя пальто и накинулъ его на плечи Наташи, она даже и не замѣтила этого...

Солдаты ставили ея палатку и переговаривались шопотомъ; толстенькій докторъ примачивалъ голову Дементію; фельдшеръ изъ жидковъ суетливо приготавливалъ инструменты для кровопусканія и шепотомъ спрашивалъ «полотенчика и чашечку»...

Поставили палатку, исправили поврежденія, привели все въ порядокъ.

— Ну, голубушка моя, пойдете, родная... подошелъ къ Наташѣ докторъ. — Лягте въ постельку, отдохните, капельки дамъ вамъ, примите... Ну, пойдете-же...

— Куда?... глухо такъ, почти безсознательно произнесла Наташа...

— Господа, подсобиете поднять, возьмите вотъ такъ подъ мышки, суетился докторъ. — Ну, вотъ и отлично... да лягте-же, лягте... Дастъ Богъ оправитесь, ободритесь; вѣдь вы молодецъ у насъ... А тамъ можетъ все къ лучшему... можетъ найдутъ...

Наташа громко, пронзительно крикнула и опять впадала въ безпамятство.

— Эхъ, я скотина! ударилъ себя по лбу докторъ. — Это я ее словомъ «найдутъ» доналъ такъ... Ахъ я старый дуракъ!...

Остановившаяся у палатки лошадь храпнула и начала рыть песок ногою. Съ сѣдла слѣз генераль, бросилъ казаку поводья и вошелъ въ палатку.

— Ну, что? какъ?... началъ онъ, осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на лежащую уже на кровати Наталью Мартыновну, развелъ руками и вышелъ...

А разъѣзды еще не возвращались. Хромой казакъ былъ въ одномъ изъ нихъ... Онъ еще до разсвѣта ушелъ съ своею полусотнею... Отъ него было уже двѣ вѣсти въ лагерь: одну привезъ казакъ, съ просьбою выслать вслѣдъ за нимъ какое нибудь подкрѣпленіе, на всякъ случай; другую вѣсть привезъ джигитъ туземецъ, — и эта послѣдняя вѣсть заронила въ души оставшихся въ лагерь свѣтлую искру—надежды.

«Я на слѣду» только и было сказано въ запискѣ карандашемъ на клочкѣ газетной бумаги.

О всемъ случившемся уже производилась самое тщательное слѣдствіе.

ГЛАВА XVII.

Въ разъѣздѣ.

Полною рысью гнали казаки. Полу-сотня растянулась на большое разстояніе... Всадники, нагибаясь съ сѣделъ, приглядывались къ каждому слѣдку на пескѣ, къ каждой подозрительной ямкѣ, пристально всматривались вдаль, оглядывались по сторонамъ, — и все гнали и гнали впередъ безостановочно, похлестывая нагайками своихъ коренастыхъ моштакковъ, худо поенныхъ, худо кормленныхъ, безответныхъ, всевыносливыхъ...

Хромой казакъ неся впереди; около него, привставъ на стременахъ, подпрыгивалъ молодой юнкеръ-казакъ и старикъ урядникъ съ раскидистою бородою, рыжею съ просѣдою; на армячинной рубахѣ его виднѣлись два креста...

Всѣ внимательно слушали, еще того внимательнѣе вглядывались, изрѣдка перебрасывались короткими замѣчаниями...

Эта полусотня очень похожа на стаю гончихъ влущенныхъ въ кнею *); даже это отрывочное переговариваніе напоминало нѣсколько тьяканье и ворчню собакъ, еще не попавшихъ на слѣдъ; что называется—не справившихся...

— Замело! потрясъ головою урядникъ съ крестами и подхлестнулъ своего бѣлоногого...

— Не слишкомъ ли забрали мы вправо, эссаулъ? нерѣшительно вставилъ свое замѣчаніе юнкеръ.

— Въ самый разъ гонимъ, авторитетно произнесъ урядникъ, — больше никуда, какъ «туда».

А эссаулъ ничего не отвѣчалъ, глаза его пристально устремлены были впередъ, на ту черту, что уже ясно опредѣлилась разсвѣтомъ, волнистою темною линіею...

— Коли «они» на нашихъ коняхъ дуютъ, что у насъ въ лагерь украли, говорилъ урядникъ, — то далеко не уйдутъ... а коли имъ тутъ свѣжихъ подготовили, — ну, тогда «поштрѣди-те въ бороду» скверное дѣло! что вѣтеръ въ полѣ, что тюркмень въ стени, — все едино.

— Стой!..

Одинъ изъ казаковъ чуть не кубаремъ свалился съ лошади, присѣлъ песокъ... разглядываетъ...

— Это что, братцы?..

Остановились.

— Кованная, али пѣтъ?

— Наша подкова—оренбургской ковки... это наша.

— Они!

Песчаный наносъ, словно ворвавшійся въ промежутокъ между двухъ бархоновъ, пересѣкалъ дорогу, а за этимъ наносомъ виднѣлась полоса чистая, съ которой все смело вѣтрома, и на этой полосѣ ясно сохранились нѣсколько конскихъ слѣдовъ... Эти-то слѣды и рассматривали теперь остановившіеся казаки...

— Они!—кому быть другому?!

Джигитъ-туземецъ и Досцакъ-лауча находились при этомъ же разъѣздѣ. Оба всадника значительно опередили полусот-

ню... Старикъ Досцакъ такъ и носился передъ казаками, какъ борзой песъ передъ гончими; то онъ вскакивалъ на гребни бархоновъ, приглядывался, принюхивался, прислушивался, то снова пускался въ лощину, исчезалъ на нѣкоторое время, и снова появлялся гдѣ-нибудь, — совершенно тамъ, гдѣ его не ожидали.

— Экъ старается нашъ Досцакъ! покачивали головами казаки, слѣдя за юркимъ наѣздникомъ.

— Эй, тюра (начальникъ), это что? подсакалъ онъ къ хромому казаку, держа въ рукѣ замаранную, красную ленточку... — За тѣмъ вонъ бархономъ — мало-мало стоять, лошадь дышать давалъ—песокъ мокрый—и это вотъ лежалъ...

— Поясокъ Петинъ, вздохнулъ казакъ; глаза у него вспыхнули, даже на щекахъ показался пятнистый румянецъ...

Пользуясь минутной остановкой, казачьи кони перевели духъ, нѣкоторые успѣли поваляться на пескѣ (привычка степныхъ лошадей), встряхнулись и погнали дальше.

Отсюда-то хромой казакъ послалъ джигита въ лагерь съ своею короткою, лаконическою запискою.

Направленіе, выбранное погонею, оказалось вѣрнымъ. Подошли къ тому мѣсту, о которомъ говорилъ Досцакъ... Да, такъ; это они здѣсь останавливались... Слѣды были только трехъ лошадей; съ Атамкуломъ должно было быть пять человѣкъ, онъ шестой; два трупа осталось въ лагерь, конскій трупъ найденъ одинъ, значить — на трехъ лошадяхъ было четыре всадника, на одной изъ нихъ сидѣло двое... Свѣжихъ лошадей не было заготовлено, какъ предполагалъ урядникъ... Бѣглецы, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, не должны быть далеко, — кони ихъ утомились, особенно тотъ, что несъ на своей спинѣ двухъ... Кромѣ этихъ слѣдовъ, никакихъ другихъ не было; это доказывало отсутствіе по близости непріятельскихъ партій... Да если бы и встрѣтилась небольшая партія въ сто, или нѣсколько болѣе, всадниковъ, то для хорошо вооруженной казачьей полусотни она была не страшна... Оставалось не терять времени—его и не теряли.

Ободренные первою удачею, казаки съ новою энергіею продолжали преслѣдованье...

Вотъ еще что-то виднѣется впереди... Это лежитъ павшая лошадь... Ноги животнаго судорожно вытянуты, брюхо вздулось, какъ бочка, глаза на выкатѣ... Съ одной стороны навалило на трупъ цѣлый сугробъ песку...

— Знать давно лежитъ она тутъ, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ, указывая на этотъ наносъ.

— Теплая еще... освидѣтельствовалъ урядникъ. — Несокъ что! песку долго ли занести, коли вѣтеръ силенъ... Околѣла коняка може полчаса времени—не больше... Вотъ и ногу согнуть можно; не заостевѣла...

Опять виднѣтъ слѣдъ... Теперь уже между отпечатками копытъ нашли и отпечатки босыхъ ногъ. Шагъ широкій, размашистый; пальцы глубоко уходятъ въ песокъ, пятки чуть къ нему прикасаются. Вѣжитъ разбойникъ за стремя держась, отъ того и шагаетъ такъ широко... Теперь близко. Эдакимъ манеромъ далеко не уйдутъ...

Лицо хромого казака сіяло надеждою, радостью... «Еще нѣсколько минутъ», думалъ онъ... «Вотъ, можетъ, за тѣми бархонами»...

— Гей! словно изъ одной груди вылетѣлъ общій крикъ—крикъ изумленія, восторга... Досцакъ лауча взвизгнулъ, словно его въ бокъ кольнули...

Не болѣе, какъ въ ста шагахъ впереди ихъ, изъ лощины, вяло, утомленною рысью выѣхалъ всадникъ... Всѣ разомъ узнали эту широкую, сутуловатую спину... Всадникъ одною рукою обхватилъ что-то маленькое, завернутое въ халатную полу, въ этой же рукѣ были у него поводья; другая рука, вооруженная плетью, безнощадно била несчастную лошадь по головѣ, по крупу, подъ брюхо, по чемъ ни попало... За этимъ всадникомъ, цѣпляясь за песокъ руками выбиралось изъ лощины двое пѣшихъ, въ однихъ рубахахъ... они озирались, какъ волки и сиделись догнать передняго, чтобы снова уцѣпиться за стремяна... Еще показался всадникъ, но у него лошадь уже шла шагомъ, качаясь подъ сѣдломъ, готовая уже пасть отъ изнеможенія.

*) Захваченный для облавы участокъ лѣса — называется кнею на охотничьемъ жаргонѣ.

Казакѣ гикнули и поддали въ карьеръ.

Но въ то же мгновеніе другой гикъ, болѣе громкій, рѣзкій, оглушительный, пронесся по песчанымъ бархонамъ, вылетѣлъ изъ каждой долины.

Все кругомъ заестрѣло черными высокими шапками, грязно-красными халатами... Загудѣла степь отъ топота безчисленныхъ конскихъ ногъ...

Полусотня сбилась въ кучу... казакѣ инстинктивно послѣзали съ лошадей... Партія тюркменъ, въ нѣсколько сотъ человекъ, сплошнымъ кольцомъ окружила полусотню и охватила

уральцевъ справа, слѣва, сзади и спереди.

— А! поштрѣли-гѣ въ бороду! проворчалъ старикъ-урядникъ и закачался на сѣдлѣ...

— Убили, убили... братцы!.. какъ снопъ повалился съ сѣдла еще одинъ изъ казаковъ.

— Держись плотнѣй!.. коней береги!.. не выпускай поводьевъ! крикнулъ хромой казакъ.— Не робѣй!.. Отобьемся!.. Первые выстрѣлы не были слышны казакамъ.

(Продолженіе въ слѣд. №).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

«Бѣсы», Пушкина.

Желѣзная дорога какъ-бы сдвинула между собой далекіе углы нашего необъятнаго отечества, но убила всякую поэзію въ путешествіи. Можно ли разсчитывать на какія-либо ощущенія, когда прямо изъ комнатъ своего дома, въ самомъ разгарѣ зимы, переходя въ теплую комнату вагона и черезъ пять-шесть часовъ пріятной бесѣды въ многолюдномъ обществѣ выходишь на дебаркадерѣ вереть за двѣсти отъ мѣста отправленія? То ли дѣло была ѣзда зимой на почтовыхъ, въ мятель, въ пустынныхъ трущобахъ какой-нибудь глуши, со всеми опасностями недобрыхъ встрѣчъ? У страха глаза велики: даже деревья принимали во мглѣ видъ грозныхъ призраковъ, самый снѣгъ оживлялся и принималъ тѣлесныя формы... Но предоставимъ говорить нашему поэту.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду-Ѣду въ чистомъ полѣ,
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!... — «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело!
Вьюга мнѣ слипаютъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсы насъ водить видно
Да кружить по сторонамъ».

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ-теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;

Тамъ верстой небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ въ тѣмъ пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — Что тамъ въ полѣ? —
«Кто ихъ знаетъ: пень, или волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе хранятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣляющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ, куда ихъ гонять?
Что тамъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдму ль замужъ отдадутъ?

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роємъ,
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воємъ,
Надрывалъ сердце мнѣ...

КАКЪ ИХЪ СУДИТЬ?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

Вскорѣ Дребезгинъ повезъ жену за границу. Поѣздка эта не принесла никакого удовольствія молодой женщинѣ: она ѣхала съ человекомъ, къ которому чувствовала отвращеніе. При видѣ очаровательнаго ландшафта, историческаго памятника или замѣчательной картины, ей не съ кѣмъ было подѣлиться впечатлѣніемъ, разспросить и побесѣдовать. Зимомъ, въ Петербургѣ, Алевтина заболѣла; а потомъ хотя и выздоровѣла, но съ наступленіемъ весны ее постигла загадочная болѣзнь, бессонница, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, и всѣ прописываемыя ей медицинскія средства почти не приносили пользы. Врачи посоветовали мужу ѣхать на югъ, и Дребезгинъ избралъ Екатериновку. Свѣжій деревенскій воздухъ, въ которомъ постоянно находилась Алевтина Михайловна, и довольно дальнія прогулки на лошади — поправили ея здоровье весьма значительно, однако сонъ у ней все

еще не появлялся въ надлежащей мѣрѣ. Екатериновка приходомъ была приписана къ городу и, для исполненія духовныхъ требъ, екатериновцы должны были отправляться въ городъ за семь верстъ. Объ учрежденіи въ Екатериновкѣ церкви или молитвеннаго дома хлопоталъ и мѣстный благочинный и сами жители, но они принуждены были отложить исполненіе этого намѣренія на нѣсколько лѣтъ. Алевтина ломала голову, какъ бы помочь имъ, совѣтовалась съ благочиннымъ, сельскимъ старшиною и стариками, пользовавшимися довѣренностью односельцевъ, но видѣла одинъ исходъ — въ денежномъ вспоможеніи, покрайней мѣрѣ, въ пять тысячъ рублей серебромъ, — и Алевтина дала имъ торжественное слово въ самомъ непродолжительномъ времени помочь этими деньгами. Она рѣшилась испросить эти деньги у мужа, а въ случаѣ его отказа обратиться къ Мономаховымъ, съ

Литературный альбомъ. «Бѣсы» Пушкина. Рис. Н. Карзинъ, грав. Пущъ.

тѣмъ, чтобы потомъ онѣ были удержаны изъ дохода отъ домовъ. Она твердо была убѣждена, что Мономаховы не откажутъ въ ея просьбѣ, тѣмъ болѣе что они неоднократно убѣждали ее получить самой доходъ и выдавать его отъ себя мужу, по своему усмотрѣнію; но, въ избѣжаніи домашнихъ ссоръ, Алевтина не согласилась на это. Для приступа къ своей просьбѣ молодая женщина ждала добраго расположенія духа Дребезгина, питая слабую надежду, что, можетъ быть, дѣло между ними кончится мирно. Въ одинъ день Дребезгинъ былъ особенно веселъ; наканунѣ онъ былъ на именинахъ у мѣстнаго предводителя дворянства, имѣвшаго у себя хорошей конскій заводъ, и выигралъ у него въ карты чистой англійской породы скаковую лошадь подъ дамское сѣдло. Послѣ обѣда Алевтина собралась кататься на своей лошади, подаренной ей мужемъ, когда онъ еще былъ женихомъ.

— Вели лучше осѣдлатъ новую, не бойся! предложилъ ей Дребезгинъ, — я самъ поѣду тебя провожать.

Алевтина согласилась. У нея блеснула мысль во время прогулки, пользуясь его расположеніемъ духа, передать свою просьбу.

Супруги благополучно выѣхали изъ Екатериновки и направили свой путь по дорогѣ къ городу легкой рысцей. Разговоръ поддерживалъ Дребезгинъ, съ увлеченіемъ рассказывавшій своей женѣ, какимъ образомъ онъ выигралъ на трефового валета у предводителя лошадей. Потомъ они пустили лошадей въ галопъ, достигли города, проѣхали по немъ нѣсколько улицъ и повернули обратно. На возвратномъ пути лошади шли шагомъ. Алевтина обратила вниманіе мужа на красивое мѣстоположеніе вообще, затѣмъ на живописность Екатериновки въ особенности и перешла къ желанію ея жителей построить церковь или молитвенный домъ.

— Прошу тебя: пожалуйста, помоги имъ! Уважь эту первую мою, настойчивую просьбу.

— У меня нѣтъ на это средствъ.

— Нужно немного... Всего пять тысячъ.

— Пять тысячъ? Ты шутишь!.. Дребезгинъ захохоталъ.

— Миѣ кажется, замѣтила Алевтина, — эту сумму можно употребить изъ получаемыхъ много ежегодно сорока тысячъ рублей. Мы живемъ очень скромно и едва ли издерживаемъ въ мѣсяцъ болѣе тысячи.

— Вы начинаете со мною считаться? злобно спросилъ ее Дребезгинъ.

— Нѣтъ... Но миѣ необходимо имѣть эту сумму, пять тысячъ, и вы непремѣнно должны миѣ ее выдать, такъ какъ я дала слово жителямъ дать имъ на постройку молитвеннаго дома.

— Вы дали слово? а подумали-ли вы, что я могу вамъ отказать?.. Вы, пожалуйста, выкиньте это изъ головы и знайте, предупреждаю васъ разъ навсегда, что на удовлетвореніе вашихъ прихотей я вамъ не буду давать ни копѣйки. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, я связалъ себя съ вами!

— Отъ васъ зависитъ, отвѣчала ему молодая женщина, вся измѣняясь въ лицѣ отъ этихъ грубыхъ и жестокихъ словъ, — разгаться со мною, чему я буду очень рада. Послѣ вашихъ словъ я вовсе не желаю жить съ вами подъ одною кровлею и приму къ этому мѣры. Но предупреждаю васъ, что, во всякомъ случаѣ, съ этого дня я сама буду распоряжаться своими деньгами, то есть, оставлять извѣстную сумму на свои нужды, а остальное отдавать вамъ на прокормленіе меня, пока мы не устроимъ судьбу свою раздѣльно. Я завтра же напишу Мономаховымъ.

— Вы не посмѣете это сдѣлать, произнесъ Дребезгинъ, стиснувъ зубы.

— Посмотримъ!

— Я вамъ приказываю... А иначе...

Алевтина засмѣялась. Смѣхъ этотъ раздражилъ ее мужа.

— А иначе, повторилъ онъ въ азартѣ, поднявъ высоко надъ головою правую руку съ хлыстомъ, — а иначе... и не кончивъ фразы, онъ со всего размаха опустилъ хлыстъ на крупъ лошади Алевтины... Непривычная къ такимъ ударамъ лошадь вздрогнула, взвилась на дыбы и, закусивъ удила,

помчалась по полю, свернувъ съ дороги, несся на себѣ бывшую въ сѣдлѣ молодую женщину... Дребезгинъ стоялъ въ ужасѣ, не шевелясь, но потомъ оломился и пустился за женою; онъ видѣлъ какъ лошадь помчалась къ мѣловой горѣ, перескочила оврагъ и побѣжала легкой рысцей, но уже безъ амазонки... Когда Дребезгинъ подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала жена его, — она была безъ чувствъ, распростертая на землѣ; подъ головой ея лежалъ булыжникъ въ массѣ темной крови. Дребезгинъ оглянулся, нѣтъ ли гдѣ воды, чтобы подать женѣ какую нибудь помощь, — стоялъ въ нерѣшительности, не зная, взять-ли ему жену съ собою или скакать въ городъ за врачомъ... Последнее онъ счелъ лучшимъ, а потому вскочилъ на лошадь и помчался къ городу; но, выскочивъ на дорогу, Дребезгинъ перемѣнилъ свое намѣреніе: навстрѣчу ему ѣхали верхами трое молодыхъ офицеровъ, изъ которыхъ въ одномъ, по особой формѣ на немъ, онъ узналъ врача. Дребезгинъ сейчас-же остановилъ его, рассказалъ о несчастномъ происшествіи, умолчавъ конечно о причинѣ его, и просилъ немедленной помощи. Онъ не замѣтилъ, какъ измѣнилось лицо молодого врача, когда онъ подѣхалъ къ нему и началъ излагать свою просьбу. Врачъ даже не дослушалъ до конца рассказъ, онъ только попрощалъ его съѣздить за экипажемъ для больной и поскакалъ къ мѣсту, гдѣ произошелъ несчастный случай, попросивъ слѣдовать за собою одного изъ офицеровъ, молодого грузина, служившаго въ ихъ полку казначеемъ, князя Кохтаева, — для того, чтобы въ случаѣ надобности, его можно было послать за помощью въ городскую аптеку.

— Не безпокойтесь, если только есть какая нибудь возможность спасти вашу супругу, положитесь вполне на нашего врача... М-г Заварницкій — рѣдкій хирургъ и прекрасный врачъ, замѣтилъ оставшійся съ Дребезгинымъ офицеръ.

— Все такъ... Я вѣрю... Но миѣ бы хотѣлось консультаціи... Сдѣлайте милость, обяжите меня, позжайте въ городъ пригласить отъ моего имени уѣзднаго врача... Я-же поскачу въ деревню, распоряжусь объ экипажѣ, чтобы перевести жену въ домъ, и захвачу съ собою все нужное...

Офицеръ увѣрилъ Дребезгина въ готовности служить. Доскакавъ до Алевтины, они распрощались и повернули въ разныя стороны. Заварницкій, прыгнувъ съ лошади, на мгновеніе остановился и упалъ на колѣни...

— Знаешь-ли ты, кто это? спросилъ онъ князя Кохтаева.

— Она?

— Да!

— Я же давно тебѣ говорилъ о пріѣздѣ Дребезгина. Ты говорилъ, что это не тотъ?

— Я скрывалъ отъ тебя... Слава Богу, вскричалъ онъ, осмотрѣвъ лежащую, — она будетъ жива!.. Черепъ поврежденъ слегка, контуженъ; немедленной опасности никакой нѣтъ... Она въ обморокѣ, который, можетъ быть продолжителенъ... Нужно скорѣе сдѣлать перевязку... Она не дышетъ...

Заварницкій поспѣшно сдѣлалъ изъ носоваго платка перевязку на голову больной, скинулъ съ себя пальто, переложилъ Алевтину на другое мѣсто въ удобную позу и началъ качать ея руки, для возбужденія искусственнаго дыханія.

— Хорошо, сказалъ, немного погодя, Заварницкій, — всѣ жизненные отправления есть, пульсъ бьется... Нужно уложить ее поудобнѣе, позаботиться о раѣ и доставить ей покой. Если она страдала бессонницей, то можетъ проспать нѣсколько дней. Я думаю, что кровь бросать совершенно излишне, хотя у меня инструменты съ собою. Отдохнемъ, князь. Но, Боже! какъ она перемѣнилась!...

— Какая прелестная женщина! замѣтилъ князь Кохтаевъ, стоя поодаль Алевтины и любуясь ею.

— Прелестна?... спросилъ его Заварницкій, — если-бы ты видѣлъ ее прежде! Прежнюю цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку и узнать нельзя въ ней, за эти полтора-два года. Она, должно быть, глубоко несчастна!...

Князь Кохтаевъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на печальное лицо доктора и на

его заботливость о больной, пуская огромные клубы дыма отъ сигары.

Заварницкій вынулъ памятную книжку, вырвалъ листокъ и написалъ на немъ рецензю.

Друзья разстались. Черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ Дребезгинъ, затѣмъ прѣехали уѣздный врачъ и товарищъ Заварницкаго и по дорогѣ показалась мчавшаяся карета. Уѣздный врачъ, господинъ Шниперовъ, былъ толстый, не молодыхъ лѣтъ мужчина, твердо державшійся старыхъ прѣемовъ въ медицинѣ, — тогда какъ Заварницкій, въ большинствѣ случаевъ, строго держался новой системы; кромѣ того, конкуренція Заварницкаго подрывала значительно его практику, — поэтому Шниперовъ, при всякой возможности, не пропускалъ случая выставить своего собрата въ самое невыгодное свѣтъ въ глазахъ публики, состоявшей изъ полныхъ профановъ въ ихъ специальности. Шниперовъ познакомился съ Дребезгинымъ у предводителя дворянства, ведя крупную карточную игру, а послѣ знакомства сталъ посѣщать его въ качествѣ домашняго врача, хотя и не получалъ на это официальнаго приглашенія. Выслушавъ снисходительно взглядъ Заварницкаго на болѣзнь Дребезгиной и о тѣхъ мѣрахъ, которыя тотъ принялъ, Шниперовъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что при Заварницкомъ были инструменты для кровопусканія, и онъ все-таки не бросилъ ей кровь.

— Если она умретъ, вы, милостивый государь, ея убійца! кричалъ горячася Шниперовъ, — я не отвѣчаю за ея жизнь... Нужно, сейчасъ-же, пустить кровь — и онъ приступилъ къ операціи.

— Но, помилуйте! возражалъ Заварницкій, — вы только напрасно лишите ее крови, обезсилите и, можетъ быть, сдѣлаете этимъ общую потерю силъ и обморокъ гораздо продолжительнѣе... Всѣ признаки полной жизни у нея есть. По моему мнѣнію, ей болѣе ничего не нужно, какъ компрессы на голову, растираніе полости груди и висковъ, а главное — покой.

— Вы думаете?... спросилъ его съ миной величайшаго сожалѣнія Шниперовъ и отвернулся. Дребезгинъ замѣтно раздѣлялъ мнѣніе Шниперова. Заварницкому не оставалось ничего болѣе какъ раскланяться, что онъ бы не замедлилъ и выполнить, если бы дѣло не шло о жизни любимой имъ женщины. Видя, что онъ не удаляется, Шниперовъ бросалъ на него насмѣшливые взгляды. Бросили кровь. Жаръ у больной дѣйствительно уменьшился, но за то градусъ пульса понизился. На рану наложили пластырь. Послѣ этого, больную бережно перенесли на носилкахъ въ карету. Собираясь двинуться въ путь, Дребезгинъ обратился къ Заварницкому. Онъ совершенно не помнилъ, что видалъ его нѣсколько разъ въ домѣ Мономаховыхъ.

— Очень вамъ благодаренъ, докторъ! сказалъ онъ, подавая ему руку. Заварницкій почувствовалъ въ ней ассигнацію.

— За что-же? спросилъ онъ, — я не оказалъ вашей супругѣ никакой помощи.

— Я отнялъ у васъ время...

Заварницкій угрюмо поклонился и, повернувшись къ лошади, сталъ садиться. Но онъ не уѣхалъ до тѣхъ поръ, пока отъѣзжавшая карета не скрылась изъ виду... При въѣздѣ въ городъ, имъ повстрѣчался скачущій во весь опоръ князь Кохтаевъ съ пузырькомъ въ рукѣ.

— Задержали въ проклятой аптекѣ, крикнулъ онъ Заварницкому, — чортъ знаетъ, сколько времени... но, видя свѣсившую голову врача, ѣхавшаго на лошади шагомъ, князь замолчалъ и поѣхалъ рядомъ съ другимъ товарищемъ.

— Отчего Заварницкій не при больной? спросилъ онъ его.

— Я привезъ Шниперова, отвѣчалъ офицеръ, — и Дребезгинъ предпочелъ его Заварницкому... Что сдѣлалось съ нимъ? продолжалъ онъ: — Заварницкій даже не отвѣчалъ мнѣ дорогой на мои вопросы... Неужели онъ такъ огорчился замѣчаніями Шниперова? Они поспорили: слѣдовало-ли, или нѣтъ, больной бросить кровь.

— Не мѣшай ему, посоветовалъ князь своему товарищу: — на него, ты знаешь, находить иногда тоска... Поѣзжай-ка лучше домой, а я возьму его къ себѣ.

Около ограды одной церкви Заварницкій остановился и, слѣзши съ лошади, опустилъ въ прибитую къ воротамъ кружку данныя ему Дребезгинымъ деньги.

На утро, по всему Новогрунтовску пролетѣла вѣсть, что молодая Дребезгина изъ Екатериновки, вчера вечеромъ упавшая съ лошади, уже умерла, — и виновникомъ ея смерти былъ полковой врачъ Заварницкій, который во-время не бросилъ ей кровь, хотя нужные къ тому инструменты были при немъ. Говорили, что когда ее привезли въ имѣніе, въ домъ, — она, мало-по-малу, стала приходить въ омертвѣніе, которое становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ, и наконецъ умерла.

— Быть не можетъ! вскричалъ Заварницкій, когда до ушей его долетѣла эта вѣсть, — они заблуждаются... Прикажи мнѣ осѣлать лошадь, попросилъ онъ князя, — я сейчасъ-же туда ѣду...

И Заварницкій помчался.

Князь Кохтаевъ занималъ въ Новогрунтовскѣ, для холостого человѣка, обширную квартиру, состоящую изъ большаго отдѣланнаго дома, со множествомъ комнатъ и мезониномъ. Онъ имѣлъ хорошее состояніе и веселый, общительный характеръ, доставившій ему любовь всего полка, но особой дружбой его пользовался одинъ Заварницкій, къ знаніямъ котораго князь Кохтаевъ питалъ безпредѣльное уваженіе. Въ дѣтствѣ своемъ князь былъ очень бѣденъ и получилъ самое незначительное образованіе; состояніе досталось ему отъ дяди уже впоследствии, когда онъ состоялъ на службѣ. Этотъ недостатокъ образованія составлялъ большое мѣсто самолюбія князя, онъ стыдился своего невѣжества, желалъ пополнить сумму своихъ знаній, — но ложный стыдъ, боязнь насмѣшекъ товарищей мѣшали ему пригласить къ себѣ учителя; изъ среды же ихъ онъ не видѣлъ человѣка, которому онъ могъ бы довѣриться и который владѣлъ бы достаточнымъ знаніемъ и педагогическими способностями. Когда-же въ полкъ ихъ прибылъ Заварницкій, князь Кохтаевъ призналъ его именно за такого человѣка, который былъ ему нуженъ. Заварницкій также угадалъ желаніе князя и, въ разговорѣ наединѣ, предложилъ ему свои услуги. Работы Заварницкому съ княземъ было много; пришлось начать почти съ азбуки. Все это дѣлалось въ секретѣ отъ товарищей. Князь былъ понятливъ, учился прилежно и, какъ мальчикъ, съ довѣріемъ къ знаніямъ и съ почтеніемъ, глядѣлъ на своего наставника. Князь и Заварницкій были ровесники по годамъ; въ натурахъ ихъ было много общаго; каждый изъ нихъ находилъ въ другомъ симпатическія стороны. Къ тому-же, и у князя была довольно грустная повѣсть любви, которою онъ хотѣлъ подѣлиться съ другомъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ они повѣрили другъ другу свои тайны, и между ними завязалась тѣсная дружба.

Князь Кохтаевъ тревожно прохаживался по кабинету, съ нетерпѣніемъ поджидая возвращенія Заварницкаго изъ Екатериновки. Часы казались ему цѣлыми сутками.

— Ну, что? спросилъ онъ, когда Заварницкій вошелъ въ комнату и кинувъ на столъ кепи, утомленный бросился на диванъ, — видѣлъ? правда?...

— Да... Ее считаютъ мертвою.

— А ты?...

— Сомнѣваюсь... Убѣжденъ даже, что она жива... Я говорилъ объ этомъ, но меня не слушаютъ. При ней Шниперовъ... Ее завтра хоронятъ... Я не знаю, на что мнѣ рѣшиться; здѣсь не послушаютъ моего официального протеста... Нужно удержать погребеніе силою... Помози мнѣ! посоветуй! сказалъ умоляющимъ голосомъ, рыдая Заварницкій, привставъ съ дивана и охватывая руками шею Кохтаева. — Я такъ разстроенъ, что ничего не придумаю...

— Успокойся! утѣшалъ его князь, усаживая на прежнее мѣсто, — даю тебѣ слово, что я не брошу тебя, какой-бы ни подвергнулся отвѣтственности... Подожди... Не принимай никакихъ мѣръ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не возвращусь изъ Екатериновки. Ты еще не былъ сегодня въ полковомъ лазаретѣ? Поѣзжай туда и осмотри больныхъ, а я поѣду въ Екатериновку... Часа черезъ два я уже буду дома.

Заварницкій послѣдовалъ совѣту князя и машинально взялся за кепи...

Возвратившись изъ лазарета, онъ еще не засталъ князя дома, хотя они выѣхали вмѣстѣ. Князь возвратился гораздо позже обѣщаннаго, на губахъ его играла улыбка.

— Неужели жива? замѣтя его, спросилъ обрадованный Заварницкій.

— Нѣтъ!... Но, если ты не ошибаешься, то и слава Богу! Пусть ее хоронятъ!...

— Что это значить? ты смѣешься надо мной—и въ такое время! укоризненно произнесъ Заварницкій.

— Ты это сейчасъ узнаешь, отвѣчалъ Кохтаевъ, запирая дверь въ кабинета на ключъ, чтобы ихъ никто не могъ слышать...

V.

Алевтину Михайловну Дребезгину хоронили съ большими церемоніями и торжественностью, въ сопровожденіи городского духовенства со всѣхъ церквей, соборныхъ пѣвчихъ и множества сосѣдей. За печальной процессіей слѣдовали длинные ряды экипажей окрестныхъ помѣщиковъ и городскихъ жителей; со всѣхъ сторонъ ее окружали массы любопытныхъ разныхъ лѣтъ, половъ и званія, начиная отъ дома Дребезгина въ Екатериновкѣ до городского кладбища, находившагося при въѣздѣ въ Новогрунтовскъ,—гдѣ Алевтина Михайловна и была погребена въ склепѣ большой фамильной часовни, выстроенной еще предками Дребезгина, которые вѣроятно имѣли постоянное пребываніе въ Новогрунтовскѣ. На деревенскомъ кладбищѣ, въ Екатериновкѣ, не былъ похороненъ ни одинъ изъ Дребезгиныхъ. Лицо Дребезгина при церемоніи было очень печально, и онъ шелъ все время за гробомъ съ непокрытою головою, поддерживаемый съ одной стороны подъ руку Шниперовымъ, а съ другой — уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Гробъ сначала былъ снесенъ въ кладбищенскую церковь, а оттуда, по совершеніи обѣдни и отпѣванія, отнесенъ въ склепъ часовни. Убранная въ гробу гирилами свѣжихъ розъ, въ бѣломъ платѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, съ тонкой улыбкой на губахъ и живымъ румянцемъ, Алевтина казалась не мертвою, а счастливой невѣстой, уснувшей въ подвѣчномъ платѣ, въ веселыхъ грезахъ. «Точно живая, точно живая...» слышался шопотъ повсюду, но Шниперовъ такъ презрительно поглядывалъ на произносившихъ это, какъ будто говорилъ: «Невѣжды, вы ничего не понимаете... Ужъ я лучше васъ знаю, что она умерла». И шопотъ умолкалъ. При пѣніи погребальнаго канона Дребезгинъ выронилъ нѣсколько слезъ. Въ числѣ присутствовавшихъ при погребеніи находились и Заварницкій съ княземъ Кохтаевымъ. Они имѣли крайне тревожныя фізіономіи и не спускали глаза съ усопшей до самаго того времени, пока закрыли крышку гроба. Бросивъ по обычаю на гробъ своей жены небольшую горсть земли, Дребезгинъ уѣхалъ съ кладбища въ Екатериновку, гдѣ былъ приготовленъ для приглашенныхъ погребальныи столъ. Вслѣдъ за нимъ стали уѣзжать и расходиться зрители... На кладбищѣ остались только въ часовнѣ Заварницкій, князь Кохтаевъ и мастеровые, приступившіе къ задѣлкѣ склепа... Когда эта работа была окончена, часовню заперли на ключъ и доставили его въ Екатериновку — помѣщику. Похоронивъ жену, Дребезгинъ на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ. О смерти своей жены онъ не извѣщалъ Мономаховыхъ, потому что они были въ то время за границею и, слѣдовательно, не могли пріѣхать на погребеніе племянницы. Вообще Дребезгинъ, не любившій никакихъ церемоній, торопился похоронами, чтобы поскорѣе все кончить.

Новогрунтовское кладбище, какъ обыкновенно водится въ уѣздныхъ городахъ, было въ очень жалкомъ видѣ. Оно было обнесено невысокой каменной оградой, мѣстами разрушенной, такъ что въ бреши ея входили и люди и животныя; деревянные ворота давно упали съ петель и, провалившись нѣсколько мѣсяцевъ на землѣ, были разобраны бѣдными кладбищенскими сосѣдами на топливо. Въ караулкѣ на кладбищѣ

при церкви находился сторожъ, дряхлый инвалидъ, еле двигавшій ноги, съ медалью за 1812 годъ, глухой, исправлявшій свою должность лишь днемъ, тѣмъ, что выгонялъ забредшихъ на кладбище животныхъ; ночью же онъ спокойно и сладко спалъ, въ полной увѣренности, что его покой не можетъ ни кѣмъ быть нарушенъ. Окраины уѣздныхъ городовъ всегда представляютъ маленькіе домишки отъ одного до трехъ оконъ, на половину вросшіе въ землю, землянкы и лачужки, наполненные самымъ бѣднымъ городскимъ людемъ, который проработавъ съ ранняго утра часовъ съ 6-ти, цѣлый день до 6-ти часовъ вечера, въ это время ужинаетъ засвѣтло, чтобы обойтись безъ свѣчей, и укладывается спать; такъ, что въ девять часовъ вечера въ этихъ мѣстностяхъ нельзя встрѣтить живой души на улицахъ.

Около двѣнадцати часовъ ночи, въ день погребенія Дребезгиной, къ оградѣ Новогрунтовскаго кладбища, со стороны выходящей въ поле, подѣхалъ экипажъ, запряженный парю лошадей. Изъ экипажа вышло двое мужчинъ въ военныхъ шинеляхъ, держа подъ полами заступы, и въ брешь прошли на кладбище по направленію къ часовнѣ. Ночь была очень темная, небо покрыто тучами и шумѣлъ проливной дождь; такъ что еслибы сторожъ проснулся и вышелъ бы изъ караулки—и тогда онъ едва ли бы могъ замѣтить проходившихъ. Они отперли бывшимъ съ ними ключомъ часовню, зажгли потайной фонарь и принялись усердно за работу—разрытіе склепа.

Когда крышка съ гроба была снята, Заварницкій долго присматривался къ покойницѣ.

— Что? спросилъ у него князь Кохтаевъ.

— Она не просыпалась. Сколько адскихъ мукъ я перенесъ въ эти часы!..

— Ты... посѣдѣлъ... тихо замѣтилъ Кохтаевъ.

— Она могла задохнуться... Мы приняли ничтожныя мѣры... Я проклиналъ себя за свое рѣшеніе и тебя за совѣтъ... Ты не знаешь, чѣмъ могло кончиться дѣло... Но, Господи! ты не захотѣлъ столько жертвъ и смилосался. Знай, Кохтаевъ, что если-бы мы нашли ее мертвою, я бы не вышелъ изъ часовни... Заварницкій вынулъ изъ кармана револьверъ и показалъ товарищу. Тотъ понялъ его и вздрогнулъ.

Вынувъ тѣло изъ гроба, молодые люди укутали его своими шинелями, послѣ чего вновь закрыли гробъ и задѣлали склепъ. За тѣмъ часовня была заперта, тѣло отнесено въ экипажъ и отвезено въ квартиру князя Кохтаева, въ мезонинъ, гдѣ съ этого времени и поселился Заварницкій.

Прошла недѣля, другая, но спавшая летаргическимъ сномъ Алевтина не просыпалась. Князь Кохтаевъ началъ предполагать, что его другъ или заблуждается, или помѣшался,—но Заварницкій, не видя разложенія трупа, не терялъ надежды. Онъ до такой степени измѣнился за это время, что его съ трудомъ можно было узнать, онъ сталъ болѣе похожъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка: впалые глаза смотрѣли дико, лицо осунулось, волосы приподнялись какъ у помѣшаннаго, въ движеніяхъ явилась какая-то неувѣренность и торопливость; каждая бездѣлица, малѣйшее противорѣчіе выводили его изъ себя и повергали въ бѣшенство. Заварницкій выходилъ изъ мезонина только въ лазаретъ по службѣ, отъ прочей практики онъ совершенно отказался—и цѣлые дни и ночи просиживалъ около спящей, ожидая ея пробужденія. Въ комнаты въ мезонинъ входилъ только князь Кохтаевъ, дежурившій при Алевтинѣ во время ухода Заварницкаго въ лазаретъ, и деньщикъ изъ татаръ, посвященный въ тайну, отличавшійся необыкновенною преданностью къ Кохтаеву. Чтобы объяснить истинную причину затворничества Заварницкаго, самъ онъ и Кохтаевъ объявили товарищамъ, что онъ занятъ приготовленіемъ къ экзамену и диссертацией на степень доктора медицины и хирургіи. По этому его никто не тревожилъ посѣщеніемъ и не беспокоилъ разспросами о рѣзкой переиѣнѣ его характера.

(Продолженіе будетъ).

ЗОЛОТОЕ КАДИЛО ВЪ РИЗНИЦЪ АРХАНГЕЛЬСКАГО СОБОРА ВЪ МОСКВѢ,

устроенное на поминокъ по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ (1598).

Кадило, котораго изображение мы теперь помещаемъ въ точномъ снимкѣ, напоминаетъ прекращеніе Рюрикова рода владѣтелей Руси, послѣ 736-лѣтняго правленія въ Новгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Твери и Москвѣ. По одному уже этому обстоятельству подобная древность должна привлечь на себя вниманіе любознательныхъ патриотовъ; по оригинальность ея формы и соответствіе съ характеромъ лица поминаемаго — еще болѣе возвышаютъ цѣнность священной утвари, не говоря уже объ интересѣ, возбуждаемомъ чисто техническими достоинствами выполненія. Всѣ эти особенности въ примѣненіи къ одной вещи — утвари, заставляютъ насъ, говоря о ней, коснуться характеристики лица, приводимаго ею на память, — состоянія техники золотого дѣла въ его время въ Москвѣ и состоянія вообще москвичей, какъ подданныхъ государя всей Россіи въ эпоху передъ возбужденіемъ смуты, больше двадцати лѣтъ потрясавшихъ общее спокойствіе и безопасность государства, которому не разъ грозила величайшая опасность, устраняемая только беззавѣтнымъ патриотизмомъ истинныхъ сыновъ отечества.

Скажемъ прежде всего о самомъ предметѣ, возбуждающемъ наши настоящіе припоминанія.

Кадило устроила вдова царя Ѳеодора Ивановича — царица Ирина (по постриженіи Александра) Ѳеодоровна, урожденная Годунова, въ Архангельскій соборъ на поминокъ души супруга, перешедшаго съ престола занимаемаго имъ (хотя и по имени только) въ теченіи 14 лѣтъ въ инои, лучшій міръ 7 января 1598 года. Уже самое вступленіе царицы-вдовы въ монашество непосредственно по потерѣ мужа, въ лѣтахъ далеко не старыхъ, указываетъ прямо на ея религиозность, можетъ быть, даже не совсѣмъ заобычную и въ XVI вѣкѣ въ православной Москвѣ. А если мы прибавимъ, что характеръ и правила царственной супруги ни чѣмъ не рознились отъ наклонностей мужа-царя, современниками называемаго «постникомъ и молчальникомъ», — то самъ собою разрѣшается вопросъ о выборѣ предмета напоминаній о немъ исключительно между предметами и принадлежностями богослуженія. Дѣйствительно, ни по одному государѣ не устроено столько цѣнныхъ церковныхъ вещей на поминокъ, какъ по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, вся жизнь котораго прошла въ обиходномъ управленіи церковныхъ обрядовъ и моленія — при чемъ любилъ онъ даже и самъ звонить въ колокола августѣйшими своими, скинтродержательными дланями, до свѣта поднимаясь къ утрени. Между тѣмъ онъ былъ человекъ болѣзненный, и ему больше всѣхъ нужно было оставаться въ теплѣ и даже въ постели. Болѣзненное же распорядженіе и слабосиліе съ дѣтства помѣшало, разумѣется, простираться далеко и его книжную мудрость, въ которой первое мѣсто поэтому заняло знаніе наизусть молитвъ и церковнаго обихода, безъ углубленія во внутренній смыслъ твердо-заученнаго. Слѣдовательно, представляя религиознымъ современникамъ — подданнымъ своимъ — образцомъ христіанскаго благочестія, царь Ѳеодоръ Ивановичъ не имѣлъ ни одного изъ качествъ необходимыхъ государю. Что же было бы съ Россією, если бы промыслъ не снабдилъ — слабого здоровьемъ и умственными силами порфириноснаго сына Грознаго, на которомъ пресѣклось потомство Рюрика, — братомъ жены его, надѣленнымъ

всеми тѣми качествами, которыхъ не достало самому вѣщеносцу!.. Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, по самому родству своему, оказывался бы и при болѣе самостоятельномъ и талантливомъ монархѣ ближайшимъ совѣтникомъ его, по уму и знаніямъ порядковъ администраціи стоя выше всѣхъ своихъ современниковъ. При царѣ же Ѳеодорѣ — младенцѣ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ — роль Бориса

сдѣлалась первою въ государствѣ: все подчинилось его волѣ, исключая царя и царицы — сестры, нѣжно любившей брата. За охрану его заботливости слабый государь могъ продолжать — и носилъ корону — ту же роль богомолца-обиходника, съ которой сжился онъ съ дѣтства, слѣдуя за отцомъ, къ церковнымъ службамъ, строго и пунктуально. Правда, что Грозный переходилъ изъ храма въ подземеелья и застѣнки, не рѣдко; любилъ и тошнить мрачныя представленія большой мысли — въ обильныхъ излітіяхъ за столомъ, — но эти обѣ послѣднія черты обихода отца не входили въ кругъ обязанностей сына, содержимаго въ страхѣ и едва ли способнаго когда нибудь и чѣмъ нибудь заявить потребности личнаго стремленія или сильнаго желанія. Съ нимъ, поэтому, и не могло послѣдовать ничего способнаго вредно повліять на здоровье или сокращеніе вялаго существованія, кромѣ самой машинности простыхъ жизненныхъ отравленій. До 28-лѣтняго возраста онъ и не мечталъ о высокой роли правителя, которая досталась ему за раннюю смерть энергичскаго старшаго брата. Наслѣдовавъ же отцовскій престоль, лицо, и вообще обладавшее отсутствіемъ характера, разумѣется, не могло не подчиниться вліянію жены, и черезъ нее — брата. Жена, данная отцомъ царевичу Ѳеодору Ивановичу, была болѣе супруга самостоятельна, и во время царствованія мужа, по словамъ Флетчера, «принимала участіе въ общественныхъ дѣлахъ правленія». Впрочемъ, ея участіе выказывалось въ милости и облегченіи участи виновныхъ; поэтому съ имеемъ царицы Ирины, въ воображеніи подданныхъ, соединился образъ общей благодѣлительницы, которая, разсыпая щедроты и милости, не упоминала даже мужа.

Ея вѣроотно вліянію, какъ женщины религиозной, — лишенной отрады воспитать дѣтей своихъ и отъ того тѣснѣе прильбившейся къ церкви, — обязана Россія учрежденіемъ патриаршества. Выборъ же лица перваго патриарха, безъ сомнѣнія, принадлежалъ дальновидному ея брату-правителю, въ Іовѣ видѣвшему соединеніе всѣхъ качествъ, ему казавшихся для известной цѣли нужными. Это и не могло быть иначе, при тѣхъ условіяхъ, въ рамкахъ которыхъ поставлена набожная царица при супругѣ Флетчеръ, напримеръ, разсказываетъ, что царь Ѳеодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра и ждалъ духовника своего въ спальнѣ, куда и днемъ не достигалъ свѣтъ солнечный, а вѣчно царствовалъ полумракъ отъ лампаднаго освѣщенія у иконъ. Для болѣе удобнаго предаванія себя религиознымъ упражненіямъ, царь съ супругою и жили на разныхъ половинкахъ; онъ проводилъ время съ женою не часто, больше и являясь въ ея палаты только на часокъ въ вечернее время, когда тамъ кривлялись и паясничали шуты. Поглазѣвъ на грубые пируеты этихъ увеселителей, царь Ѳеодоръ ужиналъ только у жены, и спѣшилъ къ себѣ ложиться спать, боясь опоз-

Золотое кадило Архангельскаго собора въ Москвѣ.

Рис. Жерье, грав. Гюйо.

дать къ утренней службѣ въ домовую церковь, куда являлась и царица со своей половиной; иногда, впрочемъ, государь, помолившись и поцѣловавъ поданный духовникомъ крестъ, шелъ самъ на встрѣчу женѣ, чтобы сопроводить ея величество въ храмъ Божій. Придя же отъ утрени, въ то время длившейся обыкновенно часа три, царь садился отдыхать въ большія кресла и въ это время являлись къ нему приближенные—большеею частію монахи и страпники—поздравлять съ добрымъ утромъ. Здѣсь, въ креслахъ, просиживалъ государь до звона къ обѣдни, начинавшейся во дворцѣ въ 9 часовъ утра; а воротясь изъ церкви—часовъ въ 11—обѣдалъ и ложился спать до вечерни, которую регулярно же отстаивалъ. И уже, придя къ себѣ, послѣ вечерни, царь Ѳеодоръ прихаживалъ на вечеръ къ женѣ. Обѣдали вмѣстѣ и почевали супруги только на день *заговня*—передъ постами. Изъ Москвы на богомолье въ подстоличныя монастыри ѣзжалъ государь каждую недѣлю. Въ праздникъ взбирался на колокольню трезвонить, для развлечения. И этому московскому наслажденію—не послѣднему если еще не первому во вкусахъ царя Ѳеодора—обязана древняя столица застройкою Ивановской колокольни, не доведенной впрочемъ до конца при дняхъ набожнаго Ѳеодора, но уже совершенной при умномъ его преемникѣ, въ тяжелую годину голода.

Съ такимъ взглядомъ на жизнь, и съ такими вкусами и стремленіями, какъ у царя Ѳеодора,—чѣмъ же было всего лучше почитать его память и устроить цѣнный вкладъ по душѣ его въ церковь, гдѣ покоятся его останки, какъ не утварями церковными и не богослужебными принадлежностями высокой цѣны? Общій обычай, самъ по себѣ, при этомъ соблюдался, но еще болѣе удовлетворялось и личное, сердечное влеченіе самой устроительницы.

Царица Ирина дѣйствительно такъ и поступила. Доказательствомъ можетъ служить вся общность ея устроенаго и разосланнаго по церквамъ, на поминки супруга-богомольца.

Въ одномъ Архангельскомъ соборѣ, кромѣ кадила — давшаго намъ случай поговорить о царѣ и его жизни и характерѣ,—есть: потиръ драгоценный, золотой, составляющій дружку къ кадилу, по рисунку орнамента и по подписи на поддонѣ: «повелѣніемъ благовѣрная великая государыня, царица и великая княгиня Грине Ѳеодоровна всея Русіи, сдѣланъ сей потиръ по великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всея Русіи са-

модержцѣ, въ церковь Архангела Михаила, къ его царскому гробу» 106 года (т. е. 7106 отъ сотв. міра, а нашего счета 1598). Съ перемѣною только слова «потиръ» на «кадило»—такая же подпись вырѣзана и на предметѣ нашего настоящаго описанія. Кадило это украшеное орнаментомъ—подъ чернью,—имѣетъ форму однокупольнаго храма съ главою, оканчивающеюся крестомъ, къ которому прикрѣплена одна вѣтвь цѣпочки. Четыре вѣтви прилажены колечками по четыремъ угламъ скругленной подкупольной части храма, снабженной, какъ куполь, въ подобіе оконъ съ рѣшетками,—отверстіями для пропуска дыма кадильнаго. Для того же, впрочемъ, еще есть прорѣзы въ самомъ закругленіи подкупольномъ, украшенномъ вставными камнями въ гнѣздахъ, обдѣланныхъ въ фигурныя порфѣзныя рамки, представляющія какъ бы романскія тройныя арки, въ видѣ наличниковъ вѣнчающія мнимыя окна, тоже обдѣланныя арками и обставленныя колонками, какъ бы поддерживающими пять арокъ. Тогда какъ осмиугольная нижняя часть кадила, непосредственно утверждаемая на предстолѣ или плоскомъ отходящемъ далеко основаніи (чтобы кадило могло стоять на плоскости)—представляетъ на каждой грани своей по образку.

Вѣсомъ кадило 4 фунта 33½ золотника. Кромѣ кадила и потира, — на гробницу царя Ѳеодора положенъ вдвоемъ его дорогой покровъ, по оцѣнкѣ 1789 г. признанный стоимостью въ 23,057 р. Онъ бархатный, вынизанъ жемчугомъ, разшитъ дробницами и украшенъ драгоценными камнями, съ надписью: «нагъ изыдохъ на плачъ сей младенецъ сый, нагъ и отиду паки: что труждаюсь и смущаюсь, видя, вѣдая кое житія сего доства? како шествуемъ всѣ равнымъ образомъ отъ тмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тму почую; отъ чрева матери и съ плачемъ горестнымъ: зачало и конецъ плачъ. Кака потреба суетнымъ свѣта сего? Сонъ, сѣнь, мечтаніе, красота житейская; вся суета человѣческая, елико не пребываютъ по смерти: не пребываетъ богатство, пользуется слава сего житія яко сонъ, яко сѣнь и яко прахъ проходитъ. Господи! преставльшагося отъ насъ раба своего, благовѣрнаго великаго государя, царя и в. кн. Ѳеодора Іоанновича всея Русіи самодержца, со всеми святыми въ царствіи своемъ упокой!»

Въ этой подписи вполнѣ высказались убѣжденія и взгляды на жизнь царственной четы: царицы Ирины и царя Ѳеодора, одинаково, какъ видно, относившихся къ своему величію.

ИТАЛІЯ.

Путешествіе отъ Альповъ до Рѣтны.

Подъ этимъ заглавіемъ появились на дняхъ въ Штутгартѣ первые выпуски роскошнаго изданія Энгельгорна — иллюстрированнаго описанія Италіи—въ формѣ путешествія. Страна и народъ, исторія, искусство, прошлое и настоящее Италіи являются здѣсь одновременно въ блестящихъ очеркахъ бойкимъ перомъ и карандашемъ художника.

Много было писано нѣмцами объ Италіи, немало разработано и специальныхъ сторонъ этой колыбели искусства, особенно классиками Карстеномъ, Винкельманомъ, Гётте, Штаромъ, Грегоровіусомъ и проч. Но никогда еще не являлось труда, до такой степени всесторонне исчерпывающаго предметъ—и даже вдвойнѣ—словомъ и живописью, какъ въ вышеупомянутомъ изданіи. Форма живописнаго путешествія какъ нельзя болѣе соответствуетъ цѣли этой книги. Нашему времени не особенно по вкусу тяжело-нагруженная педантической ученостью, медленно шагъ за шагомъ подвигающаяся экспедиція въ область изслѣдній; мы предпочитаемъ обозрѣвать ее на легкѣ, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Но, само собой разумѣется, образованная публика желаетъ ознакомиться съ посѣщаемыми мѣстностями. Она хочетъ по возможности изучить страну и людей, взглянуть въ ихъ прошлое, освоиться такъ-сказать съ исторической подкладкой. Вотъ этимъ-то потребностямъ и отвѣчаетъ вполне предпринимаемое изданіе. Писатель, изслѣдователь и живописецъ идутъ въ немъ рука объ руку, взаимно возполняя другъ друга, устраняя такимъ образомъ всякое поверхностное легкомысліе и обнаруживая въ совокуности острую наблюдательность,

при обиліи серьезныхъ познаній и тщательности антикварія. Въ самомъ дѣлѣ, литературная часть изданія ведется такими авторитетами, какъ *Карль Штислеръ*, извѣстный специалистъ по части горъ, а потому и посвятившій себя въ этомъ трудѣ отдѣлу Верхней Италіи, — *Эдуардъ Паулусъ*, биографъ и собратъ поэта Уланда, обработывающій Тоскану, и наконецъ *Вольдемаръ Каденъ*, взявшійся описать Римъ и Сицилію, основательное знаніе которыхъ заявлено имъ въ послѣднихъ его трудахъ «Народныя пѣсни Калабріи» и «Народная жизнь въ Неаполѣ». Что касается художественнаго отдѣла изданія, то въ немъ принимаютъ участіе Каламъ, Клоссъ, Каульбахъ, Келлеръ, Пассини, Фидлеръ, Дилль, Петерсъ, Шивъ, Скарбина, Вернеръ и множество другихъ знаменитыхъ живописцевъ.

Всегда стараясь по возможности знакомить читателей «Нивы» съ замѣчательными явленіями въ области западнаго искусства, мы посѣщали приобрѣсть нѣсколько рисунковъ этого роскошнаго изданія, изъ которыхъ два и прилагаются въ нынѣшнемъ номерѣ.

Первый изъ нихъ изображаетъ — Валеджіо, городъ въ Венеціанской провинціи Верона, на рѣкѣ Минчіо. Здѣсь довольно много церквей, замѣчательны: старый замокъ въ развалинахъ и дворецъ Гваренти, въ которомъ есть прекрасныя картины. Въ городѣ болѣе 6,000 жителей, главнѣйшая промышленность—шелководство. 29 мая 1796 г. Наполеонъ I Бонапартъ одержалъ при Валеджіо блестящую побѣду надъ Австрійцами.

На второмъ рисункѣ представленъ Тор-

ре-дель-Греко, одинъ изъ пригородовъ Неаполя, мѣстечко на югозападномъ склонѣ Везувія, у Неаполитанскаго залива, станція желѣзной дороги изъ Неаполя въ Салерно. Этотъ городокъ, кромѣ многочисленныхъ церквей и виллъ, замѣчательенъ коралловыми издѣліями, ловлями тунцовъ, сардинокъ, устрицъ и коралловъ, винодѣліемъ и обширнымъ судоходствомъ. Въ немъ болѣе 18,000 жителей. Торре-дель-Греко основанъ императоромъ Фридрихомъ II на развалинахъ римскихъ построекъ, и съ тѣхъ поръ принадлежитъ къ числу городовъ, наиболѣе страдающихъ отъ изверженій Везувія. Дома въ немъ стоятъ на лавовыхъ потокахъ 1794 года и выстроены изъ черной лавы. Растресканная масса базальта служитъ моломъ для небольшихъ кораблей. Въ море изъ Торре-дель-Греко открывается великолѣпный видъ на берега Сорренто и островъ Капри, а по направленіи материка—на зеленѣющіе склоны Везувія съ построеннымъ здѣсь въ 1604 году монастыремъ Камальдоли на одномъ изъ побочныхъ кратеровъ огнедышащей горы. Изъ Торре-дель-Греко ведетъ пѣшеходная тропинка на самую вершину Везувія, вдоль края лавовыхъ потоковъ 1794 года, направленіе которыхъ ясно видно въ отдѣльныхъ кускахъ лавы и многочисленныхъ шлакахъ, покрытыхъ мхомъ и лишаями, но безъ травы и деревьевъ. Нѣсколько выше видна голая лава 1861 г., которая почти совершенно разрушила Торре-дель-Греко. Окрестные виноградники славятся знаменитымъ виномъ — *Lacrima Christi*.

БОРЬБА ЗА НОВГОРОД.

П. ПЕТРОВА.

V. Якопинъ Шуйскій и Делагарди.

(Продолженіе).

Увѣнчавъ свою мнимую помощь — измѣною, вспомоgetельныя войска шведскія отошли въ Новгородскую область, гдѣ, прослышавъ о низверженіи царя Василья въ Москвѣ, Дела-Гарди предложилъ въ кандидаты на престолъ русскій сына своего короля, но, дѣлая предложенія, не терялъ удобнаго случая и, проходя по Волхову къ Ладожскому озеру, овладѣлъ крѣпостью Ладогой, а затѣмъ пошелъ осадить Кексгольмъ — Корелу (за взаимными перекорами шведамъ не сдаваемый). О предложеніи шведовъ изъ Новгорода увѣдомили Москву. Тѣмъ временемъ, въ столицѣ уже состоялось рѣшеніе о выборѣ въ цари сына польскаго короля Сигизмунда — пятнадцатилѣтняго принца Владислава. Съ вѣстью объ этомъ избраніи и съ отрядомъ войска для охраны области и города отъ шведскихъ нападѣній, посланъ — съ назначеніемъ въ Новгородскіе воеводы — Иванъ Михайловичъ Салтыковъ, сынъ горячаго сторонника Сигизмунда (Михаила Глѣбовича — Рубца-Салтыкова). Прибывъ въ Бѣжецкъ, Иванъ М. Салтыковъ увѣдомилъ воеводу новгородскихъ и митрополита объ избраніи Москвою Владислава и просилъ приводить на вѣрность ему народъ къ присягѣ, увѣдомляя о своемъ походѣ и назначеніи. На это ему отвѣтили, что въ городъ его не вступятъ до тѣхъ поръ, пока посланные отъ пяти концовъ Новагорода старосты не привезутъ изъ Москвы списка съ договорной грамоты и приговора земскаго о выборѣ Владислава. Чтобы убѣдить въ своей вѣрности дѣлу родному, Салтыковъ отослалъ отъ себя изъ Бѣжецка поляковъ, но подойдя къ городу, все же не былъ впушенъ и остановясь на Хутынѣ, устроилъ тамъ заставу отъ шведовъ (19 октября), а на слѣдующій день, посланный въ Москву новгородской староста Шоринъ привезъ крестоцѣловальную записку изъ столицы — на вѣрность Владиславу. Привозъ этого документа убѣдилъ митрополита и властей въ законности заявленій Салтыкова и воеводу пригласили въ городъ, — заставивъ впрочемъ присягнуть, что онъ не введетъ литовцевъ въ Новгородъ и будетъ защищать его отъ шведовъ и своихъ измѣнниковъ (сторонниковъ Самозванца, которому покорились Псковъ, и другіе города: Иванъ-городъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ). Въ эти города (внушенный въ Новгородъ 19 октября 1610 г.), Салтыковъ разослалъ увѣщанія, предлагая покориться законноизбранному въ государи земскимъ приговоромъ въ Москвѣ. Чтобы подѣйствовать и диломъ, а не однимъ словомъ, Салтыковъ отрядилъ воеводу Григорья Лсонт. Валуева съ войскомъ въ Торонецъ и Великіе Луки (гдѣ его не приняли и приготовились биться). Между тѣмъ, въ партіи приверженцевъ Самозванца произошелъ расколъ, и у Лисовскаго съ Просовѣцкимъ дошло до драки по дорогѣ отъ Иванъ-Города до Пскова; слѣдствіемъ чего былъ отходъ казаковъ и Просовѣцкаго, приславшаго Салтыкову отрядъ татаръ (изъ-подъ Пскова). Торонецкой же воевода Александръ Чолоковъ увѣдомилъ, что принявъ присягу Владиславу жители не избавятся отъ тиранства и грабежей польскихъ шаекъ — и потому намѣрены биться съ ними, отказываясь отъ признанія королевича государемъ. Предписавъ воеводѣ Рудницкому идти на партію Самозванца къ Пскову, Салтыковъ написалъ и Дела-Гарди, прося его оставить Ладогу, если не желаютъ быть признаваемы за враговъ и вступаемы съ оружіемъ.

Просовѣцкій, между тѣмъ, соединясь съ Валуевымъ, взялъ г. Великіе Луки приступомъ и сжегъ его. Делагарди, съ своей стороны, отъ 30 января 1611 г. написалъ во Псковъ, Иванъ-Городъ и прочія мѣста на шведскомъ рубежѣ, что жителямъ лучше принять подданство ихъ короля или выбрать на престолъ его сына, чтобы избавиться отъ разоренія, наносимаго предводителями шаекъ, противъ которыхъ онъ беретъ защищать его послушавшихъ. Дѣйствительно, эти города и отреклись признать Владислава, надѣясь на защиту шведовъ. Отъ нихъ между тѣмъ Салтыковъ отнялъ Ладогу, но успѣхи его остановлены были возстаніемъ въ Новгородѣ, въ его отсутствіи, что заставило воеводу прямо съ береговъ Ладожскаго озера направиться къ Москвѣ, хотя походъ этотъ ему не удался. Новгородцы убѣдили его воротиться, обѣщали полную безопасность, а когда онъ явился въ Новгородъ, нарушили обѣщаніе, подвергли пыткамъ и посадили на колъ — можно волю бытъ увѣреннымъ — безвинно; развѣ за то, что онъ сынъ — предателя отчизны. Съ исчезновеніемъ всякой опасности — въ лицѣ Салтыкова, Дела-Гарди успѣлъ (2 марта 1611 г.) овладѣть Карелою и этимъ развязать себѣ руки для дальнѣйшихъ завоеваній.

Подъ Москвою уже собрались защитники родины: Ляпуновъ и Трубочкой, съ Заруцкимъ (покуда не выказывавшимъ своихъ замысловъ). Они, узнавъ о гибели Салтыкова, послали въ Новгородъ воеводу В. И. Бутурлина, оказавшагося къ несчастію вѣтреннымъ и крайне сомнительнымъ вождемъ въ пониманіи обязанностей къ родинѣ. Съ наступленіемъ лѣта, отъ Карелы Делагарди спустился на югъ — и подлѣя къ Новугороду, возобновилъ предложеніе объ избраніи на московскій престолъ слабого сына короля

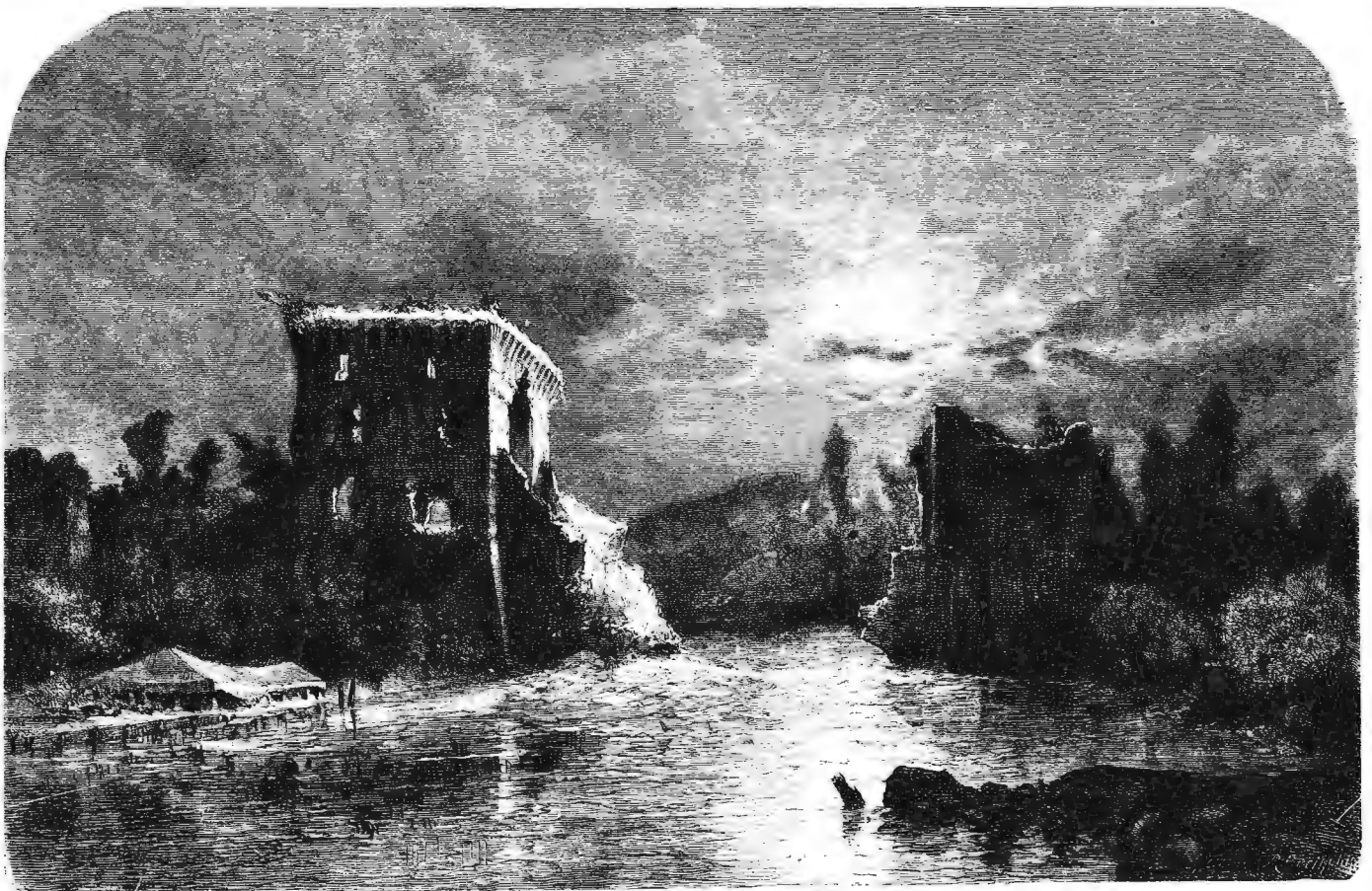
Карла IX. Съ такимъ же порученіемъ послалъ онъ и къ Москвѣ, въ станъ земскихъ воеводъ, Эрапа Бромме. Присылка эта до того имѣла успѣхъ, что вожди земскіе рѣшили отрядить въ Новгородъ князя П. О. Троекурова, Б. С. Собакина и дьяка С. В. Зиновьева: условиться о предложеніи королю шведскому королевичу Филиппу. Въ это тяжелое время, вида какъ легко принимается и получаетъ ходъ любое провозглашеніе избранія въ самодержцы всея Россіи въ мятежномъ станѣ осаждастелей столицы, Заруцкій задумалъ создать и своего претендента — въ лицѣ сына Марини, проклинаемаго патриархомъ. Юль мѣсяць 1611 года былъ самымъ тяжелымъ временемъ изъ всего пережитаго народомъ въ междоусобицѣ — исключая разумѣется побоища поляками въ мартѣ, во вторникъ на страстной недѣлѣ. Коварство Заруцкаго и Гонсѣвскаго довело до смерти Прокофья Ляпунова — и взять Делагардиемъ Новгородъ, по волѣ воеводъ, особенно Бутурлина-вѣтренника.

На Хутынѣ — за семь перестъ до Новагорода, гдѣ устроена была застава отъ шведовъ Салтыковымъ — остановился лагерь шведскій вождь Делагарди. Воеводы Бутурлинъ и кн. Одоевскій сморгли на Делагарди не какъ на врага, а какъ на помощника — и разгультный Бутурлинъ позволялъ себѣ ѣздить въ шведскій лагерь бражничать. У представителей военной силы въ Новгородѣ съ шведскими ратниками было тоже больше согласія, чѣмъ со своими горожанами. Лагерь Делагарди перенесенъ и на Коломово, но въ комъ не возбудивъ подозрѣній; но самъ предводитель шведовъ не терялъ ни на минуту изъ вида своего плана, подыскивая орудія для его осуществленія. Орудіемъ оказался шведъ Ивашко Шваль, илѣиникъ Лутохина. Зная, что охраненіе стѣнъ худое и стража у воротъ еще болѣе слабая, онъ договорился съ Делагарди провести шведовъ въ городъ черезъ ворота отъ Чудининой улицы — и въ ночь на 17 іюля привелъ въ исполненіе свой злодѣйскій замыселъ. Вступая свободно въ городъ, шведы принялись рубить военныхъ людей, и при крикахъ жертвъ этого убійства проснулись горожане — илѣиниками. Нашлись патриоты — новгородцы, которые и заступились въ домахъ своихъ, не могли выйти изъ нихъ, отреклись сдать шведамъ — и погибли, предпочтя смерть безславію. Жертвъ такихъ было множество, и сопротивленіе шведамъ было отчаянное. Первымъ изъ этихъ жертвъ патриотизма оказывается софійскій протопопъ Аммосъ. Находясь подъ запрещеніемъ митрополита, за какой-то проступокъ, мужественный настырь выдерживалъ осаду своего дома отъ шведовъ, перебилъ ихъ множество и погибъ въ огнѣ, когда при невозможности взять его, домъ подожгли непріатели. Митрополитъ Исидоръ, ходя по стѣнѣ и видя мужество Аммоса, издали послалъ ему заочное разрѣшеніе и благословеніе; — черезъ минуту рухнуло строеніе погребло доблестнаго гражданина родины. Воевода князь И. Н. Одоевскій былъ не въ безстрашнаго іерея. Съ одной стороны, крайнее затрудненіе противостать военной силѣ, допущенной въ городъ, а съ другой стороны, вѣроятнѣе всего неумѣнне взяться за дѣло, да и корыстные виды — заставили его подписать позорный договоръ о сдачѣ Новагорода шведамъ. За эту подлинъ недостойный воевода получалъ отъ шведскаго короля въ вотчину Славянскій погостъ въ Старорусскомъ уѣздѣ, съ 500 дворовъ и соответствующимъ количествомъ земли. Не найдши этого документа въ шведскомъ госуд. архивѣ — можно бы было еще сомнѣваться въ честности Одоевскаго. Товарищъ же его — Бутурлинъ, пограбивъ вѣмецкія лавки, совсѣмъ ушелъ изъ Новагорода, какъ правый, въ Бронницы и оттуда въ Романовъ. Безъ договора не такъ бы легко овладѣть Дела-Гардью Софійскимъ дѣтинцемъ, безъ новой измѣны; какъ же за сдачу крѣпости, господствовавшей надъ городомъ, не отдать чужаго погоста? Митрополитъ Исидоръ можетъ быть вѣрнѣе вѣрности дачи въ цари намъ Филиппа, на имя котораго сдавали крѣпость («въ обезпеченіе»). Со смертью же Карла IX и воцареніемъ Густава Адольфа, едва-ли шведское правительство думало отдавать русскимъ легкое свое приобрѣтеніе. За королевичемъ, одновременно со сдачею дѣтинца, наряженъ въ посольство архимандритъ Нивандръ, но дѣло дальше этого наряда и прѣзда депутаціи въ Выборгъ — не двинулось. Да со стороны Дела-Гарди хлопотать объ этомъ не было и въ расчетахъ: онъ продолжаетъ, посылая Горна, забирать города русскіе — Орѣшекъ, Иванъгородъ, Яму, Копорье, Ладогу (вновъ), Тихвинъ, Старую Русу, Порховъ и Гдовъ, — вездѣ ставя своихъ начальниковъ. Между тѣмъ изъ Новагорода продолжаютъ рассылаться грамоты въ Сибирь и восточный край — отъ имени названнаго короля Филиппа, котораго города признавать были непрочъ, выговаривая только прежде всего необходимое условіе — припачіе имъ православія. Такой отвѣтъ намъ извѣстенъ изъ Ярославля, отъ гражданъ и митрополита Кирилла, заявлявшихъ, впрочемъ, при этомъ требованіи отъ шведовъ содѣйствія для очищенія русской земли отъ враговъ, — думая, вѣроятно, затѣмъ рѣшить, что будетъ выгоднѣе? Мысль о русскомъ избранникѣ теперь уже начинала вол-

повать чувства патриотов. Въ августѣ 1612 г. мы видимъ отказъ на предложеніе иностранныхъ ратниковъ, желавшихъ нашей службы и явившихся къ Архангельску. Дѣло спасенія отечества уже оказалось теперь почти совершеннымъ и медленность шведовъ со своимъ кандидатомъ испортила его дѣло. Когда уже выборъ Михаила рѣшенъ былъ земскимъ соборомъ, изъ Новгорода явился посланный Делагарди—Богданъ Дубровский, что королевичъ вступаетъ въ русскіе предѣлы на пути въ Новгородъ, но, на это, очень естественно и долженъ былъ послѣдовать отказъ. Ссылка на отписку Ярославцевъ оказалась недействительною, затѣмъ, что исполненія заявленныхъ тамъ условій съ шведской стороны не было. «А теперь» говорили члены земскаго совѣта, «Богъ очистилъ московское государство: мы рады, съ помощью Божіею, биться противу насъ и идти для очищенія Новгородской области».

За этимъ отвѣтомъ выступилъ вопросъ о возвратѣ захваченнаго, правдою и неправдою. Шведы наотрѣзъ отказали въ нашихъ, по этому случаю, требованіяхъ, — посоветясь, впрочемъ, назвать свои захваты законными пріобрѣтеніями. Они заявили, что вз-

зовымъ, Бутурлиннымъ и княземъ А. Ѳ. Гагариннымъ отбили прислугу короля и принудили его съ наступленіемъ осени удалиться (7 окт.) въ Финляндію. Между тѣмъ шведскія притѣсенія довели новгородцевъ до отчаянія. Опустошеніе полное Софійской стороны и сохраненіе немногихъ церквей на торговой—казалось еще мало обладателямъ Волховской столицы нѣкогда вольнаго народа, наконецъ возставшаго противъ своихъ притѣснителей подъ начальствомъ князя Никифора Мещерскаго. Шведы этими послѣдними притѣсеніями вымогали присягу королю Густаву-Адольфу, грози смертью ослушникамъ, но видя рѣшимость дорого продать жизнь и соединеніе въ одну толпу противившихся, предложили сами имъ сослаться съ Москвою. Князь Никифоръ, разумѣется, былъ шведскими арестованъ, но число отрекавшихся отъ присяги королю росло въ Новгородѣ. Тогда изъ него наряжено посольство въ Москву изъ дворянъ: Якова Боборыкина и Матвѣя Муравьева, съ хутынскимъ архимандритомъ Кипріаномъ. Выборные новгородскіе представили на аудіенціи царю въ Москвѣ (на дворѣ царскомъ у Рождества) слезную жалобу и просьбу согражданъ: чтобы госу-

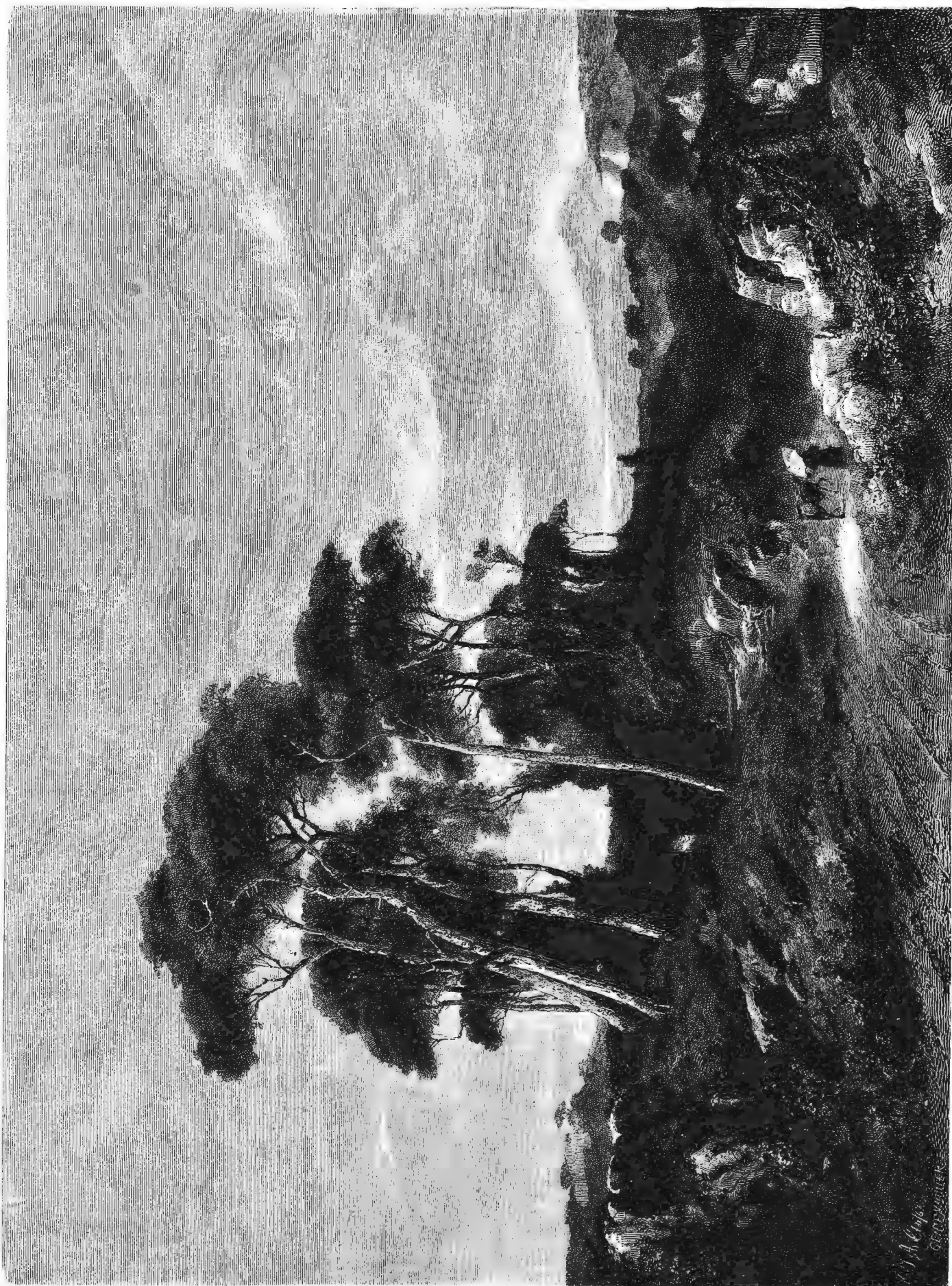
Боргеттскій мостъ (Ponte del Borghetto) близъ Валеджіо. Изъ иллюстрированнаго изданія «Италія». Эпгельгорна.

Рис. Бертольдъ, грав. Клозь.

тия земли удерживаются за недоплату денегъ вспомогательному войску, по виборгскому договору, и за «великіе въ походѣ ихъ претерѣнные убытки». Стало быть, дальше изворота, ничего не наши сами враги наши удобнаго подтвердить права ихъ на Неву.

Съ поцареніемъ Михаила была уже другая пора и другія обстоятельства на Руси. Шведскій маршалъ Горнъ и полковникъ Делявилль изъ Новгорода пришли въ сентябрѣ 1613 г. къ Тихвину и начали осаду этого города, но вылазка осажденныхъ, въ праздникъ Воздвиженія креста, кончилось побѣишемъ на голову пришедшихъ осаждаателей, затѣмъ и удалившихся къ «Невскому устью». Наши хлопоты съ сосѣдями этимъ, впрочемъ, не кончились. Въ 1615 году самъ Густавъ Адольфъ прибылъ изъ Стокгольма въ Нарву (8 іюля) и осадилъ Псковъ, подвергая крѣпкія стѣны его, выдержавшія штурмы Баторія, — страшному обстрѣливанію изъ мортиръ. Противъ будущаго защитника дѣла нѣмецкаго лютеранства, царь отрядилъ воеводъ: боярина Шереметьева и князя Ахамашукова-Черкаскаго (25 авг.), но прежде чѣмъ они могли прибыть на мѣсто, исковичи со своими воеводами: Моро-

даръ вступился за новгородское государство, чтобы и вдалась не погибли бѣдные жители. Царь обѣщалъ полное забвеніе винъ отдавшимъ Новгородъ, привалъ перечень обидъ оказываемыхъ шведами и послалъ тайныя грамоты митрополиту и начальнымъ людямъ о своей къ нимъ благосклонности. Грамоты эти попали по назначенію. Шведскіе начальники дознались о нихъ и посадили за караулъ депутатовъ, особенно гѣсна архимандрита. По смыслу же предъявленныхъ новгородцами жалобъ на съѣздъ съ шведами, въ Пески — устроенный при содѣйствіи англійскаго посла Мерика, даны наказы уполномоченнымъ: Мезецкому и Зюзину. Съѣздъ этотъ, впрочемъ, не состоялся, а на второй назначены князь Хованскій и Вельяминовъ. Мѣстомъ этого втораго съѣзда назначено село Столбово, близъ Тихвина, и въ немъ-то 1617 г. 27 февраля подписанъ вѣчный миръ Швеціи съ Россіею. По трактату сдѣланы обоюдныя уступки: шведскій король уступилъ намъ Новгородъ съ уѣздомъ, а мы Швеціи въ обмѣнъ отдали полосу земли за Невой съ городами Орѣшкомъ, Копорьемъ, Ямами и Ивангородомъ, потерявъ невскій выходъ въ Балтійское море.

Пиніевий лісокъ близъ Торре дель Греко. Изъ иллюстрированнаго изданія «Италія» Энгельмана. Рис. Гейгенмиллеръ, грав. Клоостъ.

СМѢСЬ.

Молочная мука химика Нестле в Веве. Известно, что материнское молоко — самая естественная и лучшая пища для детей в первые годы их жизни; но также известно и то, что иногда все количество молока матери не в состоянии удовлетворить новорожденного, не говоря уже, конечно, о тех матерях, которые по природе или вследствие болезни почти вовсе лишены молока; — а потому причину необыкновенной смертности детей, свойственной этому возрасту, можно безусловно отнести к неадекватному их кормлению. Заменить же материнское молоко коровьим, как казалось бы самым подходящим средством, тоже нельзя, потому что оно содержит в себе большое количество казеина, который затрудняет пищеварение; а разбавленное, как-то делают, на половину с сахарной водой, оно хотя и делается удобоваримым, но за то недостаточно питательным. Такие же неудобства представляют и прочие употребляющиеся в этих случаях средства, как напр. смѣсь молока с желудочным кофе, аррорут и другие крахмалистые вещества и проч. и проч.

И вот, пополнив этот пробѣл, предостеречь смертность детей старались все ученые и специалисты Европы, но это имъ до сих поръ, можно сказать, не удавалось, потому что хотя и находились разные молочные экстракты, но все-таки они не могли заменить материнское молоко. В настоящее же время задача эта, можно сказать, почти что разрешена. Химикъ Генрихъ Нестле в Веве (Vevey), послѣ многих химическихъ опытовъ и исследований, приготовляетъ изъ пшеничной муки и молока, посредствомъ водяныхъ паровъ, такъ называемую «молочную муку», которая по своимъ свойствамъ совершенно замѣняетъ материнское молоко и которую *достаточно только развести водою и прокипятить несколько минутъ*, чтобы получить вполне удовлетворительную пищу. Столовая ложка (2 лота) этой молочной муки, разбавленная в шести ложкахъ воды, даетъ кашичку, которою кормятъ ребенка, смотря по возрасту, отъ 2—3 разъ в день. А если взять отъ 8—10 ложекъ воды на одну ложку муки, то получится отличное молоко для итѣя, дающееся детямъ в промежуткахъ времени между отдѣльными кормлениями. При этомъ за самое главное правило необходимо принять умеренность при каждомъ отдѣльномъ кормлении.

Мы позволяемъ себѣ говорить о изобрѣтеніи химика Нестле потому, что надъ этой мукой производили опыты все ученые авторитеты Европы, какъ напр. знаменитый парижскій химикъ А. П. Барраль, П. П. Гуль, Мартинъ и проч., — и пайда ее совершенно не уступающе по своимъ питательнымъ элементамъ материнскому молоку, фактически засвидѣтельствовали то своими письмами къ г-ну Нестле*), а профессоръ медицинскаго факультета парижской академіи докторъ Моно даже написалъ въ «France medicale» статью, въ которой онъ обстоятельно доказывалъ пользу «молочной муки» Генриха Нестле.

Замѣтка о календарѣ Гатцука. Когда въ послѣднее время общество создало потребность календарей, а правительство разрешило ихъ выпускъ всякому, то годъ отъ году ихъ стадо появляться все больше и разнообразнѣе. Изъ числа дешевѣйшихъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто календарь Гатцука, который, не смотря на дешевизну (15 к.), даетъ такія обширныя свѣдѣнія, что невольно дѣлается необходимою для каждаго и совершенно замѣ-

няетъ прочіе толстые календари, стоящіе въ десять разъ дороже. Это календарь въ полномъ смыслѣ этого слова. Чего въ только въ немъ не находите?... Одна первая оберточная страничка для инаго уже цѣлый курсъ, такъ какъ въ ней означены все главнѣйшія событія изъ русской исторіи. Затѣмъ, кромѣ безчисленныхъ и съ большимъ искусствомъ расположенныхъ свѣдѣній въ встрѣчаете великолѣпно выполненныя гравюры разныхъ высокопоставленныхъ и замѣчательныхъ лицъ; а также нельзя оставить безъ вниманія и приложенную при немъ новѣйшую карту сѣверо-западнаго населенія Россіи, въ которой каждаго національность наглядно отмѣчена красками.

Новоизобрѣтенный самодѣйствующій огнегасительный аппаратъ. Въ Петербургѣ уже нѣсколько разъ производились испытанія новаго огнегасительнаго аппарата, изобрѣтеннаго Дикомъ, и получившаго уже большее примѣненіе за границей. Испытанія эти дали поразительные результаты. Первый публичный опытъ былъ произведенъ на Марсовомъ полѣ, при многочисленномъ стеченіи публики, надъ костромъ, имѣвшемъ шатовъ восемь въ длину, шага два въ ширину, слыхомъ десять футовъ въ вышину. Онъ былъ сложенъ изъ тонкихъ досокъ и бочекъ, пропитанныхъ дегтемъ и керосиномъ. Кестеръ, облитый со всехъ сторонъ пламенемъ, въ нѣсколько секундъ былъ потушенъ двумя людьми, у которыхъ было надѣто на плечахъ по такому аппарату. Второй опытъ производился надъ дегтемъ и керосиномъ. Нѣсколько квадратныхъ сажень было отгоржено планками около трехъ вершковъ вышины. Все это пространство наполнили дегтемъ, а сверху него налили еще значительное количество смолы, и все это было подожжено. Поднялся огромный пламя. Посредствомъ новаго аппарата, только что всыхнувшій страшный огонь въ нѣсколько секундъ былъ потушенъ. Должно быть на каланчахъ увидѣли дымъ, потому что на площа въ вдругъ прискакала пожарная команда, что очень разсмѣшило публику.

Снаружи диковскій аппаратъ имѣетъ видъ круглаго боченка, имѣющаго, смотря по его величинѣ, отъ 2 до 4 ведеръ воды. Одинъ человекъ очень легко можетъ нести его на спинѣ. Вся тяжесть аппарата, который дѣлается разныхъ величинъ, равняется 80 до 125 фунтовъ. Внутреннее его устройство чрезвычайно просто; приборъ состоитъ изъ желѣзнаго цилиндра, верхнее дно котораго герметически закрывается крышкой, а внизу стѣнки приделана трубка съ краномъ. Цилиндръ наполняется водою, въ которой растворяется небольшое количество углекислой соды, а ко дну крышки прикрѣпляется наглухо- закрытая стеклянная бутылка съ сѣрной кислотой. По закупоркѣ цилиндра ударяютъ молоткомъ въ пуговку, находящуюся поверхъ крышки, и разбиваютъ такимъ способомъ бутылку. Сѣрная кислота, выйдя изъ бутылки, соединяется въ цилиндрѣ съ растворомъ двууглекислой соды, образуетъ углекислоту, которая насыщаетъ собою воду. Выпрыскиванье этого раствора изъ цилиндра производится посредствомъ упомянутой выше трубки, къ которой привинчивается соотвѣствующей длины пожарный рукавъ. Правой рукой направляется рукавъ противъ огня, между тѣмъ какъ лѣвой придерживается клапанъ, чтобы выпускать огнегасительную жидкость въ большемъ или меньшемъ количествѣ, или совсѣмъ запереть кранъ, смотря по надобности. Дѣйствіе состава Дика объясняется свойствомъ углекислоты, которая, будучи тяжелѣе воздуха, вытѣсняетъ изъ него кислородъ, чѣмъ у огня и отнимается возможность горѣнія.

Аппаратъ Дика, изготовляемый гг. Липманомъ и К^с въ Глазгоу, въ Англіи, вѣроятно обратитъ на себя вниманіе и у насъ, тѣмъ болѣе, что педорогая дѣна его, отъ 65 руб., очень облегчаетъ его пріобрѣтеніе. Магазины, особенно склады легко воспламеняющихся веществъ, должны быть много обязаны этому послѣднему изобрѣтенію. Бываютъ случаи, когда вода ничего не можетъ сдѣлать съ огнемъ; диковскій же аппаратъ всегда окажется дѣйствительнымъ, такъ какъ онъ употребляетъ въ дѣло злѣйшаго врага огня: углекислоту. Само собою разумѣется, что посредствомъ этого аппарата тушится только небольшой огонь, когда пожаръ еще въ началѣ; но въ всякій большой пожаръ начинается съ маленькаго, и если противъ этого послѣдняго есть подъ рукой скорая и дѣйствительная помощь, то огонь не причинитъ такихъ размѣровъ, чтобы причинить много вреда.

Въ Лузіанѣ смертная казнь замѣняется слѣдующимъ наказаніемъ: убиты забираются въ отдѣльныя кельи. Передъ каждой кельей есть маленькое пространство, гдѣ они могутъ работать. Преступникъ считается какъ бы мертвымъ для своихъ родныхъ и знакомыхъ, даже для тюремныхъ служителей, которые не смѣютъ сказать съ нимъ ни одного слова, пока дается срокъ наказанія. Кельи выкрашены чернымъ, на дверяхъ лицомъ къ преступнику, большими буквами сдѣлана надпись: «Въ этой кельѣ запертъ, для того чтобы прожить свою жизнь въ одиночествѣ и раскаяніи, такой-то обвиненный за убійство такого-то».

Золото чрезвычайно легко растяжимо. Изъ одного *уна* золота можно вытянуть нитку въ 500 футовъ длины. Но кромѣ того, не смотря на свою мягкость, оно такъ хрупко, что на золотой проволочкѣ отъ 2 до 3 футовъ длины можно повѣсить тяжесть въ 16 футовъ вѣсу. Такъ называемые золотобиты, мастера, которые дѣлаютъ листовое золото, имѣющее лишь шестую часть примѣсь серебра или мѣди $\frac{1}{80}$ проц., — выкатывая или выбивая его изъ очень маленькихъ кусочковъ золота, выдѣлываютъ листы баснословной тонкости. Эти листики, послѣ вальцованья, обрабатываются еще на мраморныхъ или гранитныхъ доскахъ въ квадраты около 3-хъ дюймовъ въ диаметрѣ, толщиной едва въ $\frac{1}{2000}$ линіи.

Опиумъ въ Америкѣ распространяется все болѣе и болѣе, какъ сознаются сами американскія газеты. Проводники и адвокаты часто прибѣгаютъ къ опиуму, какъ къ возбуждающему средству, и многие ораторы обязаны своимъ краснорѣчіемъ употребленію этого наркотическаго вещества. Журналисты, пишущіе въ агитационныхъ журналахъ, приводятъ себя въ надлежащую степень возбужденія употребленіемъ опиума. Къ этому же прибѣгаютъ нервныя знатныя дамы, особенно передъ тѣмъ какъ ѣхать въ общество или на балъ. Употребляющему опиумъ не для чего носить съ собой бутылку или бояться, что дыханіе его будетъ пахнуть водкой. Онъ отлично можетъ помѣстить весь свой запасъ въ жилетный карманъ и понемножку употреблять его незамѣтнымъ образомъ. Между тѣмъ известно, какъ губительно дѣйствіе опиума; онъ разрушаетъ свои жертвы и нравственно и физически. Изъ таможенной статистики видно, что въ Соединенные штаты привозится теперь 250,000 фунтовъ опиума въ годъ, въ десять разъ больше чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. По удостовѣренію врачей и аптекарей и половины этой массы не идетъ для медицинскихъ цѣлей. Множество аптекарей продаютъ опиумъ и морфій безъ докторскаго предписанія, фактъ, который они нисколько и не думаютъ оспаривать.

*) См. Бршюра о кормленіи детей швейцарскою молочною мукою.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Военное и морское дѣло.

— Укрѣпленіе въ Нукусъ почти совершенно готово. Веркамъ дана такая сильная профиль и артиллерійская оборона, что въ случаѣ надобности внутри укрѣпленія для защиты можетъ быть оставлено въ гарнизонѣ не болѣе роты пѣхоты, при четырехъ крѣпостныхъ орудіяхъ; остальные войска могутъ быть выведены въ поле, со взводомъ подвижной артиллеріи. Внутри укрѣпленія вырыты два многоводные колодца, изъ которыхъ одинъ съ совершенно прѣсною водою, другой съ нѣсколькими солончатою. На эспланадѣ передъ Петро-Александровскимъ укрѣпленіемъ, саженьхъ въ ста отъ верковъ, за минувшее лѣто выросла цѣлая слободка, въ которой находятся дома семейныхъ солдатъ; есть также дома офицерскіе и частныхъ лицъ и торговцевъ. Началъ никомъ отдѣла устроена школа для солдатскихъ дѣтей и строится клубъ для офицеровъ.

— Изъ приводимыхъ «Рус. Инв.» свѣдѣній о санитарномъ состояніи русской арміи въ последнее время, видно между прочимъ, что общая заболѣваемость въ русской арміи значительно ниже, чѣмъ въ арміяхъ другихъ государствъ. Число тяжело-заболѣвшихъ у насъ почти одинаково съ другими арміями, а иногда и менѣе, напримѣръ: въ Пруссіи въ 1869 году число тяжело-заболѣвшихъ достигло 486 на 1.000 человѣкъ, во Франціи въ 1867 году 604 на 1.000 человѣкъ, тогда какъ у насъ въ томъ же году число это доходило только до 543 на 1.000.

При сравненіи средняго числа постоянно-больныхъ въ нашей арміи въ последнее время съ числомъ больныхъ въ другихъ европейскихъ арміяхъ оказывается, что и въ этомъ отношеніи русская армія находится въ весьма выгодномъ положеніи.

Въ теченіе 30 дѣтъ смертность въ арміи уменьшилась въ 2½ раза, и вообще нынѣ не превышаетъ 1/200 изъ наличнаго состава арміи. Самая слабая смертность оказывается на востокъ — въ Восточно-Сибирскомъ и Оренбургскомъ округахъ, а на западъ — въ Финляндскомъ и Варшавскомъ.

— 27-го октября вышелъ изъ Кронштадта въ Тихій океанъ винтовой 8-ми пушечный корветъ «Ваянъ» подъ командою капитанъ-лейтенанта Р. Р. Боия 3-го. На корветѣ этомъ отправленъ, какъ сообщаютъ въ «Крон. Вѣст.» паровой вельботъ для Черногорскаго Князя. Вельботъ будетъ данъ въ одномъ изъ портовъ Адриатическаго моря.

Торговля.

— Въ «Оренб. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля, жители Оренбурга не безъ удовольствія встрѣтили и провозили прошедшія по Уралу пять барокъ. Это небывалое явленіе, такъ какъ Уралъ до этого случая считался здѣсь несудоходнымъ. Попробовалъ провести барки купецъ Ванюшинъ: пользуясь весеннимъ разливомъ Урала, онъ отправилъ на баркахъ въ Уральскъ до 100,000 пудовъ хлѣба (лучшей кубанки), закупленного имъ зимою въ Верхне-Уральскѣ.

— По словамъ варшавскихъ газетъ, съ открытіемъ Кіево-Брестской желѣзной дороги, значительно увеличился изъ западныхъ губерній вывозъ воловъ и вообще убойнаго скота чрезъ Привислянскій край въ Пруссію, и начинается привозъ строительнаго матеріала изъ лѣсовъ Галиціи.

— На бывшую въ этомъ году шерстяную ярмарку въ Варшавѣ было привезено шерсти 43,460 пудовъ 5 фунтовъ, болѣе чѣмъ въ прошломъ году на 5,062 пуда 32 фунта. Вообще мойка была удовлетворительная, а во многихъ партіяхъ даже очень хорошая; за эти послѣднія платили дороже, чѣмъ въ 1872 году. Среднія цѣны были: за высоко-тонкую хорошей мойки 100—120 талеровъ, за тонкую хорошей мойки 90—105, за средне-тонкую хорошей мойки 74—85, за среднюю 60—72, за обыкновенную, но хорошей мойки 46—56 талеровъ. Изъ всего количества

привезенной шерсти въ послѣдній день ярмарки, оказалось проданной 2/3, а остальное оставлено комиссіонерамъ.

— Июльская ярмарка въ Ярмолинцахъ была очень оживлена; заключено много хлѣбныхъ сдѣлокъ по хорошимъ цѣнамъ.

Гигіена.

— На правомъ берегу рѣки Кашъ, въ 65 верстахъ отъ Кульджи, находятся Мазарскіе горячіе ключи, имѣющіе большое значеніе для всего населенія Кульджи, по своимъ превосходнымъ цѣлебнымъ свойствамъ. Туземцы лечатся водами этихъ источниковъ отъ ревматизма, спазмъ и т. д.

Земская хроника.

— Созванное на 31-е іюля, для обсужденія мѣръ, какія необходимо принять для обезпеченія будущихъ посѣвовъ и продовольствія пострадавшаго отъ неурожая населенія Тираспольскаго уѣзда, чрезвычайное Уѣздное Земское Собраніе, по рассмотрѣніи тѣхъ данныхъ о нуждахъ населенія, которыя могли быть собраны въ короткое время Уѣздной Управой, и въ виду сдѣланныхъ прибывшими въ Собраніе гласными заявленій по тому же предмету, пришло къ тому заключенію, что за истощеніемъ, по случаю бывшаго въ прошломъ году неурожая въ Тираспольскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Херсонской губерніи, какъ сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ и губернскаго продовольственнаго капитала, представляется нынѣ необходимымъ ходатайствовать о назначеніи для Тираспольскаго уѣзда пранительственной ссуды на обмѣненіе полей и продовольствіе изъ суммъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала. Собраніе опредѣлило размѣръ ссуды: на озимые посѣвы въ 6.250 четвертей на 50.000 р., яровые въ 35.750 четвертей на 284.000 р. и на продовольствіе для 1/4 части населенія, т. е. 22 500 душъ, полагая по 1 п. 20 ф. хлѣба въ мѣсяць въ теченіи 8 мѣсяцевъ, на 225.000 р., а всего на 559.000 р. Независимо отъ назначенія этой ссуды, постановлено также ходатайствовать о разрѣшеніи повсемѣстной по Имперіи подписки въ пользу пострадавшихъ отъ двухлѣтняго неурожая въ Тираспольскомъ уѣздѣ, для выдачи изъ собираемыхъ по подпискѣ суммъ нуждающимся безвозвратныхъ пособій. Херсонская Губернская Земская Управа по полученіи постановленія Уѣздной Земскаго Собранія тогда же отпустила въ распоряженіе Уѣздной Управы испрашиваемые Собраніемъ на обмѣненіе озимыхъ полей 50 000 руб. изъ наличныхъ суммъ губернскаго продовольственнаго капитала, поступившихъ въ настоящемъ году въ возвратъ выданныхъ изъ онаго въ 1870, 1871 и 1872 гг. ссудъ; что же касается ссуды на обмѣненіе яровыхъ полей и на продовольствіе въ количествѣ 509.000 руб., то вопросъ о необходимости отпустить изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала Губернская-Управа предположила представить на обсужденіе Губернскаго Земскаго Собранія, которое имѣетъ быть созвано на 4-е октября. За симъ Губернская Земская Управа съ своей стороны нашла необходимымъ нынѣ же ходатайствовать какъ о разрѣшеніи повсемѣстной подписки въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Тираспольскаго уѣзда, такъ и объ открытіи нынѣшнюю же осенью работъ по проведенію желѣзной дороги отъ Маякъ на Одессу и Мелитополь съ вѣтвью на Херсонъ, дабы тѣмъ предоставить населенію возможность получать заработки, которые послужили бы къ уменьшенію количества ссудъ, а слѣдовательно и будущаго долга крестьянъ, о чемъ и сообщено на усмотрѣніе Министра Путей Сообщенія.

Городская хроника.

— По сообщаемымъ въ «Рус. Инв.» свѣдѣніямъ, пожаръ въ Кронштадтѣ начался (20-го октября) въ одномъ изъ домовъ на Купеческой улицѣ, отъ опрокинутой горѣвшей керосиновой лампы. Вся площадь по-

жара составляетъ прямоугольникъ длиною до 250 и шириною до 150 сажень. Въ 3 часа ночи остановилось дальнѣйшее распространеніе огня. Въ «Кроншт. Вѣстникѣ» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о мѣрахъ, принятыхъ къ оказанію пособія пострадавшимъ отъ пожара: Образована съ означенною цѣлію особая коммисія подъ предсѣдательствомъ начальника Штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта, Свиты Его Величества контръ-адмирала Федоровскаго. На коммисію эту возложено собрать полныя свѣдѣнія о лицахъ и семействахъ, имѣющихъ настоятельную надобность въ немедленномъ пособіи и помощи продовольствіемъ и помѣщеніемъ, и распредѣлить тѣ денежныя и матеріальныя средства, которыя будутъ предоставлены на этотъ предметъ коммисіи. Число пожертвованій въ пользу жителей Кронштадта, пострадавшихъ отъ пожара, дошло, какъ сообщаютъ въ послѣднемъ номерѣ «Крон. Вѣстника», до 17.135 рублей. Кромѣ денежныхъ пожертвованій поступаютъ также пожертвованія съѣстными припасами и одеждой. Въ этомъ отношеніи самое значительное пожертваніе было сдѣлано генераль-адъютантомъ Треповымъ; присланнымъ на другой день пожара 50 кулей муки, 10 кулей крупы, 30 пудовъ свѣжей говядины, 32 пуда солонины и другихъ припасовъ. Кронштадтское благородное Общество организовало временную столовую для пострадавшихъ отъ пожара; около 50 человѣкъ были накормлены ужиномъ уже 21-го октября, а 22-го числа изготовленъ былъ обѣдъ и ужинъ на 150 человѣкъ. Самое большое затрудненіе встрѣчается въ присканіи помѣщеній. Во всѣхъ казармахъ, всѣ сколько нибудь свободныя помѣщенія отданы офицерамъ и чиновникамъ, пострадавшимъ отъ пожара. Главнымъ командиръ отдалъ въ полное распоряженіе погорѣльцамъ всѣ свои домики въ Лѣтнемъ саду и очистилъ часть своей квартиры въ верхнемъ этажѣ. Въ офицерскихъ столовыхъ и клубахъ, въ казармахъ сухопутныхъ войскъ также размѣщаются офицеры, пострадавшіе отъ пожара. Офицеры, у которыхъ квартиры остались цѣлы, уже пустили къ себѣ своихъ товарищей — и есть сравнительно небольшія квартиры, въ которыхъ по два и по три семейства. Наконецъ, для совершенно бездомныхъ очищенные залы Городской Думы и кромѣ того весьма многіе размѣщены въ казармахъ и частными благотворителями въ своихъ квартирахъ. Въ виду такого значительнаго требованія на помѣщенія, коммисія, назначенная военнымъ губернаторомъ, уже соединившая съ представителеми, избранными Городскою Думой, составила соображеніе о немедленной постройкѣ теплыхъ бараконъ примѣрно на 600 человѣкъ, на покупку одежды для бѣдныхъ погорѣльцевъ коммисіей отпущено уже 600 рублей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Гг. подписчикамъ «Нивы».

По почтовымъ правиламъ, жалобъ на неполученіе номеровъ принимается только до выхода слѣдующаго номера, а потому гг. подписчики, требуя неполученные номера, благоволятъ прилагать по 20 к. за каждый номеръ, такъ какъ во иростетивнѣ срока почта не отвѣчаетъ и редакція должна вторично высылать номера, что конечно, стоитъ денегъ. А во избѣжаніе лишней переписки и траты портовыхъ денегъ, редакція проситъ требованіе неполученныхъ или утраченныхъ номеровъ за текущій годъ (исключая только № 1 и 3, которые всѣ распроданы) присылать вмѣстѣ съ подпиской.

СОДЕРЖАНІЕ: Формаловъ аппаратъ для сбереженія лошадиной силы (съ рисункомъ). — Дунаевскій волкъ. Романъ Н. Карзина (продолженіе). — Литературный Альбомъ. «Бѣсы» Пушкина (съ рисункомъ). — Какъ изъ судитъ? разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкларенскаго. — Золотое кадило въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ (съ рисункомъ). — Борьба за Неву. У. Скопиня Шуйскій и Деллагарди П. И. Петрова — Италя. Живописное путешествіе отъ Альповъ до Эгны (съ двумя рисунками). — Смѣсь. — Разныя извѣстія — Почтовый ящикъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

СЪ ДОВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перевариваемо, не подержано порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,

2) при отниманіи ребенка отъ груди и

3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

У АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ слѣб. — химической лабораторіи русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр. — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москвитинныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕШАНО

по 1 руб. 85 коп. каждая.

Фаустъ, Траваторе, Марта, Фра-дьяволо, Травіата, Пуритане, Лукреція, Риголетто, Дочь полка, Донъ-Пасквале, Валь Маскарадъ, Черное Домино, Дивора, Бриллианты Короны, Миллеръ и пр.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ФОРТЕШАНО ВЪ 2 РУКИ

по 75 коп. каждая.

Робертъ-дьяволъ, Лукреція, Траваторе, Донъ-Пасквале, Фра-дьяволо, Риголетто, Цампа, Герцогиня Герольштейнская, Валь-Маскарадъ, Травіата, Марта, Черное Домино, Бриллианты Короны, Фенелла, Вильгельмъ Тель, Перикола или Птицы Швѣцїи, Принцесса Трезбизондская, Разбойники и др., можно получать

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва. Петровна, № 6.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, только что поступила въ продажу:

Составленная Н. А. КОЛОМІЦОВОЮ,

Новая настольная книга для молодыхъ хозяекъ:

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ, ДЕШЕВЫЙ И ВКУСНЫЙ СТОЛЬ.

Содержащая въ себѣ **триста семьдесятъ** рецептовъ употребительнѣйшихъ блюдъ съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ. Главный складъ изданія въ Гостинномъ дворѣ, по Невскому просп., въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина, № 22.

Цѣна два рубля.

Вѣсовыхъ за 3 фунта.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ

ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный

И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою до 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искусствѣ.

Съ требованіемъ обращаться въ С.-Петербургъ, Фуриштатская улица, домъ № 13, въ редакцію Артиллерійскаго Журнала.

Съ конца прошлаго года выходитъ въ С.-Петербургѣ, предпринятое дамскимъ кружкомъ, изданіе подъ названіемъ:

„ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ“.

Тщательный выборъ литературныхъ произведеній, представляющихъ особенный интересъ. Изящная вѣтшность. Удобный форматъ. Каждое произведеніе помѣщается вполнѣ въ одномъ или нѣсколькихъ томахъ и поступаетъ въ отдѣльную продажу. Вышли 14 томовъ, въ которыхъ напечатаны слѣдующія произведенія, поступившія въ продажу по нижеозначенной цѣнѣ:

- I. **РАЗСКЛЫВЫ БРЕТЬ-ГАРТА**, изъ американской жизни. 1 т. Ц. 1 р. 50 к.
- II. **ИСКУПЛЕНІЕ**. Романъ Фанни Левальдъ, изъ остзейскаго быта. 2 т. Ц. 2 р. 86 к.
- III. **ЭПИГОНЫ ВЪ РѢМЕРЬ**. Романъ Гр. Самарова, изъ политическихъ событій минувшаго десятилѣтія. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.
- IV. **ДВѢ ИМПЕРАТОРСНІЯ КОРОНЫ**. Тоже. 2 т. Ц. 2 р.
- V. **ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ ЛЕГИОНОВЪ**. Тоже. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.
- VI. **ВАЛДФРИДЪ**. Романъ Вертольда Ауэрбаха, изъ франко-германской войны. Переводъ съ рукописи. 3 т. Ц. 3 р. 50 к.
- VII. **БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ**. Романъ В. Ключникова, изъ московской жизни. 1 т. Ц. 2 р.
- VIII. **ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ**. Томъ I, заключающій въ себѣ четыре пьесы въ русскомъ переводѣ, дозволенія драматической цензурою къ представленію на театрахъ. Ц. 2 р.

Убѣдившись изъ опыта въ возможности продолжать изданіе безостановочно, редакция, для болѣе удобнаго распространенія издаваемыхъ ею книгъ, открываетъ нынѣ подписку на 20 и 10 томовъ своего изданія, по цѣнѣ общедоступной для всѣхъ любителей легкаго чтенія, значительно пониженной противу цѣнъ отдѣльной продажи, а именно:

За 20 томовъ 12 р., съ дост. и перес. 13 р.,

» 10 » 6 » » » » 7 »

Подписавшіеся на 20 томовъ, получаютъ вышедшіе 14 томовъ немедленно, а остальные 6 т. въ ближайшіе мѣсяцы (не позже февраля). По выходѣ 20-го тома будетъ объявлена подписка на слѣдующіе 10 и 20 томовъ, — на которые подписная цѣна, для подписчиковъ теперешней первой серии, ни въ какомъ случаѣ не будетъ возвышена.

Подписавшіеся на 10 томовъ — могутъ получить ихъ или изъ числа вышедшихъ 14 томовъ по собственному выбору, или частію изъ нихъ, а частію изъ остальныхъ 6 томовъ, которыми будетъ закончена настоящая серия (XV—XX).

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Базунова, Исакова, Вителажа, Колесова и Михина, въ «Русской Книжной Торговлѣ» и въ редакціи «Для Легкаго Чтенія»: на Николаевской, домъ № 64, кварт. № 1.

Подписка на 10 том. принимается исключительно въ редакціи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, а также у другихъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ, вышеозначенныя книги продаются отдѣльно.

ОДСТАКАННИКИ разныхъ новѣйшихъ фасоновъ въ большомъ выборѣ изъ лучшаго качества мельхиора можно найти въ магазинѣ

Александра Качъ,

на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы № 3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ по требованію иллюстрированныя, тѣсные каталогизаова

отпечатанъ и вышелъ въ свѣтъ

безъ предварительной цензуры

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

РОМАНА

„ВТОРАЯ ЖЕНА“

Соч. М. Марлитта.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Для гг. подписчиковъ «НИВЪ» я уступаю это изданіе съ пересылкою за 1 руб. 30 коп.

Никогда еще талантъ автора не выказывался съ такой поражающей яркостью, какъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи, которое живыми и блестящими красками рисуетъ придворную жизнь мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ: въ С.-Петербургѣ — у Исакова, Базунова, Вольфа, Колесова и Михина; въ Москвѣ — у Соловьева (на Страстномъ Бульварѣ) и у издателя «НИВЪ», въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

А. Ф. Марксъ.

При этомъ № прилагается для иногородн. подписч. объявленіе книгопрод. Александра Ивановича Манухина, въ Москвѣ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Михаилъ Ивановичъ Глинка.

Знаменитый композиторъ и основатель русской оперы, М. И. Глинка родился 20 июля 1804 года, въ селѣ Новоспаскомъ, Смоленской губерніи. По слабости здоровья, первоначальное воспитаніе получилъ онъ домашнее и уже съ дѣтства обнаруживалъ большія способности. Въ 1813 году онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ благородный пансіонъ при университетѣ. Здѣсь онъ преимущественно занимался музыкою, изучая теорію у скрипача Зейнера и пианиста Мейера. Приѣзжая на праздники домой, онъ усовершенствовалъ свои познанія при домашней капеллѣ своего дѣда и достигъ замѣчательныхъ успѣховъ въ дирижированіи и управленіи оркестромъ. Окончивъ курсъ ученія въ 1824 году, Глинка вступилъ въ статскую службу, а вскорѣ затѣмъ вышелъ изъ печати первые его сочиненія—романсы, которыхъ до 1830 года онъ написалъ семнадцать номеровъ. Въ то же время, Михаилъ Ивановичъ прилежно изучалъ теорію гармоніи и контрапункта.

Въ 1830 г., Глинка предпринялъ путешествіе за границу, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, пѣвцомъ Ивановымъ (теноръ), посѣтилъ Берлинъ и другіе нѣмецкіе города, долго жилъ въ Миланѣ, посѣщая тамошнюю консерваторію, и вмѣстѣ съ Ивановымъ учился пѣнію. Въ 1832 году въ Неаполѣ разстался онъ съ Ивановымъ, который высту-

пилъ со славою въ Парижѣ, а самъ провѣлъ еще годъ въ Миланѣ, гдѣ было издано имъ еще нѣсколько романсовъ. Въ 1833 г., Глинка пріѣхалъ въ Вѣну. Познакомь-

здѣсь съ славянскою музыкою, онъ, въ тоскѣ по родинѣ, впервые напалъ на мысль о самостоятельной русской музыкѣ. Отсюда онъ пробѣжалъ въ Берлинъ, гдѣ въ зиму 1833 года учился у профессора гармоніи Дена, и наконецъ въ 1834 г., вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ часто бесѣдовалъ о своихъ замыслахъ относительно народной музыки съ пріятелями своими, особенно съ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Зимой 1834 г. принялся онъ за свою знаменитую оперу «Жизнь за царя», которую и окончилъ въ 1836 году.

Опера эта (3 акта и эпилогъ въ двухъ картинахъ) составляетъ эпоху въ жизни Глинки и въ исторіи русской музыки. Ни до «Жизни за царя», ни впоследствии не являлось уже ничего подобного. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Глинкѣ бриллиантовый перстень, а въ 1837 году назначилъ его придворнымъ капельмейстеромъ.

Достигнувъ осуществленія своихъ замысловъ, Глинка не переставалъ работать, хотя новое положеніе и домашнія обстоятельства отвнимали у него много времени. Промежуткомъ 1836—44 годовъ составляетъ періодъ его наибольшей плодovitости. Въ 1842 году явилась вторая опера его «Русланъ и Людмила» (въ 5 дѣйствіяхъ), заимствованная изъ поэмы Пушкина, замѣчательная не столько въ цѣломъ,

Михаилъ Ивановичъ Глинка, композиторъ.
Съ фотографіи грав. Юсифъ Мукаровскій.

сколько отдѣльными частями, какъ напр.: маршъ Черномора, лезгинка, баллада Финна, арія Ратмира и проч. и проч. Музыкальная часть этой оперы мѣстами даже превосходитъ «Жизнь за царя» относительно законченности обработки, но неэффетная постановка и прочія внѣшнія условія не доставили ей такой популярности, какъ «Жизни за царя», которая черезъ двадцать лѣтъ стала любимѣйшею нашей оперой. Въ 1843 году написаны Глинкою увертюра и сцены къ трагедии Кукольника «Князь Холмскій», и много романсовъ, изъ которыхъ многие, благодаря Францу Шуберту, извѣстны во всей Европѣ.

Въ 1844 году Глинка снова поѣхалъ за

границу, посѣтилъ Парижъ и подружился съ Берлиозомъ и другими музыкантами, отзывавшимися съ большою похвалою о его произведеніяхъ. Когда же нѣкоторые журналы начали трунить надъ нимъ, Глинка отправился въ Испанію, гдѣ и прожилъ до 1847 года, собирая и изучая испанскіе мотивы. Во время пребыванія своего въ Мадридѣ, къ концу 1847 года, написалъ онъ знаменитую *Арагонскую Хому* (Iota aragonesa), симфоническую фантазію на испанскіе мотивы. Возвратясь въ 1847 году въ Россію, онъ прожилъ нѣкоторое время на родинѣ своей близъ Смоленска, гдѣ сочинилъ нѣсколько романсовъ; а потомъ жилъ

два года въ Варшавѣ, гдѣ, кромѣ увертюры «Воспоминаніе о Севильѣ», написалъ знаменитое скерцо на мотивъ русской цѣсни—«Камаринской». Съ 1848 года Глинка жилъ попеременно то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ и Берлинѣ, занимаясь компонованіемъ, а въ 1856 году въ Берлинѣ у Дена и церковною музыкою. Но уже здоровье его было окончательно потрясено семейнымъ несчастіемъ, и 3 февраля 1857 года не стало великаго русскаго композитора—онъ умеръ въ Берлинѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ произведеній его, считается еще до 70 вокальныхъ пьесъ, а также и русскій народный гимнъ на слова Жуковскаго.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XVIII.

В ы р у ч к а.

Изъ лагеря вышло «подкрѣпленіе».

Подкрѣпленіе это послано было на всякій случай; вышедшіе не знали еще, что этотъ случай уже представился. Версть за двѣнадцать, а можетъ быть и болѣе, какъ предполагали въ отрядѣ, могли уйти казаки, — версть за пять уже могли-бы быть слышны выстрѣлы, особенно при благоприятномъ вѣтрѣ; отрядъ прошелъ почти столько-же, даже больше, — ничего не слышать, должно быть все обстоитъ благополучно...

Такъ думали въ высланномъ отрядѣ, а потому шли ровно, не спѣша, сберегая силы людей и коней, — тѣмъ болѣе, что по сыпучему песку, да еще въ жаръ, идти трудновато.

Впереди шла казачья сотня, за нею рота пѣхотницевъ, послѣдніе поотстали значительно (пѣхотному не товарищъ).

— Конечно, говорилъ капитанъ Пуговицынъ (онъ велъ эту роту), — рекогносцировка — нелишнее дѣло, отчего не пройдтисъ, а все таки — вздоръ, пропляемся даромъ. Толкуютъ — проваль ихъ побери! — «ночное нападеніе», демонстрація кака-то... партія тамъ большія подходили... все чепуха!... Всю суматоху Атамкула натворилъ «со товарищи»... А ловкая же бестія этотъ иранецъ!

— Поплатился!... замѣтилъ Кустиковъ.

— Поплатился... Ну, да это уже такъ несчастная случайность, пуля въ догонку... Темно какъ у арапа въ желудкѣ... Хорошо, что еще своихъ не задѣла!

— Головинъ сейчасъ же погналъ слѣдомъ... можетъ быть догонять... поймаютъ Атамкула, выручатъ Петю... Ахъ, Господи, чего бы я не далъ, чтобы такъ случилось!

— Третное жалованье отдашь? улыбнулся Пуговицынъ.

— Ну, полно, вы все шутите... А тутъ ей Богу не до того!... А хорошо быть казакомъ, кавалеристомъ!...

— Что такъ?

— Я бы сейчасъ, вмѣстѣ съ Головинимъ, поскакалъ...

О! — я бы всѣ уголки обшарилъ... все бы осмотрѣлъ, догналъ бы... А то-вотъ тащисъ съ пѣшими, по двѣ версты въ часъ; а тамъ казаки все кончатъ безъ насъ...

— Небось, безъ насъ не обойдется...

— Тоска, скука!

— Да, братъ, терпѣніе требуется... Не отставать тамъ! Эй, четвертый взводъ, чего растянулись?.. Унтеръ-офицера чего смотреть!... приостановилъ капитанъ своего мохнатого конька и оглянулся назадъ, на хвостъ колонны.

Усталые солдаты стали подбѣгать и подравниваться къ шагу переднихъ.

— Эй, Прошка! неужли-жъ ты, косолапый чортъ, на ходу трубки набить не можешь? гаркнулъ басомъ унтеръ Бубновъ.

— Табакъ просыпалъ, дяденька... а сейчасъ, однимъ духомъ!

— Не оттягивать!... прикрикнулъ отъ себя — Кустиковъ..

— А хорошо бы, знаешь, братъ, заговорилъ опять Пуговицынъ, немного спустя, — хорошо-бы: — Наталья Мартыновна, сидитъ тамъ — убивается, — шутка-ли — горе какое, не всякая мать пережить въ состояніи, — потеряла уже всякую надежду; — полное отчаяніе... Вдругъ, всадникъ на взмыленномъ коврѣ подѣзжаетъ къ палаткѣ, слѣзаетъ и подаетъ ей потеряннаго сына. «Возьмите, вотъ онъ, онъ живъ, здоровъ»... Знаешь, что? — хорошо-бы если-бы при этомъ легкая рана какая-нибудь, въ руку ли что-ли или въ плечо, чтобы не опасно и не слишкомъ больно... крови пожалуй побольше, — это не мѣшаетъ для декораціи... А? — хорошо-бы?

И капитанъ нагнулся съ лошади и потренилъ по плечу молодого офицера, шутиво посмѣиваясь сквозь густые клубы табачнаго дыма — дешевой сигары.

— Шутите вы все... а мнѣ такъ горько, такъ грустно, какъ только вспоминаю...

— Грустно!... А мнѣ, думаетъ, весело! Только вотъ, сколько васъ тамъ около нея ни было, всѣ вы чуть не расхвыкались, рожи повытянули, а отъ того ей не легче... Знаю я эту барыню, давно знаю, она умѣетъ горе переносить, она въ этомъ опытна... Она васъ всѣхъ покрѣпче... Сразу-то ее точно громомъ хватило, а вотъ погодите, оправится — она сама лучше васъ найдетъ, что дѣлать надо, какъ поступить... Она въ утѣшеніяхъ да въ слезахъ сочувственныхъ не нуждается, и ваши рожи постныя ей будутъ вовсе не кстатіи...

Пуговицынъ замолчалъ — и усиленно пыхнувъ нѣсколько разъ своею сигарою, швырнулъ окурокъ на песокъ...

— Что-то приостановились наши казаки, тише пошли! мы догонять начинаемъ, проворчалъ онъ, прищурясь изъ-подъ длиннаго козырька своей шапки. — Да-съ, дѣло дрянъ, Атамкулу не догонять, не для того онъ ушелъ, чтобы опять попасться... знаю я этого волка, — не найдете вы и мальчишку нашего; хорошо еще что мать выручили!..

— Нѣтъ надежды? не то спросилъ, не то такъ машинально произнесъ Кустиковъ.

— Я не говорю... мало-ли чего не бываетъ! пожалъ плечами Пуговицынъ. — Гляди, — сюда скачутъ никакъ?...

— Сюда... двое... что случилось?... Вы слышите?

На лицѣ молодого офицера промелькнуло тревожное выраженіе... Солдаты поддали шагъ; они почти бѣжали... Они забыли усталость, они забыли, что ноги ихъ по щиколотку уходятъ въ песокъ... Вся рота теперь уже положительно шла бѣгомъ; многие на бѣгу осматривали замки своихъ ружей...

— Выстрѣлы! произнесъ Пуговицынъ.

— Палаятъ, братцы, палаятъ, — казаки спѣшиваются, что такое! гляди — и наши казаки падаютъ начали...

— Замашка такая! легче однако, братцы, гляди, загорстишься — съ ногъ свалитъ...

— Надай, надай... Эва какъ пальвуетъ!...

— Полконеть *), надо полагать...

Перебрасывались солдаты замѣчаниями, задыхаясь отъ бѣга, прихватывая свободными руками свои мѣшки и патронныя сумочки...

Кустиковъ вытянулъ плетью свою лошадку и понесся впередъ, безпощадно колотя животное и коблуклами и нагайкою... Онъ уже ничего не видалъ, не слышалъ, кромѣ отдаленныхъ звуковъ, выстрѣловъ, кромѣ этой сотни казаковъ ихъ отряда, остановившейся какъ разъ на гребнѣ песчанаго наноса... Эти казаки то слѣзали съ сѣделъ, то снова садились, подвинулись немного вправо, потомъ назадъ отошли, опять впередъ на гребень выдвинулись... Они, видимо, были въ нерѣшительности и поджидали пѣхоту, постоянный оплотъ казаковъ, когда дѣло имъ кажется не по силамъ...

А этотъ оплотъ, горсть бѣлыхъ рубахъ, маленькая кучка, человекъ въ семьдесятъ, подходила быстро, — и въ этомъ подходѣ, въ противоположность казакамъ, не было ничего похожего на сомнѣніе, на нерѣшительность.

«Бѣлыя рубахи» знали куда идутъ и что будутъ дѣлать..

— Не пори горячки!... легче! поспѣемъ... небось не уйдутъ! слышалъ спокойный басъ капитана Пуговицына.

Онъ только-что закурилъ новую сигару, тщательно откусивъ, за неизбѣжимъ ножа, ея кончикъ.

Вышли на гребень «бѣлыя рубахи»; теперь все видно.

Всѣ бархоны впереди усѣяны всадниками, — халаты на всадникахъ темно-красные, всѣ какъ одинъ, шапки черныя.. То они сѣзжаются въ кучи, — то опять разбѣгаются въ розсыпную; гацуютъ, горячатъ своихъ долгоногихъ коней, покрытыхъ попонами... Вонъ сѣхалась кучка побольше... два значка треугольные надъ нею виднѣются...

Всадники выносятся впередъ, на полномъ скаку осаживаютъ коней, и назадъ несутся еще скорѣе... Каждый разъ, когда остановится всадникъ, — вспыхиваетъ бѣлый клубочекъ дыма — и слышенъ короткій, обривистый звукъ выстрѣла... Тамъ и сямъ, безпрестанно вспыхиваютъ такіе клубочки, летятъ по вѣтру, разносятся, сливаются въ длинныя полосы, — и стелятся эти полосы надъ песчаными холмами, поднимаясь все выше и выше...

Все въ одну и ту же сторону высекаиваютъ джигиты.. Они бьются съ кѣмъ-то, а съ кѣмъ — не видно; должно быть за тѣмъ вонъ холмомъ скрытъ невидимый врагъ...

— Тамъ Головинъ съ своею полусотнею, говоритъ казачій офицеръ, — это на него такъ насѣдаютъ...

— «Вдарить» бы намъ отсѣлева разомъ!...

— Опасно! Вишь ихъ вѣдь сколько... Какъ бы чего.... Подождемъ пѣхоту...

— Тоже поди-сунься, — разчешутъ... Нѣшто палнуть!...

— Не замай... погоди...

Переговариваются казаки и нерѣшительно толкуются на мѣстѣ. Подошла рота; ободрились, на коней сѣли. Сотникъ поѣхалъ къ Пуговицыну...

— Здравствуйте, капитанъ!

Командиръ сотни приложилъ всю пятерню къ козырьку своей шапки и не безъ ловкости перегнулся на сѣдлѣ; вышелъ что-то вродѣ поклона.

— Непріятель въ весьма громадномъ количествѣ, продолжалъ онъ, — видимо-невидимо! при семъ неравенствѣ силъ, соблюдая, примѣрно осторожность въ наступленіи и все прочее....

— Горнисть, дуй наступленіе! произнесъ Пуговицынъ, не обращая вниманія на краснорѣчіе казачьего офицера.

Дунулъ горнисть въ свой рожокъ, — ничего не выходитъ, засорило; продулъ малость, откашлялся... завывъ сигнальный рожокъ, подтвердилъ ему барабанъ, началась атака...

Нѣсколько паръ стрѣлковъ выбѣжали впередъ. Странно было смотрѣть на эту горсть пѣшихъ людей, такъ самоувѣренно идущихъ противъ непріятели, разъ въ десять превышавшаго ея силы.

Сплотившись въ небольшую колону, подъ звуки какой-то

ерунды, выбиваемой двумя барабанами и надтреснутымъ рожкомъ, — шли впередъ «бѣлыя рубахи».

— Огонь! проговорилъ Пуговицынъ, не выпуская сигары...

Нѣсколько солдатъ изъ цѣпи приостановились, одинъ на землю даже присѣлъ... приложились.. Гулко пронесся первый выстрѣлъ «берданки», за нимъ второй... Уныло провизжали въ воздухѣ пули.

Тронулась и сотня, шагомъ впередъ, не обгоняя, впрочемъ, пѣхоту...

— Какъ скамандую — такъ сразу чтобъ въ карьеръ — иначе съ оглядкою — прислушивайся, — какъ скамандую «стой, къ пѣшей оборонѣ!» — такъ чтобы сразу тоже, ... дѣлалъ представленіе сотенный командиръ, рисуясь передъ своимъ фронтомъ.

— Сопрѣлъ, братъ, страсть, столько-то бѣжамши; рубаху теперь хоть выжи, сообщалъ шепотомъ пѣхотинецъ своему товарищу...

Маленькій отрядъ все подавался и подавался впередъ, безостановочно, неуклонно, неотразимо, прямо — въ центръ раскинувагося по бархонамъ непріятели, — прямо туда, гдѣ гуще были толпы, гдѣ колыхались два треугольные значка... За этимъ центромъ какъ разъ приходился тотъ бархонъ, охваченный туркменами, на которомъ сосредоточены были до сихъ поръ всѣ ихъ выстрѣлы, все ихъ вниманіе.

А изъ-за этого бархона выдвигалась уже небольшая кучка людей; они вели въ поводу своихъ коней, по три и по четыре на человекъ, — а прочіе, окруживъ коноводовъ жиденькою цѣпью, отстрѣливались изъ своихъ маленькихъ винтовокъ.

Хромой казакъ услышалъ выстрѣлы подмоги и рѣшился вывести свою полусотню изъ занятой ею позиціи.

При звукѣ первыхъ выстрѣловъ пѣхоты, туркмены заволновались и разомкнули свое живое кольцо... Изрѣдко только долетали со систомъ ихъ маленькія пульки и глухо шлепались о песокъ, невдалекѣ отъ колони... Нѣсколько подстрѣленныхъ лошадей валялись тамъ и сямъ, нѣкоторыя изъ нихъ пытались встать на ноги, приподнимались и снова падали; нѣсколько человѣческихъ труповъ, — то ничкомъ, то крестообразно навзничъ, краснѣлись на желтомъ фонѣ песка, къ этимъ тѣламъ подскакивали наѣзники, нагибались, не слѣзая съ сѣделъ втаскивали ихъ на крупъ коней — и рысцею догоняли отступающихъ товарищей... Свободные отъ всадниковъ лошади носились по бархонамъ, съ растрепанными сѣдельными вьюками, и звонко ржали; за ними гонялись, ловили ихъ за поводья, или-же просто гнали вслѣдъ за прочими.

— Эхъ, кабы словить аргамачковъ пары двѣ! завистливо поглядывали казаки и не рѣшались отдѣлиться отъ фронта для этой ловли.

И гдѣ же было казаку, на его маленькомъ моштакѣ, рискнуть конь на конь сѣбнитъ съ джигитомъ туркменомъ, подъ которымъ горячій, выдресированный на диво — аргамачъ, прыгающій черезъ двухсаженныя канавы, черезъ стѣнки въ ростъ человекъ, — прыгающій такъ свободно, какъ будто этихъ препятствій и не существуетъ.

— Въ кучѣ-то ничего, отсидѣться можно, а врозсыпъ — оборони Господь! разнесутъ, собаки, «поштрѣли ихъ въ пузо!» разсуждаетъ, и совершенно справедливо, осторожное казачье войско.

— Потрепали!! подѣхалъ Пуговицынъ къ хромому казаку и протянулъ ему руку.

— Да, братъ, спасибо выручилъ... Бѣда какъ стиснули! патроны разстрѣляли, — думали — конецъ пришелъ! говорилъ казакъ...

— Много потери?

— Шесть — и съ десятокъ коней: которыхъ побили — которые повывались... А вѣдь я «его» нагналъ «проклятаго»; вѣдь я чуть не въ рукахъ держалъ его... Петю было выручилъ... Эхъ, судьба-судьба!

И Головинъ отвернулся и вытеръ глаза рукавомъ кителя...

— Теперь уже пиши пропало! грустно добавилъ онъ. — Ну, а что тамъ — какъ?...

— Приѣдешь — увидишь, угрюмо произнесъ Пуговицынъ.

*) Фальконеть — большое ружье на подставкахъ, туземное оружіе.

— Въ какомъ порядкѣ отступленіе полагается?.. Будетъ отъ васъ, капитанъ, ордеръ на сей предметъ?..

— Лошадей давайте подь тѣла и раненыхъ—какого еще вамъ ордера! досадливо проворчалъ капитанъ и скомандовалъ своимъ:

— Съ Богомъ, братцы!

Небольшой отрядъ сталъ отступать по направленію къ лагерю. Тюркмены не преслѣдовали. — Они видѣли «бѣлыхъ рубахъ» — они знали уже ихъ, и только издали рѣшались задѣвать, посылая на вѣтеръ свои шальные пульки.

ГЛАВА XIX.

Р ж и д а н і е.

Тотчасъ же, какъ была получена въ лагерѣ лаконическая записка Головина, — ее, первымъ дѣломъ, показали Натальѣ.

— Онъ найденъ, спасень... его отняли?! проговорила она, задыхаясь. — Да говорите же, говорите...

Нервная дрожь охватила ея всю, щеки вспыхнули, глаза загорѣлись живымъ блескомъ... Она вся словно преобразилась и бросилась къ выходу палатки.

— Да кудажь вы, Наталья Мартыновна? — куда, матушка?... остановилъ ее докторъ. — Да вы постоите, чего вы...

— Я сама поѣду. Лошадь мою, ради Бога, лошадь... Дементій, сѣдай... скорѣе, скорѣе!...

Наталья заметалась по палаткѣ... Она чего-то искала; она совершенно растерялась — и только машинально повторяла: — «лошадь, скорѣе, скорѣе!...» Она говорила это все тихо и тихо, наконецъ почти шепотомъ... пошатнулась — докторъ поддержалъ ее и подвелъ опять къ постели.

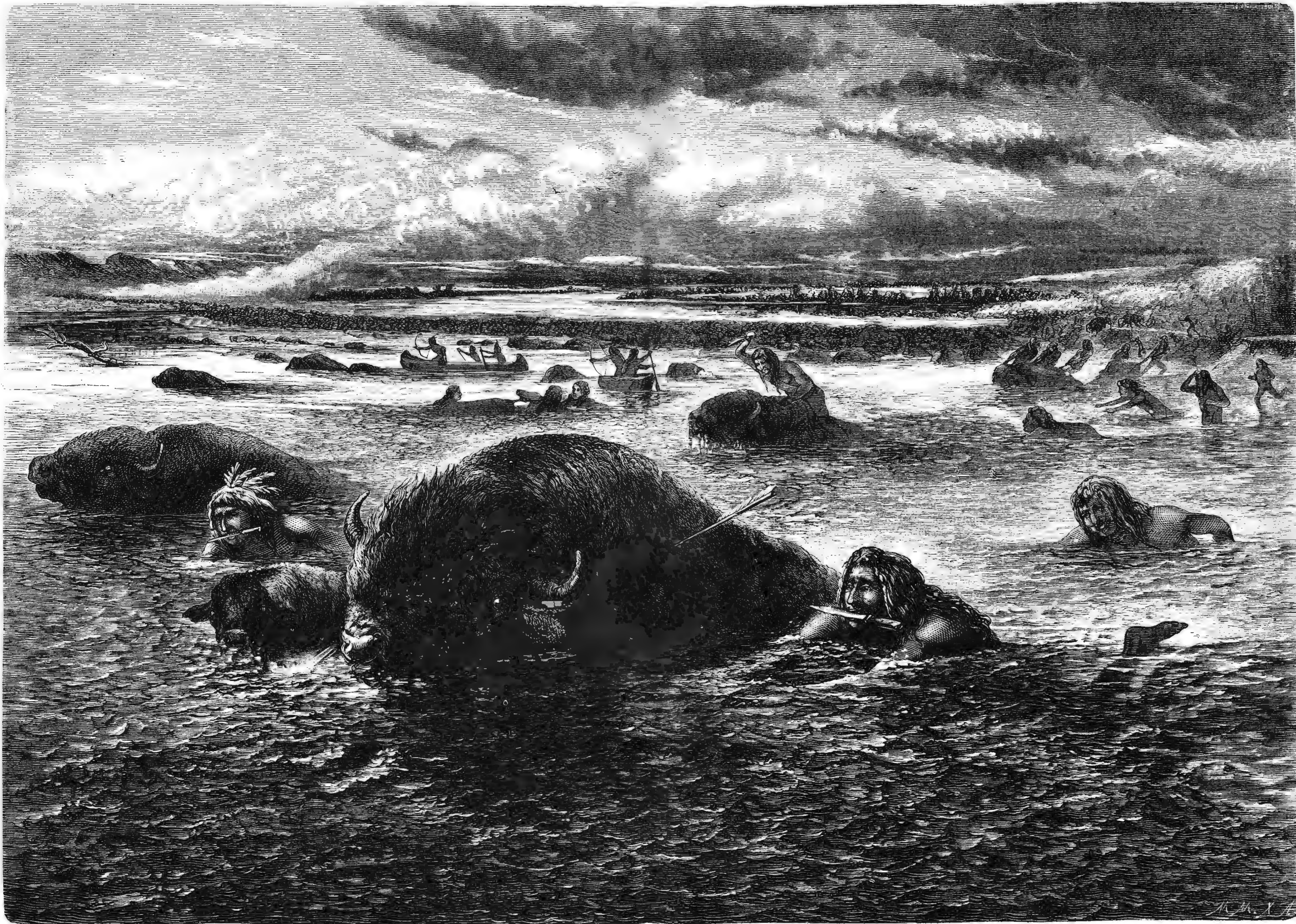
Наталья Мартыновна опять стала приходить въ безпамятство; сильное нервное потрясеніе, произведенное запискою, вызвало этотъ энергичный порывъ, — за этимъ порывомъ наступило полное ослабленіе всего организма.

— Ну вотъ видите, хорошо... говорилъ докторъ. — А еще сами скакать собрались... сѣдлатъ велѣли Дементію, — а Дементій вашъ...

Докторъ не договорилъ, сообразивъ, что рассказывать ей

о бѣдномъ старикѣ въ данную минуту совсѣмъ будетъ неумѣстно.

— Головина пока на слѣдъ попалъ только, продолжалъ

Стадо бивоновъ, преслѣдуемое американскими краснокожими.

онъ. — Вотъ и слава Богу! онъ навѣрное догонитъ ихъ теперь — и все будетъ благополучно... Къ ночи, вѣрно, назадъ вернутся, привезутъ вамъ Петю... А ужъ какъ теперь сторожить мы васъ будемъ — право! Изъ офицеровъ караулъ

къ вашей палаточкѣ назначимъ, всю окружимъ... А вы, голубушка наша, успокойтесь, лежите смирно; вотъ я вамъ опять примочу головку укусомъ, это хорошо! Вотъ такъ...

что надорвался у колодца, замѣнившій пока старика Дементія...

— Горяченького чайку съ краснымъ виномъ выпейте...

Вотъ я самъ наюю васъ... вотъ хорошо, вотъ прекрасно!.. Эге, что это? опять глазки мокрые, — стыдно!.. Ну-ко я ихъ оботру...

Докторъ вытащилъ изъ своего кармана платокъ, грязный, порванный, взглянулъ на него и опять въ карманъ спряталъ — не годится значить... Схватился за полу своего кителя — еще того хуже вышло.

— Э-эхъ! крикнулъ онъ и началъ осматриваться. Ну вотъ, вотъ (онъ нашелъ полотенце, относительно чистое), вотъ хорошо. Ну и надѣлаи же вы, родная, всему-то лагерю горя. Всѣ справляться ходятъ, солдатики приуныли совсѣмъ, озлились страсть какъ. Вотъ бы ихъ теперь въ дѣло пустить!.. отъ генерала шестой разъ присылаютъ справиться; — самъ пріѣзжалъ два раза... У «Горластаго», проходилъ мимо, въ карты даже не дуются... Такой переворотъ... Тихе, тихе, братъ, легонько! проговорилъ докторъ, уже шепотомъ, Карпову, вошедшему съ подноскомъ, на которомъ стояли маленькій мѣдный чайникъ и стаканъ въ серебряной кружкѣ. — Те!.. не забуди... Боже тебя сохрани!.. Выйди, братецъ, и кругомъ тамъ скажи, чтобы тихо, ни-гу-гу... такъ и скажи — започивала...

И докторъ неловко поднялся съ кровати, — на ципочкахъ отошелъ въ уголъ палатки, осторожно опустился на складной стулъ, покосился еще разъ на больную — и тихонько, чтобы не шелестить бумагою, вытащилъ изъ кармана и развернулъ за-тасканный, скомканный листъ — новый номеръ «Русскаго Инвалида», вышедшій всего только семь съ половиною мѣсяцевъ тому назадъ.

Карпушка, что, готово тамъ у тебя?... давай, коли готово!...

— Сей минутъ, ваше высокоблагородіе, — сейчасъ поспѣетъ, отозвался изъ-за палатки Карпушка, тотъ самый солдатикъ,

Весь лагерь, съ самымъ жгучимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ возвращенія Головина и его полусотни.

На всѣхъ бархонахъ, съ вершины которыхъ можно было видѣть подальше, толпился народъ, пѣшій и колный, — и всѣ

не спускали глазъ съ той стороны, откуда должны были вернуться казаки.

Солнце жгло невыносимо, на него не обращали вниманія и не прятались въ тѣнь палатокъ... На башенкѣ, которую возвели уже до верха, на стѣнкахъ новаго укрѣпленія, всюду видѣлись бѣлыя рубахи солдатъ и кителя офицеровъ... По минутно къ этимъ группамъ подходили все новые и новые наблюдатели.

— Ну что, не видать еще? спрашивали они, шурились и прикрывали отъ солнца глаза рукою, приглядываясь къ холмистому горизонту.

— Не видно что-то...

— Отошли знать далеко.

— Пымають, аль не пымають?

— Ахъ ты, Владычица небесная! вотъ бы важно...

— Коли ежели пымають, чай, молебень служить будутъ!

— А «сама»-то что, какъ? не видали братцы?

— Гляди, гляди—пыль никакъ!.. звоя видишь?

— Капитанъ, одолжите на минуту вашего бинокля... я только взгляну; на одну секундочку.

— Идутъ!..

— Нѣтъ, это такъ, вѣтеръ носить песокъ... Вишь, вонъ, поулеглось—и опять ничего не видно.

— Раньше ночи не вернутся,—это вѣрно...

Носился смутный говоръ по баронамъ урочища Хала-Атъ, по гребнямъ вновь-возведеннаго Георгіевскаго укрѣпленія.

Цѣлый день прошелъ въ этомъ томительномъ, нетерпѣли-

вомъ ожиданіи. Солнце стало опять какъ-то подозрительно закатываться; опять подулъ вѣтеръ и затуманилъ горизонтъ облаками пыли... Темнѣть начало; не возвращается что-то Головинъ съ своею полусотнею. Отъ Пуговицына тоже нѣтъ извѣстій...

— Далеко же зашли, однако! думаютъ въ лагерѣ.

Всѣмъ начало одолевать безпокойство: «ужь не случилось ли чего нибудь съ ними въ самомъ дѣлѣ?..»

Зайскрились огоньки въ темнотѣ; конское ржанье чуть-чуть донеслось по вѣтру—ему отвѣтили въ лагерныхъ коновязяхъ... Только что за диво!.. видимое дѣло наши возвращаются, наконецъ; только что же пѣсень не слышно? не въ обычай туркестанцевъ возвращаться домой безъ пѣсень съ барабаннымъ подбоемъ и бубнами...

— Видно, плохо дѣло, не до пѣсень... опять думаютъ въ лагерѣ. Приуныли всѣ, голоса смолкли, ждутъ, къ темнотѣ приглядываются.

А оттуда, между барконами, движутся темныя массы, одна пониже — пѣхота, другая повыше — кавалерія... Отдѣльные точки отходятъ отъ этихъ массъ, быстрѣе приближаются къ лагерю. Въ передовой цѣпи окликъ слышится... Все такъ и ринулось изъ лагеря навстрѣчу.

Вернулся капитанъ Пуговицынъ со своею ротой; вернулись казаки, что съ нимъ ходили; вернулся и Головинъ съ полусотнею, и прямо поѣхалъ къ генеральской ставкѣ.

(Продолженіе въ слѣд. №).

ОХОТА ЗА БИЗОНАМИ.

Исторія Сѣверной Америки такъ еще нова, что въ ней почти нѣтъ того, что мы называемъ легендарнымъ, романтическимъ; однако-же практическіе, дѣловые американцы, эти серьезные янки, не прочь пометать о томъ, что носить на себѣ, если не печать таинственности, то во всякомъ случаѣ красуется въ небольшомъ романтическомъ плащѣ, способномъ разжечь ихъ воображеніе. — Словомъ сказать, для нашихъ заатлантическихъ друзей слова «далекій западъ» означаютъ тоже, что для насъ средневѣковое рыцарство. Но что-же собственно значить это выраженіе — *далекій западъ*? Тридцать лѣтъ тому назадъ «далекимъ западомъ» называли луговые степи, лежащія къ западу отъ Миссисипи, и земли по верховьямъ рѣкъ Миссури и Ла-Платы. Тамъ бродили торговцы мѣхами, всякого рода охотники и искатели приключеній — безпокойныя головы, которыя въ бытность свою въ восточныхъ штатахъ не поладили съ гражданскимъ порядкомъ, поссорились съ закономъ и устремились за рубежъ цивилизаціи, гдѣ и зажили съ индѣйцами. Тутъ они занялись охотою за бизонами, торговлею, что не мѣшало имъ драться сколько душѣ было угодно. Теперь эти степи и земли превращены въ оживленныя мѣстности: тамъ и сямъ со свистомъ летятъ локomotивы, увлекая за собою цѣлыя вагоновы; по рѣкамъ скользятъ пароходы, пуская клубы дыма; а мѣстами, по береговой полосѣ, раскинулись города и мѣстечки, выросшія словно грибы изъ земли. Что касается «краснокожихъ», то они оттѣснены «бѣлыми» далеко на западъ,—а если и случается встрѣтиться съ горстью индѣйцевъ, то въ нихъ уже не увидишь тѣхъ воинственныхъ рыцарей, о которыхъ такъ много разсказывали намъ Куперъ, Майнъ-Ридъ, Герштейкеръ, Мелльгаузенъ и др. Эти индѣйцы скорѣе просто—жалкіе нищие, пьяницы и по большей части порочные негодяи. Въ настоящее время «далекимъ западомъ» называютъ плоскія возвышенности и предгорія у восточной подошвы Скалистыхъ горъ и новыя земли, лежащія между западнымъ склономъ этихъ горъ и берегами Тихаго океана —

территоріи: Идаго, Колорадо, Монтана и др., а также штаты: Канзасъ, Небраска, Орегонъ и пр. — Но обратимся теперь къ бизонамъ.

Бизонъ или «американскій буйволъ» между сѣверо-американскими животными—то же, что зубръ въ Европѣ (въ Бѣловѣжской пущѣ), т. е. великанъ между всѣми сухопутными млекопитающими. Длина быка — 8½ и даже 9 футовъ, не считая хвоста. По наружности и осанкѣ бизонъ очень похожъ на зубра, даже и цвѣтъ шерсти почти такой же. Было время, когда бизонъ былъ распространенъ по всей почти сѣверной части западной половины земли,—а теперь уже исчезъ во многихъ странахъ. Съ году на годъ его отѣсняютъ далѣе и далѣе и ограничиваютъ все болѣе и болѣе его прежнія владѣнія. Бѣлые и индѣйцы, говоритъ Бремъ, соединились съ волкомъ въ преслѣдованіи бизона, и изъ трехъ злыхъ враговъ его самый *человѣчнейшій* еще—волкъ. Онъ по крайней мѣрѣ уничтожаетъ столько, сколько ему нужно для утоленія голода,—тогда какъ человѣкъ истребляетъ бизона безпощадно и опустошаетъ его стада, когда не имѣетъ въ томъ ни малѣйшей нужды. Когда европейцы начали селиться въ сѣверной Америкѣ, бизонъ водился на берегахъ Атлантическаго океана; но уже въ началѣ XVIII вѣка считалось замѣчательнымъ происшествіемъ, когда однажды на мызѣ Фиръ-Риверъ убили бизона. Въ концѣ прошлаго столѣтія эти животныя были многочисленны въ Кентуки и на западѣ Пенсильваніи; теперь они едва-ли водятся еще въ Луизианѣ и Арканзасѣ. Прежде ихъ сѣверной границей было большое Невольничье озеро подъ 60° широты, а западной — Скалистая гора; теперь бизонъ поднялся уже до 65° сѣвер. шир., отыскивая въ пустыняхъ защиту отъ гонений и проложивъ себѣ трудную дорогу черезъ высокія горы, чтобы укрыться на равнинахъ запада. Но и это его не спасетъ: индѣйцы и бѣлые преслѣдуютъ его неутомимо; истребленіе идетъ неудержимо впередъ. Въ настоящее время можно считать мѣсто, пребываніемъ бизона страны къ сѣверу и западу отъ Миссури. Тутъ онъ до сихъ

поръ встрѣчается въ громадномъ числѣ. Фребель въ 1858 г. ѣхалъ съ караваномъ съ Миссури въ Мексику и *цѣлымъ восемь дней караванъ этотъ шелъ мимо безконечнаго ряда стадъ бизонныхъ*. Мелльгаузенъ видѣлъ также сотни тысячъ бизонныхъ на безконечныхъ луговыхъ степяхъ къ западу отъ Миссури,—это были такія массы, что равнина, насколько могъ обнять глазъ, казалась *черною*; опредѣлить ихъ число можно было только отчасти, раздѣливъ пространство, покрытое животными, на квадратныя мили.—Смотря по времени года, мѣняется мѣстопробываніе бизонныхъ. Лѣтомъ они разсииваются по широкимъ степямъ, зимой сходятся ближе и отправляются въ лѣсистыя мѣстности. Кочующія стада даютъ знать о себѣ даже тогда, когда глазъ ихъ уже не видитъ: за ними бѣгутъ стаи голодныхъ волковъ, несутся въ воздухѣ орлы, грифы и вороны, и какъ тѣ, такъ и другіе въ нападѣ не остаются. Бизоны при своихъ переходахъ придерживаются повидимому извѣстныхъ дорогъ. Въ мѣстахъ, гдѣ они разъ поселились—они весьма правильно ходятъ взадъ и впередъ отъ луговъ къ рѣкамъ на водоной или для купанья. *Дороги буйволовъ* идутъ почти всегда въ прямомъ направленіи, сотнями рядовъ, перерѣзываютъ горныя потоки и рѣки въ мѣстахъ, гдѣ берегъ удобенъ для спуска и восхода, и тянутся по стенамъ на многія мили. — Мы уже сказали, что самымъ жестокимъ врагомъ бизона является человѣкъ, какъ туземный житель, такъ и переселенецъ, хотя, сказать по правдѣ, «бѣлый» подаль первый знакъ къ истребленію бизона. «Волосистый, густой мѣхъ животного, его жирное мясо очень понравились «бѣлымъ» (ширеть Мелльгаузенъ), и они стали разсчитывать на большую прибыль отъ того и другаго. Для своей цѣли они постарались возбудить въ жителяхъ степей жажду къ блестящимъ или одуряющимъ продуктамъ своей родины и стали платить имъ этими бездѣлками за добычу ихъ охотъ. Тутъ и началось страшное истребленіе бизонныхъ... Безпечный индѣецъ не думаетъ о будущемъ: онъ живетъ только настоящимъ и его удовольствіями.

Теперь ему не нужно уже поощрений къ охотѣ — онъ будетъ преслѣдовать бизона, пока не убьетъ послѣдняго... Безъ всякаго сомнѣнія, не далеко уже то время, когда громадный стада бизоновъ будутъ жить только въ воспоминаніяхъ, и 300,000 голод-

ныхъ индѣйцевъ, лишенныхъ пищи, вмѣстѣ съ милліонами волковъ, сдѣлаются бичемъ окрестныхъ колоній и, конечно, будутъ истреблены.

Картинка наша изображаетъ одну изъ охотъ на бизоновъ. Въ жаркій іюльскій ве-

черъ цѣлое стадо животныхъ подошло къ Миссури, чтобы напиться и выкупаться. Индѣйцы напали на нихъ врасплохъ; бизоны бросились въ волны, чтобы переплыть рѣку, а краснокожіе за ними — кто вилывъ, кто въ лодкѣ — и началась бойня.

Новая Русская Церковь въ Дрезденѣ.

8 іюня текущаго года происходило въ Дрезденѣ на Королевской улицѣ освященіе православной церкви. Она уже вполнѣ окончена, и постройка ея продолжалась менѣе двухъ лѣтъ. Скорое окончаніе этого произведенія архитектуры показываетъ, что въ состояніи сдѣлать энергія и пожертвованія!

Этотъ храмъ выстроенъ на вклады дрезденскихъ православныхъ прихожанъ, на подарки и пожертвованія членовъ Августѣйшей Императорской Фамиліи, Синода и на приношенія дрезденскихъ протестантовъ. Вольнеръ, лютеранинъ, подарилъ православному приходу г. Дрездена, мѣсто на которомъ возвышается теперь эта церковь. Одинъ изъ членовъ этого прихода, г. Викулинъ пожертвовалъ на постройку церкви капиталъ въ 160,000 талеровъ (около 180,000 р.). г. Образцовъ прибавилъ къ подаренному уже. г. Вольнеромъ мѣсту еще около 1200 аршинъ земли, для постройки на нихъ дома для священно-служителей. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ подарилъ церкви серебряную утварь. Отъ Синода было получено 6000 рублей пособія. Особенно много заботъ о храмѣ было выказано со стороны русскаго посланника г. Коцебу, который сильно заинтересовался этимъ предпріятіемъ. Сперва переговоры русской общины съ городскою Дрезденскою думой объ уступкѣ мѣста для постройки какъ и просьба о денежномъ пособіи не привели къ успѣшному результату; но наконецъ, что-бы не отстать въ пожертвованіяхъ отъ русскихъ и протестантовъ Дрездена, она рѣшилась на нѣкоторое содѣйствіе проекту — какъ то: на проведеніе въ церковь газа, на хорошее содержаніе улицъ по близости храма, и кромѣ всего этого отказалась отъ права взиманія налога на наемную плату за землю.

Церковь выстроена по плану и чертежамъ русскаго придворнаго архитектора, статскаго совѣтника Боссе. Послѣдній, надо заявить, сдѣлалъ и довольно значительныя вклады изъ собственныхъ средствъ. Самая постройка производилась подъ руководствомъ профессора Вильгельма Вейсбаха. Живопись на внѣшнихъ стѣнахъ принадлежитъ кисти художника Юнкера. Иконостасъ работы профессора Джемса Маршала. Мраморныя изваянія вышли изъ мастерской Юлія Гёзеля. Позолота принадлежитъ придворному золотыхъ дѣлъ мастеру Вильгоферу. Работы изъ дерева сдѣланы столяромъ-художникомъ Драхе; большой же колоколъ въ 71 пудъ вѣсомъ, отличающийся необыкновенно приятнымъ звукомъ, лить дрезденскимъ литейщикомъ Гроссомъ. Всѣ рисунки различныхъ украшеній и бронзовыхъ работъ составлены тѣмъ же статскимъ совѣтникомъ Боссе.

Вотъ перечень именъ всѣхъ лицъ, содѣйствовавшихъ постройкѣ русской церкви въ Дрезденѣ, кто своимъ временемъ, кто искусствомъ, кто деньгами. Ихъ соединенныхъ усиліямъ дѣйствительно удалось воздвигнуть художественное произведеніе — церковь въ русско-византійскомъ стилѣ съ его изящностью и простотой. Какъ по своему внѣшнему виду, куполу и колокольному звону, такъ и по своему внутреннему устройству оно представляетъ вполнѣ русскій православный храмъ. Это первый въ этомъ стилѣ храмъ Господень, принадлежащій греческо-россійской церкви въ Средней Европѣ.

Разсмотримъ теперь внутренность этой красивой и въ то же время простой церкви. Она вполнѣ соответствуетъ внѣшнему виду. Поднявшись на 15 ступеней, которыя ведутъ къ главному входу, входимъ въ простую по убранству, но прекрасный притворъ. Притворъ ведетъ въ самую внутренность храма. Передъ вашими глазами открывается иконостасъ, отдѣляющій церковь отъ алтаря, помѣщающагося къ восточной сторонѣ церкви. Вообще можно сказать, что строители при устройствѣ Дрезденской церкви руководствовались тѣми правилами, по которымъ устроена внутренность всѣхъ православныхъ храмовъ. Образцомъ для этой церкви служили русскіе храмы, выстроенные въ строго византійскомъ стилѣ. Внутренность этой церкви раздѣлена на двѣ части (какъ и во всѣхъ православныхъ храмахъ) иконостасомъ, устроеннымъ на возвышеніи съ выдающимся амвономъ; по бокамъ соеда устроены мѣста для пѣвчихъ. Амвонъ этотъ вымощенъ мраморной мозаикой черно-желтаго цвѣта. Иконостасъ и рѣшетка отдѣляющая амвонъ отъ остальной церкви — сдѣланы также изъ каррарскаго мрамора. Надъ царскими дверьми видѣется изображеніе тайной вечери. Сѣверная дверь украшена изображеніемъ Архангела Гавріила, южная — Архистратига Михаила. Въ отворенныя царскія двери видна задняя стѣна съ большимъ окномъ, на стеклахъ котораго написано прекрасное изображеніе Вознесенія Христова. Кромѣ вышеупомянутыхъ иконъ, на иконостасѣ находятся изображенія: І. Христа, св. Симеона Дивногорскаго (въ честь котораго и выстроенъ этотъ храмъ), св. Великаго князя Александра Невскаго, преподобнаго Митрофанія Киевскаго, св. Чудотворца Николая, икона Божіей Матери и четырехъ евангелистовъ. Надъ образомъ св. Симеона видѣется на серебряной лентѣ надпись на русскомъ языкѣ о посвященіи попечителю храма Семену Семеновичу Викулину.

Г. Викулинъ (выбранный попечителемъ дрезденской церкви) пожертвовалъ, какъ уже сказано, на постройку храма капиталъ въ 180 тысячъ рублей, а потому эта церковь посвящена св. Симеону, его патрону. Общее благолѣпіе дополняютъ стоящіе передъ иконостасомъ четыре позолоченные подсвѣчники.

Внутренность вообще устроена съ большею гармоніей. Замѣтно полное согласіе частей. Колонки въ русскомъ стилѣ унижаютъ края различныхъ частей амвона. Окна завѣшены красными шторами, такъ что солнечные лучи, проходя въ церковь, придаютъ оттѣнокъ краснаго цвѣта, свѣтлымъ стѣнамъ, иконамъ и позолотѣ, мраморной балюстрадѣ и мозаичному полу; тѣ же лучи, проходя чрезъ окна купола и падая на изображеніе Тайной вечери, придаютъ ей какой-то розоватый отсвѣтъ, такъ что кажется будто она прозрачна. Чтобы не забыть еще достоинство этой церкви! Она обладаетъ замѣчательнымъ резонансомъ. Голоса пѣвческаго хора, которые тамъ слышатся во время воскресной литургіи, очень согласны и вполнѣ гармонируютъ съ величиною церкви. Лучшаго резонанса нигдѣ не встрѣчается.

Какъ ихъ судить?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Окончаніе).

Окончивалась третья недѣля летаргическаго сна Алевтины. 28-го іюля офицеры Д—скаго полка праздновали свой полковой праздникъ. Утромъ была закуска и обѣдъ у полковаго командира, а вечеромъ они забрались къ казначею; появились карты, полилось вино, смѣхъ, шумные разговоры и тосты, все замѣтно усиливавшіяся по мѣрѣ исчезновенія вина въ бутылкахъ и дѣйствія хмѣля въ головахъ пирующихъ; какъ вдругъ, подъ конецъ вечера, полковому адъютанту блеснула новая фантазія: сдѣлать неожиданный сюрпризъ хозяину — и онъ по секрету отъ него послалъ за полковыми музыкантами, которые не замедлили явиться, и цѣлый оркестръ неожиданно грянулъ подъ окнами квартиры полковаго казначея. Заварничій въ это время сидѣлъ около спящей и читалъ, залпавъ двери въ мезонинъ на ключъ, чтобы къ

нему не вошелъ кто либо изъ подкутившихъ товарищей. Шумъ и крики внизу доставляли ему величайшее мученье; онъ боялся потревожить Алевтину, опасаясь, согласно прочитанному имъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, что насильственное пробужденіе можетъ вызвать въ больной другіе болѣзненные симптомы, гораздо опаснѣйшіе по послѣдствіямъ, напримѣръ, припадки падучей болѣзни и проч., какихъ случаевъ приводилось въ этомъ сочиненіи очень много. Но деликатность не позволяла ему просить князя Кохтаева уменьшить по возможности оргію; когда же раздался оркестръ, Заварничій съ бѣшенствомъ вскочилъ со стула и хотѣлъ бѣжать къ Кохтаеву... Онъ уже взялся было за ручку двери, но что-то невольно заставило его остановиться и оглянуться назадъ. Ему показалось, будто Алевтина шевельнулась... Не

довѣрля глазамъ своимъ, Заварницкій замеръ на мѣстѣ.. Дребезгина дѣйствительно еще разъ дрогнула и вдругъ поднялась до половины, обвела изумленными глазами комнату, протерла ихъ въ недоумѣніи рукою, пробормотала нѣсколько непонятныхъ словъ и упала вновь на подушку, какъ будто-бы отъ сильной головной боли. Заварницкій поспѣшилъ скорѣе дать ей эфиръ, ранѣе онъ его почему-то не употреблялъ и ждалъ натуральнаго исхода сна; чрезъ нѣсколько минутъ Алевтина припадалась во второй разъ. — «Гдѣ это я?...» произнесла она, вполне явственно.

— У врача, отвѣчалъ ей Заварницкій съ радостною дрожью въ голосѣ и съ боязнью, чтобы Дребезгина не потребовала сейчасъ же отправки ее въ Екатериновку. — Ради Бога, Алевтина Михайловна, умоляю онъ ее, — ни о чемъ не спрашивайте г-ня сегодня!... Поговоримъ, когда вы успокоитесь... Я такъ счастливъ вашимъ возвращеніемъ къ жизни... Заварницкій закрылъ рукою лицо, чтобы скрыть слезы. — Довѣрьтесь мнѣ — и я все сдѣлаю по вашему приказанію... Не знаю, узнали-ли вы меня...

— Я помню и знаю все, отвѣчала ему Алевтина, — но что это съ вами, какъ вы пережѣнились?... Она протянула ему свою нѣжную тонкую руку, которую онъ съ трепетомъ поцаловалъ.

— Всякое волненіе вамъ вредно, замѣтилъ Заварницкій молодой женщиной. — Скажите, чтѣ вы чувствуете въ настоящее время?...

— У меня только голова тяжела... а второе... мнѣ совѣстно признаться: я хочу ѣсть...

Заварницкій поспѣшно приложилъ примочку къ ея головѣ и побѣжалъ за бульономъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ силы Дребезгиной поправились настолько, что она могла пройти по комнатѣ, опираясь на руку Заварницкаго. Она рассказала ему, что, впадши въ обморокъ, при паденіи съ лошади, она рѣшительно была въ полномъ сознаніи, слышала разговоръ съ Кохтаевымъ, чувствовала, какъ ее везли домой, — но потомъ впала въ забвеніе, которое начало было проходить при ея погребеніи; она знала, что ее хоронятъ живую, хотѣла сдѣлать движеніе, крикнуть, но не могла. Она говорила, что состояніе ея въ то время весьма похоже на то, какое чувствуетъ человекъ во время кошмара или сильнаго прилива крови къ головѣ во время сна. Сознаніе въ продолженіе періода сна являлось у нея нѣсколько разъ — и такъ же прекращалось. Напримѣръ, она слышала, какъ опускали въ склепъ гробъ и какъ ударились о сводъ глыбы земли, — но потомъ, послѣ сильнаго напряженія крикнуть, ей казалось, что вся она погружается въ какую-то тьму и всѣ отравленія чувствъ съ этого момента у ней прекратились; за тѣмъ, когда Заварницкій и Кохтаевъ переносили ее въ экипажъ и въ мезонинъ, она хорошо сознавала, чтѣ съ нею дѣлаютъ и слышала ихъ разговоръ, — а когда была принесена и положена въ постель, то вновь почувствовала себя куда-то опускаемою въ тьму — и сознаніе прекратилось. Послѣ этого сознаніе являлось у ней еще раза два, но на непродолжительныя мгновенія. Иногда даже слухъ ея дѣлался чрезвычайно тонокъ — и она слышала громкій разговоръ на улицѣ, игру на шарманкѣ или скрипъ тѣлѣгъ и лай собакъ. Полному же пробужденію ея предшествовалъ необыкновенный шумъ въ ушахъ, заставившій ее вздрогнуть — и съ этого момента она приобрѣла силу воли надъ нервной системой. Самымъ ощутительнымъ послѣдствіемъ ея сна была сильная головная боль, продолжавшаяся около недѣли, и слабость въ ногахъ; кромѣ того, у ней явился чрезмѣрный аппетитъ. Радость князя Кохтаева за счастье своего друга не имѣла границъ. Пылкій горецъ сулилъ имъ горы счастья. Онъ тотчасъ же озаботился съ Заварницкимъ доставить Алевтинѣ Михайловнѣ гардеробъ и все для нея необходимое.

Изъ прошлой жизни Алевтины Михайловны съ своимъ первымъ мужемъ, изъ послѣдняго разговора ея съ нимъ во время несчастной прогулки, можно было заключить, что онъ тяготился женою и былъ бы согласенъ на разводъ съ нею. Первое было вполне справедливо: Дребезгинъ принадлежалъ къ людямъ, которые не могутъ переносить присутствія около

себя никакой порядочной женщины, но на разводъ съ Алевтиной онъ едва-ли бы согласился: ему нужны были деньги своей жены, иначе ему приходилось погибать, — а потому онъ употребилъ-бы всѣ мѣры чтобы не выпускать изъ рукъ своей жертвы. Если Дребезгинъ обращался съ своею женою деспотически, то рассчитывалъ этимъ путемъ, надѣясь на ея дѣтство и незнаніе жизни, крѣпче взять ее въ руки, чтобы быть полнымъ властелиномъ ея состоянія, — но встрѣтя серіозную оппозицію, онъ одумался бы и употребилъ бы другой приѣмъ и тонъ. О разводѣ же онъ во всякомъ случаѣ и не думалъ.

О денежныхъ обстоятельствахъ ея мужа Алевтинѣ Михайловнѣ рассказывали Мономаховы, характеръ же его она безошибочно поняла сама; поэтому, пробудившись отъ летаргическаго сна и поправившись въ здоровьѣ, она не обратилась къ мысли о разводѣ. Дѣла Дребезгина, послѣ смерти его жены, приняли самое плачевное положеніе, въ которомъ онъ до тѣхъ поръ еще не находился: кредиторы, какъ бы условившись, всѣ единодушно подали векселя ко взыскаю, не давая ни малѣйшей отсрочки, — и онъ кое-какъ успѣлъ расплатиться съ ними, оставшись совершенно нищимъ; всѣ имѣнія пошли на уплату долговъ и не принадлежали уже болѣе ему. По службѣ открылись также денежные недочеты, вслѣдствіе которыхъ его попросили подать въ отставку, — но были на столько милостивы, что не лишили его пенсіона, на который онъ и существовалъ. Но самымъ тягостнымъ для него бременемъ, мѣшавшимъ возможности сдѣлать какую-либо спекуляцію, былъ искъ на него Мономахова, требовавшего возвращенія приданаго жены, состоявшаго кромѣ денегъ, въ вещахъ, экипажахъ, лошадяхъ, брилліантахъ и тому подобнаго, на очень крупную сумму, — въ пользу своихъ дѣтей. Пока еще было старое судопроизводство, Дребезгинъ, съ помощію совѣтовъ разныхъ крючковъ, отдѣлывался, отписывался и тянулъ дѣло въ продолженія долгихъ лѣтъ; но, вотъ, на бѣду его и многихъ ему подобныхъ, открылись новыя судебныя учрежденія — и Мономаховъ прибѣгнулъ къ гласному судопроизводству. Дѣло это уже разбиралось въ окружномъ судѣ, рѣшено не въ пользу Дребезгина — и онъ только для проволочки времени подалъ на кассацію, какъ вдругъ встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ Алевтину...

ГЛАВА VI.

— Изъ всего моего имущества въ прошлой жизни, сказала однажды Алевтина Михайловна, бесѣдуя послѣ своего выздоровленія съ Заварницкимъ и княземъ Кохтаевымъ, — я бы желала имѣть одну вещь.

— Какую? живо спросили они.

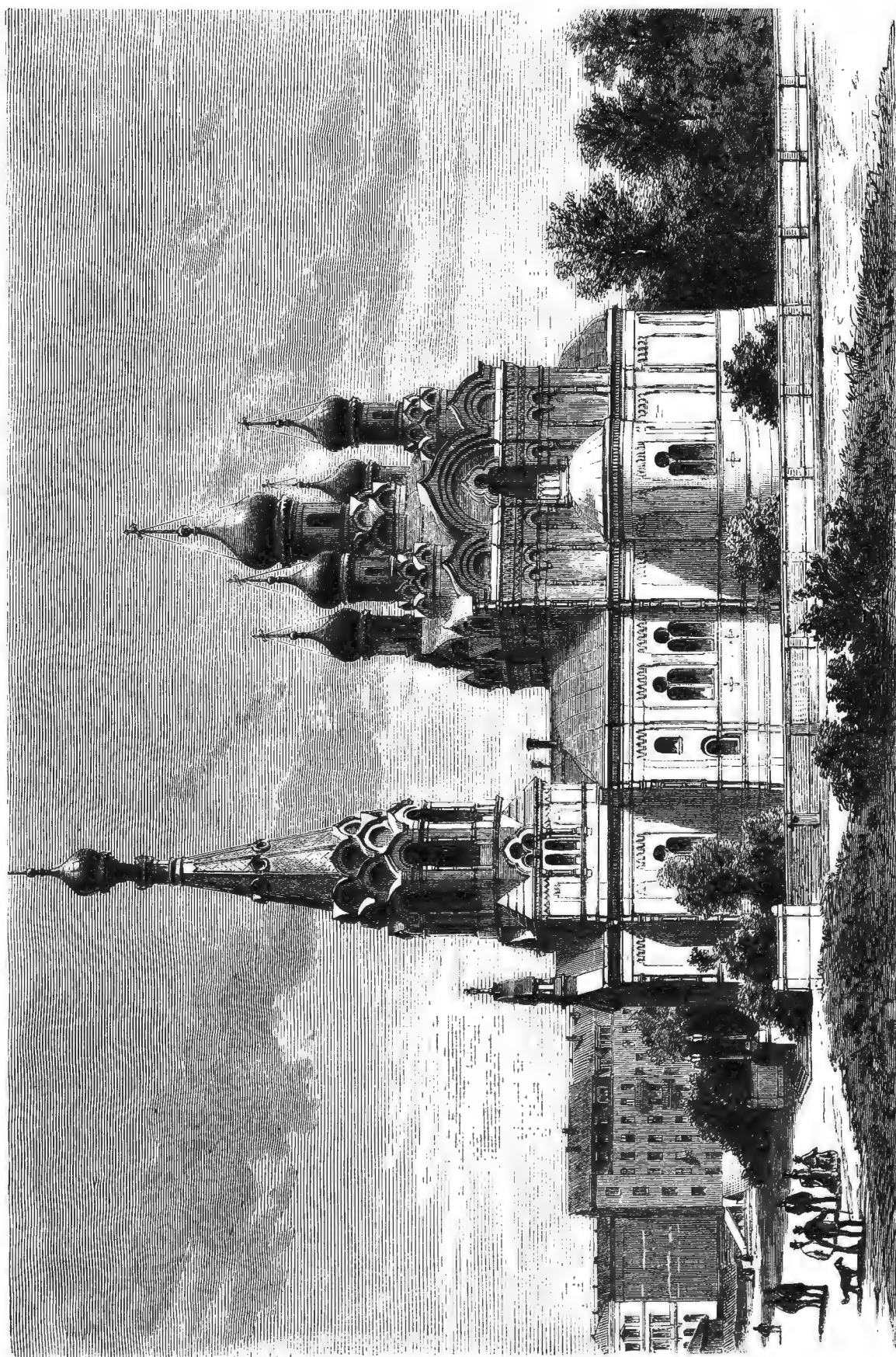
— Вашу тетрадку, которую вы забыли въ письменномъ столѣ, уѣзжая отъ Мономаховыхъ, отвѣчала Алевтина, обращаясь къ Заварницкому.

— А вы читали ее?

— Да. Это были единственныя минуты, въ которыя я оживала. О! я многое перенесла за это время и стала совсемъ не той, какой вы знали меня у Мономаховыхъ. Къ несчастію, я прочла вашу тетрадку, когда уже была замужемъ.

Слова эти заставили сильнѣе забиться сердце Заварницкаго... Онъ видѣлъ уваженіе и расположеніе къ себѣ Алевтины, читалъ въ глазахъ ея любовь къ себѣ, но не слышалъ еще ея рѣшенія о своей будущности и боялся заводить съ нею рѣчь объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ уже наступило время полного ея выздоровленія, и благоразуміе говорило, что нужно что-нибудь предпринять, такъ какъ въ такомъ положеніи и обстановкѣ нельзя было долго оставаться. Послѣднія же слова Алевтины давали Заварницкому надежду, что она не возвратится къ своей прошлой жизни. Князь Кохтаевъ понималъ, что между молодыми людьми наступила минута для объясненія и рѣшенія разъ навсегда своей судьбы, а потому, молча, вышелъ изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ.

— Да, заговорила вновь Алевтина, — я чувствую, что я ожила для лучшей и живой жизни... Но я не знаю, какъ

Новая русская церковь въ Дрезденѣ. Съ фотографіи грав. Ремлеръ.

выдти на улицу, явиться на свѣтъ, начать первый шагъ... Укажите мнѣ дорогу... Спасите меня!... Молодая женщина склонила свое заплаканное лицо къ Заварническому.

— Алевтина! вы знаете мои чувства...

— Я не хочу, продолжала Алевтина, — возвращаться ни къ мужу, ни къ роднымъ... прежнее общество меня нисколько не интересуешь... Возвратиться къ нимъ — значитъ разстаться со всѣми своими золотыми мечтами... Довольно!... Я и то много выстрадала... Къ чему мнѣ скрываться предъ вами долѣе, когда вы вѣроятно давно уже все видите: я любила васъ дѣвухой, любила за все время своего замужества, люблю и теперь...

— Будь моею, будь моимъ счастьемъ, радостью, жизнью!... твердилъ Заварникій, страстно обнимая молодую женщину.

— Но какъ же это мы устроимъ?... спросила Алевтина, когда восторженное состояніе ихъ нѣсколько улеглось.

— Я объ этомъ много думалъ и составилъ планъ, но ничего еще не предпринялъ, не зная твоего рѣшенія...

— Могъ ли ты въ немъ сомнѣваться!... сказала ему съ укоромъ Алевтина.

Заварникій съ чувствомъ поцѣловалъ ей руку.

— Мнѣ нужно посоветоваться, замѣтилъ онъ, — съ Кохтаевымъ; я бы желалъ уладить дѣло какъ можно скорѣе.

На совѣтѣ молодые люди рѣшили между собою слѣдующее: Заварникій завтра же долженъ будетъ подать полковому командиру два прошенія, одно объ отпускѣ на 28 дней, а другое объ отставкѣ, — первое нужно было ему для того чтобы имѣть документъ о званіи, для совершения брачнаго обряда и для выѣзда, а второе для опредѣленія на службу въ другой мѣстности; затѣмъ, онъ долженъ немедленно повѣнчаться...

— Но какой же священникъ согласится на это? спросилъ Заварникій.

— Я спрашивалъ полкового священника, видѣлъ ли онъ когда въ лицѣ генеральшу Дребезгину, отвѣчалъ Кохтаевъ — и получилъ отвѣтъ: нѣтъ. Поэтому мы можемъ отъ него скрыть званіе Алевтины Михайловны, и она можетъ перевѣнчаться подъ псевдонимомъ. Устройство же этого дѣла въ другомъ мѣстѣ представляетъ очень много затрудненій.

Затѣмъ, послѣ вѣнчанія Заварникій долженъ былъ тотчасъ же уѣхать куда-нибудь подальше, найти себѣ тамъ мѣсто и зажить съ женою новой жизнью.

Планы молодыхъ людей, хотя съ разными затрудненіями и препятствіями, сбылись. Они нашли старое метрическое свидѣтельство какой-то купеческой дочери Алевтины Константиновны Воскресенской, ровестницы Алевтины, которая и была повѣнчана подъ этимъ именемъ съ Заварникимъ. Обрядъ происходилъ въ ночное время и въ глубокой тайнѣ. Въ слѣдующую ночь Заварникій выѣхалъ съ своею женою изъ Новогрунтоvsка навсегда. Они поселились въ одномъ изъ губернскихъ городовъ югозападной Россіи. При любви къ мужу и руководствѣ его практическими совѣтами, выработанными опытомъ жизни, Алевтина скоро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ небогатой жепщины, жены врача. Окруживъ заботливостью его домашнюю обстановку, чтобы онъ находилъ въ ней удовольствіе въ минуты отдыха и приобрѣталъ бы силы къ дальнѣйшимъ трудамъ, — находясь въ постоянныхъ трудахъ и занятіяхъ, Заварникая, казалось, забыла о своемъ прошломъ и была совершенно счастлива. Одна только мысль о разлукѣ съ мужемъ, въ случаѣ войны, иногда возмущала ея спокойствіе; но она не рѣшалась просить его о перемѣнѣ службы, зная на этотъ предметъ его твердыя убѣжденія. Заварникій занимался своею спеціальностію очень серіозно, выдержалъ экзаменъ на доктора медицины и хирургіи и написалъ нѣсколько дѣльныхъ брошюръ по медицинѣ, которыя обратили на себя такое значительное вниманіе въ Петербургѣ, что, при открытіи тамъ вакансіи, Заварникій былъ вызванъ туда для занятія гораздо высшаго мѣста сравнительно съ его должностію въ полку батальоннаго врага. Но назначеніе это не особенно обрадовало Заварникихъ, имъ тяжело было разстаться съ тѣмъ городомъ, гдѣ они пользовались общей любовью и уваженіемъ и гдѣ были такъ сча-

стливы. Не смотря на то, Заварникій не могъ отказаться отъ этого вызова и принялъ его, въ виду дальнѣйшихъ служебныхъ шансовъ и полной возможности доставить въ Петербургѣ дѣтямъ высшее образованіе, по выбору и подъ своимъ наблюденіемъ. Что же касается до предчувствій Алевтины, то Заварникій успокаивалъ жену, что они будутъ находиться въ совершенно другомъ кругу общества — и десять лѣтъ такъ значительно измѣнили наружность, что старинныя ея знакомыя найдутъ у ней, встрѣчаясь на улицѣ, лишь сходство съ прежней баронессой Цадебель или генеральшей Дребезгиной.

Но мы видѣли, что Дребезгинъ узналъ свою жену въ Пассажѣ, почти съ перваго взгляда.

ГЛАВА VII.

Въ день, въ который происходило въ окружномъ судѣ разбирательство дѣла о бракѣ Заварникихъ, почти съ семи часовъ утра (не смотря на то, что разбирательство было назначено въ двѣнадцать) большая часть городского населенія спѣшила къ зданію Окружнаго суда, чтобы занять мѣста поудобнѣе и получше. Не только зала, прилегающія къ ней комнаты и коридоръ окружнаго суда были переполнены народомъ, но масса его находилась и во дворѣ, и на улицѣ. Особое любопытство было возбуждено преимущественно у прекрасной половины общества, изъ которыхъ многія смотрѣли на Алевтину Михайловну, какъ на страшное чудовище, которое не довольствовалося однимъ мужемъ, а другія — слышавшія о ея летаргическомъ снѣ — считали ее то притворщицей, то невинной жертвой Заварникаго.

Заварникіе сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ, съ опущенными головами. Публикѣ казалось, что Алевтина была въ менѣе тревожномъ состояніи духа, чѣмъ ея второй мужъ. На самомъ дѣлѣ это рѣшить было очень трудно, потому что оба они были чрезвычайно взволнованы. Нахмуренный и задумчивый Заварникій все время ни разу не взглянулъ на публику; онъ уныло смотрѣлъ внизъ и только изрѣдка подымалъ свои глаза на судей, но вмѣстѣ съ этимъ онъ наблюдалъ, что дѣлается съ его женою — и когда замѣчалъ на ея лицѣ внезапную блѣдность или тревогу въ глазахъ, онъ шепталъ ей подкрѣпленіе и ободреніе. Лицо Алевтины мѣнялось неоднократно, щеки ея то блѣднѣли, то покрывались румянцемъ; иногда она поглядывала на публику съ какимъ-то страннымъ — не то самовольнымъ, не то вызывающимъ взглядомъ. То вдругъ въ воображеніи ея возникали мрачныя картины ссылки въ Сибирь, со всѣми ужасами и лишеніями. Но болѣе всего Заварникіе страдали за будущность своихъ дѣтей. Въ окружной залѣ, въ числѣ свидѣтелей, находились Мономаховы и князь Кохтаевъ; священникъ же вѣнчавшій Заварникихъ — умеръ, а деньщикъ изъ татаръ — по розыску не оказался. Послѣднія два лица были вызваны, какъ подлинныя обыскъ въ книгѣ при совершеніи брачнаго обряда. Въ виду очныхъ ставокъ съ Мономаховыми и со многими своими знакомыми, Алевтина Михайловна созналась, въ показаніи у судебного слѣдователя, что она дѣйствительно урожденная баронесса Цадебель и бывшая жена Дребезгина... Заварникій также показалъ, что онъ женился на ней зная, что она состояла въ замужествѣ, — и скрылъ только о томъ, какое непосредственное участіе въ судьбѣ ихъ принималъ князь Кохтаевъ. Отъ защиты Заварникіе отказались, полагаясь на совѣтъ присяжныхъ засѣдателей и безпристрастіе судей. Послѣ обычныхъ формальностей былъ прочитанъ обвинительный актъ, главнымъ образомъ основанный на признаніи самихъ подсудимыхъ; потомъ начался допросъ свидѣтелей. Дребезгинъ, рассказывая о смерти своей жены, упомянулъ при этомъ, что Заварникій протестовалъ противъ похоронъ его жены, доказывая, что она въ обморокѣ, — но докторъ Шниперовъ убѣдилъ его въ противномъ. Изъ этого Дребезгинъ выводилъ заключенія въ сугубой виновности Заварникаго, не принимавшаго мѣръ и не настаивавшаго на непогребеніи его жены, въ виду своихъ преступныхъ замысловъ. Въ словахъ его можно было видѣть желаніе вернуть себѣ обратно

свою жену и, въ то же время, сознание, что этого быть не можетъ и какое-то странное оправданіе: изъ-за чего затѣяно имъ настоящее дѣло... Впослѣдствіи Дребезгинъ самъ уже сожалѣлъ объ этомъ, но послѣ его первыхъ заявленій судебной власти дѣло не могло быть прекращено. Предсѣдатель суда нѣсколько разъ останавливалъ разсужденія и умозаключенія Дребезгина. Показаніе Шниперова ограничилось заявленіемъ, что летаргическій сонъ еще не изслѣдованъ въ медицинѣ, а потому ему легко было ошибиться и принять спящую за мертвую. Затѣмъ былъ спрошенъ князь Кохтаевъ, говорившій много и съ увлеченіемъ; по выслушаніи этого свидѣтеля, прокуроръ всталъ и заявилъ суду, что князь Кохтаевъ долженъ быть привлеченъ къ суду не какъ свидѣтель, но къ отвѣтственности, какъ соучастникъ въ преступленіи, что онъ ясно обнаружилъ въ своемъ показаніи. Это обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ заявленіе до того испугало Алевтину, что она стала смотрѣть на прокурора, какъ на своего врага. Мономаховы въ своемъ показаніи сообщили, что племянница ихъ неохотно шла за Дребезгина и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя были между супругами, причемъ личность Дребезгина была выставлена въ очень нелестныхъ для него краскахъ. Обвинительная рѣчь прокурора длилась не долго, такъ какъ факты говорили сами за себя. Потомъ предсѣдатель суда обратился съ вопросомъ къ подсудимымъ: что могутъ они добавить въ свое оправданіе? Встревоженная обвинительною рѣчью прокурора, Алевтина встала со скамейки подсудимыхъ, гораздо болѣе похожая на мертвую въ это время, чѣмъ она походила во время летаргіи, — и взволнованнымъ умоляющимъ голосомъ попросила выслушать ея печальную исторію до втораго замужества. Она не пропустила ни одной странички изъ этого періода ея жизни... Разказала о любви къ себѣ Заварницкаго, о его вліяніи на нее, о своемъ развѣтѣ, несчастномъ замужествѣ, обращеніи съ нею перваго мужа и его характерѣ, объ ожидавшей ее дальнѣйшей участи въ этомъ бракѣ, о пренебреженіи мужа къ ея жизни въ виду заявленія доктора, что она не умерла, — наконецъ о заботливости во время ея сна Заварницкаго, чувствахъ его къ ней и полной надеждѣ на счастье ея съ любимымъ человекомъ, которая и оправдалась на дѣлѣ. Въ заключеніе Алев-

тина упомянула о дѣтяхъ, о заслугахъ своего втораго мужа. Эта умоляющая рѣчь женщины, чуждая всякихъ афектацій и холодныхъ юридическихъ умозаключеній, лилась прямо въ сердце и произвела на слушателей потрясающее дѣйствіе. Въ залѣ царилъ глубочайшая тишина. Глаза публики были влажны; сами судьи и присяжные засѣдатели употребляли большія усилія, чтобы сохранить свои нервы въ надлежащемъ порядкѣ. Заварницкій къ словамъ жены въ свое оправданіе добавилъ, что онъ не могъ остановить погребеніе при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, и что заранѣе обдуманнаго плана, до пробужденія его жены изъ летаргическаго сна, на бракъ съ нею у него быть не могло, такъ какъ по выходѣ ея въ замужество, за Дребезгина, онъ не выдался съ нею, не переписывался, а потому и не могъ знать, сохранила ли она къ нему тѣ чувства, которыя питала въ дѣвущкахъ. Кромѣ того, если бы по пробужденіи своемъ жена его, хотя однимъ словомъ, высказала бы ему желаніе возвратиться къ первому мужу или къ своимъ роднымъ, онъ безпрекословно выполнилъ бы ея желаніе, не высказывая на этотъ счетъ никакого своего взгляда. Но, страстно любя женщину и будучи любимымъ ею взаимно, лишитъ ее и себя счастья и отдать безъ ея согласія другому человеку, съ которымъ нѣтъ ничего общаго, — онъ считалъ двойнымъ убійствомъ и не могъ отказать отъ счастья, которое не причинило никому матерьяльнаго или нравственнаго урона... Корыстныхъ же побужденій къ этому браку у него, само собою разумѣется, не было.

Между тѣмъ, предсѣдатель обратился съ обычною увѣщательною рѣчью о безпристрастіи къ присяжнымъ засѣдателямъ, которые тотчасъ же удалились и чрезъ пятнадцать минутъ вынесли слѣдующіе вердикты: о Заварницкой — «виновна, но заслуживаетъ снисхожденія» и о Заварницкомъ: «да, виновенъ».

Въ залѣ воцарилась тишина.

Отъ автора. Къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ окончательно рѣшилось это дѣло. Говорятъ, что Заварницкіе были помилованы.

АРЛЬ ВЪ ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ И ЕГО ДѢВУШКИ.

Посылаю это письмо изъ южной Франціи, гдѣ апельсиновые деревья въ полномъ цвѣтѣ и воздухъ пропитанъ какимъ-то благоуханіемъ. Рона, обмывая остатки древнеримскаго моста, спокойно и медленно, полусасыпанная пескомъ, пробиваетъ себѣ дорогу къ средиземному морю.

«Моя жена изъ Арля», замѣтилъ съ весьма самодовольнымъ лицомъ мой спутникъ, житель Марселя, ѣхавшій изъ Тараскона на югъ. Для француза эти слова весьма понятны — они означаютъ: «моя жена — красавица». Такъ какъ я и прежде слышалъ о красавицахъ арелаткахъ, то и порѣшилъ убѣдиться на самомъ мѣстѣ въ справедливости этихъ словъ.

Уже у воксала, на лѣвомъ берегу Роны, бросились мнѣ въ глаза нѣсколько красивыхъ дѣвушекъ въ простенькихъ платьяхъ, которыхъ я впрочемъ обогналъ, такъ какъ время клонилось къ вечеру, а мнѣ хотѣлось еще до захода солнца нѣсколько познакомиться съ мѣстностью.

Минувъ полуразвалившіеся триумфальныя ворота, спѣшу я по улицѣ Вильневъ къ развалинамъ величественнаго древнеримскаго амфитеатра, въ 43 рядахъ котораго помѣщалось до 23,000 зрителей, — куда еще и теперь собираются жители города, посматрѣть на бой быковъ. Но въ настоящее время я занятъ не античностями. Мнѣ хочется обозрѣть мѣстность, поэтому влѣзаю на одну изъ башенъ, пристроенныхъ къ театру

сарацинами, пришедшими изъ Африки и покорившими туземныхъ христіанъ. Тамъ внизу кишитъ народъ, бушуетъ Рона, по рѣкамъ и каналамъ плывутъ разукрашенные корабли и лодки; изъ Тараскона мчатся поѣзды, со стороны моря дуетъ освѣжающій морской вѣтеръ. Въ дали туманной, на сѣверѣ видѣется Авиньонъ; изъ бѣлой пелены резко выдается башня древняго рыцарскаго замка, у ногъ же — развалины огромнаго монастыря Монтажуръ, построеннаго однимъ изъ Меровинговъ и увеличеннаго Карломъ великимъ.

Внизу городъ, озаренный лучами заходящаго солнца, блеститъ не только роскошью, но и пластичной красотой римскаго міра. Болѣе всего бросается въ глаза огромный амфитеатръ, распростертый у моихъ ногъ. Какія огромныя средства употребляли Римляне, чтобы удовлетворить своимъ крокожаднымъ прихотямъ, усладить себя кровавыми гладиаторскими играми.

Теперь все въ запустѣніи; вѣтеръ играетъ съ растениями, обросшими стѣны, и свиститъ въ аркахъ съ какимъ-то заунывнымъ стономъ; отъ сводовъ, трещины вѣтъ томительнымъ безмолвіемъ. Этотъ амфитеатръ служилъ крѣпостью, то Сарацинамъ, то городскимъ партіямъ, и кто имъ обладалъ — владѣлъ всѣмъ городомъ.

Къ закату солнца, я, ознакомившись съ мѣстностью, отправился въ гостиницу. Завтра воскресенье! и я пойду смотрѣть

на жителей, наряженныхъ и роскошно убранныхъ, идущихъ къ обѣднѣ.

Соборъ Св. Трофима построенъ въ древне-римскомъ стилѣ, съ готическими башнями, и разукрашенъ различными произведеніями скульптуры. По обѣ стороны роскошнаго портала стоятъ мужчины и разсматриваютъ дѣвушекъ Арля, приходящихъ къ церкви. Красавицы довольно милостивы; постоянно ходитъ въ однѣ и тѣ же двери, зная, что все здѣсь съ нетерпѣніемъ ихъ ждетъ. Онѣ дѣлаютъ видъ, будто ничего не замѣчаютъ, всегда скромны и серіозны, но тѣмъ не менѣе никогда не обходятъ этихъ дверей. Тамъ же помѣстился и я, озирая дѣвушекъ Арля.

Правда, римскій и греческій міръ давно уже исчезли въ Арлѣ, но подобно току какъ изъ трещинъ въ развалинахъ амфитеатра произрастаютъ роскошные цвѣты — жизнь изъ смерти, точно такъ же въ лицѣ дѣвицъ Арля воскресаетъ древнеклассическая красота. Теперь только понялъ я слова моего тарасконскаго спутника: «моя жена изъ Арля». Не удивительно, что прекрасныя арелатки возбуждаютъ зависть въ своихъ менѣ красивыхъ соотечественникахъ. Рядомъ со мною въ дверяхъ стояли мужчины, пришедшіе изъ далека, чтобы только посматрѣть на товаръ, о которомъ такъ не любятъ вспоминать прочія французенки.

Въ чертахъ лица этихъ дѣвушекъ преобладаетъ прекрасный греческій типъ, что въ

совокупности съ горделивой осанкой такъ превозносятся всѣми туристами. Главная же прелесть арелатокъ заключается въ чудныхъ, умныхъ глазахъ—то темныхъ, то голубыхъ, окаймленныхъ длинными бархатными рѣсницами. Прелестный ротикъ съ рядомъ жемчужныхъ зубовъ вполне гармонируетъ съ глазами. Этимъ женщинамъ по ихъ красотѣ несомнѣнно принадлежить пальма первенства между всѣми южанками. Какъ бы ни были прелестны и граціозны французки въ южной Франціи, но этой годой походки, королевской осанки, этому смуглому лицу и темной прелести глазъ нѣтъ ничего подобнаго.

Горожанки, о которыхъ я собственно и говорю, имѣютъ обыкновеніе носить одежду, выказывающую ихъ красоту въ настоящемъ свѣтѣ; однако печально, что парижскія моды начинаютъ распространяться между ними все болѣе и болѣе, въ чемъ меня убѣ-

дили прекрасныя богомолки. На головѣ у арелатокъ красуется маленький чепчикъ. Волосы, завязанные въ узелъ и поддерживаемые широкою бархатною лентою, живописно ниспадаютъ на плечи. Чепчикъ вмѣстѣ съ лентою образуетъ какъ бы шапочку, составляющую пріятный контрастъ съ нѣжнымъ лицомъ. Изъ-подъ нея видѣются то темные, то свѣтлые волосы. Шея нѣсколько обнажена, такъ какъ бѣлый кружевной платокъ обыкновенно свади и спереды весьма спущенъ. Ихъ юбка и кофта весьма идутъ къ остальному туалету;— несомнѣнно, что дѣвушки, послѣдшія этотъ костюмъ, вполне оцѣниваютъ его превосходство.

Мнѣ удалось видѣть на Королевской улицѣ и на Ронскомъ мосту красавицы, такъ смиренно сидѣвшихъ въ церкви, теперь весело болтавшихъ на провансальскомъ нарѣчьи (языкъ трубадуровъ). Послѣ чего не-

вольно кажется, что арелатки первенствуютъ также и въ нравственномъ отношеніи, что ихъ рѣчь какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ ихъ прекраснымъ ртомъ. Сколько здѣсь моделей, достойныхъ кисти художника: и служанка, мегущая комнату, и лавочница, горожанка, идущая съ рынка, и двѣ подруги, болтающія о письмѣ среди развалинъ амфитеатра,—все чаруетъ глаза.

Не смотря на все это, я долженъ обнажить и нѣсколько мрачную сторону, которая умѣритъ увлеченіе и настроитъ насъ въ пользу соотечественницъ—сѣверянокъ. Арелатки уже 25-ти лѣтъ начинаютъ старѣть, въ 30 же лѣтъ становятся весьма пожилыми, между тѣмъ какъ наши жены еще въ этомъ возрастѣ въ полной силѣ. Поэтому обращаю мой взоръ и сердце къ сѣверу, къ женамъ и дѣвушкамъ нашей родины; ихъ красота, хотя и не столь поразительна, зато несравненно продолжительнѣе.

Смѣсь.

Изъ Казани пишутъ, что туда пріѣхало нѣсколько англичанъ, которые за бездѣлицу скупили лежавшій безъ употребленія голубиный пометъ, уложили это драгоценное гуано въ 3000 мѣшковъ по 9 пудовъ каждый и отослали въ свое отечество. При этомъ естественно приходитъ въ голову, что въдѣ и русскіе поля точно также могли бы воспользоваться этимъ сокровищемъ, какъ и дуга Альбіона; отчего же у насъ не нашлось никого, кто бы вздумалъ употребить съ пользой удобреніе тысячами-летающихъ надъ городомъ птицъ?

Какими способами доставляется карлистамъ оружіе и военные снаряды. Въ «Times» напечатано объ этомъ предметѣ письмо, содержащее въ себѣ довольно интересныя подробности, которыя мы передадимъ здѣсь нашимъ читателямъ.

Пребываніе въ теченіи 18 мѣсяцевъ въ Испаніи убѣдило меня, говоритъ авторъ письма, что французскому правительству гораздо труднѣе пренятствовать ввозу оружія для карлистовъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Тайный ввозъ оружія и военныхъ матерьяловъ доведенъ до высшей степени совершенства, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ проживающихъ во Франціи испанцевъ, а также содѣйствію французскихъ легитимистовъ. Обще мнѣніе, что главнымъ ввознымъ пунктомъ военной контрабанды служитъ устье Бидассоа, несправедливо, такъ какъ морское транспортированіе было бы противно интересамъ контрабандистскихъ обществъ. Контрабандисты составляютъ большинство населенія въ пограничныхъ горахъ, поэтому необходимо чтобы они всегда были заняты и пользовались хорошимъ расположеніемъ духа. Главная масса ввозимаго въ Испанію оружія идетъ черезъ Бордо и Нантъ. То, что идетъ изъ Бордо, скрывается въ винныхъ бочкахъ; вещи же отправляемыя изъ Нанта моремъ упакованы въ ящики, наложенные сверху въ нѣсколько рядовъ коробочками сардинокъ. Посылки эти адресуются виннымъ и сардиночнымъ торговцамъ въ Байоннѣ, Сентъ-Жанъ-де-Люкѣ, Пассажесѣ и Санъ-Себастьянѣ, а отсюда онѣ уже доставляются сухимъ путемъ къ мѣстамъ своего назначенія. Прямая отправка оружія и снарядовъ рѣдки. Обыкновенно для этого выбираются гавани Гуэтана, Ла Аренасъ у Португалети и Санъ-Винченце де-ла-Баркера въ провинціи Санатера.

Но, какъ уже замѣчено, самые значительные транспорты доставляются сухимъ путемъ. Они принимаются купцами и частными лицами, во всевозможныхъ видахъ и формахъ. Разъ при мнѣ въ одну гостиницу было привезено огромное количество патроновъ, упакованныхъ подъ видомъ швей-

царскаго сыра; далѣе, ящики съ ружейными стволами шли за макаронами; пустыя желѣзныя колонки были наполнены штыками, и наконецъ тюки трески, заключавшіе въ себѣ болше стали, чѣмъ рыбы. Во всевозможныхъ формахъ, подъ всевозможными масками, пересылаются вышеозначенные предметы, и передаются въ руки контрабандистовъ черезъ посредство довѣренныхъ агентовъ. Въ случаѣ конфискаціи посылки, убійство принимаютъ на себя контрабандисты; понятно, что при такихъ условіяхъ, они дѣлаютъ все что только возможно, чтобы свести рискъ до крайняго минимума. Каждый контрабандистъ знаетъ страну, какъ свои пять пальцевъ. У нихъ въ каждой деревнѣ, въ каждомъ кабацкѣ, есть свои шпионы; ихъ передовые и сторожевые отряды отлично организованы, такъ что они узнаютъ о всякой опасности съ наименьшей потерей времени. Извѣстія эти передаются имъ съ неизмѣрною быстротой, и конфискація транспортовъ, кромѣ такихъ которые нарочно подсовываются таможеннымъ чиновникамъ для прикрытія другихъ, болѣе важныхъ посылокъ, весьма рѣдка. Всѣ контрабандисты организованы въ банды, имѣющія во главѣ своего начальника. Этотъ начальникъ отвѣчаетъ за транспортъ и устраиваетъ дѣла съ агентами. У каждого изъ этихъ предводителей находится человекъ до 200 подчиненныхъ, и такъ какъ послѣдніе постоянно день и ночь заняты своимъ дѣломъ, то можно судить о той массѣ оружія, которая переходитъ черезъ границу.

Главные пункты, черезъ которые провозятся эти посылки въ Испаніи, суть горныя проходы у Вера, Пена, Платы, Даукаринси, Іаки (въ Аррагоніи) и въ особенности Бургъ-Мадамъ при Пюисердѣ, гдѣ отдѣльной кучеюкъ испанскихъ владѣній на французской почвѣ, Оливія, соединяется съ Каталоніей посредствомъ нейтральной дороги, по которой можетъ идти что угодно. Затѣмъ дорога изъ Периньяна въ Герону и портъ Вандресъ, мѣсто нарузки и разгрузки испанскихъ судовъ, и проч. Подлѣ этихъ главныхъ переходовъ, вся пограничная линія свободна, такъ какъ испанцы или вовсе ее не охраняютъ, или охраняютъ такъ мало, что о серьезномъ препятствіи для ввоза оружія не можетъ быть и рѣчи. Я своими глазами видѣлъ, какъ контрабандисты предружески разговаривали съ республиканскими солдатами, хотя послѣдніе отлично знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Разъ одинъ контрабандистъ весьма обязательно сталъ показывать, стоявшему на своемъ посту солдату, одно изъ ввозимыхъ имъ ружей, и послѣ того какъ солдатъ достаточно налюбовался имъ, оно было положено къ

остальнымъ. При такихъ наивныхъ порядкахъ, я не могъ удержаться отъ смѣха. Солдатъ и контрабандистъ также засмѣялись и солдатъ замѣтилъ: «*Che volete*» (что вы хотите)? Я не трусь и въ открытомъ полѣ не задумаюсь подставить свою лобъ подъ пулю. Но стоять здѣсь для того, чтобы первый встрѣчный пострѣлялъ васъ, какъ куропатку,—нѣтъ, сеньоръ, на это я не согласенъ. Другіе тамъ на гауптвахтѣхъ подъ крѣпкими баррикадами, да и то, если бы я выстрѣлялъ, или въ меня бы выстрѣлили, такъ они какъ бы поскорѣе всѣ двери на запоръ. Поэтому то, ни я не стрѣляю, ни въ меня не стрѣляютъ. Мы ужъ всячески пробовали какъ тутъ поступать».

Въ такомъ точно положеніи, съ большей или меньшей разницей, находятся дѣла по всей границѣ. Единственнымъ средствомъ уменьшить эти безпорядки было бы, еслибы французское правительство объявило всю границу въ осадномъ положеніи.

Военный духъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ.—Въ виду введенія устава общей воинской повинности, многія изъ нѣмецкихъ гимназій частію уже ввели съ конца прошлаго года, отчасти вводятъ въ нынѣшнемъ учебномъ году, въ число гимнастическихъ упражненій, военныя упражненія,—съ цѣлю, молодымъ людямъ, кончающимъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ и по лѣтамъ подходящимъ къ отбытію воинской повинности, облегчить занятіе первоначальнымъ военнымъ воспитаніемъ, необходимымъ для полученія унтеръ-офицерскаго званія.—Съ этою цѣлю дирекціи вышеупомянутыхъ гимназій завели или заводятъ 2 раза въ недѣлю военныя уроки по два часа каждый, въ которыхъ подъ присмотромъ какого нибудь стараго строеваго унтеръ-офицера ученики послѣдняго класса обоихъ паралелей обучаются ружейнымъ приемамъ на начальномъ фронтѣ, военной гимнастикѣ, однимъ словомъ: всему тому—чему обучается рекрутъ или всякій новобранецъ въ продолженіи 3-мѣсячнаго обученія.

Въ училищѣ при церкви Святаго Петра, гдѣ эти военныя классы уже введены съ конца прошлаго года, для этихъ занятій приняты особаго рода мундиры въ видѣ военнаго кителя изъ небѣленой холстины съ гладкими серебряными пуговицами. Кителя эти, кромѣ однообразія фронта, при которомъ гораздо легче замѣчать разныя ошибки въ приемахъ, служатъ такъ-же сбереженіемъ носильнаго платья.

Entre chien et loup. Такъ называютъ французы сумерки, и названіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ этому времени дня, потому что въ это время и происходятъ война волковъ съ собаками, о которой я и хочу рассказать нѣсколько словъ.

Волки необыкновенно хитры и могут быть отнесены къ разряду умнѣйшихъ хищныхъ животныхъ. Въ этомъ легко убѣдиться, разсмотрѣвъ привычки ихъ и ихъ бытъ. Волки, какъ извѣстно, живутъ цѣлыми выводками, составляющими одно нераздѣльное цѣлое или общество, самобытность котора-

волками, но даже стараться пріобрѣтать его расположеніе, чтобы такимъ образомъ избѣжать его преслѣдованія, а потому всѣ нападенія производить внѣ округа жительства, границы котораго защищать отъ набѣговъ волковъ другою выводка — и не допуская ихъ до набѣговъ, тѣмъ самымъ скрывать и свое

Волки имѣютъ замѣчательнѣйшую способность добывать себѣ небольшія поживы и заслуживаютъ удивленіе за свою стратегію и тактику.

Они никогда не нападаютъ всѣми силами безъ нужды и устриваютъ свои отряды совершенно какъ люди. У нихъ есть свои

Арль въ южной Франціи и его дѣвушки. Рис. Владиміръ Фридрихъ, грав. О. Ротъ.

го поддерживается правилами и постановленіями, какъ-бы коренными законами, переходящими изъ рода въ родъ: такъ на примѣръ, старшимъ всегда давать преимущество надъ младшими, а этимъ — имъ повиноваться; мѣста для жительства избирать какъ можно болѣе скрытными и недоступными человѣку; этому послѣднему не причинять вреда, если онъ живетъ по сосѣдству съ

присутствіе отъ человѣка. Много есть еще другихъ статей волчьего устава, доказывающихъ чрезвычайную распорядительность, хитрую осторожность и обдуманность во всѣхъ дѣйствіяхъ волковъ.

Все это относится только къ внутреннему, домашнему устройству ихъ общества.

Разсмотримъ теперь внѣшній бытъ и тактическія способности волковъ.

патрули, есть авангарды и аррьергарды. Гдѣ потребна сила — тамъ они дѣйствуютъ совокупно; гдѣ нужна хитрость — тамъ дѣло кончается или патрулемъ или авангардомъ, который, скрывъ свои настоящія силы, сначала старается завлечь жертву въ засаду. Такъ на примѣръ, волкъ, подкрадываясь къ обозу, остановившемуся близъ лѣса, тихо и скромно подходитъ къ подводамъ, и закъ

бы ласкался, старается принять на себя вид обыкновенной собаки, а сам только и высматривает, где бы что стащить. Подъ возомъ отдыхаетъ усталая отъ похода собака, волкъ быстро бросается на нее и утаскиваетъ съ собой въ лѣсъ. Такимъ-же образомъ волкъ обманываетъ и лошадь или жеребенка; намѣреваясь задушить ее, онъ прикидывается собакой. Лошадь подпускаетъ волка на близкое разстояніе и дѣлается его добычею. При нападеніи на стадо овецъ, волки иногда дѣлаютъ фальшивыя атаки, выславъ впередъ нѣсколько изъ своихъ, которые атакуютъ извѣстный пунктъ стараются отвлечь вниманіе пастуха. Главныя же силы, между тѣмъ, бросаются въ стадо и почти всегда достигаютъ своей цѣли. Много еще другихъ примѣровъ удивительнаго искусства, съ какимъ волки обманываютъ свою жертву, прежде чѣмъ нападутъ на нее.

Лѣтомъ, когда стадо на пастбищахъ и лошади частью на подножномъ корму — волкамъ открыто обширное поле для хищничества, но всегда, впрочемъ удачнаго; но осенью, когда стада начинаютъ понемногу

оставлять поля, и зимою, когда домашнія животныя заперты въ хлѣвахъ, обезпечивающихъ ихъ покой — тогда волки ведутъ другаго рода войну, именно — съ деревенскими собаками, служащими для нихъ. Въ это время года, почти вѣрною добычею. Въ этой-то войнѣ особенно обнаруживаются всѣ свойства волковъ: хитрость, ловкость, проворство и смеленность, почти всегда рѣшающія дѣло въ ихъ пользу. Французское выраженіе *entre chien et loup*, т. е. сумерки объясняется постоянною войною, которую волки ведутъ въ это время дня съ собаками. Эти послѣднія, угадывая чутьемъ присутствіе волковъ, сначала обыкновенно лаютъ, а потомъ собираются ближе къ тому мѣсту, куда обыкновенно подходятъ волки въ сумерки, т. е. къ деревнѣ.

Тутъ-то можно подивиться тактикѣ волковъ и искусству, съ какимъ они залекаютъ жертву въ свою засаду. Подойдя почти къ самой деревнѣ, волки выслаютъ впередъ 2-хъ 3-хъ, — часто одного изъ своихъ, и остальными силами устроятъ засаду нѣсколько далѣе. Собаки сначала боятся, волкъ-же посланный въ авангардъ тотчасъ

же принамаетъ смиренный видъ, притворяется слабымъ, жмется, потихонку отступаетъ, отглядывается назадъ и завлекаетъ такимъ образомъ собакъ въ преслѣдованіе, направляетъ ихъ къ засадѣ. Какъ только волки увидятъ, что собаки близко отъ нихъ и отступить не успѣютъ, — то немедленно выскакиваютъ изъ засады, производятъ быстрое нападеніе и захватываютъ неосторожныхъ собакъ.

Не есть ли это доказательство присутствія тонкой смѣтливости, какъ бы сознательной тактики у волковъ? Живя въ деревнѣ, трудно замѣтить это въ сумерки *entre chien et loup*.

Противоядіе фосфору. Противъ отравы фосфоромъ рекомендуется терпентинное масло, которое уже было съ успѣхомъ применено въ одномъ изъ такихъ случаевъ въ Америкѣ и Даллѣ во Франціи. Недавно д-ръ Келеръ въ Гаухе, въ одномъ случаѣ отравленія фосфоромъ отъ спичекъ, при чемъ между отравленіемъ и подаеніемъ медицинской помощи прошло десять часовъ, далъ большой приемъ терпентиннаго масла, и этимъ спасъ жизнь отравленной особѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Телеграмма изъ Парижа отъ 13-го (25-го ноября). Государыня Императрица, по разстроенному здоровью простудною болезнью и вслѣдствіе признанной лѣкъ медициною Боткинскимъ необходимости провести нѣкоторое время на югъ, изволила отправиться вчера, во вторникъ, изъ Лондона въ с.Ремо, на берегу Средиземнаго моря. Ея Величество по прибытіи въ Пармѣ изволила остановиться въ домѣ Русскаго Посольства на ночлегъ и одинъ день отдыха. Состояніе здоровья Государыни Императрицы хотя и требуетъ большихъ предосторожностей, но, благодаря Бога, не внушаетъ серьезныхъ опасеній.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— 2 Октября Высочайше повелѣно: для приведенія въ точную извѣстность мужскаго еврейскаго населенія до двадцатипятилѣтняго возраста включительно, перепись евреевъ мужскаго пола произвести по всей Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, по мѣсту жительства и пребыванія евреевъ въ день производства переписи, съ обозначеніемъ возраста каждого.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Изъ помѣщенныхъ въ отчетѣ за 1872 — 1873 г. Казанскаго братства св. Гурія свѣдѣніи видно между прочимъ, что дѣятельность братства въ отчетномъ году не ограничилась только обученіемъ инородческихъ дѣтей и дѣтей старообрядцевъ въ братскихъ школахъ, но братство стремилось къ достиженію своихъ цѣлей путемъ открытыхъ собесѣдованій объ истинѣхъ христіанской вѣры. Такъ, съ октября 1871 г. были начаты и продолжались въ теченіи всего отчетнаго года публичныя бесѣды съ старообрядцами въ Казани, а втеченіи Великаго поста были прочтаны Профессоромъ Духовной Академіи Ивановскимъ четыре публичныя лекціи, въ которыхъ излагалось догматическое ученіе православной Церкви. По отзыву епархіальнаго начальства, влияние бесѣдъ очень благотворно отразилось не только на расколнникахъ, но и на православныхъ, посѣщавшихъ бесѣды, доказательствомъ чему служатъ обращенія старообрядцевъ къ православной церкви, число которыхъ въ отчетномъ году достигало до 19. Въ настоящемъ году бесѣды продолжаютъ.

— Святейшій Правительствующій Синодъ въ вѣденіи своемъ сообщилъ Правительствующему Сенату, что Государь Императоръ, 17 Сентября сего года, Высочайше соизво-

лилъ утвердить опредѣленія Святейшаго Синода объ упраздненіи монастырей Литовской епархіи: Борунскаго, Тороканскаго и Березвечскаго.

— «Новгородскія Губ. Вѣдомости» сообщаютъ о произведенныхъ недавно закладкахъ церквей при тюремныхъ замкахъ Демянскомъ и Старорусскомъ.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Вятское Уѣзд. Зем. Собраніе, открытое 20 минушаго сентября, въ виду плохаго урожая въ нынѣшнее лѣто хлѣбовъ въ Вятскомъ у., поручило Уѣзд. Управѣ ходатайствовать предъ Губ. Собраніемъ объ отпускѣ на будущій годъ изъ продовольственнаго капитала въ пособіе нуждающимся 20,000 р., но съ тѣмъ чтобы деньги эти выдавались единственно на обсеменение полей, а для продовольствія населенія хлѣбъ долженъ быть выдаваемъ изъ запасныхъ магазиновъ.

— Елифанское Уѣзд. Тульск. губ., Земское Собраніе, въ засѣданіи 1 Сентября, по выслушаніи доклада Уѣзд. о принятіи мѣръ къ устраненію могущаго случиться недостатка въ продовольствіи, постановило: просить Губ. Собраніе ассигновать для Елифанскаго у., на этотъ предметъ 10,000 р. изъ продовольственнаго капитала.

— Богородицкое Уѣзд. Собраніе, по выслушаніи доклада Уѣзд. Управы о принятіи мѣръ къ продовольствію населенія уѣзда и къ обсемененію полей, вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ изъ гласныхъ что въ уѣздѣ предвидится недостатокъ въ яровомъ хлѣбѣ для обсемененія полей, постановило поручить Управѣ ходатайствовать о выдачѣ на этотъ предметъ ссуды изъ продовольственнаго капитала въ такомъ размѣрѣ, какой она признаетъ необходимымъ.

— Крестьяне д. Зиргановой, Стерлитамакскаго у. (Уфимской губ.), постановили: просить о закрытіи питейнаго заведенія въ ихъ селеніяхъ.

— Каширское Уѣздное Тульск. губ. Земское Собраніе, въ засѣданіи 12-го минушаго Сентября, постановило возбудить ходатайство, чтобы имѣнія, какія въ районѣ города и уѣзда будутъ признаны выморочными, были предоставляемы въ пользу земства; равнымъ образомъ, чтобы переданы были также въ вѣдѣніе земства и тѣ имѣнія, которыя уже отошли въ казну, какъ выморочныя.

— Новомосковское Уѣздное, Екатеринославской Губ., Земское Собраніе, въ засѣданіи 2-го Августа, постановило ходатайство-

вать чрезъ Губ. Зем. Собраніе о скорѣйшей передачѣ Днѣпровскаго моста и Днѣпровской переправы изъ Вѣдомства Путей Сообщенія въ вѣдѣніе земства.

— Калужское Уѣзд. Зем. Собраніе, обсуждая вопросъ о принятіи мѣръ къ улучшенію породы крестьянскихъ лошадей, постановило просить Главное Управленіе Коннозаводства о присылкѣ въ Калужскій уѣздъ до 10 жеребцовъ, съ тѣмъ что содержаніе ихъ земство принимаетъ на свой счетъ.

— Звенигородское Уѣздное, Московскій губ., Земское Собраніе открытое 27-го минушаго сентября, положило отнѣнить круговую поруку при взысканіи денегъ за леченіе въ земскихъ больницахъ несостоятельныхъ лицъ сельскаго населенія.

— Въ Ярославлѣ, 15-го сентября, открыта земская повивальная школа при лечебницѣ Общества врачей. Число ученицъ стипендіатовъ Земскихъ Управъ Ярославской губерніи простирается до 24 и вольноопредѣляющихся 10. Онѣ слушаютъ весь курсъ, продолжающійся два года, бесплатно.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Предсѣдатель Комисіи, учрежденной для помощи пострадавшимъ отъ пожара въ Кронштадтѣ, Свѣты Его Величества контръ-адмиралъ М. Я. Федоровскій въ засѣданіи 6-го ноября сообщалъ, пашутъ въ «Крон. Вѣстникѣ», о новой помощи, оказанной погорѣльцамъ: Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ пожаловалъ въ пособіе жителямъ Кронштадта, пострадавшимъ отъ пожара, три тысячи руб., Ихъ Императорскія Высочества Великія Князья Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна и Великія Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи пожаловали одну тысячу рублей.

Цифра пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ увеличивается съ каждымъ днемъ и въ настоящее время доходитъ до 35.088 руб. Цифра пострадавшихъ отъ пожара и получившихъ пособіе деньгами, одеждою и помѣщеніемъ простирается до 1 957 чел.

— Потомственный почетный гражданинъ В. П. Аваевъ, въ дополненіе къ пожертвованному имъ для основанія въ гор. Твери больницы капиталу во сто тысячъ руб., пожертвовалъ недавно на тотъ же предметъ еще десять тысячъ руб., причемъ заявилъ, что если назначенныхъ имъ при пожертвованіи 100.000 руб. на покупку дома и первоначальное устройство больницы десяти тысячъ р. будетъ недостаточно, то недостатокъ этотъ онъ принимаетъ на свой счетъ.

— Почетный гражданин А. С. Шоголевъ представилъ с.-петербургскому градоначальнику три тысячи рублей для обращенія ихъ съ благотворительною цѣлью, по усмотрѣнью генералъ-адъютанта Трепова.

— По примѣру прошлаго года, с.-петербургскій градоначальникъ, въ видахъ предоставленія возможности бѣднымъ жителямъ Галерной гавани получать за дешевую плату здоровую горячую пищу, нашелъ возможнымъ, какъ сообщаютъ въ «Вѣд. С.-Петерб. Градоначальства», устроить въ предоставленныхъ Морскимъ Вѣдомствомъ строенияхъ въ Галерной гавани столовую для приготовленія дешевыхъ обѣдовъ. Столовая эта открыта съ 1-го ноября; обѣдъ въ ней въ одно блюдо съ фунтомъ хлѣба стоитъ три коп. и въ два блюда — пять коп. Независимо сего, имѣются еще особые билеты по удешевленной цѣнѣ на пользованіе обѣдовъ въ теченіе 30-тидневнаго срока со дня приобрѣтенія билета.

— Харьковскій Окружный Судъ, отводя въ занимаемомъ имъ помѣщеніи комнату для присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ поставилъ условіемъ, какъ сообщаютъ мѣстные вѣдомости, чтобы присяжные повѣренные и ихъ помощники установили между собою дежурство для подачи совѣтовъ тяжущимся и подсудимымъ. Дежурства эти въ настоящее время уже установлены.

Ученныя и другія общества.

— Общество англичанъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, поднесло въ подарокъ Герцогу и Герцогинѣ Эдинбургскимъ, по случаю бракосочетанія Ихъ Высочества, двѣ спасательныя лодки системы Пика, постройка Форрета съ сыновьями. Лодки эти имѣютъ длины 33 фута, самовыправляющіяся, стоимостью ихъ около 10.000 рублей. Ихъ Высочества изволили пожаловать эти лодки Обществу поданія помощи при кораблекрушеніяхъ въ Россіи.

Въ четвергъ 10-го октября въ 1/2 второго часа по полудни означенныя лодки были торжественно отправлены изъ Главнаго Адмиралтейства по конно-железной дорогѣ на станцію Николаевской железной дороги, откуда онѣ препровождаются одна въ Чер-

ное море, а другая въ Балтійское, на островъ Эзель.

— Николаевское Окружное Правленіе Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ увидѣло Главное Правленіе, что княгиня Церетелева (г-жа Лавровская) по собственной своей инициативѣ дала въ Николаевѣ концертъ въ пользу Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, доходъ съ котораго составилъ 400 руб. По докладѣ о семъ Ея Императорскому Высочеству Августѣйшей Покровительницѣ Общества, Государыня Цесаревна повелѣтъ соизволила благодарить княгиню Церетелеву отъ Августѣйшаго Ея Высочества Имени, что и было исполнено предсѣдателемъ Общества, генералъ-адъютантомъ Посьетомъ.

— Старшина спасательной станціи на островѣ Оденсгольмъ, учрежденной Обществомъ поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, сообщаетъ, что 20-го сентября, ночью, въ половине двѣнадцатаго часа, ему было дано знать съ Оденсгольмскаго маяка, что вблизи его сѣло на мель судно и что оно нуждается въ помощи. По полученіи объ этомъ извѣстія спасательная лодка была спущена на воду. Потерпѣвшее крушеніе судно, двухмачтовый галліотъ «Дельфинъ», сидѣло кормомъ на глубинѣ 10 футовъ; оно шло съ грузомъ алебаstra (15.500 пудовъ) изъ Риги въ С.-Петербургъ и зкипажъ его состоялъ изъ пяти матросовъ. По прибытіи лодки къ судну, оказалось, что на немъ семь человѣкъ рабочихъ, прибывшихъ съ Оденсгольмскаго маяка, занимались ужъ выбрасываніемъ груза въ море. По облегченіи судна съ пособіемъ со стороны спасательной лодки, оно въ 3 1/2 часа утра снялось съ мели и отправилось далѣе по своему назначенію.

— Въ Турекъ (Калишской губерніи) составила пожарная команда изъ охотниковъ, число которыхъ простирается до 150.

Новыя изобрѣтенія.

— Въ «Zeitung für Lothringen» сообщаютъ о приготовленіи вновь изобрѣтеннаго продукта, упругаго стекла. Открытіе этого стекла сдѣлано г. Лабасти. Во Франціи уже взяты на него привилегіи. Въ Бургѣ основа-

лось товарищество, управляющимъ котораго избранъ изобрѣтатель. Постройка доменной печи быстро подвигается впередъ; ожидаютъ, что произведенія новаго завода появятся эту зиму. Опыты, произведенные надъ стеклянными издѣліями въ Понденѣ, дали удовлетворительные результаты. Эластическое стекло имѣетъ въ толщину лишь 1 1/2 линіи и сопротивляется паденію груза въ 70 золотниковъ съ высоты 2 сажень. Если его сильно бросить объ полъ, то оно отскакиваетъ не разбиваясь и притомъ издаетъ звукъ подобно металлической пластинкѣ; кромѣ того на него не дѣйствуетъ сильнѣйшій жаръ. Понятно, что подобное стекло найдетъ себѣ обширное техническое примѣненіе. Заводъ думаетъ сперва изготовлять домашнія вещи и вытѣснить изъ употребленія желѣзо и мѣдь. Мысль о возможности изобрѣтенія упругаго стекла существовала уже давно, но практическія попытки ограничивались лишь изготовленіемъ стеклянныхъ нитокъ для тканья изъ нихъ матеріи на одежду.

Почтовый ящикъ.

Г-ну С.... въ Москву.

Въ отвѣтъ на письмо Ваше редакція увидѣла, что портретъ игумена Митрофанія, не можетъ быть напечатанъ въ «Нивѣ» по совершенно независимымъ отъ насъ причинамъ.

Г-ну Тр..... въ мѣстечко Обуховъ.

Просимы вами номера, къ сожалѣнію, редакція не знаетъ куда выслать, такъ какъ по дорожнику м. Обуховъ не значится, а ближайшаго къ нему почтового пункта вы въ письмѣ не написали.

СОДЕРЖАНІЕ: Михаилъ Ивановичъ Глинка (съ портретомъ). — Двухногій волкъ. Романъ Н. Караяна (продолженіе). — Охота на бизонковъ (съ рисункомъ). — Какъ ихъ судить? Разсказъ изъ уголовной хроникки А. Шляренскаго (окончаніе). — Новая русская церковь въ Дрезденѣ (съ рисункомъ). — Арабъ въ южной Франціи и его дѣвушки (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія и Почтовый ящикъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

СЪ ДОВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА
ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

НЕСТЛЕ,
ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перевариваемо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

У АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Баладина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москвительныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—2.

Въ магазинахъ А. Черкесова и Ком., Кожанчикова и другихъ поступили въ продажу книги:

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА,

съ изложеніемъ его ученія, заключающагося въ Коранѣ.

СОЧ. ВАШИНГТОНА-ИРВИНГА,

переводъ съ англ., подъ редакціей М. А. Антоновича. Изданіе Н. Трапезникова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою и въ переплетѣ 2 руб.

ПАРИЖЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

Приключеніе д-ра Рене Лефевра.

Соч. Эдуарда Лабулэ.

Полный переводъ (35 главъ), съ 27-го французскаго изданія. Изд. Н. Трапезникова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р.

Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрывку, можетъ легко переплести въ нее номера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп. Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г., которыя могутъ служить въ теченіе года для сохраненія №№ какъ портфель.

№ 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ въ два листа съ 2—4 рисунками и ежемѣсячн. даровымъ приложеніемъ
 Издавъ 2-го декабря 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цѣна этого № «Нивы» 40 коп. съ пересылкою 45 коп.

ОТЪРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи.	5 р. 50 к. *)
- ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

При семъ № «Нивы» прилагается, для всѣхъ подписч., ПЯТАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ
 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1875 ГОДЪ,

Печатанъ двумя красками. Гг. желающіе, кромѣ прилагаемаго экземп., еще приобрести экз. благоволятъ высылать за каждый экз. 25 к. почтовыми марками.

Виды Всаги. II. Царевъ бугоръ. Съ акварели проф. Боголюбова. Рис. Космаковъ, грав. Езерскій.

Виды Волги. Царевъ бугоръ.

Царевъ бугоръ или *Царевъ курганъ*—дикая известковая скала продолговатой круглой формы, съ очень крутыми склонами, стоит на Волгѣ, верстъ двадцать выше Самары, совершенно особнякомъ отъ Соколовыхъ или Соколыхъ горъ лѣваго берега. Очертаніе ея дѣйствительно напоминаетъ пробѣжающему одинъ изъ тѣхъ кургановъ, которые такъ часто попадаются въ приволжскихъ степяхъ. Въ окрестности Царевъ бугоръ будетъ съ полверсты, а вышиной всего двадцать сажень. Онъ почти весь обнаженъ—и этимъ сильно разнится отъ Жегулевскихъ горъ, съ которыми сходенъ по составу. Огромныя плиты сѣраго известняка далеко видны съ Волги, но зелени вѣтъ совсѣмъ. Лишь на сѣверной сторонѣ, къ селенію Царевщинѣ, по кургану растутъ деревья, да у подошвы остались слѣды прежнихъ, когда-то дремучихъ лѣсовъ. Почти отовсюду Царевъ бугоръ отрѣзанъ водой. На 1607-й верстѣ своего течения Волга принимаетъ незначительную рѣчку Соку, которая вытекаетъ изъ Бугурусланскаго уѣзда, Сам. губ. Соку течетъ всего съ небольшимъ 200 верстъ и несудоходенъ; онъ съ двухъ сторонъ обтекаетъ Царевъ бугоръ. На западъ мимо него вьется другая рѣчка—Куруль. Къ Царевщинѣ и Волгѣ бугоръ обрывается довольно круто, и видъ съ его нѣсколько заостренной вершины великолѣпенъ: видна рѣка на далекое разстояніе, видны и Жегулевскія горы. Весной, въ большой разливъ, кажется будто величавый бугоръ выходитъ изъ самой середины Волги и перереживаетъ путь идущему внизъ пароходу. Кто незнакомъ съ прихотью изгибовъ русской рѣки—тому очень легко ошибиться и повѣрить глазу.

Въ народѣ живы два преданія о Царевомъ бугрѣ. Одно объясняетъ по своему, откуда взялся *бугоръ*, другое—почему онъ прозывается *Царевымъ*.

Давно, очень давно, говоритъ первое преданіе,—въ незапамятныя времена, шелъ здѣшными мѣстами сильный воевода-царь и велъ за собою страшную воинскую силу. Довелъ до большой рѣки и остановился. Хотѣлось ли ему узнать какъ велика его ратная сила, или просто память о себѣ оставить—только воевода приказалъ каждому воину принести на берегъ по шапкѣ земли. Приказаніе было тотчасъ исполнено—и на ровномъ мѣстѣ, у Волги, выросъ превысокій курганъ, который стало видно на много верстъ кругомъ. Увидаль воевода, что сила у него несмѣтная и повелъ ее дальше. А курганъ остался съ тѣхъ поръ на долгія времена безмолвнымъ свидѣтелемъ грядущихъ событій, которыя незамедлительно прибавить многое къ его славы.—Другіе рассказываютъ иначе и говорятъ, что онъ насыпанъ былъ надъ тѣломъ умершаго здѣсь начальника.

Второе преданіе правдоподобнѣе, болѣе изобилуетъ подробностями и относится къ первой половинѣ прошлаго столѣтія.—Лѣтъ двѣсти назадъ, передаетъ оно,—вокругъ теперешняго Царева бугра росли большія лѣса, да и на немъ тоже видѣлись мѣстами зеленныя поляны и свѣтлыя озера. Теперь поубавилось всего: отъ прежнихъ одно озеро осталось, а лѣса почти всѣ вырубил. Самарскій край въ то время былъ мало заселенъ—на сотни верстъ въ иномъ мѣстѣ шла нетронутая сохой степь; рѣдко гдѣ видѣлся хуторъ или двѣ-три избы. Въ глубинѣ лѣса одиноко высился мрачный курганъ, мѣстами густо опущенный темнымъ лѣсомъ; за нимъ въ ненастные дни шумѣла Волга. Извѣстно, что въ Самарскій край съ давнихъ поръ стекалось много народу, бѣлаго, еще неосѣяшаго люду. Кто бѣжалъ отъ помѣщичьяго гнѣва, кто отъ кары закона. Бѣжали изъ барской передней, изъ острога, съ судовъ отъ хозяина... и все въ привольный Самарскій край, въ лѣса и горы.—Въ одной изъ такихъ шаекъ шелъ старый Черныякъ съ сыномъ. Оба они

бѣжали изъ острога. Неизвѣстно за что сидѣли они въ немъ: за вину или по наговору.—Черныяку знакомы были всѣ пути и дорожки здѣшняго края, къ нимъ скоро примкнула толпа другихъ бѣглецовъ. Черныякъ сталъ вожакомъ—предводителемъ шайки. Онъ уговорилъ товарищей и взялъ съ нихъ клятву не заниматься разбоемъ, чтобы не накликалъ новой бѣды на свои головы, кормиться промысломъ, товарищей не выдавать, а поселиться въ землянкахъ и жить до времени тайно, никого не трогая. Бѣгле боялись царскихъ сыщиковъ. «Звѣря въ лѣсахъ много, съ голоду не умремъ!» увѣрялъ Черныякъ и привелъ ихъ къ подошвѣ высокаго, покрытаго лѣсомъ кургана. «Злой татаринъ и касакъ насъ здѣсь не тронуть, а сыщики не доберутся» рѣшили всѣ и начали рыть землянки, дѣлать засѣки, мѣсто было глухое, дикое. Началась суровая охотничья жизнь. Долго ли коротко ли шла она, только оказался одинъ недовольный. Не разъ случалось что неслуха съ онъ совѣтовъ и приказаній Черныяка: другой воли хотѣлось ему, иной жизни. Проналъ онъ какъ-то и долго не показывался. Догадался Черныякъ, что недобрый дѣломъ сталъ заниматься товарищъ, что забылъ онъ данную клятву,—созвалъ кругъ и рѣшилъ на первый разъ постегать ослушника, что бы не занимался впередъ разбоемъ, не портилъ общаго дѣла. Послѣ наказанья товарищъ скоро опять убѣжалъ.—«Лютъ зуду!» сказалъ Черныякъ. Слова его оправдались. Наказанный разбойникъ убѣжалъ въ городокъ Самару, къ тамошнему воеводѣ и донесъ на своихъ товарищей. Воевода набралъ съ собою солдатъ, захватилъ съ собою небольшое орудіе и тронулся въ путь «Сдайтесь, разбойники!» крикнулъ воевода, подойдя къ кургану—«у меня солдаты и пушка!»—Мы не разбойники, отвѣчалъ Черныякъ и первую пулю послалъ донощику; тотъ упалъ, обливался кровью. «Попробуйте взять! у насъ на каждомъ шагу засѣки!» Началась перестрѣлка, а послѣ дошло до рукопашной. Храбро дрались бѣгле, но солдатъ было много. По лѣсу звонко раскатывались пушечные выстрѣлы. Кто-то изъ осаждавшихъ ранилъ Черныяка.—А по Волгѣ тѣмъ временемъ плыли разукрашенные суда, битыя краснымъ сукномъ; на судахъ сидѣли статные гребцы въ богатыхъ нарядахъ. Одно судно было лучше другихъ разукрашено: на немъ ѣхалъ самъ царь Петръ со своей блестящей свитой. Услыхавъ выстрѣлы, онъ вышелъ на палубу и велѣлъ причалить къ кургану.—Выстрѣлы все раздавались. Петръ безстрашно пошелъ на нихъ и встрѣтилъ Самарскаго воеводу. «Въ кого стрѣляютъ?» спросилъ грозный царь. Воевода струсилъ и отвѣтилъ, что въ разбойниковъ.—«Какіе у васъ здѣсь разбойники? Отчего край незаселенъ?»—Мѣста дикія—боясъ поселиться, отвѣчалъ воевода.—«А чья вина какъ не твоя?» крикнулъ Петръ и замахнулся на воеводу палкой. Схватка между тѣмъ кончилась—солдаты остались побѣдителями, Петръ подошелъ къ умирающему отъ раны Черныяку и узналъ отъ него все. Умирающій просилъ царя принять сына на свою службу. Оставшіеся получили прощенье. За тѣмъ царь потребовалъ топоръ, срубилъ рощее по близости дерево, сдѣлалъ изъ него крестъ и поставилъ на самой вышкѣ кургана, а удѣлвшихъ бѣглыхъ велѣлъ поселить возлѣ. Съ той поры курганъ носитъ названіе Царева бугра, а поселенье—Царевщины. Въ ней теперь живетъ до семи сотъ душъ крестьянъ. Другіе прибавляютъ, что Петръ будто бы долго пировалъ на вершинѣ кургана.

Берега Волги—иллюстраціи къ народной исторіи; по нимъ разбросаны урочища, бугры, овраги, пещеры, отчасти *городки* и могилы; около нихъ-то вѣчно-свѣжимъ роємъ и вьются народныя легенды и сказанія—Царевъ бугоръ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду этихъ безыскусственныхъ памятниковъ прошлаго.

Совѣтъ министровъ у Г-жи де-Ментенонъ.

Едва-ли движеніе рукой, вооруженной перомъ, было когда либо такимъ роковымъ, какъ въ день 18-го октября 1685 года,—въ тотъ именно день, когда Людовикъ XIV, король французскій, подмахнулъ свое имя подъ указомъ, совершенно погубившимъ Нантскій Эдиктъ... Мгновеніе—и нѣсколько черточекъ, оставленныхъ на бумагѣ, уничтожили этотъ великій, славный манифестъ короля Генриха IV, обезпечивающій во Франціи свободу вѣроисповѣданія.

Послѣ смерти Генриха, убитаго Равальякомъ, сейчасъ-же начался преслѣдованія гугенотовъ,—и одною изъ главныхъ, существенныхъ мѣръ къ уничтоженію ихъ была слѣдующая: на учительскія мѣста стали сажать исключительно отцовъ іезуитовъ,—людей, конечно, равностныхъ и весьма интеллигентныхъ. Въ 1630 г. обнародованъ былъ законъ, надѣлавшій много шума: судъ въ Шалонѣ на Саонѣ постановилъ, что ни одинъ протестантъ не можетъ пользоваться цеховыми правами. Въ 1642 г. на французскій тронъ сѣлъ Людовикъ

XIV, а черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего воцаренія онъ одобрилъ такое мѣропріятіе: *ни одна женщина или двѣвушка, если онъ гугенотки, не имѣютъ права за деньги шить или вязать*. Запрещеніе это относилось собственно къ торговкамъ бѣльемъ, модисткамъ-швейамъ, жившимъ въ Парижѣ. День своего совершеннолѣтія Людовикъ отпраздновалъ еще тѣмъ, что обнаружилъ новое посягательство на права гугенотовъ, а именно: жители города Нима платили извѣстную сумму денегъ на содержаніе католическаго и протестантскаго госпиталей, причемъ и католики, и протестанты вносили по равной суммѣ; но король произвольно увеличилъ эту подать,—и такъ какъ протестанты составляли болѣе двухъ третей народонаселенія въ упомянутомъ городѣ, то имъ и пришлось поэтому содержать на свой счетъ оба госпиталя.—Прошло четыре мѣсяца послѣ этого—и явилось новое повелѣніе, гласившее, что только католики могутъ быть старшинами ремесленныхъ цеховъ; а спустя еще четыре мѣсяца

Людовикъ запретилъ протестантамъ отправлять депутаціи «ко двору его величества», т. е. отказалъ имъ въ приемѣ. Бумага эта была помѣчена 19-го декабря, а на другой день — новое повелѣніе: «только католики могутъ быть назначаемы на мѣста начальниковъ госпиталей». — Дѣло дошло до того, что стали преслѣдовать и притѣснять даже умершихъ гугенотовъ, — а именно: въ 1662 повелѣно было протестантамъ хоронить своихъ покойниковъ только до разсвѣта или послѣ заката солнца... Черезъ два года новое запрещеніе: «лаичники не имѣютъ права брать къ себѣ учениковъ изъ протестантовъ». Въ 1665 это самое было запрещено цеху золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Затѣмъ, «протестантъ не можетъ занимать должности швейцара въ казенныхъ домахъ»... «Если какая либо католическая процессія идетъ мимо протестантской церкви, то пощіе и молящіяся «еретики» должны тотчасъ-же приостановить свое богослуженіе». Съ 1670 года удары на протестантовъ посыпались чаще и сильнѣе: реформатскіе врачи исключены изъ Руанской коллегіи; въ 1671 г. французскій гербъ снятъ съ реформатскихъ храмовъ; въ 1680 — запрещено женщинамъ-реформаткамъ заниматься акушерствомъ, а въ слѣдующемъ — закрыта коллегія въ Седанѣ, послѣдняя, оставшаяся еще у протестантовъ во Франціи. Въ 1682 — король объявляетъ нотаріусовъ, повѣренныхъ по дѣламъ, судейскихъ служителей и сержантовъ протестантскаго вѣроисповѣданія — негодными и неспособными къ отправленію занимаемыхъ ими должностей и лишаетъ ихъ мѣстъ. Затѣмъ, тоже объявлено лицамъ протестантскаго вѣроисповѣданія, занимающимъ секретарскія мѣста. Въ 1684 г. рука Людовика еще пуще расходилась: *все* протестанты были объявлены негодными, неспособными къ какой-бы то ни было должности, а въ слѣдующемъ — приказано было *всѣмъ* кальвинистамъ, владѣющимъ привилегіями, продать таковыя въ теченіи четырехъ недѣль... Однимъ словомъ — преслѣдованіе было приведено въ систему, такъ организовано, что гугеноты со дня рожденія и до самой своей смерти не были оставляемы въ покоѣ: жизнь его, какъ гражданина и члена общества, была отравлена... Дѣти не смѣли посѣщать школу, да для нихъ и учителей не было; молодымъ людямъ не было доступа къ коронной службѣ; протестанты видѣли, какъ церкви ихъ закрываются; они видѣли, что имущество ихъ не находится уже подъ покровительствомъ закона... Гонители постарались даже омрачить послѣднія минуты умирающаго протестанта: протестантъ, разставаясь съ жизнью, *зналъ*, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ дозволяется хоронить «еретика» тамъ, гдѣ уже похоронены родные его... Да и самыя похороны должны были совершаться въ потемкахъ!...

И такъ, почва была достаточно хорошо разрыхлена, чтобы принять въ себя тѣ пагубныя сѣмена, которыя и были брошены въ нее въ 1685 г. Но, какъ-же, однако, случилось, что король рѣшился нанести протестантамъ послѣдній, всеокрушающій ударъ, и главное: въ такое время, когда на политическомъ горизонтѣ показались грозовыя тучи, что могло бы заставить призадуматься даже и Людовика XIV? А случилось это очень просто: госножа де-Ментенонъ, открыто-признанная любовница короля, задумала выйти замужъ за Людовика XIV и сдѣлаться королевой Франціи.

Франциска д'Обиньи, маркиза де Ментенонъ, была внучкой извѣстнаго Агриппы, прославившагося мужествомъ своимъ и умомъ, а также самоотверженіемъ на службѣ Генриху IV. Отецъ Франциски былъ кальвинистомъ — и этого достаточно было, чтобы запрятать его въ тюрьму... Придравшись къ чему-то, правительство распорядилось въ 1632 г. заключить его въ казематъ въ Нюгтѣ. Жена арестанта, будучи беременной, посѣтила его — и тутъ-то, въ тюремномъ полуракѣ, на соломѣ, служившей постелью заключеннаго, бѣдная женщина разрѣшилась отъ бремени — дѣвочкой.

Дѣвочка эта, явившаяся на свѣтъ въ безотрадной тюрьмѣ, гдѣ первой постелью для нея была полусгнившая солома арестанта — отца ея, была — Франциска д'Обиньи. Прошло пять лѣтъ — и д'Обиньи былъ освобожденъ. Первымъ дѣломъ его было взять семейство свое — и покинуть Францію.

Задумано-сдѣлано.

Убѣжащемъ гугенотскаго семейства былъ избранъ островъ Мартиника, — и вотъ несется корабль по бурнымъ волнамъ разбушевавашагося моря, ураганъ реветъ... Маленькая Франциска лежитъ на палубѣ корабля среди мокрыхъ снастей... Она почти уже трупъ, она безнадежна... «Эй, за бортъ ее! Дѣвочка умерла!» кричитъ пьяный матросъ плачущей матери и схватываетъ ребенка, чтобы швырнуть его въ волны... Г-жѣ д'Обиньи удалось вырвать изъ рукъ этого дикаря дочь свою, повидимому уже мертвую... Она хочетъ проститься, въ послѣдній разъ поцѣловать дѣвочку въ поблѣвнія ея губки, она прижимаетъ къ груди маленькое окоченѣвшее тѣлцо малютки — и вдругъ чувствуетъ, что сердечко Франциски слабо бьется... Она жива, не умерла!... Вздохнувшая мать оттолкнула матроса — и такимъ образомъ Франциска была спасена. Спустя двѣ недѣли, новая бѣда готова была обрушиться на ихъ головы: за кораблемъ ихъ погнались алжирскіе пираты, но, благодаря легкости и отличному устройству судна, имъ удалось спастись. Впрочемъ морскіе разбойники все-таки настигли-бы корабль, если бы на ихъ бригѣ не сломалась стѣнга, что принудило ихъ остановиться; починивъ, что было нужно, пираты не могли уже догнать корабля, и Франциска, прелестная дѣвочка, избѣжала страшной участи — быть проданной гдѣ нибудь на невольничьемъ рынкѣ Алжира, Туниса или Триполи. — Корабль остановился у о. Мартиники; семейство д'Обиньи высадилось тутъ. На островѣ этомъ Франциска три раза подвергалась опасности свалиться со скалы и утонуть, а однажды была на волосокъ отъ смерти: выйдя изъ комнаты въ сѣни, она увидѣла на порогѣ огромную змѣю, которая, неожиданно появившись, сейчасъ-же обратила вниманіе на дѣвочку, устремивъ на нее свои сверкающіе глаза. Франциска не смѣла двинуться съ мѣста; она слышала какъ-то, что стонѣтъ только шевельнуться — и змѣя тотчасъ-же бросится на свою жертву... Ни жива, ни мертва стояла она передъ чудовищемъ, которое, будучи увѣрено, что добыча не уйдетъ, медленно подвигалось впередъ — и вдругъ остановилось... Гадина эта встрѣтила на пути своемъ къ Францискѣ большую чашку съ молокомъ и, недолго думая, окунула туда морду и стала жадно тянуть сладкую влагу. Франциска бросилась къ двери и захлопнула ее за собой. — Послѣ смерти отца, она, вмѣстѣ съ матерью, вернулась во Францію. Плохо имъ жилось, онѣ почти были нищія, и г-жа д'Обиньи напрягала всѣ усилія, чтобы поправить свои обстоятельства, ходила, просила помощи — но все было тщетно. Она опять отправилась на Мартинику, но уже безъ дочери, потому что кредиторы покойнаго ея мужа оставили дѣвочку у себя, *въ видѣ залога*, такъ какъ ничего больше не могли взять съ вдовы д'Обиньи. Но что-же дѣлать съ такимъ «живымъ» залогомъ? Франциска даже и милостыни просить не умѣла... Однако, внучку знаменитаго Агриппы не хотѣли оставить на произволъ судьбы, бросить среди улицы. Г-жа де Нэльянъ, старая, завзятая католичка, жадно ухватилась за сиротку; она взглянула на Франциску какъ на счастливую находку: вѣдь дѣвочка эта была дочерью кальвиниста, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, и внучкой ревностнѣйшаго гугенота. Неизвѣстно, какимъ образомъ Францискѣ удалось не измѣнить вѣрѣ своихъ родителей, но извѣстно, что ее хотѣли принудить отказаться отъ ученія Кальвина, нарочно взваливая на нее тяжелую, непосильную работу. Прелестная дѣвушка была просто на просто батрачкой и должна была работать въ полѣ. Тутъ ей стала грозить новая опасность, почти такая-же гибельная, какъ прежнія двѣ: во время бури на морѣ и тогда, когда она натолкнулась на змѣю.... Это новая опасность была — *любовь*. Молодой крестьянинъ влюбился въ Франциску и признался ей въ любви, а дѣвушка, какъ кажется, тоже была къ нему равнодушна. Г-жа де Нэльянъ, не долго думая, отослала питомицу свою въ Парижъ, гдѣ и распорядилась запрятать ее въ монастырь «Добраго Сердца». Франциска не долго оставалась тамъ: «добросердечныя» монахини выпроводили прелестную четырнадцатилѣтнюю дѣвушку изъ своего тихаго, святаго убѣжи-

ща, — выпроводили потому, что мадам де-Нэльянь маловато платила за нее монастырю. И вот, она снова очутилась под открытым небом... Тогда покровительница ее поместила ее в обитель Урсулинских монахинь, находившуюся в улице Сень-Жакъ.

Съ этого времени судьба Франциски перемѣнилась: произошла крутой поворотъ, и она попала съ узкой колеи на широкую дорогу. Какъ-то разъ г-жа Нэльянь взяла ее съ собой въ гости къ поэту Скаррону. Престроумный человѣкъ это былъ Скарронъ и сверхъ того — калѣка. Онъ самъ себя называлъ «убогимъ королевы», потому что королева-мать благодѣтельствовала его: она велѣла выдавать ему пенсіонъ въ 1500 ливровъ за то, что «убогенькій» ее презло нападалъ на всѣхъ придворныхъ и вообще ехидно потѣшался насчетъ всего придворнаго. Саркастическія его выходки были для многихъ хуже горькой рѣдки. Словомъ — личность была забавная. Ну, а что, если такой калѣка, котораго возять въ креслѣ, да вдругъ женится на молоденькой хорошенькой дѣвушкѣ?... Мысль эта показалась Скаррону въ высшей степени оригинальной, а потому онъ и порѣшилъ предложить свою руку Францискѣ — и предложилъ... Та сначала отругала предложеніе, но потомъ — дала свое согласіе. Слѣдуетъ замѣтить, что будущая госпожа Скарронъ въ это время жила уже у извѣстной Нинонъ де Ланкло и была уже знакома съ Виларсо, а шевалье де Мэрэ успѣлъ даже открыться ей въ любви; но она, отстранивъ всѣхъ поклонниковъ, избрала себѣ въ супруги — Скаррона, калѣку. И вотъ, около этой странной четы сталъ группироваться кружокъ блестящихъ остроумныхъ людей. М-ше Скарронъ была душой этого общества: всѣ восхищались ея любовью, красотой и въ то же время удивлялись и восхваляли ее за ту любовь и заботливость, какія обнаруживаетъ она, ухаживая за своимъ убогимъ мужемъ. Молодая женщина съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми его работами; она одна пишетъ подъ его диктовку и находитъ время учиться у мужа языкомъ латинскому, испанскому и итальянскому, да кромѣ того беретъ у него уроки «разговора», ибо говорить — искусство трудное.... И все ей легко дается; блестящія способности ея быстро развиваются.

Послѣ смерти Скаррона, королева-мать оставила за ней пенсію его. Молодой вдовѣ вполнѣ хватаетъ этихъ 1500 ливровъ, такъ что она на предложеніе оберъ-интенданта Фука, этого Креза Франціи, выйти за него за-мужъ, отвѣчаетъ отказомъ. Но вотъ не стало королевы-матери — и прелестная М-ше Скарронъ попала въ прескверное положеніе, такъ какъ выдача ей пенсіона была прекращена... Она очутилась такъ-сказать опять на улицѣ; обстоятельства ея были такъ же плохи, какъ тогда, когда ей пришлось покинуть монастырь «добросердечныхъ» монахинь. Нѣсколько разъ она обращалась съ просьбою о помощи къ королю Людовику XIV, но изъ этого ничего не выходило. Когда король получилъ пятое ея прошеніе, то даже воскликнулъ: «Опять эта несносная Скарронъ проситъ!» Это восклицаніе такъ же лобопытно, какъ и анекдотъ, рассказанный однажды его величествомъ еще задолго до появленія г-жи де Ментэонъ при Дворѣ. Вотъ что сообщилъ король герцогу де Креки: «Какъ-то разъ въ Италіи составляли мой гороскопъ. И знаете что? Дураки эти астрологи, право! Какъ-бы вы думали, что они мнѣ напророчили? Что я, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, женюсь на старой ханжѣ и до гроба съ ней не разстанусь... Ну, можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе этого!?!...» Король при этомъ смѣялся отъ всей души; хохоталъ, разумѣется, и герцогъ де Креки...

А въ это самое время госпожа Скарронъ вступила въ совершенно-новый фазисъ своей жизни: она сдѣлалась воспитательницей дѣтей короля и г-жи де Монтэспанъ. Но какимъ образомъ попала наша героиня на такое мѣсто?...

На это можно отвѣтить только восклицаніемъ: странная игра случая! Дѣло въ томъ, что сама фаворитка, мадам де Монтэспанъ, пригласила Франциску Скарронъ надзирать за своими дѣтьми... Прелестная вдовушка, произвела

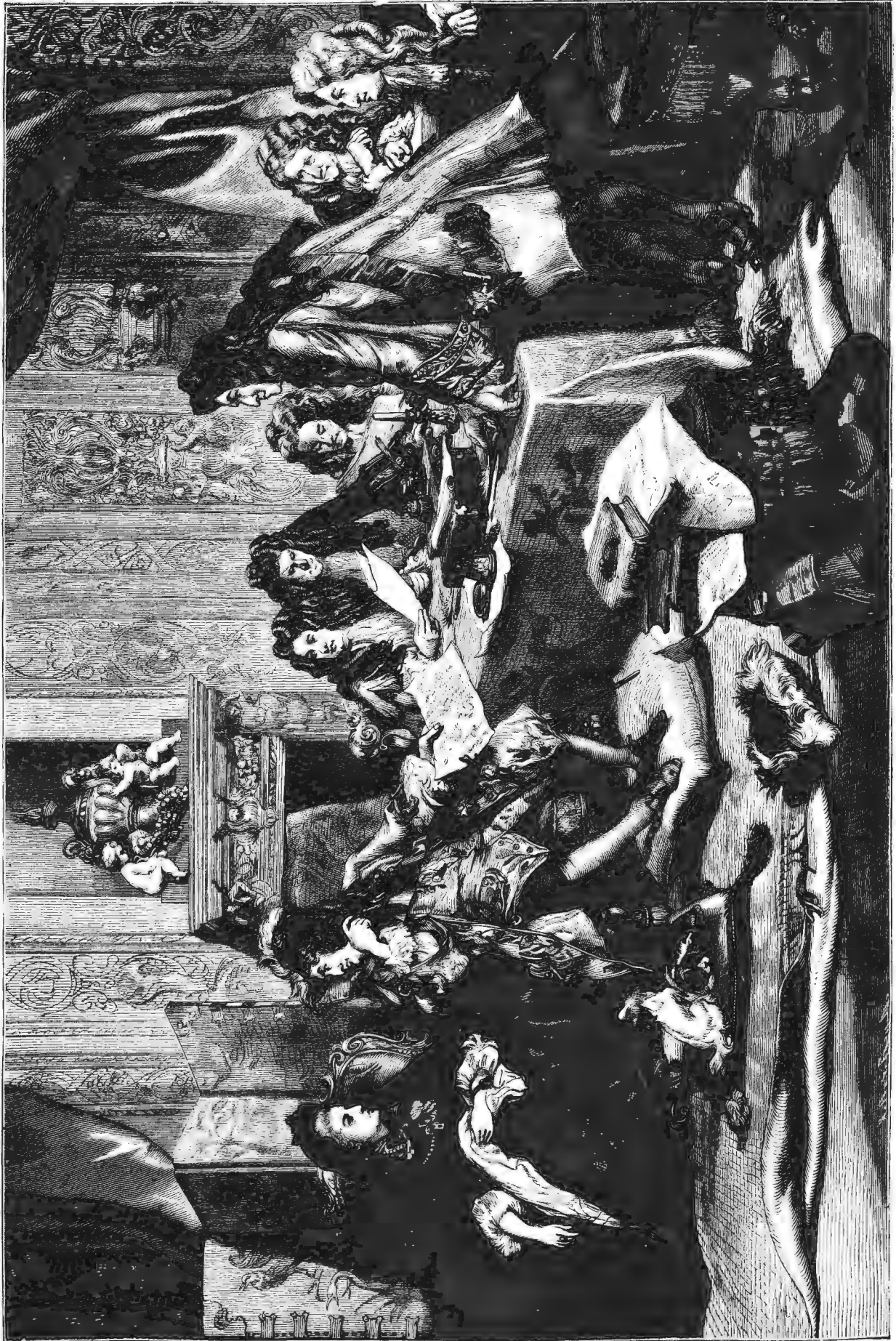
пріятное впечатлѣніе на Монтэспанъ, а затѣмъ эта могущественная дама, понавъ какъ-то разъ въ пріятнѣйшее расположеніе духа, не только вернула Францискѣ прежній ея пенсіонъ, но еще выхлопотала ей добавочныхъ 500 ливровъ.

Скарронъ снова появилась въ свѣтѣ. Эта кругленькая сумма обезпечила ее.

Франциски было теперь 26 лѣтъ. Эта высокая, стройная женщина, съ чудными блестящими глазами, съ великолѣпнымъ цвѣтомъ лица — производила достоудивный эффектъ. Она мастерски умѣла разыгрывать роль смиренной овечки — и всѣ вдалились въ обманъ. «Желаніе завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, приобрѣсть имя — было постояннымъ страстнымъ моимъ стремленіемъ», такъ говорила Ментэонъ впоследствии, — а потому предоставляемъ судить читателю, какихъ усилий стоило ей сдерживать себя, быть тише воды, ниже травы. Являясь въ большой свѣтъ (гдѣ уже она прежде блистала), Франциска должна была вести себя скромно, смиренно, да къ тому-же ее всегда почти сопровождалъ аббатъ Гобзленъ, докторъ и членъ Сорбонны, бывший кавалерійскій капитанъ... Аббатъ этотъ былъ такъ же строгъ теперь къ духовнымъ своимъ чадамъ, какъ прежде — къ солдатамъ; впрочемъ, строгость его не простиралась такъ далеко, чтобъ онъ счелъ за нужное воспретить молодой Скарронъ воспитывать дѣтей короля...

Монтэспанъ поручила г-жѣ де Тіанжъ выпытать у Франциски, заставить ее высказаться касательно того, какъ смотритъ она на принятія ею обязанности... на *эту* должность?... Прелестная лицемѣрка отвѣтила г-жѣ Тіанжъ: «Если это дѣти короля — я охотно стану смотрѣть за ними, но я не допущу, чтобы мнѣ навязали дѣтей Монтэспанъ. Тутъ уже нужно королевское приказаніе»... Разумѣется, такой отвѣтъ былъ переданъ Людовику, который никакъ ни хотѣлъ допустить Францискѣ Скарронъ быть гувернанткой его дѣтей; онъ считалъ ее «ученой», а ученыхъ женщинъ король не терпѣлъ. Но, тѣмъ не менѣе, «королевское приказаніе» послѣдовало... Скарронъ сдѣлалась воспитательницей дѣтей Людовика. 2000 ливровъ были оставлены за ней и кромѣ этого въ ея распоряженіе отданъ былъ домъ по близости Вожирара, гдѣ обитали дѣти, порученныя ей попеченію. Франциска весьма добросовѣстно ухаживала за своими юными питомцами. Общества она избѣгала, чтобы лучше сохранить тайну. Нѣкоторые изъ друзей ея хотя и имѣли кое-какія подозрѣнія на этотъ счетъ, но съ разпросами не лѣзли къ ней, а въ Вожирарѣ всѣ считали питомцевъ Скарронъ за ея собственныхъ дѣтей. Король, какъ-бы случайно прогуливаясь въ окрестностяхъ Вожирара (на самомъ-же дѣлѣ, чтобы повидать своихъ итенцовъ), познакомился тамъ съ Франциской; а спустя нѣсколько времени онъ даже разрѣшилъ ей сопровождать герцога дю Мэна на воды въ Барэжъ. Когда юный герцогъ вернулся изъ Барэжа, Людовикъ, поговоривъ съ нимъ, нашелъ его преумнымъ мальчикомъ. — «Еще-бы, какъ-же мнѣ не быть умнымъ», сказалъ герцогъ — «когда около меня была дама, олицетворяющая самый разумъ!...» — «Ну, такъ вотъ что», замѣтилъ король, — «скажите этой дамѣ, что сегодня вечеромъ вы дадите ей за ея конфетки сто тысячъ франковъ». — Франциска Скарронъ такимъ образомъ сразу получила цѣлое состояніе, а спустя два дня ей было назначено пенсіонъ, да кромѣ этого ей разрѣшено было являться ко двору. Монтэспанъ помогла прелестной вдовушкѣ весьма дешево купить помѣстье «Ментэонъ»... Старшій изъ ея питомцевъ умеръ, и когда король узналъ, какъ искренно горюетъ г-жа де Ментэонъ, какъ горько оплакиваетъ она смерть мальчика, — сказалъ: «Эта женщина умѣетъ любить... Пріятно должно быть сдѣлаться ея любимцемъ, быть любимымъ ею!»...

Положеніе гувернантки вообще не представляетъ особенныхъ удовольствій, а потому и на долю Франциски выпадали тяжелые дни: Монтэспанъ частенько ссорилась съ гувернанткой своей, выходили непріятности, дразни... Король сначала (въ первое время гувернантства Скарронъ) часто говорилъ Монтэспанъ: — «Ахъ, Боже мой! Ну, прогоните эту женщину! Вѣдь вы — госпожа.» А теперь уже было не

Советъ министровъ у г-жи Менгеновъ. Съ картины І. Жильбера, грав. О. Рогъ.

то: теперь сама Ментэнонъ чуть что — угрожала уйти... Питомцы, слышавъ такую угрозу, принимались плакать; мысль о разлукѣ съ ней приводила ихъ въ ужасъ, такъ что серьезно опасались за здоровье дѣтей... Франциска знала, куда ей нужно было направлять удары — и оставалась по прежнему при дѣтяхъ, что и радовало всѣхъ. Она даже опередила теперь госножу Монтэспанъ, потому что ей, Ментэнонъ, король поручилъ представлять отчетъ о воспитаніи дѣтей.

Фаворитка была, конечно, настолько опытна, что сейчасъ же увидѣла въ бывшей вдовушкѣ Скарронъ — свою соперницу.

Монтэспанъ стала стараться всѣми силами отравить жизнь опасной гувернантки, она придиралась къ ней, мучила ее; но у прелестной мученицы спянка была довольно таки крепкая, и Франциска охотно дозволила взвалить себѣ на плечи тяжелое бремя, потому что руки, которыя взваливали на нее этотъ грестъ — принадлежали «королевской фавориткѣ»...

«Ужасныя сцены происходятъ теперь между мной и Монтэспанъ (пишетъ Ментэнонъ къ г-жѣ де Севинья), и вотъ вчера самъ король былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ»... О силѣ впечатлѣнія, производимаго теперь Франциской на Людовика, можно составить себѣ надлежащее понятіе на основаніи слѣдующаго обстоятельства: вѣроятно, для того, чтобы *та* сцена не была такъ *ужасна* для Ментэнонъ, король соизволилъ распорядиться назначить ее придворной дамы къ дофинѣ... Новая придворная дама заняла при дворѣ принадлежащее ей мѣсто. Съ этого времени на Франциску де Ментэнонъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на побѣдительницу, которая ловко отстраняла всѣхъ искательницъ благосклонности короля. Придворные такъ и смотрѣли на нее; они называли ее уже не «madame de Maintenon», а «madame de Maintenan». . Замѣчательна была манера ея держаться при своемъ поступательномъ движеніи на пути къ могуществу. Она всегда вела себя чрезвычайно скромно, тихо, такъ что всѣ окружающіе старались услужить ей, угодить; сама королева оказывала прелестной вдовѣ благосклонность и приказала даже, чтобы и прочіе относились къ ней почтительно. Ея величество радовалась, что карьера бѣдной Скарронъ такъ хорошо устроивается, и ей было приятно, что король къ этой вдовѣ относится благосклонно... Королева смотрѣла на любовь своего супруга къ Ментэнонъ какъ на чистое, платоническое чувство, невинное, безстрастное... Ея величество подарила свой портретъ Францискѣ, которая была такъ къ ней близка, что удостоилась присутствовать при ея кончинѣ...

Поѣздка въ Фантэнблô (1683 г.) вознесла г-жу Ментэнонъ на высшую ступень королевской милости. Какъ она умѣла ладить съ Людовикомъ — это хорошо видно изъ слѣдующаго мѣста въ одномъ изъ ея писемъ: «Король всегда уходитъ отъ меня грустнымъ, опечаленнымъ, но никогда «безнадежнымъ» я его не отпускаю»... Возвышеніе вдовы Скарронъ, конечно, всѣми было замѣчено, хотя она не обнаруживала еще и тѣни гордости. Ментэнонъ слишкомъ широко расположилась въ сердцѣ Людовика, такъ что уже тамъ никому больше и уголка не было. Король положительно не могъ теперь жить безъ этой женщины, къ которой дѣти его отъ Монтэспанъ были сильнѣе привязаны чѣмъ къ родной своей матери; онъ самъ тѣмъ болѣе привязался къ Францискѣ, что прежней фаворитки его уже не было: она, по распоряженію Людовика, была отправлена въ монастырь св. Юсифа, гдѣ и подвизалась теперь въ покаяніи и молитвѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ Ментэнонъ официально была объявлена придворной дамой и приобрѣла прочную благосклонность короля — она сдѣлалась постоянной собесѣдницей его. Въ важнѣйшихъ случаяхъ къ ней обращались за совѣтомъ; всѣ завскаивали у нея... Какъ ни противились члены королевской фамиліи, но Людовикъ всегда ставилъ на своемъ и приглашалъ новую свою фаворитку присутствовать на всѣхъ собраніяхъ, — а она... она смиренно повиновалась, и

съ выраженіемъ кроткой покорности сносила странное обращеніе съ него дофина и принцессъ, герцогини Орлеанской и прочихъ ея враговъ... Но подъ этой овечьей кротостью таилась смѣлая львица! Настоящіе подмыслы и замыслы Франциски были повстинѣ громаднѣе размѣровъ и далеко не смиреннаго свойства... О, если бы только осуществились ея планы! Ну, тогда она покажетъ себя... Она съумѣетъ стереть съ лица земли любого изъ враговъ своихъ, еслибы даже дѣло коснулось самага дофина...

Намъ пора теперь повести рѣчь о томъ, что подало поводъ къ настоящей бесѣдѣ нашей съ читателемъ. Мы дошли въ разсказѣ нашемъ до 1685 года. Вотъ въ это-то именно время голова г-жи Ментэнонъ была занята разработкою сразу двухъ важнѣйшихъ своихъ плановъ: во 1) уничтоженія Нантскаго эдикта и во 2) возведенія собственной особы въ санъ законной супруги короля... Да, она хотѣла сдѣлаться королевой Франціи! И такъ, чтобы достигнуть успѣха въ приобретеніи короны, она должна была постараться прежде всего осуществить *первый* планъ. Мы уже замѣтили выше, что почва была достаточно хорошо разрыхлена, чтобы принять въ себя тѣ пагубныя сѣмена, которыя и были брошены затѣмъ рукою Людовика; но, во всякомъ случаѣ, тутъ необходима была помощь со стороны фаворитки, чтобы убѣдить короля рѣшиться сдѣлать такой шагъ, нанести послѣдній ударъ французскимъ гугенотамъ... Вотъ, если ей удастся это обдѣлать, то она можетъ разсчитывать тогда на сильную поддержку въ достиженіи самой дорогой, желанной своей цѣли; а эту поддержку обѣщала ей духовникъ короля — умный, ловкій иезуитъ — отецъ Ла-Шезъ, давнишній ея союзникъ.

Г-жа де Ментэнонъ думала, что трудно будетъ уломать короля, заставить его уничтожить Нантскій эдиктъ, но на самомъ дѣлѣ Людовикъ весьма мало противился этому... Отецъ Ла-Шезъ, купно со своими помощниками — духовными и свѣтскими, тоже не дремалъ и дѣлалъ свое дѣло. И вотъ, 18-го октября разразился ударъ, причинившій столько зла и бѣдствій какъ гугенотамъ, такъ и самой Франціи... Когда дѣло это такъ счастливо было окончено, г-жа Ментэнонъ потребовала обѣщанной поддержки: «услуги за услугу»... Отецъ Ла-Шезъ, желая покончить съ фавориткой, какъ духовникъ короля, воспользовался исповѣдью, чтобы исподволь повліять на совѣсть Людовика. Ментэнонъ заручилась, такимъ образомъ, нравственнымъ элементомъ въ этомъ дѣлѣ, и ужъ король не могъ тутъ ничего поддѣлать... Бывшая гувернантка его дѣтей стала теперь для него просто необходимостью, однимъ изъ условій жизни: потерять ее — тоже самое что умереть!... Да король и не скрывалъ передъ духовнымъ отцомъ расположенія своего къ фавориткѣ, Такая игра была не трудна для патера Ла-Шеза — и онъ прямо предложилъ его величеству вступить въ тайный бракъ съ г-жей Ментэнонъ. Призадумался Людовикъ... А Франциска тѣмъ временемъ удалилась отъ двора, потому что въ груди ея шла борьба сердца съ совѣстью, — ну, а вѣдь сердце могло легко одержать верхъ... Какъ же было не уйти отъ соблазна, не бѣжать отъ демона-искусителя?

Герцогъ дю Мэнъ былъ крайне этимъ недоволенъ... Наконецъ, его просьбы, убѣдительныя рѣчи Ла-Шеза и извѣстнаго Боссюэта, а также многихъ другихъ вліятельныхъ особъ, убѣдили короля сдѣлать тотъ шагъ, къ которому уже давно толкало его собственное сердце.

Тутъ, вѣроятно, Ментэнонъ въ первый разъ измѣнила себѣ, не выдержала, ибо благоразуміе покинуло ее — и она стала болтать о томъ, о чемъ не слѣдовало... Поднялась тревога. Дофинъ первый явился къ своему отцу и умолялъ его не вступать въ такой бракъ, такъ какъ подобный союзъ сдѣлалъ-бы могущественнаго короля Франціи посмѣшищемъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Фенелонъ и Лувуа говорили въ томъ же смыслѣ и въ томъ-же духѣ, причемъ послѣдній даже публично заявлялъ свои взгляды на этотъ предметъ. Вотъ тутъ-то и кроется главная причина вражды между Лувуа и Ментэнонъ. Сторонники осуществленія вышеупомянутаго тайнаго брака принялись работать теперь еще усерднѣе въ пользу фаворитки. Они напрягали всѣ усилія, чтобы перетянуть

дофина на свою сторону, общая ему за это выхлопотать незаконной его дочери (которую онъ очень любилъ) всѣ права законной; но «*Monseigneur*» вытолкалъ за дверь непрощенныхъ благодѣтелей. Очень можетъ быть, что подобное сопротивление и такія «желкія препятствія» раздражали только Людовика — и онъ порѣшилъ, не откладывая дѣла въ ящикъ, обвиняться съ Франциской Ментэнонь. Въ одну изъ ночей 1686 года (ни мѣсяца, ни числа неизвѣстно) господа де Моншеврель и епископъ парижскій де Гарлей получили повѣстку явиться въ Версаль — прямо въ кабинетъ его величества. Явившись туда, они уже нашли тамъ патера Ла-Шеза, камердинера Бонтана — и министра Лувуа. Въ кабинетѣ былъ устроенъ алтарь. Прошло нѣсколько минутъ — дверь отворилась — и Людовикъ XIV, ведя за руку Ментэнонь, вошелъ въ комнату. Оба они опустились на колѣни передъ алтаремъ, а затѣмъ отецъ Ла-Шезъ совершилъ порядъ вѣнчанія... Лувуа уступилъ просьбамъ короля: онъ явился въ качествѣ свидѣтеля; однако Людовикъ долженъ былъ дать честное слово министру, что бракъ этотъ навсегда останется тайной, что объявленія о такомъ союзѣ никогда не послѣдуютъ... Не смотря на это, на другой-же день весь Версаль говорилъ о свадьбѣ короля, а миръ и согласіе среди королевской семьи были навсегда нарушены... Правда, самъ Людовикъ никогда ни однимъ словомъ не касался этого предмета — и на вопросы дѣтей не давалъ никакихъ объяснительныхъ отвѣтовъ; но какъ-бы то ни было, а все показывало, что фактъ этотъ существовалъ, что король *какъ слѣдуетъ* былъ повѣнчанъ съ вдовой Скаррона.... Такъ, напр., комнаты Ментэнонь находились въ томъ-же этажѣ, гдѣ были королевскіе покои, а въ капеллѣ она сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно помѣщалась покойная королева. Людовикъ не иначе называлъ Ментэнонь, какъ «*madame*». *Вторая жена* его сидѣла въ креслѣ въ присутствіи всей королевской фамилии, даже оставалась сидѣть при англійской королевѣ, — но вставала только при появленіи дофина, который, впрочемъ, рѣдко заходилъ на половину Ментэнонь... Она ненавидѣла наследника престола. И такъ, вставая только передъ нимъ, Ментэнонь на всѣхъ аудіенціяхъ преспокойно оставалась въ креслѣ... Но что все болѣе убѣждало придворныхъ въ томъ, что бывшая Скарронъ дѣйствительно тайная королева Франціи — такъ это то, что она постоянно присутствовала на совѣтѣ министровъ.

Вотъ, передъ вами великолѣпная зала совѣта. Около мраморнаго камина, съ венеціанскимъ зеркаломъ, сидитъ Франциска, въ темномъ бархатномъ платьѣ, на мягкомъ позолоченномъ креслѣ, украшенномъ дорогою рѣзбою. Китайскія ширмы, обтянутыя драгоцѣнной матеріей, служатъ какъ-бы фономъ для величественной фигуры Ментэнонь... Глаза ея какъ-то предумышленно-холодно, не-хотя, отрываются отъ какой-то вышивки, которую она держитъ на колѣняхъ... Разумѣется, эти изящныя ручки только такъ, для виду, заняты были глупой работой... Когда она слегка приподнимаетъ голову, прислушиваясь къ рѣчамъ министровъ, бриллианты ожерелья и креста сверкаютъ на бархатѣ платья при малѣйшемъ ея движеніи... Иногда она вдругъ наклонится, чтобы поласкать собачку, но на самомъ дѣлѣ собачка вовсе не интересуется ее... Это не больше какъ тонкій маневръ: ей хочется лучше слышать слова г. де Сенъелъ, который заговорилъ что-то въ полголоса. Рядомъ съ Франциской, нѣсколько оборотаясь къ ней, сидитъ у стола Людовикъ. На немъ кафтанъ изъ темнокоричневаго бархата, великолѣпно расшитый, съ серебряными пуговками; подъ кафтаномъ блѣдно-зеленый жилетъ, по которому справа на лѣво идетъ голубая орденская лента; на башмакахъ поблескиваютъ бриллиантовыя пряжки *). Между Людовиномъ и его министрами завязался оживленный разговоръ: они спорили о томъ, послать-ли флотилію на помощь англійскому королю Якову, лишенному короны?... Лувуа стоитъ у стола нѣсколько нагну-

вшись. Онъ говорилъ *противъ* отправки флотиліи, другіе министры — Сенъелъ, Шамильяръ, Индентантъ, Вуазенъ и Барбье (будущій министръ) дали уклончивый отвѣтъ, потому что — *они*, маркиза, ничего еще не сказала по сему предмету... Они поглядывали на нее... А не сказала она потому, что король не спрашивалъ еще ея мнѣнія... Она молчитъ... Франциска стала такой скромницей съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась королевой; но она знаетъ, что всякое повелѣніе, а слѣдовательно и тотъ приказъ, который находится въ рукѣ короля, не выйдетъ изъ этой залы раньше, чѣмъ слѣдуетъ, т. е. выйдетъ тогда только, когда *постоянный совѣтникъ* Людовика — сама Франциска — скажетъ свое слово... Лувуа держитъ перо на готовѣ. Онъ также хорошо знаетъ, что тутъ все зависитъ отъ маркизы; и понимаетъ, что бороться съ успѣхомъ противъ этой женщины невозможно; но министръ исполнилъ свой долгъ, такъ какъ считалъ нужнымъ говорить противъ желанія короля.

Если Людовикъ послушается совѣта маркизы, то ужъ не потерпитъ дальнѣйшихъ противорѣчій со стороны Лувуа; министръ это знаетъ, а потому и держитъ перо на готовѣ, чтобы поднести его монарху. Взоры всѣхъ стремлены на даму, сидящую въ позолоченномъ креслѣ... Вотъ король поворачивается къ ней... Всѣ присутствующіе знаютъ напередъ, что за сямъ произойдетъ; они знаютъ, что всѣ эти письма, заявленія, цифровыя данныя не будутъ имѣть никакого значенія, если г-жа де Ментэнонь не захочетъ обратиться на нихъ вниманія... Министры даже произносятъ ту фразу, которую король сейчасъ проговоритъ, — и не ошибаются!... «Ну, прежде, чѣмъ намъ рѣшать», говоритъ Людовикъ, обращаясь къ Лувуа, — «спросимъ, маркизъ, у самаго «разума», какъ онъ думаетъ онъ этомъ?» «Гм! Гм! у» произноситъ Лувуа... Говоря «разумъ», король всегда при этомъ подразумеваетъ г-жу де Ментэнонь, что, конечно, не очень-то лестно относительно совѣтниковъ монарха, но они уже привыкли къ этому. Теперь Людовикъ обращается къ маркизѣ... Когда онъ заговорилъ съ ней — она подняла голову нѣсколько удивленно, какъ будто до этой минуты ее исключительно занимала одна только вышивка, а до преній ей и дѣла не было... Прекрасная рука ея небрежно опускается на платье... Франциска, повидимому, равнодушно слушаетъ его величество.

— И такъ, какгоо вы мнѣнія? почтительнымъ тономъ спрашиваетъ король въ заключеніе.

— Повелите вооружить флотилію, государь, отвѣчаетъ маркиза короткимъ голосомъ и прибавляетъ:

— Я-бы сдѣлала такъ, если-бы могла приказывать, какъ вы...

Проговоривъ эти слова, Ментэнонь тотчасъ снова опускаетъ голову и принимается за вышивку.

Король подписываетъ бумагу, за нимъ министры подписываютъ свои имена, а Лувуа чуть не скрежещетъ зубами отъ ярости... Но дѣло сдѣлано: флотилія вооружается, Якову будетъ оказана помощь — потому, что такъ рѣшила госпожа де Ментэнонь, такъ изрекъ самъ «разумъ». — Флотилія, конечно, пришла слишкомъ поздно, но Лувуа тѣмъ не менѣе потерпѣлъ поражение, ибо мнѣніе его не было принято королемъ. Онъ утѣшалъ себя тою мыслью, что Яковъ все-таки не могъ воспользоваться помощью Франціи, какъ хотѣла Ментэнонь, — и задумалъ теперь направить короля на несчастный Цфальцъ, и безъ того ужъ страшно пострадавшій при Тюреннѣ.

И такъ, бумага... была подписана, Лувуа скрипѣлъ зубами, а маркиза де Ментэнонь, дочь тюремнаго арестанта въ Niort'ѣ, вдова убогаго Скаррона, бывшая гувернатка съ жалованьемъ въ 1500 ливровъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сложивъ свою работу, встала съ кресла, чтобы удалиться изъ зала совѣта. Король тоже всталъ, чтобы проводить ее. Доведя свою вторую супругу до дверей, онъ поцѣловалъ ея руку и проговорилъ: — «*Madame*, я чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашъ всегда добрый совѣтъ. Сегодня вы, вѣроятно, опять замѣтили, какъ господа министры дивились вашему быстрому, правдивому рѣшенію?...

— Ахъ, государь, вы, право конфузите меня! тихо от-

*) Художникъ, нарисовавшій эту великолѣпную картину, сдѣлалъ маленькую ошибку, а именно: Людовикъ XIV носилъ ленту всегда *подъ* кафтаномъ.

вѣчала Ментэнонъ, дѣлая смиренный поклонъ: — да и смѣюли я думать, что *мнѣ* стануť удивляться?... Вы изволили милостиво обратиться ко мнѣ—и я повиновалась: отвѣтила вамъ. Да, наконецъ, вѣдь ужъ можно научиться думать немножко, когда имѣешь счастье ежедневно бесѣдовать съ величайшимъ королемъ въ мѣрѣ!»...

«Старуха-то эта отъ всей души желаетъ, чтобы этотъ проклятый бракъ былъ объявленъ, но король ни за что не соглашается на это», такъ пишетъ герцогиня Орлеанская, употребляя и въ письмѣ свою обычную грубую манеру выражаться. Герцогиня не ошибалась: дѣйствительно, Ментэнонъ, сдѣлавшись тайной королевой, пожелала быть и явной. Дю Мэнъ и Боссюэтъ лѣзли изъ кожи, чтобы устроить это дѣло; король уже колебался, но на этотъ разъ побѣда осталась на сторонѣ Лувуа.... Нужно-же было ему отомстить г-жѣ Ментэнонъ за всѣ понесенныя имъ пораженія! Онъ отправился къ королю вмѣстѣ съ архіепископомъ Гарлей и, бросившись къ ногамъ Людовика, умолялъ его не объявлять о второмъ бракѣ. Король выслалъ вонъ всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ, но выгнанные спрятались такимъ образомъ, что могли не только все видѣть (благодаря большому зеркалу, вѣсѣвшему противъ дверей), но и прекрасно все слышать... Тутъ только придворные навѣрняка узнали, что г-жа де Ментэнонъ была дѣйствительно законной женой Людовика XIV.

Король крѣпко разсердился на Лувуа, но министр не оробѣлъ — даже тогда, когда Людовикъ отпихнулъ его, чтобы пройти къ двери. Маркизь обнажилъ свою шпагу и, подавая ее монарху, воскликнулъ:

— «Убейте меня, государь! Лучше мнѣ умереть, чѣмъ дожить до той минуты, когда король мой нарушитъ данное имъ слово! Онъ далъ слово мнѣ или—лучше сказать—самому себѣ!»...

Людовикъ дрогнулъ и отступилъ, но потомъ топнулъ ногой и снова двинулся впередъ... Тутъ Лувуа дерзнулъ ужъ схватить короля за полу кафтана...

— Государь, та женщина не можетъ быть объявлена королевой Франціи, которая принимала милостыню отъ Монтеспанъ!... Нѣтъ, вы не можете сдѣлать этого!...

Произнося такія слова, Лувуа сильно рисковалъ.... Тутъ риска была больше чѣмъ на пороховой мѣлѣ, только-что по-

доженной, по которой смѣльчакъ рѣшался-бы медленно пройти... Но министръ рискнулъ и—выигралъ. Да, король былъ истый дворянинъ: онъ сдержалъ свое слово и даже *снова* общалъ Лувуа сохранивъ въ тайнѣ свой второй бракъ. Маркизь торжествовалъ, а «маркиза» (не прошло и часу послѣ этой сцены) знала уже все до мельчайшихъ подробностей, что произошло между королемъ и его министромъ. И такъ, всѣ ея старанія не привели ни къ чему, «завѣтное желаніе никогда уже не осуществится»... Но Франциска Ментэнонъ сумѣла таки опять отомстить своему врагу: ей удалось такъ сильно посорить короля съ Лувуа, что Людовикъ, забывшись, чуть не треснулъ министра лопаткой, съ которой ссыпають уголья въ каминъ.

16-го юля 1687 г. маркиза освободилась отъ непримиримаго своего врага: Лувуа скоростижно умеръ отъ апоплексического удара... Странная молва ходила тогда въ городѣ.. Сень-Симонъ увѣряетъ, что при вскрытіи Маршалемъ трупа министра—въ желудкѣ покойнаго былъ найденъ ядъ. Лувуа, будучи полнокровнымъ, пилъ очень много воды, а потому въ комнатѣ его постоянно стоялъ графинъ съ водой. Незадолго до его внезапной смерти въ комнаты этой былъ полотерь.... Полотера арестовали, но онъ, пробывъ въ тюрьмѣ всего четыре дня, былъ освобожденъ именнымъ повелѣніемъ короля, а затѣмъ было приказано: сжечь всѣ бумаги, касающіяся предварительнаго слѣдствія по этому дѣлу, и самый процессъ прекратить.

«Я не знаю, правда-ли то (пишетъ герцогиня Орлеанская), что Ментэнонъ велѣла отравить Лувуа, но что онъ былъ отравленъ—это вѣрно, и будто-бы отравилъ его самъ докторъ. Умирая, Лувуа сказалъ: «Je meurs empoisonné, je l'ai bien mérité, pour avoir empoisonné mon maître»... (Я умираю отравленнымъ; я заслужилъ это, ибо самъ отравилъ моего господина). Если она (Ментэнонъ) отравила Лувуа, то сдѣлала это потому, что онъ сталъ дѣйствовать на перекоръ ей и все старался образумить короля, который имѣлъ слабость пересказывать старухѣ своей каждое слово... Этимъ и объясняется все дѣло. Лувуа — это былъ злой демонъ, который ни Бога, ни дьявола не боялся, но нужно отдать ему справедливость: королю своему онъ хорошо служилъ».

КРЫЛАТЫЙ РЫБАКЪ.

Осень. Денежъ выдался теплый. Въ камышахъ удивительно тихо.... Ни малѣйшаго вѣтерка, и тростниковый лѣсъ стоитъ какъ заколдованный; даже трава не шелочнется.... Если такой осенній день кромѣ того довольно ясенъ, то наблюдатель, одаренный хорошимъ зрѣніемъ, издали можетъ рассмотреть маленькую компанію цапель, разсыпавшихся въ камышахъ съ цѣлю добыть себѣ пищу. Но если онъ пожелаетъ приблизиться къ нимъ, то цапли, слышавъ шумъ, тотчасъ же оставляютъ свою охоту, вытравиваютъ шею нѣсколько въ бокъ, прислушиваются и высматриваютъ. Въ такомъ положеніи онѣ стоятъ до того неподвижно, что человекъ неопытный легко можетъ принять ихъ за торчащіе древесные пни. Сѣрая цапля — птица чрезвычайно робкая; она, кажется, только и думаетъ о своей безопасности. Стоя неподвижно, чтобы не быть замѣченной, она въ то-же время зорко слѣдитъ за всѣмъ, и до тѣхъ поръ не шевелится, пока опасность не минуетъ или не заставитъ ее искать спасенія. Уже въ этомъ видны основныя черты характера сѣрой цапли: робость и подозрительность. Она всегда спасается заблаговременно; хотя бѣда еще далеко и опасаться собственно нечего—цапля тѣмъ не менѣе дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ, тяжело взмахиваетъ крыльями и, неуклюже описывая въ воздухѣ небольшую дугу, устремляется вверхъ все выше и выше. Чтобы перелетѣть съ одного мѣста на другое, на

разстояніе даже нѣсколькихъ шаговъ, эта хитрая, осторожная птица нарочно высоко взлетаетъ, желая обмануть этимъ наблюдателя. Испуганныя цапли, перелетѣвъ куда нибудь подалеже, уже ни за что, въ продолженіи цѣлаго дня, не вернутся на покинутое мѣсто, еслибы даже оно имъ и очень нравилось, а особенно въ томъ случаѣ, если онѣ были науганы ружейными выстрѣлами: Этотъ трескъ для нихъ хуже раскатовъ грома! Нервы ихъ положительно не выносятъ стрѣльбы.... Выбравъ себѣ мѣстечко гдѣ нибудь на возвышенности и вооружившись зрительной трубкой, можно довольно хорошо наблюдать нравы и обычаи этой птицы. Когда заря уже занялась, утро наступило, цапля начинаетъ особенно энергически проявлять свою дѣятельность, главная цѣль которой пріобрѣтеніе пищи. Послѣ, напримѣръ, разлива рѣкъ, въ ямахъ болотистой мѣстности остается вода, и вотъ тутъ-то «крылатый рыбакъ» весьма быстро открываетъ рѣчныхъ обитателей и бьетъ ихъ направо. Чрезвычайно странную фигуру представляетъ эта некрасивая птица, когда стоитъ насторожѣ. На длинныхъ ногахъ, похожихъ на ходули, покоится тѣло ея, а вытянутая шея закидывается назадъ, причѣмъ голова, съ длиннымъ острымъ клювомъ, или опускается, или горизонтальна. Въ такой позѣ стоитъ цапля, повидимому погруженная въ самыя невнятные размышленія и наслаждающаяся полнѣйшимъ покоемъ; но это только такъ кажется..

На самомъ дѣлѣ, въ сердцѣ ея таятся самыя хищническія намѣренія: она страстно желаетъ добычи и только ждетъ благоприятной минуты, чтобы обнаружить самыя недвусмысленнымъ образомъ настоящій свой нравъ. Другія хищныя животныя, не смотря даже на извѣстную степень самообладанія, выходя на разбой и выжидая добычи, не могутъ скрыть душевнаго своего настроенія: вся фигура ихъ обнаруживаетъ напряженность, мускулы подергиваются, глаза горятъ.... Ничего такого вы не замѣтите въ сѣрой цаплѣ, вышедшей на охоту; развѣ только посмотрите на ея золотисто-желтые глаза, которые хотя и спокойны, но зорко поглядываютъ на воду, что даже какъ-то и не идетъ къ такой флегматической фигурѣ. Однако, крылатый нашъ рыбакъ чрезвычайно довокъ: онъ отлично владѣетъ своей шеей, закинутой на спину. Клювъ его съ быстротою бьетъ въ цѣль, причѣмъ нерѣдко не только голова, но и часть шеи погружается въ воду. Такъ какъ при такомъ ударѣ нарушается равновѣсіе тѣла, то цапля сейчасъ же начинаетъ махать крыльями, что единственно и помогаетъ ей удержаться на ногахъ. Но случается (конечно, въ увлеченіи) что она такъ сильно и глубоко занустируетъ свое оружіе въ воду, что ужъ и крылья тутъ помочь не могутъ—тогда цапля кувырывается и летитъ вверхъ ногами. Чтобы подняться, ей приходится въ такомъ случаѣ сильно ударять крыльями по водѣ.... Брызги летятъ

во всѣ стороны, и, послѣ нѣкоторыхъ уси-
лій, крылатый рыбакъ взлетаетъ. Довольно
забавное выходитъ зрѣлище!... Цапли не
только подкарауливаютъ добычу, но и сама
подкрадывается къ ней, а иногда даже за-
ставляетъ свою жертву выйти изъ убѣжи-
ща. Длинные пальцы этой птицы позволяютъ
ей смѣло ходить по болотистой поверхности;
идя по трясинѣ, она никогда не провалится;
поэтому ее скорѣе можно встрѣтить на бе-
регахъ рѣчекъ, ручейковъ, небольшихъ пру-
довъ, вообще тамъ, гдѣ вода мелка. Охотясь
за рыбой, цапля бьетъ клювомъ въ то мѣсто
въ водѣ, гдѣ рыба, по расчету времени,
должна быть въ слѣдующее мгновение; иначе,
конечно, ей, цаплѣ, пришлось-бы прома-
хнуться, не смотря на необыкновенную бы-
строту удара. Такъ точно цѣлятся и охот-

подкидываетъ ее, видимо стараясь дать ей над-
лежащее направленіе, пока, наконецъ, не
добьется своего. Рассказываютъ, что нахо-
дили шукъ еще большихъ размѣровъ съ яв-
ными слѣдами ударовъ клюва цапли — истре-
панныхъ, разорванныхъ, что можетъ слу-
жить доказательствомъ, что страсть къ хищ-
ничеству у этой птицы сильно развита: не
думая о томъ, въ состояніи-ли она глотнуть
большую рыбу, цапля все-таки бьетъ ее и,
поймавъ, начинаетъ подбрасывать. Все, что
только шевелится, движется около нея —
рыба, ящерица, черви, насекомыя, мышь,
даже маленькія птички — пробуждаетъ сей-
часъ-же въ ней самыя хищническія инстинк-
ты. Какую бы охоту цапля не предприняла —
на первомъ планѣ у нея всегда лукавство.
Эта особенность ея характера констатир-

ли стараются всегда нанести ударъ опас-
нымъ своимъ клювомъ прямо въ физиономію
противника и преимущественно — въ глаза....
Горе тогда атакующему ее! Рѣдко-рѣдко
дастъ она промахъ. — Сѣрия цапли живутъ
между собою дружно. Охотясь, напримѣръ,
гдѣнибудь сообща, онѣ не завидуютъ другъ
другу въ удачѣ, не спорятъ изъ-за мѣста и
никогда одна у другой не вырветъ лакомага
куска. Однако, бывають и между ними пое-
динки, что случается, впрочемъ, только со
старыми цаплями. Битва обыкновенно начи-
няется надъ землей, во время полета. Сра-
жаются клювами: бьются до тѣхъ поръ, по-
ка совершенно истомятся и тогда опускаютъ-
ся на землю, что бы отдохнуть. При та-
кихъ поединкахъ другія цапли остаются
хладнокровными зрителями; онѣ вполне бе-

Крылатый рыбакъ. Съ картины Зигвальда Дала. Грав. О. Ротъ.

ники за пернатой дичью, желая подстрѣлить
на лету какую нибудь птичку. Такой раз-
счетъ при направленіи удара вообще въ ходу
въ царствѣ животныхъ. Опытная кошка, на-
примѣръ, преслѣдуя птицу и видя, что та
намѣревается вспорхнуть, рассчитываетъ
свой прыжокъ такъ, чтобы ударить когтями
ее не тамъ, гдѣ она сидитъ, а тамъ, гдѣ
птица будетъ въ слѣдующее мгновение. —
Цапли обыкновенно охотятся на мелкую ры-
бу — такъ, величиною въ палецъ или нистъ
руки. Вытащивъ рыбку изъ воды, крылатый
рыболовъ тотчасъ же подбрасываетъ ее клю-
вомъ, причемъ наровитъ подбросить такъ,
чтобы голова жертвы была обращена прямо
къ нему, потому что иначе ему неудобно
проглотить ее. Случалось, что цапля, пой-
мавъ шукъ въсомъ въ четверть фунта, долго

удивительно какъ рѣзко обнаруживается во
всей ея фигурѣ. Умѣя отлично обмануть,
ловко притвориться, она всегда достигаетъ
цѣли по «кривой дорожкѣ».... Птицы, вы-
сиживающія своихъ птенцовъ по берегамъ
рѣкъ, ручьевъ, около озеръ и прудовъ, не-
рѣдко погибають отъ остраго клюва крыла-
таго рыболова.

Достается отъ него даже и беласамъ.
Цапля, путешествуя по лугамъ, похищаетъ
не только яйца, но и самихъ птенцовъ. Она
не знаетъ неудачи, потому что обладаетъ
легкою поспушью, зоркостью недремлящаго
ока и рѣшимостью при нападеніи. Коварство
свое она обнаруживаетъ также при само-
оборонѣ, къ которой прибѣгаетъ однако въ
крайнихъ случаяхъ, когда уже необходи-
мость заставить ее защищаться. Тутъ цап-

зучастно относятся къ дракѣ «своихъ»...
Пусть, молъ, дерутся! Зачѣмъ мѣшать?...
Но вообще живутъ онѣ миролюбиво. Цапли,
большой компаньей (штукъ до ста), отпра-
вляются на опушку лѣса для высидыванья.
Иногда избранное ими мѣсто довольно дале-
ко отстоитъ отъ болотъ; но уже если разъ
оно ими избрано, то онѣ, не смотря на го-
ненія, ежегодно посѣщаютъ его. На крѣп-
кихъ вѣтвяхъ дерева, именно у развѣтвлен-
ній, вьютъ эти птицы свои безыскусствен-
ныя гнѣзда на довольно близкомъ разсто-
яніи одно отъ другаго. Гнѣзда ежегодно по-
правляются. Такія резиденціи цапель являютъ-
ся въ далеко-непривлекательномъ видѣ: не-
чистота, неопрятность тутъ ва первомъ пла-
нѣ, такъ что вся ихъ прожорливость сразу
бросается въ глаза. Юныя цапли съ удиви-

тильной жадностью проглатывают пищу, в изобилии доставляемую им родителями; в попытках, горюясь, они роняют рыбу из гнѣзда, которая в послѣдствіи загнивает и вмѣстѣ съ экскрементами ихъ, похожими на куски извести, заражаетъ окружающій воздухъ. Престранная картина представляется глазамъ наблюдателя, когда итенцы, послѣ четырехнедѣльнаго пребыванія въ гнѣздѣ, выходятъ на свѣтъ Божій и становятся рядышкомъ со взрослыми. На тонкихъ высокихъ ногахъ почти отвѣсно покоится тѣло,

а шея совершенно лежитъ на спинѣ, клювъ же плотно прилегаетъ къ передней части шеи. Нѣкоторые цапли стоятъ на одной ногѣ, подобравъ другую. Вся эта компанія не издаетъ ни малѣйшаго звука, но если какая нибудь опасность начинаетъ угрожать, то взрослыя, въ видахъ предостереженія, выкрикиваетъ «ка-а». Звукъ этотъ походитъ на визгъ пилы; на другой либо манерь онѣ не умѣютъ кричать... Въ этомъ «ка-а» заключаются всѣ вокально-музыкальныя способности сѣрой цапли. Когда молодые «крыла-

тые рыбаки» настолько окрѣпнутъ, что уже въ состояніи летать, то вмѣстѣ со «старшими» отправляются на обычную свою ловлю. Очевидцы говорятъ, что молодая цапля не легко съ разу выучивается какъ слѣдуетъ ловить и глотать рыбу; на первыхъ порахъ она часто дѣлаетъ промахи—и только уже послѣ долгихъ упражненій въ клеваньи и подбрасываньи своей жертвы становится настоящимъ ловкимъ рыболовомъ.

Латинское названіе этой птицы — *Ardea cinerea*.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XX.

Кореспондентъ NEW-YORK'S HERALD.

Одиноко, уныло, непривѣтливо торчали круглыя башенки вновь построеннаго форта. Окруженное бархонами мертваго, сыпучаго песку, Хала-ата казалось какииъ-то забытымъ могильнымъ памятникомъ.

Горсть людей, оставленная въ этомъ фортѣ, уныло смотрѣла на-степь съ высоты стѣнокъ, въ ту безконечную даль, гдѣ скрылись уже послѣдніе остатки хвоста ушедшей колонны.

Тихо, печально было въ укрѣпленіи; ни пѣсень, ни говора... лица у всѣхъ были пасмурныя, грустныя... Самая злая тоска, самая жгучая досада и жалоба на слѣпой жребій—такъ и сквозили въ выраженіяхъ этихъ смуглыхъ, загорѣлыхъ физиономій, на которыхъ не отражались до сихъ поръ никакія чисто-физическія лишенія, но зато съ большей силою отразилось лишеніе нравственное—«оставаться» когда другіе «ушли».

А куда ушли гѣ? очень можетъ быть, что въ тѣхъ самыхъ пескахъ, что тянутся на юго-западъ,—въ этомъ страшномъ урочищѣ, заклеяннымъ грознымъ именемъ Адамъ-Крыганъ, всѣ ушедшіе найдутъ себѣ могилу; можетъ быть цѣлый рядъ мучительнѣйшихъ лишеній и страданій будетъ предшествовать этой могилѣ...

Все можетъ быть.

Однако тѣ, что ушли—были веселы, бодры, отважно глядѣли впередъ; кипучая жизнь и энергія сверкала у нихъ въ вѣ глазахъ...

Тѣ, что остались, — считали себя точно заживо погребенными.

Слѣды громаднаго лагеря, еще не занесенные пескомъ, еще болѣе усиливали эту тоску одиночества...

Вонъ—виднѣются утопанные четверугольники, гдѣ стояли палатки; вонъ, длинною полоскою видны остатки корма, смѣшанные съ навозомъ,—это бывшія коновязи... Вонъ колесныя борозды,—тамъ прошли орудія... Въ лощинахъ чернѣютъ обвалившіяся, закопченныя печи, гдѣ варилась неприхотливая солдатская пища... Ключья войлоковъ и соломенныхъ роговъ, обрывки веревокъ, доскутки бумаги и цвѣтныхъ тряпокъ, пестрилы песокъ... Словно алмазы сверкали на солнцѣ осколки битой посуды... Два-три туземца-оборвыша, словно шакалы, бродили по всему этому пространству, нагибались,—подбирали то, что имъ было нужно, оглядывались на фортъ, словно воры, и снова принимались за поиски...

Десятка два верблюдовъ, оставленныхъ за слабостью, виднѣлись на бархонахъ, гдѣ они тщетно отыскивали себѣ на прокормъ—хотя какую-нибудь сухую былинку... Все давно было вытравлено въ окрестностяхъ форта и искать-то нечего; подалеже отойти-бы, да страшно:—станъ волковъ, такихъ же голодныхъ, остервенѣлыхъ, бродягъ тамъ, привлеченные, запахомъ отъ разлагающихся труповъ, верблюжьихъ и конскихъ, валяющихся за бархонами... А этихъ жертвъ го-

лода и чрезмѣрныхъ усилій набралось не мало—и окружили они фортъ «Хала-ата» своею зловонною, заражающею воздухъ цѣпью...

Вотъ уже третій день какъ ушли бѣлыя рубахи, третій день какъ улеглись столбы пыли, долго виднѣвшіеся на горизонтѣ... Вѣстей нѣтъ,—ни оттуда ни отсюда... скука,—тоска!

А дни-то тянутся какіе длинные — изъ одного пожалуй цѣлую недѣлю выкроить можно!

Кончится день—темнота охватитъ окрестность, загорятся огни въ фортѣ; спать бы теперь, коротать во свѣ тихоползущее время,—а сна нѣтъ... тоска жлохнетъ сердце и гонитъ этотъ спасительный сонъ прочь; и также какъ и днемъ—бродягъ по стѣнкамъ молчаливыя тѣни...

Мяса нѣтъ; давно уже послѣднее вышло... сухарей довольно-бы, да больно они выглядываютъ неаппетитно... Да все бы это еще полгоря, все бы «наплевать», еслибъ только скорѣе прислали спасительную смѣну, скорѣе бы услышать приказъ-благовѣсть: «Выступать вслѣдъ за отрядомъ».

— Эка темъ! произнесъ часовой, сойдясь носъ съ носомъ съ товарищемъ своимъ, другимъ часовымъ, какъ разъ на углу, у орудія.

— Темъ! согласился товарищъ.

Оба повернулись спинами другъ къ другу и опять разошлись по стѣнкамъ...

— Чу-кось! братъ,—слышишь? снова, при встрѣчѣ, произнесъ первый.

— Поглядывай!... произнесъ второй.

Теперь они уже не расходились, а остановились на мѣстѣ, замолчали и стали прислушиваться; одинъ даже присѣлъ, чтобы на свѣтъ виднѣе было.

— Топочеть, тихо шепнулъ одинъ.

— Три коня бѣгутъ—сюда подходятъ... Кто бы это?... Вишь ты съ какой стороны подѣзжаютъ...

— Бродяги, чай...

— Нѣтъ, прямо на фортъ прутъ; надо быть почта, аль курьеръ какой...

— Гляди!

Недалекѣ обрисовались три темныя силуэта: два повыше, одинъ ниже;—два повыше—это были всадники,—пониже—лошадь, навьюченная чѣмъ-то. За плечами у всадниковъ торчали концы карабиновъ.

Костюма въ темнотѣ разсмотрѣть не было никакой возможности.

— Кто идетъ? раздался громкій окликъ съ верхушки сторожевой башенки.

— Кто идетъ? послышалось со стѣнъ.

На стѣнахъ, кромѣ часовыхъ, появились силуэты любопытныхъ, поднятыхъ на ноги этими окликами.

Всадники остановились шагахъ въ двадцати.

Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, другой оставался на сѣдлѣ.

— Ми свой... наши; ми — хорошій человекъ.... тохта!

(постой), ни стрѣляй пожалуста... торопливо заговорил слѣзшій съ лошади.

— Nous sommes vos amis... He bien! Ou est-monsieur le chef du camp?... произнесъ громко и отчетливо—сидящій на конѣ. — Шарипъ, обратился онъ къ своему спутнику, уже по русски,—огонь, чай... бутылка и коверъ...

Отдавъ эти приказанія, всадникъ неторопливо слѣзъ съ лошади, порасправилъ ноги, присѣлъ на песокъ—и аккуратно, не спѣша, разжѣвивъ всякое движеніе, вытащилъ изъ сумки сигару и ножичекъ, обрѣзалъ кончикъ, зажегъ спичку, ярко вспыхнувшую во мракѣ и на мгновеніе освѣтившую конецъ носа, рыжеватые усы и короткую подстриженную прямоугольникомъ бороду, и принялся курить, распространяя въ ночномъ воздухѣ ароматическій запахъ дорогой гаванны.

— Что за шута такого принесло—диковина! озадачились было солдаты.—Что это онъ пробормоталъ такое,—по нѣмецкому знать!..

— Ты Васька не цонялъ?

— Ну-те къ лѣшему!... Шелдыханъ-балдаганъ, поди самъ разбери!...покачалъ головою Васька.—Одначе, ребята, подь кто доложь полковнику, въ самъ-дѣлѣ...

Но докладывать не было никакой надобности:—нѣсколько офицеровъ подходили уже къ толпѣ, собравшейся около прїѣзжихъ.

— Что тамъ такое? раздался голосъ полковника. Солдаты раступились и почтительно дали дорогу.

Черезъ полчаса, въ одной изъ офицерскихъ палатокъ, просторнѣе прочихъ,—при яркомъ освѣщеніи костра, разложеннаго у входа,—прїѣзжій сидѣлъ уже на коврѣ, съ стаканомъ чая въ рукахъ, рассказывая о своихъ походахъ,—смѣясь и весело болтая съ собравшимися вокругъ него офицерами.

Разговоръ шелъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.— По русски-же прїѣзжій зналъ только тѣ слова, которыя произнесъ, отдавая приказаніе своему слугѣ—джигиту—киргизу изъ «Перовска»; кромѣ этого онъ зналъ еще: «сколько верста,—кушать,—буди-рано»—и только недавно обогатилъ свои познанія русскаго языка словомъ—«ухъ-жарко!».. Далѣе этихъ словъ познанія его не простирались.

Одѣтъ онъ былъ весь въ свѣтло-сѣромъ; фуражка у него была американскаго покроя съ широкимъ назатыльникомъ,—высокіе сапоги съ толстыми подошвами, стянутые ремнями выше колѣна, дополняли его костюмъ; за плечами—на перевязи висѣлъ короткій карабинъ, стрѣляющій чуть не сорокъ разъ въ минуту,—пара револьверовъ у пояса, сумочка черезъ другое плечо, футляръ съ биноклемъ и записная книжка, тоже на ремешкѣ и въ футлярѣ.

Его приземистая, широкоплечая фигура показывала необыкновенную ловкость, выносливость и силу; умные темно-сѣрые глаза смотрѣли покойно и весело, стрижка усовъ и бороды обличала въ немъ кровнаго янки.

— Мистеръ Генри Блэкъ.. корреспондентъ—New-York's-Herald.. отрекомендовался онъ на вопросъ полковника, начальника хала-атинскаго форта...

Онъ рассказывалъ, какъ онъ одинъ, съ своимъ киргизомъ, проѣхалъ болѣе тысячи верстъ степью, руководясь только картою и компасомъ, не довѣряясь особенно знанію дороги своего проводника; какъ онъ прибылъ, наконецъ, на Хала-ата, рассчитывая здѣсь найти всѣ русскія войска и ихъ начальника; что онъ очень жалѣетъ, что отрядъ этотъ уже ушелъ,—но это не бѣда;—онъ увѣренъ, что скоро нагонитъ его на пути—и завтра же чуть свѣтъ выѣдетъ въ дорогу, опять тѣмъ же способомъ, какъ и сюда прїѣхалъ.

— Ну нѣтъ, братъ, отсюда-то мы тебя не выпустимъ, какъ бы про себя, однако вслухъ, произнесъ полковникъ по русски.—Кто его знаетъ—что ты за гусь, еще отвѣчать за тебя прїдется...

— A la votre!... прїятно улынулся полковнику м-ръ Генри Блэкъ, словно въ отвѣтъ на его замѣчаніе... и залпомъ выпилъ рому изъ походнаго серебрянаго стаканчика...

Сообщили прїѣзжему—насколько только можно было смяг-

чить и усладить—рѣшеніе начальника форта задержать корреспондента New York's Herald'a въ фортѣ, пока не напишутъ въ отрядъ къ главнокомандующему и не получатъ отъ него отвѣта, сообразно съ которымъ и поступить; а пока, молъ, просить уважаемаго гостя принять радушно гостепрїимство въ укрѣпленіи, предлагая къ его услугамъ все, что имѣютъ сами—относительно комфорта и прочаго...

М-ръ Генри Блэкъ слегка озадачился, выслушавъ это заявленіе, сначала было немного нахмурился, но скоро оправился, развеселился по прежнему—и пошелъ рассказывать различные эпизоды изъ своего труднаго и обильнаго приключеніями путешествія...

Время было однако спать—американецъ наотрѣзъ отказался отъ палатки и складной кровати, говоря, что привыкъ уже къ своему коврику,—переговорилъ съ своимъ джигитомъ,—легъ въ растяжку, закурилъ на сонъ грядущій сигару, отмѣтилъ, что слѣдуетъ въ записной книжкѣ,—и крѣпко заснулъ, оглашая тишину ночи здоровымъ, басовымъ храпомъ.

Къ утру корреспондента New York's Herald—въ укрѣпленіи не оказалось. Онъ уѣхалъ еще за часъ до разсвѣта, въ ту сторону—куда ушелъ отрядъ, оставивъ начальнику форта короткую, но весьма любезную записку, гдѣ говорилъ, что очень благодаритъ за вниманіе и гостепрїимство, оказанное ему въ фортѣ,—и надѣется, если не скоро, то навѣрное въ Хивѣ увидѣться снова съ своими хала-атинскими друзьями.

— Да это просто дьяволъ! рѣшилъ полковникъ, прочитавъ записку...

— А молодець!.. замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ...

— Свободенъ какъ птица—счастливецъ! вздохнулъ другой.

— Вотъ перехватятъ его въ дорогѣ, да на-коль посадятъ, а то пожалуй еще чего бы хуже не было!.. мрачно замѣтилъ третій.

Но полковникъ возразилъ на это, что хуже того какъ посадятъ на коль—уже не можетъ быть положенія.

Такъ и согласились всѣ на этомъ, поговорили еще немного и предались своимъ обыденнымъ занятіямъ: скучать, хандрить, поглядывать вдаль и поджидать спасительной смѣны.

ГЛАВА XXII.

«Бѣлая рубаха»

Вотъ уже не одинъ день какъ идутъ «бѣлыя рубахи» сълучными песками.

Впередъ идетъ авангардъ: казаки и пѣхоты немного... Идутъ они бодро, особой устали почти незамѣтно... Только ближе присмотрѣться надо къ этимъ исхудалымъ лицамъ, къ этимъ конямъ, у которыхъ давно уже сквозятъ ребра и бока подвело отъ недостатка питья и корма.. За авангардомъ тянутся остальные массы... Пыль тучами носится надъ ними.

Не слышно—ни конскаго топота, ни пѣшаго шага, ни колеснаго грохота орудій;—мягкій песокъ заглушаетъ эти звуки,—и только тяжелое дыханье, да усталый храпъ измученныхъ лошадей слышатся въ этихъ пыльныхъ тучахъ.

Росту солдатъ небольшого, сложенъ кремнемъ, идетъ твердо, холя подъ ногами и мягко,—спину согнулъ немного;—вѣдъ на этой спицѣ—и мѣшокъ съ пожитками, и сухари на трое сутокъ, и сапоги запасные, и шинель свернутая, всего безъ малаго полтора пуда, да еще у пояса сумки съ патронами,—берданка въ рукахъ.. А палатки переносныя, а бутылки съ водою, зашитыя въ кошму?.. Все ничего! спина привыкла уже давно къ этому вьюку, словно верблюдъ къ своему сѣдлу.. Сколько уже тысячъ верстъ отмѣрили «бѣлыя рубахи» подъ этимъ вьюкомъ—и не считаютъ они уже этихъ верстъ:—сколько сзади осталось, сколько еще предстоитъ впереди...

Ночь не доспитъ—ничего: ѣсть почти нечего—не бѣда: питья нѣту—это скверно, однако обойдутся..

Выбьется изъ силъ солдатъ—умретъ безъ ропота;—по-

хоронягъ его другіе, дальше пойдутъ... И ни изъ одной груди не вырвется-упрека, не вырвется раскаянія—не прозвучитъ тоскливая жалоба..

Вотъ казачья сила—та другое дѣло: ее къ своему очагу да семьѣ, къ станицѣ такъ и тянеть.

Скажи казаку:—а домой хочешь?.. чѣмъ тебѣ въ походѣ идти,—оставайся, братъ, дома..

Такъ и просіяетъ казакъ, такъ и расплзется по его лицу широкая улыбка.. Затронится сборами такъ, что горитъ все у него въ рукахъ..

Скажи это «бѣлой рубахѣ», скажи ей: «Тебѣ оставаться!», — бродитъ бѣдный солдатъ послѣ такого приговора какъ въ воду опущенный;—не ѣсть, не пьеть, тоскуетъ—и съ самою жгучею завистью поглядываетъ на тѣхъ счастливыхъ, что въ далекой походѣ собираются..

Такова-то «бѣлая рубаха!»

ГЛАВА XXIII.

Слѣды.

Небольшая степная шайка, въ двадцать коней и десять всадниковъ, такъ какъ каждый былъ о дву-ковъ, прорвалась между форгомъ Хала-ата и русскими войсками, и шла теперь по ихъ слѣду.

Это не были опасные соперники,—это были просто волки, трусливые, готовые уступить тотчасъ же свою дорогу передъ малѣйшею для нихъ опасностью.

Они шли по слѣдамъ, рассчитывая, что на ихъ долю выпадетъ какая нибудь случайная добыча:—верблюдъ ли пристанетъ или упадетъ отъ изнеможенія, — вьюкъ ли какой нибудь бросятъ, потеряютъ-ли что нибудь; а можетъ и заѣзывается отсталый черкѣкъ и дастъ накинуть себѣ на шею веревочную петлю аркана.

Шайка шла вразбродъ, рысцою, не сѣмша очень, чтобы не догнать колонны, однако и не медля, чтобы ея сзади самоѣ не догнали..

Разбойники зорко глядѣли впередъ, глядѣли по сторонамъ, а чаще всего назадъ оглядывались.

Широкою полосою видѣлись передъ ними слѣды прошедшихъ войскъ... Степные вѣтры не задули, не закрыли пескомъ эти страшные слѣды; и передъ глазами барантачей развертывалась усающаяся картина человѣческихъ страданій и выносливости.

Темными, зловонными массами видѣлись на красноватомъ пескѣ—трупы павшихъ верблюдовъ... Тамъ и сямъ видѣлись и конскія тѣла... Попадались лошади, которыя еще держались на ногахъ, — но уже стояли совершенно неподвижно, готовые съ минуты на минуту рухнуть на горячій песокъ, съ тѣмъ чтобы уже больше никогда не подниматься... Глаза такого несчастнаго животнаго потеряли уже свой живой блескъ, они глядѣли мутно куда-то въ пространство. Лошади эти даже головы не поворачивали, ухомъ не шевелили, когда подѣзжалъ къ нимъ барантачъ, рассчитывая поживиться брошеннымъ... И часто одно первое понуканіе разбойника вело за собою паденіе животнаго на землю...

Попадались разбойникамъ и слѣды какихъ-то странныхъ костровъ; громадными черными пятнами видѣлись они еще издалека, — и вѣтеръ разносилъ по степи пепель и обуглившіеся комья..

Видно было, что не для тепла, не для варки пищи раскладывались эти громадные огни..

Случалось, что еще не успѣвало дотлѣть горѣвшее, и въ

этомъ пожарницѣ видѣлись клочья обгорѣлыхъ войлоковъ, — обрывки веревочъ, исковерканныя, раскаленные желѣзные части..

Это «бѣлая рубаха» жгли за собою безъ разбора все то, что не могли уже поднять оставшіеся въ живыхъ верблюды, — все то, что должно было быть брошено.

Имъ сказали, что каждая мелочь, каждый пустякъ, попавшійся въ руки непріятеля, будетъ считаться «трофеемъ», а бѣлая рубаха никогда во вражескихъ рукахъ трофеевъ не оставляютъ.

— Ишь, дьяволы, собаки! проворчалъ одинъ изъ разбойниковъ,—все пожгли—чтобъ намъ не осталось... и швырнулъ на песокъ только-что поднятый лоскутъ, за его окончателъною негодностью.

— Сколько верблюдовъ пало—Аллахъ, Аллахъ! замѣтилъ другой.—Вчера я заѣзжалъ состороны, поднялся на бугоръ и видѣлъ, какъ шли ихъ караваны.. Сколько ихъ!..

— Да, подѣхалъ къ нимъ третій.— На три часа пути въ длину — вся дорога покрыта была ими... Если половина ихъ дойдетъ только до Аму-дарьи—и то на ста каикахъ не перевезутъ ихъ на ту сторону.

— Не дойдутъ они до воды!.. задумчиво произнесъ старикъ въ рваномъ халатѣ, въ большой косматой шапкѣ, — нельзя дойти.. въ колодцахъ воды на сто животовъ, а ихъ тысячи... Гдѣ эти колодцы — они даже не знаютъ..

— Да какже! — не знаютъ! недовѣрчиво покачалъ головою одинъ.— Съ прежнихъ колодцевъ согнали Садыка, — согнали всѣхъ напихъ, — значить знали... У нихъ, я слышалъ, трубы такія есть, что за тысячу верстъ все видно; — у нихъ книги такія есть, что все въ нихъ написано..

— За нами Аллахъ, — за ними шайтанъ! произнесъ старикъ, — Аллахъ сильнѣе шайтана... Увидите, что вотъ мы теперь все верблюдовъ да лошадей палыхъ видимъ, а скоро и люди будутъ встрѣчаться..

— Здѣсь я вижу другіе слѣды, подѣхалъ въ эту минуту тотъ, что шелъ правѣе всѣхъ, стороною.— Вотъ, смотрите, указалъ онъ на песокъ, — эти прошли давно — еще вчера, — а эти только сегодня; тѣхъ много — не перечесть, — этихъ только двѣнадцать ногъ... три коня бѣжали здѣсь... два подѣздами, одинъ такъ, просто въ поводу — вотъ его ноги... Ихъ только двое идутъ—и они не съ тѣми, а одни, — насъ десять..

— Насъ десять, повторили нѣсколько голосовъ.

Бандиты очень хорошо поняли, что хотѣлъ сказать ихъ товарищъ — словами: «насъ десять»,

— Не поймаетъ, замѣтилъ старикъ, — кони у насъ плохіе, а эти на добрыхъ бѣгутъ, — видишь, какъ широко шагаютъ!

— Эхъ, кабы мы ихъ раньше увидѣли!..

— На одного тигра десяти волковъ мало... опять произнесъ старикъ..

— «Вечеромъ узнаютъ каковъ день былъ», отвѣтилъ ему пословицею тотъ, кто первый отыскалъ эти одинокіе слѣды..

— Гонимъ!

И вся шайка сбилась въ кучу и пошла — гораздо быстрѣе..

Волки погнали по слѣду тигровому... Этотъ слѣдъ былъ оставленъ корреспондентомъ »New-York's Herald» и его слугою..

М-ръ Генри Блэкъ и не подозрѣвалъ въ эту минуту, что по немъ открыта безпощадная травля.

(Продолженіе въ слѣд. №).

З и м о й.

«Деревня лѣтомъ — рай, говорить пословица — и ничего не прибавляетъ къ этому опредѣленію относительно зимы, быть можетъ потому, что и прибавить нечего: все будетъ слабо въ сравненіи съ дѣйствительностью.

Зима, вносящая такое оживленіе въ большіе города, въ деревнѣ сопровождается полнымъ засыпаніемъ природы — и сонъ этотъ весьма близокъ къ смерти. Уже въ концѣ осени чувствуется какое-то оскуденіе жизни во всей окрест-

ности. Лѣсъ облетѣлъ и пустынно сквозятъ обнаженные стволы и вѣтви деревьевъ, трава пожолкла и силою усѣяна бурой сухою листвою; не слышно веселаго щелбета лѣтнихъ залетныхъ обитателей его. Лишь

Зимняя погодушка. Картинка съ натуры, Грав. А. Пейне.

изрѣдка звенитъ высоко-высоко на гоныхъ вершинахъ посвистъ синицы, или скрипитъ синигирь въ кустарникѣ, да дятлы какъ-то громче сгали постукивать — это значить, что мелкіе нестрѣе улетѣли на зиму, а на смѣну явились крупнее черныя, величійной съ галку, которые зимуютъ въ нашихъ краяхъ, попадаясь впрочемъ не часто, въ одиночку или парочками. Заяцъ давно вылинялъ и, какъ бы стыдись показываться въ бѣломѣ, прячется до перваго снѣга... И вотъ, показались эти давно ожидаемыя снѣжинки, закружились въ воздухѣ, потемнѣло въ небѣ, чаще и чаще валить снѣгъ, вьются легкіе хлопья, словно неурядливый рой бѣлыхъ бабочекъ — и всюду въ поляхъ, по окраинамъ, въ лѣсу, на улицѣ, на крышахъ избъ примѣтно блѣднѣютъ первоначальныя краски, сливаясь въ общій тонъ, бѣлый какъ бумага и скрывающей перспективу и разогнания... Слово бѣлая простыня разостлана по всей

окрестности... Тамъ и сямъ еще черными пятнами торчатъ изъ нея кусты и деревья по, погодиге: подморозитъ — замшаста инеемъ вѣтви, заледенѣютъ — и все одѣнется сплошнымъ бѣлымъ саваномъ...

Стала зима. Замолкли и послѣдніе звуки въ лѣсу, приглушеніе снѣгомъ. Только вѣтеръ свиститъ по дулламъ деревьевъ, да волки подъ вечеръ заводятъ свою унылую пѣсню...

А люди?.. Забились по избамъ, всѣ работы давно покончены; кто помоложе да посылнѣй изъ мужицъ — разбрелись на отхожіе промысла; остались старій да малій — да бабы... А холодъ все кричаега, дропа на исходѣ — надо вновь принаега — и вога, волей-неволей отираега бабенка въ лѣсѣ подбирать валежникъ да хворостъ и тащить на снѣгъ чуть посылную пошу... Въ деревняхъ и селеніяхъ — жите еще туда-сюда: тутъ и посидѣники устраиваются и свадьбы, и святки подо-

дутъ съ масляницей — на людяхъ и смерть красна, говорятъ. А каково тѣмъ, кто обреченъ коротать зиму-зимушку въ глуши, въ одиночествѣ, какъ напр. лѣсничіе или сторожа на желѣзнодорожныхъ будочкахъ?... Жутко и сиротливо жметса домишко въ чащѣ лѣса, запесло его со всѣхъ сторонъ снѣгомъ, а поднимется мятель — накідаега сугробовъ подъ самыя поды окна и стекла запошитъ; — проснутса люди и не знають: день или почъ; выйдутъ на крылечко, а дальше и дороги нѣтъ, — надо прокладывать заступами да лопатами, расканивая цѣлый корридоръ до погребга или амбара; вечеромъ выйдешъ на погребину, поднимега вьюга, закрутитъ-замутитъ, зги не видать — и заблуживаются люди въ трехъ шагахъ отъ дому, попадая въ противоположную сторону и часто заходя на цѣлыя версты отъ усадебъ...

Да; нерадостно наступленіе зимнаго сезона въ такихъ закоулкахъ!..

СМѢСЬ.

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Бразиліи. Англійскія газеты передають рѣчь, которую говорилъ въ палатѣ патерь *Иоако Манозъ*, депутатъ провинціи Ріо Гранде-де-норте, по случаю дебатовъ о распоряженіяхъ императорскаго правительства противъ епископовъ *Пернамбуко* и *Парры*. Рѣчь эта чрезвычайно интересна тѣмъ, что онъ не только показываега до чего дошло и до чего еще можетъ дойти самовольство этихъ епископовъ, — но кромѣ того еще тѣмъ, что въ ней священникъ вооружается за правду и громко признаега справедливостъ правительства, — мало того, побуждаега его неуклонно идти по раз-избранному пути, не давая себя залугивать никакими угрозами.

«Если вы желаете выслушать мое мнѣніе о спорѣ затѣянномъ епископами, — спорѣ столь же безплодномъ, сколько вредномъ для церкви и религіи, — то я долженъ прежде всего изобразить тѣ грустныя и плачевныя обстоятельства, въ какихъ находится въ настоящее время пернамбукская епархія. Я недавно посѣтилъ эту епархію, и своими собственными глазами видѣлъ печальную картину неурядицъ и анархій, въ какую повергнуты теперь всѣ церковныя дѣла этой провинціи, — и долженъ объявить палатѣ, что если всѣ бразильскіе епископы послѣдуютъ примѣру Дона Витали (чего, надо надѣяться, они не сдѣлаютъ) — то долгъ, честь и патриотизмъ требуютъ, чтобы правительство поудило законодательныя учрежденія имперіи принять энергическія предупредительныя мѣры, если оно хочега помочь тому злу, отъ котораго такъ страдаетъ народъ. Господа депутаты! Въ настоящее время, въ провинціи Пернамбуко положеніе духовенства ужасно. Чтобы подать умирающему послѣднее напутствіе церкви — выкари ходятъ теперь по улицамъ съ покрытыми головами, въ наглую застенутыхъ до самаго подборка рисахъ, безъ всякаго уваженія засунувъ слитые дары въ карманъ, какъ будто мы живемъ во времена всеобщаго преслѣдованія. Праздники тамъ совсѣмъ изгнаны. Божественная служба не совершаега явно. Все отиѣнено, запрещено, вездѣ хаосъ, анархія и профанация! То, что еще совершаега въ церкви, можно скорѣе назвать пародіей на настоящее богослуженіе. Все духовенство приведено въ трешетъ и лишено всякаго значенія. Если я говорю это, то говорю потому, что моя совѣсть, какъ бразильца и какъ священника, заставляетъ меня поставить вась въ извѣстность фактовъ, возбуждающихъ неудовольствія, ненависть и раздоры, даже месть и гоненія. — разжигаящихъ страсти, вредящихъ религіи и нарушающихъ общественное спокойствіе. Положеніе тамошняго духовенства самое при-скорбное; со священниками обращаются,

какъ съ полицейскими солдатами. Епископъ объявляега: «Преподобный такой-то немедленно переводится туда-то и туда-то!» Если бѣдный священникъ осмѣлится сдѣлать какое-либо возраженіе, или привести какуюнибудь уважительную причину, почему онъ тотчасъ же не можетъ исполнить приказанія, то его немедленно же отставляютъ отъ мѣста. Каждый священникъ ежеминутно долженъ быть готовъ надѣть на спину дорожную сумку и отпраляться, куда епископу заблагоразсудится послать его. Никто не можетъ быть уврѣенъ въ своемъ положеніи, никто не можетъ строить никакихъ плановъ на будущее. Ни одинъ священникъ, посадившій весной кочанъ капусты, не уврѣенъ, что ему придется ѣсть ее осенью. Больше шести мѣсцевъ ни одинъ священникъ не остается на своемъ мѣстѣ. Повелительные циркуляры и тоны, какимы священники призываются въ епископскій дворецъ, и форма, въ какой они увольняются отъ должностей, повидимому расчитаны на то, чтобы навеести паническій страхъ на все низшее духовенство, чтобы оно не вздумало колебаться или оказывать сопротивленіе. Приказы донна Витали рѣшительны и деспотичны: «По прочтеніи этого, ваше преподобіе имѣете явиться ко мнѣ; для какой цѣли — вась будетъ сообщено!» При этомъ я долженъ еще замѣтить, что такіе же приказы, и въ такой же непреклонной формѣ, посылаются въ самыя отдаленныя мѣста епархій. Если по какойнибудь причинѣ, священникъ не можетъ немедленно исполнить приказанія епископа, то онъ получаетъ другое письмо: «По сему вась преподобіе увольняетега отъ вашего мѣста!» Такъ какъ не у всѣхъ изъ моихъ собратевъ хватаега мужества воставать и громко протестовать противъ такихъ деспотическихъ распоряженій, то на видъ выходитъ такъ, какъ будто бы все пернамбукское духовенство довольно такими порядками. Но на дѣлѣ всѣ мы вооружены противъ него. Не разъ говорилось, какъ здѣсь въ палатѣ, такъ и въ публикѣ, что правительство отняло у духовенства средства, чтобы подчинить его себѣ голодомъ. Но, господа депутаты, дѣло выходятъ наоборотъ. Не правительство, а епископъ примѣняега такое средство; онъ принимаетъ крайнія и насильственныя мѣры для того, чтобы вынудить согласіе съ своимъ образомъ дѣйствій и добиться одобрительныхъ адресовъ. Невозможно себѣ представить, что тамъ творится. Произвольныя увольненія, запрещенія исповѣдывать и говорить проповѣди! Мы, бразильскіе священники, ни чѣмъ не охранены противъ этого произвола. Надъ нашими головами постоянно виситъ грозный Дамокловъ мечъ, господа депутаты! Уваженіе къ законамъ церкви и по-

виновеніе высшимъ, у всѣхъ на устахъ — и совершенно справедливо! Но каноническій законъ говоритъ: «ни одно священническое мѣсто не должно оставаться незаплатымъ», и рядомъ съ каноническимъ, гражданскій законъ Бразиліи опредѣляетъ доходы духовенства; а въ настоящее время, ни одинъ изъ этихъ законовъ не имѣетъ силы. Оба превратились въ мертвую букву: ни тотъ, ни другой не исполняются. Неужели правительство не видить, что епископы пользуются этимъ, какъ могущественнѣйшимъ и опаснѣйшимъ орудіемъ, съ которымъ они могутъ продолжать борьбу до безконечности? Неужели же оно не понимаега, что отсылаемые и увольняемые священники составляютъ подвижную армію епископовъ, которые держатъ ее въ своихъ рукахъ, такъ какъ совершенно въ ихъ власти у каждаго своего протавника отнять кусокъ хлѣба и отдать его другому. Это своего рода войско — вполне обученное войско, которое духовное начальство можетъ употреблять для всѣхъ своихъ маневровъ.»

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ палатѣ, что правительство приметъ всѣ за-висящія отъ него мѣры, чтобы вернуть забывшихся епископовъ на путь закона.

Итальянскій профессоръ Панчери, читавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ лекціи въ Павіанскомъ университетѣ, въ настоящее время профессоръ неаполитанскаго университета, вернулся недавно изъ научнаго путешествія въ Пинетъ, и читалъ въ неаполитанской академіи наукъ свои изслѣдованія о змѣяхъ. Его описаніе очковой змѣи (*найя*) возбуждало всеобщее удивленіе. Профессоръ Панчери привезъ нѣсколько живыхъ экземпляровъ этой змѣиной породы. Особенность этой змѣи состоитъ въ томъ, что если ее довольно сильно ущипнуть въ извѣстномъ мѣстѣ на шеѣ, то она вытягивается и лежитъ неподвижно какъ камень, если же придавить ей то же самое мѣсто въ другомъ направленіи, къ ней мгновенно возвращается ея прежняя живость.

Самы прочныя красныя чернила. Такія чернила добываются изъ кармина, растертаго съ небольшимъ количествомъ раствора водянаго стекла и разведеннаго потомъ растворомъ водянаго стекла на столько, чтобы получилася жидкость, такой густоты, какъ обыкновенныя хорошія чернила. Написанное этими чернилами высыхаега чрезвычайно быстро и получаетъ отличный блескъ. Чернила эти, само собою разумѣега, должны быть какъ можно лучше защищены отъ вліянія вѣшнаго воздуха, и сохраняемы въ то время когда не употребляются, въ стеклянномъ пузырькѣ, закрытомъ пропитанной масломъ пробкой.

Мароготы. Между смѣшаннымъ населеніемъ Испаніи — мароготы принадлежатъ можетъ быть къ самому удивительному племени. У нихъ свои особые права, свой костюмъ, и они никогда не вступаютъ въ браки въ испанцами. Костюмъ ихъ состоитъ изъ длиннаго, узкаго камзола съ широкимъ кушакомъ и короткихъ доходящихъ только до колѣнъ панталонъ, сапоговъ, штиблетъ, и само собою разумѣется неизбѣжнаго въ Испаніи сомбреро, широкополой національной шляпы. Безъ всякаго сомнѣнія, это остатки тѣхъ готовъ, которые послѣ своего вторженія въ Испанію смѣшались съ маврами, на что указываетъ уже и самое имя мароготы, «мавританскіе готы», а также и религиозные обряды, обычаи, одежда, сохранившіеся довольно вѣрно до настоящаго времени. Но съ перваго же взгляда видно, что кровь ихъ смѣшана съ кровью дикихъ сыновъ пустыни; даже въ Норвегіи едва-ли найдутся тины болѣе рѣзко обличающіе готское происхожденіе. Долго жили они въ своемъ новомъ отечествѣ мирными, трудолюбивыми подданными, пока безчисленныя притѣсненія, какія обрушились на нихъ во время Филиппа II, между 1568—70 годами, не вскипятили ихъ горячую кровь и не принудили ихъ къ возстанію. Послѣдствіемъ его было изгнаніе около 120,000 человѣкъ ихъ племени изъ предѣловъ Испаніи; такая же судьба постигла ихъ въ царствованіе Филиппа III., такъ что почти цѣлый миллионъ мароготовъ покинулъ Испанію и поселился въ Африкѣ. Разрѣженные остатки ихъ разсылались по разнымъ городамъ Андалузіи и Арагоніи, гдѣ мароготы пользуются большимъ уваженіемъ за ихъ вѣрность и честность. Эти сильные люди, атлетическаго сложенія, но они неповоротливы и вялы; черты ихъ лица, хотя по большей части довольно правильны, не имѣютъ никакого выраженія. Они говорятъ медленно; въ ихъ разговорѣ никогда не услышишь живыхъ, остроумныхъ оборотовъ, такъ обыкновенныхъ въ рѣчи другихъ испанцевъ. Выговоръ ихъ грубъ и тяжелъ; слушая ихъ, можно подумать, что это какой нибудь нѣмецъ или англичанинъ силится говорить по испански. Обыкновенно они весьма флегматичны, и ихъ не скоро разсердишь; но тѣмъ опаснѣе и необузданнѣе они въ возбужденномъ состояніи. Мужчины почти вовсе не занимаются земледѣіемъ, представляя его исключительно женщинамъ, которыя обрабатываютъ каменистую почву и собираютъ скудную жатву. Мужчины всѣ арріеросы или извозчики, и считаютъ за стыдъ заниматься чѣмъ либо инымъ. Въ Испаніи, на каждой большой дорогѣ, особенно на той, что лежитъ на сѣверъ отъ пограничныхъ горъ между обѣими Кастиліями, ихъ всегда можно видѣть группами по пяти шести человѣкъ на тяжело-нагруженныхъ мулахъ. Короче сказать, почти вся торговля одной половины Испаніи идетъ черезъ руки мароготовъ. Честность ихъ въ отношеніи доверенныхъ имъ вещей такъ велика, что никто, привыкшій имѣть съ ними дѣло, никогда не задумается доверить мароготу транспортировать хоть цѣлую бочку золота отъ Бискайскаго моря до Мадрида, такъ какъ очень хорошо знаетъ, что, если кладъ будетъ попорченъ, или изъ нея убудетъ хоть

крупинка, то ужъ никакъ не по вняти извозчика. Къ тому же надо быть ужъ слишкомъ смѣлымъ разбойникомъ, чтобы вырвать у марогота его кладъ, потому что онъ будетъ защищать ее до тѣхъ поръ, пока въ состояніи будетъ двигаться, — а нѣтъ такъ закроетъ ее своимъ тѣломъ, если его повалить въ то время, какъ онъ будетъ заряжать свой длинный карабинъ. Но, не смотря на тупость мароготовъ въ другихъ отношеніяхъ, тутъ они очень хорошо понимаютъ свое преимущество; они берутъ двойную цѣну противъ всѣхъ прочихъ испанскихъ арріеросовъ; однимъ ремесломъ перевозки товаровъ они наживаютъ большіе деньги, за то и предлагаются удовольствіямъ, которыя умѣренный испанецъ позволяетъ себѣ очень рѣдко; они любятъ попивать горячительные напитки, хорошо и много поѣсть, что не мало способствуетъ ихъ тупости. Нѣкоторые изъ нихъ оставляли послѣ своей смерти огромныя состоянія, завѣщаемыя по большей части на сооруженіе и украшеніе церквей. Съ восточной стороны собора въ Асторгѣ стоитъ колоссальная статуя одного марогота, бывшаго также извозчикомъ и жертвоваващаго большую сумму въ пользу церкви.

Раскопки въ Колизеѣ. Энергически производимыя раскопки величественныхъ остатковъ римскаго строительнаго искусства привели въ послѣднее время къ интереснымъ открытіямъ. Только теперь опредѣлена настоящая глубина арены, также какъ и высота всего зданія. До сихъ поръ археологи ошибались на бездѣлицу — на шесть сажень. При раскопкахъ на этой глубинѣ, наткнулись на великолѣпную древнюю римскую мостовую, слѣдовательно, не подлежащую сомнѣнію, что здѣсь находилась арена. Все зданіе представляется поэтому еще болѣе гигантскимъ. Кромѣ этого, въ послѣднее время сдѣланы открытія еще болѣе значительныя. Открыли широкую, хорошо сохранившуюся галерею, которая продолжается съ наружной стороны Колизея. Думаютъ, что эта галерея соединяла величественное зданіе съ звѣринцемъ, въ которомъ содержались болѣе благородныя животныя. Открытыя до сихъ поръ клѣтки внутри Колизея — не такого рода, чтобы можно было предположить, что въ нихъ могли содержаться звѣри, стоявшіе до 4,000 сестерцій. Дорогія животныя ни какъ не могли бы долго въ нихъ оставаться, а изъ древнихъ римскихъ сочиненій мы видимъ, что римляне очень заботливо ухаживали за своими львами и тиграми, именно вслѣдствіе того, что они были очень дороги. Клѣтки, найденныя прежде внутри Колизея очень тѣсны, большіе звѣри не могли въ нихъ помѣщаться; вѣроятно же всего, онѣ назначались для звѣрей некрупныхъ породъ. Если общее мнѣніе подтвердится и дѣйствительно будетъ открыто болѣе зданіе съ клѣтками, то это будетъ большимъ обогащеніемъ для Археологіи. Важныхъ скульптурныхъ вещей до сихъ поръ еще не открыто; въ этомъ отношеніи, результаты раскопокъ ограничиваются нѣсколькими довольно хорошо сохранившимися, но грубыми и безвкусными фрагментами. Но за той найдено безчисленное множество человѣческихъ костей, частію окаменѣлыхъ. Надѣются въ теченіи года изслѣдовать все внутреннее пространство

Колизея, и, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что при этомъ будетъ найдено нѣсколько художественныхъ сокровищъ. Въ прошедшія времена, большая часть статуй и проч., украшавшихъ Колизей, были уничтожены — цѣлыя части города (какъ напримѣръ Кампо Бакчине) выстроены изъ матеріаловъ, добытыхъ изъ Колизея. Тѣмъ не менѣе есть еще надежда, что нѣкоторыя вещи избѣгли разрушенія.

Средства животныхъ передавать свои мысли. Въ англійскихъ газетахъ, мы читали слѣдующій интересный разсказъ изъ жизни животныхъ. Въ погребѣ у одного сливочнаго торговца стояла высокая бочка, въ которой оставалось немного сыру. Когда разъ пошла ее освидѣтельствовать, то сыру въ ней не оказалось, но вмѣсто него въ бочкѣ было цѣлое подчище крысъ, которыя съѣли сыръ, и не могли выбраться вонъ изъ бочки. Принесли кошку; та посмотрѣла въ бочку и убѣжала. Вскорѣ она вернулась назадъ съ другою кошкою. Обѣ сверкающими глазами смотрѣли на добычу, пошипѣли, поворчали, и убѣжали прочь. Наконецъ онѣ вернулись съ третьей кошкою, и теперь, не колеблясь, прыгнули въ бочку. Однако онѣ не рассчитали своихъ силъ. Двѣ кошки были загрызены, и едва-едва удалось спасти третью отъ отвратительныхъ животныхъ.

Пуля въ головѣ. Нѣмецкія газеты передаютъ объ одномъ въ высшей степени замѣчательномъ хирургическомъ случаѣ, который засвидѣтельствовалъ вполне надежными спеціалистами. Дѣло было въ маленькой общинѣ Св. Маргариты въ Штейермаркѣ. Въ деревнѣ праздновалась свадьба, и, какъ обыкновенно бываетъ на такихъ праздникахъ, деревенская молодежь много стрѣляла изъ ружьевъ и пистолетовъ. Невѣстинъ братъ особенно отличался въ этой забавѣ, онъ не переставая стрѣлялъ изъ револьвера, который безъ всякой надобности заряженъ былъ коническими пулями. Такъ какъ револьверъ вещь очень мало извѣстная въ деревнѣ, то всѣ съ любопытствомъ толпились около его обладателя, прося его объяснить имъ устройство оружія, осматривали его и даже пробовали. Между неопытными была и невѣста, которая, вслѣдствіе увѣренія брата, что револьверъ не заряженъ, пажала курокъ — и всадила несчастному брату пулю въ лобъ. Револьверъ оказался заряженнымъ; зарядъ попалъ молодому человѣку, сгоявшему въ двухъ шагахъ отъ невѣсты, въ лобъ выше переносицы. Однако раненый, хотя кровь ручьемъ полилась у него по лицу, не уялъ, а напротивъ побѣжалъ къ колодезю, собственными руками обмылъ рану, затѣмъ два дня прикладывалъ къ ней холодные компрессы — и на третій день сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало съ гостями, еще пировавшими на свадьбѣ. На пятый день въ это мѣстечко пріѣхалъ изъ Граца извѣстный операторъ, и дѣйствительно нашелъ пулю засѣвшей на 1 1/2 дюйма глубины въ кривообразной кости, и могъ удалить только небольшую ея часть. Послѣ операціи, пациентъ тотчасъ же пришелъ въ себя и выпилъ стаканъ вина за здравіе доктора. Со времени этого происшествія прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Пуля до сихъ поръ сидитъ въ головѣ у молодого человѣка, и онъ не чувствуетъ ни боли ни даже какого либо непріятнаго ощущенія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Воздухъ въ Санъ-Ремо цвѣтущему весьма благоприятенъ для состоянія здоровья Государыни Императрицы. Домъ, занимаемый Ея Величествомъ, расположенъ хорошо и удобно. Императрица изволила прогуливаться въ открытомъ экипажѣ. Успѣхи въ поправленіи здоровья Ея Величества даютъ надежду, что нѣсколькихъ недѣль будетъ достаточно для совершеннаго исцѣленія.

Военное и морское дѣло.

— Государь Императоръ, 12-го сего октября, Высочайше разрѣшить соизволилъ оудить нижнихъ чиновъ Морскаго Вѣдомства: 1. Въ бессрочный отпускъ (запасъ флота), выслухивающихъ къ 1-му января 1875 года 10 лѣтъ и 2. Въ кратковременный отпускъ по 1-е апрѣля 1875 г. изъ всѣхъ вообще командъ и частей въ числѣ, какое признано будетъ возможнымъ по усмотрѣнію ближай-

шаго начальства. Съ судовъ, находящихся въ плаваніи, произвести увольненіе по окончаніи кампаніи, закончивъ его одновременно съ поступленіемъ въ команды новобранцевъ.

— Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что испытаніе новой лодки «Ершъ» удалось какъ нельзя лучше. Лодка эта, построенная изъ дерева и желѣза, принадлежитъ къ разряду тѣхъ маленькихъ лодокъ, которыя называются англичанами пловучими

станками для нарѣзныхъ орудій большого калибра. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя всего 290 строевыхъ тоннъ, лодка «Ершь» носить громадное 11-ти дюймовое орудіе въ 1.752 пуда, со станкомъ въ 300 пудовъ и, какъ оказалось на дѣлѣ, управляется этимъ орудіемъ очень хорошо на большомъ волненіи и при весьма свѣжемъ вѣтрѣ.

— Въ той же газетѣ помѣщена слѣдующая выписка изъ рапорта начальника гидрографической части въ портахъ Восточнаго океана, отъ 16-го іюля сего года: Купецъ 1-й гильдіи Филипеусъ сообщаетъ, что по прибытіи его въ іюнѣ 1873 года къ курильскому селенію лежащему на SW сторонѣ острова Шіашкотана, въ группѣ Курильскихъ острововъ, жители извѣстили его, что 29-го августа прошлаго года сопка, находящаяся на сѣверной сторонѣ острова, съ большимъ трескомъ загорѣлась и выброшеннымъ ею потокомъ лавы залила юрты, расположенныя на сѣверномъ скатѣ острова. При изверженіи этомъ погибло 15 курильцевъ, и у SW оконечности того же острова, въ полумилѣ отъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была глубина 4 саж. и гдѣ Филипеусъ съ пароходомъ неоднократно становился на якорь, нынѣ образовалась мель, далеко выдающаяся въ море. 24-го іюня 1873 года, когда г. Филипеусъ проходилъ мимо сѣверной части острова, изверженіе сопки еще продолжалось.

— На границахъ Хивинскаго ханства повсюду большіе беспорядки. По полученнымъ «Русскимъ Инвалидомъ» свѣдѣніямъ изъ Амударьинскаго отдѣла, всѣ четыре отдѣленія мервскихъ теке (бакши, сышла, бекъ и нахиль) живутъ между собою въ раздорѣ. Грабежи и разбои между ними постоянны; правящіе ими ханы потеряли всякое значеніе. Какъ и въ прошломъ году, текинцы собираются выслать сильную партію на правый берегъ средняго теченія Аму для грабежа каравановъ, не смотря на то, что въ этой мѣстности находится бухарскій караулъ. Вслѣдствіе беспорядковъ между мервскими теке, Хива давно уже не посылаетъ каравановъ въ Мервь. Бухара торгуетъ мало и то благодаря тому, что держать у себя заложниками нѣсколькихъ почетныхъ старшинъ мервскихъ теке.

— Изъ Амударьинскаго отдѣла корреспондентъ «Русскаго Инвалида» сообщаетъ въ эту газету отъ 14-го октября: На лѣвномъ берегу Амударьи продолжаются беспорядки; на правомъ все благополучно. Состояніе здоровья въ русскихъ войскахъ очень хорошо. Въ настоящее время войска на Амударьѣ поставлены совсѣмъ въ инныя условія, нежели въ прошломъ году: теперь здѣсь зародилась своего рода жизнь. Вновь возведенное укрѣпленіе въ Нукусъ построено солидно и безусловно крѣпко, въ смыслѣ военномъ, для весьма небольшого гарнизона. Ровъ сдѣланъ туземцами за плату; они же возводятъ двухъ-аршинную дамбу вокругъ береговъ для предохраненія крѣпости отъ наводненія.

— Число офицеровъ, изъявившихъ желаніе поступить въ текущемъ году въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, было, какъ сообщается въ «Русскомъ Инвалидѣ», значительно больше, нежели въ прежніе годы, и простиралось до 57 человекъ, нв считая геодезистовъ, которыхъ въ этомъ году было 12 человекъ. Но изъ общаго числа къ началу экзаменовъ совсѣмъ не явилось въ Академію 6 офицеровъ; изъ остальныхъ же продолжали экзаменъ до конца въ общее отдѣленіе только 38 человекъ.

Железныя дороги и телеграфы.

— Телеграфнымъ Департаментомъ объявлено было, что Общество «Brazilian Submarine Telegraph С.» устраиваетъ подводную телеграфную линію между Европою и Южною Америкою, и что по первому участку этой линіи, отъ Лиссабона до ос. св Вин-

сента, (въ Атлантическомъ океанѣ) открыта передача депешъ. Нынѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, новая подводная линія доведена до Пернамбуку, гдѣ соединена съ телеграфными линіями, устроенными вдоль восточнаго берега Южной Америки, между городами: Пала, Багіа, Рио-Жанейро, Мовтевидео и Буэнос-Айресомъ.

— 12-го сего октября открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ на Моршанско-Сызранской желѣзной дорогѣ отъ гор. Моршанска до Сызрани, на протяженіи 484³/₄ версты.

— 14-го сего октября открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ по третьему участку Лозово-Севастопольской желѣзной дороги отъ ст. Мелитополь до ст. Симферополь, на протяженіи 228³/₄ версты.

— «Самар. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что на дняхъ прибылъ въ Самару инженеръ, командированный Правленіемъ Уральско-Самарской конно-железной дороги въ Самарскую губернію и Уральскую область для производства окончательныхъ изысканій по линіи этой дороги.

Торговля.

— Отпускъ хлѣбнаго товара изъ Россіи по 1-е іюля 1874 года достигъ, какъ сообщаютъ въ «Одес. Вѣстн.», огромной цифры 14.316.928 четвертей. Отпускъ въ первое полугодіе 1873 года дошелъ уже до значительной цифры 8.197.456 четвертей, но и онъ на 6.119.472 четв. или на 74³/₁₀ оказался менѣе отпуски 1874 года. Главное увеличеніе отпуски относится до ржи, которой отпущено 6.225.378 четв., или на 4.019.103 четв. болѣе 1873 года.

— Съ 1-го января по 1-е сентября сего года изъ С.-Петербургской портовой, Одесской, Московской, Вержболовской, Варшавской и Иркутской таможенъ выпущено чая: цвѣточнаго 1.662 пуда, торговаго 623.784 пуда и кирпичнаго 225.664 пуда.

— Изъ Подволочиска сообщаютъ въ газету «Кіевлянинъ», что въ августѣ настоящаго года вывезено изъ-за границы для Одесской желѣзной дороги очень много минеральнаго топлива.

— Цѣны на зерновой хлѣбъ въ Николаевѣ понизились, по словамъ мѣстнаго «Вѣстника», до баснословной цифры: 10 октября, напримѣръ, гирка хорошаго качества была продана отъ 68 до 71 к. пудъ; рожь продается по 45—52 к. пудъ, а между тѣмъ цѣны на печеный хлѣбъ не понижаются нисколько противъ прошлогоднихъ, когда шпеница продавалась по 12—13 р. четверть.

— 18-го октября окончена рѣзка скота на салотопенныхъ заводахъ Самары. Всего съ начала рѣзки (9-го сентября) убито 222.949 барановъ. Хотя скотъ этотъ рѣжутъ здѣсь главнымъ образомъ для сала, но гуртопромышленники извлекаютъ немаловажную выгоду отъ продажи шкурокъ убитыхъ животныхъ и проч.

— Въ Астрахани въ теченіе сентября продано на Калмыцкомъ базарѣ скота: верблюдовъ 23, лошадей 38, рогатаго скота 1.469, барановъ 5.383 и козъ 317.

— Какъ на одно изъ обнаружившихся уже послѣдствій обмеленія днѣпровскаго бассейна, «Кіевскія Губернскія вѣдомости» указываютъ на сокращеніе въ Кіевской губерніи торговли, производимой посредствомъ водянаго пути. Такъ общій балансъ ввоза въ губернію и отпуски изъ неготоваровъ водянымъ путемъ за два послѣдніе года представляется въ слѣдующихъ числахъ

	Въ 1872 году.	Въ 1873 году.
Отпускъ на . . .	6.321.506 р.	4.940.293 р.
Ввозъ	3.674.848 .	3.631.137 .
Итого	9.996.355 р.	8.571.430 р.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ

цифръ, отпускъ изъ губерніи въ теченіе одного года упалъ на 1.381.213 рублей, а ввозъ на 43.712 руб., или, говоря иначе, отпускъ сократился на 22 почти процента и ввозъ на 2⁰/₁₀ слишкомъ. Въ соотвѣствіи съ этимъ сократилось и количество грузившихся судовъ и плотовъ въ предѣлахъ губерніи.

Промышленность.

— «Иркут. Губ. Вѣдом.» сообщаютъ объ открытіи и заявкѣ 16 золотыхъ приисковъ въ областяхъ Забайкальской, Амурской и Приморской.

— О золотопромышленности въ Енисейской губерніи за 1873 годъ помѣщены въ мѣстн. губ. вѣд. слѣдующія свѣдѣнія: Работы и развѣдки производились на 286 приискахъ, на которыхъ *вынуто песку* 274.833¹/₂ кубическія сажени, а промыто 327.825.073 пуд. Всего добыто шлиховаго золота 441 п. 10 ф. 74 зол. 52 д. Сложное содержаніе золота въ ста пудахъ песку, было по среднему выводу на всѣхъ приискахъ 51 доля. Самые богатые, относительно, по содержанію въ 1873 г. оказались прииски *Бирюсинской системы* (въ 100 п. 79 дол.), а самые бѣдные Ачинскаго округа (23 доли). Въ 1873 г. добыто золота менѣе чѣмъ въ 1871 г., на 25 п. 11 ф.

— Работающая на восточномъ берегу Каспія промѣрная партія, снаряженная Гидрографическимъ Департаментомъ Морскаго Министерства для изслѣдованія Михайловскаго залива и восточнаго побережья Каспійскаго моря отъ Красноводска до форта Александровскаго, встрѣтила на 50 верстъ южнѣе Карабугазскаго пролива, на глубинѣ 8 сажень, противъ мыса Карасингиръ, нѣсколько нефтяныхъ фонтановъ, выходящихъ со дна моря.

— Въ настоящее время туркмены ауловъ, сосѣднихъ къ Красноводску, и челекенскіе весьма охотно нанимаются—пишутъ въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ—на работы буровыхъ нефтяныхъ скважинъ, а также для подвоза камня для красноводскихъ построекъ. Привлеченіе здѣшнихъ кочевниковъ къ работамъ должно имѣть во всякомъ случаѣ важное на нихъ вліяніе.

— О результатахъ работъ на однихъ изъ разрабатываемыхъ въ Туркестанскомъ Краѣ копей каменнаго угля, именно на копей г. Фовицкаго, сообщаютъ «Туркестанскіи Вѣдомости» слѣдующія свѣдѣнія: Съ 1868 по 1874 г. включительно добыто каменнаго угля 266.500 пуд. Уголь этотъ былъ отпущенъ: на суда Аральской флотиліи 16.000 пуд., на отопленіе казармъ въ Ходжентѣ 179.500 пуд., на фабрики и заводы въ Ходжентѣ 53.500 пуд.; продано частнымъ лицамъ 11.200 пуд., израсходовано на самой копи 6.300 пуд.; всего 266.500 пуд. Добыча угля увеличивалась съ каждымъ годомъ, и съ 1868 до 1873 года возрасла почти въ 4¹/₂ раза. Въ 1874 году не было требованія угля на ходжентскія фабрики: шелкомоталовую фабрику Московско-Ташкентскаго Товарищества и на стеклянный заводъ г. Исаева.

Несчастія.

— Въ Севастополѣ два мальчика нашли недавно бомбу и стали катать ее по камнямъ. отчего произошелъ взрывъ, и одного изъ мальчиковъ убило на мѣстѣ, оторвавъ половину головы, а другаго легко ранило.

СОДЕРЖАНІЕ: На Волѣ. II. Царевъ бугоръ (съ рисункомъ). — Совѣтъ министровъ у 1-ви де-Ментоновъ (съ рисункомъ). — Крылатый рыбакъ (съ рисункомъ). — Двунюгій волкъ. Романъ Н. Каразина (продолженіе). — Зимой (съ рисункомъ). — Сибѣ. — Разныя извѣстія.

Премія стѣннаго календаря на 1875 годъ.
Приложеніе объявленій «Нивы».

Редакторъ В. Ключниковъ.

При этомъ № приложены для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленія: отъ А. Ильина и объ изданіи газеты „Новое Время“.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 50 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, 1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 9-го декабря 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цѣна этого № «Нивы» 40 коп. съ пересылкою 45 ко п.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ послѣдить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к. *)
- ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получить всѣ уже вышедшіе номера.

Городъ Вятка. Съ фотографіи Рисов. Космаковъ, грав. Барановскій.

Городъ Вятка.

На предлагаемомъ рисункѣ вида города Вятки, конечно, прежде всего бросается въ огромное бѣлое здание гостиницы Пуссета, за нимъ Александровскій Соборъ, а на лѣво отъ послѣдняго церковь Стефана Пермскаго; но особенно хорошъ общій видъ города Вятки, расположеннаго на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки того-же названія, когда вы смотрите на него съ противоположнаго берега. Окоймленный горами, покрытыми перелѣсками, полями и селеніями, передъ вами разстилается обширный городъ съ правильно расположенными по скалистымъ холмамъ улицами, великолѣпными зданиями присутственныхъ мѣстъ, красивыми церквями, домами кафедральнаго духовенства и, наконецъ, огромными соборами, изъ которыхъ такъ рельефно выступаетъ Александровскій Соборъ. Смотря на это величественное здание, стоящее особнякомъ на широкой площадкѣ, съ его необыкновенной архитектурой, въ которой какая-то смѣсь византийскаго, готическаго и новѣйшаго стилей, вы невольно захотите узнать давнишнее происхожденіе этого города, заглянуть въ его происхожденіе.

Вятка или, какъ его прежде называли, Хлыновъ, принадлежатъ къ одной изъ сѣверо-восточныхъ частей Европейской Россіи, былъ основанъ въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, въ 1181 году новгородскими выходцами, въ честь которыхъ татары и черемисы и до сихъ поръ его называютъ Ноуградъ.

Основатели эти, болѣе набѣговъ Вотяковъ и Черемисовъ, построили его на высококомъ, крутомъ, перерѣзанномъ тремя падами берегу Вятки, близъ устья рѣки Хлыновицы, на возвышенности отдѣленной отъ горы Кикиморской глубокими оврагами, называемыми Загоромъ. Но въ это время Хлыновъ имѣлъ видъ простаго четвероугольника, стѣны котораго были застроены сплошными жилыми домами, защищеннаго съ сѣвера, запада и юга глубокими рвами, а съ востока утесистою высокою горою. Потомъ онъ сталъ все больше и больше расширяться на взгорье по краямъ болота, которое, впрочемъ, теперь уже высохло и на его мѣстѣ устроена торговая площадь, лавки и Спасскій Соборъ. Такимъ образомъ, основанный новгородцами Хлыновъ обезпечилъ имъ дальнѣйшее существованіе въ Вятскомъ краѣ.

Но самостоятельность Хлынова, счастливо выдерживавшаго не только набѣги Вотяковъ, а даже не сдававшася русскимъ князьямъ, продолжалась только до нашествія Тохтамыша. Въ 1391 году Хлыновъ потерпѣлъ сильное разореніе отъ царевича Бектута. А въ 1471 г. Вятская область уже находилась въ вѣкоторой зависимости отъ Московскихъ князей, такъ что при Василіѣ Темномъ вятчане съ устюжанами взяли г. Сарай уже подъ предводительствомъ Московскихъ воеводъ — Бориса Слѣща и Князя Ивана

Оболенскаго. Затѣмъ въ 1477 г. казанскіе татары разорили Вятскую область и взяли нѣсколько городовъ. Въ 1489 году, при царѣ Іоаннѣ III, Вятка окончательно подчинилась Московскому князеству.

При первомъ московскомъ воеводѣ Овцынѣ, извѣстномъ по присоединеніи Вятки къ Московскому Государству, въ Хлыновѣ былъ устроенъ Успенскій мужской монастырь — и по свидѣтельству лѣтописцевъ за 1629 годъ, городъ имѣлъ тогда 17 церквей, Новгородвѣчій монастырь съ церковью Благовѣщенія, церковныхъ дворовъ 50, тяглыхъ 390, нищихъ 82, пушкарскихъ дворовъ 15, бобыльскихъ 80, пустыхъ 30. Кромѣ того въ городѣ былъ воеводскій домъ и нѣсколько дворовъ подъячихъ и дьячковъ.

Въ 1658 году учреждена Вятская епархія.

Въ 1664 году прибылъ въ Вятку воеводою Петръ Дорошенко, человекъ знаменитый въ исторіи, любимецъ малороссійскихъ казаковъ. Сдѣлавшись гетманомъ, Дорошенко неоднократно разбивалъ значительныя силы поляковъ, но затѣялъ борьбу въ Россіей, потерпѣлъ поражение и долженъ былъ сдаться.

Въ 1708 д., при раздѣленіи Петромъ Великимъ Россіи на губерніи, Хлыновъ съ четырьмя пригородами присланъ къ Сибирской Губерніи. Въ 1719 году Вятка составила отдѣльную провинцію той-же губерніи, а въ 1827 году провинція прислана къ Казанской Губерніи. Въ 1780 году Хлыновъ переименованъ въ Вятку и сдѣланъ главнымъ городомъ Вятскаго Намѣстничества, въ 1796 г. при переименованіи Вятскаго Намѣстничества въ губернію г. Вятка названъ губернскимъ городомъ.

Начало христіанства въ городѣ Вяткѣ лѣтописецъ относитъ къ XII вѣку и приписываетъ тѣмъ-же новгородскимъ выходцамъ, которые ее основали. Но Новгородцы ничего особеннаго своимъ прішествіемъ въ эту страну, населенную язычниками, для христіанства не сдѣлали, такъ что нравственное перерожденіе вятскаго народа совершилось не ранѣе половины XVI вѣка, когда сюда пришелъ св. Трифонъ, энергично содѣйствовавшій развитію христіанства.

На этомъ мы кончимъ съ историческими воспоминаніями о городѣ Вяткѣ и скажемъ нѣсколько словъ о его теперешнемъ состояніи.

По статистическимъ даннымъ 1871 года, въ Вяткѣ считалось народоселенія 20,275 душъ обою пола. Въ настоящее время въ Вяткѣ находится 23 церкви, въ томъ числѣ 7 приходскихъ церквей, 6 домовыхъ, 2 монастыря: мужской Успенскій Трифоновъ и дѣвичій Преображенскій, основанныхъ въ 1864 г., 5 Соборовъ: Спасскій, Кафедральный, Александровскій, Троицкій и Воскресенскій, котораго начало строенія относятъ ко времени основанія древняго города на его нынѣшнемъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ городѣ есть

тюремный замокъ и арестантское отдѣленіе, которое своею обширностью и удобностію помѣщенія заслуживаетъ вниманія. Еще есть двѣ бібліотеки: одна — публичная, содер- 13000 томовъ, при которой въ 1867 году открытъ музей, состоящій изъ пяти отдѣловъ, а въ 1872 году безплатныя школы: музыкальная и рисовальная, и другая — епархіяльная, при кафедральномъ соборѣ, открытая въ 1870 году; а также есть 6 типографій и 2 литографіи. Возлѣ присутственныхъ мѣстъ находится Александровскій садъ, расположенный на берегу Вятки, названный въ честь посѣщенія Вятки Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1837 г. Въ частныхъ зданіи гор. Вятки замѣчательнъ на Александровской площади домъ почетнаго гражданина Л. А. Прозорова, славящійся своей архитектурой.

Торговая дѣятельность Вятки теперь довольно значительна; по свидѣніямъ 1871 года извѣстно, что отправлено было товаровъ изъ Вятки на сумму 2,142,000 руб. сер., привезено же на сумму 1,675,000 руб. сер., такъ что отпускъ товара превышаетъ ввозъ на сумму 467,000 руб. с. Главнымъ-же предметомъ торговли должны считаться хлѣбныя произрастенія. Что-же касается фабричной промышленности города, то она очень бѣдна, такъ какъ въ Вяткѣ фабрикъ не существуетъ, а есть 36 заводовъ, изъ которыхъ нѣсколько свѣчныхъ, кожевенныхъ, водочныхъ, спичечныхъ, одинъ химическій, клееваренный и мыловаренный.

При Вятскомъ арестантскомъ отдѣленіи основана недавно, по инициативѣ Вятскаго губернатора В. И. Чарыкова, мастерская для производства разнаго вида гармоникъ, въ которой, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, былъ изготовленъ въ 1872 году инструментъ на подобіе «гармоніума» — такой-же конструкціи въ 4¹/₂ окт. и названъ *духовнымъ фортепиано для народныхъ школъ*. Одинъ изъ инструментовъ, сдѣланныхъ арестантами, представленъ былъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ на Московскую политехническую выставку, гдѣ по своей оригинальности, дешевой цѣнѣ (35 руб.) и назначенію не остался незамѣченнымъ со стороны посѣтителей выставки и даже литературы; а экспертиза выставки удостоила Вятское исправительное отдѣленіе бронзовою медалью.

Отъ Петербурга Вятка находится на разстояніи 1486 верстъ, изъ которыхъ приходится проѣхать только 585 верстъ по большій дорогѣ отъ Нижняго Новгорода. Впрочемъ, съ открытіемъ весною 1873 года правительныхъ еженедѣльныхъ рейсовъ между Вяткою и Казанью сообщеніе сдѣлалось гораздо удобнѣе и пріятнѣе прежняго.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XXII.

Адамъ-Крылганъ.

Бѣлыя рубахи пришли къ Адамъ-Крылгану. Въ этомъ мѣстѣ песчаные барханы сдвинулись кольцомъ, образовавъ въ серединѣ просторную котловину.

Словно накаленная печь, вѣяла удушливымъ, сухимъ жаромъ эта котловина. На самомъ днѣ ея зіяли черными точками небольшія отверстія колодецевъ. Ихъ было не много; они были глубоки и узки. Воду надо было доставать ведрами, пус-

кая ихъ въ глубь колодецевъ на длинныхъ веревкахъ: — способъ трудный, утомительный, медленный.

А тысячи жаждущихъ пришли къ этимъ колодцамъ... Пить и пить — это была одна преобладающая мысль у всѣхъ... «Воды!» — это было единственное слово, произносимое перессохшими языками.

А воду эту доставали капля по каплѣ.

Колодцы оберегались какъ святыня. У нихъ поставлены были караулы. Очередь въ питьѣ, разъ установленная, не измѣнялась ни для кого, ни въ какомъ случаѣ. Генералъ и послѣдній солдатъ были равны въ этой очереди.

Если бы жизнь когонибудь держалась на одном волоскѣ, если бы она зависѣла отъ одного глотка воды, отданнаго не въ свою очередь,—его бы не отдали.

Потому что жизнь каждаго была тоже въ такомъ точно положеніи.

И не смотря на все это, даже этихъ взвѣшенныхъ и размѣренныхъ капель—не хватало. Колодцевъ оказалось менѣе чѣмъ ожидали.

Трудно даже было назвать водою то, что извлекалось изъ колодцевъ. Мутно-желтая, густая, съ противнымъ гнилымъ вкусомъ, эта вода пила съ жадностью и тщательно вылизывалось даже мокрое дно посуды. Въ одномъ изъ колодцевъ нашли дохлую собаку. Отвратительный, разбухшій трупъ животнаго, вытасканный на песокъ, заражалъ воздухъ; отъ этого оскверненнаго колодца сразу всё инстинктивно отшатнулись, но жажда побѣдила эту брезгливость, и вонючую воду пили; ради стакана этой воды, готовы были отдать все, что имѣли...

Обезсиленные длиннымъ, тяжелымъ походомъ, люди—по десяти и болѣе часовъ—какъ тѣни стояли у колодцевъ, ожидая очереди; и боялись они отойти отъ нихъ, боялись сѣсть, боялись отдохнуть, чтобы какънибудь не пропустить очереди. А они знали, что пропустить этой очереди нельзя: офицеры съ именными списками въ рукахъ распоряжались раздачей и всякій заснувшій, въ свое время былъ бы разбуженъ. Но это была бессознательная боязнь... потому что эти колодцы были единственный источникъ жизни;—безъ нихъ кругомъ безпощадная, неминуемая смерть, потому что возвратиться уже не было силы...

Изнуренные люди, измученные, двухсуточною жаждою, не перенесли-бы того пути, что прошли; а кто упадетъ дорогой, тотъ уже больше на ноги не встанетъ.

Это всё хорошо знали.

Пришелъ на Адамъ-Крылганъ не весь отрядъ; пришли только пѣшие люди; казаки съ своими лошадьми остались пока на прежнихъ колодцахъ, и должны были прийти сюда, когда пѣхота выступитъ дальше. Если бы и тѣ и другіе очутились здѣсь вмѣстѣ,—то пришлось бы этому урочищу оправдать второй разъ свое страшное названіе: «Адамъ-Крылганъ»—(человѣчья погибель.)

И вдругъ, раздался крикъ—полный отчаянія крикъ, отъ котораго потемнѣло въ глазахъ у каждаго.

—Кавалерія идетъ... она вонъ за тѣми бархонами!»

Еще лишняя тысяча жаждущихъ людей, еще столько же лошадей, едва дотащившихъ сюда свои ноги...

И эти вновь-пришедшіе рассчитывали на воду колодцевъ Адамъ-Крылганъ; они хотѣли пить сами, хотѣли напоить своихъ лошадей,—когда еще не были удовлетворены всё тѣ, которые пришли сюда сутками раньше.

Неожиданный приходъ кавалеріи—былъ чьей-то роковой ошибкой.

Паника быстро начала распространяться по войскамъ. Эта паника могла разразиться общей деморализаціей... По инстинктивному чувству самохраненія, каждый могъ бы, съ оружіемъ въ рукахъ, броситься добывать себѣ воду... Сильный задалвилъ бы слабого, подчиненный не призналъ бы въ этой смертельной борьбѣ своего начальника, дисциплина разлетѣлась бы какъ дымъ,—и окрестности «Адамъ-Крылгана» представили бы такую полную ужаса картину человѣческаго иступленія, что трагическая легенда прежняго времени поблѣднѣла бы предъ настоящей.

И все это было бы такъ, если бы это были другіе люди. Но это были батальоны «бѣлыхъ рубахъ», а они умѣли гибнуть, не теряя человѣческаго достоинства.

Собрался экстренный военный совѣтъ... Съдой старикъ, имя котораго заняло теперь лучшія страницы исторіи русскаго оружія, сталъ во главѣ этого совѣта

ГЛАВА XXIII.

Досцакъ и его бутылка.

Опять, какъ тотъ разъ, предшествовавшій допросу Атам-

кула, черезъ бивуакъ пробирался лауча Досцакъ, и опять прямо къ генеральской ставкѣ.

Въ очереди къ водѣ забыты были—туземцы—лаучи и джигиты при отрядѣ; съ запекшимися губами, съ помутившимися глазами, безъ силъ, безъ голоса, многіе изъ нихъ уже корчились на песокѣ, въ предсмертной агоніи... «Су—су» (*)—это все, что можно было слышать въ ихъ хрипящемъ шепотѣ...

Шатаясь и падая не разъ, пробирался Досцакъ къ генералу, ходатайствовать за своихъ несчастныхъ товарищей.

—Назадъ! остановилъ его часовой.

—Пускай пожалуста, пускай!.. просился Досцакъ, сился отстранить ружье загорюдившее ему дорогу...

—Назадъ! еще разъ произнесъ часовой, только не такъ уже рѣшительно и грозно, какъ первый разъ.

—Ты пустиль—человѣкъ умираеть. . проговорилъ лауча, и сѣлъ на песокъ, у самыхъ ногъ часового.

Въ этомъ движеніи было столько рѣшимости дожидаться во что бы то ни стало нужныхъ результатовъ... Въ этомъ взглядѣ старческихъ глазъ, сверкнувшихъ какимъ-то живымъ блескомъ, виднѣлось такое убѣжденіе въ необходимости видѣть того къ кому пришелъ Досцакъ, что солдатъ опустил ружье испросилъ:

—Что тебѣ надо?..

Вышелъ другой солдатъ изъ палатки, еще кое-кто подошли къ старику. Вышелъ и генераль.

—На сѣверъ отсюда... вонъ туда! говорилъ генералу Досцакъ,—хорошій конь—одинъ часъ ходу—еще есть колодцы... Ихъ вы не знаете,—я знаю... Я вспомнилъ... Я узналъ это мѣсто... Давно, очень давно, я былъ здѣсь... это вѣрно! тамъ должны быть колодцы... Скажи, джандараль, своимъ солдатамъ; пусть идутъ они сзади;—я, Досцакъ, пойду впереди... я приведу ихъ къ водѣ... Здѣсь воды мало—людей много... Одни люди здѣсь, другіе тамъ,—для всѣхъ воды будетъ довольно... Послушай меня, скажи своимъ солдатамъ, чтобы шли за старымъ Досцаккою... А теперь дай воды—моимъ людямъ, они умираютъ, прикажи имъ только мокрымъ поясомъ губы помазать... Джандараль... сжался надъ ними!..

Такъ говорилъ старикъ, то поднимаясь съ колѣнъ, то снова падая... А въ то же время еще человѣка два изъ джигитовъ, что оказались посильнѣе, подползли сзади—и приподнявшись на локтяхъ, смотрѣли на генерала, какъ голодная забитая собака смотритъ на своего хозяина...

—Я еще и самъ не пилъ, спокойно и твердо произнесъ генераль. — Я вамъ отдамъ свою воду, когда дойдетъ моя очередь; другой воды для васъ мнѣ взять не откуда.

Солдатъ, стоявшій на часахъ, вдругъ пошатнулся... ружье выпало у него изъ рукъ... онъ пошатнулся еще разъ—и какъ снопъ, ничкомъ, повалился на землю. Его поразилъ солнечный лучъ...

—Воды, скорѣе воды.. къ вискамъ и въ ротъ!.. затопилъ одинъ изъ офицеровъ...

А откуда взять этой воды?... Странное требованіе, вылетѣвшее совершенно бессознательно, машинально. Даже самъ крикнувшій словно сконфузился своей ошибкой и, смущенный, отвернулся въ сторону..

Наталья Мартыновна, богъ вѣсть откуда явившаяся, совершенно неожиданно для всѣхъ, очутилась около упавшаго...

У нея въ рукахъ была маленькая бутылочка съ закруженнымъ дномъ.. она уже намочила платокъ и покрыла имъ голову солдата, она даже зубы ему разжала и силилась вставить туда горлышко своей бутылки...

А тутъ умирающіе джигиты увидѣли, какъ сверкнуло на солнце зеленоватое стекло... Собрать послѣднія силы, они доползли до Натальи и крѣпко ухватились за ея платье...

Солдаты подошли чтобы ихъ оттащить.

—Оставьте... тихо произнесла Наталья Мартыновна, —тутъ и для нихъ останется по каплѣ—имъ вѣдь много не нужно... Держите имъ только руки, чтобы они у меня бутылки не вырвали... Вотъ такъ...

(*) «Су»—Вода.

И солдаты держали крѣпко руки джигитовъ, пока Наташа вливала тѣмъ въ ротъ остатки изъ бутылки, — а сами готовы были также точно судорожно сжать зубами горлышко спасительнаго сосуда.. готовы были вырвать сами эту бутылку.

Джигиты, плакали и цѣловали слѣды, оставшіеся на песѣ отъ ногъ женщины.. Солдаты крестились ей вслѣдъ...

Колыхнулъ вѣтеръ концы легкой кисейной косынки на головѣ Наташи, — концы эти развѣвались изъ-за ея плечъ.... Страшный зной, эта дрожжащая мгла, туманила зрѣніе и мѣшала ясно видѣть предметы, измѣняя ихъ очертанія...

Должно быть по этой причинѣ концы косынки казались всѣмъ длинными, свѣтлыми крыльями.....

Повѣрить прямо на слово Досцаку — въ томъ, что сообщилъ онъ на счетъ какихъ-то другихъ колодцевъ, — было невозможно. Тѣмъ болѣе, довѣрившись ему, послать часть отряда на эти другіе колодцы... Лауча былъ здѣсь уже давно... онъ самъ говорилъ, что много времени прошло уже съ тѣхъ поръ; — этихъ колодцевъ могло уже не существовать теперь, хотя бы они въ то время и были...

Ему сообщили эти соображенія...

— Дай мнѣ лошадь, джандаралъ, говорилъ онъ, — хорошую лошадь... Видишь вотъ бутылка...

Досцакъ вытащилъ изъ-за-пазухи халата бутылку, обшитую войлокомъ...

— Видишь, продолжалъ онъ, — эта бутылка пуста.. на — посмотри самъ... Въ ней нѣтъ ни капли, — въ ней давно уже нѣтъ ничего... О, если бы тамъ чтонибудь было!.. Я пойду одинъ; если меня не убьютъ туркмены, тамъ у тѣхъ колодцевъ, я вернусь и привезу тебѣ эту бутылку полную... Ну, тогда... тогда ты пошлешь людей за мною — пошлешь?

Возражать противъ этого предложенія было невозможно.

Досцаку дали лошадь — и онъ поѣхалъ.

ГЛАВА XXIV.

На другихъ колодцахъ.

Пусто, мертво было въ этой песчаной пустынѣ, когда Досцакъ выѣхалъ изъ лагеря; послѣдній говоръ и шумъ бивуака давно уже стихъ за бархонами...

Изнуренная лошадь, хотя и хорошая, тихо шла подъ сѣдокомъ, не слушая ни толчковъ коблукками подъ исхудалые бока, ни ударовъ плети нетерпѣливаго джигита.

Пристально всматривался Досцакъ въ окрестность... Все одно и то же: — одинъ песчаный холмъ сѣняется другимъ, одинъ волнообразный гребень другимъ, точно такимъ же, словно по одной формѣ отлитымъ... Рѣзко граничить желтый песокъ съ сѣровато-синимъ, безоблачнымъ небомъ... Пусто на землѣ, пусто и на небѣ: ни облачка, ни птицы... Зачѣмъ сюда летать вольной твари — въ эту страчу смерти?!.. Съ чуть слышнымъ шорохомъ ползаютъ по песку большія, головастыя ящерицы, тѣмъ должно быть воды не надо! — и смотрять гадины на пробѣгающаго мимо человѣка, смотрять и не прятаться... «И зачѣмъ это тебя принесло сюда?» должно быть думаютъ эти ящерицы, — «роясь въ песокъ, мы и такъ много уже костей находили — и конскихъ, и людскихъ, и верблюжьихъ... должно быть тебѣ увеличить число этихъ костей хочется!».....

— Гайда, гайда! подгоняетъ Досцакъ своего коня. — Этакъ мы съ тобою не скоро до воды дождемъ...

Не узнаетъ лауча мѣстности, а ужъ какъ онъ на это памятенъ!.. — Вотъ на томъ бугрѣ большой бѣлый камень торчалъ... Гдѣ же онъ?.. Вѣрно пескомъ занесло... Теперь бы все подъ гору должна быть дорога, — нѣтъ, все такъ же...

— А ну какъ не найду? подумалъ старикъ и назадъ оглянулся.

Проложенный его лошадью слѣдъ далеко-далеко тянется, пропадая въ мглѣ — верстъ пять уже отъѣхалъ всадникъ... Пожалуй уже половина пути осталось только.

Осмотрѣлъ лауча свою бутылку — здѣсь; ощупалъ за сѣдломъ — тутъ ли арканъ, — тутъ, все въ порядкѣ. Осмотрѣлся

самъ: конь киргизскимъ сѣдломъ осѣдланъ, узда тоже самая простая; на джигитѣ халатъ такой же какъ и на всякомъ туркменѣ, такая-же шапка баранья, клычъ (шапка) торчатъ сбоку, на поясѣ...

— А хорошо что я все это устроилъ, покрайности съ туркменами встрѣчусь, за своего признаютъ... Тс!.....

Два всадника ѣдутъ, также потихоньку, — между собою разговариваютъ... Вонъ еще одинъ изъ-за холма выѣзжаетъ.. Вонъ и впереди кучка виднѣется...

Ѣдетъ себѣ покойно Досцакъ, дѣлаетъ видъ, что и вниманія на тѣхъ не обращаетъ.

— Ыдили на русскихъ смотрѣть, говорилъ одинъ изъ всадниковъ, — близко не подѣзжали — у нихъ ружья проклятыя, далеко хватаютъ.. а издали ничего не видно...

— Я пушки видѣлъ... Власть на солнцѣ, такъ и замѣтно, произнесъ другой. — А не много у нихъ этихъ пушекъ — у нашего хана больше...

— У нашего хана больше, замѣтилъ и отъ себя Досцакъ.

Поглядѣлъ на него — туркменъ, зорко такъ, и отвернулся...

— Давно коня поилъ? спросилъ у Досцака другой.

— Давно, еще до свѣту; думалъ: тамъ еще напою разъ, своихъ застану, — а ужъ тамъ русскіе — такъ и отъѣхалъ ни съ чѣмъ... Пошли Аллахъ всякіе бѣды на ихъ головы!.. Заморилъ совсѣмъ жеребца.. Ну, да ничего, на Алты-кудукъ напою.. Вы давно оттуда..?

— Съ полудня... Ты самъ изъ чыхъ?.

— Я Божій... уклончиво отвѣтилъ Досцакъ.

Поѣхали джигиты молча.. Теперь уже Досцакъ старался не отставать отъ нихъ; онъ зналъ, куда они ѣдутъ. Ему тоже туда надо было. Только объ одномъ онъ думалъ: какъ бы назадъ вернуться, воды въ свою бутылку набравши...

— Темная ночь, да воля Аллаха, что будетъ, то будетъ!, рѣшилъ онъ и вполголоса затянулъ длинную монотонную пѣсню.....

Густымъ столбомъ вилась пыль надъ котловиной; много коннаго народа толпилось тамъ: сотни четыре коней, если не больше. Эти всадники бивакировали вокругъ колодцевъ, поставивъ коней на приколы и сѣдя въ кружкахъ у самыхъ отверстій.. Кожанья ведра спускались въ эти отверстія, на длинныхъ волосяныхъ арканахъ, и назадъ вытягивались. Вода плескала черезъ край и смачивала отсырѣвшій песокъ — задрожалъ Досцакъ, увидавъ эту воду, — и конь его рванулся какъ бѣшеный, широко вздувъ красныя какъ кровь ноздри.

Лауча едва сдерживалъ прыть своей лошади; онъ тихонько слѣзъ, расправилъ ноги и сталъ арканъ отъ сѣдла отвязывать...

— Эхъ, ведро потерялъ, вотъ горе! произнесъ онъ громко. — Мулла! обратился онъ къ дождю джигиту у колодца, — дай своего, коня напоить...

— Бери, произнесъ джигитъ, оставилъ ведро на песокъ, а самъ отошелъ въ сторону...

Тихо, не торопясь, принялся Досцакъ распутывать веревку, заглянулъ въ колодець, почесался.. поплевалъ на руки, сталъ было ведро спускать — опять вытащилъ, — а зубы его такъ и стучали другъ о друга, глаза такъ и горѣли, устремленные на черное, сіяющее отверстие...

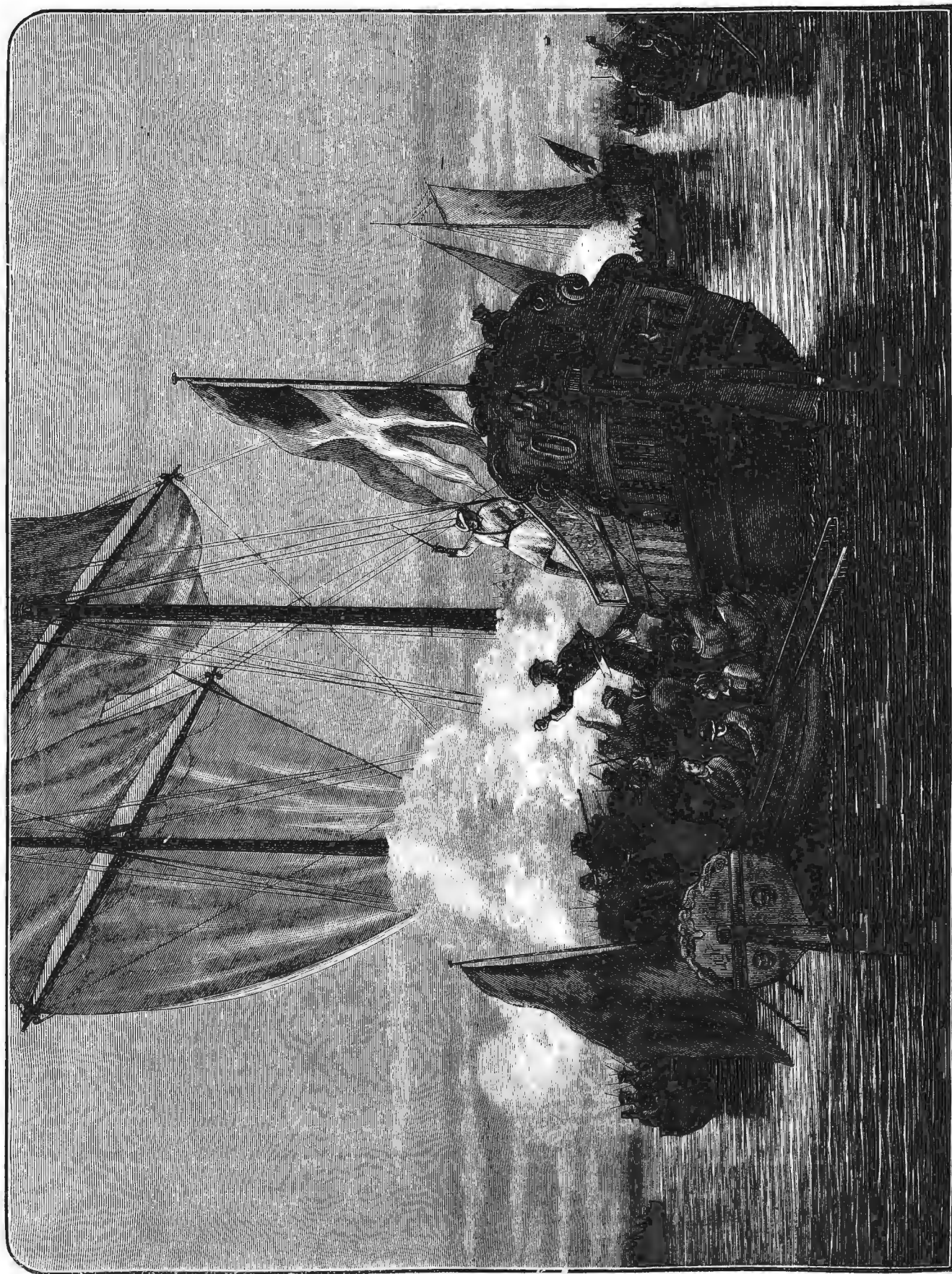
— Будешь торопиться — еще пожалуй подумаютъ что... счастье еще, что народъ все сборный, отъ значковъ отсталые, ну имъ и нѣтъ дѣла до чужаго человѣка: за такую же бродячую собаку, какъ и они сами, принимаютъ...

Выволокъ Досцакъ полное ведро... отхлебнулъ самъ, напоилъ лошадь — та чуть съ ногъ его не свалила, такъ на это ведро кинулась...

— Ну, будетъ, а то лопнешь, пожалуй! прикрикнулъ лауча и отнял ведро, выплеснулъ осадокъ на песокъ и прилегъ, намочивъ себѣ на руку длинный поводъ.

А ужъ солнце стало закатываться.. Синія тѣни поползли по песку — потемнѣло въ лоцинѣ и сырью пахнуло отъ колодцевъ...

— Эка благодать, эка счастье мѣ! — а тамъ?... И задумалъ

Борьба за Неву. VI. Первая морская битва Петра I в устьи Невы 1703 г. Взятие Петром на бордажъ шлюпы «Астрильдъ» и бота «Геданъ».
 Съ картины профессора Лагорио (выставленной на юбилей Петра I, въ С.-Петербургѣ, на Царяномъ лугу. 30 мая 1872 г.) Рис. Коварзневъ. грав. Барановскій.

ся Досцакъ, припоминая, что твориться тамъ, на оставленных имъ колодцахъ.

— А прійди на *это* мѣсто разомъ столько-же народу—и здѣсь было бы то же самое.—Половину, рассчитываетъ Досцакъ,—все-таки перевести можно.

Еще разъ подошелъ онъ къ жерлу, еще разъ коня напилъ, самъ наполнил, въ бутылку набралъ украдкой. (Теперь это легко было сдѣлать, потому что въ сгустившихся сумеркахъ трудно было рассмотреть такія мелочи.) и сталъ опять въ дорогу собираться...

Вдругъ до ушей Досцака долетѣло слово, заставившее его сначала вздрогнуть, а потомъ сосредоточить все свое вниманіе на томъ, что говорилось неподалеку.

— Не вѣрятъ они ему и боятся... говорилъ кто-то въ темнотѣ.

— Кого боятся.? Спрашивалъ другой.

— Да все его же, Атамкула.. я самъ слышалъ, какъ у Мать-піаза говорили, что хорошо бы еслибъ шайтанъ свернулъ ему шею...

— Мало ли всякаго вздору съ языка слетаетъ!..

— Такъ-то такъ, а все не вѣрятъ... А какъ онъ опять передастся русскимъ — они вѣдь не очень зло помнятъ... Тутъ еще говорили, что будто Атамкулъ бумагу посылалъ русскимъ и отъ нихъ получалъ...

— И то можетъ быть.. Я вотъ слышалъ, какъ онъ ушелъ отъ нихъ—увезъ съ собою кого-то, —дѣвку, говорили,—а можетъ и вралъ...

— Нѣтъ, мальчика...

— А ханъ что—не слыхатъ?..

— Ханъ къ нему милостивъ.. Вотъ это-то больше всего Мать-піазу досадно.. Садыкъ тоже на него зубы точить, еще за старое. Они передъ ханомъ-го помирились, а вѣдь Садыка всякъ знаетъ, онъ обиды во всю жизнь не прощаетъ...

— Вѣрно!—Куда же отсюда?

— На Сардиба-кулъ сказывали...

Примолкли голоса... Опять потомъ стали говорить, только тише.. Некогда было Досцаку все переслушивать,—взялъ онъ лошадей за поводъ и потихоньку повелъ ее, отъ колодцевъ подалее.

Какъ никто не обратилъ вниманія на Досцака при его появленіи, такъ и теперь никто и головы не обернулъ, когда онъ снова сѣлъ на коня и выѣхалъ съ бивуака.

Свѣжѣе дышалось почью, добрѣе шелъ въ волю нанюшенный конь, — и скоро багровое зарево, пятнами вспыхивающее надъ горизонтомъ, указало Досцаку куда держать дорогу.

(Продолженіе будетъ).

БОРЬБА ЗА НЕВУ.

П. ПЕТРОВА.

VI. Владѣніе шведами и потеря ими Невы.

(Окончаніе).

Получивъ — къ коронаціи своей, послѣдовавшей весной 1617 г. такой блестящей подарокъ, какъ Ингерманландія (по Столбовскому миру), шведскій король Густавъ Адольфъ згдумалъ прежде всего новое случайное приобрѣтеніе прочіе прикрѣпить къ королевству. Съ этою цѣлю (такъ какъ самъ король былъ усердный лютеранинъ,) Густавъ II Адольфъ находилъ всего вѣрнѣе путь — въ пропагандированіи лютеранства между русскимъ православнымъ населеніемъ Водской пятины, гдѣ большая часть помѣщиковъ, въ видахъ сохраненія земли и имущества, не подумала воспользоваться правомъ свободного переселенія въ русскіе предѣлы съ теченіемъ льготныхъ лѣтъ. Съ крестьянами дѣло было иное. Большая часть русскихъ земледѣльцевъ оставили шведскіе предѣлы и, слѣдовательно, помѣщичью землю безъ достаточной обработки по неизмѣнну для того рукъ. Такое же положеніе вызвало со стороны шведовъ самыя блестящія предложенія нѣмецкимъ колонистамъ и вызовъ ихъ занять пустоорожныя мѣстности приневскихъ болотъ, росписываемыя самыми обольстительными красками; шведы старались выставить извѣстную намъ не по слуху, безплодную или мало годную для посѣвовъ глинистую почву—самую благодатную, судившему золотые барыши. Эти пѣсни сирены однако привлекли очень не многихъ изъ сильно утѣсняемыхъ въ отечествѣ за вѣру нѣмецкихъ лютеранъ, польстившихся на широту королевскихъ привилегій. Такъ что и съ пачаломъ нѣмецкихъ колонистовъ—рѣдкость населенія сороковерстной полосы отъ Невы, принадлежавшей шведамъ, побудила правительство въ подспорье неудавшейся колонизаціи, завести въ отдаленной отъ столицы ихъ Ингерманландіи—колоніи выселяемыхъ за провинности шведовъ, большею частью уже не сельскихъ, а городскихъ обывателей, которымъ паханье земли или разведеніе огородовъ было совсѣмъ не съ руки.

Это, впрочемъ, какъ намъ кажется, не было невыгодно ни для населенія, ни для видовъ правительства, и не въ противорѣчіи съ общими существенными пользами государства, не вдругъ, къ несчастію, прозрѣвшаго: въ чемъ здѣсь заключается прямая выгода Швеціи?—*Невскій путь*—единственная удобная и краткая торговая дорога для направленія восточныхъ товаровъ въ Европу, въ сѣверномъ направленіи, безконечно выше всякихъ фантастическихъ ожиданій барыша отъ земледѣлія по безплодію почвы. Причину же неполнаго взвѣсиванія стогольскимъ правительствомъ настолько существенно выгодной отрасли приращенія государственныхъ доходовъ бѣдной Швеціи—какъ таможи при развитіи невскаго торговаго мореходства,—слѣдуетъ искать въ какомъ-то трудно-объясняемомъ пристрастіи къ Выборгу, получившему раньше право морскаго иностраннаго торгова. Этимъ же правомъ, какъ извѣстно, шведское правительство распорядилось по какимъ-то мотивамъ, если съ одной стороны имѣющимъ мѣсто въ вопросѣ о пользѣ и доходности самаго города,—за то, съ другой, забывавшимъ общегосударственную невыгоду отъ подобной монополіи однихъ ко вреду, другихъ и къ навѣвѣ частными лицами съ ущербомъ для государственной казны. На практикѣ подобное невольное фак-

товъ и ошибочное направленіе естественнаго хода вещей не только не принесло пользы, но даже вызвало все безсиліе администраціи противостать теченію дѣлъ, назначенному такъ сказать самою природою, мѣстнымъ положеніемъ Невы и Выборскаго залива—послѣ борьбы, разумѣется, продолжавшейся не одно десятилѣтіе. Въ концѣ концовъ, за всѣми противодѣйствіями закона и предписаній администраціи, она сама отступилась отъ прежняго ложнаго взгляда на осязательно простой вопросъ, который постоянно разрѣшался съ приведеніемъ несокрушаемыхъ аргументовъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи. А насчетъ значенія Невы—въ смыслѣ единственнаго сплава къ морю русскихъ товаровъ—очевидецъ хода дѣлъ не могъ быть пристрастенъ при ежеминутныхъ затрудненіяхъ въ примѣненіи дѣйствующихъ постановленій, направленныхъ къ исключительной выгодѣ одного Выборга.

Во время же такой борьбы за первенство Выборга въ вопросѣ о русской торговлѣ, выросла и крѣпнѣ, несмотря на всевозможная затрудненія представляемая шведскимъ правительствомъ, Невскій городъ—*Низъ-Шанцъ*, начало котораго слѣдуетъ отнести ко времени обратнаго похода младшаго Делагарди, изъ внутреннихъ русскихъ областей, по низверженіи царя Василія Шуйскаго. Въ описаніи движенія отъ Волхова шведскихъ вспомогательныхъ войскъ въ свои предѣлы, говорится, что Делагарди «самъ задержалъ на рѣкѣ Невѣ два судна, нагруженныхъ солью въ *города*, и велѣлъ посѣлшить туда съ транспортными судами, для перевозки добычи». Орѣховецъ въ это время еще былъ въ рукахъ у русскихъ, и на Невѣ никакихъ другихъ городовъ, кромѣ Орѣховца и Низъ-Шанца—не было. Слѣдовательно, названный по имени городъ на Невѣ былъ прямо—Низъшанцъ; разумѣется, только возникшій въ формѣ укрѣпленія, но на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимъ его и въ послѣдствіи. Спустя ноялѣ того 22 года (въ 1632 году 17 іюня) только—шведское правительство даровало жителямъ его привилегію и права городскихъ сословій, съ освобожденіемъ на шесть лѣтъ отъ податей и повинностей и др. еще правъ и общаніями. А какъ только узнали въ Выборгѣ о привилегіи Низъшанцу—тотчасъ заявили претензію на это будто бы уменьшеніе своихъ правъ. Не ограничившись и этимъ, граждане Выборга самоуправно пришли во время навигаціи на Неву и начали торговать съ русскими; по мѣстные обыватели новаго города прогнали пришельцевъ, еще болѣе подбавивъ жолчи въ обоюдныя съ ними отношенія,—а сами, въ свою очередь, пустились отвлекать змыныхъ комерсантовъ отъ соперничающихъ куцовъ Выборгскихъ. Распри изъ-за взаимныхъ выгодъ русской торговли рѣшена правительствомъ въ 1635 году въ пользу Низъшанца наложеніемъ высокой пошлины въ Выборгѣ на русскіе товары, съ позволеніемъ, впрочемъ, Выборгскимъ купцамъ торговать въ Низѣ.

Три же года спустя (6-го мая 1638 года) секретнымъ повелѣніемъ предписано мѣстнымъ земскимъ властямъ не давать у Низа нагружать и разгружать иностранные корабли подъ опасеніемъ

конфискаціи судна и груза. — Въ то же время правительство разсылало усиленно приглашенія и зызывы колонистамъ иностраннѣмъ въ Невскій городъ, ставя переселенцевъ въ положеніе полной неувѣренности: что съ ними послѣдуетъ, при такомъ разногласіи закона изданнаго съ посылаемыми затѣмъ инструкціями? Правители Швеціи, впрочемъ, скоро спохватились, понявъ что сдѣлали фальшивый шагъ, — и 28-го сентября того же года отменивъ запрещеніе иностраннымъ судамъ брать и отдавать грузы въ Нѣнѣ, еще больше прежняго расширили права Невскаго города — дозволеніемъ гражданамъ вести морской иностранный торгъ и производить свободно плаваніе въ предѣлахъ Швеціи и внѣ ея. При этомъ даны: *12-ти лѣтняя* льгота отъ платежа ввозной пошлины (малой), отъ *печныхъ денегъ* (подымной подати), сбора съ пивоваренія и винокуренія, и свобода отъ всѣхъ обыкновенныхъ гражданскихъ повинностей. Такія широкія права давались впрочемъ подъ условіемъ гражданства въ Нѣнѣ съ поручительствомъ за неудаленіе изъ него съ истеченіемъ льготнаго срока. Историкъ «Невы и Нѣншанца», пасторъ Гиппингъ приписываетъ пожалованіе гражданамъ Нѣна настолько важныхъ правъ: засвидѣлствованію передъ правительствомъ генераль-губернатора Брате блистательной будущности неvsкаго пути; въ чемъ достойный администраторъ убѣдился при личномъ посѣщеніи всѣхъ приморскихъ пунктовъ Фанскаго залива, изъ которыхъ самое выгоднѣйшее положеніе для торговли имѣлъ Невскій выходъ въ море. Убѣжденное въ этомъ вполнѣ, правительство спустя 4 года (20-го сентября 1642 года) установило порядокъ мѣстнаго гражданского управленія и дало Невскому городу гербъ: левъ стоящій между двумя рѣками и держащій въ правой лапѣ мечъ. вмѣстѣ съ тѣмъ двѣнадцатилѣтняя привилегія 1638 г. продолжена еще 12 лѣтъ (не включая истекшаго времени) и, что самое главное, — даны права Нѣну, равныя съ Выборгомъ и Нарвою по ввозу товаровъ и вывозу ихъ за предѣлы Швеціи. Въ самомъ городѣ дозволено магистрату имѣть свою контору для торговли напиткими, разрѣшенъ въ пользу городской кассы сборъ *десятаго пфеннига* (съ ввознаго изъ города имущества, доставшагося по наслѣдству), Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, существенно способствовавшимъ увеличенію доходовъ города Нѣна, въ немъ завелись превосходныя (по времени) гостиницы для прїѣзжающихъ (отъ города-же) и почтовые дворы въ окрестностяхъ съ удобствомъ для прїѣзжающихъ. Для того-же чтобы больше и усилѣннѣе развивалась городская промышленность, послѣдовало запрещеніе производить всякія ремесла въ районѣ 4-хъ миль отъ города. Съ цѣлью побужденія къ торговой дѣятельности, запрещено вступать въ торгъ членамъ управленія и чиновникамъ правительства, а купцамъ и торгующимъ запрещено добиваться административныхъ должностей. Наконецъ, для полнаго безмятежнаго покоя, давашаго бы возможность всецѣло заниматься выгодною для государства коммерціею, граждане Нѣна изъяты изъ общаго круга дѣйствія закона и освобождены отъ непріятныхъ слѣдствій тогдашней судебной процедуры: никто не могъ лишить свободы нѣнца — и заключеніе внѣ его дома положено только въ случаѣ доказаннаго обвиненія въ оскорбленіи величества. Можно положительно сказать, что подобные права торговаго города, тѣмъ болѣе въ то время, — должны были заставить въ немъ селиться всѣхъ, кому средства давали возможность ни въ чемъ себѣ не отказывать и не желать ни въ чемъ стѣсненія своихъ наклонностей, безъ вреда, разумѣется, кому бы то ни было, но съ полною гарантіею свободы личныя дѣйствія, въ самомъ широкомъ примѣненіи. Не удивительно что городъ при такомъ устройствѣ и съ подобными преимуществами, на единственной въ мѣрѣ по выгодности славной торговой дорогѣ, сталъ расти на удивленіе современникамъ, а богатства его, для умѣренныхъ достатковъ скромной Швеціи получали развиты даже шире, чѣмъ они оказывались на самомъ дѣлѣ, возбуждая зависть во всѣхъ прочихъ городахъ королевства. Королева Христина, на примѣръ, — считала что всѣ возможныя блага переданы Невскому городу съ лихвою, — ни за что не хотѣла измѣнить, ни на іоту, прежде дарованныхъ положеній, не обращая вниманія на ходатайство нѣнцевъ объ отменѣ или устраниеніи неудовольствъ и затрудненій возникавшихъ для нихъ отъ двойственности пошлины, платимой ими съ однихъ русскихъ товаровъ по лифляндскому, а съ другихъ (иностранныхъ и шведскихъ) по шведскому таможенному уставу, въ одномъ городѣ. То, правда, что важнѣйшая статья въ торговлѣ Нѣншанца — соль — обложена была самымъ малымъ процентнымъ сборомъ, за уплатою котораго съ отпусканшагося товара купцы неvsкаго города получали большую прибыль, чѣмъ собрать ихъ въ другихъ городахъ. Пошлина же съ русскихъ товаровъ нарочно возвышалась болѣе и болѣе, и на ходатайство нашего даже и правительства, о сбавкѣ, — шведское не хотѣло дѣлать никакой уступки. Въ замѣнъ ея, на просьбы предъявленныя русскимъ посольствомъ, — отправленнымъ въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ о воцареніи царя Алексѣя, — шведское правительство разрѣшило г. Нѣну устраивать ежегодно въ теченіе трехъ недѣль ярмарку, гдѣ безошечно продавались товары русскіе и шведскіе; но исключительно для употребленія въ предѣлахъ королевства, безъ отпуски за границу (постановл. 31-го августа 1646 г.). Подобное же право, предоставленное въ 1636 г. главному городу Финляндіи — Або — сдѣлало его первымъ торговымъ пунктомъ, наиболѣе населеннымъ въ цѣлой странѣ, до познаний уже въ настоящемъ вѣкѣ. По аналогіи, можно было пророчить отъ ярмарки на Невѣ и Нѣну то же, если еще небольшое под-

спорье развитію его богатства и населенности. Въ оправданіе упорства королевы Христины, не склонившейся на царскія ходатайства о сбавкѣ пошлины съ русскихъ ввозныхъ товаровъ въ Нѣнѣ, — мы позволимъ себѣ только заявить, что сборъ съ нихъ составлялъ единственную ея доходную статью, кромѣ установленнаго отпуски отъ государства на содержаніе двора королевскаго; стало быть, уменьшеніе пошлины русской, существенно подрѣзывало королевскіе, и безъ того необильные, ресурсы.

Отказъ же въ требованіи черезъ пословъ, считаемомъ царемъ Алексѣемъ вполнѣ законнымъ, произвелъ остуду съ его стороны къ шведскому правительству, нуждавшемуся въ русскомъ хлѣбѣ для своихъ сѣверныхъ областей, граничившихъ съ нашими олонецкими волостями; такъ что одно время выпускъ отъ насъ за шведскую границу скота и предметовъ первой необходимости былъ даже совершенно оставленъ. Изъ претензій нѣншанцкихъ жителей, поверженныхъ на всемілостивѣйшее воззрѣніе королевы и ею отклоненныхъ (одновременно съ ходатайствомъ русскаго посольства о сбавкѣ ввозной пошлины на наши товары) мы позволили себѣ здѣсь указать два пункта, дающіе понятіе о современномъ развитіи Невскаго города. Граждане, между прочимъ, ходатайствовали «объ уменьшеніи пошлинъ на *основные корабли* (ими строенные на Невѣ изъ здѣшняго дѣса) и каменные дома.» Единичные случаи не вызвали бы подобнаго ходатайства — слѣдовательно строилось въ Нѣнѣ *много кораблей* для морскаго отпуски товаровъ, и вѣроятно было въ городѣ довольно каменныхъ домовъ въ это время, да имѣлась и въ виду постройка новыхъ, когда запасались облегченіемъ, имѣющимъ мѣсто въ будущемъ. Слѣдовательно, неvsкій городъ, существуя меньше четырехъ дѣсятилѣтій, обогналъ въ ростѣ всѣ прочіе города королевства, имѣвшіе же не одинъ вѣкъ продолжавшуюся исторію.

Отвергая же излишнія ходатайства выростающаго города, королева тѣмъ не менѣе наконецъ склонилась на частное мѣропріятіе въ его пользу. Резолюціей 15 сентября 1647 г., ея величество, царственная дочь Густава II Адольфа, дала новую привилегію Нѣншанцу съ уставомъ таможеннымъ, для него обязательнымъ вмѣстѣ съ Нарвою и Ревелемъ. Въ то же время дана городу земля для сѣнокоса и выгона, въ количествѣ $3\frac{5}{16}$ обжи, $\frac{2}{3}$ шведскаго мантала въ Спасскомъ погостѣ, Орѣховскаго лена, кромѣ земель, отведенныхъ для той же цѣли чинамъ крѣпостнаго гарнизона.

Въ это время уже (съ 1642 г.) Орѣховскій ленъ не отдѣлялся болѣе отъ Ямско-копорскаго и управлялся съ ними однимъ губернаторомъ нарвскимъ, тогда какъ вышнюю часть надъ всѣмъ заморскимъ краемъ шведскаго государства, исключая Финляндіи, представлялъ «генераль губернаторъ Лифляндіи, Ингерманландіи и Кореліи». Первымъ изъ нихъ былъ (съ 1629 по 1634 г.) наставникъ Густава-Адольфа Юганъ Бентсонъ Шютте, владѣлецъ Дудергофа, умершій въ 1635 году. При самомъ же присоединеніи, по Столбовскому миру уступленной русскими Швеціи привнеской стороны, она раздѣлена была на двѣ губерніи: Кексгольмскую и Нарвскую (закрывающую лены: Копорье, Ямы и Орѣшекъ съ городомъ Нарвою и небольшою нолосою къ нему отрѣзанною отъ герцогства Эстляндскаго). Копорскій *ленъ* (округъ) заключалъ 14 погостовъ: Каргалскій, Толдожскій, Радчинскій, Григорьевскій, Замошскій, Дятлинскій, Киеневскій, Вздлицкій, Суйдовскій, Орлинскій, Гриневскій, Зарѣцкой (на Лугѣ) и Озерницкой, какъ видно по писцовымъ шведскимъ книгамъ 1618—23 г. Ямскій же округъ имѣлъ четыре погоста: Озерецкой, Врудской, Ястребинскій и Опольскій. А къ Нарвѣ присоединенъ былъ (составляя Ивангородскій округъ) одинъ Петровскій погостъ съ мѣстностью, извѣстною у шведовъ подъ именемъ Алентаки. О Нетеборскомъ округѣ имѣемъ мы не совсемъ полныя свѣдѣнія, хотя знаемъ, что въ немъ были 4 погоста: Ижорскій, Дудерофскій, Спасскій и Троицкій. Наконецъ Корельскій округъ (Кексгольмскій ленъ) заключалъ два погоста: Крестовскій и Подгородный. Всего 25 погостовъ съ православными церквами и въ каждомъ погостѣ отъ 10 до 15 деревень съ большинствомъ исповѣдниковъ православія.

Зная неумѣстность трактованія подробностей въ настолько бѣгломъ очеркѣ какъ нашъ, да къ тому еще посвященномъ одному обзору борьбы русскихъ съ шведами за обладаніе неvsкимъ путемъ, — мы удерживаемся отъ представленія системы шведской политики, направленной для отвлеченія отъ вѣры отцовъ — православнаго населенія Водской патины. Полагаемъ, впрочемъ, что здѣсь будетъ очень кстати указаніе на притѣсненія, дѣлаемыя администраціею этимъ бѣднымъ людямъ при добываніи русскихъ священниковъ, — хотя въ Столбовскомъ договорѣ прямо говорилось о представленіи русскимъ людямъ свободнаго избранія и непритѣсненія со стороны шведовъ поставленія духовныхъ пастырей въ православные привнескіе погосты новгородскимъ митрополитомъ, изъ епархій котораго они никогда не исключались. Самъ Густавъ-Адольфъ, какъ мы выше замѣтили уже, былъ горячій послѣдователь Лютера и считалъ свое исповѣданіе лучшимъ въ мѣрѣ, не могъ удержаться отъ нарушенія въ дѣлѣ вѣры условленныхъ въ договорѣ гарантій исповѣдникамъ восточной церкви. Придири къ русскимъ священникамъ и вытѣсненіе ихъ изъ приходоу было первою мѣрою, противорѣчившею договору. А недавнее пропусковъ для прѣѣзда въ Новгородъ ставленникамъ, конечно было уже слабѣйшимъ, но еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ обращенію въ лютеранство русскихъ поселянъ. Имъ предлагали учиться въ школахъ у пасторовъ и катехизисы

лютеранские, принятые в руководство там для преподавания истинных веры, нарочно печатались на русском языке, славянскими буквами, чтобы подлог был меньше приметен. За отсутствием православных священников, предлагали волею-неволею обращаться к трем иерархам в пастораты. Но все эти ухищрения не привели к уничтожению в бедном, притесняемом, сельском сословии связи с Русью и православием. Между тем нарушение Столбовского трактата в самом важном для московских государей пункте — враждебных мѣрахъ и пропагандѣ противъ горячо почитаемой и твердо содержимой веры православной восточнаго исповѣданія — побудило наконецъ царя Алексѣя Михайловича объявить войну преемнику Христинѣ, воинственному Карлу-Густаву; въ союзѣ съ Польшею. Еще заключивъ съ нею перемирие и назначивъ съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія трактата о дружбѣ и взаимной помощи, царь изъ Полоцка, лѣтомъ 1656 года, двинулся осаждать Ригу. Двухмѣсячная осада въ октябрѣ однако была снята здѣсь; но Дерптъ, менѣе крѣпкій, завоеванъ нами послѣ десятидневнаго сопротивления. Осада же крѣпостей въ Ингерманландіи — Нетеборга и Кексгольма, — за позднимъ временемъ года оставлена. Новый 1657 годъ начался въ Лифляндіи нашими неудачами, но лѣтомъ дѣла наши поправились. Послѣ дѣйствительной или мнимой побѣды Делагарди надъ нами при Перновѣ, оны хотѣли взять Дерптъ, но должежь былъ отойти къ Нарвѣ, — и переправившись черезъ эту рѣку, устремились къ Гдову, но здѣсь встрѣтилъ царское войско и бѣжалъ въ Эстляндію, можно сказать постыдно. Русскіе, до того имъ презираемые, преслѣдовали его и били при каждомъ его замедленіи и встрѣчѣ съ нами, такъ что невольное отступление за Нарву совершилъ шведскій военачальникъ съ потерю лучшихъ людей, и, главное, болѣе надежныхъ офицеровъ. Храброму генералъ-губернатору Ингерманландіи Горну удалось однако отбить отъ Ямъ русский осадный отрядъ, а начальники шведскаго войска въ Эстляндіи, показываясь въ окрестностяхъ Дерпта, не давали осаждающимъ отходить отъ него на значительное разстояніе. Такъ прошла вся зима, а въ мартѣ 1658 г. царь Алексѣй Михайловичъ далъ указъ князю Хованскому вступить въ переговоры о перемиріи съ шведскимъ губернаторомъ въ Нарвѣ. Апрель 23-го 1658 г. перемирие близъ Нарвы было подписано уполномоченными обѣихъ сторонъ, съ возвращеніемъ взятыхъ плѣнныхъ. Скорѣе всего къ этой уступкѣ принудило государя положеніе дѣлъ въ Малороссіи. При возстаніи Выговскаго еще невнясившемся, могло казаться оно болѣе опаснымъ, тогда какъ разнесся слухъ о заключеніи Карломъ Густавомъ шведскимъ трактата съ Даніею въ Роскильде. Беспорядки, возбудившіе бунтовою гетмана, отвлекли наши силы съ сѣвера на югъ, гдѣ польская интрига тоже не дремала — и въ тревожномъ ожиданіи бѣды скорѣе, чѣмъ скоратаго успокоенія смуты, прошелъ весь этотъ годъ и слѣдующій. Уже къ концу его (20-го декабря) князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, а съ шведской стороны Густавъ Вилке, — въ Эстляндіи, въ урочищѣ Вельсаари (между Сыренска и Ругодева за Наровой), подписали трехлѣтнее перемирие. До истеченія же срока его состоялся вѣчный миръ у насъ со шведами, подписанный тѣми же уполномоченными въ Кардисѣ. По этому миру мы отдали всѣ завоеванные города въ Лифляндіи, ничего не выговоривъ себѣ въ отъѣздъ Столбовскаго договора.

Неудачно кончившаяся для насъ эта попытка на возвратъ уступленнаго шведамъ, въ дни усмиренія смуты, началась между тѣмъ грозой для шведовъ. Партія паша, спустившаяся въ ладьяхъ изъ Ладъскаго озера въ Неву для осады Нетеборга, хотя не взяла крѣпости, но внезапно ночью сбѣжавъ набѣгъ на Ніншанцъ, обратился въ пепель его новенькія, красивые зданія, предавъ имущество обывателей грабежу. Въ Сердоболѣ конный отрядъ, тоже набѣгъ какъ свѣтъ на голову, взялъ богатую контрибуцію, овладѣвъ множествомъ судовъ съ хлѣбомъ. Отъ русскихъ разбѣдовъ много доставалось въ это время и пасторатамъ — центръ лютеранской пропаганды и притѣсненій исповѣдниковъ православія. Церкви лютеранскія были сожигаемы, а имущество пасторовъ уничтожаемо повсюду — не вѣстятъ ни отмстѣ. Не меньше страдали и помѣщичьи усадьбы. Силъ, для отпора намъ, гдѣ сперва здѣсь имѣли такъ мало, что какъ милости просили только одной тысячи человекъ у короля. Мужественный Горнь, поручился съ этою горстью: отстоять Нарву и окрестности ея.

Въ Выборгѣ заперлась поголовно-вооружившіеся жители, не выключая даже гимназистовъ. Но скоро собралось ополченіе и предводитель финской арміи Леонгундъ, придя въ Ніншанцъ, далъ знать въ Нарву Горню и успѣлъ съ нимъ соединиться отстоять Ямъ. Въ Нетеборгѣ комендантъ Граве смертью своею запечатлѣлъ вѣрность своему королю и успѣлъ возбудить въ осажденныхъ такое мужество, что 120 человекъ гарнизона до конца отсидѣлись за стѣнами. Шведы намъ платили тоже опустошеніями. Одна партія ихъ подъ начальствомъ Крузе разорила Обонешскіе погосты, а другая подходила къ Колѣ. Такъ что война Алексѣя Михайловича съ Карломъ Густавомъ была собственно безрезультатною потерю людей и разореніемъ странъ у обѣихъ воюющихъ державъ.

Отдѣлавшись отъ всѣхъ враговъ, Швеція скоро послѣ мира въ Кардисѣ, хотѣла было сама начать, одна, борьбу съ царемъ Алексѣемъ (1664 г.). Король предложилъ на обсужденіе государственнаго совѣта вопросъ о войнѣ, поводомъ къ которой представлялись споры о граничной чертѣ. Въ Стокгольмѣ представ-

ляли кажется дѣла наши въ это время худшими чѣмъ онѣ были и рассчитывали на набѣгъ татаръ, будто бы лишившій царя силъ для отпора со стороны Невы. Но благоразумные совѣтники королевскіе отклонили щекотливое предложеніе, успѣвъ доказать опрометчивость расчета на русское безсиліе при наступательной войнѣ со стороны Швеціи.

И это былъ послѣдній случай разорвать прекрасно устроенное для Швеціи, а не для насъ конечно уже, положеніе дѣлъ — до Петра I, съ самой молодости гонимого о потерѣ Невы. Петровскіе походы, впрочемъ, такъ извѣстны, что мы не будемъ здѣсь входить въ особыя подробности ихъ и по части овладѣнія невскимъ проходомъ изъ Ладоги въ Балтику.

Испытавъ безплодно средства добыть у Швеціи невскій проходъ мирнымъ путемъ дипломатическихъ сношеній, Петръ I во время перваго путешествія своего по Европѣ сойдясь съ польскимъ королемъ — саксонскимъ курфирстомъ — Августомъ II, принялъ участіе въ состоявшемся тройномъ союзѣ сѣверныхъ державъ (Даніи и Польши съ Россіею) противъ Швеціи. Согласно взаимному договору о поддержкѣ, онъ на другой же день по полученіи въ Москвѣ ратификаціи мира съ турками, 19-го августа 1700 года объявилъ войну шведскому королю. Приготовленія дѣлались исподоволь, давно уже, и, вслѣдъ за объявленіемъ войны двинути достаточныя силы къ сѣверо-западной окраинѣ русскихъ владѣній. Сентября 23-го самъ государь явился уже къ войску, расположенному у Нарвы за три недѣли ранѣе. Съ 20-го октября осаждающіе Нарву открыли по укрѣпленіямъ ея артиллерійскій огонь, но большаго вреда обстрѣливаніемъ изъ полевыхъ орудій не могли нанести крѣпкимъ стѣнамъ города, не разъ уже выдерживавшаго осады наши. Осень стояла дождливая; пути для транспортировки тяжелой артиллеріи были совершенно непроходимы въ болотистой сторонѣ, какова Ингерманландія. По этому подвозъ артиллерійскаго обоза замедлился и неизвестность его доставки въ лагерь при Нарвѣ положительно влила на упадокъ духа войскъ, видѣвшихъ передъ собою перспективу стоянья подъ дождемъ въ постоянной сырости и безъ всякихъ средствъ защиты отъ холода. Даже доставка провіанта шла не регулярно, заставляя терпѣть недостатокъ и въ первыхъ потребностяхъ питанія. При такомъ положеніи, энергическій характеръ Петра выразился во внезапномъ почти отъѣздѣ его въ Новгородъ для личнаго распоряженія о подвозѣ. Безъ государя же, при неизвестномъ войску иностранцѣмъ главнокомандующемъ — дукѣ де Бура, прибывшемъ прямо въ станъ на службу Россіи и неуважаемомъ (вслѣдствіе непониманія отчасти его приказаній), — вдругъ получено извѣстіе о движеніи Карла XII къ Нарвѣ съ большими силами. Не удержавъ при Сига-юки шведскаго короля, вслѣдствіе опрометчивости начальника передоваго полка, знаменитый послѣдствіемъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ носившимъ отступленіемъ (чуть не бѣгствомъ) отъ русскихъ силъ распространялъ о числѣ ихъ и невозможности держаться — безъ сомнѣнія фантастическіе слухи, вымышленные переполохомъ. Прибѣтіе Шереметева къ главнымъ силамъ нашимъ, между тѣмъ, предварило появленіе шведовъ десятку часами и прозвело еще большуя кутерьму въ осадномъ корпусѣ, растянутомъ по траншейнымъ линіямъ громаднаго объема, несоотвѣтственнаго средствамъ наличнаго войска. Къ тому же, въ часъ появленія шведовъ передъ нашими осадными линіями, началась жестокая митья, скрывшая приближеніе непріятеля. Полки наши, простоявъ цѣлую ночь подъ ружьемъ съ вечера еще, — вслѣдъ за сообщеніемъ Шереметева и удаленіемъ его за Нарву со сломкою за собою моста — были уже утомлены; а со стороны главнаго начальства не сдѣлано никакого плана дѣйствій, въ данномъ случаѣ ожидаемаго нападенія. Кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ, все прочее войско было изъ новобрянцевъ и дрогнуло при рѣшительномъ натискѣ шведовъ, предводимыхъ лично королемъ-героемъ. Началось побѣднѣе разрозненіе частей 37-тысячной русской арміи! Гвардейскіе полки между тѣмъ отчаянно зашатались среди общаго смятенія и, отбиваясь отъ шведовъ, дошли до Наровы, оказываясь страшными противниками утомленныхъ побѣдителей, путившихся грабить нашъ оставленный лагерь. Карлъ тутъ выказалъ себя политикомъ, хотя поступилъ нечестно: пригласилъ начальниковъ русскихъ для переговоровъ и захватилъ ихъ, нарушивъ данное слово свое объ охранѣ. Тѣмъ не менѣе состоялось перемирие — и полками русскимъ предоставленъ свободный проходъ за Нарву. Когда же они удалились, начальники ихъ прочихъ войскъ, съ артиллеріею и обозомъ захвачены шведами.

Петръ узнавъ непріятную вѣсть въ Новгородѣ, но, не предаваясь отчаянію, принялъ самую горячую мѣру къ образованію на весну втрое большаго войска, вѣреннаго въ команду единственному генералу, не поцавшему въ лѣтѣ къ шведамъ — Шереметеву. Самая полетра артиллеріи, къ веснѣ была по возможности вознаграждена отлитіемъ новыхъ орудій. Побѣдитель, между тѣмъ, считая свое дѣло съ Петромъ I конченнымъ и его вполнѣ уничтоженнымъ, устремился на польскаго короля, давъ царю возможность поправиться. 1701 годъ однако съ нашей стороны прошелъ безрезультатно. Несмотря на частыя напоминанія царя, его полководецъ не отваживался схватиться съ образованнымъ по дисциплинѣ и выправкѣ шведскими полками, стоя на исконской границѣ. Уже къ концу года онъ отважился вступить въ Лифляндію, гдѣ командовалъ шведскій генералъ Шлиппенбахъ, а, пользуясь его ошибкою расположенія эшелонами частей конницы на разобщае-

Ломбардская жница. Картина Л. Біанки. Рисов. на деревѣ Прикорскій.

мой болотами мѣстности, — напал на него при мызѣ Эрестферъ (30 декабря 1701 г.) и нанесъ неосторожному поителю полное поражение. Петръ I получилъ объ этомъ извѣщеніе отъ сына побѣдителя, въ Москвѣ, 6 января 1702 г., и немедленно начерталъ планъ наступательныхъ дѣйствій слѣдующей кампаніи, переноса оружія на Неву. Съ открытіемъ рѣкъ должно было ударить русскимъ съ двухъ сторонъ на шведскаго командира Кроніорга: съ запада — Шереметеву, а съ востока — движеніемъ отъ Ладоги — боярину Петру Апраксину заходить въ тылъ шведамъ, направляясь къ Нотеборгу и Нѣншанцу. Невскій городъ еще укрѣпленъ былъ новыми земляными верками на нынѣшней Малой Охтѣ и редутомъ за Невою, напротивъ, на мѣстѣ Смольнаго монастыря. Въ укрѣпленіи посажено было 10 полковъ (7 конныхъ, — до 3000 человекъ, и 3 пѣхотныхъ — до 1000 чел.), всего больше 4000 человекъ; да въ подспорье гарнизону вооружены 300 чел. горожанъ. Внѣшнее укрѣпленіе предъ крѣпостью заключалось въ высокомъ валу съ тремя бастіонами и въ глубокомъ рвѣ предъ ними. Въ редутѣ на мѣстѣ Спасскаго посада (Смольнаго монастыря теперь) было еще 1000 человекъ вооруженныхъ ружьями. На всѣхъ же нѣншанцскихъ укрѣпленіяхъ было до 100 пушекъ чугуныхъ, да 25 пушекъ было въ полевой артиллеріи Кроніорга. Бывшій Оршешекъ заключалъ только 300 человекъ гарнизона, но, по положенію на островѣ и при высокихъ стѣнахъ крѣпости, шведы считали взятіе ея русскими невозможнымъ, больше всего опасаясь за Нѣншанецъ. Для отвлеченія силъ Петра, непріятели наши пустили при этомъ молву о своемъ намѣреніи будто бы произвести десантъ на Бѣломъ морѣ для уничтоженія архангельскихъ верфи и порта. Осторожный Петръ попалъ на эту удочку ихъ — и все почти лѣто провелъ на бѣломорскомъ берегу, ожидалъ тщетно нападенія. Уже въ августѣ онъ понялъ уловку врага и поспѣшилъ къ берегамъ Ладоги, гдѣ начались военные дѣйствія выступленіемъ Апраксина за шведскій рубежъ. Встрѣча не вполне умѣлаго воеводы съ Кроніоргомъ, къ счастью, кончилась нашею побѣдою и упадкомъ духа шведскаго начальника — до того даже, что достигнувъ (послѣ сшибки при Дудергофѣ) Нѣншанца, онъ не считалъ за благо здѣсь оставаться, бросившись къ Выборгу и оставивъ намъ свободнымъ все теченіе Невы. Петръ I, получивъ объ этомъ донесеніе, предписалъ Шереметеву идти скорѣе на Назью и, здѣсь, ввѣривъ начальство надъ всѣми 14 полками своими фельдмаршалу, двинулъ ихъ къ Нотеборгу, не смотря на конецъ сентября. Осада этой крѣпости кончилась штурмомъ и сдачею ея намъ, 11-го октября, прежде чѣмъ Кроніортъ отважился подать помощь осажденнымъ. Сдѣлавъ своего любимца Меньшикова губернаторомъ завоеванной крѣпости, переименованной *ключемъ-городомъ* — Шлиссельбургомъ, — Петръ I удалился въ Москву, расположивъ войско гарнизонамъ для удержанія за собою приобрѣтеныя, которымъ онъ не думалъ ограничиваться.

Съ февраля 1703 г. началось движеніе войскъ къ Невѣ, но за равнымъ разлитіемъ рѣкъ, Шереметевъ могъ привести главныя силы (и то не всѣ) изъ Пскова и Новгорода въ Шлиссельбургъ только 23-го апрѣля, хотя царь жилъ уже здѣсь самъ больше мѣсяца (съ 19-го марта). Давъ только дневку одну войску въ Шлиссельбургѣ, Петръ послалъ осадный корпусъ къ Нѣншанцу; въ составѣ 2 полковъ гвардейскихъ, 2 драгунскихъ, 20 батальоновъ дивизіи Репнина, 10 батальоновъ Брюса и новгородскихъ дворянъ (нѣсколькихъ сотенъ). Ночью на 25-е апрѣля авангардъ подошелъ къ крѣпости и чуть-было не взялъ ее, отбивая вылазку враговъ и за ними вслѣдъ поднявшись на валъ. Этотъ подвигъ совершилъ майоромъ преображенскимъ Глѣбовскимъ, не получившимъ подкрѣпленія отъ вѣнца Нейдгарта, начальника всего отряда, отговорившагося неимѣніемъ на то приказа. Днемъ подошли всѣ русскія силы, обложивъ пятибастіонное укрѣпленіе съ обоихъ береговъ Охты и пересѣкши всѣ пути къ Нѣншанцу, извѣвъ. Сдѣлано было коменданту крѣпости Аполлову (Опалеву) предложеніе о сдачѣ ея, но онъ на него отвѣчалъ отказомъ, хотя видѣлъ невозможность устоять. Пришло, овладѣвъ Спасскимъ редутомъ, вести правильныя траншеи и открыть бомбардировку по укрѣпленію, въ теченіи шести часовъ разбившую все внутри крѣпости, что могло назваться приютомъ и убѣжищемъ для беззащитнаго населенія и недостаточнаго гарнизона. Только приведеніе въ такую крайность переломило упорство коменданта, и онъ предложилъ сдать на аккордъ Нѣншанецъ. Петръ отвергнулъ позднее предложеніе и требовалъ преданія своей судьбы великодушію побѣдителя, обѣщая не только полную безопасность всѣмъ бывшимъ въ крѣпости, но даже — суда для перевозки въ Нарву. Сдача Нѣншанца на этомъ и состоялась утромъ 1 мая 1703 г., сдѣлавъ Петра I властелиномъ всего теченія Невы. На другой же день послѣ торжества по этому случаю, къ острову Котлину пришелъ шведскій флотъ подъ начальствомъ вице-адмирала Нуммерса, незнавшаго о судьбѣ крѣпости.

ЛОМБАРДСКАЯ ЖНИЦА.

Необыкновенное плодородіе почвы, усугубленное системой каналовъ; какъ судоходныхъ, такъ и ирригационныхъ (служящихъ для искусственнаго орошенія страны), сдѣлало Ломбардію житницей не только Италіи, но и другихъ частей Европы, съ которой она ведетъ вывозную торговлю хлѣбомъ, рисомъ и прочими сельско-хозяйственными продуктами. Имя свое этотъ благословенный уголокъ земли заимствовалъ отъ лонгобардовъ, народа гер-

Петръ I еще ранѣе сдѣли Нѣншанца, осматривая невскій выходъ въ море, оставилъ на островахъ на взморьѣ партію гвардейцевъ своихъ подъ начальствомъ бдительнаго Щепотева. Отъ него получено было извѣстіе (5 мая), что эскадра выслала къ устьямъ Невы два судна, которые спускали боть къ одному изъ острововъ за лодчанами; разумѣется, безъ успѣха. Напротивъ, у шведовъ явилось даже подозрѣніе бѣды по случаю захвата нашими нѣсколькихъ людей ихъ, углубившихся въ лѣсъ въ своихъ поискахъ. Опасеніе попасть въ просакъ, если пуститься безъ проводника по Невѣ ночью, хотя и свѣтлою въ это время года, заставляло командировъ обоихъ пришедшихъ судовъ — 10 пушечнаго адмиральскаго бота «Геданъ» и шнявы (8 пушечной) «Астрильдъ» — дожидаться свѣта въ томъ мѣстѣ, гдѣ бросили они якоря. Петръ, боясь упустить вѣрную, какъ ему казалось, добычу, поспѣшилъ въ этотъ же вечеръ на 30 лодкахъ на взморье. Прибывъ къ нынѣшнему Екатерингофу еще довольно рано, Петръ половину лодокъ ввѣрилъ Меньшикову, а надъ 15 остальными принялъ самъ начальство, рѣшивъ взять шведскіе суда на абордажъ.

Для этого со своего флотиліею государь обогнулъ весь Васильевскій островъ и захвативъ изъ пролива между Вольными островами, — передъ разсвѣтомъ сталъ оттуда спускаться къ «Гедану». Когда показалась изъ-за острова первая лодка, Меньшиковъ двинулся быстро со своею частью флотиліи къ «Астрильду» съ противоположной стороны. Шведы, замѣтивъ поздно засаду, спѣшно принялись вынимать якоря и становиться подъ паруса, и готовясь къ уходу открыли сильный огонь по подымающимся лодкамъ; но онѣ были уже близко, — особенно Петръ I. Приставъ къ «Гедану» съ передовыми восемью лодками, — когда другія значительно еще были назади, — герой государь одинъ изъ первыхъ принялся ручными гранатами очищать палубу и, отгнѣсивъ отъ борта защитниковъ, съ топоромъ въ рукѣ всколыхнул на судно. Загорѣлся отчаянный рукопашный бой, но сила превозмогла героизмъ, уложивъ изъ 77 человекъ экипажа обоихъ судовъ — 63. Нужно ли прибавлять, что Петръ въ этотъ моментъ подвергался опасности? Провидѣніе, увѣнчавшее смѣлымъ подвѣгомъ его побѣдою, на разсвѣтѣ 7 мая 1703 г. въ устьяхъ Невы, назначило уже за бѣдствія и терпѣніе русскихъ людей: *передать имъ исконое достоиніе отцовъ — выходы невскій въ море*. На молебствіи 10 мая, герои завоеватели судовъ получили ленты св. Андрея, и царь принесъ благодареніе Господу силъ за помощь въ «никогда же бывшей морской побѣдѣ». За нею, съѣздивъ въ Олонецъ — потопить пришедъ сооруженной эскадры, — неустрашимый монархъ уже закладываетъ въ свои нѣмныя крѣпость «Питербургъ» на Невѣ, заирая ея доступъ для недавнихъ властителей рѣки въ эти воды, съ тѣхъ поръ обязанныя служить мирному процессу цивилизаціи.

Мы не считаемъ входящимъ въ грани нашей задачи дальнѣйшей исторіи Петербурга и Невы — уже не вырываемой изъ русскихъ рукъ, хотя борьба съ Швеціей, истощившая это государство, длилась еще 18 лѣтъ и кончилась уступкою намъ по ништадскому миру не только невской стороны съ враждебнымъ нѣкогда Выборгомъ, завоеваннымъ оружіемъ Петра I при третьемъ походѣ туда въ 1710 г., — но и всего Остзейскаго края. Набѣги шведовъ на Петербургъ въ первые годы по его основаніи (1703, 4, 5, 6 и 8) тоже мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь, относя ихъ къ исторіи нынѣшней столицы русскаго царства, которую отнять думали еще шведы въ годъ вступленія на престолъ державной дочери Петра I, кроткой Елисаветы. Съ такими же затѣями принималъ участіе въ интригахъ враговъ Россіи и предприимчивый Густавъ III, надменный родственникъ Екатерины II, угрожая ей предписаніемъ условій мира въ Зимнемъ дворцѣ (1788—89 г.) Бѣгство постыдное съ потерей лучшей части флота въ Выборгскомъ заливѣ и униженная просьба о мирѣ, заключенномъ въ Верелѣ, были однако результатомъ усилій рыцарствующаго короля поколебать покой сѣверной Минервы и ея столицы. Среди ея на вѣки бдительнымъ стражемъ общаго покоя, поднялся на скалѣ исполнѣнъ надъ Невою, говоря уже осмому поколѣнію русскихъ о славной борьбѣ своей на благо-роднѣи и о томъ, что онъ, исполняя долгъ свой предводителя великаго народа, доказывалъ, что «жизнь ему не дорога — была бы Россія въ чести и въ славу!» Высокія чувства оправдывались великими дѣлами безсмертнаго, указавшаго Россіи новый путь открытіемъ невскаго пути для всемирной торговли и постройкою Петербурга подлѣ бывшаго Нѣншанца, при самомъ такъ-сказать рожденіи своемъ возбуждавшаго уже зависть въ старшихъ братьяхъ-городахъ, какъ мы выше замѣчали.

Невскій путь, еще разъ повторимъ, это — дорога прогресса Россіи; обладаніе берегами Балтики — жизненная струя нашей родины, приводящая въ правильное движеніе средства могучей державы, единственной въ мирѣ.

манскаго племени, который, вторгнувшись сюда въ концѣ VI вѣка по Рождествѣ Христовѣ, положилъ начало новой крѣпкой и энергичной расѣ, такъ отличающейся своею энергіею и дѣятельностью отъ извѣженныхъ, лѣнивыхъ сыновъ южной Италіи. Достаточно взглянуть на прилагаемый рисунокъ, чтобы получить полное понятіе о красотѣ этого племени.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло игуменни Митрофаніи въ Московскомъ окружномъ судѣ (*).

(Окончаніе).

Спросъ свидѣтелей по этому замѣчательному дѣлу, вмѣстѣ съ показаніемъ экспертовъ, слышавшихъ почерки на поддѣльныхъ и дѣйствительныхъ документахъ Лебедева, Макарова, Солодовникова и другихъ, продолжался болѣе 10-ти дней и выяснилъ дѣло не въ пользу подсудимой. Несмотря на это, игуменья Митрофанія не оставяла безъ отвѣта ни одного изъ свидѣтельскихъ показаній, представляла свои доказательства и опроверженія, сама предлагала вопросы свидѣтелямъ и вообще выказала замѣчательную находчивость и необыкновенное присутствие духа. 16-го октября, ровно въ 11 часовъ, по окончаніи судебного слѣдствія, началъ свою обвинительную рѣчь прокуроръ Жуковъ. Въ началѣ рѣчи, г. прокуроръ, указавъ на то, что дѣло это является безпримѣрнымъ въ уголовныхъ лѣтонисяхъ, сказалъ, что оно представляетъ интересъ не только въ юридическомъ, но и въ общественномъ отношеніяхъ. Сверхъ того, это дѣло весьма ярко обрисовываетъ нравы всѣхъ слоевъ общества. На почвѣ любви, благотворительности и самоотверженія возникло уголовное дѣло, представляющее цѣлый рядъ обмановъ, подлоговъ и необыкновенной изворотливости. Благотворительность, столь присущая русскому человѣку, заслуживаетъ уваженія лишь тогда, когда она вызывается свободнымъ, искреннимъ чувствомъ; въ данномъ же случаѣ благотворительность опирается на насиліе, дѣйствуетъ посредствомъ обмана и всяческихъ подлоговъ, а потому можетъ только оттолкнуть отъ себя. Указавъ далѣе на происхожденіе главной виновницы и руководительницы всего дѣла, на ея связи, положеніе въ свѣтѣ и въ монашествѣ, на аттестацію духовнаго начальства о ея нравственныхъ качествахъ, наконецъ, на покровительство къ ней многихъ сильныхъ лицъ, довѣріе которыхъ она обращала въ орудіе преступныхъ своихъ дѣйствій,—прокуроръ перешелъ къ подробному разсмотрѣнію уликъ, вытекающихъ изъ показаній многочисленныхъ свидѣтелей. Рѣчь свою прокуроръ заключилъ общей характеристикой подсудимой и главнѣйшихъ ея сторонниковъ, причемъ игуменья Митрофанія горько плакала. Послѣ рѣчи прокурора Жукова, длившейся 5 часовъ 10 минутъ, говорилъ товарищъ его, Смирновъ, на долю котораго выпало обвиненіе игуменни въ преступленіяхъ, касающихся Солодовниковскаго дѣла. Г. Смирновъ поддерживалъ обвиненіе съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, и говорилъ два часа. На другой день, 17-го октября, произнесли свои рѣчи повѣренные гражданскихъ истцовъ: гг. Лохвицкій, Плевако и Громницкій, а также защитники игуменни: Щелканъ и Шайкевичъ, и защитники остальныхъ подсудимыхъ, послѣ чего стороны обмѣнялись возраженіями и наконецъ произнесъ свою заключительную рѣчь председатель суда г. Дейеръ. Въ рѣчи своей онъ старался выяснитъ для присяжныхъ засѣдателей значеніе всѣхъ представителей и органовъ суда, сдѣлавъ общую характеристику свидѣтельскихъ показаній, причемъ подвелъ ихъ къ нѣсколькимъ типамъ, въ общихъ чертахъ указавъ на ту точку зрѣнія, съ которой необходимо смотрѣть на вещественныя доказательства, и въ особенности на показанія экспертовъ, въ заключеніе опредѣлилъ самый порядокъ произнесенія приговора присяжными засѣдателями. На предложенный затѣмъ председателемъ суда вопросъ: желаетъ-ли подсудимая сказать что-нибудь въ свое оправданіе, игуменья Митрофанія, пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, обратилась къ присяжнымъ засѣдателямъ съ слѣдующими словами:

«Гг. присяжные засѣдатели! Всѣ эти четырнадцать дней вы были свидѣтелями того позора, тѣхъ обвиненій и тѣхъ страданій, которыя я перенесла; перенесла же я ихъ по моей любви къ страждущему человечеству. Обвинительная власть дала вамъ замѣтить, а равно гражданскіе истцы, что подъ монашескою рясою скрывается преступленіе. Нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели, я монашескую рясу надѣла не для того, чтобы прикрывать преступленія! Наставникъ мой, митрополитъ Филаретъ, не училъ меня тому. Называли меня здѣсь Тартюфомъ, но я не заслужила этого нареканія. Проступленіе мое, какъ моей личности, такъ и моей дѣятельности въ теченіе 22 лѣтъ, принадлежитъ моему епархіальному начальству. Вы читали мой формулярный списокъ, надъ которымъ г. прокуроръ позволилъ себѣ даже глумиться; значитъ, онъ не придаетъ вѣры никакой ни аттестату моего начальства, которое одобрило меня въ хорошихъ качествахъ; онъ не даетъ вѣры, какъ видите, одобренію высокопоставленныхъ лицъ.» Затѣмъ игуменья Митрофанія обратилась къ перечисленію собственныхъ заслугъ своихъ на пользу тѣхъ учреждений, которыми она призвана была завѣдывать. «Все кончилось къ тому, — говорила она, — чтобы меня обвинить. Но, гг. присяжные, меня обвиняютъ невинную. Вы разорите цѣлое учрежденіе, и не одно, а нѣсколько: вы отнимите кровь у сиротъ, которыхъ я собрала, если обвините меня. Г. прокуроръ старался васъ увѣрить, что епархіальное начальство заплатитъ всѣмъ. Я говорю здѣсь вамъ, какъ предъ Богомъ, что оно не можетъ заплатить, и г. прокуроръ долженъ знать это. Изъ суммъ духовнаго почительства удѣлить оно ни-

чего не можетъ. Если меня оправдаютъ, то, конечно, все будетъ уплачено». «Я должна обратить ваше вниманіе на то, на что мои защитники вниманія не обратили, вѣроятно по забвенію. Я собрала пожертвованій до миліона рублей. Никогда никто не подавалъ на меня ни одной жалобы. Мое епархіальное начальство никогда не относилось ко мнѣ иначе, какъ съ благоволеніемъ. Тѣхъ суммъ, тѣхъ средствъ, которыми я пользовалась, было достаточно. Мнѣ не нужно было совершать подлоги... Отчеты я подавала своевременно... Въ теченіе 12 лѣтъ, было подано пособій болѣе чѣмъ 150 тысячамъ больныхъ, данъ пріютъ болѣе чѣмъ 200 тысячамъ сграницъ, воспитывалось болѣе 300 сиротъ. Вотъ, гг. присяжные, какимъ образомъ я приобрѣтала довѣріе, которое я старалась заслужить. Я посѣщала, какъ и вамъ говорила, хижину мужика и хоромы вельможи, которые были мнѣ одинаково близки; вотъ почему я была и у Солодовникова». Далѣе игуменья упоминаетъ о нѣкоторыхъ своихъ пожертвованіяхъ на пользу монастыря и общины, прибавляя при этомъ, что она всегда давала такъ, чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая, и что она не желала награды за свои пожертвованія и заслуги, а потому и не доводила о нихъ до свѣдѣнія начальства.» «Я убѣждена, сказала она въ заключеніе,— что вы, гг. присяжные, не осудите по убѣжденію другихъ. Судите по тому убѣжденію, что должны дать отвѣтъ Богу, если вы осудите напрасно. Моя участь связана съ участью нѣсколькихъ сотъ сиротъ. Я знаю, они слезы проливаютъ обо мнѣ... (плачетъ) моя участь связана съ тѣми... Если вы возвратите меня въ общину, они возрадуются... Скажите, какая была мнѣ цѣль совершать подлогъ? Я имѣла достаточно денегъ. Солодовниковъ пожертвовалъ, я была очень рада, да и имѣла ли я право отказать? Виновата ли я, что его братъ страдаетъ умственными разстройствомъ? Виновата ли я въ томъ, что г-жа Медынцова подпала подъ вліяніе г. Толбузина?.. Вамъ хорошо объяснили, что уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года она находилась подъ его вліяніемъ. Если она жила подъ моею кровлею, то это не значитъ, что она находилась подъ моимъ вліяніемъ... Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, если Господь подкрѣпилъ меня перенести тѣ пытки, которыя я перенесла (плачетъ), если онъ подкрѣпилъ меня здѣсь, на судѣ, и я была такъ тверда въ эти 14 дней,—то это есть особенная Его милость. Укрѣпила же меня мысль, что если самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ приреченъ на судъ Пилата,—что же я? неужели же мнѣ не благодаритъ Господа, что онъ далъ мнѣ возможность быть соучастницей въ Его страданіяхъ? Я дала обѣтъ предъ крестомъ, предъ Евангелиемъ, переносить безъ разбора всякій позоръ. Отъ васъ зависитъ отнестись ко мнѣ съ довѣріемъ или безъ довѣрія. Тутъ много говорили о моемъ высокомъ положеніи, но я объ этомъ никогда не думала; я считала, что я обязана дѣйствовать, если Господь далъ мнѣ способность помогать страждущему человечеству. Какая тутъ можетъ быть корыстная цѣль? Что мнѣ нужно? Прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, когда будете совѣщаться относительно моей участи, вспомните все это... Считаю долгомъ совѣсти просить васъ за Махалина; его защитникъ совершенно вѣрно выразился о немъ: онъ былъ только исполнителемъ моихъ приказаній; за его вѣрность ко мнѣ онъ томится, какъ и я, полтора года подъ стражей. Я увѣрена, что вы отнесетесь ко мнѣ съ такимъ же довѣріемъ, какъ и я къ вамъ... Я убѣждена, что никакія напоминанія со стороны судебной власти не поколеблютъ васъ... 22 года я не имѣла никакой нужды совершать подлоги: вдругъ на 23 годѣ я полетѣлась въ пользу сиротъ. Если подумаютъ, что тщеславіе заставило меня это сдѣлать, то что могли мнѣ прибавить къ тому, что имѣю? Я вошла въ монастырь не для того, чтобы получать отлічія, и если мнѣ достались награды, то не могла же я ихъ не взять. Спрашивается, въ чемъ же я виновата? Чѣмъ я исказила монашество? Не тѣмъ ли, что я старалась служить страждущему человечеству? Если вы вынесете оправдательный приговоръ, то я, несмотря на разбитое здоровье, буду считать себя все-таки обязанною служить тому человечеству, которое такъ неблагодарно со мною поступило». Судомъ поставлено было около 300 вопросовъ, по каждому веселою особо. Получивъ списокъ этихъ вопросовъ, присяжные удалились въ свою комнату для совѣщанія и, спустя четыре часа, т. е. около 2-хъ часовъ пополудни, вынесли приговоръ, по которому подсудимую игуменью Митрофанію признали виновною: въ поддѣлкѣ векселей купца Лебедева; въ поддѣлкѣ бланковой подписи купца Макарова на одномъ изъ вышеозначенныхъ векселей; въ поддѣлкѣ векселей Солодовникова, а также росписокъ, будто бы выданныхъ имъ въ разное время на имя игуменни Митрофаніи; въ обманномъ взятіи у Медынцовой вексельныхъ бланковъ и въ написаніи на нихъ векселей; въ составленіи неправильнаго счета отъ имени портнихи Игнатьевой и въ томъ, что подговаривала другое лицо росписаться въ полученіи по сему счету, по довѣренности портнихи, денегъ; въ обманномъ взятіи у Медынцовой подписи на актѣ, содержащемъ

*) См. № 46 „Правда“.

признание ею долговых обязательств на 150,000 рублей и, наконец, в продажѣ принадлежащихъ Медынцевой шубы и муфты безъ вѣдома и согласія владѣльницы.

Подсудимыхъ: Макарова, Махалина, Красныхъ и Трахтенберга присяжные признали виновными во введённыхъ на нихъ обвиненіяхъ. На основаніи такого вердикта присяжныхъ, судъ постановилъ слѣдующій приговоръ:

1874 года октября 5-го—19-го дней московскій окружный судъ по 1-му отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя П. А. Дейера, въ составѣ члена Е. Р. Ринка и приглашеннаго, на основаніи 146 ст. учр. суд. уст., почетнаго мирового судьи М. П. Щенкина, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, при прокурорѣ суда К. Н. Жукովѣ и товарищѣ прокурора Смирновѣ и исправляющемъ должность секретаря Вишняковѣ, выслушавъ дѣло объ игуменіи серпуховскаго владычнаго монастыря и начальницѣ покровской общины сестеръ милосердія Митрофаніи, московскомъ купцѣ Павлѣ Васильевѣ Макаровѣ, временно-серпуховскомъ купцѣ Алексѣѣ Платоновѣ Махалинѣ, зубномъ врачѣ Львѣ Даниловѣ Трахтенбергѣ и временно-сапожковскомъ купцѣ Яковѣ Григорьевѣ Красныхъ, обви-

няемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ, опредѣлилъ: 1) подсудимую, начальницу московской епархіальной владычне-покровской общины сестеръ милосердія и серпуховскаго владычнаго монастыря игуменю Митрофанію, 54 лѣтъ, въ силу рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и на основаніи улож. о наказ. ст. 1160, 1692, 1694, 1688, 1682 и 31, степеніи I и уст. угол. суд. ст. 828, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію ей присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ея жительства, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, и потомъ выѣзда въ другія губерніи или области Сибири въ продолженіе одиннадцати лѣтъ; 2) подсудимыхъ Макарова, Махалина, Трахтенберга и Красныхъ, въ силу того же рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и на основаніи уст. угол. суд. ст. 771 п. 1, считать по суду оправданными; 3) требованія гражданскихъ истцовъ удовлетворить признаніемъ имѣющихся при дѣлѣ векселей и росписокъ ничтожными и присужденіемъ въ пользу Тицнеръ ст. игуменіи Митрофаніи стоимости векселей съ процентами со дня ихъ протеста, и 4) о вещественныхъ доказательствахъ имѣть сужденіе особо.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

«Братья разбойники» Лушкіна.

Среди всѣхъ благъ современной цивилизаціи, есть міръ незримый большинству населенія, таящійся отъ дневнаго свѣта, какое-то замкнутое темное царство, на вратахъ котораго мрачно красуется зловѣщая надпись: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate* (отриньте всякую надежду, вошедши сюда). Здѣсь безгранично властвуетъ зло, преступленіе, грабежъ, убійство, угрызения совѣсти, забвеніе ихъ въ винѣ и развратѣ.... Словомъ, всѣ ужасы надшей человѣческой природы....

Тѣмъ не менѣе, это люди—и ничто человѣческое имъ не чуждо, хотя человѣчность ихъ проявляется лишь урывками и перѣдко рядомъ съ неслышаннымъ звѣрствомъ. Еще задолго до проведенія этого взгляда въ законодательство и до отміны страшнаго тѣлеснаго наказанія, великій русскій поэтъ гениальнымъ чутьемъ натолкнулся на типы этихъ отверженцовъ и художественно изобразилъ ихъ въ поэмѣ «братья разбойники». Припомнимъ, что разсказываетъ одинъ изъ такихъ злодѣевъ собравшимся въ кружокъ товарищамъ во время ночнаго привала въ лѣсу.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ, нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизньъ была не въ радость....
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь....
Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднѣе дорогой
Богатый жидъ иль полъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой бывало, въ ночь глухую,
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?

Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли—все даромъ—пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ....

Но какъ ужасно пробуждается совѣсть въ одномъ изъ братьевъ, когда онъ, истощенный тюрьмой, ослабленный физически, изнеможенный болѣзнью, мечется въ бреду!...

«Всѣхъ чаще образъ старика
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ, жалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ....
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его, онъ не опасенъ...
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ....
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его, авось мольбами
Смягчитъ за васъ онъ Божій гнѣвъ»....
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ
Въ тюрьму прішедшихъ изъ лѣсовъ,
То слышалъ ихъ ужасный шопоть....

Когда же несчастный, едва оправясь отъ недуга, бѣжалъ съ братомъ изъ тюрьмы—и не вынеся осеняго холода, лишений, умеръ въ лѣсу, другой братъ, нѣкогда увлекшій его на разбой,

Все ждалъ, очнется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ....
Потомъ на прежнюю ловитву
Поселъ одинъ....

Но прежніе годы минули уже безвозвратно: ни попойки, ни веселые ночлеги не радовали уже ожесточеннаго сердца, какъ будто все это было взято могилой брата. Но хотя самая жалость давно умерла въ его сердцѣ, онъ все таки хранилъ воспоминаніе послѣднихъ минутъ брата—и рука его не поднималась на беззащитныя сѣдины. Даже теперь, при разсказѣ въ буйномъ кружкѣ новыхъ товарищей, лицо его орошалось слезами. Но надъ нимъ смѣются....

На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть;
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистенъ....
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть,
Она проснется въ чернѣй день.

РАЗУМНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

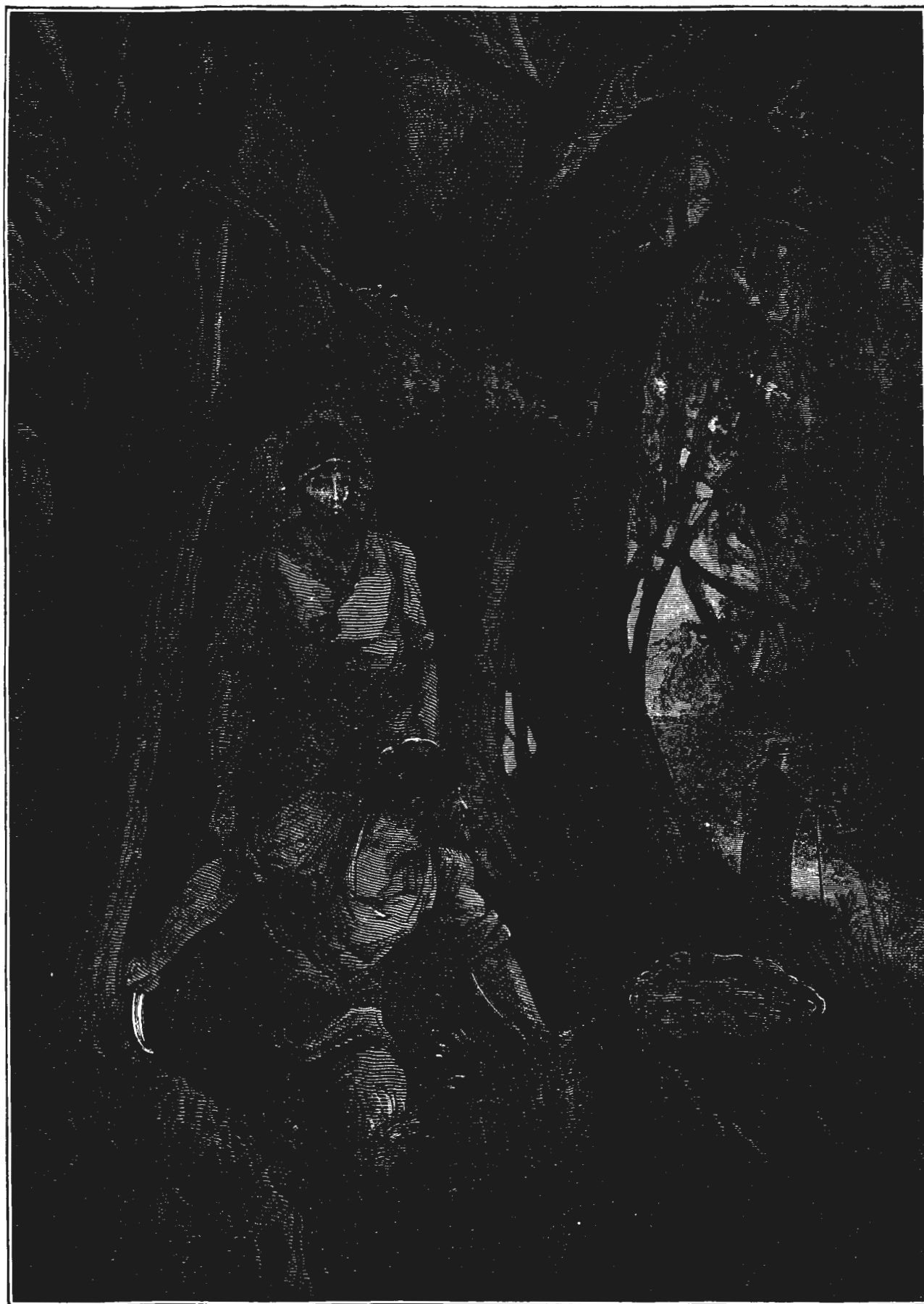
Физическое воспитаніе.

III.

Ребенокъ уже съ самаго своего рожденія на свѣтъ дѣлается предметомъ физическаго воспитанія. Внѣшній міръ составляетъ для него еще чуждую сферу, къ условіямъ ко-

торой онъ долженъ привыкнуть. Температура воздуха слишкомъ низка въ сравненіи съ температурой, въ которой ребенокъ находился прежде: необходимо поэтому тепло одѣвать его тѣло, чтобы оно не охладилось.

Оно такъ и дѣлается въ жизни—маленькихъ дѣтей закутываютъ въ подушки. Свѣтъ представляетъ для новорожденнаго ребенка совершенно новое условіе жизни, къ которому онъ привыкаетъ лишь постепенно—и вотъ по-

Литературный альбомъ. «Братья-разбойники». Пушкина. Рис. Медвѣдь, грав. Ольшевскій.

чему его сначала держать в полутемнотѣ. Если бы ребенка сразу подвергли дневному яркому свѣту, то этим вызвали бы у него болѣзнь глазъ. Самый воздухъ является для новорожденного младенца совершенно новою средою (прежде средою ему служили маточныя жидкости), вызывающею у него новый жизненный актъ дыханія. Первый крикъ ребенка есть признакъ того, что воздухъ вошелъ въ легкія, ибо безъ воздуха не только кричать невозможно, но даже издать какой бы то ни было звукъ. Дѣти рождающіяся молчаливыми—не дышатъ, и для возбужденія въ нихъ дыханія необходимо прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, какъ то: раздраженію кожи щекотаніемъ, шипаніемъ и проч. Нѣкоторые врачи прямо вдуваютъ посредствомъ трубочки воздухъ въ дыхательное горло ребенка и т. д. Само собою разумѣется, что воздухъ, которымъ дышитъ ребенокъ долженъ быть чистъ, безъ всякихъ вредныхъ примѣсей; иначе весьма чувствительная слизистая оболочка, выстилающая спутри дыхательные органы, будетъ раздражаться и подвергнется болѣзни, называемой катарромъ. Да и сама пища младенца (молоко) и самый актъ ѣды—дѣло для него совершенно новое, ибо въ утробной жизни онъ питался материнскою кровью, которая входила въ него чрезъ пупочные сосуды, и ему не приходилось вовсе употребить въ дѣло свой пищеварительный аппаратъ.

Итакъ, для новорожденного ребенка ново все, что составляетъ необходимыя условия его дальнѣйшаго развитія жизни. Ко всему новому надобно привыкнуть—и *правильное развитіе въ ребенкѣ привычекъ къ новой обстановкѣ* составляетъ задачу физическаго воспитанія.

Посмотримъ, какъ задача эта должна выполняться на дѣлѣ.

Прежде всего ребенка надо приучать къ *температурѣ воздуха*, которая, какъ мы уже сказали, ниже температуры, къ которой онъ привыкъ въ утробной жизни. Это достигается тремя способами: купаньемъ, одеждой и вентиляціей (провѣтриваньемъ) дѣтской комнаты.

а) *Купанье* имѣетъ цѣлью: во первыхъ, очистить кожу ребенка отъ накопляющейся на ней грязи*), засоряющей отверстія, чрезъ которыя выходитъ потъ; такая очистка необходима, иначе застоявшійся потъ будетъ раздражать кожу и вызывать сыпи. Во вторыхъ, купанье, въ прохладной водѣ, дѣлаетъ кожу плотною, упругою, лоспящеюся и нечувствительною къ холоду, т. е. невосприимчивою къ простудѣ. Купанье въ *теплой* водѣ, наоборотъ, дѣлаетъ кожу мягкою, дрожью, раздражительною и весьма восприимчивою къ простудѣ. Приучать ребенка къ холоду посредствомъ купаній въ прохладной водѣ значитъ *закалять* его, т. е. сдѣлать его невосприимчивымъ къ разнымъ такъ-называемымъ «катаррамъ»: носа (насморкамъ), гортани, легкыхъ и проч., къ которымъ такъ сильно расположены дѣти. Только эта привычка должна дѣлаться постепенно и съ осторожностію. Въ первые 6 недѣль ребенка еще купаютъ въ теплой водѣ, такъ какъ кожа его слишкомъ нѣжна и чувствительна. Послѣ 6-ти недѣль обмываніе тѣла производится уже не посредствомъ купанья, а посредствомъ *обтиранія* тѣла губкою, намоченной въ водѣ. Вода должна имѣть въ началѣ ту температуру, на которой остановились въ послѣдній день купанья, т. е. на ощущеніе тепловатую, какъ она бываетъ въ самоварѣ спустя два часа послѣ того, какъ онъ кипѣлъ. Намоченную губку выжимаютъ мѣсколкою и вытираютъ тотчасъ же мягкимъ полотенцемъ. Во избѣжаніе простуды, не слѣдуетъ обнажать сразу все тѣло ребенка, а сперва омывать ноги, не снимая рубашки, потомъ, снявши рубашку, покрывать ею грудь и животъ, какъ самые нѣжные орга-

ны, вытереть отдѣльно руки, шею, лицо, спину и наконецъ уже грудь и животъ, послѣ сего тотчасъ нужно одѣть ребенка надлежащимъ образомъ. Купанье въ теплой водѣ слѣдуетъ предпринимать сначала два раза въ недѣлю, а потомъ разъ въ недѣлю, чтобы отмыть плоть съ головы, не сходящую легко отъ холодной воды. Температуру воды для вытиранія слѣдуетъ также понижать ежедневно, хотя очень постепенно, такъ что опять черезъ 6 недѣль, т. е. на четвертомъ мѣсяцѣ, ребенка приходится вытирать комнатою водою безъ примѣси теплой. Тогда слѣдуетъ только вытирать сухимъ полотенцемъ покрѣпче кожу, чтобы возбудить ея дѣятельность. Когда ребенокъ уже начинаетъ становиться на ноги, его можно становить въ тазъ и медленно *поливаетъ* комнатною водою. Въ этомъ видѣ купанье въ холодной водѣ можетъ уже остаться на всю жизнь. Нужно только имѣть въ виду, чтобы время для мытья было выбрано удобное, утромъ, когда онъ не хочетъ ни спать ни ѣсть.

Мытье ребенка должно производиться ежедневно. Ежедневное обмываніе *всего* тѣла холодною водою чрезвычайно полезно и для взрослыхъ, особенно для тѣхъ, которые расположены къ простудамъ.

в) *Одежда* имѣетъ цѣлью защищать тѣло отъ рѣзкаго холода или сильной жары. Сообразно этому—одежда должна имѣть извѣстную форму, извѣстный цвѣтъ и надлежащую плотность. Такъ, зимняя одежда должна плотно прилегать къ тѣлу, быть темнаго цвѣта—и изъ плотной ткани, чтобы не пропускать теплоту изъ тѣла. Лѣтняя одежда, наоборотъ, должна быть просторна, яркаго цвѣта (всего лучше бѣлаго) и сита изъ рѣдкой ткани, чтобы *легко пропускать* теплоту изъ тѣла. Съ этимъ нужно соотноситься при устройствѣ одежды для ребенка. Чѣмъ меньше дитя, чѣмъ нѣжнее и чувствительнѣе его кожа, тѣмъ мягче, нѣжнее и теплѣе должна быть его одежда. Но забота о теплотѣ не должна переходить извѣстной мѣры и вытѣснять заботу о *приспособленіи* ко всякой части тѣла извѣстной одеждѣ. Укутываніе съ ногъ до головы въ пеленки и сивальники вредно, вслѣдствіе того, что отдѣльные члены стѣснены: руки притянуты къ тѣлу, голова не можетъ поворачиваться. Кромѣ того компактная одежда стѣсняетъ дыханіе, задерживаетъ испарину, вслѣдствіе чего ребенокъ потѣетъ и легко простуживается. Въ умѣренной комнатной температурѣ новорожденному совершенно достаточно, если голова его покрыта чепчикомъ, грудь и руки фланелевою кофточкой, а нижняя часть тѣла обернута въ мягкія пеленки, слегка придерживающіяся подъ руками короткимъ бинтомъ.

Когда дитя дѣлается старше, надо его медленно приучать къ менѣ теплой одеждѣ. Разумѣется, не надо впадать въ крайность, какъ это у насъ часто дѣлается, когда дѣтей водятъ съ голыми икрами, но надо по возможности стараться не изнѣживать кожу ребенка излишней одеждою. Разные шарфы, фуфайки поэтому очень вредны, такъ какъ приучаютъ кожу къ чрезмѣрной теплотѣ и тѣмъ дѣлаютъ ее наклонною къ простудамъ. Кромѣ того одежда не должна быть тѣсна, иначе она производитъ разстройство въ организмѣ: отъ узкой обуви искривляется нога, отъ тѣснаго платья дѣлаются застои крови въ однихъ органахъ и приливы къ другимъ. Что касается выбора тканей, то для дѣтей всего удобнѣе свѣтлыя, бумажныя, которыя легко моются; шерстяная же ихъ верхняя одежда должна часто вывѣтриваться, ибо теплыя и животныя ткани легко удерживаютъ въ себѣ разныя миазмы, т. е. заражающія вещества.

с) *Провѣтриваніе* или такъ-называемая «вентиляція» дѣтской комнаты есть третье главное условіе для приученія ребенка къ холоду и предохраненія его отъ простуды. Слишкомъ нагрѣтая комната, подобно тяже-

лой одеждѣ, дѣлаетъ кожу ребенка чувствительною, потливую и, слѣдовательно, наклонною къ простудамъ и воспаленіямъ. А между тѣмъ насчетъ этого больше всего грѣшать даже въ образованныхъ семействахъ, сознающихъ всю пользу вентиляціи для взрослыхъ. Дѣтскія комнаты обыкновенно бываютъ сильно затоплены. Кромѣ *охлажденія* воздуха, вентиляція имѣетъ еще цѣлью *очистить* воздухъ отъ вредныхъ примѣсей, которыя онъ всегда содержитъ въ себѣ. Къ вреднымъ примѣсямъ относятся угольная кислота, выдыхаемая людьми, испаренія отъ пота и мочи. Примѣси эти дѣйствуютъ вредно на кровь и производятъ у дѣтей малокровіе и золотуху. Между тѣмъ вентиляція дѣтскихъ комнатъ все менѣе примѣняется въ домашнемъ быту, изъ ложнаго опасенія родителей, чтобы дѣти не простудились. Вентиляція дѣтской должна производиться непременно каждый день какъ лѣтомъ, такъ и зимою и притомъ *сквознымъ вѣтромъ*, который всего лучше очищаетъ воздухъ. Само собою разумѣется, что ребенка въ это время нужно перенести въ другую комнату.

Въ дѣтской комнатѣ не должны спать много людей, такъ какъ они ночью портятъ воздухъ своими испареніями. Дѣти не должны спать съ взрослыми или съ другими дѣтьми въ одной кровати, а отдѣльно, чтобы не вдыхать чужихъ испареній и т. д.

Свѣтъ столь же необходимъ для развитія и процвѣтанія дѣтскаго организма, какъ онъ необходимъ для развитія и процвѣтанія растений. Дѣти, выросшія въ темныхъ жилищахъ—обыкновенно хилы, золотушны и страдаютъ глазами. Окна дѣтской комнаты поэтому всегда должны быть обращены на солнечную сторону, всего лучше на югъ, но никогда на сѣверъ, гдѣ солнца никогда не бываетъ.

Что до *пищи*, то дѣло извѣстное, что для груднаго ребенка нѣтъ другой, кромѣ молока. Молоко содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя для организма питательныя вещества въ растворенномъ состояніи. При отсутствіи у младенца зубовъ и слабости пищеварительнаго канала, другая пища, кромѣ жидкой, немислива. Лишь послѣ прорѣзыванія зубовъ ребенку можно давать плотную пищу—и то въ небольшомъ количествѣ. Всего лучше для дѣтей мясная и молочная кушанья; мучныя же, какъ хлѣбъ и картофель, составляющія главную пищу дѣтей бѣдныхъ, вредны, такъ какъ отъ нихъ у дѣтей развивается желудочно-кишечные катарры, золотуха и англійская болѣзнь. Не слѣдуетъ давать дѣтямъ *кофе* и крѣпкаго чая, такъ какъ отъ нихъ развивается нервная раздражительность, сопровождающаяся частыми приливами крови къ головѣ, а также сердцеебіеніе. О спиртныхъ напиткахъ не можетъ быть и рѣчи*).

Изложивъ пункты, составляющіе такъ-сказать краеугольные камни физическаго воспитанія, перейдемъ къ другимъ не менѣе важнымъ пунктамъ: къ развитію мышцъ путемъ цѣлесообразныхъ движеній и органовъ чувствъ путемъ разумнаго ихъ упражненія.

Относительно перваго пункта, т. е. развитія у ребенка мышцъ путемъ соответственныхъ движеній, Фребель совѣтуетъ воспользоваться естественнымъ влеченіемъ, обнаруживающимся у ребенка еще въ первомъ его возрастѣ,—влеченіемъ двигать руками и ногами, каковыя движенія очевидно доставляютъ ребенку большое удовольствіе. *Положите* ребенка на подушку, возьмите въ руку его ножки—попеременно то правую, то лѣвую, поднимайте ихъ вверхъ, сгибайте и разгибайте колыччатые суставы, исполняйте подобныя же движенія его руками. Эту гимнастику сопровождайте пѣніемъ, что доставитъ ребенку большую радость, такъ какъ дѣти вообще любятъ пѣніе, все равно какое бы ни было его содержаніе, лишь бы были

*) Грязь на тѣлѣ образуется изъ сала, выделяющагося лежащими подъ кожей железками, и кусочковъ отслаивающейся верхней кожицы.

*) Дѣтямъ малокровнымъ и истощеннымъ, правда, полезно вино, какъ укрѣпляющее средство, но въ небольшихъ количествахъ.

гармонические звуки. Такую гимнастику Фребель советует *предпринимать непременно со всяким ребенком после 6-ти недель.*

Если ребенок уже может хорошо сидеть, то удобнее всего сажать его на пол в короткой одежде, тогда он скоро научится ползать и вставать на ноги, придерживаясь за доступные ему предметы. Взрослые, находящиеся вокруг ребенка этого возраста, должны постоянно иметь в виду, что они должны научить ребенка ходить, т. е. ставить ему удобства для того условия; они должны ставить его в самые разнообразные положения, которые могут способствовать ускорению ходьбы. Если ребенок приползает к взрослому и попросит, чтобы его взяли, — тот может способствовать ускорению его хождения, если подает ему руку, чтобы он сам поднялся, а не поднимать его просто с пола. Пусть взрослый не сажает его к себе на колени, но ставит на свой стул у спинки; пусть вообще взрослый как можно меньше берет ребенка на руки и держит у себя на коленях. Только таким путем ребенок научится ходить *во-время*, т. е. в начале 2-го года. Мы говорим *во-время*, потому что позднее хождение вредит ребенку как в отношении физического здоровья, так и нравственного характера. Такие дети имеют обыкновенно дурное пищеварение. Они принимают уже плотную даже питательную пищу, но, находясь в бездействии, не нуждаются в обильном питании, желудок обременяется и плохо переваривает. Отсюда частые поносы. Эти дети также скорее делаются угрюмыми, капризными, упрямыми, своевольными. Естественным образом, их желания усложняются, а между тем они не в состоянии удовлетворять их сами. Им хочется взять ту или другую вещь, перейти с места на место, — они выражают это знаками, но взрослые их не понимают, иногда не хотят исполнить их желания, окружают их игрушками, давно знакомыми и надоевшими им, дети их оставляют без внимания или просто отбрасывают. Без сомнения, что ребенок, рано ходящий, скучает и капризничает гораздо меньше и пользуется лучшим здоровьем, потому что движение само по себе развлекает его, а желудок хорошо переваривает и тело достаточно питается. Чем больше движется ребенок, тем энергичнее совершаются в нем все отправления тела и тем лучше идет его развитие и тем меньше он подвергается болезням. Что движение, только в смысле более обширном, чем одно хождение, действует укрѣпляющим образом и на взрослых, это истина общезвестная. Скажем теперь несколько слов о том, как *следует носить ребенка.*

IV.

О том, как *следует носить ребенка*, автор «Практических замѣток о воспитании» говорит *следующее:*

«Исследовавъ тщательно, как наши няни носят детей, я пришел к убеждению, что все няни нянчат детей по общей системѣ, которая вредно действует на них тем, что она развивает одну половину нашего тела в ущерб другой.

После трех месяцев, когда ребенок приходит все более и более в вертикальное положение, няни носят ребенка *следующим образом:* задняя часть ребенка покоится на левой руке няни, правая же рука поддерживает грудь ребенка. Такой образ ношения положительно вреден ребенку — и вот почему. Когда правая рука няни покоится на груди ребенка, то сдавливается его грудная клетка; руки, мышцы которых прикрѣплены к грудной клетке, не могут свободно подыматься; легки в груди сдавливаются, сердце тоже; кровь от головы не отливает свободно в грудь. Позвоночник ребенка несколько искрив-

ляется налѣво и сдавливается, потому что ребенок всею тяжестью сидит заднею частью на левой руке няни; правая же только поддерживает грудь, чтобы он не свалился вперед. От этого ребенок безпокоится, часто плачет; няни думают, что ребенок плачет без всякой причины и приписывают его капризу в то время, когда капризов еще быть не может. Ребенок плачет просто оттого, что он себя неловко чувствует, кровь у него не циркулирует как *следует*. Мне приходилось брать подобных детей на руки во время плача и они у меня сразу переставали плакать. Или няня положит руку на желудочную область ребенка, от этого он срывается, пищеварение не совершается так хорошо, придавливается грудобрюшная перегородка, которая в свою очередь давит на грудные органы — легки и сердце.

Мой способ ношения весьма прост; он состоит в том, что и накладываю свою руку не на грудь или желудочную область, а на живот. При этом основание кисти приходится на верхний край лобковой кости, середина кисти закрывает пупок; толстый палец и мизинец обхватывают правый и левый бока, а конец указательного пальца приходится под ложечкой. Левая рука моя поддерживает или заднюю часть или обе стопы ребенка. Ребенок всею своею тяжестью приходится на правую руку, а левая только поддерживает ему заднюю часть или стопы, чтобы он не соскользнул случайно вниз. Давление, производимое рукою на живот и кишки, действует благотворно на ребенка: способность червеобразному движению кишечника свободно расширится, руки движутся свободно, спина не сдавливается, а указательный палец правой руки, достигающий подложечной области, не позволяет груди согнуться, вследствие чего ребенок смотрит прямо и приучается к равновесию.

Если вы так носите ребенка, то вашему ребенку всегда будет ловко и он никогда не будет плакать без всякой причины. Правда, в указанном способе ношения есть большое неудобство: носить ребенка почти в пять раз тяжелее, нежели обыкновенным манером; руки устают через два часа, а слабая няня целый день так носить ребенка не в состоянии. Для ношения по этому способу требуется мышечная сила.

Но матери от этого ничуть не должны смущаться. Не смотря на то, что этот способ ношения требует большей физической силы, он с другой стороны позволяет пользоваться отдыхом лицу, ухаживающему за ребенком. Если вы проносили так ребенка целый час, то он пролежит на постели почти столько же времени, а вы в это время отдыхаете или играете с ним. Нянь, разумеется, приходится и в это время делать какую нибудь работу, она гладит или стирает на ребенка, так что у нее ни минуты свободного времени не остается, вследствие чего она желает выиграть на ребенке, полегче его носить. Но если бы вы предоставили нянь свободу в то время, когда ребенок спит или играет лежа, то она с удовольствием стала бы носить ребенка и по этому способу; и ей хорошо, и ребенку хорошо. Вам, разумеется, несколько дороже обойдется ребенок; придется отдавать его больше стирать прачке; но и тут вы эти деньги не бросаете даром, ребенок наш меньше будет плакать, меньше вы будете беспокоиться, меньше вам придется платить за лекарства и врачам.

После 5 или 6 месяцев, когда ребенок уже умеет сидеть, его носят уже иначе: он сидит на левой руке своей няни, колѣна его обращены к нянь, туловище изогнуто влѣво и вперед. Подобное ношение бывает причиною *следующих* явлений. Позвоночник искривляется в левый бок, верхняя шейная его часть отстоит более

влѣво, а поясничная более вправо, измѣняется центр тяжести, отчего бывает различная походка у различных людей. Правая рука, приходя в большее соприкосновение с одеждою, грудью и вообще телом кормилицы, упражняется чаще левой и получает ловкость и силу; левая же, виса свободно в воздухѣ, менее развивается. Этому обстоятельству способствует еще и то, что центр тяжести тела ребенка во время сидения на руках кормилицы не позволяет ребенку доставать вещи одною лввою рукою, а позволяет различныя движения за предметами одной правой рукою. Правый бок кроме того понижается, левый повышается — вследствие того, что рука няни находится не в горизонтальном положении: предплечье няни выше у кисти, нежели у локтя. Органы лввой половины грудного ящика тоже сдавливаются и вообще вся лввая половина тела развивается при менее выгодных условиях, нежели правая. Правое плечо подымается, а левое опускается. Понятно теперь, отчего у лѣвых людей замѣчается преобладание правой половины тела над лввою. Если вспомним, что во всем мире няни носят детей одинаково и что обычной носить детей на лввой руке существует уже с незапамятных времен, то совершенно выяснится причина, отчего действительно лввая часть нашего тела, вообще говоря, меньше правой. Понятно, что такой способ ношения не может быть признан рациональным.

Вышеизложенный способ устраняет все эти неудобства.

Так как самою главною причиною искривления позвоночника лѣво можно считать то, что няня придавливает колѣна ребенка своими руками к своему туловищу, то понятно, мы должны носить ребенка так, чтобы устранить приклонение его к телу. Этому достигают различными способами: или носить 5, 6, 7 и т. д. месячного ребенка как 3 и 4 месячного по вышеизложенному способу, при чем стараются его держать несколько дальше от своего тела; или ставят ребенка на правую руку и обхватывают лввою своею рукою спину и живот ребенка, причем лицо его обращено направо и наоборот, или носят ребенка одинаково, то на лввой, то на правой руке, и больше на правой. При этом никогда не придется устать, ибо можно часто мѣнять образ ношения. Кроме того часто ставят ребенка на ножки на пол или на стол, или на стулья и придерживают его только; таким образом взрослому ни разу не случится устать от ношения ребенка; и ему лучше, и ребенку лучше. Одним словом для ношения ребенка необходимо взрослому употребить в дело обе руки: и лввую и правую. Няни же держат ребенка на лввой руке, а правой делают какое либо другое дело. Последствия такого ношения уже были указаны.

Что причиняет няня ребенку своим односторонним ношением, то довершает потом школа своими скамейками и столами. По исследованиям знаменитого берлинского врача, *Вирхова*, наибольшее число кривобокых (и близорукых) приходится на долю школьных детей, как мальчиков так и девочек.

Чтобы устранить причину изгибания позвоночника и повышения лввого бока, необходимы общия усилия — в семье и в школѣ. Первая должна себя усвоить разумный способ ношения ребенка, вторая должна устроить свои скамьи и столы на основаниях, указываемых наукой. (См. Нива 1873 г. №10).

Только когда будут предприняты меры к одинаковому упражнению обоих половин тела, человечество через несколько поколений (а через сколько — никак нельзя определить) вернется к своему первоначальному развитию организма, т. е. обе половины тела сделаются одинаково развитыми.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Путей Сообщенія о мѣрахъ къ предупрежденію на внутреннихъ водныхъ сообщеніяхъ несчастныхъ случаевъ столкновенія между судами, Высочайше повелѣть соизволилъ: впредь до рассмотрѣнія въ установленномъ порядкѣ предположеній о распространеніи дѣйствія Высочайше утвержденныхъ 9-го октября 1867 г. правилъ о судоплаваніи по Волгѣ и Камѣ на другіе судходные пути, установить, въ видѣ временной мѣры, обязательное по всемъ судходнымъ рѣкамъ и внутреннимъ озерамъ вывѣшивание въ ночное время на пароходахъ, судахъ и плотахъ отличительныхъ огней въ фонаряхъ, примѣнительно къ §§ 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 вышепомянутыхъ Камско-Волжскихъ правилъ, съ тѣмъ чтобы за неизмѣненіе отличительныхъ огней виновные подвергаемы были отвѣтственности, установленной § 17 означенныхъ правилъ.

— Отъ Почтового Департамента доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го января 1875 года оплата слѣдующихъ за границу рекомендованныхъ писемъ въсовымъ сборомъ за рекомендованіе и за росписку въ пріемѣ, а въ подлежащихъ случаяхъ и за обратную росписку въ полученіи письма адресатомъ будетъ производиться, подобно заказнымъ письмамъ, посредствомъ почтовыхъ марокъ (или чрезъ вложеніе письма въ почтовый штемпельный конвертъ) по цѣнности соответствующенно суммъ причитающихся за письмо почтовыхъ сборовъ.

Къ сему Почтовый Департаментъ присовокупляетъ, что въ будущемъ 1875 году рекомендованныя письма, какъ и нынѣ, не могутъ быть опускаемы въ почтовые ящики, а должны быть подаваемы на почту и по прежнему имѣть на адресной сторонѣ надпись «recommandé (рекомендовано), а на сторонѣ печатей — наименованіе и адресъ отправителя.

Военное и морское дѣло.

— Въ ночь съ 20-го на 21-е октября, въ селѣ Гавриловскомъ, Спасскаго уѣзда, Грязанской губерніи, въ мѣстѣ расположенія 1-го лебѣ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка резервнаго эскадрона, вспыхнулъ пожаръ. Порывистый вѣтеръ быстро разносилъ пламя по всему селу, и увеличивающаяся съ каждою минутою опасность угрожала строевымъ лошадямъ и эскадронному имуществу. Но энергическая распорядительность и дѣятельность офицеровъ и нижнихъ чиновъ спасли, какъ сообщаютъ въ «Рус. Инв.», всѣхъ лошадей, расположенныхъ въ 13 конюшняхъ, и только нѣкоторую часть казеннаго имущества и собственныхъ солдатскихъ вещей сдѣлалась добычею пламени. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ, Длубало, выгнавъ изъ духу загорѣвшихся конюшенъ лошадей, бросился спасать оружіе и конское снаряженіе. Въ это время кто-то ему напомнилъ о его сундукѣ; «пускай горитъ, бѣгу спасать сѣдло», и съ этими словами онъ бросился въ горѣвшую конюшню, схватилъ сѣдло и выбѣжалъ на объятый уже пламенемъ дворъ, но здѣсь, задыхаясь отъ дыма и огня, упалъ вмѣстѣ съ сѣдломъ безъ чувствъ. Увидавъ это, старшій вахмистръ Васильевъ, накинувъ себѣ на голову полушубокъ, бросился къ Длубало и вытаскилъ его на улицу, гдѣ, обдѣливъ грязью, привелъ его въ чувство. Слова и дѣйствія Длубало, а равно и поступокъ Васильева говорятъ сами за себя.

— Генераль-маіоръ Ломакинъ, пишутъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», предполагаетъ сдѣлать рекогносцировки къ Атреку и къ Малому - Балкану двумя колоннами, изъ Чикишляра, а другая отъ залива Михайлов-

скаго. Начальникъ Закаспійскаго отряда разсчитываетъ, что рекогносцировки эти усмирятъ текинцевъ, такъ какъ колонны наши подойдутъ къ ихъ крѣпостямъ на 100—120 верстѣ и этимъ обнаружатъ, что русскія войска всегда могутъ явиться неожиданно въ средѣ стойбищъ кочевниковъ. Пользуясь рекогносцировкою, генераль-маіоръ Ломакинъ предполагаетъ собрать свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Балкана.

— Пароходъ «Перовскій» благополучно вернулся изъ Аму-дарьи въ фортъ № 1-й (Казалинскъ). Пароходъ этотъ по пути отъ укрѣпленія Нукусъ до залива Тушебасъ (на восточномъ берегу Аральскаго моря) нигдѣ не встрѣтилъ, какъ сообщаютъ въ «Туркестан. Вѣд.», воды менѣе трехъ футовъ, хотя и плылъ въ первой половинѣ сентября, т.-е. когда вода въ протокахъ и рѣчкахъ, впадающихъ въ Аральское море, уже значительно убываетъ. «Перовскій» вышелъ въ Аральское море 10-го сентября и прибылъ въ Казалинскъ 20-го сентября.

Сельское хозяйство.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ нынѣшнемъ году Зарашанъ былъ особенно обиленъ водою, и въ Бухарѣ нисколько не ощущалось недостатка въ подѣ. Зарашанъ, обыкновенно теряющійся за Бухарою въ озерѣ Каракулъ, нынѣшнимъ лѣтомъ прорвался далѣе и дошелъ до Аму-дарьи. Это случается весьма рѣдко, и немногіе старожилы запомятъ такое явленіе.

— Урожай винограда въ станицѣ Цимлянской (области Войска Донскаго) очень хорошъ, и садоводы надѣются поправить свое разстроеное прошлыми тремя неурожайными годами состояніе. Урожай винограда въ Бесарабіи и Аккерманѣ въ текущемъ году удовлетворителенъ, и качество винъ гораздо лучше прошлагодняго. Съ южнаго берега Крыма пишутъ въ «Одесскій Вѣстникъ», что въ прошедшемъ году тамъ былъ неурожай винограда отъ слишкомъ теплой, сухой зимы и страшно-знойнаго лѣта: виноградники дали только половину своего обыкновеннаго сбора. Въ настоящемъ году опять неурожай, и причина его — морозъ. Есть сады, гдѣ виноградники погибли окончательно, напримѣръ въ Алуштѣ, въ мѣстахъ, куда сѣверные вѣтры дуютъ прямо изъ ущелья — между Чатырдагомъ и горою Бабугономъ. Многіе виноградники пострадали только мѣстами, но пострадали настолько, что дали менѣе третьей части.

— Въ Сызранскомъ уѣздѣ (Симбирской губерніи) былъ сдѣланъ очень удачный опытъ разведенія кукурузы. Имѣніе, въ которомъ произведенъ былъ этотъ опытъ г. М. Тамаровымъ, находится въ юговосточной стѣнной части уѣзда, страдающей часто отъ засухъ.

— Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ (Херсонской губ.) въ настоящее время начинаются входить, пишутъ въ «Никол. Вѣстникъ», повсемѣстно въ употребленіе паровыя и конныя земледѣльческія машины и орудія. Открывшійся въ этомъ году въ Елисаветградѣ складъ машинъ и орудій Клейтона и Шульворта имѣлъ огромный сбытъ какъ въ уѣздѣ, такъ и для отправления по сосѣдству въ Кіевскую губернію. Самый большій сбытъ находили паровыя и конныя молотилки, вѣялки и жатвенныя машины. Конныя машины изъ заводова мѣстечка Бѣлой-Церкви (Кіевск. губ.) по своему удобству и умѣреннымъ цѣнамъ представляли значительную конкуренцію фирмѣ Клейтона.

Гигіена.

— Приглашенный для изслѣдованія Кавказскихъ минеральныхъ водъ гидротехникъ и горный инженеръ Жюль Франсуа, по прибытіи въ Пятигорскъ 3-го августа, началъ

свои занятія съ осмотра группъ минеральныхъ водъ и всѣхъ источниковъ. По словамъ этого ученаго, передаваемымъ въ «Листкѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ», въ Европѣ не существуетъ подобнаго сочетанія разнородныхъ источниковъ; качества ихъ (по химическому составу) въ терапевтическомъ отношеніи разнообразны и очень дѣйствительны. Онъ убѣжденъ, что при правильной разработкѣ источниковъ, при цѣлесообразномъ устройствѣ купаленныхъ зданій, Кавказскія минеральныя воды займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди минеральныхъ водъ Европы.

— Существующія въ гор. Самарѣ кумыслѣчебныя заведенія стали въ послѣднее время привлекать къ себѣ посѣтителей не только изъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, но и изъ чужихъ краевъ. Такъ, нынѣшнимъ лѣтомъ лечился въ Самарѣ одинъ англичанинъ, членъ британскаго Парламента, *Бутлеръ-Джонстонъ*. Кумыслъ оказалъ благотворное вліяніе на его здоровье. Во время своего двухмѣсячнаго пребыванія въ Самарѣ, г. Бутлеръ-Джонстонъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по сѣверной части губерніи. Результатомъ этихъ поѣздокъ явилось у путешественника намѣреніе сдѣлаться землевладѣльцемъ Самарской губерніи.

— Въ Ташкентѣ открыта недавно устроенная на счетъ городскихъ суммъ туземнаго населенія аптека. Все обзаведеніе этой аптеки обошлось въ 20.000 рублей. Туземцы получаютъ изъ нея лѣкарство даромъ, а русскіе и иностранцы — за умѣренную плату; завѣдываетъ ею опытный и знающій свое дѣло провизоръ. Туземцы сперва чуждались, какъ говорится въ одной изъ корреспонденцій «Русскаго Инвалида», незнакомаго имъ учрежденія, но чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе они свыкаются съ нимъ и, безъ сомнѣнія, по достоинству оцѣнятъ заботы о нихъ администраціи.

— Изъ Лоневской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, сообщаютъ въ «Пермскія Губернскія Вѣдомости», что въ деревнѣ Новыхъ-Кривкахъ противъ сибирской язвы крестьяно принимали слѣдующія мѣры: по нѣскольکو разъ въ день прижигали опухоль на грубыхъ частяхъ тѣла желѣзомъ, а на нѣжныхъ кочками, примачивали обожженныя мѣста чистымъ рябиновымъ или березовымъ, разведеннымъ водою дегтемъ и потомъ деревяннымъ или коровьимъ масломъ, внутрь давали рябиновый деготь или березовый, смѣшанный съ водою. Благодаря этому, надеждъ ограничился всего 15 лошадами, несмотря на то, что почти у всѣхъ хозяевъ деревни, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, лошади переболѣли означенной болѣзью.

Несчастія.

— Изъ Вѣдомостей Департамента Полиціи Исполнительной, видно, что въ теченіи іюля, августа, сентября и октября мѣсяцевъ, въ Россіи было 11,074 пожара, убытокъ отъ которыхъ составляетъ 31,912,879 рублей. Въ общемъ числѣ пожаровъ произошли: отъ поджога или при подозрѣніи въ ономъ 1680, отъ неизвѣстныхъ причинъ 6219, отъ неосторожности 2697 и отъ молніи 478.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Вятка (съ рисункомъ). — Двугордый волкъ Н. Казанія (продолженіе). — Борьба за Неву. VI. Владѣніе шведовъ Невы и потеря ея (съ рисункомъ). — И. И. Петрова (окончаніе). — Судебная хроника. Дѣло игумена Митрофанія въ Московскомъ окружномъ судѣ (окончаніе). — Литературный альбомъ. «Братья-разбойники» Пушкина (съ рисункомъ). — Домбардская яница (съ рисункомъ). — Разумное воспитаніе дѣтей III—IV. — Разныя извѣстія.

Моды за декабрь съ 12 рисунками и особымъ приложеніемъ чертежей выроекъ и 1 размѣръ-метръ. Приложеніе объявл. «Нивы».

Редакторъ В. Ключниковъ.

При этомъ № приложены для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія: Каталогъ изд. Книжнаго магазина Колесова и Михина, въ С.-Петербургѣ и отъ чайнаго магазина Корещенко.

№ 51

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цена этого № «Нивы» 20 коп. съ пересылкою 25 коп

Выданъ 16-го декабря 1874 года.

Цена этого № «Нивы» 20 коп. съ пересылкою 25 коп

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

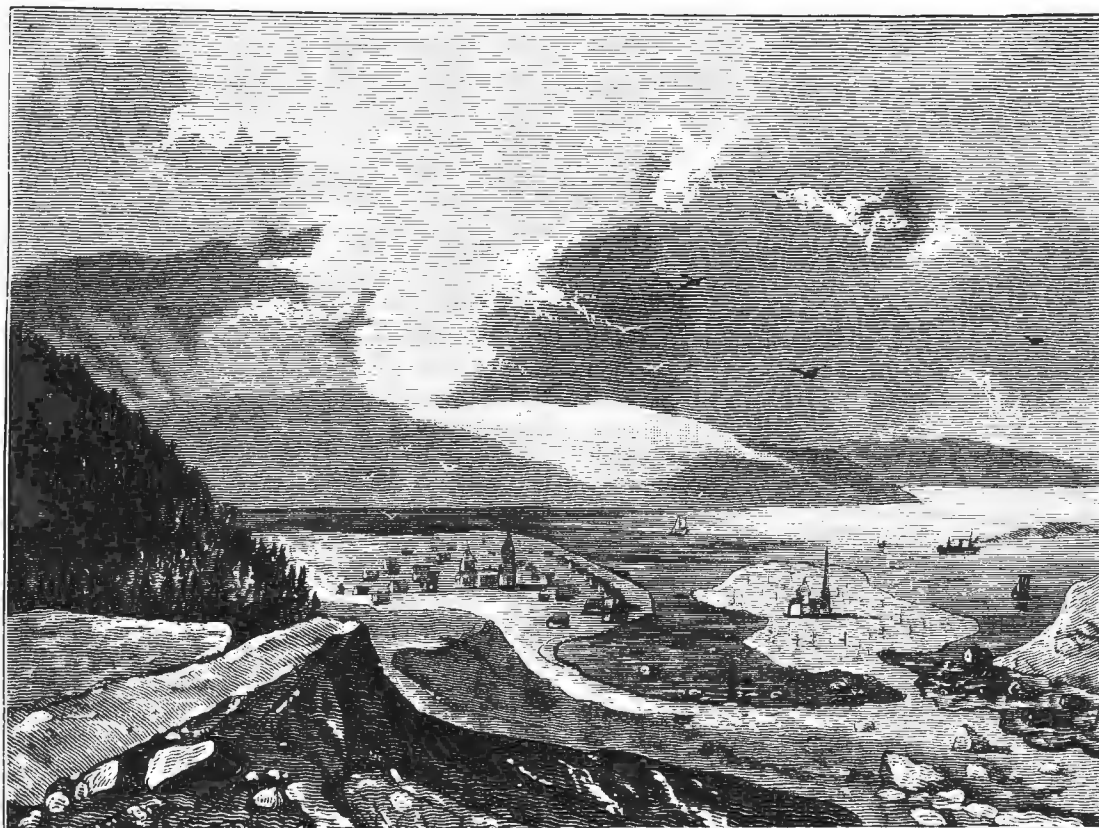
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія оствавки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к. *)
- ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получить всѣ уже вышедшіе номера.

Городъ Бсда. Изъ путевого альбома В. И. Нежиревска-Давченки. Рис. Н. Каразинъ, грав. Напѣрь.

Ж о л а.

На самомъ краю Россіи, у Сѣвернаго Ледовитаго моря, у вершины Кольской губы, стѣсняемой справа и слева высокими горами Лапландскаго побережья, разбросаны на выдающемся мѣстѣ горы Соловарни, небольшой малолюдный городокъ Кола, похожій на бѣдную деревушку, а ужъ никакъ не на центръ мѣстной промышленности и торговли. Мысль, на которомъ стоятъ два ряда скудныхъ домиковъ, образуется рѣками Колой и Туломой и Кольской губою. Небольшая равнина, на которой стоитъ городъ, со всѣхъ сторонъ стѣснена высокими горами. Одни изъ нихъ сплошь поросли мелколѣсьемъ, другія только покрыты травою. Выше всѣхъ изъ окрестныхъ горъ — такъ-называемая Горѣлая-варака. Передъ городомъ, въ губѣ, небольшой песчаный островъ, на которомъ расположено кладбище и деревянная церковь Благовѣщенія, стоящая на мѣстѣ нѣкогда перенесеннаго сюда Трифоно-печенгскаго монастыря. Въ самомъ городѣ довольно большой каменный соборъ, выстроенный на мѣстѣ сгорѣвшаго. Весь вообще городъ въ 1855 году былъ выжженъ англичанами. Коляне и до сихъ поръ не могутъ оправиться отъ этого погрома. Въ самомъ городѣ проищать землянокъ и какихъ-то шалашиковъ, крытыхъ дерномъ, въ которыхъ до сихъ поръ живутъ семьи, не имѣвшія возможности выстроить новыхъ домиковъ послѣ разоренія своихъ родныхъ пенелицъ. Наконецъ, въ 1769 году на ближайшей къ городу горѣ Соловарной стояли зданія обсерваторіи академика Румовскаго; остатки свай и теперь указываютъ это мѣсто. Климатъ Кола, судя по ея географическому положенію, довольно умѣренный. Среди лѣта иногда бываетъ +18° R., но термометръ иногда и въ это время понижается до +5° R. Дожди часты. Въ второй половинѣ сентября и октябрѣ — господствуютъ сильныя вѣтры. Морозы зимою рѣдко превышаютъ —15 или 20° R. Зима начинается съ половины или съ конца октября и продолжается до начала мая. Коляне занимаются торговымъ промысломъ, ловятъ палтусовъ, семгу, добываютъ акулъ и вытѣпливаютъ изъ нихъ сало; они же ведутъ мѣновую торговлю съ Норвегіей, строятъ шняки. Повторю здѣсь, разъ уже высказанный мною въ моемъ путешествіи по Мурману, взглядъ на историческое значеніе Кола:

Первая колонія, первое поселеніе на дальнемъ сѣверѣ, на берегахъ Лапландіи (Мурмана) у студенаго моря, упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ еще 1264 году. Это — Кола. Она основана выходцами новгородскими, проложившими сюда путь черезъ Заволочье рѣкою Двиной и Бѣлымъ моремъ. Кола выбрали ушкунники потому, что, окруженная горами, находящаяся у моря, она удобна была, во первыхъ, какъ гнѣздо для набѣговъ, а во вторыхъ, какъ превосходное мѣсто для укрывательства отъ нападеній кочевыхъ инородцевъ. Изобиліе бѣлой рыбы и семги, выдры и бобровъ, близость океана, съ его неисчерпаемыми богатствами, привлекли сюда первыхъ поселенцевъ. Изъ Кола, съ пер-

ваго же времени, стали вывозить въ Великій Новгородъ цѣнныхъ звѣрей: куницъ, лисицъ, выдръ и бобровъ. Республика включила далекій и невѣдомый край въ кругъ своихъ владѣній. Но въ теченіи первыхъ 300 лѣтъ охотниковъ для поселенія въ такой глуши не являлось вовсе — и подчиненіе Новгороду было только номинальное. Горсть колонистовъ не могла заставить лопарей платить своей метрополи ясачную подать. До 1530 года здѣсь не было ни одной церкви, а только стояла небольшая часовня. Но когда Іоанъ III разгромилъ Новгородъ — Двинская область, Заволочье, все Кемское и Кольское поморье (Мурманъ) присоединены были къ Москвѣ. Съ этого времени колонія въ Колѣ увеличивается. Въ 1533 году здѣсь воздвигается первая церковь. Съ прибытіемъ же сюда Феодорита, распространившаго христіанство между восточными лопарями, и Трифона, крестившаго западныхъ, — Кола становится центромъ умственного, религіознаго и гражданскаго прогресса, и представительницей славянскаго племени и славянскихъ началъ на крайнемъ сѣверѣ. Одновременно и границы Россіи были расширены по Мурману до Ганвика. Въ 1550 году въ Кола стали ссылать преступниковъ, городъ названъ острогомъ; здѣсь построили крѣпость, имѣвшую видъ четырехугольника, обнесеннаго двойною деревянною стѣной съ насыпью мелкаго камня посрединѣ и обведеннаго глубокимъ ровомъ. Прислали сюда воеводу, сотню стрѣльцовъ, а въ 1574 году въ Кола былъ высланъ изъ Москвы писецъ Агалинъ для описанія по всей Лапландіи межъ и границъ частныхъ родовыхъ владѣльческихъ участковъ. Ему же было поручено сдѣлать и другія росписи, на общихъ началахъ Московскаго государственнаго строя. Въ мѣстѣ съ учрежденіемъ въ Колѣ острога, сюда начали стекаться изъ Кемскаго поморья и «нужные» людшки для промысловъ на Мурманѣ, о которомъ скоро вѣсть дошла и до Двинскаго края. Вскорѣ предприимчивые холмогорцы стали отправлять на своихъ жалкихъ суденышкахъ отважныхъ рыбаковъ и промышленниковъ въ отдаленнѣйшія губы нашего арктическаго запада. Вслѣдъ за холмогорцами на Мурманъ начали ходить пинежане, мезенцы и онежцы, такъ что весь этотъ берегъ съ ранней весны до осени оживлялся промысловою кипучею суетой по становищамъ, гдѣ пріѣзжіе удалцы понастроили землянки или просто жили вокругъ кое-какъ складенныхъ нечей. Сила новгородскаго духа сказывается въ этой исторіи первой колоніи въ Лапландіи. Она не исчезла на чужбинѣ безслѣдно, не слисалась съ инородцами, но все росла и росла, подерживаемая преданіями, оставленными по себѣ горстью ушкунниковъ, врѣзавшихся въ самую глубь враждебнаго имъ края. Она оказала громадныя услуги сѣверному краю и Россіи, пріобрѣтя ему Лапландію и длинную береговую линію.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XXVII.

«Сардыба-куль» и «Учь-чучакъ».

Съ своей страшной, полной смертельныхъ лишеній, стоянки на колодцахъ Адамъ-крылганъ и Алты-кудукъ — бѣлыя рубахи выступили.

Еслибы ихъ сломили эти лишенія, — они бы не могли выступить — и должны были бы погибнуть, но у нихъ сохранилось еще настолькоъ силъ чтобъ идти.

Путь назадъ былъ хорошо извѣстенъ; по этому пути они скоро могли найдти воду, — они знали — гдѣ она и сколько.

Путь впередъ былъ темень, неизвѣстенъ какъ сама будучность. Вода была — это всѣ знали; эта вода — Аму-дарья — цѣль похода; но гдѣ она? далеко-ли еще, близко-ли — этого не зналъ никто.

Между колодцами, съ которыхъ выступилъ отрядъ, и Аму — залегало пространство мертвыхъ песковъ. — Это пространство надо было пройти.

Кто говорилъ, что впереди — не болѣе сутокъ похода; кто говорилъ, что три дня; кто говорилъ, что еще болѣе ста верстъ, — то есть почти недѣля.

Если два дня пути, не болѣе, — люди дойдутъ, можетъ

быть дойдутъ и верблюды и лошади; — если-же болѣе — то не дойдетъ никто.

Всѣ эти вопросы были рѣшены разомъ:

«Стоять на мѣстѣ — смерть; идти назадъ — позоръ; идти впередъ — ставить на карту все — ва банкъ!»

А бѣлыя рубахи такъ любаютъ эту послѣднюю, критическую, роковую карту.

И они пошли впередъ,

Слѣдующая ночь проведена была безъ воды, на пескахъ.

Мертвая тишина царствовала въ лагерѣ.. странные звуки неслись изъ степи, со всѣхъ сторонъ, и эти звуки заставили опытныхъ солдатъ держать ухо востро.

Неразъ многіе припадали ухомъ къ землѣ, и тогда ясно слышалась топотъ коней — движенія цѣлыхъ массъ-всадниковъ... Молчаливая до сихъ поръ пустыня, тихая какъ могила, — словно ожила. Въ воздухѣ носились нѣжныя; чуть слышныя звуки.. Но ничего не было видно, потому что было темно.

— Слышь, галдятъ?.. шепталъ солдатъ въ уши своему товарищу.

— Галдятъ... много народу — чу-кость! такъ-же шепотомъ отвѣчалъ товарищъ.

— Конь заржалъ.. вонъ еще — въ той сторонѣ..

— Орда гуляетъ..

— Ты видѣлъ вечеромъ, какъ солнце садилось? — Чего? — Наши всё видѣли—ротный шапку снялъ, перекрестился, да и сказываютъ: «Аму-дарья, братцы, близко. Молись, ребята, Богу!» — Что-же видѣли-то?.. — Орла въ небѣ. Минуту одну только и видѣли.. Поднялся это онъ, птица Божья, высоко-высоко,—постоялъ, а опосля такъ бокомъ, наискось, за барханы спустился. А ужъ коли орелъ есть, сказано: вода близко. — За тридцать верстовъ—болѣе она, птица-то, отъ воды не отлѣтаетъ... это вѣрно. — Да, тридцать верстовъ.. можетъ и ближе будетъ. Опять вотъ орда гудеть слышь тамъ позади, за арберггардомъ.. — Да, слышно.. — Тоже и она—отъ воды далеко не поидеть, коли много ея. По малости шляется, а вкупѣ—ни Боже мой! — Теперь она, вишь, весь лагерь охватила;—надо быть ея много... — Съ разсвѣтомъ и глазомъ увидимъ то, что теперь одно ухо слышитъ.. Гляди, объѣздъ идетъ... Кто идетъ?.. — Рундъ! отозвалось въ темнотѣ, въ группѣ приближающихся пѣшихъ людей, идущихъ вдоль цѣпи. Старикъ генералъ — тяжело ступая по сыпучему песку—самъ обходилъ передовую цѣпь, ласково кивая козыркомъ своей шапки, когда солдаты бодро вытягивались на своихъ постахъ, узнавая слишкомъ знакомую, характеристическую фигуру своего главнокомандующаго. И каждый разъ, при видѣ этого молодцоватаго подбодриванія,—при видѣ того лихаго полнаго энергіи взгляда, съ которымъ встрѣчали его солдаты, отдыхала наболѣвшая душа старика—и думалось ему: «Счастливъ тотъ генералъ, которому довелось командовать такими войсками».

Было еще далеко до разсвѣта, когда отрядъ выступилъ далѣе.

Темное небо горѣло мириадами звѣздъ... но звѣзды эти сверкали, а не свѣтили. Темно было внизу, и чуть-чуть обозначались во мракѣ черныя горбатыя массы верблюдовъ, сведенныхъ въ густую колонну,—и болѣе свѣтлыя массы—пѣхотинцевъ, охватившія эту громадную колонну выючныхъ животныхъ..

Отрядъ выступилъ въ строгомъ, боевомъ порядкѣ. Врагъ былъ близко—и имъ пренебрегать были нельзя.

Стройно, словно это не походъ по мертвой пустынѣ изуревныхъ войскъ, а какой-то срететированный, заученный парадъ,—подвигались впередъ туркестанскіе батальоны.

Стало свѣтать.

Обозначилась волнистая линія далекаго горизонта; эта линія стала предметомъ наблюденія каждаго, отъ генерала до послѣдняго лауча при верблюжьемъ обозѣ—караванѣ. Эта линія вся была усыяна черными, передвигающимися точками.

Врагъ увидалъ наконецъ, что мертвая пустыня, которая по ихъ предположеніямъ должна была быть могилой «гяуровъ»,—оказалась *имъ*, правовѣрнымъ, плохой союзницею. Русскіе не знали еще, что эта пустыня пройдена, что они уже у воротъ культурной, орошенной богатыми водами, полсы хивинскаго ханства,—но *тѣмъ* знали уже, что теперь имъ остается рассчитывать только на свои силы, чтобы удержать напиль «бѣлыхъ рубахъ»,—и стали со всѣхъ сторонъ собираться въ густыя массы, чтобъ загородить могучему врагу его безостановочную дорогу.

Впереди—далеко еще не совершенно ясно—обозначились три плоскія возвышенія. Это былъ «Учъ-чучакъ» (три вершины, три тычка), за ними—Аму, а съ нею конецъ мученіямъ, конецъ всѣмъ бѣдамъ!

Безъ всякаго конуканія—всѣ, словно подъ наитіемъ одной общей мысли, прибавили шагу,—кони натянули поводья, верблюды вытягивали шеи, фыркали своими разорванными ноздрями и глухо ворчали.

— Вода!.. донеслась изъ авангарда.

— Вода!... Вода!... прогремѣло по всему отряду..

Свѣтлая полоска, отражая въ себѣ золотистый багрянецъ утренней зари, мелькнула влѣво отъ Учъ-чучака..

Какъ будто гальваническая искра пронизала отрядъ—отъ передняго человѣка до самаго задняго.

По вершинамъ бархановъ закрубились бѣловатые дымки,—все чаще и чаще, больше и больше. Это туркмены пытались остановить отрядъ, гивая, бѣснуясь и носясь по холмамъ, заскакивая съ боковъ, спереди и сзади.

Имъ не отвѣчалъ ни одинъ выстрѣлъ.

Видѣнная вода не была Аму—какъ оказалось въ послѣдствіи; до великой рѣки невѣдомаго міра былъ еще одинъ добрый переходъ. Это было пока озеро Сордыба-куль, лежащее свѣтлымъ полукругомъ въ небольшой котловинѣ, у подножья Учъ-чучака. Зеленоватая полоска камышей обрамливала свѣтлое прозрачное зеркало. Какъ приятно ласкала глазъ эта зелень, признакъ жизни!—Такъ давно уже не видѣли русскіе ничего, что бы, хотя сколько нибудь, ее напоминало.

Съ большимъ трудомъ можно было удержать лошадей, чтобъ они не ворвались въ воду и не поколѣбли-ли бы, опившись, послѣ такого продолжительнаго воздержанія.

Оживленный бивуакъ охватилъ берега Сордыба-куль... Дымилась веселые огоньки, отовсюду неслись звуки пѣсенъ, музыка.. Лицо каждаго сіяло восторгомъ, побѣдою. Съ этой минуты участь Хивинскаго ханства была рѣшена. Главной и самый могучій врагъ былъ побѣжденъ;—этотъ врагъ—природа. Оставались такіе пустыки, на которыя «бѣлыя рубахи» привыкли смотрѣть съ полнымъ презрѣніемъ.

— Ну, ребята, слава тѣ Господи—добрались! говорилъ солдатикъ, торопливо снимая рубаху.

— Теперь вода вольная, не мѣряная,—хоть онейся!..

— Эй, другъ, что -- не больно глубоко..?

— Важно!

— Сюда не ходи—яма.. Благодарь!..

— Третій-то мѣсяцъ не мылись.....

— Тутъ, сказывали, дневка,—мы и рубахи-то всѣ, и портянки перестираемъ...

— У рогнаго жеребецъ сдохъ;—горнисть Демка не доглядѣлъ, а тотъ вырвался, да въ озеро. Пиль-пиль, поксдова не лопнулъ..

— Тутъ и человѣкъ обопьется—не токма что скотина глупая.. Гляди, гляди! какъ казаки тѣхъ-то красныхъ чертей погнали!..

А пока солдаты беззаботно, весело купались и мылись, обрадованные обильной «немѣренной» водѣ,—вокругъ озера шла оживленная перестрѣлка—массы непріятельской кавалеріи отступали за Учъ-чучакъ; казаки и часть пѣхоты ихъ преслѣдовали. Между дробными перекатами ружейной пальбы по временамъ слышались—отдѣльные—громкіе удары пушечныхъ выстрѣловъ.

Къ полудню—непріятель исчезъ... Все вернулось въ лагерь—и уже отдыхало. Послѣ столькихъ лишеній, отдыхъ былъ совершенно заслуженной наградой.

У ставки главнокомандующаго гремѣлъ хоръ музыки. Все горе было забыто. Страшная степь осталась позади,—а впереди широкая, торная дорога.

Колоссальный подвигъ нѣсколькихъ туркестанскихъ батальоновъ былъ совершенъ. Этотъ подвигъ заставилъ весь міръ взглянуть на него съ изумленіемъ и произнести: «Да, это --- солдаты!»

ГЛАВА XXVIII.

Вѣсти.

Чудное утро!

Крутой, обрывистый берегъ Аму-дарьи спускался почти отвѣсно. Въ разливъ вода подходитъ вплотную къ этому берегу, поднимается, и подмываетъ его снизу, образуя длинныя параллельныя борозды, въ глубинѣ которыхъ—остается осадочный илъ, песокъ и разная водяная растительность; затѣмъ вода спадаетъ, отходитъ отъ этой обрывистой, подрытой стѣны и образуетъ плоскія, сырыя отмели, тянущіяся у подножья обрыва. Эти отмели—второй ярусъ береговъ,—онѣ

на туземномъ языкѣ зовутся—«тугаи», любимое мѣстопробываніе чайкѣ-рыболововъ, куличковъ, пчелоѣдовъ и прочей водяной птицы.. Червяки, водяныя насѣкомыя, а иногда и мелкая рыба, — въ множествѣ находимыя птицами на этихъ отмеляхъ, — и обиліе добычи—собираетъ сюда, со всѣхъ концовъ, рѣчное, пернатое население.

Мутно-желтая глинистая вода катится беззвучно, ни одной лодки не видно на ея поверхности, но за-то то и дѣло показываются громадные рыбы всплески и расходятся кольцеобразными кругами...

Жарко. Всѣ чайки устали летать—и неподвижно сидятъ по отмелямъ; отдыхая отъ ранней работы; словно снѣгъ бѣлѣютъ массы птицъ на красноватомъ пескѣ отмелей; нѣкоторыя изъ этихъ отмелей - притоновъ покрыты тонкимъ слоемъ воды,—тогда блескъ солнца на поверхности рѣки совершенно скрываетъ желтизну неска этихъ отмелей, и все, что на нихъ сидитъ, кажется будто поконтся на гладкой, водной поверхности.

Легкая полоса тумана скрываетъ далекій противоположный берегъ, чуть-чуть синѣютъ на немъ какіе-то возникающіе надъ туманомъ, синеватые холмы...

Отрядъ сталъ лагеремъ на вершинахъ береговыхъ обрывовъ, оттуда внизъ на тугаи протоптаны многочисленныя, круглыя тропинки.—По этимъ тропинкамъ спускаются и поднимаются почти непрерывныя цѣпи солдатъ:—внизъ съ пустою посудю, вверхъ съ налитыми до краевъ котелками, бутылками, бадейками и фляжками... У самой воды расположены были кухни, и изъ-подъ котловъ поднимались густыя, черныя столбы дыма.. Тутъ же, неподалеку, собирали и спускали на воду—привезенныя съ собою на верблюжьихъ спинахъ—сборныя маленькія лодки—«кауфманки» *), нѣчто въ родѣ понтоновъ. Матросы и солдаты пѣхотицы, съ видимымъ наслажденіемъ, садились въ эти лодки, и пробовали ихъ, дружно работая короткими веслами...

Всѣ туземныя канки были заранѣе убраны торкменами съ этого берега,—и потому основаніемъ переправы только и служили эти понтоны; съ помощью ихъ, а главное отваги и находчивости матросовъ, рассчитывали добыть какъ нибудь съ того берега эти увезенныя качки, для чего надо было, конечно, прежде вырвать ихъ изъ рукъ непріятеля.

Все вражеское давно очистило нашу сторону и перебралось на лѣвый берегъ;—между нами и непріятелемъ пролегла теперь широкая рѣка, и потому въ лагерьъ все было совершенно покойно и не принимались многіе обычные мѣры осторожности. Незачѣмъ было даромъ утомлять солдатъ, пуждавшихся въ хорошемъ отдыхѣ.

Общая бодрость и веселье, по достиженіи цѣли похода, различны на всѣхъ здоровыхъ; это веселье не могло не отразиться и на больныхъ: — лазаретныя послышки, съ каждымъ днемъ, все пустѣли и пустѣли.. Докторамъ работы, съ каждымъ часомъ, становилось все менѣе и менѣе.

Усиленная работа и заботливость заглушала нѣсколько жгучую тоску въ сердцѣ Натальи Мартыновны; но теперь, въ относительно бездѣйствіи, эта тоска начинала развиваться снова, съ прежнею, разрушительною силою.

Жалко было смотрѣть на эту женщину. Препней, хотя и задумчивой, всегда серьезной, но цвѣтущей здоровьемъ и силою Наташи — не было и тѣни. Блѣдная, исхудалая, съ вѣчно опущенными внизъ глазами, словно въ чемъ виноватая, она казалось олицетвореніемъ тоски и грусти.

Къ ней приходили, заговаривали съ нею, старались занять ее чѣмъ нибудь, развлечь; — всѣ усилія эти оставались тщетны,—а малѣйшее слово, неосторожно сорвавшееся съ языка, малѣйшій намекъ, вызывали тотчасъ-же тихія, беззвучныя слезы... Самое тяжелое страданіе отражалось въ такія минуты на ея, и безъ того истрадавшемся, лицѣ,—и неосторожный говорунъ проклиналъ себя, свой языкъ, и долго послѣ этого не рѣшался не только заговорить, но даже подходить къ несчастной матери.

*) Эти лодки построены были по идеѣ генерала Кауфмана, и потому получили свое названіе.

Одинъ только Головинъ никогда не проговаривался и умѣлъ поддерживать съ Наташею разговоръ о чемъ нибудь постороннемъ, вызывая даже съ ея стороны нѣкоторый интересъ и вниманіе...

Но за то хромой казакъ измѣнился не хуже самой Наташи. Онъ тоже походилъ скорѣе на ходячій трупъ, чѣмъ на живаго человека... Тяжелая борьба сломила и его желѣзную натуру,—и часто, придя въ свой казачій бивуакъ, легши ничкомъ на коверъ и уткнувшись въ кожаную подушку, онъ рыдалъ подолгу, а потомъ спѣшилъ скрыть поскорѣе на своемъ лицѣ слѣды этой слабости, для того чтобы снова идти къ той женщинѣ, за одну каплю крови которой онъ готовъ былъ пожертвовать всею своею, до послѣдней капли...

Хромой казакъ потерялъ уже всякую надежду спасти сына и возвратитъ его матери; но онъ, понятно, не выказывалъ этого Наташѣ. Наташа была увѣрена, что, рано или поздно, ея сынъ будетъ въ ея объятіяхъ,—и тоже никогда не проронила объ этой надеждѣ ни слова. Она словно боялась, что найдутся люди, готовые однимъ словомъ разбить въдребезги эту надежду, и ревниво оберегала ее, тая отъ всякаго посторонняго взгляда... Эта надежда поддерживала ее въ минуты тяжкаго испытанія, но она же за то и служила источникомъ самыхъ сильныхъ огорченій...

«Онъ живъ, — но гдѣ онъ? что съ нимъ? въ какихъ грубахъ, ненавистныхъ рукахъ этотъ ребенокъ? какія страшныя лишенія испытываетъ онъ? что терпитъ и переноситъ этотъ бѣдный мальчикъ?»..

Иногда Наташѣ казалось даже, что легче было бы увидѣть трупъ своего сына, чѣмъ эта мучительная неизвѣстность.

За вѣсть о немъ, она готова была бы пожертвовать всѣмъ. О еслибъ хотя откуда нибудь, — хоть вонъ съ тѣмъ порывомъ степнаго вѣтра, хотя на крыльяхъ вонъ той серебрястой чайки, скользнувшей надъ рѣкою, — прилетѣла эта свѣтлая вѣсть!.. И Наташа, по какому-то непонятному, инстинктивному чувству ждала этой спасительной вѣсти.

И она дождалась.

Разъ, подъ вечеръ, когда стало прохладнѣе и розовый свѣтъ заходящаго солнца пріятно ласкалъ глазъ, утомянный однообразіемъ пейзажа, Наташа шла вдоль берега, любяся золотистыми всплесками воды и чайками — по всѣмъ направленіямъ шныряющими надъ ея поверхностью... Она была одна, даже хромой казакъ не провожалъ ея.

Большая собака «Куций» подбѣжала къ ней, ласково повертѣла своимъ обрубленнымъ хвостомъ; Наташа погладила по головѣ доброе животное — и то, оставшись вѣроятно совершенно довольнымъ этой честью, запрыгало, залаяло и понеслось снова къ своему мѣсту, на ротной кухнѣ.

У самой воды толпилось нѣсколько туземцевъ-лаучей и милиціонеровъ. Къ этому сброду присоединились еще десятка два бродягъ, Богъ вѣсть откуда явившихся; ихъ не гнали. Всѣ они называли себя персиянами, рабами, бѣжавшими отъ своихъ господъ, подѣ покровительство русскихъ,—и наши солдаты охотно ютились ихъ около себя, дѣлаясь съ пришельцами своимъ незатѣйливымъ, скуднымъ обществомъ...

Вообще, за послѣднее время, въ лагерьъ значительно прибавилось разнаго пестраго неопредѣленнаго народа, на что, вообще, какъ и прежде, особаго вниманія не обращалась.

Вотъ мимо подобной-то группы и проходила Наталья Мартыновна.

Вѣсь оборванный, полуголый, черный какъ уголь, подошелъ къ ней туземецъ—и глядя на нее просительными, слезящимися глазами, протянулъ къ ней свою руку, завернутую по локоть въ тряпку.

Несчастный должно быть былъ рапенъ, потому что на этой грязной тряпкѣ не трудно было замѣтить ржаво-красное пятно высохшей крови...

Бѣдняга бормоталъ что-то на непонятномъ для Наташи языкѣ, протягивая руку и, подойдя шага на три, опустился на колѣни...

Наташа подошла къ нему и нагнулась. Туземецъ принялся

Седмиградская поселянка. Съ картины Вастага, Грав. Э. Остъ.

медленно разворачивать тряпки... Наталья Мартыновна вздрогнула и отскочила... она почувствовала въ своей рукѣ кусок свернутой бумаги...

— Возьми это и читай... тихо почти шопотомъ произнесъ по русски туземецъ.— Тамъ все узнаешь...

Наташа хотѣла крикнуть и не могла... хотѣла поднять руку, чтобы знакомъ подозвать кого нибудь на помощь, но у ней не хватило на это силы... Земля стала уходить изъ-подъ ея ногъ... она зашаталась... А рука стиснувшая поданный ей клочекъ бумаги — такъ и не разжималась, словно эта бумага судорожно стянула въ кулакъ ея исхудавшіе пальцы.

Человѣкъ въ лохмотьяхъ исчезъ — словно его и не бывало... Онъ усѣлъ замѣшаться снова въ толпу такихъ же какъ и онъ грязныхъ, такихъ же черныхъ, такимъ же жалкихъ оборвышей...

Прохладный рѣчной вѣтеръ скоро благодѣтельно подѣйствовалъ на нервы Наташи... Она оправилась и быстро пошла черезъ лагерь къ своей палатки...

Какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что въ этомъ

клочкѣ бумаги таится разгадка, таится вѣсть, такъ давножданная, желанная...

«Твой сынъ у меня, — ему хорошо. Приходи ты — и тебѣ будетъ хорошо. — Не прійдешь, — и ему будетъ худо, и тебѣ худо. . Пройдетъ день — русскіе на томъ берегу будутъ — наши ихъ не удержатъ... Въ тотъ-же день къ тебѣ прійдутъ люди, — иди за ними. Пропадутъ мои люди, — не прійдешь ты — я за твоего сына не отвѣчаю.

Мулла-Атамкуль.»

Вотъ что было написано въ этой запискѣ...

— Наталья Мартыновна, можно къ вамъ? раздался за палаткою голосъ хромого казака.

Наташа хотѣла отвѣтить и не могла... Она дрожала какъ въ самой сильной лихорадкѣ — она стояла какъ разъ посрединѣ своего шатра; одною рукою она придерживалась за столбъ, другою — торопливо, судорожно прятала за пазуху роковую записку...

— Наталья Мартыновна!... послышался снова голосъ за палаткою.

(Продолженіе будетъ.)

СЕДМИГРАДСКАЯ ПОСЕЛЯНКА.

Трудно сыскать уголокъ земли съ болѣе смѣшаннымъ населеніемъ чѣмъ Седмиградѣ—эта исконная славянская область, нынѣ называемая Трансильваніею. Въ древности она составляла часть Дакии, и въ 105 году по Р. Х. покорена была Траяномъ римскому владычеству. Съ 274 года римляне покинули эту страну — и она буквально была затоплена хлынувшимъ приливомъ великаго переселенія народовъ. Какіхъ племенъ, одеждъ, нарѣчій и состояній не перебивало тутъ! Одни за другими занимали ее Гунны, Ость-готы, Гепиды, Болгары, Авары и наконецъ въ IX столѣтіи Печенѣги, раздѣлившіе ее на 8 округовъ (сековъ). Венгерскій король Стефанъ I завоевалъ Седмиградѣ, присоединилъ его въ 1003 году къ Венгріи и управлялъ имъ посредствомъ наместниковъ (всеводовъ). Король Гейза II въ 1144 году вызвалъ пѣмцовъ изъ Фландріи, съ нижняго Рейна, съ Гарца изъ Турингіи (Саксоніи), для населенія обезлюдѣвшей югозападной части Седмиградья. Пять лѣтъ владѣлъ Седмиградѣмъ византійскій императоръ Мануилъ (1167—1172). Въ 1240 вторгнулся сюда монгольскій ханъ Каданъ. Затѣмъ Седмиградѣ снова управлялось то венгерскими герцогами, то воеводами изъ рода Баторіевъ, то князьями изъ рода Ракоци; турки не разъ пытались овладѣть этой страной, и только 21 июля 1718 года Пассаровицкимъ миромъ она окончательно утверждена за Австріею.

Понятно, что такое множество народностей, напереробой вырвавшихся Седмиградѣ одна у другой, не могло пройти безслѣдно, не придавъ характера смѣшанности всему населенію. И въ самомъ дѣлѣ, по исчисленію 1857 года, видно, что въ числѣ 1,928,173 обитателей Седмиградья, считается 1768 славянъ сѣверныхъ, 830

славянъ южныхъ, 1,104,332 румуновъ и потомковъ византійцевъ, 517,577 венгровъ (мадяровъ), и 200,364 вѣмца и 102,000 различныхъ племенъ, между которыми болѣе 80,000 цыганъ.

Седмиградѣ — страна гористая, представляющая даже въ низменностяхъ холмистую, волнообразную поверхность, лежитъ на высотѣ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря и ограничена высокими горными хребтами, съ востока Карпатами (5500 футовъ), съ юга Трансильванскими альпами (7800 ф.), съ запада и сѣвера Седмиградскими рудными горами (Кухгорнъ 6,700 ф.). Изъ минеральныхъ произведеній особенно добычливо добывается золото (около 5,300 марокъ) въ Златнѣ и другихъ мѣстечкахъ, серебро (8000 марокъ), ртуть, мѣдь и соль. Уже Святославъ, этотъ истинный князь дружинникъ, ссылался на богатство этого края серебромъ и конями, изъ которыхъ лучшіе разводятся въ Седмиградѣ.

Насъ-русскихъ, конечно, болѣе всего интересуетъ славянское населеніе страны, одна изъ представительницъ котораго и представлена на прилагаемомъ рисункѣ. Костюмъ ея напоминаетъ нѣсколько сербскій или черногорскій. Обиліе металлическихъ украшеній указываетъ на богатство края въ этомъ отношеніи, хотя промыскою золота и проч. занимаются преимущественно цыгане; за то земледѣльному славянцу довольно плохо приходится тамъ, гдѣ почва почти не покрываетъ трудовъ и урожай недостаточенъ даже для мѣстнаго потребленія. Винограводство, разведеніе овощей, табаку и пеньки служатъ впрочемъ нѣкоторымъ подспорьемъ поселянину. Неудивительно поэтому, что художникъ изобразилъ намъ седмиградскую поселянку не у земли, а на вольномъ такъ сказать промыслѣ — именно на поискахъ за грибами.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОКОНЧАНІЕ КЪ ПОЭМѢ «КОМУ ЖИВЕТСЯ ВСѢХЪ ВОЛЬГОТНѢЕ НА РУСИ»,

Н. Некрасова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашъ вѣкъ прогрессивный поэты — не тѣ мы;
Элегій, балладъ и любовь не поемъ мы,
А ищемъ въ народѣ, на родинѣ, темы
И въ родѣ такомъ сочиняемъ поэмы:

ПОЭМА. Глава.....

Взошла заря румяная
Надъ городомъ надъ Питеромъ
И смотрится какъ въ зеркало
Въ широкую Неву.
Блится шпигъ на крѣпости,
На немъ пробилъ съ музыкой
Часы три съ половиною,
Но городъ тихо спитъ.
Лишь изрѣдка послышится

Пролетки дребезжаніе,
И временемъ отъ фабрики
Какой-то слышенъ гулъ.
Стоитъ погода тихая,
На небѣ нѣтъ ни облачка,
Лишь ночь туманомъ дымчатая,
Скрывается въ дали.
Вотъ освѣтились зданія,
Вотъ и Нева широкая
Отъ солнца восходящаго
Покрылась серебромъ:
На ней мелькаютъ ялики,
Плывутъ съ дровами барочки,
Спускаясь по теченію,
Безъ мачты и руля.
Изъ Ладожскаго озера,

На баркѣ съ разнымъ деревомъ,
Плывутъ Невой широкою
Всѣ наши мужики.
Чего не посмотрѣлись
Они путемъ-дорогою!
Такія все диковинки,
Что трудно и сказать;
Стоять на баркѣ дурнями,
Глаза бычачьи сдѣлали
И весла даже бросили,
Взглянувши на дворцы.
Кричитъ хозяинъ: «Лѣшіе!
Чего вы рты разинули?
Иль потонуть желаете?
Вишь на мостъ насъ несеть!
Скорѣе, братья Губины,
Пихай шестами съ носа-то;
А Провъ гребни весломъ!»
Вдругъ точно всѣхъ толкнуло чѣмъ,
Пошли трещать плашкоуты,
Что подъ мостомъ поставлены...
Прошибло въ баркѣ носъ.
Хозяинъ взвылъ по волчьему...
Съ моста опять ругается,
Не то чтобъ очень вѣжливо,
Какой-то кавалеръ. —
«Спасите православные!»
Кричали братья Губины
«Умремъ безъ покаянія!»
А Провъ кричитъ: «Тону!»
Гудѣло эхо по мосту,
И по Невѣ отъ Клиники
До Горнаго до Корпуса
Былъ слышенъ общій крикъ...

«Ну видѣли вы, лѣшіе,
Житѣе мое хозяйское?
Чуть съ вами съ косолапными
Я самъ не потонулъ.
Ступайте вы къ чиновничкамъ,
Ищите тамъ счастливаго,
У насъ ихъ всѣхъ здѣсь въ Питерѣ
Вамъ вѣкъ не перечеть!»

Вотъ мужики дорожкой,
Деревьями обсаженной,
Пришли въ большую улицу,
Конца которой нѣтъ;
Стоять тутъ важно будочникъ,
Порядокъ соблюдающій,
И смотритъ подозрительно
На нашихъ мужиковъ.
«Чего вы цѣлой шайкою,
По городу таскаетесь?
Что? вѣрно дѣлать нечего?
Остались безъ работъ?
Въ деревнѣ лучше жили-бы,
Поля свои пахали-бы,
Чтобъ въ комитетъ презрѣнія
Къ намъ послѣ не понасть...
Куда на Невскій лѣзете?
Сюда пускать не велѣно,
Здѣсь скоро много публики
Пойдетъ, у насъ гулять.»
«Мы такъ и такъ... чиновника
Намъ очень бы желательно
Здѣсь посмотрѣть счастливого,»
Отвѣтилъ дядя Провъ. —
«Такихъ едва-ль найдете вы,
Имъ отвѣчаетъ будочникъ,—
Всѣ нынче очень заняты,
Для счастья время нѣтъ.»

Вотъ развѣ что писатели,
Изъ отставныхъ чиновниковъ,
Тѣ мало занимаются
И счастливо живутъ.—
Такого покажу я вамъ,
Чиновникъ невзаправочный...
(стихами пробавляется.—
Давайте четвертакъ.

«Нашли кому завидовать!»
Чиновникъ отвѣчаетъ имъ:—
Я черезъ день обѣдаю,
И то другой разъ въ долгъ.
Ступайте вы къ редактору;
Вотъ тотъ счастливъ дѣйствительно,
Во всякомъ удовольствіи
И въ славѣ онъ живетъ»

Шли долго-ли коротко-ли...
Есть на Руси пословица:
До самага до Кіева
Языкъ насъ доведеть.
Пришли къ подъѣзду знатному;
Въ подъѣздѣ тамъ съ медалями,
На всей груди нашитыми,
Гуляетъ инвалидъ.
Вотъ въ спину Прова дюжого
Толкнули братья Губины,
Чтобъ онъ съ почтеннымъ ундеромъ
Одинъ поговорилъ.
Провъ, шапку снявъ, раскланялся,
Потомъ два раза кашлянулъ—
И почесавши за ухомъ,
Повелъ такую рѣчь:
«Мы мужики такіе-то
Пришли сюда таперича
То есть примѣрно будучи
Насчетъ такой статьи»...
—Насчетъ статьи вы въ Середу
Иль въ Пятницу пожалуйте
Отъ десяти до пятаго;
А пишете о чемъ?
«Мы то есть всѣ неграмотны,
А только намъ желательно
На вашего па барина
(счастливаго взглянуть.»

— Нашъ баринъ по редакціи
Поэмы пишетъ разныя,
Первѣйшимъ сочинителемъ
Въ Россіи онъ слыветъ.
Да вамъ его-ли надобно?
Онъ больше съ генералами
Да съ важными боярами
Дѣла свои ведеть....

—Его! его и надо намъ!
Кричали братья Губины:—
Ему-то всѣхъ вальготнѣе
Живетъ на Руси!»
—«Теперь мой баринъ кофеемъ
Должно быть занимается;
Пождите здѣсь съ полчасика,
О васъ я доложу.
Да вотъ онъ самъ по лѣстницѣ
На улицу спускается;
Коль вамъ весьма желательно,
То можете смотрѣть.»

Дѣйствительно, на улицу

Выходит баринъ съ тросточкой,
 Бородна клиномъ съ просѣдью
 И очень важный видъ.
 Тутъ вся компанья бросилась,
 Чтобъ быть поближе къ выходу;
 А Провъ, о тумбу стукнувшись,
 Колѣно рассадилъ.
 И разомъ закричали всѣ:
 — «Ты, Ваше Благородіе,
 Намъ жизнь свою счастливую
 Повѣдай, расскажи.»
 — «Напрасно, православные,
 Ко мнѣ вы обращаетесь!
 Житье мое несчастное,
 Особенно теперь.
 Былъ счастливъ и дѣйствительно
 На сколькокъ намемъ поприщѣ
 Поэта-обличителя —
 И славу приобрѣлъ.
 Слѣдя за духомъ времени,
 За модою капризною,
 Народныя страданія
 Я пѣлъ на разный ладъ;
 Своимъ воображеніемъ
 Украсивъ тѣмы скорбныя,
 Большое впечатлѣніе
 На всѣхъ производилъ.
 Въ то время не осмѣлился-бъ
 Ни кто въ ехидной критикѣ
 Моей коснуться личности,
 А также и статей.
 Теперь не то: и Вѣстники,
 И мелочь вся газетная,
 Въ статьяхъ своихъ критическихъ,
 Пошли меня чернить.
 Далась имъ всѣмъ и каждому
 Корова холмогорская!

Объ ней я, на несчастіе,
 Въ поэмѣ говорилъ.
 Прощайте, православные....
 Ищите вы счастливаго,
 А я теперь несчаствѣйшій
 На свѣтѣ человѣкъ:
 Богатство, слава, почести
 Меня теперь не радуютъ;
 Корова холмогорская
 Все счастье унесла.»
 Тутъ другъ на друга многіе
 Смотрѣли вопросительно,
 Потому въ раздумьи начали
 Затѣлки всѣ чесать.
 Вдругъ Провъ вскричалъ: «Ребятюшки,
 Да мы вѣдь не обѣдали!
 Ей скатерть самобранная
 Попотчуй мужиковъ!»
 Вотъ двѣ руки явились
 И на панель поставили
 Штофъ, водки, мясо, хлѣбъ.
 Вдругъ прибѣгаетъ будочникъ,
 Хватаетъ руки съ еодкою
 И тащить прямо въ часть.
 При этомъ вся компанія
 Въ великомъ удивленіи
 Рты до ушей разинула....
 А тотъ уже исчезъ.
 Завыли братья Губины,
 А Провъ кричитъ: «Ограбили!
 Лишились мы кормилицы,
 Пропали мы совѣзмъ!
 Охъ дурни мы заморскіе,
 Искали все счастливаго,
 А сами съ нашей скатертью
 Счастливыи были всѣхъ.»

И. Г.

Ж А В О Р О Н О К Ъ .

Въ небѣ солнышко сіяетъ,
 Высоко въ его лучахъ
 Птичка Божія порхаетъ,
 Разсыпаясь въ голосахъ...
 Я въ нѣмой тоскѣ ей внемлю,
 Сжала сердце мнѣ печаль...

Вотъ прямой смыслъ этой изящной картинки Бейнлага, — смыслъ, котораго напрасно искали присяжные цѣнители искусства, впервые встрѣтивъ произведеніе даровитаго художника на выставкѣ. И къ чему было допытываться, какой эпохѣ и національности принадлежитъ изображенная дѣвушка: — классическая ли это цвѣточница, замечтавшаяся за вѣнкомъ, которому суждено украсить гордое чело повѣсы Алкивиада въ гостяхъ у Аспазіи или плѣшивый лобъ стараго кутилы на римскомъ пиру? Современная ли это намъ гречанка или дочь поэтической Италіи, собирающаяся огулить горячую южную кровь прохладнымъ купаньемъ?... Не ясно ли, что здѣсь на первомъ планѣ весна, — весна въ природѣ съ ея пѣвцомъ - вѣстникомъ и пестрымъ благоуханнымъ узоромъ луговъ — и весна человѣческой жизни — молодость съ ея первыми чистыми мечтами; это картинка всѣхъ временъ и народовъ, и къ ней съ такимъ же успѣхомъ можно приложить любую изъ западно-европейскихъ элегій, какъ и стихи нашего народнаго поэта:

Весною степь зеленая
 Цвѣтами вся разубрана,
 Вся птичками летучими,
 Пѣвучими полнымъ-полна;
 Поютъ онѣ и день и ночь —
 То пѣсенки чудесныя!
 Ихъ слушаетъ красавица,
 И смысла ихъ не вѣдаетъ.
 Въ душѣ своей не чувствуетъ,
 Что пѣсни тѣ волшебныя.
 Не слушай ихъ, красавица,

Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
 Спокоесъ тихъ до утра-дня! —
 Какъ разъ бѣду послушаешь... *)

Но — «грезы юности — это долги-долгія грезы!» говоритъ американскій поэтъ **), и такъ подъ ладъ имъ нескончаемая серебрястая пѣсня жаворонка, сверкающаго въ бездонной синевѣ небесъ...

Ахъ, не птица тамъ
 Летитъ по небу,
 То печальный слухъ
 О немъ поится...
 Не къ добру жъ тоска
 Давить бѣду грудь,
 Нѣтъ, не къ радости
 Плакать хочется ***)

Какъ бы отвѣчаетъ дѣвушка поэту его стихами; но этотъ внезапный паллывъ грусти такъ же мимолетенъ, какъ легкія весеннія облачка, несущіяся въ ясной лазури... Жаворонокъ рѣшет все выше и выше, все ярче разгорается его пѣснь, и вторитъ ему юное сердечко...

Такъ и рвется душа
 Изъ груди молодой!
 Хочетъ воли она,
 Просить жизни другой!

* * *

То ли дѣло вдвоемъ
 Надъ рѣкою сидѣть,
 На зеленую степь,
 На цвѣточки глядѣть!

*) Кольцовъ.
 **) Лонгфелло.
 ***) Кольцовъ.

Жаворонокъ. Съ картины Н. Бейшлага, грав Г. Кохъ.

СОНЪ ВЪ РУКУ.

(Изъ вседневной жизни).

— Неужто, Агафья Васильевна, сорокъ тысячъ?
 — Какъ есть—сорокъ, Домна Петровна!...
 — И все это отъ чиража, говорите?
 — Отъ него!
 — Да онъ-то кто-жъ такой будетъ?
 Кто?
 — Чиражъ-то этотъ? Чиновникъ, что-ли?
 — Нѣтъ, это не то чтобы человекъ, а ежели, напримеръ, при латереи... ну, сидятъ тамъ генералы разные... и вотъ тутъ самый чиражъ является... Не могу я вамъ этого рассказать, потому не женское это дѣло, а вотъ мужъ вамъ можетъ все это какъ слѣдуетъ...
 — Сорокъ тысячъ рублей!... Эка страсть!... Сколько тутъ синенькихъ-то будетъ?...
 — Это пятирублевыхъ-то? Ну, гдѣ-жъ сосчитать!...
 — Гора!... Господи!... Цѣлую наволочку съ подушки набить можно... Ну, счастье!...
 — Да ужъ такое, Домна Петровна, счастье, что и сказать невозможно!...

Такъ разговаривали, сидя за кофе, двѣ женщины пожилыхъ лѣтъ. Хозяйку звали Агафьей Васильевной. Она была замужемъ за портнымъ Ардаліономъ Кузьмичемъ Задковымъ и имѣла дочь — Грушу, которой было уже около двадцати лѣтъ. Были они люди бѣдные, кое-какъ перебивались: отецъ семейства все больше перешигалъ старое платье, Агафья Васильевна тоже шила, а Груша брала изъ какого-то французскаго магазина шивать скроенныя лайковыя перчатки, и считалась дѣвицей добродѣтельной, потому, можетъ быть, что была не изъ смазливыхъ.

Ардаліонъ Задковъ лѣтъ шесть тому назадъ купилъ (съ разсрочкою платежа) билетъ 2-го внутренняго займа и хранилъ его чрезвычайно бережно. Тяжелыя, критическія минуты бывали у него, но онъ крѣпился—не продавалъ и не закладывалъ билета, и вотъ, какъ-бы въ награду, сентябрьскій тиражъ выкинулъ ему сорокъ тысячъ?... Отъ радости онъ просто обезумѣлъ и въ первую минуту не зналъ, что ему дѣлать.... Вросился къ сундуку, надѣлъ чистое бѣлье, вырядился и выбѣжалъ на улицу, сѣлъ на извозчика и велѣлъ ѣхать на Сѣнную... Для чего? зачѣмъ? Онъ и самъ не зналъ... Такъ, почему-то Сѣнная попала на языкъ! Домой онъ вернулся съ живымъ поросенкомъ и тухлымъ теревомъ. Агафья Васильевна тоже растерялась (у ней даже животь «схватило») и живо собралась въ баню — въ мѣстный женскій клубъ. Груша—какъ только узнала о «счастьѣ», сейчасъ-же сломала швейную перчаточную машинку, разорвала перчатки, стала топтать ихъ и, оставшись одна, занялась туалетомъ: вымылась, напоядилась и очутилась въ самомъ лучшемъ своемъ платьѣ—кисейномъ.

На третій день только всѣ они припили въ себя, поуспокоились. Гости то и дѣло посѣщали ихъ. Вотъ и теперь у Агафьи Васильевны сидитъ сосѣдка — Домна Петровна, унтеръ-офицерская вдова.

— Деньги-то всѣ получили?
 — И—нѣтъ! Черезъ три мѣсяца выдадутъ... Такое у нихъ положеніе. Ардаліонъ-то Кузьмичъ вѣздилъ въ банку, ну, тамъ ему и объявили...
 — Значить, вы безъ денегъ при деньгахъ?
 — Зачѣмъ же намъ торопиться?...

Агафья Васильевна закатила слегка глаза и прибавила нѣсколько въ носъ:

— Мы съ супругомъ рѣшили ждать; ну, а конечно, деньги небольшія нужны и теперича, такъ супругъ мой взялъ тутъ у одного жиденка триста рублей...

— Ишь ты чортъ! сказала про себя Домна Петровна: — триста рублей—небольшія деньги!... а вслухъ грозилась:

— Что вамъ триста рублей—плкнуть!... Ну, а сонъ-то, сонъ, какой вы видѣли?...

— Да, да! Сва-то я и не рассказала... Экая дура! Снится это мнѣ, что быдто-бы я собралась къ Ненилѣ Семеновнѣ; ну, надѣла все какъ слѣдуетъ, матерчатое платье... Иду это по дорогѣ—смотрю: на ногахъ у меня ничего нѣту! Какъ есть—босыя!... Чтой-то, думаю, такое? Какъ-же это я иду въ гости такъ-то?... А на улицѣ не то, чтобы грязь, а вся она... ну, не чиста... Просто—страмъ, а я иду, да еще босикомъ!... Представьте!

— Богатство это означаетъ, замѣтила Домна Петровна: — сонъ-то и въ руку!... Къ богатству!... Хорошо это видѣть—ахъ, хорошо!

— Сонъ въ руку!... И сама я такъ подумала, да и горю утромъ мужу насчетъ сна-то... Онъ только плюнулъ!...

— Извѣстно — кавалеръ, гдѣ-жъ ему сны понимать!

— Кофейку-то, кофейку еще! Пейте!

— Пью, пью, голубушка, Агафья Васильевна! Такъ вы говорите, что ваши-то скоро вернуться?

— Скоро, я думаю... Сликовъ-то больше лейте!

— Довольно съ меня.. Что-жъ вы теперича думаете дѣлать, то есть насчетъ жизни—какъ?...

— Да разныя у насъ планы... А, вотъ и Груша!

— Маменька! я сейчасъ отъ фотографика... Двѣ дюжины заказала! затрещала Груша, снимая шляпку и ставя на стулъ небольшой саквояжъ. — А! и вы тутъ! Она кивнула Домнѣ Петровнѣ.—На какомъ я лихачѣ прѣехала!... Сорокъ копѣекъ дала...

— Экая тараторка! усмѣхнулась мать.—Ну, хочешь кофею?

— Ну, васъ съ кофеемъ! Я шоколадъ стану ѣсть... Была у Бормана, два фунта купила... а-лѣ-вавилъ! Четыре палочки дорогой съѣла.. Вкусъ какой!...

— Вижу! По языку вижу, что ѣла!

— Неужто видно?

Груша подбѣжала къ зеркалу и высунула языкъ.

— А вѣдь и то!... Ну-да, не бѣда!... Ахъ, когда эти противные три мѣсяца пройдутъ?... Проща я два раза по зеркальной линіи, да по черинной разъ — ну, вотъ, просто духъ захватывало!... Сейчасъ-бы на тысячу накупила!... Ну, что мнѣ двадцать пять рублей? Тѣфу!... Фу, какой шоколадъ чудесный! Маменька, хотите?

— Поди ты! Я и на кофій-то ужъ смотрѣть не могу!...

— Ну, а вы — какъ васъ — Домна Сидоровна!

— Петровна-съ! Благодарю-съ... А, впрочежъ, кусочекъ позвольте... Племяннику подарю.

— Ну — вѣ-те. Вчера я ѣла арбузъ и яблоки, сегодня — все буду шоколадъ ѣсть и обѣдать не стану, а завтра — ну, угадайте, что я завтра буду ѣсть?

— Пастилу клюквенную? спросила унтеръ-офицерша.

— Пастилу! Дрянь-то такую!...

— Безѣ, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ! Тянулки! А послѣзавтра — цукаты... Ай, мароженикъ кричить!

И Груша выбѣжала изъ комнаты.

— Какая она у васъ бойкая! замѣтила Домна Петровна. — Теперича, я думаю, отъ жениховъ и отбою не будетъ....

— За благороднаго, говорить, пойду,—особенно, ежели онъ офицеръ будетъ со шпорами... Да ужъ это ейное дѣло!

— А я слышала, что быдто-бы... Сергѣй Трифоничъ сватался?

— Это лавочникъ-то нашъ?... Было, было... Да она и видѣть его не хочетъ!... Конечно, Ардаліонъ Кузьмичъ хотѣлъ ее тогда принудить, потому мы задолжали Трифоничу, ну, а теперича — гдѣ-же!

Дверь распахнулась — и въ комнату вошелъ Задковъ. Онъ былъ вѣ-веселѣ. На головѣ — новенькая шляпа.

— Чтѣ за человекъ? обратися снѣ къ ундеръ-сфидершѣ.

— Али Домну Петровну не призвали? усмѣхнулась гостья.

— Какую? откуда?..

— Да что ты, Ардалионъ Кузьмичъ! Протри глаза-то... посоветовала жена.

— А ты кто такая?

— Я ужь уйду, произнесла Домна Петровна, оробѣвъ, и встала.

— Эхъ — вы! Сидите! Я пошутилъ... Ха, ха, ха!.. Ну, здравствуйте!..

Портной сталъ расшаркиваться, то снимая, то надѣвая шляпу.

— Ахъ, и сколько теперь во мнѣ куражу! заговорилъ онъ. — Передъ кѣмъ я преклонялся — всѣхъ теперь осажу въ лучшее видѣ! Дворника осадилъ... Лавочника обидѣть надо безпримѣнно! Ломался онъ передо мной — ну, держись теперь... *

— Бѣды еще наживешь... Брось!

— Какой бѣды? Ежели къ мирозому... Ну, что-жь? Ваше превосходительство! Онъ меня обидѣлъ, а я тогда не могъ, потому былъ червь... А теперь могу! Помилуйте, человекъ я тоже... Не деревянное сердце!.. Ну, Агаша, пора обѣдать!..

* * *

Было около шести часовъ вечера. Супруги Задковы, какъ легли спать послѣ обѣда, такъ и не просыпались еще. Груша въ кисейномъ платѣ, съ розовыми бантами, сидѣла у окна и лѣниво перелистывала старый пѣсенникъ. Въ кухнѣ заскрипѣли чьи то сапоги... Она повернула голову, увидѣла лавочника — Сергѣя Трифоновича.

— Вамъ чего нужно здѣсь? рѣзко спросила Груша.

— Позвольте-съ... Прежде — мое почтеніе-съ! проговорилъ Сергѣй Трифоновичъ, подходя къ ней на носкахъ.

— Не нужно мнѣ вашего почтенія! Можете проваливать обратно.

— Такъ-съ! Однако, какое у васъ сердце!...

— Вы не смѣйте со мной объ сердцѣ разговаривать!

— Почему-жь такъ? Коли ежели вы выиграли сорокъ тысячъ, такъ я, можетъ быть, выиграю двѣсти тысячъ?..

— Ну и на здоровье... Долгъ вѣдь вамъ отдали? Чего-жь вы лѣзете?..

— А ежели я влюбленъ?

— Что такое?

— Позвольте-съ... вы какъ любовь понимаете?

— Какъ же вы можете съ дѣвницей о такихъ предметахъ говорить?

— Предметъ самый настоящій-съ! Что-жь вы думаете теперь за офицера либо благороднаго идти? Такъ они-съ не наживать деньги, а проживать умѣютъ... Да-съ! А сами отъ этого нешто благородной будете?..

— Вамъ до этого нѣтъ дѣла, а только лавочницей не буду!..

Груша сѣла къ нему спиной, взяла пѣсенникъ и начала вслухъ читать:

«Ты скоро меня позабудешь,
А я — никого, никогда»....

— Нешто лавочницей зазорно быть?

Сергѣй Трифоновичъ сѣлъ на стулъ нѣсколько поодаль. Дѣвушка перекинула пять-шесть страничекъ и еще громче продекларировала:

«Моего-ль вы знали друга?
Онъ былъ бравый молодець:
Въ бѣлыхъ перьяхъ статный воинъ,
Первый Дании боець!...»

— Вотъ такъ другъ! Ежели теперь за война замужъ, заговорилъ лавочникъ, — то это выходитъ — и пойдете вы съ нимъ изъ города въ городъ путешествовать? Что-жь тутъ прекраснаго?...

Груша бросила книжку и въ полголоса запѣла:

«Молода-а-я вдова
Въ хуто-ро-о-чкѣ живеть»....

— Война убьютъ въ страженіяхъ — вотъ вы и молодая вдова, да еще хорошо коли хуторочекъ-то будетъ, а то и жить нѣдѣ... Бываетъ!.. А ежели, примѣрно, купецъ, такъ у купца можетъ каменный трехэтажный сооружается, ну и насчетъ страженія или битвы — нечего бояться!... Поѣдешь вотъ развѣ на чугункѣ — ну, случается — прокламація вый-

детъ: ноги поломаешь, такъ все-же хуторокъ-то свой останется... Вѣрно говорю?..

— И хо-ло-дны уста для поцѣ-лу-у-я, протянула Груша и закашлялась.

— Что-жь вы, Аграфена Ардалионовна, и словомъ меня не уважаете?

— А вотъ, погодите: тятенька встанетъ, онъ васъ и уважить словомъ... *

— Такъ-съ! — Сергѣй Трифоновичъ всталъ. — Такъ намъ лучше отъ безобразія уйти... А только скажу: свиньи вы были, свиньями и остались! Потому, какъ бывало денегъ ни гроша — сейчасъ къ Сергѣю Трифонову: и сахарку, и чайку! А я давалъ, вѣрилъ... *

— Мужикъ! Какъ ты смѣешь? Вонъ!

— И самъ уйду-съ... Не очень-то заплачу!

Лавочникъ ушелъ. Полчаса спустя супруги пробудились. Нанятый стряпухъ «приказано» было поставить самоваръ... Агаша Васильевна и Груша подумали тутъ: «Полно намъ теперь самовары ставить!...»

Ардалионъ Кузьмичъ, узнавъ отъ дочери, что заходилъ лавочникъ, выругался и ушелъ, обѣщаясь при случаѣ *какъ слѣдуетъ* обидѣть его...

Когда они сидѣли уже за чаемъ, дверь отворилась — и въ комнату вошли два чиновника, еще молодые люди, оба въ сиреневыхъ съ лампасами брюкахъ и въ вицъ-мундирахъ, немного потертыхъ.

— А! наше вамъ-съ почтеніе! Ардалионъ Кузьмичъ! воскликнули они.

— Милости просимъ садиться... но, извините, не имѣю удовольствія, пробормотала хозяйка, приподымаясь. Но чиновники не сажались: ноги ихъ были удивительно какія живыя! Какъ будто они стояли на очень горячемъ полу...

— О, помилуйте, милѣйшій Ардалионъ Кузьмичъ! заговорили оба разомъ. — Будто забыли? а?.. Къ Пасхѣ намъ фракъ шили!.. Ну, какъ же! Да мы въ этомъ-же домѣ живемъ... Постоянные ваши заказчики!.. Какъ узнали, что фортуна направило свое колесо къ вамъ — сейчасъ поздравить — первыми дѣломъ! Руку, руку, почтенѣйшій!..

— Я — Павелъ Вертуновъ, а онъ — Петръ Хвостиковъ! Впрочемъ — тѣфу! совралъ! Я — Хвостиковъ, а онъ — Вертуновъ... Оба мы коллежскіе регистраторы! говорилъ и хохоталъ въ тоже время Хвостиковъ.

— А это ваши дамы? Должно быть — супруга и дочь? Рекомендуйте, Ардалионъ Кузьмичъ! почти кричалъ Павелъ Вертуновъ, вертясь и дрыгая ногами стѣ восторга.

— Господа, чаю угодно? Да, вы можете быть, безъ ямайскаго — ни-ни? спросилъ повеселѣвшій Задковъ, и въ то же время подумалъ: «когда это я шилъ имъ фракъ? Врутъ, черти! Въ первый разъ вижу... Ну-да ладно, народъ чистый... Все-жь компанія!»

Дѣйствительно, оказалось, что гости безъ ямайскаго «ни-ни». Груша зажгла новенькую большую лампу съ розовымъ шаромъ. Общество развеселилось. Хвостиковъ и Вертуновъ безумолку болтали. Послѣдній больше обращался къ Грушѣ. Онъ укѣрилъ ее, что писать стихи въ журналахъ и даже можетъ трагедію написать, но все «какъ-то, чортъ возьми, нѣтъ времени!..»

— Ну, планы-то, планы какіе-же у васъ, дорогой мой Ардалионъ Кузьмичъ? самымъ задушевнымъ голосомъ спрашивалъ Хвостиковъ, прихлебывая пуншъ.

— Да какъ вамъ сказать?.. Признаться, я еще не того... то есть... понимаете...

— Понимаю! Еще не соображали... Ну, это ничего! Надо общимъ совѣтомъ... непременно!

— Мы все это устроимъ! отозвался Вертуновъ. — Проектъ напишемъ! Что угодно! А знаете вы, Аграфена Ардалионовна, что такое проектъ?

— Я полагаю, что самое лучшее, заговорилъ солиднымъ тономъ Хвостиковъ, — открыть кафе-ресторанъ... ну, съ биллардомъ и прочее... Чрезвычайно выгодно!..

— А не то — знаете что? Пушечный заводъ! хватилъ Вертуновъ. — Вонъ — Крупшъ-то какъ разбогатѣлъ!..

— Вот тоже—бани хорошо, замѣтила робко Агафья Васильевна.

— Ну, а вы какъ думаете, Аграфена Ардалионовна? спросилъ Вертуновъ.

— Я-бы оранжерею огромную устроила, отвѣтила Груша:—сама бы ѣла всякія фрукты и продавала бы ихъ, особенно зимой...

— И самымъ лучшимъ фруктомъ въ такой оранжереѣ—прелестнѣйшимъ плодомъ — была бы *груша!* воскликнулъ Хвостиковъ.

— Канплиментъ—первый сортъ... Хе-хе! засмѣялся Ардалионъ Кузьмичъ.—Еще по стаканчику пунштика!.. Жена!.. Агаша!..

— Чего тебѣ?

— А сонъ-то свой рассказала имъ? Расскажи!.. Сонъ, господа, въ руку!..

— Поди ты!..

Агафья Васильевна принуждена была рассказать о чудесномъ своемъ снѣ...

Вертуновъ узнавъ, что Ардалионъ Кузьмичъ играетъ немножко въ рамсъ, предложилъ эту игру, а Хвостиковъ взялся немедленно выучить этой игрѣ обѣихъ дамъ. Тѣ согласились.

Послали стряпуху за картами и «дюжиной пива».

— Эхъ, Господа, тѣсно у меня! говорилъ Задковъ.—А вотъ найму кваргиру въ 500 рублей—пожалуйте тогда на новоселье?..

* * *

Ардалиону Кузьмичу на другой же день удалось *обидѣть* Сергѣя Трифонова, и даже такъ, что мѣстный околоточный былъ присланъ для составленія надлежащаго протокола—и затѣмъ была получена повѣстка отъ мирового судьи.

Агафья Васильевна заболѣла, опившись *кофиемъ*, да и Груша лежала, блѣдная... Она жестоко страдала послѣ двухъ фунтовъ тянулокъ.

В.

НОВЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Новое зданіе парижскаго опернаго театра, помѣщающееся на Кауцнискомъ бульварѣ, не слѣдуетъ смѣшивать со старымъ опернымъ театромъ, сгорѣвшимъ нѣсколько недѣль тому назадъ (въ ночь 2-го октября). Последній, находившійся на улицѣ Ленеелетьеръ, просуществовалъ нѣсколько болѣе пятидесяти лѣтъ (обыкновенный средний срокъ существованія театровъ, послѣ котораго они сгораютъ) и между прочимъ не былъ обреченъ на сломку, такъ какъ онъ лежалъ въ линіи новаго Гаусманновскаго бульвара и только уцѣлѣлъ вслѣдствіе плохаго состоянія городскихъ

финансовъ Парижа. Новый же оперный театръ, который въ нѣружныхъ очертаніяхъ готовъ былъ еще въ 1867 году, но внутренность котораго еще понынѣ не отдѣлана, представляетъ собою одно изъ прекраснѣйшихъ и грандіознѣйшихъ зданій въ Европѣ. До лѣта 1867 года постройка его обошлась въ 34 милліона франковъ, а дальнѣйшіе расходы на окончаніе его были тогда опредѣлены въ сумму еще 18 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ вся постройка зданія обойдется въ 52 милліона франковъ (13 милліоновъ рублей).

СМѢСЬ.

Средство противъ дуэли. Въ одномъ французскомъ гвардейскомъ полку, стоявшемъ въ Аржантейлѣ, между офицерами развилась такая страсть къ дуэлямъ, что наконецъ правительство было вынуждено принять мѣры противъ этого. Оно назначило командиромъ этого полка генерала графа де Брасси, давъ ему неограниченныя полномочія. Прибывъ въ полкъ, онъ немедленно пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ на обѣдъ; въ концѣ его генералъ произнесъ презычайно веселую рѣчь, заключивъ ее словами: «Еще одно, господа, я слышалъ, будто вы большіе охотники до дуэлей; я ничего не имѣю противъ этого, но конечно вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ: сообщайте мнѣ всегда заранѣе о вашемъ намѣреніи драться, и объявляйте мнѣ причину ссоры!» Офицеры охотно дали слово исполнять это, и графъ ушелъ въ свои комнаты. Не пробывъ онъ тамъ четверти часа, какъ ему докладываютъ о двухъ офицерахъ, желающихъ сообщить ему о своемъ намѣреніи драться. «А какая причина? Вѣдь вы сейчасъ были лучшими друзьями?» спросилъ генералъ. «Мы спорили о томъ, всегда ли Марія Аптуанета ходила нанудренна или нѣтъ; это послужило поводомъ къ разнымъ рѣзкимъ словамъ, которыя могутъ быть заглажены только шпагой.»

«Причина весьма важная!» совершенно серьезно возразилъ генералъ, «надѣюсь, что ея достаточно чтобы не считать дуэль дѣтскою забавой; безъ сомнѣнія, вы назначите ее завтра же.»

На другой день оба офицера были на парадѣ.

«Отчего же вы не дрались?» сердито спрашиваетъ генералъ.

«Мы дрались, повязка на моей рукѣ доказываетъ, что дѣло было серьезно», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

«Забавно! за такія оскорбленія не ограничиваются царяпинами! Надѣюсь, завтра

вы будете драться на жизнь и на смерть, если въ васъ есть честь!»

На другой день они дрались; одинъ изъ дуэлянтовъ получилъ очень опасную рану, уложившую его на шесть недѣль въ постель. Въ продолженіи этого времени многие офицеры заявляли о вызовахъ на дуэль, но генералъ уговаривалъ ихъ подождать, пока не рѣшится окончательно послѣдствія первой дуэли.

Наконецъ раненный офицеръ могъ выдти. Опираясь на руку товарища, идетъ онъ въ первый разъ гулять. Навстрѣчу имъ попадаетъ генералъ. Онъ съ гнѣвомъ накидывается на нихъ: «Завтра, передъ цѣлымъ полкомъ, я объявляю васъ трусами, если вы наконецъ не положите конца этой исторіи. Одинъ изъ васъ *долженъ* остаться на мѣстѣ. *Дуэль не шурика*.»

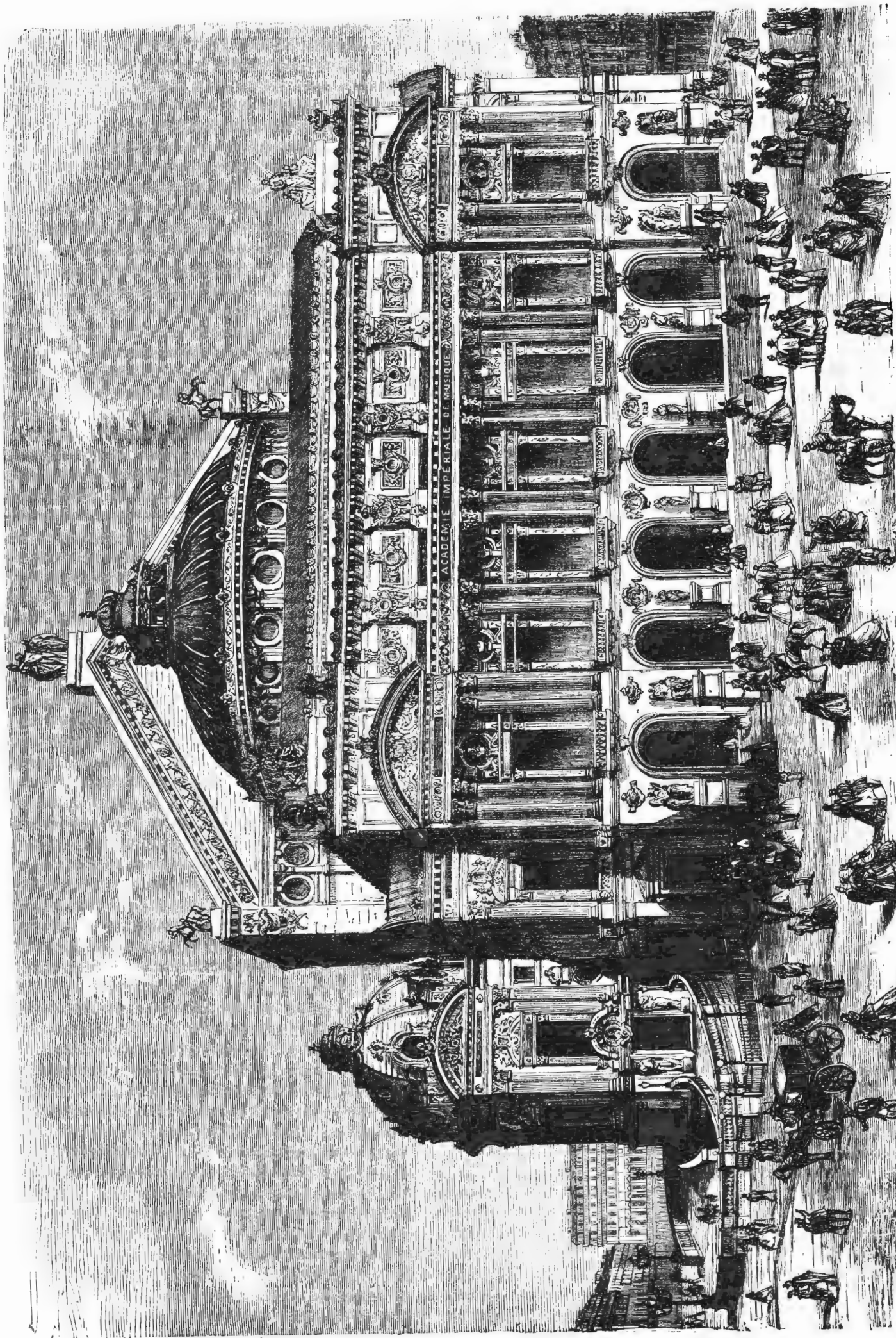
На слѣдующее утро, офицеры дрались въ третій разъ — они прозвали другъ друга клинками и не встали больше съ мѣста.

Съ тѣхъ поръ генералъ никогда не получалъ заявленій о вызовахъ на дуэль.

О вліяніи мясной пищи на здоровье. Др. Бертильонъ, какъ сообщаетъ одинъ ученый англійскій журналъ, написалъ изслѣдованіе о продовольствіи рабочихъ классовъ во Франціи. Между прочимъ онъ говоритъ объ одной фабрикѣ, на которой работало 360 рабочихъ, питавшихся почти исключительно одной растительной пищей. Такъ какъ въ устроенной для рабочихъ болыничной кассѣ оказывался постоянный дефицитъ, то фабрикантъ сталъ заботиться о доставленіи рабочимъ мясной пищи. Послѣдствіемъ этого было то, что съ тѣхъ поръ на cadaго рабочаго стало приходиться въ годъ всего три дня на болѣзнь, тогда какъ прежде приходилось таковыхъ дней пятнадцать на cadaго рабочаго.

Вѣчанье въ заоблачномъ мѣрѣ. Цинцинатскій «Народный листокъ» въ номерѣ своемъ, вышедшемъ 17-го сентября, помѣ-

стилъ подъ рубрикой «Разныя извѣстія» слѣдующее объявленіе: «Высоко въ воздухѣ! Сегодня заоблачное вѣчанье!! Вѣнчальный валой надъ землей. Первое большое бракосочетаніе на воздушномъ шарѣ «Мамонтъ» г-на П. Т. Барнума. Шаръ полетитъ въ субботу. Мѣсто спуска: большой римскій гипподромъ. время — по окончаніи послѣобѣденныхъ представленій. Свадебный поѣздъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ особъ: невесты — миссъ Мэри Уэльшъ, жениха — Чарльза Кольтона, подруги невесты — миссъ Анни Иетесъ, дружки жениха — В. Куна, пастора — Х. Б. Джеффриса и управляющаго шаромъ — В. Х. Дональдсона». — Въ вышеупомянутомъ «листкѣ», спустя нѣсколько времени, объявлено было, что заоблачная свадьба дѣйствительно состоялась. Женихъ и невеста были, какъ слѣдуетъ, во всѣмъ правламъ, обвѣнчаны *на высотѣ*, въ лодкѣ воздушнаго шара, — и счастливо вернулись на землю. Г. Барнумъ щедро вознаграждалъ новобрачныхъ. — Сообщимъ теперь нѣкоторыя подробности. Большая корзина, предназначенная для воздухоплавателей, была украшена цвѣтами, лентами и флагами американскими и ирландскими, и устлана дорогими коврами. Веревки, которыми гондола прикрѣплялась къ сѣткѣ, покрывающей шаръ, были обвиты разноцвѣтными лентами. Надъ гондолой, подъ шаромъ, висѣла корзина съ цвѣтами, и кромѣ того до дюжины букетовъ въ разброску было прикрѣплено къ самой сѣткѣ. На миссъ Мэри было великолѣпное шелковое платье цвѣта gris-perle, а подруга ея красовалась въ черномъ шелковомъ костюмѣ. Референдарій Джеффрисъ — пасторъ Шведенборгскаго прихода въ Пштенбургѣ и еще очень молодой человекъ. Достоинно замѣчанія, что репортѣръ гипподрома умѣстился какъ-то на обручѣ шара, чтобы быть на мѣстѣ дѣйствія и ничего не упустить въ будущемъ своемъ отчетѣ. Обрядъ вѣчанья начался сейчасъ-же, какъ только шаръ под-

Новое здание Парижской большой оперы. Съ фотографии грав. Пейне.

нялся, и был окончен тогда, когда аэро-стать была на высоте 6000 футов. Объявив молодую парочку, насорь Джеффрис обратился к ней с красноречивым словом. — «Бракосочетание ваше», сказали они им между прочим, — «совершилось при необычайных еще обстоятельствах, при условиях исключительных. Вы поженились не на земле, а над землей, а потому желаю вам пребывать и впредь превыше всех заботь земных! Смотрите на всю суету мирскую также свысока, как теперь глядите вниз, с такой захватывающей дух высоты, на оставленный нами муравейник. Желаю вам еще, дѣти, пройти жизненный путь так же плавно и тихо, как теперь все мы скользим над землей!»... Как только ифичальный обряд кончился — солнце, до сих пор скрывавшееся за тучей, снова выглянуло и золотые теплые лучи его осветили воздухомлавателей. Это было принято за хорошее предзнаменование для молодой четы... Начались взаимныя объятия, поцѣлуй и поздравления, а затѣм г. Дональдсон спустился парашютъ, какъ было условлено, чтобы сообщить публикѣ о совершении обряда бракосочетания. — И такъ, все остались довольны: мистрисъ Мэри Колтонъ храбро приобрѣла себѣ хорошее приданое, публика развлекалась, денегъ не пожалѣли, да и г. Барнумъ, кунно съ г. Дональдсономъ, не остался въ накладе!

Пороховой взрывъ въ Лондонѣ. Жители Лондона въ 9 часовъ утра 2-го октября, были внезапно разбужены страшнымъ, неслыханной силы ударомъ, разразившимся надъ городомъ. Это былъ пороховой взрывъ, какого не запомнитъ ни одинъ мирный горожанинъ. Несчастье случилось на каналѣ, идущемъ черезъ Реджентъ-паркъ, у самаго зоологическаго сада, среди густо-населеннаго квартала С. Джонъ Вудъ. По каналу проходило пять барокъ, въ числѣ груза которыхъ находилось между прочимъ 300 пудовъ пороха; три изъ этихъ барокъ слѣдовали непосредственно одна за другой, и вдругъ на одной изъ нихъ, когда она подошла къ мосту, порохъ вспыхнулъ. Отъ бѣрки и сопровождавшихъ ее четырехъ рабочихъ — не осталось ни малѣйшаго слѣда. Каменный мостъ также взлетѣлъ на воздухъ. Ближайшія строения потеряли сильныя поврежденія; страшное сотрясеніе въ воздухѣ — произвело опустошенія, слѣды которыхъ распространяются верста на десять въ округности. Не будъ каналъ расположенъ въ углубленіи, равняющемся 50 футамъ, вслѣдствіи чего вся сила взрыва направилась къверху, то послѣдствія его были бы еще гораздо печальнѣе.

Что было причиной несчастія, искра ли изъ парадной трубы или искра изъ трубки одного изъ проводниковъ барки, это вѣроятно останется тайной, потому что свѣдѣтели этого пѣны на вѣки. Громъ взрыва разнесся до Хрустальнаго дворца и до Чизльгерста, а непосредственное сотрясеніе воздуха замѣтно ограничивалось округностью въ 2 1/2 англійской мили. Громовай этотъ ударъ разбудилъ весь Лондонъ, но, удивительная вещь, живущіе около самаго мѣста происшествія почти вовсе не слышали его; въ своемъ ужасѣ они помнятъ только, что ихъ вдругъ разбудили что-то необычайное — стѣны дрожали, стекла, зеркала, лампы, съ дребезгомъ легли на полъ, мебель падала, штукатурка съ потолка обваливалась. Обезумѣвъ отъ страха, все полуодѣтые, бросились на улицу, думая ужъ не землетрясеніе ли въ Лондонѣ. Каковы были всеобщее смѣтаніе и суматоха — нечего и описывать. Вирочемъ, большихъ несчастій съ людьми не было; получившіе ушибы утромъ были увезены въ больницы, для лишившихся крови прискивались номѣщениа, дѣти размѣщены по пріютамъ, но число пострадавшихъ еще не приведено въ извѣстность.

Французскія потери оружіемъ въ послѣднюю войну. Коммисарскій отчетъ Національному собранію, объ изслѣдованіи французскихъ военныхъ матерьяловъ, приводитъ въ извѣстность и громадныя убытки въ оружіи, претерпѣнные Франціею въ нѣмецко-французской войнѣ. Орудіями французы потеряли: 1793 наръзныхъ полевыхъ орудій, 193 горныя пушки, 230 мигральсы, 1663 гладкихъ полевыхъ орудій, 3355 крѣпостныхъ, осадныхъ и береговыхъ орудій, всего 7234 орудій. Потеря *шассе* простирается до 668,841 штукъ. Одна сдача Париза передала въ руки непріятеля 155,466 *шассе*. Выдача запаснаго оружія, находившагося въ арсеналахъ, не входила въ условія кангуляціи, а между тѣмъ оно было выдано. Когда французы, спохватясь, стали требовать его назадъ, — въ парижскихъ арсеналахъ оказалось 12,000 *шассе*. — то главнокомандующій нѣмецкой арміею удовлетворилъ это требованіе. Но французы не разгрузили вагоновъ, въ которыхъ было привезено обратно оружіе, и оно пошло въо слѣдствіи въ руки коммуны. Огъ послѣдней отобрали послѣ усмиренія возстанія 48,000 *шассе*.

Новая порода пчелъ. Въ одномъ изъ очередныхъ засѣданій членовъ перваго отдѣленія Волево-Экономическаго Общества академикъ А. М. Бутлеровъ читалъ весьма интересное сообщеніе объ особомъ родѣ медоносныхъ насѣкомыхъ, встрѣчающихся въ Бразиліи и извѣстныхъ подъ названіемъ милепоны.

Милепоны водятся въ Южной Америкѣ и воспитываются туземцами ради выработываемаго ими меда, такъ что они замѣняютъ тамъ нашихъ пчелъ. Эти насѣкомыя по наружному своему виду очень похожи на нашихъ пчелъ, но немного меньше ихъ и отличаются красноватымъ цвѣтомъ. Глаза ихъ зеленоватаго цвѣта, и кромѣ того онѣ имѣютъ еще другія, чисто зоологическія отличія отъ пчелъ. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей милепоны заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ жала; оно замѣнено у нихъ чрезвычайно твердыми челюстями, которыми онѣ отлично умѣютъ пользоваться. Милепоны отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ и юркостью. Постройки ихъ расположены совершенно иначе, чѣмъ у нашихъ пчелъ; онѣ дѣлаютъ свои постройки горизонтально, между тѣмъ какъ у обыкновенныхъ пчелъ онѣ всегда располагаются вертикально. Пласти образумыхъ ими ячеекъ утверждаются на столбикахъ длиною въ 1/2 сантиметра составленныхъ изъ воску. Постройки идутъ въ нѣсколько рядовъ, образуя такимъ образомъ лабиринтъ галлерей. Кладовыя для хранения запасовъ строятся отдѣльно. Особеннымъ устройствомъ отличаются ячейки, предназначенныя для вывода дѣтви; онѣ овальной формы, въ видѣ торшечковъ величїною съ голубиное яйцо. Все эти постройки окружены опять цѣлымъ лабиринтомъ ходовъ, которые снабжаются въ различныхъ мѣстахъ отверстіями и заканчиваются длиннымъ ходомъ, ведущимъ къ летку. Отверстіе послѣдняго такъ мало, что въ него можетъ пройти только одно насѣкомое. Чтобы защитить себя отъ нападенія враговъ милепоны закрываютъ это отверстие восковой пленкой, которую онѣ разрываютъ по утрамъ. Кромѣ того летокъ всегда охраняется сторожевыми пчелами — и горе врагу, если онъ отважится проникнуть въ отверстие! Кромѣ воска и меда, милепоны выдѣляютъ еще особаго рода безцвѣтныи прозрачный клей, который служитъ имъ могущественнымъ орудіемъ защиты. Матка у милепоны въ неоплодотворенномъ состояніи, бываетъ меньше рабочей пчелы; когда же она оплодотворена, то брюшко ея увеличивается вдвое противъ своего нормальнаго объема, такъ что даже тяготеетъ свою обладательницу. Исключительное занятіе матки заключается въ кладкѣ

яицъ; величина этихъ яицъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. При ячейкѣ, въ которую матка кладетъ яйца, находится всегда нѣсколько рабочихъ пчелъ. Эти послѣднія приготавливаютъ ячейку для принятія яицъ, наполняютъ ее цвѣточной пылью, назначаемой для питанія личинки, — и когда все готово, матка влѣзаетъ въ ячейку, опускаетъ туда брюшко и кладетъ яичко. Послѣ того рабочіе тотчасъ же закрываютъ ячейку, между тѣмъ какъ обыкновенныя пчелы дѣлаютъ это лишь послѣ превращенія личинки въ куколку.

Милепоны до сихъ поръ еще мало изслѣдованы. Полагаютъ однако, что число видовъ этихъ интересныхъ насѣкомыхъ простирается до тридцати. Болѣе другихъ изслѣдованъ *Milepona scutellaris* — щитовидная милепоны. Эта порода милепоны величиной съ обыкновенную пчелу, но приноситъ меду вдвое больше противъ послѣдней.

Къ исторіи распространенія насѣкомыхъ. Исторически доказано, что *кломъ* происходитъ изъ Индіи, и вмѣстѣ съ человекомъ распространился чуть не по всему земному шару. Въ Европѣ онъ прежде всего показанъ въ одиннадцатомъ столѣтіи въ Страсбургѣ, а потомъ съ изгнанными гугенотами переселился въ Лондонъ, гдѣ прежде его не знали. Въ настоящее время въ Америкѣ сграждаютъ огъ этого маленькаго чудовища, если возможно, еще больше чѣмъ въ Европѣ.

Новоизобрѣтенный воздушный винтовой корабль. Одинъ искусный вѣнскій механикъ, Кенкъ, изобрѣлъ воздушный винтовой корабль, названный имъ «Элементарный корабль», который можетъ дѣйствовать не только въ воздухѣ, но и на водѣ. Изобрѣтатель получилъ уже на него привилегію отъ министерства торговли и сельскаго хозяйства. Корабль этотъ приводится въ движеніе паровой машиной въ 20 лошадиныхъ силъ, и можетъ вмѣстятъ въ себѣ нѣсколько сотъ человекъ. По расчету изобрѣтателя онъ долженъ проходить отъ 20 до 22 нѣмецкихъ миль въ часъ, а при благоприятномъ вѣтрѣ даже больше. Все противудѣйствующія силы приняты въ расчетъ, и корабль можетъ идти по произволу противъ воздушныхъ теченій. Онъ можетъ посредствомъ пара подыматься на какую угодно высоту, но обыкновенно держится ближе къ поверхности земли; его ведетъ, какъ локомотивъ на желѣзной дорогѣ, кондукторъ. Произведенные уже опыты дали удивительный результатъ и одна машинная фабрика обѣщала свое содѣйствіе изобрѣтателю. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ увидимъ разрѣшеніе такъ долго по давнейшей задачі? Во всякомъ случаѣ изобрѣтатель заслуживаетъ поощренія своему труду.

Какъ вывести ржавыя пятна изъ бѣлыя и другихъ вещей. Чтобы вывести изъ бѣлыя или другихъ вещей ржавчину, которая ихъ поргитъ, надо поступать слѣдующимъ образомъ: немного горькой соли развести въ горячей водѣ, но не больше какъ въ нѣсколькихъ капляхъ, потомъ смочить ею пятно, и оставить такъ на нѣсколько минутъ. Въ этотъ промежутокъ времени, можно намачивать другія пятна. Послѣ того какъ пятно такъ полежитъ, надо его хорошо смыть въ рукахъ, опять смочить и еще дать полежать. Затѣмъ взять какуюнибудь оловянную посудину, наполнить ее кипяткомъ, и разгоряченную такимъ образомъ посудину поставить на одно или на нѣсколько минутъ, черезъ нѣсколько минутъ снять прочь, и тогда отмыть пятно въ простой водѣ. Если же пятно слишкомъ залежится и долго не будутъ отходить, то надо снова повторить всю операцію; свѣжія пятна непременно сходятъ съ перваго раза. Все таки не лишнее, все вычищенный такимъ образомъ вещи отдать сейчасъ же въ стирку съ прочимъ бѣльемъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: обязанности, лежащія по уставу Императорской Медико-Хирургической Академіи на главномъ военно-медицинскомъ инспекторѣ, равно какъ и на конференціи означенной Академіи, возложить *временно* на особую комиссію, которой предоставить по вопросамъ, имѣющимъ характеръ чисто ученый, поручать предварительное обсужденіе особымъ совѣщаніямъ изъ членовъ комиссіи и профессоровъ академіи, соотвѣственно ихъ спеціальностямъ.

— Въ г. Севастополѣ образовательно особое присутствие по городскимъ дѣламъ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Съ 1868 года Казанскому братству св. Гурія разрѣшено издавать вѣроучительныя христіанскія книги на инородческихъ языкахъ Казанскаго края и на совѣтъ братства возложено заботиться объ изготовленіи и изданіи переводовъ на инородческие языки. Для болѣе точнаго соблюденія при переводахъ указаннымъ Святейшимъ Синодомъ правилъ учреждена въ началѣ 1870 года постоянная комиссія, которая послѣ четырехлѣтняго опыта пришла къ опредѣленнымъ взглядамъ относительно исполненія переводовъ. Издаваемые нынѣ братствомъ св. Гурія переводы и книги существенно отличаются отъ прежнихъ переводовъ, которые болѣею частію были непонятны и бесполезны для инородцевъ, потому что представляли механическое, дословное переложеніе, въ которомъ удержанъ русскій порядокъ словъ и русское сочетаніе предложений, тогда какъ строгіи инородческихъ языковъ, самъ по себѣ весьма логичный и послѣдовательный, рѣзко отличается отъ русскаго. Въ переводахъ, изданныхъ братствомъ, направили все вниманіе обращено на общедоступность, съ соблюденіемъ при томъ возможной близости къ смыслу и тексту переводимыхъ подлинниковъ. Съ этою цѣлію переводы постоянно проверялись чрезъ прочтеніе ихъ инородцамъ. Переводы, изданные братствомъ, вошли въ употребленіе не только въ инородческихъ школахъ, но и въ семействахъ инородцевъ, чѣмъ оправдывается переводная система, усвоенная братствомъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 1 сентября, въ Тифлисѣ фельдшерская школа, а 8 числа гражданская прогимназія; въ новгородской губ. двуклассная начальная народная училища: Растороповское, Устюженскаго уѣзда—6-го минувшаго сентября, Коростыинское, Старорусскаго уѣзда—22-го и Молвотцкое, Демянскаго уѣзда—25-го сентября; 28 сентября въ Суражѣ прогимназія, 6 октября въ Одессѣ вторая прогимназія; 6 октября въ Астрахани мужская ремесленная школа; 20 октября въ Великихъ Лукахъ городское женское 2-го разряда училище; 27 сентября Трегубовской волости (Устюжскаго уѣзда, Вологодской губерніи) одноклассное начальное народное училище; 3 ноября Гудозерское народное училище въ 12 верстахъ отъ Вытегры; въ Одессѣ, 21-го ноября, торжественно открытъ состоящій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы учебный питомникъ славянскихъ дѣвицъ.

— Въ Одессѣ будутъ открыты, какъ сообщаютъ «Одес. Вѣстн.», вечерніе классы для мальчиковъ, служащихъ на заводахъ, фабрикахъ и въ магазинахъ. Починъ этого дѣла принадлежитъ равнину Манделькерну.

— Профессоръ Новороссійскаго университета, г. Цитовичъ открылъ въ Одессѣ курсъ практическихъ чтеній по гражданскому праву, главная цѣль которыхъ заключается въ ознакомленіи студентовъ съ казуистической стороной русскихъ гражданскихъ законовъ.

МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ Тихомъ океанѣ вся почти эскадра контръ-адмирала Ф. Я. Брюера находилась

21-го сентября въ Токогамѣ, въ Японіи, и состояла изъ корветовъ: *Аскольдъ* и *Богатырь* и паровыхъ клиперовъ: *Гайдамакъ* и *Всадникъ*.

— 6-го ноября, утромъ, шедшая въ Копенгагенъ датская шхуна «Таммерс-Фусъ», нагруженная дровами, наскочила на Ревельштейнскую банку и затонула въ 7 верстахъ къ NNW отъ Пакерорта. Это было замѣчено съ острова Наргена состоящими при спасательной лодкѣ крестьянами, которые сообщили о бѣдствіи судна въ Балтійскій Портъ. Спасательная лодка не могла выйти къ погибающимъ, и на мѣсто бѣдствія отправился спасательный паровой баркасъ «Работникъ» (датскаго консула Берга), но вслѣдствіе темноты и волненія не могъ достигнуть судна. Только на другой день утромъ, при помощи вызваннаго изъ Ревеля спасательнаго парохода «Двина» (этого же консула) затонувшая и обледѣвшая шхуна была прибухсирована въ Балтійскій-Портъ. Экипажъ весь спасенъ и взятъ на попеченіе г. Расмуссеномъ.

— 22-го ноября состоялась въ Николаевѣ парусная гонка разныхъ гребныхъ судовъ, находящихся при большихъ судахъ флота, стоящихъ въ настоящее время въ Николаевѣ. На другой день, 23-го ноября, произошла гонка всѣхъ гребныхъ судовъ, подъ веслами.

За небольшимъ исключеніемъ всѣ гребныя суда, участвовавшія въ гонкѣ, были во всѣхъ отношеніяхъ въ несравненно лучшемъ видѣ чѣмъ въ прошедшемъ году.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Почетный гражданинъ *В. С. Сосулниковъ* пожертвовалъ въ пользу города Кирсанова выстроенный имъ подъ помѣщеніе богадѣльни для бѣдныхъ жителей города домъ со всѣми необходимыми приспособленіями и 332 дес. земли въ Саратовской губерніи, съ тѣмъ чтобы доходомъ отъ этой земли могла содержаться богадѣльня.

— Почетная гражданка *А. В. Полежаева* въ гор. Калезинѣ пожертвовала городу 6.000 руб. на устройство богадѣльни.

— Торгующія въ гор. Чистополѣ (разнымъ хлѣбнымъ товаромъ въ зернѣ) лица, мѣстные и иногородныя, заявили городской думѣ, чрезъ городского голову, желаніе участвовать въ устройствѣ мостовыхъ въ этомъ городѣ, предложивъ Думѣ уплачивать за сей предметъ, по добровольному своему согласію, по 1 коп. съ четверти всякаго хлѣба, отправляемаго на пристань, и выразивъ притомъ, что пожертвованіе это съ избыткомъ вознаградило бы удешевленіемъ привоза во время распутицъ и потому нисколько не возвысило бы цѣнности товара. Къ этому заявленію присоединились потомъ торгующіе и другими товарами на пристани. Заявленіе подписано 47 лицами, обусловившими свое пожертвованіе устройствомъ мостовыхъ по направленію къ пристани.

— Ростовская город. дума (Екатеринослав. губ.) разрѣшила производство работъ по застроенію одной изъ городскихъ площадей на сумму 35.000 р., съ устройствомъ притомъ бульвара, на которомъ въ три ряда должны быть посажены деревья.

— Стерлитамакская город. дума, опредѣливъ ходатайствовать объ учрежденіи при мѣстной училищѣ публичной библиотеки, разрѣшила отпустить на первый разъ 200 р. на выписку нужныхъ книгъ и журналовъ, согласно каталогу, который долженъ быть особо для сего составленъ.

— Въ Казани, 7-го Ноября, открыто новое зданіе Биржи. Зданіе это выстроено коммерціи-совѣтникомъ И. П. Соболевымъ на собственные средства и пожертвовано казанскому биржевому купечеству.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Екатеринославское Губ. Зем. Собраніе въ засѣданіи 26-го октября, обсуждая вопросъ о пользѣ лѣсоразведенія, постановило избрать особую комиссію для собранія и разработ-

ки всѣхъ данныхъ по предложеніямъ гласныхъ Пржевальскаго и Савельева относительно лѣсоразведенія и мѣръ противъ быстрого высыханія рѣкъ южнаго края, и уполномочить губернскую управу, на основаніи выработанныхъ комиссіею матеріаловъ, ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи правилъ какъ о сохраненіи существующихъ, такъ и о разведеніи новыхъ лѣсовъ, а также о принятіи мѣръ противъ быстрого высыханія рѣки Днѣпра.

— То же Екатеринославское Губернское Собраніе, въ засѣданіи 25-го октября, поручило особой депутаціи ходатайствовать предъ правительствомъ о сооруженіи на счетъ казны постоянного моста чрезъ р. Днѣпръ у гор. Екатеринослава и линіи желѣзной дороги отъ Екатеринославской станціи Лозово-Севастопольской дороги до соединенія съ одной изъ ближайшихъ станцій Знаменско-Николаевской желѣзной дороги.

— Сызранское уѣзд. Сибирской губерніи, зем. собраніе, согласно докладу уѣздной управы, уполномочило ее ходатайствовать объ устройствѣ въ селѣ Троицкомъ-Сунгурѣ тюрьмы для маловажныхъ преступниковъ и на случай удовлетворенія этого ходатайства ассигновало на приспособленіе для помѣщенія арестантовъ Троицко-Сунгурскаго каменнаго магазина 2.000 руб. и на обзаведеніе тюремныхъ мастерскихъ инструментами и матеріалами для работъ—1.000 рублей.

ЛИТЕРАТУРА.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ донесъ Правительствующему Сенату, что вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада, представленнаго имъ, министромъ, совокуно съ министромъ Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 13 день ноября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: съ 1-го января 1875 г. передать изъ Императорской Академіи Наукъ въ полное и непосредственное вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія газету «С. Петербургскія Вѣдомости» и всѣ соединенныя съ тѣмъ обязанности по сбору денегъ за объявленія, по доставленію въ редакцію сихъ объявленій и всякаго рода статей, какія Министерство сочтетъ за нужное печатать въ сей газетѣ.

— По поводу сообщеннаго въ № 179 «Петербургской Газеты» слуха о прекращеніи платежей двумя торговыми домами, лишеннаго всякаго основанія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи Высочайше утвержденаго въ 14-й день іюня 1868 года Положенія Комитета гг. министровъ, *опредѣлилъ*: воспретить розничную продажу номеровъ «Петербургской Газеты».

Археологія

— Въ программу кievскаго археологическаго съѣзда входили между прочимъ археологическія экскурсіи съ научной цѣлью: члены посѣтили Гатное, гдѣ было разрыто три кургана. Въ первомъ курганѣ, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Волчьей могилы», найдено нѣсколько скелетовъ и урнъ, каменный молотъ и каменное долото. Рядомъ съ Волчьей могилой разрытъ второй курганъ, который однако, по характеру найденныхъ вещей, слѣдуетъ отнести къ болѣе поздней эпохѣ; въ немъ найдены вещи изъ камня, бронзы, желѣза и глины, при нѣсколькихъ костякахъ: каменный молотъ, бронзовый топоръ, бронзовое зеркало, обломокъ желѣзнаго ножа и глиняный сосудъ, съ узорами очень древними и характеристическими.

— Близъ дер. Дербедя, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при расчисткѣ въ лѣсу мѣста для пашни, найдены на глубинѣ полуаршина древнія бронзовыя вещи, относящіяся къ бронзовому вѣку: долото съ углубленіемъ внутри его для насадки на дерево, крышка съ чашечки въ окружности 6¼ вершк. и лопаточка съ рукою длиною

около 3 $\frac{1}{2}$ вершк., 6 канькь внутри пустья для насаждения ихъ на дерево.

Затѣмъ найдено 5 серповъ, но нѣсколько измѣненной формы противъ нынѣшнихъ. Всѣ эти вещи очень хорошо обронзирваны зеленымъ цвѣтомъ; бронзировка до того сохранилась, что всѣ вещи кажутся какъ бы недавно сдѣланными, кромѣ серповъ, гдѣ мѣдь выступила изъ-за бронзирвки, которая сохранилась мѣстами. Всѣхъ вещей 7 фунт. и 90 зол. Всѣ подобныя находки въ этомъ краѣ народъ зоветь чудскими; подь именемъ чудскихъ же слывуть въ народѣ и курганы и, наконецъ, мѣдныя копи, или признаки когда-то, въ глубокой древности, существовавшего поиска мѣдныхъ рудъ.

— Командированный отъ Археологическаго Общества г. Европеуъ при раскопкѣ двухъ кургановъ близъ деревни Залюшника, Новинской волости, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, нашель, слѣдующіе предметы: три человѣческіе скелета и около нихъ желѣзный котель, кинжалъ, два копья разныхъ форматовъ, шапку, небольшую стрѣлу, двѣ желѣзныя тарелки, серебряную серьгу, двѣ старыя монеты, два конца желѣзныхъ цѣпей длиной около 1 $\frac{1}{2}$ аршина каждый, нѣсколько бусъ и другія древности.

— Въ гор. Туркестанѣ найдены 612 древнихъ серебряныхъ монетъ, величиною въ тенгу. Полагають, что монеты эти относятся ко времени султана Санджара-Мазы (до-тамерлановской эпохи).

Новыя изобрѣтенія.

— Недавно изобрѣтены снаряды, посредствомъ которыхъ могутъ быть предотвращены тѣ опасности, которыми обыкновенно сопровождаются случаи испуга лошадей, запряженныхъ въ экипажъ: 1) снарядъ Клене изъ Шверина: въ пустой желѣзной вагѣ, а также въ оковкѣ дышла помѣщается особый механизмъ, который мгновенно можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе посредствомъ простаго надавливанія ногою съ козелъ. Когда лошади понесутъ, то прежде всего приостанавливаютъ вращеніе колесъ посредствомъ особаго приспособленія, дѣйствующаго во втулкѣ ихъ; затѣмъ достаточно простаго надавливанія ногой, чтобы отцѣпить постромки и привязи, и 2) снарядъ г. Студинскаго, заключающийся въ томъ, что когда лошади понесутъ, то глаза ихъ прикрываютъ особыми клапанами, сдѣланными изъ черной матеріи.

Когда лошадь перестаетъ видѣть, она почти мгновенно останавливается.

Астрономія и Метеорологія.

— 29-го октября, въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ председатель комисіи, назначенной для приготовленій къ наблюденіямъ прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца, академикъ Струве сообщилъ, что всѣ снаряженные какъ самую комисіей, такъ и при ея содѣйствіи, экспедиціи для наблюденія явленія уже отправились на мѣста назначенія. Экспедиціи снаряжены болѣею частью на счетъ суммы, предоставленной для этой цѣли Правительствомъ въ распоряженіе комисіи, частью же на счетъ отдѣльныхъ учреждений. Задача комисіи была особенно облегчена тѣмъ живымъ участіемъ, которое приняло въ дѣлѣ Военное и Морское Вѣдомства. По волѣ его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала инструменты и пееносныя башни для станцій въ Приморскомъ Краѣ Восточной Сибири перевезены на казенныхъ судахъ и установлены подь надзоромъ командированнаго туда для этой цѣли офицера, а Военно-Топографической отдѣлѣ Главнаго Штаба рядомъ телеграфныхъ опредѣленій долготъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго развитія точной географіи Сибири, доставилъ возможность значительно упростить трудную задачу опредѣленія долготъ избранныхъ станцій. Дѣятельное содѣйствіе этихъ двухъ Вѣдомствъ выражается и въ томъ, что въ числѣ наблюдателей находится 9 офицеровъ Генеральнаго Штаба и 3 офицера флота. Наблюденія прохожденія Венеры происходили въ слѣдующихъ мѣстахъ: Владивостокъ, въ бухтѣ Посеть, на Камень-Рыболовъ на озерѣ Ханка, въ бухтѣ Находка, въ гавани Святой Ольги, въ Геддо, Пекинѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Нерчинскѣ, Читѣ, Кяхтѣ, Омскѣ, Ташкентѣ, Иргизѣ, Оренбургѣ, Уральскѣ, Саратовѣ, Астрахани, Ашуръ-Аде, Эривани, Нахичевани, Тегеранѣ, Таганрогѣ, Керчи, Ялтѣ и въ Ойнахъ въ Египтѣ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ устроены особыя станціи. Для наблюденія прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца отправились изъ Одессы въ Керчь астрономъ Е. Э. Блокъ. Кромѣ трубы Штейнгеля, г. Блокъ взялъ съ собой инструментъ фабрики Репсолда и маленькій теодолитъ, работы Эртеля. I. П. Стебникій, въ Тегеранѣ, наблюдалъ шестифутовою трубою, коей объективъ въ 3 $\frac{1}{10}$ дюйма, а

наибольшее увеличеніе въ 172 раза; нѣмецкіе наблюдатели въ Испани—*геллографомъ*, посредствомъ котораго на стеклянныхъ пластинкахъ, вкладываемыхъ въ большую зрительную трубу должны получиться мгновенно фотографическія изображенія солнца и Венеры; по этимъ пластинкамъ, соотвѣтствующимъ опредѣленному времени, получится положеніе Венеры относительно края солнца. Подобными инструментами въ Россіи наблюдали въ Кяхтѣ и на станціи у залива Посеть (въ Приморской области, на берегу Японскаго моря).

Нынѣ, по полученнымъ телеграммамъ отъ 27 ноября видно, что въ Тегеранѣ было ясно и наблюденіе Венеры удалось исполнѣ. Въ Эривани и Нахичевани—пасмурно; наблюденія не было. Наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры въ Нурки (въ Остѣ-Индіи) были успешны. Исполнено 100 фотографическихъ изображеній. Фотографическія и микрометрическія наблюденія были также успешны въ Каирѣ и Суэзѣ. Наблюденія въ Калькультѣ удалось превосходно, но въ Мадрасѣ, по случаю облачной погоды, наблюденія оказались почти невозможными. Въ Курачи наблюденія сдѣланы превосходно. Въ Мельбурнѣ всѣ фазисы прохожденія Венеры были наблюдаемы съ успѣхомъ. Наблюденія въ Аделаидѣ, въ Гобартъ-Тоунѣ, удалось только отчасти. Въ Нагасаки микрометрическія и фотографическія наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры произведены были довольно удачно. Фотографіи всего видѣннаго сняты на стеклѣ. Наблюденія въ Хаго также удалось. Въ Индоре наблюденія прохожденія Венеры совершилось превосходно. Время видимаго соприкосновенія Венеры съ солнцемъ продолжалось 4 часа 47 минутъ и 32 секунды. Промежуточное время между двумя внутренними точками соприкосновенія продолжалось 3 часа 42 минутъ 56 секундъ. Не было видно вовсе черныхъ пятенъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Кола (съ рисункомъ). — Двухдѣльный полкъ Н. Каравина (продолженіе). — Седмидесятка поселенка (съ рисункомъ). — Фантастическое окончаніе въ поэмѣ: „Кому живется всѣхъ вольготѣе на Руси“. И. Г. — Жаворонокъ (съ рисункомъ). — Совѣтъ въ руку (изъ вседневной жизни). — Новый оперный театр въ Парижѣ (съ рисункомъ). — Свѣсь. — Разныя извѣстія.

Приложеніе объявл. «Нивы».

Редакторъ В. Ключниковъ.

НОВЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДЫ и РУКОДѢЛІА“

Журналъ этотъ придерживается совершенно особой программы: онъ не руководствуется, подобно всѣмъ, однимъ какимъ нибудь изданіемъ, а выписывается нѣсколько иностранныхъ журналовъ (между прочимъ: *Élégance Parisienne*, *Aquarelle Mode*, *Mode Artistique*, *Mode Actuelle*, *Allgemeine Zeitung*, спеціальныя: *Lingerie Parisienne*, *Boite à ouvrage*, *Arbeitsstube* и проч.) и изъ нихъ выбирается самое изящное. Подписчики найдутъ у насъ огромный выборъ бѣлья и рукодѣлій; кромѣ литографированныхъ выкроекъ, мы станемъ давать при каждомъ номерѣ шесть вырѣзныхъ. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна въ годъ 4 р. въ С.-Петербургѣ, съ доставкой 5 р., съ пересылкой 6 р.; на полгода 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. № 1-й выйдетъ въ декабрѣ. Редакція помѣщается въ Караванной, домъ № 11 (уголъ Невскаго), въ квартирѣ фотографа Цвернера. Отдѣленіе копторы по Невскому, на углу Большой Морской, въ домѣ Котомина, въ Газетномъ Бюро (для публикаціи и подписки), въ С.-Петербургѣ.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ

СВЯТЦЫ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА,

НА 1875 ГОДЪ.

320 стр. съ хромолитограф. портретомъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 40 коп.

3 экз. съ пересылкою 1 р., 10 экз.—3 р., 25 экз.—7 р.

Содержаніе: Церковный отдѣлъ (69 стр.). — Русскій Императорскій домъ, Государств. Учрежд., Церковное управленіе (9 стр.). — Судебный отдѣлъ (33 стр.). — Земство (5 стр.). — Страхование (6 стр.). — Основанія воинской повинности (25 стр.). — Городовое положеніе; Пошлины за право торговли и промысловъ (12 стр.). — Форма векселей и заемныхъ писемъ (4 стр.). — Сберегательныя кассы; Государственный банкъ; Процентныя бумаги; Таблица исчисленія процентовъ (16 стр.). — Русскія мѣры; Главныя армарки въ Россіи (12 стр.). — Желѣзныя дороги; Шароходное сообщеніе; Телеграфъ (44 стр.). — Почтовая свѣдѣнія (34 стр.). — Изобрѣтенія по судебнымъ дѣламъ; правила и форма свидѣтельствъ (6 стр.). — Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ (11 стр.). — Паспорты и правила объ отсрочкахъ (4 стр.). — Помощь больнымъ до прибытія врача. Объясненіе иностранныхъ словъ; Календарь сельско-хозяйственныхъ работъ; Брюсовъ календарь и проч.

Требованія адресовать: Вас. Егор. Генкелю, въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, домъ № 114, кв. № 32.

№ 52

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ,

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 23-го декабря 1874 года.

Цена этого № «Нивы» 20 коп. съ пересылкою 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

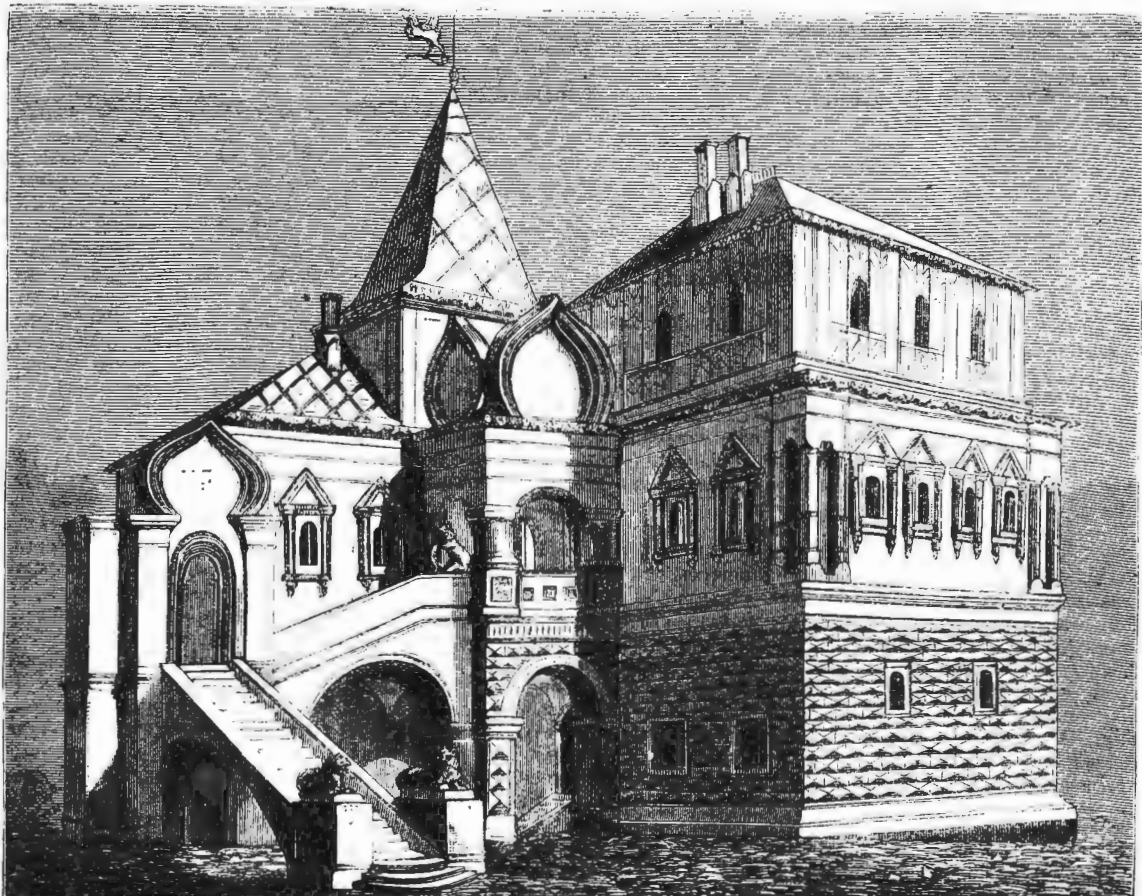
Вслѣдствіе наступленія подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Ланга и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе номера.

Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Рис. Коверзневъ, грав. Дьяманъ.

ПАЛАТЫ БОЯРЬ РОМАНОВЫХЪ ВЪ МОСКВѢ

Помѣщая изображеніе *Романовскихъ палатъ* — зданія сооруженнаго въ Китаѣ-городѣ, подлѣ Знаменскаго монастыря, на мѣстѣ бывшаго дома боярина Никиты Романовича Юрьева — мы не коснемся здѣсь вопроса ни о подлинности, ни о ближайшемъ и строгомъ сходствѣ постройки этой съ древностью. Для насъ важно не то, что сооруженіе нашихъ дней можетъ играть роль старинны, а то, что, благодаря подобной за-тѣѣ, успѣли напомнить постройкою мѣсто забытаго родового дома Романовыхъ Юрьевыхъ — и въ стѣнахъ возстановленной, какъ бы ни было, древности — собрать вещи несомнѣнно XVI и XVII вѣковъ. Такъ что, если бы самое сооруженіе — свидѣтельству современное знакомство наше съ прошлымъ историческимъ бытомъ — и не достигло (если въ не нашихъ глазахъ, то въ очахъ потомковъ, которые глубже узнаютъ житье-бытье предковъ) вполне цѣли, но, во всякомъ случаѣ, родъ музея изъ предметовъ несомнѣнной подлинности живо переноситъ въ невозвратное прошлое.

Противъ же точности и вѣрности возсозданія наружнаго вида Романовскаго дома нашими художниками и при руководствѣ мѣстныхъ археологовъ — говоритъ очень многое. Прежде всего невольно задаетъ себѣ вопросъ вѣжды знатокъ стараго московскаго быта: какъ такъ домъ Романовыхъ могъ очутиться фасадомъ на улицу, если бы новыя стѣны поднялись на мѣстѣ старыя? — Мы знаемъ вѣрно, что всѣ дома и хоромы въ старинной Москвѣ ставились отступая отъ улицы, посреди двора, за заборомъ. И допустить здѣсь пелъза даже возможности двора — безъ закрытія поперекъ улицы, всегда считавшейся пробѣжкой и идущей теперь по тому же направлению, какъ и въ старину она шла. Затѣмъ напрашивается другая вопросъ, — который еще труднѣе устранить всевозможными оговорками и наведеніями: откуда явились въ XVI вѣкѣ, при вхождѣ въ домъ частнаго человѣка, львы, — когда эти царственные животныя не только у насъ въ былые времена, но и въ западной Европѣ, всегда служили отличительнымъ признакомъ принадлежности верховной власти? Родственниковъ же царскихъ, каковы были Романовы въ при царѣ Михаилѣ, даже не встаетъ было ставить, да еще открыто, льва на крыльцѣ палаты. Не говоря уже о томъ, что современники подобную мелочь для насъ — не просто замѣтили бы, но возбудили бы даже несприятный процессъ противъ отважившагося на подобный шагъ: какъ бы къ равенству съ царемъ. Последній Романовъ, двоюродный братъ царя Алексѣя, вель себя, сколько извѣстно, тише воды, ниже травы при *тишайшемъ* Государѣ, своему родственникѣ, удаляясь отъ всякихъ пересудовъ.

Да, наконецъ, мы не знаемъ, чтобы у него былъ даже каменный домъ, а не просто брусчатый теремъ, у Знаменка, въ Китаѣ, доставшійся, разумѣется, Государю — съ прекращеніемъ рода боярь Романовыхъ. Если же бы каменные палаты были здѣсь, — въ документахъ, вѣроятно, нашлось бы указаніе: чтѣ съ ними случилось, или куда перенесли ихъ, что-ли, вносѣдствіи? Тѣмъ болѣе это чудно, если, указывая намъ на настоящую постройку, трехъ-этажную со двора, стануть увѣрять, что такъ и было въ старину. А во всей-то Москвѣ въ три этажа едва ли можно насчитать и въ Петровское время два-три дома, не только что въ XVII вѣкѣ или еще раньше! О домѣ Романовыхъ въ Китаѣ, у Знаменка въ приходѣ, всегда говорилось «дворъ родителей Государевыхъ»: по слову дворъ, въ такой крѣпости, какъ Китай городъ, слѣдуетъ прежде всего считать *Осаднымъ*, т. е. несолько хоромами, какъ жилищемъ для временнаго пребыванія въ столицѣ, часто служившимъ убѣжищемъ при нашествіи непріятели — семьямъ

помѣщиковъ со всего уѣзда. Спѣшно спавшаяся въ столицу, уѣзжавшіе изъ деревень брали съ собою наиболее цѣнныя вещи, деньги, да запасы, на осадныхъ дворахъ за стѣнами обыкновенно и хранимые. Для хранения требовались, разумѣется, кромѣ службъ и кѣлѣй подъ навѣсами, еще *подвалы* ноть домомъ. Въ роскошномъ же домѣ Романовыхъ, какъ сооруженъ онъ въ наши дни, и первый этажъ снаружи, отдѣланный на подобіе Грановитой палаты, *рустомъ*, — снабженъ окнами совѣзмъ не подвальными, а большого размѣра даже, чѣмъ бывали оконныя отверстія въ жилыхъ подклѣткахъ царскаго дворца, служившихъ комнатами дежурнымъ чинамъ дворской администраціи. Слѣдовательно, здѣсь утрачена и забыта всякая цѣль и примѣненіе ея къ потребностямъ осадныхъ дворовъ. Расположеніе внутреннихъ дома тоже не совѣзмъ приводитъ на память московскій боярскій бытъ — и допускаетъ даже извѣстную наклонность боярина Никиты Ивановича Романова къ воспріятію западныхъ европейскіхъ совершенствованій по части комфорта и роскоши.

Но — не довольствуясь ни кровлею бѣлаго желѣза, ни битую фигурною, наложенною въ родѣ кружевной каемки по краю кровли, ни подражаніемъ формъ бочекъ въ каменной кладкѣ вѣнчания крыльскаго терема, — мы все это готовы забыть, вступая во внутренность палатъ, гдѣ устроена выставка предметовъ древности, подлѣ благодѣльнымъ предлогомъ принадлежности ихъ владѣльцамъ дома старину. Нужно ли прибавлять, что вещи, показываемыя въ Романовыхъ палатахъ, взяты изъ сокровищницы Оружейной Палаты, которая даже и не исключаетъ ихъ изъ своихъ описей? Подлинность большей части этихъ предметовъ, пережившихъ болѣе двухъ вѣковъ, не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, — и мы позвонимъ съ ними нашихъ читателей, группируя наличность утвари и украшеній палаты по кушамъ и по роду употребленія, или пользовапія ими въ обиходѣ житейскомъ.

Русскіе люди во всѣ времена отличались религиозностью и не входили въ жилище помѣщеніе не крестясь. По этому въ большомъ углу въ каждой комнатѣ ставились — золотомъ сіяющія у богатыхъ — иконы въ окладахъ и ризахъ. Образа въ домѣ Романовыхъ подобраны очень тщательно, быть можетъ и не безъ цѣли вызвать размышленія и припоминанія.

Перечень образовъ слѣдуетъ начать иконою «Св. Михаила Малеина», благословеніемъ покойнаго митрополита Филарета Московскаго, освѣщавшаго Романовскихъ палаты. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ праздновалъ свои именины въ день чествованія церковью памяти этого святаго. Кромѣ благословенія іерарха, въ образномъ кюгѣ въ палатахъ помѣщены рѣзныя «Распѣтіе», «Знаменіе Богоматери», написанныя иконы: «Благовѣщенія» и «Рождества Богородицы»; Дванадцатые праздники и святыхъ: Мины, Василія Блаженнаго, Николая чудотворца, Алексѣя Митрополита. Четыре портрета: отца и матери перваго Государя изъ дома Романовыхъ, да его самого съ сыномъ — преемникомъ, — ясно поставлены оныя съ цѣлью подѣйствовать на зрителя современностью этихъ изображеній съ самыми палатами, — въ наши дни, какъ бы только возстановленными послѣ временнаго упадка. Помѣщеніе другихъ вещей, принадлежавшихъ особамъ царскаго рода, служитъ подтверженіемъ нашей догадки; такъ какъ между ними есть предметы бывшіе несомнѣнно въ употребленія и имѣющіе исторію. Таковы напримѣръ, жезлъ патриарха Филарета, присланный въ даръ родителю Государеву Курляндскимъ Герцогомъ Яковомъ въ 1632 году.

Серебряные же кувшины, кокосовый кубокъ и серебряная золоченая солонка,

принадлежавшая къ келейнымъ вещемъ патриарха, прежде всего должны напомнить свою у него обиходную службу. Особенно если рядомъ съ ними, тутъ же на виду, красуется и ковшь земной подруги Ѳеодора Никитича — Марфы Ивановны, ею заказанный для подарка вѣнченному сыну на праздникъ Пасхи 1618 года? Самого царя Михаила Ѳеодоровича тутъ и оружіе и сосуды для питья, вмѣстѣ съ подаркомъ отъ англійскаго короля — его собственной конною фигурою, вылитой и отчеканенною изъ серебра съ позолотой. Второй супругъ Царя Михаила — Царица Евдокія Лукьяновна урожд. Стрешневой принадлежали слѣдующія пять вещей (выставленные въ палатахъ боярь Романовыхъ) — зеркало ручное, опахало, жезлъ съ часами, кубокъ потѣшный съ мельницею и золотая братина съ эмалью. Зеркало царично отличается красивою жадовой рукояткою, покрытою золотомъ насѣкою, съ изумрудами и лхонтами. Это не просто вещь, но дорская галантерея — даръ ея величеству отъ турецкаго султана, доставленный съ посломъ Ѳомою Контакузинымъ въ 1628 году. Царградскаго же дѣла — помянокъ Патриарха Кирилла Лукариса (1630 г.) — также съ дорогою жадовою не меньше роскошною рукояткою и опахало Царицы Евдокіи изъ черныхъ страусовыхъ перьевъ. А жезлъ чернаго дерева, показываемый въ описяхъ царичиной казны (1629—1632) г., тотъ самый, съ которымъ являлся Государыня Московская на торжественныхъ выходахъ. Впрочемъ, эземпларъ помѣщенный въ Романовыхъ палатахъ, несомнѣнно западнаго дѣла, не менѣе любопытенъ, кромѣ подлинной древности и по самому хитрому устройству своему. Онъ снабженъ костяною рукояткою, которая раскрывается и закрывается въ себѣ такъ — называвшуюся въ минувшемъ вѣкѣ «готовальню». Это — два металлическихъ цилиндра для помѣщенія костяныхъ флаконовъ для духовъ и зрительной трубки, а — подлѣ самымъ набалдашникомъ — часовъ солнечныхъ «съ *маточникомъ*». Современная опись этотъ царичинъ жезлъ сочла нужнымъ описывать такими словами: «Жезлъ нѣмецкое дѣло, дерево черное гладкое, въ рукоятѣ вѣзаны травы серебряныя; межъ рукоятѣ въ двухъ щурупцахъ серебряныхъ золоченыхъ — щурупцы костяные; въ щурупцахъ составы ароматныя. Да тутъ же костяной ставикъ съ кровлею, а въ немъ зуботычки (зубочистки) костяныя; да въ томъ же жезлѣ трубка зрительная. Поверхъ жезла и рукоятѣ въ щурупѣ серебряномъ часы солнечныя съ маточникомъ, кровля серебряная золочена, на кровлѣ дергана левъ со змѣемъ. Подковецъ у жезла серебрянъ золоченъ.

Слѣдующая затѣмъ галантерея, пожалованная царичею матушкою годовалому Царевичу Алексѣю Михайловичу, — составляетъ тоже любопытную затѣю предковъ. Это — кубокъ серебряный золоченый, украшенный ложками и поставленный на трехъ колесахъ (не золоченыхъ). Назывался онъ кубкомъ «съ мельницею» и украшенъ фигурами лебедя и далаи. По вѣсу (2 фунта 39 золотниковъ) вещь эта конечно не можетъ быть приписана къ разряду дѣтскихъ игрушекъ, хотя могла составлять во всякое время цѣнное украшеніе горки съ домашнею утварью въ палатахъ царевича.

Наконецъ имя благодѣшной царицы Евдокіи Лукьяновны еще носитъ въ Романовскихъ палатахъ — *братина золотая* съ эмалью; хотя скорѣе всего этой же Государынѣ только и могъ быть подаренъ болыриною Ульяной Ѳеодоровной Романовой (матерью послѣдняго боярина Романова, женою Ивана Никитича, дяди Царя Михаила) — серебряный золоченый кубокъ, въ надписи на которомъ выставлено одно имя *ударившей челомъ*.

За сосудами для питья, чаще встрѣчающимися по самой всеобщности употребленія

их на Руси, — в Романовских палатах обрабаешь на себя внимание и коллекция столовых приборов, о которых вообще мы довольно говорили, приводя на память читателям «Нивы» старинный столовый обиход государей наших. Впрочем, обходи молчаньем здѣшние экземпляры, изъ нежеланія повторять столовые приборы, — мы не намѣрены оставить безъ указанія особенностей накрыванія столовъ обѣденныхъ, на что наводятъ насъ скатерти Романовскихъ палатъ. Какъ галантерейныя вещи имѣютъ свою исторію, такъ и три скатерти здѣсь хранятся — свою: одна парчевая — даръ Шаха Аббаса, съ узоромъ золотымъ по малиновому бархагу; двѣ шелковыя — подарокъ Датскаго короля Христиана IV съ затканною подписью имени дарителя и годомъ (1622). Подобная роскошь столоваго бѣлья въ XVII вѣкѣ простиралась даже на полотенца, исполнявшія роль салфетокъ. Утиральники въ Романовскихъ палатахъ вышиты золотомъ и малиновымъ шелкомъ: на углахъ здѣсь гладью представлены двуглавыя орлы. Изысканность убранства и украшенія всякаго рода вещей для царскаго употребленія исключительно — потому-то и дѣлаютъ подозрительными экземпляры, помѣщенные въ домъ Романовыхъ, который никогда не считался дворцомъ, а былъ домомъ боярина.

Укажемъ прежде всего на дѣтскія и спальные вещи, помѣщенные въ Романовскихъ палатахъ и показываемыя здѣсь посетителямъ. Конечно, экземпляровъ дошедшихъ до насъ отъ XVII вѣка, въ этомъ отдѣлѣ памятниковъ прошлаго быта, уцѣлѣло не много, — чѣмъ и объясняется самая единичность большей части экземпляровъ на здѣшней выставкѣ предметовъ домашняго обихода.

Здѣсь мы найдемъ, на примѣръ, одну только *берлазъ* (длинная одежда безъ перехвата въ талии съ длинными свуженными въ концѣ рукавами) изъ байберекъ розоваго цвѣта. *Байберекъ* или *байберекъ* (испорченное греческое слово *бамбакирокъ*) была ткань изъ крученнаго шелка съ золотыми и серебряными узорами. Аршинъ этой матеріи стоилъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ 30 алтынъ (90 копѣекъ); такъ что байберекъ былъ ферязи, тѣлогрѣи, чюки и кафтаны были парадною одеждою аристократовъ и царей. По дороговизнѣ матеріи изъ байберекъ шились и *верхи* одни, на рукавъ. Экземпляръ ферязи въ Романовскихъ палатахъ уже потому одному долженъ считаться параднымъ костюмомъ, что воротъ, рукава, полы и подола кафтана обложены кружевомъ шегенымъ изъ золота съ серебромъ. Ферязи были у русскихъ въ стари-

ну, — какъ теперь «фередже» у Турокъ — одеждою мужчинъ и женщинъ. Другаго вида одежды въ Романовскихъ палатахъ почему-то не помѣщено; а за то обильна выставка бѣлья постельнаго и дѣтскаго. Тутъ есть: «*неиспеченная женская сорочка*» изъ восточной тончайшей ткани, въ родѣ батиста; *свивальникъ* дѣтскій (повивальное покрывало) низаный въ узоръ мелкимъ жемчугомъ съ изумрудами; *наволока* на дѣтскую подушку изъ цвѣтнаго атласа съ такимъ же низаньемъ какъ и свивальникъ; *дѣтское покрывало*, шитое по красному атласу золотомъ, серебромъ и шелками, обшито золотымъ кружевомъ; *завѣсь* кровати пушковаго индѣйскаго атласа, шитый шелкомъ; 4 парчевыхъ подушки на перинѣ; 2 наволоки малиноваго атласа шитыя золотомъ и шелкомъ. Разостланъ даже парчевой коверъ у кровати, и на немъ поставлены бархатные башмаки сиреневаго цвѣта (червчатые), низаные въ узоръ жемчугомъ *со скобами* желѣзными подблужкомъ (въ родѣ подковы).

Всѣ эти предметы наглядно возстановляютъ особенности и характеръ стараго московскаго быта, гдѣ прочность въ соединеніи съ роскошью обходилась часто безъ изысканнаго формъ. Какъ живой примѣръ взгляда предковъ на ту принадлежность нашего костюма, которая и въ старину играла надлежащую роль въ обиходѣ предохраненія отъ стужи рукъ, — *перчатки* (у насъ) — *рукавицы перстчатныя* въ старину шились обыкновенно для употребленія нѣсколькихъ поколѣній, а потому и не могли плотно обхватывать руки случайнаго пользователя или пользователницы ими, переходя на наслѣдству. Между тѣмъ самая роскошь при изготовленіи этой необходимой принадлежности одежды, дѣлаемой изъ атласа съ золотымъ шитьемъ и жемчугомъ — указываетъ на нарядность и парадъ. Въ подобномъ случаѣ, у насъ, простая и до художественности утонченная, перчатка должна натягиваться на руку, а никакъ уже не скрывать формъ ея, особенно пальцевъ.

Вотъ вамъ и наглядное различіе современныхъ взглядовъ отъ старины. Стенные предки, между тѣмъ, больше насъ любили фигурность да затѣйливость формы во всякомъ родѣ вещей домашняго обихода. Въ кругу же его, часъ (столовые и карманные), ларцы, коробочки, ящички, грести и письменныя принадлежности — составляли необходимую принадлежность жилыхъ помѣщеній; они-то и кажутся оригинальными для нашего глаза.

Часы столовые оставленные въ Романовскихъ палатахъ устроены, на примѣръ, въ

видѣ башни; а карманные (зѣпные) — въ видѣ *креста*. Согласитесь, что это, способно прямо броситься въ глаза. Чернильница изъ ляншѣ-лазури, осмыгранная съ золотомъ насѣчкою, красива сама по себѣ, но также останавливаетъ вниманіе и своимъ *футляромъ* для перьевъ золотымъ съ фиניфью. Если же футляръ такъ украшенъ — что мудренаго найти на чернильницѣ драгоценныя камни.

Ящички и ларцы для хранения всякаго рода вещей были въѣстъ съ тѣмъ, — какъ мы затѣили — и украшеніемъ жилища владѣльца. Въ этихъ-то видахъ и дѣлали ихъ изъ драгоценныхъ металловъ, а если были они деревянные, то обивались снаружи бархатомъ. Повторимъ еще разъ, что давали форму и такимъ даже ящичкамъ не совсемъ обыкновенную. Такъ на примѣръ бывали ящички — *крутые* и *осьмиугольные*. Что же касается до *мисецъ* подъ дорогія вещи, то цѣнный металлъ, употребленный здѣсь какъ матеріалъ для роскошнаго галантерея, требовалъ уже само собою утонченной отделки и разнообразія въ украшеніяхъ.

Въ Романовскихъ палатахъ выставленъ былъ плетеный ларецъ серебряный въ золоченой оправѣ и рядомъ съ нимъ показывали два простыхъ ларца, обдѣланныхъ мѣдью съ прорѣзною желѣзною оковкою. Желѣзо прорѣзное и золотили иногда.

Въ небольшихъ ларцахъ хранились чаще всего грести, какъ и ларцы не рѣдко дѣлаемые изъ слоновой кости со слюдою. Архангельская рѣзба изъ моржевой кости отличалась также затѣйливымъ рисункомъ украшенія грести. Форма полукруглой съ помѣщеніемъ въ нихъ двуглавыхъ орловъ — для царскихъ грестей была почти общаю. Таковъ и дѣйствительно гребень въ Романовскихъ палатахъ, о которыхъ теперь мы заговорились, увлекшись предметомъ способнымъ дать неистощимый запасъ повѣствованій.

Ларчиками — галантереями изъ дорогаго металла, гдѣ чеканка старинная ухитрилась даже выдѣлывать гриву царственныхъ звѣрей (львовъ), служащихъ поддержкою основанія вещицы, — мы впрочемъ заключимъ теперь обзоръ любознательныхъ предметовъ быта русскаго быта, выставленныхъ въ Романовскихъ Палатахъ. Хотя о вещахъ собственно хозяйственныхъ здѣсь находящихся можно бы тоже кое-что сказать, но мы будемъ говорить о нихъ, рассказывая старинный бытъ домашній русскій, по экземплярамъ Оружейной Палаты, — въ слѣдующихъ нашихъ очеркахъ.

П. Петровъ.

Ж А В О Л Г Ъ.

III (Окончаніе).

При словѣ: *Волга* у васъ, жившихъ на ней, невольно толпится въ головѣ масса личныхъ впечатлѣній и ощущений, въ силу которыхъ сочетаніе поминутныхъ пяти буквъ особенно дорого вашему сердцу.

«Какъ долго не замерзаетъ рѣка!» думаете вы, глядя въ окно на черную полосу воды и на боковыя каймы льда, присыпаннаго молодымъ снѣгомъ. Давно ноябрь на дворѣ, давно облетѣлъ листъ на деревьяхъ, замерзла Воложка, отлетѣли залетныя птвицы, а *коренная* все крѣпится и нѣтъ нѣтъ да протачится запоздалый пароходъ. Свящеть онъ, подходя къ пристави, какъ-то невесело, не полѣтному — точно морозъ ему голосъ перехватываетъ. . . Сало пошло. Скоро затянетъ ту черную полосу рѣки, что такъ рѣзко кидается всякое утро въ глаза.

«Нынче въ ночь стала», говорятъ черезъ педѣлю, а день суетли вы слышите, что на городскомъ базарѣ были канавинскіе мужики, заволжскіе слобожане. Вы идете посмогнѣть Волгу съ берега. Какая ослѣпительно свѣтлая и бьющая въ глаза картина стелется передъ вами! Вчера только-что выпалъ хорошій снѣгъ и прикрылъ сквозной синій пласть уже окрѣпшаго льда. — Не бойтесь, что онъ тонокъ: онъ свободно выдержитъ тяжесть взрослога человѣка. Этотъ скороснѣжный мостъ мостилъ въ ясную ночь, безъ топора и ножа, дѣдушка морозъ. День, много два ледъ будетъ гнуться подъ тяжелой ногой ишехода, а черезъ ка-

кіе нибудь три дня — влѣво, наперерѣзъ къ дальней стободкѣ съ маленькой церковью, ляжетъ, извиваясь блѣдно-желтая дорожная лента, пойдутъ дровни, а за ними потянутся обозы.

Въ шесть мѣсяцевъ русской зимы вамъ успѣваютъ надобность и небольшой стѣня горы, какъ-то понавѣія на противоположный луговой берегъ, и сквозная кучка деревъ, покрытыя снѣгомъ поля съ темнымъ боромъ на сосѣдней горѣ, сугробы снѣга на ближнемъ островѣ, помертвѣлыя озера и недвижно-сидяція во льду суда. . . Слишкомъ много бѣлаго, да и жизни мало. Вся она ютится на узкой дорожной полосѣ: тамъ идутъ и ѣдутъ люди, звенятъ колокольчикъ, слышны перебранка и иѣсни. Въ это скучное время рѣка мало задаетъ на себя работы береговымъ жителямъ. Съ такой твердой дорогой меньше хлопотъ чѣмъ съ *морквы* *путемъ*. Никто въ эти холодные бѣлые дни не смотритъ вдоль Волги, никому дѣла нѣтъ — всякій глядитъ только съ берега на берегъ. Да и чего смотрѣть вправо или влѣво, кого оттуда ждать! Тамъ всѣ мертво, пустынно и холодно.

Вотъ кака-та баба пришла съ ведрами съ обледенѣлой проруби зачерпнуть красными отъ мороза руками ведро волжской водички. Цѣлая стая воронъ, натовтавшая возлѣ проруби слѣдовъ, не торопясь, не вдругъ перелетѣла подалше. Вонъ наши должно ѣдутъ . . . думается бабѣ и глаза ея останавливаются на черномъ пятнѣ среди дороги — пятно все ближе и ближе. . .

Можетъ быть и вы кого нибудь ждете съ той стороны, но че-

резь три-четыре мѣсяца холодной зимы я знаю навѣрное, что вы съ нетерпѣніемъ ждете перемены. . . . Островъ, охваченный коренной и Воложкой—точно мертвецъ въ бѣломъ изодранномъ саванѣ. Холодный вѣтеръ обдуваетъ его чуть не каждый день: въ одномъ мѣстѣ сметаетъ снѣгъ съ озера, въ другомъ поднимаетъ рыхлые пушистые сугробы. Душно оставшейся рыбѣ въ этихъ маленькихъ окончатыхъ озерахъ съ зимней онушкой изъ тальника и вербы: закрылись и не отражаютъ въ себѣ таловыхъ кустовъ и вербъ заброшенные дѣти старой Волги—эти кругленькія лужи прѣсной воды. Давно-ли, кажется, морозъ затянулъ льдомъ любимое вами озеро и прогналъ послѣднюю тяжелую утку на болѣе теплыя мѣста. . . А теперь. . . невольно припоминаются вамъ тѣ звучныя строфы нашего поэта, гдѣ онъ говоритъ, что зимой жителю русской равнины.

. . . Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры,
Снѣгъ да снѣгъ—все одинъ вѣчно дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые, темные боры. . .

Скоро-ли желанная перемена? Но вотъ уже Великій постъ и Мартъ заглянулъ во дворъ. Мутная вода бѣжитъ съ горъ, таюгъ снѣга и медленно готовятъ переворотъ. Берегъ проснулся: рабочіе обкалываютъ суда; на той и другой сторонѣ замѣтны черныя пятна прогалинъ; рѣка теряетъ свою дѣвственную бѣлизну. Солнце топчетъ снѣгъ, вода прогачиваетъ ледъ. Волгу замѣтно поднимаетъ, *пучитъ*. Ледъ хотъ и очень толстъ, но рыхлѣ; онъ весь источенъ водой, какъ старая корабельная доска червями. Недалеко время, когда онъ далеко отстанетъ отъ береговъ—и вода выступитъ поверхъ льда. Въ эти дни Волга стоитъ страшная и некрасивая. Это богатырь, чующій въ себѣ притокъ свѣжей силы. Притекаетъ сила со всѣхъ горныхъ мѣстъ, полей, лѣсовъ и овраговъ и скоро распадутся ледяныя оковы. Въ мѣру пилъ Илья богатырь крѣпкое циво, но совѣту прохожихъ странниковъ и довольно было съ него той силы, о которой онъ заявилъ на Руси; но Волга не знаетъ этой мѣры: она беретъ все что предлагаютъ ей берега, открытые аршиннымъ снѣгомъ, все что успѣло накопиться за зиму. — За то у Волги и работы больше чѣмъ у Ильи. Недаромъ нашъ народъ сравниваетъ судоходную рѣку съ конемъ.

«Тронулась! . . . Часовенскую дорогу снесла за островъ. . . Два мужика утонули,» слышите вы въ началѣ апрѣля, когда уже гнетъ весной и толстѣютъ почки по нагорнымъ садкамъ. Взгляните въ окно: на самомъ дѣлѣ желтая лента дороги перенесена со всей бережливостью далеко вправо, какъ разъ противъ того села, что видно тамъ далеко на береговомъ обрывѣ. Суда обколоты и отведены. Всѣ ждутъ когда рѣка *пойдетъ*. Ледяная мость разводится на цѣлые полгода, и тотъ другой берегъ въ нетерпѣливомъ ожиданьи *мокраго пути*.

Ледъ было пошелъ, но вдругъ остановился. Вотъ опять кажется пошелъ—и вы, глядясь, видите что коренная движется, что грязно-бѣлая масса—живая. Вы на берегу, васъ радуетъ это разрушеніе остатковъ надобшей зимы. Крупныя, въ сотни сажень ледяныя поляны успѣли разбиться на болѣе мелкія льдины, и все это перетиралось и шума идетъ вправо. Это не убажывающій неумолчный шумъ моря въ тихую погоду; вѣтъ—это какой-то ровотъ и всплескъ тихой стихійной борьбы. Лдины громоздятся другъ на друга, сгибаются, трутся въ мелкой разсыпчатый сахаръ, вдругъ поднимаются надъ *подвижной* ледяной равниной, высокой темной массой и съ шумомъ руются въ воду. . . Глядите какъ онѣ наираютъ на песчаные берега, лѣзутъ на нихъ, громоздятся выше и выше, пока въ безсиліи не растаютъ отъ горячаго солнца или не унесутся прибывающей водой. Цѣлые ряды льдинъ лежать по песчанымъ отмелямъ острововъ, на каждомъ изгибѣ рѣки. Глазъ приковываетъ ихъ борьба; вы, не отрываясь, слѣдите за ея исходомъ въ частностяхъ. Васъ занимаетъ вонъ та большая льдина со слѣдами когда-то разложенного мѣста, по вашему расчету она неминуемо должна столкнуться съ мѣста черную грязную льдину, ставшую неподвижно поперекъ Волжки, на самой дорогѣ. Но вѣтъ — она обошла, только тенькнуло что-то какъ мелкіе колокольчики: то мелкія льдинки отделились и свалились въ воду.

Сколько кустовъ поломаешь на островѣ кучно идущій ледъ, сколько вырветъ ихъ съ корнемъ и унесетъ! А вода между тѣмъ поднимается все выше и выше.

«Ниче за ночь на пять четвертей прибыла» говоритъ вамъ знакомый рыбакъ, у котораго поставлена мѣтка на берегу. Солнце понемногу доканчиваетъ то что надбала пущенная имъ же вода — онъ чаще и теплѣе глядитъ съ неба, топчетъ плывущія въ Астрахань льдины, на подлорогѣ, стоняетъ кое-гдѣ оставшіяся по берегу бѣлыя пятна снѣговъ—и не удается ему скоро заглянуть развѣ въ одни овражки, промытые вѣшными потоками, да подъ навѣсъ темныхъ лѣсовъ. Сѣрая окраска перешла въ зеленую; островъ глянулъ своими водяными очами; городскіе сады и луговая сторона въ зеленыхъ пятнахъ. . . Чу! Мартышка проскричала! Вода все растетъ и растетъ. Зима была снѣжная: разливъ сильный. У васъ отворено окно, и вы чаще обыкновеннаго льнете къ нему. Песокъ давно скрылся изъ глазъ, и Волга кончается уже свои осадныя работы. Всѣ Поповъ островъ и всѣ сырые луга что лежали отъ него вправо — покрыты полой водой. Вы помните, какъ недѣля двѣ назадъ только ближніе кусты омывались ею, какъ

потомъ свѣжая вѣшная струя, въ которой едва успѣлъ распуститься ледъ, залилась за высокую песчаную гриву покрытую вербой, пробралась къ ближайшему озеру. Теперь эти темныя полоски гривы и мѣстами торчащія изъ воды верхушки кустовъ неприятно поражаютъ вашъ глазъ: онѣ нарушаютъ однообразную ширь водяной глади, лежащей на много верствъ въ ширину и длину, какъ морской заливъ. Небольшая дачка въ дугахъ — и та затоплена; цѣлый рядъ домиковъ на берегу купается въ водѣ; только не унываетъ какая-то лавочка да покосившійся на сторону кабакъ, подъ крыльца которыхъ подобралась рѣка. Торговля идетъ своимъ порядкомъ. Авось не затопить—не снесетъ! Водяное раздолье куда ни поглядишь. . . Стоитъ только приударить хорошенько низовому вѣтру, думаете вы, поглядитъ Волгу противъ шерсти—и прощай тогда вонъ та избенка, что стоитъ на подмытомъ яру, прощай всѣ избенки что дѣлятся по берегу.

Городскіе огороды тоже на половину въ водѣ; не ушли отъ Волги и сады: рѣчная струя залилась въ узенькіе переулки, между старыми плетнями положитъ корни большой ветлы, до которой доходить не во всякое половодье, размываетъ неогороженное кладбище. . . Много земли уноситъ Волга съ собой каждый годъ. При взглядѣ на эти изрытые берега, на эти круглые и скользкіе яры, вамъ вспоминается знакомая усадьба съ старымъ барскимъ домомъ и садомъ. Садъ—у самой Волги; домъ—также; по этому садъ былъ гораздо больше, онъ не обрывался къ рѣкѣ такъ рѣзко, какъ теперь. «Все Волга подмыла, говорятъ вамъ,—придетъ время и къ дому пожалуй подобрется». Вамъ почему-то жалко этихъ знакомыхъ мѣстъ. Если вамъ удавалось когда нибудь перебѣжать черезъ Волгу въ полный разливъ — вы никогда не забудете такой поѣздки. Впереди обманчиво манитъ луговой берегъ и чернѣтъ лѣсъ. Недалеко, сейчасъ пристанемъ, думаете вы. Но вотъ лодка съ небольшимъ шумомъ прорвалась сквозь подобрѣжавшіе къ носу кусты, весла брошены, потому что и тѣсно, и мелко — надо отталкиваться, чтобы выѣхать изъ узкаго протока на широкій просторъ, кусты остались позади и лодка быстро пересѣкаетъ большое озеро, за которымъ опять такой же обманчивый берегъ и опять сіяющая водяная гладь. . . А лѣсъ все по-прежнему чернѣтъ на томъ берегу.

Май мѣсяцъ. Вода остановилась и скоро начнетъ спадать. Все въ зелени. Волга захватила съ собой изъ озеръ гостившую тамъ рыбу и напустила другой—время ложиться въ русло. «Глядите, кричитъ знакомый охотникъ, чирковъ-то сколько летить!» Въ ясномъ небѣ рѣжется черная полоска, слышенъ какой-то шумъ, за ней другая, третья. . .

На берегу давно работа. Сегодня прошло пять пароходовъ: три сверху, да два снизу. Слѣшно грузить суда: зацѣпивъ толстымъ крюкомъ за девятипудовую куль идетъ по зыблющимъ мосткамъ рабочій и сбрасываетъ носу въ чернѣющей на палубѣ люкъ. «Гру-ша-а-а!» кричитъ онъ, предостерегая другаго, который внизу. Гру-ша-а-а! несется по Волгѣ.

Лѣто подошло. Много люди наловили дровъ на Волгѣ, много навезли къ пристани разнаго товара, нагнали плотовъ съ Камы, то и дѣло суютъ и свищутъ пароходы — опять рѣка стала болѣе дорогой и люди чаще глядятъ по ей теченье, тѣмъ поперекъ.

На островѣ стрѣляютъ—и гулко несется выстрѣлъ по вечерней и утренней зарѣ. «Съ плотовъ купаться хорошо — поидемте!» и вы идете въ хорошій лѣтній день купаться, да кстаги захватываете и двустовку, чтобы ударить по кулику или маргшикѣ. Послѣднихъ много трясется надъ водой въ эти жаркіе томительные дни. Вотъ она виситъ надъ вами, высматривая рыбешку и трепеща на одномъ мѣстѣ своими острыми крыльями, вотъ припала къ водѣ, оторвалась, полетѣла дальше. По песку, съ котораго еще недавно слита вода, бѣгаютъ подъ вѣтъ ему мелкіе кулики. Надо долго приглядываться, чтобы замѣтить ихъ. Запахъ ила и перетной бьетъ въ носъ; подъ ногами хрустятъ мелкіе цвѣтные голыши, а дальше, къ зеленому острову нога вязнетъ въ горячемъ желтомъ пескѣ. Далеко на серединѣ Волги выбѣжалъ этотъ песокъ острымъ языкомъ, а напротивъ еще песчаная мель и на ней и начинается та же приводная растительность. Она небогата — тальникъ да верба не могутъ придать особенной красоты ландшафту; но послѣ угонительныхъ приволжскихъ песковъ, издали бѣлыхъ, какъ сахаръ—на нихъ отдыхаютъ глаза. *Мать и мачиха* съ своими двулчичевыми мясистыми листьями, первая встрѣчаетъ васъ, стараясь прикрыть ими песчаную наготу. Дальше кусты разбросаны по зеленому и мѣстами болотистому дугу, какъ прядетъ. Эти мѣста уже успѣла заполонить сочная и высокая трава. Вотъ узкая тропка ведетъ сквозь чащу къ какому-нибудь одинокому озеру, въ тихой водѣ котораго купаются нижнія вѣтки словно дремлющихъ кустовъ.

Острова — клочки земли, созданные самой Волгой. Волга ихъ наметала, подыала на нихъ *гривы*, занесла на эти гривы сѣмена, выросила по низкимъ мѣстамъ сочную траву, позабыла тамъ и самъ посѣлъ разлива озера и лужи, навѣртѣла гдѣ прядетъ глубокихъ ямъ около какого нибудь пенъка или занесеннаго Богъ вѣсть откуда дерева. Придетъ конецъ лѣту, заберутся на островъ люди, нарѣжутъ изъ тальника шалашей, поразставятъ ихъ на озерахъ подсаживать водяную птицу, скосятъ сочную траву—и ляжетъ она надъ ихъ косой душистымъ сѣномъ, станетъ въ стога и долго будетъ стоять въ нихъ, до самыхъ заморозковъ.

Ряженые на святкахъ въ деревнѣ. Рис. Коверзневъ, грав. Сосинскій.

Поимные дуга почти то же, что острова; только деревья как-то больше и сильнее в них—точно свободные имь роста на твердом берегу, тѣмъ на оторванномъ плоскомъ клочкѣ земли. Такія же озера разбросаны въ зелени этихъ высокихъ деревьевъ и на чистыхъ мѣстахъ. Часто цѣлые правильные ряды ветель и ивь идутъ по сторонамъ длиннаго узкаго протока или озера, точно водяная аллея тянется передъ глазами. И тѣнь и свѣжесть. Но за то сколько комаровъ! Боже мой, сколько комаровъ! Точно сѣтка виситъ въ воздухѣ, точно дождь этихъ мелкихъ тварей свѣтса передъ глазами, особенно около воды, когда еще она не вся сошла. Лучше и не ходите къ ней въ это время. Много стелется противъ нагорнаго берега этой свѣтлой луговой зелени, мѣстами съ какимъ-то голубоватымъ отливомъ, вонь сосновскіе, респевскіе, березовскіе дуга... Вы понимаете всю прелесть дружнаго союза воды съ землей—онъ такъ ясенъ вамъ.

Помните вамъ ночь на самомъ берегу круглаго небольшого озера на Пальцинскомъ островѣ подъ навѣсомъ трехъ морщинистыхъ осокорей. Огонь разведенъ и что-то варится въ котлѣ. Отблескъ огня играетъ на лицахъ сидящихъ кругомъ людей, на створахъ прислоненныхъ къ дереву ружей. Кругомъ непроглядно темно. Гдѣ-то свиснула водяная курочка, что-то свалилось въ воду и плеснуло. Вы голодны и устали; но вы сто разъ хотѣли бы теперь испытывать этотъ голодъ и эту усталость въ темную лѣтнюю ночь на одномъ изъ волжскихъ острововъ.

Вотъ уже листъ пожелтѣлъ и облетаетъ. Волга какого-то мутнаго цвѣта, подъ стать небу, мететъ холодный осенній вѣтеръ. Пора на сидку. Вы идете на знакомое озеро, съ вечера забираетесь въ густой гальчикъ, и вы ждете. Вы изучили до мельчайшихъ подробностей весь отгѣнокъ противнаго берега, рассмотрѣли каждую вѣточку кустовъ... Вечернія краски ложатся все гуще и гуще, предметы начинаютъ терять ясность очертанія и принимаютъ тотъ отгѣнокъ, который мы почему-то зовемъ волшебнымъ. Выходитъ мѣсяцъ. Надъ головой пронеслось что-то тяжелое и большое. Это совы занимаются, какъ и вы, ночью охотой. Но вотъ близко, близко, вѣрно въ томъ углу озера, который невидѣнъ изъ вашей засады—крякнула утка. Вы не чувствуете, что пересидѣли ногу въ пеловой позѣ; руки сжимаютъ ружье, глаза устремлены на узкую серебристую дорожку отброшенную мѣсяцемъ по водѣ. Вы боитесь шевельнуться. Дорожка дрожитъ, слегка колеблется на водяной зыби. Какая-то темная точка тихо ввижется по ней. Перекатисто гремитъ выстрѣлъ, что-то бьется въ водѣ, радостно визгиваетъ собака. Вотъ слышно—еще сѣла стая, звучно разсѣкла озеро и навремени замолкла. Это—сидка.

Съ самаго берега не видно тѣхъ рамокъ, въ которыя улеглась обширная картина средняго течения Волги со всѣми этими островами, заливами, озерами, затопами и заводами. Только съ горы можно охватить ее глазомъ, обновить въ болѣе цѣльномъ представленіи промелькнувшія воспоминанія. Взгляните съ Симбирской горы: внизу за ветхими домиками подгорной слободы—Воложка. Запертая плотами; влѣво неуклюжія барки и высокія мачты; дальше по прямой отъ васъ линія бѣложелтой песоки и рѣзко очерченная зеленая окраска Попова острова. Вонъ Банное озеро, Запороное, Кругленькое... А за Поповымъ островомъ опять неширокая полоса воды—это осенняя прибыль. Волга затопила дальній песокъ и отрѣзала еще цѣлый островъ съ длиннымъ затономъ. Цѣлыя тысячи гусей и утокъ опускаются въ глубокую осень на эти пески; сколько гусиныхъ слѣдовъ остается по обѣимъ сторонамъ неглубокаго волжскаго протока! Но недалеко до него: верстѣ пять, шесть будетъ. Дальше видна коренная, а туда ближе къ Красному Яру, къ той высокой горѣ—опять островъ

на немъ опять озера и сочные дуга. Все это Волга можетъ залить, оторвать, заметать пескомъ—это ее владѣнія. Прямо подъ ногами вся зеленъ городскіихъ садовъ, сбгающая къ Волгѣ вмѣстѣ съ узенькими переулочками и цѣлой пуганицей плетней. Вправо, то повышаясь, то понижаясь потянулись горы; вотъ онѣ обноси знакомую рошу, приоткрыли въ глубинѣ оврага небольшое село, а дальше стали голубѣть и не такъ ясно вырѣзываться на небѣ, обѣжали кругомъ широкое раздолье зелени и воды, вотъ слились съ луговымъ раздольемъ того берега. По крайней мѣрѣ такъ кажется вамъ въ хорошей солнечный день. Отъ горы съ темны боромъ и бѣлой церковью протянулася передъ вами луговая на плоской берегъ, на которомъ стали рядомъ три городскія предмѣстья. Влѣво вамъ не видна Волга: ее заслоняетъ береговой выступъ.

Голубоватая вода, бѣлые пески и тройная кайма зелени—вотъ господствующіе цвѣта, безъ которыхъ немислимъ широкій волжскій ландшафтъ. Но вся прелесть и жизнь—въ широкой водяной полосѣ рѣки, которая улеглась въ зеленыхъ рамкахъ. Въ ясную лѣтнюю ночь Волга можетъ поспорить въ красотѣ съ тѣмъ небомъ, которое ее накрываетъ. Рѣка горитъ своими звѣздами—огнями, то костры на идущихъ плоткахъ. Вы видите, какъ это звѣздное небо, лежащее у васъ подъ ногами, движется вправо и сливается съ тѣмъ небомъ, что горитъ наверху своими неподвижными звѣздами. Точно комета съ блистательнымъ хвостомъ тянется изъ пароходной трубы цѣлый ворохъ искръ, но вы не видите самаго парохода и вполнѣ поддаетесь иллюзіи. Только ухо схватываетъ стукотню пароходныхъ колесъ и какое-то тяжелое шхтѣнье среди всеобщей тишины и безмолвія.

Если вы жили на Волгѣ и человекъ наблюдательный—не стану спрашивать васъ, хороша ли она, не стану вамъ ее показывать. Другое дѣло, если вы туристъ, ищущій красотъ природы, пиши для своего дорожнаго альбома и какихъ нибудь сильныхъ ощущений. Разъ вы туристъ—вы уже человекъ избалованный и я сѣмъ сказать вамъ, съ какихъ мѣстъ нагорнаго берега *стоитъ* смотрѣть Волгу.

Станьте на Кремлевскую стѣну въ Нижнемъ, во время разлива, или на вершину Симбирскаго Вѣнца; подымитесь на Молодецкій курганъ въ Жегуляхъ и взгляните, ухватясь за деревянную перекладину, внизъ... Поѣзжайте наконецъ въ самый разливъ, на то мѣсто, гдѣ Кама отбиваетъ своей желтой волной синія струи Волги, къ противоположному берегу, гдѣ вода сливается на горизонтѣ съ небомъ. Тогда вы вѣроятно скажете что нибудь о грандіозности ландшафта печальной русской равнины. Въ хорошей вѣтеръ васъ даже закачаетъ на пароходѣ—и вы будете имѣть удовольствие испытать легкую морскую болѣзнь за 2,000 верстъ отъ моря.

Все это для туристовъ и ихъ альбомовъ. Декорации волжскихъ береговъ и сама рѣка говорятъ не одному глазу, могутъ остановить вниманіе не одного цѣнителя природы—могутъ вызывать не одни личныя воспоминанія. Много разъ мнѣ удавалось слышать, что Волга хороша только между Симбирскомъ и Самарой. Дѣйствительно, она тамъ неизмѣнно хороша *во всякое время года*, благодаря крутымъ и лѣсистымъ горамъ, болѣе тѣснымъ рамкамъ и большому разнообразію перспективъ.

Набрасывая очерки средняго течения Волги, я могу добавить, что помянутыя мѣста, помимо красивыхъ декораций, представляютъ еще историческій и легендарный интересъ; въ этомъ отношеніи наврядъ есть на Волгѣ мѣсто, которое бы могло съ ними поспорить.

С В Я Т К И.

(Изъ дорожныхъ очерковъ В. И. Немировича-Данченко.)

Какъ то на святкахъ пришлось мнѣ ѣхать въ Костромскую глушь. Съ вечера поднялась метель—прямо въ лицо мнѣ и ямщику. Врываемый вихремъ свѣтъ билъ въ глаза пугливо-храпѣвшимъ конямъ. Я пробовалъ заснуть—не тутъ то было. То тоскливый свистъ вьюги, то обледѣвшіе копыта изъ-подъ копытъ лошадей будили меня. Къ тому же примѣшивалось крайне неприятное ощущеніе. Давно уже направо и налѣво пропали верстовые столбы и мой автомедонъ ѣхалъ цѣлною, полагаясь на «авось, небось да какъ нибудь». Сани то сплосы вѣзжали въ сугробы рыхлаго снѣга, такъ что онъ покрывалъ и подушки, забирался подъ полость, раставля сѣгалъ за воротникъ мнѣ,—то лошади выносили насъ на верхушки холмовъ, съ которыхъ вѣтромъ свѣяны были малѣйшія порохники снѣга. За то тутъ было свое неудобство: навсвѣзъ пронизывающій сѣверо-восточный вѣтеръ охватывалъ насъ такимъ морознымъ дыханіемъ полюса, что мы право не знали гдѣ искать спасенія, въ какую щель уйти отъ этой вьюги... Иногда насъ окутывало совершенно тьмою. Я видѣлъ впереди только спину моего ямщика, широкій задъ пристяжныхъ—и всѣ онѣ точно плавали въ однообразномъ морѣ сѣраго тумана.

Только разъ свозъ тучи ярко засіялъ намъ мѣсяцъ.

На одинъ мигъ словно на густомъ фонѣ выступило и пропало громадное синевато бѣлое пространство, по которому съ какою то захватывающею душою быстротою ходили во всѣхъ направленіяхъ завывающіея столбы бѣлаго снѣга. Потомъ опять насъ охватила со всѣхъ сторонъ тьма, еще безотраднѣе прежней! Только гдѣ-то въ тучахъ чуть мерещился бѣлѣсоватый слѣдъ луны...

Не стану описывать, какъ мы плутали по этимъ равнинамъ, какъ мы понали въ какой-то лѣсъ, едва выбрались оттуда, какъ вѣтви деревьевъ осанили насъ снѣгомъ. Кто помнитъ описаніе ятели у графа Толстаго, тотъ хорошо пойметъ тогдашнія мои впечатлѣнія. Скажу только, что около полночи уже мнѣ удалось почти ошупью попасть въ какое-то село, лежащее далеко съ сторонѣ отъ большой дороги, по которой намъ слѣдовало ѣхать.

Здѣсь еще не спали. Изъ всѣхъ оконъ лились на улицу желтоватыя тускляя полосы свѣту. Вышѣ съ вѣтромъ и во всемъ метели слышались обрывки какихъ-то пѣсенъ, относимыхъ вѣтромъ съ сторону. Только что зацѣпишься за какой нибудь мотивъ, и вихрь ужъ унесъ его Богъ знаетъ куда—въ какую-то даль, гдѣ вмѣстѣ съ плачемъ вьюги встрѣчаетъ онъ дружелюбный голоднаго волчѣго стада. Помню только, что при поворотѣ сельской улочки прямо

въ меня ударила какая то ругань, и затѣмъ я ясно слышалъ:

— Тетка Арина, а тетка?

— Чиво?..

— Зажми хво—остъ отъ... Зажми хвоостъ!.. Ишь онъ у тебя закорючкой... Зажми...

— Ахъ ты! чтобъ тебя чер... Но тутъ опять смѣшался вѣтеръ и несомнѣнно остроумный отвѣтъ тетки Арины полетѣлъ прямо въ стѣну, въ какую-то смутно обрисовывавшуюся во тьмѣ, голую медную рощу.

Вонецъ мнѣ удалось пристать въ избу.

Слева еще не спали. Дѣти толпились кучею у оконъ, точно въ тьмѣ можно было что нибудь разглядѣть тамъ. Меньшой изъ нихъ такъ впился въ стекло, что когда онъ обернулся ко мнѣ—на носу у него долго было замѣтно бѣлое съ пятачекъ пятно. Молодица то вбѣгала въ избу, то выбѣгала на крылечко.

— Посиди, Мариша, что ты нонѣ?

— Я матушка только на минутку... Тутъ Груньва у Потапыча радится...

И опять слышится шелкъ дверей, а спустя минуту Мариша вбѣгала назадъ, внося съ собою въ душную атмосферу избы холодную, струю уличнаго воздуха.

Кто-то кричѣлъ на печкѣ, да гдѣ-то заливался неугомонный сверчокъ, точно онъ хотѣлъ перекричать эту метель.

Только-что я успѣлъ дожидаться самовара, какъ въ избу ввалилась дѣлая партія рженихъ. Тутъ были и медвѣди, у которыхъ изъ-подъ вывернутыхъ шерстью вверхъ овчинъ торчали подбитые гвоздями сапоги, кричала и коза, у которой голосъ куда какъ походилъ (по заявленію Машутки, хозяйской дочери) на Грунькинъ.

Дѣти кучей бросились къ матери и заорали благимъ матомъ, пока Машутка не успокоила ихъ прикрывая полой отъ воображаемыхъ чудовищъ. Но и тогда они не рѣшались выйдти къ ползавшему по полу медвѣдю съ салагами. Старшій съ пугливымъ любопытствомъ выглядывалъ изъ-за руки Машутки. Одинъ только—и то самый младшій ребенокъ, какой-то пухлый, бѣлесоватый, казавшійся издали бѣднымъ пятномъ, невозмутимо сидѣлъ у печки, поджавъ подъ себя ноги и глядя на чудовище...

Мнѣ лондобилось крикнуть ямщика—и я вышелъ.

Не смотря на тьму на крылечкѣ, я наткнулся на оригинальную сцену.

Медвѣдъ (изъ оставшихся на дворѣ) обнималъ хозяйскую дочку, а та и не думала отбиваться отъ ласкъ страшнаго звѣря.

Машутка было сконфузилась замѣтя меня—и шыгнула въ избу.

— Не говорите маменькѣ! прозвѣнѣлъ ея серебристый голосъ въ моихъ ухахъ.

Она еще и на другой день краснѣла и потупила глаза, встрѣчая мой взглядъ.

«ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

Глава XXIX.

Досщакъ лауча что-то замышляетъ.

Бѣлые рубахи перешли на тотъ берегъ.

Они перешли не тутъ, гдѣ остановились лагеремъ, прійдя къ воде. Нѣсколько дней тянулся отрядъ по правому берегу, спускаясь все ниже и ниже. — Главныя силы шли по кручамъ, — то удаляясь отъ воды, углубляясь снова въ песокъ, то снова приближаясь къ рѣкѣ, на которой и становились всегда ночлегомъ. Небольшой легкій отрядъ тянулся тугаежъ, то-есть прибрежною отмелью, переходя иногда въ бродъ значительнаго пространства;—этотъ отрядъ служилъ конвоемъ нашей крошечной флотилии кауфмановъ, шедшей водою, и съ каждымъ днемъ все обогащающейся и обогащающейся приобщеніемъ новыхъ туземныхъ каяковъ, которыя захватывались, гдѣ только ихъ не завидятъ лихіе матросы, съ боемъ или борьбой,—какъ выходило счастье.

Къ мѣсту переправы набралось, такимъ образомъ, столько перевозочныхъ средствъ, что уже можно было рискнуть на болѣе отважный, рѣшительный шагъ,—и этотъ шагъ свершился. Русскіе батальоны врѣзались въ самое сердце Хивинскаго ханства.

Лагерь раскинулся въ садахъ, въ тѣни колосальныхъ карагачей, въ окрестностяхъ Хазарь-Аспа — хивинскаго укрѣпленнаго города.

Доносились уже слухи о томъ, что съ другихъ сторонъ, съ Кавказа и Оренбурга, отряды уже подходятъ къ Хивѣ тоже, что они близко,—и эти слухи подстрекали и торопили туркестанцевъ къ стѣнамъ Хивы,—чтобы, во что-бы то ни стало, не уступить другимъ пальмы первенства...

Говорили даже, что пароходы нашей Аральской флотилии изъ Казалинска уже вошли въ Дельту Аму-Дарьи, что эти суда уже на водахъ Аму...

Участъ Хивы подходила къ послѣднему акту — къ развязкѣ.

У стараго Досщака былъ большой праздникъ.

Надѣлъ онъ свой самый лучший, красный халатъ, тотъ что ему подарилъ самъ главнокомандующій, еще на прошлой недѣлѣ;—надѣлъ онъ шаровары желтые, вышитые шелками,—эти шаровары-купилъ Досщакъ у солдатика одного — послѣ фуражировки. Дешево тогда продавались многія хорошія вещи, и за эти шаровары, о которыхъ и во снѣ не грезилося

бѣдному лаучи, онъ заплатилъ всего только два кокана (сорокъ копѣекъ).. Надѣлъ онъ еще, поверхъ своей замасленной тюбетейки, шерстяную чалму—пеструю...

— Чисто мулла самаркандскій!... такъ и развелъ руками лауча Шарипъ, какъ только увидѣлъ Досщака въ его полномъ нарядѣ..

— Батырь! произнесъ лауча Каримъ и даже головою покачалъ и губами поцмокалъ.

— Ого!. только и крикнулъ генеральскій джигитъ Узень.— А у тебя даже моей будетъ больше!—право больше! и лента твоя краснѣе, смотри,—у ней по бокамъ двѣ дорожки желтенькія выведены—это вотъ та, по которой ты къ колодцамъ ѣздилъ, а это-та, по которой назадъ возвращался; — вотъ онѣ обѣ эти дороги!...

И джигитъ слѣзъ съ лошади (онъ верхомъ подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли лаучи), подошелъ близко къ Досщаку и долго у него на груди, на лѣвомъ борту халата, что-то разсматривалъ, потомъ отступилъ на шагъ, еще посмотрѣлъ, склонивъ голову немного на бокъ и прищурясь, крикнулъ еще разъ: — О-го!.. и пошелъ привязывать своего рыжаго жеребца, покрытаго, отъ самыхъ ушей до хвоста, теплою попоною.

А на груди у лаучи, стараго Досщака, блестѣла на солнцѣ большая золотая медаль на красно-огненной лентѣ.. Такъ и сверкало жаркое солнце, отражалась отъ диска етой медали; а отъ нея уже это отраженіе и на лицо старика переходило; и сверкало, сіяло это сморщенное, изрытое шрамами и морщинами, старческое лицо,—такъ и видны были на немъ довольство, радость, полнѣйшее, безграничное счастье.....

Досщакъ лауча получилъ эту медаль сегодня—отъ генерала. Онъ получилъ ея за свою смѣлую поѣздку къ колодцамъ Алты-кудукъ,—и теперь онъ собралъ своихъ друзей, чтобы вмѣстѣ радоваться его радости.

И товарищи его радовались не меньше самаго Досщака.— Они сообща купили барана у казаковъ,—тоже не дорого пришелся,—зарѣзали его, достали рису и собрались-варить пловъ, котораго они, вотъ уже скоро полгода, и близко не видѣли.

Солдаты мимо ходили—останавливались,—ихъ тотчасъ-же забывали;—и радовались наивные лаучи всякому гостю, безъ разбора... Да и чего разбирать, или считать гостей, когда Шарипъ цѣлый мѣшокъ рису засыпалъ въ громадный котель?—а котла этого смѣло хватило-бы на половину роты.

Хорошее мѣсто выбрали лаучи для своего пира. Три карагача росли почти рядомъ одинъ отъ другаго,—какъ разъ на берегу арыка. Тѣнь, густая такая, прохладная, розстилалась

отъ этихъ деревьевъ; и на воду тѣнь эта падала, и на ту сторону переходила, такъ что Узенева лошадь—даромъ что въ десяти шагахъ отъ пирующихъ стояла, а тоже этою тѣнью пользовалась.

Высокая стѣнка тянулась за этими карагачами, за стѣнкою видѣлся рядъ стройныхъ тополей, а черезъ гребень ея смотрѣли темнозеленыя вѣтви урюковыхъ деревьевъ, на которыхъ, словно янтарныя, желтели спѣлыя фрукты.—И какъ только этихъ фруктовъ оборвать еще не успѣли?! Должно быть много-же ихъ было, когда уцѣляли они,—на самой окраинѣ этого шумнаго, многолюднаго лагеря.

За тополями возвышался полукруглый куполь мечети, а на верху этого купола чернѣло большое косматое гнѣздо аиста.—Длинноногая птица, вся бѣлая съ черными крыльями—съ краснымъ клювомъ—сидѣла на этомъ гнѣздѣ, и не боялась она людей, что собрались внизу, хотя она такихъ именно людей сроду своего и не видывала.

Музыка играла гдѣ-то далеко-далеко; звуки ея и сюда достигали и джигиты слушали. Вышло, что у нихъ не только что пирь, а еще пирь съ музыкою.

— Такъ-то!... погладилъ себя по животу джигитъ Узень и посмотрѣлъ кругомъ: согласны-ли съ нимъ другіе члены компаніи.

— Это-ты правду сказалъ, важно кивнулъ своею новою чалмою Досцакъ,—это правда.

— Писаль-ханъ письмо къ джандаралу, говорилъ джигитъ,—и просить чтобы стоялъ малость на мѣстѣ, а дальше не шельбы;—ты, пишеть, постой—пока я тѣхъ прогону, а то всѣ разомъ для меня очень трудно.

— Ну?..

— Зачимъ, говорить, тибѣ Хива?—не надо тибѣ Хива,—а мнѣ, говорить, надо.. Ты, говорить, постой пожалиста,—а я тебѣ сорокъ халатовъ пришлю, сорокъ верблюдовъ, сорокъ барановъ, сорокъ лошадей и сорокъ баба — хорошихъ хивинскихъ и иранскихъ баба, а ты постой пожалиста...

— Кто это тебѣ, землякъ, сказывалъ?.. полюбопытствовалъ солдатъ стрѣлокъ, сплкнуувъ съ своей коротенькой трубочки..

— Минѣ кто говорилъ?.. минѣ?.

— Да, тебѣ....

— Джандараль курить, маленькій трубка—изъ бумага?

— Цыгары? курить.

— Казакъ Демьянка—носить огня джандаралу?

— Нссить.

— Джандараль курить—казакъ Демьянка огня даетъ,—вотъ столічка мѣста бываетъ отъ казака до джандарала.

И джигитъ показалъ—сколько именно мѣста,—разставивъ свои руки на полъ аршина одну отъ другой.

— Ну, пожалуй, согласился стрѣлокъ.

— А на такой дорога маленькой—все слышно бываетъ?

— Бываетъ.

— Этотъ самый казакъ Демьянка и говорилъ мнѣ, что писалъ Ханъ джандаралу, а я вотъ вамъ рассказываю..

— Это ты правду говоришь, опять согласился Досцакъ.—Хотѣлось бы мнѣ-такой бумага смотрѣть; тамъ ханское имя золотою краскою написано.

— А ты читать знаешь по ихнему, альбо по вашему, это все единственно? освѣдомился ротный писарь Кузька, покачиваясь и придерживаясь рукою за сосѣдній карагачъ, чтобъ на ногахъ устойчивѣе держаться..

— Ты братъ, Кузьма, гдѣ это заложилъ? щелкнувъ пальцами по вороту рубахи солдатикъ стрѣлокъ.

— Я то?—я завсегда помню!—мое не пропадетъ, потому я кто? ась? Я кто? писарь я ротный, одно слово начальство.. Эй, тамыръ, какъ тебя звать,—шалтай-болтай что-ли,—умѣешь ружьемъ на караулъ дѣлать!?

— Зачѣмъ ружьемъ караулъ дѣлать.. не надо ружьемъ караулъ дѣлать... отпѣкивался тамыръ..

— Читать мало мало умѣю;—меня мулла въ Алматахъ еще училъ, говорилъ Досцакъ,—а вотъ писать не могу, не выучился. И трудно-же писать, больно тяжело!...

— Да, трудно..

— А что трудно? русска-писать трудно, — татарска-писать трудно?

— По татарски труднѣе много, вставилъ свое замѣчаніе писарь Кузька.—Я вотъ по нашему лихо отхватываю, а по вашему—даже когда пьянъ ничего не выходитъ. Лѣшій васъ не разбереть, что вы тамъ навыворотъ свой выводите.—Такіе то разводы да закорюки...

— А русска-хорошо знаешь? пытливо посмотрѣлъ на него Досцакъ, и сталъ соображать что то, шевеля пальцами.

— Лихо!..

— Какъ джандараль писать знаешь?..

— Не токмо что генераль, министру потрафлю — я тѣ, вотъ гляди, въ одинъ моментъ... разъ два—поллиста готово.. Я, надымъ, въ недѣлю четырнадцать книгъ шнууровыхъ отмахалъ, вотъ оно что, ежели образование настоящее!..

— Садысь, пожалиста, садысь тутъ—пловъ апать, *) маханъ **) апать, садысь пожалиста!

И Досцакъ торопливо принялся разчищать около себя удобное мѣсто для гостя.

Пловъ поспѣлъ. Стали его раскладывать въ большія, плоскія чашки, разоглали попоны, коврики, что нашлось подходящаго, поставили эти дымящіяся чашки передъ гостями—и потянулись къ нимъ десятки рукъ, зарываясь въ этомъ облитомъ жиромъ горячемъ варевѣ.

Бли на славу, съ апетитомъ;—блн такъ, чтобы вознаграждать себя съ лихвою за всѣ перенесенныя лишения. — Вѣдь такой пловъ не часто въ жизни ѣсть приходится!

Весь день бѣли. Къ вечеру—двухгодовалого барана какъ и не бывало, мало тоже рису осталось и въ мѣшкѣ Шариповомъ.

Все время Досцакъ лауча первый почетъ оказывалъ писарю Кузькѣ—ужъ онъ его и муллою величалъ, и мирзою, самъ ему лучшіе куски выбиралъ, самъ даже и въ ротъ клалъ, своими собственными пальцами..

Тутъ и свалился на мѣстѣ писарь Кузька. Захрапѣлъ пьяный да сытый. Взялъ его Досцакъ съ товарищемъ бережно на руки, отнесъ къ стѣнкѣ, навѣсь надъ головою устроилъ, чтобы со стороны не видно было...

— Что ты такъ за нимъ стараешься? спросилъ старика джигитъ Узень, генеральскій.—Видишь, онъ какъ свинья нажрался да напился;—развѣ такъ можно хорошему человѣку?..

Джигитъ по своему говорилъ, — кто и были изъ солдатъ поблизости—не поняли,

— Это нужный человѣкъ, сообщилъ потихоньку Досцакъ,—охъ, какой нужный человѣкъ! охъ, писать какъ самъ джандараль умѣеть..

— Да тебѣ это-то зачѣмъ?.

— Этотъ человѣкъ... началъ лауча, замолчалъ на минуту, прислушался, подошелъ тихонько къ шалашу, заглянулъ туда, нашель вѣроятно все въ исправности—и продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ хорошее дѣло мнѣ, Досцаку, можетъ сдѣлать. И отъ этого дѣла его—хорошему человѣку хорошее будетъ, дурному—дурное...

— Ты загадки говоришь...

— Да, загадки.... Досцакъ долго думалъ, еще когда на колодцы ѣздилъ,—на тѣ, что—видишь?.

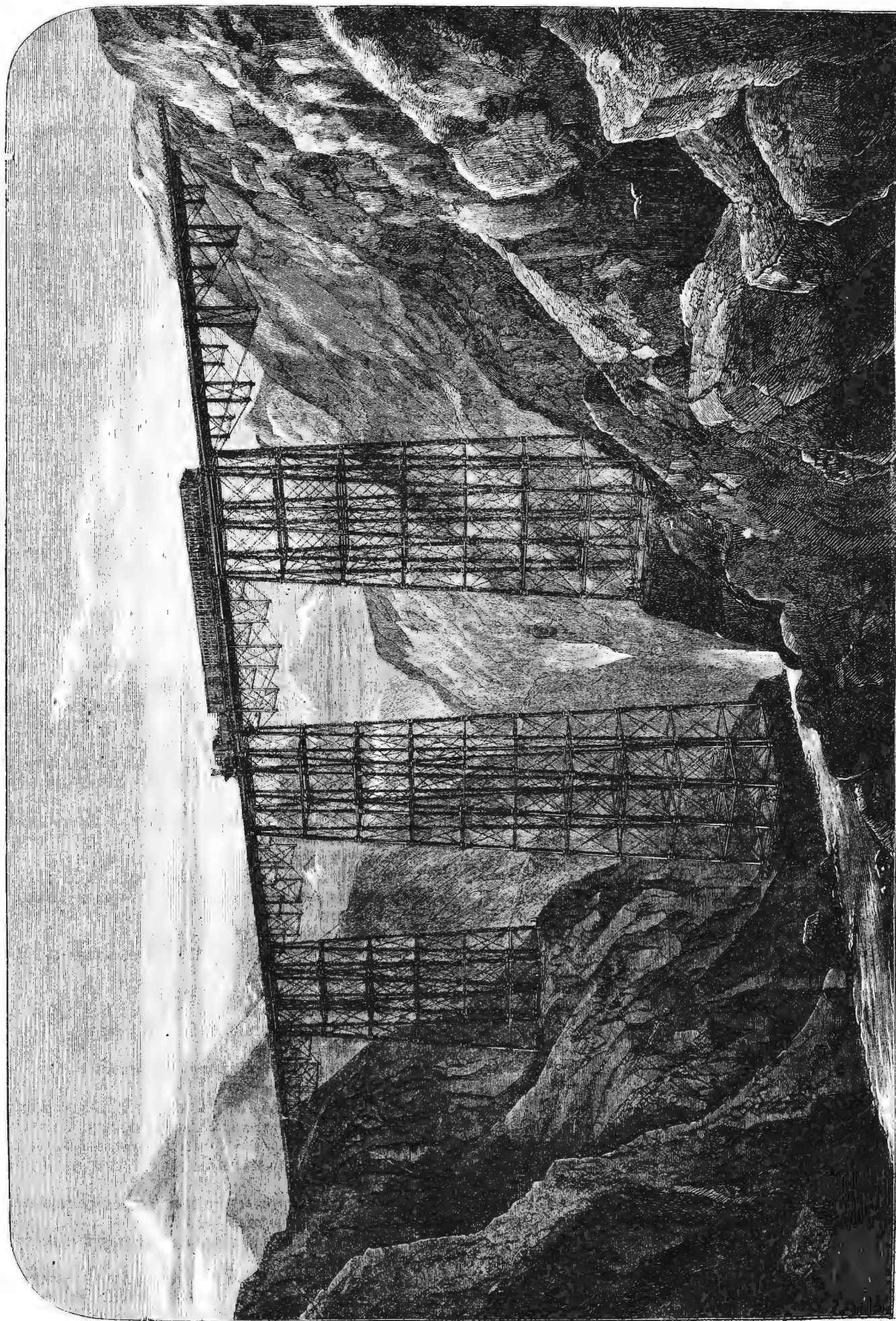
Онъ показалъ рукою на свою медаль и этимъ движеніемъ совершенно ясно обозначилъ—какіе именно колодцы.

— Еще тогда Досцакъ думалъ — и теперь думаетъ, и завтра думать будетъ и не скажетъ никому, что онъ думалъ,—а узнаютъ то, въ свое время, всѣ люди,—и скажутъ:—Вотъ старый Досцакъ, даромъ что старъ, а умъ у него не ушелъ отъ его старости.

Разбрелись и послѣдніе гости.

Темная тихая ночь настала, низги не видно. Луна еще не всходила,—а звѣзды мало свѣту давали;—особенно подъ деревьями темно было: тамъ сама кошка не разглядѣла бы ничего, даже бѣлой рубахи писаря—Кузьки, храпѣвшаго во снѣ, на весь околосокъ.

*) Ёсть **) Баранна.

Барруга-Биадукта, висячий містъ черезъ одно изъ ущелій въ Перу.

Словно гигантскіе фонари, свѣтились во тьмѣ разноцвѣтныя офицерскія палатки, — словно свѣтляки искрились тамъ и сямъ огоньки закурившихъ сигаръ. — А въ той сторонѣ, гдѣ находился Хазарь-Аслъ, — вспыхивало и разгоралось красное зарево — не то луна всходила, не то пожаръ — и то и другое часто очень похоже бываетъ; объ этомъ предметѣ спорили невдалекѣ два офицера, и голоса ихъ ясно доносились до ушей Досщакъ, сторожившаго ночной покой своего гостя, нужнаго человѣка.

ГЛАВА XXX.

«Я — мать»

— Что бы это значило? размышлялъ Головинъ, сидя въ своей палаткѣ, на складномъ табуретѣ, — что бы это значило?.. «Весь этотъ день не приходитъ къ ней» — Гм!.. ночью тоже.. утромъ завтра навѣдаться... Ничего не понимаю...

И онъ еще разъ принялся прочитывать записку, отданную ему Наташею лично, — часъ тому назадъ, когда она опустила, передъ самымъ его носомъ, полы своей палатки, и оттуда уже просунула эту маленькую, сложенную вчетвергъ бумажку, исписанную почеркомъ хотя и женскимъ, но твердымъ, рѣшительнымъ.

Въ этой запискѣ сказано было, чтобы весь этотъ день онъ ни разу не заглядывалъ къ ней въ палатку, — ночью тоже не навѣдывался, — а что завтра, рано утромъ, можетъ прійти, и тогда узнаеть причины такого страннаго запрещенія...

Прочель эту записку хромой казакъ, чуть ли не въ двадцатый разъ, приставилъ палецъ ко лбу и опять произнесъ: — Что бы это значило?..

Одного ли его не хотеть видѣть цѣлыя сутки Наталья Мартыновна, или всѣхъ вообще, — и всѣ-ли получили подобныя посланія?.. Нѣтъ, очевидно, нѣтъ! разсуждалъ Головинъ. Ни бумаги, ни времени не хватило-бы у ней заготовить столько писемъ: должно быть ему одному... Да другіе и такъ, за хлопотами, рѣдко бывали у ней — не то что онъ; а онъ вѣдь дежурилъ съ утра и до вечера, глазъ на глазъ; а по ночамъ тоже у ея палатки сторожилъ, — значитъ, вѣрно, это запрещеніе относится только къ нему одному. Что бы это значило?

Сталь припоминать Головинъ — не обидѣлъ-ли онъ чѣмънибудь ее, не сказалъ ли чегонибудь такого, что вызвало съ ея стороны эту кару. Всѣ мелочи перебралъ, все припомнилъ; каждый мельчайшій шагъ, каждое движеніе, самое ничтожное слово, все припомнилось ему, съ такою отчетливою ясностью, словно все это сію минуту происходило... Нѣтъ, ничего такого не вышло. Она ласкова была съ нимъ, даже вчера и сегодня гораздо ласковѣе чѣмъ когданибудь. Да, такъ. Онъ ей руку поцаловалъ, она его въ лобъ, и даже голову его рукою своею придержала, обняла будто...

— Прощайте, другъ мой! это она сказала въ послѣдній разъ. Зачѣмъ же, «прощайте»? Она всегда говорила: «досвиданья», или «доставраго», или чтонибудь въ этомъ родѣ, а тутъ, вдругъ, «прощайте»...

Даже страшно немного стало Головину отъ этого «прощайте», всталъ онъ, накинулъ китель, шашку черезъ плечо повѣсилъ, потянулся за фуражкой и снова сѣлъ.

— Нѣтъ, не приказала — и не надо. Завтра такъ завтра! Не долго потерпѣть, всего одна ночь; засну и не замѣчу какъ эта ночь пролетитъ, а завтра рано утромъ... Развѣ издали посмотрѣть? Можетъ быть выйдетъ она зачѣмънибудь — я и увижу издали-то... Эхъ! вѣдь вотъ подумаешь-то малодушіе! Нѣтъ, буду терпѣть! тамъ что будетъ то будетъ, а потерплю... Она такъ сказала, значитъ такъ надо!

И съ новою рѣшимостью, хромой казакъ сбросилъ китель, шашку, легъ навзничъ на свою койку и закурилъ сигару.

Темнѣть стало, звѣзды заискрились на небѣ, послѣдняя полоска золотистаго свѣта потухла на западѣ, утихъ лагерный шумъ. Наступила ночь, та самая которую скоротать во свѣѣ предполагалъ хромой казакъ... Не приходитъ этотъ спящій сонъ!.. и чувствуетъ Головинъ, что и вовсе не прій-

детъ... Горитъ голова, усиленно стучитъ и прыгаетъ сердце, воздуху все требуетъ взволнованная грудь. — Вонъ изъ палатки! вонъ изъ-подъ этого холицеваго свода, хотя и легкаго на самоѣ дѣлѣ, а теперь кажущагося-тяжелымъ, могильнымъ скелетомъ.

И на воздухѣ все то же... Не спится Головину — и бродитъ онъ въ темнотѣ, то и дѣло спотыкаясь о палаточныя веревки да колья.

— Которая сѣбна? окликаеть онъ ближайшаго часового.

— Первая, отвѣчаетъ тотъ.

— Еще долго, вздыхаетъ Головинъ и снова шагаетъ, не разбирая дороги, немилосордно сжигая свои сигары, одну за другою.

→ Эхъ! махнулъ онъ рукою и пошелъ рѣшительно впередъ. Дошелъ до казачьяго лагеря, прошелъ обозы, прошелъ мимо генеральской ставки. Вотъ уже близко. Вонъ она — эта палатка!...

Казакъ остановился — и ему стало стыдно. Онъ быстро повернулъ и пошелъ потихоньку обратно.

— Огня нѣтъ, значить спать... думалъ онъ. — Эхъ! да скоро-ли это утро?! Коротка лѣтняя ночь, а какъ она, проклятая, тянется!

Изучился Головинъ за эту ночь, точно горячку двухъ-недѣльную выдержалъ. Съ томительнымъ замираніемъ сердца наблюдалъ онъ, какъ все шире и шире, свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралась утренняя заря; какъ запылали багровыя пятна на горизонтѣ, какъ озолотились верхушки тополей и карагачей, мечеть съ своими аистами, какъ снова оживалъ громадный, безконечно-раскинувшійся бивуакъ.

— Пора! нѣтъ, еще рано, соображалъ онъ. — Пора! она встаетъ всегда съ разсвѣтомъ; теперь уже можно, рѣшено. Иду!... Она пойметъ, какъ много я выстрадалъ за эту ночь, она проститъ мнѣ мою торопливость...

Головинъ уже подходилъ къ Наташиной палаткѣ... Карповъ пыхтѣлъ уже и суетился за ставкою самоварчика. Въ палаткѣ было тихо.

— Еще спать... Здравствуй, Карпушка! обратился Головинъ къ деньщику... и сѣлъ на опрокинутое ведро.

— Здравія желаю! отозвался солдатъ. — Лимончиковъ хотѣла барыня, а вчера досталъ у маркиганта пару; хорошіе такіе: — одинъ-то высохъ, а другой важный...

— Лимоновъ досталъ? произнесъ Головинъ, а самъ не то хотѣлъ спросить, другое, только языкъ какъ-то не повернулся.

— Пора бы вставать — нѣшто разбудить? посоветовался деньщикъ.

— Поздно вчера заснула? спросилъ Головинъ.

— А не могу знать... Я отлучался часа на два; вернулся, а палатка уже изнутри завязана, значитъ почиваетъ... Часовъ шесть есть?

— Половина седьмого.

— Нѣшто и вправду разбудить?... Самоваръ-вотъ давно вскипѣлъ...

— Гм! гм! откашлялся хромой казакъ.

— Ничего, время, одобрительно произнесъ Карповъ.

— Наталья Мартыновна! окликнулъ Головинъ.

Отвѣта не было.

— Да вы громче... посоветовалъ Карповъ.

— Наталья Мартыновна!...

Полная тишина царствовала въ палаткѣ... Головинъ приложилъ ухо къ полотну и сталъ прислушиваться. Ни малѣйшаго шелеста не было слышно. Стѣны палатки вовсе не такія непроницаемыя, чтобы нельзя было слышать дыханія спящей.

Головинъ поблѣднѣлъ и ноги стали у него подкашиваться.

— Что же это? прошепталъ онъ...

Карповъ опять нагнулся къ самоварной трубѣ и не слышалъ этого вопроса.

Осторожно раздвинулъ Головинъ полы палатки — и заглянулъ. Кровать Натальи Мартыновны была пуста... Въ палаткѣ не было ни души.

На маленькомъ столикѣ лежали двѣ записки. Эти бѣлыя

четвероугольники такъ и дѣзли въ глаза; они словно говорили: — «Бери скорѣе и читай!»

И Головинъ прочелъ.

Одна изъ этихъ записокъ была та самая бумажка, что сунуль въ руки Наташѣ оборвышъ-кранецъ, — другая, писанная ея собственною рукою. Въ этой запискѣ было мало словъ.

«Я мать. — Простите меня вы всѣ — и не забывайте. — Прощайте! дай Богъ чтобы не навсегда».

Вотъ и все, что было тамъ написано...

— А вотъ и самоварчикъ! просунулся въ палатку съ подносомъ деньщикъ Карпушка.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Висячій мостъ черезъ одно изъ ущелий въ Перу.

Современный гений проявилъ себя наиблестящимъ образомъ въ постройкѣ мостовъ, — и дѣйствительно, мосты, существующіе нынѣ въ Европѣ, поражаютъ своею смѣлостью и вмѣстѣ съ тѣмъ — грандіозностью. Вотъ самые замѣчательные изъ европейскихъ висячихъ мостовъ: Фрибургскій — въ Швейцаріи, съ однимъ только пролетомъ, шириною въ 265 метровъ. Такъ какъ мостъ этотъ перекинутъ на значительной высотѣ, почти надъ бездною, то тутъ и возможенъ былъ только одинъ пролетъ. Менскій (Melay) — соединяющій островъ Инглесъ съ Вельсомъ (pays de Galles), съ тремя пролетами; онъ переброшенъ на высотѣ 45 метровъ выше уровня самаго высокаго прилива. Кубзакскій (Cubzac) — на Дордонѣ (Dordogne); суда свободно проходятъ подъ нимъ; длиною онъ въ 500 метровъ и имѣетъ пять пролетовъ: Мосты Женева, Руанскій и Мэрдикскій (Moerdyk) замѣчательны по смѣлости плана постройки и по выполнению. — Желѣзо и чугунъ — вотъ главные матеріалы, благодаря которымъ создаются нынче такіа удивительныя, великолѣпныя «воздушныя» дороги; безъ желѣза и чугуна невозможны были бы висячіе мосты, ибо весь успѣхъ тутъ обусловленъ этимъ по истинѣ драгоценнымъ матеріаломъ. Первообразъ висячихъ мостовъ — это мосты изъ ланъ и веревокъ, устраиваемые съ незапамятныхъ временъ жителями южной Америки. — Въ отношеніи легкости и вообще удобства, а главное — экономіи при постройкѣ — висячіе мосты имѣютъ огромное преимущество надъ мостами всѣхъ другихъ системъ. Но какъ однако ни замѣчательны перечисленные нами европейскіе мосты, они все-таки во многомъ уступаютъ американскимъ сооружениямъ въ такомъ же родѣ, а въ особенності — ихъ желѣзно-дорожные мостамъ. Дѣйствительно, уже самый характеръ страны, открытой Колумбомъ, заставилъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ предпринять такіа работы и сооружения, о которыхъ у насъ, въ Европѣ, едва-ли можно составить вѣрное понятіе. Американцамъ

пришлось прокладывать путь черезъ громадныя рѣки и перебрасывать «воздушныя дороги» надъ широкими и глубокими ущельями. Перу — наиболее гористая мѣстность Америки. Вдоль западной части этой территоріи, громадая и тѣсная на побережь Тихаго океана, тянутся Анды на протяженіи около двухъ тысячъ верстъ, образуя двѣ параллельныя цѣпи. Нѣкоторыя отдѣльныя вершины перувианскихъ Кордильеръ достигаютъ 6000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Лима и Арекипа соединены желѣзно-дорожною линіею, причѣмъ крайнія точки ея лежатъ не на одной высотѣ, а именно: одна выше другой на 15000 футовъ. Уже по одному этому можно судить, какъ трудно было проложить дорогу между вышеупомянутыми пунктами! Сколько нужно было устроить подъемовъ и спусковъ, какую массу препятствій пришлось преодолѣть, тѣмъ болѣе, что частенько, на довольно близкихъ разстояніяхъ, строителямъ приходилось перебрасывать дорогу черезъ страшныя пропасти. — Обращая вниманіе читателя на помѣщенную въ настоящемъ № нашего журнала картинку (висячій мостъ въ Перу), полагаемъ, что при взглядѣ на нее можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о гигантскихъ сооруженияхъ подобнаго рода, потому что этотъ «Varrugas-Viaduc» представляетъ, конечно, блестящій результатъ самаго смѣлаго примѣненія новой системы постройки мостовъ — изъ желѣза и чугуна. Мостъ этотъ состоитъ изъ желѣзныхъ полей въ видѣ длинныхъ столбовъ (вышина ихъ 250 фут.) и такихъ же крѣпкихъ трельяжей. — Легкость, грандіозность, красота самаго сооружения — приятно поражаютъ глазъ, и при этомъ невольно чувство гордости овладѣваетъ человѣкомъ — *слабый созданиемъ*, ничтожной песчинкой!.. Но эта одухотворенная песчинка обладаетъ гениальностью и удивительною смѣлостью: она вызываетъ могучую природу на борьбу и напрягая лишь умственные силы свои — побѣждаетъ ее, дѣлаетъ ее покорною своей власти.

Чета новобрачныхъ на прогулкѣ. (Бытъ XV) въка въ Москвѣ).

Помѣщая рисунокъ этого содержанія, мы думали поговорить съ читателями «Нивы» о бракахъ русскихъ встарину. Человѣчество, приступая къ такому важному шагу въ жизни, каковъ выборъ подружки, обставляло его особенно торжественными обрядами. Предки наши съ развитіемъ гражданственности не мало сдѣлали и для сообщенія брачному союзу подобающей торжественности, особенно углубляясь въ смыслъ иносказательнаго представленія и пожеланій довольства безбѣднаго четъ супруговъ. Бѣдпость же, во всѣ времена служа оселкомъ твердости характера, въ большинствѣ случаевъ представляла несомнѣнныя доказательства слабости и нетерпѣнія въ испытаніяхъ судьбы, производя семейныя ссоры, *взаимное охлажденіе супруговъ* и явную невозможность семейнаго мира, на которомъ зиждется домашнее счастье. Мы не можемъ также ставить въ вину предкамъ, — по обстоятельствамъ времени и мѣста и по общему неразвитію оставшимся суевѣрными, — ихъ заботливости о вводитѣ въ обряды свадебныя (наравнѣ съ иносказательными пожеланіями молодой четѣ достатка), еще церемоній и *заклинаній отъ призора*, мнимаго чародѣйства. Къ зловреднымъ дѣйствіямъ чарованія, позволимъ себѣ замѣтить, относили встарину, какъ извѣстно, — *неладу между мужемъ и женой*. Предки не желали брать въ толкъ того простаго соображенія, что полное незнакомство до брака съ суженою и, наоборотъ, съ суженымъ при случайномъ соединеніи *навѣчно* двухъ существъ съ разными наклонностями, могло, само по себѣ, произвести полный разладъ и взаимную ненависть супруговъ. А если пришлося бы тутъ какое-нибудь новое обстоятельство, въ родѣ начинавшагося сочувствія дѣвушки или молодца къ другой особѣ, — то вопросъ о бракѣ, разстроившемъ расчетъ сердца, приводилъ несомнѣнно къ трагической развязкѣ. Или мужъ изводилъ немилую подруку жизни, ли въ чемъ невиновную въ ошибокѣ родителей, поставившихъ ее поперекъ дороги къ счастью другаго съ другою; или жена дѣлалась преступницею, посягая на жизнь постылаго мужа, часто не смѣя и не могши расчитать попасть за милого. Мужъ, однако, изъ подобной трагедіи выходилъ всегда съ меньшимъ жертвованіемъ собою; жена — всегда погибала, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ

подвергаясь даже страшнѣйшему изъ видовъ мучительной смертной казни — *заканыванію въ землю* по грудь. Борьба жизни со смертью, въ этомъ видѣ казни продолжалась у осужденной иногда до трехъ дней. Судите, каковы же были страданія осужденной!

Художникъ въ рисунокѣ своемъ — дающемъ намъ поводъ писать настоящую отповѣдь — не даетъ намъ, впрочемъ, возможности допустить никакой черной догадки относительно будущаго своей четы гуляющихъ, — такъ, кажется, мирно-полюбовно настроенныхъ, что скорѣе должны мы въ нихъ видѣть «голубку съ голубкомъ». Въ русскихъ нравахъ, возможность допущенія хорошихъ дружескихъ отношеній между мужемъ пожилымъ, «въ порѣ» какъ говорили, и женою молодой, годившейся ему въ дочери, — была даже чуть не аксіомою. Наоборотъ, представлялись опасенія за невозможность установить домашніе лады при ровныхъ годахъ мужа и жены, соединяемыхъ въ пору развѣта жизни. Жизненная весна, какъ и весна астрономическая при равенствѣ — пора по преимуществу буръ и волненій! А когда волненія уже сколько нибудь улягутся, порывистый характеръ уходится наступить пора затишья, тогда у жены, хотя и молодой, съ супругомъ, исконнымъ въ опытахъ жизни, начнется житье-бытье любовное: все миръ, да гладъ, да божья благодать, безъ поперечки, безъ задоринки.

Допустимъ же такой исходъ соединенія «на миръ, да на радость» — нашихъ новобрачныхъ и перескажемъ на потѣху (если не въ назиданіе) любовнательныхъ потомковъ «свадебный чинъ» у предковъ, доводящій ко благовременному концу выполненіе заповѣди «не добро бити челоуку единому».

Начало полагали этому благому достоуважаемому дѣлу, конечно, *свахи* занимавшіяся сватаньемъ какъ промисломъ и средствомъ къ существованію. Мать жениха призвала къ себѣ подобную специалистку и начинала съ нею конференцію о пріятной партіи сыну. Специалистка, отлично знавшая клиентку «милостивицу» — мамушекъ со всего окологда, развертывала столбецъ (если была грамотная) и начинала читать перечень невѣстъ, согласно видамъ прігласительницы. У матерей же болѣе обычнымъ дѣломъ былъ запросъ о количествѣ приданаго, раз-

мѣръ котораго прежде всего выставлялся опытною строительницею свадебнаго чина. Естественное дѣло съ ея стороны ставить во главѣ перечневаго столбца запоздалыхъ невѣсть съ богатымъ приданымъ, какъ залежалый товаръ, сулившій ей самой большіе барыши. На перечень перечня вопросъ о выборѣ для сдѣланія предложенія, черезъ сваху покуда, и рѣшался родительницею кандидата въ женихи. Она сообщала свое рѣшеніе сожителю—и тотъ, чаще всего давая согласіе на «опытъ», назначалъ свахѣ приступить. Являлась специалистка въ условленный домъ и, подъ рукою, на половину загадками, съ неизбѣжными недоумками, начинала съ похвалы родителей своего кандидата. Отвѣты ей дѣлались по соответственной тактикѣ, заявленіемъ яко бы нежеланія и первшности еще приступить къ отдачѣ любимаго дѣтища.

Что это одна форма не болѣе—знала очень хорошо предлагательница, и, во имя той же формы, разсрочивала свои предложенія на нѣсколько сезоновъ, количество которыхъ зависѣло отъ значенія въ обществѣ родителей невѣсты, при равныхъ условіяхъ и степени почета родни жениховой. Въ противномъ случаѣ, отказъ съ перваго раза былъ настолько рѣшительный, что и самая отважная склейщица брачныхъ дѣлъ не считала возможнымъ повторить предложеніе, не замѣнивъ предложеннаго кандидата другимъ уже. Взаимные дипломатическіе пересылки двухъ сторонъ, ищущихъ соединенія, длились до заключенія прелиминарныхъ статей на *ловоръ*.

Сговоръ въ назначенный родителями невѣсты день происходилъ уже, какъ създѣ дипломатовъ,—явно. Отецъ и мать вели своего жениха въ домъ предполагаемаго тестя и тамъ начинали совѣщанія о приданомъ: сколько чего и въ какую цѣну дать отцу за невѣстой? Условившись, писали такъ-называемую *рядную* запись съ *неустойкою въ пользу жениха*, если отецъ невѣсты ему отказывалъ или замедлялъ свадьбу, срокъ совершенія которой обозначался въ документѣ. Въ *рядной* и количество всего писалось болѣе, съ тѣмъ чтобы тесть видѣлъ невыгоду для себя, доводя дѣло до судебного разбирательства.

Задавшись мыслью представить старинный порядокъ заключенія брака вполне своимъ читателямъ, мы позволяемъ себѣ представить и содержаніе *рядной*, какъ основнаго юридическаго документа брачнаго иска.

Вотъ его обычная форма;

«*Се азъ* такой-то (имя, отчество и фамилія родителя или другаго родственника невѣсты, выдающаго ее замужъ) *въ мысленемъ* такомъ-то (прописью обозначено число *вполнѣ*) году, въ такомъ-то *мѣсяцѣ* такого-то дня (опять прописью) *заворилъ я* (одно имя отца невѣсты) *дочь свою дѣвицу* (имя и отчество безъ фамиліи) *замужъ за* такого-то (имя, отчество и фамилія жениха). А благословляю я (имя отца невѣсты или другаго родственника—выдавателя *рядной*) *его зятя своего* (имя и отчество) и *дочь свою* (имя и отчество) *божнимъ милосердіемъ* (начинается описаніе *иконъ*, даваемыхъ за невѣстою—до конца). *Да приданаго* (опять перечень начиная съ вещей изъ благородныхъ металловъ (кузни) составляющихъ наряды невѣсты). *И всего того вышесаннаго приданаго кузни и платья на* столько-то (прописью) *рублевъ, да людей* (перечень *иминной* по семьямъ); *и на нихъ дать мнѣ* (имя давателя *рядной*) *ему зятю своему* (имя и отчество) *крѣпость съ подлинною очисткою въ мысленемъ* (счетъ го-

да прописью) *году* (съ мѣсяцемъ и числомъ прописью). *Да я жъ* (имя давателя) *даю въ приданое за дочью своего ему зятю своему* (имя и отчество) *въ такомъ-то уѣздѣ* (перечень земельныхъ угодьей) *по писцовой книшѣ. И дать мнѣ* (имя давателя) *ему зятю своему* (имя и отчество), *о справкѣ той* (или тѣхъ пустошей и деревень), *челобитная за рукою, и къ допросу и въ помѣстный приказъ мнѣ* (имя давателя *рядной*) *стать на срокъ* (обыкновенно за мѣсяцъ до свадебнаго дня) *и къ допросу руку приложити и у допроса ничѣмъ не спорити, и выдать мнѣ* (имя давателя *рядной*) *дочь свою* (или родственницу, имя ея и отчество) *за него* (имя и отчество жениха) *замужъ на срокъ* (прописью годъ, мѣсяцъ и число дня свадьбы). *А будетъ я* (имя и отчество давателя *рядной*) *дочь* (или такую-то родственницу) *свою* (имя и отчество) *за него* (имя и отчество жениха) *на вышесанной срокъ замужъ не выдамъ, или чего не дамъ* (перечень условій приданаго) *или къ допросу въ помѣстный приказъ не стану на тѣ сроки, которые писаны въ сей записи выше сего, или противъ сей записи, хотя въ маломъ въ чемъ не устою, и на мнѣ взять* (имя давателя *рядной*) *ему* (имя жениха съ отчествомъ и фамиліею) *по сей записи за всякую неустойку по* (условленному числу) *рублевъ. А у сей рядной записи сидѣли* (имена, отчества, званія и фамиліи двухъ свидѣтелей); *а рядную запись писалъ* (прозваніе и мѣсто служенія писавшаго подъячаго). *Годъ, мѣсяцъ и число. Подписи давателя рядной и свидѣтелей*

Закрѣпивъ этимъ документомъ выдачу невѣсты какъ товара въ срокъ, будущіе родные *здоровались*, т. е. говрили другу другу привѣтствія. При этомъ, подавали отцы жениха и невѣсты другъ другу руки въ знакъ твердости условія, ихъ «роэнимали» свидѣтели. «И тесть зятя благословляетъ образомъ, да подаритъ отлаसेцъ или дороги (т. е. шелковую или шерстяную ма терію кускомъ) или лукъ (оружіе); да потомъ ходитъ къ тещѣ и теща спрашиваетъ о здоровьѣ и дѣлуются съ ширинкою (т. е. держа полотенца въ рукахъ, которыми предварительно утрутъ губы) и невѣста съ свекромъ дѣлуются съ ширинкою; а въ нихъ и женихъ невѣсту дѣлуетъ,»—пишется въ свадебныхъ чинахъ.

Вотъ сколько было церемоній!

И всё они въ сущности придуманы для одной торжественности перваго свиданія жениха и невѣсты—послѣ уже окончанія дѣла съ неустойкою въ случаѣ отступа купца отъ товара. Нужно ли прибавлять, что даже увидѣвшись теперь, не всегда имѣли возможность обмѣняться словами, а еще рѣже—какъ мы можемъ судить по оговоркѣ,—поцѣлуемъ! При этомъ, какъ видно изъ возникавшихъ дѣлъ, бывали также и *ома ды*—вмѣсто безобразной невѣсты—подставнаго лица. Узнаніе же во время о подобной безсостной продажѣ возбуждало встрѣчный искъ обиженной и обманутой стороны, только въ случаѣ несомнѣнныхъ уликъ усиленной стріати съ шеи тягостнаго письменнаго условія—такъ безцеремонно профанируемой идеи пожизненной связи чуть не съ чудовищемъ-невѣстой.

Могло ли быть, еще разъ повторимъ, допущено не въ видѣ развѣ исключенія,—при такихъ нечеловѣчныхъ порядкахъ (разумѣется введшихъ въ обычай въ темные вѣка татарщины), установленіе между женою и мужемъ другихъ отношеній, болѣе сердечныхъ, кромѣ исполненія тяжелаго долга и подчиненія ему, невольнаго, въ силу права?

РАЗУМНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

Физическое воспитаніе.

V. *)

Чтобы покончить съ физическимъ воспитаніемъ малолѣтнихъ дѣтей, намъ еще остается говорить о развитіи *рѣчи*.

Органами рѣчи у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, служатъ: 1) *гортань*, представляющая собою совершенное подобіе духоваго инструмента, гдѣ звуки производятся колебательнымъ движеніемъ упругихъ пластинокъ, которыя здѣсь замѣняются мясистыми упругими перепонками, такъ-называемыми голосовыми струнами; 2) *легкія*—два большихъ мѣшка, наполненные воздухомъ, которые могутъ быть сравниваемы съ мѣхами, служащими для выдуванія воздуха въ волынкахъ; наконецъ 3) *полость рта*, играющая роль отражателя звука, такъ называемаго резонатора. Только при нормальномъ устройствѣ этихъ органовъ дѣлается возможнымъ правильное развитіе рѣчи. При врожденныхъ же недостаткахъ въ устройствѣ голосоваго аппарата являється несовершенство въ рѣчи, какъ-то: гнусливость, картавленіе, шепелявость, заиканіе и проч.

*) *Нива* №№ 26, 36, 50.

Что касается исторіи развитія рѣчи, то въ ней различаютъ три періода: Первый періодъ начинается чуть ли не съ рожденія—и состоитъ въ томъ, что ребенокъ, подъ вліяніемъ какаго нибудь внѣшняго или внутренняго раздраженія, испускаетъ разнообразныя звуки, не имѣющіе однако опредѣленнаго характера; это скорѣе можно назвать крикомъ, чѣмъ рѣчью. Второй періодъ состоитъ въ томъ, что ребенокъ начинаетъ подражать звукамъ, которые онъ слышитъ отъ взрослыхъ, но при этомъ онъ не понимаетъ смысла произносимыхъ имъ словъ, это вѣчто вродѣ рѣчи поугая. Наконецъ, третій періодъ—періодъ сознательной рѣчи, когда ребенокъ связываетъ съ извѣстными словами понятія о предметахъ ими обозначенныхъ и когда онъ выражается уже не отдѣльными словами, а связными, хотя и короткими, предложеніями. Это уже скорѣе похоже на разговоръ, нежели на лепетъ. Первый періодъ продолжается обыкновенно около 1/2 года, второй до 1 1/2 лѣтъ, а на 3-емъ году рѣчь нормально развитаго ребенка уже очень близко подходитъ къ рѣчи взрослого. Само собою разумѣется, что изъ этого

общаго правила есть множество исключеній; такъ, есть дѣти, которыя начинаютъ говорить раньше приведеннаго срока; такія дѣти обыкновенно раньше и развиваются физически и умственно. Затѣмъ, еще больше таковыхъ дѣтей, которыя поздно выучиваются говорить. Такое замедленіе въ развитіи рѣчи можетъ обуславливаться:

а) причинами чисто *анатомо-физиологическими*, т. е. врожденнымъ недостаткомъ въ устройствѣ звукопроизводящихъ органовъ.—Объ этихъ причинахъ мы здѣсь не будемъ говорить, такъ какъ это требуетъ спеціальнаго изложенія анатоміи и физиологіи упомянутыхъ органовъ, что не входитъ въ планъ нашихъ статей. Мы здѣсь укажемъ только на тѣ

б) причины замедленнаго и неправильнаго развитія рѣчи у дѣтей, которыя (причины) зависятъ отъ условій *воспитанія* и которыя слѣдовательно могутъ быть устранены при доброй волѣ на то родителей. А насколько запоздалая и неправильная рѣчь вредно вліяетъ какъ на характеръ, такъ и на умственное развитіе дѣтей,—видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Чета новобрачныхъ на прогуль. (Быть въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ). Рис. Медвѣдевъ, грав. Сташковскій.

Ребенок научается говорить от окружающих его взрослых людей. Слыша их разговор, ребенок, в силу собственного ему раздражительного инстинкта, начинает произносить такие же звуки, но отчасти вследствие не привычки, больше же вследствие запутанности разговора взрослых, он схватывает только отдельные звуки, наиболее поражающие его слух, и произносит только те, которые ему легче даются. Отсюда и происходит односложный лепет детей первого возраста, в род: мама, нана, ля-ля, няя и проч.¹⁾ Изъ этого следует, что для того, чтобы научить ребенка верно подражать звукам взрослых, последние должны говорить съ нимъ ясно и отчетливо и притомъ часто повторять съ нимъ одни и тѣ же звуки. Само собою разумеется, что количество звуковъ должно быть не велико, иначе ребенку трудно будетъ ихъ запомнить; кромѣ того, звуки должны быть по возможности просты и удобопроизносимы, — иначе у ребенка, отъ неумѣнья ихъ подражать и коверканья ихъ, на нервахъ же порахъ испортится произношеніе. До какой степени манера говорить, интонація, способъ выраженія запечатлѣваются въ мозгу ребенка и вліяютъ на характеръ его рѣчи уже тогда, когда онъ дѣлается взрослымъ человекомъ, — видно изъ того, что существуютъ цѣлыя семейства, отличающіяся типичнымъ и однообразнымъ говоромъ²⁾. Весьма дурно поступаютъ родители — а такихъ много — позволяя себѣ и другимъ взрослымъ говорить съ дѣтми лениво, картаво и разнообразно, что весьма несправно, коверкая простую человеческую рѣчь. Они воображаютъ, что доставляютъ дѣтямъ удовольствіе, учась у нихъ говорить, вмѣсто того чтобы учить ихъ. Это ведетъ только къ тому, что дѣти привыкаютъ къ такой безобразной рѣчи и потому долго не могутъ разстаться съ нею, не смотря на надобность имъ постоянныя поправки взрослыхъ. Къ чему, спрашивается, прививать дѣтямъ съ молодости такія привычки, отъ которыхъ придется потомъ ихъ отучать и притомъ не всегда съ успѣхомъ? Не лучше ли, не разумѣе ли, съ самаго начала приучить дѣтей къ правильному и ясному выраженію своихъ желаній и мыслей? Вѣдь это избавить, съ одной стороны, взрослыхъ отъ дѣтскихъ капризовъ, причиною которыхъ весьма часто бываетъ непониманіе требованій, подчасъ основательныхъ, но выражаемыхъ на варварскомъ нарѣчьи, которому ихъ научили. Съ другой стороны — и сами дѣти избавятся отъ напрасныхъ огорченій, испытываемыхъ ими вследствие неумѣнья ясно выразить свои желанія; это также избавитъ ихъ отъ несприятностей, которыя испытываютъ дѣти позднѣе, въ школѣ, когда товарищи пасмѣхаются надъ коспозычиемъ. Устрапая же моменты, причиняющіе дѣтямъ незаслуженныя огорченія — вещь необходимая, если хотѣть, чтобы характеръ ихъ не сдѣлался раздражительнымъ, злобнымъ и грубымъ. Наконецъ, частыя огорченія вліяютъ также вредно и на физическое здоровье дѣтей.

Выше мы упоминали о вліяніи позднего развитія рѣчи на развитіе умственныхъ способностей у ребенка. Это вліяніе такого рода, что чѣмъ позже дитя научается говорить, тѣмъ слабѣе оно развито умственно. Для того, чтобы указанную связь между рѣчью и умственнымъ развитіемъ сдѣлать ясною, я приведу примѣръ, изъ котораго можно будетъ, путемъ сравненія, убѣдиться въ послѣдовательности этой связи. Въ примѣръ возьму взрослого, но онъ будетъ представленъ въ положеніе дитяти. Представьте

себѣ, что вы родились, выросли и воспитывались въ Петербургѣ и вамъ ни разу въ теченіе вашей юности не приходилось прожить въ деревнѣ; допустимъ еще, что вы и не читали такихъ книгъ, гдѣ изображается деревенская жизнь: вы тогда не имѣете, слѣдовательно, понятія ни о ея природѣ, ни о характерѣ деревенскихъ жителей. Допустимъ же теперь, что вамъ по какимъ либо обстоятельствамъ пришлось вдругъ переселиться въ деревню и, для большей наглядности приводимаго нами примѣра, допустимъ еще, что эта деревня находится въ Малороссіи. Въ какомъ вы будете тогда положеніи? — Вамъ придется встрѣчаться почти на каждомъ шагѣ съ предметами, которыхъ вы никогда не видѣли; вамъ придется видѣть нравы и обычаи, которыхъ вы нигдѣ у себя дома не наблюдали; наконецъ, вамъ придется сталкиваться съ людьми, взгляды и убѣжденія которыхъ совсѣмъ не тѣ, какіе имѣете вы и ваши сородичи. Какое же будетъ ваше положеніе тогда? — Оно будетъ такое же, какъ положеніе младенца, появившагося въ незнакомую для него сферу, гдѣ все — и предметы и люди — для него непонятны; а между тѣмъ ему, какъ и вамъ, приходится жить въ этой сферѣ — и оба вы должны, слѣдовательно, познакомиться съ нею. Но ни вы, ни ребенокъ не будете въ состояніи познакомиться съ окружающею васъ средою до тѣхъ поръ, пока вамъ не объяснятъ смысла и значенія каждой вещи, для васъ чуждой. А какъ же вы будете понимать то, что вамъ объясняютъ, когда вы не научились языку, которымъ говоритъ вашъ руководитель? — Ясно, слѣдовательно, что пониманіе окружающихъ насъ явленій, или то, что называють умственнымъ развитіемъ, тѣсно связано съ знаніемъ языка и что чѣмъ медленнѣе и несовершеннѣе будетъ усвоенъ послѣдній, тѣмъ меньше будетъ кругъ понятій человека, — все равно: взрослый онъ или ребенокъ. Примѣръ того, какъ слабо развитая рѣчь совпадаетъ съ ограниченностію ума, можно видѣть на идіотахъ.

Для тѣхъ, кто не убѣдился нашимъ примѣромъ, приведемъ еще объясненіе, взятое нами изъ «Практическихъ замѣтокъ», которыхъ мы вообще придерживались и въ прежнихъ нашихъ статьяхъ³⁾.

Мы хорошо по опыту знаемъ, что мы лучше запоминаемъ то, что мы сами произносимъ, нежели то, что намъ другіе говорятъ, или что мы даже сами читаемъ. На этомъ основано искусство зубренія наизусть. Школьники ученики, обреченные на ученіе уроковъ наизусть, непрестанно читаютъ ихъ вслухъ, что надзираемъ многочисленнаго класса очень несприятно, но увѣщаній ихъ учить про себя, а не въ слухъ, рѣдко помогаютъ. Это естественный законъ природы. Предметъ, знакомый намъ не съ одной какой нибудь стороны, а всесторонне, — глубже запечатлѣвается въ нашей памяти. По этому, если дитя видитъ предметъ, слышитъ, какъ его обозначаютъ, и само произноситъ слышаемое имъ названіе, оно никогда его не забудетъ. При всѣхъ этихъ трехъ условіяхъ, дитя можетъ ознакомиться съ очень многими, доступными ему предметами. То же самое относится и къ признакамъ предметовъ. Вы говорите дитяти: стоить круглый, или: платье красное, или: два яблока (зѣчь-лѣтнему ребенку). Положимъ, дитя это не умѣетъ говорить; оно понимаетъ, о чемъ рѣчь идетъ, — оно пожалуй понимаетъ смутно, что значить *круглый, красный, два*, но понимаетъ это только касательно названныхъ предметовъ, и оно не получаетъ понятія вообще о *круглостѣ, о красностѣ, о двухъ*, какъ о признакѣ, который можетъ быть присутствующимъ разнымъ предметомъ. Это понятіе отвлеченное — дитя можетъ получить только

тогда, когда, увидя круглую вещь, оно само назоветъ ее круглою и получитъ отъ взрослого подтвержденіе, что это действительно такъ. Провѣривъ раздѣла такимъ образомъ свое знаніе, дѣти уже безошибочно приписываютъ даже незнакомымъ, въ первый разъ видимымъ предметамъ, — извѣстныя имъ свойства. А значительный шагъ въ умственномъ развитіи — это первое отвлеченіе мысли. Этого-то преимуществу лишены дѣти, долго не говорящія. И прошу замѣтить, что я говорю здѣсь только о неговорящихъ маленькихъ дѣтяхъ. Взрослые нѣмые, разумеется, умѣютъ мыслить отвлеченно, чему ихъ поучаетъ частый, непрерывный опытъ и наблюденіе.

Словомъ, мало того, что ребенокъ видитъ предметы его окружающіе, — ему нужно еще слышать ихъ названія и признаки, иначе онъ не составитъ себѣ яснаго обихъ этихъ понятій. Поэтому, если вы замѣчаете, что ребенокъ вашъ обратилъ свой взоръ на какой нибудь предметъ, тотчасъ назовите этотъ предметъ его настоящимъ именемъ и обозначьте наиболѣе рѣзкіе его признаки. Если, напримеръ, вашъ ребенокъ засмотрѣлся на лошадь — скажите ему: это *лошадь бѣлая*; на кошку — *это кошка, положимъ, черная*; на розу — *роза красная* и т. д. Подобныя бесѣды съ ребенкомъ о предметахъ, не потерявшихъ еще для него всей прелести новизны, будутъ для него лучшими уроками нагляднаго обученія, чѣмъ какіе ему впоследствии можетъ быть придется выслушивать въ школѣ, когда предметы успѣютъ достаточно намозолить глаза и надоесть. Это испытываютъ на себѣ взрослые, что все новое ихъ интересуетъ болѣе и не такъ скоро имъ прѣдается какъ старое. Важно поэтому пользоваться дорогими случаями, котораго потомъ уже не воротить, Русская поговорка: «куй желѣзо пока горячо» здѣсь какъ нельзя болѣе приложима.

До такой степени у ребенка со словомъ, иногда обозначающимъ одинъ только признакъ, часто соединяется представленіе о самомъ предметѣ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ «Практическихъ замѣтокъ». Полтора-годовалый ребенокъ часто видѣлъ въ кухнѣ, какъ бульонъ закипалъ на плитѣ, выливался на песокъ и производилъ трескъ; слыша шумъ, происходящій вовсе не отъ кипѣнія бульона, онъ говорилъ — бульонъ. Или, онъ видѣлъ, что дрова приносятъ, кладутъ въ печь и зажигаютъ, и онъ, находясь въ сосѣдней комнатѣ и услышавъ только стукъ отъ повалившихся дровъ, говорилъ: огонекъ, дрова. Еще примѣръ: 1½ годичному ребенку показали картинку, на которой была нарисована сова, — и онъ, посмотрѣвъ на нее, произнесъ имя одной знакомой особы, у которой глаза действительно имѣли сходство съ совиными. Или ребенокъ тащитъ платокъ по полу и говоритъ — *теляжка*; ѣздитъ верхомъ на палкѣ и говоритъ — *лошадь* и т. и. Такихъ примѣровъ можно бы привести еще множество, но не къ чему, такъ какъ ихъ достаточно въ каждой семьѣ, гдѣ только есть маленькія дѣти.

Въ виду такой тѣсной связи между рѣчью ребенка и его представленіями о предметахъ, его окружающихъ, а равно въ виду наклонности его быстро обобщать и составлять сужденіе о вещи по одному какому нибудь ея признаку, — необходимо, при обученіи ребенка говору, называть ему только самые существенныя признаки, дабы его представленіе о предметѣ было основательное. Многословная белоглава тамъ, гдѣ можно ограничиться двумя-тремя словами, только запутываетъ ребенка и не даетъ понятія о видимыхъ вещахъ. Нужно по этому говорить съ ребенкомъ коротко, ясно и отчетливо, заставляя его повторять ваши слова такъ же разборчиво. Поступая такимъ образомъ, вы въ сравнительно короткій срокъ достигнете съ вашимъ ребенкомъ значительныхъ успѣховъ. Въ противномъ же случаѣ только вы

¹⁾ Замѣчательно, что языкъ дикихъ народовъ, которые по своей умственной неразвитости приближаются къ дѣтямъ, состоитъ болѣею частью изъ односложныхъ словъ, весьма напоминающихъ собою дѣтскій лепетъ. Объ этомъ говоритъ профессоръ Менчикова въ одной изъ своихъ статей.

²⁾ Причина такого типичнаго говора часто лежитъ въ наследственныхъ порокахъ въ устройствѣ органовъ рѣчи, но отчасти тутъ играетъ роль и способъ, какимъ говорятъ съ ребенкомъ.

³⁾ Причина, по которой мы выбрали въ руководство именно этотъ сборникъ, а не какое нибудь другое педагогическое сочиненіе, была нами уже указана въ предисловіи къ первой статьѣ (Нива № 26).

ему и онъ вамъ сдѣлаетесь другъ другу въ тягость.

Въ заключеніе представимъ образецъ рѣчи ребенка во второмъ и третьемъ періодѣ ея развитія, помѣщенный въ упомянутомъ нами сборникѣ. Изъ этого образца сдѣлается еще болѣе нагляднымъ, что между развитіемъ рѣчи и ума (въ смыслѣ познаний) существуетъ неразрывная связь. Ребенку былъ годъ и четыре мѣсяца, когда онъ впервые началъ произносить слѣдующія слова: тятя (Яша), маля (Маша), тѣбъ (хлѣбъ), толи (соли), титя (свѣча), ники (сички), ко (кофе), гого (горячо), коо (холодно), мий (мылый), таки (глазки), по (ножки), авав (собака), апай (уналь), огонь, дядя, тетя и проч.

Мы взяли изъ дѣтскаго лексикона только характерныя слова, изъ которыхъ можно заключить, что въ означенномъ періодѣ ребенка, во первыхъ, употребляетъ преимущественно имена существительныя; во вторыхъ, въ сложныхъ словахъ произносилъ

только самыя легкіе и рѣзкіе звуки (иногда одно только начало, на примѣръ, *мо* вмѣсто *пожжи*), легкія же слова, какъ *дядя*, *тетя* и даже *огонь*, произносилъ цѣликомъ; наконецъ, въ третьихъ, что онъ по одному признаку лаю (*ав-ав*) составилъ себѣ понятіе о собакахъ.

Черезъ два мѣсяца прибавились слѣдующія новыя слова, *глаломы*: обѣдать, зять (взять), конгя (колится), купаться, пать (спать), чить, могу (не могу), стань (встань), пути (пусты); *Мыстоимыи*: менѣ. Прибавились новыя существительныя: каачъ (качалъ), дуки (руки), гонядинка (говядина), мохокомъ (съ молокомъ), буйошь (бульонъ).

Тутъ видно, что нѣкоторые слова дитя говорило въ уменьшительномъ видѣ. Конечно, слѣдуетъ оберегаться говорить съ ребенкомъ въ уменьшительномъ видѣ, ибо это затрудняетъ произношеніе словъ; но иногда это дѣлается совершенно невольно со стороны взрослого, и уменьшеніе при названіи нѣкоторыхъ предметовъ, а не во всѣхъ

рѣшительно, какъ это иногда случается, особенно повредить не можетъ.

Когда ребенку было годъ и семь мѣсяцевъ, онъ уже говорилъ короткими предложениями, на примѣръ: *Адя утіоля* (Адя ушла). Это самое простое предложеніе, состоящее только изъ подлежащаго и сказуемаго. Сложнѣе оно и быть не могло, такъ какъ нормально развивающійся ребенокъ—а этого ребенка не развивали *насилъно*, какъ это къ сожалѣнію, часто дѣлается,—начинаетъ употреблять т. наз. «служебныя» части рѣчи, каковы предлоги, союзы и проч. гораздо позже этого срока, на 3-мъ году.

Этотъ естественный способъ изученія ребенкомъ грамматики, по своей основательности, самой лучшей, а потому и не слѣдуетъ торопиться съ примѣненіемъ *искусственнаго*.

Этимъ мы кончаемъ статьи о физическомъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей; въ будущемъ году надѣемся представить читателямъ «Нивы» рядъ статей о воспитаніи нравственномъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Собственныя корреспонденціи «Нивы»)

Парижъ 1874 г. 7го Декабря.

Посланіе маршала-президента, прочитанное въ засѣданіи 4-го декабря первымъ министромъ г. де-Сиссе, не измѣнило положеніе дѣлъ и не удовлетворило ни одну партію.

Все что мы сказали въ предыдущемъ обозрѣніи о взаимныхъ отношеніяхъ политическихъ группъ Національнаго Собранія и о положеніи каждой изъ нихъ въ случаѣ желанія образовать за собой большинство, — вполне подтвердилось тѣмъ фактомъ, что пресловутое сліяніе центровъ не удалось, и что правительственное большинство 24 мая почти распалось, такъ какъ легитимисты, *chevan-legers*, отказались потрѣбъ вотировать конституціонныя законы.

Сентенатъ нисколько неудовлетворяетъ, исключая орлеанистовъ; а между тѣмъ, въ случаѣ рѣшительнаго отказа Собранія дать этому учрежденію законную организацію, оно *ipso facto* должно превратиться въ диктатуру, отъ которой будетъ трудно избавиться, потому что теперешнее Собрание крайне непопулярно во Франціи. Намъ кажется, что еслибы его постигла даже участь Національнаго Собранія 1852 года, то за него также никто бы не вступился. Страна видитъ его безсиліе учредить прочное и популярное правительство, и не признаетъ за нимъ учредительнаго права въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Самъ маршалъ президентъ потерялъ повидному надежду на организацію Сентената и упоминаетъ въ своемъ посланіи какъ бы вскользь о томъ, что Собрание дало обѣщаніе облечь въ законныя формы его семилѣтнія полномочія. Въ засѣданіи 9 іюля этого года онъ настоятельно просилъ палату вотировать конституціонныя законы, говоря что это единственный способъ успокоить страну и возратить ей благосостояніе нарушенное войной и революціей; теперь ему все равно: «Я надѣюсь, говоритъ онъ въ послѣднемъ посланіи,—что во время преній о конституціонныхъ законахъ согласіе установится между вами.» — и ничего больше о необходимости организаціи Сентената. Маршалъ надѣется, что согласіе установится, — прекрасно; а если нѣтъ?

На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ посланія: «20-го ноября 1873 года, вы вручили мнѣ исполнительную власть на семь лѣтъ—въ интересъ мира, порядка и общественной безопасности. На этомъ-же самомъ основаніи, я считаю своимъ долгомъ не покидать высокаго поста, на которой вы меня поставили, и занимать *ею до послѣдняго дня* съ непоколебимой энергіей и сохраняя уваженіе къ законамъ». Легитимисты остались очень недовольны слѣдующей фразой посланія: «Я принялъ семилѣтнюю власть не съ цѣлью покровительствовать политическимъ стремленіямъ какой бы то ни было партіи: я преслѣдую только цѣль охраненія общественнаго порядка и возрожденія страны». Словомъ, г. Макъ-Маговъ находитъ себя крайне необходимымъ для блага Франціи въ теченіи семи лѣтъ, и такого рода убѣжденіе не имѣетъ, конечно, ничего предосудительнаго; недоразумѣніе, касательно столь формально выраженнаго желанія остаться еще на шесть лѣтъ, можетъ явиться только при слѣдующей гипотезѣ: если Національному Собранію заблагоразсудится учредить монархію или республику раньше 1880 года, тогда что же будетъ? Или далѣе: если собраніе добровольно разоидется, и Франція путемъ всеобщей подачи голосовъ избереетъ палату съ республиканскимъ большинствомъ, а за тѣмъ и президента республики,—чьи полномочія будутъ законы? президента ли избраннаго бывшимъ собраніемъ безъ всякаго участія страны, или того кто избранъ 8-ю милліонами избирателей? И наконецъ: въ случаѣ революціоннаго движенія въ странѣ, которая видимо утом-

лена безгранично-неопредѣленнымъ положеніемъ, на чью сторону станетъ президентъ выбранный палатой, *если народное движеніе не коснется* того высокаго поста, на который поставили его *монархисты* 20 ноября 1873 года? Въ заключеніе, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ газеткою *Times*, что изъ всего посланія президента республики ясно только то, что онъ не желаетъ уступить своего мѣста никому рачьше шести лѣтъ.

Засѣданія Національнаго собранія открылись три ведѣли тому назадъ, и изъ 18 засѣданій только одно было интересно. Г. депутаты собираются только для проформы, и, потолковавши минутъ 20-30, обратно уѣзжаютъ въ Парижъ. Бурныя засѣданія начнутся въ январѣ, когда будутъ происходить пренія о конституціонныхъ законахъ; теперь—все тихо, но это штиль передъ бурей. Единственное засѣданіе, возбуждавшее интересъ, было по поводу закона о свободѣ высшаго преподаванія; говорили по этому предмету два оратора принадлежащіе къ двумъ наиболѣе враждебнымъ партіямъ, — г. Шальмель-Лякуръ и монсеньюръ Дюпанлу. Проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія, внесенный покойнымъ графомъ Жоберомъ, состоитъ въ томъ, что ученые лица и корпораціи а также духовенство могутъ открывать высшія учебныя заведенія. Г. Шальмель-Лякуръ въ своей блестящей рѣчи старался доказать, что при существованіи стѣснительныхъ законовъ касательно частныхъ ученыхъ обществъ и корпорацій, всѣми выгодами предлагаемаго закона воспользуется только одно духовенство. Высшія учебныя заведенія, говорилъ ораторъ, будутъ разсадниками клерикализма, такъ какъ пропаганда въ духѣ Силлабуса займетъ первое мѣсто, въ ущербъ интересамъ науки. При существованіи католическихъ университетовъ, антагонизмъ и вражда между духовными и свѣтскими разсадниками просвѣщенія достигнетъ такихъ размѣровъ, что общественное спокойствіе легко можетъ быть нарушено. Затѣмъ ораторъ указалъ Собранію, что во всѣхъ государствахъ Европы университетское преподаваніе находится въ рукахъ свѣтскихъ лицъ; только богословскія науки и сопридѣльныя съ ними науки нравственныя—преподаютъ духовными лицами въ спеціальныхъ для того академіяхъ и семинаріяхъ. Я не отрицаю, сказалъ г. Шальмель-Лякуръ, что католическое духовенство имѣетъ удивительный даръ преподаванія, и что вышедшіе изъ католическихъ университетовъ медики, юристы и филологи будутъ имѣть большія познанія, — но въ этомъ то и заключается вся опасность, если принять во вниманіе, какою жаждою борьбы и преобладанія одержимо католическое духовенство. Франція 89 года, заключилъ ораторъ, выработала идею свѣтскаго государства, и было бы грустно и опасно воссоздать раздоръ и расшири въ настоящую эпоху, когда *есть* великія державы (Россія, Англія, Германія) остаются при системѣ свѣтскаго преподаванія точныхъ наукъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе заключительной части рѣчи г. Шальмель-Лякура, которая едва-ли не лучшая. Когда г. Шальмель-Лякуръ сошелъ съ трибуны, всѣ взоры устремились на епископа Орлеанскаго, который быстро направился къ трибунѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ не оставлять собраніе подъ впечатленіемъ рѣчи оратора крайней лѣвой. Мы лично давно знакомы съ ораторскими приѣмами ныкаго прелата: юдъ тому назадъ по поводу одного проекта о среднихъ заведеніяхъ мы слышали его нѣсколько разъ; два года тому назадъ мы были свидѣтелями его нападокъ на г. Жюля Симона, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія, по поводу проекта объ *instituteurs des écoles primaires*; наконецъ три года тому назадъ по вопросу о замищеніи кафедры нѣсколькими лицами не имѣвшими счастья ему понравиться, — во всѣхъ этихъ вопросахъ онъ выказывалъ большую нетерпимость, высокоуміе, и отличался способностью исказить смыслъ словъ

своего опонента; но въ этотъ разъ онъ превзошелъ себя. Нужно выработать особеннаго рода слогъ, чтобы передать читателямъ впечатлѣніе какое производить на слушателя рѣчи монсеньора д'Орлеанъ. Мы постараемся это сдѣлать настолько будетъ возможно. Взойдя на трибуну, среди абсолютной тишины, епископъ орлеанскій началъ слѣдующимъ образомъ: «Г. Шалемель-Лякуръ сдѣлалъ три ошибки; онъ ошибся во времени, въ мѣстѣ и въ предметѣ рѣчи. Теперь не 92 годъ, это не конвентъ, и вопросъ предлагаемый на обсужденіе не есть судъ надъ католическимъ духовенствомъ. Проектъ закона говоритъ о необходимости свободы высшаго образованія для всѣхъ безъ исключенія; пользуйтесь этой свободой сами и не оспаривайте ее у насъ. Конечно, правительство не будетъ контролировать систему преподаванія духовенства и воспротивится пропагандѣ разрушительныхъ теорій и материалистическихъ ученій въ частныхъ университетахъ. Отчего вы боитесь конкуренціи съ нами? Оттого, что вы знаете, что отцы семействъ предпочтутъ наши заведенія вашимъ, особенно если принять во вниманіе наши способности къ преподаванію, въ которыхъ не сомнѣваетесь даже и вы. «Дѣлая историческій очеркъ заслугъ католическаго духовенства на поприщѣ просвѣщенія, пылкій ораторъ доходитъ до такого чудовищнаго и огульнаго порицанія: духовенство-де цивилизовало Европу, революція 89 года а равно и всѣ псевдо-либеральныя системы свѣтскаго образованія въ другихъ странахъ уронили науку и понизили уровень общественной нравственности. По всей вѣроятности, это былъ намекъ на государство исповѣдующія лютеранскую вѣру, съ которой, какъ извѣстно, католицизмъ никакъ примириться не можетъ. Что же касается до принциповъ находящихся въ Силлабусѣ, то ораторъ находитъ, что они не противорѣчатъ наукѣ, что этотъ образчикъ Ватиканскаго глубокомыслия способствуетъ напротивъ ея развитію. Этотъ документъ не понимаютъ тѣ, которые говорятъ о немъ; существуетъ переводъ, говоритъ ораторъ, въ которомъ я усмотрѣлъ 76 ошибокъ на 36 страницахъ, а между тѣмъ онъ былъ сдѣланъ однимъ весьма ученымъ и либеральнымъ человѣкомъ. Весьма вѣроятно, что семинаристъ шестаго класса сдѣлалъ въ второе меньше промаховъ. Лучшій переводъ Силлабуса—мой, сказалъ ораторъ, появившійся лѣтъ 15 тому назадъ и имѣвшій до сихъ поръ 34 изданія.

Затѣмъ... что бы вы думали послѣдовало? Адрессъ издателя брошюрки г. Дюпанлу. Такъ таки прямо адрессъ издателя en pleine tribune.

Въ заключеніе своей длинной рѣчи ораторъ сказалъ: призовемъ на помощь всѣ живыя силы страны и да будутъ онъ свѣточемъ, который благословитъ Провидѣніе; онъ призываетъ къ новой жизни Францію послѣ всѣхъ бѣдствій ея постигшихъ.

Читатель видитъ, что подобный отвѣтъ есть отсутствіе всякаго отвѣта. Шалемель-Лякуръ совершенно справедливо сказалъ: правительства всѣхъ странъ въ видахъ общественнаго спокойствія стараются отстоять высшее образованіе отъ притязаній католическаго духовенства. Такъ было сначала въ Германіи по-

слѣ Лютера, затѣмъ въ Австріи, потомъ во Франціи и Италиі. Впослѣдствіи высшее образованіе перешло въ руки иезуитовъ, и всѣмъ извѣстно, что, не смотря на превосходное преподаваніе всѣхъ наукъ, иезуитскія коллегіи сдѣлались вскорѣ антипатичны всѣмъ народамъ безъ исключенія, и ученые патеры были официально изгнаны отовсюду. Отвѣчая вторично епископу Дюпанлу, г. Шалемель-Лякуръ указалъ на то, какимъ гоненіямъ подвергались ученые подобно Галилею, Копернику и др., и даже въ позднѣйшее время, со стороны католическаго духовенства, которое теперь величаетъ себя всемірными просвѣтителями. Затѣмъ онъ указалъ на официальный переводъ Силлабуса и спросилъ отличаетъ-ли духомъ терпимости тотъ документъ, который ставитъ всякое научное открытіе и всякую новую идею подъ *безапелляціонный* приговоръ *непогрѣшимато паны*. Епископъ Орлеанскій не возражалъ на эту вторую рѣчь; г. Лябулэ избавилъ его отъ этого труда. Небольшая рѣчь г. Лябулэ неприятно поразила всѣхъ, потому что въ качествѣ члена льваго центра смотрѣлъ на рѣшавшійся вопросъ съ точки зрѣнія г. Дюпанлу было какъ-то странно и неловко. Многіе полагаютъ, что г. Лябулэ рассчитываетъ быть министромъ просвѣщенія, и для перваго дебюта желалъ зарекомендовать себя передъ партией *de l'ordre moral*. Коротенькая рѣчь его почти вся резюмирована въ заключительныхъ словахъ: «свобода можетъ и должна быть одинаково выгодна для всѣхъ. Лучшее средство примирить духовенство съ идеями новаго времени состоятъ въ томъ, чтобы оно на практикѣ увидѣло, что свобода и терпимость не пустыя слова, и что новыя идеи не болтаются соперничества». И не особенно умно, и не краснорѣчиво, а главное—вовсе не убѣдительно. Г-ну Лябулэ рѣшительно не везетъ, ни въ роли докладчика комиссіи *тридцати*, какъ было въ прошломъ году, ни въ роли пособника и наперсника епископа Орлеанскаго. Вторичное чтеніе закона о свободѣ высшаго образованія будетъ въ понедѣльникъ 1/8 декабря. Въ преніяхъ примутъ участіе снова г-да Поль-Бергъ, Шалемель-Лякуръ, Бюссонъ и, говорятъ, г. Дюпанлу. Затѣмъ, на канунѣ Рождества, Собраніе разоидется до 10 января.

Почтенные законодатели, послѣ мѣсячной сессіи, очевидно устанутъ; это предположеніе становится еще вѣроятнѣе, если принять въ расчетъ, что въ теченіи истекшаго періода они уже работали сложный законъ о малолѣтнихъ акробатахъ и о морскихъ ипотекахъ—и то не вполнѣ. Будетъ-ли вотированъ послѣ третьяго чтенія законъ о высшемъ образованіи до праздниковъ—рѣшительно никому неизвѣстно. Во время сегодняшняго засѣданія намъ передали за достовѣрное, что пренія о конституціонныхъ законахъ отложены на *неопредѣленный срокъ*. И другіе законы, маломальски серьезные откладываются также на неопредѣленное время, то потому что докладъ не готовъ, то вслѣдствіе вновь поступившихъ *поправокъ (amendements)*. По всему видно, что Собраніе чувствуетъ свое безсиліе и тяготеетъ своею ролью, а разойтись не хочетъ. Какъ назвать подобное состояніе? Это рѣшительно агонія политическаго организма во всей ея безнадежности.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Съ этимъ номеромъ оканчивается 1874 или пятый годъ существованія „Нивы“. Первый номеръ будущаго года выйдетъ 1-го января 1875 года, почему и просимъ гг. подписчиковъ, не возобновившихъ еще подписки, послѣпить высылкой подписныхъ денегъ во избѣжаніе остановки въ полученіи первыхъ номеровъ.

Въ будущемъ 1875 году мы постараемся сдѣлать содержаніе нашего журнала еще богаче и разнообразнѣе нынѣшняго.

Въ портфель редкціи запасенъ громадный матеріалъ для помѣщенія въ 1875 году: РИСУНКИ археологическіе, историческіе, жанръ, типы народовъ Россіи, виды замѣчательныхъ мѣстностей и городовъ, литературный альбомъ русскихъ поэтовъ съ рисунками: Каразина, Медвѣдева, Маковского, Коверзнева, Тихомирова, Верещагина, Сверчкова, Панова и проч. и проч., гравированными первыми граверами Европы, каковы Паннемакеръ, Ротъ, Путцъ и др.

Относительно литературнаго состава, мы уже приобрѣли для „Нивы“ 1875 г. между прочимъ новыя произведенія Н. С. Лѣскова (Стебницкаго), А. Кобыяковой, В. П. Ключникова, Н. Н. Каразина („Двуногій Волкъ“, II часть), романы Фридрихса: „Кто выигралъ?“ и Вернера „Германъ“, повѣсти Марлитта, Гаклэндера и проч. Популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, Судебная хроника, Политическое обозрѣніе и Разныя извѣстія будутъ помѣщаться постоянно, какъ и въ прошлыя 5 лѣтъ.

Преміи уже заготовляются и будутъ въ 1875 году еще богаче нынѣшняго.

Съ перваго январскаго номера въ „Нивѣ“ 1875 г. начнется печатаніемъ
НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ Н. С. ЛѢСКОВА-СТЕБНИЦКАГО.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

